

Собрание сочинений в десяти томах

2018

ДОРОГОЙ РАУЛЬ!

Даже ещё не будучи знаком с тобою, я с огромным удовольствием переводил твои романы, повести, рассказы, монографию академика Сергея Алиханова о твоём творчестве — так взволновали меня эти произведения.

Склоняю свою седую голову перед твоим талантом, знанием жизни страны, знанием тайн коридоров высшей власти. Отдаю дань твоим юридическим познаниям — ты единственный из писателей, на моей памяти, кто профессионально написал предисловие к книге одного из бывших Генеральных прокуроров России.

Ты один из немногих писателей нашей страны, кто удостоился издания «Избранного» в самом престижном издательстве «Художественная литература» — это высокое признание твоего таланта прозаика и романиста.

Тетралогия «Чёрная знать» — свидетельство твоего гражданского мужества, за неё ты заплатил здоровьем, инвалидностью, эмиграцией. В твоих книгах чувствуется истинный татарский характер, бойцовский дух.

Восхищаюсь твоим литературным мастерством построения многоплановых сюжетов, способностью кардинально менять тематику каждого большого и малого произведения. Твою прозу отличает незаемный стиль, свой неповторимый слог, своя ритмика, редкая музыкальность фразы.

Читая твои книги, заново открываешь время, в котором живёшь — столь широк, многогранен, неохватен твой талант, твой взгляд на мир. Я поражаюсь твоим оценкам этого времени, событий, людей — в них ярко отражена позиция писателя, не обходящего острые углы, для которого не существует неперикасаемых личностей и тем.

Здоровья, успехов, новых романов!

Сердечно обнимаю.

Марс Шабаев, лауреат премии Г. Тукая.

Рауль Мир-Найдаров

Том четвертый

За всё — наличными

роман

Мир-Хайдаров Р.М.

Литературно-художественное издание
Собрание сочинений в десяти томах
Том четвертый
За всё — наличными — 896с.
Казань «Идель-Пресс»

Первый роман тетралогии «Черная знать», «Пешие прогулки», вышел одновременно в Москве и Ташкенте — беспрецедентный случай в советской литературе.

Ташкентский тираж составлял 250 тысяч экземпляров. До этого роман был напечатан в журнале «Звезда Востока» тиражом 275 тысяч. В течение года, до выхода второго романа «Двойник китайского императора», «Пешие прогулки» издавались ещё трижды, преодолев тираж в два миллиона экземпляров. В том же году Рауль Мир-Хайдаров стал лауреатом премии МВД СССР. Тогда же за роман-бестселлер на автора было совершено тяжелое покушение. Он чудом остался жив, став инвалидом второй группы на всю жизнь. Выйдя из больницы, писатель вынужден был покинуть Ташкент, где прожил 30 лет, и уехать в Москву.

После издания «Пеших прогулок» каждый год у него выходил очередной роман, первые четыре книги составили знаменитую серию «Черная знать», чуть позже появится и пятый роман «За все — наличными», тематически примыкающий к «Черной знати». Все пять романов на сегодня переиздавались 73 раза тиражом более 7 миллионов. Романы продолжают издаваться и переводиться, по ним написаны пьесы, радиопостановки, сценарии, защищены десятки диссертаций.

Американская пресса в своё время назвала Мир-Хайдарова «исследователем мафии», а газета «Филадельфия инкуайер» прислала в Ташкент корреспондента Стива Голдстайна, который сделал интервью с писателем на целый газетный подвал. Эта публикация привлекла к автору внимание многих европейских газет, которым он позже давал интервью как специалист по русской мафии.

Экономисты считали его специалистом по теневой экономике, а спецслужбы — крупнейшим аналитиком, заглянувшим на десятилетия вперёд.

Бывший и.о. Генерального прокурора России, бывший прокурор Узбекистана Олег Гайданов в своей книге «На должности Керенского, в кабинете Сталина» сказал о Рауле Мир-Хайдарове: «... Ничего подобного я до сих пор не читал и не встречал писателя, более осведомленного в работе силовых структур, государственного аппарата, спецслужб, прокуратуры, суда и... криминального мира, чем автор тетралогии «Черная знать».

Творческая биография

МИР-ХАЙДАРОВ РАУЛЬ МИРСАИДОВИЧ — писатель, заслуженный деятель искусств (1999 г.), лауреат премии МВД СССР (1989 г.), родился 17 ноября 1941 года в поселке Мартук, Актюбинской области, в семье оренбургских татар. По образованию — инженер-строитель. 20 лет проработал в строительстве, и работа позволила ему изъездить страну вдоль и поперек. В молодые годы увлекался боксом, имел первый спортивный разряд. В партии никогда не состоял, большим начальником не был. В возрасте тридцати лет на спор с известным кинорежиссером написал рассказ «Полустанок Самсона», опубликованный в московском альманахе «Родники» и записанный на Всесоюзном радио. В 1975 году был участником VI Всесоюзного съезда молодых писателей, в одном семинаре с драматургом Ниной Садур.

В сорок лет оставляет строительство и становится профессиональным писателем. Он издал более сорока книг в главных издательствах СССР: «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Художественная литература».

Широкую известность писателю принесла серия «Черная знать», в которую входят тетралогия романов: «Пешие прогулки», «Двойник китайского императора», «Масть пиковая», «Судить буду я» и тематически примыкающий к ним роман «За всё — наличными». Книги из серии «Черная знать» имели по десять, пятнадцать, двадцать изданий каждая. Это остросюжетные политические романы с детективной

интригой, написанные на огромном фактическом материале. В них впервые в нашей истории дан анализ теневой экономики, впервые показана коррупция в самых верхних эшелонах власти, включая кремлевскую. Показано сращивание криминала со всеми ветвями государственной власти. Первый роман тетралогии — «Пешие прогулки» — вышел в 1988 году в «Молодой гвардии» с предисловием известного критика и редактора журнала «Континент» Игоря Виноградова. Роман на сегодняшний день выпущен 24 изданиями (из них 4 раза по 250 тысяч экземпляров) и продолжает издаваться. После выхода романа на автора было совершено покушение, и он чудом остался жив, проведя 28 дней в реанимации и долгие месяцы в больницах. Ныне писатель — инвалид второй группы.

Американская газета «Филадельфия инкуайер» прислала специального корреспондента Стива Голдстайна в связи с покушением на писателя и посвятила этому событию целую полосу под заголовком: «Исследователь мафии». Позже известный романист выступал во многих европейских газетах по проблемам преступности, давал интервью. Это о Р. Мир-Хайдарове сказал в своей книге «На должности Керенского в кабинете Сталина» бывший и.о. Генерального Прокурора России О.И. Гайданов: «Ничего подобного я до сих пор не читал и не встречал писателя, более осведомленного о работе силовых структур, государственного аппарата, спецслужб, прокуратуры, суда и... криминального мира, чем автор тетралогии «Черная знать».

После покушения и выхода новых романов жизнь в Ташкенте стала для него невозможной: постоянные угрозы и шантаж, угнали машину, рассыпали набор романа «Судить буду я», запретили постановку пьесы режиссера В. Гвоздкова, написанной драматургом В. Баграмовым по роману «Пешие прогулки». И Мир-Хайдаров иммигрирует в Россию. Уже в Москве дописывается последняя книга тетралогии «Судить буду я», написан пронзительно грустный ретро-роман о жизни, о любви — «Ранняя печаль». В 1997 г. вышел роман о российской мафии, о жизни «новых русских», о крупных аферах в России — «За все — наличными», автобиографическая повесть «Мартук — пристань души моей» и мемуары «Вот и всё... я пишу вам с вокзала».

В молодые годы известный романист страстно увлекался футболом, дружил со знаменитыми футболистами своего времени: Михаилом Месхи, Славой Метревели, Гурамом Цховребовым, Геннадием Красницким, Станиславом Стадником, Берадором Абдураимовым. Театрал, меломан, любил и знал балет, дружил с народным артистом СССР Ибрагимом Юсуповым, учеником Юрия Григоровича. Поклонник джаза — был знаком со многими джазменами из оркестров Орбеляна, Цфасмана, Лунгстрема, Эдди Рознера, Кролла, Вайнштейна, Гаджиева, Гобискерри. Специально брал отпуск зимой, чтобы побывать в московских театрах, общался с Олегом Далем, Валентином Никулиным. Смотрел все знаменитые спектакли театра «Современник» конца 60-х — начала 70-х.

Ныне остались увлечение коллекционированием живописи и, конечно, писательский труд, любовь к которым оказалась сильнее и футбола, и джаза, и театра. Он — обладатель одной из самых больших частных коллекций современной живописи в России.

60-летний и 70-летний юбилеи были отмечены на государственном уровне на родине писателя, в Казахстане, в Казани, в Москве. В дни 60-летия в областном историко-краеведческом музее Актюбинска был открыт зал, посвященный знаменитому земляку, в нем выставлены 60 картин, подаренных им городу из его частной коллекции. Одна из улиц его родного Мартука названа именем Рауля Мир-Хайдарова (1996 г.). Там же, в Мартуке, открыт литературный музей писателя, и действуют два школьных музея. Р. Мир-Хайдаров — Почетный гражданин Казахстана, член редколлегии международного журнала «Аманат», представлен в энциклопедиях Казахстана, Узбекистана, Татарстана и Википедии. Щедро цитируется в «Толковом словаре ненормативной лексики» издательства «Астрель» 2003 г., автор Д.И. Квисилевич. В книге «Стиляги» имя Рауля Мир-Хайдарова часто упоминается наряду со многими известными людьми, бывшими в юности, как и он, стильягами.

Библиографическая справка

Романы:

- «Пешие прогулки» — роман (25 изданий)*
«Двойник китайского императора» — роман (18 изданий)
«Масль пиковая» — роман (17 изданий)
«Судить буду я» — роман (14 изданий)
«Ранняя печаль» — роман (10 изданий)
«За всё — наличными» — роман (12 изданий)
«Вот и всё... я пишу вам с вокзала» — мемуары (3 издания)

Сборники романов, повестей и рассказов:

- «Полустанок Самсона» — рассказы*
«Оренбургский платок» — рассказы
«Такая долгая зима» — рассказы
«Путь в три версты» — рассказы
«Знакомство по брачному объявлению» — повести
«Жар-птица» — рассказы
«Интервью для столичной газеты» — повести и рассказы
«Не забывайте нас» — повести и рассказы
«Дамба» — повести и рассказы
«Чти отца своего» — повести и рассказы
«Из Касабланки морем» — повести и рассказы
«Седовласый с розой в петлице» — романы и повести
«Налево пойдешь — коня потеряешь» — романы и повести
«Масль пиковая» — роман и повести
«Горький напиток счастья» — повести и рассказы
«Судить буду я» — роман и повесть

Собрания сочинений:

Изд-во «Художественная литература» — однотомник

Изд-во «Голос» — собрание сочинений в 4-х томах

Изд-во «Грампус Эйт» — собрание сочинений в 3-х томах

Изд-во «Южная Пальмира» — собрание сочинений в 4-х томах

Изд-во «Идель-Пресс» — собрание сочинений в 5-ти томах

Изд-во «KAZAN-KAZANЬ» — собрание сочинений в 6-ти томах

Изд-во «Идель-Пресс» — собрание сочинений в 10-ти томах

Тетралогия «Черная знать», в которую вошли «Пешие прогулки», «Двойник китайского императора», «Мать пиковая», «Судить буду я», изданы тиражом более 5 миллионов. Два романа: «За все наличными» и «Ранняя печаль» изданы 18 раз тиражом более 2 миллионов экземпляров. Сборники романов, повестей и рассказов, переизданные многократно, вышли тиражом более 3 миллионов экземпляров.

Романы «Ранняя печаль», «За всё — наличными» и «Мать пиковая» записаны на аудиокассетах на 87 часов звучания. Книги переводились на многие иностранные языки и языки народов СССР. Почти вся проза имела журнальные публикации и записана на Всесоюзном радио, а также широко представлена в Интернете. В 2009 г. на российском телевидении в цикле «Имена» снят фильм о Рауле Мир-Хайдарове.

Общий тираж книг превышает 10 миллионов экземпляров.

e-mail: mrraul61@hotmail.com

сайт: www.mraul.ru

За всё – наличными

Роман

Посвящается Ренафу

Грядет чума, готовьте пир.

Тимур Кибиров

Побег

В темную августовскую ночь, когда двое молодых людей в шикарных белых костюмах только переступили порог казино в Коктебеле, за тысячу километров от Крыма, в небольшом утопающем в садах чеченском селе Али-Юрт, в получасе езды от столицы Ичкерии, одинокий мужчина в дорогом спортивном костюме «Найк», с внушительной теннисной сумкой в руках, «голосовал» на дороге в Грозный. То ли машины шли переполненные, то ли владельцы роскошных «мерседесов», «феррари», «вольво» и «мазерати» не хотели брать в салон чужого человека, но они на полной скорости проносились мимо. Чеченцы не любят суетливых, а если точнее — презирают, и человек на обочине старался выглядеть в слепящих лучах фар спокойно, с достоинством, словно не торопился.

Однако на самом деле ночной пассажир, державший путь в Грозный, не просто спешил — получасовое промедление

могло стоять ему вновь обретенной свободы. Когда очередная машина со свистом проносилась мимо, он нервно поглядывал в темноте на циферблат редчайших швейцарских часов «Юлисс Нардан», отмечая, что шансов у него остается все меньше и меньше. Увидев вдали луч фар, он снова обретал показное спокойствие и неторопливо поднимал руку, хотя прекрасно знал, что в любом остановившемся лимузине могут оказаться его преследователи.

Очередная машина, старенький обшарпанный жигуленок, проехав, неожиданно остановилась и дала задний ход. Ночной странник подошел к приспущенному стеклу кабины и спросил по-чеченски:

— Вы не могли бы подбросить меня в Грозный? Очень нужно, — и показал две стодолларовые купюры, зажатые в руке.

— О, высший тариф! — присвистнул молодой парень за рулем и, глянув на сидевшую рядом женщину, продолжил по-русски: — Вот завезем жену домой — это рядом — и рванем. Грех от такого заработка отказываться, хотя я чертовски устал, по правде говоря.

— Я могу на трассе сесть за руль, — небрежно кинув сумку на заднее сиденье и устраиваясь возле нее, предложил пассажир, на что владелец старой «семерки», видимо, человек веселый, компанейский, тут же ответил:

— Что вы, что вы, — за такие деньги только с комфортом и с музыкой! — и врубил на всю громкость магнитофон.

Машина словно преобразилась, резво взяв с места, и какое-то время нагло пыталась достать пронесшийся мимо со свистом гигантский «кадиллак». Пассажир, примостившийся на заднем сиденье, закрыл глаза и сделал вид, что дремлет, — ему не хотелось ввязываться в разговор.

Минут через десять он незаметно оглянулся: следом не гнались ни лимузины, ни скоростные джипы. «Кажется, пронесло», — подумал беглец, хотя полной уверенности не ощущал, как, впрочем, не чувствовал и страха за жизнь. Если бы его и поймали, вряд ли стали бить, — скорее всего, убили бы тех, кто его охранял. Возможно, на сегодня он был самым ценным пленником на земле и убежать смог не потому, что его плохо охраняли, а оттого, что к побегу готовился все три года, пока находился в неволе. И все эти три года ни разу не дал ни

малейшего повода, чтобы его заподозрили в желании вырваться на волю: из года в год он убаюкивал свое окружение, приучал к себе охрану, дожидался своего часа — знал, что живым из золотой клетки его никогда не выпустят, ведь он нужен был им навсегда, до гробовой доски.

Приставленные к нему охранники недоумевали: зачем пленнику стремиться к другой жизни, когда к его услугам было все, если исполнялось любое его желание или прихоть, любой каприз, лишь бы работал. Потому уникальные часы «Юлисс Нардан» у него на запястье, наверное, были единственным экземпляром на всем постсоветском пространстве. Что кривить душой, работа доставляла ему огромное удовольствие — уж это его хозяева знали, и не было человека, который бы не восхищался его талантом и золотыми руками. И все же пленник твердо знал, что убежит, — не было в природе таких сил, чтобы удержать в неволе его необузданную натуру. В таких случаях идет негласная, невидимая борьба интеллектов — между теми, кто охраняет, и теми, кого охраняют. Цели их несравнимы: у затворника — это жизнь и свобода, а у противоположной стороны — всего лишь интерес, выгода. Но изначально было решено: обязательно переиграть противника, хотя нарастало ощущение, что силы неравны, что годами длится игра в «кошки-мышки», — так оно и вышло.

Неожиданно машина съехала с трассы и покатила по проселочной дороге к светившемуся впереди огнями аулу. Когда они остановились у добротного каменного дома рядом с аккуратной мечетью из розового армянского туфа, женщина почеченски вежливо пригласила в дом, на чашку чаю, на что беглец благодарно ответил, что устал и подождет в машине.

Водитель не заставил себя долго ждать, — через некоторое время он появился с канистрой и дозаправил свою колымагу. Вместе с ним к машине вышел один из его родственников: то ли отец, то ли дядя, а может, и старший брат. Приоткрыв дверцу «жигулей», он поздоровался за руку с беглецом и посоветовал быть осторожнее в пути, особенно в Грозном.

— Лихое время, лихие люди, — сказал он на прощанье и сделал по мусульманскому обычаю «оминь».

Жест невольно пришлось повторить и пассажиру, чего ему в душе делать не хотелось, все-таки он был христианином,

православным, но обстоятельства порою оказываются сильнее нас.

«Семерка», гремя чеченской музыкой, которой вполголоса подпевал неугомонный шофер, быстро вернулась на трассу и понеслась к Грозному. За всю дорогу они перекинулись всего лишь несколькими малозначащими фразами — водитель, несмотря на молодость и бесшабашность, понял, что попутчик чем-то чрезвычайно озабочен, хотя и пытается это скрыть, поэтому не стал навязываться в собеседники. А поговорить ему очень хотелось — ночной пассажир вызвал у них с женой невольный интерес. Лишь в сонном пригороде столицы парень за рулем поинтересовался:

— Куда вас лучше доставить?

Пассажир, размышлявший об этом всю дорогу, коротко бросил:

— На автовокзал, пожалуйста.

Аэропорт исключался сам собой — у него при себе не было никаких документов. Правда, говорят, нынче и в поездах паспорта требуют, особенно у людей из опальной Чечни, так что лучшим транспортом для него оставался один — автомобиль.

Когда они подъехали на неожиданно оживленный ночной автовокзал, пассажир, отдавая обговоренную сумму, достал и протянул удивленному водителю еще одну сто долларовую купюру, добавив при этом:

— У тебя рядом с домом мечеть, зайди утром, помолись Аллаху, — у меня большие неприятности.

— Чем я могу помочь? — загорелся молодой человек.

— Нет, спасибо, что можно, ты уже сделал. До свидания.

Этот жест не был свидетельством его минутной слабости или сентиментальности — он страховал себя на всякий случай, и страховал надежно: чеченец никогда не выдаст человека, признавшегося в беде или попросившего о помощи.

Несмотря на глубокую ночь, автовокзал бурлил: подъезжали и отъезжали машины, все больше частные, на громадной площади он не заметил ни одного автобуса или привычного глазу желтоватого такси в шашечку, в основном — «жигули», разномастные «Волги» и, конечно, иномарки, раньше, чем где-либо, прописавшиеся на Кавказе и в близлежащих районах: на Ставрополье, Кубани и в Ростовской области.

Беглец неспешно прошелся по площади перед автовокзалом, украдкой рассматривая номера, и быстро смекнул, почему так ожил частный извоз: самолеты летали нерегулярно, поезда отменили с полгода назад — он об этом читал в газетах, да и в разговорах слышал. «Нет худа без добра», — припомнил он русскую поговорку, выходило, что все это ему на руку. Судя по номерным знакам и зазывающей братии, он мог уехать куда угодно — и в Нальчик, и во Владикавказ, и в Сухуми, и в Ставрополь, но ему нужно было только в Ростов. Однако машин на Кубань не было...

Осматривая владения автовокзала, он наткнулся на шашлычную. Тут же с рук продавали и хинкали, наверное, приготовленные где-нибудь в близлежащих домах. Беглец подумал, что не мешает перекусить перед дальней дорогой, — видимо, от нервного напряжения он вдруг почувствовал острый приступ голода. Выбрав из обшарпанных пластиковых столов наиболее приличный, заказал подюжины шашлыков из баранины и тарелку грузинских хинкали, — за эти годы он пристрастился к ним. Вскоре за стол к нему, с такой же тарелкой пельменей, сваренных на пару, подсел какой-то шустрый молодой парень, но ему не дали и пяти минут спокойно перекусить: то и дело подбегали водители — утрясали цену и маршруты, жаловались друг на друга. Да, это была удача, представшая в лице владельца автостанции, — ну, не самого, конечно, скорее главного подручного, — хозяин в эти минуты, вероятно, развлекался где-нибудь. Улучив минуту, кавказский пленник обратился к парню по-чеченски:

— Братан, не можешь отправить меня срочно в Ростов? На суд опаздываю, грех, если не успею...

Парень внимательно оглядел сотрапезника и, видимо, найдя его вполне кредитоспособным, дружелюбно ответил:

— Святое дело, понимаю. Но ростовских машин, к сожалению, сегодня нет. Правда, безвыходных положений не бывает, не так ли? Можно поискать желающих проскочить до Ростова... Не найдем добровольцев — заставим, но только это будет стоить... — он немного призадумался, — восемьсот баксов...

— Восемьсот для меня многовато, брат. Телеграмму час назад получили, некогда было родню обежать, постарайся договориться за пятьсот. — Беглецу не хотелось, чтобы эти

ушлые ребята почувствовали, что он при деньгах, и он добавил: — Только чтобы машина была новая, а не колымага, и водитель один — я могу его подменить на трассе, если надо...

— Хорошо, хорошо. Люблю людей серьезных. Время смутное, дорога долгая... Ночь... Но тебе повезло, я ведь сам отправляю. Меня зовут Абдулла, кликуха Зуко, — запоздало представился парень и протянул через стол крепкую руку с цветной татуировкой.

Новый знакомец с латиноамериканской кличкой пропадал долго — больше часа, беглец успел за это время пару чайников опорожнить, — как вдруг прямо к столу, несмотря на все запрещающие знаки вокруг, подрулила бежевая «Волга» со ставропольскими номерами.

— Вот тебе славный скакун, братан, и водила — парень проверенный. Если что, я его из-под земли достану, — частил вывалившийся с заднего сиденья Абдулла. — Гони сто долларов аванса, а остальные четыре сотни Андрюхе на месте, и счастливого пути!

Беглец протянул Зуко стодолларовую купюру, и машина, дав длинный музыкальный аккорд из неувядающего на Кавказе «Сулико», мощно рванула с места.

«Прощай, Чечня! Прощай, Грозный! Прощай, кавказский плен!» — хотелось кричать беглецу, но он с трудом сдержался, хотя сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди от радости.

«Волга» ставропольского Андрея, видимо, постоянно моталась по Северному Кавказу, потому что на постах ГАИ он выходил не волнуясь, со служивыми людьми здоровался небрежно за руку и разговаривал запанибрата, — ничто не осталось без внимания наблюдательного пассажира. И это тоже было удачей — значит, не станут проверять документы и рыться в его сумке: и то, и другое было крайне нежелательно. Машина была оснащена приемником с магнитофоном, но записи у Андрюхи оказались сплошь блатными, и пассажир время от времени просил переключиться на радио. Слушая последние известия из Москвы, он невольно с улыбкой ловил себя на мысли, что передача вот-вот прервется и чеченское радио сообщит в эфир о побеге тщательно охраняемого пленника, назовет его приметы, примерный возраст и во что тот одет. Эта нелепая мысль, впрочем, навела его на более серьезные раздумья. Только

в машине Андрея он осознал, что три года — а это в ошалевшей России большой срок — он жил нереальной, почти киношной жизнью, и следовало, чтобы не вляпаться в очередную историю, резко переключиться на настоящую, суровую, безжалостную действительность, ту, что мелькала за окном стремительно несущейся к Ростову машины. Расслабиться он не мог себе позволить еще долго. И, пытаясь вникнуть в эту новую жизнь, спросил водителя:

— Судя по номерам, вы ставропольский... Как там относятся к своему знаменитому земляку простые люди, интеллигенция?

— К Горбачеву, что ли? — переспросил тот на всякий случай.

— Да, к нему, конечно, он ведь один у вас так высоко взлетел...

— И слава богу! Хватит одного ирода, — и парень зло, непечатно выругался.

— За что же вы его так? Он ведь вам свободу дал, предпринимательство разрешил. Раньше, наверное, так откровенно не покалывали бы...

— А раньше в этом и необходимости особой не было, — отозвался водитель. — На Ростов дважды в день из Грозного мягкий автобус ходил, и билет стоил восемнадцать рублей. А с вас Абдулла сколько взял? Вот то-то и оно — людям мозги не запудришь, прозревать начал народ.

— Да, я вижу, вы политик, прямо трибун, — подзадорил беглец заведшегося с пол-оборота парня.

Тот уже беззлобно рассмеялся:

— А вы словно с луны свалились, как Иванушка, три года на печи просидевший: про Горбачева спрашиваете. Другие за это могут и морду набить... Пока он в Россию-матушку только нищету и раздор принес, а скоро, ох, скоро, чую, и кровь русская прольется. Я хоть и простой работяга, а у вас в Чечне каждую неделю бываю и вижу, что войны не миновать. У вас полмиллиона людей под ружьем, по закону каждый чеченец имеет право носить оружие, автоматы на базаре рядом с арбузами продают, патроны, как картошку, ведрами покупают. Разве можно было такому недовольному и воинственному народу горы оружия оставлять, тяжелую артиллерию, минометы, установки «Град»,

самолеты? Туда уже скот отовсюду угоняют, транспорт, поезд грабят в открытую. А дураки в Москве шлют составы с добром и шлют, и нефтепроводы двадцать четыре часа в сутки гонят сырую нефть в Грозный на переработку, а свои заводы дома без этой самой нефти стоят. На денежки русские Дудаев армию строит, автоматы «Борз» на поток поставил. Наверное, в Москве, в Белом доме и Думе, многим от него перепадает: и за грузовые составы, и за нефть, и за оружие. Народ все видит, все понимает... Знает, что от нашего ирода — язык не поворачивается назвать его земляком — ниточка тянется, он эту кашу заварил. Были раньше на Руси Иваны Сусанины, а ныне пошли Мишки Горбачевы... — закончил парень горестно и надолго замолчал.

«Вот и первый экскурс в реальную жизнь состоялся. Чего доброго, еще и по морде схлопочешь за такие вопросы», — подвел невеселые итоги пассажир. О том, что в Чечне готовятся к войне, он знал как никто другой и, как русский человек, маялся, что не может сообщить куда надо о грядущей беде, а тут, оказывается, об этом знает даже рядовой водила. В Отечественную немцы уже, что называется, у нашего порога стояли, а мы им все отправляли состав за составом: с хлебом, углем, сталью... И снова на те же грабли наступаем, только, пожалуй, еще похлеще — сами вооружаем и кормим своих будущих убийц.

Но о политике сейчас думать не хотелось, какой-то внутренний голос нашептывал: «Ты о себе позаботься вначале. Кто ты сейчас — без имени, без фамилии, без паспорта?» Без документов нынче и шагу не ступишь, кругом границы, шлагбаумы, и везде требуют «документ».

Похитители были настолько уверены, что он у них в руках навсегда, что как-то один из них, окрыленный первыми успехами, и пребывая в добром расположении духа, обмолвился: его не только выкрали, но и инсценировали смерть похищенного в автокатастрофе. Не пожалели угнанной машины, а двойника по моргам, среди неопознанных и невостребованных трупов, целую неделю подбирали. Постарались на славу, чтобы никому и в голову не пришло искать похищенного, — ведь он мог понадобиться таким людям, которые могут кого хочешь из-под земли достать. Помнится, задал им вопрос: «Ну, а поминки

вы по мне справили?» На что собеседник, хохоча, ответил: «Нет, фантазии не хватило. — И добавил: — Но точно знаем, частенько тебя поминают, говорят: «Вот мастер настоящий был, чистодел!»

«На какое же имя у меня были паспорт и права три года назад?!» — невольно пришла на ум странная мысль, и он вспомнил, что звался в ту пору Игорем Трофимовичем Селезевым. Но похитителям важна была не фамилия его, нужен был слух: дескать, в жуткой дорожной катастрофе насмерть разбился и сгорел знаменитый Тоглар, — вот они и похоронили его как Тоглара.

Беглец сам любил готовить операции долго, тщательно, потому и оценил сметку чеченцев: зачем им лишний раз обострять и без того натянутые отношения со славянскими группировками в Москве. Если бы о его похищении узнали воры старой школы, люди его окружения: Япончик, Захар, Сильвестр, Шакро-старый, Сво, они тут же организовали бы достойный «бартер», благо в Белокаменной для этого именитых и богатых чеченцев хватало с лихвой. Но что было — былшем поросло, и выходит, что он сегодня как бы заново родился. От этой мысли беглец немного повеселел и даже улыбнулся, однако улыбка эта была мимолетной...

«Как же меня будут звать с завтрашнего дня?» — опять задумался пассажир, но, как ни старался, не мог вспомнить свое «новое имя». Такое с ним случилось впервые: он обладал феноменальной памятью, вероятно, мог соревноваться на сцене с теми, кому приходится запоминать целые страницы текста или с первого раза декламировать наизусть только что прочитанную поэму. Когда в обиходе появилось незнакомое слово «компьютер», как-то в застолье, пытаясь кому-то доходчиво объяснить, что это за зверь такой, Шакро, тогда еще без приставки «старый», сказал: «Ну, это как Тоглар... Только компьютеров много, а Тоглар один». Тугодуму сразу стало ясно, что компьютер — прежде всего феноменальная память, помнит все и навсегда. И вот память не сработала, подвела... «Наверное, старею или устал, перенервничал», — невесело усмехнулся Тоглар. Ведь помнит же он свою ташкентскую фамилию — Сулейманов Рефат Шакирович, 1947 года рождения, крымский татарин.

А в Ростов он рвался не из любви или сентиментальности — не было там ни верных друзей, ни сердечных привязанностей, ни, тем более, родни. Просто там, в районе завода «Ростсельмаш», был оборудован тайник, к нему он и торопился. Таких тайников у него было около десятка, многие из них ныне оказались за границей — в ближнем зарубежье, теперь там свои паспорта, и тайники, скорее всего, были утеряны для него навсегда. Но ростовский тайник оказался самым близким к Чечне...

2

Убаюкиваемый мерным ходом машины и нытьем про чудесную, но горькую блатную жизнь, вспомнил пассажир и другое, давнее — первую отсидку и первого учителя. Это он наставлял: на воле надо помнить о черной полосе в жизни и быть готовым к ней, чтобы везде, веером, по стране были разбросаны тайники. Имеешь в запасе полдюжины документов — и в такой большой стране сам черт тебе не страшен, хотя и повязаны вроде все обязательной пропиской — ну, это для лохов. Так говорил ему Учитель, первым распознавший его редкий талант. Но за лоха его никогда не держали, с первых же дней в лагере стали величать Мастером, это уж потом, когда время кликух пришло всерьез, появилось Тоглар — прозвище не уголовное, — так окрестили его еще студентом, в мединституте на первом курсе.

За окном уже проносились чисто русские деревни — земля свобододолюбивой Ичкерии, где он томился в неволе, осталась позади. Одна блатная песня на кассете, которую врубил водитель, сменялась другой, шофер замолчал надолго, невесело размышляя, что в случае войны его снова забреют в солдаты — только четыре года, как он отслужил срочную, и военная профессия у него дефицитная, не отвертеться, — сапер...

А Тоглар, взглядываясь в придорожные селения, вспомнил деревню пятидесятых: темную, холодную, неустроенную... Похожие картины мелькали сейчас за окном, и он неожиданно провалился памятью в детство, когда еще был жив отец, а его самого звали Костиком, Костей Фешиным.

Он родился в маленьком местечке Мартук, что на полпути между Оренбургом и Актюбинском, в казахских степях, —

теперь, выходит, в чужом государстве. Родился в неподходящее время, в войну, в лютом декабре сорок третьего. Отец его, Фешин Николай Николаевич, родом из Казани, в сорок втором был тяжело ранен под Смоленском и попал в Оренбург в тыловой госпиталь. Там и познакомился с его будущей матерью — Зоей Григорьевной Валянской, работавшей в госпитале медсестрой. Отцу ампутировали по локоть левую руку, зашили и заштопали его во многих местах и комиссовали подчистую. С безруким мужем, фронтовиком-орденоносцем, беременная мать и вернулась в отчий дом, в поселок, стоявший на границе России и Казахстана, да и какая граница — лишь на картах обозначена.

«Отец...» — мысленно произнес седеющий мужчина на заднем сиденье мчавшейся в ночи «Волги». Неполных шести лет шустрый Костик пошел в школу, значит, это случилось осенью сорок девятого. Пожалуй, с тех пор, даже чуть раньше, он и помнит свою жизнь в степном поселке у железной дороги.

Первые послевоенные годы... Разруха, голод, безработица... Тем более в их поселке, где ни завода, ни фабрики, ни шахты, лишь по соседству захудалый колхоз «Третий Интернационал», позже переименованный в «Победу», а ныне сгинувший с перестройкой навсегда, да полукустарная артель «Промкомбинат». Чем там только не занимались: шили шапки и валяли валенки, тачали сапоги и мастерили седла для лошадей — главного транспорта тех лет. А еще варили мыло и конфеты, лудили и паяли, чинили кастрюли и керосинки... В общем, за что только не брались его земляки-мартучане, чтобы выжить. Работы в поселке не хватало даже для мужчин здоровых и сильных, а каково было его израненному, больному отцу с одной рукой? Да еще в сельской местности, где вся жизнь связана с физическим трудом: хоть огород посадить, хоть скотину обиходить, хоть дом подправить.

Первые годы мать билась одна за всех и даже самокрутки сама мастерила для мужа, пока тот не прилачился управляться одной рукой. Но однажды жизнь отца преобразилась, и случилось это в обычный базарный день. В ту пору потребкооперация еще не набрала силу, торговли настоящей — с магазинами, универсамами — не было, не существовало и самих универсамов, все решалось на рынке, и оттого базар был отнюдь не

последним, если не главным, местом в селе. Ходили туда не только по делам, но и на людей посмотреть, и себя показать, как говаривали в те годы.

В тот памятный весенний день отец при деньгах пошел с матерью на базар, то ли купить чего, то ли присмотреть. В торговых рядах раскинувшегося на пустыре базара они наткнулись на неожиданный для Мартука товар, который вызвал живой интерес односельчан. Двое инвалидов, один без руки, другой с деревяшкой вместо ноги, бойко зазывали «приобрести живопись», «украсить унылую жизнь произведениями искусства». Это были те самые лебеди, плавающие в ультрамариновом озере, целующиеся голубки, томные красавицы и неотразимые брюнетки-сердцееды, слащавые пейзажи с пышными кустами роз, детки, похожие на разнаряженных кукол, былинные богатыри и русалки — все то, что позже назовут лубком, или кичем. Но тогда, на провинциальном базаре, среди оборванных и полуголодных людей, эти холсты казались предвестниками какой-то другой, грядущей богатой и сытой жизни, оттого-то рядом в восхищении и толпился народ. Картины стоили недорого, не дороже ведра картошки или полутора килограммов сала, и их охотно раскупали или меняли на то же самое сало, на табак-самосад, а за живого гуся можно было сторговать даже пару, на выбор. Мать тоже порывалась купить одно такое «творение», где была изображена влюбленная парочка, а понизу шла надпись красными, будто кровью, буквами: «Люби меня, как я тебя!» Но отец остановил ее, сказал: «Не надо, я лучше нарисую».

Вернулся отец с базара возбужденным, тут же попросил тещу, бабушку Костика Марию Ивановну, пожертвовать ему старую клеенку, которую в доме давно пора заменить, тем более, что и новая была, да вынималась только по воскресеньям и праздникам. С помощью соседа натянул клеенку на рейки, а потом разжился, опять же у тещи, двумя горстями муки, яйцами, выпросил у сапожника Петерса казеинового клея и к ночи уже загрунтовал старую клеенку.

Два дня отец бегал по поселку, разыскивая где только можно было краски, кисти, но ему и тут повезло. До войны в районном Доме пионеров Мартука работала изостудия, и нынешний его директор, тоже фронтовик, на свой страх и риск разрешил

Николаю пошарить в заброшенном чулане, где было свалено все, что осталось от довоенного кружка юных художников. Нашлись там разные кисти, художественный картон и даже целый рулон отличного холста, а самое главное — довольно-таки много красок, которые, впрочем, за пять лет высохли и почти пришли в негодность. Однако Николай, видать, знавший в этом деле толк, перетер засохшие краски вручную, мешая их со скипидаром, олифой, подсолнечным и льняным маслами. Костик увлеченно помогал. И, наконец, настал день, когда отец, уложив всех спать, объявил, что сегодня «приступает к картине». А утром, когда сын с шумом вбежал в большую комнату, между окнами, выходящими на Украинскую улицу, висела еще не просохшая, пахнувшая красками и лаком большая картина.

На фоне сказочного замка, утопающего в зелени, на мостике, перекинутом над большим прудом с лилиями, стояла удивительно красивая женщина, очень похожая на маму, в белом кружевном платье до пят, в роскошной шляпе, украшенной цветами, и с ярким веером из павлиньих перьев в руках.

Мальчик, онемев от восторга, затих, не находя в себе сил оторваться от такой красоты. Ему хотелось закричать: «Это нарисовал мой папа!», но голос словно пропал, и тогда от гордости за отца он просто заплакал. Плакали и мама, и бабушка, но уже от радости: им стало ясно, что отец нашел, наконец, для себя достойное дело...

С этого дня жизнь отца круто изменилась. На базар со своими работами он выходил всего несколько раз, и с появлением его на рынке коробейники из города перестали заезжать в Мартук — понимали, что с одноруким художником конкуренции им не выдержать. Отец больше работал дома, на заказ... Написал он в те годы по фотографиям и много портретов погибших на войне односельчан...

А первую картину «У замка» купил за «большие» деньги фотограф из «Промкомбината», тоже фронтовик и тоже однорукий инвалид Дмитрий Будко. Потом на фоне этого «полотна» снялось не одно поколение мартучан. В те годы популярность отца была столь велика, что зимой на кошевых санях приезжали за ним на тройках из дальних русских сел: Полтавки, Белой Хатки, Нагорного, Хлебодаровки, и он неделями не бывал дома — рисовал хозяевам картины.

А за год до смерти Сталина при ДOME пионеров вновь открылась изостудия. Работать с детьми пригласили Николая Николаевича, тогда он впервые стал получать зарплату. Ходил в студию и Костик, и отец надеялся, что вырастет сын в крупного художника. Да, как давно это было... А вот помнится все до мелочей...

... Трасса на Ростов — одна из лучших в России, и машина, рассекая галогенными фарами ночную тьму, мчалась на высокой скорости, стрелка спидометра все время гуляла за отметкой «120». То ли мерная езда укачала, то ли нервное напряжение сказалось — Тоглар незаметно задремал. И снились ему какие-то обрывочные сны-эпизоды, наплывали воспоминания детства. Впервые за много лет привиделась школа, далекий пятьдесят третий год и день смерти вождя...

В этот день с утра над тихим поселком, как и над всей страной, стоял неутрахающий рев гудков: надсадно базили паровозы на станции, били колокола в церкви и у базара. В школе прошел трехчасовой митинг — один заплаканный оратор сменял другого, и у всех присутствующих, от мала до велика, слезы не просыхали на глазах. Плакал и Костик. Даже дома родители никак не могли его успокоить, и тогда отец, отведя его к себе в мастерскую, плотно притворил дверь и негромко сказал:

— Не плачь, сынок, он не заслуживает слез. Когда ты вырастешь и поумнееешь, я тебе обязательно расскажу — почему.

Но сын продолжал реветь пуще прежнего, хотя понимал, что плачет не из любви к Иосифу Виссарионовичу. А почему? Кто знает... Много лет спустя отыщется, пусть и запоздало, отгадка тем давним детским слезам, — правда, несколько мистическая. Оказывается, в те же дни пятьдесят третьего года в Америке, в Лос-Анджелесе, на собственной вилле в возрасте семидесяти лет умер его родной дедушка по отцу. Америка отдаст должное Николаю Ивановичу Фешину, известному художнику, признанному мастеру, обласканному на Западе. Он эмигрировал из России в 1922 году, уже будучи академиком живописи. Жаль, что об этом никогда не узнает его сын Николай Николаевич: тайна семьи откроется Тоглару после смерти отца, и он поймет, отчего тот вдруг стал рисовать: гены и есть гены, если они сильны, все равно проявятся. Правда, отца в детстве его мать — бабушка

Костика — водила на платные уроки к лучшим рисовальщикам Казани. Водила, пока педагоги года через два не отсоветовали, заявив, что никаких особых талантов к живописи у мальчика нет, чем, конечно, несказанно огорчили мать.

3

Когда Тоглар очнулся, яркий погожий день проносился за окном, все кругом еще цвело и пахло, и казалось, ничто не предвещало осени — о ней напоминали лишь горы арбузов и дынь на обочине да нескончаемый ряд людей вдоль дороги, от села до села, продающих картошку, яблоки, сливы, помидоры. Такого гигантского торжища Тоглар никогда не видел, хотя в своей жизни помотался по стране вдоль и поперек. Вся Россия вдруг стала сплошным базаром, и народ враз превратился в торгашей. Когда-то он слышал от одного умного человека, что народ, который не поет своих песен, опасно болен. Что бы он сказал сегодня, глядя на соотечественников, которые не только поют ныне чужие песни, но и не сеют, и не пашут.

Проехали какой-то райцентр, и вдруг машина стала заметно крениться влево. Водитель среагировал быстро: «Кажется, гвоздь поймали, и опять в этом селе!» — и зло выругался. Видя, что пассажир ничего не понял, Андрей стал объяснять, что таким образом некоторые вулканизационные мастерские обеспечивают себя клиентами: рассыпают гвозди, битое стекло, специальные шипы на дороге.

— Каков рынок, таков и сервис, — прокомментировал Константин Николаевич, уже взявший себе за правило ничему не удивляться, — слишком многое изменилось и в жизни, и в сознании людей за три года его кавказского плена.

Сменив колесо, они снова тронулись в путь. Остановились у вулканизационной мастерской в следующем хуторе.

Шофер долго не появлялся, и Тоглар заглянул в мастерскую. Заклеенную камеру бортовали в шину, и он уже собирался выйти на улицу, как вдруг его взгляд упал на аккуратные стеллажи с инструментами, и он вспомнил, что в Ростове без них не обойтись. Подойдя к стеллажу, отобрал кувалду с длинной ручкой, широкое и мощное зубило и еще крепкий молоток с железной сварной ручкой. Подозвав хозяина, беглец протянул

стодолларовую купюру — других денег у него не было — и, несмотря на протестующие жесты мастера, сказал:

— Только заверни в какую-нибудь ветошь.

Водитель, ничего не понимая, обалдело смотрел на происходящее и, когда вышли во двор, сказал:

— За сто долларов и я бы продал зубило с молотком, только вот кувалду с собой не вожу, предпочитаю чеченский автомат «Борз» ...

— А мне кувалда позарез нужна, — прокомментировал вполне серьезно пассажир, и водитель дискуссию оборвал.

Уложив запасное колесо и завернутые инструменты в багажник, они тронулись в путь. Ехали молча, каждый думал о своем: шофер о том, зачем понадобилась пассажиру кувалда за сто долларов, а Тоглар о том, какие документы и на чью фамилию ждут его в тайнике, но обоим разгадать, что на уме у соседа, было сейчас не под силу.

Фешин невольно вновь вернулся памятью к своему Учителю, недоумившему его завести тайники по всей стране. Наверное, люди возрастом постарше, у которых когда-либо вытаскивали или вырезали бумажники вместе с деньгами и документами, еще помнят, что бумаги обычно подбрасывали в почтовые ящики или мусорные урны — было такое романтическое время у щипачей, карманников, а вернее, традиция: деньги — одно, ксивы — другое. Впрочем, и у домушников, квартирных воров, существовал закон: не вламываться в квартиру при хозяине, даже если там только столетняя старуха или ребенок, и, тем более, домушник никогда не носил с собою оружия — это считалось западло, — ибо того требовала воровская традиция. Может, потому, что прежде квартирные кражи никогда не сопровождались насилием и убийством, статья наказания за эти преступления не отличается суровостью и до сих пор. Не грабили и лабухов — музыкантов, это тоже считалось западло, а всякое нарушение воровской этики влекло за собой кару, презрение клана. Но времена меняются, а с ними меняется и преступность.

Тысячи, десятки тысяч клерков в «белых воротничках» по подложным документам берут у государства кредиты, чтобы исчезнуть с ними навсегда, и, как правило, прячутся в Москве. Другие десятки тысяч, получив по фальшивым бумагам через частные туристические фирмы и агентства заграничные паспорта,

ринулись за рубеж — покупать недвижимость и открывать счета за кордоном. Сотни коммерческих банков, тайно или явно принадлежащих уголовному миру, ежедневно легально переводят за границу миллионы долларов, уворованных у казны или у доверчивых граждан, решивших, как на Западе, жить на ренту с сумасшедших процентов, обещанных жуликами при попустительстве властей. Так что криминальный мир победил и КГБ, и МВД с прокуратурой, всех этих профессоров и академиков, и генералов... Не зря когда-то один из похитителей Тоглара сказал, как припечатал: в нашей стране настоящие — только бандиты и проститутки, они переплюнули даже международный стандарт. А остальные, особенно депутаты, эксперты, политологи, министры, да и сам президент, — просто ряженые. Уж он-то знал, что говорил, ведь это ему принадлежала идея знаменитых чеченских авизо, «нагревшая» страну, со всеми ее хваленными спецами, на шесть триллионов рублей.

Конечно, Учитель Тоглара и на сотую долю не мог предвидеть, какие возможности через два десятка лет откроются перед преступным миром, но сделал главное — убедил всех в редкости его таланта, свел с нужными людьми, заказчиками и покровителями. Конечно, до многого Константин дошел сам: например, он не любил работать с подпольно изготовленными паспортами, дипломами, военными билетами, трудовыми книжками, хотя фальшивки на девяносто девять процентов изготавливаются именно так. Он выбрал свой путь: Фешин скупал у щипачей-карманников ворованные ксивы, а чаще даже заказывал им, особенно документы жителей Москвы, Ленинграда и столиц всех республик, где существовала жесткая система прописки. Иногда такую задачу он ставил перед самими заказчиками, и те воровали документы у родственников, друзей, знакомых, сослуживцев, и эти бумаги получались самыми надежными, в них вносились небольшие изменения, а добропорядочные граждане всегда могли восстановить украденное. Так собралась большая коллекция документов по годам, регионам. Его ведь и называли «чистодел», потому что он не стал бы выправлять бумаги человеку, рожденному, скажем, в пятидесятые, на документы, украденные у того, кто родился чуть раньше или чуть позже. Во всех республиках и регионах — а были и специальные, режимные города — своя серия и номера четко привязывались

к годам выдачи, и это хорошо знакомо тем, кто контролировал паспортный режим хоть в Риге, хоть во Ржеве. К паспорту необходимо было подобрать и трудовую книжку, и военный билет, а иногда и партбилет — а это уже целая наука, которой в совершенстве овладел Тоглар, он мог бы, наверное, возглавить спецотдел любого режимного предприятия. И все благодаря Учителю: по всей зоне, по всем этапам отыскивали по его приказу людей, работавших в отделах кадров, в паспортных отделах милиции и просто паспортистов из ЖЭКов, а те раскрывали перед Тогларом тайны инструкций, на которых было грозно оттиснуто: «Совершенно секретно» и «Государственная тайна». Потому-то его документы и отличались высочайшей надежностью. А подделать печать, подпись, даже написать целые страницы чужого текста, которые сам автор вряд ли отличит, подобрать цвет чернил, туши, ювелирно заменить фотографию, вывести набело фамилию из паспорта или целый абзац из трудовой книжки ему не составляло никакого труда.

Наверное, сыграло свою роль и то, что с шести лет он находился рядом с отцом, помогал ему готовить из подручных материалов краски — любые, живостью цвета превосходившие знаменитые масляные из Подольска и Ленинграда. В ход у них шло все: сажа, яйца, мед, шелуха луковиц, высушенный шиповник, цветы, травы, мел, мука, керосин, кроличья кровь и еще десятки наполнителей, от которых зависел цвет желаемой краски. Он, как и отец, чувствовал химию не только руками — в голове выстраивал ряд компонентов, из которых могла получиться искомая краска. В ту пору он не предполагал, что его талант в свое время сделает его в определенных кругах незаменимым человеком, и само имя мастера будет произноситься с уважением. Так что в нем, как и в отце, разыграют гены знаменитого деда — вот только ляжет на них криминальная тень.

4

Судьба сыграла с внуком академика Фешина злую шутку в самом начале его жизни. Школу он окончил с золотой медалью и без труда поступил в Актюбинске в медицинский институт, хотя многие ожидали, что Костя поедет в Строгановку, чтобы

совершенствоваться в живописи, но самого его прельщала профессия врача, да и дома не верили, что художник — это лучший выбор. Жил, как и многие, в общежитии рядом с институтом, ничем особо не отличался, но как-то вдруг стало известно, что он может подделать любую справку, а в ту пору за прогулы спрашивали строго, могли и стипендии лишить. Большинство студентов тех лет только на стипендию и жили, возможно, оттого Костя Фешин и не мог отказать новым друзьям — благо студенты народ шустрый, нашлись и такие, что добывали чистые бланки справок. На втором курсе Фешина забрали в армию. Костя, высокий, стройный, уже год усиленно занимавшийся боксом, загремел во флот — тогда говаривали, что моряки отбирают призывников первыми. Служили в шестидесятые на флоте целых четыре года, так что вернулся он в институт в двадцать три, когда девушки, с которыми некогда поступил, уже оканчивали вуз.

Служить ему выпало на Тихом океане, во Владивостоке, на эсминце «Дерзкий». На первом году службы, в шестьдесят втором, умер отец. Умер сорока лет от роду, добились-таки ранения солдата через двадцать лет. А за три года до смерти отца в Казани тихо покинет мир бабушка Кости, Елизавета Матвеевна, некогда блистательная пианистка, влюбленная в известного художника и родившая от него сына через восемь месяцев после его эмиграции в Америку. Было это в 1922 году. И академик Фешин, живя в Лос-Анджелесе, наверное, не знал, что у него в Татарстане растёт сын, — Елизавета Матвеевна не получила от него ни одной весточки, хотя роман у них длился несколько лет. Впрочем, в те годы было опасно получать письма из-за рубежа: ОГПУ не дремало, и потому Николай Николаевич до самого совершеннолетия носил фамилию матери — Соколов. И только при получении паспорта она решила дать сыну фамилию отца, ничего не объяснив при этом. Никто не знает, как это удалось в те суровые времена, но ее сын стал Фешиным. Николай Николаевич рассказывал об этом Косте сам, но истинная тайна их с отцом фамилии откроется Тоглару гораздо позже...

Из армии Костя вернулся возмужавшим, окрепшим, одежду носил пятьдесят второго размера, пятый рост, никакие вещички доармейские не годились совсем. На возможности матери

рассчитывать не приходилось: медсестра получала по тем годам семьдесят-восемьдесят рублей в месяц, хорошо еще огородик был, поросенок да курочки. Так — во флотском, раньше хоть форма была добротная, из натурального тонкого сукна, — и ходил на занятия; таких, в униформе, на весь институт было двое, и второй тоже оказался морячком, только черноморцем. Бедность и желание быстрее избавиться от казенной одежды и привели внука знаменитого Фешина в тюрьму. Конечно, и вернувшись из армии, Костя сочинял товарищам по институту липовые справки — молва о его способностях не умерла за годы его отсутствия.

Но как-то, незадолго до Нового года, парень из соседней комнаты привел к нему незнакомого мужчину средних лет, богато одетого, с золотыми зубами и тяжелым перстнем на указательном пальце. Назвался тот хозяйственником из Чимкента, за початой бутылкой, которую гость принес с собой, пожаловался, что для полноты счастья ему, мол, диплома только не хватает, хотя вроде он и специалист хоть куда. После выпивки в общежитии хозяйственник пригласил Фешина в ресторан и там, наедине, попросил помочь ему с дипломом, упомянув, что сами пустые корочки дома у него уже три года валяются.

Может, легкомысленность толкнула морячка на то, чтобы согласиться, хотя на этот раз он чувствовал: пахнет чистой уголовщиной. Но главной причиной было иное: хотелось ему быстрее избавиться от порядком осточертевшей униформы. Как многие сверстники, он мечтал появиться на танцах во Дворце железнодорожников в новом китайском габардиновом костюме, шелковой рубашке, в лаковых остроносых штиблетах, в ратиновом пальто с каракулевым шалевым воротником, что шили на заказ в ателье «Люкс». Хотелось завести себе пару теплых свитеров, пуховых пуловеров и перчатки на меху. Ох, и мерз он в ту зиму, ведь даже шапки не имел. А на деньги, что предлагал золотозубый обольститель, можно было еще много чего купить, и даже велосипед, чтобы на каникулах на Илек ездить купаться. Студент, уже заимевший к тому времени кличку Тоглар, согласился. Шел тогда по экранам какой-то фильм, где герой обладал теми же талантами, что и Фешин, и ребята, не сговариваясь, прозвали его Тогларом, наверняка не рассчитывая, что кличка эта приклеится к нему навсегда,

и он далеко переплюнет киношного фальшивомонетчика не то из Вены, не то из Будапешта.

Но даже ту свою первую работу он сделал мастерски, она не отличалась ничем от подлинных дипломов инженеров алма-тинского строительного института. Ненадежным оказался сам заказчик: его в горячке заложила жена, а уж тот, спасая свою шкуру, выдал Костю Фешина.

В сентябре следующего года, с третьего курса, его и за-мели, прямо с занятий. Но, честно сказать, первые деньги за изготовление из резинового каблука рваных сапог фальшивой печати принесли немало радости и удовлетворения его легко-ранимой душе. Ох, и пощеголял он в ту зиму! По тем годам, когда каждая пишущая машинка была на спецучете в орга-нах, а в праздники во всех учреждениях их сносили в особо охраняемые помещения, преступление бывшего тихоокеанского моряка считалось серьезным, и, несмотря на молодость, первую судимость, прекрасные характеристики из армии и института, он получил пять лет.

Тюрьма стала его университетом, его Оксфордом, как вы-ражался Учитель, и вышел Тоглар оттуда со связями, которым, наверное, мог бы позавидовать и выпускник высшей партийной школы. Уже через полгода в тюрьме благодаря Учителю, дер-жавшемуся накоротке с лагерным руководством, он изготовил диплом выпускника лесотехнического института — опять же алма-тинского — ближайшему родственнику начальника ко-лонии. Рассматривая свежеиспеченный диплом, полковник рас-чувствовался и сказал памятную для молодого заключенного фразу: «Эх, парень, мне бы твои таланты, я бы...»

Жаль, не узнал тогда Фешин, как бы развернулся красно-мордый вертухай, выжимавший из сидельцев все, что мог, для личного обогащения. Костя-то знал, что бригада краснодерев-щиков больше года изготавливала резную мебель из редких пород дерева для его особняка, а кузнецы ковали ограду, очень похожую на решетку Летнего сада в Ленинграде.

Много всяких документов Тоглар выправил там и начальству рангом пониже, но больше всего заказов приходило с граж-данки, они и определили будущую жизнь Фешина. Благодаря стараниям с воли и расположению тюремного начальства вы-шел он на свободу через три года, досрочно...

5

В Ростов прибыли, как и рассчитывал Фешин, уже в темноте, когда на улицах зажглись огни. Константин Николаевич хорошо знал город, часто бывал здесь и мог, при надобности, выудить из памяти не один женский телефон, но связи эти, считай, уже оборвались, ворошить прошлое не имело смысла, да и постарели, пожалуй, давние подруги. В дороге он хотел при въезде в Ростов отпустить Андрея и пересесть на другую машину, но, оказавшись у цели, передумал. Парень внушал доверие, главное, понимал, что пассажир попался серьезный и вести себя надо без шуток, не задавать глупых вопросов. Поэтому сразу, как замелькали за окном окраины, Фешин подсказал, куда подъехать — в район «Ростсельмаша».

Тайник в Ростове он завел в начале восьмидесятых, еще до перестройки, по пути на отдых в Сочи. Помнится, загулял он тогда с местными приятелями крепко и чуть не перенес задуманную операцию с тайником до следующего раза, но в последний момент отложил очередное свидание и занялся делом, выходит — судьба...

Когда появился краснокирпичный забор, опоясывающий площадку, где в ряд стояли новенькие комбайны «Ростсельмаша», пассажир попросил водителя съехать с дороги и остановиться в тени придорожных деревьев. Достав из багажника завернутые в ветошь инструменты, он велел водителю ждать, а сам направился вдоль забора и скоро завернул за угол — в сторону железной дороги. Места для тайников выбираются надежные, глухие, желательно безлюдные — это известные шпионские правила. Лучшие в городе места — промышленные зоны, возле самых непривлекательных производств, тут не гуляют ни влюбленные, ни любопытные, да и утащить особенно нечего, это не конфетная, не табачная фабрика, возле которых жизнь никогда не замирает, где воруют свои и чужие, круглыми сутками, годами, десятилетиями.

Вдоль забора почти вплотную тянулась лесополоса, наверняка высаженная во время строительства знаменитого завода, и Фешина со стороны подъездных путей невозможно было увидеть, даже если кто случайно и появился бы рядом. Пройдя метров пятнадцать от угла, он увидел два помеченных кирпича

в верхнем ряду — тайник оказался цел. Дождавшись, когда рядом по железной дороге загрохотал очередной грузовой состав, он легко забрался на забор и несколькими ударами тяжелой кувалды снес кладку в сторону лесополосы, зубило и молоток поначалу не понадобились. Спрыгнув на землю, одним ударом молотка выбил из выпавшей кладки нужные кирпичи. Один из них оказался полым, перегородки ячеек были разбиты, а внутри лежал присыпанный пылью толстый пакет в вощенной бумаге.

Фешин отбросил разбитые кирпичи вглубь лесополосы, сложил аккуратно под кустами инструмент и только тогда развернул сверток; в нем хранились паспорт, военный билет и пачка денег, пять тысяч в старых, брежневских сторублевках. В ту пору немалые деньги, почти стоимость «жигулей». Считаю, годовая зарплата профессора, но не о потерянных деньгах подумалось в первый миг. Оказывается, государство трудящихся и крестьян обладало потрясающей стабильностью, ведь любому, кто прятал деньги на годы, десятилетия, и в голову не могло прийти, что они могут обесцениться или их съест неведомая никому вот уже семьдесят лет инфляция. «Вот какие рекорды, — невесело усмехнулся Тоглар, — должны фиксироваться в книге Гиннеса, а не кто кого переел, переспал, переплюнул или перекричал...»

Деньги он завернул обратно в промасленную бумагу и сунул тут же в расщелину старого тополя, а в документы и заглядывать не стал: вспомнил, что они на имя Фешина Константина Николаевича, уроженца Ленинграда. Взглянув на часы, Тоглар отметил, что вся операция заняла у него лишь десять минут, и поспешил к машине. «Волга» с включенным мотором дожидалась пассажира, и повеселевший Фешин велел трогать. На вопрос водителя, куда ехать — бросил:

— В лучшую гостиницу Ростова, — и неопределенно махнул рукой.

— Значит, в «Интурист», — подсказал Андрей.

Он вообще-то очень удивился, что клиент вернулся с пустыми руками и без инструмента, но вопросов больше решил не задавать — приближалось время расчета.

Машина, ловко развернувшись, рванула в центр города, на повороте «Волгу» слегка занесло, и Константину Николаевичу в ноги ткнулась тяжелая сумка на полу, о которой, считай,

он не вспоминал с самого Грозного. И вдруг его прошиб холодный пот: он представил на секунду, как возвращается с документами из тайника к машине, а ее и след простыл. Задохнувшись от неожиданного видения, Фешин откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, потом, придя в себя, легонько расстегнул бесшумную «молнию» дорогой спортивной сумки и сунул на всякий случай руку внутрь — пять тяжелых пачек бланков бухгалтерской отчетности находились на месте.

В каждой пачке-тайнике было по два миллиона долларов образца 1990 года с защитной полосой — тут не только заволнуешься, запросто инфаркт хватить может.

Центр города, куда направлялась машина, неожиданно оказался освещен, как в старое доброе время, и Константин Николаевич, прильнув к окошку, внимательно вглядывался в знакомый и незнакомый одновременно город, узнавая и не узнавая его, — восемь лет прошло, как в последний раз он гостил в Ростове. Когда машина развернулась и остановилась на площади у гостиницы, Тоглар отдал волновавшемуся водителю оговоренную сумму и, прибавив еще столько же, сказал:

— Спасибо, брат, выручил. Легкая у тебя дорога получилась, без шухера, фартовый ты парень. Эти пятьсот за то, чтобы ты не ездил в Грозный месяца два-три, в интересах твоей же безопасности. А насчет Чечни ты прав, война обязательно будет, и совсем скоро, так что выбирай другой маршрут... — и подал на прощанье руку.

Холл знакомой гостиницы, где не раз приходилось жить, он не узнал, впрочем, она и называлась теперь по-другому — «Редиссон-Ростов». Оттого, что появился заморский хозяин, она, наверное, и преобразилась. Пол и стены были выложены отполированным до зеркального блеска светло-золотистым итальянским мрамором, кругом красное дерево, сверкающая медь, хрусталь, изысканная мебель, живые деревья и живые цветы, картины в тяжелых резных рамах и даже небольшой фонтан под роскошной люстрой. Но он еще в машине решил ничему больше не удивляться, и поэтому уверенно направился к ярко освещенной стойке, над которой английскими буквами значилось: «Ресепшен». На конторке из красного дерева не было привычной таблички с грозным или грустным «Мест нет». На вопрос, есть ли свободные номера, ему очень мило

ответили, что есть, и даже на выбор, по средствам: от ста пятидесяти до трехсот семидесяти долларов. Протянув паспорт, пролежавший в тайнике почти десять лет, Фешин оформил одноместный «люкс» на три дня на втором этаже — он не любил пользоваться лифтом.

Поднимаясь к себе в номер по устланной ковром широкой мраморной лестнице, он с улыбкой подумал, что вся процедура заселения заняла столько же времени, что и выемка тайника, — десять минут. Раньше, чтобы выбить номер в «Интуристе», он должен был суетиться за неделю, подключить нескольких влиятельных людей, организовать официальное письмо на имя дирекции и, естественно, дать взятку, раз в пять превышающую саму сумму за проживание. Конечно, теперь это воспринималось как бред. Не оказалось на этаже и привычной дежурной-надзирательницы, ключ от номера он получил внизу, у портье.

Открыв номер, он бросил в прихожей, у двери, сумку, в просторном холле «люкса» с удовольствием плюхнулся на кожаный диван и, поймав свое отражение в огромном зеркале напротив, вдруг блаженно закричал:

— Ура-а! Свободен!

Так, расслабившись, он просидел с полчаса, затем, увидев на журнальном столике гостиничный проспект, стал внимательно изучать его. Оказывается, можно было заказать еду в номер, и, потянувшись к телефону, Фешин позвонил в ресторан и очень тщательно, проверяя выдержку метрдотеля, заказал себе ужин, а из выпивки — темный армянский коньяк «Ахтамар». Обещали подать ровно через полчаса, и Тоглар поспешил принять ванну — началась привычная для него жизнь.

Утром после душа он перво-наперво вытащил из сумки одну из пяти упаковок-тайников — изобретение, над которым умные головы тоже бились целый год, — и, ловко отделив одну из боковин, достал две пачки долларов, каждая из них тянула на десять тысяч. Затем вернул боковину тайника на исходную позицию и услышал слабый щелчок: внутри хитрая спиралька поставила задвижку на освободившееся место.

Позавтракав в буфете при ресторане, Константин Николаевич вышел в город с вполне определенной целью — ему захотелось

приодеться, поскольку он не разделял моду «новых русских» — повсюду, днем и ночью, появляться либо в спортивном костюме, либо в красном пиджаке. Конечно, находясь все эти годы в чеченском плену, он имел возможность читать газеты, смотреть телевизор, у него даже была высокочувствительная спутниковая антенна, и потому он знал, что в стране, особенно в Москве, все модные дома Европы — от Кардена до Труссарди — пооткрывали свои магазины, откуда по каталогам его хозяева и привозили ему одежду, — Тоглар любил красивые, дорогие вещи, а главное, имел возможность их приобретать.

После отсидки, когда он с помощью Учителя сразу, без хлопот, поселился в столице, его в первый раз экипировали по высшему разряду в валютных магазинах, которых в Москве было больше десятка, не считая продуктовых. С тех пор и до последних дней существования «Березок» он покупал весь свой прикид только там. Но каково было его удивление, когда он наткнулся на бутики Армани, Версаче, Луи Ферро, Лагерфельда на главной торговой улице Ростова. «Да, капиталист не дремлет», — усмехнулся Тоглар и даже обрадовался этому. Случайно он заметил итальянский магазин кожаных изделий «Фантони»; раньше, по случаю, доводилось покупать портмоне, кейс, брючные ремни этой знаменитой фирмы, а тут вдруг — целый этаж громадного здания. Здесь, как при встрече со старым другом, он задержался подольше — купил роскошный чемодан из телячьей кожи с шелковым подкладом внутри, с эмблемами фирмы, с позолоченными бронзовыми стяжками и замками. В пару к чемодану ему порекомендовали новомодную штучку — дорожный саквояж, тоже кожаный — он напоминал кофры богатых путешественников из голливудских фильмов. Приобрел и еще кое-что по мелочи: портмоне, ремни.

Затем он заглянул в обувной магазин, где сразу стало ясно, что итальянцы и тут намного опередили всех, хотя встречалась и английская, и испанская, и португальская обувь, была и знакомая всем «Саламандер», но, конечно, уже другого ассортимента. Он планировал купить в Ростове пару костюмов, один светлый, ибо стояла еще прекрасная осенняя пора, и один вечерний, строгий, поэтому соответственно и выбирал обувь. Купил вишневого цвета, из змеиной кожи, пару от «Буццати» и матово-черные, из хорошо выделанного ягненка, на тонкой

подошве, почти невесомые, изящные штиблеты от «Серджио Росси». Обозревая такое изобилие роскошной удобной обуви, он почувствовал легкую грусть, понимая, чего был лишен в юности.

Однако Фешин не только покупал обувь, аксессуары и парфюмерию, он как бы инспектировал качество собственноручно изготовленной валюты, потому что видел, как во всех магазинах сто долларовые купюры пропускали через всевозможные детекторы, проверяли цветным карандашом-индикатором, испытывали на ощупь — в каждом заведении своя система, — не пробовали разве что только на зуб. Но он не обращал на эти потуги никакого внимания, не говоря уже о волнении: его продукция, плоды его труда, прошла гораздо более тщательный контроль, чем мог позволить себе рядовой ростовский магазин. Но все же это была главная проверка — реальностью, жизнью, и она, как ни парадоксально, доставляла ему удовольствие: раз за разом он переигрывал и переигрывал людей, поставленных на пути фальшивой валюты.

В магазине одежды, как и в обувном, он ощутил явное итальянское засилье, ее, впрочем, и охотнее покупали, хотя прежде он отдавал предпочтение костюмам французским или английским. Но сегодня итальянские модельеры предлагали куда более широкий выбор, чем консервативные англичане или немцы. В конце концов, он выбрал светлый костюм от Версаче из тонкого материала со сложным составом: здесь были и лен, и шерсть, и китайский шелк. Двубортный, с двумя высокими шлицами-разрезами сзади, костюм оказался словно сшитым по его меркам, даже брюки не придется ни укорачивать, ни удлинять. Но вечерний костюм он все-таки купил немецкий, от «Хуго Босса», хотя материал был итальянский — знаменитая шерсть «черрути», предпочитаемая многими известными кутюрье, включая и нашего Грекова: тонкой выработки, чуть-чуть с масляно влажным блеском, абсолютно немнущаяся, несмотря на кажущуюся мягкость и нежность. На темно-сером фоне змеилась едва различимая черная полоска, делавшая обладателя этой модели еще более стройным. Костюм был также двубортным, но без наворотов, вообще без шлиц, и, скорее, повторял классический английский образец кроя, хотя современный стиль чувствовался в линиях плеч, более

узких рукавах, и притален он оказался умеренно, не по моде гангстеров двадцатых годов.

Занятый покупками, а главное, расчетом у касс, он и не заметил, как подошло обеденное время. Случайно брошенный взгляд на циферблат со стилизованным морским якорем «Юлисс Нардан» подсказал ему, что он уже четыре часа занимается прикидом, такого он за собой раньше не замечал, хотя прежде, конечно, и выбора такого не предоставлялось. Оставалось купить только рубашки и галстуки, но ни в бутике «Версаче», ни у «Кензо» он не нашел ничего достойного своего внимания, хотя у «Хуго Босса» приобрел сорочку из тяжелой толстой материи, под куртку, — он вообще отдавал должное спортивному стилю. Вот у «Босса»-то ему и порекомендовали женский магазин «Астория», располагавшийся напротив, где имелся специальный отдел с мужскими сорочками от знаменитого Ван Хейзена — от шелковых вечерних, под галстук-бабочку, до спортивных из плотных набивных тканей, только входящих в моду.

Когда Фешин оказался у магазина «Астория», высокая, с роскошными светлыми волосами, разбросанными по хрупким плечам, в васильково-фиолетовом, облегающем ладную фигуру велюровом платье девушка как раз закрывала заведение на обед, но Константин Николаевич уговорил впустить его на несколько минут.

Войдя в изысканно оформленный торговый зал, Тоглар понял, что девушка по нынешним временам крупно рисковала — остальные продавщицы и кассирши уже упорхнули на обед, и она осталась одна среди роскошных женских туалетов, прежде всего бросавшихся в глаза. «Неужели я вызываю такое доверие? — подумал он вдруг, но сам же себе и ответил: — Просто юна, неопытна, порядочна и, к счастью, не бита жизнью...» И почему-то вдруг остро проникся к ней симпатией, но вслух попросил ее помочь подобрать несколько рубашек и три-четыре галстука к ним. Та спросила, к каким костюмам, и ему пришлось, распахнув чемодан, показать свои покупки.

— Хорошие костюмы, стильные. Я люблю работы и Версаче, и Босса. К ним действительно подходят сорочки от Ван Хейзена. — И она выложила перед ним четыре рубашки. — Думаю, они подойдут к вашим костюмам.

Не раздумывая и особенно не разглядывая, он сказал:

— Беру.

С галстуками тоже дело решилось быстро — девушка обладала отменным вкусом. Ему не хотелось уходить из магазина, она словно магнитом притягивала его, такого чувства он давно уже не испытывал.

И вдруг, неожиданно даже для себя, Тоглар спросил:

— Если не секрет, которое из этих платьев вам больше всего нравится?

Девушка, решив, что богатый клиент хочет проконсультироваться насчет подарка для жены или дочери, подошла к указанной секции, сняла с вешалки одно, вишневого цвета, вечернее, до пят, платье и сказала:

— Это от Ив Сен-Лорана, ручная работа, эксклюзивная модель, — всего возможны в мире два-три варианта, не больше. Если бы мне позволили средства, я купила бы только это, хотя у нас, как видите, широкий выбор прекрасных, достойных самого изысканного вкуса платьев...

— Сколько же оно стоит? — невозмутимо поинтересовался Тоглар.

— О, кучу денег — две с половиной тысячи долларов! — вздохнула продавщица.

— Раз оно вам так нравится, считайте, что я вам его подарил. — И он достал новенькое, только что купленное портмоне.

— Нет, что вы, я не могу принять такой дорогой подарок, — опешила смущенная девушка и, поняв, что странный седеющий клиент не шутит, растерянно добавила: — Я не смогу вас ничем отблагодарить...

Человек в спортивном костюме бросил на стойку стопку стодолларовых банкнот и направился к двери. Уже коснувшись тяжелой медной ручки, он вдруг остановился и, обернувшись, сказал:

— Я был бы рад поужинать с вами, увидеть вас в любимом платье... Я живу в гостинице «Редиссон», если появятся желание и настроение, пожалуйста, позвоните мне не позже шести... — и, назвав свой номер, смутившийся как мальчишка, выскочил на улицу.

Вернулся в гостиницу Тоглар в приподнятом настроении, все складывалось как нельзя лучше, и он очень хотел верить,

что черная полоса в его жизни миновала. Пообедать он решил внизу в ресторане, говорят, самом лучшем в Ростове, заодно и приглядеть удобный столик на вечер, уж очень ему хотелось, чтобы незнакомая девушка из «Астории» составила ему компанию за ужином (ох, давно не приглашал он женщин в ресторан). Подумав о вечере, он решил переодеться, следовало запомниться официантам и метрдотелю, чтобы ужин прошел на высоком уровне, ведь, как ни крути, выходит, что он празднует и свое освобождение, к тому же, если удастся, еще и с такой очаровательной девушкой. Он достал светлый костюм, туфли из змеиной кожи, подобрал в тон обуви ремень и галстук, распаковал новую рубашку с высоким воротником и золотым зажимом, чтобы не разъезжались концы воротничка, и не спеша оделся.

Подойдя к громадному зеркалу в зале, он вдруг увидел человека, показавшегося ему и знакомым, и незнакомым одновременно. Хорошо разбиравшийся в конспирации и прослушавший не одну лекцию специалистов, Тоглар об этом феномене, конечно, знал, но чтобы так вот... Он увидел несколько усталого мужчину средних лет, интеллигентного, можно даже сказать — рафинированного, с уже чуть тронутыми сединой висками, что, впрочем, только придавало ему особый шарм. Может, природная конституция тому причиной, может, сказывалось то, что он не чурался спорта в молодости, да и позже не избегал спортивных залов, — не было и намека на живот, а вся фигура излучала силу, здоровье, гибкость. Он всегда отличался молоджавостью и, наверное, не столько потому, что не курил, пил мало, избегал в жизни тяжелой физической работы даже в тюрьме, сколько оттого, что природа избаловала его своим вниманием. В тридцать пять он выглядел на десять лет моложе и ухаживал за первокурсницами. Этой зимой, в декабре, ему должно было исполниться пятьдесят — первый серьезный юбилей в жизни мужчины, — но, глядя на лицо в зеркале гостиницы «Редиссон», едва ли можно было дать его хозяину сорок. «Наверное, это компенсация Всевышнего за все мои неудачи в жизни», — шутливо решил Тоглар и, довольный, отправился вниз, в ресторан.

Обедал он не спеша, тщательно изучал меню, карту вин — теперь она, как на Западе, подавалась отдельно, — все это

с прицелом на вечер, поинтересовался насчет оркестра. Приметил и уютный столик, да не один, — зал оказался удачно спланированным, никто не чувствовал себя обойденным, — в общем, все его устраивало, только бы позвонила незнакомка в фиолетовом платье. Пообедав, Фешин отметил, что в Ростове похорошели не только магазины, но и рестораны, вообще жизнь менялась вокруг стремительно, и ему хотелось наверстать упущенное за три года вынужденного затворничества, но следовало ухо держать востро и не попадать в нелепые ситуации.

После обеда он собирался еще немного погулять — стоял удивительно красивый солнечный день, но, вспомнив, что ему могут позвонить, накопил кучу еженедельников, журналов — некоторые попались ему впервые — и поспешил к себе в номер. Устроившись поудобнее в кожаном кресле, он придвинул телефон и углубился в газеты, время от времени машинально поглядывая на свои редкостные «Юлисс Нардан», — день стремительно клонился к вечеру, а звонка не было. Ровно в шесть, когда он, мысленно подтрунивая над собой, решил покинуть пост у телефона и выйти погулять, раздалась долгожданная трель, а затем — приятный девичий голос, который теперь он распознал бы среди сотен:

— Добрый вечер, это Наталья. Вы не передумали пригласить меня в ресторан?

Фешин хотел ответить шутливо, с юмором, но не получилось, видимо, слишком перегорел в ожидании:

— Я решения свои не меняю...

— Прекрасно, таким я вас и представляю. А как мне вас величать, серьезный мистер Икс? На шейха арабского вы не похожи, хотя манерами вполне смахиваете...

— Меня зовут Константин, Костя...

— Очень приятно, во сколько же мы встретимся?

— Если удобно, в восемь. Может, мне заехать за вами?

— Спасибо. Я живу неподалеку, подойду в восемь к центральному входу, пожалуйста, встретьте... — И разговор оборвался.

Еще несколько минут назад иронизировавший над собой, сейчас он довольно улыбался. И хотя не был мистически суеверен, первые удачи на свободе посчитал добрым знаком свыше, а эта девушка, может быть, и есть подарок судьбы. Времени

до назначенного свидания оставалось мало, и он спустился вниз. Возвращаясь днем с покупками, он заметил неподалеку от гостиницы цветочный магазин, куда и поспешил сейчас. В магазине приветливая продавщица подобрала ему два роскошных букета: один из плотных бутонов желтых роз на длинных ножках, а другой из чисто белых, не знакомых ему прежде, голландских цветов, чем-то напоминавших озерные лилии. Не поднимаясь в номер, с охапкой цветов в руках он зашел в ресторан и заказал примеченный еще за обедом столик в крайнем ряду у стены, откуда хорошо обозревался весь зал. Белые цветы тут же при нем поставили в плоскую хрустальную вазу, и стол, даже без яств, вмиг преобразился. Подробно обсудив с официантом закуску, горячее и десерт, фрукты и зелень, он сделал заказ и поспешил в номер, чтобы приготовиться к встрече. Кто знает, что сулило это новое знакомство...

7

Минут за десять до назначенного срока Фешин вышел к парадному входу гостиницы. Несмотря на плотные предосенние сумерки, площадь перед отелем просматривалась хорошо, к тому же вот-вот должны были зажечься причудливые, стилизованные под старину фонари. Прекрасно упакованный букет желтых роз он держал за спиной, чтобы обрадовать девушку в последний момент, и неотрывно глядел на аллею, откуда, как ему казалось, должна была появиться прекрасная незнакомка. Но на аллее не было ни души, и Фешин невольно вздрогнул, когда за спиной вдруг услышал знакомый голос:

— И кого же вы так внимательно выглядываете? Я думала, что вы ждете только меня...

Он неловко повернулся и, слегка поклонившись, молча протянул цветы...

Если бы не знакомое вишневое платье, он, наверное, не узнал бы продавщицу из «Астории»: густые, разбросанные до того по плечам волосы были собраны сейчас на затылке, отчего сразу стала заметна ее высокая лебединая шея с тонкой ниткой жемчуга. Преобразилось и лицо! Гладко стянутые у висков волосы по-иному оттеняли глаза, чистый лоб, и вообще,

вечерняя прическа преобразила девушку до неузнаваемости — она словно перенеслась в начало века или даже перешагнула в прошлое столетие, знакомое нам по гравюрам, музейным портретам Рокотова и Брюллова... Все это Тоглар ухватил цепким взглядом и оценил в доли секунды..

— О, какие прекрасные розы! Теперь я спокойна, верю, что вы ждали только меня, — без тени жеманства, но как-то действительно радостно сказала Наталья и улыбнулась.

Константин Николаевич внутренне обрадовался, что девушка не лишена юмора, наверное, легка характером, и если кокетничает, то довольно мило. Вульгарность всегда коробила Фешина, и он не хотел бы на нее напороться.

Была пятница, самый загульный день в крупных городах — Ростов здесь не являлся исключением, и когда они появились в зале, ресторан уже заполнился на три четверти, большинство столов, как и у них, оказались заказанными заранее, но и на пустовавших густо стояли таблички «Зарезервировано».

Когда он подвел Наталью к ее месту, она, восхищенная изысканностью накрытого стола, после минуты немого восторга промолвила:

— Наверное, платье от Ив Сен-Лорана и костюм от Версаче стоят того, чтобы их обмыли. Допускаю, что и наше знакомство следует отметить достойно, но признайтесь: у вас день рождения или вы приобрели на корню известный банк, а может, следуя замашкам шейхов, купили нефтяное месторождение?

Тоглар оценил сметливость девушки и, усаживая ее на место, поцеловал руку у тонкого запястья.

— Я не намерен от вас ничего скрывать. Конечно, есть и третья причина, о которой вы догадались, но об этом позже... — И, достав из серебряного ведерка, наполненного колотым льдом, бутылку французского шампанского, он разлил по высоким бокалам-креманкам золотистый пенящийся напиток...

Через полчаса в зале погасли огни тяжелых хрустальных люстр, свет остался гореть только над эстрадой, но на столиках зажглись стилизованные свечи в высоких дивных лампах и низкие разноцветные огни торшеров среди живой зелени. Заиграл оркестр, и наиболее нетерпеливые и влюбленные потянулись танцевать, но час пик для танцев еще не пришел. Тоглар, как завсегдатай злчных мест, остро чувствовал этот пограничный

момент. Он любил рестораны и знал, что это единственное место, где можно успешно поднять свое настроение за счет других, ведь в плохом расположении духа люди обычно пьют дома, в одиночку, в лучшем случае — за стойкой бара. Он всегда подзаряжался энергией в уюте больших шикарных ресторанов, где играли первоклассные оркестры. Позже один психолог подтвердит его наблюдения, объяснив, что аура от всеобщей радости, подъема, пусть даже вызванного искусственно, алкоголем, может рассеять любую подавленность.

Как хорошо, приятно было сидеть рядом с девушкой, контакт налачился без особых усилий. Французское шампанское «Канар Дюшен» время от времени они перемежали мягким греческим коньяком «Метакса», да и с закусками он попал в точку, ибо Наталья, оказалось, как и он, равнодушна и к семге, и миногам, и тонкому салату из крабов, и заливному из севрюги; ужин морской направленности гасил спиртное — Тоглар хорошо знал об этом.

Заиграли что-то знакомое, давнее, минорное, и Наталья предложила:

— Потанцуем?..

А когда оркестр смолк, и Константин вместе со всеми стал аплодировать оркестрантам, кто-то сзади сильной рукой взял его за плечо. Фешин оглянулся. Крупный мужчина в элегантном смокинге, с белым муаровым галстуком-бабочкой, коротко стриженный, в дымчатых очках, закрывавших половину лица, глядя в упор, спросил:

— Тоглар?

Казино в Коктебеле

Ближе к вечеру, когда спала изнуряющая августовская жара, а с невысоких холмов, окаймляющих коктебельскую бухту, подул слабый ветерок, и на пляжи вновь потянулся отдыхающий люд из разбросанных на берегу санаториев и турбаз, на набережной у Дома творчества писателей появились двое молодых людей. Они вряд ли у кого вызвали интерес, разве что привлекли внимание нескольких девушек, спешивших на море, — юные особы отметили и чудесные белые костюмы, причем

абсолютно разного кроя, и изящную обувь в тон одежде, выдержанной в одной гамме, и то, как все это сидело на высоких ладных фигурах. Бросились в глаза подружкам и небрежная элегантность, достоинство, с которым держались незнакомцы. Конечно, в последние годы в Коктебеле изысканно одетые люди были не редкость, но все же чаще встречались парни с тяжелыми золотыми цепями на коротких могучих шеях, в мятых спортивных костюмах и грязных кроссовках, — возможно, поэтому новички обратили на себя внимание девушек.

Вдоль высокого парапета, отделяющего набережную от раскинувшегося внизу пляжа, уже выставляли свои работы художники — рабочий день у них только начинался. У живописцев глаз зорче, чем у простых отдыхающих, — они тоже заметили новых людей на набережной, но любопытства не выказали; опыт их жизни говорил — кавказцы редко покупают живопись, а все остальное мало волновало мастеров кисти: ведь лето так коротко, а жизнь так дорога...

Оживленно жестикулируя, пришельцы с жаром что-то говорили друг другу, не замечая вокруг ничего, кроме раскинувшегося внизу залива. Парни были одногодками, носили одну и ту же фамилию и даже чем-то походили друг на друга, отчего их часто принимали за близнецов. И немудрено, ведь они были двоюродные братья. Выросли в одном дворе, почти никогда не расставались, даже служили в одной роте, а позже и учились вместе в Москве, в МГУ, правда, на разных факультетах. Даже женились на двух очаровательных сестренках, и свадьба была у них одна на двоих — крепки на Кавказе родственные связи, а надо сказать, принадлежали они у себя дома к известному роду.

Чуть поодаль, у парапета набережной, тут же, за негласно отвоёванной территорией художников и продавцов всякой бижутерии, женских аксессуаров, поделок из полудрагоценных камней, керамических игрушек, дымили мангалы, и пряный запах старой вишни, порубленной на дрова, время от времени окутывал площадь перед столовой Дома писателей, на которой с каждой минутой становилось все более шумно илюдно.

Вышли выгуливать редкопородных собак важные дамы, в большинстве своем давние поклонницы Коктебеля. Избалованные доги и доберманы, боксеры и спаниели, болонки и пекинесы бесцеремонно обнюхивали картины, выставленные

на продажу, глазурированные игрушки, путались между ног, но редко у кого вызывали раздражение — к ним привыкли, они составляли часть пейзажа экзотического пятачка между владениями бывшего Союза писателей и домом Максимилиана Волошина, главной достопримечательностью райского уголка — Коктебеля. Но двое молодых людей в белых летних костюмах не замечали ни нарастающего шума вокруг них, ни продавцов, ни покупателей, число которых с каждой минутой увеличивалось в геометрической прогрессии.

Вскоре от переставших дымить мангалов потянуло ароматом молодого барашка на вертеле, щедро сдобренного восточными специями, и он отвлек бывших морских десантников от воспоминаний о давних флотских днях в казарме на берегу навсегда полюбившегося моря. Они молча переглянулись и, неспешно обходя торговцев и покупателей, направились к шашлычной под пластиковым навесом, где уже выстроилась небольшая очередь. Хозяин — наверняка крымский татарин из Ташкента, ибо на харчевне значилась броская вывеска «Чиланзар», — сразу выделил их. Не обращая внимания на страждущих в очереди, тут же подал им на щербатой общепитовской тарелке дюжину дымящихся и шкворчащих шашлыков, а женщина, помогавшая ему, поставила еще и миску с салатом. Кавказские шашлыки отличаются от восточных не только размером, и парни, хорошо знавшие толк в молодой баранине, оценили мастерство смуглого татарина, заказав еще дюжину. Уходя, один из гостей, поблагодарив, вложил свернутую сто долларовую купюру в карман поварской куртки. Шашлычник, достав ее, развернул на всякий случай и тут же удивленно закричал вслед: «А сдачу?» Но молодые люди, не оглянувшись, растворились в толпе.

Летний день что год — долог, но они засветло собирались многое еще осмотреть, и прежде всего «собственность бывшего Союза писателей СССР». На территории пишущей братии, примыкавшей к владениям Волошина, располагался дивный сад, заложенный самим основателем того, что называется теперь Коктебелем. В писательском же парке, недалеко от центрального входа с набережной, они вдруг наткнулись на бюст Ленина из розового ноздреватого камня здешних мест. Ленинская голова на мощной шее покоилась на высоком хорошо отполированном гранитном постаменте, и оттого скульптурная композиция

смотрелась авангардистски, в духе времени, не украшала, но и не портила пейзаж. Так к ней, видимо, и относились отдыхающие, сновавшие взад и вперед и не видевшие опального вождя в упор. Гости с Кавказа внимательно осмотрели памятник, обойдя его не раз со всех сторон. Один из парней, которого звали Алиханом, он все-таки был старшим, сказал брату:

— Аслан, покупаем вместе с Лениным, хорошая работа... профессиональная.

На что тот, не раздумывая, ответил в тон:

— Согласен. Правда, придется подыскать ей другое место. А может, установим ее в холле казино... — И оба от души рассмеялись.

Коктебельская бухта находится в сухой, засушливой части Крыма, как выразался ее прародитель — в «киммерийской степи», и потому писательский сад — самое большое насаждение в поселке, главная его жемчужина, любимый всеми оазис. Рукотворный парк был разбит в начале века по всем правилам ландшафтной архитектуры и со временем обрел еще большую ценность. Кипарисовые аллеи, выходившие к некогда дивному фонтану, окружали кольцом посадки редких даже и для Крыма кустов и деревьев. Правда, за последние годы пришли в полное запустение роскошные кактусовые плантации, где еще в недавнем прошлом на радость отдыхающим цвело около сотни разных видов кактусов.

Буйная зелень и ухоженность сада скрывали убожество хаотично разбросанных в парке коттеджей и строений барачного типа, возведенных еще в пору расцвета нэпа и чуть позже, в предвоенные тридцатые годы, для отдыхающих и obsługi.

— Будем сносить... И это... И это тоже... — уверенно говорили молодые люди, оглядывая мельком встречавшиеся на их пути здания, не представлявшие, по их разумению, никакого интереса.

— А как же с памятью писателей? Ведь тут бывали такие корифеи? — опомнившись, спросил с заметным волнением Аслан.

— Да, помню, — ответил задумчиво Алихан. — Я об этом размышлял, и не раз. Если мы станем владельцами этого исторического места, мы должны увязать настоящее с прошлым, иначе нас никто не поймет, посчитают за варваров или дикарей. Представляешь: на огромную гранитную панель, как

на Стене Плача в Иерусалиме, нанесем литой бронзой имена всех выдающихся деятелей литературы и искусства, бывавших в Коктебеле, — ведь здесь любили проводить время не только писатели... Можно бы, конечно, и чистым золотом отбить фамилии, вошедшие в историю, да жаль, они долго не продержатся... Сопрут ведь, обязательно сопрут.

— А может, стены ресторанов, казино, холлов гостиниц, которые мы тут понастроим, оформим специально выполненными шелковыми обоями, с портретами знаменитостей, а? Теперь это не проблема.

— Слушай, брат, что мы мучаемся? Есть идея, а остальное доработают дизайнеры.

До слуха братьев донеслись звуки ударов по туго летящим мячам — поблизости, за поворотом, за зарослями можжевельника находился корт. Здесь, на огромной площадке со свежим резиново-битумным покрытием, можно было проводить даже турниры.

— Одного корта для Коктебеля явно маловато, — сказал Алихан.

— Но есть возможность расширить его, и влево, и вправо, — подвел итог осмотра Аслан.

К теннису они были равнодушны, но знали его цену и притягательность, особенно в нынешнее время, когда вся президентская рать уделяет теннису куда больше внимания, чем государственным делам. И, глядя на иных толстопузых игроков, простым смертным, наверное, приходит на ум русская поговорка: идет как корове седло, — это о престижных ракетках и экипировке «Вильсон», «Данлоп», «Хед», «Адидас». Стандарты жизни задают первые лица, а челядь готова восторгаться и поддерживать любые ее увлечения, даже если завтра это будут тараканы бега. Опять же, по народному определению: каков поп, таков и приход.

От теннисного корта вглубь территории вела удивительно ухоженная дубовая аллея, и братья, не сговариваясь, пошли по ней. На первой же пересекающей дорогу тропинке слева, чуть в глубине парка, они увидели что-то наподобие сказочного замка, выстроенного в виде круглой башни с островерхим шпилем, высоким каменным крыльцом в восемь ступенек. Окна бойницы замка были распахнуты настежь, и в узких овальных

проемах ветерок пузырил розовые занавески — уютom, теплом, надежностью веяло от его толстых краснокирпичных стен, и тихая музыка зазывно лилась сквозь шуршащие шелковые шторы. Впрочем, тут же, у входа, стояли три белых зонтика-шатра с набором легкой пластиковой мебели. Народ еще спешил после сиесты на пляж, и оттого столики пустовали. Братья решили заглянуть внутрь, ибо успели разглядеть и вывеску: «Чайная. Фитобар».

Зал, разделенный надвое изящной резной перегородкой из светлой некрашеной вишни, удивил их простором и неожиданной прохладой — явно благодаря толстым, почти крепостным стенам. В большей половине помещения в углу зиял темно-красным зевом из жаропрочного кирпича давно не топившийся камин. Но сложенные в глубине топки на колосниках хорошо просушенные дрова словно ждали слякотного дня. Молодые люди ощутили, как, должно быть, уютно в этих стенах промозглой осенью, когда море сутками штормит, а вокруг — сырость, туман, дожди. А еще уютнее, наверное, тут долгими зимними вечерами, когда над замерзшим заливом валит снег, и море, потерявшее берега, видится степью, и кажется, что вот-вот из снежной пелены выскочит тройка с бубенцами.

Тут же, у стены рядом с камином, старый концертный «Бехштейн» дожидался окончания пляжного сезона, когда у пляшущего за решеткой огня будет царить другая жизнь и люди станут неспешно коротать вечера в тихой чайной.

Пока они разглядывали развешанные по стенам картины — наверняка, дар художников, давно облюбовавших Коктебель как душевную обитель, — из подсобки появилась хозяйка заведения, видимо, не ожидавшая столь ранних посетителей.

— Какая уютная у вас обстановка! Не ожидали, — выразил после приветствия свой восторг один из неурочных гостей.

Хозяйка фитобара, приятная женщина средних лет в высоком белом кокошнике на манер буфетчиц из пятидесятых годов, уже привыкшая к похвалам, но все же польщенная произведенным эффектом, мило, по-домашнему сказала:

— Милости просим, чем богаты, тем и рады.. — и кивнула на стойку, куда успела выставить вазы с конфетами, мармеладом, печеньем, пирожными, свежей выпечкой.

Но в глаза гостям прежде всего бросился огромный, трехведерный, надраенный до блеска медный самовар, уже кипевший в глубине буфета.

Наслаждаясь произведенным впечатлением, хозяйка предложила:

— Какой вам чай подать: зеленый, черный? Индийский, цейлонский, краснодарский? С мятой, душицей, чабрецом, иван-чаем, девясилом...

— Сдаемся...— умоляюще подняли руки молодые люди, и Алихан уточнил: — Два чайника, один с черным чаем, другой — с зеленым и с добавками — на ваш вкус.

Они заняли столик рядом с камином, откуда хорошо просматривалась входная дверь...

Два чайника братья одолели быстро — на Кавказе чай любят не меньше, чем в Англии. Парни повторили заказ, но на этот раз попросили принести чай, настоящий только на крымских травах.

Едва им подали новые чайники, как в зале появился первый посетитель — молодой парень, коротко стриженный, накачанный, в традиционном на отдыхе спортивном костюме. Он неторопливо зашел за буфетную стойку и заглянул в подсобку, где хозяйка продолжала готовиться к вечернему наплыву клиентов. Кавказцы у камина приняли парня если не за сына, то за родственника хозяйки, тем более что, уходя, «качок» прихватил с витрины роскошную коробку конфет. Гости пили чай, с интересом рассматривали убранство помещения — одна икебана на столах чего стоила, — единодушно решив, что если приберут к рукам писательскую собственность, то чайную оставят, и обязательно вместе с хозяйкой. Чувствовалось, что чистотой, ухоженностью, домашним комфортом заведение обязано только ей.

Но через полчаса, когда хозяйка подошла к столу, чтобы забрать пустые чашки, молодые люди поразились перемене, произошедшей с ней: такой испуганной, затравленной предстала перед ними недавно приветливо улыбавшаяся женщина.

— Что с вами случилось? — поинтересовался один из братьев.

Хозяйка обреченно махнула рукой, пугливо глянув на входную дверь:

— Рэкет. Бандиты поганые житья не дают. Творят, что хотят, управы на них нет.

— А милиция? — поинтересовался Алихан, хотя и знал, каков будет ответ, но он пытался втянуть испуганную хозяйку в разговор.

— Да они одна банда и есть. Разве милиция не знает, что этот бугай Ион всем поперек горла в поселке, мешка картошки не продашь, чтобы не поделиться с ним.

— А что, шашлычники с набережной, татары, тоже платят Иону дань? — уже заинтересованно спросил Аслан.

— Эти... с набережной — у них еще несколько точек на причале, — не платят точно. Их пятеро братьев, еще племянников целая футбольная команда, они им помогают, да и крепких мужиков со стороны жен хватает. Но, главное, один из них, Осман, отчаянный парень — у него на работе под рукой всегда метровая арматура, раскроит голову любому, не задумываясь. Наезжать и на них наезжали, в прошлом году три-четыре крупные драки произошли и на набережной, и на базаре. Но после того, как во двор Бессарабу — такая у него воровская кличка — закинули отрезанную голову его ближайшего подручного Ткачука, по кличке Кувалда, шашлычников стали обходить. Надолго ли — не знаю. А вот остальные люди, даже те, что сидят с ведром вишни или черешни, или с домашними пирожками, или с мешочком семечек у магазинов или на перекрестках улиц, и те, кто носят вареную кукурузу по пляжам... Все платят со своих грошовых заработков, особенно те, кто торгуют на базарах с прилавков. Чую, добром это не кончится...

— А власти? Ну, есть же здесь хоть какая-то власть?

— Да что власть, она что в Москве, что в Киеве, что в Симферополе... Ей преступность нужна, она ей на руку во все времена: народ в страхе держать...

— Сколько же они с вас требуют? — спросил сразу потерявший курортную беспечность Алихан. Он чувствовал, что женщина от бессилия, безысходности готова разрыдаться.

— Даже и произнести страшно. Тысячу долларов за сезон. Но это весь мой заработок за лето, как бы я ни крутилась. Курортный сезон-то у нас от силы четыре-пять месяцев, а остальное время большинство здесь сидят без работы, без пособий. А у меня дочь в Симферополе в мединституте учится

и зять — студент, просто не знаю, как жить дальше, — вздохнула она горестно. — Я ведь в этой чайной, считай, всю жизнь работаю, никогда такого беспредела не было. — Понизив голос, она обреченно сказала: — Я триста долларов скопила, отдала Бессарабу на прошлой неделе, а он сегодня опять, поганец, заявился, требует остальное. Никаких объяснений и слушать не хочет, говорит — займи, иначе спалим.

За столом на миг повисло тягостное молчание, но Алихан вдруг весело сказал:

— Не горюйте, придется нам вас выручить, уж больно по душе ваше заведение пришлось, да и чай такой вкусный пили первый раз в жизни. — Достав из нагрудного кармана тяжелое портмоне, блеснувшее хорошо отполированной кожей и золотой монограммой, он вынул три сотенные долларовые купюры и, протягивая их онемевшей хозяйке, улыбнулся: — Отдайте и работайте спокойно. А это вам за чай и на память о нас, — и прибавил еще одну такую же бумажку.

Чувствуя, что обалдевшая женщина еще долго будет приходить в себя, они молча откланялись и покинули зал.

Как только они вернулись на знакомую дубовую аллею, Аслан, увидев скамейку, предложил:

— Ну-ка, присядем, обсудим ситуацию. Вот так тихое, провинциальное местечко! Неужели придется делить власть со шпаной?

— Ну, уж нет. Нам нужен второй Лас-Вегас или Монте-Карло — значит, придется вывести преступность подчистую, и хорошо бы во всем Крыму. Ты же знаешь, богатые люди не любят опасных мест. Ведь еще от силы год, два — и все будет иметь своих новых хозяев. Этот уголок Крыма станет нашим, для этого денег у нас достаточно...

— Ну да, станок Тоглара работает круглосуточно, — согласился Аслан.

Они помолчали. Сколько раз они уже обсуждали невероятные перипетии, которые случились с их родиной. Еще в перестройку умные люди поняли, что страна не имеет хозяина. Вот тогда ребята с гор впервые объявились в Москве всерьез, и столица сразу почувствовала властную руку новых хозяев. Уже на следующий год московские воры Япончик, Монгол, Захар, Слива, Расписной, Отарик пригласили кавказских абреков на сходку, чтобы мирно

разделить столицу на сферы влияния, причем чеченцам предлагалось право выбора, а остальное, что останется, доставалось славянам, грузинам, армянам и прочим кланам.

Но Хоза, Лечи, Азамат, Султан Даудов, уже тогда называвшийся Балашихинским, ибо он единственный из всех соплеменников был коронован самим Бриллиантом, и старший брат Алихана Гелисхан заявили гонцам: мы не признаем воровских законов, Москва принадлежит нам, мы не собираемся ее ни с кем делить и всегда заберем то, что посчитаем нужным.

— Так поступим и в Крыму, — подытожил Алихан. — Кому предложим покинуть полуостров, кому порекомендуем завязать, а того, кто не согласится с нашей волей и не подчинится нашим законам, будем уничтожать сразу и повсеместно — в два-три дня.

Аслан невольно поежился, и брат, усмехнувшись, хлопнул его по плечу:

— Не волнуйся, сами руки пачкать не будем, привезем киллеров, сколько понадобится для акции, из Москвы, оплатим аккордно, благо станок Тоглара выдержит и это... А народ хочет жить и работать спокойно, ты же сейчас слышал об этом. Мы дадим ему долгожданный покой и безопасные улицы, а работать все будут, прямо или косвенно, на нашу империю, и чем счастливее и богаче здесь заживут люди, тем охотнее потянутся в наши владения толстосумы.

— Молодец, Борз! — восхитился Аслан, впервые обратившись к брату по прозвищу. — Ты все верно рассчитал!

2

Жара окончательно спала, с пляжей медленно потянулся народ, Коктебель вступал в вечернюю пору. Легкие сиреневые сумерки как бы струились с Карадага и окутывали волшебной пеленой вытянувшийся вдоль бухты поселок. В разросшемся парке на дубовой аллее было темнее, чем на открытых пространствах; раньше в этот час включали многочисленные садовые огни, и парк в ночи, особенно с моря, с прогулочных катеров, полыхал огнями, но теперь на Украине энергетический голод, и фонари не всегда горят даже на набережной.

Программа пребывания здесь братьев была сжата до предела, но главное — они успели осмотреть необходимое и даже переговорили в первой половине дня с руководством санатория «Голубой залив», турбазы «Приморье», с директором Дома творчества, посетили и главу администрации поселка — все предприятия на побережье сидели «на картотеке» с начала года, они уже давно были банкротами, только никто не хотел брать на себя ответственность объявить их таковыми. Впрочем, у правительства Украины до Коктебеля попросту руки не доходили.

Отправляясь в Крым, братья запаслись одним страховочным адресом в Коктебеле, куда всегда могли обратиться за помощью, советом, транспортом. Человек этот некогда в лагере оказался обязан жизнью Гелисхану, старшему брату Алихана, и на него они могли рассчитывать — тюремное братство дорогого стоит. Еще когда начали расцветать кооперативы, бывший сокамерник Гелисхана, не лишенный предпринимательской жилки, быстро поднялся, открыв на побережье свой ресторан «У Хромого черта». Вот это заведение они и собирались посетить, поужинать и со стороны на всякий случай приглядеться к хозяину. Первый же отдыхающий, у которого они расспросили, как пройти к ресторану, оказался разговорчивым и попутно сообщил, что всего две недели назад ночью его пытались взорвать, но больше наделали шуму.

— Тем более, — сказал Алихан, — надо побывать там, осмотреться, и все такое прочее...

Ресторан приютился на окраине набережной и выглядел явно летним, крытой являлась лишь та его часть, где находились буфет и кухня, а зал для гостей располагался под открытым небом. Оглядев его, Аслан заметил, что ему больше подошло бы название «Под звездами Киммерии». Да и на ресторан заведение тянуло с натяжкой; харчевня, кабак или таверна — на западный лад — это определение подходило куда больше. Свежевыложенная печь, вокруг которой суетились повара и официанты, напоминала о недавнем ночном взрыве. Свободных столиков внутри ограды оказалось достаточно, ужинали всего три-четыре пары, и братья выбрали место с хорошим обзором, откуда была видна и часть набережной со входом.

Официанта долго ждать не пришлось. Но на вопрос о меню он с сожалением развел руками и, с улыбкой ответив:

«Не держим», чем почему-то расположил гостей, по свойски добавил:

— Сегодня с Азова привезли здорового осетра, живого. Рекомендую рыбную солянку с головизной, осетрину на вертеле, заливное из нее же «по-русски» на закуску, а к ней икры зернистой свежайшего посола, можно и жаренную на скаре рыбу добавить, не часто нам такая добыча перепадает — рыбнадзор и милиция лютуют, так что вам повезло.

Гости с удовольствием согласились, но от вина или шампанского, предложенных словоохотливым парнем, напрочь отказались, чем несказанно его огорчили.

Когда они уже заканчивали ужинать, Алихан неожиданно встрепенулся: он первым увидел появившегося в дверях «У Хромого черта» Бессараба. Ион был не один, рядом с ним шла ярко крашенная блондинка с длинной ментоловой сигаретой во рту и роскошной коробкой конфет под мышкой, той самой, что Бессараб унес из чайной, а сзади — двое его дружков в таких же китайских псевдоадидасах, как и вожак. К тому времени ресторан уже заполнился, и свободным оставался лишь сдвоенный стол без скатерти в дальнем углу, за спиной у кавказцев. Туда компания и прошествовала, шумно обмениваясь репликами с официантами — видимо, они тут были завсегдатаями. Алихан, поняв, какой стол займут вошедшие, пересел на другое место и теперь хорошо видел перед собой бесцеремонно рассаживающуюся компанию.

Официант оказался довольно ловким малым, обслуживал быстро, видимо, неумех в «Хромом черте» не держали, да и повар зря деньги не получал. Видя, что ужин подходит к концу, официант, опять же на свое усмотрение, принес большую закопченную медную турку с кофе.

— Вот, в горячем песочке из Тихой бухты готовим, с печенкой, — прокомментировал он, разливая в чашки дымящийся ароматный кофе.

Но Алихан ничего этого не видел и не слышал, мысли его почему-то кружились возле Бессараба и его компании, и когда они остались одни, сказал на своем языке брату:

— Аслан, пожалуйста, достань аппаратуру, мне почему-то захотелось узнать, о чем говорят за столом у Бессараба.

— Зачем? — пожал плечами Аслан.

— Знаешь, что-то подсказывает мне, что на них надо обратить внимание, — от Бессараба явно исходит опасность. Я верю в свою интуицию, достань...

— Мистика, — усмехнулся Аслан. — Мы ему не по зубам, даже в рукопашной...

Но все же, поколебавшись, достал из пухлой кожаной визитки, что носил днем на запястье левой руки, нечто очень похожее на плеер с наушниками. В Крыму на пляже каждый второй с подобной штукой лежит... Алихан, надев наушники, вытащил сбоку у «плеера» небольшой микрофон высочайшей чувствительности и направил его в угол ресторана, где сидели местные рэкетеры с крашеной блондинкой. Минуту-другую он крутил одной рукой прибор на столешнице, видимо, вылавливая нужный ему разговор, а во второй руке держал чашку с кофе, и вряд ли кому-либо из сидевших рядом могла прийти в голову мысль о том, что рядом идет серьезная и опасная работа.

Найдя искомое, Алихан поправил наушники, откинулся на спинку стула и, как завзятый меломан, начал отбивать пальцами неслышную дробь. Аслан понял, что Борз вклинился в нужный разговор. Вдруг чашка с кофе в руке Алихана застыла, и он поспешил поставить ее на стол. Аслан внезапно увидел, как брат неожиданно начал меняться в лице, а ведь Алихана всегда отличали выдержка и хладнокровие, оттого он и имел кличку Волк.

— Что случилось, Борз? — спросил с тревогой, опять же на своем языке, Аслан, но тот жестом показал — помолчи.

Минуты через три уже пришедший в себя Алихан неторопливо снял наушники и потянулся к остывшему кофе. Аслан не торопил брата, хотя ему и не терпелось узнать, что же заставило Борза побледнеть. Допив кофе, Алихан жестом подозвал официанта и так же, как шашлычнику, подал сто долларовую купюру, но этот насчет сдачи и не заикнулся, хотя склонился в благодарном полупоклоне и услужливо проводил до выхода. Как только они оказались на темной набережной, Алихан процедил:

— Пошли скорее отсюда подальше, меня так и тянет вернуться и расстрелять их в упор.

— Успокойся, Борз, и объясни, что случилось... — Аслан обнял брата за плечи.

— Эти крысы затеяли такое отвратительное дело, что на нас ляжет грех, если мы не вмешаемся. Бессараб рассказывал подельщикам, что придумал гениальный план, как разбогатеть за несколько часов. Он уже и дату назначил — последнюю субботу августа. В этот день, на рассвете, в степи, километров за триста от Ялты, точное место он не назвал, он пустит под откос скорый, фирменный поезд «Крым».

— Зачем? — простодушно удивился Аслан. — Кто же заплатит за это большие деньги? Тут скорее большим сроком пахнет — диверсия как никак...

— То, что задумал Бессараб, никому в голову не придет... Он утверждает — впрочем, в этом он прав, — что самые богатые люди, клиенты валютного гостиничного комплекса «Ялта» и других престижных санаториев, приезжают в Крым только на бархатный сезон, в конце августа, и чаще всего экспрессом «Крым». Так вот, он решил в подходящем для операции месте расшить пути, поснимать в стыках накладки. Экспресс войдет на скорости в кривую на небольшом подъеме — а таких мест, сам знаешь, в крымской степи хоть отбавляй — и, не успев погасить скорость, свалится под откос. Вот тут они, не мешкая, выскочат из укрытия и начнут шмонать купейные и мягкие вагоны, все, что добудут, покидают в грузовики — и были таковы! Он надеется не на одну сотню упакованных роскошных чемоданов. Мол, баксов в них, дорогой одежды, кинокамер, фотоаппаратов, золота — на миллионы. А ты говоришь, кто заплатит... Вот такой нынче у крыс-беспредельщиков бизнес. — И Алихан грязно, по-русски, выругался, что с ним случалось крайне редко. — Мерзавец, он все верно рассчитал: пока наша нерасторопная власть появится на месте крушения, они успеют развезти добро по укромным местам и припрятать. Плевать, что погибнут сотни людей, кому до этого дело! Важны лишь их чемоданы. Подельщики план одобрили и ударили по рукам, и девица тоже выразила желание участвовать, оговорила, что лучшие украшения и наряды достанутся ей.

— У, крысы вонючие... — выругался Аслан. — Ты прав, теперь и мы берем грех на душу, Всевышний не простит нам, если мы это не предотвратим.

— А я о чем? — загорелся Борз. — Давай подкараулим сегодня ночью Бессараба и... — Он сделал решительный жест.

— И народ в поселке вздохнет спокойнее, и сотни невинных людей спасем от мучительной смерти.

— Верно ты говоришь, не по-мужски оставлять такого изверга живым, зная его планы, запахло, как выразился бы Гелисхан. Но у нас свое задание, ты же знаешь... нам строго приказано избегать уголовщины — на это есть другие люди.

— Что же делать? — растерянно спросил Алихан, прекрасно сознавая, о чем говорил брат. Он и сам жестко требовал от подчиненных точного исполнения приказов, впрочем, эта черта — исполнительность и обязательность — отличала его народ от многих других.

Они вышли к пятачку возле Дома писателей на набережной, где гуляющих заметно прибавилось, и Аслан вновь перешел на родной язык:

— Ты говорил, если понадобится, мы вызовем в Крым киллеров из Москвы. Придется сделать это завтра же. Из аэропорта в Симферополе позвоним нашим людям в столицу, и пусть срочно пришлют парочку профессионалов, тех, что раньше служили в МВД или КГБ, — эти волчары дело знают туго, доводят до конца без жалости. Приметы Бессараба описать несложно, отыскать его еще проще, а оплату по высшей таксе берем на себя. Разве это не лучший выход? Тем более что до назначенной субботы у нас ровно десять дней.

— Да, ты и на этот раз оказался мудрее, брат. И хоть как-то не по-мужски перекаладывать богоугодное дело на других, я все же согласен с тобой — негоже нам пороть горячку...

— Вот и прекрасно, — обрадовался Аслан. — У нас осталось еще одно дело — посетить знаменитое казино в Коктебеле и проиграть тысяч десять-двадцать, не меньше. Запустить «голубков», как выражается наш гениальный пленник Тоглар, — пусть полетают и в Крыму. Правда, как нам подсказали, крутая публика собирается там к полуночи, тогда только начинается настоящая игра.

— Наверное, и нам следует заявиться одновременно с теми, кто привык играть по-крупному, — не то спросил, не то предложил Борз.

— Разумеется, нечего нам светиться раньше времени. Придем ровно в полночь, с курантами, как Германн в «Пиковой даме». А сейчас, если ты не возражаешь, давай дойдем

до пирса — это как раз напротив ночного клуба и казино — и поедем на двухчасовую прогулку в открытом море, последнюю на сегодня. Слышишь, объявляют об этом по радио с прогулочного теплохода? Подышим морским воздухом, мы с тобой, считай, уже забыли его запахи, да и днем поваляться на пляже не удалось... — И они торопливо направились к цепочке ярких огней, обозначающих причал.

Ближе к полуночи, когда прогулочный теплоход вынырнул из темноты Сердоликовой бухты на простор Коктебельского залива, поселок уже погрузился в кромешную тьму южной ночи, и лишь редкие светящиеся окна давали знать о человеческом жилье да здравницах на берегу. Вдруг чуть правее темневшего жилого массива ярко вспыхнули огни, зазывно заплясала неоновым светом реклама, словно мираж ненашенской жизни возник в вязкой киммерийской ночи. И кто-то у борта рядом с братьями, обращаясь к своей компании, со знанием и азартом сказал:

— Казино врубил огонь. Фейерверка только не хватает, ей-богу. Может, заглянем к ним в бар? — Но дружки вяло отреагировали на приглашение, — наверное, им было уже достаточно.

Даже причал, не считая сигнальных огней, встретил их темнотой, безмолвием, ночной прохладой — чувствовалось, что праздник кончился, и припозднившиеся отдыхающие с теплохода расходились молча, почему-то перейдя на шепот, зябко кутаясь кто во что попало.

Почти последними сошли с кормы и кавказцы, но не в пример остальным они выглядели бодрыми, отдохнувшими. Пришла пора окунуться в разгульную светскую жизнь — после ноля часов, как любил выражаться Борз.

3

Рекламные сполохи огней с моря выглядели куда эффектнее, наряднее, праздничнее, чем вблизи. Рядом они показались ярмарочными, балаганными, лишенными всякого вкуса. В метровой неоновой вывеске «Казино» не включалась буква «К», и надпись выглядела курьезно. Первый этаж бывшего ресторана

«Эллада» занимал ночной клуб «Серж», названный, видимо, в честь владельца заведения, там имелся небольшой, на пять столиков, ресторанчик, и играл джаз квинтет, приглашенный на лето из Харькова. Ни оркестр, рекомендованный как вполне приличный, ни ресторан с браконьерской севрюгой не интересовали братьев, и они сразу поднялись на второй этаж, в то самое «Казино».

Еще по дороге с причала они заметили нараставшее по мере приближения к значному месту оживление. Когда прогулочный теплоход швартовался, братья обратили внимание, что с противоположной стороны пирса подчалил скоростной катер из Феодосии, и, судя по репликам и респектабельной одежде пассажиров, эти люди приехали специально в казино. Хорошо освещенная платная стоянка перед ночным клубом оказалась на треть заставлена роскошными иномарками, встречались среди них и дорогие кабриолеты с откидным верхом изумительных расцветок. Судя по всему, азартные игроки уже давно заняли свои излюбленные места на втором этаже.

Так оно и было. В огромном зале, в торце которого находился бар, располагались два больших стола для игры в рулетку, они словно делили помещение на сектора. В промежутках между ними и баром, в четырех местах у стоек, в высоких креслах сидели игроки в блэкджек — карточной игры, очень похожей на распространенное в быту «очко».

Хотя наверняка где-то мягко стрекотал кондиционер и работала вытяжная вентиляция, в зале висел густой табачный дым — отличительная черта всех наших ночных заведений. На Западе, где идет настоящая борьба за здоровый образ жизни, давно существуют и рестораны, и казино, и ночные клубы для некурящих, а здесь... Братья переглянулись, невольно поморщившись, но выбора не было, и они неспешно обошли зал, присматриваясь.

Сразу стало ясно, что столы для рулетки, стойки для игры в блэкджек и многое другое поставила английская фирма «Эдванс» — скоро они увидели и ее товарный знак. Подобное оборудование, просторные кожаные диваны и кресла с высокими спинками, обтянутые хорошо выделанной кожей северного оленя из Гренландии, они не раз встречали в Европе. В игорном бизнесе действуют жесткие стандарты, не отступили от них и здесь.

У столов для игры в рулетку свободных мест не было, ставки делали из-за спин сидевших вокруг столешницы, крытой особым зеленым сукном, — ситуация, наиболее любимая крупье: когда у игроков нет возможности спокойно анализировать варианты. Но при желании возможность сыграть предоставлялась: одни отходили, другие подходили, однако занявшие кресла завсегдатаи своих мест не покидали. Попытать удачу в блэджек было легче, там игроки за стойкой менялись куда чаще, чем за рулеткой. Игра в разных концах зала уже набрала обороты, и фишки оценивались в десять долларов. Раздавались голоса, предлагавшие перейти на столларовую отметку и объединиться за одним из столов, но достаточного количества желающих не набиралось — такая сумма была не по карману даже многим разъезжающим на «мерседесах».

За одним из карточных столов играли уже по-крупному, и братья заняли первые же освободившиеся места. К удивлению банкмета, они сразу увеличили и без того высокие ставки, и, что еще удивительнее, Борз выиграл восемь ставок подряд, а Аслан — четыре. Через час они оставили везучий стол, отойдя к бару с солидной суммой. В зале волной прошелестело: крупный выигрыш... крупный выигрыш... С этого мгновения и до последних минут пребывания в казино кавказцы были в поле зрения администрации, игроков и просто завсегдатаев престижного клуба. За стойкой бара они тоже долго не задержались: выпили по чашке кофе-капучино и бокалу местной минеральной воды «Алушта», отказавшись, к огорчению бармена, и от экзотических коктейлей, и от редких сортов виски, и от французского шампанского.

Выигранную гору фишек банкмет пересыпал в аккуратную фирменную коробку казино и по просьбе Алихана перенес на один из столов для игры в рулетку, где она и дожидалась хозяев рядом с крупье. Заполненная до краев дорогами фишками, коробка привлекала внимание играющих, они, да и крупье тоже, понимали, что с появлением у этого стола везучих кавказцев игра пойдет по-крупному. Среди посетителей игорного зала находились гласные и негласные хозяева заведения. Они профессиональным взглядом фиксировали все происходящее вокруг и понимали, что сегодняшняя ночь складывается не в пользу казино, а тут назревал еще взлет ставок в рулетку.

Поэтому, пока братья неторопливо пили кофе, в кабинете директора владельцы спешно инструктировали лучшего крупье. И впрямь, как только братья подошли к столу, крытому зеленым сукном, и попросили стоявших рядом передать коробку с фишками, тут же сменили крупье, но это вряд ли кому бросилось в глаза, — игра становилась все напряженнее и азартнее, а ставки все выше и выше.

Свободных кресел у стола для братьев не нашлось, не удалось им даже встать рядом, так много оказалось желающих в этот вечер попытать счастья в рулетку, и они расположились через стол, напротив друг друга. Вероятно, эта неустроенность, отсутствие возможности собраться, сконцентрироваться, перекинуться парой слов или советом, записать и проанализировать выпавшие номера и цвет хотя бы за три-четыре хода, как поступают большинство завязых игроков в рулетку, сказалась на игре и стоила им очень дорого. Через час на дне коробки перекатывалось всего с десяток фишек, проигранным оказался не только весь карточный куш, но и пять тысяч долларов кровных. Но в этот момент освободилось сразу два кресла рядышком, никто из стоявших рядом не стал на них претендовать, и крупье взглядом предложил кавказцам занять место у стола...

К этому времени крупье совсем успокоился и условным сигналом попросил себе смену. Повеселевшие владельцы дали добро, их интересовали уже другие столы и другие игроки — они были уверены, что фортуна на сегодня отвернулась от молодых людей в белых элегантных костюмах. Но через полчаса, когда один из хозяев, проходя мимо стола, увидел возле каждого из кавказцев по полной фирменной коробке фишек — а уж он-то знал, на сколько они тянули, — он мигом кинулся на первый этаж в ночной клуб «Серж», куда отправился перевести дух самый опытный крупье казино. Но и смена крупье не спасала положения, фартовой выпала ночь для будущих хозяев Коктебеля. И только очень внимательный человек мог заметить, что молодые люди не испытывают особого восторга или хотя бы радости от неожиданно свалившейся удачи — перед ними стояла иная задача: проиграть тысяч десять-двадцать долларов, запустить «голубков» Тоглара и в Крыму. А опытный крупье, которому с трудом удавалось держаться невозмутимым, равнодушным к чужому выигрышу, сгребал и сгребал в сторону

бывших морских десантников длинной и изящной лопаточкой все новые и новые горы фишек. Неожиданно игра перешла за стодолларовую отметку, как настаивали в начале вечера самые азартные игроки, инициатива исходила от проигрывающих, да и администрация казино не возражала, она тоже несла ощутимые на глаз убытки и желала резко переменить ход событий.

В первые полчаса игры по новым ставкам, казалось, тактика казино удалась, и госпожа Удача переметнулась на другой край стола, где сидели молодящаяся дама в бриллиантовом колье и два крепких парня с тяжелыми золотыми цепями на коротких шеях, одетые не в привычный адидас, а в тонкие шелковые костюмы, наверняка от Версаче или Армани. Заметно повеселели и братья — вроде начал срабатывать их план.

Когда крупье в очередной раз передвинул их солидную ставку к нервной даме со сбившимся на спину колье, Борз поднял лицо от зеленого сукна и оглядел сгрудившихся возле стола любопытных. Первый, кого он увидел, был Бессараб.

Ион стоял с друзьями, но уже без девицы, где-то во втором-третьем ряду столпившихся за креслами людей, и откровенно таился, не хотел попадаться им на глаза. Но деньги, азарт, витавший над залом, а особенно за этим столом, словно приковали его, и он задержался чуть дольше, чем следовало. Этого мгновения хватило Алихану, чтобы он понял: экспресс «Москва — Симферополь» пока отошел у «крыс» на второй план, и теперь они попытаются разыграть другую смертельную карту, на которой неожиданно оказалась их собственная с братом жизнь. О своей догадке Борз сразу не сказал Аслану, а продолжал делать ставки в прежнем ритме, уже обмозговывая действия Бессараба в ближайшие полчаса, как только они покинут казино. В эти минуты Алихан делал все механически, пригоршнями сыпал фишки наугад, но странно, лопаточка крупье из сандалового дерева за какие-то четверть часа вернула им все недавно утерянное.

Пересыпая часть фишек в коробку Аслана, Борз сказал брату на родном языке:

— На входе нас будут поджидать знакомые из ресторана.

Брат, не поднимая головы, ответил беспристрастно:

— Значит, Всевышний не хочет, чтобы мы перекладывали свои заботы на плечи других... — И после небольшой паузы,

делая крупную ставку на «чет» и «красное», добавил: — Уйдем не позже чем через полчаса, они не рассчитывают, что мы скоро покинем фартовый стол.

В эти мгновения никто из них не предполагал, что игра закончится чуть раньше, и не только для них. Какие-то невидимые и неосознанные импульсы подсказали игрокам за столом, что кавказцы, задававшие весь вечер тон в казино, собираются уходить, и оттого ставки снова круто взмыли вверх. К тому же появились еще несколько запоздавших любителей рулетки, которые без размышлений включились в сумасшедшую гонку. Теперь перед каждым запуском рулетки зеленое поле стола было сплошь заставлено разноцветными фишками — такое обычно случается раз-два за вечер, а тут стало нормой.

В один из таких моментов, когда все уже сделали ставки и прозвучало последнее предупреждение крупье, Алихан вдруг взял три полных коробки и поставил их на «зеро» — ему не терпелось поскорее схлестнуться с поджидавшими их на улице бандитами. Зал затих, не понимая, почему кавказцы так легко отказываются от крупного выигрыша, ведь поставить на «зеро» — все равно что потерять: желанный ноль иногда не выпадает неделями. Крупье, перед тем как запустить шарик, вопросительно глянул в сторону хозяев — уж слишком высока была для молодого заведения ставка при сто долларовой цене за фишку, но те кивком дали добро. А через секунду рев радости и отчаяния буквально взорвал продымленный зал — выпало «зеро».

Кто-то из владельцев заведения тотчас объявил о его закрытии и пригласил счастливиц для расчета в кабинет директора.

Пока один из управляющих обхаживал гостей, угощая их кофе, другие спешно подсчитывали убытки — к такому сокрушительному поражению они оказались не готовы ни финансово, ни морально. Минут через двадцать в кабинет, где шла пустопорожняя светская беседа об игорных домах в Париже и Лондоне, Лас-Вегасе и Монте-Карло, ввалились все совладельцы рулетки: они могли выплатить только половину выигрыша, об остальной сумме следовало договориться мирно, или придется закрывать казино. Когда братьям объявили, что владельцы не в состоянии выплатить весь выигрыш сразу, гости приняли

это сообщение невозмутимо. Хозяева боялись иной реакции, предполагая, что за этими счастливицами стоят непримиримые конкуренты.

— Какой вам нужен срок? — спокойно спросил Алихан, он, как и хозяева, совсем не хотел, чтобы казино в Коктебеле закрылось.

— Две недели... — подумав, ответил один из совладельцев и поспешно добавил: — Мы готовы оставшуюся сумму доставить по вашему адресу.

— Спасибо, — отрицательно покачал головой Алихан. — Не стоит обременять себя особыми хлопотами, отнесите деньги хозяину ресторана «У Хромого черта», на набережной, а он знает, кому их передать, — и встал, чтобы откланяться.

— Не нужна ли вам машина или сопровождающие для безопасности? Такие деньги в Крыму могут вскружить шальные головы, — предложил один из явно теневых руководителей.

— И за это спасибо, но мы с удовольствием прогуляемся вдвоем... — И братья, пожав протянутые на прощанье руки, направились к выходу.

Когда они появились во дворе ночного клуба, то увидели опустевшую автостоянку. Роскошные кабриолеты разъехались, отплыл и катер на Феодосию, его сигнальные огни еще мелькали вдали на волнах. Разошлись и завсегдатаи из «Сержа», кругом, казалось, разлились покой и тишина. Неоновые вывески погасли, на территории горел один слабенький фонарь у розария, а за оградой стояла кромешная тьма, ни огонька — энергетический кризис.

Еще на высоком крыльце, откуда они, наверняка, хорошо просматривались на фоне ярко освещенного подъезда, Аслан достал свой «плеер», не спеша надел наушники и тотчас услышал голоса затаившихся невдалеке в кустах людей.

— Появились лохи, да еще с музыкой...

Другой голос добавил:

— Да хоть с гармонью, значит, ничего не подозревают... чайники.

А третий бас, наверняка Бессараба, подытожил:

— Что музыка, это хорошо, значит, без охраны, без машины, тогда бы облом. Но я везучий... Будем мочить ножами, как договорились. А теперь — вперед! Сзади они могут почуять

«хвост» ... Устроим им засаду у стройки, там и закопаем, как в прошлый раз... Сворачивать им некуда, дорога одна... — И разговор оборвался, послышались быстро удаляющиеся шаги.

— Ясна программа, — обернулся Аслан к брату, пряча «плеер» в карман, и объяснил, где их поджидают.

Как только они вышли со двора, оба, как по команде, склонившись, достали из-под широченных модных брючин прилаженное у щиколотки оружие: у Алихана оказался в руках пятнадцатизарядный итальянский пистолет «бернанделли», у Аслана — семнадцатизарядный голландский «глок», оба с глушителями. На сегодня это были самые почитаемые после калашникова игрушки отечественных киллеров и их будущих жертв: банкиров, предпринимателей, коммерсантов.

Когда в сумерках они бежали к причалу на последний рейс прогулочного теплохода, оба отметили, что на пирс и в казино ведет одна дорога вдоль моря, густо обсаженная разросшимися кипарисами и серебристыми тополями. Приметили они и глубокий осыпающийся котлован заброшенного долгостроя — нового корпуса «Голубая волна». Образ жизни и время приучили их замечать все вокруг. Планируя свой поход в казино, они отдавали себе отчет, что будут возвращаться глубокой ночью, поэтому подобный расклад с засадой тоже держали в голове. А тут Бессараб, как на блюдечке, выложил точное место встречи — можно сказать, преподнес подарок, что бывает не часто. В руках у них бесшумное скорострельное оружие, и право первого выстрела тоже за ними, ведь Бессараб открыто объявил: будем мочить, и могилу им определил...

— Не торопись, убавь шаг, — придержал Аслан брата, — нужно, чтобы глаза привыкли к темноте. На этот раз все преимущества на нашей стороне. Не находишь, чересчур все удачно складывается? Не нравится мне это, как-то нечестно.

— У них зато по-благородному... — огрызнулся Алихан и вдруг зло добавил: — Стреляем только подельников Бессараба, ему я хочу сказать пару слов, он не заслуживает легкой смерти...

Минут через пять глаза привыкли к мраку, и, несмотря на темень, дорога вблизи просматривалась. До котлована оставалось метров двести, когда Аслан тихо попросил брата:

— А теперь давай рассказывай мне громко по-русски анекдот, желательно новенький. Надо снять с них напряжение —

ведь идут люди с хорошим настроением, с крупным выигрышем... глупые овечки на заклатие... Чайники, как он сказал...

Через несколько минут, когда они, деланно покатываясь со смеху, приближались к котловану, Алихан, особо чувствительный к запахам, уловил сигаретный дым и тут же у единственного дуба, под которым вечером работал фотограф с обезьянкой, заметил мелькнувший огонек сигареты.

— Как только пройдем этот старый дуб, они набросятся сзади, чтобы кончить одним ударом под лопатку, приготовься...

Не переставая балагурить и смеяться, они приближались к роковому месту, все ближе и ближе к дубу, правда, смещаясь от него чуть правее, к морю, к краю дороги, чтобы лишить нападающих возможности легко запрыгнуть им на спину.

Едва братья миновали облюбованное фотографом место, как сзади раздался легкий шум, на который они мгновенно развернулись, — двое здоровенных парней с ножами в руках пытались в рывке достать их, а третий, чуть поодаль — видимо, Бессараб, — бежал на страховку. Почти одновременно прозвучало два хлопка, слившихся в один, — так гасятся пистолетные выстрелы новейшими глушителями, — и Бессараб не понял, отчего оба его подельника разом рухнули, словно поскользнулись, и распластались на асфальте, а сам он оказался сбит с ног ловким приемом. Когда длинное холодное дуло пистолета, ломая зубы, впихнули ему в рот, до Бессараба дошло, отчего «поскользнулись» его подручные, и на каких «чайников» они наехали.

Ожидая такого же тихого выстрела, Бессараб почему-то вспомнил отрезанную голову другого своего подельника, беспредельщика Кувалды, обнаруженную однажды поутру у себя в огороде. Однако выстрела не последовало, зато человек с пистолетом в руке сказал тихо, но внятно:

— Бессараб, ты умрешь не потому, что хотел отнять наши жизни и закопать нас, как собак, безымянными, в грязном котловане, — за это заплатили своей жизнью твои дружки. Ты умрешь, потому что ты, крыса, обираешь старого и малого, ты живешь западло. Мы приговорили тебя еще вечером, когда ты задумал пустить под откос поезд. Убить и искалечить сотни людей... Ради наживы...

Наверное, в этот момент Бессараб начал сесть на глаза, потому что наутро, когда его обнаружат, в буйной цыганской

шевелюре его не будет ни одного темного волоса. Быть может, он и впрямь подумал, что настигла его карающая десница Господа. Иначе откуда узнали эти молодые чеченцы, что он решил убить их и закопать в котловане?.. Пустить под откос экспресс «Крым»? Откуда?.. Откуда?..

— Ты не заслуживаешь ни ножа, ни пули. Ты хотел доллары, ты их и получишь...— И, оторвав дуло пистолета от окровавленных губ, Алихан вдруг стал в истерике впихивать ему в рот пачку долларов...

Стоявший рядом с ним Аслан добавил из своих рук еще одну пачку... Минут через пять набитый долларами Бессараб затих...

«Пекинский» банкет

В тот же самый день на излете августа, когда в ресторане «Редиссон-Ростов» Тоглар ужинал вместе с очаровательной девушкой из магазина «Астория», а братья Цуцаевы разорили казино в Коктебеле, Слава Неделин по кличке Картье отмечал день рождения в московской гостинице «Пекин». Точнее, гулял в одноименном ресторане, популярном среди столичных завсегдатаев еще с шестидесятых годов.

В давние времена китайский ресторан стал излюбленным местом московских фарцовщиков, и днем зал был переполнен: здесь обедали деловые люди, крутившие свой бизнес на Садово-Кудринской в торговом центре «Кабул». Кстати, в молодые годы слыл своим человеком в ресторане и Вячеслав Кириллович Иваньков, известный теперь всему миру под кличкой Япончик, ученик легендарного, как ни странно, умершего в собственной постели Монгола. В обеденный перерыв за персональным столом в глубине зала, у эстрады, Япончик собирал дань с фарцовщиков. Завсегдатаям модного ресторана было известно, что в свое время шеф-повар «Пекина» оказался резидентом китайской разведки. В «Пекине» во время московского тура игр всегда останавливалось тбилисское «Динамо», где в ту пору блистали Михаил Месхи и Слава Метревели... На третьем этаже, в буфете, часто можно было встретить за стаканом портвейна великого актера Олега Даля, забежавшего из расположенного напротив театра «Современник». Шумной

некогда была гостиница «Пекин», и китайский ресторан при ней процветал.

Конечно, Неделин праздновал свое двадцативосьмилетие в «Пекине» не оттого, что питал слабость к историческим стенам, помнившим молодого Япончика, отнюдь; новые времена — новые рестораны. У крутых парней ныне свои престижные заведения. Правда, любят заглянуть сюда, по доброй памяти, люди старой гвардии, обожающие китайскую кухню и помнящие, что знаменитый суп из акульих плавников стоил в ту пору ровно три рубля!

Слава Неделин — завсегдатай ночных клубов «Метелица», «Арлекино», «Сохо», «Карусель» и других, более богемных, где собираются люди искусства, как, например, «Пилот», — как раз не мог отпраздновать день рождения ни в одном из них, не вызвав обиды хозяев других заведений, потому и выбрал старомодный «Пекин». Но, честно говоря, «Пекин» был больше по душе Неделину — армию он отмантулил во Владивостоке, в самоволках приохотился к китайским ресторанчикам, выросшим там как грибы. К тому же, он не любил «парижскую» тесноту новых ресторанов и ночных клубов, то ли дело социалистический размах отгроханного в пятидесятых «Пекина» — высочайшие, в два этажа, потолки, простор зала сродни даже не футбольному, а полю для гольфа, солидная, тяжелая, из редчайших пород дерева мебель, обтянутая толстой, хорошо отполированной бычьей кожей, массивные столы, которые если и захочешь, не опрокинешь. Гончайший фарфор столовых и чайных сервизов, расписанный сценами из жизни богдыханов. К тому же, китайская сторона, недавно ставшая совладелецей ресторана, сделала своими силами роскошный ремонт. Лучшие художники, дизайнеры, архитекторы Поднебесной вернули залу прежнюю красоту и величие. Нет, не случайно, отнюдь не случайно Картье выбрал именно «Пекин» ...

Для долгого застолья, торжественных мероприятий китайские рестораны подходят более всего: блюда за вечер меняют раз двадцать, все они легкие, красочно приготовленные и поданные, много экзотики.

Меню он составлял со знающими людьми и радикальных блюд — типа черных яиц тридцатидневной выдержки — не выбирал, однако китайскую водку-ханжу зеленого, красного,

синего цветов, настоящую на змеях, заказал. Среди приглашенных были люди с неординарным вкусом, их ни «Абсолютом», ни «Камю» не удивишь — пройденный этап.

Застолье в честь дня рождения давало Неделину возможность лишней раз напомнить о себе как о человеке оригинальном, широкой природы, прожигателе жизни — с одной стороны, с другой — как об удачливом предпринимателе, занятом непонятно чем. О роде своей деятельности он говорил небрежно, как о чем-то недостойном его тонкой природы: импорт-экспорт, — и это отбивало у любопытствующих желание узнать подробнее, чем занимается фартовый Картье. Хотя фирму он имел на самом деле и слыл своим человеком среди некоторой части банкиров и крупных предпринимателей, но и эти знакомства завязались на почве досуга: в казино, на всяких модных ту-совках, вернисажах, показах высокой моды. Однако о таких существенных деталях он умалчивал, только вдруг, при удобном случае, когда разговор заходил о какой-нибудь важной персоне, мог небрежно вынуть визитку с именем упоминавшегося с придыханием господина и бросить как бы невзначай, что, возможно, встретится с ним завтра в клубе. Он умел поддерживать свой рейтинг, не давал погаснуть костру разговоров о себе, ловко и вовремя подбрасывая в него «дровишки».

Конечно, его имиджу поспособствует и новый белый шестисотый «мерседес», припаркованный на платной стоянке перед «Пекином» ... Автомобиль появился у него всего неделю назад, и, конечно, не все, кому надо бы, его видели, и хотя последняя Славкина машина, японская «мазда», производила впечатление, но «мерс» есть «мерс». К тому же вместе с «мерседесом» он заполучил такое покровительство, которое не идет в сравнение даже с личным парком иномарок. Можно сказать, что «мерс» достался Картье бесплатно, но ведь пришлось из-за него рисковать жизнью, ставить судьбу на кон — в прямом смысле слова.

Есть люди, которые постоянно ходят по лезвию ножа, таким был и Неделин, и, наверное, ему больше подошла бы кличка Канатоходец. По природе своей он не был игроком и славы «каталы» чурался, хотя знал многих профессионалов, живущих игрой. Однако, видимо, имел достаточно высокую репутацию азартного игрока, если к нему — недели за две до дня

рождения — обратились с предложением очень солидные люди. Конечно, он и сегодня не был уверен, что встретился именно с первыми людьми, затеявшими грандиозную аферу, где ему предназначалась главная роль. Разумеется, ему обещали страховку, не избавившую от сомнений, что в случае какого-либо промаха ему просто оторвут голову. Можно было отказаться, но игра стоила свеч, другой такой шанс войти в доверие к самым крутым людям в столице ему вряд ли когда бы выпал.

В тот вечер его отвезли куда-то в Подмосковье, в большой загородный дом, поразивший Славку не роскошью — к этому он привык, навидался, — а какой-то изысканной утонченностью, начиная от архитектуры здания до цветовой гаммы всего интерьера. Принимали его в каминном зале два солидных джентльмена лет сорока, не меньше, которых Картье никогда не встречал — он слыл среди знакомых прекрасным физиономистом и мог поклясться в этом.

Больше говорил поджарый господин, носивший толстые плюсовые очки в золотой оправе от «Тиффани». У ног его покоилась большая холеная пятнистая собака неизвестной Картье породы, которую хозяин время от времени, наклоняясь, поглаживал по голове.

Никакого чая, кофе, церемонных разговоров о житье-бытье, сразу о деле, да таком серьезном, что можно было подумать, не шутят ли господа, не разыгрывают ли, но Картье давно уже научился держать паузу и язык за зубами.

— Мы решили пригласить вас, — начал разговор хозяин собаки, как только его провели в каминный зал и усадили в высокое кресло на ощутимой дистанции, — вероятно, чтобы почувствовал: для сближения с такими людьми следует проделать путь долгий и непростой, — чтобы поручить одно деликатное, не лишнее риска дело. Опережая вопрос, почему выбор пал именно на вас, объясню. Для успеха операции нужен человек с незапятнанной репутацией, широко известный в определенных кругах, — мы долго искали такого человека и, в конце концов, остановили свой выбор на вас, Картье. Примите мои поздравления, у вас прекрасная репутация, высокий имидж. У вас нет откровенных врагов, правда, есть завистники, но успех всегда вызывает зависть. Вас знают во всех игорных заведениях Москвы, по нашим данным, вы играли и в казино Коктебеля,

в прошлом году взяли немалый куш в Санкт-Петербурге. Вы сливете человеком при деньгах, так что крупная игра, затеянная вами, ни у кого не вызовет подозрения.

Так как Неделин продолжал хранить молчание, да вопросов от него никто, видимо, и не ожидал, хозяин продолжил:

— Мы решили, с вашей помощью, разумеется, разорить известное и, возможно, любимое вами казино «Трефовый туз». — Заметив удивление на вытянувшемся лице гостя, хозяин дома, поглаживая привставшую собаку, спокойно продолжил: — Да, именно это казино мы решили завалить. Знаем, кто его держит, под чьей крышей сидит хозяин, кто поддерживает его и крышу. Мы решили в том же районе построить по специальному французскому проекту свое игорное заведение. Игра — слишком прибыльный бизнес, и, как говорится, Боливар двоих не вынесет. Есть и другие причины для того, чтобы расквитаться с хозяином «Трефового туза», но этого вам лучше не знать, спокойнее спать будете. Если вы согласитесь нам помочь, то мой друг Игорь Павлович, — поджарый показал рукой на сидевшего рядом молчаливого человека с цепким взглядом близко посаженных у переносицы глаз, — расскажет вам в деталях, что от вас требуется. Но прежде мы должны получить ваше принципиальное согласие...

Неделин мгновенно просчитал, что, назвав «Трефовый туз», они намеренно закрыли ему дорогу к отступлению, и самое лучшее в таком случае было бы посчитать предложение за честь, поэтому он сказал:

— Люди, которые организовали встречу с вами, вызывают у меня огромное уважение, им я не могу отказать. — Но он не отказал и себе в удовольствии чуть-чуть поторговаться. — Наверное, в случае удачи я смогу рассчитывать на их и ваше покровительство, ведь я просто средней руки бизнесмен.

— Спасибо, Картье, — принял его игру хозяин. — Мы рассчитывали на взаимопонимание. Вероятно, мы и впредь будем изредка обращаться к вам с просьбами или поручениями, возможно, не только в России, вы ведь владеете английским.

— Да, я закончил английскую спецшколу и два года подряд поступал в МГИМО, — усмехнулся Неделин.

— И это нам известно, вот вы и будете нашим дипломатом. — И поджарый жестом дал слово человеку непонятной

национальности: он мог быть и кавказцем, и ассирийцем, молдаваном и даже таджиком. — Что ж, объясните гостю суть дела...

— Вы, может быть, и не знаете, — начал долго молчавший Игорь Павлович, — в силу своей молодости и беспечности, что игорные заведения охраняются почище режимных объектов. Весь зал, от порога до туалетной комнаты, просматривается телевизионными камерами, в зале всегда находятся несколько человек из службы безопасности. Существует фотокартотека лиц, которым допуск в казино запрещен, — иллюзионистам, гипнотизерам, особо одаренным математикам, ясновидящим, аферистам, карманникам, — это вам сведения скорее на будущее. Вы желанный гость во всех игорных домах Москвы, оттого наш выбор и пал на вас.

— К делу, ближе к делу, — подсказал хозяин, поглаживая крупную собачью голову...

— Операция продумана до десятых долей секунды. Впрочем, вам предстоит не одна репетиция, чтобы все получилось синхронно, так сказать, автоматически, — подчеркнул «инструктор», — в этом залог успеха. В день операции вы приезжаете в «Трефовый туз» в свое обычное время, за час до полуночи, обходите все бары, рестораны на обоих этажах, встречаетесь с друзьями, приятелями — все как всегда. Затем переходите к рулетке. Там к этому времени игра будет в разгаре, и к столу, естественно, не пробиться. Но рядом с крупье, слева, будет сидеть наш человек — в день операции мы сообщим, как он будет одет, — вы должны пристроиться рядом с ним или за спиной и делать свои ставки. Забегая вперед, скажу, как ни парадоксально это прозвучит, вы должны в этот день крупно проиграть. За полчаса или минут за сорок вам наверняка удастся выбрать позицию, чтобы занять специальное, освобожденное для вас место. Усевшись рядом с крупье за столом, вы продолжаете играть и ждете начала операции. А кульминация заключается в следующем: в определенное время, когда все участники дела будут на исходных позициях и созреет момент, в зале погаснет свет — ровно на минуту, не больше. Вот в эти шестьдесят секунд вы и должны поработать. В барабане рулетки снимается хромированная головка, та, что вращается в середине. Учтите — крупье тоже наш человек.

В эти же доли секунды вам в руки из-за спины подается другая, точно такая же на вид, головка, и вы, даже не привставая, ставите ее на место украденной. Конечно, в этот момент могут быть крики, шум, кто-то рассыплет фишки, но это все вам на руку... Включается свет, и игра продолжается. Вы будете знать, положим, тридцать-сорок будущих ходов и, пользуясь этой информацией, проиграете тысяч двадцать-тридцать долларов. Деньги мы вам выдадим, выигрывать будут долго, до закрытия, но другие. Желательно, чтобы в «Трефовый туз» после двух часов ночи заехала за вами какая-нибудь подружка и вы бы поехали гулять до утра в другое место, обязательно захватив с собой кого-либо из казино. Таким образом, мы готовим ваше алиби: потом всех, кто был там в этот вечер, будут трясти — вы ведь знаете, кому принадлежит этот игорный дом. Вот и вся операция. Есть какие вопросы, предложения?

— Я бы не хотел репетировать с непосредственными участниками операции, — ответил Неделин, — а остальное меня вполне устраивает.

— Логично рассуждаете, — рассмеялся человек в очках. — Но и мы не лыком шиты, все ваши подельщики будут иностранцами и уедут тотчас после событий, нам светить вас не резон...

2

На день рождения Картье созвал нужных людей, способных ответить приглашением на приглашение. Но среди гостей оказалось несколько штатных фигур, привлекаемых на такого рода мероприятия. Прежде всего, три-четыре хроникера светской жизни, делавших погоду в весомых столичных газетах: «Коммерсант Дейли», «Сегодня», «Век» и в модных, богато иллюстрированных журналах типа «Домовой», «Андрей», «Новые русские». Обязательным считалось и присутствие одного-двух поэтов из непонятного никому, кроме авторов, андеграунда. Мест пять-шесть Неделин зарезервировал для неприглашенных представителей богемы, среди них мог оказаться и примелькавшийся всем долговязый актер, не пропускающий ни одной тусовки, кто-нибудь из модных художников новой

волны, выставляющихся в шикарной галерее «Риджина» на Мясницкой или в «Бонфи», на улице 1905 года. Могли появиться незваными и экс-политики, пытающиеся в элитных тусовках вновь обрести потерянное имя. Остальные составляли круг людей более солидных — несколько крупных предпринимателей с разновозрастными женщинами, банкиры средней руки, тоже в сопровождении длинноногих референтш в мини-юбках. Весомым считалось и присутствие в основном составе двух-трех адвокатов с именем — эти в светскую болтовню всегда вносили свежую струю: кого посадили, кого убили, кого освободили, а кого посадят или убьют в скором времени.

Приехали на празднование и четыре крепких парня с бритыми затылками, представленные гостям как владельцы крупных и широко разрекламированных фирм, но в узком кругу больше известные как «авторитеты» и «воры в законе» и привыкшие откликаться на тюремные клички. Они прибыли в сопровождении не только размалеванных девиц, которых отрекомендовали как будущих звезд московской эстрады, но и целого взвода телохранителей — для тех чуть поодаль накрыли отдельный стол.

Среди гостей Картье в тот вечер присутствовали и несколько владельцев салонов модной одежды, в которых Неделин одевался. Должен был заглянуть и знаменитый кутюрье Раф Сардаров, но по каким-то причинам мэтр в «Пекин» не явился. Отсутствие признанного отечественного модельера не очень расстроило Славу, огорчился же он из-за того, что на день рождения не приехал единственный товарищ его прежней жизни, с которым он служил на флоте, в десантных войсках, а позже с ним же прошел курс войск специального назначения, — Гера Кольцов с красавицей женой Леночкой Мороз, в которую они оба были влюблены во Владивостоке.

Весь вечер Неделин время от времени поглядывал на входную дверь роскошного зала: не появится ли его флотский дружок с бывшей продавщицей галантерейного отдела владивостокского универмага — красивая и счастливая пара, но они так и не пришли. Глядя на радиотелефоны в руках у многих посетителей ресторана, он время от времени порывался позвонить, но всякий раз вспоминал, что у лейтенанта милиции Германа Кольцова, снимающего комнату в районе новостроек

Солнцево, нет не только телефона, но к нему даже метро пока не ходит.

Странно, но в самый последний момент ему очень захотелось, чтобы рядом за богато накрытым праздничным столом оказались люди, знавшие его прежде, когда он переживал свои неудачи при поступлении в МГИМО, искал свой путь в жизни. Хотелось сегодня похвалиться и новеньким молочно-белым «мерседесом», но не появились ни Гера, ни Леночка.

Правда, грустить имениннику особенно не давали: хроникеров явилось больше, чем он приглашал, неприглашенных служителей богемы тоже оказалось сверх запланированного лимита. Зато неожиданно приехал один крупный банкир — с ним Слава изредка играл в бильярд в закрытом престижном гольф-клубе. На его визит Неделин, даже вручив приглашение, честно говоря, не рассчитывал — слишком уж высок был гость, появляющийся на экране телевизоров рядом с министрами, депутатами, редакторами влиятельных газет.

Но больше всего его обрадовало появление поджарого господина, владельца пятнистой собаки, по чьему приказу он завалил казино «Трефовый туз». Неделину и в голову не могло прийти, что можно пригласить таких важных господ на свой день рождения. Тот возник у стола в разгар банкета с букетом роскошных темно-красных роз. Усаживаться за стол, как ни уговаривал именинник, он не стал, объяснив, что заехал по пути в аэропорт «Шереметьево-2», и что через три с половиной часа его ждут на аэровокзале Хитроу в Лондоне. Но тост за здоровье именинника, Вячеслава Михайловича, он произнес и бокал французского шампанского выпил. Затем, вручив виновнику торжества подарок — замшевую коробку вишневого цвета, — глянул на часы и быстро удалился.

Загадочный господин в элегантной серой твидовой тройке и в очках с золотой оправой на миг завладел вниманием шумных гостей и исчез. На недоуменные вопросы гостей Славка, то есть Вячеслав Михайлович, так и не узнавший, как зовут таинственного мэтра, ответил, как всегда, туманно, по-восточному: — О, это очень большой человек!

Наблюдательный Неделин успел заметить, что неожиданный гость с роскошным букетом едва заметным кивком раскланялся лишь с банкиром, которого именинник и не чаял увидеть

своим гостем. После туманного объяснения подвыпившие гости стали настаивать, чтобы Картье показал подарок господина, спешащего в Лондон, и тут Слава таиться не стал. Под одобрительные крики собравшихся он открыл коробку... В фирменном футляре, обитом белым шелком, покоилась самая известная модель часов «Картье» — «Картье-Танк — Санкт-Петербург», выполненная из белого, восемнадцатикаратного золота, с сапфировым стеклом. В браслет из того же белого металла были вплетены полосы из желтого и розового золота. Приглашенные, знавшие кличку Неделина, бурно выразили восторг, одобряя тем самым вкус запоздалого визитера.

Гости быстро оценили преимущества застолья в старомодном на первый взгляд «Пекине». Большинство из них оказались тут впервые и были приятно удивлены: новые китайские ресторанчики, даже самые уютные и известные из них, такие как «Золотой дракон», «Шанхай», «Гонконг», не шли ни в какое сравнение с величественным «Пекином». Это все равно что парижский «Максим» сравнивать с московским «Минском», впрочем, как и с любыми другими ресторанами, включая все новомодные, открытые в последние два-три года. Привыкшие к тесноте полуподвальных элитных клубов присутствующие едва ли не впервые почувствовали себя как на дипломатических приемах — комфортно и просторно. Локоть соседа не мешал ни слева, ни справа, а роскошная сервировка придавала бесшабашному застолью респектабельный вид и значимость. Оттого, наверное, после неожиданного ухода таинственного джентльмена тосты произносились продуманнее, со смыслом, и сами гости как-то приосанились. По крайней мере, уже не так стремительно срывались с мест даже на самые забойные ритмы старавшегося всю оркестра — уж на лабухов Неделин денег не пожалел и даже велел, как и для телохранителей, накрыть для них отдельный стол.

Избалованным гостям пришлось по душе и кухня, а точнее, выбор меню, сделанный щедрым именинником. Кто-то даже попросил повторить мелко нашинкованную вырезку из телятины, зажаренную с молодыми побегами бамбука и папоротника. Впрочем, кое-кто уверял, что это вовсе не мясо, а рыба. Подобные заблуждения случаются со многими из тех, кто плохо знаком с китайской кухней: соусы, подливы,

предварительная обработка меняют до неузнаваемости не только вкус знакомых с детства продуктов, но и их внешний вид. Налегали гости и на жареные пельмени, где начинкой служил озерный карп и невиданные у нас овощи и приправы; понравилась вырезка, зажаренная кусочками в тесте, во фритюрнице, на соевом или рисовом масле. Мужчины закусывали китайскую водку-ханжу обжигающим острым салатом из капусты с яблоками и красным перцем. Пришлось официантам добавочно подносить и жареные грибы сянг-гу, которым вряд ли можно подыскать аналогию в русской кухне, хотя Россия, как никакая другая страна в мире, богата лесными дарами. Большинство, как понял хлебосольный именинник, ханжу видели впервые, но никого, включая прекрасный пол, не испугал вид бутылок, в которых плавали остатки змеиных остовов — наоборот, к стоявшим рядами изысканным французским коньякам и выдержанному шотландскому виски никто не притронулся. Исключение составили лишь знаменитый китайский коньяк «Золотой ярлык» и китайские вина в роскошных бутылках, которые Неделин заказал на всякий случай, для экзотики, для поддержания китайского стиля. Но к винам скоро охладели — они все имели резкий цветочный запах и не были рассчитаны на русский объем потребления. Пожалуй, самый большой и единодушный восторг вызвал китайский зеленый чай «лин-юн», поданный уже к десерту, когда стол ломился от диковинных заморских фруктов, и не только китайских, но, в особенности, от сладких блюд из Поднебесной, в названиях которых, кажется, путались и вышколенные метрдотели, особо опекавшие их стол. Хозяева ресторана знали, что банкет закончится грандиозным чаепитием, не свойственным для русского застолья, ведь китайская кухня изначально ориентирована на чай, иначе жажду никаким пепси, никакой минералкой не утолишь.

В тот августовский день в «Пекине» отмечался не только день рождения Неделина, похожие компании можно было увидеть еще в нескольких местах громадного ресторана. Не пустовал и второй зал, по старинке называемый банкетным, — там тоже веселье плескалось через край. Большая компания, похоже, отмечала защиту докторской диссертации: дальновидные «новые русские», обзаведясь капиталами, спешили

запастись и званиями. Поэтому, когда особенно зажигательная танцевальная музыка отрывала подвыпивших гостей «Пекина» от тарелок, площадка возле музыкантов уже не вмещала всех желающих, и оттого неожиданно вошедшему в зал показалось бы, что весь ресторан сорвался с мест и пустился в пляс.

Китайская водка-ханжа гораздо слабее русской, но, когда ее мешают с коньяком и виски, крепко ударяет в голову, гости же Неделина гуляли от души и дружно откликались на каждый тост. Сам именинник от ханжи держался подале, пил только шотландское виски, старое, проверенное «Джонни Уокер» с черной этикеткой, двенадцатилетней выдержки. К тому же, он по совету бывалых гуляк уже с год как стал использовать эффективное антиалкогольное противоядие: за два-три часа до большого банкета, где невозможно будет не пить, и притом много, готовил себе смесь из настойки элеутерококка и пятидесяти граммов хорошей водки и все это запивал тремя желтками свежих яиц. Оттого он не пьянел и на этот раз — как хозяин он должен был следить за столом, уважить каждого из гостей. Впрочем, были у него и особые причины, чтобы не терять бдительность.

Даже танцуя вместе со своими гостями, Неделин внимательно оглядывал сидевших за близлежащими столами. Иногда намеренно танцевал в проходе, в середине зала — так, по существу, можно было контролировать весь ресторан, тем более что Слава отличался феноменальной памятью на лица. Нет, он не чувствовал особой тревоги, но понимал, что хозяева «Трефового туза» вряд ли смирились с поражением и, конечно, ищут объяснения, почему в одну ночь получили такой сокрушительный нокаут, а потому взяли под микроскоп всех, кто в тот злополучный вечер побывал в казино. Неделин хорошо знал явных и тайных хозяев «Трефового туза», догадывался, кого они могут привлечь к расследованию, и потому старался запомнить тех, кто оказался на его праздновании в «Пекине». А вот то, как Неделин держал в поле зрения гулявших в тот вечер в китайском ресторане, вряд ли засек бы и специально наблюдавший за ним человек. Все получалось само собой — сказывался опыт, но, главное, он действительно веселился от души: так роскошно день рождения Картье отмечал впервые в жизни. Последние годы Слава Неделин жил как на острие

ножа, и рискованная жизнь канатоходца приучала его все видеть, запоминать, анализировать. И все же он веселился искренне, а система защиты включалась время от времени как бы сама собой, не отвлекая его от основного занятия — быть радушным и щедрым хозяином.

3

Странно, но веселье не мешало ему вспоминать временами далекие дни армейской службы во Владивостоке и, конечно, Геру Кольцова, закадычного друга. Да и как же иначе — два с лишним года их койки были рядышком, и о чем только не переговорено в долгие зимние ночи на берегу Тихого океана, а все больше о том, как они заживут в Москве после дембеля. Какие планы строили! «Гера... Герка...» — произносил он чуть ли не вслух, и перед глазами проносились первые месяцы службы в десантных войсках Тихоокеанского флота. «Солдаты в тельняшках» — так метко окрестила некогда род их войск красавица Леночка Мороз, продавщица галантерейного отдела владивостокского универмага.

Можно сказать, что им с Герой в армии поначалу не повезло: большинство призывников в их части оказались в том году из Западной Украины. Ох, и не любили они москалей! Особенно травил Неделина, откуда-то прознав, что он до призыва поступал в МГИМО, да и в армии старался не расставаться с учебниками английского языка. Однажды они разорвали эти книги на глазах Неделина на клочки.

Издательствам не было предела, и повторялось это каждый день — надоедало одним, подключались другие. В те годы дедовщина расцвела в армии пышным цветом, но на гражданке становились известными только смертельные случаи, да и то лишь такие, что получали огласку из-за своей дикости, разнужданности. Слава с Герой ненавидели своих истязателей, называли их «бандеровцами», «петлюровцами», хотя в ту пору вряд ли понимали сущность лютого национального антагонизма — даже в элитных частях.

Но в один день смертельное противостояние закончилось, и произошло это благодаря Кольцову.

Как раз на Новый год, когда из части схлынуло начальство, а дежурный офицер, донжуанистый капитан, отправился поздравить свою пассию, жившую неподалеку, Герка после отбоя каким-то образом разоружил двоих сержантов из караула и, завладев трофейным автоматом, ворвался в комнату, где обитали самые крутые «деды». Три часа, наверное, показались «петлюровцам» вечностью: Гера под страхом смерти прогнал братву через череду изощренных унижений. Видимо, вид Кольцова не вызывал у них сомнения: этот пристрелит, не задумываясь, и сожалеть не будет. Под конец Гера затребовал у них собственноручно записанные домашние адреса и предупредил, что если кто-нибудь попытается и впредь измываться над ним со Славкой, то после службы он, мол, достанет каждого и в родном доме.

Странно, но новогоднее ЧП не получило особой огласки, хотя кое-кто догадывался, что произошло нечто серьезное. Через два месяца, в канун Восьмого марта, Кольцова и Неделина, лишь двоих из части, неожиданно перевели из десантных в войска специального назначения — ныне хорошо всем известный спецназ. Там служили ребята из Поволжья: чуваша, мордва, башкиры и, конечно, русские, так что подобных конфликтов, как прежде, у них больше не происходило.

Последние полтора года службы сделали из Славки настоящего воина. Он прошел курс диверсионной и противодиверсионной подготовки и теперь вполне мог работать и на внешнюю, и на внутреннюю разведки. Они с Герой считались лучшими специалистами в своем выпуске по слежке и конспирации.

Так что сейчас Слава оценивал годы, отданные Тихоокеанскому флоту, все-таки со знаком «плюс». Да, служба выпала трудная, познал дедовщину с лихвой, но армия — прежде всего молодость, а разве можно из скоротечной, как весна, человеческой поры вычеркнуть два года жизни? Нет, конечно. Жили они на флоте полнокровной жизнью и даже выкраивали время на свидания, потому что Славу сразу выбрали секретарем комсомольской организации части, а Геру — его заместителем. «Бандеровцев» общественная работа не привлекала. Первым с Леночкой Мороз, краснощекой красавицей и хохотушкой, познакомился он, Слава, когда забежал в галантерейный отдел центрального универмага купить ниток покрепче, чтобы

подшивать свежие подворотнички. Слава сразу приметил статную девушку, дружелюбно державшуюся с покупателями. Но пленили морского десантника большие серые глаза с неожиданной влажной поволокой, чаще встречающиеся у кареглазых, цыганистого вида смуглых брюнеток, затененные длинными густыми черными ресницами, которые вряд ли можно было заподозрить в том, что они фальшивые. Тяжелые рассыпанные по плечам русые волосы — этот часто встречающийся в России природный цвет Слава про себя всегда называл русским. Какой-то волнующий голос, таящий страсть — уже не девичий, но еще далеко не женский, — сразу очаровал Неделина. Он немного покрутился возле отдела, но все же решился подойти снова и на последний рубль приобрести еще и расческу в футляре.

Девушка все поняла и, улыбнувшись, спросила:

— Покупаете про запас?

Он ответил в тон:

— Боюсь, к весне, когда отрастут мои кудри, такие прекрасные расчески станут дефицитом. Однажды дома, в Москве, я уже упустил шанс обзавестись такой, — так хитро, на его взгляд, Слава начал знакомство.

Ему казалось, что в слове «Москва» заключается некая магия, особенно для провинциальных девушек на выданье. Но продавщица среагировала скорее на московскую обходительность, культуру. Все-таки Неделин вырос в профессорской семье, и его воспитанию родители отдали должное, как бы он ни хотел казаться рубахой парнем в тельняшке.

Ушел Неделин в тот день из универмага окрыленный, и, хотя срок увольнительной давно истек, наказание не страшило его. Разумеется, после отбоя Слава тут же поделился горячей новостью с Кольцовым. Расписал Леночку дальше некуда, куда там Мэрилин Монро, наделил девушку всеми существующими и несуществующими добродетелями.

Но Кольцов, отчего-то не разделивший восторга своего земляка, засыпая, сквозь сон лишь пробормотал невнятно:

— А подружка у нее есть?

От обиды Слава и отвечать не стал; всю ночь он не спал, строил планы, как бы поскорее вырваться в город, взлететь на третий этаж универмага и объявить: «А вот и я, здравствуй, прекрасная Елена!»

Следующая увольнительная выпала не скоро: выходили в штормящее море, прыгали с парашютом в прибрежной тайге, высаживались с моря на берег — повышали боевую и психологическую подготовку, как выражалось полковое начальство. Взвод, в котором служили Кольцов с Неделиным, отличился особо — и стрелял метко, и с прыжками без ЧП обошлось, — поэтому при возвращении на базу они первыми получили увольнительные в город.

В универмаг они заявили вдвоем, и Славик представил Геру Леночке как земляка и лучшего армейского друга. С тех пор они при любой возможности забегали в галантерейный отдел. Солдат на выдумку хитер. Увольнение увольнением, но в форме не всюду можно было заявиться. Хотелось и в кафе, и в ресторанчик заглянуть, а их развелось в ту пору несчетное количество: и китайских, и корейских, все больше крошечных, на два-три столика в полуподвальном помещении. Но друзья благодаря Леночке и тут нашли выход: обзавелись кое-какой гражданской одежкой. А уж Леночка, широкая душа, в дни аванса или полочки обязательно организовывала поход на китайскую лапшу или пельмени, или корейскую кукси, хотя элитные части, в которых служили друзья, питались по особому рациону — им и белый хлеб был положен, и шоколад, и сливочное масло. Ныне подобное «курортное» меню может кое-кому показаться фантастикой, но что было, то было.

В увольнение ходили вдвоем, но в одиночку Неделин выбирался гораздо чаще — комсорг части все-таки. Бывало, удавалось пойти с Леночкой в кино, порою довольствовался лишь визитом в универмаг. После двух-трех встреч, когда они гуляли втроем, Гера как-то перестал интересоваться у Леночки насчет подруги, но Слава не обратил на это никакого внимания. Он-то знал, что у Геры в Москве есть невеста, ее фотографиями была обклеена вся стена над кроватью Кольцова, а в последние месяцы косяками шли письма от нее, да что письма — посылки, бандероли, даже денежные переводы на праздники.

— Невеста у меня богатая, завпроизводством ресторана «Иртыш» работает, — часто хвалился Кольцов.

Поэтому иначе как нокаутом нельзя было назвать сообщение Герки за три месяца до демобилизации, что они с Леночкой решили... пожениться.

Неделин все не решался признаться другу, что имеет серьезные виды на хорошенькую продавщицу, — из-за нерешительности и потерял девушку...

— Ах, Леночка...— вырвалось вслух у Неделина, и он вернулся в действительность из нахлынувших воспоминаний.

— Чего изволите? — тут же склонился стоявший у него за спиной вышколенный метрдотель.

— Налейте мне, пожалуйста, шампанского. Лучше «Дом Периньон», хочу тост в честь прекрасных дам сказать. За тех, кто сегодня рядом с нами, и за тех, кого мы потеряли, — ответил Слава и очень трезвым взглядом оглядел веселившийся зал.

Красный зал «Пекина» бурлил, веселье плескалось через край. Это был тот самый час в ресторане, что так любил завсегда зланных мест Тоглар, и, пожалуй, он был прав: от улыбок, веселья вокруг, доброжелательных тостов действительно можно получить столь необходимый заряд бодрости.

После тоста, произнесенного Картье с подъемом и дружно поддержанного всеми гостями, оркестранты вдруг на весь зал объявили о своем музыкальном подарке имениннику Вячеславу Михайловичу, отмечающему с друзьями свое двадцативосьмилетие, и грянули подзабытый шлягер прошедших лет «Чингисхан». Какие-то подвыпившие парни поднялись со своих мест и с бокалами в руках двинулись к столу Неделина, видимо, желая поздравить юбиляра, но Слава опередил их. Подхватив одну из «будущих звезд московской эстрады», он направился танцевать. Но профессиональная зоркость не подвела его и на этот раз: большой стол во втором ряду от прохода, на котором прежде красовалась табличка на русском и английском языках «Зарезервировано», теперь занимала шумная компания кавказцев. Чуть взглядевшись, он определил — армяне, большей частью — исконные, московские; чтобы это определить, нужно иметь, как говорится, особый глаз и особый нюх, именно то, из-за чего их с Кольцовым в спецназе и считали асами.

Нет, Картье ни за кем не наблюдал, никого не выискивал специально, он лишь мельком взглянул на стол, который еще полчаса назад пустовал. Но в какой-то момент, уже забыв об армянах, занимавших стол рядом, вдруг почувствовал, что именно там кто-то проявляет к нему интерес, и не праздный, как к имениннику, а совсем иной. Танец позволял развернуться

в любую сторону, хоть юлой крутись, и Картье, не сбавляя ритма, внезапно сделал неожиданно лихое танцевальное па; и мгновения хватило, чтобы в поле зрения попал весь стол, а главное, тот, кто проявлял к нему интерес. Вот его-то он застал врасплох, хотя наблюдавший парень был куда как не прост, не разглядывал его в упор. В том, что парень «пас» именно его или проявлял к нему повышенный интерес, Картье не сомневался. Потому-то, заканчивая отплясывать лихой танец, он и предложил девушке выйти покурить, ибо новые хозяева ресторана, китайцы, курение в зале запретили, оборудовав для этого на входе роскошную курительную комнату с диванами, кушетками, креслами. Сделал он это без особого умысла, хотя и промелькнула мысль: а вдруг любопытный потянется следом, он давал интересующемуся шанс поближе разглядеть себя. Однако тот не двинулся с места.

В курилке Неделин задержался недолго: «будущая звезда», пользуясь случаем, стала навязчиво излагать свои проблемы с жильем и творчеством, и он поспешил за стол, забыв на время о том, что его сегодня «пасут». Проход в зале не пустовал даже в перерыве, объявленном оркестром, и они возвращались на место, лавируя между подвыпившими гостями.

Когда поравнялись со столом, за которым сидела заинтересовавшая Картье компания, он, опять интуитивно, поднял голову и увидел, как тот парень, в твидовом пиджаке, торопливо достал сигарету и чиркнул роскошной зажигалкой. На него тотчас зашикали за столом, мол, в зале не курят. Но Картье понял, что тот курить и не собирался, ему просто нужно было заснять интересовавший его объект, то есть Неделина. Но и Картье, воспользовавшись минутным замешательством за чужим столом, успел тоже дважды щелкнуть в кармане брюк кнопкой дистанционного управления мини-фотоаппарата, купленного в Лондоне в специальном магазине под названием «Шпион». Объектив — глазок камеры — прятался на лацкане вечернего костюма в роскошном значке английского гольф-клуба.

«Кто бы это мог быть?» — подумал Картье. Владельцам «Трефового туза» его фотография ни к чему, в телекамерах казино, наверное, собралось материала на целый фильм о нем.

«Разберемся», — решил он и легко, с сияющей улыбкой, подошел к своему столу, где уже его ждали.

Пасьянс Аргентинца

Высокий крепкий мужчина в белом элегантном смокинге, в очках, скрывающих пол-лица, спросил в упор:

— Тоглар?

Фешин, сбросив руку незнакомца с плеча, ответил двусмысленно:

— Вы ошиблись. Я не ростовчанин, живу наверху, в гостинице, — и, подхватив Наталью под руку, повел ее к столу.

Кажется, она, увлеченная музыкой, даже не слышала этого мимолетного разговора.

Но Тоглар, признавший в элегантном джентльмене, очень похожем на преуспевающих банкиров и предпринимателей, удачливого московского каталу, а точнее, карточного шулера Аркадия Городецкого, известного больше под кличкой Аргентинец — из-за пристрастия в молодые годы к танго и за южноамериканскую смуглость и кучерявость, отходя, успел подать ему сигнал, означавший для посвященных: я не волен сию минуту признать тебя.

Да, между уголовниками существует строго кодированная знаковая связь, в ее тайны посвящается не всякий обитатель тюрьмы, даже если он и трижды судим. Этот кодовый язык связан не с буквенным обозначением, а со смысловым, и пользуются им в критические минуты, когда все решается в мгновение. Например, есть знаки: «свой», «атас!», «уйди немедленно», «засада!», «не узнавай!» «тебя пасут!», «деньги здесь!», «денег нет!» — все они означают тревогу, опасность и звучат в приказном порядке, они конкретны. Этот кодированный язык уголовников родился не сегодня и не вчера, он существовал всегда и видоизменялся, как и блатная феня.

Вряд ли блатные тридцатых-сороковых годов поняли бы своих коллег из девяностых. Криминальный жаргон широко пустил корни в быту, на эстраде, им кое-кто даже щеголяет, а вот языком жестов владеет узкий круг людей, из тех, кто живет по воровским традициям или, как Тоглар, чтит эти законы. Знание это покрыто тайной, ибо сохранение тайны и есть гарантия выживания для ее обладателя. Разглашение законов кода карается смертью, оттого он почти не знаком даже профессионалам. Но Аргентинец был мужик с понятием, имел не

одну ходку в зону, правда, всякий раз непродолжительную, и, будучи профессиональным игроком, принадлежал в воровской иерархии к элите уголовного мира, — он понял жест Тоглара. Да разве такой тонкий знаток человеческих душ, психолог, мог обознаться? Ведь Фешин дважды выправлял ему документы, а уж сколько раз помогал друзьям по его просьбе — и не счесть!

Из ресторана Тоглар с Натальей ушли задолго до закрытия. В тот вечер гости «Редиссон-Ростова» загуляли основательно и расходились во втором часу ночи, как раз, когда Фешин возвратился в гостиницу, проводив продавщицу из «Астории». Пересекая безлюдный холл и направляясь к широкой лестнице, чтобы подняться к себе на этаж, Константин Николаевич заметил в затемненном углу на диване одинокую фигуру. Едва он одолел пролет лестницы, как его настиг запыхавшийся молодой человек, без слов вручил записку и так же молча удалился. Аргентинец, видимо, не хотел засветить его даже своим ростовским знакомым. Войдя в номер, Тоглар прочитал несколько строк, написанных изящным почерком, чувствовалось, что писал человек хорошо образованный. Недаром поговаривали, что Городецкий родился не в рубашке, как некоторые счастливики, а с колодой карт в руках...

Текст гласил: «Надеюсь завтра, в десять утра, позавтракать и опохмелиться вместе с тобой. Голову поправляю теперь исключительно пивом «Хольстен». Твой братан А. Г.».

Тоглар рассмеялся и на всякий случай порвал записку. Послание Аргентинца походило на тюремную маляву, оттуда и подпись — братан.

Первая реакция на Аргентинца у Тоглара была отрицательной, он недовольно подумал: вот и дня на воле не передохнешь от старых дружков, корешей, не дадут с приличной девушкой вечер провести. Но позже, успокоившись, решил иначе и даже случайную встречу с Городецким посчитал за удачу, как и знакомство с Натальей. Выходило, что на свободе он сразу получал верный компас в руки, ведь после трех лет кавказского плена важно не только оглядеться, но и получить надежную информацию, или, как говорят, расклад жизни, от компетентных людей, — а уж кто мог знать более обстоятельно о жизни в Москве, явной и тайной, как не Аргентинец. Нет, определенно

фортуна благоволила к нему с первых шагов на свободе. Да и зачем откалываться от братвы, они единственные, кто обрадуется встрече с ним. Только там почитается его талант, там он нужен, там ему не надо доказывать, кто он, стоит назвать кликуху хоть во Владивостоке, хоть в Калининграде, хоть в самостийном Киеве или суверенном Тбилиси — я Тоглар, — и все станет на место. Сегодня, как понял Фешин, вся огромная страна от океана до океана, несмотря на все ее суверенитеты, принадлежит братве, ею контролируется и управляется. Разве только Узбекистан — исключение, там президент — настоящий хозяин, который власть ни с кем делить не собирается...

День выпал напряженный, насыщенный встречами и знакомствами, но Тоглару, несмотря на глубокую ночь, спать не хотелось. Выключив в номере свет, он еще долго стоял у распахнутого окна, вглядываясь в безлюдную площадь у гостиницы, в темные окна окружающих ее зданий. Только теперь, имея за плечами три дня новой жизни, он понял, что наконец-то избавился от неволи, и уже не боялся раскинутой повсюду на него сети, готов был защищаться — свобода того стоила!

Утром по многолетней привычке он проснулся рано, отметив, что еще не совсем освоился со свободой, спросонья с беспокойством оглядел роскошный номер, большую картину в палисандровой раме, висящую в спальне, напротив двуспальной кровати, и только вспомнив, что он в Ростове, в гостинице, успокоился. Глянув на «Юлисс Нардан», лежавшие на прикроватной тумбочке, с удовольствием понежился в постели еще с полчаса — спешить ему было некуда, приятно было перебирать в памяти детали вчерашнего ужина с Натальей. Принимая душ, Тоглар вспомнил про ночное послание Аргентинца и заспешил, хотелось встретить фартового каталу как следует, да и завтракать вдвоем куда приятнее, тем более с таким всезнающим человеком, как Городецкий.

Делая в ресторане заказ по телефону, он не забыл про «Хольстен», особо отметив, чтобы обязательно бутылочного розлива, ибо терпеть не мог баночного пива. Время приближалось к десяти, и Константин Николаевич не стал спускаться вниз за газетами, он знал, что Аргентинец придет вовремя. В их среде необязательность, неточность, расхлябанность

презираются, такой человек вообще не может иметь авторитета, так что точность — вежливость не только королей.

Ровно в десять раздался стук в дверь. Тоглар решил, что это официант прикатил с завтраком, но на пороге стоял улыбающийся Городецкий в ярком спортивном костюме и... в шлепанцах на босу ногу. Заметив удивление на лице старого кореша, гость, усмехнувшись, обронил:

— Да я над тобой, в «гранд-люксе» живу. — И они дружески обнялись.

Как только вошли в зал, Городецкий, словно не веря своим глазам, отстраняясь, еще раз оглядел Фешина.

— А мы ведь тебя, Тоглар, уже три года как схоронили. При случае поминаем, говорим, вот ведь был мастер, чистодел! Часто вспоминаем, особенно когда бумаги важные выправить нужно. Наверное, ты даже не представляешь, какое бумажное настало время! Вот газеты пишут, что «новые русские» деньги из воздуха делают. Да нет, не из воздуха... Бумаги гоняют туда-сюда, а потом из какого-нибудь банка в тьмутаракани деньги мешками вывозят, хотя я не фальшивые авизо имею в виду, уж они-то классический образец, как можно грабить без ножа и пистолета... — Прервав себя на полуслове, он резко сменил тему: — Я рад видеть тебя живым и здоровым. Судя по всему, — он оглядел номер, — и с остальным у тебя все в порядке, если вспомнить вчерашний твой прикид и такую красотку рядом. Так где же тебя носило столько лет? Почему так надолго схоронился, ведь за тобой, кажется, больших грехов не водилось, я бы знал...

В это время раздался новый стук, и Фешин поспешил открыть дверь. Официант вкатил в номер заставленную снедью тележку и стал сноровисто сервировать столик рядом с диваном.

— Ну, вот и твой любимый «Хольстен» прибыл, — сказал радушно Тоглар, приглашая Городецкого за стол, когда официант ушел.

— Спасибо. Как хорошо, что ты догадался заказать бутылочное, хотя «Хольстен» хорош и в розлив. — Однако, увидев две бутылки французского шампанского, которые Фешин заказал на всякий случай, если Наташа заглянет в гости, добавил:

— Пожалуй, пиво для такого повода слабовато. Ты прав, давай открывай шампанское — встреча того стоит!

Ожидая Аргентинца, Тоглар раздумывал, до какой степени можно быть с ним откровенным: скрывать свой плен в Чечне нельзя, да и ни к чему, возможно, еще придется искать помощи у братвы. Вешать лапшу на уши Городецкому тоже бесполезно — не лох, еще оскорбится. И всей правды не скажешь, не подошло время. Да и непонятно, с кем тот сейчас дружбу водит, впрочем, крупные каталы всегда на поводке у ментов и кагэбэшников. Нет, разговоры по душам, пока не огляделся, заводить не стоит.

Откупорив двухсотдолларовую бутылку шампанского, Тоглар сдержанно предложил тост — за встречу. Выпив, Аргентинец тут же открыл пиво, — видимо, вчера он изрядно перебрал и насчет похмелья не шутил. Допивая, Городецкий взглядом торопил Фешина рассказать о себе.

Тоглар начал несколько издали...

— Прежде всего, спасибо за вчерашнюю выдержку, что не засветил меня ни в зале, ни с посыльным. Судя по его молчанию, да и по самой маляве, ты не стал объяснять — кто я.

— За кого ты меня принимаешь?! — ответил обиженно и уже пьяным голосом Аргентинец.

— Я знаю, что заинтересованные люди три года назад сделали объяву, что я погиб в автомобильной катастрофе. Спасибо, что вспоминали добрым словом, впрочем, и об этом до меня доходили слухи. Ты прав, сам я не хоронился — грехов перед братвой у меня нет, — меня выкрали.

— Выкрали?! — От неожиданности Городецкий выронил пиво из рук, которое он допивал уже из горла, и, не обращая внимания на покотившуюся по полу бутылку, трезвея, спросил шепотом: — Менты? КГБ?

— Да нет, «чехи» ...

— А зачем ты чехам-то понадобился? У них что, своих «деловых» мало? Поляки у них под боком. Да ты, кажется, по-ихнему и не ботаешь, — рассмеялся облегченно Аргентинец.

— Ты не понял. Выкрали меня чеченцы. Я их по старой памяти так кличу. Теперь-то мало кто помнит — «чехи» ...

— Нет, я помню, врубился. Верно, их еще в Алма-Ате «чехами» величали. Не очень падкий на карты народ. Вот корейцы, казахи — это да... Так на хрена ты им, «чехам», сдался?

— На то же, что и тебе, ты ведь сам сказал — век нынче бумажный.

— Понял. Выходит, ты им бумаги на пятилетку вперед выправил, и они отпустили тебя с миром и, как видно, щедро рассчитались.

— Да, рассчитались щедро, — усмехнулся Фешин. — Но они меня не отпустили, я сбежал. И сейчас, возможно, меня ищут по всей стране.

— Да, представляю, какие бумаги ты им там нахимичил! Мало им, что Россию на шесть триллионов за год кинули, теперь, видимо, за Запад взялись, за конвертируемую валюту! Бог им в помощь, не люблю я капиталистов...

— Всякие бумаги пришлось варганить, — не стал вдаваться в подробности Тоглар.

— Да, крепко ты, брат, влип, — поняв ситуацию, протянул Аргентинец. — Давай-ка еще шампанского пропустим, понравилось. Никогда не пил такого, тут с пивом-то не разберешься.

Выпили снова по бокалу шампанского.

— Поэтому я еще не совсем разобрался, стоит ли мне громко объявляться. Если пойдет слух, что Тоглар жив, то мне долго на свободе не гулять — либо грохнут, либо снова выкрадут, третьего не дано. Я действительно много знаю, и не из-за своего любопытства, но это сути дела не меняет, даже если бы и поклялся по-ихнему, на Коране, держать язык за зубами.

Городецкий долго сидел, раздумывая, потом вдруг радостно встрепенулся:

— У тебя была когданибудь другая кликуха?

— Была... — вяло ответил хозяин номера, не понимая, куда клонит всезнающий Аргентинец. — Да ты сам должен помнить, как я когда-то в «Пекине» за столом рисовал карандашом ваши портреты, и Шакро-старый тогда назвал меня Модильяни. Но кликуха не прижилась, хотя мне и нравилась — Модильяни...

— Вот и хорошо, что отыскалась старая кликуха. Я вернусь в Москву раньше тебя дня на три и устрою, где смогу, толковище насчет тебя. Мы ведь за годы твоего отсутствия тоже перестроились, по национальным квартирам разбрелись: славянские группировки, дагестанские, азербайджанские, грузинские, ну, и «чехи», конечно, они особняком стоят, не признают воровских традиций. Один Султан Даудов живет

по нашим законам, через него братва на чеченцев выход имеет. Мы с тобой, выходит, в славянской организации состоим. А нынешние три года, братан, все равно что раньше пятнадцать — год за пять по старой тюремной шкале. Тебя помнят старики. Мы ведь с тобой, кажется, годоводки — к юбилею дело катит. Я свой задумал в «Метрополе» отметить. Скорпион я, так что в ноябре приглашаю...

— А мне в декабре полтинник стукнет. Не знаю, где отмечать буду, никогда не думал, что до юбилеев доживу, — перебил гостя Тоглар.

— Ну, тебе на вид не дашь полтинник, я, пожалуй, твоим очень старшим братом выгляжу, — рассмеялся Городецкий и продолжал: — Так вот, память о тебе за это время поугасла, дни-скакуны год за пять пробежали, как я уже говорил, но это все тебе в нынешней ситуации на руку. Раньше, в золотое время, Москва нам, славянам, принадлежала. Конечно, были тут и братаны с Кавказа и Средней Азии, но без своих единокровных бригад, как нынче. Теперь вся их братва — мелкая шпана, щипачи, кидалы, домушники — с окраин империи хлынула в Москву. Не преувеличиваю, сам увидишь все — дома у них ни воровать, ни грабить уже нечего: холод, голод, нищета. Да еще на окраинах быстро строгие законы ввели, там адвокатами-краснобаями суд не запутаешь. Украл в России, например, «Мерседес-600» за сто двадцать тысяч долларов, и тебя застукали на месте, не теряйся, канючь жалобно: я, дяденька, покататься на буржуйской машине захотел, проверить, так ли она хороша, как ее хвалят. А адвокаты тут как тут — все это словесами обставят, суд убедят... Ну, раз ты хотел только покататься, милок, иди с миром. А вот в Азии, например, сказочкам шустрых адвокатов не верят: сел в чужую машину «покататься» — получи пятнашку. Говорят, теперь в Ташкенте машины даже не закрывают. Ну, это, может, для красного словца, а все же результат налицо.

Та же ситуация там и с квартирными кражами: хоть сто лет в тюрьме сиди, пока хозяину весь ущерб не выплатишь, в том числе и моральный. А в тюрьмах нынче с работой плохо: заработки низкие, можно всю жизнь в кандалах по своей воле проходить. Нет, грабить и воровать, убивать и мошенничать сейчас только в России выгодно — братва в Думе силу имеет,

ни один закон против нас не пройдет. Да и как же они закон такой, как, к примеру, у узбеков, примут, если у депутатов помощники — сплошь воры в законе. Вот тебе крест, у самого главы администрации президента все пять помощников наши люди, какие-то репортеры даже фотографии удостоверений братвы добыли. Да кто ж с такой ксивой осмелится их задерживать, даже если они с калашниковым будут разгуливать. Да что там помощники, если Пудель, — ты ведь его знаешь, из Приморья, — тот уже представляет Россию в международных организациях, в ООН по российскому мандату как на «малину» вхож, интервью «Аргументам и фактам» дает, а Отарик собирается даже партию свою организовать. Оттого у нас в Москве теперь — только не падай в обморок — и китайцы, и корейцы, и монголы, и вьетнамцы, и даже африканцы промышляют — полный интернационал, рвут Москву, да и всю матушку-Россию, на куски.

— Да, ты, я вижу, тоже в Думу лыжи навострил, чистый политик, радеть за судьбы Отечества! — рассмеялся от души Тоглар.

— Извини, заносит иногда, люблю поговорить, мое оружие — не только умелые руки, но и язык. У меня за столом в «гранд-люксе» разные люди собираются. Вчера, например, играл с бывшими партийными чиновниками — они тут, в Ростове, все предпринимателями и банкирами стали, все за Отечество, которое сами со своими вождями и профукали, плачут. Ну, и я им в масть, иначе по идеологическим соображениям катать со мной не станут, а с кем мне играть, не с тобой же. Вернемся лучше к Модильяни... Хороший художник был, гуляка, и карт не чурался, мир праху его. Жаль, ты не рисовал поэтесс, может, и прославился бы, Москва ведь кишит поэтессами, — съязвил Аргентинец.

— Тогда бы ты не смог в Ялте два года отсиживаться под фамилией Охлопкова Сергея Александровича, если бы я на чистое творчество перешел, — не замедлил с ответом Тоглар, и оба от души рассмеялись.

— Перефразируя известное изречение: король умер, да здравствует король, — продолжал Городецкий, — скажу: Тоглар умер, да здравствует Модильяни! Хотя понимаю, тебе трудно расстаться с легендарным Тогларом, да что поделаешь

— жизнь дороже славы. Но ты не переживай, безработица тебе не грозит, дай Бог сил и здоровья хотя бы старых клиентов обслужить. Ведь многие наши кореша, кого ни возьми, хоть Васю Головачева, кликуха Сапер, хоть Олега Лозовского из Днепропетровска, Дантес его кличут, да и другие — теперь владельцы компаний, фирм, ассоциаций, фондов, концернов, финансовых и трастовых групп и еще черт знает чего, вот они тебя на дню не раз вспоминают.

Дантес однажды показал мне бумагу в своем кабинете... Он в «Метрополе» целое крыло на пятом этаже снимает, я у него иногда ключи беру, когда горячий клиент под руку попадает, да и Дантес сам перекинуться картишками всегда рад, дела фирмы ему по барабану, там есть кому за все отвечать... Да-а, вот он и говорит: «Был бы жив Тоглар, сработал подпись на бумаге, адресованной мне, а я уж нагрел бы компаньона миллионов на пятьдесят, в баксах». — «А дальше как? — спрашиваю я. — Он ведь откажется от подписи». А Дантес смеется и говорит: «Ты что, забыл, как Тоглар работает? Сам хозяин подписи не отличит. Ну, подаст на разборку, а любой разводящий возьмет в руки штук двадцать его старых писем, которые мы поднимем из архива, выложит их на стол, при свидетелях с обеих сторон, только одни подписи, а тексты на фирменных бланках прикроет, и скажет истцу: найди, какая подпись фальшивая. Найдешь — признаем твой иск, нет — плати Дантесу за утерянный финансовый интерес, вытекающий из вашего предложения, еще и штраф за оскорбление на него наложат. Мы ведь не на каждого компаньона наезжаем, знаем, кто нам по зубам». Понял, Модильяни, как нынче деньги делаются? Без фомки и кастета.

— Да, круто, ничего не скажешь... Это какими же деньгами Дантес ворочает, если он за раз компаньона на пятьдесят «лимонов» в баксах хочет кинуть? — растерянно спросил Константин Николаевич, — три года назад он знал Лозовского совсем другим человеком.

— Да, кавказский плен для тебя, брат, на воле точно пятнашкой покажется. За эти годы в России, в Москве особенно, такое произошло, сразу не понять и не оценить. Вчерашняя фарца, мэнээсы, преподаватели марксизма-ленинизма стали депутатами, членами правительства, банкирами, нажили

миллионные и миллиардные состояния, разумеется, в «зеленых». Кстати, не обмишулся в Москве — все цены подразумеваются в долларах. Дантес рассказывал, как его коллега, занимающийся нефтью, пригласил к себе в городскую квартиру, а затем в загородный дом своих американских партнеров, тех, кого называют нефтяными магнатами. Так вот, эти буржуи все удивлялись, как это за два-три года после двухкомнатной хрущобы в Чертаново и стопятидесятирублевого оклада в райкоме комсомола хозяин сумел стать владельцем настоящих апартаментов, замков, забитых антиквариатом и картинами, которые редко попадают и на знаменитые лондонские аукционы «Кристи» и «Сотби». Вот этот шанс ты, Тоглар, проморгал в чеченском плену, теперь шальные состояния сколачивать сложнее, но еще можно. А чтобы ты поверил, что не заливаю, я покажу тебе свою квартиру на Кутузовском проспекте, я ее в карты выкатал. Так вот, для ее оформления хозяин выписал дизайнеров, и очень известных, из Италии и Франции, а сам ремонт делали финны.

Городецкий разволновался от своей длинной пылкой речи, но, видя, как внимательно слушает его Тоглар, быстро осушил еще одну бутылку пива и продолжал:

— Но это не весь расклад московской жизни. Пойдем, братан, дальше. Как теперь Модильяни не пострадать за Тоглара, сегодня ведь не знаешь, за кого мазу держать. Ты, наверное, еще и не слышал, что нас с тобой могут называть «синими».

— Почему «синими»? Ну, понятно, белые, красные, — взвился Фешин, — мы что, баклажаны?

— Не кипятись. Синие мы и есть синие. Хорошо, хоть не голубые... Ни я, ни ты отменить кликуху уже не можем, прочно вошло в обиход, в определенных кругах, как говорится. А «синие» — так называют всех, срок мотавших, даже без наколок, как ты, например. Усек? За эти годы, пока ты «чехам» бумаги правил, печати лазером вырезал и планы строил, как дернуть из Ичкерии, и на нашем фронте новые расклады резко обозначились. Выросли отморозки, без роду, без племени, не говоря уже о наших понятиях, традициях. Эти — тюрьмы не нюхали, законов ни государственных, ни воровских не приемлют, им что мента завалить, что авторитета, что лоха — без разницы. За деньги на что угодно готовы, у них нет понятия — запахло.

Конечно, их прихода никто не ждал, и что можно было поделить из сфер влияния, уже давно поделено. Но они не признают никакой власти, никаких границ, ничьих сфер влияния, и первым, кому они объявили войну, — нам, людям, знающим, что такое тюремная баланда и нары, кому по праву должен принадлежать контроль за теневой экономикой, за всеми деньгами, что плывут мимо государственного кармана, мимо казны. Проще говоря, украл у государства — отстегни в общак братве, это касается и банкира, и предпринимателя, и торгаша. Так было всегда, так во всем мире. Но у нас и тут свой путь. Это с легкой руки современных отморозков нас теперь стали называть «синими» ...

Аргентинец так увлекся несвойственной для него миссией наставника и возможностью быть полезным Тоглару, что напрочь забыл о завтраке, лишь налегал на пиво и изредка посматривал на бутылку шампанского, которое явно пришлось ему по душе.

Константин Николаевич на правах гостеприимного хозяина снял крышку блестящей хромом посуды, стоявшей на спиртовке, горящей слабым огнем, и запах хорошо прожаренной молодой индейки, фаршированной черносливом, заставил старых корешей потянуться к тарелкам. Но Городецкого, кажется, ничто уже не могло удержать, возможно, он по каким-то причинам хотел не только просветить Фешина о событиях в Москве и России, но больше всего желал выговориться, выказать свое отношение к происходящему вокруг беспорядку и беспределу. Накипело в душе у старого каталы, ой, как накипело...

— Так что, сам видишь, выросла новая разновидность преступников за два-три года, и это время совпало с твоим «курортом» в Чечне.

— Ничего себе курорт, — усмехнулся Тоглар. — Врагу не пожелаю...

— Ты слышал про такой город, как Новокузнецк? — спросил вдруг Городецкий, отодвигая тарелку.

— Нет, — искренне ответил Фешин, — хотя я много поездил по свету. Судя по названию, из городов-новостроек, короче, провинция, тмутаракань...

— Верно. Я тоже до некоторой поры, а точнее до прошлого года, и слыхом не слыхал о нем ничего. Ни ты, ни я, никто

другой и представить не могли, чтобы банда из этой самой глухомани могла терроризировать московских банкиров и предпринимателей. За год с небольшим после появления в столице эта банда убила более пятидесяти человек. Да каких людей! Которые могли постоять за себя, имели деньги, телохранителей, свои команды, вооруженные до зубов. Да и наших, «синих», они грохнули немало.

— И кто же это такой лихой выискался? — заинтересованно спросил Тоглар. Он, кажется, что-то слышал об этих отморозках от чеченцев. — Неужели братва не среагировала на беспредел? Так ведь под корень нас, живущих по понятиям, могут вывести.

— Не спеши. Эту историю я обязан, хоть вкратце, рассказать. Тебе нужно это знать, чтобы не влететь в новую передрыгу. Ты ведь не только для «чехов», как я понял, представляешь интерес. Так вот, банда молодая, появилась в девяносто первом году. До этого ее главарь, Владимир Лабоцкий, лично знал всех до единого, кто позже составит костяк его бригады. Да-да, опять десантные войска, даже их спецподразделения, — они все служили в одной части. Элита элитных войск, к слову сказать.

Уже занимаясь рэкетом, они каждый день по несколько часов подряд тренировались в спортивном зале под руководством Лабоцкого, официального владельца клуба, и бегали пятнадцатикилометровые кроссы, опять же ежедневно. Вот какая сила противостоит властям и братве, уверяю тебя, Тоглар, такого порядка теперь ни в КГБ, ни в милиции, ни даже в президентской охране нет. Начали они, конечно, с кооперативов, с лотков, палаток. Главное оружие у них было психологическое — устрашение. Они были невероятно жестоки. За месяц подмяли под себя город и близлежащие районы — дань платили все. Лабоцкий слетал в Англию и купил оборудование для прослушивания телефонов, разговоров сквозь стены и вопереди идущих машинах, приборы ночного видения и всякую другую технику; что приобретать, он знал, как я уже говорил, в спецподразделениях десантных войск обучили его прекрасно.

Городецкий, заметив интерес Тоглара, воодушевился, словно пересказывал недавно прочитанную увлекательную повесть.

— В прошлом году Лабоцкий появился в Москве и, как всегда, все заранее продумал, взвесил, тщательно подготовился.

Для своих ребят он купил с десяток квартир в Юго-Западном округе столицы, для молодняка также снял хаты, все телефонизировал, раздал всем пейджеры. Приобрел с дюжину иномарок, включая пятисотые и шестисотые «мерседесы». Но завидовать его команде не приходится — никто без разрешения не имел права и носа высунуть из дому: за нарушение — смерть, расстрел. С подачи всяких шестерок в Москве — предпринимателей, которых он успел подмять под себя, а также своих людей в милиции и ФСБ, наверное, за большие бабки, — быстренько завел картотеку на всех видных воров в законе и авторитетов, контролирующих Белокаменную, собрал данные и на крупные коммерческие структуры и банки.

Тут напрашивается небольшой комментарий... — Городецкий неожиданно поднялся из-за стола. — Но прежде, с твоего позволения, звякну одному человеку... Сегодня после обеда предстоит большая игра, если интересуешься — поднимайся, я представлю тебя как известного художника...

— Спасибо, но я после обеда тоже буду занят, — сразу отказался Константин Николаевич — у него на вечер была назначена встреча с Натальей.

Гость прошел к телефону, стоявшему у зеркала, и, набрав номер нужного абонента, говорил минуты две, не больше. Вернулся он к столу, радостно потирая руки. Судя по всему, игра не отменялась, и куш предстоял немалый.

— Значит, — продолжал Аргентинец, — прежде чем закончить о банде Лабоцкого — обещанный комментарий... Тебя ведь не фабула интересует, конец ты и сам можешь просчитать, верно?

Тоглар согласно кивнул.

— Важно тут другое — понять расклад сил: кто за кем стоит, кто с кем повязан и в какую сторону кто движется, за кем возможен успех, а значит — власть. Наверное, молодые бандиты не смогли бы так борзеть, пойти на нас в открытую, если бы «новые русские» на первых порах откровенно не приняли их сторону. Сотрудничество с «синими», как казалось нуворишам, их принижало. Но на деле альянс получился куда сложнее. Об аппетитах Лабоцкого я уже рассказывал, точно такие же, или даже похлеще, они и у других молодых волчат. И поэтому хозяева жизни очень скоро оценили преимущества

сотрудничества с «синими» — те в дела не влазят, но предупреждают: платите нашу долю честно, иначе обман вам дороже обойдется. К тому же ни бывшие спортсмены, ни «новые русские» не учли, что свое мы за так никогда не отдадим и тоже готовы на все. Если они считали себя хозяевами на воле, то в тюрьме, куда и они, и «новые русские» стали попадать косяками, хозяевами остались мы, и там живут только по нашим законам, тут мы им и прищемили хвост. И на волю от дельцов, попавших в тюрьму, полетели малявы, чтобы держаться прежних крыш, то есть «синих». Усек мой ликбез?

— Усек, усек, ты давай про Лабоцкого... — поторопил хозяин номера.

— Вот теперь снова вернемся к десанникам. Они в Москве держались своим землячеством, не привлекали чужаков, остерегались утечки информации, боялись, что менты, или «синие», или свои же, новые, зашлют им подсадного казачка.

Решив перебраться в Москву, новокузнецкие, конечно, знали, что главным противником у них станут «синие», ведали они и о том, что в столице уже все поделено: вплоть до кладбищ, до самой худой забегаловки у дороги, до туалетов на железнодорожных вокзалах — и все, что им приглянется, придется отнимать силой. Но к такому раскладу они были готовы.

Зная, что столкновения с «синими» не избежать — а их банда вольготно разгуливала на чужих территориях, — Лабоцкий сам вызвал на разборку люберецкую группу. На стрелку бывший десантник приехал один и без оружия. Спокойно выслушал все, что о нем и его орлах думают москвичи, а потом предложил им оглянуться по сторонам. Отовсюду из кустов, окружавших пустырь, где проходила встреча, сверкали оптические прицелы снайперских винтовок. Даже раздался один выстрел, который выбил из рук главаря люберецких пистолет. Москвичи молча расселись по иномаркам и уехали, на время оставив новокузнецких в покое. После этого ребята из провинции совсем распоясались. С ходу подмяли под себя несколько крупных групп и компаний. Выходки самозванцев вывели из равновесия всех, и в одном из шикарных ресторанов в центре столицы срочно собралась на сходку наши авторитеты, где единогласно решили, что с бандой Лабоцкого надо кончать. Здесь же потянули

жребий — кому. После сходки стратеги выработали секретный план ликвидации новокузнецких главарей.

Аргентинец, сделав паузу, закурил, потом открыл новую бутылку «Хольстена», не торопясь выпил и, отправив ее к остальным порожним, продолжил:

— А теперь я перейду к финальной части этой печальной истории, ибо когда в дело вступает братва, и десантникам, и спортсменам приходит конец, потому что за нами традиции, опыт, и у нас есть люди, у которых рука не дрогнет, потому что они выполняют не самосуд, а решение сходняка.

Наши узнали, что основной костяк банды Лабоцкого располагался в Москве, и решили навести «законный» порядок в Новокузнецке. На помощь местному авторитету из «синих» выделили братву из близлежащих регионов, и те молниеносно повышибали отовсюду уполномоченных Лабоцкого и захватили даже его казну. В самой столице поступили похитрее, можно сказать, по-иезуитски. Люди, поехавшие в Новокузнецк наводить порядок, имели и секретную задачу: собрать как можно больше материала на лидеров группы — Лабоцкого, Гнездича, Шкабару — и особо разузнать о каких-нибудь трениях, вражде, размолвках, возникавших между ними прежде. Нужного материала накопили много — все трое были с норовом еще до армии. Нашли и с десяток видеопленок, где компания, кто вместе, кто в узком кругу, отмечала праздники, свадьбы, дни рождения и просто дружеские пирушки на природе — там каждый из главарей говорил всласть, и на это извели сотни метров пленки. Наняли опытного «сценариста», уже известного как создателя подобных шедевров, и попросили составить текст на основе собранного материала, чтобы рассорить троицу насмерть, вызвать крайнее недоверие и желание устранить друг друга. Готовые три кассеты режиссеры «спектакля» прослушивали два вечера подряд, оценивали, как бы они сами поступили в подобном случае, выход напрашивался только один: убрать, пока не убрали тебя, в общем, все, как и было задумано братвой. Расчет был на то, что все истории, о которых шла речь, были давние, связаны только с Новокузнецком, и в Москве об этом никто не мог знать — такое вот коварство «синих». И план удался сполна — ужасной смертью погиб Лабоцкий,

в ванной, на глазах у семьи убили Гнездича, и главарем банды стал Шкабара.

Обрати внимание, Тоглар, какие события за один день: взрыв, два убийства. Раньше, при «плохом» министре внутренних дел Щелокове, мы накануне тайком уговоримся где-нибудь в Свиблово сыграть в карты, а через час, как только усядемся за стол, милиция уже стучала в дверь. Фантастика! Чувствуешь разницу и во времени, и в профессионализме?

— Да уж, что и говорить, — согласился хозяин. — Но чем дело-то кончилось?

— Шкабара скоро начал догадываться, что неспроста изменились обстоятельства в его родном городе, хотя и не понимал до конца, какая сила ему противостоит. Да и в самой Москве, через своих людей в милиции, узнал, что оперативники идут буквально по следам банды, и вот-вот капкан захлопнется. Чувствовал, что и братва в столице против него ощетинулась. И коммерсанты избегают встреч. И тогда Шкабара решил бежать... в Австрию. Он нашел опытного бухгалтера, которому поручил через один известный в Москве коммерческий банк перевести деньги к цюрихским гномам — так в Швейцарии называют банкиров из Цюриха, гарантирующих анонимность вкладчика и тайну вклада. Из-за этих-то фантастических сумм — Россия Западу по кредитам чуть больше должна — перевод которых Шкабара решил проконтролировать лично, он задержался в столице на две недели. Но недаром говорится: жадность фраера сгубила.

Дальше Шкабаре не повезло, хотя до самолета в Вену оставалось ровно шесть часов. Дело в том, что, когда воровской сход принял решение уничтожить Лабоцкого, те, кому выпал жребий привести приговор в исполнение, конечно, сразу поставили на прослушивание все телефоны банды в Крылатском, а за главарями приставили круглосуточную наружку. Впрочем, наши паханы пошли дальше, когда прознали, какие суммы переводит на Запад Шкабара. Если бы он даже и вылетел в Австрию, там в аэропорту его уже ждали бы наши хлопчики, и в обмен на жизнь они бы вырвали тайные коды в швейцарских банках.

И тут встал вопрос: самим убрать Шкабару или сдать его властям? Деньги в Цюрихе решили «достать» через бухгалтера, тот имел карт-бланш на все операции и сам должен был вслед

за бандитом смыться из России, поэтому его пасли еще плотнее, чем хозяина. Завалить Шкабару тоже нелегко, времени в обрез, да и вооружен до зубов. Решили братвой не рисковать. Но и сдать его властям было непросто. Выход нашли гениальный. У одного молодого авторитета прослушивался ментами телефон — ему его подруга с АТС доложила. Хозяин телефона позвонил своему школьному товарищу и рассказал, что некто Шкабара убил человека и через три часа вылетает из «Шереметьево-2» в Австрию, так что он не знает, как поступить, — сообщить в милицию или самому задержать негодяя.

Через полчаса люди, продолжавшие наблюдать за квартирой главаря, доложили, что туда нагрянула группа захвата, не то ОМОН, не то РУОП, и после большой перестрелки Шкабару, с мешком на голове, вывезли в «воронке».

Позже наши люди в милиции рассказывали, что Шкабара предлагал каждому из группы захвата по миллиону долларов, а трем офицерам, руководившим операцией, еще и по новенькому шестисотому «мерседесу», если они отпустят его в аэропорт. Он ведь не знал, что на него наехали по наколке.

Вот такая, друг Тоглар, печальная история. Наисвежайшая, последняя точка в ней поставлена лишь за десять дней до моего приезда в Ростов.

— Да уж, видно, придется мне привыкать ко всем этим переменам, — подытожил Фешин. — Ситуация малоприятная...

— Вот-вот... И привыкать, и перестраиваться надо на ходу, иначе рискуешь головой... Ну, спасибо за завтрак, за опохмелку. — Аргентинец решительно встал и, оглядев себя в зеркале напротив, заключил: — Я рад, что ты жив и здоров, ведь нас, стариков, остается все меньше и меньше. Новая братва ныне и до тридцати не дотягивает, мы ей, наверное, кажемся динозаврами. Жизнь человека потеряла цену, сегодня в Москве могут и за триста баксов убить. Жаль, мало поговорили...

Здесь Фешин усмехнулся про себя: ничего себе мало, ведь говорил то один Городецкий, а он, как школяр, лишь слушал да кивал. Но Аргентинец этого не заметил или сделал вид, что не заметил.

— Скоро обед, потом у меня до утра игра, а завтра я улетаю в Москву — дела. А впрочем, давай пообедаем вместе, теперь угощать буду я, повара из ресторана еще с прежних лет знаю.

В Дону, слава богу, еще много ценной рыбы: и осетра, и белуги, и стерляди — навалом. Я закажу солянку-ассорти рыбную, заливное, тоже из разных сортов рыбы, и все остальное тоже из рыбы, из самых лакомых кусочков, соглашайся, долго такой обед не забудешь. А главное, поговорить хочется, да и тебя дальше в курс жизни ввести.

Константин Николаевич глянул на часы — времени у него было предостаточно. Да и меню прельщало — чеченцы рыбу почти не едят, и за годы плена он соскучился по рыбным блюдам. Но важнее обеда те ориентиры, что обозначал словоохотливый Аргентинец; судя по услышанному рассказу, жизнь меняется круто и становится очень похожей на минное поле, а Городецкий, образно говоря, рисовал ему карту минного поля. Не мешало бы, пользуясь случаем, и сблизиться с Аргентинцем, ему, видно, еще долго в Москве понадобится лоцман, и Константин Николаевич принял радушное предложение старого кореша.

2

Через два часа, когда Фешин появился в зале, метрдотель встретил его как старого друга и, видимо предупрежденный, провел на вчерашнее место, где сидел улыбающийся Городецкий. На столе в плоской вазе стоял знакомый букет.

— Нравится? — спросил Аргентинец и весело добавил: — Я им сказал, что мой друг согласен обедать только в том случае, если на столе будут такие роскошные цветы, так что им пришлось возвращать твой букет из кабинета директора. — И оба приятеля от души рассмеялись.

Стол накрыли богато, слишком богато и изысканно. Фешин не мог не заметить этого, и жест старого картежного шулера оценил, заодно получил и подтверждение своей недавней догадке: если он кому и нужен, то только братве. Опытный Аргентинец без слов понял состояние Тоглара и сказал проникновенно:

— Считай — официальный банкет в твою честь, мы ведь не новые волчары, у нас, братан, — это свято! Оттого нас никогда ни властям, ни отмороженным не победить, наша идеология

неподвластна переменам, и деньги для нас ничего не значат, деньги — грязь. И я рад, что первым встретил тебя на свободе. Давай за твоё здоровье!

Он потянулся к ведерку с шампанским на краю стола, из которого торчало горлышко необычайной незнакомой бутылки. Поймав заинтересованный взгляд Фешина, Городецкий улыбнулся:

— Ты сегодня угостил меня дивным шампанским, и я решил тебя тоже порадовать. Это не из ресторана, из магазина валютного доставили — один раз в жизни случается такое попробовать...

— Почему же один раз в жизни, откуда такой скепсис? — перебил Тоглар приятеля.

Городецкий радостно всплеснул руками:

— И ты попался! Это реклама «Тайтингера» такая во всем мире. Дословно звучит: «один раз в вашей жизни» ... Я ведь иняз в свое время окончил с отличием, знаю английский и французский, — не без гордости объявил Аргентинец. — Ну, давай выпьем и за встречу, и за то, чтобы такое шампанское всегда было в нашей жизни, — и они подняли бокалы.

Выпив и отдав дань каждой из закусок, они перекидывались словами о том, о сем, и вдруг Аргентинец задал неожиданный вопрос:

— Скажи, ты ведь уже четверть века с братвой, и все время, как я знаю, ничем другим, кроме бумаг, не занимаешься?

Тоглар, почувствовав, что Городецкий готов рассказать еще какую-нибудь историю, откуда можно выудить нечто полезное, лишь кивнул, соглашаясь.

— Тогда ответь мне, могло ли быть раньше, чтобы тот, кому ты выправил документы, готов был пришмалить тебя на всякий случай?

— Зачем же ему это? — удивился Фешин. — Я ведь могу снова пригодиться, жизнь-то колесом катится, возвращается на круги своя. Да и вообще, это запахло, ты ведь его выручаешь, куда без ксивы деваться в наше время. Нет, мне такое и в голову не могло прийти, хотя я всяких психов выручал. — Фешин был искренен, и Аргентинец это понял.

— Ну, тогда я просто обязан рассказать тебе еще одну историю, ведь нынче другой заказчик пошел, другой, и ухо

следует держать востро. Этот рассказ куда короче, но подобного ни я, ни ты не только не слышали прежде, но не встречали даже в крутом боевике. Голливуд, наверное, большие денежки отвалил бы за возможность экранизировать жизнь этого героя нашего времени.

— Ну-ка, ну-ка, просвети, может, и пригодится когда, — поощрил Тоглар, понимая, что на Аргентинца сегодня нашел стих просветительства.

— События, о которых пойдет речь, развивались почти параллельно с теми, что я поведал тебе до обеда. Целиком, из уст одного человека, историю я услышал месяц назад, случайно, на новоселье, хотя многое знал и раньше из разных источников. В Барвихе, совсем недалеко от санатория, где любит лечиться или там уединиться при каждом удобном случае наш президент, один наш братан устроил новоселье. Я надеюсь, мы с тобой туда еще не раз заглянем в гости, я просто обязан ему тебя представить, он хоть и моложе нас, но о тебе наверняка слышал. Дворец он отгрохал — ни в сказке сказать, ни пером описать: три этажа вверх и этаж вниз. Рассказывать, что там и как, просто не берусь, сам увидишь, сказка — тысяча и одна ночь и только! Наверное, те нефтяные магнаты, о которых я уже упоминал, если бы увидели хазу Шамана, такая у него кликуха, — он Тюмень держит в руках, — то лопнули бы от зависти. На новоселье собрались свои люди — немного, человек пятьдесят, не больше. Ближе к ночи, когда гости разбились на компании и разбрелись кто по дому, кто по саду, кто пошел играть в бильярд, кто в сауну, кто в бассейн поплавать, в одном из каминных залов второго этажа вместе с хозяином дома собралось человек десять — двенадцать. И один гость, в гражданском — а он человек в высоких ментовских чинах, — рассказал нам историю одного шумного побега из «Матросской тишины». Об этом вскользь и газеты, и телевидение упомянули. Непонятно только, зачем он рассказал: то ли в глазах молодых женщин, крутившихся возле него, покрасоваться решил, то ли себе цену набивал, то ли кому намек какой кидал, там крутых было с избытком, а может, другую какую цель имел, ментов нам никогда не понять, но поведал он повесть любопытную, а для тебя она может и особый интерес на будущее представить. Я ведь тебе не зря вопрос о бумажках задал...

— Бумажка бумажке рознь, — обронил Фешин, ковыряя вилкой в тарелке. — Иная жизни стоит, сам знаешь.

— Знаю, — согласился Аргентинец. — Не в обиду тебе сказано. Историю эту, пожалуй, следует начать с конца, со знакомого тебе много лет СИЗО-1. Про СИЗО все узнали как раз в августе девяносто первого года, когда туда определили всех главарей ГКЧП. Заговорить о нем снова заставил бывший милиционер, тридцатипятилетний Александр Солоник с громкой кликухой Македонский — скорее всего, ее дали острые на язык журналисты. Знаешь, есть такая манера — стрелять из пистолета с обеих рук, она называется «по-македонски», так вот, парень мастерски владел этим приемом.

Правда, с «Матросской тишиной» он познакомился гораздо раньше, и к его первой ходке мы еще вернемся. За всю историю из тюрьмы не было ни одного побега.

Так вот, как Македонский туда загремел? За два месяца до тюрьмы он, как выражаются менты, «с неким не установленным следствием лицом» появился на Петровско-Разумовском рынке столицы. По слухам нашей братвы, пришел по заказу на разборку: кто-то отказывался платить. Одет он был по-пижонски, короче, не для базара. Видимо, кто-то на стрелку опоздал, и он успел намозолить глаза милиционерам, которыми сейчас наводнен каждый рынок. Солоника с приятелем пригласили в опорный пункт милиции для проверки документов. Ну, раз приглашают — те и пошли. На входе Солоник культурно пропустил хозяев вперед и закрыл дверь. На руке у Македонского был перекинут летний светлый плащ, а под ним оказался многозарядный голландский пистолет «глок», и он тут же стал палить по своим бывшим коллегам. Двоих сразу насмерть, двоих других тяжело ранил. Выскочив из милицейской каморки, сообщники кинулись в разные стороны. За Македонским погнались двое охранников из фирмы «Бумеранг», а потом попытался его остановить еще один какой-то случайный милиционер, но Солоник его подстрелил первым. Охранники все же Солоника повязали.

Ранили нашего героя в почку, и пока он лежал под капельницей, выяснилось, что в сети попалась не простая рыбка, а поистине золотая. Ведь за рыбкой этой охотилась вся милиция страны, все спецслужбы, искала его и братва, и молодые

волчары, считай, у каждого постового милиционера имелась его фотография, в бегах он числился с 1988 года... А теперь можно вернуться и к его истокам, но прежде мы с тобой пропустим еще по бокалу прекрасного шампанского и закусим чудным заливным из стерлядки. Следом нам уху из нее же подадут, тут ее по особому рецепту готовят — с головизной из осетра. Водку можно стаканами пить, но если заедать такой ухой, никогда не опьянеешь, запомни.

Подняли бокалы за удачу — фарт не последнее дело в рискованной жизни. Но Аргентинцу, видно, не терпелось дорассказать историю...

— Значит, родился российский гангстер номер один, как определили его наши газеты, в 1960 году в городе Кургане, том самом, где работал знаменитый хирург-травматолог Илизаров, слышал, да?

Фешин согласно кивнул, кто же этого не знает.

— Он и до армии был в городе парнем известным: красивый, статный, любил одеваться, за собой следил, обожал музыку, прекрасно танцевал. Имел высокий спортивный разряд по классической борьбе, увлекался самбо и дзюдо, вообще, знал приемы рукопашного боя. После службы он поступает работать в милицию, становится инструктором по стрельбе. Но карьеру в ментовке он не сделал, хотя заочно и учился в Горьковской высшей школе милиции. А, казалось бы, на голову был выше коллег — умен, тщеславен, хитер, не любил гнуть спину ни перед кем. Конечно, это качества не мента, и туда он попал случайно, а может, уже тогда, смолоду, задумал изучить эту систему изнутри? Да и личная его жизнь никак не совпадала с образом человека в мундире: любил пофорсить, слыл известным в городе донжуаном. Одна из амурных историй и привела его в тюрьму, и, как я полагаю, эта несправедливость и озлобила его на весь мир: он не нашел достойной жизни ни на воле, ни в тюрьме и стал мстить всем за свою сломанную судьбу.

Уже был женат, когда у него случился роман с дочкой очень влиятельного в городе партocrата. Девушка была безумно влюблена в Македонского, женился бы на ней — и наверняка дорос бы до генеральских погон в милиции, человек он, конечно, был незаурядный. Новая пассия требовала, чтобы он развелся со своей благоверной и женился на ней, иначе, мол, она его

в тюрьму укатает. Вот этого говорить как раз не следовало, да еще угрожать. Возможно, дело как-нибудь и уладилось бы, но Солоник с детства не любил принуждения, поэтому вообще перестал с ней общаться. Тогда на него спешно завели дело, обвинили в изнасиловании, и он получил свой первый срок, почти на всю катушку по этой статье, — не пожалели парня.

Сам знаешь, Тоглар, какая жизнь ждет в тюрьме человека, севшего за изнасилование, да еще мента. Можно считать, что человека уже нет. Такого опустят, поселят возле параши и, наверняка, доведут до петли. Мы с тобой знаем десятки таких судеб. Но с Солоником ничего подобного не случилось — он вел себя независимо, агрессивно, не признавал ничьей власти ни в камере, ни вообще в тюрьме. Дрался зло, отчаянно, жестоко, насмерть и отвоевал себе место. Братва, почуяв в нем сильного человека, личность, хотела приблизить к себе, но тот в услужение ни к кому не пошел, оставался и там одиноким волком.

Освоившись в тюрьме, он снова сбежал. Ушел через узкую канализационную трубу, выходящую далеко за зоной. Можешь себе представить подземную трубу более километра и ползущего по ней человека? Это ведь живая могила, а вдруг труба где-то лопнула, осела. Это мог совершить только очень любящий свободу и жизнь человек, сильный и волевой. Вошел он в тюрьму романтичным пижоном, а вышел волчарой, суперменом, и не киношного, не книжного пошиба, а настоящим, наводящим ужас на нашего брата и на крупных предпринимателей.

Несмотря на нелегальное положение и на то, что везде были разосланы ориентировки на него, Солоник не лег на дно, много ездил по стране. Каждое утро, где бы ни находился, он старался пробежать десятикилометровый кросс, пропадал в спортивных залах, занимаясь борьбой и поднятием тяжестей, короче, всегда находился в блестящей форме. Он никогда не пил и не курил, считал, что голова должна быть ясной, а тело гибким, послушным и выносливым. Но он не вел жизнь аскета и, тем более, не был фанатиком какой-нибудь бредовой идеи. Некоторые журналисты пытались представить его этаким бунтарем, санитаром общества, борцом против преступности, убийцей убийц, карающим мечом и тому подобное. Но я не слышал, чтобы он завалил кого-нибудь только за беспредел,

за крысятничество, за жизнь запахло. Работал только по заказу и за очень большие деньги. Биографию, которую он сам себе придумал и поставил как режиссер, он как будто списал с героев Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, но она требовала денег, денег, постоянно и бесконечно. Наверное, столько же стоила и тайная жизнь, обеспечение круглосуточной безопасности — снова в тюрьму он не хотел. Познав сказочно роскошную жизнь, взлетев так высоко, он уже не мог опустить крылья, он бы задохнулся в четырех стенах, ему уже и мир казался тесен.

— Странная у него фамилия, кто он по национальности? — полюбопытствовал Тоглар.

— Можешь не сомневаться, русский, настоящий русский. Такого орла только наша земля могла породить, — почти с гордостью сказал Городецкий. — Солоник всегда работал в одиночку и долговременные контракты не заключал, какими бы выгодными те ни казались. Основной профиль — заказные убийства. Говорят, у него очередь была расписана на месяцы вперед, столько желающих убрать соперника, конкурента, бывшего компаньона, должника — последние две категории попадают под пули чаще всего. Говорят, несколько раз с интервалом в два-три дня он получал заказ, скажем, от К. уничтожить Н., и тут же от Н. — убрать К. Так что можно легко представить, что он думал о своих жертвах и своих заказчиках. Правда, я слышал, что он иногда привлекал к своим операциям подельников, а кое-кто уверял, что со временем он обзавелся и собственной бригадой киллеров. Возможно и так — ведь когда он убил нашего братана Владислава Винера, известного в миру под кликухой Бабон, машину расстреливали из нескольких точек сразу. В свободное от заказных убийств время — а за работу он меньше ста тысяч не брал, — Солоник зарабатывал деньги тем, что утрясал спорные вопросы между братвой и новыми бандитами, типа бригады Лабоцкого, и между самими молодыми волчарами, в последнее время он улаживал претензии одного банка к другому или банка к той или иной финансовой группе, и наоборот.

Ты можешь представить себе, Тоглар, чтобы нас, братву, разводил или выбивал наши деньги мент, пусть даже и бывший, человек, не живущий по нашим законам?

— Нет, не могу. И такого быть не может. Он что, Господь Бог?

— К сожалению, так оно и есть, хотя он, конечно, не Господь Бог. Слушай дальше... Еще раз повторяю: все на воле изменилось. Теперь тебе, как водолазу после работы на глубине, в кессоне-отстойнике передохнуть следует, или погибнешь. И вот тебе пример, как он с нашей братвой поступал.

Приезжает, значит, Македонский в Тюмень, там «синие» кому-то сто тысяч не доплатили или зажухали чьи-то сто тысяч, естественно в баксах, в общем, приезжает с чьим-то счетом братве на эту сумму. Добирается до самого верха и говорит: ребята, отдайте чужие деньги, я за ними издалека прикатил. Ну, конечно, братва погоготала от души, показала кукиш. А гость не унимается, продолжает настаивать. Тогда хозяева вытащили стволы, помахали у него перед носом и сказали: вали отсюда, пока цел, и чтобы духу твоего в городе не было, своих, мол, придурков хватает. Он ушел, но ночью появился в катран, где почти вся высокая братва в карты играла. Теперь он уже потребовал деньги за жизнь двух их боссов — те сейчас в лесу, на морозе, привязанные вниз головами висят, и место это может указать только он. Братва, чертыхаясь, отдает деньги. Так, или почти так, — а на фантазии он горазд — поступал он и в Сочи, и в Ялте, и в Санкт-Петербурге, и в десятках других городов, и нигде ни с кем не церемонился, будь то вор в законе, или генерал милиции, или мэр города.

Один известный московский вор в законе как-то в компании не очень лестно отозвался о способностях Македонского: легенды все это, устное народное творчество, мол, потерпевшие от страха сами возвышают его, чтобы скрыть свой позор. Каким-то образом это стало известно Солонику. Парень он обидчивый, вот и разыграл с этим человеком злую шутку. После этого случая я его «русским ниндзя» стал называть. Знакомый тебе пахан живет возле Киевского вокзала, естественно, как и все, за бронированной дверью, на пятом этаже, конечно, без балкона — наш брат безопасности теперь придает значение не меньше, чем заокеанский президент. Так вот, сидит он однажды дождливым вечером у себя дома, в уютном кожаном кресле, по виду ку фильм смотрит, пистолет рядышком на журнальном столике. Про

недавнее высказывание он, конечно, уже забыл, своих забот полон рот. Вышел на минутку на кухню, чай любимый цейлонский заварить, возвращается, а в его кресле, нога на ногу, какой-то пижон сидит и на пальце его кольт крутит. Наш человек не из пугливых, ты его знаешь, нервы в порядке, но поднос с чайником, между прочим, выронил. Спрашивает: как сюда попал, кто такой? А тот и отвечает: Македонский я, а форточку, на всякий случай, закрывать надо. Потом оглядел с сожалением разбитую посуду и посетовал: жаль, хотел чайку с хозяином выпить, да не судьба, видно. И, возвращая пистолет, говорит: а пушка — дрянь, с такой не уберешься, и молча к двери пошел, а на пороге еще и раскланялся — честь, мол, имею. Артист он, любит играть с жизнью — своей и чужой — в кошки-мышки. Ведь вернись хозяин дома в зал минутой раньше, он бы его расстрелял в окне, даже из дрянного колта.

Почти никто до последнего задержания Солоника не знал ни его настоящей, ни фальшивой фамилии, тем более не знал в лицо. С ним, лицом то есть, он часто экспериментировал — сейчас это несложно, столько появилось классных визажистов, качественных париков, хорошего грима. Хотя, надо отдать ментам должное, они у него на хвосте сидели постоянно, и информация у них всегда была верная. Но Македонский всякий раз опережал противника, уходил прямо из-под носа. Однажды он убежал по балконам седьмого этажа, когда в его дверь ломались оперативники. Последний раз, видимо, уже не доверяя даже своим, точно зная, по какому он находится адресу, дом окружили в два кольца, с минимальным для таких операций разрывом в цепи, но ворвавшиеся в квартиру милиционеры застали лишь теплую постель — он, как всегда, исчез.

Солоник обладал сверхъестественной способностью появляться и исчезать незаметно, и его стали сравнивать с неуловимым международным террористом Карлосом, по кличке Шакал, который некогда получил выучку у нас в университете Патриса Лумумбы. Охотясь за Македонским, московский уголовный розыск вышел на два подпольных склада оружия, по всей вероятности, заготовленных специально для него. Там стволов, самых-самых, хранилось больше семидесяти. Нескольким крупным авторитетам за этот тайный пакгауз предъявили обвинение, но никто из них ничего конкретного

следствию на Солоника не дал, либо боялись, либо толком не знали, для кого держат столь грозные пушки.

Часто путешествуя и по России, и по всему постсоветскому пространству, Солоник любил заглядывать в Санкт-Петербург. Несмотря на фальшивые документы и многолетний розыск, заимел он и заграничный паспорт, с ним объездил полмира. Бывал в Испании, Португалии, Франции, Италии, Германии, Англии, посетил Ближний Восток, Гонконг, Сингапур. Возможно, он ездил туда не только отдохнуть и приодеться, посидеть в знаменитом парижском «Максиме» — мог кого-нибудь, между делом, попутно и прихлопнуть, а может, встречался и с самим Шакалом или людьми, подобными ему. О том, что существует международный синдикат убийц, Запад твердит уже давно. И все же я думаю, что за всеми зарубежными вояжами Македонского стояли высокие покровители в ФСК, ФПС, МВД и даже армии. Ну, ладно, милиционеры — лохи, имея подробнейшие ориентировки, пять лет поймать не могли, но ведь существует паспортный контроль на въезде и выезде из страны, а там, уверяю тебя, сидят спецы, ведь не стал бы он так часто рисковать, летая по миру и постоянно возвращаясь в Москву и Санкт-Петербург, если бы не прикрытые. Нет, я убежден, кто-то очень высокий, власть имеющий, встречал и провожал его в заграничные вояжи. И в Москве, и в Санкт-Петербурге он жил на широкую ногу, посещал дорогие рестораны, ночные клубы, тайные катраны, играл на бегах — опять же, в местах, которые находятся под особым контролем у милиции и спецслужб, — и хоть бы хны.

Обожал Македонский и машины, их у него был целый парк: несколько БМВ, «мерседес», «форд Бронко» и итальянская «мазерати», которую он любил больше всего. Одной своей пассии он подарил джип «Гранд-Чероки». Это лишь подтверждает мою версию о том, что он сидел под могучим крылом спецслужб, ведь он не мог не знать, что иномарки ГАИ останавливает по поводу и без повода, и, наверное, у каждого постового есть его фотография и подробная ориентировка. Зачем ему к постоянному риску в аэропортах и на границе прибавлять и ежедневный риск на дорогах? Нет, определенно, его страховали спецслужбы. После задержания

на Петровско-Разумовском рынке на его квартире нашли целый арсенал оружия, включая и ручной гранатомет.

Подтверждает мою версию о крыше и тот факт, что после задержания, имея за спиной расстрельную статью, на допросах он держался спокойно, самоуверенно и даже шутил — знал, что высокие покровители вытащат его в России из любой петли. Они-то и организовали его побег из «Матросской тишины». Суди сам...

— Интересно, как же это у них получилось? — спросил Фешин. — Из тюрьмы так просто не сбежишь...

— Так и я же о том... — согласился Аргентинец. — СИЗО-1 — особая тюрьма, она разделена на сектора, зоны, блоки — переход из одной части в другую без сопровождения конвоя и знания специальных паролей, меняющихся ежедневно, невозможен. К тому же она — почти единственная в России, что просматривается телекамерами не только внутри, во дворе, но и вблизи тюрьмы на расстоянии пятидесяти метров. Есть там и свои «примочки»: электронные коды, шифры на замках, панелях, всякие скрытые световые линии, пересечение которых автоматически включает сигнал тревоги. В общем, бежать оттуда нашему брату без крутого содействия извне и тех, кто тебя охраняет, невозможно, да никто за всю славную историю «Матросской тишины» и не бежал. Такое удалось лишь Македонскому, причем — ослабевшему, он долго находился в реанимации, затем в госпитале, и только перед самым побегом был переведен из лазарета в одиночную камеру. Он, конечно, не знал, что такое тюремная баланда, обеды носили ему из близлежащего ресторана, но чтобы восстановить силы, все-таки нужно время.

Истины ради следует добавить, что в побеге Солоника из тюрьмы были заинтересованы и многие криминальные структуры. Ведь он хоть и признался в оплаченных убийствах, но не сдал ни одного заказчика. И мафия хотела, чтобы человек, так много знавший, быстрее оказался на свободе и исчез подальше из поля зрения правоохранительных органов. Я слышал, что в Москве и Санкт-Петербурге был создан даже фонд по спасению Македонского, крутые люди быстро скинулись и собрали «лимон». Миллион долларов в бедной стране — огромная сумма, возможно, именно это помогло бежать знаменитому

киллеру из тюрьмы, и я зря грешу на каких-то высоких покровителей и спецслужбы. Хотя лично для меня и этот побег, и вся его жизнь остаются тайной.

— Даже для тебя, знающего так много или почти все? — Тоглар усмехнулся.

— погоди, погоди, — вдруг заволновался Аргентинец, — я, кажется, наконец понял, почему продажный ментовский генерал рассказывал все это на новоселье Шамана в Барвихе. Он же хотел попугать хозяина дома или предупредить, чтобы тот не очень зарывался или делился доходами с тюменской нефти справедливо. Ну, конечно, как же я сразу не допер? Ведь те двое, которых Солоник повесил вниз головой морозной ночью в лесу, были подельниками Шамана, а ко времени этого празднования от них остались лишь гранитные памятники в полный рост на тюменском кладбище. Ну, мент, он все верно рассчитал! Намекал, мол, трепещи, Шаман, — Македонский на воле, если надо, придем и по твою душу, мы никого за здорово живешь не отпускаем.

— А ты не увлекаешься в своих предположениях? — осторожно поинтересовался Тоглар.

— Может — так, а может — и по-другому, но в этой версии логика есть, и если вдруг Шамана скоро грохнут, то я получу подтверждение своей злой догадке. Впрочем, слушай дальше...

В тот же день, когда Солоника перевели из лазарета в одиночную камеру, в «Матросской тишине» появился новый сотрудник, недавно демобилизованный из армии парнишка, инспектор надзора, младший сержант Сергей Меньшиков, именно он бесследно исчез в один день с бежавшим террористом. Наша пресса дружно поспешила назвать бедного сержанта главным лицом в побеге, организатором операции. Да, вчерашний солдатик наверняка сделал что-то для этого побега, но он, скорее всего, был лишь связным между покровителями Солоника на воле и самим знаменитым заключенным. Я даже думаю, что роль у него была одна — подстраховать Македонского, ведь уходили по отвесной стене, по вбитым заранее кем-то крючьям, в темноте, затем перебирались по крыше и снова спускались по стенам с высоты пятиэтажного дома. После операции на почке обессилевший киллер, конечно, нуждался в помощи — рисковать покровители не могли.

— И где, думаешь, сейчас этот парень? Если бы не ты рассказал, не поверил бы, принял за писательские байки, у них богатое воображение. — Тоглар, кажется, понял, почему Аргентинец так долго расписывал ему эту поистине феерическую историю русского гангстера.

— Скорее всего, уже где-нибудь на островах Фиджи или Таити, где вечное лето и ласковый океан, зализывает раны, ему надо набраться сил, прийти в себя. Но когда он окрепнет, восстановит форму, наверняка сделает где-нибудь в Париже или Берлине пластическую операцию, получит от покровителей или заказчиков мокрых дел новые документы и снова появится в России. Заказчиков у него не убавилось, только цена за выстрел выросла на порядок — работа-то опасная. Он обязательно вернется на родину, в Москву, я знаю таких людей: без риска, острых ощущений они не представляют жизнь, покой им противопоказан. Надеюсь, ты понял, к чему я рассказал тебе эту историю?

Тоглар кивнул — все, мол, ясно.

Глянув на часы, Аргентинец удивленно присвистнул:

— Ба, как быстро бежит время в приятной компании, уютной обстановке и за интересным разговором. Ну, что ж, выпьем кофе и разбежимся. Через полчаса должны появиться мои партнеры, они не любят ждать под дверями, — и, повернувшись к залу, отыскал глазами долговязого парня и нервно крикнул: — Официант!

3

Расставшись с Городецким, Тоглар не стал подниматься к себе наверх — город, погода, да и сама свобода, с которой он еще толком не освоился, влекли его на улицу, на люди. Как это здорово — отправиться куда душа пожелает, зайти куда задумаешь, посидеть там, где приглянется. Да, по-настоящему свободу ценит только тот, кто ее терял, или не имел вовсе, или только обрел. Как же сладки ее первые часы, дни!

Конец августа — начало сентября в Ростове, наверное, самое красивое время года — еще в богатом убранстве, не опаленные осенью стоят деревья в многочисленных парках

и скверах, хороши и столетние дубы, и вязы, высаженные в начале века вдоль центральных улиц.

Да и новые магазины, магазинчики, торговые точки, их яркая и призывная реклама, со вкусом, а где-то и с претензией сделанные броские вывески, столики крошечных кафе на улицах, под яркими тентами, на парижский манер, роскошно отреставрированные фасады многих исторических зданий, где не пожалели ни красного дерева, ни полированного мрамора и бронзы — все это радовало глаз и душу. Заметил эти городские перемены и Тоглар. Сегодня он воспринимал Ростов по-особому. Может, оттого, что именно здесь он по-настоящему глубоко вдохнул воздух вновь обретенной свободы, может, Наталья тому причиной — влюбленные смотрят на жизнь добрее, мягче, нежнее и больше замечают прекрасное, таков уж человек. Но, как бы ни пьянила свобода, как бы ни очаровывал предосенний город, как бы ни волновалось сердце от предстоящей встречи с девушкой, Константин Николаевич невольно возвращался к разговору с Городецким в номере и в ресторане. Он был благодарен судьбе за неожиданную встречу с Аргентинцем, такой полный расклад криминогенной жизни в столице не перед всяким выложат, да и не всякий ее знает. Впрочем, ни он сам, ни Городецкий, хотя и имеют вес в преступном мире, ни к грабёжам, ни к убийствам, ни к кражам, ни к рэкету отношения не имеют, не зря же его называют — чистодел! Его дело — бумаги, ксивы, у Городецкого — карты.

И надо же, до сих пор, дожив до пятидесяти, отмечая двадцатипятилетие работы среди братвы, как верно подметил Городецкий, он ни разу не подделывал документ, сам по себе вытягивающий деньги откуда-нибудь из банка или предприятия, — он мог поклясться в этом. Просто раньше была другая жизнь, миллионы безличных денег на счетах любой организации ничего не значили. На них нельзя было ничего купить не только в розницу, но и на товарных базах, оттого и не было «беловоротничковой», бумажной преступности, фальшивых авизо. В той прежней жизни не было необходимости воровать уголь, нефть, металл, золото, бриллианты — никто лично не мог обогатиться за счет природных ресурсов страны. А счет в швейцарском банке мог присниться разве только сумасшедшему — назавтра такой аферист, будь он даже в ранге министра,

сидел бы в подвалах Лубянки. Все охранялось как нельзя лучше, поэтому подделывать лицензии, таможенные декларации, разрешения на ввоз и вывоз не имело смысла, даже и прецедентов таких не было.

Тоглар раньше других оценил и цветной ксерокс, и компьютерную графику, все это он широко использовал на своем «монетном дворе» в Чечне, там к его услугам была самая совершенная техника. И хотя подручные компьютерщики были асами своего дела, всегда наступал момент, когда требовалось обязательное вмешательство человека, особенно если возникала необходимость в личной подписи. Взять тот же доллар... Есть детали на купюре, особенно — вся изощренная вязь и микрошрифт, которых на фальшивках компьютерной графикой добивались, а вот подпись казначея штата, а она на каждой серии своя, никакой техникой не передашь: перевести то можно, но она получится мертворожденной, тут нужно четкое клише, сделанное рукой мастера.

Можно и печать вместе с подписью с одной бумаги на другую точно перевести, но в случае экспертизы легко определить, что тут нахимичили компьютерами и ксероксами. Никакой компьютер никогда не сравнится с человеческим умом, талантом, его беспредельными возможностями. Тоглар помнит, как Алик Тайванец, тоже, как и Аргентинец, крупный катала, ныне живущий в Германии и контролирующий почти всю Европу, резонно сказал одному восторженному поклоннику модной техники: какой бы ни придумали компьютер, он никогда не сможет, как человек, говорить одно — подразумевать другое.

Тоглар хорошо понимает Дантеса, занимающего целое крыло на пятом этаже «Метрополя», тот верно просчитал: для большой аферы нужна подлинная подпись и настоящая печать. Но в грандиозные накруты он влезать не собирается, в этом нет необходимости, десяти миллионов долларов, что лежат в спортивной сумке «Найк» на втором этаже гостиницы «Редиссон-Ростов», должно хватить ему надолго. Да и пятьдесят годков, что стукнут в декабре и накатили незаметно, — все-таки возраст, хотя и выглядишь, и чувствуешь себя на сорок. Пора думать о своем доме, семье, не век же одному куковать, хочется пожить спокойной и сытой жизнью

буржуа — само время, обстановка в стране предоставляли эту возможность, были бы деньги.

Поселиться в районе Садового кольца, ходить на концерты, выставки, вернисажи, попутешествовать по свету не меньше разыскиваемого всеми спецслужбами мира Македонского. Слетать в Лос-Анджелес, на могилу своего деда, — говорят, он на него похож, как вылитый, — да и вообще попытаться наладить отношения с американской родней. Для этого не мешало бы издать каталог работ академика Фешина, ведь, насколько он знает, кроме зала в Музее изобразительных искусств Татарстана, ему посвященного, работы его предка хранятся почти во всех музеях городов Поволжья: в Самаре и Саратове, Уфе и Сыктывкаре, Ижевске, Саранске и Воткинске. И в этом случае, если он выберет спокойную и размеренную жизнь, Тоглар должен умереть навсегда, тут всезнающий Аргентинец прав. Но и Модильяни ему воскрешать не очень бы хотелось, однако, скорее всего, никуда от братвы не денешься, особенно в такое время, когда обывателю кажется, что страна живет только по криминальным законам. Да он и сам без воровского иммунитета тут же станет объектом повышенного риска — богатство в России, увы, грозит бедой. А история с чеченцами может иметь продолжение, тут без старых связей не спастись. Выходит прямо по пословице: хотел бы в рай, да грехи не пускают. Но одно хорошо, что криминальный мир Москвы, России потерял прежнюю однородность, стал пестр, как цыганское одеяло, и ему будет легче затеряться.

Радовало его и то, что на воле работы для него, а значит и интереса к нему, стало гораздо меньше, время нещадно вытесняло его редкую профессию из обихода, те же ксероксы и компьютеры — просто рай для тех, кто склонен к аферам. Любые акции и векселя, облигации и больничные бюллетени, любые документы — от паспорта до водительских прав — дело трех дней.

А главная причина ненужности его редкого ремесла в другом — появились тысячи, сотни тысяч конкурентов. Новые алчные чиновники России за деньги готовы какие хочешь документы выправить, и не липовые, а самые что ни на есть настоящие. Оттого-то братва, имея за спиной по пять-шесть ходок в зону, свободно разгуливает по миру в красных пиджаках

с зелеными и синими паспортами. Из всех компьютерных систем за очень большие деньги изъяты все данные об их ухаживающей, покрытой кровью жизненной стезе, и выглядят они по новым анкетам кристально чистыми, законопослушными гражданами, с шлейфами несуществующих знаний и обязанностей. Один пахан на заре освоения запредельных территорий, отдыхая на Солнечном Берегу в Болгарии, вдруг узнал, что он по документам академик, член-корреспондент, специалист по каким-то редчайшим наукам, и к нему косяком повалили тамошние ученые. Но начальное образование нельзя было скрыть никакими карденовскими костюмами, и нашему человеку, во избежание международной огласки и шума в прессе, пришлось срочно ретироваться домой. Впрочем, это был еще только восемьдесят седьмой год, нынче подобный «академик» мог просто послать дотошных коллег на три буквы...

В раздумьях о себе, о жизни, о планах на завтра Тоглар не заметил, как опять оказался на центральной улице Ростова. Только случайно столкнувшись со встречным прохожим, вернулся в действительность и сразу услышал шумы, звуки города, ощутил запахи зрелого лета, увидел краски самой нарядной улицы. «Боже, как хорошо жить, как прекрасна свобода, как сладко ждать любимую женщину», — подумал с улыбкой Тоглар. При воспоминании о Наталье он глянул на свои шикарные часы — до встречи с нею оставался ровно час. Магазин ее, «Астория», находился рядом, за углом, но она просила не заходить на работу. Сегодня приезжал из Парижа их патрон, молодой француз Робер Платт, представлявший торговый дом Кристиана Лакруа, совладельца «Астории», потому в Ростове так широко была представлена французская мода. Наташе не хотелось волноваться из-за появления своего нового знакомого на работе и отвечать на вопросы любопытных подружек.

— На-та-а-ля... — Он не удержался, вслух, нараспев произнес ее имя, и сердце залило такой неожиданной нежностью, какой никогда не испытывал в жизни, от волнения у него закружилась голова и стало трудно дышать. Он сбавил шаг, присел на первой же скамейке у одного из часто встречающихся в центре сквериков. Но сидеть долго не мог — вдруг неудержимо захотелось сделать девушке какой-нибудь роскошный подарок, чтобы, как прошлым днем, увидеть на ее

прекрасном лице восторг, радость и удивление одновременно. Эта мысль сорвала его с места. Вчера, разыскивая цветочный магазин, он заметил изысканно отреставрированный фасад старинного особняка в викторианском стиле, на первом этаже которого располагался ювелирный магазин «Камея», и даже успел мельком глянуть на богато оформленную витрину. Туда он и направился быстрым шагом, хотя времени до встречи было еще много.

Магазин поразил его крошечностью, хотя и был двухзальным, но через пять минут пребывания первоначальное ощущение карликовости прошло бесследно. Может, тому способствовал хорошо продуманный дизайн. Большие зеркала в отполированных до золотого блеска бронзовых рамах, вделанных в стены, искрящиеся зеленым уральским малахитом, выверенное освещение, струившееся, казалось, отовсюду, пол — как и в «Редиссон-Ростове» — из золотистого, с вишневыми прожилками, итальянского мрамора, очень похожего на русский оникс. Живые карликовые деревья бонсай в настоящих китайских фарфоровых кашпо, поставленных на консоли авангардных конструкций из красного дерева. А в углах в больших вазах из цветного венецианского стекла — живые цветы, запах которых Константин Николаевич ощутил сразу, едва переступил порог зала. Вероятно, вызывающее роскошество «Камеи» отпугивало праздных любителей слоняться по магазинам в рабочее время, и ювелирный пустовал. Лишь две девушки, тихо переговариваясь, разглядывали стенд-витрину с обручальными кольцами, видно, одна из них готовилась к свадьбе.

Наверное, в новых магазинах чувствуют реального покупателя, ибо, как только он появился в зале, две хорошенькие продавщицы, как бы подчеркивающие особую красоту окружающего великолепия, прервали разговор. Вернувшись к дорогим прилавкам-витринам, одна из них с улыбкой ненавязчиво спросила:

— Что бы вы хотели приобрести?

Тоглар помнил, что времени у него осталось чуть больше получаса, и сразу приступил к делу.

— Мне нужно сделать подарок, какой-нибудь гарнитур: сережки, колечко...

— С бриллиантами?

— Да, конечно, с бриллиантами, и обязательно с изумрудом.

— Извините, если не секрет, кому вы хотите подарить, я имею в виду возраст?

— Ей приблизительно столько же, сколько и вам, — отчего-то смутился Константин Николаевич.

— О, тогда у нас большой выбор: есть бриллианты из Италии, США, Израиля, есть изделия от «Картье», с бриллиантами от южноафриканской «Де Бирс».

— Нет, это мне не подойдет. Есть у вас что-нибудь чисто российское? — неожиданно для себя заупрямился Константин Николаевич. Он не хотел, чтобы его доллары, даже фальшивые, достались Западу, в нем неожиданно проснулся русский человек, державник.

— У нас все есть, и российские бриллианты тоже, — несколько разочарованно сказала продавщица, видимо, с продажи западных изделий она имела больший процент, но на это Фешину было наплевать.

Перед ним выложили сразу несколько комплектов в изящных, отделанных замшей, роскошных футлярах, и он сразу встал в тупик: ему понравились все. Тогда он поинтересовался ценой.

— Эти — три с половиной тысячи долларов, эти — четыре тысячи двести, а вот эти — пять тысяч пятьсот... — бесстрастно роняла девушка, уже уверенная, что обманулась в клиенте.

— Вот эти за пять пятьсот, я и возьму, — сказал Константин Николаевич, и в этот момент в зеркале за спиной молоденьких продавщиц увидел двух кавказцев.

Одного взгляда было достаточно, чтобы Фешин определил — чеченцы, хотя неискушенному человеку многие горцы Северного Кавказа — осетины, лезгины, дагестанцы — кажутся внешне очень похожими. Но это были точно чеченцы. И Константин Николаевич даже подумал, что этих парней он не раз видел в охране братьев Цуцаевых.

«Какой же я лох! Костюм от Труссарди, рубашки от Ван Хейзена, русские бриллианты с изумрудом... Пижон несчастный! Пистолет надо было сразу покупать, пистолет. Или взять у Аргентинца на время визита в город», — с отчаянием подумал Фешин, но ругать себя было поздно...

Вероятно, его голос, когда он произнес «беру» и увидел в зеркале чеченцев, выдал какое-то волнение, ибо молча стоявший в дальнем углу охранник с автоматом наперевес, в камуфляжной форме, — обязательный атрибут дорогих магазинов, особенно ювелирных, — вдруг как бы вышел из тени, подошел к витрине с покупателем и развернулся лицом к кавказцам. Те молча, с достоинством покинули зал.

— Так вы берете или шутите? — спросила продавщица, почуяв, что клиент потерял интерес к бриллиантам.

И тут его осенило, словно сработала защитная пружина:

— Беру, девушка, беру, но с одним условием: если у вас есть черный выход и вы меня через него выпустите.

Девушка оказалась сметливой, не растерялась.

— Поняла вас. Выход есть, и Сергей, — она показала взглядом на стоявшего рядом охранника, — вас подстрахует.

Тоглар вынул пачку долларов и спокойно отсчитал нужную сумму, затем положил рядом еще несколько купюр и добавил:

— А это вам с Сергеем за сообразительность.

Девушка спрятала деньги в сейф, нажала потайную кнопку, и металлический турникет бесшумно открылся вглубь здания. Парень в камуфляже первым прошел в открывшийся проем, Тоглар — за ним. Петляя коридорами, они пробирались к черному выходу.

— Вот и пришли, я сейчас выгляну, — и охранник вышел во двор.

Константин Николаевич видел в открытую дверь небольшой захламленный двор-колодец — такие часто встречаются в кварталах старой постройки. Ему нужно было пробежать метров двадцать, нырнуть под высокую арку, и он оказался бы на параллельной очень оживленной улице Ленина, там неподалеку, на углу, его уже должна была дожидаться Наталья.

Парень вернулся быстро.

— Все, кажется, чисто. С богом! — он легонько подтолкнул Тоглара в плечо — так поступают в десанте перед прыжком с парашютом, видимо, парень почувствовал в покупателе бывшего коллегу.

— Спасибо, братан, — и Тоглар спокойно распахнул железную дверь.

Репортер светской хроники

Карлен Татлян, случайно оказавшийся в ресторане «Пекин», где в тот день отмечал день рождения молодой человек, к которому за столом гости то обращались по имени Слава, то называли его Картье, что скорее было кличкой, чем фамилией, считал вечер удачным для себя. Наконец-то ему повезло.

Жил он в Москве уже около полугода и ни на шаг, как ему казалось, не продвинулся в решении поставленной перед ним задачи. Да что там «в решении», он, честно говоря, растерялся, не знал, с какой стороны подступиться к заданию. Прежде всего, его ошеломила Москва — гигантская, непонятная, безумно дорогая. Живущая только по своим, московским, законам, в которых нельзя ничего предугадать, предвосхитить, предсказать, — здесь ничто не укладывается в привычную логику.

Жизнь в Москве оказалась куда стремительнее и напряженнее, чем в Нью-Йорке и столицах других европейских стран, где ему довелось уже побывать, тоже в ранге корреспондента. А безопасность? Самые рискованные районы Лондона, Чикаго, Парижа и Берлина в Москве могли бы показаться заповедниками тишины и покоя. Здесь нет гарантий безопасности ни днем, ни вечером, ни ночью, ни в одном определенном районе. Тебя могут ограбить и убить в любом пятизвездочном отеле, будь то «Метрополь», «Савой» или «Националь». В ясный полдень раздеть в подъезде дома любого престижного района, где квартира стоит дороже, чем в самом безземельном Токио.

На Западе все ясно: туда не ходи, сюда не ходи — и будешь цел. А тут никто не подскажет островок безопасности — его просто нет. Как-то он как корреспондент отправил материал о захвате заложников. И где, вы думаете, происходили события? В двух шагах от ворот Кремля, прямо у Васильевского спуска на Красной площади. И это на главной площади России, которая кишмя кишит дежурными милиционерами, постовыми, сотнями людей из спецслужб в штатском.

А посетить банк? Казалось бы, рядовое дело для жителя любой европейской столицы, а в Москве, отправляясь открыть счет или снять с него деньги, не мешает оставить завещание и заранее попрощаться с домочадцами: каждый день то взорвут,

то подожгут банк, то взлетит на воздух припаркованная рядом с ним машина, начиненная тротилом. Или обстреляют выходящего инкассатора, или попадете на сам налет или ограбление кассового зала. Нет, к жизни в Москве надо еще привыкнуть.

Все знаменитые казино, ночные клубы, которые очень интересовали Карлена, как будто специально оказались расположенными в разных концах города, а в ночное время тариф на такси всегда чуть ли не за сотню баксов зашкаливает. И везде, не в пример Штатам и Европе, вход платный, а цены в рядовом ночном ресторане не уступают ценам в ресторанах парижских гранд-отелей. Тут никаких представительских денег, включая зарплату, не хватит на то, чтобы познать ночную жизнь русской столицы.

Говорят, что были в Москве времена, когда на иностранца смотрели как на человека с другой планеты, считая его непременно богатым. Карлену в это трудно поверить, ибо теперь большинство иностранцев, из тех, кого он знает, ведут в столице жизнь более чем скромную, и не потому, что некуда пойти, нечего купить — просто не позволяют финансовые возможности. А в тех местах, где он предпочитает бывать, иностранцев вообще почти не встретишь, россияне играют по-крупному и так легко расстаются с долларами, что тут, в казино, часто приходит на ум мысль о загадочной русской душе, и в памяти всплывает «Игрок» Достоевского. Ни на шаг не продвинувшись к своей цели, Татлян все же убедился в одном: русские обязательно, и в самом скором времени, вернут себе позиции великой державы, на которые так откровенно претендует Китай, и еще не раз удивят мир, как в свое время ядерным оружием, прорывом в космос, сверхзвуковой авиацией или балетом.

Попав в Россию, Карлен жалел о том, что не выпало ему работать в аналитическом отделе — какие доклады отсылал бы в центр, какими наблюдениями, открытиями, перспективами, прогнозами мог поделиться с шефами! Поработай в этом направлении в Москве год-два — станешь бесценным специалистом по России. Но перед ним поставили конкретную цель, а практические задачи редко приносят быстрые лавры, да и принесут ли?

Возможно, Татлян с еще большим трудом вписывался бы в российскую жизнь, если б у него в Москве не оказался

двоюродный брат по материнской линии — Ашот Казарян, с которым они были одногодки, да и внешне очень походили друг на друга. Хотя Карлен прибыл в Россию как американский гражданин, корреспондент известной газеты «Лос-Анджелес таймс», родился он в Ереване и даже успел получить серпасто-молоткастый паспорт гражданина СССР, но в восемьдесят первом году в возрасте шестнадцати лет вместе с родителями эмигрировал в США, в солнечную Филадельфию — край, давно облюбованный армянами со всего света, где жила многочисленная и не бедная родня Татлянов.

Ашот Казарян, ровесник Карлена, урожденный москвич, удачливый предприниматель и бизнесмен, имеющий свою многопрофильную торгово-закупочную фирму «Арарат», и его друзья вводили американского родственника, компанейского и веселого парня, в курс московской жизни. Без них Карлен Татлян не продвинулся бы ни на шаг в изучении Москвы, а значит, и в решении поставленной перед ним задачи, а сроки, как всегда, поджимали. Наверное, новым московским друзьям льстило, что Карлен, журналист-международник, американец, может посодействовать — кому в гостевой визе, кому в виде на жительство, и вообще проконсультировать относительно житья-бытья в далекой Америке: что там выгодно продать, что сюда с прибылью завезти. Так, само собой, и сложился взаимовыгодный альянс. И Ашот, и Карлен, да и большинство их друзей были холостяками, хотя возраст у всех подбирался к тридцати, а некоторые уже давно перешагнули этот рубеж, считающийся подходящим для создания семьи, но, видимо, переломное время, нестабильность, бизнес, как чума заразивший молодых, не способствовали женитьбе. Такое положение вполне устраивало Карлена Татляна — времени свободного у друзей было хоть отбавляй, они любили ночную жизнь, а главное, не были стеснены в средствах.

Месяца через три пребывания в Москве появились у Карлена и новые знакомые: они столкнулись случайно в ночном клубе «Метелица» на Арбате. Там он встретил пятерых своих ереванских одноклассников. Были в той большой компании, отмечавшей день рождения товарища, и трое ребят из их знаменитого Дома композиторов на улице Саакяна. И остальных он тоже знал — почти все ребята из одного

квартала, а Ереван конца семидесятых годов не был особенно велик. Ереванские друзья жили в Москве на полупролегалном положении, не имели прописки, снимали квартиры, комнаты, занимались мелким бизнесом: держали торговые палатки, ларьки, работали на оптовых базарах, в автосервисе. В Армении царил жесточайший энергетический кризис, а вместе с ним повальная безработица, дикая инфляция, местная валюта — драм — обесценивалась не по дням, а по часам и не представляла никакого интереса нигде, кроме Армении, да к тому же непрекращающаяся война в Карабахе — все это сорвало с мест прежде всего молодежь.

Любой бизнес в России — банковский или по продаже роскошных автомобилей, дорогой недвижимости, или палаточная торговля, как у одноклассников Карлена, — нуждается в крыше. Среди национальных преступных группировок армянская была не самой последней в Москве, а уж зародилась она на много лет раньше, чем чеченская, дагестанская или азербайджанская. Армянская мафия, наряду с грузинской, — одна из старейших в Белокаменной, у истоков ее стоял легендарный Сво. Бедность выгнала из Армении не только желающих честно заработать свой кусок хлеба, но и бандитов, коих в Ереване, как и повсюду, расплодилось немало. И ребята из родного квартала Карлена Татляна делали маленький бизнес под крышей своих соплеменников. Кое-кто из них в тот вечер тоже гулял в «Метелице» на дне рождения бывшего одноклассника. Потом, несколько позже, во время одного из богатых застолий в ресторане гостиницы «Редиссон-Славянская» у Киевского вокзала, некоторых представили Карлену.

Американский корреспондент, в ту пору еще не очень разобравшийся в московской жизни, был весьма удивлен, что гангстеры не скрывали род своей деятельности, даже, как ему показалось, гордились этим и великодушно обещали свое покровительство в беспокойной Москве. «Как в Чикаго в двадцатые годы», — отметил в тот вечер Татлян. Он, конечно, и виду не подал, что рад: так легко вышел на столичные криминальные структуры, — подобное знакомство являлось одной из составляющих его главного задания.

Уже через полгода у Татляна сложился довольно широкий круг знакомых в Москве, причем знакомства эти были в

разных слоях, особенно они разрастались благодаря связям и контактам Ашота Казаряна — театрала, человека, вообще неравнодушного к искусству. Карлен, выросший в музыкальной семье, сам прекрасно владел гитарой, играл на фортепьяно, в студенческие годы пел в молодежной группе, оттого частенько отсылал в родную газету материалы о культурной жизни Москвы. Всего за один театрально-концертный сезон он стал своим человеком в мире искусства и редко пропускал большой концерт или артистическую тусовку.

Часто бывая в богемной среде, он однажды и заметил Картье и, конечно, сразу понял, что молодой щеголь принадлежит к когорте людей, которых принято называть «новыми русскими». Впрочем, Татлян не проявил в тот вечер к Неделину никакого интереса: около людей искусства обычно вращается много золотой молодежи, так было всегда, во все времена, во всех странах, и Москва, тем более стремительно обновляющаяся, не составляла исключения. Но молодой человек, имени которого он не знал до встречи в ресторане «Пекин», попался ему на глаза еще раз и в совершенно иной ситуации, а это в гигантской, многомиллионной столице что-то значило. Вторая встреча произошла в известном заведении «Трефовый туз», в роковой для игорного заведения день.

В казино Татляна пригласили армянские гангстеры, те, с которыми его познакомили одноклассники в ресторане гостиницы «Редиссон-Славянская». Татлян как-то ненавязчиво намекнул им, что ему как журналисту не мешало бы посмотреть на русскую рулетку и «новых русских» за игрой. Впечатление осталось неизгладимое, такой сумасшедшей игры, таких бешеных ставок он не видел никогда. Там, в «Трефовом тузе», он и повстречал вторично парня, запавшего ему в память на какой-то тусовке. Тот сидел рядом с крупье и делал довольно крупные ставки, все проигрывая и проигрывая. Из-за этих проигрышей он и обратил на себя внимание Карлена. Парни, с которыми Карлен пришел в ту ночь в «Трефовый туз», выигрывали, и тоже крупно: удача в тысячу долларов выпала и ему самому.

Но Карлен больше наблюдал за игрой и игроками — это было главной целью посещения казино. Картье в ту ночь, по самым скромным подсчетам, проиграл тысяч тридцать-сорок. Часа в два ночи у кресла неудачника появились две девушки

необычайной красоты, изысканно одетые, и он без тени сожаления встал из-за стола и начал довольно громко обсуждать с ними, в какой ночной клуб они поедут развлекаться дальше. Карлен помнит, что они остановили свой выбор на «Какаду». Парень поразил Карлена и размером проигрыша, и тем, как небрежно расставался с деньгами, а главное, как легко вышел из игры. «Какими же суммами оперирует этот человек, если швыряется десятками тысяч за вечер?» — пришло на ум Татляну, и он пожалел, что не заснял на всякий случай богатого гуляку из «Трефового туза».

Через неделю Карлен пожалел об этом еще больше. Парни, с которыми он в тот вечер ходил в казино, рассказали, что хозяева «Трефового туза» отыскиали их и задали очень много неприятных вопросов, показывая при этом кучу фотографий и допытываясь: это кто, а это кто? Пришлось, мол, и тебя засветить как американского гражданина, иначе они хотели и с тобой потолковать.

Анализируя неожиданное сообщение, Татлян вдруг понял, что вышел на нужный ему след, однако он не знал, как подступиться к делу. В ту же ночь Карлен самолично поехал в «Трефовый туз», но здесь его ждало разочарование: объявление, что казино разорилось. Едва замаячивший след так же внезапно и оборвался...

Но верно гласит русская пословица: на ловца и зверь бежит. Спустя несколько дней после неудачной поездки в разорившееся казино Ашот с друзьями отправились обмывать какую-то фартовую сделку в ресторан «Пекин» и в последний момент захватили с собой Карлена. Каково же было удивление Татляна, когда он увидел невдалеке, через проход, большую компанию — судя по богатству стола и роскошным букетам, там отмечали какое-то важное торжество, — и среди них того парня, что играл в «Трефовом тузе». На этот раз Татлян своего не упустил: танцуя рядом, услышал, что незнакомца зовут Слава. Обращались к нему и по-иному — Картье, но это, видимо, была его кличка. Запомнил Карлен и гостей, так — на всякий случай. Воспользовавшись удобным моментом, он сумел сфотографировать этого самого Картье, а в конце вечера, задержавшись, и номер его машины. Более того, одной размазанной девице из этой компании он сумел в танце вручить

свою визитку: девушка могла подробнее рассказать о виновнике торжества, а если понадобится, то, наверное, и познакомить с ним. Как и именинник, Карлен покидал в тот вечер китайский ресторан в хорошем настроении.

Из люберецких подвалов

Герман Кольцов, приглашенный с женой на день рождения Неделина, своего бывшего кореша по спецназу, в тот августовский вечер был в районе площади Маяковского и знал, что Славка гуляет с друзьями в китайском ресторане гостиницы «Пекин». Он даже заглянул там же, на Тверской, в обновленный ресторан «Якорь», куда еще до армии забегал с друзьями пропустить по рюмочке, когда выбирались с заводской окраины в центр продефилировать по улице Горького, которую они называли в ту пору, по моде шестидесятых годов, Бродвеем. Нет, он не имел никаких претензий к Неделину, просто считал, что пути их разошлись навсегда и нечего ворошить прошлое. Что армейская дружба? Она вынужденная, как любил выражаться по всякому поводу сам же Славка — это просто стечение обстоятельств. Да, они были земляками, парнями столичными, да, их мордовали поначалу «бандеровцы», да, их кровати стояли целых два года рядом, они делились последним, но все это, как ни крути, — лишь стечение обстоятельств. Прагматик Герман понимал, что жизнь разведет его с Неделиным в разные стороны, на этот счет он не обольщался. Уже тогда он задумывался, что может связывать их в Москве — его, не одолевшего школу дальше восьмого класса, выгнанного даже из ПТУ за хронические прогулы и неуспеваемость, слесаря первого разряда завода «Серп и молот», которого и к станку-то не подпускали, лишь гоняли мастера — подай-принеси. Он, конечно, в такие детали своей жизни Славку не посвящал, больше расписывал заманчивое про каратэ, кун-фу, джиу-джитсу и другие восточные единоборства, к которым действительно проявлял интерес. Все свободное время он проводил в спортзалах и дискотеках, где нахватался кое-чего и о «Пинк Флойд», и о «Лед Зеппелин» с «Роллинг Стоунз», и, конечно, о

Майкле Джексоне, как комета ворвавшегося в наши дансинги. Зато Кольцов рано стал задумываться о своем социальном положении. Оно его ну никак не устраивало, он стыдился, да что там стыдился — презирал свое унижительное житье-бытье.

Обитали они в Люберцах, в заводском районе. Двухкомнатная квартира была типичной малогабариткой с низкими потолками, где ванная комната совмещалась с санузлом, одним словом — пресловутая хрущоба. Мать с отцом работали в термическом цехе, где при высоких температурах закачивали особо важные детали для оборонки и космоса. Цех вредный, оттуда на пенсию уходили на пять лет раньше положенного срока, да и путевками в черноморские санатории рабочих обеспечивали ежегодно. Хрущобу эту предки получили на заводе одними из первых, еще в 1958 году. То-то было радости! — рассказывали его родители-трудяги. Как им завидовали соседи, товарищи по работе, родня! Наверное, радость отца и матери можно было понять, ведь раньше они занимали в бараке одну комнату на две семьи.

У Германа была сестра, на шесть лет его старше; когда он учился в шестом классе, она вышла замуж за какого-то парня с того же оборонного завода. Жених жил от них неподалеку, тоже в хрущобе, с матерью, но ему, как передовику производства, вроде бы обещали квартиру, кажется, свадьба в основном из-за этого и состоялась. Но семейная жизнь у сестры не заладилась: кузнец скоро запил, из очереди на квартиру его, естественно, вышибли, в общем, через два года сестра Лиза вернулась обратно к родителям с двойней: Машей и Дашей. Сестра заняла комнату, которую Герман уже считал своей, и тогда еще детским умом он понял, что потерял свой угол. Все возвращалось для Кольцовых на круги своя: опять одна квартира на две семьи. Теперь он спал в ванной комнате рядом с унитазом — даже раскладушку поставить было негде. Матрац кидали в ванну, и располагался он там, поджав ноги, — в малогабаритке и ванна была маленькой. Поскольку кроме него в квартире обитали еще пять человек, а туалет стоял почти вплоты с ванной, то его «спальню» срочно занавесили какой-то шторой из веселенького ситчика. Иногда он, в порыве самоуничтожения, говорил в сердцах: я вырос в туалете.

Именно в ту пору, когда вернулась сестра с племянницами, он резко сдал в учебе, а ведь был почти отличником, любимцем учителя физики и математики. Он и в ПТУ, там же в Люберцах, пошел из-за того, что прельстился общежитием, где наконец-то заимел свою собственную кровать. Но его оттуда скоро выселили: не хватало места иногородним, а он, как москвич, вроде жил дома. Разумеется, гордость не позволяла сказать, что он спит в туалете, хотя уже тогда вымахал под метр восемьдесят. Потому и здесь учился с трудом, натужно, больше пропадал в спортзалах. Придет днем и спит на борцовских матах: благодать, руки-ноги можно как хочешь раскинуть.

Те годы были порой становления «люберов» — нового феномена советской действительности. Многие, с кем Герман Кольцов начинал «качаться» в люберецких подвалах, станут влиятельными и богатыми людьми. Это люберецкие первыми перестанут считаться и с воровскими традициями, и с самими ворами в законе. Это их деяния окрестят в преступном мире новым термином — беспредельщина. По организованности, дисциплине, жестокости их станут равнять с «чехами».

Нельзя сказать, чтобы Гера верховодил в люберецких подвалах, но и последним не был, не шестерил — это точно. Природа щедро одарила его и силой, и ловкостью, да и характера хватало: до армии, когда на танцах нужно было схлестнуться баш на баш, то есть один на один, ватага, с которой он обычно приходил на дискотеку, всегда доверяла поединок Кольцову. Гера никогда не подводил своих люберецких: дрался умело, жестоко — дни, проведенные в подвале-спортзале, не пропали зря.

Наверное, армия все же сыграла в судьбе Кольцова ключевую роль: его призвали на флот осенью 1986 года, когда Горбачев уже провозгласил свой знаменитый лозунг: «Разрешено все, что не запрещено законом» — и дал зеленый свет кооперативам. Но Гера не успел всласть попользоваться плодами этой свободы. Только однажды, за неделю до сбора на призывном пункте военкомата, когда он уже ходил остриженный под нулевку, парень по кличке Хавтан, лет на пять старше и имевший уже ходку на зону за хулиганство, сказал ему и еще трем друзьям, тоже остриженным наголо: свожу-ка я вас на прощанье, солдатушки, в один роскошный нэпмановский

ресторан. Поначалу они очень удивились: Хавтан уже полгода нигде не работал и прежде щедростью не отличался. Но в «Золотом петушке» их встретили неожиданно приветливо, они поели от пуза, да и пили сколько влезет. На прощанье сам хозяин ресторана вынес Хавтану два тяжелых пакета — из одного торчали засургученные головки заморских напитков, тогда только-только хлынувших в страну, а в другом, судя по запахам, были тоже не селедка с дешевой колбасой. Хозяин вежливо так пожал на прощанье всем руки и, кивнув на пакеты, пояснил: а вдруг, мол, надумаете продолжить застолье. Короче, такого обхождения ни Гера, ни дружки его стриженные до сих пор нигде не встречали, и никто им, кажется, никогда не был так рад, как хозяин «Золотого петушка», так, по крайней мере, показалось ребятам. Как только отошли подальше от ресторана, ребята сразу — к Хавтану: он что тебе — брат родной, или в карты штук на сто залетел? А Хавтан, довольный произведенным эффектом, сказал тогда надолго запомнившиеся Кольцову слова:

— Все, братва, власть переменялась. Теперь барыги всякую шушеру из райкомов-райисполкомов кормить не будут. Наше время пришло! Наше! Пей, гуляй, братва! А что не по-нашему — взорвем, подожжем, разобьем. Оттого-толстопузый ресторатор чуть ли не целовался с вами на прощанье; знает, что его заведение находится на моей территории!

Конечно, не загреми тогда Герка в армию, закрутились-завертелись бы, наверное, они рядом с Хавтаном, ведь не за красивые глаза он их пригласил в «Золотой петушок». И уговаривать долго не пришлось бы — по душе им оказалась волшебная хавтановская скатерть-самобранка, и обхождение понравилось. Ради этого и буйной головушки не жаль. Но... судьба есть судьба. Однако на службу свою Кольцову было грех жаловаться — армия многому его научила, он там с десятков профессий, хотя и редких, больше военных, но все же приобрел. И каким бы беспечным он ни казался, а мысль о гражданке всегда костью в горле стояла. Кем быть? Чем заняться? Да и просто — где жить? Особенно угнетало последнее, в ванну он уже и при желании не поместился бы — весил под центнер и роста телеграфного, уж Петру Великому точно бы в гренадеры подошел.

А тут еще женитьба на Леночке Мороз все карты спутала. В Москву дорога сразу закрылась — вдвоем в хрущобу они никак не вписывались. Снимать квартиру? Теперь это не проблема, только на это сотни, тысячи долларов нужно, а он их до сих пор и в руках не держал. Да и к богатой невесте из ресторана «Иртыш» штампом в паспорте ход замуровал, а ведь все прежние планы были связаны с ней. Дожидалась его и трехкомнатная квартира в кирпичном доме, рядом с бывшей «Березкой», вся в коврах и хрустале, и тачка, и дача в районе Крекшино. «Все твое, милый, только люби!» — так страстно шептала пышнотелая невеста Люся. Правда, на семь лет старше и уже имевшая одну «ходку» замуж, да жених, как она выражалась, попался хлипкий, интеллигентик, слабоват здоровьем для ее темперамента, не то что он, богатырь Кольцов! Потому и засыпала невеста своего Кольцова посылками, передачами, письмами и телеграммами чуть ли не каждый день.

Леночка — вот одна из причин, почему ему не хотелось сближаться со Славкой в Москве. Пусть запоздало, но он чувствовал свою вину перед Неделиным, знал, если они будут общаться теснее, позорная тайна все равно вылезет наружу, а учитывая своенравный характер своей жены, догадывался, что добром эта история для него не кончится. Дело в том, что женился Кольцов на очаровательной Леночке Мороз обманом, самым что ни на есть примитивным и подлым. Ну, ладно, хотя бы влюбился до потери сознания, дня не мог прожить без нее, как это бывает в молодости, но чего не было, того не было. Конечно, Леночка ему нравилась, а кому бы она не понравилась? Красавица, умница, фигурка точеная и сердце к тому же золотое, что по нынешним эгоистическим временам — клад, да и только. А хозяйка какая: и готовит, и стирает, и шьет, и вяжет — все, за что ни возьмется, горит у нее в руках! Может, не видел, что дружок Славик влюблен по уши в Леночку, которую первый и заметил и по доброте своей познакомил с ней лучшего друга, то есть его, Кольцова? Все видел, все понимал Гера, догадывался, что Леночка со Славиком прекрасная пара и что она с Неделиным будет счастлива. Вот тут, пожалуй, и кроется отгадка давнего подлого поступка Герочки Кольцова — зависть, обыкновенная черная зависть к своему единственному

армейскому другу. Хоть он, иногда анализируя прошлое и пытаясь умалить свою вину, мысленно и оправдывается — затмение, мол, нашло, но от правды, как от себя, никуда не укроешься.

Дело шло к демобилизации, и Кольцов чувствовал, что нерешительный в амурных делах Славик, скорее всего, предложит Леночке руку и сердце. Ну, ладно с Леночкой, тут хоть как-то можно объяснить свое поведение, но за что же со Славкой так не по-товарищески поступил, запаadlo, как сказал бы кореш Хавтан? Разве не видел, как Неделин тянулся к нему, особенно после того, как он разобрался с «бандеровцами», разве не понимал, что в глазах Славика он представлял сильным и благородным парнем? Видел, понимал. Но еще до Леночки люто позавидовал, что Неделин живет с родителями на Кутузовском проспекте, неподалеку от дома, где еще недавно обитал сам генсек Брежнев. Завидовал тому, что у дружка есть своя комната, и что потолки у них — три сорок, и ванна громадная, как раз под его рост — два десятка! Завидовал и тому, что тот знает два языка: французский и английский, окончил спецшколу и поступал в МГИМО, хотя и не прошел по конкурсу, даже набрав проходной балл. А ведь Неделин никогда не хвалился, не задибал нос, как часто бывает в подобных случаях, и от армии не откосил, как некоторые. Все понимал Кольцов, но такая уж натура у него на поверку оказалась гнилая. Он даже кличке Славкиной завидовал — Картье. Это звучит! Не то что у него — Самурай. Так стали его называть после разборки с «бандеровцами», и еще, наверное, за заметный раскос глаз и азиатскую смуглость.

А узнай Неделин, что он так его подставил с Леночкой, тоже неизвестно, как воспримет. Интеллигент интеллигентом, но стержень в нем есть, Гера не раз в этом убеждался, а уж что не выдаст, не продаст, мог на чем угодно поклясться. «Бандеровцы» пытались одно время угрозами оттереть от него Славку, одного Самурая заманить в ловушку, чтобы расчитаться за позор новогодней ночи, но ничего у них не вышло — не предал его Неделин. Да и других случаев, подтверждающих характер и порядочность Картье, было немало: служба в десантных войсках и спецназе — это не турпоход с инструктором, тут без товарища

выжить нелегко. За кажущейся мягкостью, нерешительностью Неделина стояла вовсе не слабость и тем более не трусость, а нечто иное, совсем не знакомое Самураю: порядочность, такт, выдержка — то, что дается воспитанием, культурой, средой. Кольцов осознал это гораздо позже, когда разошлись их армейские пути-дорожки.

Да разве кто-нибудь, даже посторонний, не говоря уже о Леночке со Славиком, понял бы его и простил, если б узнал о его, Самурая, подлянке? И припомнились по этому случаю две любимые хавтановские присказки: «жадность фраера сгубила» и «на чужой каравай рот не разевай».

Чувствуя, что Слава вот-вот сделает Леночке предложение, Кольцов придумал коварный ход. Все стены в изголовье его кровати были увешаны фотографиями невесты Люси — и цветными, и черно-белыми. И все сделаны в известном фото-салоне «Вера» знаменитым Аркадием Гершманом, у которого снимались столичная знать и кинозвезды. Вероятно, Аркадий Ильич или его сын — Сергей Аркадьевич, известные своей широтой гуляки, — обожали ресторан «Иртыш», иначе за что же такая милость обыкновенной завпроизводством — у Гершмана очередь была расписана на годы вперед.

В один прекрасный день, отправляясь в увольнительную без Славки, Кольцов собрал все фотографии своей пышно-телой Люси и, встретившись с хорошенькой продавщицей, разыграл сцену, достойную Шекспира. Сказал, что Слава ему, конечно, друг, но истина и ты, Леночка, — дороже. У Неделина, мол, есть в Москве богатая невеста, дочь известного академика, которая засыпает его письмами, переводами и посылками. Дюжины две фотографий, разложенных перед растерявшейся Леночкой, конечно, впечатляли — такое за один день не соберешь. И тут же, не мешкая, воспользовавшись моментом, Кольцов предложил девушке руку и сердце. Уязвленная Леночка не ответила отказом на коварное предложение Самурая.

Было, было отчего остерегаться Герману Кольцову старого армейского друга Неделина.

2

После службы в армии Кольцов обосновался во Владивостоке: обстоятельства, прежде всего жилищные, вынудили его остаться.

В ту пору молодежь усиленно зазывали после армии в милицию. Особенно усердно МВД охотилось за ребятами, прошедшими спецназ или десантные войска, ими укомплектовывались ОМОНЫ, РУОПы и прочие спецподразделения по борьбе с терроризмом. Сулили всяческие льготы, подъемные и возможность заочно окончить двухгодичную школу милиции и получить офицерское звание. Леночкины друзья сумели выправить Кольцову аттестат об окончании экстерном вечерней школы рабочей молодежи, и он поступил на работу в милицию в портовом районе Владивостока, сразу был зачислен также слушателем заочной школы МВД.

Одно дело — Владивосток, куда ходишь в увольнительную, другое — жить в нем постоянно, тем более человеку столичному, москвичу. Нет, город на берегу залива Петра Великого Кольцову положительно не нравился. Грело его лишь осознание того, что в Москву он вернется офицером, да еще со стажем работы в особом подразделении милиции. Квартира ему здесь тоже не светила, как и в Москве, на очередь ставили после пяти лет выслуги, причем образцовой. Столько он ждать не мог, да и не привык, он принадлежал к типу людей, которым подавай все сразу и сейчас. Зато снимать квартиру во Владивостоке стоило гораздо дешевле, чем в столице, и она оплачивалась казной по месту его службы. Но работа в порту, хоть и тяжелая, оказалось, имела свои неоспоримые преимущества. Тут впервые ему в руки попала долларовая купюра, а через полгода, освоившись, он редко какую смену уходил домой без сотни баксов, хотя и догадывался, что кое-кто из коллег имеет гораздо больше, но рисковать прежде времени не хотел, уж очень мечтал об офицерском звании.

В те годы почти каждое судно из Японии возвращалось с подержанными иномарками, и, учитывая неожиданно возникший автомобильный бум, администрация Дальневосточного пароходства даже организовала специальные туристические рейсы на паромках и сухогрузах за машинами — очередь

на билеты растягивалась на месяцы. Страна в ту пору была еще единой — ни границ, ни таможи, ни виз, — и во Владивосток, только недавно объявленный открытым городом, хлынули шустрые люди из всех республик, мечтавшие о «тойотах», «ниссанах», «маздах». А где машины и деньги — там, тут как тут, и преступность, почувствовавшая бессилие власти.

Владельцы новоприобретенных иномарок, которых за территорией порта поджидали пешие и за рулем бандиты, готовы были заплатить спецназовцу с автоматом за сопровождение от причала до дома и двести, и триста баксов. Такая работа занимала минут сорок, от силы час.

А сыпавшиеся отовсюду сослуживцам Кольцова неожиданные подарки?! Сигареты они курили только самые дорогие, виски пили только с черной этикеткой, духи — французские, даже бананы — и те самые спелые...

Раньше, качаясь с люберецкой шпаной в подвалах, Кольцов, как и другие, с презрением относился к человеку в форме и в любой ситуации был настроен к нему негативно, даже агрессивно — сказывалось хавтановское влияние. А, скорее всего, виновато в этом было само государство — стражи порядка как бы и не нужны были этому обществу, словно и не к ним бежал в первую очередь за помощью добропорядочный гражданин, если квартиру у него обокрали, если кошелек сперли в трамвае. И ведь искали и, что самое смешное, чаще всего находили, не говоря уже о более серьезных преступлениях.

Но то ли вокруг что-то изменилось, то ли он сам, облачившись в форму, стал смотреть на милицию по-иному, но даже вне службы Кольцов предпочитал появляться в городе, на базаре или в магазине, в милицейском мундире — так легче решались любые проблемы: ему шли навстречу, иногда заискивали, готовы были уступить, услужить, а частным транспортом он пользовался как такси, чаще бесплатно, — общество внезапно стало искать дружбы и с бандитом, и с милиционером.

Ну, с ним то, Кольцовым, все было понятно изначально: в милицию он пошел не из убеждений. Деваться было некуда Самураю, а кроме того — одним махом решалась проблема образования. Получит офицерское звание — значит, светит командная, а не рядовая должность. С такими корочками

и послужным списком можно было возглавить в Москве службу безопасности любого коммерческого банка, крупной финансовой группы, на худой конец, любой процветающей фирмы — с появлением частной собственности спрос на человека с оружием резко возрос.

Позже, когда Кольцов уже вернулся в Москву, ему попалась на глаза газета «Караван» из какой-то бывшей советской республики, а теперь суверенного государства. В том номере большая статья была посвящена милиции. В этом самом новообразовавшемся государстве, как и повсюду, в милицию валом повалили национальные кадры. И известный не только в республике, но и за ее пределами писатель, видя производ, чинимый милицией, и зная, кто и почему идет туда служить в первую очередь, с горечью отмечал: «к сожалению, я должен признать, что милицейская форма становится нашей национальной одеждой...»

Прочитав столь откровенное признание с глубоким подтекстом, Кольцов улыбнулся: оказывается, не он один усек, какие преимущества дает милицейская форма... Толчком же для Самурая послужила чистая случайность...

Однажды под утро он обходил причал, где разгружались два корабля с бахчевыми и фруктами из дружественного Вьетнама. В ту пору еще существовал единый соцлагерь, и со своими, при всех портовых строгостях, обходились мягче, по крайней мере, не устраивали двойной кордон, как возле судов из капиталистических стран. От вида арбузов, недозревших бананов и ананасов его тошнило уже с первого взгляда, и он собирался заглянуть на другой пирс, где днем пришвартовался на разгрузку белоснежный японский контейнеровоз, как вдруг невдалеке увидел человека, испуганно шмыгнувшего в сторону закрытых на ночь портовых лабораторий. Маневр предрассветного гуляки насторожил Кольцова — он твердо знал, что в той стороне постороннему до утра делать нечего, да и пройти оттуда никуда невозможно — там тупик.

Кольцов, конечно, понял, что человек, шедший ему навстречу, не хотел светиться, и, видимо, была у него на то причина — простой докер шарахаться от ночного стража не станет. Сперва Гера хотел по рации вызвать подмогу, но потом решил

действовать сам, уж очень желал отличиться — получить какую-нибудь письменную благодарность, грамоту, которая наверняка пригодилась бы ему в будущем. Он тут же забыл о причале с японским контейнеровозом и, шагнув с освещенного прохода в ночную тень пакгаузов, стал бесшумно, как учили в диверсионной школе, подбираться к лаборатории. Рано или поздно затаившийся постарается вырваться из тупика, время работало на Самурая.

Ждать пришлось недолго, чуть больше получаса. То ли нервы у беглеца не выдержали, то ли время и рассвет подгоняли, но он появился — невысокого роста худощавый мужчина лет тридцати-тридцати пяти, через плечо у него висела небольшая кожаная сумка, наподобие тех, что носят студенты или журналисты. Он прошел рядом с Кольцовым, и тому оставалось лишь одним приемом завернуть незнакомцу руки и тут же защелкнуть приготовленные заранее наручники — прием, над которым на тренировках долго бьются даже самые способные спецназовцы.

Не выводя задержанного на свет, Кольцов обшарил карманы, задрал брючины, выдернул из-за пояса рубашку: оружия — ни ножа, ни пистолета — не было. Когда дошла очередь до сумки, человек в наручниках занервничал, Самурай усек это моментально. В сумке лежал аккуратно упакованный сверток килограмма на три-четыре, и Гера догадался, что это может быть. На инструктажах их предупреждали о знаменитом бирманском треугольнике, а Вьетнам там рядом. Но он все же достал нож и слегка подрезал обшивку упаковки... Содержимое не обмануло его ожиданий — в целлофановых пакетиках белел и поскрипывал на ощупь, как крахмал, наркотик.

— Кокаин? — спросил он у обмякшего враз задержанного.

Тот обреченно кивнул...

Герман ничем не выдал своей радости, хотя душа его ликовала: он задержал гонца, наркокурьера, да еще с такой богатой добычей! Он знал, что на советском рынке кокаин стоит двести долларов за грамм, и его употребляют только богатые клиенты: бизнесмены, артисты, воры в законе. А если удастся отследить через этого парня каналы поступления и реализации... Да в случае удачи его фамилия прогремит в милицейских кругах, такие задержания не часто случаются.

Кольцов достал рацию, как вдруг курьер, пришедший в себя, без тени подобострастия сказал:

— Не спеши рапортовать, начальник. Может, ты поймал золотую рыбку.

— Хороша рыбка, — усмехнулся Самурай, оглядывая темные чуть навывкате цыганские глаза гонца, но рацию почему-то машинально выключил.

— Давай разойдемся по мирному. Наверное, догадываешься, сколько может стоить такой товар. А завалить человека во Владивостоке, даже и за штуку баксов, желающих хоть отбавляй...

— Ты еще мне угрожать будешь, падла!.. — и расшвырянувший не на шутку Самурай рванул шантажиста за грудки, да так, что полетели пуговицы.

— Я не угрожаю, я расклад говорю. За мной ведь тоже люди стоят. Я что? Пехота, мул... — И вдруг, наверное, что-то уловив в голосе или интонациях Германа, с надеждой спросил: — Откуда будешь, братан, чувствую — не местный?

— Москвич, — нехотя признался Кольцов.

— Земляк, значит. Я тоже москвич, на Шаболовке живу. Отпусти, не обижу...

— Не обижу — это сколько? — неожиданно для себя заинтересованно спросил Кольцов.

— Пару штук, точно...

— Пару мало, ты же сам хвастал, сколько товар стоит. Деньги с собой?

— При себе нет, но выход всегда найдется, если стоворимся.

— Нет денег — и разговора не было, — очнулся Самурай и вновь взялся за рацию.

— Погоди, братан, не спеши, — заторопился гонец. — Пятерка тебя устроит? Это весь мой гонорар за доставку, клянусь, но свобода дороже... Сам понимаешь...

— Где ты найдешь сейчас, среди ночи, пять тысяч? — недоверчиво спросил Гера.

— Нашел выход, нашел!.. — радостно выпалил задержанный. — Дома, в Москве, телефон есть?

— Ну, есть. Что это меняет? Без денег я тебя не отпущу, я не собес.

— Понял, понял, — согласно закивал мужик. — Менты все такие, никакого доверия к трудящимся... Сейчас поедем на телеграф, я наберу московский номер хозяина товара, чтобы он сейчас же, сию минуту, отвез к тебе домой пять штук, вроде как это ты с посыльным передал. Через час позвонишь домой и, если баксы будут на месте, ты меня отпускаешь, причем с товаром, иначе мне никакая свобода не нужна, все равно пришьют. Лады?

— Лады. Но если надумаешь какую подлянку выкинуть, тут или там, в Москве, я, прежде чем сдам тебя властям, сам все поотбиваю, никакая медицина не спасет, понял? — жестко предупредил Герман, еще не до конца веря в удачу.

— Понял, понял. Едем на телеграф...

Вся операция заняла чуть больше двух часов, и он получил в ту ночь сумму, равную его пятилетней зарплате. Как тут не вспомнить Хавтана и его любимое: «Кто не рискует, тот не пьет шампанское!»? Чуть позже, анализируя случай с наркокурьером, он все же решит, что не пять тысяч долларов стали главной его удачей, хотя эта сумма открывала дорогу в Москву, а то, что он понял наконец, как можно заработать настоящие деньги, пользуясь положением человека, представляющего власть, закон.

Припомнился один из вечеров в люберецких подвалах, когда кто-то из крутых ребят, по случаю угощавший молодняк, после выпивки разглагольствовал о каком то коварном прокуроре. Мол, прекрасная работа у прокурора и у судьи: чтобы наработать себе имя, нужно всего лишь беспощадно сажать и давать по обвинительной статье на всю катушку. А вот когда приобретешь репутацию решительного и неподкупного, тогда уже можно присмотреться к подсудимым внимательнее, а точнее, избирательно. Отмажешь от вышки или большого срока богатого человека — он сам отдаст тебе если не все, то уж точно половину того, что нахапал за всю жизнь, имея гениальную голову или располагая доходным местом. Вот тут репутация и выручит прокурора — не поверят, что из-за корысти вытащил из петли казнокрада, на худой случай, решат, что ошибся, а этого с кем не бывает. С хорошего куша можно и в отставку уйти, будто «обидевшись», как это сейчас часто наверху проделывают.

Конечно, Кольцов прекрасно понимал, что он не судья и не прокурор, и никто ему на блюдечке с голубой каемочкой не принесет весомую взятку, да и не такое уж, на первый взгляд, у него хлебное место, но... если пораскинуть мозгами и не ждать случая, а ловить его, то и на его скромной должности, был бы мундир, можно неплохо жить. Недавно он видел по телевизору рекламный ролик, — оказывается, в наше время, особенно в переломный период, самое дорогое не золото, не бриллианты, а... информация. На этот совершенно абстрактный рекламный клип, вероятно, мало кто обратил внимание, но Герман смекнул, что он сидит на самой что ни на есть золотой жиле. Если уж судья или прокурор могут за определенную мзду помочь попавшему в беду богатею-бизнесмену, богатею-банкиру, богатею бандиту, то и у него есть подобная возможность: перехватить у них такого выгодного клиента гораздо раньше, еще при задержании.

Ведь информация, цена которой — жизнь, свобода, богатство, находится если не у него в руках, то в его ведомстве, и судьбы людей, попавших в поле зрения милиции, решаются на этажах, по которым он ходит свободно. А бумаги на столах и в сейфах начальства дорогого стоят, только разберись, найди доступ к этой информации вовремя, и судья с прокурором, которым он успел позавидовать, останутся с носом.

Вот где по-настоящему можно реализовать свои армейские знания, зря что ли их так натаскивали в спецназе. А умение подключиться к любому телефону, хоть внутри здания, хоть за его пределами, и поставить его на прослушивание поможет добыть ту самую информацию, что дороже золота и бриллиантов.

3

Случай с наркокурьером, когда Кольцов в одну ночь получил то, за что должен был рисковать головой лет пять, резко изменил жизнь Самурая. Он решил чаще и с выгодой использовать мундир. Он же был не последний дундук, все видел, слышал, много читал. Только слепой мог не заметить, что его милицейские начальники сплошь разъезжали на ино-марках, меняли квартиры, строили дачи, устраивали пышные

свадьбы чадам, отправляли их на учебу за границу, позволяя себе траты, в тысячи раз превышающие официальную зарплату. Владивосток — город небольшой, высокая власть, да и любой начальник — на виду, и поскольку всякая тайная афера рано или поздно становится достоянием общественности, а редко какой большой чин избежал искушения хапнуть из казны или прибрать к рукам народное добро — об этом что ни день писали местные газеты.

Все, что Герман надумал, увидев рекламный ролик о настоящих ценностях нашего времени, он настойчиво претворял в жизнь. Одной из причин возвращения в Москву послужила не тоска по родине, по друзьям, по столице с ее благами, а то, какие там раскручивались дела. Телевидение и газеты, словно специально для Кольцова, ежедневно призывно твердили: восемьдесят пять процентов российского капитала возвращается в Москве. Щипать по мелочи портовый Владивосток Самураю надоело: не та рыба шла в сеть, не тот улов, да и засветиться тут было гораздо проще, чем в Москве, и деньги, которых уже набралось немало, тратить, не подмочив репутации, в таком городе невозможно. Жаль было и наработанного опыта, а главное, он понимал, какие перспективы у него могут открыться в столице! В Москву он возвращался сыщиком и вором в одном лице, преуспев во Владивостоке в обеих ипостасях. Мечтал Кольцов повернуть в Белокаменной две-три крупные операции, чтобы, сорвав настоящий куш, спокойно отбыть за кордон — много наших туда уже перебралось.

Ко времени отъезда Кольцов уже сколотил вокруг себя команду единомышленников, каждого проверил в деле, повязал не одним совместным преступлением — впрочем, никого не принуждая. Отбывая в Москву, он обещал коллегам, только обустроившись там, обязательно востребовать всех под свое начало, знал, что в столице спрос на спецназовцев, особенно в элитных подразделениях, велик.

Если когда-то, задумываясь о московской жизни, Кольцов мечтал о работе в службе безопасности какой-нибудь солидной фирмы или преуспевающего банка, то теперь планы у него резко изменились. Пообтершись во Владивостоке, он уже твердо знал, что ему нужна служба в самом МВД, при отделах по борьбе с экономическими преступлениями, там то как раз

находится банк данных людей, которых он намеревался потрясти как следует при первой возможности. На худой конец, его устраивала работа в налоговой полиции, но только в самом центральном районе столицы, где сосредоточены крупные банки, нефтяные корпорации, финансовые группы, — там тоже известно кто есть кто.

Вернувшись в Москву с прекрасными рекомендациями и характеристиками от своего владивостокского начальства, не подозревавшего о двойной жизни новоиспеченного офицера, Кольцов не без труда устроился в заветный для него отдел по борьбе с крупными экономическими преступлениями при МВД России. Работы для милиции в столице было невпроворот, и Кольцов быстро зарекомендовал себя как бесстрашный, решительный боец, что позволило ему уже через полгода возглавить отдельную группу из восьми человек, которых привлекали на самые ответственные и опасные задержания. При ликвидации одной из кавказских банд в районе международного аэропорта «Шереметьево-2», замыслившей угон самолета, у Кольцова погибли сразу четверо из его группы. Вот тогда то он и обратился к начальству с просьбой разрешить ему принять старых сослуживцев, тоже спецназовцев, из Владивостока, за которых он ручается головой. Как водится, послали запрос во Владивосток, провели соответствующую проверку, положенную в таких случаях, и старые подельщики Кольцова оказались под крылом у Самурая в Москве.

С Неделиным после возвращения из Владивостока Гера Кольцов встречался несколько раз и только однажды был с Леночкой. Тогда же понял, что возобновление приятельских отношений может погубить его семью, узнай жена правду о фотографиях. Это было одной из причин того, почему он не откликнулся на приглашение Неделина и не пришел в «Пекин». Вторая причина, на взгляд Кольцова, казалась не менее весомой. Он не хотел, чтобы их дружба возродилась, это могло бы нанести Неделину вред. Ведь спались Гера на чем-нибудь — это сразу рикошетом ударит по всем, с кем он работал или дружил. Эта мысль щекотала самолюбие Кольцова — было в ней нечто благородное, как бы смывающее с него грязь, уравнивающее подлость, допущенную им по отношению к своему армейскому корешу.

Человек с особыми полномочиями

Утром следующего после праздника в «Пекине» дня Неделин проснулся чуть позже обычного. По пути в ванную комнату он увидел на столе микропленку из своего фотоаппарата, называвшегося «Соглядатай», и веселые воспоминания о бурном вечере в китайском ресторане мгновенно испарились. За завтраком, состоявшим из скромных холостяцких бутербродов и большой чашки кофе, ему невольно припомнился вчерашний роскошный стол, но философствовать на сей счет сегодня не было времени — требовалось как можно скорее прояснить ситуацию. Тут же, на кухонном столе, он наскоро набросал запрос: «Прошу срочно выяснить личность молодого человека, одетого на снимке в серый твидовый пиджак и вишневого цвета рубашку. Убежден, что он проявляет ко мне повышенный интерес. Никого из этой компании прежде не встречал. Филипп».

Картье набрал номер телефона в доме на Кутузовском проспекте и, когда услышал в трубке бодрый старческий голос, поздоровавшись, сказал:

— Дедуля, если будет время, я, возможно, сегодня заскочу, — и, не дожидаясь ответа, положил трубку.

Телефонный текст означал, что в течение получаса он положит в почтовый ящик отставного полковника милиции важное сообщение.

Апартаменты старого полковника, вдовца, служили Неделину еще и конспиративной явкой для встречи со своим начальством. Место расположения, да и сам хозяин дома, бывший начальник уголовного розыска одного из районов Москвы, Славу вполне устраивали. Шумный оживленный проспект, дом на двенадцать подъездов, возможность подъехать прямо к парадному с разных улиц, окна, выходящие на Триумфальную арку, — все основательно продумали на Лубянке.

Имя «Филипп» было его псевдонимом, под ним он проходил в документах на Лубянке и на Петровке, 38. С этим именем он сжился, уже более трех лет добывая серьезную информацию об экономических диверсиях против страны, о крупных финансовых аферах, о готовящихся ограблениях,

о государственных чиновниках высшего ранга, связанных с мафией, о правительственных служащих-взяточниках, об утечке важной для России секретной информации.

... Отслужив в армии, Неделин вернулся в Москву в конце декабря и еще раз упустил возможность поступить в МГИМО, о чем, конечно, очень сожалел. Если раньше он не поступил в институт только из-за придирок приемной комиссии, то уж в результате следующей своей попытки ничуть не сомневался. Армейский срок засчитывался вровень с производственным стажем, к тому же и с флота характеристики он привез отменные: комсорг части, отличник боевой и политической подготовки, спортсмен-разрядник, английским владеет в совершенстве.

Полгода до новых вступительных экзаменов в МГИМО Картье занимался переводами с английского языка для одного частного издательства, куда пришел по объявлению в газете. Ближе к августу всерьез засел за учебники, рисковать он уже не мог — годы подпирала. Но осечка вышла и на этот раз, хотя он не добрал всего один балл до проходного. Когда Неделин, донельзя расстроенный, пришел в приемную комиссию института за документами, секретарша, вернувшая личное дело, вдруг спохватившись, сказала, что его попросили заглянуть в спецчасть МГИМО, и объяснила, как туда пройти.

Неделину не надо было объяснять, что такое спецчасть и чем она ведает в таком серьезном институте, но, удивившись, решил все-таки заглянуть в названную комнату в глухом коридоре-тупике. Встретил его еще сохранивший военную выправку высокий мужчина пенсионного возраста, наверняка в молодые годы занимавшийся куда более серьезными делами. Предложив Неделину сесть, он вдруг без наигранности сказал:

— Жаль, не разглядели преподаватели вас раньше, да и наш отдел промашку дал. Такого студента упустили... жаль...

Потом он еще минуточку-другую раздумывал о чем-то и лишь тогда, взяв со стола заранее заготовленный листочек, протянул его недоумевающему Славе. На отрывном листке из блокнота размашистым почерком было написано: «Виктор Степанович» и указан служебный телефон, судя по первым цифрам, где-то в центральных районах Москвы.

Хозяин встал и, считая встречу законченной, сказал:

— Обязательно позвоните. И подумайте над предложением поступить в одно из закрытых учебных заведений. Желаю удачи. — И добавил на прощанье: — Надеюсь, вам не надо объяснять, что наш разговор и будущее предложение вы не должны ни с кем обсуждать.

Возвращаться домой с личным делом под мышкой и объявлять бедным родителям без предварительной подготовки, что он опять провалился, Слава не хотел. И потому, дойдя до первой же телефонной будки, позвонил по указанному телефону некоему Виктору Степановичу, который мог что-то изменить в его судьбе.

На другом конце провода тотчас подняла трубку секретарша, и Неделин, назвавшись, попросил соединить его с Виктором Степановичем, что тут же и сделали.

— Когда мы сможем с вами встретиться? — без долгих предисловий перешел к делу неизвестный собеседник.

— Да хоть сейчас. Я могу подъехать, куда вы скажете — обрадовался Слава.

После небольшой паузы его спросили, где он сейчас находится, и когда Неделин ответил, что звонит с улицы Горького, из автоматов у Центрального телеграфа, Виктор Степанович сказал, что будет там через двадцать минут.

Как ни выглядывал Слава подъезжавшие к Центральному телеграфу машины, все же человека, которого ожидал, просмотрел. Молодой мужчина лет тридцати пяти-тридцати семи, элегантно одетый, неожиданно возник рядом и, протянув руку, представился:

— Здравствуйте, Вячеслав Михайлович. Меня зовут Королев Виктор Степанович, будем знакомы. — И они обменялись крепким мужским рукопожатием.

Королев широким жестом пригласил Славу в бесшумно подъехавшую к ним серую неприметную «Волгу», которая вскоре привезла их к нужному дому. Через полчаса они сидели в одной из его квартир и неспешно беседовали. О том, что это квартира не Королева, Неделин догадался сразу, но чувствовал себя здесь Виктор Степанович уверенно.

Уже в самом начале разговора, увидев в руках у Неделина папку с личным делом, Виктор Степанович, улыбнувшись, заметил:

— Зря вы поспешили забрать документы. При любом исходе нашего разговора мы решили помочь вам. Нам звонили из института, из спецчасти, и сказали, чтобы вы, если мы не сговоримся, снова зашли к ним. Если вас не устроит наш вариант получения высшего образования, можете начинать учебу в МГИМО, это гарантировано. Балл туда, балл сюда — не имеет значения, у вас прекрасная для нашего времени биография, достойная семья, родители.

После такого вступления Неделин задышал ровнее, жизнь уже не казалась потерянной, и он стал внимательно слушать неожиданно возникшего из ниоткуда благодетеля, ангела-хранителя — так думалось ему в те минуты.

Беседа не сразу набрала нужный ритм: Виктор Степанович задавал какие-то вопросы, Неделин, не вдаваясь в подробности, отвечал, но даже из такого корявого диалога он понял, что собеседник знает о нем достаточно много, а о последних годах даже в деталях. Удивило Славу, что Королеву было известно и о случае с «бандеровцами», и о «подвиге» Кольцова, и Неделин еще раз пожалел, что они не вместе вернулись в Москву, — он знал, что Гера остался во Владивостоке с молодой женой. Но постепенно вопросы иссякли, и вялый диалог незаметно перетек в монолог хозяина явочной квартиры.

— ... Сегодня, когда могучее государство сотрясают внутренние неурядицы и оно все же решается резко изменить курс и пойти по пути реформ, мы, работники органов, по опыту и анализу событий, происходящих в стране, видим, что общество стоит на пороге грандиозных потрясений. Передел власти, передел госсобственности, передел сложившихся национально-территориальных границ — особенно при ослабленном государстве — вызовет локальные военные конфликты, которые могут перерасти в настоящие войны. Как следствие военных конфликтов, национальной нетерпимости друг к другу появятся потоки беженцев.

Бедность, безработица, отсутствие моральных и политических ориентиров вызовут небывалое для нашего общества падение нравов. Скорее всего, произойдет резкий, невиданный доселе взлет преступности, насилие, террор могут затопить волной наши города и села. Казнокрадство, коррупция, гигантские финансовые и промышленные аферы всегда являются

спутниками смутного времени. Об этом что ни день докладывают наши аналитические центры, а ведь у нас — так уж сложилось — работают не самые слабые кадры.

Но сегодня мы не будем говорить о печальных перспективах, рассмотрим реальное положение в стране и самые ближайшие события, которые нам кажутся очевидными...

Виктор Степанович подошел к окну, выходящему на Тверской бульвар, и долго стоял там, о чем-то задумавшись. Неделин почувствовал, что эта пауза в разговоре никак не связана лично с ним. Даже результаты сегодняшней приватной встречи вряд ли особенно волновали Королева, его беспокоила судьба России, Отечества, Державы, — наверное, ему было известно такое, что другому, даже осведомленному человеку, и в голову не могло прийти. Вот это горестное знание и личное бессилие перед надвигавшимися на родину бедами держало его у пыльного окна. Дом был старый, построенный еще в прошлом веке, прекрасно сохранившийся, ибо во все времена тут проживал непростой люд, и Неделин вдруг представил Королева не в модной гражданской одежде, а в мундире офицера той прежней, дореволюционной России. Наверное, поздней осенью 1917 года или ранней весной 1918 го у этого же окна, глядя вниз на оживленный бульвар, тоже стоял какой-нибудь офицер, ясно видевший, что ждет великую Российскую империю, раскинувшуюся от океана до океана и объединившую под своим крылом сотни народов, и тоже в бессилии сжимал кулаки. На протяжении одного века Россия второй раз собиралась круто менять свою судьбу.

Видимо, Слава точно уловил настроение Виктора Степановича. Вернувшись за стол, тот начал издали с грустью:

— Я, дорогой Вячеслав Михайлович, как и вы, коренной москвич, русский. Мой дед, Иннокентий Христофорович Королев, занимал в тайной полиции царской России довольно высокий пост и революцию встретил в звании генерала. В 1918 году, в разгар холода, голода, интервенции, анархии, пошел работать во вновь организованную советскую милицию. Нет, не оттого, что разделял убеждения большевиков, а потому, что не хотел развала России, хаоса вокруг. Он был профессионалом и знал, как навести в стране порядок, даже если режим не подходил ему по политическим и моральным воззрениям.

Преступность — она при любой системе преступность, и бороться с ней могут только профессионалы, специалисты. Вор, бандит, насильник — категория не политическая, не национальная, а уголовная. Мой отец пошел по стопам деда, уже в сложившейся социалистической системе, при относительном порядке. В те годы организованная преступность была ликвидирована, и воровской мир не имел никакого влияния ни на политическую, ни на экономическую жизнь страны. Сегодня многим такое положение преступного сообщества может показаться нереальным, но что было, то было — улицы наших городов, парки, вокзалы, подъезды не представляли никакой угрозы для человека. Хотя преступности, особенно хулиганства, хватало с избытком.

Вы об этом можете и не знать в силу своей молодости, но в пятидесятые годы любой человек в форме, и не только милицейской, не имел права равнодушно пройти мимо хулигана, дебошира, не говоря уже о том, чтобы не откликнуться на конкретный призыв о помощи, — форма означала государственную службу, и несоответствие ей грозило большими неприятностями, а то и трибуналом.

Сегодня в милицию входят ГАИ, ОБХСС, ОВИР и десятки прочих подразделений, сотрудники которых даже при погонах никогда не вмешаются в конфликт, пройдут мимо хулигана, бандита, мошенника, вора, ибо это не входит в их прямые обязанности. А ведь простому гражданину все равно, по какому ведомству ты проходишь, он считает: если носишь мундир, получаешь зарплату, будь добр, огради, защити меня. Кстати, тогда, в пятидесятые, если человек работал в органах, то и без формы, вне служебного времени, не имел права пройти мимо правонарушения — и преступный мир знал об этом. А сейчас любой домушник, увидев милиционера-гаишника, даже не подумает свернуть с дороги, знает, что тот и пальцем не пошевелит против него.

«Уж не в милицию ли меня сватают? Что же он так-то рассыпается и перед кем? — мелькнула у Неделина веселая мысль. — Хорошенький скачок — от МГИМО до мента..» Но он не стал перебивать хозяина, а тот продолжал неторопливо рассказывать о себе. И, ничего не поделаешь, — приходилось слушать.

— Я пришел в органы в конце семидесятых после МГУ. Конечно, второе, специальное образование получил в закрытом учебном заведении. Мой выбор был сознательным, да и традиция в семье уже сложилась — Королевых много работает в органах. К чему я это говорю, Вячеслав Михайлович? Да к тому, что приглашаем вас работать у нас в смутное время, когда неясно — по какому пути пойдет Отечество. К тому же, честно говоря, мало что можем предложить... Квартиру, например, ежегодное санаторное или курортное лечение, хорошую пенсию и оплату за выслугу лет? Все это было раньше. Сейчас ничего этого гарантировать невозможно. Страна на перепутье, и наш долг в этот ответственный исторический момент — не допустить хаоса, анархии, грабежа национального достояния. А это не так просто, когда у руля государства, в важнейших его институтах, оказались продажные, беспринципные политики, если партии и движения финансируются извне, а средства массовой информации и телевидение прибрали к рукам нечистоплотные люди. Потому мы столь тщательно приглядывались к вам, подробно изучили вашу биографию, историю вашей семьи, всей родни, ближайшего окружения. В общем, хотим предложить вам работу и учебу одновременно, в органах, в особых подразделениях.

— Сразу работу? — не удержавшись, удивленно перебил Неделин собеседника.

— Да, работу. Полученная вами в армии подготовка так основательна, что вы вполне пригодны для службы в правоохранительных органах. Плюс интеллект, знание языков, характер, возможность пройти какие-нибудь особые ускоренные курсы. И, конечно, заочное образование в одном из наших закрытых учебных заведений, обязательные стажировки в зарубежных университетах для ознакомления с разными странами, образом жизни в них, закрепление языковых навыков. Все это, в конце концов, сложится в прекрасное образование, — заключил с улыбкой Виктор Степанович на чистейшем английском.

— Интересно... — неожиданно вырвалось у Неделина тоже по-английски.

— Что интересно, это вы точно подметили. Но будет трудно, зачастую опасно, и я должен об этом предупредить, прежде чем получить ваше принципиальное согласие. Сегодня, —

продолжил Виктор Степанович, — наши враги неожиданно получили невиданный шанс развалить гигантскую супердержаву — Советский Союз, и помощь, как нам видится, придет к ним изнутри. А цель у них ясная, конкретная — в мире должна остаться только одна могучая держава — США, она и станет диктовать условия миру, ибо противовеса в лице СССР уже не будет.

Вы читаете прессу и наверняка заметили, какая мощная атака идет на правовые органы: МВД, КГБ, прокуратуру, да и на армию и флот тоже. И здесь четко прослеживается цель — развалить следственный аппарат страны, дискредитировать все силовые структуры, ослабить их, насколько удастся, а главное, подорвать к ним доверие народа — чтобы в час «икс» государство не имело опоры. Наверное, заметили, опять же по газетам, как Запад вдруг стал приглашать читать лекции за щедрые гонорары некоторых наших «интеллектуалов» и как после возвращения появляются их статьи, а по сути — инструкции, рекомендации, как добить наше государство, кого опорочить или хотя бы высмеять в первую очередь, или как настроить одну часть населения против другой. Начавшийся в Карабахе межнациональный конфликт, первый за десятилетия, — лучший тому пример.

Сегодня можно прочесть такую невообразимую гнусность про нас, про органы, про историю государства, его завоевания и успехи, что человек, не имеющий своей позиции, — особенно это касается молодежи, не задумывающейся над тем, почему это вдруг хлынуло таким потоком, да еще из уст вроде авторитетных людей, — может испытать к нам, да и к своему Отечеству, только ненависть. Мы это осознаем. И в это трудное для органов время мы, тем не менее, приглашаем вас работать к себе. Что бы ни происходило вокруг, какие бы люди и партии ни рвались к власти, какими бы путями ни пошло государство, для нормального человека, для патриота своей Родины, в конце концов, для русского человека главным должна быть забота о судьбе Отечества. Потому что Россия у нас одна. В органах достаточно людей, которые не намерены спокойно взирать на передел всего и вся, в этом вы должны быть уверены. И в этом я вам лично ручаюсь честью русского офицера...

И Виктор Степанович протянул через стол Неделину руку, которую тот нерешительно пожал. После небольшой паузы Королев закурил и продолжил:

— Три четверти преступлений абсолютно новы для правоохранительных органов и требуют нового подхода, а, зачастую, и новых людей в органах, извините за тавтологию. Но суть проблемы примерно такова.

Я долго и, возможно, нудно объясняю вам политическую и экономическую ситуацию в стране, но эта предыстория необходима, потому что именно вы — те молодые люди, которые будут бороться с преступностью неординарными методами. Вы будете вести эту опасную борьбу чаще всего в одиночку. Вас никто не станет ограничивать никакой четко поставленной задачей, цель у вас одна — стоять на пути тех, кто может нанести вред Отечеству.

— Как в пятидесятые? — попытался отшутиться Неделин.

— Да, примерно так. Хотя... У нас тогда не сидели во власти оборотни, предатели, двурушники и казнокрады, — ответил с внезапно прорвавшейся горечью Королев.

Виктор Степанович отлучился из комнаты и вернулся со свежесваренным чаем. Словно подытоживая предварительный этап беседы, он решительно сказал:

— Если вас не пугают постоянный риск, отсутствие каких-либо гарантий на ближайшие годы и есть желание помочь Отечеству, то, заручившись вашим принципиальным согласием, мы перейдем к другой части нашей беседы, к конкретным деталям вашей новой службы, а точнее, новой жизни.

— Прежде чем дать согласие, на которое вообще-то уже готов, я хотел бы задать очень важный для себя вопрос: не означает ли ваша личная позиция и позиция тех коллег, о которых вы упоминали, что в органах не желают перемен и готовы стоять насмерть за идеи компартии? Можно немного короче: вы отождествляете Отечество только с коммунистами?

Королева не смутил вопрос Неделина, он уловил, что для бывшего десантника это принципиально важно, и спокойно ответил:

— Ну, во первых, Отечество нельзя отождествлять ни с какой партией, ни с какой идеологией. Я уже говорил — Россия у нас одна. Помните, в начале беседы я упомянул своего

деда, царского генерала, добровольно пошедшего в советскую милицию. Он не разделял большевистской идеологии, но не мог оставаться в стороне, когда Россию разрывали на куски. А что касается наших политических убеждений, то сейчас мы меньше всего думаем об идеологии — мы заняты конкретным делом, и под это совсем необязательно подводить какую-то политическую платформу.

— Меня устраивает ваш ответ. Я опасался, что будет, как и прежде: этого не тронь, этого нельзя, этого не смей, тот секретарь обкома... Жулики, проходимцы — и никого нельзя призвать к ответу.

— Думаю, что все это осталось в прошлом, иные нынче времена...

— В таком случае, Виктор Степанович, мне с вами по пути. Мне действительно безразлична моя Родина. И давайте не будем терять времени, перейдем к главному, чем я буду заниматься?

— Ну, вот и хорошо. Я рад, что вы примкнете к нам. Смеею надеяться — вы надежный человек. — И Королев еще раз пожал руку Неделину. — Ну, а теперь к делу... Чтобы все вам объяснить, мне потребуется время, так что не обессудьте.

Неделин всем своим видом дал понять, что готов слушать.

— Геронтократия — власть стариков — рухнула первой, что и должно было случиться. Первыми к нарождающейся рыночной системе приспособились молодые — среди тех, кто «сделал» свои начальные легальные миллионы, почти нет людей среднего или старшего возраста. К такой ситуации, когда власть стала переходить из рук одряхлевших стариков в руки «новых русских», оказались не готовы ни сама власть, ни мы — органы. Ситуация нормальная, если бы существующая власть спокойно и твердо пошла на контакт, передавая постепенно бразды правления и опыт, тогда бы сохранилась традиция, преемственность поколений. Но, не встречая внимания и интереса со стороны власти у себя дома, «новые русские» становятся объектом внимания наших противников извне. Преступность — уголовная, экономическая и политическая — резко помолодела. И пока у нас в руках еще есть сила и финансы, мы, на свой страх и риск, решили провести ряд акций в среде «новых русских», тесно связанных с криминальными структурами.

Однако со старым кадровым составом нам трудно войти с ними в контакт. У преступного мира, «новых русских», короче, у мафии, есть свои люди и в органах, и во властных структурах. Поэтому мы и решили внедрить в их среду своих людей, иначе будем продолжать проигрывать схватку за схваткой, а аппетиты у них не знают предела. Нам необходимо знать их планы, так как они представляют опасность и для государственных институтов, и для народа.

Чтобы попасть в эту сферу, прежде всего надо иметь свое дело, быть богатым, молодым, нахрапистым, самоуверенным, жить их интересами. Посещать дорогие рестораны, казино, ночные клубы; стать завсегдаем модных тусовок, показов мод, вернисажей, театральных премьер. Примелькаться в богемных клубах, артистических салонах, катранах, где играют по-крупному, чаще бывать в журналистских кафе, видных адвокатских конторах — там нынче продается и покупается важная для нас информация, там бывают люди, представляющие для нас интерес. Вы обязаны стать предпринимателем, светским человеком, эдаким удачливым прожигателем жизни. Не возбраняется водить дружбу и с уголовной средой, особенно с авторитетами и ворами в законе, но тут уж вы сами должны знать чувство меры. Эти последние очень осмотрительные люди, тончайшие психологи, не пытайтесь их переиграть — важно, чтобы они не «прочитали» вас.

— Вы думаете, мне это под силу? — удивленно и с некоторой тревогой спросил Неделин, чувствуя холодок в груди — такого поворота он не ожидал.

— Вполне, — успокоил его собеседник. — Не комплексуйте. Все наши нелегалы на чужой территории начинали так, с нуля. А теперь среди них есть настоящие миллионеры, истинные акулы капитализма. К тому же вас, как и их, на первых порах подготовят и поддержат материально. Ну, а если вы не сумеете стать предпринимателем и разоритесь, значит, таков ваш удел. Но и это не трагедия, ибо задание сверхтрудной категории, тут гарантий успеха никто дать не может. Не потянете роль прожигателя жизни на свои средства — перейдете из нелегалов на работу в штат и будете продолжать образование заочно или вечерне. Так что, дорогой Вячеслав Михайлович, ваша судьба в собственных руках, держайте!

Академических пособий, как стать миллиардером, тоже нет, хотя сегодня в нашей стране как никогда — удачная стартовая ситуация для тех, кто хотел бы разбогатеть. Наверное, в истории подобный расклад случается примерно раз в тысячу лет. Считайте, что вам выпало «зеро» при сумасшедших ставках. Да, пособий нет, но есть всякие курсы, чтобы кинуться в рыночную экономику не очертя голову. Для вас мы порекомендовали бы два ускоренных курса — по компьютерной бухгалтерии и по маркетингу и менеджменту. Там в самые сжатые сроки можно изучить основы предпринимательской деятельности. Затем с вами займутся наши специалисты — прослушаете углубленный цикл лекций: о банковской деятельности, лицензировании, таможенном контроле, ценных бумагах, оффшорных зонах, налогах, о риэлторской и консалтинговой службах. После лекций вы подвергнетесь серьезной аттестации и в случае успеха получите соответствующие документы.

Поскольку в спецназе вы прошли азы работы с компьютерами и их программным обеспечением, мы пришли к выводу, что вам лучше всего избрать этот вид бизнеса. В стране вот-вот начнется компьютерный бум, и вам самое время застолбить на рынке свое место. В одном из райисполкомов Москвы вам помогут зарегистрировать фирму без особых осложнений и мздоимства. Подскажут, в каком надежном банке следует открыть счет, и туда же переведут стартовый капитал. Затем вас свяжут с одной солидной английской фирмой в Лондоне, которая производит компьютеры высокого класса, и у вас появится неоспоримое преимущество в самом начале, ибо не сегодня-завтра на наш рынок хлынут потоком компьютеры «желтой» сборки и, хуже того, непонятно каких фирм, собранные в кустарных мастерских Китая, Бирмы, Таиланда, Гонконга.

За счет качества своей продукции и известной марки вы должны успеть войти в контакт с серьезными банками, корпорациями и финансовыми группами. На этом наша опека закончится, ну, в крайнем случае, один-два раза можем подстраховать на таможне, не больше. Можете не бояться уголовки, ссылайтесь на то, что вы спецназовец и в любой момент можете собрать свою бригаду из бывших сослуживцев, они, в случае крайней необходимости, появятся в вашем распоряжении

в течение часа, это мы гарантируем. Можем в серьезных ситуациях помочь с наружным наблюдением, охраной при выезде в другие города, проверить компаньонов при крупной сделке. А дальше придется действовать уже на свой страх и риск.

— Будет ли у меня с вами связь в экстремальных случаях или какие-нибудь постоянно действующие каналы? Они мне понадобятся в первое время, пока я не освоюсь в бизнесе и в выполнении вашего задания, — спросил Неделин.

— Да, конечно. Мы отладим вам и почтовую, и телефонную связь. Впрочем, вас, кажется, многому обучали во Владивостоке, я подробно знакомился с вашими учебными программами.

— Да, готовили нас основательно, но я не предполагал, что это мне когданибудь пригодится.

— Нет, Вячеслав Михайлович, ничего не бывает просто так, — впервые за встречу от души рассмеялся Королев. Потом он быстро глянул на часы и поспешил закончить аудиенцию: — Для первого раза достаточно. Возвращайтесь домой, сообщите родителям, что вы поступили на вновь открытое заочное отделение по международной экономике. Причина? Скажите, что встретили своего старого школьного приятеля или армейского друга, как вам будет удобнее, у которого есть своя процветающая фирма, и он взял вас к себе на высокооплачиваемую работу, с предоставлением служебного автомобиля. И что через три дня вы начнете обучение на курсах по компьютерной бухгалтерии за счет фирмы, а через месяц — новые курсы по бизнесу, а там командировки, стажировки, хорошая зарплата. Больше опирайтесь на собственную фантазию, я даю всего лишь ориентиры. Дома должны привыкнуть, что вы работаете в солидной фирме и что скоро сами заведете свое дело...

2

А дальше все в бешеном темпе понеслось так, как и написал Королев. Картье закончил платные курсы при академии Внешторга, куда, оказалось, не так-то просто попасть. Завел там кучу знакомых, а главное, всерьез увлекся азами экономики, бизнеса — ему не терпелось проверить себя в деле. Многие, с кем он посещал занятия, уже имели собственный бизнес

и мечтали о расширении — в ту пору о банкротстве никто не задумывался: огромный рынок, полное отсутствие конкуренции, впереди маячили только прибыли, прибыли...

После окончания курсов и по бухгалтерии, и по маркетингу его и еще четырех парней собрали в закрытом санатории в Подмосковье, где-то под Рузой. Там они провели с одним небольшим перерывом сто двенадцать дней, занимаясь ежедневно по десять-двенадцать часов в сутки. Преподаватели приезжали к ним из Москвы бригадой по вахтовому методу — неделю одни, затем другие, третьи, четвертые, и по второму кругу, если того требовала программа. Наверное, благодаря интенсивности и качеству обучения, а также учитывая высокую квалификацию преподавателей и инструкторов, они за это сжатое время одолели обычный институтский курс, на который в других ситуациях уходят годы.

Программа включала и теоретические занятия, и практические, вплоть до составления бухгалтерских отчетов. А с Неделиным персонально занимались еще два специалиста по компьютерам. По окончании занятий в Подмосковье Картье мог заткнуть за пояс не только любого дилера компьютерной фирмы, но даже некоторых специалистов, ибо сам способен был собрать и отладить любую систему.

Ребята, с которыми он занимался по специальной программе, оказались из разных регионов: один из Самары, другой из Ленинграда, двое братьев-близнецов из Ростова. Наверное, у всех были похожие задания, но бизнес предполагался разный, поэтому, встречаясь в редкие свободные минуты, о частностях они не говорили. Перед каждым из них поставили условие: намеренно встреч и взаимовыгодных контактов по бизнесу не искать, но если уж их интересы пересекутся, особенно в экстремальных ситуациях, или кто-то из них будет нуждаться в помощи, они должны оказать ее в первую очередь.

Аттестацию в Подмосковье Неделин выдержал с отличием и вскоре в одном из райкомов комсомола в центре города арендовал на десять лет под офисы целое крыло с отдельным входом, а также просторные сухие подвалы под склады. Через год он уже сам сдавал в субаренду торгово-закупочным фирмам часть комнат и часть подвалов, имея от этого ежемесячно кругленькую сумму, и сразу почувствовал силу знаний, полученных

под Рузой: именно там подсказали поспешить с арендой зданий, складов, подъездных путей, пакгаузов, пока все не расхватали конкуренты. Первая же его сделка с английской фирмой оказалась не только сверхприбыльной, но и сразу же утвердила его положение в глазах заказчиков, потому как редкий продавец в то время имел ясное представление о товаре, которым торгует, тем более таком высокотехнологичном и интеллектуальном.

В том же году Слава купил трехкомнатную квартиру рядом с родителями на Кутузовском проспекте — его школьный товарищ, с которым он просидел за одной партой все десять лет, уезжал с родителями в Израиль. Работа Картье, его образ жизни диктовали необходимость иметь собственное жилье, и вдруг такая удача! Этой покупкой он удивил родителей более всего, наконец-то они поверили, что сын занят действительно серьезным делом.

Конечно, не все шло гладко, случались и неудачи, был даже уголовный наезд, и Картье пришлось собирать «свою» бригаду — в общем, показал зубы, отвоевал свое место в жизни и бизнесе. Воспользовался он однажды и помощью на таможне, но только раз — он хотел добиться успеха сам.

Девяносто первый — девяносто второй годы оказались очень тяжелыми для работников МВД и КГБ: их сотнями отправляли на пенсию, в отставку, а тут как раз подоспела гайдаровская реформа цен, миг превратившая сбережения на черный день в пыль. В эти годы без чьей либо подсказки или просьбы о помощи Картье передал для бедствующих коллег, уволенных из органов, а также для стариков ветеранов два чемодана, туго набитых деньгами. Тайна этих миллионов вряд ли когданибудь выплывет, так как знали об этом только Виктор Степанович и сам Картье. Но благое дело не нуждается ни в рекламе, ни в ответной благодарности — так оценивал свой поступок Неделин.

Прошло два года с тех пор, как он передал информацию о том, что в Центральный банк России преступный мир внедрил несколько высококлассных специалистов с целью провернуть беспрецедентную по масштабам финансовую махинацию. Тогда он не мог ни назвать фамилии «беловоротничковых» преступников, ни уточнить смысл аферы, ничего, кроме того, что это связано с чеченской мафией, ибо все держалось в строжайшем

секрете и он узнал об этом случайно. Произошло это как раз накануне государственного переворота в августе девяносто первого года, надолго выбившего страну из колеи, а затем — месяцы гонений на МВД и КГБ, череда реорганизаций в обеих системах не дали возможности всерьез заняться этой информацией. Да и сами люди, с которыми Неделин находился в контакте, включая Виктора Степановича, едва удержались на своих местах, тут было не до аферистов в банке. Возможно, приняв к сведению его информацию, усилили охрану в хранилищах, при перевозе крупных сумм.

Но через полгода, когда в один день из десятков банков в разных регионах России по фальшивым авизо вытянут триллионы рублей, на самом верху вспомнят о сигнале некоего тайного агента по кличке Филипп... А Виктор Степанович даже специально встретится с Картье и покажет бумагу с грифом «Чрезвычайно важно!», он еще тогда незамедлительно дал знать наверх о готовящейся грандиозной афере в банковской сфере страны, но органы на тот момент сами оказались парализованы беспрецедентной травлей со всех сторон. Возможно, стратеги аферы на это и рассчитывали...

Но не среагировали только на эту его информацию, по остальным своим сообщениям он видел реальный результат, ибо имел дело с ситуациями, не терпящими отлагательств. Вот и сегодня, заложив с утра в почтовый ящик запрос, он чувствовал, что нащупал что-то интересное, в последние годы интуиция его редко подводила.

Во второй половине дня, когда он выходил из Инкомбанка неподалеку от улицы Горького, раздался зуммер пейджера. Неделин не спеша открыл бесшумную дверцу «мерседеса» и, только сев за руль, прочитал сообщение: «Дедушка просил обязательно заехать вечером на чай». Это означало, что Филиппа ждет с важной информацией Виктор Степанович, по пустякам его не отвлекали. «Ага, значит, я попал в точку», — обрадовался Неделин и, развернув машину, поехал к Елисейскому магазину.

За годы встреч на Кутузовском проспекте он сдружился с хозяином явочной квартиры, бывшим оперативником, и никогда не приезжал к нему без подарка или гостинцев. Старик любил хороший чай, кофе и был сластолюбом — обожал торты,

печенье, конфеты. Конечно, даже на пенсию участника войны и за полную выслугу лет в уголовном розыске, где он постоянно, как и на фронте, подвергал свою жизнь риску, ничего из качественных продуктов хозяин позволить себе теперь не мог.

В гастрономе Неделин прошел в боковую дверь, где в бывшем мясном отделе теперь торговали за валюту. В большом переоборудованном зале тихо играла музыка, и всего два-три человека стояли у прилавков. «Неужели вся эта перестройка была затеяна для того, чтобы незначительная кучка удачливых или ловких людей могла почувствовать комфорт европейского уровня жизни?..» — невесело подумал Неделин. Он не торопясь сделал покупки в кондитерском отделе, особенно тщательно выбирал торт, так как выбор оказался на удивление богатым. В конце концов остановился на датском торте «Замок» с орехами. А с остальным — чаем, кофе, конфетами — вышло и того быстрее, тут он ориентировался четче, ибо сам любил хороший цейлонский чай с бергамотом и добротный кофе.

Виктор Степанович однажды рассказал Неделину, что на первых порах после каждой встречи на Кутузовском хозяин явки всегда настороженно спрашивал: неужели этот щеголь на японской машине, с иголки одетый, пахнущий французским одеколоном, всегда пунктуальный и вежливый — наш человек?

На что, конечно, Королев твердо отвечал: наш, но понимал, что не совсем убедил старика.

Только после того, как Картье в первый раз принес чемодан, туго набитый деньгами, для бедствующих коллег — чемодан этот долго хранился на Кутузовском, — старик окончательно поверил Неделину, да что поверил, искренне полюбил его. Дотошные дворовые бабки все-таки засекали, что в сто шестую квартиру к отставному полковнику изредка навещается элегантный молодой человек, и поинтересовались у старика — кто, мол, такой, кем он вам приходится? И бывший оперативник вынужден был сказать, что это его любимый внук, а потом в их телефонных звонках появилась семейная связь: дедушка — внук.

Когда Картье приехал на Кутузовский проспект, Виктор Степанович уже поджидал его. Судя по возбужденному взгляду Королева, Неделин понял, что незнакомец из ресторана «Пекин» представлял для органов интерес. Две добротно

отпечатанные фотографии лежали на столе, и Королев, взяв одну из них, нетерпеливо спросил:

— Как ты вышел на него? Очень обрадовал ты моих коллег с шестого этажа. Они полгода с него глаз не спускают, не поймут, что его у нас интересует, с каким заданием прибыл.

— А что, такая уж важная птица? Или Армения уже представляет для кого то особый интерес? — любопытствовал Неделин.

— Нет, Армения интереса не представляет, — оживленно ответил Виктор Степанович. — А Карлен Татлян, так зовут этого симпатичного молодого человека, — гражданин США. Он окончил разведшколу в Иллинойсе и с ЦРУ сотрудничает со студенческих лет.

— Он что, намеревается завербовать меня в ЦРУ? — рассмеялся Неделин.

— Не знаем, не знаем. Но он видит тебя не в первый раз. Я же сказал, что за ним ведется наружное наблюдение. Он был в казино «Трефовый туз», когда ты сыграл там свою «коронку». Вот фотография, узнаешь? — Королев протянул другой снимок, где тот же молодой человек, но уже в смокинге и белом муаровом галстуке-бабочке, был заснят как раз в тот момент, когда делал ставку в рулетку. — Возникает вопрос — специально ли он оказался в тот вечер в казино «Трефовый туз»? И если не случайно, что ему от тебя надо? И второе: почему он появился вчера в «Пекине» и зачем заснял тебя? — Скорее всего, Королев повторял вопросы своих коллег с шестого этажа.

— Если он не случайно пришел в «Пекин», значит, что-то знает обо мне, возможно, ищет встречи со мною или хочет знать, с кем я бываю? — рассуждал вслух Неделин. — То, что он сотрудник ЦРУ, многое проясняет... Виктор Степанович, вы сказали, что ваши ребята с шестого этажа ведут за ним догляд уже с полгода: к чему он проявляет интерес, к чему из запретного его тянет?

— В том то и вся загадка, дорогой Вячеслав Михайлович... По долгу службы он представляет газету «Лос-Анджелес таймс», ведет рубрику в колонке культуры, сообщает новости светской жизни из России, говорят, делает это довольно-таки толково, мало что пропускает значительного, особенно

из столичной жизни. Но его не замечали возле секретных объектов, он не ищет подходов к НИИ или производствам, не кружится возле ученых. Не уличен в связях с военными или в интересе к военным объектам. Не заводит он и дружбы с теми, кто наверху. Станный парень, загадочный шпион. Зато проявляет интерес к игорным заведениям, причем самым дорогим, где играет по-крупному. Бывает он и в подпольных катранах, хотя азартом не отличается: играет сдержанно, чаще выигрывает. Частенько посещает дорогие рестораны, салоны модной одежды, но покупает только по мелочи, чаще консультирует друзей из своего нового окружения. Короче, бывает там, где крутятся большие деньги, а точнее — шальные деньги.

— Говорите, проявляет интерес к деньгам? — встрепенулся вдруг Картье, словно напал на что-то важное. — Это весьма интересно. Деньгами никогда просто так не интересуются...

3

... В то же самое утро на другом конце Москвы, только часом позже, Карлен Татлян передал по своим каналам зашифрованное сообщение. Оно гласило:

«Меня интересует подробная информация на молодого человека, чью фотографию и известные мне координаты прилагаю. Ведет чрезвычайно активный образ жизни. Обладает средствами. В течение часа проиграл в казино около сорока тысяч долларов. Через неделю отмечал в большой компании день рождения в дорогом ресторане. Ездит на «Мерседесе-600». Часто бывает на престижных мероприятиях. Возможно, через него отыщется ход к интересующим нас проблемам.

P.S. Высылаю также фотографии двух чеченцев, братьев Цуцаевых, — близких людей из окружения генерала Дудаева. Бывая в Москве, повсюду сорят деньгами. Снимки сделаны по моей просьбе в Крыму, в поселке Коктебель, в казино. Из случайно записанного разговора выяснилось, что братья Цуцаевы в ближайшие месяцы приедут в Лондон с какой-то важной секретной финансово-политической миссией. Предоставляется возможность взять на тщательную экспертизу деньги, которые привезут братья Цуцаевы. Разъезжают повсюду с полными

кейсами наличной валюты, поэтому есть все основания подозревать, что искомый нами объект находится в России, в Чечне. Норман».

Тоглар

Август в Ростове плавно перетек в сентябрь, стояли удивительно погожие дни, только ночи были чуть прохладнее, но пока без заморозков. Могучие дубы, высаженные в центре города еще в прошлом веке, уже роняли первые тяжелые желуди, хотя настоящей желтизной тронуло лишь канадские клены. А в полдень было еще по-летнему тепло, даже жарко. Тоглар рассчитывал прожить в «Редиссон-Ростове» дня три-четыре, не больше, а пошла вторая неделя. Он наслаждался волей, прекрасной ресторанной кухней, щедро тратил деньги, частенько вспоминая при этом изречение Юлиана Семенова: деньги — это отчеканенная свобода.

После встречи с чеченцами в «Камее» Константин Николаевич с помощью Аргентинца обзавелся многозарядным итальянским пистолетом «беретта», а на улицу выходил в шикарных темных очках «Полис», закрывающих пол-лица. В первые три дня после случая в ювелирном магазине он нанял, опять же при содействии Городецкого, двух парней, которые сопровождали его в прогулках по городу, а вечером, когда он ужинал с Натальей в гостиничном ресторане, занимали по соседству столик. Позже он понял: чеченцы наверняка решили, что он тут же рванул из города или надолго и прочно залег на дно — и то верно, разве здравомыслящий человек мог так рисковать? Ведь вопрос стоял о жизни и смерти. Но то по трезвой логике, а Фешин был влюблен — в таком состоянии часто теряют голову, и здесь Тоглар не был исключением.

Аргентинец оказался верен своему слову: позвонил из Москвы через неделю, передал кучу приветов от братвы, рассказал, как обрадовались давние приятели сообщению, что тоглар жив и здоров, добавив, что кореша твердо решили собраться по случаю его возвращения, помянуть старые времена и старых друзей. Тронуло Тоглара и внимание Аргентинца, тот предложил на первое время остановиться у него, на той самой

шикарной квартире, отремонтированной и обставленной по изысканным проектам французских и итальянских дизайнеров, которую он выиграл всего за одну фартовую ночь. Конечно, Городецкий знал, что у Тоглара в Москве была квартира, и не одна, он не раз там бывал, особенно на той, которую Фешин считал своей рабочей и где прятал специальный инструмент, картотеку и архив. Но они оба понимали, что на любой из квартир его может поджидать чеченская засада. Тоглар поблагодарил Городецкого за приглашение и заверил, что непременно заедет к нему на Кутузовский. Его действительно заинтересовали апартаменты, захотелось иметь что-то подобное, и желательно в том же районе, где стоят величественные сталинские дома, построенные на века.

За недолгое время проживания в «Редиссон-Ростове» Тоглар настолько привык к уюту, комфорту и ненавязчивому сервису пятизвездочного отеля, где все желания постояльца исполняются моментально, что решил в Москве первое время пожить или в «Национале», или же рядом, в «Метрополе». Тем более, что старый кореш Олег Лозовский по кличке Дантес снимает там целое крыло на пятом этаже. Паспорт с ленинградской пропиской позволит ему переезжать в столице из гостиницы в гостиницу. Там, в Москве, как упоминали его бывшие хозяева — чеченцы, теперь такие отели отгрохали: «Софитель-Ирис», «Олимпик-Пента», «Президент-отель», «Редиссон-Славянская», «Палас-отель» ... Да и старые известные «Будапешт», «Берлин», «Савой» отреставрировали до неузнаваемости, а главное, там изменилось отношение к постояльцам.

Наталье он, конечно, про случай в «Камее» не рассказал, зачем прежде времени настораживать девушку, уж очень ему хотелось добиться ее расположения. Впрочем, это не совсем точно — он добивался не просто ее внимания, а любви, настоящей, той, о которой мечтает каждый мужчина. Возможно, первый раз он всерьез задумался о своем будущем и о той, которая должна скрасить ему все оставшиеся годы жизни. В эти осенние дни в Ростове надежда на счастье расцвела буйным весенним цветом, он строил такие грандиозные планы, такие воздушные замки, что захватывало дух, смахивало на фантастику или сон. Но даже самые смелые мечты при самом

суровом раскладе могли быть вполне осуществимы, ведь у него были миллионы...

В его жизни неожиданно выпали сразу две крупные удачи, два козырных туза: время и деньги. Да, время, его величество Время, оно прежде всего, оно в первую очередь, а затем уже миллионы. Что бы он мог позволить себе, займей эти деньги не сегодня, а, скажем, десять лет назад? Разве мог он тогда слетать в Париж или Лондон? Встретить Рождество и Новый год на Сейшельских островах? Или приобрести квартиру на Кутузовском проспекте? Сделать в ней первоклассный ремонт и обставить по проекту лучших европейских дизайнеров? Да и просто купить «мазерати»? Мог ли издать солидный каталог работ своего знаменитого деда? Такое не могло присниться в самом розовом сне даже члену Политбюро. Да что там любой партийный босс, такое не могли нафантазировать даже выдающиеся братья Стругацкие. Время! Ему повезло с временем, и это он осознал только здесь, в Ростове.

Все дальнейшие планы он теперь связывал с Натальей. В какие-то особо волнующие минуты встреч ему хотелось сложить к ее ногам все свои замыслы, но что-то всегда сдерживало Фешина в самый последний момент. Просыпаясь по утрам в своей роскошной гостиничной постели, он понимал, что ни одна здравомыслящая девушка не могла бы принять его слова всерьез, поверить в реальность осуществления задуманного — ведь кругом люди боялись загадывать даже о завтрашнем дне. Значит, надо было действовать как-то тоньше, деликатнее, ненавязчиво вводя девушку за руку в реальность, напоминающую грезы.

Впрочем, Наталья и так жила как во сне: каждый день ужин при свечах в ресторане за одним и тем же изысканно сервированным столом, где тончайший саксонский фарфор и столовое серебро оттеняли венецианское стекло креманок, фужеров, бокалов. А тщательно продуманное, почти не повторяющееся меню? А искусно подобранные цветы и всякий раз новое французское шампанское? И она не знала, какому отдать предпочтение: ей нравилось и «Билькар-Сальмон», и «Крюг», и «Мерсье», и, конечно, упоминаемая еще Пушкиным «Вдова Клико, урожденная Понсарден». Разве все это не было похоже на сказку? Почувствовав слабость Натальи к шампанскому,

он и в номере забил холодильник винами разных сортов, уже одни названия которых будоражили воображение.

А какие цветы он дарил Наталье каждый день, какие букеты ждали любимую у него в номере! Не было и дня, чтобы он не сделал ей роскошного подарка. Дома на трюмо у нее уже не было места духам, парфюмерным наборам и многочисленным коробкам. Как-то за ужином Тоглар обмолвился, что через месяц пригласит ее в гости в Москву, на что Наталья шутя ответила: у нее, мол, нет приличного чемодана для достойного путешествия. Каково же было удивление девушки, когда на следующий день после ужина в номере Константин Николаевич, улыбаясь, сказал:

— Не забудь захватить свой чемодан. Теперь у тебя не должно быть поводов для отказа от поездки в Москву, прекрасная леди!

И она увидела у двери большой роскошный кожаный чемодан, сияющий позолотой замков, на золотистых колесиках. Такой она видела в витрине итальянского магазина по соседству с «Асторией». В этот момент она, кажется, даже почувствовала запах хорошо выделанной дорогой кожи.

— Открой и посмотри, — легонько подтолкнул ее к подарку Константин Николаевич.

Она с радостным нетерпением щелкнула упругими замками и увидела внутри еще один, такой же, но поменьше.

— Открывай и этот, — подсказал Тоглар.

Внутри находился дамский дорожный саквояж-кофр, очень похожий на тот, что Фешин приобрел для себя у «Формани».

Она достала саквояж и, любуясь, прошла с ним мимо большого зеркала в прихожей, потом, видимо, восхищенная мягкой кожей и щедро золоченной фурнитурой, щелкнула застежкой и тут уже не сдержала восторженного вскрика: «Ах!» В саквояже лежал главный сюрприз — изящная дамская сумочка, в тон саквояжу и чемоданам, самой известной и дорогой французской фирмы «Дюпон» — со скромным, но известным модницам всего света золотым логотипом «Д».

Восторженная и благодарная, она бросилась к нему на шею, осыпая его поцелуями.

Тоглар, конечно, чувствовал, что не только он попал под чары Натальи, но и она тянется, все сильнее привязывается

к нему. Он же видел, как девушка спешила к нему на свидания, как нехотя, далеко за полночь, расставалась с ним. Она не задавала никаких серьезных вопросов, лишь однажды спросила, чем он занимается, но Фешин легко ушел от ясного ответа, сказав, что, как и все вокруг, занят бизнесом, имеет свое дело.

Как-то в воскресенье Наталья пригласила Константина Николаевича на вернисаж в известную в городе галерею, там выставлялся ее бывший одноклассник, прославившийся в первые годы перестройки своими работами. Бабур Мухамедов не только взлетел на Олимп из небытия, но и — в этот краткий период интереса к нашему искусству богатых коллекционеров и известных галерейщиков с Запада — сумел приобрести имя и сколотить состояние. Вся коллекция, создававшаяся им чуть ли не со школьной скамьи и составлявшая более семисот работ, к которой раньше никогда не проявляли особого интереса, была распродана с большим успехом на выставках и аукционах. Наверное, он был одним из немногих художников-счастливчиков, успевших поймать за хвост жар-птицу: ему удалось показать свои лучшие картины во всех европейских столицах, в самых престижных галереях. Разбогатев в Москве, Бабур вернулся в Ростов, построил особняк с просторной, в два этажа, мастерской и залом для домашних выставок, а на самой оживленной улице города открыл галерею под названием «Салар». Видимо, этим названием он хотел подчеркнуть свои национальные корни, хотя и в искусстве, и в жизни придерживался явно космополитических взглядов и не знал ни слова по-узбекски. Вот в его-то галерею они и были приглашены.

Открытие выставки было шумным, видимо, Бабур помнил первые московские презентации и богемные тусовки: играла музыка, подавали вино, белое и красное; разносили шампанское и даже розовое «Цимлянское». Расставленные зигзагом три длинных узких стола в центре зала были щедро уставлены вазами с фруктами, тарелками с бутербродами, расстегаями, кулебяками, всякими пышками и ватрушками, на которые так богат казачий край. И повсюду цветы, цветы... Осень все-таки благодатная пора — даже для вернисажей.

У входа их встретил сам хозяин — высокий, болезненно бледный, со жгуче-черной ассирийской бородкой и... явно русскими голубыми глазами в обрамлении по-девичьи густых

и длинных ресниц. По тому, как он держался, говорил, улыбался, чувствовалось, что цену себе он знал. Ранний успех в искусстве чаще всего бывает на пользу творцу, если, конечно, в нем действительно заложен талант.

Наталью тут же окружили подруги, одноклассницы, друзья и несколько оттерли от нее Константина Николаевича, но всевидящий хозяин, видимо, почувствовавший в седеющем господине то ли коллекционера, то ли просто богатого покупателя, тут же приставил к Тоглару какого-то шустрого парня, чтобы тот показал ему экспозицию, а сам, извинившись, вновь поспешил к двери — гости прибывали и прибывали. Минут через пять вертлявый экскурсовод надолго застрял с бокалом шампанского возле какой-то шумной компании, и Константин Николаевич до самого конца больше его не встречал, чему, конечно, ничуть не огорчился. Он считал, что живопись, как и музыка, да, впрочем, как и любое другое искусство, вряд ли нуждается в комментариях.

Чувствовалось, что Бабур ищет иные формы, новые тона, видоизменяясь даже технически: Константин Николаевич ясно видел, как художник пытается перекинуть мостик из сегодняшнего дня, когда все вокруг возрождается и угасает одновременно, в начало века, оказавшееся таким плодотворным именно для живописцев. И эта попытка не копировать ретро, а наладить связь времен на художественной, а не идеологической основе, нравилась Фешину. Вероятно, большинство посетителей были знакомы с творчеством своего удачливого земляка и не утруждали себя осмотром выставленных работ, — пожалуй, только Константин Николаевич в гордом одиночестве переходил от картины к картине, — основные события художественной жизни развивались сегодня возле богато накрытых столов.

Около одной из картин стоял стул, на котором покоилась стопка прекрасной финской бумаги для рисунков сангиной, тушью, темперой или карандашом, рядом лежал узкий пенал красного дерева. Тоглару припомнилось детство, уроки живописи, что давал его отец в районном Доме пионеров, и он невольно потянулся к пеналу. Тот был разделен на три отсека, и в каждом лежал карандаш, почти вдвое толще обычного. Фешин догадался, что это сангина или уголь, но он никогда

прежде не держал в руках такие роскошные заморские карандаши. Достав один из них, он провел на листке линию и понял, что не ошибся — уголь. И вдруг ему так захотелось что-то нарисовать, что он не удержался. Сев на свободный стул, взял стопку изумительной бумаги и, оглядевшись, начал быстро-быстро делать наброски.

С того места, где он случайно оказался, Константин Николаевич хорошо видел в окружении подруг Наталью, в нарядном платье, с искусно уложенной прической. Особую прелесть ее наряду придавал его последний подарок — пятирядное кольцо из розоватого жемчуга, на высокой лебединой шее девушки оно смотрелось прекрасно, придавая ей изысканный шарм. Таким же легким, изящным получился его первый рисунок. Второй и третий он тоже посвятил Наталье, но взял более крупный план. На одном — задумчивый профиль, на другом — улыбающаяся девушка, несколько кокетливая, но в любом случае счастливая — такой он видел ее часто в последние дни.

На какое-то мгновение рядом с Натальей появился Бабур, его выразительная внешность бросилась Тоглару в глаза в первые же минуты встречи, когда он и не предполагал, что его потянет рисовать. Четко вырезанные, тонкие черты лица, высокий лоб, ниспадающие на плечи волнистые волосы — просто находка для художника, и Константин Николаевич попытался набросать его портрет — прежде всего на память об этом вернисаже. Сегодня здесь, в «Саларе», он почувствовал, как зов крови тянет его к мольберту, к холстам и краскам, кистям и мастихинам. Он наслаждался запахом красок, лаков, запахом старых и новых картин, которыми уже успела пропитаться новая галерея.

Тоглар так увлекся работой, что не заметил, как вокруг него собралась большая компания. Только почувствовав, что ему не хватает света, он поднял глаза и увидел рядом удивленную Наталью, Бабура и гостей — все они не отрывали взглядов от его работы. Тоглар, несколько смущенный вниманием, встал и молча протянул листы Наталье.

— Вы художник? — уважительно спросил хозяин галереи, поспешив отобрать у Натальи свой портрет.

— Почему вы так решили? — искренне удивился Константин Николаевич.

— По работам, по работам. Это ведь рука настоящего мастера. Я вряд ли кому мог бы доверить написать свой портрет, но ваша работа мне нравится, мне кажется, вы уловили не только черты, характер, но и время. Спасибо. По манере это Анненков. Он работал в Москве и Петербурге в двадцатые годы. Такая же скупость линий и такая же неожиданная рельефность и четкость изображения... — Бабур, протянув свой лист, попросил: — Подпишите, пожалуйста, вашу работу...

Константин Николаевич взял лист и, снова присев на стул, размашисто подписал: «Фешин. Ростов. 4 сентября, 1993 год, галерея «Салар». Когда передавал лист Бабуру, случайно взглянул на Наталью и увидел, с каким восторгом, обожанием, гордостью и любовью девушка смотрит на него — такой счастливой он не видел ее никогда.

2

В Москву Тоглар вернулся в сентябре. В аэропорту «Домодедово» его встречал Городецкий. Стояла сырая, промозглая погода, шел мелкий обложной дождь, а в открытых настежь дверях зала ожидания гулял ветер, принося запахи мокрого леса, прелых листьев, грибов. И он, загорелый, в светлом костюме, после теплого, пахнущего еще зрелым летом Ростова сразу почувствовал себя неуютно. Мысль о пальто, плаще, осенних ботинках, зонте, шарфах и перчатках как-то не приходила ему в голову там, на юге, рядом с Натальей. Почему-то припомнилась крыловская басня «Стрекоза и муравей», и, странно, — она вызвала улыбку. Багаж — чемодан и саквояж, куда он переложил содержимое спортивной сумки, у него был с собой, и они тут же отправились домой.

Аргентинец сразу почувствовал настроение Тоглара и, как всегда иронично-шутя, заметил:

— Все, брат, кончилось лето. Москва не Ростов. Но ты не горюй, нынче все легко поправимо, наше время пришло! Если тебя волнует осенне-зимний прикид, деньги на первое время — не переживай. Я всю неделю в крупном выигрыше, карта так и прет, никогда так долго не везло, даже страх

порою берет, к чему бы это. Можешь рассчитывать на любую сумму, — свои люди, сочтемся.

В белом просторном «вольво» Городецкого было тепло, и первое ощущение московской слякотности, неуютности быстро прошло, хотя Тоглар мыслями находился еще в Ростовском аэропорту, где осталась заплаканная Наталья. Но он среагировал на сказанное:

— Спасибо, братан. С деньгами у меня порядок. Думаю, на первое время мне хватит. «Чехи», зная, что никогда меня живым не выпустят, платили хорошо, они понимали, что человеку нужен стимул. Потом, скажу тебе по секрету, — он решил почему-то вдруг сблефовать по-крупному, — уходя, я прихватил у них казну. Семь бед — один ответ.

— Лихо! — присвистнул Аргентинец. — «Чехов» редко кому удастся кинуть. Молодец!

— Три года плена, наверное, стоят немалых денег. Чеченская казна — как компенсация за моральный ущерб, за то, что я долго не видел тебя, братву, — от души рассмеялся Тоглар, радуясь, что запустил удачную утку. По крайней мере, теперь ни у кого не вызовут любопытства или удивления его крупные траты на первых порах.

Как ни уговаривал Константин Николаевич Городецкого отвезти его сразу в гостиницу «Националь» или «Метрополь», тот отказался наотрез.

— Поживешь у меня два-три дня, оклемаешься, а потом переедешь в «Метрополь». Там перед Дантесом все ходят на цырлах, и тебе, как его старому корешу, почет и уважение будет.

Так и приехали на Кутузовский, в дом к Городецкому, который Тоглару очень хотелось увидеть. Пятикомнатная квартира на третьем этаже, с консьержкой в подъезде, с порога — да что с порога, с тяжелой бронированной двери, обитой красным деревом, с массивными бронзовыми ручками, с телеглазом, просматривающим просторную лестничную площадку, — поразила сразу. Прихожая, коридор, где одновременно могли одеваться пять-шесть пар, были выложены мореным деревом и зеленоватыми, с красными прожилками, мраморными плитами. С высоты почти четырехметрового потолка свисали две многопудовые хрустальные люстры в виде гигантских

виноградных гроздей. Кругом зеркала, картины, напольные и настенные светильники, бра, торшеры; старинные китайские вазы — бронзовые и фарфоровые; карликовые деревья бонсай на изящных высоких консолях из светлой вишни — казалось, он попал в какой-то дворец или студию, где снимали сцену из жизни голливудских звезд.

Городецкий, наслаждаясь произведенным эффектом, водил его из комнаты в комнату, давая какие-то важные, на его взгляд, пояснения. В одном из залов, словно специально для Константина Николаевича, уже топился камин, совсем по-сельски потрескивали дрова, и он с удовольствием расположился в глубоком кожаном кресле, протянув ноги к огню. Да, не зря хвалился Городецкий — квартира была блеск!

Аргентинец, придвинув к креслу столик на колесиках, уставленный напитками, оставил его одного и ушел в столовую, где хозяйка и две его дочери уже накрывали стол. Тоглар знал Светлану, жену Аргентинца, давно, но как-то не предполагал, что у него взрослые дочери-студентки, девушки на выданье.

Застолье у Городецкого затянулось допоздна. Тоглару было по-свойски хорошо в душевном кругу домочадцев Аргентинца. Шум, смех и шутки не смолкали с первой до последней минуты вечеринки, женщины веселым нравом не уступали хозяину. Несколько раз среди трапезы Константин Николаевич проваливался памятью в Ростов, к Наталье, и тому виной была дружная семья Городецкого. Тоглар примерял себя, Наталью к семейной жизни, к уюту и в какие-то минуты видел вместо Светланы, жены Аргентинца, Наташу, представлял ее хлебосольной хозяйкой большого и уютного дома. Городецкий отменил запланированные на этот день картежные игры, и весь вечер они провели дома, беседа до глубокой ночи.

— Мне бы хотелось купить похожую квартиру где-нибудь рядом, я люблю этот район. Люблю ходить пешком. Есть еще одна причина — я решил жениться, обзавестись семьей. Если бы ты знал, как я устал... И, честно говоря, по-хорошему завидую тебе, — искренне, но грустно сказал Константин Николаевич.

— Ты решил жениться на той девушке из Ростова? — уточнил Аргентинец, вороша щипцами поленья в камине, и яркий отблеск упал на его лицо.

— Отгадал, на ней. Хочу жить домом, принимать гостей, встречать вместе с тобой Новый год, Пасху, Рождество. Сколько может стоить такая хата?

Аргентинец на минуту задумался.

— Наверное, около полумиллиона долларов. Но если ты всерьез, — это легко узнать — у меня есть знакомый хозяин риэлторской конторы. Я ему поставляю богатых клиентов, а он мне платит два процента со сделки, так что я на твоей квартире еще и заработать смогу, — улыбнулся Городецкий.

— Что такое риэлтор или, как ты сказал, риэлторская контора? — не понял Тоглар.

— По-простому, на старый манер — это маклер. По новому, западному стилю — торговец недвижимостью. Теперь... везде узкая специализация, каждый занимает свою нишу. Лучше работать с ними, у них всегда есть выбор. В квартире, выставленной на продажу, они делают ремонт, причем сотрудничают с дизайнерскими конторами, мебельными фирмами. В общем, избавляют богатых людей от лишних хлопот.

— Можем мы сейчас же позвонить твоему маклеру? — загорелся Тоглар, обрадованный тем, что все может так легко устроиться.

— Почему же нет...

Аргентинец, взяв лежавший рядом сотовый радиотелефон, набрал какой-то номер. На другом конце тотчас подняли трубку.

— Здравствуй, Серега. Это Городецкий. Как жизнь, как дела? — Аргентинец держал трубку на отлете, и Тоглар слышал, как отвечал маклер:

— Неплохо. Но жить лучше не помешало бы. Риелтору для полного счастья всегда нужен богатый клиент.

— А у меня тут есть один. Правда, с претензиями. Хочешь переговорить?

— Спрашиваешь...

Аргентинец передал трубку Фешину.

— Добрый вечер. Меня зовут Константин Николаевич. Вы бывали дома у Городецкого?

— Бывал. Эта квартира прошла через мои руки, я ее продал прежнему владельцу. Наша фирма сделала там ремонт. Кстати, как — нравится?

— Да, нравится, — не стал лукавить Константин Николаевич.
— И я хотел бы иметь нечто подобное, а главное, в этом же районе, в сталинских домах. Люблю, знаете, простор, воздух, свет...

— Одну секунду, я включу компьютер, — попросил маклер. Видимо, дождавшись, пока на дисплее появятся данные, он спросил: — Вы будете платить сразу или по частям, перечислением или наличными?

— Могу сразу и наличными, если, конечно, устроит ваше предложение.

— Варианты у нас есть, и даже там, где вы хотите, рядом с гостиницей «Украина». Дом стоит в глубине двора, так что шум с Кутузовского проспекта не будет вас беспокоить по утрам.

— Сколько комнат? — уточнил Тоглар, он уже вошел во вкус.

— Две квартиры на шестом этаже, на одной лестничной площадке. Трехкомнатная и четырехкомнатная.

Тоглар чуть задумался, потом спросил:

— А нельзя ли соединить эти две квартиры?

— Можно, — хмыкнул на другом конце провода Серега. — Нынче ничего невозможного нет. У вас большая семья?

— Нет, небольшая. Но я художник. И хотел бы в трехкомнатной сделать большую мастерскую, студию, комнату для гостей — необычную, чтобы чувствовалась обитель, а не просто жилье художника. Понимаете?

— Понимаю. Нечто такое мы уже делали. У нас есть европейские модели подобной студии: фотографии, видеообзор. Но две квартиры в таком престижном районе, сталинском доме, особый ремонт... это станет вам дорого.

— Дорого — это сколько? — спросил Тоглар, не выдавая своей радости.

— Около восьмисот тысяч долларов. Возможны какие-то скидки, ведь вы покупаете сразу две квартиры и готовы оплатить наличными. Разумеется, нам понадобится аванс, чтобы начать оформление ордера и подключить дизайнеров, проектантов, строителей.

— Я могу заплатить и все сразу, если понравится и квартира, и ваш проект, но какие у меня будут гарантии?

Но тут в разговор вмешался все слышавший Аргентинец:

— А я и буду гарантом. Он ведь знает, с кем имеет дело: подведет — оторвут голову, вот и весь консенсус. Тут одни коллеги Сереги попытались кинуть нашего братана Мансура, он квартиру на Петровке купил, рядом с главной ментовкой. Теперь нет ни этой конторы, ни хозяина, мир праху его, а оставшиеся компаньоны до сих пор выплачивают штраф за подянку. Мансур — мужик крутой.

Маклер, конечно, слышавший слова Городецкого, уверенно сказал:

— Мы стараемся работать честно.

— Можем мы завтра же, с утра, посмотреть ваши квартиры? — Тоглар уже не мог сдержать нетерпения.

— Разумеется. Где увидимся? Ваш телефон?

— Приезжайте к Городецкому к десяти утра.

— Лады, договорились... — и Серега повесил трубку.

— Ну вот, я и заработал шестнадцать тысяч баксов, не выходя из дому, — пошутил Аргентинец. Потом, спохватившись, спросил: — Ты всерьез тянешь на такую дорогую хату?

— Чтобы жить с тобой рядом, никаких денег не жалко, — потирая руки, довольно заметил Тоглар. — Тем более, за такие апартаменты, где у меня наконец-то будет мастерская и я смогу заняться живописью.

— Живописью? Ты это всерьез? Я думал, что это твоя Наталья захочет иметь какой-нибудь пижонский салон, — искренне удивился Аргентинец.

— Вполне серьезно, дорогой, вполне. Единственное, что меня привлекает сегодня, кроме Натальи, разумеется, — это краски, холсты, кисти... Я хочу попробовать рисовать, мне кажется, это у меня в крови. И давай выпьем за мой будущий дом, он ведь с твоей легкой руки возникнет, — взволнованно сказал Тоглар.

— За дом выпьем. Дом — штука серьезная, тем более, если он такой уютный... — и они сдвинули бокалы с белым вином.

Потом они еще долго сидели, обсуждая ближайшие планы Константина Николаевича. Глядя в окно, за которым все так же нудно моросил дождь, Тоглар вдруг словно опомнился:

— Какие прожекты строим — квартира, мастерская... А мне ведь завтра не в чем выйти на улицу. Посмотри на эту мокреть, и утром вряд ли распогодится... Нужно срочно купить

осенний прикид, хочется пешком прогуляться по Москве... соскучился...

— Прикид нынче дело серьезное, теперь кругом по одежке встречают... — задумчиво сказал Аргентинец. — Шмотья завались, но, оказывается, и Карден с Версаче не потолок, есть и покруче. В этом деле я, честно говоря, не секу. Но, — осенило его, — есть у меня один молодой и чересчур шустрый компаньон, когда-нибудь он в великого каталу вырастет, помняи мое слово — талант! — Хозяин оживился. — Понимает с полуслова, полужеста, на ходу подметки рвет, как говаривали в старину. Я его беру в напарники, когда чувствую, что соперник мне не по зубам, или они против меня тоже в паре катают. Так у этого молодого гения — у него кликуха, с моей легкой руки, Эйнштейн — есть одна существенная слабость: он помешан на модной одежде — короче, сам увидишь. Что сегодня надо носить и где это купить — лучше него не знает никто, даже Слава Зайцев или Алексей Греков. Вот ему я могу позвонить, оказать услугу, он сочтет за честь.

— Прекрасно, ты решил с риелтором, решай и с имиджмейкером, кажется, это так называется. Однако, я вижу, жизнь сильно изменилась: были бы деньги, а остальное решается вмиг, и даже по самому высшему разряду.

— Уровень, брат, от денег зависит. А все остальное — разделение труда, каждый должен делать только то, что делает лучше других. Это закон успеха. Я, как ты знаешь, играю в карты, бог дал мне такой талант. У других — свои таланты. Так я звоню Эйнштейну.

— Давай, давай, не голым же мне ходить...

Молодого гения удалось отыскать только с третьей попытки. Вначале Эйнштейн огорчился, что его побеспокоили не из-за очередной крупной игры, но когда узнал, что надо по высшему разряду упаковать богатого и уважаемого человека, в нем проснулся азарт художника. Он обещал экипировать друга Аргентинца так, что от зависти лопнут самые прикинутые пижоны столицы. Договорились, что он заедет за Тогларом к Городецкому к одиннадцати утра. Друзья решили, что за час Константин Николаевич успеет осмотреть с риелтором квартиру, тем более, она находилась почти рядом...

3

Утром Серега явился минута в минуту, боялся, наверное, упустить такого выгодного клиента. За час они осмотрели дом в районе гостиницы «Украина». Месторасположение, двор, этаж, да и сами квартиры Тоглару понравились. К этому времени подъехали архитектор-планировщик и дизайнер. Они показали и рассказали, что в данном случае можно перестроить, перепланировать, снести. Обещали через неделю представить компьютерный дизайн-проект. Особенно внимательно, с неожиданным волнением, выслушал Константин Николаевич предложение по переустройству трехкомнатной квартиры под желанную студию-мастерскую. Ознакомившись с квартирами, Фешин твердо сказал: беру!

Когда Тоглар вернулся со «смотрин», молодой картежный гений уже дожидался его у Городецкого. Он пил кофе с хозяином дома у погасшего камина и о чем-то с ним вяло спорил — видимо, речь шла об очередных картежных аферах.

Увидев оживленного Константина Николаевича, Городецкий прервал беседу и, даже не представив гостя, нетерпеливо спросил:

— Ну как? Подходит?

— Да, вполне. — Тоглар не мог сдержать довольной улыбки. — Через неделю обещают компьютерный дизайн-проект в цвете, и я оплачу все сразу. Так что, считай, свои баксы ты уже заработал.

Городецкий обрадованно потер руки:

— Прекрасно, я рад и за тебя, и за себя. Вот, знакомься — юный гений и величайший сноб в одежде. Жуткое поколение растет. Между прочим, для него, Эйнштейна, безвкусно одетый человек уже не человек. Такая вот дискриминация по тряпичному признаку...

— Георгий, — представился молодой парень, действительно изысканно одетый, с мягкими, вкрадчивыми манерами донжуана и ловеласа. Вот откуда, наверное, проистекала тяга к модным и дорогим вещам. — Не верьте, Константин Николаевич, мэтр — человек эмоциональный и, как всегда, преувеличивает. Одежда одежде рознь, вы в этом сегодня убедитесь. И еще... Вам очень повезло: два месяца назад, располагай вы любыми

средствами, ничего стоящего приобрести не смогли бы, нужно было бы слетать в Париж или Дюссельдорф — в последние годы немцы стали большими модниками. Впрочем, пусть остальное будет вам сюрпризом. Так что, поехали? — и он легко поднялся с места.

У входа в подъезд стоял серебристого цвета пижонский «порше», весь вылизанный, надраенный под стать хозяину. Наверняка Эйнштейн выиграл машину за карточным столом, не без помощи Аргентинца.

— Судя по вашим швейцарским часам «Юлисс Нардан», — да и костюм от Хуго Босса ничего, — вы, Константин Николаевич, моды не чураетесь. Мэтр упомянул, что в молодые годы вы с ним экипировались в валютных «Березках», а там продавались если не самые модные, то весьма качественные вещи — во Внешторге работали люди со вкусом. Многие друзья мэтра, с которыми мне приходится общаться, одеваются дорого, но, как я считаю, они остались на уровне «Сейко», «Саламандер», финских костюмов «Туро» или «Тиклас», можно к ним добавить итальянскую дубленку или назвать иные страны и фирмы, но суть от этого не меняется. Это даже не ретро, это эклектика. Хорошее ретро всегда стоит дорого, и чтобы прочувствовать его, вернуться к нему — нужна не только смелость, но и уверенность в своем вкусе... — Эйнштейн завел машину и, плавно тронув с места, взглянул на молчавшего Тоглара. — Извините, когда речь заходит об одежде на высоком уровне, я забываюсь, меня заносит... Вас не смущает мой менторский тон и моя неуклюжая лекция?

— Нет, нисколько. Пожалуйста, продолжайте, мне даже интересно, — успокоил парня Тоглар. — Пожалуй, такого трепетного отношения к одежде, к своему внешнему виду, как у вас, я до сих пор еще не встречал. То ли время было другое, то ли мы сами до чего-то не доросли...

Но молодой пижон, окрыленный поддержкой и вниманием, не стал дожидаться конца задумчивой фразы Константина Николаевича.

— Наверное, вы правильно поставили диагноз: и время было другое, и возможности, да и сами люди. Система не любила тех, кто хоть чем-то выделялся, это касалось и ума, и убеждений, и внешнего вида. Поскольку мы едем по конкретному адресу

и конкретному делу, я попытаюсь хоть немного ввести вас в курс...

Видно было, что он сел на любимого конька и теперь не умолкнет всю дорогу. Однако треп не мешал ему вести машину мастерски, и Тоглар вполуха слушал лекцию о моде. А Эйнштейн шпарил словно по писаному...

— На месте, где товар лицом, все станет ясно. Девяносто девять процентов населения вселенной считают, что мир высокой моды представляет только дюжина, от силы две, известных модельеров. Имена их всегда на слуху: Карден, Ив Сен-Лоран, Ги Ля Рош, Версаче, Лагерфельд, Труссарди, Армани, Зайцев, Кензо. Список этот можно продолжить по своему вкусу. Но как существуют в мире серийные машины, сделанные на лучших заводах самыми лучшими конструкторами и дизайнерами, так существуют и штучные автомобили, выполняемые только по индивидуальным заказам: «Мазерати», «Роллс-Ройс», «Ламборджини», «Бентли», «Феррари» — особенно спортивные модели или кабриолеты; или, скажем, частные самолеты, яхты. Так и у богатых людей есть свой, особый стиль в одежде, который в принципе избегает рекламы. Редко, но есть случаи, когда товар не нуждается в афишировании, примером тому могут служить часы «Ролекс» — фирма уже не тратит деньги на рекламу. «Ролекс» он и в Африке «Ролекс».

Фешин прикрыл глаза и почти дремал под треп водителя, а тот все не мог остановиться — его словно прорвало:

— Стиль для богатых... Он складывается из спектра всех достижений лучших модельеров мира, с использованием лучших тканей на данный момент. И единичные, удачные образцы «от кутюр» в чистом виде тоже представлены в нем. Один из известных стилей одежды для мужчин в мире носит название «Ягуар». Как только в России появились богатые люди, такой салон открыли и в Москве. Конечно, если даже всемирно знаменитые Дома высокой моды из-за больших затрат сокращают показы и время от времени разоряются или кидаются в объятия спонсоров, то можно представить, кто способен позволить себе одевать амбициозных богатых людей. Оттого таких фирм в мире немного, три из них представлены в Москве — «Обвиос», «Ягуар» и франко-английская «Дормей». В них работают художники, модельеры, дизайнеры, искусники портновского

дела, ничем не уступающие знаменитым мастерам с шумными именами, которых я уже перечислил. Только задача у них другая — прославлять не себя, свое имя, а ублажать тех, у кого есть капитал, они работают за очень большие деньги. Ну, вот мы и приехали... — Эйнштейн оборвал свой монолог и въехал на платную стоянку какой-то громадной гостиницы.

Константин Николаевич, выглянув в окно, увидел на фронтоне современного здания броскую вывеску: «Софител-Ирис» и тут же вспомнил, что его бывшие хозяева, чеченцы, говорили про этот отель, но про магазин не упоминали.

Гостиница поражала изысканностью, роскошью уже с порога, с просторного холла, и Тоглар подумал, может, ему стоит остановиться в этом отеле, но тут же отбросил эту идею. Наверное, ему все же следовало поселиться в «Метрополе», рядом с Дантесом, — страховка и поддержка на первое время не помешали бы.

То ли они приехали рано, то ли еще не все богатые прознали про салон «Ягуар-стиль», да и не у всякого был такой компетентный консультант по части супердорогой одежды, как Эйнштейн, но в магазине в этот час не оказалось ни одного покупателя. Вероятно, потому их встретили лучезарными улыбками. Сразу несколько продавцов-консультантов обступили их, готовые выполнить любое желание, и едва ли не хором приветливо спросили: «Чем можем помочь?»

Эйнштейн какой-то ловкой, не унижающей себя фразой дал понять хозяевам, что он всего лишь сопровождает высокого гостя, и все внимание, улыбки тут же переключились на Константина Николаевича.

— Наверное, мы сначала посмотрим, оглядимся — времени у нас достаточно, — предложил Тоглар. — А купить, я думаю, мы много чего купим. Мой молодой друг очень высоко отзывался о вашем салоне. — И внимание, улыбки вновь вернулись к Эйнштейну.

Салон «Ягуар-стиль» был построен с размахом, не то что бутики даже самых известных в Москве кутюрье, занимающие в центре какие-то закутки, каморки или вестибюли престижных зданий. Здесь не претендовали на особенность, изыск — тут все дышало великолепием, изяществом, гармонией, во всем был правильно найден стиль. Да, именно стиль был отличительной

чертой этого заведения. Честно говоря, Тоглар некоторое время не мог сосредоточиться на одежде, разглядывая, как оформлен и обставлен салон. Ему сразу пришлось по душе выдержанные по тональности пространственное и световое решения, цветовая гамма отдельных предметов интерьера — он все теперь примерял к своему дому, к своей мастерской.

Мужчины неторопливо переходили из зала в зал, от стеллажа к стеллажу, и учтивые продавцы просили обратить внимание на ту или иную вещь. В какой-то момент Константин Николаевич заметил, как загорелись глаза у Георгия, когда показывали что-то особенно элегантно, кажется, костюмы «Дормей-престиж», пошитые вручную, выдержанные большей частью в классическом стиле, но, тем не менее, был в них какой-то особый шик — то ли из-за качественного материала, то ли удачного кроя, а может быть, и выгодной расцветки.

Глядя на оживленного Георгия, Тоглар усмехнулся, но тут же едва набежавшая ироническая улыбка исчезла с его лица. Он вспомнил, как когда-то в Актюбинске, в таком же вот возрасте, что и этот картежный гений, он мечтал купить себе после армии китайский габардиновый костюм, пальто из ратина с шалевым воротником, пару приличных штиблет и шелковых рубашек, чтобы появиться в обнове на танцах во Дворце железнодорожников. Ради этой мечты он согласился подделывать богатому снабженцу диплом, хотя и знал, что совершает преступление. Тюрьмой, тремя годами неволи и сломанной навсегда судьбой он заплатил за свой первый в жизни модный прикид...

Цены, судя по реакции Эйнштейна, кусались даже для него, и Константин Николаевич, выбрав удачный момент, шепнул:

— Георгий, я вам очень обязан за визит в «Софитель-Ирис». В память о нашем знакомстве отберите себе несколько вещей и аксессуаров с логотипом «Ягуар»: ну там, галстуки, ремни, шарфы — пусть это будет подарок от меня. — Тоглар вдруг остро почувствовал, что этот неординарный, болезненно самолюбивый юноша когданибудь очень пригодится ему.

В прошлые годы в «Березке» можно было выбрать любой костюм или пиджак, а вот найти подходящий, да к тому же модный плащ или пальто, особенно зимнее, советскому человеку было куда как нелегко. Видимо, из-за скудости выбора

у русских мужчин дубленка и стала униформой. Поэтому Тоглара обрадовал зал, где были выставлены знаменитые пальто «Дормей» из ткани «викунья», один метр которой стоил шесть тысяч долларов. Его размера, а точнее, роста не нашлось, но хозяева, видя искреннее огорчение покупателя, заверили: не волнуйтесь, ничего страшного, сейчас снимем мерки, и через две недели из Лондона придет ваше пальто, идеально сшитое по вашим меркам. Поразила Фешина и лазерная съемка размеров — что-то наподобие привычного и знакомого рентген-кабинета:ходишь, не раздеваясь, в темную кабину, и в течение минуты с тебя делают три снимка: профиль, анфас и со спины.

Тоглар решил заказать сразу два пальто: одно — зимнее с подкладкой из баргузинской норки и таким же, из норки, большим воротником; второе — демисезонное традиционное пальто «Дормей». Когда он заплатил наличными за оба, коммерческий директор магазина объявил, что все купившие хотя бы одно пальто из «викуньи» традиционно вносятся в почетный список покупателей фирмы «Дормей», а их портновские параметры хранятся в особом компьютере.

Услышав о большой покупке, появилась и сама хозяйка салона. Она сказала, что пока это первый случай, когда у них заказывают сразу два пальто «Дормей», и что это следует особо отметить. В зал тут же вкатили две тележки с напитками и кофейными принадлежностями, и хозяйка сама стала угощать важных покупателей.

Константин Николаевич решил воспользоваться случаем и обмолвился, что недавно приобрел квартиру и делает в ней ремонт, что он в восторге от оформления салона и хотел бы познакомиться с этим талантливым дизайнером. Польщенная владелица салона ответила, что делает это исключительно для почетного покупателя фирмы «Дормей», и, назвав фамилию: Евгений Виленкин, дала его телефон.

Из разговора с хозяйкой выяснилось, что по своим меркам, сделанным для фирмы, покупатель может заказать у них костюмы, рубашки, пиджаки, халаты, даже шелковое постельное белье любых расцветок с маркой «Ягуар». Что Фешин тут же и сделал, пролистав альбомы и каталоги фирмы. Особенно обрадовала его возможность заказать рубашки — вечно с ними

проблемы: то рукава короткие, то не подходят по длине, то на груди мешком, то садятся после первой стирки.

В магазине они пробыли почти три часа, экипировались так, что ни осень не была теперь страшна, ни зима. Не забыл Тоглар и про Наталью — купил ей пару бархатных платьев от Шанталь Томас, в которых, как выяснилось, любила блистать на приемах сама любезная хозяйка салона. Приобрел он для нее и несколько осенних нарядов от Лауры Бьяджотти, они особенно гармонировали по стилю с тем, что он только что купил для себя.

Когда они вернулись к машине, Тоглар спросил у Георгия, есть ли у него в салоне телефон? Эйнштейн тут же передал лежащий в специальной нише радиотелефон. Набрав номер риэлторской конторы, Тоглар попросил хозяина.

— Послушай, Серега, — начал он сразу о деле, — запиши, пожалуйста, телефон одного дизайнера. Я только что случайно познакомился с его работой. Позвони ему сейчас же, договорись, и пусть он подключается к делу. Будет отказываться, артачиться — забей деньгами, соглашайся на любые его условия. Расходы на него приплюсуешь отдельно, не возражаю. Особенно налегай на то, что придется оформлять не просто частный заказ, а студию-мастерскую, не должен художник отказать художнику. Если не уговоришь, позвони, поставь меня в известность, сам поеду договариваться. Добро?

Видимо, Эйнштейн, скептически относившийся к плохо одетым гражданам, не воспринимал всерьез и людей старшего поколения, к которым он, безусловно, причислил и Константина Николаевича, — считал, что их время прошло, и они мало что смыслят в нынешней жизни. Но после визита в «Софитель-Ирис» отношение его к Тоглару резко изменилось, и не потому, что тот сделал широкий жест, позволив приобрести в качестве подарка немислимо дорогие и престижные вещи, а оттого, что увидел в нем не просто нувориша, а человека, знающего себе цену, имеющего вкус, — это он отметил по покупкам. Там, в салоне, он не давал Тоглару никаких конкретных советов — Константин Николаевич все подбирал сам, не прислушиваясь даже к рекомендациям консультантов «Дормей», явно старавшихся угодить состоятельному клиенту.

Эйнштейн и Тоглар возвращались из «Софитель-Ирис» на Кутузовский в хорошем настроении, и Фешин, почувствовав по манере вождения, что парень знает толк не только в одежде, но и в машинах, спросил:

— Георгий, а какую бы вы порекомендовали мне купить машину? Теперь такой широкий выбор, что можно и растеряться.

Эйнштейн, польщенный вниманием и радуясь, что еще в чем-то может быть полезен другу своего наставника Аргентинца, небрежно ответил:

— Я думаю, что лучшие в мире машины все-таки немецкие. Любая из известных моделей: «Мерседес», «БМВ», «Ауди», «Порше» — стоит внимания. Если бы у меня были деньги, я бы купил только последнюю модель «Порше». Кстати, не удивляйтесь, у этой славной фирмы с некоторых пор японская администрация. Хозяева «Порше», желая выйти на новый качественный уровень, наняли вышедших на пенсию известных японских служащих и дали им полный карт-бланш в организации производства. «Порше» всегда мешала высокая себестоимость ее классных машин. И старым японским волкам задача оказалась по силам: «Порше» удалось не только улучшить, но и удешевить, и она стала конкурентоспособной лучшим европейским машинам. А что касается дизайна этой фирмы... Можно сказать, что в мире давно уже устоялся стиль «Порше-дизайн». Я, например, ношу очки «Порше», и даже кофеварка у меня этой фирмы. Вы же сами видите, насколько удобна машина, хотя это старая модель — выпуска 1987 года. Только покупать автомобиль надо на самой фирме «Порше», в Москве у них есть свое представительство.

— Почему я не могу купить машину в магазине? Ведь десятки фирм предлагают автомобили, и «Порше» в том числе? — удивился Фешин.

— Все очень просто, Константин Николаевич... Большинство машин, продаваемых в России, — угнанные. Они проходят тщательную предпродажную подготовку, и вряд ли кто заметит, что на этой машине уже ездили месяца два-три. Другие, старые, сбывают, минуя магазин. Угонщики-асы, особенно с Кавказа и Средней Азии, — да и российских хватает, — работают только по заказу, когда учитывается все, даже цвет

машины. Поэтому вам, человеку солидному, лучше покупать у официальных дилеров, они продают уже адаптированные к российским дорогам модели. Таковую, законную, и продать легче в случае нужды.

— Спасибо за дельный совет... А не смогли бы вы, скажем завтра, заняться этой проблемой: отыскать представительство «Порше» и подобрать для меня машину, желательно вишневого цвета, с темным салоном?

На станции техобслуживания «Порше» Эйнштейн постоянно встречался с представителями самой фирмы и ее дилерами и иногда поставлял им богатых клиентов. Он знал, какой процент причитается ему с продажи! А тут шел разговор о варианте «люкс»! Поэтому картежник обрадовался предложению, так как уже вторую неделю сидел на мели, мэтр не приглашал его на серьезную игру. Там, где он играл сам, нравы царили самые суровые: деньги предъявлялись хозяину катрана на входе, и стремление сесть за стол с суммой меньше двадцати пяти тысяч баксов расценивалось как наглость. К тому же ему хотелось сделать приятное этому мужчине с непонятной кликухой Тоглар — о нем он раньше никогда не слышал и в Москве его не встречал, хотя последние три года благодаря Аргентинцу вплотную терся возле крутых людей.

В телефонном разговоре с неким Сергеем Тоглар назвал себя художником, хотя люди этого круга вряд ли могли позволить себе одеваться у «Дормей», покупать квартиру на Кутузовском, подбирать последнюю модель «порше» по цвету обивки салона. Правда, неясно, что вкладывал Тоглар в понятие «художник». Однажды, когда пронесся слух о чеченских авизо, Эйнштейн слышал, что и дело по бесшумному изыманию триллионов прямо из банков разработал гениальный художник. Может, и Тоглар был таким же уникальным художником?

Незаурядность Константина Николаевича все больше поражала Эйнштейна, и он понимал, что судьба предоставила ему редкий шанс приблизиться к человеку, который, возможно, поможет по-настоящему встать на ноги, сблизиться с высокими людьми — мэтр не спешил с этим, давал лишь время от времени заработать. Поэтому он не замедлил с ответом:

— Хорошо, с удовольствием. Могу я отобрать самую-самую? Тоглар от души расхохотался:

— Конечно! Как говаривали во времена моей молодости: пить — так шампанское, любить — так королеву!

4

Через три дня после приезда из Ростова Тоглар переехал от Городецких в «Метрополь», правда, не на пятый этаж, рядом с Дантесом, а, как обычно, на второй. Он не любил лифты, даже такие скоростные и бесшумные, которые возили постояльцев в этом помпезном отеле.

Эйнштейн оказался парнем проворным: на второй день после переезда в гостиницу внизу, на автостоянке «Метрополя», он припарковал последней модели «порше», вишнево-перламутровой окраски, с обитым черной, хорошо выделанной телячьей кожей салоном, — таким автомобиль и виделся Тоглару. Машину еще на фирме снабдили всевозможными хитрыми приспособлениями от угона.

Аргентинец, оказавшийся в тот момент в номере у Тоглара, мимоходом обронил, что на днях у самого Иосифа Кобзона угнали новенький шестисотый «мерседес», и, хотя на уши поставлена вся Москва, официальная и криминальная, следов автомобиля пока отыскать не удалось. А Эйнштейн, также немало знавший об уголовной жизни столицы, добавил, что, скорее всего, на ней уже катаются где-нибудь в Средней Азии или на Кавказе. А чтобы не сомневались, пояснил... Оказывается, летчики занялись новым бизнесом: угнанные машины загоняют в чрево военных самолетов, а те, не подлежащие контролю, стартуют в любом направлении, лишь бы хорошо заплатили. Раньше, еще в брежневские времена, военные промышляли тем, что со своих аэродромов нелегально возили на Север, Дальний Восток, Чукотку ранние овощи, фрукты, зелень, цветы с Кавказа и Средней Азии, называя свои бизнес-рейсы учебными полетами. Теперь, значит, и краденым не гнушаются.

Дни в Москве проходили на удивление плодотворно. Дизайнер, оформлявший магазин «Ягуар-стиль», согласился переоборудовать его квартиру и мастерскую на Кутузовском,

и теперь по утрам Тоглар заезжал к себе на «объект» и виделся с архитектором, прорабом, дизайнером — все нужно было утрясать, согласовывать, консультировать, а главное, утверждать окончательное решение. Завел он у себя в машине и сотовый телефон, и пейджер, но большинство звонков было из его будущих апартаментов.

Каждый день он звонил Наталье в Ростов, иногда они говорили часами, счета за переговоры приходили сумасшедшие. Все чаще и чаще он заглядывал в художественные салоны, присматривался к инвентарю, материалам и удивлялся, как быстро западники освоили наш рынок. Станки, мольберты, кисти, мастихины, карандаши, краски, эмали, лаки, десятки видов необходимых художнику товаров, включая маркеры, скобы для крепления холста, какой хочешь багет — все было итальянским, французским, немецким, голландским, японским, китайским, вплоть до специальной бумаги для акварелей и темперы.

Выбор, конечно, поражал, и Фешин, вспоминая в эти минуты отца, жалел, что тот и представить себе не мог, какой есть на свете качественный инструмент и какие дивные краски.

После возвращения из кавказского плена Константин Николаевич поражался переменам в Москве, произошедшим за последние годы, особенно удивляло его появление множества художественных галерей. Но интерес его к частным галереям истаял быстро, там пропагандировали нечто такое, что он едва ли осмелился бы назвать искусством. В галерее «Риджина», которую ему непременно рекомендовали посетить, прошла нашумевшая выставка «Грязь». Настоящей уличной грязью оказались залиты мраморные полы роскошного зала, а поверх были кинуты грязные доски с ближайшей стройки, выполнявшие роль мостков, чтобы посетитель мог убедиться, что и в самых дальних углах выставки настоящая грязь. Вот и весь художественный изыск. Всевозможные выставки с живыми животными: свиньями, ослами, быками, кроликами, с раздеванием догола художников обоего пола и прочими бредовыми фантазиями совсем отвратили Тоглара от модных галерей, часто упоминаемых прессой. А вот Третьяковка, которую он любил больше всего, до сих пор находилась на ремонте. Именно там имелись работы его

знаменитого деда, в том числе и портрет Ленина, сделанный им в 1918 году, — кстати, первый официальный портрет вождя революционной России.

К концу сентября неожиданно распогодилось, надолго исчезли обложные дожди, небо посветлело, вновь заиграло солнышко, и в городе, одетом в желто-багряный цвет, исчезли зонты, плащи, казалось, горожане вдруг приосанились, помолодели, повеселели. В эти погожие осенние дни Константин Николаевич осуществил свою давнюю мечту — много и подолгу ходил по Москве пешком, узнавая и не узнавая ее, радуясь и огорчаясь одновременно. Там, в кавказском плену, ему часто снилась Москва — златоглавая, белокаменная, и он дал себе слово: если судьба будет милостива к нему, и он вернется из неволи, то обязательно в любое время года будет совершать долгие пешие прогулки по столице. В одной из таких прогулок он открыл для себя по новому Крымский Вал, напротив парка Горького, который за последнее время облюбовали живописцы. Настоящий многокилометровый вернисаж, салон под открытым небом!

Пока стояли сухие и солнечные дни, Константин Николаевич приходил сюда чуть ли не ежедневно и досадовал, если заботы по оборудованию квартиры и мастерской не позволяли вырваться на простор.

Тут, на Крымском Валу, Константин Николаевич обычно прохаживался вдоль выставленных на аллеях картин, сравнивая манеру, технику, цветовую гамму работ. Заметил он и разделение художников по этническому признаку, как и в воровском мире. Молдаване, таджики, армяне, осетины — все держались своим национальным табором. Видимо, так было легче противостоять рэкету, мелкой шпане, а может, они и жили колониями, работая в один котел?

Наибольшей по численности и наиболее талантливой оказалась Тоглару грузинская колония — тут просто не было серых, безликих картин, хотя кругом царил откровенный кич, полно было работ, рассчитанных на массовый вкус. Здесь, в грузинских рядах, он и увидел эту картину — небольшой пейзаж в сиренево-розовом цвете, тщательно выписанный в особой «пастозной» манере. Чем-то таким близким и родным повеяло от этой работы, что у Тоглара от волнения вспотели

ладони. Пейзаж почти один к одному, и даже размером, повторял картину его деда — единственную, которая была у него и когда-то случайно открыла ему тайну его фамилии.

К удивлению художника, Тоглар заплатил за работу в пять раз больше запрошенной суммы и забрал картину. От волнения, охватившего его, он присел на скамейку возле Дома художника и долго сидел, разглядывая пейзаж и вспоминая давний весенний день в Казани...

5

Тогда еще была жива мать и в одном из писем просила его, чтобы он при возможности посетил Казань, нашел дом своей бабушки, Елизаветы Матвеевны Соколовой. Там после ее смерти остались для Николая Николаевича, его отца, какие-то важные бумаги и письма. И вообще, она просила сына пройтись по старинным улицам Казани, на которых вырос его отец, откуда восемнадцатилетним парнишкой ушел на войну. Оказывается, отец все годы жизни в Мартуке мечтал хотя бы раз посетить Казань, подышать воздухом России... Не удалось — раны, нищета доконали его в сорок лет.

Была середина семидесятых годов, золотая пора взлета страны, единственный продолжительный период, когда советский народ жил в относительном достатке и надеялся на лучшее будущее. Неплохо обстояли дела и у самого Тоглара, и, поддавшись настроению письма, он в тот же день купил билет и выехал в мягком вагоне в Казань. Необременительная дорога — вечером садишься на скорый поезд, и утром ты уже в Татарии.

По указанному адресу в старинной части города, в центре, на улице Чехова, он нашел двухэтажный особняк удивительной архитектуры, отстроенный в самом начале века. «1901 год» — значилось на фронтоне здания. Даже обветшавший, он производил впечатление кружевными коваными балконами второго этажа, такими же металлическими воротами в высокой каменной арке закрытого двора, резными наличниками. Покоем, уютom, основательностью веяло от этого дома даже издали.

Он долго ходил вокруг особняка, не решаясь войти в запущенный и захламленный двор, и в этот момент почти физически ощущал голос крови, зная, что в стенах этого некогда великолепного дома родился его отец, отсюда, через покосившуюся ныне гремящую железную калитку, он выходил в школу, на занятия живописью, а потом с тощим вещевым мешком ушел на призывной пункт. В этом доме жила его бабушка, ни разу не прижавшая к груди ни невестку, ни внука, наследника своего единственного сына, которого мечтала видеть только художником. Не случилось — так сложилась жизнь, такое немилосердное выпало всем время.

Отец рассказывал ему про Казань, не часто, но рассказывал, и Константин Николаевич смутно припоминал и этот двор, и эту улицу. Тут, где-то рядом, должен быть кинотеатр, сквер, а через три трамвайные остановки и парк, куда отец перед самой войной ходил на танцы с одноклассниками. Бабушка занимала две отдельные комнаты на втором этаже, хотя Соколовым до революции принадлежала половина дома, и у них был отдельный подъезд. Новые хозяева, татары-пенсионеры, встретили Тоглара приветливо, впустили в дом, выслушали его сбивчивый рассказ, усадили пить чай. Оказывается, прежние жильцы, въехавшие в эту квартиру сразу после смерти его бабушки, получили жилье в новых микрорайонах и давно съехали. Но старики вспомнили, что они оставили им какой-то сверток с бумагами некоей Соколовой, прожившей в этих стенах пятьдесят лет, с просьбой передать эти документы, если объявится сын или родня, которая якобы проживает далеко в Казахстане.

Но пакет с бумагами со временем затерялся. Ведь столько времени прошло, а пять лет назад старики пережили еще и стихию капитального ремонта. Тоглару была знакома известная пословица, что два ремонта равны одному пожару, а уж наш, советский ремонт наверняка приравнивается один к одному. Константин Николаевич уже собирался уходить из гостеприимного дома, как вдруг старушка встрепенулась, радостно взмахнула худыми ручонками и проворно убежала в соседнюю комнату. Вернулась она с небольшой картиной в простенькой раме и объявила счастливо:

— Вот вам память о бабушке. Картина ей принадлежала. Велели вместе с бумагами передать, если отыщутся родственники...

Растроганный, грустный, он покинул дом, который при другом раскладе судьбы мог бы стать его родовым гнездом. Он уходил пешком в сторону центра, все время невольно оборачиваясь, хотя знал, что никогда ему не протоптать тропинку к дому своего отца. У калитки, словно провожая его навсегда, долго стояла старая татарская семья, принявшая его как родного, и Тоглару казалось, что жители прощально машут ему вслед.

Картина была небольшой, размером тридцать на сорок, и поначалу не приглянулась ему. Подписана: «Н. Фешин. 1920 г. Казань». Константин Николаевич помнил из рассказов отца, что тот до самого совершеннолетия носил, как и мать, фамилию Соколов, с которой свыкся, сжился. И вдруг мать, ничего не объяснив, выправила ему перед войной паспорт на имя Фешина Николая Николаевича, причем и позже не сказала о его отце ни слова — ни хорошего, ни плохого. Выходит, его дед, некий Н. Фешин, тоже баловался рисованием и оставил на память о себе этот небольшой пейзаж.

Дел у Тоглара в Казани не было никаких, приятелей тоже, поезд на Москву отходил поздно вечером, и он, пообедав в каком-то ресторане с татарской кухней, решил заглянуть в музей, вдруг удастся посмотреть какую-нибудь выставку, все-таки ему когда-то прочили судьбу художника. Так он оказался в Музее изобразительных искусств Татарии — величественном дворце бывшего генерал-губернатора Казани.

Музей поразил Тоглара, хотя удивляться было нечему, он знал, что в Казани жили и работали многие крупные русские художники, а казанское дворянство и купечество считалось одним из богатейших в России. Сюда в начале века стекались значительные произведения живописи, чтобы позже стать основой государственного музея. Таким обилием полотен Шишкина, Коровина, Репина, Поленова, Крамского, Кустодиева, Маковского, Перова могут похвастаться не многие российские музеи, разве что московские. Обрадовался он, встретив тут работы Кандинского, Родченко, раннего Сарьяна, Филонова, Лентулова, Фалька, Грабаря, Кончаловского. Да и западноевропейская живопись была представлена серьезно, хотя тут системы не чувствовалось — выставляли что имели, а точнее, то, что осталось после чисток в пользу Москвы и Ленинграда.

Народу, как всегда в провинциальных музеях, было мало. Местные считают, что успеется, когда-нибудь заглянут, а приезжие, за редким исключением, убеждены, что все ценное и интересное представлено только в Москве и Ленинграде, оттого и упускают возможность увидеть действительно редчайшие работы.

Экспозиции музея располагались и на втором этаже, где он собирался посмотреть выставку старейших художников Татарии, как было объявлено на входе. Но на выставку не попал, потому что надолго задержался в первом же зале второго этажа. Все показы в музеях организованы по круговому принципу, и двигаться следует по часовой стрелке, но он ошибся и пошел в противоположном направлении. Наверное, на безлюдной выставке это не имело особого значения, но только не для Константина Николаевича.

Зал, в котором он задержался надолго, был посвящен одному художнику, носил его имя, и большой автопортрет его висел сразу у входа, но Тоглар вошел в другую дверь, с конца экспозиции, и ничего этого видеть не мог.

Первые же работы: пейзажи, натюрморты, портреты, жанровые сцены сразу приковали его внимание, и главным ощущением он назвал бы редкостное, никогда до сих пор не изведенное чувство: картины казались ему написанными одновременно очень давно и... сегодня. Такого парадокса он не испытывал никогда, даже не мог представить, что можно достигнуть подобного эффекта.

Наверное, он слишком долго задерживался возле каждой картины, рассматривая ее с разных точек, пытаясь постичь волшебный секрет палитры Мастера, поэтому на него обратила внимание старушка, хранительница зала, дремавшая в высоком кресле у дальнего входа. Явно влюбленная в свой музей, она, не дожидаясь вопросов посетителя, начала сама:

— И такого художника держали в запасниках, словно в темнице, почти полвека. Слава богу, прозрели, нашелся смелый человек, рискнул, — полгода как открыли этот зал. Знатоки со всей страны ездят посмотреть, полюбоваться. Сегодня народу нет — будни, конец дня, а в субботу, воскресенье в нашем зале всегда много народу, — она словно оправдывалась за отсутствие посетителей в зале, несомненно заслуживавшем внимания.

— За что же пятьдесят лет не выставляли? Не вижу в работах никакой крамолы. В них жизнь, свет, а не политика, — поддержал разговор Константин Николаевич.

— Так-то оно так, про картины ничего не скажу. Да сам-то Николай Иванович Фешин — эмигрант, как уехал в Америку в 1922 году, так больше никогда и не возвращался. Там и умер в один день со Сталиным. А времена, вы сами знаете, какие были: два мира — две системы. Кто же эмигранта выставлять станет? Сами же художники из ревности и затопчут. Идеология... Две культуры... Вы молоды, а мы навидались вдоволь пролетарского искусства и идеологической борьбы. А Николай Иванович — барин, еще в той, царской, России академиком живописи был...

— Как вы сказали — Фешин? — с волнением переспросил Тоглар.

— Да, Николай Иванович Фешин, — покивала служительница. — Вы не в ту дверь вошли, зал называется фешинским, и автопортрет его у входа висит. Посмотрите, какая внешность благородная...

Но Тоглар уже не слышал хозяйку зала, неведомые силы понесли его ко входу, к портрету человека с редкой для России фамилией.

С автопортрета, выдержанного в присущей академику Фешину сиренево-розовой гамме, на жемчужно-снежном фоне, смотрел на взволнованного Тоглара... отец! Да, его отец, Николай Николаевич Фешин, как говорят — один к одному, ни отнять, ни прибавить. Разве что однорукий сельский художник, кистью зарабатывавший на хлеб и учивший деревенскую ребятню высокому искусству, никогда не обряжался в подобный изысканный костюм с парчовым жилетом и не носил изящный бант-бабочку. В остальном же это был живой отец — так же вихром топорщились волосы над высоким лбом, тот же разлет бровей, такие же добродушно-насмешливые голубые глаза, твердый волевой подбородок, означавший характер, упрямство. Именно таким он видел отца в последний раз, перед уходом на флотскую службу со второго курса мединститута, за два года до его смерти. Вот и автопортрет был написан дедом тридцати восьми лет от роду — словно специально для него совпали возрастом два близких ему по крови человека.

Хозяйка экспозиции, словно почуяв, что с посетителем творится что-то особенное, и отнеся это на счет излишней эмоциональности от встречи с высоким искусством, молча вышла в соседний зал, ибо увидела на глазах странного молодого человека неожиданные слезы. Конечно, было от чего и разрыдаться, если в тридцать три года, в возрасте Христа, вдруг впервые узнаешь, кто ты есть, каковы твои корни, кто твои предки...

Остальное время до самого закрытия музея Тоглар провел в зале своего деда. Нашел он и картину, только размером поболее, похожую на ту, что случайно попала ему в руки. Наверное, та, подаренная почти полвека назад его бабушке, была написана на пленэре, а эта, музейная, сделана в мастерской, в ней имелось незначительное дополнение: едва обозначенная фигурка вдали, но обе работы оказались подписаны одним годом, 1920-м.

Уходил из бывшего генерал-губернаторского дворца Константин Николаевич в крайнем волнении, радовался и печалился одновременно. Подумал о фатальности судьбы: ведь появившись он в Казани раньше, даже семь месяцев назад — разлучился бы со своим дедом, со своими корнями навсегда. Значит, наперекор всем препонам и рогаткам жизни ему была суждена эта встреча. Теперь он понимал и другое — о каких важных бумагах для отца упоминала бабушка, Елизавета Матвеевна. Наверное, уходя из жизни, она все же решила открыть сыну тайну его отца, его фамилии. Почему так долго таилась? Сейчас он знал ответ и на этот жгучий вопрос. Небезопасно было слыть сыном эмигранта, носить фамилию Фешиц, она хотела, как могла, оградить свое единственное дитя от безжалостного времени. Есть и еще один ответ, он тоже имеет право на жизнь. Другое время, другие люди, другая мораль... Она свой грех искупала сама. Хотя в нынешнее время родить ребенка от любимого человека — какой уж тут грех? Но не нам судить времена, тем более предков...

*... и временем все,
как водой, залито...*

Тоглар помнил главную тюремную поговорку: не судите, да не судимы будете.

6

Побежали недели, одна за другой, с каждым днем Тоглар обживался в столице все обстоятельнее. Он помнил, что обещал Наталье пригласить ее в гости, но как бы ни торопил строителей, работы на Кутузовском обещали закончить только к середине ноября. Как шутил Аргентинец: к моему дню рождения.

Дизайнер Виленкин занялся не только перепланировкой и проектированием мастерской и квартиры, но взвалил на себя еще и оборудование ее сантехникой, устройство освещения, оснащение предметами изысканного интерьера и установку каких-то невиданных доселе в Москве шотландских каминов в жилой части дома и в студии. Короче, подбирал все: от мебели до кухонной посуды и сервизов для столовой. Виленкин оговорил для себя несколько условий: что по окончании ремонта он снимет видеофильм, сделает фотоальбом и, при крайней необходимости, по согласованию с хозяином, будет иметь возможность показывать свою работу особо важным заказчикам — натурой, живьем. Тоглар принял все условия дизайнера, понимая, что не всегда мастеру выпадает шанс реализовать творческие замыслы сполна, а тут такой простор, никаких ограничений ни в фантазии, ни, самое главное, в смете, возможность решать все «от и до», вплоть до вешалки в прихожей или хрустального плафона в туалетной.

Молодой картежный гений Эйнштейн оказался полезным еще раз. Впрочем, после поездки в «Ягуар-стиль» он старался быть поближе к Тоглару, и Константину Николаевичу нравилось его желание быть под рукой, выглядеть преданным, незаменимым. Кроме вкуса к одежде и жизни вообще, Георгий обладал врожденным тактом, манерами культурного, образованного человека. Видимо, эти качества ученика Аргентинца и привлекали Тоглара. Если прежде Фешин был убежден, что лучше Аргентинца никто не знает расклад тайной и явной жизни Москвы, то после знакомства с Эйнштейном понял, что ученик в некоторых областях превзошел мэтра. Молодость, энергия, желание выделиться, неумное тщеславие, наверное, и были главными составляющими успеха Эйнштейна. Это именно он где-то разузнал (и примчался в «Метрополь» с вестью), что в Переделкино срочно продает двухэтажную каменную дачу

за трехметровым забором, с гектаром земли, какой-то писатель, некогда прославившийся пухлыми томами о колхозах и совхозах, заводах и фабриках, об умных и принципиальных секретарях райкомов и обкомов. Цена дачи, в сравнении с тем, что он уплатил за квартиры на Кутузовском проспекте, была просто смешная, и Тоглар решил не упустить такую возможность и приобрести загородный дом. Уж очень престижное было место, экологически чистое и недалеко от его квартиры — ровно двадцать минут езды на машине, такая удача выпадает раз в жизни. Дело о покупке решилось в полчаса, но Георгий с писателем бегали оформлять бумаги еще с неделю. Новые чиновники не признавали старых заслуг и авторитетов, не смотрели на лауреатские звания и даже золотую «Гертруду» не замечали в упор. И если бы Георгий, разумеется, за спиной писателя, не раздавал щедро взятки в каждом кабинете, побегали бы они, наверно, еще с месяц.

Больше всего обрадовался даче Городецкий, сказал, что ему лучше играть на свежем воздухе, на природе, где табачный дым не стоит коромыслом над картежным столом, и трехметровый забор его очень устраивал. Хотя в малолюдном Переделкино вряд ли любят заглядывать за чужую ограду, тут живут господа, давно познавшие, что такое частная собственность.

Загородный дом Тоглар купил, опять же, по причине тяги к рисованию. Живя в Переделкино, он был бы рядом с природой, ему хотелось пешком ходить на этюды в лес, делать зарисовки с натуры в разное время года, особенно зимой. Его удивляло, как дед мог передать свежесть снега, его тон в разное время дня, порою казалось, что он даже ощущает его запах, такова была магия фешинских картин.

В Москве, с самого первого дня возвращения, все складывалось удачно, и суеверный Тоглар поверил, что и в его жизни наступила светлая пора. Как и обещал Городецкий, ему устроили шикарную вечеринку по случаю возвращения с «того света». Встречу организовали по старой памяти в «Пекине», чтобы острее почувствовать прошедшую молодость. Какой бы марафет ни навели китайцы в ресторане, эти стены помнят братву другой: дерзкой, юной, рискованной — чтобы вступать в конфликт с прежней жесткой системой, нужно было иметь мужество, волю, собственную линию жизни.

Васек Головачев, по кличке Сапер, в своем тосте так и сказал:

— Время неумолимо меняет все вокруг нас и в нас самих, но иногда мы возвращаемся на круги своя. Говорят, в одну реку нельзя войти дважды, но в нашем любимом «Пекине» мы опровергаем всевластие времени. Мы здесь столько гуляли в молодости, столько отмечали и радостных, и скорбных дат, что убежден — тут нет стола и стула, за которым не посидел каждый из нас, и сегодня мы вернулись благодаря Тоглару за столы нашей молодости.

Все невольно потянулись взглядами к массивным столам и тяжелым стульям, обитым толстой бычьей кожей. Да, в «Пекине» сменилось все, но мебель осталась прежняя, с дней его открытия.

Константин Николаевич мог согласиться с Сапером: прежними в нашей жизни остались только столы и стулья, да и то лишь в «Пекине». Прежде всего, изменились сами кореша — Тоглар и представить не мог, какая метаморфоза произошла с близкими ему людьми. Верно сказал кто-то из древних философов Рима: деньги и власть резко меняют людей. Глядя на собравшихся за массивными столами китайского ресторана, Тоглар добавил бы: до неузнаваемости. Пришла ему на память и восточная мудрость, услышанная некогда в Ташкенте: хочешь узнать человека — дай ему власть и деньги.

На встречу, или, как выразился Васек Головачев, «сходняк», все без исключения приехали с персональными водителями, с телохранителями и помощниками-референтами, не выпускавшими из рук телефоны спутниковой связи. Всем сопровождающим лицам столы были накрыты отдельно, видимо, интересы собравшихся требовали соблюдения субординации.

Тоглара сопровождал Эйнштейн, очень желавший увидеть сильных мира сего за одним столом, а может, он даже мечтал попасться им на глаза. Константин Николаевич долго решал, за какой стол определить Георгия, и, наконец, усадил к помощникам-референтам, в большинстве своем его ровесникам.

Нет, Константин Николаевич не имел в виду внешние перемены: одежду, манеры, выпивку или закуски, которым теперь отдавали предпочтение его старые друзья. Произошли другие, внутренние изменения: состоялась переоценка ценностей.

Но сегодня этот тщательно скрываемый уголовный оттенок удачно маскировался якобы рыночными отношениями, интересами собственности, фирмы. Однако Тоглара не так-то просто было запутать. Воровская хватка крепко сидела в новых хозяевах жизни. Природный ум большинства из них быстро адаптировался к дикому капитализму, захлестнувшему Россию, и прежде всего Москву. Да и консультанты, видимо, у них были гораздо талантливее, чем государственные советники на самых высоких уровнях, ибо братва не только хорошо оплачивала успех, но и отрывала головы, буквально, — за просчет, крупную неудачу, не оправдавшийся прогноз.

В экономике «новых русских», как понял Тоглар, царил старый воровской закон: каждый должен отвечать за свои слова и деяния. В криминальном мире давно все оценивается по конечному результату, это было как раз то, к чему стремилась новая постсоветская власть и ее экономика. Так что паханам было гораздо легче вписаться в новую жизнь, тем более что власть оказалась беспринципной, лживой и коррумпированной от макушки до пят.

Братва просто по уму использовала единственный исторический шанс, выпавший на ее долю. Впрочем, этот шанс она получила, опять же, от властей, от отца перестройки Горбачева, на блюдечке с голубой каемочкой и бесплатно. Оттого на «сходняке» по случаю возвращения Тоглара с «того света» резонно прозвучал персональный тост за здоровье Михаила Сергеевича. И как же было не выпить за него, родимого, если две трети сидевших за богато накрытым столом, включая Сапера и Дантеса, освободились по неожиданной и щедрой амнистии Горбачева в 1987 году, чтобы успеть прибрать к рукам государственную собственность, от которой власть почему-то так спешила избавиться.

Большинство своих старых корешей, кроме Дантеса, Сапера и Аргентинца, после возвращения из Чечни Тоглар видел впервые, но были здесь и новые люди, которых он не знал, но которым по рангу положено посещать такие высокие «саммиты». С каждым из них его знакомили персонально, и, что странно, если старая гвардия, включая и его самого, была сплошь «синяя», то новая братва не знала тюремных нар и запаха баланды. Поразила Тоглара щедрость старых и новых друзей: буквально

каждый пытался вручить ему в конверте пухлую пачку долларов, но Константин Николаевич от подношений отказался. Дважды новые знакомые вместе с деньгами предлагали ему и машину, на выбор. Торговля автомобилями была их главным бизнесом, на что тоглар ответил, что уже купил «порше». Когда же он назвал модель, а главное, где ее приобрел, — а об этом спросили сразу, — Тоглар увидел удивленные глаза, но теперь-то он знал, что почем.

Из общения с братвой, особенно новой, Тоглар уяснил, что его рейтинг, как модно нынче выражаться, за годы отсутствия в Москве не упал, а может быть, даже вырос. Легенда о Тогларе-чистоделе оказалась сильнее современных оплаченных рекламных ухищрений, помогли тут, наверное, и чеченские похороны, устроенные ему, живому, да и Аргентинец, видимо, зря времени не терял. Пока не уселись за стол, Городецкий почти ни на шаг не отступал от Тоглара, он и представлял его большинству новых «лидеров» столицы. Краем глаза Константин Николаевич видел и реакцию Эйнштейна на круговорот вокруг него — Георгий явно гордился тем, что присутствует на таком «сходняке», да еще со стороны главного виновника торжества.

В этот вечер в «Пекине» Константин Николаевич собрал целую пачку визитных карточек от людей, которые ныне имели реальную власть и силу. И каждый непременно приговаривал, что Тоглар может звонить в любое время дня и ночи. Позже, перебирая и разглядывая визитки, Эйнштейн пришел в восторг, граничивший с шоком. Одна часть визиток была изготовлена — тут слово «напечатана» никак не подходило — ювелирной фирмой «Картье», а другая там же, в Париже, известной фирмой «Дюпон», специализирующейся на эксклюзивных аксессуарах для особо важных персон и очень богатых людей, что в принципе одно и то же. Визитки были выполнены из чистого восемнадцатикаратного сусального золота, наложенного то ли на особую плотную ткань, то ли на змеиную кожу, а текст нанесен платиной, розовым и белым золотом. Такие визитки, как понял Тоглар, раздавались не всяким людям.

Роскошный банкет в честь Фешина затянулся почти на пять часов, но как пролетело это время, вряд ли кто заметил, кроме нервных помощников-референтов, отбивавшихся от назойливых звонков по спутниковой связи. За главным столом

каждый второй, произнося свой тост, выражал сожаление, что братва все реже и реже встречается в полном составе, и что только авторитет Тоглара, любовь к нему сумели собрать старых корешей в легендарном «Пекине». Но что бы ни говорили со слезой в голосе давние приятели, Тоглар чувствовал, что финансовый взлет, неожиданно свалившаяся в их руки власть и полная неспособность ослабленного государства поставить хоть какой-то заслон на их пути — все это сильно вскружило головы присутствующим, и далеко разошлись пути-дорожки его старых дружков.

Но Тоглар об этом вряд ли сожалел, как не печалился и о том, что время и прогресс свели почти на нет его редчайшую профессию. В какой-то момент Константин Николаевич остро почувствовал, что большинство его корешей, так неожиданно взлетевших на невиданную высоту, жаждали, чтобы их прошлое растаяло навсегда, как исчезли их подробные досье-биографии из милицейских и кагэбэшных архивов. Чтобы забылись их клички, с которыми они сжились куда прочнее, чем со своими родными отчествами, чтобы разлетелись как можно дальше по свету люди, знавшие их подноготную, хотя, произнося долгие и витиеватые тосты, все вроде бы говорили об обратном. Но, пожалуй, в этом и состоял трагический парадокс их жизни: они не любили свое прошлое, но не могли и не желали расстаться с ним окончательно. Нечто подобное испытывал в тот вечер и сам Тоглар. Одно радовало Константина Николаевича — его финансовая независимость, это позволяло ему и быть на коротке с влиятельными людьми, и в то же время держаться от них на дистанции, чтобы жить своей независимой жизнью. Тоглар был доволен, что состоялась эта встреча с прошлым, со старыми друзьями, и только тут, в «Пекине», он понял, что, вероятно, его дороги тоже разошлись с ними навсегда.

Самурай – двуликий Янус

С тех пор как Герман Кольцов сумел перетянуть из Владивостока в Москву кое-кого из своих однополчан, дела у него стали продвигаться куда быстрее и успешнее. Задержание особо опасных преступников, ликвидация террористических

группировок, освобождение заложников в тюрьмах или присутственных местах доверялись специальному подразделению Кольцова, состоявшему из четырнадцати человек. И все четырнадцать — свои, ни одного чужака. К этому времени Самурай уже имел звание капитана, и под его началом ходили три офицера, три лейтенантика — тоже из своих, владивостокских. Вот эта-то однородность, жесткое единоначалие, беспрекословное подчинение вожаку, то есть капитану Кольцову, стали давать реально ощутимые результаты.

Однажды старые владивостокские кореша, еще толком не освоившиеся в Москве, попали в ночную смену. Дежурство выпало относительно спокойное — надо отдать должное, по пустякам их старались не дергать, хотя случалось всякое. В четвертом часу ночи, когда, как правило, совершаются самые серьезные и дерзкие преступления, команда, будучи в полной боевой готовности, резалась в карты на деньги. Правда, ставки Самурай строго ограничивал, ибо он-то хорошо знал, что такое карточная игра и карточный долг. Вдруг в дежурке одновременно раздались сигнал тревоги и телефонный звонок. Сигнал означал — всех к машине, а телефонный звонок предназначался Кольцову — перед ним кратко ставили задачу и давали информацию, если таковая была на данный момент.

На сей раз дело предстояло не из легких. Десять минут назад в МВД поступила анонимная информация: на улице Опорина некий бандит из Новокузнецка по фамилии Шкабара два часа назад убил двоих телохранителей своего ближайшего подручного Гнездича. Самого же Гнездича он тоже устранил — тремя днями раньше в Крылатском. Через несколько часов Шкабара должен отправиться в международный аэропорт «Шереметьево-2», у него на руках билет в Австрию, в Вену, на первый утренний рейс.

Проверить информацию, как обычно принято, не было ни времени, ни необходимости: бригада из Новокузнецка была на крючке в МВД, и милиция шла буквально по пятам бандитов. Но те, видимо, имели своих людей в органах, и всякий раз им удавалось ускользнуть в самый последний момент. Много чего интересного оказалось известно и про самого Шкабару: что он бывший спецназовец, ростом под два метра, мастер спорта и обладатель черного пояса по восточным единоборствам. Человек

решительный, смелый, непредсказуемый, невероятно жестокий, и три убийства за три дня убедительно подтверждали опасный характер вожака банды. Было ясно, что билет на самолет, до отлета которого оставалось несколько часов, подвигнет его к самым решительным действиям. Пан или пропал — таков девиз крутых людей. Поэтому инструктаж по радиации требовал самого серьезного отношения к операции. В машине вся группа Кольцова, слышавшая эти переговоры, тщательно подгоняла бронжилеты и каски, осматривала оружие.

Дом на Опорина, где, скорее всего, затаился ничего не подозревавший Шкабара, оказался кирпичной пятиэтажкой, построенной по особым проектам для «новых русских». Самурай, который отвечал за операцию, был уверен, что главаря ментам сдал кто-то из своих или тот, кому он был не по зубам, но стоял поперек дороги. Такое в их практике случалось сплошь и рядом, более тонкие мотивы в подобных ситуациях, как правило, исключались. Очевидно, Шкабара не догадывается, что ему сели на хвост, в этом Самурай тоже был уверен, иначе он не вернулся бы домой, а пересидел где-нибудь в казино, откуда напрямик рванул бы в аэропорт — и в Австрию. Однако если Шкабара не ведал о том, что нынешней ночью его попытаются арестовать или уничтожить, это вовсе не означало, что бандит безмятежно спит и видит волшебные сны из счастливых отроческих лет. Самурай по собственному опыту знал, что люди, ставшие на «тропу войны» и избравшие ремеслом жизни разбой, всегда начеку. Настороженность, готовность ежеминутно дать отпор становится главной чертой характера, этому инстинкту подчинен весь образ их жизни. Ни поесть, ни поспать, ни помиловаться с любимой, ни отдохнуть на природе спокойно им не дано уже до самого смертного часа. Такова плата за страх, который они вселяют в окружающих.

На улицу Опорина по ночному городу добрались быстро. Дом не подавал признаков жизни: ни на фасаде, ни в окнах, выходящих во двор, не горел свет. И, глядя на солидный, из красного испанского кирпича особняк с новомодным пентхаусом на крыше, трудно было представить, что всего несколько часов назад в четырехкомнатной квартире на третьем этаже двое молодых людей распрощались с жизнью. Кстати, словно

в подтверждение анонимного звонка шестисотый «мерседес», принадлежавший Гнездичу, на котором и приехали его телохранители, чтобы поквитаться за жизнь своего шефа, все еще стоял у подъезда. Самурай с одним из лейтенантиков быстренько обошли здание, но ничего подозрительного вокруг не обнаружили.

Внимательно оглядывая элитный дом, балконы, оконные проемы, Кольцов вдруг подумал, что на помощь жильцов в роскошных квартирах им рассчитывать не приходится. Это тебе не заводской район, где до сих пор двери открывают без страха и милиции всегда окажут содействие. Там бы Кольцов сейчас поднялся на четвертый этаж, объяснил хозяевам ситуацию и из окна их спальни или зала спустился бы к Шкабаре «в гости». Но чего нет, того нет, а брать бандита приказано в любом случае — живым или мертвым. Шансов остаться в живых у Шкабары все же меньше, потому что в команде Кольцова существовал неписанный закон: головой зря не рисковать, и каждый выстрел при захвате делался только на поражение. Гера-то знал, что, с другой стороны, у братвы установка еще более определенная, без соплей и сантиментов — вали мента при любых обстоятельствах, по поводу и без повода. По рассказам бывалых людей из угрозыска Кольцов знал — сохранишь бандиту жизнь, он обязательно при случае вырежет твою семью или убьет тебя самого, на худой конец, завалит коллегу. Не один раз они с ребятами обсуждали эту тему; вот бы нашим гуманистам американские порядки завести один к одному: сделал при простом задержании опасное движение — получи пулю в лоб, без всяких нотаций и предупредительных выстрелов в воздух. Наш же бедный милиционер всю жизнь между молотом и наковальней: или от бандита ждет пулю — и уж без всякого предупредительного выстрела, или удара ножом в спину в темном подъезде, или тюрьму — от кабинетных прокуроров, с особым усердием расследующих каждый милицейский выстрел. Милиционера засадить куда легче, чем бандита, за него взятки судьям и прокурорам не несут.

Пока Кольцов обходил дом, выстраивая конкретный план захвата Шкабары, в крайнем подъезде ребята ловко и бесшумно открыли входную дверь холла, где днем в специально оборудованной будке сидел вооруженный охранник, которого

язык не поворачивался назвать консьержем. Они даже успели подняться на крышу. Дом с пентхаусом был первым в их практике, и кто-то отметил, что это усложнит задачу.

Поэтому, вернувшись к своей неприметной машине с бронированными стеклами, стоявшей в глубокой тени соседнего высотного здания, Герман кратко посоветовался с друзьями. У них существовал негласный закон — перед захватом или штурмом каждый имел право голоса, мог высказать свои предложения, хотя последнее слово и решение оставалось за Кольцовым. Утвердилось в команде и еще одно правило, о котором не знало ни начальство, ни коллеги из других групп захвата. Это правило сложилось давно, еще во Владивостоке, и касалось самого дорогого для каждого — жизни. Всегда в ходе обезвреживания преступника возникала ситуация, когда кто-то был вынужден рисковать больше других, проще сказать, вызывал огонь на себя. Все они были профессионалами, асами своего дела, и знали, как оценивается шаг каждого из них. Чтобы в группе царил честность и никто не прятался за спины товарищей, еще там, во Владивостоке, они раз и навсегда решили в особо опасных случаях тянуть жребий: кому врываться с крыши в квартиру террориста, или штурмовать дверь бандита в первом эшелоне, или идти без оружия на переговоры с преступником, если возникнет надобность. И здесь Кольцов ни как капитан, ни как пахан не мог приказать: ты пойдешь стучать в дверь к Шкабаре, а ты ворвешься в квартиру через окно. Команды отдавались уже по ходу операции, и они всегда выполнялись не задумываясь, на автопилоте, ибо каждый знал — промедление смерти подобно.

Надо было спешить, пока в соседних окнах не начали зажигаться огни — Москва все-таки просыпается с петухами.

Машина Гнездича у подъезда и подсказала ход операции. Решили позвонить в дверь и спросить Шкабару, не его ли вишневый шестисотый «мерседес» стоит внизу? Мол, только что автомобиль пытались угнать, но патрульно-постовая служба спугнула угонщиков, спуститесь вниз, чтобы закрыть машину и посмотреть, не унесли ли что из салона. А в момент звонка три человека из группы уже будут на крыше пентхауса, в том числе и сам Самурай, который всегда тянул жребий первым. При удаче, на которую, правда, мало кто из нападавших

рассчитывал, Шкабара мог быть задержан без единого выстрела. Но если из квартиры в ответ на ночной звонок последует автоматная очередь, как бывает чаще всего, в тот же момент спецназовцы мгновенно спустятся на альпинистских веревках с крыши и ворвутся в квартиру через три окна, которые выйдут во двор элитного дома, и зайдут в спину отбивающемуся у входной двери пахану. На огонь из квартиры ответят сразу и омовцы, пытающиеся хитростью выманить Шкабару из его логова. Они должны взорвать устройство направленного действия — по этой части у них в группе имелся «ювелир», раскорюченная бронированная дверь рухнет внутрь квартиры, и в этот же момент спецназовцы обрушат на негостеприимного Шкабару шквальный огонь из своих укороченных автоматов. В таком ураганном огне Шкабара вряд ли уцелеет.

В последний раз уточнили детали операции, отладили связь, проверили оружие, амуницию и, не забыв помянуть бога, решительно двинулись к исходным позициям. Первым шел на крышу пентхауса сам командир группы захвата Герман Кольцов. Когда по рации раздался условный сигнал, означавший, что тройка Самурая уже на стартовой позиции, вперед двинулся минер, которому предстояло в считанные минуты приладить взрывное устройство к железному косяку двери из особо прочной стали, и за ним — два парня, которым сегодня выпал самый опасный жребий: им придется стоять, не выдавая волнения, под дверью, зная, что оттуда в любой момент может полоснуть автоматная очередь.

Квартира Шкабары находилась на третьем этаже, справа от двух роскошных скоростных и бесшумных лифтов известной финской фирмы «Коне», отделанных красным деревом. На площадку выходило три двери. Ни на одной из них не было привычного глазка, но две квартиры рядом со шкабаровской были оборудованы телеобзором, и не оставалось сомнения, что обе телекамеры работают. Наружное наблюдение из квартиры матерого бандита отсутствовало. Это поначалу смутило разведку, но времени на раздумья не было, и потому решили, что хозяин просто не успел им обзавестись: дом был заселен недавно, месяца два-три назад, не больше. Тут-то и крылась роковая ошибка группы захвата, но об этом одни узнают позже, а другие — уже никогда.

Шкабара не был так наивен, чтобы всякий раз выходить из квартиры на авось. Была, была у него телесистема обзора площадки, да еще какая! Не только своей двери, но и двух других площадок, над и под ним, как принято по всем охраняемым и разбойным правилам, и, конечно, хорошо просматривались лестницы, соединяющие площадки трех этажей. Такая английская система круглосуточного наблюдения сама по себе стоила недешево, а ее устройство, монтаж и обслуживание — еще дороже. Но Шкабара высоко ценил собственную жизнь и на безопасность денег не жалел. Система, по договоренности с механиком лифтов, была секретно вмонтирована в верхней части кабины, и при желании Шкабара мог даже наблюдать за людьми в подъемнике.

В то время как внизу шла бесшумная подготовка к задержанию, Шкабара проснулся, и смутно возникшая тревога быстро вытряхнула его из состояния дремы. Как всегда, он спал в спортивном костюме. «Это моя пижама», — шутливо говорил он когда-то подельщику Гнездичу и своему бывшему патрону — Лабоцкому, которых ему пришлось убрать, чтобы единолично возглавлять банду, наводившую ужас на Москву. Чемодан у него был собран с вечера, документы и билет лежали на столе. Темно-серая в черную жирную полосу тройка от Кардена с белоснежной сорочкой висела в шкафу — в общем, готовность номер один.

2

Шкабара глянул на лежавшие рядом тяжелые золотые часы «Картье». Время было раннее, и он мог поспать еще пару часов, но сон уже отлетел напрочь.

Бандит шкурой чувствовал опасность, интуиция выручала его десятки раз, он всегда избегал ловушек и капканов и ни разу не попал в засады, которые готовили ему частенько и весьма изощренно. И сейчас он, как хищник, напряг нюх, словно в самом воздухе учуял опасность, и, резко поднявшись с постели, отодвинул картину, за которой скрывался экран обзора помещений за пределами квартиры, внимательно осмотрел все три холла и лестничные пролеты — ни души, дом, как и положено,

мирно спал. Хозяин вернул подмосковный пейзаж на место и направился в ванную, потому что решил ехать в аэропорт прямо сейчас, немедленно. Сегодня дежурила своя смена, и можно оформиться на рейс заблаговременно, раньше других, а потом скоротать время в круглосуточном ресторане второго этажа. Там, уже пройдя таможенный и паспортный контроль, можно было выпить от души, ведь он собирался вывезти, не декларируя, триста восемьдесят тысяч долларов.

Не успел он почистить зубы, как раздался звонок в дверь. «Ну, вот и пришли по мою грешную душу», — успел подумать Шкабара и вкрадчивыми шагами направился в прихожую. Вновь отодвинув картину, включил пульт обзора. У двери в полной боевой амуниции с приспущенным защитным забралом на каске, в бронежилетах и с автоматами наперевес стояли два спецназовца, а на лестнице, за лифтом, в ожидании команды на штурм находились еще с десятков бойцов, готовых рвануться в атаку.

«Нет, предчувствие меня никогда не обманывает», — почему-то с удовлетворением и даже с гордостью подумал Шкабара и направился в спальню, чтобы разбудить жену. Но та уже сидела на кровати, встревоженная, испуганная. Готовый к отъезду незакрытый чемодан стоял тут же в спальне.

Шкабара, вытряхнув из него два полиэтиленовых пакета с долларами и протянув их жене, сказал:

— Постарайся спрятать. — Потом вытянул из платяного шкафа хранившуюся среди белья невзрачную бухгалтерскую папку с бумагами и, тоже кинув жене на кровать, приказал: — А это береги пуще денег, тут документов на миллионы..

Велев ей запереть дверь и схорониться от пуль под тяжелой дубовой кроватью, он рывком обнял ее и поспешил в зал. Обдумывая на ходу, как же вырваться из очередного капкана, он подошел к входной двери и стал хитро греметь замками и задвижками, словно пытался открыть их одну за другой, тем самым притупляя бдительность стоявших по ту сторону омовцев. Потом вдруг беспечным сонным голосом лениво спросил:

— Кто там? Кого принесло среди ночи?

Спецназовец за дверью вполне уверенно выдал заранее оговоренный текст.

— Спасибо, спасибо... — поблагодарил из-за двери Шкабара. — Я сейчас оденусь и спущусь, а вы поспешите вниз, чтобы ее еще раз не угнали... Я отблагодарю вас...

Спецназовцы за дверью и те, что стояли на лестнице за лифтом, конечно, слышали разговор и, довольные, заулыбались. Казалось, на этот раз может обойтись без пальбы и без крови — «мерседес» послужил хорошей приманкой. Старший по операции на лестнице даже показал жестом стоящим у двери, мол, потопайте погромче, чтобы за дверью подумали, что вы пошли вниз.

— Ну, тогда мы спускаемся, ждем вас. Только побыстрее, у нас уже есть очередной вызов, ограбление магазина на соседней улице...

— Да я мигом, не голым же мне бежать. Подождите пять — семь минут. Я же сказал, отблагодарю, хорошо отблагодарю...

Услышав нарочито громкие шаги в ночном холле, Шкабара мрачно улыбнулся и кинулся к оружию и экипировке, которые всегда были под рукой. Единственно возможный вариант спасения в такой ситуации у него уже созрел. Ему ничего не стоило покинуть квартиру через окно, третий этаж — не тринадцатый, моток альпинистской веревки тоже всегда лежал рядом с оружием, но он сразу отмел этот план. Его приехали брать серьезные люди, с такой же спецназовской выучкой, как и у него, там лохов не бывает, это не менты, не та служба. Сейчас во дворе, глядя на его засветившиеся окна, гуляет самый счастливый человек, участвующий в сегодняшней операции, ему повезло, он обязательно останется жив, потому что боится окна, и если надо — не промахнется. Впрочем, в него, двухметрового, и при желании промахнуться трудно, а в спецназе орлы иногда на спор стреляют куда надо: в левый глаз или в правый, и, как правило, не проигрывают пари.

Шкабара уважал и себя, и, как ни странно, своих бывших коллег и сейчас надеялся только на удачу, на единственное преимущество: право первого выстрела, право принимать решение все же за ним, и на первом этапе он начисто переиграл их. Они ведь не догадываются, что он уже видел их почти всех и знает, зачем они приехали.

В какие-то рекордные секунды, которые бы обрадовали старшину-служаку, он облачился в точно такую же форму,

что и нападавшие, не забыв и про бронезилет, и про каску. Все это входило в его план — прорваться неожиданно, дерзко сквозь строй атакующих. Если удастся вырваться из квартиры в дыму и пламени, в грохоте и пальбе — на мгновение его могут выпустить из виду, принять из-за униформы за своего. То же самое может случиться и на улице, если ему повезет до нее добраться. А окажись он во дворе, с машиной проблем не будет, взять хоть тот же самый «мерседес» Гнездича. Да и свой «вольво» тоже стоял за углом, на улице, а в машине, в тайнике, всегда припрятаны комплект документов и пачка денег — жизнь джентльмена удачи многому учит, особенно страховке на всякий случай.

Времени, что он выторговал у спецназовцев, хватало с лихвой. В минуты, когда нависала угроза над жизнью, он, Скорпион по гороскопу, мобилизовывался куда эффективнее, чем в спокойной обстановке. Опасность была его стихией, и он знал, как распорядиться отпущенными ему пятью — семью минутами... Дальше он уже не мог контролировать положение и полагался лишь на госпожу Удачу, самую почитаемую богиню преступного мира.

В просторные карманы камуфляжной формы Шкабара рассовал три гранаты-лимонки, зацепил за пуговицу куртки укороченный пистолет-автомат, а в руки взял тяжелый армейский ручной пулемет, для которого широко разрекламированная стальная израильская дверь нипочем. Теперь он был готов к прорыву и чувствовал, что уложился в жесткий лимит времени.

Вернувшись к двери, он еще раз глянул в телеэкран наружного наблюдения. Спецназовцы, находившиеся прежде на лестнице за лифтом, теперь сгрудились на площадке перед его дверью и собирались, видимо, рассредоточиться вдоль стен, чтобы при первом скрежете замков приготовиться захватить его врасплох. Такой удачи или беспечности со стороны нападавших он не ожидал. Прохаживаться в зоне возможного обстрела? Так бы он своих никогда не подставил.

Шкабара догадывался, как будут развиваться события в ближайшие секунды... Как только он даст очередь, вторую, коли успеет, и третью, в то же мгновение, почти одновременно, ему подорвут дверь, которая скорее всего, снося все на пути, влетит в зал — знал, потому что они прошли одну и ту же

школу диверсионной подготовки, и тут изобрести что-либо новенькое трудно, а лазерных резаков у спецслужб пока было мало. И вот когда направленная взрывная волна очистит им путь в квартиру, в пролом ворвутся, стреляя на ходу, с дикими воплями и многоэтажным матом, спецназовцы — все это он видел и слышал, словно на телеэкране. Поэтому прежде чем сделать длинную пулеметную очередь, он отошел подальше от входной двери, чтобы через считанные секунды отбросить ненужный ручной пулемет и успеть броситься на пол, под защиту стены зала, подальше от несущего смерть дверного проема...

Как только Самурай на крыше пентхауса услышал две длинные очереди из тяжелого армейского пулемета, он тут же с горечью отметил — опять похороны. И не ошибся: пятеро сгрудившихся у лифта были скошены наповал. Тут же, по сценарию, рвануло железную дверь, и Самурай, выждав паузу, пока угасла взрывная волна, от которой разлетелись стекла окон в комнате напротив развороченного входа, дал команду на штурм логова Шкабары. Три окна квартиры главаря новокузнецкой банды выходили во двор, и все три, единственные в сонном доме, были ярко освещены, к ним и устремились с крыши пентхауса спецназовцы. Еще не рассеялся дым, когда в комнату ворвались с диким криком остервенелые люди в камуфляжной форме, — бессмысленная смерть друзей на лестничной площадке заставила их забыть об осторожности и страхе. Почти одновременно с ними появились в окнах и «альпинисты» с крыши, они первыми и увидели, видимо, слегка контуженного сильным взрывом Шкабару. Тот уже поднялся и тянулся к лежавшему рядом ручному пулемету. В невероятном броске прямо с подоконника один из нападавших сбил хозяина квартиры с ног, а через секунду ему уже выворачивали руки и, бессильные что-либо изменить в судьбе погибших друзей, зло, жестоко били, пинали ногами.

Кольцову по жребию выпало прыгать в окно спальни Шкабары, вот она-то ничуть не пострадала от взрывной волны — все-таки стали для новых буржуев строить приличное жилье. Высадив своей могучей массой дубовый оконный переплет и влетев в комнату, он увидел, как женщина в просторном ярком китайском халате испуганно метнулась в сторону от тянувшегося во всю стену высокого платяного шкафа. «В такие

минуты копошится в гардеробе?» — мелькнула у Самурая настороженная мысль. Застань он ее забившейся где-нибудь в углу, плачущей под роскошной кроватью с парчовым балдахинном, наверное, секунды бы не задержался в спальне, а рванул бы в зал, где, кажется, все закончилось, выстрелы уже не звучали, но что-то удержало его на месте и заставило совершенно неожиданно для себя громко скомандовать:

— Сюда что припрятала? Живо, иначе пристрелю на месте, сука бандитская!

Видимо, грохот в соседней комнате и взрыв парализовали волю женщины, или она посчитала, что мужа если не убили, то теперь-то уже точно забьют. Потому она, находясь в прострации, молча, с покорностью шагнула к шкафу и, распахнув дверцу, кинула на кровать два полиэтиленовых пакета с аккуратно уложенными в них пачками долларов. Такой добычи, честно говоря, Герман Кольцов не ожидал. Глянув внимательно на сникшую женщину, он вдруг обнаружил, что она, кажется, что-то прячет за пазухой, а может, бюст у нее такой впечатляющий, без бюстгальтера чуть ли не до пупка, разглядывать было некогда, и он на всякий случай заорал еще громче:

— Что ты, сука, от меня еще под халатом прячешь?

Женщина обреченным жестом вынула из-за пазухи пухлую канцелярскую папку с бумагами и так же молча, без комментариев, как и деньги, кинула ее рядом с пакетами.

— Так-то оно лучше, я не люблю, когда хитрят да изворачиваются. — Голос Самурая смягчился.

«Что же мне делать с деньгами и какими-то, наверняка, ценными документами?» — лихорадочно соображал Кольцов. Одно его успокаивало, что дверь в зал закрыта, а там, в соседней комнате, заполучив Шкабару, видимо, забыли обо всем.

Бросив автомат на кровать, Кольцов быстро стянул просторную камуфляжную куртку. Затем ловко расстегнул и снял толстый и неудобный бронежилет, в полной уверенности, что сегодня он уже не понадобится, и, снова облачившись в куртку, сперва заткнул за пояс папку с бумагами. Но прежде чем спрятать за пазуху пакеты с деньгами, он достал из каждого по три пачки долларов в упаковке американских банков и, бросив их оторопевшей и, казалось, ничего не соображавшей женщине, сказал, понизив голос:

— Возьми деньги, собери самое ценное в доме и дуй отсюда поскорее! Скоро наедут следователи, прокуроры, эксперты и другие канцелярские крысы. Они перероют все сверху донизу, а тебя замучают допросами, того гляди и в тюрьму упекут, они на это дело споры.

Приняв неожиданное решение, Самурай страховал себя и насчет долларов, и насчет бумаг. В том, что они связаны с деньгами, и немалыми, он не сомневался, — Шкабару, как и его самого, кроме баксов мало что в жизни интересовало. Он хотел, чтобы женщина исчезла из Москвы, растворилась, специально ее искать не станут. А если когда-нибудь придется держать ответ перед братвой, этот жест милосердия ему зачтется, он хорошо это понимал.

Распихав деньги за пазухой, Самурай вышел в зал, захлопнув спальню на замок, и сразу бросился к избиваемому Шкабаре.

— Хватит, хватит! Запахло нам ногами забивать человека, все-таки мы представляем закон. Оставьте его следакам, прокурорам, за ним такой кровавый шлейф в Москве тянется, может, и остальных по горячему следу задержим, если удастся расколоть этого волчару.

Растолкав ребят, он склонился над поверженным противником, который оставался еще жив только благодаря своему мощному натренированному организму. Перевернув затихшего хозяина квартиры, Самурай от удивления присвистнул: на груди у Шкабары за пуговицу камуфляжной формы был зацеплен пистолет-автомат «айграм». Они были наслышаны об этом насколько известном, настолько же редком оружии. Правда, в диверсионной школе им не могли показать даже образец, а всего лишь продемонстрировали его фотографии. Автомат девятимиллиметрового калибра высокой убойной силы даже в спецслужбах США, откуда он родом, не был широко распространен из-за своей дороговизны. Германа Кольцова восхищали в нем не только убойность, скорострельность, миниатюрность и мощь, и даже не безотказность, в чем он не уступал калашникову, а то, что ствол и приклад покрывались особым составом, не оставлявшим следов от пальцев владельца, и, конечно, наиболее совершенный из всех возможных глушитель — лучшего оружия для человека, промышляющего разбоем, и придумать нельзя было.

В спецшколе на Тихоокеанском флоте им рассказывали, что этот автомат впервые в СССР высшие чины МВД и КГБ увидели после задержания в гостинице «Минск» легендарного вора в законе Рафика Сво — у него под кроватью, в коробке из-под обуви, лежал такой удобный коротышка. Наши спецслужбы из внешней разведки знали о существовании этого автомата, но добыть его не могли, хотя перед ними ставилась такая задача. Выходит, армянский вор выручил тогда КГБ, перещеголяв асов разведки. Сво, которого задержали с таким грозным оружием, оказался в каталажке, однако застрял там всего на неделю — высокооплачиваемые адвокаты доказали, что Рафик никогда не видел и, тем более, не держал в руках подобного оружия, мол, недоброжелатели подкинули. До самой смерти тот продолжал разъезжать по Москве в роскошном бронированном «мерседесе», сначала на зависть членам Политбюро и высшим чинам из силовых структур, а позже и новым демократическим властям. Вот это редкое и грозное оружие ныне само приплыло в руки Самурая — день по части добычи можно было считать редкостно удачным.

3

Присвоив папку с документами Шкабары, Герман Кольцов еще раз получил подтверждение правильности своей тактики: нынче иная бумажка или тайно подслушанная информация мешка денег стоит. Пистолет-автомат «айграм» и папку с документами Самурай оставил у себя, причем об ее экспроприации в квартире главаря новокузнецкой банды он братьям по оружию даже не обмолвился. Однако долларами Шкабары поделился честно, всем досталось поровну, включая и семьи погибших. Такое мощное финансовое вливание окрылило его команду, и даже горечь от смерти товарищей на этот раз была не такой острой: посчитали, что за такие деньги можно и жизнью рисковать. За задержание особо опасного преступника все участники операции были награждены орденами и медалями, а также денежной премией, которая не составляла и сотысячной доли того, что выделил им лично Кольцов из бывшей бандитской казны.

Штурм блатного логова на улице Опорина, а вернее, поимка матерого бандита резко подняли авторитет Кольцова. Его имя стали часто упоминать, приглашать на закрытые совещания, о которых он раньше только догадывался. Без особой волокиты ему позволили еще раз пригласить в поредевшую команду нескольких бывших соратников из Владивостока, понимали, что совместимость в их опасной работе — главное. Получив это разрешение, Герман обрадовался: значит, считаются с его мнением, однако не без опаски подумал: случись еще пару раз подобная потеря — и пополнение из Приморья иссякнет. Тогда придется брать в команду чужаков, а это значит, что его жизнь и жизнь товарищей будут подвергаться ненужному риску, а самое худшее — он может попасть под микроскоп. Милиция как раз развернула борьбу за чистоту рядов, говорят, специальные тайные отделы созданы для выявления оборотней в мундирах.

Общительный Самурай, неожиданно ставший героем — его теперь ставили в пример и доверяли самые ответственные и опасные операции, — быстро сдружился со следователями, которые вели дела по его задержанным. Ничего удивительного в этом не было — естественно, что человек интересуется, как разворачивается следствие, скажем, по раскрутке Шкабары, тем более, что на этом захвате Кольцов потерял пятерых однопольчан из Владивостока. И следователи, конечно, кое-что рассказывали в общих чертах, Герман же палку не перегибал, знал, где надо остановиться в расспросах.

Конечно, на взгляд Германа Кольцова, и Лабоцкий, и Шкабара, главари банды, допустили ошибку после спецназа: с такой выучкой и репутацией не стоило подаваться в рэкет, а следовало пойти по менее проторенному пути — стать сыщиком и вором в одном лице, так выгоднее и безопаснее. Разбой, рэкет недолговечны, это прямая дорога за решетку или на кладбище: и милиция набирала силу, и законы, хоть с опозданием, вводят жесткие, да и «новые русские», единственные, у кого сегодня есть что отнять, своего без боя уже не отдают; куда ни кинь, в итоге — кровь, тюрьма, могила.

Пример новокузнецкой банды подтверждал и старую истину: сильные волки, вожаки в одной стае уживаются редко; вот и эти хищники порешили друг друга, хотя и знакомы были

с детства, со школы. Теперь и миллионы их, и «мерседесы» — по ветру, все оприходуют в казну государства. Не зря, выходит, когда Шкабару начали бить, тот орал, что кинет каждому по машине и по миллиону долларов, если только его отпустят в аэропорт. Только кто же клюнет на такие посулы, если на лестничной площадке лежат убитыми пятеро твоих друзей? Об этом поведали Самураю в машине, когда он делил среди ребят бандитскую казну. Кольцов тогда промолчал, постарался даже увести разговор подальше от богатства задержанного, но позже, анализируя случившееся, понял, что Шкабара не шутил: он мог щедро заплатить за свободу.

Подтвердил его догадку и следователь по делу Шкабары, с которым он случайно столкнулся в поздней электричке. Оказывается, они оба снимали квартиры в новом микрорайоне Солнцево и ежедневно отправлялись домой с Киевского вокзала — дорога длинная, поневоле разговорисься. Мысли обоих крутились вокруг новокузнецкой банды, ее немалых средств, к поиску которых пока не удалось продвинуться даже на полшага. Выяснилось, что банда Лабоцкого — Шкабары занималась не просто рэкетом, облагая данью коммерческие структуры, банки, финансовые группы и процветающие предприятия. Почти везде, подмяв под себя руководство, бандиты стали соучредителями, совладельцами, проще говоря, старались занять имущественный пай на владение и долю с прибылей. По словам заматанного и издерганного следователя выходило, что Шкабара действительно обладал громадным, многомиллионным состоянием и уже с полгода как начал сворачивать финансовые дела в России. Свою долю с принадлежащих ему на паях предприятий он переводил на Запад, намереваясь через месяц-два окончательно переселиться не то в Швейцарию, не то в Австрию.

Из рассказа следователя Кольцову стало известно, что Шкабара на допросах держался уверенно, карты не раскрывал и надеялся каким-то образом вырваться на волю. Попутчик Самурая с сожалением обронил, что ни в доме Шкабары, который они перевернули вверх дном, ни в тех фирмах, что были под крышей новокузнецких, никаких уличающих финансовых документов обнаружить не удалось, хотя в ходе следствия постепенно вырисовывалось, какие суммы переводились и в Цюрих, и в Женеву.

Выяснилось, что у Шкабары на службе в последние полгода состоял очень опытный, неоднократно судимый за хищения в особо крупных размерах бухгалтер по фамилии Звонарев, имевший кличку Гном: то ли из-за маленького роста, то ли из-за того, что он, как и швейцарские банкиры, давал деньги только под проценты, что в воровском мире считается крайне западно, а швейцарских ростовщиков-банкиров, как известно, зовут цюрихскими гномами. В последние месяцы в контролируемых бандой организациях Шкабара появлялся всегда с Гномом, и они подолгу беседовали с директорами или с главными бухгалтерами.

Следствие продвигалось черепашими темпами, так как банкиры и финансисты, из которых Шкабара, как пиявка, сосал кровь, ничуть не помогали прояснить ситуацию. Боялись бандитской мести, не верили власти, что она способна сегодня кого-либо защитить, а кроме того, наверняка у многих из них рыльце было в пушку. Нынче капиталы честно не делаются, опять же по причине воровского и чиновничьего рэкета и высоких налогов.

— Что же вы не прищемите хвост этому бухгалтеру? — вроде бы бесстрастно задал вопрос Самурай, хотя ответ волновал его чрезвычайно.

— Как только мы установили, что перекачкой денег на Запад специально занимается бухгалтер Звонарев, — вполголоса ронял устало слова в пустой электричке следователь, — я тут же получил у прокурора санкцию на его арест. Впрочем, оказывается, Звонарев и по другим делам числился во всероссийском розыске. Но задержать его не удалось. Он пропал на другой день после того, как ты задержал Шкабару. Теперь обвинение строим по косвенным доказательствам. Ты ж понимаешь, что такой Шкабара в России не один. И сколько же денег в стране уходит в трубу! В их трубу, на Запад... Все туда... И попробуй их найди, обнаружь...

Кольцов согласно кивал в такт словам попутчика: что уж тут, мол, говорить...

На самом же деле о существовании бухгалтера под фамилией Звонарев Герман узнал в тот же трагический день задержания, только не предполагал, что дружок Шкабары такую кликуху имеет плюс несколько ходок в зону и находится во

всероссийском розыске, но это сути дела не меняло. Самурай, как и следак, сразу уразумел, что ключ или отмычка к секретным счетам Шкабары за границей находится у человека с распространенной русской фамилией Звонарев. В бумагах Шкабары были и координаты, как ни странно, оказавшиеся подлинными. Кольцов позвонил по указанному в папке телефону на следующий же день; на другом конце провода испуганно ответили: его нет дома. Несмотря на опасную ночную операцию и суету, выпавшую ему как командиру с предстоящими похоронами товарищей, Кольцов из Солнцево снова отправился в город, на Ленинский проспект, где проживал бухгалтер, имевший, оказывается, двусмысленное погоняло Гном.

Из всей школьной политграмоты Герман вызубрил лишь одно изречение, касавшееся даты революции: промедление смерти подобно. Эту фразу он считал универсальной на все случаи жизни и всегда трактовал ее по своему. В отношении бухгалтера эта фраза, на взгляд Самурая, звучала весьма актуально. В течение дня Звонарев мог узнать по многим каналам, что Шкабара не вылетел в Австрию, а задержан милицией. В таком случае человеку, знавшему о тайных миллионах банды и тем более разыскиваемому по прежним преступлениям, не имело никакого смысла задерживаться в Белокаменной — Москва могла стоять ему свободы или даже жизни.

4

Герман отправился к дому Звонарева в камуфляжной форме, с оружием, так как имел право носить его и вне служебного времени; захватил он с собой и наручники. Он знал, что без бухгалтера миллионы Шкабары за кордоном — просто приятная, навевающая грезы сказка. А деньги, казалось, были так заманчиво близки! Для бухгалтера арест не оказался бы неожиданным даже без санкции прокурора, хотя тогда Герман еще не знал, что Звонарев находится в розыске, как не знал и других, особо пикантных подробностей его лихой жизни. Кольцов понимал, что секреты зарубежных счетов он должен выбить из Звонарева или в обмен на его жизнь — метод радикальный, но эффективный, — или войдя с ним в долю.

Тут интересы их совпадали полностью: ни бухгалтер без документов, находящихся у Кольцова, не мог воспользоваться миллионами, ни Герман, обладающий половиной тайны, не мог разжиться со швейцарских счетов и копейкой.

Замыслив «арестовать» бухгалтера, Кольцов еще не определил, куда его спрятать, но понимал, что Звонарева нужно перехватить позарез. Несколько дней его можно продержать у себя — жена как раз накануне задержания Шкабары улете-ла к родителям во Владивосток: женился ее младший брат, а свадьба да похороны — дело святое. В конце концов, он мог рассчитывать и на помощь Хавтана, тот за последние годы круто поднялся вверх: разъезжает на «саабе», купил шикарную квартиру в сталинском доме. Теперь ему принадлежал ресторан «Золотой петушок», где некогда Хавтан угощал их, бритоголовых, перед отправкой в армию.

Впрочем, здесь, в «Золотом петушке», он с Хавтаном и повстречался снова, когда после службы в армии и работы во владивостокской милиции вернулся через пять лет в Москву. Много воды утекло в России за пять лет, многое изменилось в жизни обоих. Ресторан этот, «Золотой петушок», был первым в жизни Германа Кольцова, где он гулял по-настоящему, и на всю жизнь произвел на него неизгладимое впечатление: и интерьером с его искусственными деревьями в пластмассовых кадках, и яркими голландскими цветами из шелка, которые ежевечерне пылесосили, и огромными зеркалами в аляповатых рамах под старину, занимавшими простенки, — все это показалось тогда Кольцову верхом роскоши, изящества и вкуса, атрибутами другой жизни. И как-то под настроение, через полгода после возвращения в Москву, он предложил своей жене Леночке: «А свожу ка я тебя в ресторан, куда до армии любил захаживать».

Об убранстве, о деталях интерьера, когда-то так поразивших его, Герман Леночке не рассказывал, хотел ошеломить ее, тем более, что в ресторанах они вообще не бывали, да и какие во Владивостоке рестораны? Так... пункты общественного питания...

Леночка, конечно же, ахнула, ибо она не знала, что от прежнего «Золотого петушка» остались только место да название. Перестроенное, перепланированное лучшими архитекторами и дизайнерами заведение стало рестораном, сделавшим бы честь

любой европейской столице, будь то Париж или Лондон. Здесь царили хваленый евростандарт плюс российская роскошь на грани милого излишества, а главное — был простор, то, чего так не хватает старушке Европе; она давно перестроилась, и лишних метров и капиталов ей взять просто неоткуда.

За время службы в милиции научившийся ничему не удивляться, а главное — держаться спокойно, Герман только теперь понял, каким жалким был тот прежний «Петушок». И еще сразу смекнул, что в сто долларов, на которые он рассчитывал в тот вечер, в таком ресторане не уложиться, но нисколько об этом не пожалел, потому что видел, какой истинный восторг, радость вызвал «Золотой петушок» у Леночки. Однако чудеса на этом не закончились... Позже, анализируя события, Кольцов пришел к мысли, что встреча со старым знакомым по прежнему адресу была суждена ему свыше. Как все люди, живущие двойной жизнью, он был суеверен без меры...

Зал к их приходу был заполнен уже наполовину, но на многих столиках стояли таблички с надписью на двух языках: «Зарезервировано». Пока Леночка, не остывшая от восторга, выбирала место по своему усмотрению, мимо них прошел к выходу, благоухая прекрасным одеколоном, элегантный мужчина в светлой тройке и ярком шейном платке вместо галстука. Герману в какое-то мгновение показалось, что он знает этого сухощавого человека со стремительной походкой и цепким всевидящим взглядом. Мужчина, быстро проскочивший мимо них, вдруг словно наткнулся на невидимую преграду, обернулся и вопрошающе-азартно крикнул:

— Гера, дружище, ты ли это?!

— Хавтан?!

И старые друзья кинулись друг к другу в объятия — слава богу, что русские еще не научились скрывать свои истинные чувства и не думают, как это выглядит со стороны и какова будет реакция окружающих на шумную встречу.

Герман представил Хавтану свою жену, и тот, поцеловав ее протянутую руку, церемонно отрекомендовался: Леонид Андреевич. Так Кольцов впервые узнал, как зовут давнего приятеля.

Хавтан без слов понял, что гости никак не найдут удобный столик, все лучшие уже были заняты или заказаны.

— Не волнуйтесь, сейчас все устроим...

Он подвел Кольцовых к сервированному столику в центре зала: отсюда хорошо просматривалась эстрада, где сегодня выступало варьете из Одессы, и, сняв табличку «Зарезервировано», пригласил их широким жестом занять места:

— Вот этот столик вам вполне подойдет.

Тут же, словно из-под земли, рядом с ним выросли метрдотель и официант. Склонившись по обе стороны от хозяина, они застыли в ожидании приказа. Хавтан, не прерывая беседы, словно мимоходом, негромко приказал:

— Стол по полной программе, по высшей масти. Пусть Петрович на кухне расстарается. Старого кореша встретил, пять лет не виделись...

Вышколенные халдеи, которым, видимо, хозяин дважды никогда не повторял, быстро исчезли, чтобы исполнить заказ по высшей масти, — такие приемы Хавтан давал не часто.

— Ты по-прежнему любишь этот ресторан? — спросил Кольцов, оглядывая богатую сервировку стола, тонкий изысканно расписанный английский фарфор, бокалы из французского хрусталя, приборы из русского серебра.

— Да, я, знаешь ли, человек старомодный, тоскую по местам юности и, чтобы чаще вспоминать молодость, купил этот ресторан, — ответил хвастливо Хавтан, поигрывая тяжелым золотым браслетом массивного «Ролекса» на худом загорелом запястье. Глядя на жену Кольцова своими пронзительными глазами, он вкрадчиво спросил: — А вам у нас понравилось?

Леночка с искренним восторгом закивала:

— Очень! Просто чудесно! Гера еще во Владивостоке рассказывал, что вы им тут перед отправкой на службу богатые проводы устроили.

— Помнит, значит... Это хорошо... — улыбнулся и сразу смягчился Леонид Андреевич.

Он был из той категории людей, которые болезненно относятся к своей персоне, для таких чрезвычайно важно, как они выглядят, как их оценивают со стороны.

— И чем же ты теперь занят, Пересвет наш? — без перехода добродушно поинтересовался гостеприимный хозяин, вспомнив старую кличку гостя.

Герман на секунду растерялся — говорить или не говорить, что он служит в милиции. Он ведь хорошо помнил хавтановскую школу, его «политбеседы». В той иерархии ценностей, что некогда пропагандировал Хавтан, ниже мента никого не могло быть, и мусоров следовало уничтожать уже только за то, что он мент и носит погоны. Но пока Кольцов раздумывал, его опередила Леночка и с гордостью выпалила за мужа:

— А Гера окончил у нас во Владивостоке Высшую школу милиции, получил офицерское звание. А теперь он уже капитан, командир особого спецподразделения при МВД...

Герман хотел под столом нажать Леночке на ногу, чтобы та не очень-то распространялась о его службе, которая особо не афишировалась, но Хавтан, неожиданно для Кольцова, широко улыбнулся и, как показалось, вполне искренне сказал:

— От души поздравляю. Я рад, что друзья юности находят для себя место под солнцем. Милиция, ОМОН, РУОП, ФСК, ФСБ — это то, что нужно для настоящего мужчины. Россия нуждается в крепких парнях и твердом порядке. — И он кивком дал команду стоявшему у него за спиной официанту, чтобы тот наполнил бокалы.

Под ярким светом люстр заискрилось прекрасное вино, и на душе у Германа отлегло.

— За вас, за встречу, на нашу молодость, — предложил тост Хавтан, и все дружно сомкнули тяжелые хрустальные бокалы.

Просидели в тот раз в «Золотом петушке» долго, прием действительно оказался по высшему разряду, такого чета Кольцовых и представить себе не могла. Расчувствовавшийся Хавтан был без тормозов, ему хотелось блеснуть перед старым корешем богатством и властью в своем заведении. У Леонида Андреевича уже созрел план в отношении Германа после того, как он узнал, что Кольцов служит в особом спецподразделении МВД. Вина в тот вечер подавались самые изысканные, шампанское французское и только «брют». Повар Петрович, по словам Леонида Андреевича, превзошел себя, а на десерт подносили диковинные заморские фрукты, швейцарский шоколад и итальянское мороженое, голландское печенье и датский торт... В общем, чете Кольцовых такое внимание и не снилось. В «Золотом петушке» высоких гостей непременно

одаривали еще и коробкой — с напитками и закуской, что было сделано и на этот раз, и опять Герман вспомнил первое свое посещение этого ресторана — тогда хозяин тоже щедро одарил их на прощанье.

В самом конце застолья захмелевший Самурай попытался попросить у официанта счет, но более трезвый Хавтан ловко свел все к шутке. Поскольку Леонид Андреевич уже твердо знал, чего он хочет от Кольцова, он достал из кармана несколько своих визиток и, отобрав среди них одну, особо важную, передал ее Герману со словами:

— Вот тебе фирман, или, как говорили ханы Золотой Орды, пайцза. Она означает, что в «Золотом петушке» тебя всегда примут по высшему разряду, а расходы — за мой счет. С кем бы ты ни пришел: один, с женой, друзьями, с начальством, пацанами, старыми корефанами люберецкими. Считай, что у тебя тут открытый счет. — И, выдержав небольшую паузу, с нарочитой грустинкой добавил: — Все у меня есть, а старых друзей маловато осталось...

Леночка восторженно захлопала в ладоши, а Герман со смутной тревогой, которую, однако, быстро заглушило выпитое, принял визитку с благодарностью.

Хавтан, словно и не грустил секундой раньше, снова заулыбался:

— Когда бываешь в центре, особенно по вечерам, заглядывай в ресторан «Пекин», на площади Маяковского, ах да, теперь — на Триумфальной. Я люблю там коротать вечера. Помнишь, как ресторан гремел в шестидесятые — семидесятые годы?

Герман согласно кивнул в ответ, хотя в те годы не то что в «Пекине», ни в каком другом ресторане не ошивался. Другой у него был тогда уровень жизни.

А Хавтан продолжал свое:

— «Пекин» сейчас самое спокойное место в Москве, где не бывает палбы и беспредела, потому как там любят собираться крутые люди и «новые русские». Да и кухня хороша, все-таки школа, традиции. Там меня можешь найти, если понадобится. Видишь ли, не люблю я общаться по телефону. С человеком надо говорить глаза в глаза, так меня учили по первой ходке. — И уже предложив тост на посошок, тут же без перехода, вроде

в шутку, сказал: — Если в «Пекине» что-то пойдет не так, сам понимаешь, ты уж как-нибудь дай знать. Многие уважаемые люди будут обязаны такой информацией...

5

Так неожиданно Самурай вновь закрутился с Хавтаном и его новыми дружками, где один круче другого, не знаешь кого и поддержать, если между ними свара какая начнется. Один из них, по кличке Дантес, — тот вообще этаж в «Метрополе» снимает, самолет личный имеет, яхта, говорят, у него в Коктебеле всегда в сезон на приколе стоит. Один ворочает нефтью, другой — алмазами; третий — никогда никому в голову не придет — торгует с армейских складов новейшим оружием, причем плевать хотел он на эмбарго и конвенции всякие, продает тому, кто больше заплатит, даже если это оружие завтра против России повернут. Другой приятель монополизировал все морские перевозки и часть железнодорожных, и оттого бедняга мается, кислый ходит, что остальную часть к рукам прибрать не может, включая и автоперевозки: не по зубам пока ему, но он готов заплатить хорошо тем, кто быстро и без особого шума уберет конкурентов.

Есть и такие, которые день и ночь обхаживают людей в Думе и правительстве, в газетах и на телевидении, внушая всем и каждому, что русский мужик — пьянь, рвань и лодырь, и не надо, мол, капиталы в сельское хозяйство зря вбухивать, лучше и проще зерно и куриные окорочка из богатой Америки доставлять. Потому что тут такие деньги гуляют! Всем — чиновникам-казнокрадам, и дружкам Хавтана, и их детям — хватит! Оттого американцы так услужливо и подсунули России доллар вместо рубля: берите, сколько хотите, щедро новенькие купюры печатают и самолетами доставляют! Им российский «рваный», как говорили до эпохи «деревянных», ни к чему — на Запад гонят настоящие деньги. По числу банков всю Европу вместе с Америкой обогнали... И разве придет простому человеку в голову, что возникло их такое множество оттого, что не успевают эти банки уворованные российские капиталы обратно на Запад переводить, хоть и работают почти круглосуточно...

Да, Самурай подошел слишком близко к тем, кто уже был рядом или накоротке с сильными мира сего.

Направляясь к дому на Ленинском проспекте, чтобы арестовать бухгалтера Звонарева, Кольцов рассчитывал на помощь Хавтана, если операция застопорится. Хотя понимал: братву лучше в курс дела не вводить, можно и с носом остаться. Но все зависело от того, как поведет себя Звонарев..

На звонок дверь на цепочку приоткрыла миловидная средних лет женщина. Кольцов, ничего не говоря, протянул в узкую щель служебное удостоверение и негромко буркнул: «Милиция», — после чего его впустили в квартиру. Войдя в просторную аккуратно прибранную прихожую, он сразу понял, что бухгалтер привык к комфорту и уюту. Женщина, и не пытавшаяся скрывать свое подавленное настроение, вяло пригласила в комнату, и Герман убедился в своей догадке. Все в доме дышало гармонией, вещи были подобраны со вкусом, на всем лежала печать ухоженности, достатка, да и сама хозяйка производила впечатление женщины, живущей на широкую ногу, — наблюдая ежедневно замотанных баб с авоськами и сумками, это было нетрудно определить.

Кольцов, почуяв, что бухгалтера нет дома, решил не пугать женщину сообщением, что приехал арестовать ее мужа или сожителя, хотя, в случае необходимости, готов был устроить тут засаду и ждать, когда появится Звонарев. Поэтому, присев у стола, сказал спокойно:

— Мне нужно видеть господина Звонарева по чрезвычайно важному делу.

Женщина подняла на гостя удивленные глаза и ошарашила Самурая:

— Вы опоздали. За ним пришли рано утром и увезли, сказали, что арестовали до выяснения каких-то обстоятельств.

— Кто арестовал? — не смог сдержать удивления Кольцов.

— Наверное, ваши коллеги, я была еще в постели..

— Как они выглядели? Сколько их было, какие документы предъявили?

Женщина равнодушно пожала плечами, словно судьба Звонарева была ей глубоко безразлична.

— Трое. В штатском. Прилично одеты и вели себя вполне интеллигентно. Кажется, они предъявили Борису Михайловичу ордер на арест...

Понимая, что оставаться ему в этой квартире небезопасно, Кольцов поднялся, с сожалением покачал головой:

— Извините. Вероятно, это были коллеги из параллельных структур. У нас ведь в милиции, как и везде, неразбериха, реформа то есть... Я узнаю, по какому ведомству задержан ваш муж, и позвоню вам. До свидания...

И уже уходя, на пороге, Герман догадался подстраховать свой визит, чтобы сбить с толку тех, кто, возможно, как и он, заинтересуется судьбой бухгалтера. Доверительно, словно не решаясь и как бы преступая из-за каких то внутренних симпатий к хозяйке строгие государственные инструкции, он сказал, взявшись за дверную ручку:

— У меня к вам просьба, и это в интересах вашей безопасности. Если вдруг кто-нибудь, хоть в форме, хоть без формы, с документами или без них, будет интересоваться Звонаревым, вы не должны говорить, что его арестовали. Скажите, что он ушел утром и пропал. Теперь такое случается часто и никого уже не удивляет. Договорились?

Испуганная женщина, закрывая за ним дверь, молча кивнула...

Все это время — со дня задержания Шкабары и до случайной встречи в поздней электричке со следователем банды — Самурой был уверен, что Звонарева арестовала милиция. Оказывается, он сразу взял неверный ориентир, столько времени потерял, пытаясь выйти на след бухгалтера в собственном ведомстве. Теперь-то Кольцов точно знал, что Звонарев по кличке Гном был не в бегах, как полагал следователь по делу Шкабары, а прищучили его совсем другие органы, не государственные. Теперь круг поисков Звонарева сузился до минимума. Его могли выкрасть за прошлые делишки друзья или компаньоны; могли похитить конкуренты новокузнецкой банды, знавшие о финансовых возможностях группировки; могли припрятать и оставшиеся члены банды Лабоцкого — Шкабары, опять же, из материального интереса. Короче, в какой вариант ни ткни — результат один: дело придется иметь с братвой, возможно с «синими», а может, и с молодыми волчарами, беспредельщиками, как и сам Шкабара. Биография Звонарева давала большой простор для фантазии, потому что, оказывается, разыскивали его по делам, совершенным в разных концах

России, от Калининграда до Владивостока и от Архангельска до Сочи, — было, было от чего приуныть Самураю.

След Звонарева оборвался надолго, и, как ни пытался Кольцов отыскать его, шифр к миллионам Шкабары добыть ему пока не светило.

Но история со Шкабарой лишний раз подтверждала, что путь к обогащению он выбрал верный и наикратчайший. Нужна была лишь удача, одно крупное задержание настоящего толсто-сума или, наоборот, его освобождение — за право разделить наворованное и переведенное за рубеж. Схему экспроприации капиталов Кольцов теперь знал четко, и оставалось лишь положиться на случай, на везение...

6

Однако шли недели, месяцы, а счастливый случай Герману Кольцову так и не представился, и через каждые три дня приходилось вновь и вновь тащиться на опасное дежурство. Потерь особенных в группе больше не было, бог миловал, но ранения случались часто. Впервые у двоих молодых не выдержали нервы, и они покинули команду, устроившись на спокойную хорошо оплачиваемую работу — охранниками в банк. Там и кормежка бесплатная, и одежда гражданская выдается, потому что иногда приходится сопровождать хозяев на крупные мероприятия. Опять же, спортзал, сауна бесплатно и девок молодых целых двенадцать этажей — выбирай любую.

Герман, понявший, что рано или поздно люди от него начнут уходить, и именно из-за опасности службы, пожалуй, даже торопил события, но все было безрезультатно. День ото дня идея поймать бухгалтера новокузнецкой банды становилась у Кольцова все навязчивее и неотвязнее, словно это был его единственный шанс в жизни.

Идея стала почти маниакальной, когда Самурай узнал от того же следователя и все в той же самой ночной электричке, под пивко, что Шкабара покончил с собой. То ли не выдержал суровых допросов — а с ним иногда работали в день три-четыре следователя без перерыва, догадывались, что Шкабара огромные деньжищи перевел на Запад, — то ли был уверен, что на

снисхождение суда ему рассчитывать не приходится. И попади он в тюрьму, там ему точно больше недели не прожить: много крови «синих» у него на руках, а в зоне они единственные хозяева, там блатные укорот и спортсменам дают, и «новым русским», и новым беспредельщикам. Оттого, наверное, и повесился Шкабара, потеряв веру в свое всеислие.

Не радовала Самурая и всеильная пайцца Хавтана, растилавшая перед ним скатерть-самобранку в фешенебельном «Золотом петушке». Побывал он там пару раз с Леночкой, отметили день ее рождения и Восьмое марта, потом как-то забежал один, сытно пообедал и попил хорошего пива. И ни разу он не наткнулся на Хавтана. А в «Пекин» Кольцов не заглядывал, хотя помнил, как Хавтан зазывал его туда, видимо, хотел кое-кому представить, похвалиться, что своих людей имеет в спецслужбе МВД. Не хотел Самурай там светиться, нутром чуял исходящую оттуда опасность. Да и в «Золотой петушок» Герман больше не ходил, он не был халявщиком по сути своей, и хоть мечтал есть и пить в лучших ресторанах, но только за свои кровные. К тому же он не был так глуп, чтобы полагать, что Хавтан кормит и поит его лишь из-за сентиментально-слюнявых воспоминаний юности. «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке» — он давно это слышал.

Самурай уже дважды оказал Хавтану основательную услугу, и его крутые дружки, конечно же, знают, что у хозяина «Золотого петушка» в МВД есть свой человек — капитан Кольцов, бывший люберецкий качок, выбравший ментовскую жизнь.

Однажды Самурай наткнулся на приятеля у подъезда своего дома в Солнцево, хотя адреса он вроде и не давал. Хавтан был не один и в квартиру подниматься не стал, несмотря на приглашение.

— У нас важное дело, и позарез нужна твоя помощь... — Он пригласил Кольцова в просторный «сааб», но и не подумал представить сидевшего на заднем сиденье средних лет мужчину. — Нашему влиятельному братану — Дантес его кликуха, я тебе о нем говорил — шьют какое-то дело, — без предисловий начал Хавтан. — Мы знаем, какие следаки этим делом заняты и кого таскать будут. Знаем, на кого надежда есть, а кто и подвести может. Поэтому хотим выяснить, кто на Дантеса будет

бочку катить и чем вообще располагает следствие. Может, на понт хотят взять? Мы бы тут же, по горячим следам, внесли коррективы и процесс под микроскоп взяли.

Знаешь, Гера, — голос его стал доверительным, — это очень впечатляющая штука. Приходишь к свидетелю, который убежден, что тайна следствия, особенно на таком уровне — дело святое, и задаешь невинный вопрос: «Что спрашивали? Что отвечал?» Тот, конечно, правды всей не скажет, и тут ты дословно выкладываешь, какие вопросы звучали за обитыми войлоком двойными дверями, а главное, какие ответы были даны. Шок гарантирован, со слабонервными и впечатлительными надо осторожнее — возможен инфаркт, проверено. Вот тогда, насладившись произведенным эффектом, ты и приказываешь: измените показания, вы же видите, какие у нас длинные руки, у нас везде свои люди. — Заметив, как напрягся Самурай, Хавтан вдруг мягко пожурил: — Да ты не бойсь, от тебя самая малость и требуется. Нам не резон тебя подставлять, ты же свой, люберецкий, мы тебя засланным казачком считаем... — и засмеялся негромко, но чем-то зловещим повеяло от этого смеха. — А теперь тебя Жора, Георгий Иванович, введет в курс дела.

Кольцов хотел было обернуться к собеседнику лицом, но Хавтан положил ему руку на плечо: сиди, мол, и слушай...

— Дело действительно нехитрое, но нужен человек, работающий в этом здании, как ты, например, — заговорил с кавказским акцентом мужчина на заднем сиденье. — Опасность нулевая, но осторожность не помешает. Запомни фамилии следователей: Федоров, Каплинский, Оганесян. Этажи: второй, третий, пятый. Вот, возьми, — и человек сзади передал Кольцову три булавки, очень похожие на галстучные, с небольшой, со спичечную, головкой. — Все двери в кабинетах следователей обиты дерматином или искусственной кожей. Тебе необходимо в каждую из дверей воткнуть эту булавку-маяк. Лучше сверху, чтобы исключить вероятность выпадения, — на годы. Вот и вся операция. Остальное — за аппаратурой, которая будет находиться где-нибудь рядом со зданием, в припаркованной машине. Фантастическая техника, Дантес из Англии доставил — они законодатели мод в шпионском оборудовании. А на границе ее даже на учет не поставили, там

идиоты шмонают челноков, чтобы сотню баксов лишних вытянуть, — то ли одобрительно, то ли зло заключил Георгий Иванович..

Самурай не задания хавтановского испугался, оно действительно особой опасности не представляло: Кольцов имел право ходить по этажам следственного отдела, его туда часто вызывали на очную ставку с арестованными, уточняя детали задержания. Настораживало его другое: почему он получил это задание от мужчины с кавказским акцентом? Хавтан мог и сам передать эти крошечные маячки, не надорвался бы. А посредник при таком щекотливом деле означает только одно — они, блатные, теперь от него не отстанут, и, если с Хавтаном что-нибудь случится, любой другой к нему может подкатиться с приказом.

Такой расклад с «синими» Самурая совсем не устраивал, но следовало терпеть, пока не отыщется бухгалтер, а там он порвет сразу и с белыми, и с красными, и с «синими», отвалит за бугор. Проценты с миллионов Шкабары — вот предел его мечтаний, с этих процентов можно будет жить на очень широкую ногу: путешествовать по миру, купить загородную виллу, нанять садовника, повара и прислугу по дому. О такой жизни Кольцов вычитал в одном романе, она пришлась ему по душе. Жаль только, что в тех краях, где он собирался обосноваться, нет русской зимы, с вьюгами, со снегопадами, морозом, и не будет тройки с бубенцами и молодыми рысаками. Тройка тоже представлялась ему непременно атрибутом той счастливой жизни, о которой он мечтал..

В другой раз Хавтан подкатил через пару месяцев, правда, один.

И тут Самурай, не дав ему и рта раскрыть, завелся:

— Не слишком ли ты зачастил, Хавтан? Я ведь у вас на зарплате не сижу, у меня своих дел невпроворот. Да и светиться прежде времени не резон, я, может, до генерала дослужиться хочу, меня тут высоко ценят..

Но Хавтана оказалось не так-то легко сбить с толку. Он опять зашелся своим ледяным смехом и, вынув из внутреннего кармана шелкового костюма пачку долларов, перехваченную аптекарской резинкой — как обычно поступают челноки или торговцы-перекупщики, имеющие дело с большими суммами, —

без слов бросил ее на колени Кольцову — они опять говорили в машине.

Самурай невольно автоматически перегнул пачку с обеих сторон, проверяя, не «кукла» ли. Ошалевший Хавтан обиженно громко сказал:

— Ты что, в милиции совсем голову потерял? Мы своих не кидаем. Да и смешно тебе «куклу» всучить...— и оба от души рассмеялись.

Кольцов спрятал деньги в карман и вопросительно уставился на собеседника: что, мол, на этот раз?

— А дело снова спешное, важное и на этот раз более опасное, — сразу взял быка за рога Хавтан. — Хотя десять тысяч баксов за получасовой риск — плата неплохая. Впрочем, рисковать конкретно будешь не ты, а другой человек. Твое дело — провести его в здание, подстраховать, пока он зайдет в нужный кабинет, и вывести его после шмона на улицу...

Герман продолжал молчать, не перебивая вопросами. Хавтан стал объяснять:

— Суть операции такова. Вчера в вашей конторе, на втором этаже, в кабинете следователя Федорова, кое-кто дал серьезные и опасные показания против одного из влиятельнейших людей, ворочающих нефтью. Кликуха его Шаман, вся Тюмень под ним ходит, теперь он в Москве штаб-квартиру держит, в Барвихе дом отгрохал — три этажа вверх, три этажа вниз. Запомни: Шаман, может, когда и сгодится, жизнь большая, не знаешь, куда повернет. В общем, большие люди тебя просят помочь. И Дантес, он старый корефан Шамана, и другие, так что уважь... Федоров вчера не только эту тварь продажную из Минфина потрошил, но и людей достойных. Они-то и запомнили: и в какой папке что лежит, и какой системы сейф, и какой замок в двери. Мы нашли спеца, которому понадобится ровно пять минут, чтобы аккуратненько вынуть из папки эту грязную бумажку, — вот и все дела. А следователь, если наша затея удастся, или сам удавится, или его инфаркт хватит. Зажрался, мразь, за каждую бумажку чуть ли не миллион баксов требует...

— Каким же образом я должен его в здание ввести? У вас есть какой-нибудь план? — спросил на всякий случай Самурай, не думая возвращать полученные деньги, но и не желая особо рисковать.

— Сначала я предложил взять твое удостоверение и сделать точно такое же, это не проблема. Но Дантес, по-моему, лучший вариант предложил. Поскольку вы все на одно лицо в камуфляже и беретах и всегда в синяках, шишках и царапинах, вот он и говорит: у Герки команда большая, наверняка кто-то хоть чуток смахивает на нашего медвежатника. И если так, надо, мол, нашего обрядить в униформу, посадить, для верности, настоящий фингал под глаз, надеть очки — и вперед, никакая вахта не придерется. Вот его фотография, есть кто-нибудь у тебя в бригаде похожий?

Хавтан протянул Кольцову небольшую любительскую фотографию, с которой равнодушно глядел бесцветный мужчина лет тридцати, с нагловатым лицом; две-три судимости открыто читались в его глазах и без анкеты.

— Ну, как идея? — поторопил Хавтан, забирая фотографию.

— Да, твой Дантес не дурак, психолог. Надо этот трюк запомнить. У меня с такой же бандитской рожей есть несколько ребят, с фингалом в самый раз и без очков будет. Для конспирации под другим глазом наклеим небольшой кусочек лейкопластыря, это совсем собьет вахту с толку, хотя к нам они не особенно придираются. А очки, конечно, пусть будут, для верности, на входе он их демонстративно снимет — согласился Самурай, неожиданно для себя войдя в азарт нового дела.

7

К нервотрепке с поиском шкабаровского бухгалтера у Германа неожиданно прибавились семейные проблемы, а улаживать такие конфликты Кольцов не умел — дело это тонкое, деликатное, и было ему не по плечу. Ему в такие минуты всегда вспоминалось выражение «слон в посудной лавке». Да и как восстановить мир, если действительно виноват во всем — вылезла таки наружу владивостокская история: верно говорят, сколько веревочке ни виться, но конец все равно придет. Хотя, как выяснилось, все выплыло то случайно, но от этого Самураю было не легче.

Леночка вернулась из Владивостока, куда летала на свадьбу младшего брата, через месяц после задержания Шкабары.

Погостила у родителей, встречалась с подружками из университета. Честно говоря, она не прижилась в Москве, тут она потерялась — куда делись ее общительность, задор, уверенность?! В Белокаменной иная жизнь, чем в Приморье, где люди шире, проще, оттого она все время скучала по родным краям. В день возвращения жены Кольцову выпало дежурство, тут не отпросишься, в спецназе требования жесткие — укладывайся в три выходных дня. И Герман встретить жену не мог, но он предупредил ее об этом по телефону; решили, что домой она доберется на такси — от Домодедово до Солнцево по обводной дороге недалеко.

На беду Кольцова, в тот день Неделин провожал кого-то в аэропорту Домодедово, он и увидел Леночку с чемоданом и, конечно, предложил подвезти ее в город на своем шикарном «мерседесе». Впрочем, ничего предосудительного в этом не было: Слава Неделин вел себя прилично, и о давних днях, об увольнительных и встречах в универмаге даже не вспоминал. Вереочку за конец потянула сама Леночка, так, наверное, судьбе было угодно.

Когда они отъехали подальше от аэропорта, Леночка стала оглядывать роскошный салон машины. Самого Славу, элегантно одетого, благоухающего хорошими французскими духами, в общем, явно процветающего, она разглядела еще по дороге на автостоянку, где Неделин припарковал свой молочно-белый «мерседес».

— Ну, как у тебя сложилась жизнь с дочкой академика, Славик? Судя по всему, ты счастлив...

Неделин от неожиданного вопроса на мгновение даже руль управления выпустил — «мерседес» резко пошел влево, на встречную полосу, хорошо, впереди машин не было, дорога в этот ранний час оказалась пустынной. Но Картье прекрасно владел рулем, а еще лучше своими эмоциями. Выправив ход машины, он все же не без удивления в голосе спросил:

— Леночка, о какой дочке академика идет речь? И почему у меня с ней должна была сложиться жизнь?

Теперь пришел черед удивляться уже жене Самурая, и она с ехидцей сказала:

— У тебя что, как у всех мужчин, короткая память? Да на той, на которой ты собирался жениться, как только вернешься

в Москву из армии. Ну, на невесте своей, которая тебя письмами и посылками засыпала.

Вконец растерявшийся Неделин, не соображая, о чем говорит попутчица, переспросил:

— Кому это я говорил, что собираюсь жениться сразу после демобилизации, да еще на дочке какого-то академика?

— Как кому? Своему лучшему армейскому другу Герману Кольцову, как ты однажды представил мне его в универмаге.

— Какая-то запутанная история, — пожал плечами Карте. — У меня никогда не было невесты, в армии я редко получал письма, да и то от родителей, иногда от друзей.

— А как же фотографии? — уже не так уверенно и агрессивно продолжила Ленточка, — Я ведь их сама видела, мне их Герман однажды показал. Много было, и цветных, и черно-белых, хотя, честно скажу, твоя избранница мне не понравилась, да она еще и старше тебя. Или нынче так модно?

Только теперь просек Неделин трюк, который разыграл с ним его лучший армейский друг и земляк Герман Кольцов, но на всякий случай переспросил:

— ... Такая поленькая... с короткой стрижкой... больше в профиль заснята, наверное, из-за короткой шеи?

— Наконец-то вспомнил! — победно усмехнулась Леночка. — У тебя ведь в изголовье кровати вся стена была увешана ее портретами...— Молодая женщина замолчала и отвернулась к окну, за которым проносились подмосковные пейзажи.

Молчал и Картье. Пауза явно затягивалась, и Слава не выдержал:

— Ах, Леночка, как все-таки сурово обошлась с нами судьба. Это ведь у него, у Герки твоего, невеста была, и над его кроватью висели все эти фотографии. Это он почти каждый день получал письма, посылки, бандероли, телеграммы, приглашения на переговоры. Тебе проверить это не составит труда, сия особа до сих пор в ресторане «Иртыш» завпроизводством работает. Я однажды проезжал мимо, решил глянуть на нее... воочию, так сказать...

В общем, поговорили... Лучше бы владивостокский рейс опоздал в тот день, как обычно. Но для Леночки этот разговор был так же важен, как и для Картье. Хотя Славик и не напомнил, что хотел на ней тогда жениться, но она-то женским

сердцем чувствовала, что он любил ее, да и сейчас, спустя годы, остался таким же ненавязчивым.

Конечно же, на другой день она отыскала ресторан «Иртыш» и увидела ту женщину, чьи фотографии почти пять лет назад показывал ей во Владивостоке Кольцов. И почему-то сразу поняла, что эта женщина из ресторана никогда не могла быть невестой Неделина. Не могла — и все!

С тех пор у Германа начались осложнения в семье. Он на время даже забыл и о беглом бухгалтере, и о многомиллионных счетах в швейцарских и немецких банках, и о вилле на берегу Средиземного моря. Хорошо, что ко времени размолвки Леночка уже работала в модном салоне обуви в Столешниковом переулке, недалеко от Пушкинской улицы, там, где прежде находился известный комиссионный магазин «Меха», а еще раньше, до революции, ломбард с огромным подвалом, куда москвичи, спасая от моли, сдавали летом на сохранение свои шубы, палантины, песцовые и горностаевые накидки. Чтобы добраться из Солнцево к открытию магазина, она уходила из дома в половине восьмого утра, когда Кольцов еще спал. В дни, свободные от дежурства, он любил покемарить, видимо, отсыпался за бессонные ночи в юности, когда не имел своей кровати. К возвращению жены Герман старался исчезнуть из дома, иногда оставлял записку — «вызвали на работу», «срочное совещание», «поехал к матери», «нужно помочь Виктору с переездом» и тому подобное, возвратиться старался попозже, когда Леночка уже спала.

Кольцов понимал: горечь от его обмана может сгладить только время. Оправдания казались ему излишними, они только бы нарушили хрупкий мир в семье. Конечно, он не раз повторял, что лишь из любви к ней пошел на такую осознанную подлость, не хотел, чтобы она вышла замуж за Славку. Да разве красило его такое оправдание? Конечно нет, это он понимал... Оттого избегал крупной ссоры, зная крутой нрав жены. Как жалел Самурай, что нет в данный момент какой-нибудь локальной заварушки или межнационального конфликта, куда его на время отправили бы в командировку. Жаль было и себя, и жену, все-таки прожили столько лет вместе, прикипели друг к другу. Часто приходило на память в эти дни, как Леночка, еще во Владивостоке, на чье-то ехидное замечание, что ее муж не

одолеет и средней школы, ответила ласково, но твердо словами Высоцкого: какой ни есть, а все ж родня. Да, ближе и роднее у него никого не было.

В эти дни семейного разлада Кольцов пристрастился почти ежедневно бывать в «Золотом петушке». Ходил он туда один, хотя и возникала мысль захватить за компанию кого-нибудь из своих ребят, но осторожность брала верх: не хотелось объясняться, почему это перед ним расстилают каждый раз скатерть-самобранку и при этом заискивающе улыбаются. Дней десять он ходил в ресторан регулярно, сидел там до самого закрытия, слушал концертную программу или смотрел приглашенное из ближнего зарубежья варьете. Даже стал раскланиваться с завсегдатаями, а таких было немало, но, что странно, ни разу не повстречал там Хавтана, хотя пайцза его действовала по прежнему и никто не пытался его ограничивать ни в еде, ни в спиртном.

То ли Петрович, шеф-повар «Золотого петушка», каждый раз старался обслужить особо важную персону по высшему разряду, то ли организм у Кольцова был могучий, за что некогда и полюбила его, салажонка, пышнотелая Люся из «Иртыша», то ли душа у него горела по-настоящему, по-русски, — но, сколько бы он ни пил, не пьянел. А выпивал порою за вечер не меньше двух больших штофов шведского «Абсолюта», не считая пива, — этому факту удивлялись официанты и завсегдатаи за соседними столиками, да, впрочем, и он сам. Уходил, как говорят на Руси, чист как стеклышко, ни в одном глазу.

Хавтан объявился у себя в ресторане почти через месяц после того, как Самурай зачастил в «Золотой петушок»: то ли доложили ему, то ли счета непомерные увидел, то ли понадобился сам по важному делу. Появился он неожиданно, Кольцов и не заметил, откуда тот возник, увидел его уже сидящим напротив за столом. Был Хавтан, на взгляд Самурая, расфранчен дальше некуда: в белой бабочке, при белом пикейном жилете с отворотами, сказал, что только что с концерта. Честно говоря, Кольцов до сих пор никак не мог привыкнуть, что Хавтан ходит при галстукке, бывает в театре, для него тот при любой перемене — даже стань он президентом страны — оставался бы навсегда фиксатым Хавтаном, хотя железной фиксы уже давно не было, как не было и синюшной татуировки на тыльной

стороне правой руки. Была у Хавтана еще одна татуировка, на предплечье левой руки, — в память о первой любви выкололи ему в карагандинской тюрьме жирными буквами «Соня». И Кольцова вдруг отчего-то заинтересовало, уцелела «Соня» или нет? А может, он ее тоже вывел, чтобы спокойно гулять на пляжах Коста-Брава или Лазурного берега, не отпугивая наколками новых друзей и компаньонов.

В тот вечер первый штоф «Абсолюта» был опорожнен только наполовину и до горячего еще не дошло, хотя стол оказался щедро заставлен закусками. Кольцов не пьянел, но аппетит имел отменный, да и кухня, что говорить, нравилась ему, особенно дорогие рыбные блюда — Петрович поистине был русский повар, знал множество старинных рецептов.

Не успел Леонид Андреевич подсесть к столу, как официант принес бутылку «Русской водки» кристалловского завода — оказывается, Хавтан и на дух не переносил никакого заморского зелья. Халдей опередил Кольцова, занесшего бутылку над рюмкой Леонида Андреевича, и эта расторопность была оценена владельцем ресторана улыбкой и благодарным кивком. Такие знаки внимания Хавтан уделял службе не часто, но сегодня он пребывал в добром настроении и был рад, что застал Германа в «Золотом петушке»: всего час назад в «Пекине» вспоминали о Самурае — опять понадобилась его помощь.

Выпили, закусили, повторили — шел неспешный разговор о том о сем, но Леонид Андреевич не стал расспрашивать, почему Герман вдруг зачастил в «Золотой петушок», что случилось да отчего душа болит. Не лезть в душу — одна из главных воровских заповедей. Захочет — расскажет, так учили Хавтана с молодых ногтей во дворе, так вразумляли «профессора» в тюрьме, а Хавтан гордился своими университетами, да и успех был налицо.

Конечно, официант и метрдотели рассказали Леониду Андреевичу, что Кольцов бывает в ресторане почти каждый день и много выпивает. Теперь в этом убедился и сам Хавтан, подливавший Самураю заморской водки уже из второй бутылки. Задачу перед Хавтаном братва поставила серьезную, и она не шла у него из головы. Неожиданная встреча с Германом через пять лет в собственном ресторане, а вернее, оказанные им важные услуги подняли авторитет Хавтана в криминальных

кругах очень высоко. Особенно крепко он выручил Шамана, а тот добро не забывает, об этом знают все. Раньше Леонида Андреевича в Барвиху не часто приглашали, слишком высокие люди там собирались, большие государственные вопросы решали, а теперь, когда он доказал, что и сам не лыком шит и может пригодиться даже таким всесильным тузам, он зван туда всякий раз и даже получил право голоса.

Поэтому Хавтан не стал откладывать дело в долгий ящик, до следующего раза, и спросил, как бы вскользь, но заинтересованно:

— Гера, а ты со следователем Шкабары знаком?

Герман, хотя и приканчивал вторую бутылку, внутренне напрягся — Хавтан никогда не задает праздных вопросов, — но виду не подал. В последнюю неделю беглый бухгалтер по кличке Гном не шел у Самурая из головы. Разыщи он его — и уладились бы, наверное, сразу все проблемы, включая и семейные. Кинул бы он к ногам Леночки виллу на берегу теплого моря, утопающую в кипарисовом саду среди цветов, показал бы ей жизнь на Лазурном берегу да Париж во всей красе, может, и оттаяла бы, простила давнюю подлость, поверила бы, что ради нее, из любви к ней подставил он лучшего друга Славку Неделина.

— Так знаешь или нет? — повторил хозяин ресторана.

— Самойлова, что ли? — как можно беспечнее спросил Кольцов.

— Да-да, Самойлова, — поддакнул на всякий случай Хавтан: вроде он в курсе следствия и знает тех, кто занимался делами новокузнецкой банды.

— Конечно, знаком, — усмехнулся Герман. — Он ведь не раз меня на третий этаж к себе вызывал, грозился под суд отдать, что я пятерых ребят потерял. Да и очную ставку со Шкабарой не раз устраивал. Волокитное у них дело, у следков, про всякий пустяк сто раз спрашивают: а это не видел ли? А этого не было ли? А это вы случайно не прихватили? Не выкинули? А я что, должен ему признаться, что присвоил, мол, знаменитый американский пистолет-автомат «айграм», принадлежавший Шкабаре? Я что, дурак? За кого он меня держит, я ведь тоже высшую ментовскую школу окончил, кое в чем шуруплю... — нарочито распалялся Кольцов.

— Да, «айграм» — штука серьезная. Не хочешь продать? Сейчас же десять кусков отвалю... — загорелся Хавтан, забыв о главном, — оружие действительно было редчайшее.

— И ты меня за лоха держишь. Сейчас немецкий «люгер» не меньше семи стоит, да и тот еще поискать, а ты «айграм» за червонец хочешь, — вроде как обиделся Самурай. На самом же деле он хотел размагнитить внимание Хавтана, чтобы понять, для чего ему понадобился следователь Самойлов.

— Ладно, не лезь в бутылку, — примирительно сказал Хавтан. Ссориться с Самураем ему было ни к чему... — Если хочешь продать, назови цену, мне эта штука нужна больше, чем тебе. А с Самойловым надо завести контакт, подружиться с ним, понять, на что он слабак: на баб, на деньги, может, он от машин балдеет или от охоты, нам надо все о нем знать, чтоб не промахнуться.

Но Герман, продолжая отвлекать внимание Хавтана, сделал вид, что потерял интерес к разговору, стал демонстративно разливать водочку по бокалам и, как бы закругляя и заканчивая тему, обронил:

— Я думаю, следак Самойлов вам не понадобится: Шкабара ведь повесился, и дело его закрыто. Но вы с братвой об этом знать не могли, мы объявления о смерти не даем — это тебе по старой дружбе сообщаю. Так что обрадуй братву: Шкабара больше соврать следствию не сможет, даже если и захочет, нет вам от него угрозы, — и Самурай нарочито громко рассмеялся.

— Не гогочи прежде времени! — вдруг зло оборвал его Хавтан. — Запомни, мы всегда знаем, чего хотим, на пустяки у нас времени нет. То, что Шкабара повесился, нам тоже известно...

— Тогда зачем вам его следователь понадобился? — вроде тупо размышлял вслух Кольцов.

— А вот это пока не твоего ума дело. Тебе поручено войти с ним в контакт, подружиться, а что дальше делать, узнаешь позже...

— Чтобы дружить со следователем, деньги большие нужны, они обхождение любят... — Герман намекающе постучал пальцем по опустевшей бутылке «Абсолюта».

— Деньги будут, не бойсь, — заверил Хавтан. — Задарма интереса у людей не вызовешь — ни у тебя, ни у твоего

Самойлова. После ужина я отвезу тебя домой в Солнцево. Деньги в машине получишь...

Конечно, Кольцов сразу разгадал тайну задания Леонида Андреевича, он понял, что бухгалтера Звонарева выкрали если не люди самого Хавтана, то братва, с которой он близко знакома. Это была чрезвычайно важная, приятная новость. Не нужно будет теперь искать бухгалтера по всей России или в странах ближнего зарубежья, ведь это все равно что искать иголку в стоге сена... Гном находился где-то рядом, в Москве, и место, где держат в темнице бухгалтера, наверняка было известно хозяину «Золотого петушка».

На радостях Самурай перестал ходить в ресторан, потерял интерес к скатерти-самобранке, надежда вспыхнула вновь, и он решил не упустить свой шанс любой ценой. Теперь он только и думал, как вызнать у Хавтана местопребывание Звонарева: силой или хитростью? Ошибиться он не имел права, теперь-то он понимал, что шкабаровские миллионы были действительно его последним шансом, единственной путевкой в другую жизнь.

Дней через десять Герман, чувствуя, что Хавтан вот-вот объявится, как обычно, у подъезда в Солнцево, решил заглянуть в «Золотой петушок» на разведку. Плана конкретного у него не было, хотя рассчитывал выведать: Хавтан ли держит шкабаровского бухгалтера, или, на худой конец, тот знает — кто, а главное — где. Впрочем, кто держит Гнома, теперь не имело значения: Самурай созрел и знал, что на этот раз он ни перед кем не остановится — завалит любого, будь то сам Дантес или Шаман, которых он пока в глаза не видел, не говоря уже о Хавтане. Этого задохлика ему было совсем не жаль, вообразил себя хозяином жизни, видишь ли, в Барвихе с Шаманом государственные вопросы решает... Конечно, если Звонарев у Хавтана, можно и без крови обойтись, не хотелось Кольцову новую жизнь с мокрухи начинать, лучше любовно разойтись, он готов был даже отстегнуть бухгалтеру и Леониду Андреевичу половину того, что найдут на зарубежных счетах Шкабары...

Пришел Самурай в «Золотой петушок» раньше обычного, давая возможность халдеям разыскать хозяина по сотовым и спутниковым телефонам или по пейджеру. В том, что он нужен Хавтану и его дружкам-покровителям, Кольцов не сомневался,

он ведь знал, о каких суммах шла речь, — такой куш блатные постараются не упустить, их аппетиты Герман изучил хорошо. Неторопливо изучая меню — а оно кардинально менялось каждую неделю, — Самурай подумал, что скатерть-самобранка в «Золотом петушке» скоро для него может и перестать расстилаться, ведь совсем другие отношения могут теперь сложиться с хозяином ресторана. Впрочем, если смотреть дальше, в случае удачи всеильная пайцца скоро и не понадобится вовсе.

Кольцов уже выправил заграничные паспорта на себя и жену, хотя она ни о чем не догадывалась — он хотел поставить ее перед фактом в последний момент. Вырви Самурай бухгалтера Звонарева из рук «синих» — и дня не стал бы задерживаться в России. В стране, где он задумал поселиться, основным условием получения гражданства являлось вложение средств в ее экономику. И сумма, на взгляд Кольцова, была небольшой, всего триста-четыре тысячи долларов. И почему бы их не вложить, это же не подарить! Выбирай отрасль по вкусу, дело по усмотрению — и живи в свое удовольствие! Не зря же «новые русские» уже весь мир благодетельствовали своими капиталами, подготовили запасные аэродромы на всякий случай, только для самой России-матушки завалющейся медной копейки не находится.

Герман не ошибся, что о его появлении тут же доложат Хавтану. Через два часа, когда в «Золотом петушке» началась концертная программа, к его постоянному столику подошел старший метрдотель и вежливо предупредил, чтобы он не уходил, не дождавшись Леонида Андреевича, мол, тот недавно звонил из Барвихи, сказал, что скоро подъедет. Хавтан появился гораздо раньше, чем рассчитывал Кольцов, видимо, ни в какой Барвихе он не был, решил лишний раз козырнуть связями. Шаман, как навел справки Самурай, был действительно крутой мужик, да и тюменская нефть, которой он ворочал и благодаря которой раньше жила вся трехсотмиллионная страна, сильно спеси тому прибавила. Хавтан опять появился за столом неожиданно, был навеселе и в добром настроении, причиной которого похвалился сразу: сегодня всех обкатал в бильярд. Но где играл и с кем, уточнять не стал, а жаль, может, это косвенно вывело бы Самурая на тех, кто выкрал Звонарева-Гнома.

— Ну, как успехи? Докладывай, — сразу взял быка за рога Хавтан.

— Докладывать-то особенно нечего. Третьего дня следак неожиданно вылетел в Новокузнецк в срочную командировку. Не знаю, связано ли это с бандой Шкабары или случайно вышло, а так я до отъезда пару раз с ним пообщался. Неплохой мужик, но работа сделала его осторожным. Время требуется, чтобы понять, что он за человек.

— Ну, для начала совсем неплохо, — похвалил Леонид Андреевич и самолично налил Герману все той же шведской водки. — Жаль, ты сразу не сообразил мне позвонить, что Самойлов в Новокузнецк улетел. Надо бы посмотреть, чем он там занимается, с кем общается. Можно было бы у него в номере и шмон устроить, если он бумаги какие с собой брал...

— Ты же предупредил, что не любишь разговоров по телефону, — обиженно напомнил Кольцов, — вот я сам и заявился сюда, надеялся тебя встретить. Деньги ведь отрабатывать надо...

— Верно, все верно. Я не люблю разговоров по телефону, — согласился Хавтан, — но это был бы не разговор, а всего лишь информация, а это вещи разные. В следующий раз, если что-то экстренное надо сообщить, звони, иначе можно упустить момент. Дорога ложка к обеду...

Сообщение не испортило настроение Хавтана, и он с удовольствием выпил и закусил вместе с Кольцовым. Тут Самурай и закинул удочку — а вдруг что и удастся вытянуть из него...

— Слушай, Хавтан, если вам нужен свой человек в нашем следственном отделе, может, я вам другого подберу, там хлопчики есть более покладистые, чем Самойлов, да и возрастом помоложе, у них только деньги на уме. А Самойлов в свое время следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре страны работал, потому вряд ли на контакт с вами пойдет, опасно очень, а он стреляный воробей... Правда, сейчас он в разводе, ни кола ни двора, снимает, как и я, комнату в Солнцево, иногда в электричке встречаемся, — напропалую «откровенничал» Кольцов, хотя задача у него была совсем иная. Да и про Самойлова заказчики наверняка все знают, если так настойчиво ищут к нему ходы.

Хавтану показалось, что Самурай хочет перед ним выслужиться, попасть к нему в особую милость. А сильнее всего

хавтановскую душу согрело лакейское «деньги ведь отрабатывать надо...», и он, вальяжно откинувшись на спинку стула, менторским тоном изрек:

— Хороший ты парень, Гера, а как бойцу тебе вообще цены нет. Не зря мы тебя Пересветом прозвали. Но ты как был люберецкий качок, так им и остался, казак лихой. Помнишь, фильм такой крутили, «Кубанские казаки»?

Герман не стал перебивать Хавтана, поняв, что тот, заважничав как индюк, уже клюнул на дешевую приманку и сейчас сболтнет что-нибудь важное, поэтому лишь покорно кивнул, что явно понравилось Леониду Андреевичу, который в том же резонерском тоне продолжал:

— Нам, дорогой Герман, не всякий следак нужен, а именно Самойлов. А что продажных тварей на всех этажах власти хоть пруд пруди, мы знаем, у них на морде ясно написано: купи меня! купи меня! Ох, как нужен нам этот Самойлов, если бы ты знал, Герочка! Ты уж постарайся, в обиде не будешь, да и я век тебе буду обязан...

И опять Герман, словно поуменившись в росте и габаритах рядом с тщедушным Хавтаном, закинул ловко еще одну приманку:

— Да разве я, Хавтан, не стараюсь?! Видишь, все эти дни к тебе в ресторан не ходил, считай, на недели человеческой жизни себя лишил, все ловил, как бы случайно, следака этого. А если лично у тебя хреново, и от него твои дела зависят — только скажи прямо: я его завалю. Бог с ней, с работой, друзья дороже...

Этим он так растрогал Хавтана, что тот налил еще по полному фужеру водочки, каждому своей, хотя до того уже объявил, что на сегодня достаточно. Подняв за тонкую ножку искрящийся гранями хрустальный французский бокал, проникновенно сказал:

— Спасибо, Гера, спасибо! Я ведь знал, что могу рассчитывать только на тебя, на своего, люберецкого. Но дело, братан, слава богу, не во мне. Это просьба моих друзей, с которыми я играю по-крупному. Уломаем твоего Самойлова — заживем!

— Да что может сделать эта конторская крыса для такого богатого человека, как ты, и твоих друзей из Барвихи? — уже откровенно подсекал Самурай заглотившего приманку Хавтана.

— Может, дорогой, может, в него все и уперлось. У Самойлова должны быть кое-какие бумаги Шкабары, он мог их у него дома найти, а скорее всего, в офисе — у того ведь фирма была на Новослободской. В бумагах этих секрет больших денег зарыт. Шкабара уже месяца за три до ареста регулярно на Запад крупные суммы переводил на номерные счета. Если бумаги даже не попали к Самойлову, то Шкабара мог поведать об этой тайне лично, на допросах, в обмен на жизнь или организацию побега, ему терять было нечего, а суммы-то гигантские.

Герман, делавший вид, что весь внимание, вдруг простецки присвистнул.

— Если разговор идет о больших бабках и номерных счетах, может быть, наш Самойлов и не в Новокузнецк улетел, а напрямик в швейцарский банк махнул? Зачем же ему пыхтеть тут сутками за сотню баксов? — огорчил он хозяина ресторана.

Хавтан, которому, видно, понравилась роль мэтра-наставника, и на этот раз свысока поучил-пожурил несмышлениша Кольцова:

— Нет, Герман, ни в какую Швейцарию Самойлов не полетел, потому что у него в руках не вся тайна, а только часть ее. А то, что он пребывает в Новокузнецке, это даже хорошо — значит, или бумаги у него, или он знает о них от самого Шкабары. На родине Шкабары Самойлов ищет следы бухгалтера банды по кличке Гном, он давно в розыске из-за одной крупной аферы, которую провернул в Новокузнецке.

Но Кольцов, упрямо продолжая играть роль настырного дебила, долдонил свое:

— А что ж тогда ты с дружками прежде времени нацелился на миллионы? Кажется, ты нас еще до армии учил не делить шкуру неубитого медведя. Как я понял, чтобы до тайных счетов добраться, надо этого мужика — Горбатого, что ли, еще найти. А он, видно, парень не простой, если за прежние дела в бегах числится.

— Молодец, Гера, — похвалил Хавтан. — На ходу подметки режешь, это мне нравится. Значит, тебе и дела, связанные с арифметикой, доверить можно — логически мыслить начал. Но слушать все-таки ты должен научиться внимательно. Не Горбатый, а Гном у него погоняло. А то будешь информацию

на Горбатого собирать, а про Гнома мимо ушей пропустишь. Только учти, сегодня на Гнома ничего выискивать не надо, он у нас, и его надежно охраняют. Потому на меня и давят, скорее да скорее, что у нас в руках половина тайны. А менты, конечно, своих повсюду подняли — ищут Гнома, понимают, о чем идет речь.

— В жизни бы не допер, что такие шальные деньги рядом крутятся, — снаивничал Самурай, наполняя бокал. — Жаль, Гном не тебе лично принадлежит, а то и я бы на свою долю мог претендовать в случае удачи, — закинул в последний раз удочку Герман, прощупывая, знает ли Хавтан, где прячут бухгалтера.

На сегодня информации было достаточно, он и так вызнал гораздо больше, чем рассчитывал. Теперь главное — не торопиться по-глупому, необходимо все хорошо продумать, до мелочей, включая и билеты на самолет в Цюрих или Берн, где в основном лежат вклады Шкабары, и уж тогда нанести последний удар, может, даже смертельный, чтобы заполучить бухгалтера. Ведь Гном, если ему посулить свободу и жизнь (да и денег из своих сбережений тысяч сто-двести Герман не пожалел бы), наверняка раскрыл бы все бухгалтерские тайны Шкабары.

Очевидно, Кольцов, сам того не ведая, наступил Хавтану на большую мозоль. Тот аж переменялся в лице и, склонившись к Герману, зло и жестко сказал:

— Ты как в воду глядел... Но это ничего, что не мне лично Гном принадлежит, ведь он содержится на моей территории, и мои люди его охраняют. Ты только подбери ключи к Самойлову или вызнай у него про бумаги — у нас с подельниками другой разговор будет и другая доля, как ты правильно заметил. Ты, Гера, сегодня фаворит, ты идешь паровозом, первым номером, только на тебя надежда... Жалко такие деньги мимо рта пронести...

В оставшуюся часть вечера больше ни о Гноме, ни о швейцарских деньгах они не упоминали. Самурай намеренно увел разговор в давние блатные дни, когда молодой да удалой Хавтан козырял красивой наколкой «Соня» на левом предплечье и очень гордился первой ходкой в зону, где своего достоинства не уронил, — вечно дорогая тема для души обогатившегося Хавтана. Все, что надо, и даже больше того Кольцов уже знал

и боялся случайно перегнуть палку, насторожить Хавтана своей настырной заинтересованностью.

Последние два дня до очередного дежурства Кольцов не находил себе места — мечта маячила где-то рядом, за углом, только надо было наверняка знать, где этот угол и как к нему пройти. Радовало и то, что Хавтан был явно недоволен той частью, которая будет причитаться ему при окончательном дележе. Его, Кольцова, никто, конечно, в расчет не брал, видимо, кинут кость тысяч в десять — двадцать, и будь добр, не кашляй, жди очередной подачки. Нет, Герману надоело быть исполнителем чьей-то воли, чьих-то хитрых замыслов, теперь он сам хотел быть хозяином и делить прибыль. Оставалось самое малое — определить, что же делать. Можно было выследить Хавтана или его ребят, когда они наведываются к Гному, того ведь поить, кормить надо, да и охранников его тоже. А потом выбрать момент и выкрасть бухгалтера — дело нехитрое. Ребят у него достаточно, территория Хавтана известна, и трех дней между дежурствами для этого вполне хватит. Но это, так сказать, вариант на крайний случай, потому что кровью пахнет. Тут без пальбы, хотя бы односторонней, не обойтись, всех своих ребят придется к делу подключить да еще объяснять, зачем и почему, а кроме всего прочего — с ними надо делиться.

Был и второй вариант, более спокойный, но не совсем надежный: можно попытаться уговорить Хавтана войти с ним в долю и заполучить Гнома без риска и крови. Но тут крылась большая опасность — непредсказуемость Хавтана: скажет добро, а сам потом кинет, как последнего лоха, или уберет с дружками — ему свидетели не нужны. Вот из этих двух вариантов, со всеми их плюсами и минусами, нужно было выбрать самый надежный и верный. Горячку пороть не стоит, тем более, что Самурай был уже у самой цели.

Но вмешались обстоятельства, которые никак не брали в расчет ни Самурай, ни Хавтан, не зря же говорится: человек предполагает, а бог располагает. В очередное дежурство при задержании банды, доставлявшей в Москву партию оружия и патронов из Прибалтики, из бездонных складов бывшей Советской армии, Кольцов был ранен. Не тяжело, но потребовалась госпитализация в госпитале имени Бурденко.

Только в палате, где Кольцов лежал один, он впервые осознал, каким опасным делом занят. Действительно, это не у воров или бандитов, а у него, выходит, жизнь — копейка, те могут позволить себе не рисковать раз в три дня... Сегодня избежать пули на его работе практически невозможно, ведь стреляют, не задумываясь, и стар, и млад, оружия на руках — море. Каждое следующее дежурство могло стать для них последним, потому и стали уходить от него люди — умирать непонятно за что не хотелось никому. И в эти трезвые минуты прозрения Кольцов дал себе твердое слово: после выписки из больницы возьмет отпуск без содержания и вплотную займется Гномом, а значит, надо быть готовым рвануть за кордон в любой момент. Он больше не хотел подставлять свою широкую грудь под бандитские пули.

Единственным утешением в эти дни стало примирение с женой, которая прибежала в госпиталь ночью, как только узнала, что Герман ранен и попал в больницу. Ради этого, если бы знать раньше, может, сам полез бы под пули. Женщин понять и легко, и невозможно — где-то он вычитал такое изречение, но только теперь осознал эту путаную мысль.

Однако в радостном настроении ему пришлось пребывать недолго — на четвертый день к вечеру в палате появился Хавтан. Весь его вид говорил о том, что случилась беда, таким растерянным старого люберецкого друга Самурай не видел никогда. Хавтан поставил на прикроватную тумбочку два больших пакета с гостинцами, потом вернулся к двери, выглянул в коридор и, поплотнее прикрыв ее, сказал подавленно:

— У меня крупные осложнения с братвой, и тебя, как назло, угораздило...

— Что случилось? — еще не чувствуя, что происшедшее относится и к нему, спросил Кольцов.

— Гнома выкрали, — выдавил из себя хозяин ресторана, тяжело опускаясь на стул около кровати.

— Как выкрали? Кто выкрал? — Самурай резко оторвался от постели, чего ему делать было нельзя, но сейчас он даже не среагировал на полоснувшую ножом боль в груди.

— Знал бы прикуп, жил бы в Сочи, — попытался жалко отшутиться никогда прежде не унывавший, а теперь потухший Хавтан. — Знаю только, что кто-то очень крутой, для него жизнь человеческая и копейки не стоит. Пришмолял двоих

охранников и еще одного парня, который еду доставлял из моего ресторана. Еще у них там девка была, совсем молоденькая, может, даже еще школьница, — они ее как раз трахали по очереди. Конечно, и проститутка, и тот, что жратву носил, не входили в планы этой сволочи, но он не мог оставлять свидетелей. Всех расстрелял, да и то сказать — и оружие хорошее имел, которое тут же, на месте, и оставил, немецкий «люгер». Представляешь картину: лежат вповал баба голая и три мужика без штанов вокруг, а Гнома и след простыл... Если бы Шаман с Дантесом не вступились за меня, наверное, мне и самому бы хана пришла...

Кольцов безнадежно молчал, и Хавтан не осмелился его потревожить, решив, что чудом избежавший смерти Герман поражен безжалостностью киллера, недрогнувшей рукой отправившего на тот свет четырех молодых людей. Но Самурай думал вовсе не о жертвах и даже не о Хавтане, которому теперь тоже придется несладко, он понял, что мечта о вилле на берегу моря, о прогулках по Парижу или Риму так навсегда и останется несбывшейся мечтой. Уяснив это, Кольцов даже застонал, теперь он корил себя за то, что в тот вечер в «Золотом петушке» не сказал Хавтану прямо — отдай Гнома!

Хавтан поднялся со стула, намереваясь, видно, уходить, но потом, словно утопающий, который хватается за соломинку, спросил:

— Ты, случаем, никому после той встречи не говорил, что бухгалтер Шкабары у меня? Что-то на свою беду я расхвастался в тот вечер...

— Не держи глупости в голове, — угрюмо бросил Самурай, ощущая, как все сильнее разгорается боль в груди. — Ищи в другом месте, я никому не говорил. Зачем мне поперек своего интереса идти?

— И то верно... — И Хавтан, не попрощавшись, двинулся к выходу.

Когда дверь за ним закрылась, из груди Самурая невольно вырвался дикий крик, похожий на вопль раненого животного. Так обычно кричат в истерике и горе люди, когда теряют самых близких и родных. Он понял, что сегодня умерла его мечта, такая близкая к осуществлению надежда... Понял и заплакал... Заплакал впервые с тех пор, как стал взрослым.

Саквояж Али-Бабы

Карлен Татлян постепенно обживался в Москве, привыкая к ее сумасшедшему ритму, непредсказуемости, соседству высокого и низкого, кричащей роскоши и убогой нищеты, падениям и невероятным взлетам людей, еще вчера проживавших в коммунальных хрущобах и существовавших впроголодь от зарплаты до зарплаты. Американская легенда, американская мечта, американская сказка о том, как старательный и пробивной мальчик, чистивший ботинки у входа в богатые отели, долгим и упорным трудом к старости стал миллионером, владельцем заводов, пароходов и акций, тут могла вызвать лишь жалость к мальчику, потратившему жизнь ради каких то миллионов. Американский миф в России тускнел, не вызывал жажды подражания. Карлену было даже жаль американцев, ведь тот мальчик был символом США, образцом стопроцентного янки.

В Москве Карлен впервые усомнился в американских ценностях. Тут, в России, в столице, все вершилось с русским размахом, здесь молодые и красивые, полные всех земных желаний становились богатыми, по американским меркам, в одну ночь, с одной операции, ну, в худшем случае — за месяц-два. И Карлен видел это собственными глазами. Он попал в Россию в интереснейшее время, когда потоком хлынули новые издания — газеты и журналы, как грибы после дождя, появлялись новые эстрадные коллективы, оркестры и балетные труппы, да и звезды европейского или мирового уровня, почувяв реальные перемены в России, стремились в Москву, ибо по-настоящему жизнь бурлила только в столице. Карлен и этому нашел объяснение: в какой-то газете он вычитал поразившую его цифру — восемьдесят пять процентов российских капиталов крутится в Первопрестольной.

И как же не верить в российские перемены, не восторгаться ими, если за год с небольшим пребывания в Москве его родственники Казаряны, проживавшие до того в Чертаново, в трехкомнатной малогабаритной квартире-хрущобе, переехали в центр, на улицу Ямского Поля, в пяти минутах хода от Тверской, неподалеку от знаменитой клиники Бурденко, причем заняли весь этаж, самый дорогой, с пентхаусом, ставшим столь

модным в последнее время в столице. Казаряны приобрели две большие квартиры на двенадцатом этаже: в одной, шестикомнатной, с двумя ваннами, двумя туалетами, разместилась вся семья дяди и тети Карлена, а в четырехкомнатной поселился один Ашот, владелец фирмы «Арарат». Такой головокружительный рывок клану Казарянов позволил сделать бурный всплеск частного бизнеса, в том числе и торговли с Америкой.

В квартире Ашота одна просторная комната была выделена Карлену, и Татлян без долгих уговоров переехал к родственникам. Теперь квартирные, что он получал от газеты «Лос-Анджелес таймс», репортер светской хроники мог потратить с большим удовольствием. Да и тут, в армянской среде, — а дом на три четверти состоял из армян, — ему было куда легче затеряться. А догляд за ним, как он предполагал, рано или поздно все равно обнаружится. Русская разведка и контрразведка после нокаутирующих ударов реформаторов медленно, но верно приходила в себя, пытаясь вновь занять в государстве подобающее ей место. Пока Карлен Татлян, имевший в ЦРУ кличку Норман, хвоста за собой не чуял, однако на всякий случай поберегся — переезд к Ашоту и был одной из таких мер.

Конечно, Карлен Татлян запрограммировал свою жизнь на успех, на ошеломительную карьеру, но то, что он увидел вокруг себя в Москве, внесло сумятицу в его планы, в жизненные ориентиры. Здесь проблемы, даже глобальные, старались решить одним махом — такого ни в Америке, ни в Европе он не встречал, да, пожалуй, и не слышал о таком, хотя случайный успех выпадал комунибудь и там, но на Западе ни один серьезный человек не ориентируется только на везение или удачу. Сквозь зыбкое море успеха видится все тот же трудолюбивый и упорный мальчик, начинавший свой путь чистильщиком обуви.

В «армянском» доме на Ямском Поле, как быстро окрестили краснокирпичный особняк острые на язык москвичи, на четвертом этаже занимали три квартиры и те ереванские бандиты, с которыми Карлен случайно познакомился в ночном клубе «Метелица». Позже он подружится с этими гангстерами, они и пригласили его впервые в Москве в ночное казино «Трефовый туз», в тот день, когда игорное заведение потерпело крах. Тогда он чуть-чуть не вышел на интересовавшую его тайну, но не повезло: Татлян был уверен, что в казино «Трефовый туз»

отыскал бы след фальшивых долларов, именно ради этого он и прибыл в Россию под крышей «Лос-Анджелес таймс». Но, как говорят русские, нет худа без добра: в казино он встретил щеголя под кличкой Картье. Интуиция подсказывала Карлену: каким-то образом этот тип мог иметь отношение к фальшивым долларам — иначе бы так щедро не сорил ими.

Особенно близко Карлен сошелся с двумя армянскими бандитами — Ваганом и Арменом. У первого была кличка Крис, у второго — Абрек, и хотя и тому, и другому тюрьмы пока удалось избежать, но в криминальных кругах Москвы оба пользовались большим авторитетом. Возможно, этому способствовали их былые успехи на европейских и мировых чемпионатах по вольной борьбе, а скорее всего то, что оба по какой-то ветви приходились дальними родственниками легендарному Рафику Сво, и тот успел лично ввести их в криминальный мир столицы.

Карлен, как и всякий американец, считавший себя знатоком престижных марок автомобилей, и тут получил в России удар по самолюбию, чем был уязвлен до глубины души. Однажды вечером он собирался в какой-то недавно открытый подвальный театр, где обещали премьеру пьесы абсурда. Выйдя из подъезда, Карлен увидел невероятно шикарную машину и рядом с ней — Армена-Абрека. Как кавказец, а теперь еще и как американец, Карлен был неравнодушен к машинам, особенно к дорогим и престижным моделям. Вишнево перламутровой окраски красавица, возле которой, рисуясь, стоял Армен, была как раз из этой, сводившей с ума породы.

Татляну всегда казалось, что стоит ему на мгновение взглянуть на машину, хотя бы издалека, и он тут же назовет ее модель, страну-изготовителя, основные достоинства. Конечно, он допускал мысль, что может ошибиться в модификации — из-за жесточайшей конкуренции автомобильные фирмы стали шевелиться проворнее, предлагая различные варианты хорошо прижившихся на рынке машин. Японские лимузины, в какие бы одежды ни рядились — а уж их производители напропалую воровали линии дизайна и у европейцев, и у американцев, преломляя их так и сяк в своих невероятных чудо-компьютерах, чтобы не обвинили в плагиате, — он узнавал за версту. Точнее, чуял и откровенно не любил их, как и все остальное японское, — не было в их изделиях, чего ни коснись, души, от

всего явно разило конвейером, научно-техническим прогрессом при полном отсутствии тепла человеческих рук. На свои, американские автомобили, Карлен тоже имел нюх, в них, как и в японских, чувствовалась запрограммированная стандартность, серийность, и они явно уступали европейским образцам в полете фантазии, изыске. Немцы, в последние годы вытеснившие новых соотечественников Карлена с автомобильного Олимпа, конечно, имели свое, немецкое, европейское лицо, потому что включали в понятие «стандарт» не только геометрию, но также и изящество, элегантность. Немецкие, наверное, не спутал бы с другими никто, особенно серии дорогих марок. На мировом рынке, как и на российском, появились и шведы, но «сааб» и «вольво» больше отличались надежностью и крепостью подвесок для русских дорог, чем привлекательностью и новизной формы, что в основном притягивает к себе внимание молодых бизнесменов.

Однако стоявшая поодаль от подъезда машина не была похожа ни на одну известную в мире модель, более того, Карлен не мог бы определить, откуда она родом, из какой страны, с какого континента, — и эта растерянность повергла его в настоящий шок.

Армен, заметивший его реакцию, молча наблюдал за спесивым американцем и радовался, что сумел утереть нос этому лос-анджелесскому всезнайке. Карлен медленно приближался к улыбавшемуся Армену, пытаясь все-таки угадать с ходу модель, но, сколько не перебирал в памяти, ни одна фирма и приблизительно не тянула на эту роскошную, удивительно красивую по пропорциям, изгибам линий машину. Он, кажется, перебрал всех, остались только итальянцы, непревзойденные дизайнеры в одежде, в обуви, да и в машинах тоже, — чего стоят одни «мазерати», «феррари», «ламборджини», — но что-то внутри подсказывало: нет, это не итальянцы. Конечно, шевельнулась крамольная мысль: может, Южная Корея? Те тоже изо всех сил рвутся на мировой рынок, предлагая немислимые по внешнему виду модели, так же беззастенчиво, как и японцы, воруя все накопленное за десятилетия в Европе и Америке. Но эта красавица была точно европейского происхождения! Карлен мог поклясться, чем угодно, и это единственное, в чем он не ошибся.

— Ну что, американец, не видел еще таких машин? — поняв его смятение, спросил насмешливо Армен.

— Похоже, новейшая модель «мазерати», — попытался спасти репутацию автомобильного знатока Карлен.

— Не угадал! И не угадаешь... Не старайся... — подзадорил его улыбающийся владелец машины, прикрывая собой название фирмы на переднем крыле.

— Так не бывает. Заводы, выпускающие машины такого уровня, в одну ночь не продаются, это очень долгий путь, — резонно отвечал Татлян. Но даже оказавшись вблизи, не мог понять, чья эта машина, к какому классу относится. Хотя это, скорее всего, эксклюзивная модель, выполненная по индивидуальному заказу. Карлен открыто признал свое поражение, подняв руки: — Сдаюсь!

— А машинка-то фирмы «Кара-Дюшатель», — ответил, торжествуя победу, Армен.

Но тут взорвался Карлен: нет в природе такой автомобильной фирмы. Она могла бы появиться только в одном случае, если бы перекупила «Крайслер», «Пежо», «БМВ», «Роллс-Ройс», но тогда бы об этом узнал весь мир.

— Я что, это сам наклепал? — Армен обиженно отошел от автомобиля и показал рукой на изящную вязь названия, сделанную тяжелым черненым серебром под старину: «Кара-Дюшатель».

Настал черед удивляться Татляну, но Армен, перехватив инициативу, легко распахнул дверцу лимузина, откуда приятно пахло дорогой, хорошо выделанной кожей, и показал жестом на панель приборов из тщательно отполированного красного дерева, где было вытеснено все той же витиеватой вязью, но уже белым и розовым восемнадцатикаратным золотом, незнакомое Карлену название: «Кара-Дюшатель».

— Ничего не понимаю... — еще больше смутился Татлян. — Нет такой автомобильной фирмы, я ведь про машины все знаю... — Он еще продолжал настаивать, но уже не так агрессивно.

— Как же нет, если я сам с Крисом летал в Брюссель, на завод, договориться о внутренней отделке, а неделю назад получил и сам пригнал ее через всю Европу.

— В Бельгии вообще нет серьезной автомобильной промышленности, есть только сборочные заводы. Собирают на них

машины среднего класса да еще автобусы. — Тут Татлян чуть с досады не ляпнул, что в высшей школе разведки ЦРУ они все-ррез изучали европейские страны, но вовремя прикусил язык.

Абрек совсем не собирался осложнять отношения с Карленом. Парень тот был свойский, неглупый, его советы — особенно по западной жизни, бизнесу, что купить, что продать, — были важны, но и охладить его не мешало, раз представился удобный случай, чтобы не заносился очень, считая себя знатоком всего и вся. За годы жизни в Москве и тесного общения с иностранцами Абрек сделал для себя одно важное открытие: главная черта у них — беспредельная самоуверенность, переходящая порою в наглость. Таким несносным иногда бывал и их милейший друг Карлен. Но сегодня Армен решил остановиться и, резко сменив тон, любезно сказал:

— Дорогой Каро, ты, как всегда, прав. Нет в Бельгии серьезной автомобильной промышленности, не по зубам им производить такие лимузины. Но «Кара-Дюшатель» сделана именно в Брюсселе, а точнее — переделана, доведена до высочайшей кондиции. В мире нет фирмы, выпускающей более роскошные машины. Тачка делается на базе «Мерседес-600». Бельгийцы закупают их на основном заводе в Германии, берут остов и всю ходовую часть, но даже в эти элементы вносят существенные изменения. В Брюсселе рождается новая модель, теперь знакомая тебе «Кара-Дюшатель». «Мерседес» удлиняют на шестьдесят сантиметров, бронируют «от и до», включая днище, поэтому машине не страшны ни пулеметные очереди, ни автомат, ни гранаты, ни даже мина, подложенная на дороге или подвешенная снизу. Такого же качества стекла спереди и сзади, короче, это сверхскоростной танк. Броня тут особая, из космических материалов, причем эффект создается не из-за толщины металла, поэтому вряд ли кто по внешнему виду догадается, что машина не боится пуль. В ней есть свой компьютер, космическая связь и много чудес электроники будущего...

Абрек воодушевился, словно сам был конструктором этого лимузина:

— Но и это не все. Главное достоинство тачки — сверхкомфортность салона. Ты посмотри, в ней нет ни одной пластмассовой детали, все из редчайших и ценнейших пород дерева,

слоновой кости, кости носорога и особо выделанных кож, где крокодиловая и змеиная — не самые дорогие. Завод переделывает не более сотни «мерседесов», очередь — на годы вперед. Основные закупщики — арабские шейхи и «новые русские», твоих земляков американцев я в списке не видел, потому тебе и не знакома эта марка, — все-таки не удержался, съездив в конце Армен. — И последнее, обрати внимание на окраску — она хамелеон, постоянно меняет цвет — в зависимости от ракурса и освещения имеет пять оттенков, хорошо сбивать с толку ГАИ и выигрывать пари.

— Наверное, она стоит трех-четырёх «роллс-ройсов»? — уважительно спросил Карлен, как и любой американец, с почтением относившийся ко всему дорогому.

— Обижаешь, дорогой Каро, — покачал головой Армен. — Бери выше — семь-восемь «роллс-ройсов»! Броня из космических материалов, а над оформлением салона работают лучшие ювелирные дома Европы...

— Поздравляю, Армен. Действительно, классная машина. Наверное, ваш лимузин наделал шороху в Москве?

— Спрашиваешь! — Улыбка Армена была едва ли не шире его лимузина. — Садись, подвезу куда тебе надо. Если на свидание — можешь сказать своей пассии, что я твой шофер, подыграю, будь спокоен. Мы с Ваганом так постоянно поступаем, эффект потрясающий, девушки млеют от восторга. — И оба, рассмеявшись, уселись в роскошную машину и покатали в театр.

С тех пор на все важные мероприятия и тусовки репортер светской хроники из «Лос-Анджелес таймс» приезжал на «Кара-Дюшатель», и это, конечно, производило на московскую богему и отирающуюся возле нее «золотую молодежь» огромное впечатление, особенно когда артистичный Абрек, специально прикупивший для таких случаев белые лайковые перчатки, манерно открывал для Карлена дверцу, — в общем, молодые люди развлекались.

Но это была, так сказать, внешняя сторона жизни Нормана, прикрытие, и он старался обставить ее широко, с американско-армянским размахом — броско, шумно, ярко, скандально, так учили его в Иллинойсе, в разведшколе.

Нельзя сказать, чтобы Карлен был совсем равнодушен к результатам своей репортерской работы, напротив, он

внимательно следил за своими публикациями в родной газете, радовался, когда московские еженедельники перепечатывали его театральные обозрения, репортажи, зарисовки с выставок и вернисажей. Возможно, это было связано с тем, что прессу в России, видимо, по инерции с прошлых времен, воспринимали чересчур всерьез. Тут до сих пор в спорах ссылались на рецензии, рейтинги, и Карлен быстро понял, что определенным образом влияет на культурный процесс в Москве. Он видел, как люди искусства, молодые и известные, откровенно искали встреч с ним, были признательны, если он даже мимоходом упоминал их работы в своих репортажах.

Представилась возможность наработать себе имя как специалисту по русской культуре, а это во все времена дорогого стоило.

На Западе высоко ценится жанр интервью со звездами искусства. Там, чтобы подготовить такой материал, газете надо солидно раскошелиться, да придется побегать за звездой не одну неделю, а потом, если интервью состоялось, еще десятки раз согласовывать каждую реплику, каждое слово. В Москве подобных проблем со звездами русского искусства у Татляна просто не было, и он старался сделать как можно больше репортажей, чтобы показать хозяевам газеты, да и всем своим читателям, что повсюду вхож и со всеми на короткой ноге. Впрочем, Карлен не слишком-то и привирал: здесь, в России, люди с мировым именем млели от одного предложения дать интервью для влиятельной американской газеты «Лос-Анджелес таймс» — к этому он никак не мог привыкнуть, но, понятно, виду не подавал.

Но какую бы активность Карлен-Норман ни развивал в своей журналистской жизни, он не забывал главного задания, того, ради чего его послали в Россию. Татлян прекрасно понимал, что его настоящие хозяева из ЦРУ плевать хотели на любые его сногшибательные репортажи о духовной жизни в обновленной евроазиатской стране. Для них было главное, чтобы он искал и нашел фальшивомонетчиков, которых, оказывается, на воровском жаргоне тут называют «граверами», а иначе его немедленно отозвали бы назад, поставив крест на будущей карьере. А Карлен Татлян гордился тем, что новая родина доверила ему столь ответственное задание.

Попытался Норман прощупать следы фальшивых долларов через банки, но быстро понял, что там подобного учета не ведут, а если в банк и попадет какая-нибудь партия подделок, то там вряд ли станут поднимать шум. Скорее всего, при случае сбегрят их комунибудь другому или же реализуют через сеть меняльных контор, где доллары покупают провинциалы или челноки из ближнего зарубежья. Так что на государственные службы Карлен рассчитывать не мог. Оставалось уповать, как и принято в России, на удачу, на случай. Но, зная стиль работы своего ведомства, где все строится на анализе и расчете, прогнозе и научной гипотезе, Норман, конечно, не мог признаться, что ищет наобум, методом тыка и надеется на «авось».

Все разведки мира одинаковы, там служба оценивается по конечному результату, а приближение к результату порой растягивается на годы, десятилетия, зато промежуточная деятельность итожится по бумагам: отчетам, рапортам, планам — тут ЦРУ, ФБР, КГБ, ФСК вполне можно сравнить с любой бюрократической конторой, изводящей горы бумаги, чтобы показать свою нужность. Точно так же толчок в ступе воду и Карлен-Норман: слал запросы, докладывал о планах и перспективах, просил уточнить данные на интересующих его людей, проконтролировать лиц, выезжающих на Запад по делам, благо ныне люди тысячами летают и в Европу, и в Америку, и среди них подозрительно ведущих себя тоже было с избытком.

Но Норман требовал и получал из центра крайне необходимую для его поисков информацию. На месте, в Москве, сориентировавшись, он понял: чтобы нащупать след фальшивомонетчиков, надо иметь всегда под рукой свежайшие сведения о подделках, выплывавших в любой части света. Карлен считал, что любой центр по выпуску фальшивых банкнотов постарается непременно реализовать их через Россию, через Москву. Ведь теперь весь мир знал, что в Белокаменной крутятся шальные миллиарды, триллионы и что на всем постсоветском пространстве предпочитают наличные доллары, не доверяя вороватым банкам, счетам или пластиковым карточкам.

Как эквивалент короткому и ясному на Западе слову «кэш», что значило «наличные», тут с перестройкой появилось новое слово — «нал». Россия была единственной страной в мире, где огромные наличные суммы не вызывали ни удивления, ни

подозрения. За год жизни в Москве у Нормана сложилась внушительная картотека выявленных фальшивых долларов, и его молодая память, как считалочку, могла назвать наизусть номера и серии, изготовленные во Вьетнаме и Китае, Италии и Израиле, Колумбии и Венесуэле, Америке и Англии. Норман абсолютно точно знал, какой след обрубил навсегда, — это чаще всего случалось, когда работали одиночки, хотя иногда закрывали и целые подпольные валютные цеха.

Американцы прекрасно понимают, что значит доллар в их притязаниях на роль единственной мировой супердержавы и в их глобальной финансовой экспансии на все континенты, оттого постоянно по всему миру идет непрерывная жесточайшая борьба с фальшивомонетчиками, на это брошены лучшие силы и колоссальные средства. За многолетнюю историю борьбы с этим злом ЦРУ систематизировало основные технологии, применяемые в той или иной стране. Скажем, долларам, изготовленным в Латинской Америке, свойственны одни погрешности, в Польше и Венгрии — уже другие, а в Ливане и Ливии — третьи, они имеют, если можно так выразиться, свой национальный колорит.

И эту тайную специфику фальшивых денег Карлен-Норман тоже знал отлично, пройдя основательную подготовку дома, в Иллинойсе. Правда, с развитием научно-технической мысли, с появлением цветной копировальной техники, компьютеров, высоких технологий в полиграфии «национальные» черты фальшивых банкнотов начали стираться и недостатки стали общими, интернациональными, что очень сильно затрудняло борьбу с ними: банкноты утрачивали свою «географическую принадлежность», что раньше значительно облегчало поиск «граверов».

Имел Норман в своем досье данные и фотоснимки всех выдающихся фальшивомонетчиков, если же те находились в тюрьме, он точно знал срок освобождения, а с выходом на волю получал и последние их фотографии. «Граверы» — обычно народ немолодой, битый, и время, проведенное в заключении, сильно их меняет. Ни Карлен-Норман, ни его хозяева не исключали, что в связи с невероятно разросшейся мощью русской мафии боссы преступного мира Москвы, да и других крупных городов могут пригласить известных «специалистов» в этой

области на российскую территорию. Тем более что здесь, на месте, и с реализацией полегче: через взятки государственным чиновникам, которые нынче меньше «лимона» не берут, можно раскидать значительную часть «продукции». Потому, бывая в казино или дорогих ресторанах, Карлен внимательно всматривался в людей, вокруг которых происходила суэта, возня, мельтешение лиц, персон с явно уголовным прошлым. И это не было умозрительной теорией — в некоторых странах благодаря хорошей агентурной сети охотников за фальшивомонетчиками так и выявлялись подпольные валютные цеха.

Правда, Карлену еще ни один «гравер» из картотеки на глаза не попался, а вот крупного наркодельца из Колумбии, за которым охотилось ЦРУ, он неожиданно встретил в Москве, в ресторане гостиницы «Националь». Об этом он тут же поставил в известность своих в посольстве США, позвонив прямо из холла гостиницы, потому что такие удачи крайне редки. Американцы молниеносно связались с ФСБ, и гонца колумбийской мафии, приехавшего наладить контакт с коллегами в России или уточнить русский коридор для наркотиков, взяли сразу же после ужина.

В картотеке Татляна имелись фотографии не только выдающихся аферистов, но и тех, кто был задержан с крупной суммой фальшивок. Эти люди тоже часто давали ориентиры прохождения подделок. В ЦРУ анализировалась вся мировая печать, где сообщались любые сведения или намеки о подделке американской валюты и даже просто о крупных наличных суммах, выплывших где либо. И наиболее интересные, существенные из них он всегда получал на свой компьютер, — с просмотра этих новостей и начиналось каждое его утро.

Теоретически и информационно по проблеме подделок Карлен был подкован основательно, не было лишь пока фактических успехов. Правда, он нашел свою изюминку в поисках фальшивых денег. Перед отправкой в Москву Татлян обошел несколько специализированных магазинов, торгующих детекторами для проверки подлинности доллара, — а их в Америке великое множество, — и выбрал наиболее совершенный и удобный, чтобы всегда иметь его при себе. Если возникала необходимость или было предчувствие, что в той или иной компании можно выведать интересовавшие его секреты, он

с улыбкой вынимал свой карманный детектор и предлагал собравшимся за столом проверить наличность. Ситуация такая могла возникнуть сама по себе, он мог и создать ее нарочито, например, попросив займы сто долларов и тут же демонстративно проверив их, чтобы завести разговор на нужную тему. А тема фальшивок для России была весьма актуальной, тут сомневались даже в купюре, полученной в банке.

Татлян был молод, честолюбив, хотел отличиться, чувствовал, что Москва наводнена фальшивыми долларами. Но удача не давалась ему в руки — он никак не мог ухватить кончик нити, чтобы распутать весь клубок. Энергии репортера светской хроники можно было позавидовать, он упорно, не отчаиваясь, шаг за шагом приближался к цели и зачастую проходил совсем рядом...

После того, как у его знакомых гангстеров, Вагана и Армена, появился роскошный лимузин «Кара-Дюшатель», Карлен еще ближе сошелся с ними, чаще бывал в их компании. В какой-то момент он даже решил, что самый краткий путь к фальшивым долларам в России все-таки пролегает через уголовный мир. Тем более что тут, в Москве, криминальной среды вроде как бы и не было в чистом виде, она тщательно рядилась в респектабельные одежды бизнесменов, предпринимателей, банкиров, и эта мимикрия была на руку Карлену-Норману. В случае какого-нибудь грандиозного скандала Татлян бы открестился от связи с преступным миром и, предъявляя визитки их владельцев, говорил бы: я знаю только этих людей, хотя он, конечно, догадывался, с кем имел дело.

За время проживания в Москве произошла метаморфоза и с самим Карленом — ему очень понравилась неожиданно сложившаяся его жизнь в столице. В Америке театральный и богемный мир, мир высокой культуры был закрыт для него по многим причинам, прежде всего финансовым. Там настоящая культура — достояние лишь богатых людей, и доморощенным российским либералам и демократам не стоило бы строить на этот счет иллюзий, обещая народу скорый расцвет искусства. Если капитализм в чисто американском виде воцарится в России, то народ навсегда будет лишен высокой культуры, ему останется лишь то, что сегодня мутным потоком течет с экранов телевизоров. А что касается высокой западноевропейской

культуры — ведь Карлен до Москвы работал в известных столицах, да и ЦРУ обкатывало своих людей основательно, — там искусство существует не просто для богатых, оно вообще кастовое и на народ не ориентируется.

Что уж говорить о ночной жизни: казино, презентациях, приемах, ресторанах — это тоже в США проходило мимо Карлена, — он к ней и при большом желании не мог приобщиться. Да и качественно московская жизнь резко отличалась от западной. Тут все делалось с размахом, широтой, щедростью, с помпой, а там считают каждый цент, никаких экспромтов, фантазии, одним словом — постно... Да и не всякого репортера пригласят, система давно отлажена, случайный никуда не проникнет. Наверное, из-за внимания к своей скромной персоне Карлену и нравилась его жизнь в Москве, и он ни за что не променял бы сейчас русскую столицу ни на Париж, ни на Лондон, ни на Рим, ни на Женеву, даже если бы ему платили втрое больше. Теперь-то он понимал, почему Москва так манит богатых со всего света, и верил, что именно здесь со временем будет мировой центр культуры и бизнеса.

2

В том, что он вышел на верный путь в поиске фальшивых долларов, через своих друзей гангстеров, Татлян убедился ровно через две недели после того, как они на «Кара-Дюшатель» подъехали на премьеру пьесы абсурда. Эта постановка была единственной премьерой, отчета о которой «Лос-Анджелес таймс» так и не получила: русский абсурд на сцене оказался Татляну не по плечу. В тот вечер, когда он наконец-то ухватил веревочку от клубка, ведущего к вожделенной тайне, Карлен в компании Криса и Абрека подъехал к Концертному залу имени Чайковского на площади Маяковского, чтобы завизировать статью о камерном оркестре Юрия Башмета, которую он написал по заказу одного чикагского музыкального журнала. Задержался Карлен там гораздо дольше, чем предполагал, и, выйдя на плохо освещенную Тверскую, не подозревал, что лимузин все еще дожидается его. Но машина стояла на месте,

хотя парковка тут была запрещена, а из распахнутой задней двери раздавался веселый девичий смех.

— А вот и наш театральный обозреватель явился, с самим Башметом целый час общался... Каро его зовут, он американец, — друзья представили Татляна двум девушкам, скорее всего, студенткам-москвичкам.

— Они на Башмета на завтра билеты купили, мы их возле кассы подкараулили. Так что, пожалуйста, организуй подругам автограф мэтра. Девушки, оказывается, меломанки, обожают серьезную музыку, — поигрывая ключами от машины, заметил Армен.

— Может, тебе, Каро, следует взять у девушек интервью? Смотри, какие красивые, умные... — вмешался в разговор Ваган.

— Он просто обязан это сделать! Мы тут ждем его больше часа, штраф гаишнику валютой заплатили, умираем с голоду, а он там о Малере, Шнитке и Губайдулиной рассуждает, — притворно возмущался Армен, заводя машину.

— Ох, какие высокие познания в музыке! Может, вы и Эдисона Денисова знаете? — иронично заметила одна из девушек. — Или лично знакомы?

— Мы все знаем, — кивнул Ваган. — А сейчас давайте заскочим в «Пекин», поужинаем. Это рядом, только развернуться надо. Заодно обмоем статью Карлена — это его первый заказ из серьезного музыкального журнала, и он очень волновался, подпишет Башмет статью или нет. По глазам вижу — угодил maestro. Да и встречу с вами отметим...

Видимо, парни всерьез нацелились на этих девушек, да те и впрямь производили хорошее впечатление. Абрек всегда говорил в таких случаях: люблю домашних девочек, а это был как раз тот самый случай.

В «Пекин» они заявили в самый разгар вечера, в час, который любил чистодел Тоглар, когда при отсутствии собственного настроения можно было зарядиться от царившего вокруг веселья. На входе швейцар попытался было задержать гостей до прихода метрдотеля, но Ваган коротко обрезал его, сказав: «Зарезервировано», — и, отодвинув плечом в сторону, широким жестом пригласил компанию в продымленный зал, хотя курение за столами строжайше запрещалось. В зале метрдотель уже спешил навстречу большой компании, узнав

Криса и Абрека, завсегдатаев ресторана. Он провел их к столу во втором ряду от прохода, на котором действительно стояла табличка «Зарезервировано».

Когда они стали шумно рассаживаться, споря, кому куда разместиться, Карлен неожиданно заметил, как Крис и Абрек, суетившиеся возле девушек, вдруг как по команде застыли, ибо увидели впереди, через стол, большую компанию за богато накрытым столом с роскошными цветами. И на мгновение напрочь забыв про своих очаровательных спутниц, разом склонились в подобострастном поклоне, приветствуя каких-то важных знакомых. Карлен даже не представлял, что его самоуверенные, нагловатые друзья могли перед кем-то так низко гнуть спину и смотреть, даже издали, так заискивающе-лакейски. Казалось бы, те сидят рядом — что стоило подойти, поздороваться, обменяться любезностями, но чувствовалось, что ереванским гангстерам это не по рангу. Татлян сразу понял, что чисто случайно оказался рядом с очень высокими людьми криминального мира Москвы, и решил быть начеку. Разумеется, во что бы то ни стало надо их тайно заснять. Будет возможность подтвердить перед центром еще раз, что он тут не сидит сложа руки, а действует рядом с самыми главными авторитетами столицы.

Пока Армен изучал огромную карту вин в сафьяновом переплете, а Ваган знакомился с многостраничным и мудреным китайским меню, которое отнюдь не представлялось ему китайской грамотой, девушки отправились в дамскую комнату привести в порядок прически и вообще навести марафет. Воспользовавшись возникшей паузой, Карлен спросил Абрека:

— Это что за важные господа за соседним столом? Посмотри, как расстилаются перед ними хозяева «Пекина», метрдотель вообще от них не отходит, а официанты чуть ли не бригадой их обслуживают. Наверное, какие-нибудь знаменитости, а может, сенаторы, конгрессмены?

— Сенаторы? Конгрессмены? — усмехнулся Абрек, откладывая в сторону роскошную карту вин, чувствовалось, что выбор уже сделан. Он задумчиво постучал пальцем по столу. — А, пожалуй, ты прав, дорогой Каро. Они и есть на сегодня реальные конгрессмены и сенаторы, а вовсе не те клоуны, что сидят в Госдуме и Совете Федерации, воображая из себя хозяев

страны, гарантов порядка и Конституции. Впрочем, разве стал бы я раскланиваться так уважительно с теми марионетками из Кремля? За кого ты меня принимаешь?

— Тогда в чем дело? — сделал непонимающие глаза Карлен.

— А в том, друг мой, что через год с небольшим в России президентские выборы... Вот ты смотри и запоминай, скорее всего, кто-то из сидящих за тем столом, а, может, и не один из них, захочет вскарабкаться на самые высшие ступеньки власти в стране. А потом уже ее из рук не выпустит: власть — штука сладкая, — воодушевился Армен, и глаза его загорелись.

— Да, ты прав, — пришлось согласиться Карлену. — А люди, видно, интересные...

— Еще бы! — Армен входил в роль приближенного к сильным мира сего. Откинувшись на стуле, он принялся объяснять: — Вон тот, в сером костюме, будет выставлять свою кандидатуру точно. Деньги его уже не интересуют — наелся. Фамилии его не знаю, врать не стану, а кликуха — Шаман. Держит в руках тюменскую нефть, три-четыре крупных банка, две газеты и один телеканал. О недвижимости не говорю: заводы, трубопроводы, дворцы, пароходы, яхты, самолеты и т.д. и т.п. Рядом с ним — его друг, бывший соратник по камере, погоняло Дантес. Фамилия Лозовский, зовут Олег, сам из Днепропетровска, занимает в «Метрополе» целый этаж. В свободное время Дантес не прочь в картишки сыграть по-крупному. А рядом с ним, слева, вон тот вальяжный, в светлой тройке, — знаменитый Алик Тайванец, выдающийся катала. Говорят, с тех пор как открыли границы, он часто играет на крупных мировых курортах в паре с легендарным московским каталой Городецким, ходячей энциклопедией криминальной жизни России. Аргентинца, такая кликуха у Городецкого, ты видел не раз в закрытых катранах, куда мы с тобой заходили, он всегда в белом смокинге щеголяет. Так вот, там, где они «катают» вдвоем с Тайванцем, ставки на миллионы, на виллы и дворцы, прииски и заводы. Слышал, что они недавно в ЮАР две шахты «выкатали», не знают, кому продать, у тебя нет в Штатах клиента? Короче, наводят на Западе шорох, высоко держат знамя российских катал, — рассмеялся Абрек. — А тот, что подливает Тайванцу в бокал его любимое французское шампанское «Тайтингер», наш хороший знакомый, владелец ресторана «Золотой петушок»,

кликуха Хавтан, классный мужик, живет по понятиям. Мы обязательно с Крисом должны сводить тебя к нему в гости. У него в Москве лучшая русская кухня, а шеф-повар Петрович — просто волшебник, маг и чародей. А вот главного на этой пирушке я не знаю.

— Почему ты решил, что он главный? — не удержался Карлен, искоса разглядывая людей за соседним столом.

— Тут и решать нечего. Погляди, Шаман и Дантес оказывают ему всяческое внимание, это за версту видно. Я имею в виду того худощавого господина во главе стола, в твидовой тройке и роскошных очках в золотой оправе. Говорят, этот субчик купил разорившееся казино «Трефовый туз», шикарно переделал его, но название менять не стал. А еще он приобрел на аукционе фирмы «Гелос» знаменитую картину Ивана Пуни «Трефовый туз», написанную в начале века, и повесил ее в главном зале, над английским камином.

— Эстет какой... — усмехнулся Карлен.

— Вряд ли. Просто эстету Шаман с Дантесом почести оказывать не станут. Я же отсюда вижу, как они его ублажают... Нет, это человек высокого полета, — убежденно сказал Армен и тут же расцвел широкой улыбкой, потеряв интерес и к «сенаторам» с «конгрессменами», и к Карлену, — к столу подходили явно похорошевшие за несколько минут отсутствия девушки.

Стол к возвращению девушек уже был накрыт, и веселье закипело с первых тостов. Что-то, а гулять кавказцы умеют, тем более в компании очаровательных женщин. По аппетиту друзей Карлен понял, что они действительно проголодались, да и кухня в «Пекине» была отличной, если, конечно, разбираться в ней. Оркестр играл почти без перерыва, видимо, заказы сыпались один за другим. Когда приятели с девушками уходили танцевать, Карлен, несколько раз проходя мимо стола с «сенаторами» и «конгрессменами» в курительную комнату, успел заснять всю компанию с разных точек, чтобы получилось наверняка. Фотографии будущих владык России в криминальном окружении когда-нибудь могли принести солидные дивиденды или... стоить жизни.

От выпавшей в тот вечер удачи Татлян был не менее счастлив, чем его друзья-гангстеры, — он уже выстроил в уме план дальнейших действий. Но вдруг, когда компания в очередной

раз отплясывала нечто цыганско-кавказское в центре зала, а сам Карлен лениво ковырялся в грибах сян-гу, запивая их прекрасным бургундским вином, так понравившимся девушкам, удача улыбнулась репортеру светской хроники еще раз. К соседнему столу уверенным шагом приближался... Картье! Чувствовалось, что завсегдатай зланных мест зашел сюда не случайно, то ли опоздал на прием, то ли вызвали его в ходе застолья: телефоны спутниковой связи лежали у каждого рядом со столовыми приборами — привычная деталь новейшего времени.

Карлен, обладавший орлиным зрением, увидел, что за столом заметили приближение запоздавшего гостя, и все приветливо заулыбались, а Дантес даже привстал, чтобы выйти навстречу. Но тут господин в твидовой тройке, вокруг которого сегодня все и крутилось, тоже с улыбкой привстал с места, и гость, подойдя к нему первому, обнялся с ним, а уж потом с остальными поздоровался за руку. Место ему определили рядом с поджарым господином в очках с золотой оправой. Глядя на компанию, весело внимавшую тосту нового гостя, Карлен уже точно знал, что в самое ближайшее время надо поставить на прослушивание телефоны Картье, всезнающего Аргентинца и Хавтана. Рано или поздно это поможет выйти на след фальшивых долларов, печатающихся в России.

С тех пор, как Карлен переехал в новый дом на улице Ямского Поля, в его распоряжении почти всегда была личная автомашина. То Ашот оставлял ему ключи от «мерседеса», уезжая по делам своей фирмы, то Армен с Ваганом — те тоже частенько покидали Москву, и если Ашот больше мотался по России и странам СНГ, то парни с четвертого этажа путешествовали по миру, чаще всего разыскивая по заказу должников, укрывшихся за границей. Дело это им нравилось, потому что охота всегда велась за большими деньгами. Когда Абрек с Крисом в первый раз оставили ему «Кара-Дюшатель», Карлен опешил: такую машину он не доверил бы даже брату родному, в нем уже прочно сидел стопроцентный янки. Там, в Штатах, в двухсотмиллионной Америке, не нашлось бы ни одного человека, который одолжил бы такую дорогую машину приятелю или соседу, — Карлен мог побиться о любой заклад. Армен, заметивший его растерянность, весело сказал:

— Пользуйся, дорогой Каро, мы же не в Америке. Ты наш друг, товарищ, катайся, радуйся. Мы же видим, как она тебе нравится. Разобьешь — тоже не беда. Вещь для человека, а не человек для вещи, как говорят у нас в Армении, не забыл еще? Жизнь так коротка, а деньги при нашем образе жизни ничего не значат. Сегодня нет — завтра будут, не будут — отнимем. Опиши это где-нибудь у себя в репортаже, хотя тебя там вряд ли поймут: что скифу — стремя, то гунну — седло, — не преминул лишний раз козырнуть своей начитанностью Абрек.

В общем, в Москве Карлен Татлян вел вполне светскую жизнь. Он даже иногда со страхом думал: «Откопай я в России какой-нибудь подпольный центр по печатанию долларов, и завтра же меня перекинут на очередной неблагоприятный участок работы, скажем, в Польшу или Венгрию, или того хуже — в Ливан или Латинскую Америку. Ну, кинут за успехи какое-нибудь вознаграждение, которое едва ли превысит пять тысяч». Только в Москве Карлен понял, что ни пять тысяч, ни десять, да и тридцать — не деньги, а так... пыль, на карманные расходы. Может, они в Америке деньги, потому что там любой и каждый экономит по центам. Оттого служба в ЦРУ, которой он еще год назад так гордился, стала терять в его глазах привлекательность. Вот провернуть бы удачное дельце, как его двоюродный брат Ашот Казарян, чтобы сразу купить весь этаж с пентхаусом в роскошном доме престижного района и «мерседес» последней модели, да и в тратах себя не стеснять — нет, в Америке такое могли себе позволить только очень богатые люди. Об этом пока можно было только мечтать...

3

Как-то Крис с Абреком совершенно неожиданно, среди недели, сорвались в Лондон. Неожиданно, потому что у них с Карленом были иные планы: собирались в четверг пораньше на «Кара-Дюшатель» отправиться в Санкт-Петербург, где Татлян никогда не бывал, а друзей-гангстеров ждали какие-то финансовые дела. Надо было получить расчет по старым счетам — дела у их должника, оказывается, круто пошли в гору. В общем, собирались покутить в Северной Пальмире основательно,

а заодно показать заповедные уголки американцу, наслышанному о великолепии города на Неве.

Утром, когда Карлен спустился на четвертый этаж, он застал друзей, лихорадочно собирающихся в дальнюю дорогу.

— А, Каро, доброе утро, — кивнул Армен. — Хорошо, что зашел, отвезешь нас в аэропорт. В Англию вылетаем на несколько дней, срочное дело. Пожалуйста, свари кофе, это у тебя хорошо получается, особенно по итальянскому рецепту.

Карлен прошел на кухню, где увидел не убранный после вчерашнего кутежа стол. Судя по горе окурков в трех больших пепельницах, гостем был мужчина, и сидели долго, хотя выпили необычно мало — всего две бутылки хорошего армянского коньяка. Насыпая в кофеварку свежемолотый кофе, Карлен углядел среди пустых тарелок два паспорта. Но не сами паспорта удивили Татляна, а их дипломатический зеленый цвет. По таким документам не чинят препятствий ни на въезде, ни на выезде, по ним вообще таможня не вяжется. Повинуясь профессиональному инстинкту, он раскрыл один и другой, — дипломатические паспорта были выписаны на его друзей. Положив документы на место, он вернулся в зал с дымившимся на подносе кофе, не сказав ни слова, — друзья вполне могли подумать, что он их не видел. Конечно, ясно, что паспорта принес вчерашний поздний гость, с которым хозяева квартиры засиделись допоздна, от него, наверное, и поступило срочное задание вылететь в промозглый Лондон. Жаль, что Карлен не знал этого человека, тот наверняка заинтересовал бы его секретное ведомство. Впервые за свою недолгую, но достойную карьеру в ЦРУ, передавая отчет за неделю, Норман скрыл важную информацию: не сообщил в центр о гангстерах, вылетевших по дипломатическим паспортам к самым близким союзникам американцев по НАТО — англичанам.

... В день возвращения соседей из Англии Татлян собирался на концерт русской рок-звезды, после чего его приглашали на домашнюю вечеринку в доме одной из богатеньких поклонниц певца и даже упомянули имя ее отца, известного московского банкира. Но звонок прилетевшего Армена расстроил его планы: Абрек приглашал его вечером в гости — отметить сверхудачную поездку в Лондон, намекнул, что они приготовили ему сюрприз.

— Но у вас же пустой холодильник, — попытался отказаться Карлен, чем донельзя рассмешил Абрека.

— Ну и что? Мы позвонили Хавтану в «Золотой петушок», сделали заказ. С минуты на минуту оттуда подъедут два официанта и накроют нам стол не хуже, чем в любом ресторане. Петрович постарается, он знает, что это для нас. Так что отведаешь сегодня настоящие русские блюда, ждем..

Действительно, когда в назначенное время Карлен спустился на четвертый этаж, большой стол в зале был накрыт по всем правилам этикета. Хавтан прислал даже дорогую посуду и серебряные приборы, видимо, выездное обслуживание особо важных персон было поставлено у него не хуже, чем в любой европейской столице.

Карлен ожидал увидеть на вечеринке еще кого-нибудь, но стол был накрыт на троих. Заметив его удивление, что нет ни друзей, ни девушек, как обычно, Ваган объяснил:

— Жаль, Ашот из Алма-Аты не успел вернуться, мы ему звонили туда, он еще дня на три задержится. Мы сегодня отмечаем важное событие, потому никого не пригласили, даже официантов отправили домой. Но если появится желание, то попозже поедем куда-нибудь в ночной клуб: «Сохо» или «Манхэттен-Экспресс», а может, позвоним Оле с Надей — помнишь, ужинали с нами в «Пекине»? — они захватят для тебя подружку. Надо на зимние каникулы слетать с ними куда-нибудь на Фиджи или Таити, а может, даже встретить там вместе Новый год. Новый год среди пальм в плавках — наверное, это здорово, — разошелся Крис, явно бравируя перед американцем своими неограниченными возможностями.

Армен широким жестом попросил друзей за стол и указал место Карлену. Боясь, чтобы американец ненароком не испортил эффект от заготовленного сюрприза, он поспешно сказал:

— Каро, дорогой, подними салфетку со своей тарелки. Мы ведь обещали тебе подарок из Лондона привезти, если удача выпадет...

Карлен осторожно поднял фирменную салфетку с вензелем и эмблемой «Золотого петушка» — на белоснежном английском фарфоре лежали часы с тяжелым платиновым браслетом. По модели они сильно смахивали на одну из самых дорогих моделей знаменитых «Адемар Пиге», с турбийоном, минутным репетиром, вечным календарем. Но это были другие, более изящные, аристократические швейцарские часы

«Юлисс Нардан», последняя модель — «Чингисхан». Такие часы стоили вровень, или даже перевешивали в цене последние модели известных автомашин, например, «Мерседес», «Ламборджини», «Мазерати».

Видя, с каким недоумением гость уставился на подарок, очевидно, зная о его баснословной цене, Абрек весело заметил:

— Каро, в Москве у крутых людей пошла мода на дорогие швейцарские часы: «Ролекс», «Патек Филип», «Пьер Бальман», «Даниель Рот», «Вашерон Константин» — ну, ты сам в курсе... Ты наш друг, бываешь среди московского бомонда, вот мы и решили сделать тебе памятный подарок. Остановились на «Юлисс Нардан», мы и себе за компанию прикупили по штучке, но другие модели, «Форгерон» называются, с кузнецами на циферблате, они отбивают бой. Если эти тебе не понравятся, можешь махнуть с любым из нас. Ну, так как?

— Нет, мне нравятся эти, — ответил замороженный Карлен. Не решаясь взять часы в руки, он нараспев прочитал название модели: — «Чингисхан». Честно говоря, я не могу осмыслить, что буду носить на руке целый «кадиллак».

— Ну, если дело только в этом, слава богу! А я уж подумал — не понравились, — сказал обрадованно Ваган и предложил тост: — За то, чтобы «Юлисс Нардан» служили всем нам долго и показывали только радостное время, как сегодня...

И вечеринка покатила своим неторопливо-размягченным ходом.

Странно, но Карлен, то и дело неволью поглядывавший на запястье, где матово-благородно блестело золото тяжелого браслета, вдруг почувствовал, что хозяева квартиры, несмотря на удачную поездку — а это явствовало из их слов, — были как-то напряжены, скованны, такими он никогда их не видел. И только он собрался спросить, что стряслось, как Ваган неожиданно поднялся с полной рюмкой...

— Дорогой Каро, — сказал он, волнуясь. — Я хочу сказать речь. А ты послушай... В последние дни произошло нечто важное — для нас, для нашей родины — Армении. Если бы мы погибли там, в Лондоне, или если завтра нас пристрелят где-нибудь на улицах Москвы, наверное, найдется немало людей, которые скажут: подумаешь, убили двух бандитов. Может,

и так. Но три дня назад мы сделали для нашей Армении, для нашего многострадального народа, особенно для Карабаха, гораздо больше, чем многие праведные граждане. Сказать об этом даже самым близким не могу — мы дали слово держать все в тайне. Иначе могут возникнуть межгосударственные осложнения, скандалы, да и мы вмиг окажемся за решеткой. Но должны же мы поделиться хоть с кем-то нашей победой, нашим вкладом в борьбу за свободу армян в Карабахе. Ты и Ашот — наши лучшие друзья. И мы решили поделиться этим с тобой, так как Ашота нет, ты один будешь знать нашу тайну.

— Почему я? — все же спросил Карлен, внутренне собравшись, и подзадорил: — Может быть, не стоит?

— Стоит, стоит, — поддержал друга Армен.

— Тогда я весь внимание...

— Давайте сначала выпьем, а потом я закончу...

Они сдвинули бокалы... Потом Ваган стал рассказывать, а Армен кивал в такт его словам, словно подтверждая, что все так и было.

— ... Мы сидели на квартире в центре Лондона, ожидая условного телефонного звонка, и в эти часы о многом переговаривали, передумали. Что операция опасная, от нас не скрывали. В случае, если бы полиция сцапала нас живыми, мы все валили бы на разбой, личную месть — никакой политики, иначе следы потянутся в Ереван, тень падет на Армению. Хотя наш дядя Рафик Сво всегда предупреждал: держитесь подальше от политики, от нее все зло на земле, но это был тот случай, когда политика столкнулась с интересами народа нашей родины, и мы не могли отказаться. Так вот, однажды, в минуты тягостного ожидания, Абрек и говорит: «Если мы завтра засыплемся, найдется ли человек, который помянет нас добрым словом, заплачет, узнав, что нас уже нет в живых, не забудет поставить свечку за наши грешные души?» И мы оба подумали о тебе, Каро, ведь ты наш сосед, наш земляк, наш друг. Потому что ты сразу принял нас такими, какие мы есть, — гангстерами.

Карлен протестующе поднял руку, но Ваган не стал поправляться.

— Да, именно так, но ты не стыдился везде бывать с нами, ты даже поселился рядом, и за это мы любим тебя, Каро.

— Так что же произошло в Лондоне? — спросил Татлян.
— Если не секрет, конечно...

— Событие вроде небольшое, смахивает на уголовку, как и было задумано, но чрезвычайно важное, я не преувеличиваю. Два чеченца, нафаршированные наличностью — да и крупные счета в лондонских банках на их имя были открыты, — приехали закупить знаменитые «стингеры», против которых беспомощны и самолеты, и вертолеты, и танки; а кроме того — средства космической связи и другое новейшее вооружение, чем славится Англия. Это был не первый их визит в Лондон и не первая партия оружия, переправленная в Чечню через Азербайджан. Об этом прознали армяне, проживающие тут, и передали то ли нашим спецслужбам, то ли спецслужбам армянских партий за рубежом — ты ведь знаешь, как сильна партия «Дашнакцутюн» повсюду, где проживает армянская диаспора, от Франции до Аргентины и от Ливана до Канады. Но суть не в том, кто поручил нам это ответственное дело, а в том, что чеченцы, быстро освоившие путь в Европу, закупали параллельно на свои деньги оружие для Азербайджана, куда его гораздо легче доставить хоть морем, хоть по воздуху — суверенное же государство.

— Значит, Дудаев рассчитывается с Азербайджаном за этот надежный транзитный коридор оружием? — уточнил Татлян.

— Именно так... Хотя сегодня чеченцы, пользуясь открытым небом, ввозят и вывозят что хочешь и кого хочешь, но в Грозном, видимо, понимают, что ситуация в любую минуту может измениться и русские перекроют им небо в случае войны — все-таки ПВО и авиация в России до сих пор что надо. А того, что чеченцы готовятся к войне, не видит только слепой. Ты думаешь, почему в России все чаще полыхают военные склады? Это не диверсии, это продажные генералы имитируют случайные пожары, распродав чеченцам оружие. День и ночь туда машинами, поездами доставляются снаряды, оружие, амуниция.

Но бог с ними, чеченцами, у нас свои проблемы. У наших спецслужб были неопровержимые доказательства, что часть вооружения куплена для Баку, а это значит — против Карабаха, против армян. Сделку пытались расстроить по дипломатическим каналам, но когда дело касается больших денег,

пропадает страх перед международными санкциями, забывают о наложенном эмбарго в горячих точках мира, не так ли?

— Да, мне это знакомо... — Карлен хотел дать Вагану передохнуть, потому что видел, как тот волновался, вновь переживая все произошедшее в Лондоне.

— Так вот, эту сделку могла остановить только смерть покупателей. И тогда вышли на нас... А мы сделали свое дело. И сделали чисто... Надеюсь, нам зачтется это и в Армении, да и в России тоже. Поэтому давайте выпьем за то, чтобы никто и никогда не замышлял дурного против нашей родины, а если и отыщутся такие подлецы, ну, что ж, всегда найдутся настоящие парни, которые встанут у них на пути. Встанут — и остановят.

Карлен с Абреком молча поднялись и, сказав одновременно по армянски: «Да будет так!» — осушили свои бокалы до дна.

У Карлена неожиданно набежали на глаза слезы, он ощутил, как никогда до сих пор, что тоже является частью маленькой Армении, ее многострадального древнего народа, что он армянин, хотя и был гражданином всесильной и могучей Америки.

Армен улыбнулся, похлопал Вагана по плечу: успокойся, мол, друг, все в порядке.

— Но, дорогой Каро, Ваган от волнения не все рассказал. Самое невероятное, что у этой истории неожиданный финал, на который мы никак не рассчитывали. Надо заметить, что наши заказчики честно признались: денег у них нет ни копейки, даже на авиабилеты, они только выправили нам паспорта. Так что, кроме смертельного риска, мы еще и сами оплачивали эту опасную операцию. — Армен взял в руки разговор, напряжение с него, как и с Вагана, тоже заметно спало. — Люди, за которыми мы охотились, очень богатые и, как нам сказали, из очень влиятельного чеченского рода — тейпа. Они остановились в самом дорогом отеле Лондоне — «Лейнсборо», жили в номере «люкс» за шесть тысяч долларов в сутки. Я их понимаю, люди они молодые, любят пофорсить, да и жизнь, видимо, у них такая же рискованная, как и у нас с Крисом.

— В Лондоне был, а вот в «Лейнсборо» жить не приходилось, — признался Карлен.

— Куда тебе, бедному репортеру! — поддел Ваган. — Там такие апартаменты, закачаешься! Да Армен вот расскажет — он от нечего делать там все буклеты изучал...

— Изучал, — согласился Армен. — А чем было еще заняться, если операцию переносили несколько раз? Лондон мы совсем не видели, когда утихнут страсти, обязательно слетаем обратно, поживем в «Лейнсборо». Отель — в самом центре столицы, рядом с Гайд парком. Неподалеку — Букингемский дворец. Гостиница, правда, небольшая — в прошлом веке в этом здании располагался госпиталь. Говорят, что при реконструкции на каждый номер было потрачено больше чем по миллиону долларов. Роскошь невероятная: кругом хрусталь, красное дерево, золото, мрамор! Кровати с изысканными балдахинами, на стенах — подлинники картин мастеров живописи, на полу — ковры ручной работы. За номерами «люкс» закреплены личный дворецкий и автомобиль «даймлер», но наши подопечные пользовались «роллс-ройсом», и водителем у них был чеченец родом из Сирии, давно живущий в Лондоне.

— Подозреваю, как нелегко вам пришлось... — посочувствовал Карлен.

— Не то слово, — обрадовался поддержке Армен. — Конечно, каждый шаг чеченцев был под контролем наших спецслужб, все разговоры прослушивались, все контакты отслеживались и опять ставились на прослушивание. Но, тем не менее, мы еле унесли ноги: их телохранители, отвозившие куда-то большую сумму наличных денег, вернулись раньше, чем планировали. Мы едва не столкнулись с ними нос к носу при выходе из лифта, это нас и спасло. В номере мы были не больше пяти минут: хозяйева сами открыли нам дверь, потому что ждали на переговоры людей, которых не знали, мы и пришли под видом этих бизнесменов. Итальянские пистолеты «бернарделли» с глушителями мы оставили на месте возмездия.

— Нет, ты о главном, о главном скажи! — нетерпеливо подгонял друга Ваган.

— Ну, это, положим, не главное... — Армен откровенно радовался, как будто только сейчас по-настоящему осознал, что дело сделано, а они вернулись живы и здоровы.

— Так что же случилось еще? — Азарт захватил и Карлена.

— Ты не веришь, друг! — хохотнул Ваган. — Но доказательства налицо!

Армен, залпом осушивший стакан минералки — видно, в горле пересохло от волнующих воспоминаний, — вновь перехватил инициативу:

— Вот именно! В общем, когда мы уходили, Крису случайно попала на глаза модная сейчас сумка-саквояж. Фирма «Дюпон» делает такие дорогие вещи для богатых путешественников. Он ее распахнул — а она полна долларов. Тут я, на всякий случай, заглянул в гардероб. Там стояла еще одна такая же сумка, только размерами побольше, и тоже полная. Ну, мы, не будь дураками, прихватили это добро — и деру! Бог спас, что не налетели на телохранителей, а то бы хана! А когда мы осмотрели карманы хозяев, надеясь найти важные для нас документы, то наткнулись на кредитные карточки известных мировых банков. Мы их, конечно, не тронули — не лохи же. Но нам и тут повезло: у одного в кармане лежали четыре чека на очень и очень большие суммы, видимо, эти деньги предназначались торговцам оружием. Вот чеки мы экспроприировали и в тот же день все деньги перевели на кредитные карты, а потом гужевали на них в Лондоне. Вон они, саквояжики, загляни, если не веришь. Когда мы живыми вернулись на свою квартиру, суеверно решили, что такая удача выпала нам за богоугодное дело, ведь эти деньги были предназначены для войны, для смерти...

Татлян, веря рассказанному и вместе с тем боясь крутого розыгрыша, на которые Абрек всегда был мастаком, встал и неторопливо подошел к двум действительно роскошным дорожным сумкам, стоявшим в углу. Открыл одну, другую... Карлену даже показалось, что запах долларов перекрывает запах дорогой кожи. Такого ошеломительного количества денег он не видел даже в кино...

Подошедший сзади Крис запустил руки в один саквояж, Армен — в другой, и они, не сговариваясь, достали столько пачек, сколько ухватили их могучие руки. Все это они высыпали на стол перед оторопевшим журналистом:

— Бери, трать! Лучше прогуляем эти деньги, чем на них купят бомбы и «стингеры» против мирных людей...

Карлен, второй раз за вечер оказавшийся в нокдауне, подошел к столу и, отделив десять или двенадцать пачек долларов в банковских упаковках, придвинул их к своей тарелке.

Он ощущал какой-то внутренний протест, понимая, что не имеет права брать деньги, добытые разбоем, убийством, но протест этот был какой-то робкий, вялый, да и, с другой стороны, он уже надел золотые часы «Чингисхан», купленные на эти же деньги, и расставаться с ними ему почему-то совсем не хотелось.

— Ну, теперь, когда с души свалилась такая тяжесть — все-таки, оказывается, тайну носить в себе непросто, — давайте выпьем за жизнь, за молодость, за любовь! Жизнь так прекрасна! Особенно после того, когда сознательно ставил ее на кон, и тебе выпал выигрыш... — предложил тост повеселевший Крис.

И Карлен лишь теперь ощутил в полной мере, чем рисковали молодые люди в Лондоне. На какой-то миг Татлян даже позавидовал друзьям — они совершили что-то важное в жизни, сразу возвысившее их над другими, хотя сами еще не в полной мере осознали это.

— Ну, вот и лады, что не стал отказываться, — похвалил Армен, кивнув на высившиеся горкой пачки денег перед Татляном — А я, честно говоря, опасался чистоплюйства с твоей стороны. А ты — наш парень, наш! За это стоит выпить! Ребята, да мы же ничего еще не съели. Зря, что ли, Петрович старался. А ну-ка, налегай...

Карлен, впервые пробовавший редкие блюда русской кухни, приготовленные Петровичем, о котором ему уже прожужжали уши, ел с заметным аппетитом, особенно заливное, ассорти из осетровых и холодную дичь с брусничным соусом, и быстро понял, что к такой еде лучше всего подходит русская водка. И армянский коньяк, и шотландское виски, и даже французское вино выглядели бы сегодня за этим богато накрытым столом явными чужаками. Раньше Карлен только про одежду или интерьер мог сказать — гармония, но русская кухня вкупе с водкой тоже составляли совершенное единство стиля. Это было для Карлена еще одним приятным открытием в России. И он подумал, что теперь, когда у него есть такие деньги, он непременно станет заглядывать в «Золотой петушок». Вкуснейшая еда, над которой явно колдовал сам Петрович, на время заставила его забыть и о подаренных часах, и о деньгах, лежавших рядом.

— Если завтра ты не очень занят, приглашаем тебя прокатиться вместе с нами в гостиницу «Софитель-Ирис», —

предложил Абрек. — Там открылся международный салон одежды «Ягуар-стиль». Мужской прикид там высочайшего класса, под стать нашему «Кара-Дюшателю», в общем — для самых крутых «новых русских». Купим костюмчики, плащи фирмы «Дормей», «Обвиос», закажем сорочки, шелковые халаты. Тебе, дорогой Каро, вообще надо приодеться, у американцев в этом отношении вкус не очень... Ты на них не ориентируйся, они все одеты кое-как, да и шмотки у них дрянь. Но ты прежде всего армянин, а на Кавказе всегда было принято одеваться модно, дорого, с шиком. Ты вращаешься в элитных московских кругах, ходишь на премьеры, а там снобов больше чем надо. По одежке встречают — по уму провожают, — сейчас эта русская пословица весьма актуальна...

Карлен не стал возражать Абреку, по правде сказать, ему самому не нравилось, как одевались американцы. Практичность его новых сограждан лишала одежду ее существенных качеств: изящества, элегантности, — тут Татлян был согласен со своими друзьями.

Посидели за столом, накрытым хавтановскими официантами, недолго — часа два, не больше. Застолье словно встряхнуло путешественников, вернувшихся из Лондона сумрачными и озабоченными, к ним вернулось былое жизнелюбие, азарт, и они решили поехать покутить в ночной клуб «Сохо». Как ни соблазняли Каро, тот не согласился, сославшись на то, что должен закончить материал для газеты. Договорившись встретиться завтра, друзья разошлись.

Поднявшись к себе в комнату с пакетом, набитым долларами, Карлен долго, очень долго сидел, задумавшись, в глубоком кожаном кресле. Дописывать статью сегодня он и не собирался, просто хотелось остаться одному и осмыслить неожиданно возникшую ситуацию.

Через день Карлену предстояло отправить в центр еженедельную шифровку, но он уже знал, что не станет сообщать о двойном убийстве в лондонском отеле «Лейнсборо», не назовет фамилий убийц. Он понимал неординарность происходящего: такое стремительное перерождение агента не могло прийти в голову даже самым изощренным педагогам-стратегам из секретного ведомства: понятно, если бы перекупили, подставили женщину, запугали угрозами отправить на тот свет, но... голос

крови? В США такое вряд ли кто мог принять всерьез, а зря... Но недаром же говорят: кто пьет вино и кто пьет воду — думают по-разному.

Так он и сидел, невидяще глядя на пачки долларов, разбросанные перед ним на низком журнальном столике, и размышляя совсем по-русски: как жить дальше? И вдруг его обожгла мысль, которая могла поставить все на свои места, внести ясность в мучивший вопрос. Он бросился к гардеробу и достал из кармана невзрачного твидового пиджака детектор для проверки подлинности валюты. Затем из каждой пачки, наугад, вытащил по купюре и стал тщательно проверять их. Доллары были настоящие...

О, Париж!

Ремонт на квартире Тоглара затягивался, и вовсе не из-за нерадивости рабочих и сантехников, — увлекшийся Виленкин вносил все новые и новые поправки, и Тоглар, как ни спешил переехать из «Метрополя» на Кутузовский, терпел и соглашался: решения в ходе работ появлялись одно оригинальнее другого. Почти все изменения касались мастерской-студии. Конечно, можно было вести капитальный ремонт иначе: отделать жилую квартиру из четырех комнат, а уж мастерскую закончить позже, не спеша. Но Тоглар хотел отметить новоселье в сталинском доме непременно в студии, как художник, — с момента заселения он как бы начинал отсчет новой жизни, жизни, где у него будут дом, семья, творческие заботы.

Машина, выбранная Эйнштейном, оказалась действительно удачной и очень комфортной, и он был рад, что остановил выбор на «порше». Автомобиль позволял проверить за день десятки дел, и все они были связаны или с ремонтом, или с будущим обустройством новой квартиры. Виленкин порой неделями не покидал его «порше» — участие Тоглара во всех хлопотах дизайнер называл двойным авторским надзором.

После встречи, организованной старыми корешами в «Пекине», Константин Николаевич опасался, что его замучают звонками, но он ошибся. Ему, конечно, звонили, но чаще всего старые и новые знакомые приглашали на всякие торжества:

семейные, личные, связанные с работой. Вероятно, каждый из них желал закрепить с ним отношения на будущее или на всякий случай, понимая, что слово такого человека, как Тоглар, в какой-нибудь ситуации может дорогого стоить, потому старались не терять его из виду.

Торжества, на которые он был зван, чаще всего оказывались многолюдными, с размахом накрытые столы ломились от изобилия яств. Одно поначалу вызывало недоумение, смущало Константина Николаевича: где бы он ни появлялся в гостях, из старых корешей, тех, кто отмечали его возвращение из кавказского плена, встречал порой одного-двух, а в основном — сплошь незнакомые люди, кроме самого хозяина. Хотя все братаны, слава богу, были живы-здоровы, находились в Москве, — Тоглар знал об этом точно. Он еще раз оценил свою прозорливость, когда предположил на банкете в «Пекине», что его бывшие сподвижники жаждали как можно быстрее и навсегда отделиться друг от друга, чтобы ничто не напоминало о прошлом, зачастую неприглядном, жестоком. Оттого возле давних друзей и соратников — сплошь новые люди. Этим новым людям можно любую легенду о себе сочинить, пустить пыль в глаза, поэтому все приемы были так продуманны, отмечались с размахом. Чтобы как-нибудь не попасть впросак, иметь четкие ориентиры в новой Москве, Константин Николаевич стал брать с собой Эйнштейна, представляя его то своим помощником, то референтом, — впрочем, нынче на приемы мало кто приходил без охраны и сопровождения. И потому Аргентинец, разыскивая молодого картежного гения, частенько звонил Тоглару, спрашивая, не у него ли Георгий. Эйнштейн, конечно, не отказывал мэтру Городецкому ни в чем — кормился он все-таки с карт, — но уютнее и душевнее ему было явно в компании с Тогларом. Молодому человеку с болезненными амбициями и высоким самомнением все больше и больше нравился Константин Николаевич, он даже стал копировать некоторые его жесты, повторять любимые словечки и выражения, и это не осталось незамеченным. Городецкий не раз спрашивал у Фешина: «Ты что, гипнотизируешь моего коллегу? Он весь под твоим влиянием», — на что Тоглар только усмехался.

Константин Николаевич не забыл о своем обещании вызвать Наталью в гости в Москву, но потом, окрыленный покупкой

квартиры на Кутузовском, решил приурочить этот приезд к новоселью, хотел удивить любимую с первых шагов пребывания в столице. Какую женщину может оставить равнодушной приготовленная для нее квартира, да еще такая?! Но, судя по всему, если ждать новоселья, встреча может затянуться надолго, а он безумно скучал по девушке, часто видел в снах счастливые дни в Ростове, помнил тепло ее рук, губ... Георгий, знавший, кажется, о всех проблемах Фешина, и тут оказался полезен — предложил интересный выход. Как-то, сидя у Фешина и приметив, что хозяин все больше впадает в меланхолию, Георгий дал толковый совет:

— Константин Николаевич, забудьте вы на время о квартире, пусть она будет сюрпризом вашей Наталье в следующий раз, когда на Кутузовском закончится не только ремонт, но и все оформление. А сейчас вызывайте ее в Москву, устройте рядом или у себя в «Метрополе». А если она захватит заграничный паспорт, мы за неделю, от силы за десять дней, оформим вам путешествие, ну, скажем... в Париж.

— В Париж? — удивился Тоглар, такая мысль не приходила ему в голову. — Почему в Париж?

— Потому что Париж — это всегда праздник, так сказал старик Хемингуэй. А кроме того, во второй половине декабря балетный мир отмечает двадцатилетие со дня смерти выдающегося хореографа XX века Джона Кранко. Торжества будут отмечаться в парижской Гранд-Опера, туда слетятся все звезды балетного искусства, прима-балерины всех известных театров мира. Грандиозный праздник, мечта для балетоманов, а курирует и финансирует программу наш земляк Рудольф Нуриев.

— А ты откуда знаешь такие подробности? — удивился Тоглар, с интересом наблюдая за своим молодым приятелем.

Эйнштейн усмехнулся, и в голосе его прорвалась горечь:

— Я ведь, Константин Николаевич, тоже готовил себя к иной жизни — способности к картам обнаружился позже и случайно. С детских лет я учился в балетной школе, а когда был студентом ГИТИСа, мечтал ставить балеты, хотя и сам танцевал неплохо. На четвертом курсе случилась беда — порвал мениск на правой ноге, одна операция, вторая — и обе неудачные. О танцах пришлось забыть навсегда, с горя запил, загулял, из ГИТИСа отчислили, и пошло-поехало... А позже появились

карты, втянулся, но балет в сердце остался навсегда... Это моя молодость...

— Ну-ну, не надо так грустно, — подмигнул Тоглар. — Расскажи лучше об этом твоём балетном кумире. Ведь кумир, я верно говорю?

— Не стану отрицать — это выдающийся мастер. Хочу, чтобы вы загорелись желанием полететь в Париж, и именно на этот праздник балета. Поверьте, вы никогда не пожалее-те... Увидеть такое созвездие великих танцовщиков — это же воплощение мечты многих культурных людей.

— Пожалуйста, продолжай... — подбодрил Тоглар, видя, как загорелся Эйнштейн. — У меня в жизни серьезные пробелы по части культуры, хочется хоть что-то наверстать, пусть и запоздало. Наталья, наверное, будет рада... — мечтательно вздохнул Тоглар, закинув руки за голову.

До этого момента ему как-то не приходило в голову, что он может свободно путешествовать по миру. Хоть все кругом только и говорили о заграничных поездках, круизах, к себе он это не относил, видимо, что-то заклинило в сознании. И, скорее всего, заклинило оттого, что в прошлой, советской жизни человек, имевший судимость, не мог даже рассчитывать на то, что когда-нибудь увидит Париж или Нью-Йорк.

Из мечтательного состояния его вывел голос молодого друга:

— ... Джон Кранко преобразил весь немецкий балетный театр — создал штутгартский балет. У него в расцвете сил и таланта танцует выдающаяся пара: Марсия Хайде и Ричард Крэган. В штутгартском гнезде Кранко воспитал будущих властителей дум и создателей всемирно известных театров: Джона Ноймайера, Иржи Килиана, Уве Шольца, Уильяма Форсайта. Какие имена, какие мастера! Сам Кранко неожиданно умер на гребне невиданного успеха и побед, признанный всем балетным миром, вот почему великого хореографа до сих пор любят и помнят.

— Друг мой, ты шпаришь как по-писаному. Кумир, точно кумир. Не обижайся, наверное, этот человек того стоит...

— Стоил, — поправил Тоглара Георгий. — Извините, если это было похоже на ликбез...

Тоглар растерянно молчал. Он удивился прежде всего тому, с какой неожиданной стороны открылся ему ассистент

Аргентинца, подноготную которого, кажется, знал уже до конца. Но вслух он сказал совсем другое:

— Благодарю за восполнение моих культурных пробелов. Действительно интересный человек этот твой кумир, оставил свой след на земле. Считаю, что ты заразил меня своей идеей. А знаешь, можно развить твой план: остаться в Париже еще на недельку и встретить там Новый год. Но вся эта волокита с билетами, с приглашениями... — Тоглар сожалеюще развел руками. — Обидно будет не попасть на гала-концерт, у нас ведь, у русских, натура такая: или все, или ничего.

— Ну, это я беру на себя, — успокоил Георгий. — Есть такая фирма «Содис», они занимаются исключительно индивидуальными поездками для состоятельных людей, там у меня есть друзья. Париж для фирмы самый удобный город, у них там накатанные связи, а новые буржуа любят Францию.

— Это я-то новый буржуа? — усмехнулся Тоглар.

— А то кто? Не я же, — отпарировал Георгий. — Ну, так вот, через эту фирму можно заказать билеты на фестиваль. Но я их, на всякий случай, подстрахую: организую из Большого театра факс в Гранд-Опера, чтобы вам, ну, скажем, как представителю балетной общественности России, зарезервировали места на все спектакли и все мероприятия, связанные с юбилеем Кранко. Сейчас в Большом плохие времена: распри, ремонт, раскол труппы, денег на поездку в Париж нет, там будут рады, что кто-то посетит столицу мира, привезет видеоматериалы, программы, буклеты, альбомы, посвященные фестивалю. Я думаю, вам это не составит труда. «Содис» бронирует номера в прекрасной гостинице рядом с Гранд-Опера, если хотите, там позаботятся и о гиде, и о переводчике. Сейчас ничего невозможного нет — были бы деньги. Вы только скажите, могу ли я гарантировать турфирме оплату по высшей программе?

— Разумеется. — Тоглар, кажется, постепенно заражался идеей предстоящего путешествия. — Но переводчик и гид нам, наверное, не понадобятся. Наталья знает французский, она два месяца была на стажировке в Париже, в торговом доме Кристиана Лакруа.

— И вы еще раздумываете, ехать или не ехать! — возмутился несостоявшийся балетмейстер.

— Мне это и в голову не приходило, — честно признался Фешин. — Благодарю за идею и авансом — за предстоящие хлопоты.

Предотъездные заботы отодвинули проблемы ремонта на Кутузовском проспекте на второй план, но там уже вполне могли обойтись без хозяина дома. Дизайнер Виленкин все-таки уловил слабость Тоглара: все, что касалось студии-мастерской, Константин Николаевич продумывал основательно, тут нельзя было решить вопрос по телефону, ему обязательно нужно было все показать на месте. Поэтому, когда неожиданно возникла очередная идея по оформлению студии, и, как понял Константин Николаевич, одна из ключевых, он хотел было на время отложить отъезд, но, к счастью, решение нашлось быстро...

Виленкин предлагал в самой большой комнате студии, на одной из стен, повесить какую-нибудь картину огромного размера. На нее должен был ориентироваться весь изощренно-роскошный интерьер обители художника. Конечно, было бы замечательно, если эта работа принадлежала бы кисти хозяина студии, да к тому же чтобы картина была известная, выставлялась, имелись ее репродукции. Но пока это лишь мечта, может, в будущем... Оставалось отыскать известного художника, у которого нашлась бы такая гигантская работа, да еще получившая общественный резонанс. Сразу решили, что пейзаж не подходит, абстракция тоже, остальное стоило тщательно посмотреть.

Виленкин и подключившийся Эйнштейн целыми днями сидели на телефоне, обзванивали художественные салоны, арт-дилеров, знакомых художников, коллекционеров, интересовались запасниками музеев. Но то, что предлагали, мало подходило под строгие эстетические требования Виленкина. Помог, как ни странно, Аргентинец. Узнав об их поисках за ужином в «Метрополе», он вдруг сказал:

— Я абсолютно ничего не понимаю в живописи, но однажды катал целую неделю с какими-то «новыми русскими», и они выпендривались друг перед другом, какие они успели собрать коллекции картин. Называли многих художников, хаяли почти всех, но сошлись в одном, что Эдуард Шагеев — живой преемник Сальвадора Дали. Правда, они говорили, что Шагеев, широко известный в мире, дороговат даже для них.

В тот же день удалось выяснить, что Эдуард Шагеев имеет в Москве арт-клуб в центре города, в здании бывшего ресторана «София». На следующий день Виленкин с Тогларом и Эйнштейном отправились на заранее оговоренную встречу с российским Дали. С первых шагов в шикарном арт-клубе покупатели поняли, что, кажется, попали туда, куда надо. Картину, которая им подходила, они нашли в последнем зале, а залов в салоне было шесть, и не маленьких. Огромное полотно, два шестьдесят на метр семьдесят, занимало целую стену в торце комнаты. Виленкин с Константином Николаевичем, не сговариваясь, переглянулись, как только увидели ее. Оба сразу поняли, что на Кутузовском из-за высоких потолков и большой площади комнаты, и, конечно, в новом багете полотно будет смотреться куда интереснее, чем во владениях Шагеева. Картина была написана в желто-золотой гамме, как и вся «диванная серия», состоявшая из десяти работ. Называлась она «Сны эстета», и все видения на ней произрастали из роскошного ретро-дивана.

Переговоры начались с расстройства: картину, оказывается, намерен приобрести какой-то богатый ливанец из Бейрута, он даже оставил задаток в десять тысяч долларов, и Шагеев отказывался вести разговоры на эту тему. Стоявший рядом с Тогларом Эйнштейн вежливо, но настойчиво предложил: «Посмотрите, пожалуйста, может, срок окончательного расчета истек. Если так, мы будем счастливы, а ваша совесть чиста, и для ливанца ваши картины обретут еще больший вес». Как и предполагали, оговоренные сроки действительно давно прошли, и коллекционер из Бейрута не подтвердил дату окончательного расчета. В общем, художника уломали, или, как позже выразился Эйнштейн, «забили деньгами». Картину, не мешкая, доставили на Кутузовский, предварительно прикинули к месту, и тогда Тоглар окончательно понял, что у него будет настоящая студия: картина привнесла в мастерскую тот необходимый художественный дух, которого так добивался Виленкин.

Хозяин дома собирался в поездку, и Виленкин получил небольшую передышку. Ему не хотелось гнать ремонт, это могло отразиться на качестве работ. Дом на Кутузовском он собирался сделать своей эталонной работой, если точнее, визитной карточкой — когда еще выпадут такие возможности: простор двух квартир на одном этаже, и заказчик, не лишенный

художественного вкуса, не озабоченный лишь тем, чтобы затмить или удивить кого то, редчайший клиент, как часто думал о Тогларе дизайнер.

Предложение Фешина слетать в Париж на балетный фестиваль и остаться там встречать Новый год Наталью очень обрадовало, правда, у нее были проблемы с работой. Требовалось срочно найти себе достойную подмену: менеджеры торгового дома Кристиана Лакруа в Ростове держали обслуживающий персонал в строгой узде.

Фешин впервые собирался за рубеж и, как человек основательный, хотел предусмотреть все возможное — в чужой стране качать права бессмысленно. Там под рукой не будет братвы, которая и поддержать может, и посоветовать. Он, конечно, знал великую силу денег, но ведь надо и знать, кому давать, там, говорят, ошалели от беспардонности «новых русских».

Три года чеченского плена отдалили Тоглара от реальной жизни, да и последние несколько месяцев, когда от новой действительности он был надежно защищен деньгами, тоже не слишком расширили его кругозор. Путешествие любой человек оценивает прежде всего с точки зрения финансовых возможностей, так думал и Тоглар, а деньги у него были. Но на Запад, оказывается, просто так деньги не провезешь, необходимы документы на их вывоз. Тут опять пригодился всезнающий Георгий: он посоветовал Константину Николаевичу зайти к соседу по «Метрополю», Дантесу, который держал под колпаком несколько московских банков, и попросить у него с десяток подобных разрешений на свое и Натальино имя, якобы они покупали валюту в дантесовских банках.

Георгий предупредил, чтобы каждый счет не превышал десяти тысяч долларов, иначе они автоматически попадут в поле зрения налоговой полиции. Эйнштейн подсказал и другой путь: найти в аэропорту «Шереметьево-2» своего человека, лучше из таможни, который принесет прямо в самолет дипломат с деньгами. Этот канал надежно опробован крутыми людьми не только в аэропортах, но и на транспорте: водном, автомобильном, особенно на финской границе. Однако такой путь Константин Николаевич отмел сразу: не желал нарушать законы, да и с братвой хотелось общаться как можно реже. Но получилось еще лучше...

Когда Тоглар выложил свою проблему Дантесу и попросил помочь, тот снисходительно засмеялся:

— Да зачем тебе бумажки? А вдруг тебе понравится путешествовать по миру, перелетать из страны в страну — ты же завалишь таможенную декларациями. Давай мы тебе лучше дипломатические паспорта сварганим, зеленые. Действительны они пять лет, накатаешься всласть. По ним обычно не шмонают, если только кто-то на тебя специально не наступит в таможенную. Удобная штука, особенно для нашего брата, слинять из страны можно в любую минуту, сечешь? — и Дантес, распахнув сейф за спиной, достал свой дипломатический паспорт.

— Да, серьезная ксива, с такой не пропадешь. Если можешь, помоги обзавестись... — сказал Тоглар, повертев в руках зеленые корочки. А сам уже прикинул, что, если дело не выгорит, он для себя с Натальей сделает сам, и не хуже.

— Для тебя — нет проблем, дорогой Тоглар, ты мне трижды ксивы правил, выходит, за мной должок, — и, вызвав секретаршу, Дантес попросил ее соединить с кем-то из МИДа.

С чиновником разговор был короткий, видимо, тот давно сидел на крючке или на довольствии у Лозовского. Положив трубку, Дантес улыбнулся и, черкнув номер телефона на Смоленской площади, сказал, протягивая листочек Фешину:

— Блат блатом, а пять штук баксов за пару ксив завези, он там не один решает этот вопрос.

Так неожиданно разрешилась проблема вывоза наличных долларов, а заодно и возможность путешествовать как VIP-персоны, о такой удаче Тоглар даже мечтать не мог...

2

Париж встретил их зимним холодом, настоящей русской поземкой в аэропорту Орли, и Тоглар еще раз мысленно поблагодарил Георгия: по его совету он купил пальто «Дормей-престиж» с подкладом из баргузинского соболя, а для Натальи за неделю до отъезда в модном московском салоне приобрел изумительное манто из каракульчи золотистого оттенка. Хозяйка салона Пруссакова-Барковская не преминула рассказать, что на международных пушных аукционах такая каракульча —

под названием сур — ценится чрезвычайно высоко, и чтобы сделать подбор подходящего оттенка на одну шубу, нужно отсортировать сотни шкурок. Потому такое манто носила прежде только Галина Брежнева, а теперь оно есть и у первой леди России — Наины Ельциной.

Фирма «Содис» не обманула ожиданий, в аэропорту их встречали, и отель на Рю де Ришелье оказался недалеко от Гранд-Опера. Факс Эйнштейна сработал — в оргкомитете фестиваля их приняли радушно, выложив заказанные билеты на спектакли и концерты. Оплачивая все наличными, выкладывая немалые суммы, Фешин весьма удивил администратора. Впрочем, может, его огорошили чаевые? Но, как бы там ни было, вертлявый француз, мало чем отличающийся от наших прохиндеев — театральных администраторов, тут же поинтересовался: а не желают ли господа русские, за дополнительную плату, разумеется, попасть на большой бал-прием по случаю открытия фестиваля, который будет проводиться в Культурном центре современных искусств Франции имени Жоржа Помпиду, а закрытие — в одном из дворцов на Елисейских полях? К изумлению француза, русские согласились, не спрашивая, сколько это будет стоить, и вновь щедро одарили чаевыми. Тогда вконец растроганный администратор вручил им свою визитку и сказал, что он к их услугам днем и ночью.

И правда, до самого отъезда он время от времени звонил им в гостиницу и справлялся, не нужно ли в чем-то помочь, при этом его советы, рекомендации были очень дельными. Тоглар отметил, что мсье Жак, так звали нового знакомого, заменил им в Париже всезнающего и всегда готового услужить Эйнштейна. Уезжая, они обменялись с мсье Жаком адресами.

Порадовало Константина Николаевича и то, как Наталья прекрасно владеет французским языком, да и держалась она так, словно всю жизнь разъезжала по юбилеям великих хореографов мира, — почему-то французы посчитали, что именно Наталья связана с балетом.

В первый же вечер в Париже, гуляя по Елисейским полям, Тоглар сделал своей подруге подарок в изысканном ювелирном магазине фирмы «Шопард»: редкой красоты швейцарские часы из розового золота с розовыми бриллиантами и изумрудами

и похожее по оформлению кольцо — тоже изделие всемирно известной ювелирной фирмы «Шопард». Рассчитываясь опять же наличными, Фешин ожидал, что попросят паспорт, но обошлось, видимо, побоялись потерять выгодного клиента. Впрочем, Константин Николаевич специально оставил паспорт дома. Доллары тут же пропустили через какой-то сложный детектор, но творения рук Фешина с успехом выдержали и французский экзамен...

На следующий день по приезде, как ни рвалась Наталья в свой торговый дом Кристиана Лакруа, Константин Николаевич повел ее на Монмартр, ему не терпелось увидеть прославленную в последние полтора столетия улицу, на которой побывало столько гениальных художников. На Монмартр его тянуло еще и потому, что точно знал — тут бывал его дед, где-то под толщей асфальта остались навсегда и его следы. Взгляд Тоглара невольно задерживался на этих старинных зданиях, на этих пыльных витринах и, конечно, на церкви Сакре-Кёр в начале улицы. Тут, блуждая среди заповитых тротуар мольбертов, Тоглар, как когда-то в Казани, словно бы услышал голос крови, почувствовал себя не просто Костей Фешиним, но и внуком знаменитого живописца, а это ко многому обязывало.

Какие художники тут только не работали! Как и сто лет назад, в эпоху медлительных паровозов и дилижансов, откуда только ни прибыли сюда живописцы попытать счастья, и каждый из них наверняка считал себя непризнанным гением. Тоглар хотел купить на память о Монмартре какую-нибудь работу, но то, что он видел, его не устраивало. Тут каждый творец рассчитывал прежде всего на коммерческий успех — жизнь в Париже дорогая, — но эти картины, этюды, зарисовки он бы даже кичем назвать не решился. Работы вольных художников в Москве на Крымском валу — стихийном русском Монмартре — в массе своей были гораздо интереснее. Картину он решил приобрести все-таки где-нибудь в салоне или антикварной лавке, которыми так богат и славен Париж.

Может, оттого, что здесь до Константина Николаевича бывал его дед, Тоглар неожиданно ощутил связь времен, словно от академика Фешина протянулась к нему сквозь годы оборвавшаяся из-за революции и социальных потрясений нить родства, и Париж стал ему еще ближе, понятнее...

Бал-прием в честь открытия фестиваля памяти Джона Кранко в Центре современных искусств Помпиду привел Наталью в восторг прежде всего изысканностью и роскошеством вечерних туалетов, так что она даже загорелась идеей заказать себе у Кристиана Лакруа специальное платье для заключительного бала-банкаета на Елисейских полях и уже мысленно видела себя в нем. Тоглар не стал возражать, ему приятно было радовать свою возлюбленную.

Торговый дом находившегося в зените славы кутюрье Кристиана Лакруа Тоглар представлял несколько иным. Нет, он его не разочаровал, просто таков уж российский менталитет, что мы легко принимаем на веру все хваленое иноземное, ориентируясь и доверяя рекламе или видеоклипам. Конечно, фасад — то есть приемная, где встречали высоких гостей, прессу, фоторепортеров, богатых заказчиц, — отличался изыском и даже шармом, но в Париже немало мест, где витрины поражают вкусом, тщательным дизайном, подчеркнутым богатством и блеском. А тут ему случайно удалось увидеть и закулисье высокой моды — за фасадом оказались цеха, причем с жестким фабричным графиком, суетой и даже с привычными нам авралами и субботниками — мода всегда требует жертв.

Конечно, Наталья во время стажировки бывала вместе с подругами из России в главном здании Дома высокой моды, и не раз, но кто же запомнит какую-то Наташу Зимину из Ростова. Поэтому ей пришлось долго и терпеливо объяснять, что она имеет непосредственное отношение к Дому Кристиана Лакруа, работает в его ростовском филиале, а сейчас, оказавшись в Париже по личному делу, хотела бы заказать себе вечернее платье. Тоглар сидел неподалеку в богато оформленном холле в глубоком кресле, обитом плотным китайским шелком осенне-золотистых тонов, и наблюдал, как у стола администратора Наталья пытается что-то втолковать немолодой француженке, упирая на то, что она-де служащая Дома Кристиана Лакруа, — вот это-то и сбивало с толку вышколенную приемщицу заказов, это было выше ее понимания. Роскошное манто из золотой каракульчи, кольцо и часы, усыпанные розовыми бриллиантами и изумрудами, которые за версту кричали, что они от «Шопард», выдавали в Наталье солидную клиентку, но тогда при чем здесь какая-то служащая? В общем, приемщица вконец

запуталась, хотя и держалась ровно, с улыбкой, пока Наталья не назвала фамилию одного из менеджеров фирмы — Робера Платта. Тогда администратор, облегченно вздохнув, спросила:

— Так вам вызвать мсье Платта?

И Наталья, поняв, что иначе не объяснить, согласно закивала.

Через несколько минут в холле появился энергичный молодой человек, видимо, ровесник Натальи. Увидев гостью из Ростова, он с улыбкой кинулся к ней, раскинув в приветствии длинные руки:

— Натали! Бонжур! Какими судьбами? — и на глазах у всех по-русски крепко обнял и поцеловал ее в щечку.

Обменявшись несколькими фразами, француз хотел увести Наталью с собой, но она показала на сидевшего в кресле у окна Тоглара и, подведя молодого человека, представила:

— Робер Платт, мой французский шеф. Курирует российский рынок и наш Ростов. А это, знакомьтесь, Константин Николаевич Фешин, художник. Мы приехали на фестиваль памяти балетмейстера Джона Кранко.

— О-о!.. — восхищенно воскликнул Робер и, как почувствовал Тоглар, завистливо посмотрел на него.

Тогда он не понял, была ли это ревность к человеку, приехавшему на такое всемирное элитарное торжество, или взгляд этот был как-то связан с Натальей. Заметил Константин Николаевич и то, как придирчиво осмотрел француз его распахнутое пальто из ткани «викунья» и английский костюм от «Обвиос» из самых дорогих сортов ткани «черрути». Конечно, для специалиста Дома Кристиана Лакруа такие вещи не остались незамеченными, как и резкое преображение Натальи, которое он, без сомнения, связал с этим элегантным седеющим господином, одетым по самым высшим мировым стандартам.

Тут же, в холле, Наталья объяснила Роберу, что хотела бы заказать на заключительный бал-банкет по случаю закрытия фестиваля вечернее платье, а если он подберет что-то из новых моделей Кристиана Лакруа, то она, может быть, купит еще и пару костюмов для весны-осени и, обязательно, светлый плащ!

— О, с этим нет проблем, тем более для своих российских представителей, — улыбнулся менеджер и продолжил с жаром: — Наш шеф, мсье Лакруа, большой поклонник балета, и, как

я знаю, он тоже приглашен на этот бал, ему будет приятно видеть свою работу на очаровательной девушке из России. Идемте прямо к нему, я вас представляю, — и широким жестом мсье Платт пригласил их на второй этаж.

В другом конце просторного холла, у широкой лестницы, ведущей наверх, Тоглар заметил уютный бар и сказал Наталье, что подождет ее внизу, не будет мешать ее общению с коллегами.

Платт по этой же мраморной лестнице, устланной сочно-зеленым ковром, увел Наталью сначала в демонстрационный зал, где были выставлены новейшие модели одежды, а уж потом представил ее самому знаменитому кутюрье. А Тоглар, раздевшись, перебрался за стойку бара, в котором так ароматно пахло кофе и звучала негромкая музыка тех далеких тридцатых — сороковых, когда рождались великие биг-бэнды: Гленна Миллера, Луи Армстронга, Бенни Гудмана, Олега Лундстрема...

Константин Николаевич прождал Наталью почти три часа. После первого часа он понял, что мода действительно не может обойтись без жертв, и смирился с потерянными временами. А за окном, хоть и слякотный, промозглый, шумел Париж.

Наталья появилась в баре сияющая, довольная, с новым проспектом работ Лакруа в руках, и, робея, протянула Константину Николаевичу внушительный счет, но Тоглар, даже не взглянув на него, небрежно сунул квитанцию в карман, ободряюще подмигнув ей, мол, не переживай — оплатим, и попросил для нее шампанского. Тоглару доставляло удовольствие радовать свою подружку, видеть ее такой счастливой. Потом они пересели в баре за крошечный столик у окна, и пока Наталья наслаждалась ароматным кофе-капучино, Тоглар пошел рассчитаться за заказы, сделанные своей возлюбленной.

И вновь у кассы возникла неожиданная сумятица: сумма зашкаливала за сто тысяч, и не во французских франках, а в полновесных долларах, и получить ее наличными никто не ожидал. Но тут растерянную кассиршу выручил подошедший Платт: он распорядился принять деньги, видимо, менеджер по России привык уже, что «новые русские» разъезжают по свету с чемоданами, полными наличности. Доллары опять пропустили через какой-то необычный вакуумный детектор, и Тоглар

снова одержал победу над теми, кто считает, что способен контролировать качество валюты.

За три часа слушания ностальгического джаза Константин Николаевич проникся особым минорным настроением. Бармен, наверное, и сам равнодушный к тому давнему джазу в исполнении легендарных виртуозов, обратил внимание, что холеный господин в безупречно подогнанном костюме, так долго задержавшийся за стойкой, наслаждается музыкой, а не убивает время, поэтому он не просто менял компакт-диски, а тщательно выбирал их. В конце концов, общая любовь к ретро-джазу помогла им понять друг друга без слов: Константин Николаевич объяснил бармену жестом, что хотел бы выпить с ним, и показал на редкую и дорогую бутылку коньяка. Так, потихоньку, до прихода Натальи они и опустошили ее чуть ли не полностью.

Вернувшись с оплаченным чеком за заказы, Тоглар мечтательно сказал:

— Как было бы здорово пойти сегодня вечером в какой-нибудь шикарный ресторан с хорошей кухней, и чтобы там играл большой джазовый оркестр, ну, пусть не такой, в три яруса на эстраде, как в старые добрые времена, но и не общипанные квинтеты, секстеты с электроинструментами, а хотя бы три-четыре трубы, саксофоны, группа тромбонов. — И пояснил почему: — Это как в опере — без внушительного хора не так звучит голос даже самого выдающегося солиста, непременно нужен фон. Так и джаз — прежде всего мощь медных инструментов оркестра.

Наталья, счастливая, что удалось сделать заказы, о которых она в своем Ростове и мечтать не могла, и что они будут готовы в ближайшие дни, хотела тоже чем-то порадовать Константина Николаевича. Поэтому, взяв Тоглара под руку, шутливо сказала ему:

— Вот сейчас вернемся в отель, позвоним мсье Жаку и спросим, есть ли в Париже такой ретро-ресторан. Я бы тоже с удовольствием станцевала с тобой танго под музыку, скажем, Гершвина.

Возможно, через час Тоглар уже забыл бы о своем желании, возникшем в баре, — оно появилось действительно под настроение, — но Наталья, как только они вошли в свой номер, тут же позвонила мсье Жаку в Гранд-Опера. Шустрый администратор,

внимательно выслушав ее, пообещал связаться с ними через полчаса, но позвонил с заметным опозданием, обычно он бывал пунктуален. Мсье Жак очень хотел угодить русским из Москвы, он понимал, что не во всякий ресторан можно отправить гостей с богатой фантазией, для которых цена, какая бы она ни была, в принципе ничего не значит. В Париже можно легко отыскать с десяток приличных ресторанов, где играет джаз, но мсье Жак угадал, что тоглар с Натальей хотят не только послушать музыку в исполнении первоклассного оркестра, а желают окунуться в атмосферу прошлых лет, почувствовать ушедшее время. И он, обзвонив нескольких эстетов, хорошо осведомленных о светской жизни Парижа, нашел такой изысканный ресторан, где все: интерьер, убранство и даже одежда — было выдержано в соответствующем духе. Ресторан этот любили посещать богатые снобы со всего света, тосковавшие по тем неспешным временам и, конечно же, неравнодушные к джазу, назывался он «Леди Астор».

3

Позже, вспоминая свою поездку в Париж, и Тоглар, и Наталья одним из памятных событий во Франции будут считать именно тот незабываемый ужин, что прошел при свечах в «Леди Астор». А ведь они провели в Париже не один замечательный вечер, чего стоил каждый день фестиваля — порою по два-три одноактных балета в едином спектакле, а какие имена — звезда на звезде! Не говоря уже о балах по случаю открытия и, особенно, закрытия фестиваля, на котором Наталья блистала в невероятно эксцентричном платье от Кристиана Лакруа, и сам великий кутюрье подходил к ним за время банкета не один раз. Он и позировал для фотокорреспондентов и для прессы рядом с Натальей, отрекомендовав ее своей сотрудницей в России, в далеком и незнакомом французам Ростове. Впрочем, Наталья сумела доходчиво представить заносчивым парижанам свой любимый Ростов. Она сказала, что Ростов — это столица русского казачества, великолепно описанного в романе ее земляка Михаила Шолохова «Тихий Дон», где и сейчас живут потомки тех усатых, в красных папах казаков,

которые некогда верхом въехали в Париж победителями. За этот эмоциональный спич ей даже поаплодировали, и весь оставшийся вечер она была на виду.

Пожалуй, только здесь, в «Леди Астор», Константин Николаевич в полной мере ощутил силу долларов, даже фальшивых, понял, что значит путешествовать по миру с большими деньгами. Только пройдя по зеркальному паркету несколько шагов вслед за метрдотелем, Фешин почувствовал: вот живое воплощение его грез, давней и казавшейся несбыточной мечты — оркестранты, в безукоризненно белых смокингах, в жемчужных парчовых наутюженных жилетах, встречали его со спутницей сказочно-прекрасной, берущей за душу «Лунной серенадой» Гленна Миллера.

В этот вечер в «Леди Астор» они встретили многих из тех, кого видели на балетном фестивале, в основном иностранцев: немцев, англичан, американцев, японцев. С некоторыми они сталкивались у себя в отеле, наверное, и сами кому-то показались знакомыми. Уж очень эффектно они смотрелись рядом: высокий, породисто-вальяжный, не по возрасту стройный сидящий Тоглар и по-спортивно изящная русская красавица, полная сил и молодости Наталья.

Конечно, и высокое ведерко на столе, в котором среди колотого льда покоились бутылки уже известного им французского шампанского «Тайтингер», и два четырехрожковых невысоких подсвечника-шандала из потемневшего серебра, стоявшие справа от каждого из них рядом с невероятным количеством столовых приборов, — все было антикварным. Хотя Тоглару, неплохо знавшему антиквариат, тут же пришло на ум высказывание консервативных англичан, которое гласило, что все произведенное после 1830 года не может считаться истинным антиквариатом. Но вслух это снобистское утверждение Тоглар произносить не стал.

Наверное, и герои фицджеральдовских романов когда-то смаковали такое же изысканное шампанское, запивали нежнейшую дичь, выдержанную в гранатовом соке, тем же белым вином из Прованса, и на столе золотой горкой высились такие же ананасы из Марокко и Алжира, а тюльпаны рядом с ними были доставлены из соседней Голландии, но, главное, для них звучала почти та же музыка. Продуманно выстроенная психологически —

по восходящей — от минорных мелодий до зажигательных рок-н-роллов, — она пьянила сильнее вина. Трудно сказать почему, но, может, оттого, что и другие гости «Леди Астор», как и Тоглар с Натальей, были сегодня в этом ресторане впервые, а может, даже впервые в Париже, и тоже хотели, чтобы этот вечер остался в памяти навсегда, вскоре, как по мановению волшебной палочки, пропала к полуночи чопорность: кутили, как и фицджеральдовские герои, без оглядки, азартно, неистово. Тоглар, бывалый гуляка, знал этот ресторанный психоз и наслаждался тем, как праздник пьянил счастливую Наталью.

Заканчивали ночь в «Леди Астор», как и в любом русском ресторане: ходили от стола к столу, угощали друг друга, посылали оркестрантам дорогие вина и коньяки, щедро одаривали их чаевыми, вновь и вновь заказывали полюбившиеся мелодии, обменивались визитками, наверное, кто-то даже признавался друг другу в вечной любви и верности — в общем, гуляли лихо, совсем по-русски, хотя и в Париже, во французском ресторане с английским названием.

Еще до начала шумного загула Тоглар вдруг предложил:

— А может, нам отметить здесь и Новый год?

— Я была бы счастлива, милый, мне здесь так нравится, — ответила Наталья и вся вспыхнула от радости.

Константин Николаевич, не желая откладывать дело в долгий ящик — до Нового года оставалось чуть больше недели, — отправился на поиски главного администратора «Леди Астор». Но столы на новогодний бал, оказывается, были зарезервированы задолго до Рождества. Католический Париж встречает праздник чуть раньше православной Москвы. Выручил Тоглара опыт завсегдатая злчных мест: как и в Белокаменной, он достал внушительную пачку долларов и сказал, что готов заплатить за стол двойную цену. Администратор сразу потеплел взглядом и спросил на ломаном русском:

— Русский? Москва? — Получив утвердительный ответ, он поинтересовался, уточняя: — На сколько человек хотите заказать стол?

— На двоих, — показал пальцами Тоглар.

— Это меняет ситуацию. Я думаю, мы найдем для вас места в зале. — И администратор, встав, уже дружески протянул Тоглару руку.

Чтобы получить до отъезда заказы от кутюрье Кристиана Лакруа, Наталье пришлось ежедневно проводить по три-четыре часа на примерках в салоне мэтра, а производственные цеха находились в разных кварталах Парижа, иногда и в разных концах столицы. Тоглар еще раз убедился, что мода требует жертв, и прежде всего от самой модницы. Чтобы не ломать друг другу день, Константин Николаевич утром, после завтрака в номере, завозил ее на такси по нужному адресу и оказывался свободным до обеда, или, как говорила Наталья на английский манер: до ленча. Обедать договаривались в каком-нибудь известном ресторане, опять же, прибегая к услугам мсье Жака, и Тоглар приезжал туда пораньше, делал заказ на свой вкус и ожидал освободившуюся Наталью уже в зале.

Тоглар ничего не рассказывал девушке ни о себе, ни о своих предках — как-то не пришлось, да и она не спрашивала, принимая все как есть. Конечно, ему больше всего хотелось поведать ей про своего знаменитого деда Николая Ивановича Фешина, повезти ее в Казань, показать ей зал в музее с автопортретом у входа, взглянув на который, в их родстве можно было не сомневаться, но все казалось — не подошло время, не настал еще момент. Оставаясь каждый день с утра на несколько часов один в Париже, Тоглар отправлялся в музей или известную галерею, надеясь случайно наткнуться на работы Николая Ивановича. Отыщи он работы Фешина в галереях, появился бы и резон объяснить с Натальей, поведать о своих корнях. Конечно, когда он приведет Наталью на Кутузовский проспект в новую квартиру, покажет студию-мастерскую, обязательно расскажет ей про своего знаменитого деда, покажет единственную картину, оставшуюся от мастера и случайно попавшую к нему. Тогда, может быть, она лучше поймет его страстное желание рисовать, попытаться использовать свой шанс в творчестве. Тоглар помнил счастливые глаза возлюбленной в Ростове, когда молниеносно сделал углем ее портрет и портрет утонченного хозяина галереи «Салар».

В Лувре он уже побывал вместе с Натальей, сразу после посещения Монмартра, но однажды его вновь потянуло туда — спокойно посмотреть еще раз зал близких его душе импрессионистов. И на этот раз ему неожиданно выпала удача. В зале современных художников он увидел изумительный парадный

портрет Рудольфа Нуриева, под чьим патронажем проходил нынешний фестиваль. Но главным оказалось то, что картина была кисти российского художника Эдуарда Шагеева, того самого, чью огромную картину «Сон эстета» он купил для интерьера в свою мастерскую-студию как раз накануне отлета в Париж.

В Париже Тоглар часто и с благодарностью вспоминал Эйнштейна, это ведь с его легкой руки он вызвал Наталью в Москву и уговорил отметить Новый год в европейской столице.

Вспомнив в очередной раз про Георгия, Константин Николаевич купил в подарок ему, Аргентинцу и Дантесу, заядлым картежникам, по большому набору французских карт высочайшего уровня полиграфии — смесь шелка, льна, хлопка, качественных сортов бумаги, а о красках, рисунках, сделанных известными художниками Европы, и говорить не приходится — так и просятся в руки. Зная страсть Эйнштейна к аксессуарам, Тоглар приобрел ему по дюжине шейных платков от Эрмес и галстуков от Кардена. Наткнувшись на ювелирный магазин «Картье», вспомнил о визитных карточках, так поразивших его воображение в «Пекине», и тут же заказал себе сотню из сусального золота, правда, больше часа бился с тамошним художником, пока не придумали сложную монограмму из его инициалов: К. Н. Ф., обозначил же он себя на визитке кратко и скромно — художник.

Не забыл Тоглар и про подарки для Виленкина, с которым переговаривался по телефону каждые три дня. Дела на Кутузовском проспекте продвигались успешно, хотя до завершения было еще не близко. Но в Париже Константин Николаевич несколько успокоился: Наталья была рядом, а жить в «Метрополе» совсем не плохо, на худой конец, можно было бы еще куда-нибудь слетать отдохнуть, например, на острова в теплом Индийском океане, — наверное, приятно среди зимы вернуться в Москву загорелым. Не прав был поэт, когда назидательно заметил:

*Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.*

Жаль, поздновато открылись и границы, и возможности...
Для дизайнера Виленкина Тоглар накупил журналов, книг,

альбомов по оформлению интерьеров в жилых зданиях, офисах, банках, ресторанах, барах. Константин Николаевич бегло перелистал их у себя в номере и с удовольствием отметил, что московский дизайнер нисколько не уступает прославленным коллегам из Парижа, особенно если судить по салону «Ягуар-стиль» в гостинице «Софитель-Ирис». Тоглар лишней раз убедился в верности своей теории — если человеку дан талант, он проявится где угодно, при любых условиях, пример тому и Джон Кранко, и Рудольф Нуриев, да и его дед — художник Фешин.

Дни в Париже таяли, как свечи в шандале, первое совместное путешествие с возлюбленной подходило к концу, все чаще Наталья возвращалась с примерок с готовым заказом, сияющая от счастья, и эти минуты доставляли Константину Николаевичу большую радость. Она часто звонила в Ростов, домой, подружкам, и все торопили ее вернуться. Она и сама стала собираться домой, узнав, что ее мать попала в больницу, пришлось запастись здесь нужными для нее лекарствами. Выходило, что в Москве Наталья не остановится, прямо из «Шереметьево-2» поедет в аэропорт Домодедово и улетит в Ростов.

В тот день, когда на Елисейских полях был назначен бал-банкет по случаю закрытия фестиваля, Тоглар с Натальей вернулись в гостиницу с прогулки по городу пораньше. Вечернее платье для бала лежало в номере уже два дня, да и другие заказы были упакованы к отъезду. Наталья, не раз примерявшая платье для вечера и демонстрировавшая его Константину Николаевичу, неожиданно решила сходить в парикмахерскую, сделать новую прическу, подходящую для выхода в высший свет. Ее примеру решил последовать и Тоглар, в Париже они были уже около двух недель, и подстричься не мешало, да и любопытно было, как работают французские цирюльники.

Вдвоем они спустились на первый этаж, где располагались мужской и женский салоны. Наталье повезло больше, для нее в дамском зале оказалось свободное кресло, а в мужском салоне Константину Николаевичу пришлось немного подождать, оба мастера, судя по всему итальянцы, потомки вездесущего Фигаро, были заняты. В небольшом уютном холле на мраморном столике лежали газеты, журналы, рекламные проспекты. Русских газет французские отели пока не держат, и, чтобы

скоротать время, Тоглар взял богато иллюстрированный еженедельник — он не знал французского, но на иных фотографиях можно прочесть о многом. Однако листать весь журнал не пришлось, снимок на второй или третьей странице задержал его внимание надолго. На добротной мелованной бумаге был заснят роскошный номер «люкс» в дорогом лондонском отеле «Лейнсборо». Роскошь интерьера, цветовое и пространственное решения и привлекли вначале его внимание: все убранство комнаты, живые цветы, шторы, жалюзи идеально уложились в цветной снимок, да и ракурс был выбран удачно, — как говорится, все попало в кадр, всему нашлось место.

Наверное, увлекшись цветовой гаммой, он вначале не заметил главного в кадре: на вишнево-красном персидском ковре, устилавшем пол комнаты, лежали вразброс, как в балетной сцене, два молодых человека в одинаковых белых костюмах, и лица этих парней показались Тоглару знакомыми. Вглядевшись внимательнее, Фешин понял: так и есть — братья Цуцаевы из Грозного, он хорошо их знал. Того, что лежал на снимке слева, ближе к окну, звали Алиханом, он был старшим, а второго, более спокойного и рассудительного, — Асланом. Оба из знаменитого чеченского рода, люди, близкие к генералу Дудаеву, его особо доверенные лица. Братья Цуцаевы лично контролировали подпольный монетный двор Чечни.

Тоглар невольно глянул на свои «Юлисс Нардан», их из Цюриха привез ему в подарок Алихан. За три дня до побега Тоглара из чеченского плена братья отправились в Крым посмотреть знаменитый Коктебель, а заодно, если удастся, прикупить на фальшивые доллары тамошнее казино и парочку приходящих в упадок санаториев.

Глядя на снимок, Тоглар вдруг ощутил пронзительную жалость к братьям Цуцаевым — молодые, красивые, хорошо образованные, любили жизнь, — кто же их достал? И это в Лондоне! Ну, в Москве было бы понятно. Тоглар осознавал, что ему от этой неожиданной и важной вести следует радоваться, может, даже заплясать, распить бутылку хорошего шампанского — ведь только братья Цуцаевы имели с ним контакт, от всех других чеченцев он был надежно засекречен, охрана тут не в счет. Лишь Цуцаевы доподлинно знали весь процесс его работы, они доставляли сложнейшую аппаратуру из Англии,

и только они могли организовать настоящую охоту за ним. Выходит, по большому счету, они унесли с собой тайну фальшивых долларов из Ичкерии — не станет же он сам давать широковещательные интервью по этому поводу.

Наверное, надо было закричать на весь парижский отель: «Свободен! Свободен!», как когда-то в Ростове, в гостинице «Редиссон-Ростов». Но радости Тоглар не чувствовал, наоборот, ощутил нарастающую в душе тревогу.

Охотник за «граверами»

Карлен Татлян постепенно проникался особой любовью к Москве. Причина была простой — деньги из саквояжа чеченцев, убитых в лондонском отеле «Лейнсборо», резко изменили жизнь репортера светской хроники, а заодно и агента ЦРУ под кличкой Норман. На другой день после возвращения Вагана и Армена из Англии и застолья по этому случаю Карлен откликнулся на предложение соседей посетить новомодный салон «Ягуар-стиль» в гостинице «Софитель-Ирис», где впервые за свою самостоятельную жизнь хорошо оделся: он всегда отличался вкусом, не было до сих пор лишь возможностей. Карлен разделял мнение Абрека о том, что американцы одеваются плохо и безвкусно, но, опять же, это происходит у большинства из-за обычной нехватки денег. Модная одежда, особенно европейская, в Америке стоит дорого, возможно поэтому практичные американцы изобрели и подарили миру пресловутые джинсы и безразмерные майки. Да и все эти гамбургеры, хот-доги, сэндвичи придуманы не от хорошей жизни, просто ритм существования в этой стране такой, что там и пообедать, по российским понятиям, некогда, где уж тут до супов, рассольников или борщей.

Конечно, Карлен был ошарашен разнообразием выбора мужской одежды, предлагаемой салоном, и, будь он один, наверняка купил бы себе лишь кое-что по мелочи, цены все-таки поражали воображение. Но Абрек и Крис, словно соревнуясь друг с другом, экипировались с головы до ног, и Карлен вынужден был последовать их примеру, тем более, что одеваться ему пришлось, как говорят в России, на халяву. В противном

случае ереванские знакомцы, родственники легендарного Сво, не поняли бы его, заподозрили в жадности, а жадным мало кто доверяет, жадных сторонятся, Карлен же не хотел терять дружбы с щедрыми и бесшабашными соседями. Наверное, они заметили, с какой неохотой расставался он с деньгами в магазине, поэтому, возвращаясь домой в машине, Абрек сказал ободряюще:

— Каро, ты трать деньги, не жалея. Молодость в жизни бывает один раз. А кончатся — опять можешь нырнуть в сак-воаж... Гуляй на здоровье, ты у нас как талисман...

Впервые по-настоящему отведав блюда русской кухни от Петровича из «Золотого петушка», Карлен понял своих друзей, у которых еда занимала не последнее место в жизни. Абрек как-то заметил, что биг-мак, гамбургер или хот-дог он может съесть, только если попадет на тюремные нары, впрочем, он и там рассчитывал на приличную еду за счет передач. И шутя размышлял, не оплатить ли заранее Хавтану, владельцу «Золотого петушка», своеобразную страховку тысяч в двадцать долларов, чтобы тот позаботился о его питании в местах не столь отдаленных, если уж он туда загремит. Кстати, его легкомысленная на первый взгляд идея пришлась Хавтану по душе: он-то хорошо знал, что нынче в России достаточно богатых людей, готовых подстраховать себя на подобный случай, — рентабельный получился бы бизнес. Хавтан, загоревшись этой идеей, на следующий вечер в «Пекине» даже провозгласил за столом тост-лозунг: «Каждой тюрьме в зоне прикрепить по «Золотому петушку»!»

Поэтому Карлен, иногда с соседями, а чаще один, навещался в «Золотой петушок». Когда он приезжал с Абреком и Крисом, у их стола, выказывая гостям особое уважение, на минутку появлялся сам Петрович, мало похожий на привычного шеф-повара. Кудесник русской кухни в «Золотом петушке» скорее походил на бывшего спортсмена, чтившего режим, или на отставного служаку — среднего роста, крепко сбитый, подтянутый, с четкими, уверенными движениями и жестами, немногословный и со странностями.

Например, Хавтан уже несколько раз мог отправить Петровича на конкурс поваров или на месячник национальной кухни в Париж или Лондон, в Афины или Стокгольм

— известные европейские отели часто проводят подобные мероприятия, и обычно желающих попасть туда — тьма, но Петрович обескураживающе говорил: «А зачем? Я и так знаю, что хорошо готовлю, мне самоутверждаться ни к чему, и реклама мне не нужна. А кто хочет отведать русской кухни, тот пусть пожалует к нам в Россию, на месте откушает нашу исконную еду с русским хлебом, русской водочкой...» Так, или примерно так, заканчивались все разговоры о конкурсах, месячниках русской кухни в западных столицах мира.

Говорят, была у Петровича в молодые годы и ходка в зону, вроде он там и пригрел бакланистого земляка Хавтана, дал ему подняться. В общем, непростой мужик был Петрович, и чувствовалось, что хозяин «Золотого петушка» не только гордится своим широко известным в московских кругах поваром, но и доверяет ему. Говорят, на заре своего становления Хавтан брал Петровича даже на серьезные разборки, а на такое дело не всякого возьмут. Но биография Петровича мало волновала Карлена, главное, готовил тот действительно замечательно — пальчики оближешь, и потому бывать в «Золотом петушке» хотелось как можно чаще.

Сбылась и американская мечта Карлена — он купил автомобиль, не в рассрочку, как принято в Штатах, а за наличные, и не какой-то задрипаный серийный «форд» или японскую малолитражку, а машину высшего европейского класса — белый «мерседес» последней модели, со всеми индивидуальными наворотами и прибабасами. Выбери он что-нибудь попроще, владельцы бездонного саквояжа на четвертом этаже его бы не поняли. Впрочем, когда он выехал из торгового представительства «Мерседес» в Москве, то вспомнил, как еще недавно позавидовал некоему Картье, когда-то после своего дня рождения в «Пекине» отъехал от гостиницы на такой же белой красавице. Тогда он и представить не мог, что станет владельцем шестисотого «мерседеса», да еще так скоро.

Завел наконец-то Карлен и постоянную подружку в Москве. Конечно, отсутствием внимания со стороны прекрасных дам он не страдал, тем более бывая постоянно на тусовках, премьерях и презентациях. Некоторые девушки льнули к нему по известной причине, им казалось: иностранец, американец, работает в солидной газете, значит, богатый человек, может жениться,

увезти в вожделенную Америку, но таких Карлен вычислял на раз и быстро отваживал. Не заводил он пассиву, опять же по финансовым соображениям — жизнь в Москве дорогая: пойти куда вечером вдвоем посидеть, погулять — не одну сотню долларов нужно выкинуть. Теперь же необходимость в жесточайшей экономии отпала, и он мог позволить себе жизнь вполне процветающего плейбоя. Времени и средств у Татляна было в достатке, культурная программа русской столицы к его услугам — везде желанен, кругом приглашен, мог даже выбирать, куда пойти, а куда и отказаться.

Заходя в «Золотой петушок» один, Карлен выбирал такой стол, чтобы не особенно бросаться в глаза, а самому иметь возможность наблюдать за залом, в частности, за входом, — архитектура ресторана позволяла это. Обустроившись, оглядевшись в Москве, Карлен понял, какое у него непростое задание — конкретного результата можно и не добиться, долгие годы проработать вхолостую. Поэтому он поставил себе несколько иную задачу, чем его хозяева в ЦРУ, и на это его натолкнула встреча с колумбийским наркокурьером в ресторане гостиницы «Метрополь». Выявить центр или найти хотя бы локальный район, где печатаются фальшивые доллары в России, ему казалось делом почти нереальным, но не признаешься же в этом руководству! Москву покидать не хотелось ни в коем случае, он буквально вращался в ней не по дням, а по часам, а для того, чтобы надолго застолбить себе место в русской столице, нужен был успех или хоть какие-то результаты — даром деньги нигде не платят, тем более в Америке. Многословные, но безрезультатные отчеты могли устраивать начальство лишь на первых порах — там, наверху, тоже не лохи сидят, сами прошли низовую работу, чувствуют, когда пургу гонят, туфтой кормят.

Татлян не хотел попасть в категорию «бумажных» агентов, так называют как раз тех, кто преуспевает не на деле, а в отчетах и предположениях, и от которых стараются избавиться из-за их профессиональной непригодности. Поэтому его новая тактика ориентировалась на результат, любой, пусть даже не связанный напрямую с изготовлением фальшивых долларов. Задержание по его наводке представителя наркобаронов из Колумбии, приехавшего навести мосты с российской мафией, высоко оценили в ЦРУ. И теперь Карлен Норман все чаще

и чаще запрашивал материалы на наркодельцов и на известных мастеров по изготовлению фальшивой валюты со всех континентов. Татлян чувствовал, что в России может быть востребовано их мастерство, тут криминальный мир живет в тесных объятиях с властью, имеет силу и может позволить себе напечатать миллиард другой — страна большая, богатая, все рассосется.

Кроме русской кухни, интересен был Карлену «Золотой петушок» и тем, что здесь бывали криминальные авторитеты, а также много иностранцев, так же, как и он, по достоинству оценивших мастерство Петровича и его неподражаемые закуски, холодные и горячие, к настоящей русской водочке. «Срисуй» он тут залетного итальянского или польского фальшивомонетчика с кемнибудь из крутой братвы — а их-то он уже научился распознавать за версту, в какие бы карденовские одежды они ни рядились, — и можно было еще годы и годы жить в полюбившейся русской столице. А там, выпавши еще какая-нибудь серьезная удача — хоть с наркотиками, хоть с преступлением, представляющим угрозу безопасности США, — и он уже стал бы специалистом по России. А тех, кто выдает результаты, не дергают с обжитого места, это он знал точно.

«Золотой петушок» подходил ему по всем статьям: впервые сюда он пришел с авторитетами Абреком и Крисом, а значит, был своим человеком. Если Хавтан и не подсаживался к его столу, когда он бывал один или со своей подружкой Олей, то, проходя мимо, всегда приветствовал его: обронит доброе слово, а то и пришлет бутылку хорошего шампанского — такой чести удостоиваются не все завсегдатаи. Да и обслугу Карлен мало-помалу приучал к себе, вручая ощутимые чаевые или небольшие, но со вкусом подобранные подарки, — в будущем халдеи всегда могут стодиться. Не зря же в разведшколе его учили: официант — самый лучший источник информации. В общем, «Золотой петушок» оказался для Карлена приятным и полезным во всех отношениях, вроде и гулял, и был при деле — редкостное совпадение.

Девушка, с которой Карлен встречался, Оля Харитонова, оканчивала юридический факультет МГУ, а жила в соседнем доме, тоже на улице Ямского Поля. Была она профессорской дочкой из семьи старых потомственных москвичей чуть

ли не в двадцатом поколении. Перестройка резко изменила социальное и материальное положение именно этой категории людей — они оказались за бортом новой жизни. Профессора Харитонову отправили на «заслуженный отдых» с ничтожной пенсией в первые же годы реформ, и он остро переживал, что стал никому не нужен.

Оля, как и Карлен, оказалась театралкой и радовалась каждому спектаклю, концерту, балету, на которых они бывали вместе. Впрочем, именно Карлен открыл ей, коренной москвичке, невероятную вечернюю жизнь столицы, о которой она даже и не догадывалась, считая, как и отец, что все вокруг пришло в полный упадок, а оказалось, рядом шла такая интенсивная, насыщенная до предела жизнь. Нравилось ей и в «Золотом петушке», хотя она не понимала, почему Карлена тянет именно в этот ресторан, ведь в Москве столько привлекательных мест! Но не возражала, когда он приглашал ее именно туда, она видела, с каким аппетитом уплетает он все, что им подавали на стол, — Карлен уверял ее, что лучше Петровича в России, наверное, никто не готовит.

Теперь, если понадобится, свои частые посещения «Золотого петушка» Карлен вполне мог объяснить любовью к русской кухне. Тут таких завсегдатаев было много, клиентура ресторана сложилась давно, одни приезжали обедать почти каждый день, другие появлялись только по вечерам — концертную программу и музыкантов Хавтан обновлял почаще, чем меню и винный ассортимент.

В один из таких вечеров, когда Карлен ужинал у Хавтана вместе с Ольгой, он увидел Картье, знакомого ему с первого посещения казино «Трефовый туз». Тот тоже пришел не один, а с небольшой компанией, половину которой составляли девушки. По тому, как вокруг него закружились метрдотели и официанты, Карлен понял, что Картье тут человек не случайный. А вот ориентировку на него Карлен получил только спустя четыре месяца, слишком долгий срок для его ведомства, но, видимо, и случай был особый. Оказывается, Вячеслав Михайлович Неделин два года служил на Дальнем Востоке в десантных войсках, а позже, на втором году, был откомандирован в войска особого назначения, куда ведется строжайший отбор. Прошел там школу диверсионной

и противодиверсионной подготовки, знал иностранные языки, был обучен радиоперехвату и работе в эфире и еще ряду дисциплин секретного характера. Происходит из интеллигентной московской семьи. В годы перестройки успешно вписался в бизнес, имеет собственное дело. Начинал с продажи крупной партии компьютеров и оргтехники «белой» сборки для нарождающихся банков России, преимущественно в Москве. Сотрудничал с известной английской фирмой, рассчитывался в срок, с первыми поставщиками в контакте до сих пор. На Западе бывает редко, в основном в Лондоне. И ни слова о его криминальных связях.

В конце информации Карлена просили уточнить, не связан ли Картье Неделин с КГБ, уж слишком четки и ясны все его следы, не за что зацепиться, хотя и подозрительно расточителен.

Карлен ответил в центр, что за время, прошедшее после его запроса, ему удалось самому кое-что прояснить насчет Картье. И, по его проверенным и перепроверенным данным, Неделин из тех, кто принадлежит к «новым русским», тесно связанным с уголовным миром, хотя и не имеет за плечами судимости. И в подтверждение своего заключения послал в центр фотографию Картье, вторично заснятого в том же самом «Пекине» рядом с криминальным «генералитетом» Москвы: Шаманом, Дантесом и неким поджарым господином в элегантной твидовой тройке, чью личность ему пока установить не удалось. Неделин вполне может иметь отношение к выпуску фальшивых долларов или к их распространению, и он будет этот вариант разрабатывать основательно. В свою очередь, Норман просил коллег из центра каждый раз брать Картье — Неделина под микроскоп, когда тот бывает на Западе, особенно тщательно проводить экспертизу наличных долларов, где бы он ими ни расплачивался, и взять на учет приобретение им высококачественных цветных ксероксов и другой сложной аппаратуры, которая может быть использована в подпольном монетном дворе.

В конце своего отчета Карлен, как человек уже вполне освоившийся в Москве, утверждал, что криминальный мир России — особенно его руководящие круги, мозговой центр — имеет свою, отличную от других стран специфику: он сплошь состоит

из людей образованных, выходцев из благополучных и даже элитарных семей, прошедших в армии специальное обучение или известных в спортивной среде.

Криминальный мир России, по мнению Нормана, срочно требовал серьезного научного изучения, так как сложившийся в ЦРУ стереотип уголовных элементов применительно к русским может дать сбой. Странно, но, давая в центр исчерпывающую информацию на Картье, Норман, как и в случае с убийством в лондонском отеле «Лейнсборо», скрыл, что он пытался несколько раз поставить на прослушивание домашний телефон Неделина, но ничего путного из этого не вышло. Хозяин крайне редко звонил по телефону из дома и вообще мало бывал на Кутузовском. Теперь, после получения подробной информации из центра на Картье, Норман понял, что предусмотрительность Неделина связана с обучением в войсках специального назначения, а если он знаком с радиоперехватом, работой в эфире, у него, конечно, есть и другие более надежные источники связи. «Непростые, оказывается, пошли в России бандиты, не по зубам даже агентам ЦРУ», — улыбнулся своему выводу Карлен.

2

Карлен сидел с Ольгой за массивной мраморной колонной в левой половине зала, где их действительно нельзя было увидеть ни от входа, ни с того места, где расположилась компания Неделина, и думал, что преимущество в этот вечер за ним. Картье бывал в «Золотом петушке», но редко, считанные разы, хотя, конечно, был наслышан о его отменной кухне. Познакомил Неделина с Хавтаном Дантес, как раз накануне одного из отлетов Картье в Лондон, тогда они обедали втроем в «Метрополе». Ушли они из гостиницы вдвоем, — Хавтан в ту пору как раз обустроивал «Золотой петушок», он и заказал Неделину компьютер понадежнее для своей бухгалтерии.

Хавтан оказался в тот день без машины, и Картье подбрёл его к ресторану. В машине разговорились о том о сем, и ловкий Хавтан, прознав, что Неделин спец в технике, спросил напрямую: «А нельзя ли мне отладить такой телевизор, чтобы я, не выходя из кабинета, мог просматривать зал, а некоторые

столы даже прослушивать? Жизнь наша опасная, и знать, кто против тебя что замышляет, совсем не лишне».

Идея эта пришлась Неделину по душе: отладив такую систему Хавтану, он и сам мог пользоваться информацией из ресторана даже без ведома и разрешения хозяина. Необходимы были лишь один промежуточный компьютер и передающее устройство, перегоняющее текст и видеобзор из ресторана на его дисплей. Они, не откладывая дела в долгий ящик, пошли посмотреть зал, кабинет Хавтана; задуманное директором ресторана оказалось легко осуществимым. Неделин назвал сумму, немалую, в которую выльется вся эта затея, и добавил, что, как только оборудование будет доставлено из Англии, он сам все смонтирует, без свидетелей, за три-четыре ночи. Ударили по рукам...

Поэтому, заявившись в тот вечер в «Золотой петушок», Картье оставил свою компанию делать заказ, а сам прошел в кабинет Хавтана, куда по уговору с хозяином имел доступ, и включил обыкновенный цветной японский телевизор «Сони» на тридцать два дюйма. Затем, поманипулировав на дистанционном пульте управления кнопками, известными только ему и Хавтану, увидел перед собой ресторанный зал. Изображение на экране с помощью пульта можно было легко передвигать от стола к столу, фиксируя его на соответствующих особах. Зал Картье включил на всякий случай — осторожность никогда не покидала его: в ресторане могли оказаться авторитеты, с которыми он сегодня не желал встречи, и если бы они кутили у Хавтана, он с компанией отправился бы в другой ресторан. Но в роскошном зале, где уже царил веселье, опасных для него людей не было, хотя одно лицо «кавказской национальности» и насторожило его.

Вглядевшись внимательнее, Картье узнал парня, заснявшего его на дне рождения в «Пекине». Того самого, Карлена Татляна, агента ЦРУ, работавшего в Москве под крышей газеты «Лос-Анджелес таймс», как позже объяснил Неделину Виктор Королев, некогда предложивший ему нелегальное сотрудничество с КГБ.

«И этот, значит, протоптал дорожку к Хавтану», — весело подумал Неделин. Подтверждалась версия коллег Виктора Степановича с шестого этажа Лубянки, что Карлен Татлян, уже более года находившийся в Москве, постоянно ищет

и завязывает контакты с уголовными элементами столицы. Видимо, в его задачу входит подробно изучить феноменальный взлет преступного мира в России и возможность с его помощью неожиданно, в подходящий момент, дестабилизировать обстановку в стране. Или же американцы затеяли охоту за миллиардами братвы, чтобы они не расплылись по миру, а прямиком текли в США. Выходило, что правы оказались аналитики из ФСК: Татляна всерьез интересовали бандиты. Ведь «Золотой петушок» — одно из любимых мест братвы в столице. В общем, ресторан Хавтана служил американскому шпиону идеальным театром действий для решения поставленной перед ним задачи. Если, конечно, именно эту цель поставили перед ним его хозяева из ЦРУ.

Сегодня Карлен Татлян предстал перед Неделиным без привычного дешевого пиджака, изысканно и дорого одетым, на руке у него блеснули золотом солидные швейцарские часы, и Картье сразу подумал, что такая метаморфоза непременно связана с чем-то важным, откуда-то у американца появились деньги. Бросилась в глаза миловидная девушка рядом с ним, она не походила на девиц, что часто встречаются в клубах и ресторанах рядом с «новыми русскими», были в ней заметны интеллигентность, мягкость, шарм, и Неделин на мгновение даже позавидовал американцу.

Провести вечер в «Золотом петушке» Неделин предложил друзьям неожиданно, никто не знал о его ближайших планах, их, впрочем, и не было, значит, американец пожаловал к Хавтану не по его душу, просто пересеклись дороги, потому что у них, оказывается, немало общих интересов. Да и репортер мог быть здесь сегодня без конкретной цели; собрать достоверную информацию об уголовном мире, понять его расклад, его цели и перспективы, финансовые возможности — это работа долгая, кропотливая, нужно стать не только завсегдаем «Золотого петушка», но и своим человеком в каком-нибудь закрытом катране, где катают по-крупному, посещать известные казино, где за вечер порою спускают по «лимону» баксов. Впрочем, как отмечал Виктор Степанович, американец в злых местах Москвы ориентируется прекрасно, бывает повсюду, и сопровождают его люди, перед которыми открываются многие тайные двери ночной столицы.

«Надо как-нибудь осторожно, чтобы не испугать, внушить Хавтану мысль, чтобы взял на учет визиты американца, — подумал вдруг Картье. — С кем приходит, с кем общается, кто в эти же часы из крупной братвы в зале? Может, и выплывет какая-нибудь важная деталь, хотя, как говорил полковник Королев, работает репортер светской хроники чисто, не подкопаешься».

Когда Картье только начинал свой бизнес и еще жил с родителями, не имея нынешнего офиса, он случайно встретил в универсаме свою одноклассницу, с которой не виделся почти шесть лет, а для девушек, особенно после школы, это громадный срок, именно тогда у них случаются главные события их жизни. Произошли они по полной программе и с Татьяной. Поступила в институт, на третьем курсе вышла замуж по большой любви, вскоре родила ребенка, после академического отпуска оставила учебу и еще через полтора года разошлась с суженым, который тут же, налегке, не обременяя себя алиментами, сбежал с новой женой и ее родителями в Америку. В результате осталась одна — ни денег, ни работы, ни образования, ни перспективы, — сидит на шее родителей. В ту пору Неделин еще не знал, как у него пойдут дела, и средствами особыми не располагал, но и оставить одноклассницу один на один с такими отчаянными проблемами тоже не мог, не тот характер, вот и предложил ей надомную работу — стать его секретарем, пока что просто «сидеть на телефоне», позже он поставит туда факс.

Первая мысль была: разгрузить домашний телефон на Кутузовском, чтобы отец не срывался на каждый звонок, а главное — чтобы не беспокоили стариков по ночам. Но специфика нового бизнеса, зарождающегося в России, очень скоро заставила его понять, каким удачным оказался этот ход с запасным телефоном и факсом. С первой крупной сделки он, конечно же, обзавелся и пейджером, и телефоном спутниковой и сотовой связи, появился у него и офис с секретаршей и референтами, помощниками и служебными телефонами, и факсами. В какой-то момент Картье подумывал взять Татьяну сотрудницей в штат, все-таки свой, надежный человек, но интуиция подсказывала: не спеши, сделать такой шаг никогда не поздно.

После первых финансовых успехов он заметно повысил ей зарплату, и жизнь Татьяне уже не казалась такой

бесперспективной. Само собой, телефон на Цветном бульваре, где она жила, был по-своему тайным, он не всякому давал эти координаты. Прежде всего, на этот адрес он ориентировал своих зарубежных партнеров и банкиров, иногородних заказчиков, а телефон знали только его особо доверенные люди. В экстренных случаях, когда Неделин должен был немедленно с кем-то связаться, Татьяна срочно отыскивала его по пейджеру, по сотовой связи, и ни у кого на другом конце провода не возникало сомнения, что его соединили с официальной приемной преуспевающего бизнесмена Неделина.

Расширились деловые контакты, увеличивались обороты дела, и Картье установил на Цветном бульваре еще и компьютер, в который Татьяна заносила нужную информацию. Все необходимые сведения Неделин теперь мог получать, не заезжая к ней, а считывая с собственного компьютера хоть в офисе, хоть дома.

По-настоящему он оценил свою тайную связь, когда полковник Королев, шеф из КГБ, сказал, что молодой человек кавказской внешности, заснявший его в «Пекине», — агент ЦРУ, и он, Картье, видимо, по каким-то соображениям интересуется американскую разведку. Однако Карлен, прознавший адрес и домашний телефон Картье на Кутузовском, не мог подслушать ничего серьезного из крайне редких разговоров по этому телефону.

Тогда же, понимая, что ЦРУ может взяться за его подопечного всерьез, Королев надежно подстраховал Неделина: на следующую встречу принес несколько заграничных паспортов, служебных и дипломатических, разумеется, на чужую фамилию, чтобы за кордоном Картье не сели на хвост уже в аэропорту. Потому в запоздавшей ориентировке на Неделина Карлен-Норман и прочитал: редко бывает на Западе, в основном в Лондоне. Нет, на Западе Картье бывал часто, только полковник Королев на этот раз переиграл своих коллег американцев еще на старте — Неделин был нужен людям с Лубянки, оттого и берегли его.

В тот вечер Картье пребывал в хорошем настроении и, выключив хавтановский телевизор с секретом, мысленно балагурил: «Мы тебе, дорогой американец, нашу братву с миллиардами просто так не отдадим. Шалишь! Мы еще поборемся. Деньги-то, как ни крути, наши, российские, кровные!»

Однако, приближаясь к своей компании, Картье снова вернулся мыслями к Карлену-Норману: а может, у этого парня, больше года ставившего людей с Лубянки в тупик своим нешпионским поведением, какая-то другая задача, более серьезная, а братва — лишь отвлекающий маневр, вызывающее прикрытие? Нет, все-таки за ним придется установить и собственный догляд, а не полагаться на коллег полковника Королева, уж слишком часто репортер стал встречаться на пути...

3

Вечером, проведенным с Олей в «Золотом петушке», где он вновь столкнулся с Картье, пусть и не нос к носу, Норман остался доволен. Татлян все больше и больше убеждался, что Неделин как раз та фигура, которой следует заняться всерьез. Да, Картье не походил на чистого бандита, ни на «синего», ни на новых беспредельщиков, но в таком качестве он и не нужен был бы Норману — свои головорезы имелись под боком, только спустись на четвертый этаж. Что и говорить, Татлян и сам интуитивно чувствовал в поведении Картье какую-то тайну, которую его шефы из ЦРУ объяснили возможными связями Неделина с КГБ. Но Норман был убежден, что тайна, загадочность, скорее всего, связаны с фальшивыми долларами, кто-то же наводняет ими Россию.

А может, Неделин — один из тех исполнителей, через которых перегоняют на Запад после бесчисленных афер в России астрономические суммы, в первую очередь в Израиль, Швейцарию, Германию, на Кипр, и совсем крохи — в США? И в этом случае, если даже Неделин не контролировал работу первоклассных «граверов», хоть своих российских, доморощенных, хоть доставленных с Запада фальшивомонетчиков, он все равно представлял интерес. Речь шла, по оценкам западных экспертов, о двадцати-тридцати миллиардах долларов, ежегодно перекачиваемых из скудеющей России. Когда дело касалось таких фантастических сумм, ни ЦРУ, ни США не могли остаться безучастными.

Ушел он тогда с Ольгой из «Золотого петушка» задолго до закрытия, когда большой кутеж в ресторане только набирал силу. А Неделин, судя по всему, загулял в тот вечер основательно,

к их столу, очень хорошо просматриваемому из-за колонны, то и дело подсаживались какие-то молодые люди, и в центре внимания все время был Картъе, хотя рядом с ним постоянно находились и двое солидных мужчин лет сорока.

Как бы поздно ни возвращался Карлен к себе домой на улицу Ямского Поля, он всегда просматривал сообщения на факсе, записи на автоответчике телефона и уж только потом садился основательно за свой особо скроенный, «шпионский» компьютер. Поистине, произошла невиданная по масштабам информационная революция, коснувшаяся практически всех отраслей человеческой жизнедеятельности и, конечно, облегчившая жизнь разведки. И хотя Россия проморгала эту революцию, она стала либеральней любой западной страны: не ставит на учет даже самые сложные компьютеры с цветными принтерами, на которых можно легко подделать любой государственный документ — от паспорта до водительского удостоверения, любые бумаги — от акций до облигаций государственного займа, включая и доллары. Не регистрируют на таможне и откровенно шпионские принадлежности: от приборов ночного видения до «жучков» для прослушивания любых телефонов, в этом Карлен убедился сам, и подтверждением этому служил его сверхмощный компьютер, доставленный отнюдь не тайно, по дипломатическим каналам. Ввезти свободно нечто подобное в США просто невозможно, иначе тут же начнется судебное разбирательство: откуда, зачем, с какой целью?.. Запад умеет защищать свои финансовые интересы и беречь безопасность страны.

В тот вечер компьютер никаких особо важных сообщений не выдал. Пришла обычная рутинная информация: когда, в какой стране освобождается известный «гравер», его планы, которые удалось выведать в тюрьме через подсадных по камере... Особое внимание было уделено уже освободившимся фальшивомонетчикам, с обязательной сиюминутной фотографией: в профиль и анфас, с подробным изложением известных привычек и примет, ибо этот народец на воле активно пользуется услугами хирургов по пластическим операциям. Парик, в который обряжался иной привычно лысый гражданин, фактически преображал внешность, как говорят, и мать родная не узнает. Один раз спалившийся «гравер» прекрасно знает, что он поставлен на учет во всех странах, где гуляют

американские доллары — а это практически весь мир, — потому он всегда начеку.

Пришла и одна необычная новость: в аргентинской тюрьме умер известный мастер по изготовлению фальшивых долларов испанец Сесар Ди Стефано. Норман сразу вспомнил вальяжного господина с холеными усиками и манерами аристократа — обычно дон Сесар сбывал доллары собственноручного изготовления в дорогих казино. Его фотографии Карлен хорошо помнил по разведшколе. Много крови попил дон Сесар Ди Стефано у американских спецслужб, пока они в 1986 году не вышли на его след в любимом им Буэнос-Айресе. Наверное, друзья и соратники отгрохают испанцу пышные похороны, ведь маэстро со звучной фамилией был талантливым в своем деле человеком — много людей десятки лет щедро кормилось вокруг этого гуляки и донжуана.

Дальше шли сообщения: где и когда выплыли крупные суммы наличных долларов. Чаще всего такие случаи в последние год-два были связаны не с арабами, как прежде, а с «новыми русскими». Эти господа еще не привыкли к солидным кредитным карточкам, так как не доверяют скороспелым домашним банкам. Наличность при себе, в кейсе, для них как-то надежнее и привычнее. Да и «кэш» с их легкой руки стал более притягателен на Западе, что бы об этом ни говорили и ни писали, ведь нигде не хотят платить лишние налоги.

В отдельных случаях на компьютере высвечивались подробные паспортные данные на россиян, потративших крупные наличные деньги за границей. В основном это были счета в дорогих ювелирных магазинах или в домах высокой моды, «от кутюр», где наши сограждане заказывали одежду на всю семью и на все четыре сезона сразу — суммы с пятью-шестью нулями впечатляли. И Карлен впервые подумал, что не мешает, на всякий случай, составить подробный список русских нуворишей, скорее всего, уклоняющихся от налогов в казну. Впрочем, такой список, наверное, представлял бы интерес не только для государства, но и для его друзей с четвертого этажа. Такой реестрик мог заинтересовать и крутого Неделина, а в обмен можно было бы получить не менее интересную информацию. Эта неожиданная авантюрная мысль окрылила Татяна: оказывается, профессиональные секреты вполне можно увязать с личной выгодой, вот этому их в Иллинойсе не учили.

А какие порою встречались интересные российские фамилии, особенно в данных из Парижа! Тут даже без серьезного анализа становилось ясно, что самые крупные траты позволяли себе не предприниматели или банкиры, не звезды шоу-бизнеса и даже не воры в законе, а чиновники министерств и ведомств, работники государственного аппарата, депутаты-лоббисты. Короче, те, чей официальный оклад не превышал трехсот — четырехсот долларов в месяц, вот они-то или их жены и чада тратили сотни тысяч баксов за одну поездку. И, как понимал Карлен, такой список тоже вполне мог ему стодиться, если у него в Москве возникнут вдруг какие-нибудь осложнения. Эти чиновники на незавидных окладах многое могут, тем более если это будет касаться их покоя и благополучия.

Но самое удивительное, что среди всех зафиксированных крупных наличных сумм из России на этот раз не было ни единого случая с фальшивыми долларами, хотя они и имели явно сомнительное происхождение. Но это не повод, чтобы Запад забил тревогу или запретил ввоз незадекларированной валюты. В России на этот случай в ходу старая римская поговорка: деньги не пахнут, — похоже, так считают и западные чистоплюи, когда дело касается их интересов.

Компьютер выдал сведения и о случаях выявления фальшивой валюты. Все они были зарегистрированы в трех странах: Арабских Эмиратах, Китае и Турции, куда в последние годы потоком хлынули челноки со всего постсоветского пространства. История этой партии фальшивых долларов, изъятых у граждан новых суверенных государств — Литвы, Белоруссии, Казахстана, Молдовы, Грузии, Азербайджана, Туркмении, была хорошо известна американскому центру по борьбе с фальшивомонетничеством.

В 1991 году в польском городе Вроцлаве сотрудники ФБР накрыли хорошо организованный цех-лабораторию-типографию, где успели напечатать несколько миллионов долларов одной серии, выпуска якобы 1990 года, где впервые на сто-долларовой купюре была применена защитная металлическая полоса. С выпуском фальшивки явно спешили, чтобы успеть завезти в необъятную Россию, где их толком еще и не видели — ни с полосой, ни без полосы. Расчет был абсолютно верный: нигде в мире не доверяют так новеньким долларам, как в СССР.

«Польскому монетному двору» не хватило полгода, чтобы довести свой собственный «доллар» с изображением Франклина до абсолютной кондиции. Там не сумели раскрыть до конца секрет магнитных чернил, которые становятся заметными при проверке даже на детекторах среднего класса, но в ту пору в СССР не было никаких детекторов контроля — ни хороших, ни плохих. Несколько миллионов фальшивых долларов все же успели переправить в Россию и успешно их реализовать. Остальную часть денег, оборудование и группу мошенников, среди которых были итальянец, француз, ливанец, задержали.

Вот остатки той первой партии и отловили на этот раз. Все они оказались на руках у бедных челноков, далеких от желания подорвать финансовую мощь богатой Америки. О вроцлавской партии фальшивок Карлен-Норман знал, в Москве, в пунктах обмена, они, случалось, тоже попадались, но их никто не конфисковывал — возвращали владельцу, и купюры продолжали гулять по необъятной России, пока не попадали на Запад, только там их арестовывали.

Татлян помнил, как у них в разведшколе один курсант поинтересовался на лекции у преподавателя: к какому году поставлена задача выловить всех фальшивомонетчиков, подделывающих американские доллары? Видимо, он переживал, что на его долю работы может не хватить.

На что преподаватель с сожалением ответил:

— Как бы мы ни улучшали качество доллара, вкладывая в него все наилучшие достижения науки и производства, какие бы сверхсекретные технологии ни использовали в приготовлении бумаги, полиграфических красок, какие бы ни вкрапливали контрольные элементы, фальшивых долларов год от года будет появляться все больше и больше. Некоторые пессимисты предполагают, что число их будет возрастать в геометрической прогрессии, а самое тревожное в этой тенденции — центры, которые мы пытаемся держать под контролем, будут появляться в самых неожиданных местах, в самых отдаленных уголках земного шара. Для такого прогноза есть два важных основания: первое — научно-технический прогресс, высокие технологии, доступные каждому, и второе — доллар становится главной платежной единицей на планете. Даже одна шестая часть мира, некогда именовавшаяся СССР, где в недавнем прошлом трудно

было представить хождение не нашей валюты, тоже полностью попала в зону американского финансового влияния и, кажется, навсегда похоронила свой неконвертируемый рубль. Потому и существует наша специальная разведшкола по борьбе с этим преступлением, и еще не одному выпуску, включая и ваш, работы хватит на долгие годы, — закончил на безысходной ноте старый агент, перешедший на педагогическую деятельность.

Только после этих каждодневных обязательных дел Карлен включил свои прослушивающие устройства. На Кутузовском, у Неделина-Картье, на звонки отвечал автоответчик, и немудрено: хозяин квартиры гулял в «Золотом петушке». У Хавтана, в чьем ресторане он только что приятно поужинал с Олей и посмотрел программу с приглашенной Лаймой Вайкуле, какой-то мужик по телефону через слово сыпал отборным многоэтажным матом, не давая оппоненту и слова сказать в ответ. Из-за чего разгорелся сыр-бор и за что так отчитывали Хавтана, Норман так и не понял, хотя и прослушал запись дважды. Гораздо чаще отвечал на телефонные звонки Аргентинец, известный картежный шулер по фамилии Городецкий, но то ли телефон у каталы оказался неисправным, то ли в прослушивающем и передающем устройстве что-то барахлило — запись получилась некачественной, и Карлен расстроился. Недавно он услышал от Абрека, что Городецкий-Аргентинец — один из старейших криминальных авторитетов Москвы и ходячая энциклопедия этого тайного мира, он всегда в курсе, где гуляют в столице шальные деньги.

Проанализировав итоги ночной работы, Карлен пришел к мысли, что надо отыскать, какая еще есть у Неделина телефонная связь, кроме домашнего аппарата, а у Аргентинца проверить и отладить линию — жаль было не воспользоваться источником, которого знающие люди аттестовали как эксперта преступного мира Москвы.

4

Деньги, что принес Карлен с четвертого этажа по возвращении Криса и Абрека из Лондона, таяли стремительно, он и не заметил, как они вдруг кончились. Хотя, конечно, посчитав, какие он

делал траты в последние месяцы, Карлен понял, что скоротечное их исчезновение вполне закономерно.

Теперь-то можно было сказать, что у него сложился свой ритм жизни в Москве, появились неведомые прежде привычки, — все это было связано с хорошей едой, модной одеждой, комфортным обслуживанием, с цветами, подарками для девушек, и все это требовало денег, больших денег. Он уже давно убедился, что русская столица — самая дорогая в мире, тем более, если вести такой раскованный образ жизни. Когда в очередной раз его пригласили в гости ереванские приятели, они сразу раскусили причину кислого настроения своего американского друга. Привычным жестом кивнув в сторону гардероба, Армен сказал, подмигнув напарнику:

— Поспеши, а то мы скоро опустошим саквояжи. Какие-то быстрорастворимые деньги попались, тают как дым, прямо на глазах, — и оба без тени сожаления расхохотались.

Карлен, смущаясь, протопал к гардеробу. Оба саквояжа по-прежнему стояли рядом, но один из них, в который он сунулся вначале, оказался пуст, там лежали теннисные мячи «Шлезингер», второй же заметно похудел. Теперь-то Карлен вполне реально ощутил замечание Абрека: «быстрорастворимые» деньги исчезают, как туман на заре. Очевидно, к следующему разу волшебная сумка, которая помогала материализоваться самым смелым мечтам и желаниям, окажется пустой — он знал размах своих друзей, да и прихлебателей возле них после возвращения из Англии заметно прибавилось, хотя они вряд ли кому поведали о случае в лондонском отеле «Лейнсборо».

Странно, но, зная, что родник на четвертом этаже стремительно иссякает с каждым днем, Карлен не изменил сложившихся за последние месяцы привычек. Человек аналитического ума, уже хлебнувший американского практицизма, он не узнавал себя и чувствовал, как раздваивается его сознание, хотя еще в разведшколе понял, что выбранная им профессия не способствует цельности натуры.

В психике шпиона из-за постоянного и опасного лицедейства происходят необратимые изменения, и они гораздо пагубнее, чем у актеров. Там тоже постоянная игра, но без существенного элемента — угрозы для жизни. Карлен, конечно,

не соотносил свое раздвоение с работой — слишком мал был для этого срок, да и риску он подвергался минимальному. Самое худшее, что с ним могли сделать, — это выслать. Он ведь не охотился за государственными тайнами, не приехал выкрасть секретного ученого или взорвать склады оружия на Тихоокеанском флоте — те и сами взрываются с четкой периодичностью без вмешательства извне.

Он видел причину своего изменения в самой российской обстановке, в московской жизни, которая его окружала. Он попал сюда в исторический отрезок времени, выпадающий раз в тысячелетие, когда происходит кардинальная смена взаимоотношений в обществе, меняются ценности и цели у государства, когда богатство одних переходит к другим за ночь, когда в считанные дни делаются состояния. Он попал в Россию в идеальное для авантюрных людей время, и это время пьянило некогда уравновешенного американца, толкало на непредсказуемые поступки.

Он не скрывал, по крайней мере от себя, что в натуре его, как и у большинства кавказцев, есть авантюрная жилка. Это авантюрное начало, попав в благоприятную российскую среду и дав свои всходы, теперь кружило голову репортеру светской хроники, и он стремительно несся то ли к ошеломительному успеху, то ли к провалу. Он жил на грани крайностей... Скрыв от своих шефов происшествие в «Лейнсборо», проживая добытые разбоем деньги, он-то понимал, что, по большому счету, теперь мало чем отличается от гангстеров с четвертого этажа.

Прошла неделя, вторая, с тех пор как Карлен стал замечать за собой раздвоение личности, или, как он мысленно определял тогда же новую черту в собственном характере, стал ощущать себя сыщиком и бандитом в одном лице. Странно, эти, казалось бы, несовместимые понятия прекрасно уживались в нем, не мешали работать и даже наслаждаться жизнью. Он исправно дважды в неделю отправлял материалы не только в «Лос-Анджелес таймс», но и в журналы, освещающие культурную жизнь планеты. Писал он для них только по заказу, как, например, статью о камерном оркестре Юрия Башмета, и гонорары за такие статьи иной раз превышали его жалование в газете. Он как бы интуитивно нащупывал новые источники заработка, чтобы не снижать резко уровень бытия, когда

иссякнет родник на четвертом этаже или случится что-нибудь с его щедрыми друзьями.

Светская жизнь, особенно свидания с Олей, которые становились все чаще и продолжительнее, отнимала у него много времени, и в один прекрасный день он обнаружил, что не успевает в срок отправлять материалы в свою газету, задерживает заказанные статьи и не всякий вечер проводит за своим спецкомпьютером, а главное, все никак не выяснит, из-за каких технических неполадок не может прослушивать телефон Городецкого-Аргентинца. И тогда, чтобы не загнать себя в тупик, Карлен нашел выход...

В последние годы в Москве стало издаваться много солидных, красочно оформленных газет и журналов, и все они, стремясь заполучить читателя и утвердиться на рынке, наиболее подробно освещали две темы: криминальную жизнь столицы и культурную. Там печатались серьезные, с глубоким анализом обзоры театральной или музыкальной жизни, детально исследовались нашумевшие спектакли, выставки. Конечно, такие значительные материалы никогда не проходили мимо внимания Карлена. Тут была другая традиция в оценках культурных событий, чем на Западе, — все рассматривалось серьезнее, шире и адресовалось определенному читателю, и Татлян часто поражался глубине эстетических взглядов театральных обозревателей или искусствоведов, освещавших заметные выставки. Так что не было ничего удивительного в том, что однажды Карлен занялся прямым плагиатом: собирал из нескольких газет и журналов материал на одну тему или на одно и то же событие, а потом соединял их воедино. «Винегрет» казался свежим, а иногда в нем проскальзывали и нетривиальные мысли, оттого, возможно, его материалы имели успех в Америке. Таким образом он закрывал брешь в родной газете материалов о московских культурных событиях, на которых не успевал побывать из-за бурной личной жизни.

С заказами на статьи из солидных музыкальных и театральных журналов получилось еще проще. Он стал публиковать их в соавторстве с известными в столице обозревателями — одних знал по тусовкам лично, а других — по их серьезным материалам в российской периодике. К таким он подходил с белозубой американской улыбкой и говорил с душевной прямоотой, что

готовит материал о таком то театре или симфоническом оркестре, но в ходе работы понял, что мало знает его прежний репертуар, его истоки, корни, первый состав, творческое кредо и прочее, и прочее — причин можно было придумать сколько угодно, и все будут убедительны, — и предлагал совместную работу, беря на себя перевод и устройство статьи в солидном западном журнале. Он сразу называл сумму гонорара, раз в пять меньшую, чем должна была причитаться за совместную работу, но в России даже таким деньгам были безмерно рады, и уж тем более возможности опубликоваться в известном американском журнале.

Вскоре ему даже не нужно было искать соавторов: откуда-то прослышав о щедром американце, именитые искусствоведы и театроведы сами стали навязывать не только свои услуги, но и интереснейшие темы. Предложения были столь заманчивы и неожиданны, что он решил собирать статьи впрок, рассчитываясь с авторами собственными деньгами. Такие статьи-исследования, на которые авторы порой тратили годы, могли принести ему настоящую популярность, сделать имя на Западе, ибо там звание доктор, профессор — не пустой звук.

Отладив регулярный поток культурной информации из России, Карлен повеселел. Хозяева из ЦРУ, конечно, внимательно следили за его публикациями в «Лос-Анджелес таймс», загоняли в компьютерное досье статью за статьей, анализируя их и время от времени отдавая на экспертную оценку. Крыша репортера светской хроники должна быть чистой, не вызывать подозрений в непрофессионализме — об этом его строго предупреждали.

Но московская жизнь словно была предрасположена кидать Карлена, как говорится в русской пословице, из огня да в полымя. Однажды, далеко за полночь распроставшись с Олей, он вернулся домой в прекрасном настроении. От переполнявших его нежных чувств он не находил себе места в квартире, спать не хотелось, хотя он и не был «совой». Не долга ради, а скорее по инерции, чтобы не убивать время зря, Карлен включил свой компьютер, к которому уже не подходил дня три. И первое же сообщение, пришедшее почти двое суток назад, враз испортило ему настроение. В эту ночь он не сомкнул глаз, хотя после ошеломившей его информации, удрученный,

попелся в постель. Сенсационное сообщение словно напрямую адресовалось одному Норману, хотя это было вовсе не так. Информация поступила на тысячи компьютеров на всех континентах, где тайно трудились охотники за «граверами». Еще не ознакомившись полностью с необычно обширным текстом, Карлен понял, о чем идет речь...

Сообщалось, что несколько месяцев назад в фешенебельном лондонском отеле «Лейнсборо» были убиты двое чеченцев, братья Цуцаевы, доверенные люди генерала Дудаева. Чеченцы, оказывается, не однажды бывали в Лондоне, тайно покупали оружие в частных фирмах и наземным и воздушным транспортом доставляли его к себе на родину, в Ичкерия.

Эти масштабные закупки для маленькой горной республики казались странными, такие запасы делаются только на случай войны. В Англии закупалось наиболее совершенное оружие, например, «стингеры», средства космической связи. За время расследования выяснилось, что на имя братьев Цуцаевых в известных лондонских банках были открыты валютные счета на крупные суммы, с которых и происходил расчет за вооружение. Специалисты не исключают, что использовались и миллионы наличных денег.

В номере, где проживали эмиссары генерала Дудаева, значительных наличных сумм найдено не было, но у каждого в карманах, кроме нескольких стодолларовых купюр, обнаружены кредитные карточки всемирно известных банков на сотни тысяч долларов. Далее информация напрямую касалась Татляна...

Дело в том, что доллары, найденные в бумажниках убитых чеченцев, после тщательнейшей проверки были признаны фальшивыми. Это смогли установить только в научном центре по борьбе с фальшивомонетничеством с участием опытных экспертов, лаборантов, в результате структурных и химических анализов. Все детекторы на месте преступления, в Лондоне, — в банках, в магазинах, в полиции, — показывали, что деньги настоящие. Доллары братьев Цуцаевых были доставлены в центр, так как сам Татлян некогда посоветовал проверять все деньги чеченцев. Благодаря интуиции специалистов, почувствовавших, даже при положительных результатах проверки на детекторе, чужеродность происхождения данных банкнотов, и была обнаружена подделка. Фальшивые купюры признаны

супербанкнотами, такого качества прежде никогда и нигде не встречалось. Кому-то удалось повторить все три степени защиты национальной валюты США — была использована абсолютно идентичная бумага, на семьдесят пять процентов состоящая из хлопка и на двадцать пять — из льна; созданы такие же магнитные чернила и применена той же структуры шелковая нить, вплетенная в бумагу, которая проявляется при ультрафиолетовом свете. Ничтожное, микроскопическое отличие супербанкнота от настоящего — строго засекречено. В связи с этим по настоянию ЦРУ правительство США в самое ближайшее время примет решение об изъятии из обращения повсюду в мире старых стодолларовых купюр и замене их на новые, будут предприняты более надежные и эффективные меры для защиты американской валюты от подделок.

Информацию о появлении супербанкнотов, их номера и серии Федеральный резервный банк Америки решил не распространять. Ею располагают несколько высокопоставленных руководителей государства, некоторые доверенные их лица, а также люди из центра, как и Татлян, занятые поисками фальшивомонетчиков. Иначе в мире начнется паника, повсюду станут сбрасывать доллары, и случится общепланетарный финансовый коллапс с непредсказуемыми последствиями. Во второй раз доллар уже никогда не станет мировой валютой. Исходя из высших интересов государства, эти сведения являются сверхсекретными и подлежат уничтожению сразу после ознакомления.

Дальше в тексте шли номера и серии обнаруженных у братьев Цуцаевых фальшивых банкнотов. Не вычитывая до конца восьмизначные цифры на номерах купюр, Карлен понял, что это те самые деньги, которые он так щедро тратил в Москве. Ими он заплатил за машину в представительстве «Мерседес», рассчитался за респектабельную одежду от «Обвиос» и «Дормей» в салоне «Ягуар-стиль», часто тратил их у Хавтана в «Золотом петушке» и других модных ресторанах столицы. Совсем недавно Карлен получил из музыкального магазина «Пурпурный легион» свой заказ от французской фирмы «Мутон Ротшильд» — комплект аудиоаппаратуры класса «хай-энд», рассчитанный на утонченных и очень богатых меломанов. Это они говорят: хай-эндовский звук — это как вкус настоящего коллекционного

вина. За аппаратуру он тоже рассчитался теми же фальшивыми деньгами.

На этом неприятные для Карлена сообщения не закончились. Оказывается, после того, как центр установил, что доллары, найденные в бумажниках у чеченцев, фальшивые, в Лондоне отфильтровали значительную сумму денег подобной серии. И даже сумели установить, из какой торговой точки попала в банк такая большая сумма наличных долларов. Выяснилось, что в ювелирном магазине на Даунинг-стрит двое молодых людей, плохо говоривших по-английски, купили трое швейцарских часов фирмы «Юлисс Нардан» и две тяжелые мужские цепи из розового и белого золота тоже швейцарской фирмы «Шопард». Когда в магазине предъявили фотографии убитых братьев Цуцаевых, которые, видимо по чистой случайности, тоже носили часы марки «Юлисс Нардан», продавцы не признали в них богатых покупателей. Только пояснили, что те не были ни англичанами, ни европейцами.

Вот это-то сообщение вконец доконало Карлена, и он выключил компьютер, хотя дальше шли какие-то практические рекомендации в связи с появлением в мире нового фальшивого супербанкнота, который, скорее всего, родился в недрах непредсказуемой России. Машинально глянув на циферблат, Карлен в испуге поспешил снять свои шикарные часы. Как утопающий хватается за любую соломинку, так и он на всякий случай достал из ящика письменного стола пачку долларов, но шансов на удачу не было никаких — номер и серия точно совпадали с исходными данными фальшивки, впрочем, он помнил их наизусть, автоматически, с того вечера, как впервые услышал об истории в отеле «Лейнсборо».

Первое, что ему пришло на ум, — это, несмотря на глубокую ночь, спуститься на четвертый этаж и устроить друзьям-армянам скандал: и за фальшивые доллары, и за то, что своей щедростью втянули его в грязную историю, — он был на грани истерики. Но через минуту-другую, взяв себя в руки, вспомнил советы опытных педагогов из разведшколы и, приняв ледяной душ, выпил, не разбавляя, рюмку виски «Баллантайнс». Это вызвало внезапный острейший приступ голода — такое случается при нервных срывах, — и он среди ночи отправился приготовить себе ужин, благо что, уходя накануне из

«Золотого петушка», предусмотрительно попросил собрать коробку домой. За трапезой Карлен пропустил еще и рюмку хорошей водки от Петровича, и жизнь перестала казаться такой беспроблемной.

Первая улыбка промелькнула у него на лице, когда он представил, как врывается ночью в халате к Абреку с Крисом и пытается устроить им разнос за фальшивые доллары. Он воочию увидел, как заготовили бы его веселые друзья. Они наверняка, перебивая друг друга, стали бы кричать: «Что, у тебя крыша поехала? Сошел с ума? О каких фальшивых долларах ты говоришь? Мы тратили их в самом мнительном и щепетильном в отношении денег городе мира — в Лондоне и его побратиме по этой части — Париже. В Москве, наконец, где не проверяют их только на зуб. А ты сам какими деньгами расплачивался в немецком представительстве «Мерседес»? А в салоне «Ягуар-стиль»? В музыкальном магазине «Пурпурный легион»? Братан, ты спятил — от денег, или от того, что они кончились?»

Конечно, он выглядел бы смешно и глупо, да и дорогу к саквояжу от «Дюпон», если там еще что-то осталось, сам бы закрыл. И вообще, чего бояться, зачем трястись от страха, ведь о том, что эти доллары фальшивые, знает в мире крайне узкий круг лиц, и центр, из-за планетарных амбиций США, никогда не признается, что доллар всемогущей Америки можно подделать один к одному. И поэтому они никогда не обнаружат серии и номера сверхбанкнот, а значит, гуляй, Вася, как говорят крутые в Москве. А на замену стодолларовых купюр уйдут годы и годы — ведь в мире крутится более трехсот пятидесяти миллиардов наличных! Да и шиковать уже не на что, ведь фальшивки лишь на доньшке саквояжа остались. Что же он тогда сыр-бор затеял, запаниковал, друзей оскорблять собирался?

Поднявшись из-за стола, Карлен нашел и машинально нацепил на руку свои любимые часы «Чингисхан», а потом пропустил еще рюмочку водки от Петровича. Придя в себя, он вспомнил о приказе уничтожить информацию сразу после ознакомления с ней. Наверное, компьютерные спецы из ЦРУ придумали, чтобы уничтожение сверхсекретного текста моментально становилось известным в центре, и он, вернувшись к дисплею, дочитал сообщение и ликвидировал тайну Федерального резервного банка Америки, как предлагалось по инструкции.

Неисполнение приказа могло вызвать тревогу в центре, ведь он уже два дня не подходил к своему компьютеру. Сон пропал совсем, хотя нервы окончательно успокоились, он вернулся в зал и тихо включил свою хай-эндовскую аудиосистему «Мутон Ротшильд» — прекрасная музыка Вивальди в исполнении оркестра Владимира Спивакова зазвучала среди ночи на последнем этаже «армянского» дома. Новый, записанный в Париже компакт-диск с дарственной надписью презентовал ему сам маэстро. Нет, жизнь все-таки была прекрасна!

И вдруг в его расслабленном мозгу пронеслась мысль, мгновенно отрезвившая его. Она могла прийти в голову только Норману — подающему надежды агенту ЦРУ, словно и не начались с ним московские метаморфозы, приведшие к раздвоению личности. Он вдруг понял, где печатаются эти выдающиеся супербанкноты, и толчок неожиданному прозрению дало, опять же, воспоминание о разведшколе в Иллинойсе. Там преподавал один из старейших и уважаемых наставников, сам в прошлом охотник за «граверами», побывавший почти во всех горячих точках планеты, где печатали фальшивые доллары. Он был полиглотом и знал не то двадцать один, не то двадцать два иностранных языка, включая китайский, японский и множество диалектов хинди. Именно он как-то с горечью обронил: «По-настоящему качественные доллары могут появиться только в стране, которая будет открыто или тайно противостоять Америке. Без поддержки институтов власти масштабный и идентичный выпуск нашей национальной валюты невозможен».

Но то было личное мнение бывшего опытного агента, и они, слушатели, позже долго спорили об этом и к единому мнению не пришли. Большинство не соглашалось со старым практиком, настаивали, что движущей силой в этом процессе является не государство, а частная инициатива. Но только сейчас, спустя несколько лет, сидя в центре Москвы, Норман понял правоту своего наставника, он уяснил ее не умом, а, скорее, ощутил кожей, физически. Эта уверенность происходила от того, что сейчас он находился в России и с детских лет знал, что такое Чечня и кто такие чеченцы..

Еще в старой России, при губернском правлении, когда на Кавказе сидел наместник русского царя, никто в горах не носил папахи выше, чем чеченцы, ни перед кем они не гнули спину,

и от их набегов страдали все соседи на все четыре стороны света — это совсем недалекая история. Наверное, чеченцы единственный народ на Кавказе, у кого в языке не было понятия «господин», а значит, и понятия «раб». Возможно, от гордости и от ощущения своей силы чеченцы вели столетнюю войну с Россией в ее лучший исторический период, когда русские войска наголову разбили и французов, и турок и представляли в мире грозную силу. Октябрьская революция не только не уравнила чеченцев в правах с соседями, но и унизила их, придав гордой Чечне статус автономии в составе Российской Федерации. И все потому, что Ленин и его сподвижники решили: чтобы получить статус республики, нужно иметь внешний выход на соседние государства.

Умозрительное решение вождя большевиков определило дальнейшую судьбу целых народов: чеченцев, татар, башкир, поволжских немцев, в одночасье ставших людьми второго сорта, объединенных общим унижающим официальным термином «национальные меньшинства». Но чеченцы никогда не считали себя второсортным народом и, живя на своей исконной земле, не желали мириться с урезанными правами. Бомба была заложена большевиками-ленинцами, фитиль к ней тлел все семьдесят лет, и при первой же возможности Чечня взбунтовалась, вышла из-под российского контроля.

Люди в Кремле активно подталкивали Чечню к этому шагу, оставив там в девяносто первом году, когда Союз уже трещал по швам, горы оружия. Развалив СССР, эти кремлевские «геростраты» жаждали по той же модели разрушить, расчлнить и саму Россию. И уже который год Чечня откровенно конфликтует с Россией, провозгласив себя суверенной и независимой.

Скорее всего, отцы чеченской идеологии серьезно просчитались в своих планах: они полагали, что Запад с восторгом поддержит отделение Ичкерии от России. Но не слишком искушенные в большой политике и дипломатии чеченские лидеры могли и не знать, что существуют негласные сферы влияния великих государств. Ни одно большое государство не станет ссориться с Россией из-за маленькой Чечни. Разве что пошумят, осудят, сделают заявление, но дальше дело не пойдет. У России всегда есть возможность наступить на хвост любой стране, не

особенно объясняя причину. Чеченские лидеры не учли, что даже такая богатейшая и влиятельная страна, как Япония, дружащая с Америкой, и с Англией, и Францией, до сих пор не может вернуть себе четыре крошечных островка, находящихся под российским флагом в далеком от метрополии Тихом океане. А тут оттяпать часть территории в самой России? Никто, никогда и ни при каком режиме на это не пойдет!

Запоздало уяснив ситуацию, упрямая Чечня приготовилась к самому худшему в отношениях с Россией, а заодно и возненавидела Америку — вечного закулисного подстрекателя, — не признавшую ее независимость официально.

Если Чечня никогда не трепетала перед грозной Россией, хоть сейчас, хоть сто лет назад, то на Америку ей и вовсе наплевать. И Карлену стало ясно, что именно поэтому Чечня пошла на величайшую авантюру века против Америки, на которую не решились бы другие, более могущественные и действительно независимые государства, считающие США своим врагом. Там стали изготавливать фальшивую валюту хозяйки всего мира, заодно поднимая финансовую мощь маленькой непризнанной страны. Это была месть Америке за равнодушие к судьбе Чечни, причем месть изощренная, двойная: другим концом она была одновременно и по России. Это ведь на ее территории печатались фальшивые доллары, и рано или поздно это должно было вызвать гнев Америки, а уж она умеет отстаивать свои интересы. Россия еще раньше Америки ощутит на себе мощь финансовой диверсии чеченцев, ибо сегодня на ее просторах правит бал не рубль, а доллар.

Эти неожиданно пришедшие мысли осветили сознание Карлена, и теперь никто не переубедил бы его, что супербанкноты печатаются где-то в другом месте. Теперь он был уверен, что подпольный валютный цех находится за Терекком, в Ичкерии. Гениальная месть маленького народа злему и равнодушному миру! Карлен в какой-то миг даже восхитился чеченцами...

Конечно, он не стал бы настаивать на том, что производство отладил именно чеченец, скорее наоборот, но обязательно под их контролем, за их деньги. Наверное, «граверами» в Чечне могли быть выходцы из Ливана, Иордании, Сирии, Турции, но, скорее всего, они нашли своего доморожденного русского гения, тут столько не востребуемых талантов!

Карлен, например, знал, что совсем недавно азербайджанская наркомафия совершила революцию в производстве наркотических средств. Отыскали в Казани талантливых студентов-химиков, поставили перед ними задачу: создать абсолютно новый препарат, который бы готовился быстро, дешево и был гораздо эффективнее, чем все известные ранее. Несведущие люди, конечно, не знают, что в мире уже десятки лет существуют тысячи тайных экстра-лабораторий со сверхсложным оборудованием, на которых работают талантливейшие, но беспринципные ученые. Молодые казанские студенты с задачей справились раньше срока — создали препарат, который, по мнению виднейших химиков-экспертов мира, просто не мог быть создан. На радость человечеству молодые гении, благодаря сотрудникам КГБ, были задержаны и вынуждены объяснить крупным ученым тайну своего творения. Говорят, если бы эти усилия были направлены на иные, благородные цели, ребята потянули бы на Нобелевскую премию, а так... за все про все получили от наркодельцов чуть больше двух тысяч долларов плюс харчи.

Вот такая она, Россия, гении на каждом шагу... Могли и чеченцы отыскать нового Левшу, который тоже имел великую мечту — щелкнуть по носу зажавшихся американцев. Русский характер непредсказуем, необъясним, это Карлен понял в Москве.

Сделав свое открытие, Карлен понял, что он, как никто другой из охотников за «граверами», стоит близко к подпольному монетному двору, и что интуитивно, еще до получения известия о супербанкноте, избрал верный путь поиска — через преступный мир. Дорогу в Чечню он мог отыскать и тут, в Москве: он знал, что чеченцы контролируют банковский и нефтяной бизнес, автомобильный рынок, особенно перепродажу машин в Южном порту. И тот центр сервисного обслуживания иномарок, куда он заезжал на своем «мерседесе» или с друзьями на «Кара-Дюшатель», принадлежал чеченцу Николаю Сулейманову по кличке Хоза, одному из лидеров чеченской мафии.

Со слов друзей с четвертого этажа Карлен знал, что преступный мир Чечни не придерживается воровских законов. Хотя чеченская молодежь тысячами прошла через тюрьмы и лагеря, но, как рассказывал Абрек, и там она не признавала

воровских традиций, а жила по своим горским понятиям добра и зла. И в Москве чеченский криминальный мир живет обособленно: не рисуется, не сорит деньгами, не устраивает шумных скандалов, но действует дерзко, молниеносно, жестоко, нападает первым.

Есть еще одна важнейшая черта чеченцев, их особого менталитета, о ней Карлен узнал, общаясь уже в среде культурной элиты столицы. В ней тоже занимают свою нишу известные чеченцы-москвичи, например, народный артист Махмуд Эсамбаев, поэт и философ Вахит Итаев, академик Айдашев. Оказывается, с самого рождения жизнь чеченца в первую очередь принадлежит Аллаху, народу и только потом — его кровным родителям и лично ему. Это усваивается каждым с первого проблеска сознания, отсюда неслыханное единение, невероятная жертвенность во имя национальной идеи, родины. Слово духовного и религиозного лидера-шейха, совета старейшин — закон и обсуждению не подлежит. Качества, которых не хватает, к сожалению, многим народам..

Но при желании путь можно найти и к чеченцам, если есть цель и упорство. Карлен сам видел, как был любезен хозяин автосервиса Хоза с Крисом и Абреком. В свое время легендарный дядюшка Сво успел представить любимых племянников Хозе, словно предвидел скорый взлет чеченской мафии в Москве.

Но, найди он ход к Хозе или другим чеченцам, дорога в Чечню пока все равно закрыта, отнять что-то силой у чеченцев невозможно, нужны иные обстоятельства. Война, например. По-другому — в условиях изоляции и жесткой конфронтации с Россией — туда просто не войти, чужие там видны за версту. С той миссией, с которой ему следовало бы отправиться в Ичкерия, обратно живым не вернешься..

Так, не замечая времени, Карлен долго искал варианты, как проникнуть в мятежную Чечню, чтобы на месте отыскать подпольный монетный двор, печатающий фальшивые доллары. И что странно, о своем открытии центра фальшивомонетчиков и о том, как туда проникнуть, если и будет туда найден ход, Норман вовсе не думал сообщать своим шефам из ЦРУ. Такая мысль даже не пришла ему в голову. Он хотел отыскать этот цех, этого Левшу только для себя, потому что фальшивыми супербанкнотами мог пользоваться, ничем не рискуя, ибо, волею

судеб или случая, оказался одним из немногих, посвященных в тайну Федерального резервного банка Америки. Теперь его успех зависел только от него самого, а на помощь он мог всегда призвать друзей-приятелей с четвертого этажа — найденных денег должно было хватить на всю жизнь, на всех...

Кутузовские страсти

Зима в Москве по возвращении из Парижа напомнила Тоглару прежние годы. Январь выдался снежным и холодным, без резких перепадов температур, неожиданных оттепелей и капелей. И город, упрятавший под сугробами огрехи коммунальной службы, сразу похорошел, как-то даже помолодел. Особенно прекрасным он становился по утрам после ночного снегопада, когда снег еще был девственно бел и чист.

В такие дни Константин Николаевич, продолжавший жить в «Метрополе», любил прогуляться по Москве пешком, вновь узнавая и не узнавая знакомые с молодости улицы, переулки, тупички... Что и говорить, Москва стремительно менялась, ее строительство не прекращалось даже зимой; особенно ощутимо это было в центре, в районе Садового кольца и на прилегающих к нему старинных улицах, которым спешно возвращали исторические названия.

Частенько он брал с собой фотоаппарат, чтобы запечатлеть уходящую, стремительно меняющуюся Москву. Но случалось, что он забывал о «кодаке», покоившемся в кармане, и подолгу стоял у какого-нибудь покосившегося двухэтажного особняка с облупившейся лепниной, с просевшими ржавыми коваными воротами, и словно заглядывал сквозь время в его светящиеся окна, когда в эти распахнутые ворота въезжали припозднившиеся гости на запыленных снегом санях и, шумно озурая, вылезали из долгополых ямщицких тулупов, предчувствуя веселье в хлебосольном доме, откуда на весь Харитоновский переулок уже гремела музыка.

Уходя от приглянувшегося особняка или глухого московского дворика, он невольно оборачивался, словно боялся упустить какую-то важную для себя деталь или пытался запомнить цвет выцветшей крыши, ибо в эти минуты всегда видел ненаписанную

картину. Тоглар точно вбирал в себя будущие сюжеты — город притягивал его своим многообразием, своим несовершенством, своей красотой и уродством, своей радостью и печалью, помпезностью и нищетой. Сколько он видел печальных окон в Замоскворечье! И каждое — это целый мир, роман, эпоха!

Ежедневные неспешные прогулки обогащали долго дремавшее художественное воображение Константина Николаевича, наполняя его душу светлой грустью об уходящем времени, и он чувствовал, что сможет передать все это на полотне. В такие минуты его тянуло к мольберту, к станку. В какие-то дни, когда особенно одолевала страсть к рисованию, он брал с собой на прогулку стопку прекрасной бумаги под карандаш, уголь или сангину и делал быстрые наброски, которые походили на законченные работы — столь тверда и уверенна была рука Тоглара. Но как бы ни были удачны эти этюды, Фешин считал их только прелюдией к будущим картинам и потому не позволял разглядывать Георгию-Эйнштейну, хотя тот искренне радовался его неожиданно проснувшемуся интересу, тяге к живописи. Наверное, в этом ощущалось родство их душ.

В один из таких дней, когда путешествие по старинным улочкам Москвы особенно затянулось, Тоглар наткнулся на уютную антикварную лавку, в которой рядом с кузнецовским фарфором, венецианским стеклом, позеленевшей бронзой, надраенным для продажи русским серебром продавались и картины. Несмотря на предобеденное время, народу в зале не было, хотя одного взгляда хватало, чтобы понять: хозяин лавки знал толк в своем деле и обладал несомненным вкусом. Антикварных лавок, как и частных галерей, в Москве развелось множество, многие нынче кинулись в этот бизнес, верно определив, что столица — бездонный колодец, откуда любителям старины черпать и черпать.

Хозяин лавки, сухонький старик неопределенного возраста, которому можно было дать и шестьдесят, и семьдесят лет, на минуту оторвался от толстого старинного фолианта в кожаном переплете. Глянув на высокого мужчину в заснеженной собольей шапке и не посчитав его за солидного клиента — посетитель, судя по всему, гулял пешком и без привычной ныне свиты или охраны, — старик вновь углубился в неспешное чтение вечного философского трактата.

Осматривая застекленные витрины-стеллажи, витрины-горки из красного дерева, с годами утратившего блеск и полировку, Тоглар определил, что магазин, скорее всего, был открыт в давние, еще довоенные годы и потому, наверное, имел постоянных поставщиков со всей Москвы. Для антикварного магазина это одно из главных условий существования — нужна постоянная и качественная подпитка. И у Тоглара невольно мелькнула шальная мысль: если хозяин лавки работает давно, может, попросить отыскать для него работы деда... А вдруг? Если в мире все дороги ведут в Рим, то в России все самое значительное стекается в Москву. Могли ведь и работы художника Фешина оказаться в столице, хотя он знал, что искать их нужно, скорее всего, в Казани и в крупных городах Поволжья.

В дальнем углу лавки Тоглар наткнулся на старинный каминный набор из красной меди добротной ручнойковки. Но, как бы ни понравились ему щипцы, кочерга, совок и щетка, которые он уважительно подержал в руках, ощущая добротность вещей, купить все это он не решился — тут требовалось «добро» Виленкина. Он не хотел вмешиваться в концепцию художника — уж очень нравилась Константину Николаевичу работа дизайнера, с которым за месяцы ремонта он крепко сдружился. Приглянулось ему и еще кое-что в лавке, что, наверное, подошло бы в квартире на Кутузовском, особенно в мастерской, но он решил не спешить, а направить сюда самого Виленкина. Однако без покупки из заинтересовавшего его магазина Тоглар все же не ушел...

Дошел черед и до осмотра прилавка, где расположился увлекшийся чтением хозяин лавки, и тут Фешина поджидала удача. В витрине под стеклом — наверное, чтобы не пылились, — рядом с серебряными портсигарами, конфетницами, солонками, подстаканниками с забытыми гербами и величественными монограммами гремевших некогда российских фамилий, монетами и кавказскими кинжалами лежали две небольшие старинные гравюры с видами Санкт-Петербурга в резных рамках из хорошо отполированного незнакомого темного дерева. «Наверное, все-таки, из моренного в северных реках дуба», — решил Константин Николаевич и не ошибся. Гравюры были удивительной сохранности, время не тронуло желтизной даже

бумагу, и Тоглар, разглядывая городские пейзажи с видом на Неву, понял отчего. Мастер-краснодеревщик, оправлявший работу художника в багет, сделал свое дело ювелирно: разместил гравюру под стеклом так чисто, что она находилась как бы в вакууме, оттого целое столетие оказалось для картины нипочем.

Заметив, что покупатель что-то соображает в графике, хозяин лавки поспешно отложил в сторону книгу и сказал:

— Прекрасная сохранность, не правда ли? И немудрено, больше века гравюры провисели в одном доме, потомственных дворян Поспеловых на Мойке. Выдержали две революции, три войны, голод, разруху, а вот перестройку не смогли — попали ко мне. Привезли из Ленинграда, там мало кто покупает старину, а тут иногда находится клиент из «новых русских» или из иностранцев. Рекомендую, писал французский художник Лафарг по заказу графа Поспелова, который якобы и сюжет указал... Так что вряд ли когда-нибудь встретите нечто подобное — в ту пору копии без разрешения хозяина не делали.

— А что, есть еще работы из дома Поспеловых? — быстро смекнул Константин Николаевич.

— Да, — оживился хозяин, — есть еще четыре гравюры: с видом Исаакиевского собора, Фонтанки, Сенатской площади и Зимнего дворца. Те размером побольше, но в такой же отличной сохранности. Оформляли со вкусом и на века, лучший мореный дуб на багет пустили, да и резчик искусный попался. Сама рама, на мой взгляд, отдельный шедевр. Если желаете, покажу...

— Да, пожалуйста, — кивнул Фешин, невольно поддавшись интересу. — Я готов их приобрести. Жаль, если такие вещи разойдутся по разным адресам или покинут Россию.

— Вы правы... — Старик цепко оглядел непонятого покупателя и быстро исчез в подсобке, откуда вернулся с аккуратно завернутыми в старое одеяло гравюрами.

Пейзажи действительно были великолепными, исполненными весьма искусно, и Тоглар поразил продавца, когда, даже не спрашивая цены, решительно сказал:

— Беру.

— Все?.. — удивился растерявшийся старик.

— Да, все, — и, не торгуясь, отсчитал названную хозяином сумму.

— Может, вам надо еще что-нибудь подобрать, подыскать? Так я с удовольствием...— предложил вдруг на радость Тоглару подобрешший старик.

— Да, наверное, мы еще кое-что купим у вас. Я пришлю сюда знающего человека, он и отберет на свой вкус, я ему доверяю, — согласился Фешин. — Он закажет вам необходимое для моего дома. Я и гравюры сейчас забирать не буду, за ними заедут завтра-послезавтра. — И неожиданно, словно только что вспомнил, с волнением сказал: — Есть у меня к вам и личная просьба, помогите, пожалуйста. Я ищу картины Николая Ивановича Фешина, слышали про такого? Он работал в России, в начале века...

Старик довольно долго молчал, отыскивая в памяти фамилию, потом заглянул в какой-то толстый рукописный гротеск и только после этого, виновато разведя старческими руками в «гречке», сказал:

— Извините, не знаю такого, и в моих списках не числится. Но не беда, ко мне многие коллекционеры и знатоки заходят, часто звонят, спрашивают о цене и спросе, да и я частенько у них консультируюсь. Так что обязательно прознаю про вашего Фешина. Откуда он родом, где жил, где работал, где и с кем выставлялся, где умер?

Тоглар довольно подробно рассказал, что знал, и даже назвал города, где наверняка должны быть работы академика Фешина.

— Ну, по таким ориентирам да такого известного художника просто грех не найти, — ободрился хозяин антикварной лавки. — Обнищал повсюду народ в России, и в Поволжье тоже. Свяжемся с коллекционерами и художниками из тех краев, нынче все везут в Москву. Есть заказ — будут картины. Уверю вас, найдем, дайте только срок...

На том они, довольные, и распрощались. Тоглар оставил старику свою новую визитку: он поверил, что с помощью такого искушенного в старине человека обязательно выйдет на след картин своего деда...

2

Ремонт, реконструкция, перепланирование на Кутузовском, как и предсказывал Георгий, затягивались из-за того, что основательно перестраивались две трети лестничной площадки громадного сталинского дома. Сразу после возвращения Тоглара из Парижа Виленкин, вводя хозяина в курс текущих дел, смущенно признался: все, чем он до этой поры занимался, включая наиболее удачные проекты, по большому счету, было лишь изысканным косметическим ремонтом, с тщательным световым и пространственным решением. Настоящая дизайнерская и архитектурная работа — с перепланировкой, когда наполовину сносятся стены и остаются одни полы, а точнее, метраж от полов, — выпала ему лишь здесь, на Кутузовском, и он, не имея прежде такого опыта фундаментальной перестройки, не смог точно рассчитать лишь одно — время. Но классная работа не делается в спешке...

Тоглар и сам это знал. Он верил своему дизайнеру и, как человек с фантазией, видел все, что задумал Виленкин. После двух-трех переделок, согласованных с Тогларом, вопрос о конкретной сдаче квартир под ключ вообще отпал: жесткие сроки, как понял Константин Николаевич, могли сказаться на качестве работ и закрепощали фантазию автора проекта, которому объект был так же дорог, как и хозяину, а может, для художника он был даже важнее, ведь тот выхаживал его как дитя, создавая с нуля.

Такое спокойное отношение к переезду на Кутузовский было у Тоглара оттого, что он прекрасно обжился в «Метрополе». Его трехкомнатный «люкс» на втором этаже одного из лучших отелей Москвы как нельзя лучше подходил для комфортной жизни. В пятизвездочных отелях, предназначенных для состоятельных гостей, все мыслимые и немыслимые услуги стали оказывать по международным стандартам, потому что главными постояльцами гостиницы были не просто богатые люди со всего света, а, зачастую, господа с причудами. Подстраиваясь под вкусы экстравагантных клиентов, гостиница быстро подняла сервисный уровень, достойный любой европейской столицы. Быть может, и неожиданное путешествие в Париж, открывшее Тоглару новые горизонты в жизни, заставляло его не спешить

с ремонтом и переездом. Ведь он мог слетать с Натальей еще куда-нибудь — мир, оказывается, так велик, прекрасен и разнообразен, и дверь в него стала теперь распахиваться на удивление легко, так что Константину Николаевичу было даже трудно привыкнуть к этому. Но, вспоминая дни в Париже, вечер в «Леди Астор», он понимал, какие перспективы открываются перед ним!

Теперь он знал, что, например, сегодня, в начале февраля, когда зиме в России конца-краю не видать, можно слетать на острова в Тихом или Индийском океане у экватора, где круглый год лето. На те самые ласкающие слух своими названиями острова, которые весь советский народ видел лишь по телевизору в «Клубе путешественников» или, на худой конец, читал о них в книгах о морских путешествиях и пиратах: Фиджи, Таити, Тасмания, Сейшельские, Мальдивские острова, десятки крошечных островков в Океании... Все это звучало как музыка, но теперь уже не казалось сказкой, в которой невозможно очутиться.

Конечно, влюбленному Тоглару хотелось показать этот прекрасный мир своей избраннице и увидеть его самому глазами художника, ведь там совсем иные краски, иное освещение, иная реальность! Но Наталья, с которой Тоглар переговаривался по телефону почти каждый день, не могла и на неделю покинуть Ростов, оставить большую мать. Да и на работе, по ее словам, хлопот хватало. Мода — дело капризное: в феврале в их салоне-магазине ожидали с инспекционной поездкой и новыми моделями парижского патрона Робера Платта. В общем, приходилось терпеливо ждать, хотя он не раз предлагал, чтобы Наталья оставила работу в фирме Кристиана Лакруа.

В дни, когда особенно допекала тоска, Тоглар и сам едва не срывался в Ростов, но Наталья останавливала его, просила подождать лучших дней. Константина Николаевича утешало лишь то, что, провожая подругу после Парижа на ростовский рейс, он успел незаметно положить в ее любимую сумочку внушительную пачку долларов — они, наверное, в связи с болезнью матери были ей сейчас очень кстати.

На банкете в «Пекине» по случаю возвращения в Москву из чеченского плена Тоглар интуитивно предположил, что его пути с братвой в скором времени могут разойтись навсегда, —

так оно и выходило. После Парижа он мало кого встречал из старых корешей. Правда, Фешин сам как-то нанес визит Дантесу, расположившемуся здесь же в «Метрополе», двумя этажами выше. Предусмотрительно решил, пока позволяли обстоятельства, завести еще и служебные паспорта для себя и Натальи. Он быстро уразумел, какие преимущества дают такие ксивы людям, часто выезжающим за границу, тем более, что после Франции решил основательно посмотреть мир, как только переедет на Кутузовский проспект и оформит свои отношения с Натальей.

Встречался Тоглар довольно часто, можно сказать постоянно, лишь с одним Городецким, когда тот навещался в «Метрополь» к Дантесу, или когда они тут, в гостинице, сутками играли в карты в каком-нибудь номере или в апартаментах самого Дантеса. Иногда Аргентинец сваливался как снег на голову, разыскивая своего гениального компаньона — Эйнштейна. Часто Городецкий приглашал Тоглара домой: он любил принимать гостей, или, как он подчеркивал, ужинать компанией в праздничной обстановке. Что и говорить, старел, старел неугомонный Аргентинец, кутила и весельчак, годы тянули к уюту, покою, домашнему очагу, а дом свой и домочадцев своих он любил. Городецкий побывал на будущей квартире Тоглара и, оценив размах великого чистодела, восхищенно, но без тени зависти заметил:

— Да, брат, широко ты замахнулся! Моя хваленая квартира по сравнению с твоей может показаться бедной хижинкой. Крепко, я чувствую, ты «чехов» кинул, молодец!

Он-то видел и знал, что Тоглар после кавказского плена отошел от дел, или, как говорят, завязал. Значит, имел средства, если такое строительство затеял, да и на будущее в голове, кроме картин и художественных выставок, ничего не держал. Впрочем, Городецкий от души радовался этому, он и сам старался не влипать во всякие авантюры. Надеясь спокойно дожить до старости, выбирал для игры в карты по-крупному только богатых лохов, которых ему подыскивали за деньги проверенные люди, сами бывшие картежники, зарекшиеся когда-либо брать карты в руки.

Однажды после такой игры, принесшей серьезный выигрыш, неунывающий Аргентинец неожиданно с завистью обронил:

— Эх, жаль, что я, дурак, пошел в жизни не по чиновничьей линии, а в карты кинулся. А ведь иняз окончил...

Тоглар удивленно вскинул брови, что развеселило Аргентинца.

— Да-да, именно! Надо было по госслужбе двигаться. Только там крутятся настоящие деньги, а настоящие чиновники ворочают миллиардами. Как ты думаешь, легко из бюджета или по президентскому указу получить выделенные деньги? Вот и не отгадал. То, что положено, это еще ничего не значит. Пока не пришлешь назад пятнадцать-двадцать процентов от выделенной суммы, никогда не получишь своих денег. Даже если у тебя в крае, области из-за этого остановятся заводы, или без зарплаты голодают люди. Пришли — получишь, а попытаешься вкаты, права качать или вернуть на копейку меньше, чем требовали, — себе дороже станет. В глазах других еще и дураком выставят: не может, мол, получить всенародно выделенные деньги из бюджета. А пятнадцать-двадцать процентов от триллионов, дорогой Тоглар, это не миллионы, а миллиарды! Вот что значит сегодня чиновник при российской демократии.

— Неужели это все творится на самом деле? — Тоглар не переставал удивляться крутости новой жизни. Но и Городецкий зря не скажет. Скорее всего, так оно и есть.

— Да, брат, отстал ты от жизни... — Городецкий удобно развалился в кресле, грея в руках бокал с искрящимся вином. — Ты думаешь, с кем я нынче катаю в карты: с банкирами, предпринимателями, оптовиками, нефтяными магнатами, ворами в законе, аферистами или ювелирами? Нет, ошибаешься... Эти уже из серьезной игры выпали, с ними я не играю уже года два-три. Сегодня я катаю только с государственными чиновниками. Впрочем, — он хохотнул довольно, — и меня за оно по легенде выдают. Я вроде как сосу бюджет за счет топливно-энергетических ресурсов — тут самый жирный кусок выпадает из казны, — оттого я всегда желанный гость в их компании. Правда, ради этого время от времени приходится посещать с умным видом соответствующие министерства, чтобы примелькаться в глазах у тех, с кем буду завтра катать. Тут у меня режиссеры-постановщики почище Мейерхольда и Таирова... и ассистенты все сплошь гениальные. Ты бы видел, как в нужный момент появляется служивый человек и хорошо поставленным

театральным шепотом, слышным за квартал, сообщает мне: «через полчаса вас ждет министр», или же: «вам назначил встречу Владимир Виноградов из «Инкомбанка» или, скажем: «Юрий Агапов из «Кредо банка». Впечатление, скажу я тебе, что надо, особенно среди чиновничьего люда, — они должность уважают, у них кресло — синоним денег. Я своим режиссерам и ассистентам двадцать процентов отстегиваю от выигрыша, и не приведи господь что-то утаить или запомнить — долго будешь ждать следующей игры, еще и штраф навесить могут. Ох, и трудно стало катать в карты, скорей бы на пенсию отвалить, жить с ренты, — мечтательно вздохнул Аргентинец. — Но скоро, чтобы не потерять работу и кусок хлеба, мне придется дом за рубежом приобрести — на Кипре или в Англии. Они, гады, туда косяками собираются переезжать, селятся кучно, чтобы друг дружки держаться на всякий случай, да и водку в компании слаще пить. Они и мне предлагают поселиться рядом, как своему, — придется раскошелиться. Представляешь, какие деньги они туда перегнали?!

— Тебе не угодить: не воруют — играть не с кем. Воруют — Россию разграбили, — пошутил Тоглар, и оба от души расхохотались.

Постоянно, едва ли не каждый день, Тоглар встречался с Эйнштейном; после поездки на фестиваль и особенно после того, как Георгий рассказал о своем увлечении балетом, они очень сблизились, хотя Константин Николаевич и словом не обмолвился о своей бывшей жизни. У них было и без того достаточно точек соприкосновения — искусство во всех его проявлениях.

Конечно, бывал Тоглар с Эйнштейном и на балетных спектаклях. После многолетнего затянувшегося скандала в Большом театре российский балет распался на несколько частных коллективов, а некоторые талантливые танцовщики уехали на Запад, где без особых усилий стали звездами в знаменитых европейских театрах. Но даже такие, казалось бы, невосполнимые для другой страны потери не стали для России роковыми. Словно по волшебству, появилась новая плеяда талантов, и Георгий, хорошо ориентированный именно в балете, водил Тоглара на такие спектакли, где на афишах значились не затасканные имена, а выступали завтрашние Улановы, Плисецкие, Нуриевы, Барышниковы, Лиепы...

На одном из таких представлений сидевший рядом Эйнштейн молча подал Тоглару предусмотрительно захваченную пачку бумаги и угольный карандаш, и Константин Николаевич, увлекшись, сделал несколько рисунков с натуры. В рисунках этих Тоглар легко схватывал движение, жест, пластику тела — главные элементы в балете, составляющие его суть, красоту, грацию. Чуть позже Константин Николаевич, увлекшийся погоней за жестом, движением, стремительным пируэтом, попросил Георгия устроить ему возможность побывать в балетном классе, в репетиционном зале, где сделал еще десятки разных рисунков.

Иногда Фешина неудержимо влекло к природе, на пленэр, на зимние пейзажи, и тогда он, один или опять же с Георгием, уезжал в свой загородный дом в Переделкино. Особняки в Переделкино, когда-то возведенные по сталинскому приказу для писателей, были задуманы с размахом, и неплохие архитекторы приложили к ним руку. Поговаривали, что дом, приобретенный Тогларом, выстроен по проекту Курбатова, одного из любимых учеников знаменитого Шехтеля. Эту версию подтвердил и Виленкин, часто бывавший в Переделкино, — ему тоже нравилось вычурное, с претензией на тогдашнюю моду, каменное строение. Правда, он, имевший на все свой собственный взгляд, уже видел, что следовало бы убрать, добавить, сломать, перестроить, и обещал после окончания работ на Кутузовском, которые близились к завершению, заняться и загородным домом в сосновом лесу.

Писательский городок, где разместились также дачи крупных военачальников, маршалов, адмиралов флота, с первых лет существования был подключен к центральному отоплению, и жить в нем можно было круглый год. Зимой он был так же прекрасен, как и весной, летом и осенью. Тоглару нравилось, затопив камин в угловой комнате второго этажа, подолгу сумерничать у пляшущего огня — в те удивительно уютные часы, когда так легко и светло думается у весело пылающих смолянистых сосновых чурок.

В Переделкино, где в зимнем лесу из-за поворота неожиданно мог появиться медлительно-вальяжный лось, Тоглар впервые после давних уроков отца в районном Доме пионеров попытался писать маслом. Но эти этюды на свежем воздухе,

в заснеженном лесу, давались ему трудно, наверное, оттого, что перед глазами всегда стояли полотна деда, непревзойденного мастера зимних пейзажей. Вот это-то и лишало Тоглара покоя: умом, эстетически до понимания творений деда он дошел, но добиться успеха в своих работах после того, как много лет не брал кисть в руки, он пока не мог, хотя интуитивно чувствовал, что все еще впереди.

Женя Виленкин, забравший по просьбе Константина Николаевича из антикварной лавки в Замоскворечье старинные гравюры с видами Санкт-Петербурга, высоко оценил покупку хозяина квартиры.

Приобрел Виленкин у старого антиквара и еще кое-что по мелочи, чтобы гравюры не выглядели инородными в модернистской мастерской. Как бы стилисты ни увлекались антиквариатом в современном интерьере, Виленкин придерживался другой линии — современной и даже авангардной, хотя отдавал должное изыску старинных вещей, мебели, посуды, аксессуаров. Однако использовал их осторожно, в меру, органично вплетая в свои проекты. И как радовался дизайнер, когда, промучившись неделю, сумел развесить все шесть гравюр в мастерской так, что ни огромная сюрреалистическая работа Эдуарда Шагеева «Сон эстета», ни работы Лафарга не отторгали друг друга, а, наоборот, дополняли, вызывали интерес! Вот в этом — найти и совместить, казалось бы, несовместимое — и проявлялся настоящий талант дизайнера.

Так, в хлопотах, суете по обустройству будущего семейного гнезда, в поездках в заснеженное Переделкино, пеших прогулках по старой Москве, почти ежевечерних телефонных разговорах с Натальей пролетел февраль. И однажды поутру неторопливый Виленкин объявил, что к Восьмому марта квартиры будут готовы, а чтобы подготовить их окончательно, как договаривались — с мебелью, посудой, белыми шелковыми ламбрекенами на окнах, — ему требуется еще месяц, потому что все нужное уже заказано разным фирмам. По мере поступления заказанного все определилось на свои места, и квартиры задышали по новому. Итальянцы смонтировали удивительной красоты освещение в обеих квартирах, немцы оборудовали обе кухни, финны — ваннные комнаты и санузлы. В общем, дом ждал лишь хозяйку...

В тот же день Тоглар уговорил Наталью прилететь в Москву, хотя бы на женский праздник, и обещал ей большой сюрприз. Наталья согласилась приехать на три дня — мать по-прежнему находилась в больнице.

3

В тот вечер после разговора с суженой, когда Фешин ходил по номеру, радостно потирая руки и желая как-то отметить долгожданное событие, раздался телефонный звонок. Хозяин антикварной лавки из Замоскворечья сообщил радостную новость: четыре разных человека из четырех городов Поволжья, включая и Казань, привезли картины академика Фешина: заброшенная два месяца назад сеть дала щедрый улов. Уравновешенный, всегда владеющий собой Константин Николаевич от волнения даже присел, потерял дар речи, но потом, спохватившись, попросил у антиквара, несмотря на позднее время, разрешения подъехать к нему домой тотчас же. Тоглар чувствовал, что в эту историческую для него и будущих Фешиных ночь ему все равно не заснуть. Старик, оказывается, жил в том же доме, где располагалась его лавка, только на пятом этаже, и потому сказал: если уж не терпится, приезжайте через час.

В назначенное время, минута в минуту, Тоглар с волнением нажимал кнопку звонка обшарпанной двери на темной и грязной лестничной площадке, где витали все мыслимые и немыслимые запахи неухоженного и ветшающего дома. Наверное, не живи Тоглар с полгода в «Метрополе» и не посещай таких квартир, как у Аргентинца, он не обратил бы внимания ни на грязь, ни на вонь; человек быстро привыкает и к хорошему, и к плохому — Фешин знал это по своему личному опыту.

Дверь долго и шумно открывалась: гремели засовы, крючки, скрипели задвижки и замки — верхние, нижние, боковые, — хозяин, живший здесь, видимо, с рождения и оставивший позади не один этап лихолетья в России, был надежно защищен и без современной бронированной толщи. Прежде в таких домах ставили толстенные дубовые двери на тяжелые, в три ряда, бронзовые завеси, чтобы не оседали и не скрипели, —

их хватало не на одно поколение жильцов. Перед такой вечной дверью и стоял сейчас взволнованный Фешин.

Чувствовалось, что в беспокойстве пребывал и хозяин антикварной лавки: не шуточное дело, когда заявляется клиент, замахнувшийся на четыре картины сразу. Хоть и много пишут про чудачества и баснословные траты «новых русских», старый торговец таковых до сих пор не встречал — живописью и антиквариатом они интересуются редко. Их больше волнуют престижные модели автомобилей, драгоценности, редкие швейцарские часы из золота и платины, усыпанные крупными бриллиантами, одежда от дорогих кутюрье — в общем, все, что можно носить на себе или с собой, но не станут же они таскать по ночным клубам картину, чтобы покичиться перед своими приятелями. Чтобы просто заниматься коллекционированием, нужно нечто большее, чем деньги, — культура, например.

Квартира являлась как бы продолжением уже знакомой Тоглару лавки или, еще точнее, походила на музей, где экспонаты время от времени гуляли с этажа на этаж. В другое время и в другой обстановке Константин Николаевич осмотрел бы сокровища антиквара внимательнее, но сегодня его интересовало только одно — картины его деда. Чувствуя, что гостю не терпится поскорее увидеть полотна художника из Казани, хозяин дома сразу провел позднего покупателя в большой хорошо освещенный зал. Две картины, прислоненные к спинке высокого дивана, стояли у проема занавешенного окна, две другие — у стенки слева, рядом с громоздким резным буфетом. Все четыре были в родных старых рамах.

Константин Николаевич не знал, к какой подойти сначала, его одновременно тянуло и вперед, и налево. Вдруг, радостно улыбнувшись, он шагнул к окну, глаза впились в одну из работ, где была изображена красивая молодая женщина, наверное, собиравшаяся на свидание или в гости, а может, просто прихорашивалась в ожидании возлюбленного.

В начале века часто использовался прием, когда художник представлял изображение в зеркале или хотел через зеркало показать, что находится позади главной фигуры композиции. Фешин сразу вспомнил знаменитую картину Эдуарда Мане «Бар в Фоли-Бержер». Здесь художник воспользовался тем же приемом, и Тоглар почувствовал атмосферу далеких спокойных

лет богатого, с традициями, дома. Как бы в подтверждение своей догадки Константин Николаевич увидел рядом с четкой размашистой подписью автора и год создания картины — 1913. В картине ощущалось едва уловимое влияние импрессионистов, и немудрено: они тогда были в фаворе, будоражили умы, но если взглядеться внимательно, чувствовалась традиционная русская школа и в цвете, и в композиции, да и в технике тоже, а легчайший французский флер добавлял очарования полотну.

Другая картина была более привычна для Константина Николаевича, похожие работы он видел в казанском музее в зале, посвященном Николаю Фешину. Добротный зимний пейзаж, где была увековечена городская усадьба, купеческий особняк с колоннами в ложноклассическом стиле, с выкрашенной в красноватый цвет железной крышей, изящно выписанными водостоками и ажурным крыльцом... массивные кованые ворота, большая ель, слегка присыпанная снегом... распахнутый сеновал с едва обозначенной шаткой лесенкой, коновязь с парой гнедых — навсегда ушедшее, но сохраненное на века точной кистью время... Радость и грусть рождают такие картины, но эти написанные с натуры пейзажи и есть, наверное, то, что русский человек любовно называет Отечеством, Родиной, Россией...

Две другие картины стояли на полу рядом с черным резным комодом. Тоглар поднял их и перенес на диван — здесь было более удачное освещение. На одной из работ была изображена обнаженная молодая женщина, говоря языком искусствоведов — «ню». Тут сразу на память приходят женщины Ренуара, не по-французски в теле и даже, на наш сегодняшний вкус, несколько полноватые. Но от этой женщины, хорошо освещенной ярким летним солнцем в светлом предбаннике, веяло молодостью, силой, тем более, что упор художник сделал не на внешности модели, а на фигуре натурщицы, на прекрасных густых русых волосах, небрежно собранных в изящно-кокетливый узел на голове, и хорошо прописанных легких руках, как раз довершающих это сооружение на затылке. Поражала удивительная целомудренность картины, хотя в начале века даже такая умеренная работа могла показаться смелой и вызвать шквал нападок со стороны ортодоксальных ценителей живописи. Наверное, картина получилась еще и потому, что

художник Фешин всегда остро чувствовал розово сиреневый и белые тона, и ему прекрасно удался цвет молодого здорового тела, который как раз и доминировал на всем полотне.

Последняя картина, на которой Тоглар остановил свой взгляд, являла собой урбанистический пейзаж, модный в начале века и занесенный в Россию из Европы импрессионистами и постимпрессионистами. Казань, как и Рим, расположена на холмах, особенно в центре, в исторической ее части. Здесь выбор натуры художником оказался весьма оригинальным. Пейзаж был написан не по восходящей — поднимающиеся в гору здания и особняки, — а наоборот: с главной улицы перспектива уходила как бы в овраг, на дне и склонах которого лепились удивительной архитектуры дома, строения с разноцветными крышами, утопающими в садах, — трогательный вид навсегда сгинувшей жизни...

На этих картинах рядом с четкой подписью автора тоже значились даты написания работ: 1912 й и 1911 й годы. Выходит, все четыре были созданы в предгрозовое, но еще тихое для России время, когда никто не ждал ни Первой мировой войны, ни революции, ни гражданской, да и сам Николай Иванович вряд ли представлял свою жизнь и смерть на чужбине. Так, перебегая взглядом от одной картины к другой, Тоглар ходил вдоль дивана и обратно, пока хозяин не предложил ему прекрасной сохранности венский стул.

Теперь он сидел перед картинами, разглядывая работы своего деда, пытаясь угадать его настроение, когда тот был увлечен тем или иным сюжетом. Неожиданно Тоглар задумался, был ли художник Фешин в то время, до Первой мировой войны, знаком с его бабушкой, Елизаветой Матвеевной, и, подсчитав годы, пришел к мысли, что нет — бабушка в ту пору была еще студенткой консерватории. Думал Константин Николаевич и о том, видела ли Елизавета Матвеевна эти работы, нравились ли они ей?.. В какие-то минуты он даже забыл, где находится и зачем, потерял счет времени. Из забытья его вернул голос антиквара — он и так слишком долго засиделся: за окном стояла глубокая ночь и, несмотря на начало марта, густо валил снег.

— Ну как, понравились работы, молодой человек? — В вопросе старика сквозили тревога и надежда, видимо, он

обнадежил всех, кто искал картины, что клиент попался солидный, не обманет.

— Спасибо — растроганно сказал Тоглар, — Очень и очень. Даже не знаю, как вас и благодарить, Кузьма Митрофанович. Век ваш должник... — Он достал портмоне с собственной многоцветной золотой монограммой, которую заказал в фирме «Картье» вместе с визитками. — Сколько я должен вам за хлопоты и за работы?

И когда старик, волнуясь, назвал цену, Тоглар добавил к ней еще изрядную сумму, прокомментировав свой щедрый жест:

— А это лично вам от меня в благодарность.

Старик, не решаясь пересчитать деньги, как привык, обронил:

— А если еще найдутся работы этого художника, как мне поступить, искать вас?

— Обязательно, Кузьма Митрофанович. Сколько бы ни нашлось работ моего деда — теперь я могу признаться в этом, — я буду вам премного обязан...

На том далеко за полночь они распрощались.

Константин Николаевич не уснул в ту ночь, привезя в свой номер эти ниспосланные ему свыше, как он считал, картины. До самого утра расставлял он их по своему трехкомнатному «люксу», любовался то одной, то другой, и как только посчитал приемлемым поутру поднять с постели Эйнштейна, позвонил ему и Виленкину и велел срочно приехать к нему. Тоглару не терпелось поделиться с ними своей радостью: фамильные картины начали стекаться в новый фешинский дом...

4

... Наталья прилетела в праздничный день первым рейсом. Накануне Восьмого марта у них в магазине допоздна шла бойкая торговля последними весенними моделями от Кристиана Лакруа, доставленными Робером Платтом. Французы хорошо усвоили русскую поговорку: дорога ложка к обеду — в бизнесе это приносило немалый успех. Встречал ее Тоглар в аэропорту вместе с Георгием. Большой специально заказанный букет из Голландии бросался в Домодедово в глаза каждому, хотя в этот день многие встречали прилетающих с цветами — женский

день все-таки! Из аэропорта, где на этот раз непривычно долго задерживали багаж, поехали в «Метрополь», а оттуда почти сразу на обед к Городецкому — там их уже ждал празднично накрытый стол.

Дом Аргентинца, которого Константин Николаевич представил, как старого друга и компаньона по бизнесу, сразил Наталью наповал. Она не ожидала увидеть такого великолепия: простор, обстановка, планировка квартиры, каминный зал, зимняя оранжерея на веранде — все было как в сказке. Так она восхищенно и сказала хозяину, когда Аргентинец задал свой обычный вопрос: нравится ли его бунгало госте? Довольный Аргентинец улыбнулся, но все же, покосившись на Тоглара, не сказал, какие апартаменты готовит для нее старый его друг.

У Городецких загуляли допоздна — тепло, уютно, душевно принимали Наталью у друзей Константина Николаевича. Чувствовалось, что вальяжный и остроумный хозяин дома дорожит дружбой с Тогларом, ценит его, и это наполняло душу Натальи гордостью, ей казалось, что в Москве она с ходу попала в компанию высоких и влиятельных людей. И район, где жил Аргентинец, и сама квартира — о существовании подобных она и предполагать не могла, — казалось ей, были предназначены для небожителей. Когда подъезжали к этому дому, Константин Николаевич показал на такой же, по соседству, но только с мемориальной доской на фронтоне здания, и сказал: «Тут жил Брежнев. А рядом дом, где умер Андропов». Да и на этом особняке, где они отмечали праздник, на въезде она видела несколько барельефов из гранита и тяжелые, бронзового литья мемориальные доски с указанием фамилий и скорбных дат, но не решилась спросить, кто жил тут, подумала: не в последний раз, успеется.

Вернулись они к себе в «Метрополь» поздно и в этот вечер никуда больше не пошли, хотя, встречая Наталью, Константин Николаевич предполагал заехать после Городецких в какой-нибудь ночной клуб — его подруга очень любила танцевать, это открытие Тоглар сделал для себя в Париже. В гостинице, когда они уютно расположились на диване посмотреть праздничную программу по телевизору, Наталья, наверное, находившаяся под впечатлением всего увиденного в гостеприимном доме

Городецких, с завистью и грустью одновременно, но в любом случае неожиданно для Тоглара сказала:

— Как мне понравилось у твоих друзей... И дом, и какая у них семья, и как они любят друг друга...

— Выходи за меня замуж, и мы так же будем жить. И дети у нас, я думаю, будут неплохие, мать-то у них вылитая красавица, — подзадорил ее Тоглар, приобняв.

Но, видимо, уклад яркой, помпезной жизни Городецких сильно подействовал на молодую женщину, и она, не таясь, с сожалением проронила:

— А где мы с тобой будем жить, в этом номере в «Метрополе»? Мне свой дом хочется иметь, принимать гостей... Я уже была однажды замужем, намаялась по чужим квартирам. Зареклась — за бесквартирного замуж никогда не пойду, жизнь одна, да и та быстротечная...

— Ну, мы, наверное, этот вопрос как-то решим. Видишь ли, тут наши интересы и планы, слава богу, совпадают. Мне тоже хочется жить домом, семьей, принимать гостей, растить детей... — ответил Константин Николаевич, внимательно глядя на нее.

Впервые он почувствовал, как в Наталье открылось или проскользнуло что-то хищное, жесткое, рациональное, шедшее вразрез с его сложившимся представлением о ней. Но мысль об этом не успела задержаться, пустить корни, ибо в тот же момент любимая, трогательно обняв его, стала благодарно целовать за предложение. Такой красноречивый ответ отогнал насторожившую было Тоглара мысль. Но тайну готовых апартаментов на Кутузовском Константин Николаевич в этот день все же не раскрыл, хотя и порывался несколько раз — и по дороге из аэропорта, и у Городецких, — но сработал какой-то неподвластный ему тормоз.

Утром, когда они позавтракали внизу в ресторане, Тоглар весело сказал:

— А я ведь обещал тебе сюрприз, выманивая тебя из Ростова в Москву, а ты и не напомнила.

— Я думала, что визит к твоим друзьям Городецким и есть тот самый сюрприз, — пожала плечами подруга. — Я очень довольна проведенным у них вечером, спасибо тебе. И если сегодня меня ждет еще одна подобная радость, считай, что ты приготовил двойной сюрприз.

— Ну, это судить тебе, — несколько туманно изрек Тоглар. — Если понравится, то это и будет главный сюрприз. Во всяком случае, я старался...

Забрав «порше» с автостоянки гостиницы, Константин Николаевич повез Наталью на Кутузовский проспект. Когда подъезжали к дому, очень похожему на тот, в котором жил Городецкий, Наталья заметила, что на фронтоне этого здания тоже висели два барельефа из черного и серого гранита и три бронзовые, позеленевшие от времени, мемориальные доски.

— Значит, я угадала, опять в гости? — с деланным восторгом сказала Наталья, оглядывая высокое парадное с консьержем в униформе бывшего десантника.

— Сюрприз может быть и не в гостях, потерпи немного, — ответил с усмешкой Тоглар, вызывая скоростной лифт.

Поднялись на шестой этаж, на просторную лестничную площадку. Поскольку на нее выходили только две квартиры, и обе принадлежали теперь Константину Николаевичу, Виленкин привел в порядок и эту территорию. Оформление было строгим, изысканным, на долгие годы: до потолка — крупная плитка под цвет редчайшего каррарского мрамора, на стенах — полированные дубовые панели, пол — из специального наборного паркета. Хотя обе квартиры на площадке принадлежали Тоглару, но входные двери в них резко отличались друг от друга и по форме, и по цвету полотна и косяков, и особенно по богатству и дизайну хорошо надраенной бронзовой фурнитуры. Над входом в двустворчатую массивную ореховую дверь, что вела в мастерскую-салон, имелась большая застекленная арка, из-за нее прихожая в светлое время суток могла обходиться без электрического освещения, что было очень важно для художника и преображало квартиру до неузнаваемости.

Конечно, лестничная площадка у Городецких тоже была чистой и аккуратной, но не шла ни в какое сравнение с этой: как говорят — небо и земля. И тут, на площадке перед дверями, у самого Константина Николаевича вышла заминка: он растерялся — в какую квартиру вести Наталью сначала. В конце концов он подошел к двери, что выглядела построже в сравнении с дверью мастерской-салона — тоже двустворчатой, сделанной из цельного массива могучего дуба, в середине которой было пропущено толстое восьмимиллиметровое бронированное

полотно, выдерживающее очередь из крупнокалиберного пулемета — такие двери делали в Англии почти семь месяцев. Открыв ее своим ключом, Тоглар радушным жестом пригласил Наталью в дом.

— Чей это дворец? — спросила она растерянно и отчего-то испуганно. Кругом ее окружало такое величие, что она боялась куда-нибудь не туда ступить или что-то задеть.

Заметив ее смущение, Константин Николаевич весело сказал:

— Ты вчера что-то говорила о собственном доме, собственной кухне. Вот, предлагают мне такую квартиру, а я без твоего согласия не могу дать ответ. Посмотри, пожалуйста, кухню, может, надо что изменить, добавить?

Раздевшись в просторной прихожей, Тоглар провел ее за руку по сверкающему паркету в большую, метров на двадцать пять, комнату, которую он назвал кухней. Наталья даже не представляла, что могут быть такие роскошные кухни — с прекрасной мебелью, встроенными холодильником, морозильной камерой, микроволновыми и электрическими печами и духовками, восьмиконфорочной электрической плитой, сияющей хромом и никелем и снабженной всевозможными датчиками и приборами, отчего она походила на космический аппарат. Здесь же были посудомоечная машина и другие агрегаты, предназначения которых она не знала и о существовании которых даже не догадывалась. Обратила Наталья внимание и на то, что на всем оборудовании стоит знак одной фирмы — «Сименс».

Константин Николаевич подошел к громадному холодильнику и, распахнув его, сказал:

— Будет где хранить продукты.. — Потом щелкнул переключателем плиты, которая тут же сама зажглась, но о таких чудесах, плитах на пьезоэлементах, она уже слышала. — И где обед сварить — тоже..

Наталья заметно осмелела и, подойдя к хромированной мойке, включила воду — полилась холодная и горячая. Константин Николаевич отодвинул один из четырех тяжелых деревянных стульев с высокой спинкой и объявил:

— Вот это место будет моим, не возражаешь?

— А я займу вот это, чтобы лучше видеть тебя и быть поближе к плите, — озорно ответила Наталья, включаясь в игру или подстраиваясь под веселое настроение Тоглара.

Затем они осмотрели зал, комнату с камином, которая понравилась Наталье больше всего. Особенно — огромная, похожая на фантастическую птицу люстра из цветного венецианского стекла и схожие по стилю торшеры в углах комнаты. Да и все изысканное освещение, выполненное итальянскими дизайнерами, будущая хозяйка дома приняла с нескрываемым восторгом — это радовало Константина Николаевича, ревниво следившего за ее реакцией.

Из каминного зала Наталья никак не хотела уходить — даже не обставленный до конца мебелью, он был уютен. Но Константин Николаевич сказал, что им есть еще что посмотреть в этом доме, и увел ее в следующую комнату, оказавшуюся кабинетом-библиотекой. Она выглядела более завершенной и обставленной, чем остальные, хотя Тоглар обронил, что еще должны привезти сюда массивный двухтумбовый письменный стол, рабочее кресло и комплект кожаной мебели с диваном, креслами и журнальным столиком.

Наталья Зимина, выросшая в рабочей семье в заводском микрорайоне, ни у себя, ни у подружек дома никогда не видела столько книг. Не всякая городская, не говоря уже о сельской, библиотека могла гордиться таким собранием, и речь шла даже не о тщательности подбора и раритетах, а просто о количестве книг. В библиотеке от соседства с множеством мудрых фоллиантов Наталье почему-то сделалось даже неуютно, и, увидев в одной из стен, между уходящими до потолка стеллажами с книгами, еще один вход с аркой, она удивленно спросила:

— А эта дверь куда ведет? Неужели есть еще одна комната? — Она уже сбилась со счета холлов, прихожих, гостиных...

— А мы сейчас посмотрим! — сказал заговорщицки Константин Николаевич и, взяв ее под руку, повел к потаенной двери, которую не сразу и заметишь, но женщины — народ всевидящий и любопытный.

Из бесшумно отворившейся двери будущего кабинета они сразу, как по волшебству, попали еще в один холл с камином. Но этот камин был поменьше, попроще, чувствовалось, что зал и камин не рассчитаны на большие посиделки, а предназначались для одиночества, часов раздумий.

— Я так поняла, что мы попали в еще одну квартиру, — вопросительно глянула гостя на Константина Николаевича,

но тот уже приглашал ее в следующую комнату. — Ух ты! — восхищенно ахнула Наталья. Она увидела на одной из стен, почти во всю ее ширину, огромную сюрреалистическую работу Шагеева.

Полотно действительно притягивало внимание — мастерски оформленное, прекрасно освещенное произведение смотрелось великолепно! Наверное, примерно так обставляются выставки одной картины. Привычное окно, выходящее во двор, расширили в четыре раза, и вся торцевая стена стала сплошным окном: причудливое переплетение рамы было рассчитано на движение солнца, и оттого мастерская была ярко освещена в течение всего дня. Поэтому комнату никак нельзя было принять за обыденное жилье, и гостья поняла, что попала в студию художника.

С трудом оторвав взгляд от полотна знаменитого московского сюрреалиста, Наталья вдруг увидела у сдвинутого к стене мольберта с забытым этюдом картину с обнаженной женщиной и невольно шагнула к ней, и тут, вблизи, разглядела еще два городских пейзажа: один летний, другой зимний. Картины ей понравились, но какое-то внутреннее чутье подсказывало, что в мастерской они неспроста, — было видно, что даже каждый гвоздь тут вбит продуманно, — и Наталья молча прошла к другим полотнам, возможно, они подскажут разгадку тайны. Гостья и подумать не могла, что все увиденные ею сейчас старые картины принадлежат художнику, который имеет непосредственное отношение к хозяину дома.

Внимательно вглядываясь в полотна, перебегая взглядом с одного на другое, она почувствовала уверенную руку одного мастера, хотя, честно сказать, особенно глубоко в искусстве никогда не разбиралась, даже имея друга-художника. Машинально глянув на год написания работы — эта деталь для нее казалась в тот момент важнее, любопытнее, — автоматически прочитала фамилию автора: «Фешин». И до нее неожиданно дошло, что Константин Николаевич — тоже Фешин, не часто встречающаяся в России фамилия. Тогда Наталья вернулась к первой картине, там тоже стояло: «Н.И. Фешин» — и она, повернув удивленное лицо к молча наблюдавшему за ней Тоглару, спросила:

— Неужели твой отец писал эти прекрасные картины?

— Нет, — ответил спокойно, обнимая ее за плечи, Тоглар, — это мой дед, академик Николай Иванович Фешин.

— А кто был твой отец? — пользуясь моментом, задала новый вопрос Наталья.

— Тоже художник. Настоящий художник, кормился кистью. Жаль, рано умер, в сорок лет. Военные ранения дали о себе знать.

— Ты никогда мне об этом не говорил. — Наталья обиженно дернула плечом, освобождаясь из его объятий.

— Не было повода. Не сердись. Сегодня другая ситуация, ведь вчера я сделал тебе предложение... Ты еще не забыла?

— Наверное, тебе вернули жилье, когда-то принадлежавшее вашей семье? — спросила Наталья.

Видно было, что она пытается что-то для себя уяснить. Слишком уж все было для нее неожиданно: и дом, и квартиры, и изысканный ремонт, и намечавшаяся обстановка — Константин Николаевич по ходу осмотра рассказывал вскользь, где что будет стоять, как выглядеть.

— Не совсем так, Наташа, — покачал головой Тоглар. — Дома на Кутузовском — сталинской эпохи, тогда строили капитально, с размахом, на века. А Фешины родом из Казани, там родились и жили мой дед, мой отец, моя бабушка. Сегодня там никого в живых не осталось. Зато в Казани, в государственном музее Татарстана, есть специальный фешинский зал, мы как-нибудь съездим туда... А я родился и вырос в Западном Казахстане, в далеком местечке Мартук. Там остались могилы отца и матери... Вот и вся моя родословная, — заключил он невесело. — Будем начинать все сначала. Вместе с тобой, надеюсь, мы возродим некогда достойный русский род Фешиных. Если ты, конечно, согласна...

— Я сразу, еще в Ростове, почувствовала, что в твоей жизни есть какая-то тайна, но никогда не думала, что это может быть связано с твоей фамилией, с родословной, — призналась неожиданно Наталья, прильнув к нему. — Еще на выставке у Бабура, когда все так восхищались твоими рисунками, мог бы признаться, что ты из семьи известных русских художников.

— Зачем? Тогда мы с тобой были еще мало знакомы, а родословную человека не всякому следует открывать, это глубоко личное. Теперь-то другое дело... Не поверишь, мой дед

пятьдесят лет был под запретом. Слава Богу, что не уничтожили его работы в запасниках. Только теперь по-настоящему у него начинается жизнь в новой России. К сожалению, до сих пор он известен только узкому кругу специалистов, искусствоведов, да, пожалуй, жителям Казани. Там его знают и любят. До сих пор нет ни одного каталога его работ... Этим мы с тобой займемся в ближайшее время...

— Значит, в тебе тоже живут гены художника, раз твои рисунки вызвали восторг у Бабура, — он не всякому скажет комплимент, тем более коллеге по цеху...

— Да, пожалуй, так оно и есть. Я чувствую тягу к живописи, хочу рисовать. Раньше жизнь складывалась иначе, не до холстов и мольбертов было. Теперь и я хочу попытаться использовать свой шанс, может, что и получится, не возражаешь? — шутливо спросил он.

— Нет, конечно, — задумчиво ответила Наталья, уж очень все это было неожиданно для нее. — Рисуй на здоровье, если душа лежит. Да и грех, наверное, с такой родословной не попробовать себя в живописи. — Она огляделась вокруг. — И мастерская твоя мне нравится, здесь так удобно, уютно, красиво, столько света!

— Тогда давай продолжим осмотр квартиры, ведь тебе предстоит решать, подходит она нам или нет? — предложил Тоглар невесте. — Нам немного осталось инспектировать, хотя и в этой половине есть и кухня, и ванная, и комната для гостей, если они вздумают у нас заночевать, или вдруг нагрянут твои родственники. Моих, американских, к сожалению, еще предстоит отыскать, а других у меня нет, — закончил грустно Константин Николаевич.

— Кухня — моя слабость, — загорелась будущая хозяйка фешенебельного дома и весело приказала: — Веди!

Кухня в студии-мастерской оказалась гораздо меньше, не больше шестнадцати — семнадцати метров, но и она вдвое превышала все известные до сих пор Наталье. И ванная комната, и кухня, и гостевая на этой половине дома были решены в другой цветовой гамме, по-иному обставлены и освещены. Например, кухня в мастерской была укомплектована фирмой «Бош», тоже немецкой. Константин Николаевич отдавал предпочтение технике из Германии, мебели из Италии, посуде из

Англии, часам из Швейцарии, винам из Франции, и это будущей хозяйке следовало учесть.

Особенно понравилась Наталье просторная хорошо освещенная прихожая, свет сюда попадал из огромной застекленной арки над входной дверью, благодаря этому решению архитектора-дизайнера квартира была полна воздуха, света. И, разумеется, поразившее ее вчера жилье Городецких не шло ни в какое сравнение с тем, что задумал Константин Николаевич. Она запоздало поняла, почему он так настойчиво напоминал ей о сюрпризе. Такие сюрпризы, казалось ей, бывают только во сне или в мечтах, а тут... В какой-то момент на Наталью словно нашло озарение: она увидела эти двухквартирные апартаменты, соединенные тайным ходом, во всем убранстве и блеске, как подробно описал ей Константин Николаевич. Увидела и себя в доме, принимающей гостей, друзей, родню, воспитывающей будущих детей, ведь он сказал ей: начнем с тобой возрождать старинный русский род Фешиных, и ей стало так тепло и радостно, что она тут же бесхитростно выпалила:

— Ну, если выбор зависит от меня, мне тут все нравится, и я не хотела бы ничего менять. Спасибо, дорогой, сюрприз действительно великолепный, так меня еще никогда не радовали.

— Я счастлив, что в праздничный день мне удалось поднять тебе настроение и мой подарок пришелся тебе по душе, — со старомодной галантностью отвечивал Тоглар и шутливо поклонился. — Давай вернемся в гостиницу, оставим машину на стоянке и погуляем по Москве пешком. Я покажу тебе одну дивную антикварную лавочку, познакомлю с ее хозяином Кузьмой Митрофановичем, потом пообедаем в испанском ресторане, ты ведь в Ростове проговорила, что Испания тебя чем-то притягивает...

И снова они прошли комнату за комнатой, и вновь Наталья постояла у понравившихся картин и гравюр, посмотрела на окрестности с высоты шестого этажа в огромное окно в большом каминном зале, включая и выключая диковинные люстры под высокими потолками, заглянула еще раз на кухню — честно говоря, уходить ей совсем не хотелось... В какие-то минуты она готова была ликующе закричать в гулкой тишине пустых комнат: «Это мой дом! Это мой дом!»

Подавая Наталье в прихожей манто из золотистой каракульчи, так поразившее пресыщенных французов в Париже, Тоглар, обняв и целуя ее в ухо, спросил:

— Ну, так как, выходишь за меня замуж? Квартирный вопрос, как видишь, решен...

И она, повернув к нему счастливое лицо, прошептала:

— Да, милый, я согласна продлить род Фешиных...

Поздний обед в испанском ресторане «Реал» плавно перетек в ужин, но Тоглар с Натальей не замечали времени, темени за окном, мокрого снега — они были по-настоящему счастливы, потому что определили день свадьбы: 20 апреля, как раз в день ее рождения.

Суеверная Наталья вычитала в каком-то гороскопе, что браки, которые заключаются в день рождения невесты, оказываются необыкновенно счастливыми. Она уже однажды выходила замуж в мае и, по поверью, — промаялась. Теперь она не хотела рисковать. Константин Николаевич, с улыбкой выслушивавший доводы возлюбленной, был согласен на любые сроки. Наталья хотела непременно венчаться в какой-нибудь известной церкви или соборе, обязательно в белом свадебном платье с длинным шлейфом, чтобы этот день запомнился на всю жизнь. Видимо, она помнила свою первую свадьбу в студенческом общежитии и скучную регистрацию в районном загсе, в обшарпанной комнате с задержанной жизнью заведующей, которая заодно выписывала и свидетельства о смерти.

5

Все почти так и получилось, как задумывала невеста, только заметно изменились сроки в грандиозных и пышных планах. В самом конце марта, когда Наталья сдавала свои дела в магазине «Астория», умерла в больнице ее мать, хотя врачи уверяли, что больная идет на поправку. Пришлось Константину Николаевичу срочно вылетать в Ростов, организовывать похороны и поминки — все, как положено у православных. Теперь, до истечения сорока дней и очередных поминок, о свадьбе не могло быть и речи, греховность такого поведения казалась очевидной обоим, впрочем, и поводов особых спешить

не было. Виленкин, которому была названа дата свадьбы, к середине апреля подготовил дом к встрече молодой хозяйки: в обеих квартирах укомплектовал все, вплоть до обувных щеток для любого цвета обуви. Так что в квартиру на Кутузовском Наталья въехала невенчанной, вопреки задуманному. Поминки по матери, сороковины, отметили в Ростове, куда они поехали вдвоем, и жили уже в гостинице «Редиссон-Ростов», где прошли первые счастливые свидания после побега Тоглара из чеченского плена.

С Ростовом, где Наталья родилась, училась и прожила все свои двадцать девять лет, она расставалась без сожаления. Со смертью матери оборвалась последняя ниточка, связывавшая ее с этим городом. «Мы с тобой теперь оба сироты», — сказала Наталья Тоглару после похорон матери. Отца своего она не знала вовсе, хотя носила его фамилию — Зимина.

Пережив в апреле вместо назначенной свадьбы похороны и проведя сороковины в мае, они задумались, когда же назначить венчание. Май невеста исключила наотрез, по уже известной причине. Лето выпадало как-то само по себе, — эти месяцы, на взгляд невесты, тоже считались несчастливymi. Остановились на второй половине августа, ближе к осени, когда люди возвращаются из отпусков, отдохнувшие, загорелые, энергичные. И тут Георгий вновь выручил умным советом, предложив Тоглару оригинальный ход: сделать свадебное путешествие наоборот — поехать за границу, отдохнуть где-нибудь на море, а потом уже венчаться в церкви, как пожелала ростовская невеста. Этот неожиданный план пришелся по душе будущим супругам, и они стали придумывать маршрут, чтобы сочетать приятное с полезным.

Когда-то Константину Николаевичу попался на глаза альбом знаменитого музея искусств Прадо, что находится в Мадриде, и он был восхищен испанской живописью. Испания, которая, кстати, занимала и воображение Натальи, и дала толчок к началу путешествия. Решили вылететь в Мадрид, пожить там дней семь-восемь, походить по галереям, посетить достопримечательные места, католические храмы, затем переехать в Толедо, город оружейников, кузнецов, ювелиров, где находится музей Сальвадора Дали, потом поселиться на испанском берегу Средиземного моря, вблизи Барселоны, чтобы почаще

бывать в знаменитом городе, посмотреть настоящую корриду, увидеть футбольные матчи на известном своей архитектурой стадионе «Бернабеу». Затем перелететь на остров Мадейра, где курортный сезон уже будет в разгаре. С Мадейры, где они собирались купаться и загорать не меньше двух недель, прямым рейсом перебраться в Лиссабон, познакомиться там с мало кому известным музеем искусств, основанным нашим соотечественником Гюльбекианом, бывшим крупнейшим нефтяным магнатом в двадцатых годах.

Это тот самый Гюльбекиан, который готов был построить в советской Армении город, дорогу, музей, все что угодно, лишь бы это было названо его именем, но, как говаривали еще недавно: у советских собственная гордость, и власти, конечно, не разрешили. Тогда всю свою щедрость неутомимый Гюльбекиан обрушил на Португалию: там расположен один из лучших в мире госпиталей, который он выстроил в Лиссабоне и который, естественно, носит его имя. Собрал симфонический оркестр своего имени, с условием, что там всегда будут несколько музыкантов из Армении, построил порт, создал танкерный флот, и после его смерти все содержится на его средства. В музее, открытом Гюльбекианом в Лиссабоне, самая большая в мире коллекция ковров, там есть ковры, которым по две тысячи лет и больше. Но Тоглар также знал, что в этом музее выставлено почти все уникальное столовое серебро Екатерины Второй и редчайшие картины, проданные большевиками в двадцатых годах из запасников Эрмитажа, Третьяковки, Музея изящных искусств, из музеев Саратова, Казани, Куйбышева, Минска, Киева.

Планировали они посетить единственный в мире музей карет, да и вообще погулять по Лиссабону. Как-то Дантес, немало побродивший по миру, сказал, что Португалия произвела на него особое впечатление, и советовал обязательно попробовать там знаменитое коллекционное вино «Лансерс», белое и розовое. А о музее Гюльбекиана Тоглару когда-то рассказывал Рафик Сво, он успел побывать в Португалии в начале восьмидесятых, когда там ненадолго сформировалось левое правительство и с Москвой возникли дружественные отношения.

Из Лиссабона «молодые» собирались перелететь или через Дакар, или через Женеву на острова в Тихом океане, сначала

на Таити, потом на Фиджи, и отдохнуть там недели по две. Затем опять через Европу, а, может, через Каир или Арабские Эмираты вернуться в Москву и тогда уже заняться предстоящим венчанием в церкви и свадьбой. Впрочем, это Тоглар решил поручить Эйнштейну — тот был дважды женат и знал, как оформляются гражданский и церковный браки, а главное, как организовать свадьбу по высшему разряду.

Набросав предварительно план путешествия, передали его Георгию, и тот отправился к своим знакомым в туристическую фирму «Содис». А сами будущие супруги приобрели огромный глобус, ворох карт и каждый день связывались с «Содис», уточняя маршрут будущего путешествия, аэропорты, из которых им придется перелетать с континента на континент, города и отели, в которых предстоит жить. В течение двух недель все формальности, связанные с визами, билетами, местами в гостиницах и на курортах, были утрясены, и в начале июня Тоглар с Наташей улетели в Испанию. В квартире на Кутузовском временно поселили Эйнштейна, — после второго развода он остался без своего угла, снимал жилье и как раз собирался менять очередной адрес. Единственная просьба, которую высказал Тоглар Эйнштейну, отдавая ключи от квартиры, — никогда не играть в этих стенах в карты. Оказывается, существует поверье: дом, где играют в карты на интерес, обязательно закончит плохо — в нем поселятся беда, горе и слезы.

Двухмесячное путешествие, начатое в Испании, прошло так, как задумали в Москве, только с острова Фиджи, где им понравилось больше всего и куда они решили вернуться зимой, в январе, летели в Белокаменную не через Дакар, а через Париж. Невеста все-таки надумала купить или заказать в своей бывшей фирме Кристиана Лакруа свадебное платье и еще кое-что по мелочи. За время путешествия она навидалась нарядно одетых женщин, и, видимо, ей захотелось пополнить и обновить свой гардероб. В Париже они остановились в той же гостинице, что и в первый раз, и связались с мсье Жаком, который обрадовался им как родным. Вспоминая новогодний бал в Париже, решили заглянуть в «Леди Астор». Видя, как Наталья буквально расцвела, счастливый Константин Николаевич, не знавший, чем еще порадовать невесту, предложил:

— Если тебе так нравится Париж, мы бы могли купить здесь квартиру в хорошем районе — они тут гораздо дешевле, чем в Москве, — и бывать тут почаще..

Наталья поспешно и, как показалось Тоглару, с испугом ответила:

— Нет, только не в Париже. Я не люблю Францию. — Заметив его удивление, она поспешила объяснить свой отказ: — Париж год от года становится похожим на площадь трех вокзалов в Москве — одни приезжие и транзитники. Да и французов в Париже маловато, сплошь негры, арабы, африканцы, марокканцы, филиппинцы, вьетнамцы, а теперь и наши проститутки с бандитами тысячами сюда повалили. Вот где-нибудь в Испании, в Марбелье, например, где мы побывали, там дом был бы в радость. Мягкий климат, море, субтропическая зелень, кругом состоятельные люди... Нет, квартира в Париже нам не нужна. Сюда можно приезжать погулять, походить по музеям, выставкам, магазинам или заглядывать, как сейчас, возвращаясь транзитом из дальних странствий..

Позже этот разговор Тоглар будет часто вспоминать... Но тогда он согласился с убедительными доводами любимой и оставил мысль о квартире в сердце Европы.

6

Обвенчались они в Елоховском соборе, одном из красивейших и самых посещаемых в Москве, туда часто заглядывают первые лица государства, а на Пасху и Рождество и сам президент.

Конечно, Эйнштейн, которому было поручено заняться предстоящим венчанием и свадьбой, один не смог бы организовать торжество в таком значимом для столицы соборе, если бы не помощь Аргентинца. Братва в последние годы нашла путь и к духовенству, не зря же в знаменитых церквях лучшие батюшки с хорами отпевают братков в последний путь, а город выделяет им самые престижные места на давно закрытых для захоронения кладбищах, предназначенных для самых выдающихся граждан России. А тут стоял вопрос о свадьбе самого легендарного Тоглара, и братва, конечно, подсуетилась.

Как ни настаивал Тоглар на том, чтобы отпраздновать торжество в узком кругу друзей, переубедить ни Аргентинца, ни Дантеса, да и других ему не удалось. Все в один голос твердили: «Ты ведь, братан, первый раз в жизни женишься, первая у тебя свадьба. Да и жена — красавица, чего же таиться, скромничать? По любви же вступаешь в брак!» В общем, если и не убедили жениха, то дожали...

Свадьбу решили сыграть в «Пекине» — и привычно, и зал большой, просторный, есть где развернуться, и стоянка для автомобилей у гостиницы своя, теперь это веский аргумент в запруженной машинами городской жизни. Попытался Тоглар на финансы сделать упор, чтобы хоть таким образом уклониться от помпезного бракосочетания, мол, дороговато встанет свадьба на триста персон в «Пекине». Ему и тут сказали: не бойсь, это не твоя проблема — скинемся на законный брак.

Кто-то из новых братков оплатил аренду самого ресторана на два дня, Дантес принял счет за богато накрытые столы, Хавтан выделил в помощь своих вышколенных официантов, они хорошо ориентировались среди гостей и знали кто есть кто. Виленкин, конечно же приглашенный на свадьбу как самый дорогой гость, предложил Константину Николаевичу услуги своего товарища-дизайнера, специалиста по проведению особо торжественных и пышных мероприятий, оказывается, теперь есть и такие узкие профессии. Тот, расстаравшись, нарядил и преобразил и без того роскошный зал «Пекина» так, что его не узнали завсегдатаи, а хозяева ресторана поспешили тут же заключить с дизайнером контракт на оформление «Пекина» к Новому году и Восьмому марта, когда от желающих заказать столик нет отбоя уже за месяц.

Огромный зал утопал в цветах, столы оказались расставлены так, что гости могли легко передвигаться по залу, не мешая друг другу. И чтобы потанцевать, не нужно было сбиваться в одну кучу — танцевать можно было везде, музыка прекрасно слышалась даже в самых дальних углах. Не зря сняли ресторан на двое суток: к обеду следующего дня гости вернулись за накрытые столы, чтобы по старому русскому обычаю «поправить голову» и еще раз выпить за здоровье молодых и пожелать им многие лета.

Эйнштейн нанял с «Мосфильма» трех известных операторов, ныне безработных. Прекрасное получилось кино! Тоглар,

глядя, как разворачиваются события, уже и позабыл, что рассчитывал на скромную свадьбу, уж очень счастливой выглядела невеста. Наталья накануне свадьбы нервно твердила: «Говорят, как получится свадьба, такой и будет жизнь...» Выходило, что впереди их ждет сплошной праздник, улыбки, цветы и подарки...

Парижские тайны

Отношения Карлена Татляна с Оленькой Харитоновой завязывались все туже день ото дня, и теперь в доме известного профессора его принимали как жениха. Норману такое положение нравилось. Семья невесты внушала Карлену уважение — чувствовались традиции, культура, основательность уклада дома, несмотря на материальные невзгоды, переживаемые научной элитой в России. Но тут Карлену удалось помочь будущему тестю: он пристроил несколько нашумевших ранее в узких кругах лекций-статей Олега Даниловича, которые в прежнее время нельзя было опубликовать в открытой печати из-за тотальной секретности всего и вся. А западные технические журналы платили куда более солидные гонорары, чем искусствоведческие издания за статьи и обзоры культурной жизни России.

После первых публикаций на Западе забытый на родине и бедствующий профессор получил от нескольких видных журналов предложения выступить по той или иной проблеме, в которых был весьма компетентен доктор наук Харитонов. А один престижный университет даже пригласил прочитать курс лекций в удобное для него время. В общем, благополучие в семье Харитоновых начало возрождаться с появлением в их доме обаятельного американца, которого будущая теща ласково звала Каро и пекла к его приходу любимые им пироги с грибами и с капустой.

В условиях контракта, подписанного Карленом-Норманом с американской разведкой, был пункт, где он обязывался поставить в известность руководство, если надумает вступить в законный брак. Особенно в том случае, если избранницей сердца окажется подданная другой державы. Американские

спецслужбы знают несколько случаев, когда всемогущий КГБ, да и другие известные в мире разведки: итальянская, немецкая, израильская — сумели скрутить заокеанских агентов брачными узами. Американцы до сих пор спорят, была ли минчанка Марина, жена Ли Харви Освальда, убийцы президента Джона Кеннеди, агентом КГБ и как этот факт повлиял на судьбу самого обаятельного президента всемогущего государства.

Составил такой рапорт руководству и Карлен-Норман, где подробно описал семью профессора Харитонов, на чьей дочери он собирался жениться в ближайшее время. Сообщил в центр и о публикациях будущего тестя в американских журналах, и о приглашении прочитать курс лекций перед студентами влиятельного университета, в котором в разное время учились несколько бывших президентов США. Передал он и с десяток фотографий семьи Харитоновых: дома, на даче, в театре — это тоже являлось непременным пунктом контракта.

Ответа долго ждать не пришлось, он получил его гораздо раньше, чем предполагал. Причем депеша была подписана высшим руководством разведки, а это означало, что брак агента представлял повышенный интерес для спецслужб. Оказалось, что к профессору Олегу Даниловичу Харитонову разведка давно проявляла интерес, еще с начала семидесятых годов, когда по научным каналам до ЦРУ дошли слухи о его открытиях в химии, пригодных для использования в области высоких технологий. Но работы, ценность которых была очевидна, сразу строго засекретили, впрочем, как и самого профессора, и ниточка интереса ЦРУ к нему оборвалась в самом начале его научной карьеры. И вдруг приятная неожиданность — возможность внедрить агента в семью самого ученого, подобное случается не часто! Начальство, заранее поздравляя своего молодого и талантливого агента, просило не упустить свой шанс и даже обещало увеличить суммы представительских расходов, дабы он выглядел достойным Америки женихом.

Карлен, читая высокопарное послание из центра, лишь туманно улыбался — интересы США, патриотизм и любовь к звездно-полосатому флагу теперь его мало волновали. Москва быстро остудила и юношеский, и шпионский романтизм. Жениться на Ольге он, конечно, хотел всерьез и, как считал, по любви, хотя и проскальзывала тут скрытая от чужих глаз

личная выгода, тонкий расчет. Отсылая в центр сообщение о том, что он намерен обзавестись семьей, Карлен, конечно, знал, что оно вызовет у его шефов подобный резонанс.

Это он понял еще тогда, когда прочитал статьи Олега Даниловича для американских журналов, да и по беседам дома на английском он ощутил незаурядную одаренность будущего тестя. Такие люди, как профессор Харитонов, и составляли сегодняшнее богатство и могущество его новой родины: Америка всегда жила за счет талантливых доноров со всего света. Карлен хорошо знал, что из тридцати живущих сегодня в США лауреатов Нобелевской премии — три четверти составляют выходцы из Китая, Индии, Пакистана, Израиля, России, Латинской Америки. Даже в большой политике, в кого ни ткни — по нашим понятиям, иностранец: Генри Киссинджер — немец, Збигнев Бжезинский — поляк, Спиро Агню — грек. Конечно, такие люди, как профессор Харитонов, интересовали разведку, тем более, если много лет к нему не было подхода.

Но Карлен, несмотря на молодость, уже всерьез играл свою игру. Этим сообщением он надолго, если не навсегда, резервировал за собой место в Москве, из которой ему уезжать никуда не хотелось. Во-вторых, теперь даже отсутствие ощутимых результатов в охоте за «граверами» не могло изменить его местопребывание — профессор Харитонов стоил того, чтобы агент находился постоянно подле него. В невинном на первый взгляд сообщении репортера светской хроники, что он собирается жениться, таилась еще одна коварная хитрость. Положение жениха, естественно, требовало времени, и он получал на полгода, на год относительную свободу — а это время он всерьез собирался потратить на поиски «гравера». Карлен чувствовал, что тот где-то рядом, в России, если не живет, то обязательно часто бывает в Москве, косвенно все подтверждало это. А разыщи он «гравера», можно навсегда остаться в Белокаменной и потихоньку, год от года, сворачивать работу, чтобы уйти в отставку как не оправдавший надежды агент.

... Как-то в конце лета, в августе, он вместе с Олей подъехал на своем белом «мерседесе» к ресторану «Пекин» поужинать, потанцевать. Карлену, да и Оле тоже, очень нравился китайский ресторан, где их уже знали и принимали как завсегдатаев.

Только повернув с Тверской направо, на автостоянку перед кинотеатром «Дом Ханжонкова», прежде называвшимся «Москва», Карлен увидел небывалое скопище роскошных иномарок и не сразу понял, что все они стараются припарковаться на площадке перед «Пекином». У въезда на стоянку стоял вальяжного вида распорядитель, ловко направлявший машины на соответствующие места; он пропустил Карлена с его «мерседесом», видимо, приняв его за званного на сегодняшний банкет гостя. Как только они с Олей вышли из автомобиля, на стоянку под восторженный гул встречающих въехал кортеж свадебных машин, элегантно украшенных цветами, без всяких пошлых надувных шаров и пластмассовых кукол. И они поняли, что кто-то арендовал в «Пекине» зал на свадьбу. К головной машине, огромному черному «кадиллаку», где сидели жених с невестой, кинулись гости с цветами. И Ольга потянула Карлена туда же — ей хотелось посмотреть платье невесты, в последнее время они тоже часто говорили о свадьбе, о церковном венчании. После первых объятий, приветствий, поздравлений у «кадиллака» толпа гостей расступилась и открыла дорогу молодоженам к ресторану, под ноги им полетели розы — новая традиция на богатых свадьбах в России.

— Какое платье! — с восторгом прошептала Ольга. — Наверное, в Париже на заказ сшили. Красивое и без шлейфа, удобно танцевать, — азартно комментировала она наряд невесты.

Но Карлен не видел ни наряда невесты, ни самой невесты, его внимание привлекли шаферы жениха — в элегантных смокингах на располневших фигурах, с белыми атласными лентами через грудь, по давней русской традиции. Как-то давно, еще до знакомства с Олей, ужиная с Крисом и Абреком в «Пекине», Карлен видел этих вальяжных господ неподалеку за соседним столом и помнил, что одного кличут Дантес, а второго Шаман, знал он и то, что на ближайших выборах они наверняка выставят свои кандидатуры на президентский пост, а депутатские мандаты в Государственной думе в ту пору уже имели оба. Чуть поодаль за шаферами-дружками, на позиции телохранителя, шел Хавтан, владелец ресторана «Золотой петушок». Незнаком был Карлену только жених, его он никогда и нигде не встречал, хотя большинство окружавших молодоженов людей

Норман видел часто: в казино, в хавтановском ресторане, на бегах, в автосервисе иномарок, ночных клубах, в «Пекине», наконец. Видимо, седеющий жених не первой молодости был влиятельный человек, раз такие высокие господа оказались у него доверенными людьми на свадьбе.

— Вот сфотографировать бы это платье! — продолжала мечтательно восторгаться Ольга, замороженная нарядом невесты.

Карлен, в лацкане пиджака которого всегда таился глазок микрокамеры, уже давно усиленно фотографировал и молодых, и окружение, и всех подходивших гостей — чувствовал, что эти снимки когданибудь очень ему пригодятся. Судя по заставленной автостоянке, свадьба намечалась грандиозная, а машины все прибывали.

Уже когда жених с невестой подошли к распахнутым настежь высоченным дверям «Пекина», появился чуть запоздавший Аргентинец в белом смокинге, рядом с ним — жена и дочери, в руках у женщин были роскошные букеты. «Значит, вездесущий Аргентинец хорошо знает жениха», — почему-то подумал Карлен. Телефон Городецкого давно уже стоял у Татяна на прослушивании, и он решил дня через два внимательно изучить записи разговоров каталы, который наверняка в беседе с кемнибудь обмолвится о роскошной сегодняшней свадьбе в китайском ресторане.

Среди множества иномарок Карлен узрел и две машины фирмы «Кара-Дюшатель», только других расцветок: белую и жемчужно-дымчато-перламутровую, на фоне даже самых престижных моделей эти автомобили выглядели вызывающе роскошно. Карлен, занятый личными делами, уже три дня не видел своих друзей с четвертого этажа, и «Кара-Дюшатель» навела его на мысль поискать их тут, но сколько он ни оглядывал плотно заставленную стоянку, знакомой машины, на которой он часто выезжал сам, не было видно. Хотя, судя по составу гостей, особенно по их количеству, Крис с Абреком вполне могли быть приглашены на это претенциозное торжество. Отыскать соседей не удалось, и Карлен, потерявший интерес к чужой свадьбе, отъехал от «Пекина».

Тот вечер Карлен с Олей провели тоже шумно и весело — в хавтановском ресторане у Петровича. В тот день там отмечали

день рождения сразу три компании: шампанское лилось рекой, оркестр не умолкал ни на минуту, и специально приглашенные цыгане из театра «Ромэн» придали гулянию особый, по-русски залихватский шарм, так нравившийся Карлену.

Карлен с Олей вскоре забыли о том, как они не попали в «Пекин» из-за чужой свадьбы. Однако Татлян, проявив снимки, сделанные на автостоянке рядом с кинотеатром «Дом Ханжонкова», обратился к своим друзьям с четвертого этажа, надеясь прояснить ситуацию: почему такие влиятельные люди, как Дантес и Шаман, были шаферами со стороны жениха — человека неизвестного для широкой публики? И почему с такой помпой отмечалась эта свадьба — ведь не политик, не банкир, не предприниматель, не эстрадный кумир? Крис с Абреком, рассматривая фотографии, узнали почти всех присутствовавших на торжестве людей. Это вдохновило Абрека на поучительные откровения:

— Дорогой Каро, ничего случайного в жизни не бывает. Если состоялась такая роскошная свадьба, значит, человек заслужил подобные почести. Ты прав, не на всякую свадьбу пойдут и Дантес, и Шаман, представляющие наивысшие авторитеты в государстве. А что касается скромного, на твой взгляд, жениха, то это легендарный человек из уходящего поколения. Например, его хорошо знал наш дядя Рафик Сво. Он как-то, упоминая о нем, изрек: это великий человек, чистодел! Но чем этот великий занимается, рассказать не успел, что-то увело в тот раз разговор в другую сторону, а допытываться у нас не принято, дурной тон, запахло, когда надо, сам скажет. Но «чистодел» означает мастерство, работу по высшему разряду. Может, он из тех редчайших людей, художников-ювелиров, которые отладили в начале семидесятых чеканку старых царских золотых монет достоинством в пять и десять рублей — самого привлекательного товара для тех, кто любил прежде «солить» деньги, таких гобсеков пруд пруди. Никакая экспертиза, кроме Пробирной палаты при Гохране СССР, не могла установить подделку, все совпадало: абсолютные параметры, точнейший вес, чисто золотой звук, а золота там была только одна десятая часть. Таких мастеров и называют с уважением — чистоделы.

В любом случае он человек высочайшего авторитета, за это головой ручаюсь. Он, видимо, давно отошел от дел, еще

до нашего появления в Москве, иначе бы мы точно знали, кто он, чем занимается. А теперь, вероятно, живет в свое удовольствие, как видишь, решил семьей обзавестись, значит, раньше жил по понятиям: братан в законе не имел права на семью, на собственность. Сегодня авторитет такого человека, его слово дороже золота, дороже бриллиантов. Случись какой-нибудь важный спор, разборка между большими людьми — обратятся к нему. И как он скажет, так и будет, нравится это кому или нет. Как говорят юристы, приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Но ошибись он, прими чью либо сторону — больше к нему не обратятся. Независимый и неподкупный судья нужен не только в гражданском обществе, но и в уголовном мире, иначе — конец: хаос, беспредел.

— Да, жаль, не были мы званы на эту свадьбу, — поддержал Крис, — погуляли бы рядом с такими корифеями. Жаль, не запомнил, какая у него кликуха, хотя Сво нам тогда ее называл, точно. Но ничего, дорогой Каро, мы свое тоже возьмем и пригласим самого чистодела на наши свадьбы, если сами, конечно, доживем до таких дней..

Вот такой неожиданный комментарий получил Карлен по поводу свадьбы в «Пекине».

2

Прошло всего лишь три месяца со дня пышной августовской свадьбы, и Карлен с Олей еще раз вспомнили о ней. Но на этот раз репортер светской хроники «Лос-Анджелес таймс» проявил к ее главным участникам гораздо более пристальный интерес.

В конце ноября, в один из промозглых дней поздней московской осени, когда уже выпал первый снег и все напоминало о предстоящей зиме, Карлен заехал к Ольге домой, захотел повидаться с ней, да и новость приятная для Олега Даниловича имелась. Приехал он без предупреждения — сразу после интервью с одним молодым скрипачом, которому специалисты с восторгом прочили лавры Давида Ойстраха или даже Иегуди Менухина, — и попал за накрытый стол. Ольга, оказывается, только полчаса назад вернулась из института, а гость к столу

у всех народов считается счастливой приметой, о чем ему не преминули поведать. После такой преамбулы новость для Олега Даниловича явилась как божий дар, а не как дальний, ловко рассчитанный ход американской разведки. Один из всемирно известных университетов в Вашингтоне, округ Колумбия, собирался издать его учебник по химии, который он написал для студентов высших учебных заведений СССР еще лет пятнадцать назад. Обещанный за издание гонорар для потерявшего жизненные ориентиры профессора показался просто гигантским, разом снимавшим все финансовые проблемы.

Посидев за столом, Карлен с Олей оставили счастливых родителей на кухне и уединились, как обычно, у нее в комнате. Не успел он ее обнять, как Оля взяла с письменного стола броский журнал, название которого ни о чем не говорило Карлену, и протянула ему. Подобные издания возникали шумно, претенциозно, денег на их рекламу, особенно на презентацию, не жалели, но через полгода, успев выпустить пять-шесть номеров и не оставив заметного следа в культурной жизни страны, они исчезали навсегда. Скорее всего, этот журнал был из такой же серии однодневок, более серьезные издания, утвердившиеся на рынке, Карлен хорошо знал, так как сотрудничал с большинством из них.

Протягивая Карлену журнал, Оля сказала с лукавой улыбкой:

— И у меня для тебя сюрприз. Помнишь ту свадьбу в «Пекине», где мне так понравилось подвенечное платье невесты? Мадам, выходит, очень богатая, посмотри, какие она траты себе позволяет.

Журнал, как и предполагал Карлен, оказался «пустым», так на языке профессионалов оценивается качество издания. На Западе подобную прессу называют «бульварной» или «желтой», но в чистом виде таковой в России еще не сформировалось. Большинство страниц заполняли фотографии скандальных звезд, дам полусвета, шлюх, не скрывающих своей профессии, вчерашних кумиров, спившихся спортсменов. Разворот в середине журнала занимали тоже снимки, но уже лучшего качества. Они принадлежали западным фоторепортерам, даже очень известным. Те быстро сориентировались на русском рынке и сбывали в Москву работы, которым не нашлось места

в «Плейбое», «Вог», «Эль», «Базар», «Космополитен» — дорогих и престижных в Европе изданиях. Снимки шли под вызывающе претенциозным названием: «Русские завоевывают мир». Только глянув на несколько фотографий, сделанных в дорогих ювелирных магазинах Лондона, Вены, Тель-Авива, Цюриха или в антикварных салонах Парижа, Мадрида, Афин или Рима, Карлен подумал, что эти снимки могли бы заинтересовать налоговую инспекцию России, жаль, не было сопроводительного текста к ним.

Но два снимка внизу разворота заставили насторожиться и Карлена-Нормана, ему с трудом удалось скрыть свое волнение от невесты.

На первом, сделанном в известном парижском автосалоне «Себастьян», где продаются дорогие, чаще всего сделанные по предварительному заказу эксклюзивные экземпляры редких машин, была изображена знакомая им невеста, чье свадебное платье сразило Ольгу. Одета она была и на этот раз богато и со вкусом, но не наряд привлек внимание Татляна. Покупательница явно позировала оказавшемуся случайно рядом или специально дежурившему в таком магазине фоторепортеру — с улыбкой эффектно опустила левую руку, унизанную кольцами и браслетами с дорогими камнями, особенно ярко выделяющимися на цветном снимке, на стопку долларов в банковских упаковках. А находящийся по другую сторону от впечатляющей долларовой пирамиды не то владелец, не то менеджер магазина держал перед собой двумя пальцами нераспечатанную пачку ассигнаций, видимо, из этой же стопки. Снимок явно символизировал поведение «новых русских» за рубежом и их девиз: «За все — наличными!»

На другой фотографии, пониже, та же дама уже сидела за рулем роскошного кабриолета «мазерати»: ослепительная женщина, умопомрачительная машина! Подобная модель «мазерати» с откидывающимся верхом стоила, на взгляд Карлена, не меньше трехсот тысяч долларов. Если репортер хотел эпатировать публику, он своего вполне добился! На втором снимке рядом с женщиной на переднем сиденье примостился какой-то мужчина, но для фотографа он явно не представлял интереса, и фигура смазалась. Однако Карлен ясно видел, что этот мужчина совсем не тот жених, седеющий господин, что

вел невесту под руку у ресторана «Пекин», — тот был заметно выше, вальяжнее.

Карлен уже хотел вернуть журнал Ольге, как вдруг его взгляд от роскошного золотистого «мазерати» с кожаным откидным верхом перекинулся на невзрачного менеджера магазина «Себастьян», а точнее — на пачку долларов, которую тот держал почти на уровне лица. И только тут Карлен разгадал замысел фотомастера: главным в кадре были все-таки деньги — Его Величество Доллар. В пачке долларов, в пирамиде, составленной из них, и крылась задуманная художником идея, очень понятная западному обывателю. Выходило, что деньги затмили, заслонили не только скромного служащего автосалона, дорогую машину, но и ослепительную покупательницу. Доллары на снимке выглядели броско, рекламно, можно даже сказать — художественно. И тут Карлен, уже минуты три державший в руках журнал и в упор разглядывавший снимки, увидел четко номер и серию купюры — это были те самые супербанкноты, о которых предупредило его ЦРУ и Федеральный резервный банк Америки...

От неожиданности он чуть не вскрикнул, но вовремя сдержался. Ольга уловила перемену в настроении своего жениха, заметила его необычную бледность, мгновенно возникший лихорадочный блеск глаз, как при температуре, и потому, нежно обняв, участливо спросила:

— Что-нибудь случилось, Каро? Я расстроила тебя этими снимками?

Карлен, чтобы скрыть свое состояние, встал и, нежно приобняв ее, потерся щекой о щеку:

— Конечно, жаль, что я не могу подарить тебе такую великолепную машину или драгоценности, но я очень люблю тебя и думаю, что смогу баловать дорогими подарками...

— Спасибо, милый. Но я ничуть не завидую ни ее машине, ни нарядам и украшениям. Странно другое, что она уже дважды встретилась на нашем пути...

— Да, пожалуй, ты права, в этом есть что-то мистическое. В десятиmillionном городе это похоже на чудо, но, как говорится у вас в России: что ни делается, все к добру. Будем и мы так считать...

Уходя из дома профессора Харитонова, Карлен попросил у Оли журнал, сказав, что хочет показать эту модель «мазерати» своим друзьям, ярым поклонникам автомобилей.

Вернулся к себе в «армянский дом» Карлен расстроенным, честно говоря, он оказался не готов к такой быстрой удаче. Он полагал, что поиски «гравера» затянутся на годы, хотя чувствовал, что все крутится где-то рядом, возле него, и многих людей, имеющих к этому отношение, он уже наверняка знает в лицо. В этот промозглый предзимний день Карлен уже больше никуда не собирался выходить из квартиры и потому налил себе солидную, по-русски, порцию виски «Баллантайнс», к которому пристрастился уже в Москве. Потом, хотя и отобедал у невесты дома, принялся готовить ужин.

В холодильнике у него была пицца-полуфабрикат из хорошего итальянского ресторана по соседству — он поставил ее в микроволновую печь. И от души пожалел, что в такую минуту в доме не было ничего от Петровича, день ото дня Карлен-Норман все больше ценил русскую кухню, русскую еду, особенно ту, что готовили в хавтановском ресторане. В какой-то момент он хотел даже позвонить в «Золотой петушок», чтобы прислали корзину с традиционным набором еды, но в последний момент передумал: ему нужно было побыть одному, принять стратегически правильное решение, — он был близок к достижению цели и ошибаться не имел права. В конце концов, в холодильнике было достаточно всего, это соответствовало его армянскому менталитету, которого он, из-за дружбы с Крисом и Абреком, пытался придерживаться. Друзья с четвертого этажа могли позвонить среди ночи и спросить: нет ли у тебя семги или соленой капусты и хрустящих огурчиков с Центрального рынка под водочку? И не окажись того или другого, могли воспринять это как обиду — по понятиям Криса и Абрека, в доме должно быть все.

Накрыв стол, Карлен достал бутылку русской водки, рекомендованной ему Петровичем, и с удовольствием выпил стопку под грибы и языковую колбаску. Татлян принадлежал к тому редкому типу людей, которых спиртное скорее мобилизует, чем расслабляет. Обычно, приняв два-три стаканчика крепкого спиртного, он мыслил четче, многовариантнее, такое он за собой заметил давно, еще со студенческих лет. Сегодня

требовалась особенная ясность ума: в том, что он случайно наткнулся либо на самого русского «гравера», либо на крутого сбытчика фальшивых долларов, он не сомневался. При любом раскладе — он у финиша, и не упустит свой шанс, дожмет «жениха», чего бы это ни стоило, чтобы выйти на подпольный валютный центр. Если надо, прибегнет к помощи бандитов с четвертого этажа.

После первой рюмки прекрасной водки «Русская рулетка» на ум ему пришла неожиданная мысль. Последнее время Карлен искал фальшивомонетчика только для себя, но в эти минуты подумал, что если русский «гравер» почему-то окажется ему не по зубам, он, не мешкая, призовет на помощь всю американскую мощь. В выигрыше он окажется в любом случае, но лучше было попытаться провернуть все самостоятельно. Ведь найди он этот чертов цех — сразу решил бы все проблемы личной жизни, а жизнь у него только-только начиналась, судьба редко и не всякому предоставляет такой шанс. Карлен прекрасно это понимал.

Поразмыслив на эту тему еще с полчаса, он твердо решил: вначале попытаться использовать личный шанс, тем более что к интересам Америки он мог вернуться на любом этапе поиска «гравера». Сегодняшнее открытие требовало немедленных действий, и Карлен, подняв лежавший всегда рядом сотовый телефон, позвонил на четвертый этаж, но никто по стационарному номеру не ответил. Тогда он позвонил прямо в «Кара-Дюшатель» — откликнулись сразу.

— Абрек, мне нужно срочно вылететь на недельку в Париж. Не могли бы вы помочь мне с паспортом? Я хотел бы слетать туда инкогнито...

— Каро, дорогой, без скремблера на телефоне о таких делах говорить не стоит, мы ведь можем быть на крючке у властей, а это повредит твоей репутации, это на всякий случай, не обижайся, — укоризненно заметил Абрек, и Татлян согласно кивнул, словно друзья могли его видеть. — Те связи сохранились... Слушай, мы решили провести вечер дома, холодно, да и снег повалил. Так что жди нас в гости, аппетит гарантируем...

Вечером за дружеской пирушкой, которая оказалась так кстати к настроению Нормана — в одиночку он от волнения не находил себе места в квартире, — вопрос с паспортом,

обязательно зеленым, дипломатическим, решил быстро. Карлен объяснил: он хотел бы, чтобы его скоротечный визит в Париж не был известен его хозяевам, а иначе он не мог оформить визу во Францию через американское посольство. Поездку в Париж он объяснил личными проблемами: хотел купить невесте наряды и свадебное платье — о том, что у них с Ольгой дело шло к венцу, Абрек с Крисом хорошо знали.

После ухода друзей, которым Карлен журнал, естественно, не показал, он долго разглядывал снимки, пытаясь составить к ним словесный комментарий. Выходило, что молодожены, на чью свадьбу он чуть было случайно не попал, жили или имели квартиру в Париже. Если бы они покупали такую дорогую машину для Москвы, им пришлось бы оплатить только ее стоимость, и через некоторое время ее доставили бы транспортным самолетом прямо в Шереметьево. И тогда хозяйка, скорее всего, фотографировалась бы в машине уже дома, на фоне русского пейзажа, а тут на фотографии четко виднелись парижские номера — там машины продают уже с номерами, зарегистрированными в полиции. Эти детали Карлену, хорошо знавшему западную жизнь и бывавшему в Париже, говорили о многом. Люди, имеющие доступ к фальшивым долларам, могли позволить себе жить двумя домами — в Москве и в Париже, что сейчас ничуть не удивительно для «новых русских». «Птицы высокого полета», — говорил о таких нуворишах язвительный Абрек. Отсюда и пышная свадьба в Москве... Значит, столица занимает в их жизни не последнее место...

Такие гипотезы выстраивал в ту ночь Татлян после ухода гостей. Но как бы он ни фантазировал, следовало лететь в Париж, наведаться в автосалон «Себастьян», а там уже искать покупательницу, позволившую себе дорогую покупку, да еще и за наличные.

3

Прилетел Карлен в Париж рано утром, первым рейсом авиакомпании «Эр-Франс», в знакомый по прежним визитам аэропорт Орли. В Париже стояла такая же сырая, промозглая погода, хотя снег во Франции еще не выпадал. Погода не

оказалась для него неожиданной — он жил в Париже больше года, проходил стажировку в известной газете «Франс суар» и знал, что такое конец ноября во Франции. Да и в самолете объявили метеосводку, после чего все дружно запросили кто виски, кто коньяк.

Прибыл он в Париж налегке, с одним полупустым дипломатом, если что и понадобится, все можно приобрести здесь — денег с собой он взял достаточно. Друзья с четвертого этажа любезно предоставили возможность еще раз воспользоваться чеченским саквояжем из отеля «Лейнсборо». Кстати, Карлена сильно удивило, что денег в щегольском саквояже за последние два месяца нисколько не ubyло, хотя Крис с Абреком тратили их напрапалую, значит, снова разжились где-то солидной суммой.

В Париж он летел без особого трепета и волнения, и не потому, что не любил его или был равнодушен к европейской столице, просто хорошо помнил тот давний год стажировки. Здесь, как ни в каком другом городе мира, чувствуешь власть, силу денег и свое бессилие, ничтожество, когда их нет! Все есть, и все не для тебя — таким запомнился Карлену Париж. Что мог позволить себе бедный студент, куда пойти, когда на счету был каждый доллар, а в молодые годы так хочется есть, одеваться, гулять, ухаживать за красивыми девушками! Париж не оставил в его воспоминаниях ничего сентиментального, о чем стоило сожалеть, и оттого сегодня он чувствовал себя твердо и уверенно, казалось, ничто не способно его расслабить или отвлечь от выполнения задуманной миссии.

В самолете, когда он равнодушно думал о Париже, припомнилось почему-то окончание одного знаменитого европейского романа, когда некий разочаровавшийся путешественник возвращается из Венеции, о которой грезил всю жизнь. В ресторане Восточного экспресса ему на глаза попадает газетный абзац о том, что Венеция ежегодно погружается в пучину на сантиметр-полтора. Незадачливый разочарованный герой в сердцах роняет: «Пусть поглотит ее море!» — и выпивает бокал вина за будущую смерть великого города грез. Конечно, Карлен не вынес бы столь сурового приговора любимому всем миром городу, но Париж не трогал его сердце.

Стажировка во «Франс суар» позволила ему неплохо узнать французскую столицу, особенно ее вечернюю жизнь, — он

и там специализировался на культуре и светской хронике. Разумеется, у него, как у всякого молодого человека, случались тут интрижки, и в электронной записной книжке еще хранились телефоны девушек, но он не строил никаких планов на их счет. Хотя, конечно, ему было приятно осознавать, что сегодня он мог бы пригласить любую из них в дорогой ресторан, сделать какой-нибудь подарок или удивить отелом, в котором остановился. «Прежде всего — дело, а там посмотрим», — решил Карлен. В аэропорту он взял такси и назвал одну из дорогих гостиниц на Елисейских Полях — «Палас-отель», когда-то довелось брать там интервью у Элтона Джона, гастролировавшего в Париже, и его поразила роскошь апартаментов.

Устроившись на том же этаже, где некогда проживал кумир его юности, Карлен спустился в ресторан, плотно, на русский манер, позавтракал и даже выпил пару рюмок хорошего французского коньяка «Реми Мартен», чем удивил, казалось бы, невозмутимых официантов престижного отеля. За завтраком он пытался как-то спланировать свой день или продумать разговор в «Себастьяне», который сегодня был важнее всего, но быстро отбросил эту идею — действовать следовало по обстоятельствам.

У подъезда «Палас-отеля» стояла вереница пустых такси, поджидавших клиентов дорогой гостиницы. Карлен, мысленно перекрестившись, нырнул в теплое чрево первого же попавшегося автомобиля, в который его услужливо поманили. Шпионские привычки, а точнее, выучка, давали о себе знать: он сел на заднее сиденье и назвал не сам магазин «Себастьян», куда направлялся, а кафе рядом с ним. Он хорошо запомнил русскую поговорку: береженого бог бережет. Прекрасное итальянское кафе «Верона» находилось как раз наискосок, через дорогу от автосалона. Шофер, подъезжая, уточнил: «Вам в «Верону»?» — и Карлен кивком подтвердил адрес.

Прежде чем раздеться в гардеробе, Карлен придирчиво оглядел себя в высоком зеркале у входной двери. Английское пальто из ткани «викунья» на теплой норковой подкладке, приобретенное в Москве, сидело на нем безукоризненно, впрочем, как и костюм от фирмы «Дормей», купленный там же. Пожалуй, так или приблизительно так выглядят покупатели магазина «Себастьян» — у продавцов глаз зорок, ему нельзя было их чем-нибудь насторожить.

Раздеваясь, он подстраховался, оглянувшись по привычке: нет ли за ним хвоста. И столик занял так, чтобы хорошо видеть входную дверь, но, судя по всему, его никто не пас. В «Вероне» он просидел больше получаса, выпил две чашки крепкого кофе и рюмку коньяку. Погода требовала сегодня крепких напитков, хотя в итальянском заведении обычно больше пьют вино, а сюда оно поступало из самой Сицилии, об этом говорили рекламные плакаты на стенах. Было тепло, уютно, обслуживали любезно, но дело есть дело, и Карлен, глянув на свои «Юлисс Нардан — Чингисхан», с сожалением покинул «Верону». Постояв минуты две у кафе, словно поджидая такси, неожиданно резко пересек улицу и решительно направился к «Себастьяну».

В автомагазине на подиуме стояли четыре машины, и все европейские — две немецкие, одна итальянская и одна французская, «Рено». Посетителей в этот час еще не было, а праздные зеваки во Франции в дорогие магазины не заглядывают, там вообще не принято без особой нужды слоняться по торговым заведениям, тем более таким как «Себастьян». Кажется, не пришли даже все служащие автосалона, лишь одинокий человек в синей фирменной курточке протирал переднее стекло у белого «порше». Едва Карлен распахнул входную дверь, в глубине магазина раздался мелодичный звук колокольчика, так обычно подается сигнал, что в зале появился его величество клиент. Человек в униформе оставил «порше», снял перчатки, в которых протирал стекло, и двинулся навстречу Карлену, изобразив улыбку на лице. Выходило, что приступать к делу следовало прямо с порога.

Поздоровавшись, продавец, чувствуя в Карлене солидного покупателя, вежливо спросил:

— Чем могу быть полезен? Какая вам нужна машина: европейская, американская, японская? У нас широчайший выбор. Не обращайтесь на подиум — площадь магазина не позволяет выставить даже супермодели, новейшие образцы.

— О да, «Себастьян» не нуждается в рекламе, — с такой же улыбкой ответил Татлян. — Но я сегодня пришел не за машиной. Я по другому делу, пожалуйста, помогите... — и, достав из-за пазухи заготовленный журнал, распахнул на нужной странице и протянул его служащему.

Тот, мгновенно утратив к посетителю интерес, нехотя наклонился, но, увидев знакомое лицо шефа и интерьер своего магазина, заулыбался на всякий случай снова.

— Да, это наш магазин, а на снимке главный менеджер «Себастьяна», — сказал он и вопросительно глянул на посетителя, давая понять, что свободным временем на пустоποрожные разговоры не располагает.

— Я репортер светской хроники, — поняв его красноречивый взгляд, стал объяснять Карлен. — Пишу о жизни «новых русских», заповлонивших Европу и Америку, да и весь свет. Тема вызывает у читателей громадный интерес. Не могли бы вы подсказать мне адрес этой мадам, купившей такой роскошный кабриолет «мазерати»? Я полагаю, что эта эффектная женщина достойна эксклюзивного интервью, а не только снимка в русском журнале без всяких комментариев. Уж больно хороша и элегантна, особенно за рулем такой красавицы, — машину она, наверное, подбирала под цвет своих прекрасных волос...

Последнее замечание несколько рассмешило продавца, но он вдруг, вероятно, вспомнив про свои обязанности, жестко сказал:

— Извините, мсье, мы не вправе давать какую-либо информацию о своих покупателях, тем более о таких богатых, — и, считая разговор оконченным, сделал шаг в сторону «порше».

— Но я же журналист, вот мое корреспондентское удостоверение, — попытался вновь завладеть вниманием служащего Карлен, хотя заранее предполагал, что таким и будет ответ.

Однако и форсировать события было нельзя. Если продавец не поверит, испугается — в Париже, как и в России, аферистов хватает, — он не только не поможет, а доложит руководству магазина о домогательствах прессы. А те могут предупредить покупательницу, такими клиентами на Западе не разбрасываются, и услужить им — значит закрепить доверие на будущее: кто живет одним днем, редко выигрывает.

Человек в униформе чисто из вежливости глянул на настоящее репортерское удостоверение, подтверждавшее, что перед ним корреспондент «Лос-Анджелес таймс». И тут Татлян пустил в ход домашнюю заготовку: словно замаявшись, сменив тональность разговора, просительно сказал:

— Пожалуйста, помогите, у меня горит важный репортаж. От его успеха зависит моя карьера... — и протянул тому три сотенные купюры долларов.

Продавец, как-то быстро, воровато зыркнув по сторонам, взял адресованные ему деньги и, спрятав их в нагрудный карман, уже по-отечески мягко ответил:

— Так сразу бы и сказали... Помочь молодому человеку в работе, в карьере — дело святое. Но и вы должны войти в мое положение. Что не положено — то не положено. Так что, в любом случае, я вам ничего не говорил, имейте это в виду...

Предупредив настырного клиента, он направился к служебной стойке, достал из сейфа толстую бухгалтерскую книгу, где, видимо, велся какой-то учет, и быстро, поглядывая на входную дверь, продиктовал Карлену адрес и телефон владелицы «мазерати». Искренне поблагодарив его, Карлен тут же выпорхнул из «Себастьяна» — ему, как и продавцу, свидетели были ни к чему.

Не успел он пройти и сотни шагов после удачного посещения автосалона, как рядом на перекрестке тормознуло пустое такси, и Татлян неожиданно для себя, еще не наметив дальнейших планов, нырнул в машину. Ему вдруг захотелось немедленно увидеть дом, где снимала квартиру загадочная московская пара, имевшая отношение к фальшивым супердолларам. Судя по адресу, жили богатые русские в респектабельном районе неподалеку от Булонского леса, и он еще раз оценил вкус молодой женщины и почему-то представил ее гарцующей верхом на прекрасной лошади в Булонском лесу. Такая женщина должна была не только гонять на роскошной машине, но и непременно заниматься верховой ездой. Не оттого ли чета выбрала квартиру рядом с лесом?

Подъехав к месту по указанному адресу, Карлен отпустил машину, но, выйдя из теплого салона, сразу почувствовал сырость, неуют, холод с заметным северным ветром. Тут и в пальто с норковой подкладкой недолго замерзнуть. То, что он здесь надолго не задержится, Карлен понял быстро. Семиэтажный дом, построенный в начале прошлого века в готическом стиле с элементами барокко, выглядел помпезно — такие здания и составляют красоту и величие Парижа. Конечно, от первоначального строения осталась лишь внешняя оболочка, да и та —

искусно отреставрированная, внутри все давно перестроено «от и до», и здание напичкано самыми современными коммуникациями и другой технической начинкой. Он бывал по долгу службы в Париже в таких домах, где брал интервью у известных людей. В подобном доме, даже, кажется, неподалеку, жил великий французский шансонье Шарль Азнавур, армянин по происхождению, о нем Карлен сделал свой первый репортаж из Парижа, как никак свой по национальности.

Дом стоял чуть в глубине от дороги, в саду, и попасть во двор было невозможно. В обоих торцах пятиподъездного величественного дома располагались внушительные старинные ворота, являвшие собой шедевры кузнечного ремесла, и при каждом входе сидел консьерж, который без согласования по телефону с жильцами respectable дома никого не впустит. Карлен прошелся вдоль ограды раз и другой, наивно надеясь, что сейчас из тех или других ворот плавно выплывет золотистый «мазерати» с поднятым кожаным верхом, и он увидит знакомых по Москве молодоженов. Время шло, но бесшумно двигавшиеся на гидравлике ажурные ворота казались задраенными наглухо, никто не въезжал в строго охраняемый дом и не выезжал из него.

Карлен уже хотел ретироваться от не подававшего признаков жизни особняка. Следовало выработать какую-то иную тактику — ведь у него был домашний телефон молодой четы, — но на продуваемом осенним ветром тротуаре ничего толкового в голову не приходило. Вдруг около одной из будок с консьержем остановился пикапчик, или, как говорят в России, «пирожковоз», «каблучок». Пробежав глазами рекламные надписи на машине, Карлен понял, что к особняку за забором подъехала молочница, доставлявшая прямо к дверям жильцов продукты: творог, кефир, йогурты, молоко, сметану, мороженое, — форма обслуживания, кажущаяся в России фантастической, но уже давно принятая во всем мире. Жилец делает время от времени заказ по телефону и забирает продукты за порогом своей двери, а по мере накопления счетов оплачивает их в соседнем магазине.

Из «каблучка» ловко выпорхнула статная девушка в джинсах и кожаной куртке и, не закрыв машину, подбежала к будке. О чем-то переговорив с консьержем, она зашла на охраняемую

территорию и тут же выкатила из-под навеса с внутренней стороны хромированную двухосную тележку на резиновом ходу. Охранники открыли для нее тяжелые кованые ворота. Как понял Карлен, на территорию въезд на машине был запрещен даже для молочницы, и то верно, трудно было представить, что она переезжает от подъезда к подъезду на машине, тут каждый из пяти входов походил на театральное парадное.

Быстро подкатив тележку к задней дверце пикапа, девушка нажала на какую-то педаль, площадка для груза поднялась на уровень днища машины, и молочница одной рукой, без усилий, выкатила оттуда большой контейнер с заказами. Легонько подталкивая нарядную тележку с контейнером, она покатила ее к первому подъезду. Ворота за молочницей закрылись сразу, чувствовалось, что операция ежедневная и отработана по минутам, да и девушка действовала ловко, сноровисто. Карлена заинтересовало, сколько же минут она задержится в ближайшем подъезде, и он засек время.

Задержалась девушка ровно на пять минут — лифты в таком доме скоростные, незагруженные, да и молочные продукты заказывают не в каждой квартире. Он уже собирался остановить первое свободное такси, но неожиданно ему в голову пришла дерзкая мысль: а вдруг удастся что-то прознать? И, проходя мимо «пирожковоза», нырнул на переднее сиденье рядом с водительским местом. В машине было тепло, уютно, волнующе пахло незнакомыми духами. Ключ зажигания торчал в панели, и Карлен включил музыку, закурил и, на мгновение отвлекшись от дел, даже подумал: «А молочница недурна собой, стройна, легка в движениях, может, пригласить ее сегодня вечером куда-нибудь?» От этой мысли он почувствовал себя веселее, непринужденнее.

В машине он провел более получаса, их в тепле, считай, и не заметил: позволил себе даже сменить кассету, уж слишком заманчивыми показались записи, лежавшие свободно на сиденье. Заслушавшись музыкой, он на минуту задремал и прозевал возвращение хозяйки автомобиля, увидев девушку уже на водительском месте. Молочница оказалась не робкого десятка, а главное, с юмором: первое, что она спросила после «бонжур»:

— Не огорчила ли я вас своей фонотекой?

Карлен с улыбкой ответил в том же духе:

— Нет, даже наоборот. У нас почти совпадают вкусы. Я тоже люблю Патрисию Каас, Далиду и Иглесиаса. Жаль, у нас не нашлось Шарля Азнавура, я брал у него когда-то интервью.

— О, вы журналист? — спросила с любопытством девушка, тронув машину с места.

— Да, я из этого незавидного племени, — ответил Татлян, предложив сигарету девушке, и тут же, уловив ее благосклонное отношение, представился: — Меня зовут Карлен, я репортер светской хроники.

— А меня зовут Колетт. Вы что же, собираетесь взять у меня интервью? — спросила она кокетливо.

Молодой человек ее явно заинтересовал: одет был изысканно, держался уверенно, но без цинизма и хамства, такие мужчины нравились ей.

— Отчего бы и не взять? Прекрасные молочницы могут такие тайны знать про своих клиентов!.. — Но тут же, сменив шуточный тон, продолжил серьезно: — Честно говоря, я чертовски замерз, и ваша машина спасла меня от верной смерти. А караулил я тут одну богатую особу из того дома, куда вы доставляете молочные продукты. Мне обязательно надо взять у нее интервью или сделать о ней репортаж.

— Если не секрет, у кого? — спросила Колетт.

— Какие могут быть секреты у репортера светской хроники! Наоборот, хочется разболтать о них на весь свет, о своей героине, ее причудах, страстях, наклонностях, вкусах, пороках. А ждал я одну русскую даму, она с мужем поселилась тут, кажется, недавно. Могу даже показать вам ее фотографию...

— Я уже догадалась, о ком вы говорите, — торопливо прервала его Колетт, — в этом доме одна русская — Натали. Действительно, очаровательная женщина, добрая, приветливая, щедрая, не то, что старые гусыни по соседству, — заключила она неожиданно сердито.

Карлен на всякий случай показал разворот журнала, где был снимок, заставивший его прилететь в Париж.

— Я угадала, это она, — кивнула Колетт. — И что же вы хотели бы у нее спросить?

— То, о чем спрашивают у всех красивых и богатых женщин: почему она выбрала местом жизни Париж, Францию, почему отдала предпочтение «мазерати», да еще кабриолету,

нравится ли ей дом возле Булонского леса, занимается ли она верховой ездой, кто шьет ей такие изысканные наряды, где собирается встретить Рождество, какой подарок она сделает любимому мужу? Спрошу что-нибудь про Россию. Да мало ли что можно спросить у молодой женщины с такой очаровательной улыбкой! А как вы считаете, Колетт, мадам Натали интересная женщина? И что бы вы спросили у нее, окажись на моем месте?

— Не знаю, — сказала молочница нерешительно. И вдруг весело выпалила: — Я сама могу дать ответы на некоторые ваши вопросы. Возможно, они помогут вам в работе.

— Было бы очень любезно с вашей стороны, — загорелся Карлен. — Ведь я пока не знаю, как подступиться к теме, а так я, пожалуй, смогу развить какую-нибудь линию, например, какие очаровательные молочницы доставляют продукты в дом, где она купила квартиру.

— Вот и введете читателя в заблуждение, — прервала Колетт, не отрывая взгляда от дороги и лавируя между множеством машин. — Дом действительно роскошный, с родословной, живут там многие известные люди, но мадам Натали лишь снимает шестикомнатную квартиру во втором подъезде на пятом этаже. Поселились они тут недавно, еще и месяца нет, а квартира принадлежит профессору права Огюсту де Брессону, вернее, она принадлежала испокон веков его роду, известной во Франции фамилии — его предки служили при дворе еще во времена Бурбонов. Профессора назначили послом в Мексику, и он через своих знакомых сдал квартиру со всей обстановкой на два года. Нынче содержать этаж в Париже в таком респектабельном районе дорого, а свободных квартир у Булонского леса почти не бывает, тут живет французская аристократия, наверное, мадам Натали прельстило именно это.

— Вы с ней познакомились, бывали у нее дома? — спросил Карлен, направляя разговор в нужное для себя русло.

— Да, буквально на второй или третий день, как она поселилась в этом доме. Услышав мои громыхания за дверь, она пригласила в квартиру и кое-что по-женски расспросила: о магазинах, прачечных, парикмахерских, косметических салонах в этом районе. — Заметив удивление на лице собеседника, Колетт с вызовом сказала: — В нашем знакомстве, как мне кажется,

ничего удивительного нет: мы с ней близки по возрасту, я парижанка, и спросить ей есть о чем, например, о соседях... Еще я могу рассказать, где она так элегантно одевается.

— О, это один из главных вопросов к прекрасным и знаменитым женщинам, — пытаюсь заручиться расположением Колетт, поспешил уверить Карлен. — И ответ будет волновать многих наших читательниц...

— Тут ей повезло. Ее муж — его я, правда, видела только мельком и то на фотографии, стоящей в прихожей у зеркала, — работает у известного кутюрье Кристиана Лакруа, занимает какую-то высокую должность. Натали обмолвилась, что в России она работала от этого торгового дома и познакомилась с мсье Робером, когда он приезжал туда по делам фирмы.

— Значит, муж у нее француз? — тщательно скрывая удивление, поторопился спросить Карлен.

— А вы думали кто, немец? — засмеялась Колетт. — Потому она и приехала к нему в Париж.

Карлен от неожиданного сообщения непроизвольно откинулся на спинку сиденья и вытер испарину на лбу. В машине действительно было слишком тепло, но бросило его в жар от слов Колетт. Возникла абсолютно новая непредсказуемая ситуация: муж прекрасной Натали, оказывается, не тот чистодел, которого некогда высоко аттестовал легендарный вор в законе Рафик Сво, а какой-то француз по имени Робер, имеющий отношение к миру высокой моды. В таком случае сразу возникала куча вопросов, и прежде всего, зачем был организован тот недавний шумный маскарад со свадьбой в Москве, и почему в нем участвовали Шаман с Дантесом — люди, официально претендующие на российский престол, им то скандалы вовсе ни к чему. И вообще, куда тогда подевался тот седой вальяжный господин, весомый и авторитетный в уголовных кругах человек, в котором он, Карлен, заподозрил или русского «гравера», или, на худой конец, крупного сбытчика фальшивых долларов. И что сулит ему, Карлену, появление некоего Робера рядом с московской красавицей — новый, французский, след супербанкнота? Не Натали, похожая на супермодель, а прямо какая-то Мата Хари: муж в Москве, муж в Париже, шаферы на свадьбе — уголовные генералы, да и гости того же пошиба, муж-француз занимается высокой

модой — непонятный, нелогичный получается винегрет, пришел к выводу Карлен-Норман.

Пытаясь разобраться с мужьями загадочной Натальи, Карлен шутливо спросил:

— Наверное, мсье Робер похож на Карла Лагерфельда — в возрасте, с сединой, но без брюшка?

Кто его знает, может, теперь этот московский чистодел выдает себя за француза и готовит аферу во Франции — против франка? А может, Шаман с Дантесом замыслили через него прикупить какую-нибудь отрасль или вообще взять в руки Париж, как прибрали к рукам златоглавую Москву, Прагу и взяли уже за горло немцев у них же дома? Планы у этих деятелей могли быть самые обширные, аппетит у русской мафии завидный, тем более, если есть фальшивые доллары, чтобы реализовать любые амбициозные фантазии, ведь Запад еще по-настоящему не искушали крупными взятками, не запугивали всерьез.

Но Колетт в ответ от души рассмеялась:

— Как вы меня развеселили! Я действительно представила рядом с мадам Натали этого обаятельного толстяка Лагерфельда — смешная пара получилась бы. Хотя я высоко ценю его модели. А что касается мсье Робера, он вполне достоин своей красавицы жены: молод, строен, обаятелен и талантлив. Как сказала мадам Натали, он намерен отделиться от Кристиана Лакруа и открыть свой салон, и главной моделью там будет интересующая вас русская мадам.

— Вот это поворот сюжета, значит, я правильно выбрал натуру. Предугадать будущую топ-модель редко кому удается, — восхитился в меру всех своих артистических сил Карлен-Норман, внутренне чувствуя, что запутался пуще прежнего, для него было бы лучше, если мсье Робер оказался бы московским чистоделом.

Было от чего разволноваться Карлену. Единственное, чему он порадовался в этой ситуации, так это тому, что не показал Колетт свадебные фотографии Натальи из Москвы, они бы однозначно вызвали у нее подозрение. Карлену теперь было над чем подумать, но вслух он возбужденно сказал:

— Да, представляю, какую дополнительную рекламу получит напоследок Дом Кристиана Лакруа, одевается то она

действительно изысканно... — Сведений он накопил вполне достаточно, и они немедленно требовали спокойного осмысления, поэтому, сворачивая разговор, Карлен вежливо сказал: — Я вам очень обязан, Колетт, за бесценную информацию, кроме того, просто рад знакомству с вами. Если вы располагаете временем и желанием, я бы сегодня с удовольствием пригласил вас куда-нибудь посидеть, потанцевать? — и внимательно посмотрел на зардевшуюся девушку.

— Спасибо, я тоже очень рада знакомству с вами — не каждый день приходится беседовать с репортером светской хроники. Но сегодня я очень занята, семейное торжество, — сожалеюще ответила Колетт. — Если вы позвоните завтра, я встречу с вами с удовольствием, — и, достав визитную карточку, протянула ее Карлену.

4

Расставшись с Колетт, Карлен довольно долго гулял пешком по центру, как ни странно, не ощущая ни холода, ни сырости, ни ветра, а ведь погода несколько не изменилась, ничуть не потеплело. Мысли его были только о Наталье, высветившейся с неожиданной стороны, — теперь о ней можно было строить любые догадки.

Если у Карлена, сначала в Москве, потом в самолете «Эр-Франс», а рано поутру в Париже, в кафе «Верона», и выстроился какой-то план, схема расследования, то теперь он ни к черту не годился — все карты спутал французский муж Натальи, некий Робер из торгового дома Кристиана Лакруа. Машинально взглянув на часы, Карлен аж присвистнул от удивления: приближался полдень. В Москве он привык обедать обстоятельно и потому почувствовал, как проголодался. Нужно было возвращаться в отель на Елисейских Полях, пообедать там, а затем в тепле уютного номера рядом с телефоном выстроить новый план действия. Вероятно, придется звонить в Москву Абреку с Крисом, чтобы узнать, там ли находится один из мужей Натальи, о чьей свадьбе в «Пекине» он не только поведал им, но и показал любопытные фотографии участников торжества. А может, ему придется здесь, в Париже, прибегнуть

к чьей-то помощи, если одному окажется не по силам разобраться с «невестой», — следовало обдумать и этот вариант. В общем, напрашивался небольшой перерыв, чтобы переосмыслить возникшую ситуацию, хотя первый день пребывания в Париже следовало признать удачным: повезло ему и в «Себастьяне», и с Колетт, от них он получил ценную информацию.

Приняв такое решение, Карлен остановил первое же свободное такси и поехал к себе в «Палас-отель». В номере он отдохнул с полчаса, попытался позвонить в Москву, но телефон Абрека с Крисом не отвечал, и он спустился вниз, в ресторан. Обедал он уже в другом, основном зале, хотя и утренний, где завтракал, ему понравился. Карлену и тут подфартило — в ресторане был день итальянской кухни. Конечно, лучше бы русской, но после Петровича из «Золотого петушка» его вряд ли устроила бы любая другая русская кухня, да еще во Франции. Но итальянская кухня для него все же лучше, чем французская, — как южанину, кавказцу, она была ближе, роднее. С пряностями, приправами, соусами, зеленью; равиоли, спагетти, пастами, террапитос — слоеными пирожками с особым сыром... При одной мысли о еде у него разыгрался аппетит, и Карлен кивком подозвал официанта, молча ожидавшего, пока он перелистает многостраничное меню и винную карту.

Во время обеда Татляну вдруг пришла в голову такая невероятная мысль, что он чуть не выронил ложку в бульон с равиоли. Может, во всей этой истории со свадьбой в Москве, женихом-чистоделом, известным в уголовных кругах, и мужем-французом в Париже, занятым в сфере высокой моды, что более всего поразило Карлена, — главное действующее лицо не мужчина, а женщина? Невеста — в Москве, мужняя жена — в Париже, некая очаровательная россиянка Наталья. Задавшись этим вопросом, Карлен окончательно испортил себе роскошный обед — любимые равиоли, напоминающие русские пельмени, только совсем мелкие, если не сказать крошечные, даже непонятно, как их начиняют, Карлен доедал почти остывшими. Второе блюдо — особо запеченная рыба — требовало при еде внимания, но он не мог отжаться кушанью целиком и тоже не получил удовольствия, хотя рыба была редкостная и подали ее с соусами, приправой, зеленью — огромное блюдо походило издали по цветочной гамме на букет-икбану.

Смешно, но все складывалось совсем по-французски: ищите женщину! Об этом им толковали еще в разведшколе: женщина, ее причуды, капризы, вкусы, требования, запросы и даже ее преступления слишком индивидуальны и неповторимы! Мысль о том, что главным лицом в производстве супербанкнотов может оказаться женщина, настолько взбудоражила душу Карлена, что он окончательно потерял интерес к обеду, не дожидаясь десерта, покинул ресторан и поднялся к себе. Правда, попросил подать кофе в номер.

В конце ноября в Париже темнеет рано, особенно в такие пасмурные дни, и в комнатах было уже мрачно, неуютно. Стущавшаяся за окнами темень ничуть не напоминала привычные московские сумерки, которые Карлен так любил. Он завесил окна плотными шторами, включил свет, и комната преобразилась. Расхаживая по просторному номеру, устланному дорогими персидскими коврами ручной работы, отчего шаги делались вкрадчивыми, бесшумными, Карлен пытался нащупать в памяти хоть какую-то зацепку насчет женщин — «граверов», но, сколько ни старался, ничего припомнить не мог, таких фактов просто не было. Правда, были женщины-подручные, женщины-подружки, женщины — реализаторы готовой продукции. Таковых, причем даже очень известных, прославившихся шумными аферами, он мог перечислить много, ведь этот этап работы у фальшивомонетчиков не менее важен. Запустить фальшивки в жизнь, чтобы не попасться сразу, даже не ощутив результатов своего рискованного труда, — на это тоже требуется большой талант, даже артистизм.

Возвращаясь мыслями в Москву, особенно к шумной августовской свадьбе в «Пекине», Карлен, развивая тему, предположил: а может, она сама и без «завязавшего» жениха-чистадела известна в уголовных российских кругах? Мысль о русской красавице, наверняка имеющей связь с преступным миром, как ни гнал он ее от себя, не давала покоя, и он стал ворошить в памяти свои долгие беседы с Крисом и Абреком об уголовной среде Москвы, Кавказа и даже Средней Азии. Однако не припомнил, чтобы в них когда-либо упоминалась женщина. Но Наталья, как бы он ни прикидывал, не походила на тех бандерш, что готовят вооруженные налеты или занимаются по ночам с подругами и друзьями гоп-стопом. На аферистку,

мошенницу, даже на «гравера» или крупную растратчицу она еще могла потянуть, но не на пресловутую уголовницу. Может, поэтому он и не мог отделаться от навязчивой идеи, что эта женщина теперь его главный ориентир в поисках подпольного монетного двора...

В Париж Карлен прилетел ненадолго, от силы на недельку, да и виза была краткосрочной, поэтому действовать следовало оперативно. Первый день во Франции подходил к концу, а ясного плана, с чего начать, у Карлена не было. И тут он впервые ощутил, как тяжело работать одному, или, вернее, лично для себя. Если бы он искал фальшивомонетчика от имени всемогущей Америки, немедленно получил бы в Париже подмогу: тут же взяли бы старинный особняк у Булонского леса и его прекрасную обительницу с мужем под круглосуточное наблюдение, поставили бы телефоны на прослушивание, а через двадцать четыре часа, ну, максимум через сорок восемь, он знал бы все о некоем мсье Робере, занятом в сфере высокой моды, если, конечно, он действительно мсье Робер и работает у великого кутюрье Кристиана Лакруа. Но чего нет, того нет — зато и успех ему не придется делить ни с кем. А если выйдет на самого «гравера» и подпольный монетный двор, то получит не премию в размере двух-трех окладов и повышение в звании, а огромное состояние, которого хватит на всю жизнь. Последняя перспектива приободрила Карлена, опускать руки у самой цели он не имел права, да и удача пока не отворачивала от него свое ехидное лицо.

Наступил вечер, первый вечер в Париже после долгой разлуки с этим городом, и эта мысль несколько взбудоражила Карлена. Он искренне пожалел, что у хорошенькой молочницы Колетт вечер сегодня занят, а просидеть его в номере один он не собирался. Друзей, к которым он мог наведаться или пригласить их куда-нибудь в ресторан, у него в Париже не было. Оставались девушки, с которыми он приятно проводил время в своей тесной комнатке под самой крышей старого восьмизэтажного дома во время стажировки во «Франс суар».

Достав из дипломата электронную записную книжку, Карлен начал отыскивать старые парижские телефоны — их набралось всего четыре, хотя ему казалось, что должно быть больше. «Изабель... Беатрис... Мануэла... Жанет...» — читал

он имена своих бывших парижских пассий, пытаясь припомнить какие-нибудь детали давних встреч. Не дай бог спутать особо милые подробности свиданий — женщины очень обидчивы, ведь они считают, что остаются в памяти мужчин единственными и неповторимыми.

Отчетливее всех он помнил Жанет — она работала с ним во «Франс суар» и проявляла к нему повышенный интерес, кажется, даже имела на него виды. У нее была небольшая двухкомнатная квартира с балконом на Сену — наследство от любимой бабушки. Жанет была единственной, с кем он встречался на ее территории. Но звонить ей первой ему не очень хотелось, большие страсти нынче ни к чему, в Москве у него невеста, а Жанет такая взбалмошная, замучает потом звонками по международному телефону.

Сначала он позвонил Мануэле, черноокой брюнетке с пышной грудью и дивными вьющимися смолисто-черными волосами, она работала в каком-то музыкальном театре, пела и танцевала, веселая девушка, хохотушка. Но первый блин оказался комом: на том конце провода сказали, что такая здесь давно не живет. Не повезло и с Изабель: какая-то бабуля садистски строго отчеканила на его вопрос, что Изабель вышла замуж и отныне живет в Лондоне, и, не дав сказать ему ни слова, положила трубку. Два прокола подряд сбили спесь с Карлена, но коротать вечер одному все-таки не хотелось, а знакомиться было поздно, лень было выходить на холод, ветер, в темень. Оставались Беатрис и Жанет, и он, переведя дух, позвонил студентке Сорбонны. К этому времени Беатрис должна была уже закончить филологический факультет или одолевала последний курс университета. На этот раз ему повезло: Беатрис оказалась дома, замуж не вышла, никуда не уехала, пребывала в прекрасном настроении и даже обрадовалась его звонку. Поддразнивая Карлена, — видимо, не забыла его бедную студенческую жизнь стажера, — она сказала:

— Может, ты пригласишь меня поужинать в «Максим»?

— А почему бы и нет, — огорошил ее ответом Карлен. — В Москве, где я сейчас работаю, теперь есть такой же ресторан «Максим», и на открытие приезжал сам мэтр Карден, правда, я до сих пор там не побывал — дела, заботы. Говорят, «Максим» парижский и «Максим» московский — один к одному,

до последней тарелки, до последнего бокала и вешалки в гардеробе. Так что мне представляется прекрасная возможность проверить, так ли это, может, даже наскребу на какой-нибудь скандальный материал. «Максим» так «Максим», я принимаю с удовольствием твой выбор...

— Ты не шутишь? Или неожиданно разбогател? — спросила иронически Беатрис.

— Я думаю, что наша встреча после долгой разлуки стоит того, чтобы отметить ее в знаменитом «Максиме». Тем более, что для меня, да и для тебя, скорее всего, это первое знакомство с карденовской гастрономией, — отшутился Карлен. — Так во сколько мне ждать тебя? Может, мне заехать за тобой?

— Нет, спасибо, я приеду на своей машине. Будь любезен, не забудь предупредить метрдотеля, я вряд ли похожа на завсегдатаев «Максима». А буду я там ровно через два часа.

— Какие тебе сегодня нравятся духи? — спросил он напоследок в радостном порыве — хотелось порадовать Беатрис и поблагодарить за спасение от одиночества в этот сырой и ветреный вечер.

— «Ван Клиф» и «Дюн». Но учти, у меня сегодня другая парфюмерия, духи, что я назвала, — из области мечты. Целую. До встречи...

Перво-наперво Карлен набрал номер главного метрдотеля в «Максиме» и заказал столик на двоих, на всякий случай, — не хотелось огорчать ни себя, ни Беатрис, если случится какой-то наплыв гостей, хоть и редко, но такое бывает в Париже. Затем позвонил вниз — в холле отеля он видел несколько роскошных магазинчиков, где в витринах стояли изысканные французские духи, — и спросил, нет ли у них «Ван Клиф» и «Дюн». Ему ответили, что есть, но предупредили, что через час закрываются. И он поспешил в холл, ему очень хотелось удивить Беатрис. Заодно он купил себе там же шелковую сорочку от «Труссарди» и строгий галстук, напрашивавшийся к его костюму от «Дормей».

Времени у него было предостаточно, и, забыв о «граве-рах», о женщине, живущей у Булонского леса, ее мужьях, московском и парижском, он с удовольствием принял ванну, тщательно побрился, и вскоре был готов отправиться в знаменитый ресторан.

5

К «Максиму» Карлен подъехал за двадцать минут до назначенного времени, по дороге успев купить букет роскошных белых роз. Он не стал один рассматривать убранство ресторана, а поспешил сразу к зарезервированному столику, чтобы спокойно, не спеша сделать заказ — ему по-мальчишески хотелось ошеломить бывшую подружку. С помощью метрдотеля справился с меню: на стол должны были подать шампанское «Тайтингер», особенно любимое «новыми русскими», устрицы, которых Карлен сам впервые попробовал в Москве, заказал и большого лобстера, зная, что французы равнодушны к дарам моря, и, подчеркивая свою нынешнюю причастность к русской столице, черную икру и нежнейшую семгу. Чувствуя, что стол получается с «морским уклоном», в качестве основного блюда попросил что-нибудь из дичи — остановились на белых куропатках, фаршированных белыми грибами с брусникой; куропаток и грибы, оказывается, доставляли в «Максим» из Польши. В общем, стол получился богатым, на русско-кавказский манер, как он уже привык в Москве.

К приходу Беатрис все было готово: заказ сделан, цветы и подарки на столе. По натуре Карлен был пунктуальным, обязательным человеком и сейчас почувствовал внутреннее удовлетворение: вот теперь-то можно было и оглядеться, посмотреть, что представляет собою всемирно известный ресторан. Но рассмотреть внимательно зал ресторана, где в основе стиля лежали три священных кита: роскошь, изящество и утонченный вкус, ему так и не удалось. Он успел только заметить, что кругом — красное дерево, бронза, позолота, редчайший мрамор, парча — и на всем печать индивидуальности великого Кардена, будь то дверь, стул, серебряное ведро для шампанского или лампа на столе.

Закончив со сложным заказом, Карлен поправил букет для Беатрис в высокой витиеватой вазе из цветного венецианского стекла, сделанной тоже по эскизам мсье Кардена, и развернулся лицом к залу. Он снова вспомнил о мадам Натали, сбившей его с толку своими многонациональными браками. Точнее, не вспомнил о ней, а ясно представил, как ему следует поступить завтра, — то, над чем он бился целый день, то, ради чего

и прилетел в Париж. Все оказалось так, как и учили в разведшколе: гениальные ходы отличаются простотой, ясностью и, как правило, лежат на поверхности.

Не нужно было звонить в Москву Крису и Абреку, уточнять, там ли пребывает московский муж Натальи, не требовалось ставить на прослушивание ее квартиру и собирать досье на саму хозяйку и ее французского мужа Робера. Двух наборов фотографий — из магазина «Себастьян» и московской свадьбы — вполне хватит, чтобы, умело выстроив разговор, припереть Наталью к стенке, ведь в том, что она рассчитывалась теми самыми супербанкнотами, которые искало ЦРУ, не было никаких сомнений, об этом красноречиво свидетельствовал журнал. На всякий случай, для верности, до приватной встречи с Натальей следовало лишь удостовериться, что мсье Робер на самом деле француз и ни капли не похож на московского жениха-чистодела. А есть ли французский след у супербанкнота или он имеет чисто российскую родословную — должна была прояснить завтрашняя встреча с будущей топ-моделью Натали.

«Вот что значит хорошее настроение», — радостно подумал Карлен, именно настроение одарило его внезапным озарением, и он потянулся взглядом к арке, откуда вот-вот должна была появиться Беатрис...

Вечер в «Максиме» старые знакомцы провели удивительный, ресторан ошеломил их обоих, позже, перекусив, они разглядели его вдвоем более основательно. Если бы в этот ноябрьский вечер кто-то со стороны наблюдал за Карленом и Беатрис, наверное, сказал бы: какая счастливая пара. Так оно и было: Татлян был безудержно рад тому, что нашел путь к заветным супербанкнотам, а Беатрис светилась оттого, что неожиданно попала в знаменитый «Максим» и встретилась с молодым журналистом, который оставил когда-то след в ее сердце. Во время пиршества, как окрестила застолье Беатрис, Карлен не раз, хоть и ненадолго, возвращался мыслями к предстоящим событиям завтрашнего дня, на который уже составил четкий план.

Прощаясь с Беатрис у отеля на Елисейских полях, Карлен как бы случайно, мимоходом, сказал:

— Мне с утра потребуется твоя машина и твоя помощь. Ты располагаешь временем и желанием выручить бедного

корреспондента? Я готовлю сверхважный материал, который может отразиться на моей карьере.

— Ну, если дело касается твоей карьеры и если от этого будут зависеть твои поездки в Париж, то я и моя старая колымага к твоим услугам. — Счастливая подружка была согласна, кажется, на все. — Во сколько мне приехать и куда?

— Спасибо, я обязан тебе за сегодняшний дивный вечер и верю, что твое присутствие рядом поможет мне в работе. Пожалуйста, подъезжай к девяти утра сюда, к «Палас-отелю», если не возражаешь. Вместе и позавтракаем...

Утром за завтраком Карлен, чувствуя, что Беатрис стогает от любопытства, в чем же будет заключаться ее помощь, показал ей московский журнал со снимками в магазине «Себастьян». Фотографии вызвали у Беатрис восторг: ей понравились и кабриолет, и хозяйка машины, оценила она и пирамиду долларов. Насладившись эффектом, Карлен, не раскрывая истинной тайны, попытался чуть-чуть ввести Беатрис в курс дела.

— Я пишу репортаж о жизни «новых русских». Она сегодня затмила даже похождения арабских шейхов. Русские повсюду таскают огромные суммы наличных денег... Меня интересует эта молодая женщина в «мазерати». Зовут ее Натали, она из Москвы. Живет сейчас в респектабельном районе Парижа, в старинном особняке у Булонского леса. По моим данным, которые обязательно надо будет уточнить, она вышла замуж за француза, некоего мсье Робера. Он работает у Кристиана Лакруа, занимает очень высокую должность... Мсье Роббер намерен отделиться от великого кутюрье и открыть собственный салон высокой моды, где главной моделью станет его жена, русская красавица Натали. Если все это соответствует действительности, то мой материал получит совсем иную окраску... Тебе интересно? — спохватился Карлен.

— Очень. Но чем могу помочь тебе я? — недоуменно пожала плечами Беатрис.

— Не спеши, допей кофе, и пора ехать. На месте, по обстоятельствам, и будем действовать.

В машине Карлен назвал адрес старинного особняка, где жила новоиспеченная парижанка, щедро сорившая фальшивыми долларами.

Подъехали к особняку у Булонского леса быстро и заняли исходную позицию, которую Карлен наметил еще вчера. Как раз из обоих ворот, охраняемых консьержами, выезжали две машины: одна — черный «мерседес», другая тоже немецкая, «порше», точно такую Карлен видел вчера на подиуме автомагазина «Себастьян». В каждой из них мог ехать на работу мсье Робер, — наверное, у молодоженов в гараже стояла не одна «мазерати». Размышляя об этом, Карлен сказал Беатрис, внимательно оглядывавшей дом в глубине сада:

— Мы приехали наобум. Я верю в случай, и слово «вдруг» мое любимое. Подождем ровно час, и если на нашу удачу не выплывет знакомая нам «мазерати», тогда мы поедем напрямик в Дом Кристиана Лакруа и уже там попытаемся увидеть мсье Робера и выяснить, какое он имеет отношение к московской красавице Натали. У меня даже есть кое-какие наметки этого плана, но не будем торопить события, я человек везучий... Включи, пожалуйста, музыку и расскажи что-нибудь веселенькое из жизни студентов Сорбонны, — попросил он Беатрис с улыбкой..

Прошло минут двадцать, из ворот одна за другой выезжали машины, и Карлен отметил, что подъехали они вовремя: мсье Робер не простой портной в Доме высокой моды, и ему не обязательно являться на работу минута в минуту.

Время от времени Карлен кидал взгляд на сновавшие мимо молочные фургончики, гадая, приезжала сегодня Колетт к этому дому или нет, — телефон симпатичной молочницы он на всякий случай занес в память электронной записной книжки. Еще минут через двадцать, когда Карлен машинально глянул на свои «Юлисс Нардан», поток машин со двора respectable дома иссяк совсем, и наступило затишье — точно как и вчера, когда при нем через эти ворота не въехала и не выехала ни одна машина. Можно было гадать по-всякому: или мсье Робер уже выехал на работу в другой, незнакомой им машине, или сегодня уже никуда не поедет.

Время бежало, и таяли надежды на удачный исход дела. Карлен, на минуту оторвав взгляд от кованых ворот, задумался, как же быть дальше. Никакого четкого плана у него не было, блефовал по привычке, одно он знал наверняка — в случае неудачи надо ехать в Дом высокой моды Кристиана Лакруа, где служит Робер, будь он неладен.

Беатрис, заразившаяся азартом охоты за неизвестной ей мадам, еще надеялась, что вот-вот из тех или других ворот выскочит долгожданная «мазерати» и они помчатся вслед за ней — ей нравилась охота за чужими тайнами. Она так страстно жаждала увидеть машину первой, что, когда Карлен о чем-то надолго задумался, даже обрадовалась и не стала его отвлекать, хотя, судя по всему, первый вариант их «охоты» провалился окончательно. Однако Беатрис упорно не отрывала взгляд от дома — до конца условленного времени оставалось еще семь минут... И вдруг в глубине сада мелькнуло длинное хищное тело «мазерати», и Беатрис от неожиданности невольно протерла глаза: не померещилось ли, ведь ей так хотелось, чтобы эта машина появилась. Но тут она увидела, как медленно и бесшумно поплыли створки ворот, чтобы пропустить машину. От волнения у нее перехватило дыхание, и она не смогла ничего сказать, хотя пыталась что-то произнести шепотом, и лишь сильно ткнула кулачком ушедшего в свои мысли Карлена. Тот мгновенно очнулся и радостно подтвердил:

— Она самая, родная. Включай мотор — и следом за ней, не давай только оторваться. Я полагаю, мадам Натали везет мужа на работу, если, конечно, рядом с нею мсье Робер... — В машине хорошо просматривались два силуэта: мужчины и женщины.

Как только проехали несколько кварталов, Беатрис радостно сказала:

— Похоже, они и впрямь едут к Дому Кристиана Лакруа.

— Тогда, Беатрис, слушай меня внимательно. Наша задача в этом случае простая и ясная. Как только автомобиль остановится у Дома моды и мадам Натали с попутчиком выйдут из машины, ты ступай следом. Постарайся запомнить, какой плащ или пальто будет на мадам. Это на тот случай, если они в холле не задержатся, а вместе поднимутся лифтом прямо к мсье Роберу. Но может статься, что они с кем-нибудь заговорят в приемной — французы любят посудачить, потрепать языком. Может, кто-то скажет комплимент мадам Натали или поздоровается с мсье Робером — этого для нас будет достаточно, чтобы понять кто есть кто. Мне непременно надо знать, похожа ли дама в журнале на мадам Натали и как выглядит мсье Робер — фотографии его у меня нет.

— Я пойду одна? — загорелась Беатрис — приключение все больше захватывало ее. — А если...

— Я тоже войду следом за тобой в холл, — успокоил ее Карлен. — Если они там задержатся хотя бы две-три минуты, как я рассчитываю, успею понять, что к чему. Но это лучший для нас вариант, самый удачный. Если же они не задержатся в холле и молча прошмыгнут к себе на этаж, ты обратись к приемщице заказов. Скажешь: вот только что прошла красивая женщина с мужчиной, у нее такое дивное осеннее пальто, я бы хотела заказать себе такое. Если будут уточнять, какая, мол, женщина, скажешь: они только что вышли из стоящей под окном роскошной «мазерати», вероятно, работают здесь...

— Мне придется заказать у Кристиана Лакруа пальто или плащ? Это же безумные деньги... — Глаза Беатрис изумленно округлились, на что Карлен от души расхохотался: женщина она и есть женщина.

Он положил руку ей на колено, успокаивающе сказал:

— Не волнуйся... Если дело дойдет до этого, закажем и оплатим, пусть пальто станет памятным подарком о твоём сегодняшнем приключении. Я буду поблизости и подойду в нужный момент, не переживай...

Уточняя на ходу детали предстоящей операции, они подъехали к Дому моделей Кристиана Лакруа. Выходило, что прелестная молочница Колетт дала верную наколку и муж Натали все-таки имел отношение к моде, это то и сбивало Татяна с толку: по его предположениям, у супербанкнотов должен был быть только русский след.

Машина Беатрис, старенькая, но проворная «рено», остановилась почти вплотную за припаркованной золотистой «мазерати», из которой вышли оба пассажира, что несказанно обрадовало Карлена, ведь Натали могла высадить мсье Робера и поехать дальше по своим делам, и тогда хоть разорвись — за кем следовать в первую очередь?.. Операция могла бы затянуться еще на день-два, и снова пришлось бы просить о помощи Беатрис, а это не входило в планы Карлена.

Вслед за четой выпорхнула из автомобиля и Беатрис. Карлен шепнул ей вдогонку:

— Запомни ее пальто, оно и впрямь красивое...

Натали, в демисезонном удлиненном и расклешенном пальто с большим воротником-шарфом из мягкого струящегося кашемира фиолетово-василькового цвета, в туфлях на высоких каблуках, смотрелась чуть выше своего партнера, которого Карлену не удалось разглядеть — он все время держался спиной, — но было ясно как божий день, что он молод и ничуть не похож на московского жениха-чистодела. Как только исчезли в нарядном парадном Натали с мсье Робером и Беатрис поспешила за ними следом, вышел из машины и Карлен-Норман...

Когда Татлян появился в просторном, изысканно обставленном, благоухающем духами холле, перед его глазами предстала сцена, которую он провидчески предсказал Беатрис всего несколько минут назад. По всей видимости, мадам Натали не часто бывала на работе у мужа, и сейчас коллеги, сотрудники дома, встретившие мсье Робера, вслух выражали восторг его красавицей женой, ее нарядом, такой замечательной парой... Находившаяся неподалеку от них Беатрис вроде бы внимательно рассматривала модели, выставленные на продажу, а встретившись с Карленом взглядом, со счастливым лицом стала делать ему какие-то гримасы, означавшие одно — что она все прознала. Впрочем, тут особых секретов и не было, это понял и Карлен, услышав две-три фразы, обращенные к счастливой паре. Да, мадам Натали была той самой покупательницей «мазерати», что изображена в московском журнале, а ее муж Робер оказался чистой воды французом и ничуть не смахивал на московского чистодела. Компания вокруг сияющих молодоженов, к которой одни подходили, другие отходили, еще минут пять восхищалась избранницей своего патрона, и Карлен, узнавший даже больше, чем ему требовалось, незаметно дал знак Беатрис, чтобы она подошла к нему.

В другом конце просторного холла у ведущей на второй этаж лестницы, устланной роскошным ковром цвета опавших осенних листьев, разместился небольшой бар со стойкой на четыре места, и прямо под лестницей — три крошечных столика для посетителей. Очень уютное, хорошо продуманное и выполненное по дизайну самого Кристиана Лакруа место, куда Карлен и пригласил Беатрис. Заняв столик, удобный для обозрения холла, Татлян спросил у Беатрис:

— Не знаешь, сколько минут может занять примерка платья в этом Доме моды?

— Смотри какое платье, — усмехнулась Беатрис. — Тут все шьется вручную, значит, минут сорок, не меньше. Ты решил заказать мне платье вместо пальто? — лукаво поддела его подружка.

Карлен, улыбнувшись, сожалеюще развел руками:

— Видишь, Беатрис, не судьба, а могли заказать тебе пальто... Но не огорчайся, — поспешил он успокоить девушку, заметив, как потухли ее глаза, — ты заслужила подарок, и я его сделаю обязательно. А примерка у мадам Натали, она поэтому заехала на работу к мужу, это я сам слышал. Нам лучше подождать русскую красавицу в тепле и уюте. Не возражаешь? Какой кофе тебе заказать? Может, рюмочку шартреза, бенедиктина? На улице так холодно...

Дружески подмигнув Беатрис, Карлен отправился к стойке сделать заказ. Сам он решил выпить коньяку, грех на родине божественного напитка отдавать предпочтение виски или водке, к тому же коньяк не требует особой закуски.

В углу бара негромко звучала хорошо знакомая Карлену джазовая музыка — попурри из танцевальных шлягеров двадцатых годов в исполнении оркестра Гленна Миллера.

— Любите джаз? — любезно спросил Карлен бармена по-английски.

— А что? — почему-то настороженно вопросом на вопрос ответил человек за стойкой.

— Я американец, и приятно услышать во Франции первоклассный джаз...

— Я француз, но не меньше вас люблю джаз, именно довоенного периода, когда царствовали большие биг-бэнды, как Миллер, например, — подтвердил меломан догадку Татляна.

Карлен был в хорошем настроении и, как когда-то Тоглар за этой же стойкой, предложил бармену выпить по рюмочке редкого французского коньяка. Вероятно, это было просто совпадение, но он указал на такую же коллекционную бутылку безумно дорогого напитка и попросил чуть прибавить громкость в динамиках испанской «Риохи» с хай-эндовским звучанием.

Они просидели в баре с Беатрис чуть больше сорока минут, прежде чем в холле появилась Натали в сопровождении мсье

Робера — судя по одежде, он вышел проводить ее только до машины. Так оно и оказалось, и пока они прощались с поцелуями у «мазерати», Карлен с Беатрис уже сидели в своей машине с включенным мотором. «Мазерати» не повернула обратно к дому, как рассчитывал Карлен, а двинулась вперед, и скоро стало ясно, что Натали, видимо, решила пройтись по магазинам на Елисейских Полях, только долго не находила места для парковки и, наконец, заехала на платную стоянку у небольшого отеля. Карлен, дав ей отойти на несколько шагов, пошел следом за молодой женщиной. Беатрис осталась в машине, теперь в дело вступал сам репортер светской хроники.

По тому, как Натали с восторгом рассматривала яркие витрины, заглядывала почти в каждый престижный бутик или салон по пути, Карлен понял, что она еще не очень хорошо знает Париж, не привыкла к нему, но ей доставляет удовольствие знакомиться с городом вот так, самой, на ощупь. Интересно было наблюдать за женщиной со стороны: иногда что-то явно провинциальное проскальзывало в ее движениях, неожиданной суетливости, но она это чутко улавливала, словно обладала боковым зрением, и старалась вовремя поправиться. В такие минуты становилось очевидным, что она самостоятельная, богатая женщина, которая знает, чего хочет в жизни, понимает всемогущую власть денег.

Хотя Натали была в туфлях на высоких каблуках, шла она быстро, энергично, с каким-то особым изяществом, словно заранее готовила себя к подиуму, и ловила на себе заинтересованные взгляды мужчин. Она ушла от припаркованного «мазерати» довольно далеко, и чем дальше удалялась женщина от стоянки отеля, тем больше радовался Карлен. Рано или поздно «шпильки» дадут о себе знать, и она обязательно зайдет в одно из ближайших уютных и дорогих кафе на Елисейских Полях или даже в ресторан, чтобы перевести там дух, дать отдых натруженным ногам. Вот тогда-то и наступит для него подходящий момент: подсядет к ней, расслабленной, уставшей, и задаст свои «неприятные» вопросы.

Попался ей на пути и изысканный салон «Эрмес», конкурент всех известных Домов моды, где она и сделала первые покупки. «Эрмес» знаком всем модницам мира своими знаменитыми шелковыми платками-каре, и Натали тщательно отобрала их сразу четыре, а один, в красно-вишневых тонах,

тут же, у зеркала, повязала на шею — получилось необычайно элегантно. «Эрмес» славен также аксессуарами для светских дам, и она купила в другом отделе зонт-трость из плотного набивного шелка. Зонт привлекал внимание и изящно выгнутой ручкой из хорошо отполированного редкого черного дерева. «Это дерево используют резчики, скульпторы, растет оно лишь на севере Африки и обладает такой плотностью, что тонет в воде, — любезно пояснил покупательнице консультант, сопровождавший Натали по магазину. — Такие зонты из «Эрмес» — изюминка сезона», — уточнил он.

Сделанные Натальей покупки обрадовали не только продавцов салона, но прежде всего Татляна — предоставлялся шанс увидеть, какими деньгами она будет оплачивать покупки. В «Эрмес» было немало товаров для мужчин, и как только Наталья отобрала каре, Карлен тоже решил приобрести несколько шелковых шейных платков для себя и в подарок Крису с Абреком — неудобно было возвращаться из Парижа с пустыми руками, ведь приятели никогда не забывали о нем и дарили очень дорогие и изысканные вещи. В тот момент, когда Наталье упаковывали платки и она раскрыла сумочку, чтобы расплатиться, Карлен встал за ее спиной у кассы. Одного его наметанного взгляда было достаточно, чтобы определить: толстая пачка долларов, которую достала Наталья, была из той самой серии, что и ожидал увидеть Карлен, — фальшивки...

После «Эрмес» Натали заглянула еще в два салона, задержавшись в них ненадолго. Постояла в раздумье у слепящих бриллиантами витрин респектабельного ювелирного магазина «Картье», но не вошла — драгоценности требуют свежего глаза, и она, скорее всего, отложила посещение до следующего раза. Теперь в ее походке появились признаки усталости, подиумное изящество движений исчезло, судя по лицу, она уже жалела о шпильках и, как правильно рассчитал Карлен, стала поглядывать в сторону встречавшихся по пути кафе и бистро. Из-за ненастья столики с тротуаров были убраны, иначе она уже не выдержала бы и присела за первый попавшийся. Но то, что видела за стеклом молодая женщина, видимо, ей не нравилось: в одних было тесно, в других — чересчур просто, в третьих — многолюдно и шумно, и она проходила мимо. Было ясно, что она ищет место, где можно отдохнуть, выпить

чашечку кофе, зайти в дамскую комнату и привести себя в порядок. Карлен тоже был не прочь присесть, выпить не только чашечку кофе, но и рюмочку хорошего коньяка, погода не радовала, однако его грел азарт охотника: Натали вот-вот должна была попасть в заготовленный им капкан.

Впереди показалось величественное здание старинного «Гранд-отеля», который в конце прошлого века и до революции так любили богатые русские люди, недаром он описан во многих романах эмигрантов первой волны. Обновленный, стилизованный под модерн пристроенный стеклянный фасад гостиницы вплотную приблизился к тротуару, и Карлен подумал, что лучшего места перевести дух ей не найти. То ли до Натали дошли импульсы, исходившие от следовавшего за ней по пятам американского сыщика, то ли она сама сообразила, что отель есть отель, или увидела сквозь прозрачный стеклянный фасад уютное кафе-бар внутри, справа от входа, тоже под лестницей, как и в доме Кристиана Лакруа, но она уверенно подошла к парадному, и вальяжный швейцар в богатой униформе учтиво распахнул перед ней дверь и что-то с улыбкой сказал. Улыбнулась в ответ ему и гостья...

Подошел поближе к входу и Карлен. Сквозь стекло хорошо просматривался просторный холл «Гранд-отеля». Он увидел Наталию, направляющуюся в сторону кафе-бара, а вернее, к гардеробу ресторана, вход в который он тоже разглядел в глубине. Однако было неясно, куда она свернет: в ресторан или кафе под лестницей. Столики под лестницей, их было всего пять, проглядывались лучше всего, и он увидит, если Натали решит выпить кофе там, ресторан же находился в глубине и с улицы был недоступен обзору. Все столики в кафе, на парижский манер крошечные, оказались заняты, кроме одного, самого дальнего, везде сидели парами, а за одним — трое пожилых людей. И тут Карлену пришла оригинальная идея: пока женщина будет прихорашиваться в дамской комнате, надо занять место за пустующим столом. Если Натали решит зайти в кафе, ей ничего другого не останется, как занять оставшееся свободное место рядом с ним, если же она выберет ресторан, он вынужден будет направиться туда. Зато, если его ход окажется верным, он застанет ее врасплох: неожиданность, внезапность — половина успеха, так учили его в разведшколе.

6

Когда Карлен, занявший позицию в кафе, допивал свою рюмку «Наполеона», Наталья появилась у стойки бара — энергичная, собранная, вновь демонстрирующая свою летящую походку, что только не делает с женщиной зеркало и воля! Пока она что-то заказывала у стойки, Карлен углубился в заранее заготовленную «Фигаро» и оторвался от нее, лишь услышав адресованный ему вопрос:

— Не возражаете, если я здесь присяду?

Французский у нее был приличный, но русский акцент все-таки чувствовался.

— Да-да, пожалуйста, — ответил Карлен и постарался скрыть за газетой довольное лицо. Интуиция не подвела его, все складывалось как нельзя лучше.

Натали присела с удовольствием, и если бы не молодой человек рядом за столом, наверное, с наслаждением вытянула бы ноги, они гудели, как натянутые провода в мороз. В последние минуты прогулки по Елисейским Полям ей нестерпимо хотелось зайти в обувной магазин и купить первые попавшиеся туфли без каблука, что-нибудь легкое, на сплошной подошве. Но сейчас она гордилась собой — выдержала! И почему-то вспомнила поговорку покойной матери из времен ее молодости: дрожи, но фасон держи. Правда, это касалось истории капроновых чулок и модниц, щеголявших в них суровой российской зимой, но суть от этого не менялась — мода всегда, во все времена, требовала жертв.

Принесли заказ. Гарсон, убирая пустую рюмку и чашку из-под кофе у соседа, спросил:

— Желаете чего-нибудь еще?

Карлен, оторвавшись на миг от газеты, ответил:

— Пожалуйста, повторите заказ, — и снова углубился в чтение.

Натали, поняв, что ей не удастся вытянуть ноги, как хотелось бы, вдруг почувствовала, что она еще и замерзла, и пожалела, что не заказала себе рюмочку чего-нибудь крепкого — в образ парижанки она еще не вжилась.

Соседка заказала себе большую чашку шоколада с ликером, а кофе должны были принести чуть позже. Когда она

допивала шоколад, сразу оценив его обжигающее блаженное тепло, молодой человек, отложив газету и вежливо улыбнувшись, спросил на прекрасном русском языке:

— Как вам живется в Париже, не скучаете по России, по Москве?

Хотя молодой человек и был сама любезность, и вопрос не содержал ничего неприятного, она ощутила, как все похолодело внутри, и она по-женски остро почувствовала надвигающуюся беду. Тут гарсон как раз принес кофе, и Натали получила на какой-то момент передышку, чтобы собраться с мыслями, но ничего оригинального в голову не приходило; неожиданно сковавший ее страх парализовал не только волю, но и все тело, и она, чтобы продлить паузу, попросила официанта принести ей рюмочку коньяку, после чего, повернувшись к соседу за столиком, вместо ответа с улыбкой спросила сама:

— Как вы угадали, что я не француженка? Вы прекрасно говорите по-русски. Вы россиянин, москвич?

— Нет, я американец, из Лос-Анджелеса. Кроме русского, знаю еще французский, английский, итальянский.

— Вы не ответили на главный вопрос, как вы угадали, что я русская? Многие принимают меня за француженку, говорят, что язык у меня неплохой..

— Да, французский у вас неплохой, — согласился Карлен, изучающе разглядывая молодую женщину, — но я почувствовал в нем именно русский акцент. Однако узнал я вас не по акценту. У меня профессия такая — много знать, я охотник за чужими тайнами. — Он уже почувствовал, как соседка внутренне насторожилась, напряглась. Это было почти незаметно, но ведь он был профессионал, а она — вряд ли. — Вас я знаю по Москве, вы представляете для меня интерес, и я намерен задать вам несколько вопросов, — нарочито спокойно говорил Карлен, видя, как смятение, растерянность и даже страх меняют красивое лицо собеседницы. В разведке при допросах или дознании непременно наступает «момент истины», и этот момент не следовало упускать. Чем ошеломительнее атака, тем вероятнее шанс на удачу.

— Любопытно, любопытно, — только и нашлась что сказать с улыбкой Наталья и потянулась к чашечке с кофе, чтобы скрыть смятение, однако жест получился жалким, движения потеряли былую уверенность, и вся она сникла.

Она пожалела, что зашла в «Гранд-отель», потом тут же поняла, что от этого разговора, явно переходящего в допрос, ей было не отвертеться и совсем не случайно этот американец оказался рядом за столом. А молодой человек, словно задавшись целью испортить ей настроение, неторопливо продолжал:

— Мне очень понравилась ваша недавняя свадьба в Москве, в «Пекине». Роскошная, многолюдная, а какие гости! Да и жених ваш — человек в определенных кругах известный. Между прочим, вы вместе прекрасно смотрите. — Он достал из кармана и протянул ей несколько свадебных фотографий. — А тут случайно встречаю вас в Париже и с удивлением узнаю, что у вас и здесь недавно появился муж — мсье Робер, человек тоже небезызвестный. Как тут могут не возникнуть вопросы? Вы не находите?

Наталья впервые видела эти снимки: она в подвенечном платье у «Пекина», рядом с Константином Николаевичем. Выходит, этот молодой человек действительно много знает о ней... Но, уже готовая расплакаться или сорваться в крик от надвигающейся истерики, она все-таки взяла себя в руки и спокойно спросила:

— Кто вы? И почему вас интересует моя личная жизнь?

Карлен, как и всякий человек, живущий на Западе, сразу среагировал на этот выпад, на эти слова: «личная жизнь». Это табу, запретная зона, куда заказан вход посторонним. Но он не растерялся, не выпустил инициативу из рук.

— Вы правы, ваши браки — хоть в Москве, хоть в Париже — это, разумеется, ваша личная жизнь, и она меня мало волнует, поверьте, я не моралист. — Он сделал паузу, вертя кофейную чашечку в руках, словно ожидал вопроса, но Наталья молчала. — Меня интересует другое. Вы повсюду рассчитываетесь крупными наличными суммами в долларах, и сегодня в «Эрмес», и чуть раньше в «Себастьяне». — И он пододвинул к ней журнал, открытый на нужной странице.

Наталья, видимо, впервые видела снимки, сделанные в автомагазине «Себастьян» в день приобретения «мазерати». Тогда она подумала, что позирует случайному покупателю, которого привела в полный восторг своим внешним видом и богатой покупкой. В то утро, особенно рядом с кабриолетом,

она казалась себе голливудской звездой, не меньше! Выходило, доснималась! Эти фотографии — свадебные и журнальные, — специально подобранные, конечно, смущали ее, но она, не понимая, чего же хочет от нее этот настырный американец, и зная, что атака — лучшая защита, агрессивно ответила:

— А что, разве возбраняется оплачивать покупки наличными? Я не вижу тут никакого криминала...

— Нет, не возбраняется, — согласился Карлен. — Но вы повсюду расплачиваетесь долларами одной серии, в крупных купюрах. А известно ли вам, что эта самая серия, более двадцати миллионов, доставленная из подвалов Федерального резервного банка Америки для коммерческих структур России, была украдена полтора года назад в аэропорту Шереметьево? — уверенно сблефовал Карлен и, не отрывая взгляда от ее глаз, спросил в упор: — Откуда у вас эти деньги?

Она ожидала, видимо, какого угодно вопроса, только не этого. Хотя еще там, в Москве, обнаружив в тайнике у мужа, в мастерской на Кутузовском, эти доллары, почувствовала, что с ними что-то не так. Но чтобы деньги были крадеными и их могли разыскивать, такое ей и в голову не приходило, ведь они тратили их давно и по всему свету, включая и Париж. Если бы она чувствовала, подозревала это, у нее рука не поднялась бы украсть их. Зачем ей рисковать молодой жизнью, когда у нее было все! И все принадлежало ей законно — жена за грехи мужа не ответчица, она знала это. Теперь крайней оказывалась она, ей могут предъявить обвинение. Но терять свободу, такую прекрасную, Париж, идти в тюрьму ей не хотелось, и от отчаяния она выпалила, не раздумывая:

— Это не мои деньги...

— А чьи же? — понимая, что вот он настал, «момент истины», и надо жать до упора, уже более строго спросил Карлен, чувствуя, что Наталья потеряла контроль над собой.

И она шепотом простонала:

— Фешина Константина Николаевича.

— Где он проживает, чем занимается, и есть ли у него кличка? — пытался как можно быстрее выудить главное Карлен, пока женщина находилась в шоке. И чтобы придать разговору официальность, выложил на стол портативный магнитофон, на который записывал всю беседу.

— В Москве, на Кутузовском проспекте, — она назвала дом, квартиру, номер телефона, — по профессии он художник. Друзья, обращаясь к нему, называли его иногда Тогларом, но я не знаю, кличка ли это.

Видя, что она необычайно побледнела, Карлен предложил:

— Вы не возражаете, если мы выйдем на свежий воздух и продолжим разговор в другом месте?

Наталья безвольно поднялась, и они вместе покинули кафе. Не прошли они и несколько шагов по тротуару, как Карлен услышал сзади знакомый автомобильный гудок, явно адресованный ему, и, оглянувшись, увидел улыбающуюся Беатрис в припаркованной у «Гранд-отеля» машине. «Молодец!» — мысленно похвалил ее Карлен, а вслух, обращаясь к Наталье, предложил:

— Здесь моя машина с водителем, она подбросит нас на стоянку, где вы оставили свою «мазерати». Не возражаете?

— Спасибо. Я, наверное, и не дошла бы пешком, так болят ноги и спина, — призналась Наталья, и они направились к белому «рено».

Карлен услужливо открыл ей дверцу и сам сел рядом.

Когда они вышли из машины около платной стоянки, Карлен взял свою спутницу под руку:

— Я предлагаю продолжить нашу непростую беседу хоть у вас дома, хоть у меня в «Палас-отеле», это недалеко, тоже на Елисейских Полях, только в другую сторону.

— Лучше у вас, тем более, если это рядом. Я так устала и скорее хочу покончить с этим кошмаром, — обреченно согласилась Наталья. От бывшего ее великолепия не осталось и следа.

— Боюсь, что быстро не получится, вы влипли в очень неприятную историю. Кража в таких масштабах расценивается не просто как уголовное преступление, но как подрыв экономики государства — в Америке к деньгам особое отношение. Если мы решили поехать в «Палас-отель», я отпущу машину...

Татлян отошел к «рено» и попрощался с Беатрис, пообещав ей вечером обязательно позвонить. Вернувшись к Наталье, он увидел, что та совсем сникла, и предложил:

— Вы не возражаете, если я сяду за руль?

Наталья, не говоря ни слова, протянула ему ключи.

В номере, помогая гостье раздеться, Карлен понял, что она держится из последних сил, — в такие минуты от человека можно ожидать чего угодно. «Стадия непредсказуемости», кажется, так говорили его учителя в Иллинойсе. Надо было срочно снять это нервное напряжение, и Татлян позвонил в ресторан, заказал бутылку хорошего коньяка, закуски, лучшие на русский манер: рыбу, икру, заливное, свежие овощи и кофе, непременно в кофейнике на спиртовке — разговор мог затянуться. Наталья безучастно слушала его разговор по телефону, не пытаясь осмотреться вокруг, а апартаменты были неплохие — на стенах висели старинные картины, хрустальная люстра даже представляла антикварный интерес, как и две бронзовые скульптуры в углах на изящных консолях из старого красного дерева. Но ничего этого молодая женщина не замечала, погруженная в свое смятение.

Чтобы вернуть ее к прежней беседе, а заодно дать почувствовать ей серьезность момента, Карлен выложил прямо перед ней диктофон и включил запись. Однако дослушать до конца неприятные вопросы и вымученные ответы не удалось — расторопный гарсон из дневного ресторана вкатил в номер тележку с заказом и вмиг накрыл стол.

Когда Карлен пригласил Наталью за стол, она встрепенулась и вдруг неожиданно весело произнесла:

— Да, мне хорошая порция спиртного не помешает...

И Татлян понял, что с ней надо держать ухо востро — такая может выкинуть любой фортель, — и на всякий случай вынул из диктофона мини-кассету и спрятал ее в карман.

Карлен разлил по рюмочкам коньяк и предложил гостье выпить, сказав что-то про непогоду, настроение. Она не стала отказываться, только неожиданно для Татляна плеснула себе коньяку из бутылки в фужер для воды, опрокинула туда же рюмочку, предложенную хозяином, и без комментариев, в несколько глотков, выпила как воду — чувствовалась российская школа жизни. За столом Карлен ни слова не говорил о деле, больше о Париже, о погоде, хотя Наталья и попыталась, после выпитого, вернуться к неприятной беседе, начатой в «Гранд-отеле», но он ей резонно заметил:

— Кажется, у вас в России есть пословица: делу — время, потехе — час.

Пословица Наталье показалась двусмысленной, и она, поняв ее на свой лад, вдруг стала строить глазки Карлену, поправлять и без того идеально сидевшие чулки, но, даже будучи подшофе, увидела равнодушные глаза американца и поняла, что поступает пошло. Когда пришел черед кофе, Карлен неожиданно сказал:

— Вот теперь мы можем вернуться к нашим делам, — и жестом пригласил ее в кресло к журнальному столику, куда поставил чашечки с кофе.

Впрочем, особо важных вопросов у него уже не было, что надо, он узнал. Но чувствовал в ее словах, поведении какую-то недосказанную тайну — не такая она уж невинная овечка, какой хочет прикинуться перед ним, в этом Карлен был убежден. Да и отпускать ее просто так, не запугав надолго, тоже было нельзя. И вдруг пришла неожиданная мысль:

— Я должен доставить вас в Москву. Необходима очная ставка с господином Фешиним, может, вы оговариваете его. Ведь сорит деньгами не какой-то там Тоглар, а вы, не так ли? — Вроде бы логичные слова, вытекавшие из ситуации, и какая вдруг последовала неожиданная реакция!

Наталья, побледнев, истерично взвизгнула и выронила из рук чашечку с кофе, та жалобно дзинькнула о блюдец.

— Нет, нет! В Москву я не поеду, хоть убейте! Умоляю вас, что хотите, только не это! — И совсем уже неожиданно для Карлена соскользнула с кресла, встала перед ним на колени. — Я лучше покончу с собой тут, в Париже, там меня ждет только смерть.

— Почему? И кто желает свести с вами счеты? — жестко спросил Карлен, даже не пытаясь ее успокоить, он чувствовал: наткнулся на что-то важное.

Тут она, долго сдерживавшаяся, заревела в полный голос и, размазывая тушь и румяна по лицу, призналась:

— Я украла эти деньги в Москве у Фешина, и если узнают об этом его друзья, меня просто разорвут на куски.

— Ах, вот оно что! — от души рассмеялся Карлен, но тут же посерьезнел. — Вор у вора дубинку украл, а отвечать не хотите, мечтаете жить в Париже жизнью великосветской дамы:

квартира у Булонского леса, «мазерати», муж — известный человек в мире моды. Губа не дура. Сколько же вы украли?

Как бы ни была подавлена, сломлена Наталья, тут она спохватилась и вроде искренне, с раскаянием, без раздумий выпалила:

— Ой, много, целых четыре миллиона! — хотя хапнула гораздо больше.

— Немалая сумма. И сколько же вы оставили на жизнь господину Фешину? — язвительно уточнил Карлен.

— Нисколько, я забрала все до копейки... — Наталья «в раскаянии» склонила голову.

Тут Карлен не выдержал менторского тона и в сердцах произнес:

— Вы не только коварная, но и жадная женщина. Но, как говорится: жадность фраера сгубила. Одного не пойму: зачем вы это сделали, вы же были его женой, деньги и так принадлежали вам на законных основаниях? Нелогично, мадам Натали. Не-ло-гич-но...

Женщина усмехнулась, в глазах ее промелькнул прежний огонек.

— Вы так полагаете? А еще утверждали, что знаете обо мне все. Тогда вы должны быть осведомлены о том, что задолго до встречи с Фешиным я была любовницей Робера Платта, и он не раз говорил, что только финансовые возможности не позволяют ему жениться на мне. Вот я и попыталась решить эту проблему...

— За счет этого самого Фешина? За счет его денег и личной судьбы? Можно ли строить свою жизнь на несчастье других? Мне показалось, этот Тоглар вас тоже любил. Во всяком случае, на вашей свадьбе он выглядел очень счастливым... — жестко укорил Татлян.

Наталья смолчала, понимая, каким ничтожеством она выглядит в глазах этого настырного сыщика. Но поговорка о жадности натолкнула ее на отчаянную мысль: пан или пропал. Чувствуя, что влипла всерьез, и еще неизвестно, кто страшнее: братва, государство или этот иноземец, она встала с коленей, отряхнула юбку от несуществующего сора и твердо, совсем по-блатному, сказала:

— Давай, начальник, разойдемся по-мирному. Ты меня не нашел, я тебя не видела. Идет?

Карлен зашелся в смехе от подобной наглости и, вытирая слезы на глазах, с иронией спросил:

— И как вы себе это представляете, мадам?

— Я делюсь с тобой долларами, и ты обо мне забываешь. Ниточку к вашим пропавшим долларам в аэропорту «Шереметьево-2» я дала, копайте на здоровье в Москве — и флаг вам в руки.

— Но вы забыли, что я не российский милиционер, который за взятку готов на что угодно, я агент секретной службы. Аме-ри-кан-ской, — четко выговорил Карлен, чтобы до нее дошло. — Теперь-то поняли? — и на всякий случай, бравирюя, протянул ей свое настоящее удостоверение, которое предъявляется только в крайних обстоятельствах, но она даже не взглянула на документ.

— Все менты одинаковые, не берете только до поры до времени, да если мало дают, а я предлагаю серьезную сумму...

— Серьезную — это сколько? — полюбопытствовал Карлен, откинувшись в кресле и внимательно наблюдая за ее преображением.

— Чтобы ты снова не обвинил меня в жадности — половину, и думаю, это будет справедливо: я ведь тоже рисковала.

— О, ничуть не сомневаюсь в этом, — усмехнулся Карлен.

— Ни за что — ни про что заполучить сразу два миллиона баксов — такое выпадает не всякому агенту, даже американскому, — в свою очередь съехидничала и Наталья, видимо, уловив перемену в его настроении.

— Это предложение надо обдумать, взвесить, — сказал Карлен уже не так строго и пригласил ее снова к столу — там было еще что выпить и чем закусить.

Теперь уже Наталья сама разлила коньяк по рюмкам и предложила тост: за милосердие. Карлен молча выпил, испытующе глянул на женщину.

— Деньги я могу получить прямо сейчас, наличными?

— Да, минут через сорок. Поедем ко мне домой, и я отдам — из рук в руки. Жаль, конечно, расставаться с такой суммой, но свобода того стоит. Правда, у меня будет одно условие...

— Какое? — уточнил Карлен. Преображение этой женщины все больше занимало его. Черт побери, ему это даже нравилось.

— Никогда и нигде ты не должен упоминать, что видел меня в Париже, — жестко отчеканила московская воровка или несостоявшаяся парижская мадам. — Или — или...

— Даю слово офицера, — искренне и вполне серьезно поклялся Карлен.

Мысль о двух миллионах долларов, которыми он будет располагать через час, уже сейчас грела его душу. Да что там грела — его душа пела, и он готов был пуститься в пляс: такого расклада событий он даже не предполагал.

— Что же, придется положиться на слово чести американского офицера. — Наталья потянулась к сумочке, чтобы привести себя в порядок.

«Тем более, что ничего иного вам и не остается, мадам», — мысленно заключил журналист.

8

Через два часа Карлен вернулся в номер с пластиковым пакетом, где покоились ровно два миллиона долларов. Он тут же пересчитал их — красавица Натали на этот раз не обманула, отсчитала честно. Прошло всего два дня его пребывания во Франции, а он уже решил все проблемы — на такой быстрый успех он не рассчитывал. На радостях Карлен позвонил Ольге в Москву, уточнил размер одежды и обуви — теперь он мог позволить себе любые траты. Вспомнил он и про Криса с Абреком, но звонить им не стал, и так прекрасно знал их вкусы и привычки, и еще раз мысленно поблагодарил их за зеленый дипломатический паспорт — с ним он беспрепятственно мог ввезти в российскую столицу любую сумму денег. С этим капиталом можно начать совсем другую жизнь: сыграть богатую свадьбу, купить отличную квартиру на имя жены — в общем, открывались невероятные перспективы, ведь он вышел, наконец, на человека по кличке Тоглар, так или иначе связанного с изготовлением или сбытом супербанкнотов.

В тот же вечер Карлен позвонил молочнице Колетт и пригласил ее в ресторан. Как человек суеверный, он считал, что его удачи в Париже начались с нее, да и нравилась она ему — остроумная, приятная девушка.

В Париже он пробыл еще два дня, потому что невероятно изменилась погода: потеплело, появилось солнышко, исчезли ветер и облака — ну, прямо бабье лето вернулось во французскую столицу, и грех было уезжать, не погуляв, не побродив по его волнующим улицам. Париж теперь представлялся Карлену совсем иным: таинственным, привлекательным, сулящим удачу...

Возвращался он ночным рейсом «Эр-Франс» нагруженный подарками. Самолет прилетал в Москву на рассвете, и он не стал беспокоить друзей просьбой, чтобы его встретили. В самолете, наверное, из-за хорошего настроения, он даже не вздремнул — все строил планы. Теперь-то он стоял у цели и оттого время от времени мысленно повторял кличку человека, знавшего тайну фальшивых долларов. «Тоглар... Тоглар...» — назойливо вертелось в голове, и вдруг ему показалось, что он когда-то уже слышал это имя. Редкая кличка, не спутаешь. Ничего конкретного связать с этим именем Карлен не мог, но и от навязчивой мысли отделаться не удавалось...

Войдя в дом и даже не распаковав вещи, он поспешил к своему всезнающему компьютеру, где находились данные на всех, кто мог быть причастен к производству супербанкнотов. Поискал человека по кличке Тоглар по многим разделам, но ничего похожего не было, и, уже отчаявшись, просто на авось, он «заглянул в досье» на умерших «граверов». И тут ему повезло: в самом конце он нашел данные, которые так упорно искал, — все-таки его коллеги из ФБР работали основательно, надежно. Сведения гласили: «Фешин Константин Николаевич, год рождения 1943-й, имеет судимость за подделку документов государственной важности. С 1966 года постоянно живет в Москве, не женат. Пользуется авторитетом в криминальных кругах. Имеет узкую специализацию — может подделать любой документ, а значит, при определенных обстоятельствах, и деньги. Кличка — Тоглар. Погиб в декабре 1990 года в автокатастрофе на московской обводной дороге, похоронен на Востряковском кладбище, могила № 11632».

Погиб? Опять какая-то тайна. А может, ловко инсценированная смерть, чтобы надолго пропасть из поля зрения органов или конкурентов и наладить выпуск супербанкнотов? По срокам все совпадало. И тут Карлен вспомнил, как Абрек комментировал свадебные фотографии, сделанные в «Пекине»,

и, несмотря на раннее утро, позвонил на четвертый этаж. Трубку снял сам Абрек. Поздоровавшись и сообщив о своем приезде, Карлен спросил без обиняков:

— Помнишь, мы как-то говорили о шикарной свадьбе в «Пекине», о женихе, которого некогда высоко аттестовал Рафик Сво? Вспомни, пожалуйста, кличка у него — Тоглар?

— Да, точно, Тоглар, — обрадовался Абрек. — Вспомнил, наконец. Да разве удержишь в голове такую мудреную кличку — не Кувалда, не Кистень, не Балда. Зачем он тебе сдался, хочешь статью о нем тиснуть? — спросонья зевнул в трубку Абрек.

Но Карлен уже не слышал его треп... Все сходилось и теоретически, и практически: человека, которого разыскивали все спецслужбы США, звали Тоглар.

Катран в Барвихе

Весь сентябрь Аргентинец переживал тяжелейшую депрессию, хотя видимых причин для этого не было. Карта шла, случались, и часто, заметные выигрыши — по-крупному, слава богу, не «залетал» года три. Дома вроде тоже все было спокойно, если не считать того, что младшая дочь, кажется, влюбилась в Эйнштейна. Это вселило в него тревогу, он не хотел, чтобы Верочка вышла замуж за каталу, даже и за подающего надежды аса — нет, такой судьбы для любимой дочки он не хотел. Впрочем, заметного интереса к дочери со стороны Георгия он не замечал, а поклонниц у него было хоть отбавляй: обаятельный, всегда изысканно одетый, часто при деньгах, с машиной, а кроме того, хорошо образован, начитан — в общем, мог и любил пустить пыль в глаза, таких девушки любят, не дают им прохода. Правда, в последнее время Георгий играет в карты редко, постоянно держится при Тогларе, словно его референт: сопровождает повсюду, и даже в отсутствие хозяина живет на Кутузовском. Общение с Тогларом, конечно, пойдет Георгию только на пользу, даже сейчас близость его к чистоделу подняла авторитет Эйнштейна.

А ведь начинался сентябрь так прекрасно! После свадьбы Тоглара Аргентинец с семьей был приглашен в гости

на Кутузовский, в недавно отделанную, отреставрированную квартиру Константина Николаевича. Кстати, полностью обставленной, доведенной до ума Аргентинец видел ее тоже впервые, хотя не раз бывал здесь во время ремонта и очень гордился тем, что картина Шагеева появилась в мастерской с его легкой руки — она так пришлась к месту, что даже далекому от живописи человеку это было очевидно. Апартаменты, занимавшие этаж, с изысканной мастерской-салонем, потрясли его домочадцев, как некогда их квартира произвела ошеломляющее впечатление на Наталью, жену Тоглара.

В гостях у Константина Николаевича оказался и Георгий, и именно в тот вечер Аргентинец заметил, что его Верочка равнодушна к картежному гению Эйнштейну. Тогда же впервые Городецкий узнал, что дед Константина Николаевича был крупным русским художником, академиком и умер в эмиграции, вдали от родины. Картины Николая Фешина не оставили его равнодушным, и теперь понятна стала тяга Тоглара к живописи — кровь есть кровь, гены когданибудь должны были взять свое. В тот теплый сентябрьский день легендарный Тоглар открылся Городецкому совсем с другой стороны, а казалось, он знал об этом человеке все — ведь знакомы уже без малого почти тридцать лет, целую жизнь.

Пригласил Тоглар Аргентинца с семьей и в загородный дом в Переделкино — в общем, налаживалась спокойная, благополучная жизнь, о которой мечтал его близкий друг Костя Фешин.

В последний год Аргентинец чаще всего играл в Барвихе, иногда у Шамана дома, но потом сложился настоящий катран у одного из высоких чиновников из окружения президента. Катран в Барвихе ценился высоко среди катающих по-крупному: безопасность и комфорт гарантированы, и в долг тут не играли, у всех наличка — в дипломатах, баулах, саквояжах, чемоданах, очень состоятельные господа собирались там.

Своей глубокой депрессией Аргентинец отчасти был обязан тамошним разговорам, неожиданным тайнам, открывавшимся ему в барвихинском катране. Чиновничий люд, подогретый дорогими коньяками и виски, наперегонки спешил избавиться от служебных и государственных тайн, словно знание их душило, не позволяло радоваться жизни. Потому эти сытые

и самодовольные господа легко, без сожаления, даже бравируя, расставались за ночь с целыми состояниями. Неправедно нажитые деньги как будто жгли им руки, не давали ощущения реальности, оттого им не радовались выигравшие, не огорчались проигравшие: иные пачки по двадцать-тридцать тысяч долларов, небрежно перехваченные резинкой или бечевкой, по нескольку раз за ночь переходили из рук в руки, перекочевывали из баула в чемодан, из чемодана в дипломат и обратно. И никто не удосуживался хотя бы пересчитать их, не говоря уже о том, чтобы прокутить или подарить кому-то, впрочем, по их словам, это были деньги для игры; некоторые даже не уносили эти саквояжи и сумки домой, считая: зачем таскать, если на неделе опять предстоит игра.

Вот это-то безразличие к большим деньгам — все равно завтра еще нанесут взятку, или возможность добывать их без особого труда и риска, отбивала у Городецкого тягу не только к игре, но и к жизни вообще. Без азарта и страстей, когда на кон ставится все, включая и жизнь, игра — не игра. Да, подивился бы великий знаток рискованных картельных людей Федор Михайлович Достоевский, попади он в катран в Барвихе: какой тип игроков создало новое российское смутное время!

Но не из-за отсутствия страстей хандрил весельчак, балагур, неунывающий катала Аргентинец — он-то рисковал своими кровными, ему взятку не носили: ни добровольно, ни принудительно, а деньги ох, как были нужны. Девчонки — обе уже на выданье, дом, семья требовали все возрастающих затрат, жизнь дорожала не по дням, а по часам.

Но угнетало его другое — он не понаслышке знал о перспективах своей страны, народа, ведь играл то с вершителями судеб России: чиновниками, законодателями, депутатами, министрами.

Иногда Аргентинцу даже хотелось пропустить игру — слишком откровенные там велись разговоры, а он по собственному опыту знал: знание чужих тайн укорачивает жизнь. Это одна из главных заповедей уголовного мира, потому там не лезут в душу и стараются без надобности не совать нос в чужие дела. Но он не мог поставить крест на катране в Барвихе, это было единственное место в Москве, где крутились по-настоящему большие деньги, а у Аргентинца была тайная мечта: если сорвет

сумасшедший банк, миллионов в десять-двадцать, баксов, разумеется, ляжет на дно. С него хватит, нервы на пределе, здоровье не то, да и пример Тоглара, занятого только любимой женой и живописью, вдохновлял. Может, и он придумает для себя какое-нибудь хобби и будет посвящать целые дни своему увлечению, как Константин Николаевич мольберту. Новому занятию своего друга Городецкий завидовал больше всего — завязал навсегда с прошлым и нашел все-таки на закате жизни дело по душе. Но тут Аргентинец понимал, что Тоглару легче, в нем гены взыграли, происхождение обязывало.

В какие-то вечера, наслушавшись опасных речей, он задерживался с выездом, хотя не меньше других спешил домой, в уют, тепло. Он намеренно поднимал капот, с умным видом копался в чреве машины, что-то подтягивал, закручивал, протирал, или же, сам незаметно спустив колесо, принимался не спеша его менять, а другие, подтрунивая над ним, над его машиной, весело улюлюкая, гогоча и посмеиваясь, разъезжались в ночи. И лишь когда вдали стихал шум скоростных машин, выезжал со двора и он. Да и то, отъехав от катрана, останавливался где-нибудь в придорожной тени и спокойно выкуривал сигарету-другую, и только после этого трогался в путь. Городецкий был убежден, что люди, так небрежно обращавшиеся с чужими секретами, обязательно попадут в беду. И как в воду глядел — оказался провидцем, хотя, конечно, вслух никому и ничего не предсказывал. Одну машину, возвращавшуюся после игры в Барвихе, расстреляли в ночи в упор из крупнокалиберного пулемета. Досталось и автомобилю, мчавшемуся следом, об этом писали московские газеты, и Аргентинец оценил свою предусмотрительность — ведь и у него был такой же роскошный белый «сааб».

Странно, но покушение с трагическим исходом не особенно взволновало посетителей катрана в Барвихе: все единодушно признали, что покойный брал не по чину и не любил делиться с коллегами и начальством. Аргентинец тогда обезопасил себя еще раз: стал приезжать на игру в скромных «жигулях» песочного цвета — чиновники на таких машинах не ездят, и теперь его случайно спутать не могли.

Однажды, в середине сентября, в катране появился новый игрок, или, как называли его завсегдатаи, новый назначенец

в президентской команде. Альберт Янович был из семьи потомственных чекистов, и родословную вел то ли от Берзиня, то ли от самого Дзержинского. Правда, потомок, по нынешним демократическим временам, не любил вспоминать богатую советскую родословную и имел модную нынче профессию — политолог, то бишь аналитик, от которой явно пахло саморекламой или шарлатанством. Но, видимо, он делал нужные анализы и прогнозы, если попал в президентскую команду и уже нафаршировался основательно. На игру он приезжал весь навороченный, с новомодным кожаным саквояжем, но никогда не оставлял его в катране до следующей игры. Этот и вовсе не знал удержу, вещал без остановок, и его сообщения действовали на нервы не только Аргентинцу, но и остальным завсегда-таям. Чуял Городецкий, что иные чиновники даже подозревали непонятную провокацию со стороны политолога, хотя виду старались не подавать, а заволноваться было от чего...

Потомок чекистов утверждал, например, что новый Генеральный прокурор России, которого Президент отыскал в Сибири, скоро может и сам загреметь в тюрьму. Слишком рьяно стал пропихивать своих близких родственников в нефтяной бизнес, где уже все давно поделено, и конкурентов не терпят. Прокурор, пользуясь высшей властью, начал еще и наезжать на московские кланы, а за ними ведь тоже не рядовые граждане стоят, и своего они так просто не уступят. Альберт Янович уверял, что это станет первым прецедентом в истории России, когда Генеральный прокурор будет обвинен в примитивном взяточничестве, коррупции, и кончит он дни на тюремных нарах. От таких прогнозов у многих портилось настроение, и они сбрасывали карты невпопад, чем ловко пользовался Аргентинец. Но игроки вскоре приходили в себя: знали, что свято место пусто не бывает и, может, попадет туда кто-то из своих людей, так что нет худа без добра — Москва чужих никогда не любила, особенно на больших постах.

Тот же Альберт Янович обронил, что скоро грохнут известного в прошлом телеведущего, а ныне влиятельного бизнесмена. Причем он называл суммы, которые гуляют на телевидении от рекламы — официально и черным налом, и у партнеров по картам, людей, выдавших виды и знавших, что такое шестизначные и семизначные цифры, просто отвисали челюсти.

Спустя несколько месяцев Аргентинец убедится в яснovidении говорливого политолога, который, кстати, по телевидению в те дни со скорбной миной на лице будет говорить о «дорогом друге» как о самом бескорыстном человеке на земле, которого убили люди, не разделявшие его творческих планов, и сравнит его смерть со смертью Пушкина. Поистине, лицемерию нет предела. Но Альберт Янович лицемерил не всегда — со своими, за карточным столом, он был предельно откровенен, резал правду-матку если не в глаза, то уж в богато обставленное пространство — точно.

Аргентинец не раз пытался развеяться от депрессии, дважды даже крепко загулял у Хавтана в «Золотом петушке», хотя выпивка и загулы — не его стихия, катале нужен ясный ум и очень чуткие пальцы, тренированные так же, как у пианистов-виртуозов. Хавтан тоже переживал не лучший период жизни, у него выкрали какого-то бухгалтера, имевшего доступ к тайным счетам в западных банках. И если бы не заступничество старой братвы — Шамана и Дантеса, — скорее всего, он гнил бы уже на каком-нибудь перенаселенном московском кладбище.

Зная, что Аргентинец вращается в разных кругах, Хавтан просил помнить про бухгалтера по кличке Гном, может, где объявятся его следы, или хотя бы получить наводку, кому он мог понадобиться, обещал за информацию большие деньги. Иначе, мол, ему долго не восстановить свой авторитет. Косится братва, не верит, что выкрали Гнома, хотя четыре трупа на месте похищения — аргумент более чем весомый. Но они думают, для себя приберет он бухгалтера, а на деньги банды Лабоцкого — Шкабары, хранящиеся на Западе, многие серьезные люди претендуют, и он, выходит, очутился теперь в центре внимания. Впрочем, про банду новокузнецких громил Аргентинец и сам хорошо знал.

В Барвихе чаще стали говорить о войне с Чечней, которая вот-вот должна была грянуть, и, тоже не таясь, называли фамилии тех, кто уже нажил на этом миллиарды, оставив горы оружия, бронетехники и даже авиацию чеченцам. Разговоры о предстоящей войне не пугали чиновный люд, наоборот, они его возбуждали, пьянили, на различных поставках для армии можно было по-настоящему нажиться, а уж украсть —

и говорить нечего. А главное — не нужно выполнять никаких обязательств перед народом, на все годился один многозначительный ответ — война...

Всезнающий Альберт Янович и тут мудро заметил: война, как первый снег, запорошит все следы преступлений, совершенных за годы реформ, и если не случится эта, организуют другую. Только большое горе, тысячи и тысячи новых молодых инвалидов могут отвлечь внимание людей, заставят их забыть о прежних преступлениях высоких людей, чтобы те под шумок успели прибрать, продать последнее, что еще осталось непроданным. Не зря народ говорит: кому война — кому мать родна.

Когда начались разговоры о предстоящей войне в Чечне, Аргентинец сразу вспомнил Тоглара, который три года находился там в плену и хорошо знал обстановку. Еще год назад он уверял, что столкновения с «чехами» не избежать, слишком высокие финансовые интересы сошлись в этом горном крае и чересчур много оружия появилось у воинствующего народа, к тому же впервые в своей истории Чечня заимела регулярную армию. Оружие и пьянит всех от мала до велика.

По своим каналам Аргентинец знал, что «чехи» резко увеличили в Москве оброк с банкиров, промышленников, бизнесменов, занятых нефтью, — понятно, война потребует больших денег, выходит, к ней за Терекком готовятся всерьез.

Такие грустные мысли навевала еще не начавшаяся бойня Аргентинцу и, конечно, настроения не поднимала.

2

В те самые дни, когда впервые возник разговор о Чечне, появился в катране новый игрок, которого отрекомендовали как Александра Михайловича, в первый раз он приехал вместе с Альбертом Яновичем. В любом катране, даже в Барвихе, нет постоянного состава игроков, хотя существует какой-то костяк, так сказать, завсегдатаи. Карточные компании сохраняются за счет постоянного обновления: одни проигрываются в пух и прах, других отвлекают иные страсти: любовь, запои, наркотики, неприятности по службе или в семье, перемещения и передвижения. Некоторые разочаровываются в игре, даже

выигрывая, иные получают назначение за рубеж. Так что свежий человек не был неожиданностью за столом, тем более, новичок не мог появиться с улицы, постучав в бронированную дверь. По клубному правилу, он приходил с кем-нибудь из завсегдатаев, и это ни у кого не вызывало ни вопросов, ни любопытства, тут каждый считал себя самодостаточным, чтобы не расспрашивать назойливо кто есть кто. А то, что новый игрок, Александр Михайлович, появился с политологом, уже гарантировало ему дружеское отношение собравшихся за карточным столом. В иной день в катране появлялись и по два, и по три новичка сразу, а то и больше — тогда играли одновременно на двух столах. Среди новичков попадались люди известные: актеры, модные журналисты, банкиры, политики, но этот Александр Михайлович никому не был знаком, в прессе и на телевидении не мелькал, особой принадлежностью к верхам не кичился, держался просто, но с достоинством.

В серьезной игре — а тут, в Барвихе, другой не бывало — некогда особенно разглядывать партнеров, все внимание только на том, что у тебя на руках, какие карты выбывают из игры и почему сбросили именно эту карту, чтобы быстрее вычислить, что у кого осталось на руках. Иногда, даже зная все о тридцати пяти картах, можно проиграть оттого, что не вычислил одну-единственную, оказавшуюся у твоего главного соперника. Игру на крупный интерес можно сравнить с современным бегом на короткие дистанции, где победителя чаще всего определяет лишь фотофиниш. А разницу в результате между победителем и тем, кто пришел вторым или третьим, составляют сотые и даже тысячные доли секунды. Но победивший с такой ничтожной разницей войдет в историю, получит приз и пожнет лавры успеха, а об остальных никто и не вспомнит. То же самое и в картах, тут вторых не бывает. В катранах следовало бы повесить лозунг: все или ничего!

Позже, когда свершатся события, которые на какое-то время свяжут нового игрока Александра Михайловича и Аргентинца, Городецкий будет мучительно восстанавливать в памяти образ молодого человека, впервые пришедшего в катран вместе с политологом, которого за глаза быстро прозовут Оракулом. Конечно, некоторое внимание Аргентинец новичку уделит; старая, Городецкий стал бояться, как бы не нарваться

на картежного шулера классом выше, чем он сам, а таких теперь было пруд пруди, кругом одни таланты, взять хотя бы его ученика Эйнштейна — чем не гений? «Гениев» и виртуозов регулярно поставляет в нашу жизнь зона. Есть заключенные, которые в тюрьме за пять-шесть лет срока ничего в руках, кроме колоды карт, не держали, там они тренируются по десять — двенадцать часов в день, тем более, что такие условия им создают другие, более авторитетные и сильные зеки. Знают: на воле такой человек с лихвой оправдает все заботы. После освобождения возле такого «маэстро» крутится целая команда — и откормят, и приоденут по высшему классу, и в свет введут, а главное, подскажут, с кем играть.

Но появился и другой тип игроков, незнакомых раньше, — это люди, обладающие силой гипноза, внушения или способностями экстрасенса, такие каталы — тоже беда, эти одолеют, даже не имея выдающихся способностей к картежной игре. Аргентинец уже трижды вычислял таких игроков, объявлявшихся в Москве, и успевал под уважительным предлогом соскочить с игры. Вот на этот случай Городецкий, помнится, и оглядел мельком Александра Михайловича. Профессионального каталу, шулера всегда выдавали руки — они у них предмет особой гордости и заботы, — и такой человек всегда пытается скрыть свои таланты, возможности. Поскольку Аргентинец сам постоянно находился в подобном положении и пользовался теми же приемами уже лет тридцать пять, он всегда вычислял своих коллег и гордился тем, что ни разу не ошибся. Шулеров, профессиональных катал Аргентинец боялся гораздо меньше, чем гипнотизеров, — те умеют на мгновение отключить внимание, когда нужно сбросить карту или обменять ее, или внушить, что у него на руках карта, меньшая по значению, отчего у соперника тут же возникает желание удваивать и удваивать ставки, ставить на кон все! Ну, и потом, как правило, нокаут. Бубновый валет или пиковая дама, мелькавшая в руках соперника, почему-то неожиданно оказывается козырным тузом, и пенять здесь не на кого.

Но Александр Михайлович на картежного шулера ни по каким известным Городецкому параметрам не походил, хотя играл уверенно, с размахом и рисковал отчаянно, — это Аргентинец видел по сброшенным картам. В общем, чувствовалось, что

человек он энергичный, с характером. Аргентинец невольно следил и за речью Александра Михайловича, все-таки переход из грязи в князи не проходит бесследно, и жизнь в определенной среде накладывает свой неизгладимый отпечаток, который нет-нет да и проявляется — в словах, жестах, привычках или пристрастиях. Александр Михайлович не уклонялся и от весьма щекотливых разговоров, а поддерживать беседу в Барвихе мог только человек осведомленный, сам вращающийся в высоких кругах. Вот эта то черта — принадлежность к чиновничьей среде — и сбила Аргентинца с толку, и он вскоре перестал присматриваться к новичку столь внимательно, а жаль: может, чуть позже и промелькнуло бы нечто такое, что могло сдержать его азарт, или хотя бы надоумило быть поосторожней с новичком.

Бросалась, правда, в глаза одна деталь, отмеченная не только Городецким, но она тоже не вызвала к бдительности, а скорее наоборот — отвлекала внимание. Уж слишком большим модником выглядел Александр Михайлович, он выделялся даже среди этих людей элиты, равнодушных к собственному внешнему виду и вещам, окружавшим их. Аргентинец не был мастаком по части моды, но как одевался Александр Михайлович, ему нравилось. Это, конечно, не был ни привычный Карден, ни примелькавшиеся Версаче или Армани, чьи модели стали как бы униформой у «новых русских», отчего они до сих пор не обрели ни своего лица, ни стиля. А если учесть, что именно этих знаменитых кутюрье тиражируют, один к одному, производители дешевой массовой одежды в Турции и Китае, Тайване и Гонконге, и даже в Одессе, на Малой Арнаутской, то, конечно, большинство русских нуворишей с их претензией на исключительность, утонченность, рафинированность выглядят просто смешно.

И, глядя на нового партнера за карточным столом, Аргентинец почему-то вспомнил Тоглара, именно так стал одеваться его старый приятель по рекомендации его ассистента Эйнштейна, — несостоявшийся балетмейстер, конечно, обладал безукоризненным вкусом, об этом Городецкий слышал от многих людей, включая и своих домочадцев. Но Аргентинец-то уж знал цену любой вещи из «Ягуар-стиля», которые настойчиво рекомендовал ему Георгий-Эйнштейн,

мечтавший сделать своего патрона образцом вкуса в картежных салонах. Однако Аргентинцу все это было ни к чему, он не понимал страсти мужчины к тряпкам. Обыкновенному шулеру, катале, если бы Александр Михайлович был из этой породы, такие причиндалы были вовсе ни к чему, как-нибудь обойдемся Труссарди, Хуго Боссом или всем понятным Пьером Карденом, чьи позиции в России после открытия ресторана «Максим» укрепились прочно и всерьез.

Аргентинец обратил внимание, что Александр Михайлович не старается выставлять напоказ ничего из своей экипировки, — это он определил по его ответу одному из игроков, слишком уж восторженно высказывавшемуся по поводу его часов «Ролекс». «Обыкновенная серийная титановая модель», — лаконично обронил новичок, сразу закрывая тему для обсуждения. И Аргентинец, знавший, наверное, одну-единственную марку дорогих часов — и именно эту, поначалу удивился. Дантес, носивший такие часы, всегда хвастался ими и даже показывал рекламный плакат, висевший у него в кабинете, где на старинных весах чаша с «Ролексом» явственно перевешивала другую, на которой взмыла вверх новейшая модель «мерседеса». Обычно Дантес за игрой снимал «Ролекс» с запястья, и часы переходили из рук в руки, держал их перед глазами и Аргентинец и потому знал, что этот массивный платиновый «Ролекс» с календарем, установленным до середины XXI века с учетом високосных годов, с турбийоном и другими всевозможными наворотами, делается только по заказу, эксклюзивно, и могут позволить их себе лишь очень богатые люди.

Разбираясь задним числом в своих ошибках, Аргентинец пришел к выводу, что, в конечном счете, его бдительность усыпила не манера Александра Михайловича одеваться с иголки, не его «Ролекс», о цене которого хозяин не распространялся, не роскошный английский джип «лендровер», в котором тот приезжал на игру и на котором угадывались сразу две сверхмощные и сверхчувствительные антенны. Цена таким «игрушкам» не один десяток тысяч долларов, и предназначены они, скорее всего, для особой спецтехники, например, для перехвата пейджинговых сообщений, телефонных переговоров или даже разговора в салоне впереди идущей скоростной машины, а не просто для услаждения слуха меломана. А отвлекло

Городецкого то, как Александр Михайлович умел слушать и направлять хвастливый разговор партнеров по игре в нужное русло, и еще — взгляд: особый, незаметный, жесткий, ледяной — таким обладают обычно люди из органов, да и то не все, а лишь наделенные высокой властью. Катран в Барвихе для такого человека мог представлять бесценный интерес, информация — с конкретными суммами и фамилиями — густым дымом висела над столом, только запоминай, записывай.

Много позже Городецкий поймет, что случившееся с ним — жестокое стечение обстоятельств, никто конкретно против него пакости не организовывал, специально его не подставлял. Короче, это была судьба, или, как говорит Хавтан, попал под паровоз. Да и доля собственной вины есть, что и говорить, повел себя западло по отношению к счастливчику, но если бы знать... предвидеть... Знал бы, где упасть — соломки подстелил бы. Поздно пить боржоми, когда почки отвалились...

Впрочем, подобная неприятность должна была рано или поздно произойти. Фарт — штука капризная, переменчивая, а ему грех обижаться на госпожу Удачу, считай, жизнь прожил с колодой карт в руках, и безбедную, не надрываясь, детей воспитал, хоромы — каких поискать. А ведь если и не предчувствовал беду, все равно ощущал, что стареет, теряет скорость мышления, интуицию, что пора завязывать, так нет же, все норовил банк шальной сорвать...

Александр Михайлович наезжал в катран с какими-то рваными интервалами, но всегда в компании политолога. И всякий раз его появление оживляло игру, ставки взлетали до небес, азарт смогом зависал над зеленым сукном, и игроки даже забывали про роскошный ужин, который тоже входил в ритуал катрана. Собираясь в Барвиху, Аргентинец иногда ловил себя на мысли: хорошо, если бы сегодня появились Александр Михайлович и Альберт Янович — оба они вносили какую-то особую атмосферу в компанию завсегдаев. Один мог вскользь сообщить сногшибательную новость, другой — при средних картах удвоить ставки, от чего партнеров бросало в жар и карты на руках уже не казались столь выигрышными, — все это чаще всего было на руку Аргентинцу, он первый раскусил эпатажность в поведении Александра Михайловича.

Наверное, никто не приезжал сюда проигрывать: ни специально, ни случайно, это не в природе человека, но Аргентинец видел, что большинство посетителей знаменитого катрана искали острых ощущений — крупные ставки заставляли бешено колотиться любое сердце. Однако к этой категории любителей пощекотать нервы и потешить самолюбие Аргентинец никак не относил хозяина «лендровера» — у него, как понимал Городецкий, были совсем другие задачи.

И еще одна деталь усыпила внимание Аргентинца: Александр Михайлович не был жаден, это было видно по его отношению к деньгам — как в случае выигрыша, так и в случае проигрыша. За долгие годы, проведенные за карточным столом, Городецкий научился безошибочно распознавать этот широко распространенный человеческий порок. В жизни нередко встречаются настоящие профессионалы, которые обладают удивительной памятью на все, что касается их деятельности, например, шахматист помнит партию десятилетней давности и не спутает последовательность ни одного хода — ни своего, ни чужого. В футболе ситуация меняется ежесекундно, но профессионалы припомнят точно, словно в видеозаписи, как развивались события, почему был забит или не забит гол. Сродни им и картежники: не ведя никаких записей, они всегда помнят, кто с каким результатом закончил игру.

За месяц с небольшим после появления в катране Александра Михайловича с политологом они были в проигрыше, но не внушительном, а просто с заметным минусом, как принято у них говорить. У Аргентинца мелькнула как-то мысль, что они могут играть на пару, негласным тандемом, правда, оба должны быть игроками равными, а потомок чекистов, честно говоря, играл слабовато, но мысль эта у Городецкого как возникла, так и увяла. Все эти обстоятельства, вместе взятые, отвлекли внимание Аргентинца от Александра Михайловича и его друга политолога, их он как серьезных игроков не воспринял, тем более, что в катране появлялись другие залетные гости, оставлявшие за вечер по пятьдесят-шестьдесят тысяч, и за ними нужен был глаз да глаз. Ведь никто не гарантирует, что проигравший не встретит тебя с друзьями в подъезде или по дороге домой, — времена ныне подлые, для многих сегодня бог один — деньги.

3

В тот субботний вечер, когда за окном лил нудный осенний дождь и в воздухе пахло предзимней свежестью, в особняке в Барвихе, сиявшем огнями, было тепло и уютно. Гости съезжались медленно, хотя встреча была оговорена заранее, подтверждена днем телефонными звонками, но служба есть служба, даже у таких высоких чиновников, как барвихинские завсегдатаи, есть начальники. Днем хозяйка особняка, наверное, от скуки, организовала девичник, который затянулся до вечера, и теперь собравшиеся гости и вернувшийся с работы хозяин катрана не отпускали женщин, обещая позже развезти их по домам, хотя многие из дам приехали в Барвиху на собственных машинах, а кое-кто даже с телохранителями. В общем, в доме царило оживление, слышались смех, музыка. Повсюду: в каминном зале, оранжерее, в гостиной, домашней картинной галерее — хозяйка особняка владела на Тверской одним из самых известных художественных салонов, «Зимним садом», — стояли накрытые столы для фуршета, а гостей молча обслуживали приглашенные из города вышколенные официанты.

Аргентинец, наезжавший сюда уже с полгода, ничего, кроме бильярдной, где они играли в карты, и столовой, где им накрывали ужин, до сих пор не видел. Особенно поразила его домашняя галерея, где висели очень интересные картины, в том числе работы уже знакомого ему Эдуарда Шагеева, и он, поздравив хозяйку с прекрасной коллекцией, сказал, что у него есть друг, художник, и что он обязательно свозит ее на Кутузовский в его мастерскую. Городецкий рассчитывал, что Тоглару, наверное, в будущем понадобится какая-нибудь галерея, чтобы выставляться, а тут под рукой салон в самом центре столицы, да и хозяйка — женщина со вкусом и хваткой.

Аргентинец уже думал, что игра сегодня не состоится, и даже позволил себе выпить вместе с хозяйкой галереи и ее подружками пару бокалов «Де Каstellани», которым некогда угощал его в Ростове Тоглар. Но вскоре дамы почему-то дружно засобирались домой, и мужчины, вздохнув с облегчением, поднялись наверх, в бильярдную, за привычный карточный стол. «Дамы и карты одновременно — вещи несовместимые», — изрек острый на язык Альберт Янович, больше всех

довольный отъездом женщин. К своим сорока годам политолог уже четырежды был официально женат и не очень то жаловал прекрасный пол, относился к нему без пиетета.

В тот день играли в покер, но во все известные игры они, по всеобщему согласию, часто вносили изменения, несущественные, но обострявшие игру. Как всегда, по жребию для игры вытягивали колоду карт из закрытой коробки — на каждый кон использовали только запечатанную колоду. Возбуждение, витавшее в доме от присутствия прекрасных дам, перекинулось и на карточный стол — шум и азарт не утихали с первой раздачи.

К полуночи, когда их пригласили на второй этаж на ужин, Аргентинец оказался с заметным выигрышем — тысяч сто, не меньше. Даже мелькнула несвойственная его натуре осторожная мыслишка: а не слинять ли домой после обильного застолья, — но здравая идея не получила развития, хотя игроков сегодня было больше, чем нужно, и его уход вряд ли был бы замечен. За ужином много пили, но Аргентинец, уже жалеющий о выпитом с дамами шампанском, к вину не притрагивался, хотя поднимал бокал со всеми вместе, когда произносили уж очень зажигательные тосты. Он был профессионал и знал, что карты и вино тоже несовместимы. К тому же Городецкий чувствовал, что подогретые спиртным игроки будут обострять и обострять игру — кураж уже витал над ночным застольем.

После ужина договорились играть не больше двух часов, время было далеко за полночь, а на завтра многие партнеры были приглашены в Кремлевский дворец на юбилей одного политического деятеля, с чьим именем связывали новый курс реформ. На торжестве ожидался весь столичный бомонд, и пропустить мероприятие, свидетельствующее, что и ты принадлежишь к элите российского общества, никто, конечно, не хотел.

С первой раздачи ставки пошли резко в гору, их, естественно, поднимали проигравшие и двое новичков из Тюмени, имевшие какое-то отношение к нефтяному бизнесу, — Аргентинец встречал их с полгода назад в доме у Шамана, тут же, в Барвихе. От такого резвого старта, к которому он никак не приложил руку, у Аргентинца радостно забило сердце: ему выпало редчайшее выигрышное сочетание, которое часто снится в картежных снах, — каре.

Теперь следовало никоим образом не выдать своего состояния — удача, которую он ждал два последних года, кажется, сама шла в руки, ставки продолжали расти и без его вмешательства, а он, словно подчиняясь всеобщему гипнозу, тоже поддался гонке на повышение. Сумма так быстро стала для многих неподъемно-опасной, что некоторые лихачи, отрезвев, сошли с дистанции, длинный спурт продолжали только четверо: двое тюменских нефтебаронов, Александр Михайлович и Городецкий.

Вот тут-то за столом стихли сами собой смех, шутки, разговоры: игра приняла серьезный оборот, такой куш разыгрывался в катране впервые. Напряжение достигло такого апогея, что один из тюменцев попросил хозяина дома налить в бокал для воды виски, — тележка со спиртным и закусками всегда стояла неподалеку от карточного стола. Но даже стакан крепкого виски не помог тюменцу: через десять минут оба, перекинувшись взглядом друг с другом, открыли карты, и Аргентинец отметил для себя, что нефтебароны играли на один карман, но теперь это не имело никакого значения. Александр Михайлович и Городецкий остались один на один, и тут на мгновение Аргентинец внутренне вздрогнул: теоретически существовал единственный вариант его проигрыша, но он мог выпасть только в том случае, если карты раздавал сам противник или его ближайший партнер. Но, к счастью, раздавал карты после перерыва не Александр Михайлович, а его друг-политолог, тот задержался после ужина в столовой, беседуя с хозяйкой дома о живописи, и сейчас с напряженным лицом стоял за спиной своего протеже, наблюдая за игрой. Выходило, что Аргентинцу можно было рисковать всем, даже жизнью, — такой фарт при таком банке бывает не часто.

Александр Михайлович, прибывший сегодня на игру с кожаным саквояжем, достал несколько внушительных пачек долларов и, поскольку был его черед увеличивать ставку, сказал:

— Предлагаю в последний раз поднять ставку и открыться, не будем доводить друг друга до разорения. Вы согласны?

Аргентинец ссохшимися губами тихо и неуверенно хотел прошептать, что согласен, но лишь кивнул — он не хотел сильного увеличения, потому что уже не располагал наличными деньгами.

Александр Михайлович небрежно бросил груды пачек в банк и предложил:

— Ваш черед...

Аргентинец аккуратно продвинул вперед всю имевшуюся у него наличность и хрипло добавил:

— На остальное ставлю свою хату на Кутузовском, которую ценю с обстановкой в миллион баксов. Идет?

В принципе, противник не имел права отказываться — квартира того стоила, да и доложить Аргентинцу нужно было всего четыреста тысяч баксов.

После некоторого раздумья, в гробовой тишине, Александр Михайлович согласился, и они оба, разом, карта за картой, стали открываться... Одновременно крик радости и разочарования разорвал тишину ночного дома — общество болело и за того, и за другого, но больше за Аргентинца. Еще до открытия последней карты Городецкий понял, что проиграл: Александру Михайловичу выпало то, что могло выпасть только теоретически, — тоже каре, но каре старшее...

Аргентинец молча, как после тяжелого нокаута, поднялся с места и, никого не замечая, не попрощавшись, вышел из бильярдной — такого сокрушительного поражения он никогда не переживал и не был готов к нему ни морально, ни физически. Спустившись во двор по винтовой мраморной лестнице, Городецкий впервые так тяжело ощутил груз своих лет. Перед глазами стоял не карточный стол, и в голове не крутился, как обычно, анализ ситуации, — нет, все мысли его были о доме на Кутузовском — он так любил его, так гордился им. Во дворе он, также молча, не распрощавшись с охранниками, завел свои «жигули» и выехал из катрана, который совсем недавно считал самым удачным для себя и где мечтал поймать за хвост жар-птицу.

Рублевское шоссе, неожиданно ставшее правительственной трассой, в этот час оказалось пустынным и, как ни странно, плохо освещенным — то ли где-то велись ремонтные работы, то ли уже перешли на режим экономии, как и на других магистралях.

Аргентинцу больше всего на свете хотелось сейчас попасть домой, принять душ и забыться глубоким сном, а уже потом, завтра, обдумывать, как действовать и что предпринять. Сейчас

же он находился в состоянии шока и соображал туго, даже ехал, как говорят лихачи после ресторана, на «автопилоте» и все давил и давил на газ. В одном месте на затяжном подъеме шоссе делало поворот, который возникал неожиданно из-за подступавшего вплотную леса — об этом заранее предупреждали дорожные знаки, — но сегодня на пустынной трассе Городецкий не обращал на них внимания. Дорогу эту он знал хорошо, все-таки дважды в неделю уже не один месяц наезжал в Барвиху, да и раньше частенько навещался сюда к Шаману, но сейчас был особый случай, за руль вообще не следовало садиться в таком состоянии. Аргентинец, забывшись и посчитав, что он уже давно проскочил коварный поворот, на бешеной скорости влетел в него и, снося защитные ограждения у дороги, пулей врезался в темный лес. Все произошло так быстро, почти мгновенно, что он не успел ничего ни понять, ни предпринять, ни даже испугаться.

С полчаса, вероятно от сотрясения, он находился без сознания. Придя в себя, понял, что чудом остался жив — ни одной царапины, перелома или пореза, и он, перво-наперво, поблагодарил Бога, а затем осторожно выбрался из покореженной машины. Равнодушно оглядев свои новенькие «жигули», которые специально купил для поездок в Барвиху, понял, что связываться с ремонтом нет никакого смысла — такие хлопоты ему были теперь ни к чему. «Значит, не пришло еще мне время умирать, — суеверно подумал Городецкий об аварии, но тут, как током, ударила мысль о проигрыше и перечеркнула его мимолетную радость. — Лучше бы я погиб, и вопрос с квартирой отпал бы сам собой. Братва никогда бы не позволила отнять квартиру у вдовы, сказали бы Александру Михайловичу: хватит с тебя и того, что снял в тот вечер, — а может, и похороны навесили бы на его счет».

Авария отрезвила и вывела его из состояния шока, и, взяв себя в руки, он мысленно сказал себе: «Раз остался жив, надо жить, действовать, защищать свой дом...» Особенно ему понравилось это — «защищать свой дом...». Да, ему было что защищать.

Выбравшись по откосу на шоссе, он стал дожидаться случайной машины на Москву. Аварию, случившуюся на шоссе, Аргентинец посчитал ниспосланной свыше благодатью,

и не только потому, что остался жив-здоров — за это, конечно, Всевышнему отдельное спасибо, — а из-за того, что она помогла ему скрыть дома масштаб другой трагедии, происшедшей в тот же вечер, на полчаса раньше. Видя его ушедшим в глухое затворничество, его нежелание ни с кем видаться и даже говорить по телефону, домочадцы связали это с дорожной катастрофой: естественно, что хозяин дома находился в шоке, испытав такое нервное потрясение.

4

Городецкий провел у себя в кабинете три долгих дня, выходя из комнаты только по ночам, но решения найти не мог. Судя по телефонным звонкам, о которых говорила жена, о его проигрыше знали многие. На четвертый день осунувшийся, похудевший килограммов на пятнадцать — теперь-то он знал, что есть способ похудения почище «гербалайфа», — Городецкий вышел из дому и напрямик поехал в «Метрополь» к Олегу Лозовскому, Дантесу, и попросил у него взаймы тысяч двести, чтобы сохранить свой дом на Кутузовском, в котором тот не раз бывал. Дантес, заметив, что сам переживает не лучшие времена, помочь не отказался, но сказал, что в лучшем случае может дать тысяч пятьдесят, не больше. И под конец, поинтересовавшись, кому проиграл, насмешливо посоветовал:

— Тебе дешевле завалить этого лоха. За десять тысяч баксов киллера можно найти на конкурсной основе, с завидным послужным списком.

Аргентинец за помощь поблагодарил, но рассчитаться таким способом с партнером-противником посчитал западло, резонно заметив:

— По такой логике меня должны были хлопнуть уже тысячу раз, а я, как видишь, жив...

В этот день Аргентинец посетил еще пять-шесть человек, на чью помощь, как он полагал, мог рассчитывать, но больше ста двадцати тысяч набрать не мог, да и тех нужно было дожидаться еще дней десять, не меньше. Расстроенный, злой, голодный, возвращался он к себе домой, когда наконец вспомнил о Тогларе: вот кто сможет выручить! Хотя на большую

сумму он не рассчитывал — видел, какие Фешин понес расходы в последний год, — но, все же, чем черт не шутит. В крайнем случае Тоглар мог подсказать что-нибудь толковое, — в общем, Аргентинец круто развернул «сааб» к дому Фешина.

Тоглар оказался дома, но таким понурым, небритым, враз постаревшим Городецкий не видел его никогда. Поэтому с порога, забыв про свои печали, с тревогой спросил:

— Что-нибудь случилось? На тебе лица нет! Вторую неделю не звонишь, вот, решил заехать...

Тоглар, не отвечая, молча направился внутрь квартиры, на кухню, и только там, придвинув стул, вяло махнув рукой, пригласил к столу. С первого же взгляда на друга Аргентинец понял, что произошла какая-то беда: заставленный порожними бутылками стол говорил о многодневном загуле, а ведь Константин Николаевич, как и он сам, выпивохой никогда не был, да и запои с ним не случались. Честно говоря, трудно было даже вообразить, что могло вывести из себя спокойного, рассудительного Тоглара, ведь в последние месяцы он был счастлив, зажил наконец, как мечтал, — домом, семьей, искусством. Судя по тому, как запущена была квартира, Аргентинец понял, что причина скорее всего в Наталье, не зря говорят французы: ищите женщину. И он, взяв в руки стакан с водкой, протянутый ему Тогларом, хотя был за рулем и не собирался пить, спросил как можно мягче:

— Что-нибудь с Натальей?

— Давай, брат, сейчас выпьем, а потом я тебе все расскажу... Который день душа горит... И никому... Никому не расскажешь...

Они выпили, молча что-то пожевали. Тоглар, вдруг заглядевшись в темное окно, снова надолго замолчал, но Аргентинец не трогал его: сегодня, как никогда, он понимал состояние старого друга. Оторвавшись взглядом от окна, Константин Николаевич резко повернулся к Аргентинцу и заговорил торопливо, с горечью, словно боялся, что его прервут или не поймут:

— А ведь я любил ее, Аркаша. Всю жизнь никого в душу не впускал, не доверял женщинам... И вот распахнулся, доверился... все перед ней выложил, ничего не пожалел. За что же так? Я же знал, знал основную заповедь жизни для братвы, — он ударил кулаком по столу так, что подскочили стаканы, —

человек нашего ремесла не должен иметь семью. Да любому парню, впервые попавшему на нары, внушают: женщина — исчадие ада, от нее исходит все зло на земле, от нее все неприятности у мужчины. Может, это мне божья кара, что я на старости лет отступился от правил и захотел пожить остаток жизни как все нормальные люди?

— Костя, что же произошло? Не тяни. — И Аргентинец сам пододвинул стакан, считая, что сегодня только спиртное не даст свихнуться от тяжелых дум его другу Тоглару — нервы у того были явно на пределе.

Они снова молча осушили стаканы.

— Она убежала от меня... Убежала!.. Сбежала, как последняя сучка. Она... От меня... — Тоглар криво усмехнулся. — Ты можешь мне сказать, объяснить, чего ей не хватало? — Он обвел свои хоромы затуманенными глазами.

— Так ты из-за этого убиваешься, казнишь себя? Мне бы твои заботы... — вздохнул Аргентинец и едва не выложил новость о том, что он проиграл свою роскошную квартиру, но что-то в последний момент удержало его.

— Нет, Аркадий, ты не прав. — Тоглар помахал перед его носом пальцем. — Дело и в ней, и не в ней... Это я потерпел жизненный крах — я ведь хотел иметь семью, детей. Я и дом то этот затеял только ради нее. Уж ты то знаешь, что значит дом, семья для мужика.

— И все равно, — не согласился Аргентинец, — ты жив, здоров, дом на месте, все образуется. А хозяйка на такие хоромы быстро найдется, и не хуже, поверь мне... — Он старался говорить бодро, даже весело, но, кажется, это у него получалось не совсем так оптимистично, как хотелось.

— Но я тебе еще не все сказал... — Тоглар сидел на стуле ссутулившись, и казалось, что он постарел за эти дни лет на двадцать. — Она же меня кинула... как последнего лоха... Украла все до копейки... Прихватила даже какие-то мои побрякушки, а мне братва на свадьбу одних часов платиновых и золотых аж пять штук подарила. Этого я пережить не могу... Но не из-за денег, а из-за подлости... Ты ведь знаешь, все здесь создавалось для нее...

— Ну и сука! — откровенно возмутился Аргентинец. Кто бы мог ожидать такого поворота событий? Теперь понятно,

почему Тоглар в таком состоянии, сам бы волком выл от обиды и бессилия, но все же спросил по инерции: — И много увела?

— Да не спрашивай, Аркадий... Много, все до копейки. Я не имею в виду украшения и бриллианты, которых я накопил ей на миллион баксов, нет, все-все выгребла. А ведь они на старость спокойную были заготовлены. — Он рванул рубашку на груди, словно она душила его. На глазах выступили слезы горечи или злости.

— Что же ты, как лох, держал их на виду? — удивился Городецкий. — Деньги кого хочешь с толку собьют.

— В том-то и дело. Деньги были в мастерской, в тайнике, в специальной упаковке. Захочешь — не найдешь, а найдешь — не догадаешься... А она нашла, докопалась... Шустрая оказалась мадам...

— У-у, тварь поганая, попадись она мне, сам бы ноги выдернул! — вскипел Аргентинец.

Он был обижен и за Тоглара, которого так кинула какая-то баба-дешевка, да и за себя тоже: теперь рассчитывать на помощь вряд ли возможно.

В тот вечер Аргентинец не оставил своего старого друга наедине с горем, заночевал у него, да ему и самому требовалась мощная разрядка, а в России лучшего средства для этого, чем водка, еще никто не придумал. Много пили, говорили о проклятых бабах, о жизни, о любви, но как бы Городецкий ни был пьян, он ни разу не обмолвился о своей беде — прежде следовало вытянуть из душевного кризиса Тоглара. Картежный долг имеет право на отсрочку, и время у Городецкого еще было.

5

На третий день после запойной ночи у Тоглара поутру в квартире Городецкого раздалась телефонная трель — звонил Александр Михайлович. Он просил Аргентинца приехать к нему в гостиницу «Украина» и решить вопрос с долгом. Договорились, что Городецкий будет у него через час — «Украина» находилась от его дома неподалеку, две-три остановки на троллейбусе.

Городецкого насторожило, что Александр Михайлович живет в гостинице, он-то был уверен, что тот москвич. Это, с одной стороны, облегчало его положение: а вдруг удастся повлиять на него, все-таки Аргентинец — человек известный, в авторитете, а с другой стороны — темная лошадка хуже всего, не ведаешь, что от такого можно ожидать, не знаешь, под кем он ходит. Поэтому на встречу Городецкий пошел пешком — не хотел засветить свой «сааб»: без машины остаться — что без ног, как шутил его ассистент Эйнштейн. Раньше, в старые запретные времена, он не раз играл в «Украине» и хорошо знал гостиницу, даже в названном Александром Михайловичем «люксе» на шестом этаже бывал не раз — любил там живать одно время Алик Тайванец, пока не уехал в Германию.

Александр Михайлович был в номере один, чего, конечно, Аргентинец не ожидал. Он не стал упоминать, что бывал в этих стенах, хотя думал начать разговор именно с этого... Хозяин «люкса» встретил радушно, словно их и не связывали столь тягостные обстоятельства, пригласил на диван, у которого уже стоял сервированный столик с закусками и спиртным.

— Что будем пить — виски, коньяк, водку? — спросил хозяин, присаживаясь рядом.

Отказываться было некстати, и, хотя пить сегодня не собирался, Аргентинец сказал:

— Пожалуй, водку.

Оба явственно ощущали напряжение, и, чтобы не усугублять обстановку, Александр Михайлович заговорил первым:

— Я тут навел справки у людей, знающих вас... Все утверждают, что квартира ваша стоит миллион, может, даже и больше. Конечно, имея на руках старшее каре, я мог взвинтить ставку и выше, но что было, то было. Если вы решили расстаться с квартирой, я готов принять ее вместо денег. Район престижный, да и дома там что надо...

— О квартире говорить еще рано, — жестко перебил его Аргентинец, — четыреста тысяч — сумма серьезная, но все же подъемная при моих возможностях и друзьях. И я, как положено по нашим правилам, хочу получить отсрочку. За этот срок я, возможно, отыграюсь или найду деньги. Если же не уложусь в срок, тогда вернемся к сегодняшнему разговору. Так будет справедливо... Или я не прав?

— Пусть будет по-вашему, — не стал спорить хозяин. — Вы, Аргентинец, человек известный, авторитетный, вы вправе рассчитывать на месячную отсрочку. И от игры я не уклоняюсь, а вот вы что-то перестали приезжать в Барвиху, — и Александр Михайлович встал, давая понять, что аудиенция закончена.

В этот миг Городецкий увидел вблизи его насмешливо-умные глаза — таким взглядом мог обладать только очень независимый, влиятельный человек, уверенный в своих силах на все сто. И все это никак не вязалось с его прежним представлением о самодовольных, но трусливых чиновниках. Тут, в бывшем номере Тайванца, Аргентинец понял, что Александр Михайлович вряд ли принадлежит к сонму государственных служащих, пусть и очень высокого ранга, не был он похож даже на крупных бизнесменов — он был птицей иного полета, не зря же кентовался с потомком чекистов. Какой птицей и какого полета, это нужно было выяснить, если, конечно, удастся, но держать его за лоха нельзя было ни в коем случае, иначе можно пролететь еще раз.

Выйдя из гостиницы «Украина», Аргентинец глянул на календарь своих наручных часов «Вашерон Константин», которые тоже когда-то выиграл в карты у залетного пижона, — в его распоряжении осталось ровно три недели. Александр Михайлович, конечно, прекрасно знал правила карточного долга: отсчет идет со дня проигрыша, и первая отсрочка равна календарному месяцу. Неделя пролетела у него в душевных муках и сомнениях, теперь надо было действовать или отдавать квартиру, хотя о последнем не могло быть и речи.

Аргентинец начал активно искать деньги, чтобы попытаться отыграть в Барвихе, — туда было не принято заявляться без серьезной наличности, тем более тому, над кем висел внушительный долг. Хотя он сознавал, какие пренебрежительные взгляды ожидают его там среди сытой публики, но надо было терпеть: другого катрана, где играют постоянно и по-крупному, он не знал. Но за следующую неделю, кроме пятидесяти тысяч, что ссудил Дантес, он больше ничего не нашел: обещали на будущей неделе, через десять дней, через полмесяца, срок же, отпущенный Александром Михайловичем, истекал. А с пятьюдесятью тысячами появляться в Барвихе было просто смешно. И впервые он пожалел о своей недалёковидности — надо было

не жадничать, а брать с собой в Барвиху Эйнштейна, чтобы там к нему привыкли, а сегодня, если бы нашел деньги, сыграть с ним на пару. Так они поступали крайне редко, в чрезвычайных обстоятельствах, когда позарез нужны были деньги. В этом случае выигрыш был гарантирован стопроцентно. У них были отработаны варианты без всякого шулерства — они всегда знали, что у кого на руках и что следует предпринять. Это далось месяцами изнурительных тренировок, а главное, у них обоих был особый картежный ум и нюх.

Прошли вторая и третья недели, за которые удалось найти всего тридцать пять тысяч. Теперь даже теоретически был упущен шанс собрать нужную сумму, и Аргентинец заволновался всерьез, потерял еще несколько килограммов веса и теперь выглядел молодожаво, под стать Тоглару. Не наклюнулась ни разу и игра по заказу, когда ему подставляли подготовленную жертву: богатого человека, лоха. Иногда в таких случаях случалось выиграть и сто, и двести тысяч, хотя приходилось делиться и с «загонщиками».

Все эти дни, занимаясь поисками денег, Аргентинец нет-нет да и вспоминал совет Дантеса — решить возникшую проблему с помощью наемного киллера, но каждый раз старательно гнал от себя эту мысль, все-таки он катала, а не примитивный мокрушник. Впрочем, если эта тайна с киллером когда-нибудь выплывет, то на картежной карьере тоже можно ставить крест, кто же сядет за стол с заведомым убийцей?

Когда до назначенного срока осталось четыре дня, Аргентинец запаниковал, вновь закрылся у себя в кабинете, всерьез подумывая о самоубийстве, — только так он мог сохранить квартиру за семьей. Он даже начал писать предсмертное письмо, обвиняя Александра Михайловича в несуществующих грехах, намекая, что его проигрыш был тщательно спланирован и что его угрозами загнали в угол. Попади такая малява в руки братвы, она обеспечила бы семье гарантии, в России, и в уголовном мире особенно, отношение к ушедшему в мир иной свято, не зря поговорка гласит: о покойниках говорят или хорошо, или ничего. В общем, Городецкий все рассчитал верно, но умирать не хотелось — ни повеситься, ни пустить себе пулю в лоб, ни с помощью яда. Он перебрал множество вариантов самоубийства, но ни один не вызвал у него восторга.

Помучившись еще двое суток, Аргентинец отменил эту идею раз и навсегда, он вспомнил недавнюю аварию на Рублевском шоссе, где смерть его казалась неизбежной. Даже выдавшие виды работники ГАИ и те сказали ему: «Ну, брат, родился ты в шелковой рубашке. Значит, нужен ты Всевышнему на этой земле...» И свое малодушие, отсутствие силы воли, чтобы достойно уйти из жизни, он опять же увязал с высокой мистикой — вроде рука свыше удерживает его, желает, чтобы он жил... Эта мысль дала ему новые силы, он даже философскую базу подвел под свои малодушные метания: «Если я должен жить, значит, кто-то должен умереть».

Теперь, когда он созрел для подобной идеи, снова вспомнился Дантес... и совет его уже не показался циничным, а, скорее, мудрым. Мысль эта пришла Городецкому поздно вечером, и поскольку в его распоряжении осталось всего два дня, он решил заняться этим делом немедленно. Деньги у него были, а примерную расценку за услуги Дантес ему назвал, хотя киллер мог повысить тариф за срочность, но ведь экономить на этом не станешь, себе дороже выйдет.

Аргентинец переоделся в белый смокинг, тщательно побрился и уже через час был в «Пекине».

6

В китайском ресторане всегда можно было встретить нужных людей, но он надеялся отыскать там Хавтана, старая гвардия чтит авторитеты, и Аргентинец для него был не последним человеком в Москве. В «Пекине» Городецкий не был давно, со дня свадьбы Тоглара с Натальей. Здесь по-прежнему гремела музыка, хлопали в разных концах зала пробки от шампанского, витал привычный ресторанный шум... Да, кто-то решает вопросы жизни или смерти, а здесь звон бокалов, смех гуляк... «Вот и умирай после этого. Ничего не изменится в жизни, просто будут гулять и пить шампанское другие», — мудро рассудил Аргентинец.

Хавтана в «Пекине» не было, хотя знакомых гуляло много. Вася Головачев по кличке Сапер, узнав, что Городецкий ищет Хавтана, сказал, что только что сам приехал из «Золотого

петушка», и если Аргентинец сейчас же рванет туда, наверняка застанет хозяина в собственном ресторане. В последние дни Аргентинец обратил внимание: в какой ресторан ни ткнешься — везде полно народу, хотя время как будто не до гуляний. И он вспомнил, как его бабушка-долгожительница, прекрасно помнившая и Первую мировую войну, и Великую Отечественную, когда-то говорила: если народ валом валит в кабаки — жди войны. «Сбудется ли пророчество бабушки на этот раз?» — машинально подумал Аргентинец, ведь в Барвихе предсказывали войну с Чечней со дня на день.

Аргентинец не был завсегдатаем «Золотого петушка», хотя знал, что заведение Хавтана пользуется успехом у братвы и деловых людей, тут, не выходя из зала, можно было решить кучу проблем. Да и русская кухня Петровича не нуждалась в рекламе, про нее даже иностранцы прознали, и теперь их тут можно было встретить в любой день, особенно японцев и немцев.

Посетителей в ресторане было под завязку, как сказал швейцар, пропустивший Городецкого. В зале Аргентинец и без помощи официантов легко отыскал Хавтана — тот сидел за колонной с каким-то рослым мужиком в камуфляжной форме. Судя по двум пустым штофам шведского «Абсолюта», гуляли они долго, а возможно, был и третий, и четвертый собутыльник, уж слишком щедро был накрыт стол. «Наверное, Хавтан не станет засиживаться со всяким в камуфляже», — подумал Аргентинец и, решив не отвлекать хозяина ресторана, выбрал место так, чтобы тот мог обязательно увидеть его сам.

Так оно и произошло: минут через пять Хавтан, все-таки не забывавший, что он владелец ресторана, поднял голову на шум, раздавшийся в конце зала, и в этот момент увидел Аргентинца. Увидел и удивился: Аркаша не часто баловал вниманием «Золотой петушок». Судя по тому, что он приехал один и сидел за пустым столом, гулять он не собирался, выходило, его привели сюда важные дела. Аргентинец человек масштабный, по мелочам прислал бы своего шестерку Эйнштейна. «Значит, пожаловал с чем-то серьезным, не терпящим отлагательств», — решил Хавтан. Почему-то у хозяина «Золотого петушка» затеплилась надежда, что крученный-верченный Аргентинец, знавший всех и вся, приехал к нему с вестью о выкраденном бухгалтере Гноме: объявленная им сумма вознаграждения в пятьдесят

тысяч баксов — только за след, за наколку — могла заинтересовать и Городецкого.

Хавтан незаметно подал условный знак официанту, означавший, что его надо выдернуть из-за стола, и тот, подойдя к хозяину, что-то вроде прошептал на ухо.

— Ну, Гера, посидели мы с тобой сегодня душевно, а сейчас меня труба зовет, дела ждут, — сказал Хавтан, давая понять, что аудиенция для Самурая закончилась. — Но ты не бери в голову, наладится жизнь. Тебя я без дела и без куска хлеба не оставляю, ты ведь свой, люберецкий, а я добро всегда помню. Ты только не пей, мои халдеи, восторгавшиеся тобой, заметили, что ты теперь пьянеть стал после одного штофа, а у тебя должны быть твердая рука и верный глаз. — И Хавтан, легко поднявшись, стремительной походкой направился к своему кабинету, даже не глянув в сторону Городецкого.

Не успел Хавтан убрать кое-что со стола, как распахнулась дверь и на пороге появился Аргентинец. Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла озабоченной.

— Привет, Леня, давно тебя не видел. — Аргентинец шагнул вперед, протягивая для приветствия руку вышедшему из-за стола Хавтану.

— Да, давненько не виделись. Кажется, в последний раз на свадьбе у Тоглара погужевались, — ответил Леонид Андреевич, и они обнялись.

— Да, теперь только на свадьбах детей или на похоронах и видимся, — грустно ответил Аргентинец и сел в предложенное хозяином кресло.

— Может, выпьешь, закусишь? А то и отужинаешь... Петрович для старого кореша расстареется, он ведь тебя давно знает.

— Спасибо. Сегодня не до гуляний, если честно. А про кухню твою давно наслышан, вот свалю один груз с плеч, обещаю банкет для друзей у тебя закатить.

— Какие проблемы? Если в наших силах, Аркадий, всегда поможем, кому же помогать, если не Аргентинцу...

— Вот-вот... — Взор Городецкого затуманился, он нервно дернул плечом. — Попал я, Леня, крепко попал. Счетчик давно включен, и послезавтра последний срок. А проиграл я хату, понимаешь...

Хавтан от неожиданности даже привстал, но тут же, словно пристукнутый, плюхнулся на стул.

— Ты проиграл хату на Кутузовском? Где мы были на дне рождения твоей старшей дочери? Ей, кажется, восемнадцать тогда стукнуло.

— Да, ее, брат. Со всеми потрохами... — горько подтвердил Аргентинец.

— Кому же ты попался, Аркаша? Я что-то о таком проигрыше не слышал, хотя знаю всякое: нужное и ненужное. Видно, не из нашего круга люди?

— Угадал, Хавтан. Не из наших. Чиновник, на нефти руки нагрел.

— Что же ты долго тянул, до последнего дня? Через день и валить надо было, если не наших кровей человек...

— Тебе легко говорить, а я ведь чистый катала, у нас другая мораль, мы помним Христову заповедь — не убий. Не мог я через кровь шагнуть, понимаешь? Месяц деньги искал, никто не дал. Может, я и откатал бы... Но выбросить семью на улицу тоже равносильно убийству, да и где жить, зима на носу. И потом, сердцем я прикипел к этой хате, детям она по душе, да и старость не за горами. Так что, ты правильно меня понял, я созрел, чтобы переступить божью заповедь... В общем, нужен профессиональный киллер. Деньги на его оплату у меня есть.

— Само собой, — кивнул Хавтан, сочувственно глядя на гостя. — Без денег на эту тему и базара не может быть, киллеры не работают в кредит, а иногда даже просят предоплату. Теперь тебе за срочность платить придется, а это еще пятьдесят процентов. Но дело не в деньгах... Ты же понимаешь, на тебя первого могут подумать, учитывал этот вариант? — озабоченно спросил хозяин кабинета.

— Времени навалом было, все предусмотрел. — И Аргентинец стал обстоятельно излагать свои доводы. — Во-первых, никто не станет распространяться о катране в Барвихе, о том, какие люди там катают и какие суммы проигрывают, — это смерть для них, пресса нынче жадна до сенсаций. Во-вторых, как ты мудро заметил, мне не было смысла откладывать убийство до последнего дня, резон был уничтожить его сразу. В-третьих, там, за столом, выяснилось, что тех, кто

занят нефтью, шмаляют чуть не через день. И потому у моего Александра Михайловича врагов много, он даже называл кое-кого. Есть еще одна пикантная деталь в убийстве нефтебаронов: после контрольного выстрела в голову их еще и нефтью из бутылки поливают — мода или традиция такая пошла, чтобы не гадали, за что. Мы тоже этой модой воспользуемся. А ментам копать нет выгоды. Им лишь бы закрыть дело, им висяк ни к чему. Одним бизнесменом больше, одним меньше. И последнее: завтра я позвоню ему и скажу — приезжай, смотри, я решил отдать хату, — уже спокойнее подытожил Аргентинец.

— Да, застраховался ты как будто капитально, — задумчиво почесал затылок Хавтан. — Но по мне, чем меньше вариантов и алиби, тем надежнее. В одном ты прав, менты не любят «новых русских» еще больше, чем бандитов. А если кто и шепнет, мол, хлопнули из-за квартиры, думаю, на эту версию не клюнут, спишут на нефть.

— Есть ли у тебя надежный человек на примете? — спросил, устало откинувшись в кресле, Аргентинец.

— Ну, теперь кого только нет, — усмехнулся Хавтан. — Ты ведь знаешь главный закон политэкономии: спрос рождает предложение. — Он оживился, кивнул на дверь, из-за которой доносился ресторанный шум. — Вот только что я ужинал с одним офицером. Может, он и сгодится...

— Что за человек? Ему можно доверять? — Аргентинец явно не ожидал, что все может устроиться так быстро.

— Я знал его еще парнишкой, до армии, а потом потерял из виду на семь лет. Он люберецкий, кликуха Самурай. Служил в морском десанте, заканчивал армию в особом подразделении спецвойск. После службы остался во Владивостоке, женился там, заочно закончил Высшую школу МВД, работал в милиции, в порту. В конце концов понял, что все российские деньги гуляют в Москве, и вернулся домой, попал в особые подразделения МВД. Но от люберецкого прошлого никуда не денешься, да и государство за рисковую работу гроши платит. Щипал он кое-кого потихоньку в Приморье. И здесь то же самое, чувствую, практиковал. Ну, тут и пересеклись наши стежки-дорожки, и я понял, что свой человек нам в МВД не помешает. Несколько раз он выручал нас по-крупному. В общем, был у меня в органах свой человек...

— Почему был? — невольно перебил его Аргентинец.

— Да, к несчастью, был. — Хавтан сожалеюще развел руками. — Работа у них не приведи Господи, за год десятерых своих ребят похоронил, стали нервы шалить. С женой неполадки — она у него оттуда, из Владивостока, — не прижилась в Москве, квартиры нет, в общем, бросила его и уехала домой. А тут среди его людей словно вирус завелся — страх, и как следствие — увольнение за увольнением: не хотят молодые за гроши жизнью рисковать. А с новой командой, когда не чувствуешь за спиной своих, идти на штурм очередной бронированной двери не в жилу. А может, уже и возраст берет свое... Короче, подал рапорт об увольнении. А профессионал-то хоть куда: прошел школу диверсионной подготовки, в электротехнике шурупит, а бомбу из подручных материалов изготовить — раз плюнуть. Могу с ним переговорить, если хочешь, — предложил Хавтан, потянувшись к звонку, чтобы кликнули Самурая.

Городецкий потер в раздумье щеку.

— Нет, этот мне не подходит. Я его видел в зале — у него затяжная депрессия, по себе знаю. Потом я, как человек старых правил, ментам не доверяю — ни бывшим, ни даже люберецким. Ты мне найди кого-нибудь из наших, кто из зоны вернулся, сидел по серьезной статье, не баклан какой-нибудь, кому деньги позарез нужны, у кого дети голы-босы, семья голодает. Ему богатого пришмалять в радость будет. А план у меня разработан, нужен только исполнитель.

— Сколько ты готов заплатить? — уточнил по деловому Хавтан.

— Десять тысяч, как принято сегодня, я консультировался, плюс еще пять тысяч за срочность. Будет выжимать еще две-три штуки, соглашайся, если человек серьезный.

— Хорошо, замечано, — хлопнул ладонью по столу хозяин ресторана. — Завтра до обеда сиди дома, он сам тебе позвонит, назовется, скажем, Жорой, пригласит куда-нибудь пообедать и договориться об очередной картежной игре. Место встречи назовешь сам. Лады?

Городецкий кивнул и поднялся с кресла. Уже направившись к двери, он неожиданно вернулся к столу.

— А ты, Леонид Андреич, прав: твой Самурай действительно представляет интерес. Может, на что и согдится. Дай-ка

мне его телефон, может, я его телохранителем возьму. Только предупреди, пусть с выпивкой завяжет, я сам редко пью и пьяниц не люблю, у них другая психология...

— Ну, вот и лады, — явно обрадовался Хавтан, — а то я расстроился, что ты недооценил моего человека. А в телохранители — это в самый раз... Ты не смотри, что он как медведь, я видел его в спортзале: пантера, гепард, удав. Жаль будет, если Самурай уйдет к другому хозяину. — На этом они и распрощались.

Покидая ресторан, Аргентинец внимательно осмотрел зал — вроде новых лиц не прибавилось. То же самое проделал на автостоянке — ни убыло, ни прибыло ни одной машины; обладая фотографической памятью, он мог поручиться за это. Осторожность никогда не помешает, тем более что Александр Михайлович — темная лошадка, и заниматься им вплотную, узнавать — кто он и какие силы за ним стоят, у Городецкого времени не было, а теперь, после разговора с Хавтаном, в этом и надобность отпала. Но действовать надо осторожно, чтобы Александр Михайлович, не дай бог, не раскусил его затею...

7

Но Аргентинец или переоценил свои возможности, или, наоборот, недооценил интуицию удачливого партнера. После того как Аргентинец нанес визит в гостиницу «Украина», Александр Михайлович почувствовал, что хозяин хаты на Кутузовском расставаться со своей квартирой ни при каких обстоятельствах не собирается, а четыреста тысяч ему в такой короткий срок не собрать — время шальных денег в Москве прошло. Значит, остается лишь один известный и хорошо отработанный в России вариант. Криминальные круги как-то сами собой пришли к убеждению, что проще убить кредитора, своего, так сказать, благодетеля, у которого вчера в ногах валялся, прося займы, чем возвращать ему долги. Оттого уже который год изо дня в день отстреливают в России банкиров и богатых людей.

По такому верному пути может пойти и Аргентинец, хотя репутация у него доселе по этой части была безупречной. Свои долги всегда возвращал в срок, а по отношению к проигравшим

вел себя достойно, если не сказать благородно, московская молва хранила о нем десяток подобных легенд. Впрочем, в том и состоит репутация каталы высокого полета. Но Александр Михайлович любил поговорку: береженого бог бережет, и за Аргентинцем был устроен жесткий догляд — поставили на прослушивание его телефон и организовали плотное наружное наблюдение, когда он выходил из дому. Так что постоялец гостиницы «Украина» хорошо знал, как у Аргентинца идут дела и почему он не появляется в Барвихе, он не ошибся в своем прогнозе: денег тот собрал чуть больше четверти от нужного, а значит, оставался один проторенный путь...

Поэтому, когда Александру Михайловичу доложили, что Аргентинец приехал в «Золотой петушок», тот велел «работать» тщательно и не светиться — с Хавтаном у жильца с шестого этажа были особые счеты. По правде сказать, он несколько обеспокоился: не сошлись ли тут два интереса, — и срочно послал к ресторану свой «лендровер», начиненный сложной аппаратурой. Но записать разговор в кабинете директора не удалось. Откуда Александру Михайловичу было знать, что Слава Неделин по кличке Картье в свое время не только сделал Хавтану прослушивающее и просматривающее устройство, но и поставил дорогой защитный экран, потому люди Александра Михайловича остались с носом.

Наткнувшись на совершенную технику по защите стен от прослушивания, наблюдающие доложили об этом Александру Михайловичу, и хозяин «лендровера» велел всем возвращаться на Кутузовский, к дому Аргентинца, занять там исходные позиции и перейти на круглосуточное наблюдение — операция подходила к завершающему этапу. Человек, сорвавший куш в Барвихе, знал наверняка, зачем Аргентинец приехал к Хавтану, но ему важно было другое — кого нанял Городецкий и какой план они разработали, а главное, где предстоит охота на него: в гостинице, на улице, на трассе или в Барвихе? Если б Хавтан только знал, кого хочет убить Городецкий, он не стал бы искать заказного киллера, а сам бы достал из потайного места пистолет-автомат «айграм», который все-таки выкупил у Самурая, отправился на охоту за постояльцем гостиницы «Украина» и вряд ли потребовал бы с Аргентинца плату за свои «ритуальные услуги».

Впервые со дня проигрыша и аварии Городецкий спал спокойно. Решение принято, цель ясна, исполнитель есть, и он не терзался сомнениями. Оставалось главное, как и в картах — чтобы не подвела госпожа Удача, уж очень у нее капризный, непредсказуемый характер. Живя в волчьем мире, Аргентинец впервые ощутил на своей шкуре гладиаторский закон: или ты, или тебя — и он вынужден был сделать свой выбор.

Ровно в одиннадцать часов позвонил человек, назвавшийся Жорой, и пригласил куда-нибудь пообедать, а заодно договориться о серьезной пулке на предстоящую субботу-воскресенье — в общем, Хавтан закрутил карусель. Место встречи Аргентинец обдумал заранее, для этого лучше всего подходила оживленная в этот час Тверская, и он сказал:

— Хорошо, суббота у меня свободная. А насчет обеда не возражаете? Значит, встретимся через час у старого ресторана «Якорь» у Белорусского вокзала?.. Знаете? Я человек пунктуальный, у меня день расписан по минутам, пожалуйста, не опаздывайте. — И Аргентинец положил трубку. Все шло как по маслу, и он с удовольствием потер руки, кажется, сегодня госпожа Удача встала с любимой ноги.

Об аванс киллеру он не подумал ни вчера, ни с утра, а сейчас бросился к тайнику и тут же задумался: за срочность тоже причитается аванс? В конце концов, деньги вещь щепетильная, а киллеры, по слухам, народ страшно привередливый и капризный, как примадонны, вероятно, от избытка заказов и щедрого финансирования. Аргентинец на всякий случай сделал два свертка из стодолларовых купюр: в пять тысяч и в две с половиной тысячи. И сразу поспешил в гараж, выходить из автомобиля он не собирался, лишь на минуту тормознет перед рестораном и заберет исполнителя в машину. Тут, в «саабе», он получит инструкции и деньги, если, конечно, сговорятся.

Молодой человек, лет тридцати — тридцати пяти, в новомодном просторном кашемировом пальто с ярким шарфом, переминался с ноги на ногу у входа в «Якорь». Еще издали увидев его, Аргентинец недовольно подумал: «Если бы за мной был хвост, то не нужно быть семи пядей во лбу или заглядывать в анкету этого «джентльмена», чтобы понять, что парень имел ходку в зону и, возможно, не одну». Об этом убедительно говорили землистый цвет лица, жидкие посеченные волосы

и манеры. Хотя он вроде и не демонстрировал их, а всего лишь пританцовывал на месте тощими ногами, обутыми в модные туфли на тонкой кожаной подошве, не рассчитанные на конец ноября, и время от времени резко зыркал по сторонам — жесты, повадки зоны он впитал навсегда, их никогда, ни под каким костюмом не скроешь. Выходило, что Хавтан прислал серьезного человека.

Аргентинец, как и наметил, подъехал ближе, приоткрыл дверцу и, высунувшись, негромко окликнул:

— Жора!

В мгновение ока, чего, наверное, делать не следовало, щеголь очутился в машине, и «сааб» рванул по Тверской.

Если бы Городецкий знал, что он как в воду глядел: люди Александра Михайловича, знавшие об этой встрече, еще до приезда Аргентинца вычислили киллера и сделали несколько его снимков, даже успели сообщить об этом шефу, от которого получили строжайший приказ не потерять киллера сегодня из виду, особенно после встречи с Городецким. Оттого за лихо рванувшим вперед белым «саабом» следом сорвались сразу три неприметные «Волги». Они, попеременно отрываясь вперед, повели машину заказчика, и сразу стало ясно, что Аргентинец повез наемного убийцу на место будущего преступления — в Барвиху.

Хавтановский щеголь представился в машине Борей и без разрешения закурил, чувствовалось, что он продрог. Погода и впрямь была отвратительная: сырая, промозглая, с ветерком, пахнувшим зимой и снегом. Словно читая мысли Аргентинца, молодой человек, попыхивая сигаретой, небрежно сказал:

— Погода нам в масть. В такую слякоть и холод вечером на улицах ни души, жуть как не люблю свидетелей, — Чувствовалось, что оживший Жора-Боря в тепле был не прочь прихвастнуть.

Городецкий, тоже не знавший, как приступить к делу — то ли с денег начать, то ли с объекта, то ли как-то прощупать исполнителя на предмет профпригодности, — ответил тому в тон:

— Ну, любишь не любишь, а иногда выбирать не приходится. Кстати, двое свидетелей у тебя уже есть...

Парень не сразу въехал, о каких свидетелях идет речь, и в машине на миг зависла короткая пауза, но потом до него

дошло, и он от души расхохотался. Смеялся, запрокинув голову, искренне, и Аргентинец сразу почувствовал в нем азартного человека.

— Ну, вы даете, рассмешили, ей-богу. Вы не в счет, вы заказчики, а их не сдают — это одно из правил нашей профессии. К тому же, вы люди высокой масти, авторитеты. Вас заложить — значит подписать себе приговор. Выручить таких людей для меня святое дело. Я попаду — к кому пойду разбираться, помощи искать: к вам, к Хавтану. Оттого я все дела побоку, по первому звонку к вам, сказали — дело не терпит отлагательств...

— Да, что уж говорить, горит, Боря, синим пламенем, — поддакнул Аргентинец, уверенно обгоняя очередную «Волгу».

— Не волнуйтесь, если пуля решит ваши проблемы, мы ее выпустим точно в цель. А чтобы надежнее, с гарантией, можно и из калашникова дать пару очередей, — заверил Жора-Боря.

— Тебе нужна подробная информация, кого ты должен завалить? — перешел наконец к делу Городецкий.

— Нет, лишнее, — отмахнулся парень, стряхивая пепел за окно. — Я перестал быть любознательным после первой отсидки — такие знания укорачивают жизнь. Но на фотографию я бы глянул, если есть, конечно, чтобы не спутать и не сомневаться потом, что не того приשמал. Хорошие деньги требуют качественного исполнения дела, — намекнул хваткий Боря об оплате, что облегчило для Городецкого дальнейший ход разговора.

Но это Аргентинец все-таки оставил напоследок и, вынув заранее заготовленную фотографию, протянул ее наемному убийце. Тот, глянув на цветной снимок, засмеялся:

— Да вы шутник. Тут трое мужиков, кого же из них мне отправить на тот свет? Всех, что ли? Тогда оплата совсем по другому тарифу. Группа, команда — это уже за сто штук тянет, даже для своих...

Тут уж рассмеялся Аргентинец:

— Ты не спеши всех-то сразу валить, посмотри внимательнее, может, кого и пожалеть надо.

— И то верно, — осклабился Боря, разглядев на снимке Аргентинца. — Но, все равно, еще двое остаются на фоне картины. Кого надо убрать-то?

— А это тебе экзамен, психологическая задача — вычисли, кого я тебе отдаю на заклятие, — с некоторой долей издевки сказал Городецкий. — Я даже загадал: попадешь в точку, значит, выгорит наша затея. Но если и не отгадаешь, то отступать поздно — не отменю операцию, хотя я человек очень суеверный...

На моментальном снимке, сделанном «Полароидом», они были засняты в тот роковой день проигрыша, когда хозяйка галереи «Зимний сад» затеяла у себя в Барвихе девичник, и Аргентинец впервые увидел все великолепие загородного дома: и оранжерею, и домашнюю галерею с великолепными картинами. Какая-то дама и засняла их там с Александром Михайловичем у очаровательного пейзажа «Осень в Подмосковье», а третьим на фотографии был Альберт Янович. Возможно, Аргентинцу не следовало говорить о своей суеверности и о том, что он загадал, уж слишком серьезно киллер принял его откровения и надолго углубился в фотографию, на лбу у него даже появилась испарина. Он всерьез посчитал, что должен вычислить, кого из этих двух джентльменов следует убрать, вроде бы от этого зависел его престиж. Аргентинец почувствовал это, но переиначивать ситуацию не стал, пусть ломает голову.

И вдруг щеголь со сбившимся на шее шарфом с волнением выпалил:

— Вот этого молодого человека лет тридцати-тридцати пяти, пониже ростом, славянина, — и показал на Александра Михайловича; потомок чекистов, стоящий рядом с ним, был похож на «лицо кавказской национальности» и за славянина никак сойти не мог.

— Молодец! — радостно выдохнул Городецкий, он не хотел, чтобы киллер ошибся, действительно был суеверен. — Ну, раз отгадал, вникай в дело дальше, — теперь уже без шуток заговорил Аргентинец. — Мы уже на Рублевском шоссе, едем в Барвиху. Видишь, дорога свободна от ментов, президент находится в Германии с официальным визитом, — тут нам крепко повезло, иначе бы этот вариант исключался. Нет хозяина — не будут в Барвиху шляться всякие высокопоставленные господа, из-за которых трасса берется под особый контроль, поэтому ночью она будет освещена слабовато. У меня есть несколько

вариантов операции, но перенапрягать я тебя не буду, остановимся на самом простом, а значит, и более надежном. Не выгорит, сорвется завтра — а завтра в катране большая игра и к тому же пятница, — будем отрабатывать другой план.

— Вам виднее. Я даже рад, что вы сами все продумали, а я, поверьте, не дрогну, не промахнусь... — вмешался хавтановский протеже.

— Есть вариант... — Аргентинец замялся, подыскивая нужное слово, все-таки он был картежник, а не бандит. — Ну, прямо в Барвихе... По ходу игры «объект» любит покурить на открытом балконе. Мы играем в бильярдной на третьем этаже, а напротив достраивается такой же четырехэтажный особняк, сейчас там работы законсервированы до весны. Можно оттуда, хоть с третьего, хоть с четвертого этажа, расстояние там не более сорока метров: хлопнуть его из снайперской винтовки с глушителем — это с гарантией, промазать на фоне освещенного балкона с такой близости невозможно. Но вырваться потом из поселка на машине — это лишний риск, чужую тачку обязательно приметят. По мне лучше устроить ловушку на трассе, тут достаточно крутых поворотов и мест, где сбрасывают скорость, поэтому есть возможность действовать наверняка, с контрольным выстрелом, а в нашем случае еще с одной необходимой процедурой...

— Какой? — нетерпеливо спросил вошедший в азарт киллер.

Только сейчас, по расширенным зрачкам, Аргентинец понял, что парень или курит травку, или, хуже того, сидит на игле.

— Надо будет облить труп нефтью, чтобы дать ментам наколку, за что, мол, наказали барыгу. Бутылку из-под «Херши», наполненную соляжкой, я привез, в багажнике.

— Знаю, слышал о такой традиции, — ответил спокойно посланец Хавтана.

— Сейчас, минут через пять, мы остановимся, — предупредил Городецкий, сбрасывая скорость. — Месяц назад я сам попал тут в аварию, но по божьей милости остался жив. Я думаю, что это гибельное место — для нас в самый раз. Посмотришь все сам — удобная позиция, крутой поворот, лес вплотную подступает к дороге, хочешь не хочешь — затормозишь, сбросишь скорость. И схорониться тебе есть где, и для машины я место приметил.

Через несколько минут они остановились на обочине и пошли, не спеша, к лесу. Аргентинец захотел еще раз посмотреть на место своей аварии. Когда они дошли до «жигулей», раскуроченных до самого остова, на Барвиху пронеслась одинокая серая «Волга». Сидевшие в ней люди усекли и белый «сааб», и две фигуры у самого леса. Нетрудно было догадаться, что именно здесь готовится засада на Александра Михайловича, тут же последовала команда идущим вслед машинам не ехать дальше, а поджидать «сааб» на въезде в город, в районе кольцевой дороги.

Киллер, уже живший предстоящей операцией, выбором места остался доволен. Однако, подумав, изрек:

— Думаю, ни автомата, ни контрольного выстрела не понадобится. Тут нужна надежная советская мина, надежнее не бывает, или противопехотная, или противотанковая.

— А я думал, обойдемся калашниковым, мина все-таки, на мой взгляд, стопроцентной гарантии не дает, — засомневался Аргентинец.

— Не скажите, — не согласился Жора-Боря. — Это смотря в каких руках. Мина, бомба как раз дают полную гарантию, оттого в Москве в последнее время валом пошли взрывы. Я, как специалист, предсказываю, что будущее за взрывами.

— Значит, надо искать минера? — обеспокоенно спросил Аргентинец, — такой расклад был ему явно не по душе.

— Зачем? — усмехнулся киллер и глянул на заказчика, как на малое дитя. — Я сам Афган прошел «от и до», орден имею, сотни мин душманам ставил и сотни их разминировал, так что знаем, что почему...

— Ну, тогда другое дело, — повеселел Городецкий. — Мина так мина, профессионалу лучше знать.

— Но мину покупать надо, а такая, как нам нужна, надежная, безотказная, радиоуправляемая, тянет дороже, чем калашников, — охладил его пыл киллер Боря, явно не желавший тратить деньги из своего гонорара.

— О чем базар, я аванс привез, — заверил Аргентинец, согласный теперь на все.

— Ну, тогда у меня только один вопрос, — энергично сказал исполнитель, наверное, он уже ощущал приятную тяжесть денег в кармане, — какая у него машина, и как мне не спутать

ее с другими? Теперь иномарок развелось, как вшей в зоне, все богатеи на «мерседесах» разъезжают...

— Профессионал! Ценю тонкий подход к делу, — польстил парню Аргентинец. — Но в этом загвоздки не будет. Машина у него джип «лендровер», английская. Не в единственном числе, но в Москве их мало, как и «роллс-ройсов». А спутать не спутаешь. — Аргентинец широко улыбнулся. — Когда я был у него в гостинице «Украина», выходя, пристроил на автостоянке под заднее крыло его «лендровера» небольшой маячок, настроенный на определенную волну. Кстати, тоже английское изделие, я их штук десять когда-то приобрел, чтобы за должниками гоняться, — ты бы видел их лица, когда я их находил в самых неожиданных местах, — хохотнул Городецкий. — А эта, последняя, видишь, по более серьезному делу пригодилась. Когда джип появится в радиусе трех километров, вот на этой коробочке возникнут свечение и слабый зуммер, значит, машина приближается, тут уж не спутаешь, — и Аргентинец передал Боре вещицу, очень похожую на дешевую пластмассовую зажигалку.

— Вот бы мне такую штучку, — по-детски восхитился киллер. — Мне тоже иногда надо знать, кто возле меня ошивается.

— Сделаешь дело, десять штук от меня в подарок, — щедро пообещал Аргентинец — персонального киллера тоже иметь неплохо, время смутное, и впереди просвета на годы и годы не видать.

— Для меня все ясно, место идеальное, даже мину закапывать или маскировать не надо. Машины, въезжающие в кривую, вписываются по внутреннему радиусу, ближе к защитным ограждениям, я за них и положу ее, — сказал довольный афганец, когда они возвращались к застывшему на обочине «саабу».

В машине Аргентинец, вдруг спохватившись, озабоченно сказал:

— Не мешало бы тебе иметь сотовый телефон, чтобы в любой момент и в любой точке можно было с тобой связаться. Но это поправимо. Сей же момент заедем в «Билайн» и приобретем тебе такую игрушку.

— Обижает, начальник, — заулыбался киллер Боря. — Фирма веников не вяжет, а она у меня есть, — и вынул

из-за пазухи радиотелефон, — фирма делает гробы. Поэтому и машина есть с подложными номерами, и документы выправлены как следует, вот только мины нет в арсенале, но к вечеру она у меня будет...

Теперь настал момент для денег, дальше тянуть не было смысла, и Городецкий спросил:

— Я привез половину суммы, оговоренной с Хавтаном, нормально?

— Плюс еще половину за срочность, значит, семь с половиной штук, — твердо сказал киллер, давая понять, что здесь он шутить не намерен.

— Все верно, такую сумму я и прихватил, — и Аргентинец передал ему обе пачки.

Боря внимательно пересчитал деньги и сказал:

— Я служил в Афганистане с узбеками, хорошие ребята, надежные. Так вот, оказывается, у них есть пословица: пересчитай деньги, даже если найдешь их на дороге. Мудрая пословица, она меня от многих неприятностей спасала.

— Теперь осталось согласовать самую малость, — подытожил Аргентинец. — Расписать завтрашний день, а точнее — ночь. Часов до десяти вечера ты свободен: отдыхай, отоспись, приведи в порядок машину, документы. Я позвоню тебе около одиннадцати и скажу одно слово — «пора». Это в том случае, если операция не откладывается, не срывается по не зависящим от нас обстоятельствам. После звонка ты сразу, не мешкая, выезжаешь на место действия. Кстати, оденься потеплее и попроще. Через час позвоню тебе еще раз, чтобы убедиться, что ты на месте. Услышав мой голос, ответишь: «Я вас не слышу, перезвоните». Это на всякий случай — там, в районе правительственной трассы, может работать радиоперехват, и они среагируют на любой подозрительный разговор. Ты сам оттуда никому не звони. Ждать придется и час, и два, но не больше, он обычно выезжает раньше других. Полагаю, к женщине, я слышал не раз, как он говорил по сотовому телефону: жди, обязательно приеду, — и вскоре бросал игру.

— Как мне доложить об исполнении боевого задания? — спросил бывший минер Советской армии.

— Это я тоже продумал. Нервишки будут шалить не только у тебя, но и у меня. Как только я получу подтверждение,

что ты на исходной точке, я тут же отправлюсь в «Золотой петушок» — теперь он по пятницам и субботам работает как ночной ресторан. Там я тебя и подожду...

— В «Золотом петушке» и окончательный расчет? — поинтересовался Боря-киллер, видно было, что он не любит откладывать дела в долгий ящик.

— Да, там на месте, — подтвердил Городецкий. — Заодно и отметим успех нашего совместного предприятия. Годится?

— Вполне. Я думаю, мы все рассчитали верно. — Парень был спокоен, как будто все уже было позади, и это радовало старого каталу.

— Где тебя высадить? — спросил он, когда они уже ехали по городу.

— Тормозните у метро неожиданно. Тут вход прямо у дороги, я и нырну в подземку.

Так они и поступили. И люди Александра Михайловича, ехавшие следом, все-таки упустили киллера из виду — проворный оказался хлопчик.

8

Поездка к месту завтрашней засады на Рублевском шоссе заняла почти два часа, пора было и обедать. Хорошее расположение духа всегда прибавляло Аргентинцу аппетита, и он почему-то снова повернул на Тверскую, в «Якорь». Этот ресторан и прежде, несмотря на свою неказистость, славился кухней, и у него был постоянный круг клиентов, а сейчас, после реставрации, он стал еще лучше. Городецкий мог гарантировать, что это лучший рыбный ресторан столицы, а он рыбу любил, знал в ней толк. Настроение у старого игрока было куда лучше после общения с афганцем, чем все последние дни. Правда, первое впечатление было не в пользу минера, но понравилась его хватка, вопросы задавал дельные, толковые, а главное, он отличался верностью, надежностью. Городецкий-психолог хорошо знал людей и мог в этом поручиться. Жаль, что эти лучшие человеческие качества служили теперь дьяволу, но это уже судьба, и совсем другой и долгий разговор.

Обедал Городецкий в «Якоре» долго и обстоятельно, спешить ему было некуда, теперь от него мало что зависело — опять все упиралось в госпожу Удачу.

В тот вечер он лег раньше обычного и встал поздно. Жена со старшей дочерью звали его с собой на открытие какой-то выставки в известной галерее «Нескучный сад», которую держала энергичная, обладающая прекрасным вкусом Ирина Туманова, но Аргентинец отказался: ему почему-то казалось, что бывший афганец может позвонить и попросить о помощи, но звонка так и не последовало. Весь день он ломал голову, как бы выведать, будет ли сегодня в Барвихе Александр Михайлович, — о том, что сегодня там большая игра, он знал точно.

После десяти вечера, когда игроки уже обычно находились в бильярдной, Аргентинец позвонил в Барвиху. Трубку почему-то подняла хозяйка дома на втором этаже. Аргентинец представился, сказал ей несколько комплиментов — в тот день, когда она впервые продемонстрировала игрокам домашнюю галерею, Городецкий оказался наиболее осведомленным из них в живописи; особенно порадовало хозяйку, что он высоко оценил главную работу в ее коллекции — картину Эдуарда Шагеева.

Поговорив с ней минут десять, Аргентинец как бы невзначай спросил, прибыл ли сегодня на игру Альберт Янович: мол, надо с ним проконсультироваться по одному вопросу, и он, возможно, подъедет к ним через час. Хозяйка весело ответила: «Да, он здесь. Весь расфранченный, и, как всегда, вместе с Александром Михайловичем.

Я слышала, что они после полуночи отправляются в какой-то ночной клуб и подбивают в компанию других. Но это вряд ли им удастся, наши игроки карты на стриптиз не поменяют. Ни за что на свете...»

Все складывалось как нельзя лучше. Обрадованный Аргентинец, прежде чем дать команду афганцу, открыл бутылку шампанского «Крюг» и, подняв бокал, мысленно пожелал себе удачи и лишь затем позвонил по телефону. Услышав голос минера, сказал, не скрывая радости, условленное — «пора!». Потом стал потихоньку собираться в «Золотой петушок» — давно он не ходил в ночные рестораны... Поглядывая на часы, он незаметно допил бутылку французского шампанского. В половине двенадцатого он связался с Борей-киллером

вторично и, услышав от него оговоренное: «Я вас не слышу, перезвоните», — положил трубку и отправился в хавтановский ресторан, окрыленный надеждой.

В «Золотом петушке» стоял шум, гвалт, разноязыкий говор — ползала иностранцев: немцев и японцев. Судя по броским театральным проспектам, лежавшим на каждом столике и у тех, и у других, приехали они после спектаклей с намерением продолжить «культурную программу». Гуляющих немцев Аргентинец видел не раз, они в этом смысле очень похожи на нас: шумны, заводятся с пол-оборота, не знают удержу и, не в пример иным европейцам, по-русски щедры и сентиментальны. Японцев в такой массе, да еще в ночном ресторане, он никогда не видел, а те чинные обеды в советское время, когда они группами трапезничали в «Пекине», в счет не шли: и время было другое, и страна не та, и японцы теперь стали иные.

Тоглар после возвращения из Франции рассказывал, что в Париже во всех дорогих и знаменитых магазинах, где продают эксклюзивные вещи — будь-то одежда или обувь, меха, аксессуары, ювелирные изделия и даже антиквариат, — до девяноста процентов покупателей японцы. А в бутиках Тьерри Мюглера, Кензо, Сони Рикель, Пако Рабана, Живанши иногда выстраиваются очереди сплошь из японок и японцев. И теперь Аргентинец смотрел на наших курильских соседей глазами Тоглара и видел, что все они изысканно одеты, и мужчины, и женщины, полыхают бриллиантами, сверкают дорогими часами и редчайшими изумрудами — богатая страна, богатые граждане.

Аргентинец хотел увидеться с Хавтаном и поблагодарить его за киллера и за помощь вообще, но хозяина в ресторане не оказалось; метрдотель объяснил, что Леонид Андреевич улетел с друзьями в Карелию поохотиться на кабанов, там уже, оказывается, недели две лежит снег.

С эстрады объявили, что через десять минут начинается программа варьете, в которой должна была принять участие и знаменитая группа «На-На». В зале приглушили яркий свет, и Аргентинец поспешил за столик в ту половину зала, где гуляли японцы, и сделал заказ на двоих: минер должен был появиться в разгар эстрадной программы, через час-полтора.

Обслужили Аргентинца без проволочек, чтобы не беспокоить клиента во время представления. Все закуски, над которыми

колдовал Петрович, выглядели так привлекательно — тот всегда старался делать их с сюрпризом, с секретом, — что у Городецкого разыгрался аппетит, впрочем, это он связывал с приподнятым настроением. Он чувствовал, что на сей раз фортуна не должна отвернуться от него, и даже поймал себя на мысли, что всю дорогу к «Золотому петушку» пытался что-то напевать и насвистывать — такого давно с ним не случалось. И в тот момент, когда в зале, погасив свет, зажгли лампы на столах и ярко вспыхнула огнями на возвышении эстрада, Аркадий Ильич налил стопку водочки кристалловского завода и, пожелав себе и минеру Боре удачи, с удовольствием выпил. Первая рюмка согрела душу, — то ли от великолепных и продуманных под водку закусок, то ли от настроения, но он уже давно не испытывал такого удовольствия и снова налил себе рюмочку.

Он не боялся сегодня напиться, хотя и был за рулем. Хавтан оказался сущим гением, — может, оттого к нему валит народ, — он предложил посетителям услугу, возможно, первый в мире, жаль, что не запатентовал как ноу-хау. А услуга заключалась в следующем: любой клиент на машине, перебравший в «Золотом петушке», мог рассчитывать на профессионального водителя, который доставит хозяина на его машине прямо домой. Обычно в ресторане всегда дежурили подле швейцара два-три шофера, но если понадобится, он мог вызвать по телефону любого из состоявших у него на договоре. Такой сервис не додумался предложить ни один ресторан мира — ай да Хавтан, ай да «синий»! А еще говорят, что русские лишены коммерческой жилки. Помощью такого водителя и собирался сегодня воспользоваться Городецкий.

Уже вовсю шло представление, и время от времени Аркадий Ильич поднимал голову от тарелок и заглядывался на эстраду. Там старались: контрактная система и хавтановские порядки не давали возможности халтурить, рассчитывать только на заказы оркестру, тут тоже действовали гладиаторские правила: пой и пляши в полную силу, а не можешь — освободи место тому, кто сделает это лучше тебя. Впрочем, если бы Аргентинец получше был знаком с современной эстрадой или почаще смотрел телевизор, то сегодня узнал бы много примелькавшихся лиц: время быстро уравнило концертные и ресторанные подмостки — так, между прочим, заведено во всем мире.

Увлеченный то ли музыкой, то ли разносолами, Аргентинец на время забывал о киллере, бывший афганец должен был появиться с минуты на минуту, если, конечно, Александр Михайлович не задержался в Барвихе или не передумал посетить ночной клуб. За результат Городецкий не волновался, чувствовал, что за дело взялся профессионал — с миной ему и в самом деле было куда сподручнее, чем с автоматом.

В какой-то момент, когда он увлеченно вместе с японцами аплодировал молодой певице с прекрасно поставленным голосом очень приятного тембра, Аргентинец почувствовал, что кто-то вроде бы подсел к нему с затемненной стороны. Полагая, что это наваждение от долгого ожидания афганца, он повернулся; чутье, нюх не подвели его — за столом сидел... улыбающийся Александр Михайлович.

— Вы кого-нибудь ждете, Аркадий Ильич? — ровным, любезным голосом, как обычно, спросил роковой картежный партнер.

Первое, что произошло молнией Аргентинца: подлец афганец — продал! Но он зря потревожил улетающую к небесам душу минера. Александр Михайлович явился в «Золотой петушок» по следам своих подручных, которые наблюдали за Аргентинцем до последнего момента и, как только он подъехал к ресторану, тут же доложили об этом в Барвиху. А Боря-киллер не сдал ни его, ни Хавтана, он ничуть не хвастал, когда говорил, что они заказчиков не сдают. Еще вчера, после поездки Аргентинца с этим парнем к месту аварии «жигулей», люди Александра Михайловича вычислили предстоящий расклад событий. Нашли они и место, где киллеру удобнее всего будет схоронить машину, чтобы без хлопот выскочить на трассу и гнать в сторону города, подальше от взрыва. Там они ввечеру и устроили засаду.

Когда афганец, сообщив Городецкому, что он у цели и готов к операции, выходил из машины с радиоуправляемой миной, его вмиг скрутили сильные руки двух бывших особистов. Потом они долго били и пытали минера: кто заказал убийство и кого он должен был уничтожить? Но тот, не дававший присяги на верность ни Хавтану, ни Аргентинцу, не проронил ни слова. Время поджимало — все-таки рядом правительственная трасса, — и подручные Александра Михайловича, оглушив неудачливого киллера, бросили его в машину на заднее сиденье, а рядом

положили заготовленную мину, предназначенную для их шефа. И, уже отъехав подальше, подорвали ее. Через день почти все российские газеты и телевизионные каналы сообщат, что на правительственной трассе неизвестный террорист, готовивший диверсию против высших должностных лиц государства, подорвался на собственной мине в тот момент, когда выходил из машины. Как ни крути, взрыв на Рублевском шоссе в ту ночь все же произошел, но какой...

— А кто ты такой, чтобы я перед тобой ответ держал? Кого надо, того и жду, — еще не очнувшись от транса, дерзко ответил Аргентинец. В этот момент он очень пожалел, что на столе нет тяжелого стеклянного графина с водкой или пивом, как бывало во времена его молодости. Сейчас бы хватил его по голове и в суматохе дал деру через кухню на улицу — черный ход он знал. А в «Золотом петушке» народ работает тертый, ментам такой фотопортрет опишут, и, скорее всего, «лица кавказской национальности», что вовек не отыскать.

Оружие при себе Аргентинец не носил, держал в машине, а момент был для него исключительно благоприятный. В том, что операция провалилась и теперь он сам прижат к стене, а может, даже и приговорен, сомневаться не приходилось, и потому он был спокоен и готов огрызнуться перед смертью. Был у Городецкого еще один шанс: убивать его в «Золотом петушке» не станут — хорошо знают, кому принадлежит ресторан, — Хавтан тут же из-под земли достанет, репутация заведения — основа его успеха.

— А я думал, что вы нашего общего знакомого ждете, — небрежно бросил Александр Михайлович и выложил перед неудачливым партнером цветную фотографию молодого человека в светлом кашемировом пальто у входа в ресторан «Якорь».

Аргентинец и не подумал взять ее в руки или хотя бы наклониться к снимку. Видимо, почувствовав перемену в настроении Городецкого, незваный гость резко переменял тональность разговора:

— Ты, падла, хочешь знать, кто я такой? — И, приблизив к нему лицо вплотную, выдохнул, как по башке ошарашил: — Я — Македонский! Может, слышал? — и вновь легко откинулся тренированным телом на высокую спинку обтянутого тугой бычьей кожей стула.

В зале гремела музыка, слышался разноголосый гомон гостей, на эстраде вихлялась очередная примадонна. Но ничего этого Аргентинец не видел. Он даже не заметил, как знаменитый беглец из «Матросской тишины» плеснул водки в бокал, предназначенный для его убийцы, выпил одним махом, придвинул к себе тарелку с закуской. Аргентинец как-то враз обмяк, посерел, потерял дар речи и лишь минут через пять, очнувшись от ступора и перестав глотать воздух посиневшими губами, жалко вымолвил:

— Я же не знал!!!

— Незнание законов не избавляет от ответственности, кажется, так говорил прокурор на твоём первом суде, — зло подытожил Македонский. И тут же, налив Аргентинцу полный бокал водки, чтобы тот наконец пришел в себя, уже не так резко добавил: — Выпей и вытри сопли... Убивать тебя не собираюсь, живи и помни мое великодушие. Ты меня тоже многому научил, теперь крупный выигрыш в карты вряд ли мне будет доставлять удовольствие. К тому же, я не хочу лишать Москву живой картежной энциклопедии, но заруби на носу: ты проиграл мне не только хату, но и жизнь, усек? А квартиру я у тебя заберу. — Он усмехнулся, заметив, как Аргентинец дернулся при этих словах. — Заберу, заберу... Послезавтра утром придешь в гостиницу с документами, и поедем переоформлять. Проиграл — умеи платить, — жестко говорил Македонский. — Я только сегодня узнал, что эту квартиру ты, оказывается, выиграл в секу. Нехорошо, брат, за чужую недвижимость так стойко держаться. — Македонский легко, пружинисто поднялся. На прощанье ткнул пальцем в фотографию киллера, все еще лежавшую на столе, сказал, как отрезал: — А на него зла не держи, не сдал ни тебя, ни того, кто вывел его на тебя, хоть я догадываюсь, кто он... Запомни еще одно: ты меня никогда не видел и не знаешь, как я выгляжу, особенно сейчас. — И знаменитый киллер, гроза авторитетов и банкиров, по-кошачьи вкрадчиво прошел по затемненной стороне вдоль стены и растворился в глубине зала.

После ухода человека, которого падкая на сенсации пресса называла даже санитаром нашего больного общества, Понтием Пилатом России, а то и Робин Гудом, Аргентинец, как ни странно, быстро пришел в себя. Теперь, когда он чудом остался жив,

потеря квартиры уже не казалась ему трагедией. Действительно, потерявши голову, по волосам не плачут. Загулял он в ту ночь в «Золотом петушке» крепко, как не гулял никогда. Загудел не от души, когда кутеж в радость, а разошелся от черной тоски, когда нет покоя ни в тебе самом, ни вокруг. Через час-полтора после ухода Македонского он уже брался и с немцами, и с японцами, и вскоре те и другие соединились у него за столом. Объявилась у него в тот вечер и дама сердца — долговязая крашенная под блондинку немка, увешанная драгоценностями, словно новогодняя елка. По-русски она знала лишь одно слово — «карашо»! Впрочем, в ту ночь оно было в ее устах везде к месту — гуляли они поистине по-барски, по-купечески — ка-ра-шо! Так, как об этом иностранцы читали в старых русских романах: шампанское лилось рекой, пели и плясали цыгане, и оркестр до утра играл по заказу Аргентинца.

Проснулся он утром от холода в своей машине на стоянке хавтановского ресторана. От денег, что принес он Боре-киллеру, в карманах осталось всего двести долларов. Аргентинец, стараясь припомнить подробности вчерашнего застолья, машинально глянул в зеркало заднего вида и не узнал себя — сатанинская ночь не прошла бесследно. Глаза глубоко ввалились, под ними появились мешки и тяжелая синь; скулы, поросшие жесткой щетиной, обострились как у мертвеца. Когда он попытался поправить прическу, заметил, как у него дрожат руки. Он вспомнил, что вчера окончательно проиграл квартиру и жизнь, и ему так жаль стало себя, семью, свой дом, что он заплакал навзрыд, как не плакал никогда с давних детских лет.

В таком подавленном состоянии он просидел в машине час, может, два, возвращаться домой в подобном состоянии физического и душевного разлада было нельзя — сегодня воскресенье, вся семья в сборе. Да и не хотелось возвращаться на Кутузовский, он не был готов к тому, чтобы сообщить домоладцам: не сегодня-завтра придется оставить эти роскошные апартаменты. Сегодня, даже с жуткого похмелья, он наконец уразумел, в какой тупик себя загнал, теперь и самоубийство, еще вчера спасительное для семьи, для дочерей, потеряло всякий смысл. Как говорится, поймали за руку: хотел убить того, кому проиграл, а это запахло, об этом любая шпана скажет. Впрочем, то, что он проиграл легендарному Македонскому,

в миру Александру Солонику, наверное, и самоубийство не отмыло бы, тот своего никому не уступит. Выходит, как и говорил Хавтан, он действительно попал под паровоз.

Стоять у «Золотого петушка» было нелепо, и Аргентинец, немного очухавшись, поехал куда глаза глядят. Наверное, он отправился бы к Георгию-Эйнштейну, но тот снова сменил квартиру, и патрон не знал его нового адреса. И вдруг в усталом мозгу Городецкого мелькнуло имя старого кореша — Тоглар. После сегодняшней ночи они сравнялись с Фешиным в несчастье, и Аргентинец развернул машину на Кутузовский.

Городецкому повезло, Тоглар был дома и тут же на звонок открыл дверь. Но какие же разительные перемены произошли с ними с того дня, когда Аргентинец успокаивал своего друга, который извелся после побега своей жены Натальи. Они словно поменялись ролями, и вместо «здравствуй», как и в прошлый раз, прозвучало: «Что случилось? На тебе лица нет!» Только спрашивал на этот раз хозяин дома.

— Беда у меня, Костя, большая беда, — только и успел сказать Городецкий и от расшалившихся нервов снова заплакал, как и в машине.

Даже с похмелья Городецкий увидел, что Тоглар воспрянул духом, выглядит как прежде, спокойно и с достоинством, в доме снова чисто и уютно. Он даже подумал, может, Наталья, часом, вернулась, но быстро отринул эту мысль — просто Тоглар вышел из кризиса.

Как и в прошлый раз, Тоглар провел своего друга на кухню и, понимая, что тот нуждается в срочном «лечении», быстро накрыл стол на двоих, решив составить Аргентинцу компанию. По-русски в одиночку не опохмеляются, нужна солидарная душа, ведь отходить надо не только физически, но и душой. Выпили по первой молча, вяло зажевав кусочком колбасы. Потом почти сразу и по второй, и только после этого Городецкого прорвало:

— Попал я, Костя, крепко попал. Хату проиграл, а теперь еще и жизнь...

Тоглар слушал молча, не перебивая, и лишь подливал по ходу печальной повести рюмку за рюмкой. Аргентинец поведал и о проигрыше в Барвихе, и о том, как нанял киллера, чтобы убить того, кому задолжал, даже свое желание уйти из жизни

не скрыл. Рассказал и про Борю-киллера, которого уже нет в живых, и о Хавтане, подыскавшем ему надежного человека. Все в деталях, не спеша, только Александра Михайловича не назвал ни по фамилии, ни по кличке, просто сказал, что проиграл одному крутому человеку из молодых, которого Тоглар знать не может. Признался и в том, что целый месяц искал четыреста тысяч и не мог найти, как приходил и к нему за деньгами, но, увидев тогда Тоглара совершенно убитым, конечно, о проигрыше ничего не сказал.

— Когда у тебя стрелка назначена с ним? — деловито спросил Тоглар, выслушав историю Городецкого.

— Завтра утром. Я должен прийти к нему с документами, и мы поедем переоформлять квартиру.

— Ты не горюй, еще не вечер, — успокоил Фешин. — Мне кажется, я знаю, как сохранить твою квартиру. Ты должен всего четыреста тысяч? Мы их ему найдем. Дадим в два, в три раза больше, только пусть подождет недели две-три.

— Он уже не верит ни одному моему слову и потребует серьезные гарантии или залог, — заволновался Городецкий, надежда вновь забрезжила перед ним, хотя и верилось в нее с трудом.

— Ну, гарантии мы ему дадим, — заверил Тоглар. — Если мое имя для него ничего не значит, я попрошу Дантеса или Сапера, чтобы подтвердили мои гарантии. Впрочем, я могу под залог предложить ему свою хату, наверное, она его устроит.

— Ты что, совсем с ума сошел? Ты сам всю жизнь был бездомный, а теперь из-за меня ставишь ее на кон. Не надо, как-нибудь выкручусь, — ответил, трезвея, Аргентинец.

— Ты за меня не беспокойся и за хату не переживай, — впервые улыбнулся Тоглар. — Тут затевается одно дело, оно решит и твои, и мои проблемы. Я ведь знаю, что значит квартира для тебя, да и для твоей семьи. А сейчас давай выпьем еще раз, и я расскажу тебе о своем плане, может, мне и твоя помощь понадобится. — И Тоглар предложил тост: — За дружбу, за друзей, за братанов!

Выпили и стали закусывать жирной селедкой и соленьями с базара. Аргентинец оживился, почувствовав проблеск надежды, он знал, что Тоглар слов на ветер не бросает. «Не зря же я сюда сердцем, душой тянулся. А может, божья

рука меня к нему направила?» — даже как-то суеверно подумал Городецкий, готовый выслушать любое предложение хозяина дома. Тоглар сразу и перешел к делу.

— Чтобы ты приободрился, взял себя в руки и поверил, что твоя проблема разрешима, я открою тебе одну важную и опасную тайну. — Тоглар испытующе смотрел на Городецкого, и тот кивнул, что он — весь внимание. — Так вот, «чехи» выкрали меня не для того, чтобы я подделывал гарантии солидных банков и изготавливал нужные бумаги за подписью первых лиц государства и крупных компаний, хотя я и это делал, когда надо было. Задача передо мной была поставлена другая... Учти, Аркаша, это я открываю тебе одному... Я должен был сделать идентичный по всем параметрам доллар.

Условия были созданы для этого первоклассные: я получал все, что запрашивал, вплоть до консультаций нужных мне ученых и участия в моих экспериментах лучших лабораторий. Признаюсь, мне даже польстило такое предложение: я — против могучей финансовой империи США. Мне давно хотелось как-нибудь напакостить американцам по большому счету — за стремление переделать весь мир на свой лад и мерить все своим аршином, а точнее, долларом. В этом, не скрою, была моя личная корысть. И ты знаешь, мне это удалось! Когда в Ростове я сказал тебе, что увел у «чехов» казну, я не соврал, но я взял деньги, которые сам же и изготовил, и унес столько, сколько смог!

— Но это же фальшивые деньги! — вконец отрезвев, разочарованно произнес Городецкий — надежда, поманив его пальцем, глупо хихикнув, упорхнула вновь.

— Так-то оно так, да не совсем. Вот уже больше года я трачу эти деньги по всему миру. Да и «чехи» повсюду ими расплачиваются, мешками в банки завозят, и ни одного прокола. Я сделал такие, какие от меня требовали, — настоящие, их называют супербанкнотами.

— Ну, ты даешь! Действительно художник! Вот это класс! Утер все-таки нос этим спесивым янки, я рад, поздравляю! — и Аргентинец от души пожал руку Тоглару.

— Я человек умеренных запросов, — продолжал Тоглар, — того, что вывез из Чечни, должно было хватить до конца жизни, но женитьба внесла коррективы в мои планы.

Как я горевал, ты видел. Долго на судьбу обижаться не мужское дело, надо жить дальше, ведь теперь у меня появился интерес, дело для души и сердца — живопись. Но все мои планы, чего ни коснись, требуют денег, и я решил еще раз тряхнуть стариной.

— Ты хочешь снова печатать деньги? — испуганно спросил Аргентинец, ему вовсе не улыбалось прыгнуть из огня да в полымя.

— Нет, что ты, — рассмеялся Тоглар, — на это ушло три года и миллионы долларов, не считая покровительства чеченского государства. Снова мне такого дела не поднять. Кроме того, кураж весь вышел, интерес пропал, а без этого браться бесполезно, да и зачем, мне ведь много не надо. Я решил прогуляться в Чечню, наведаться по старым адресам и взять часть того, что мне причитается. Уже недели две вплотную этим занимаюсь, кажется, обмозговал все до мелочей, и время на меня работает, говорят, со дня на день война с Чечней начнется.

— Это точно, — прервал его взволнованный Аргентинец. — Я ведь в Барвихе в последнее время катаю, а там высокие чиновники только об этом и талдычат, да еще те, кто уже успел нажиться на этом...

— На носу Новый год, — как о давно решенном продолжил Тоглар, — это время для меня самое подходящее, но с войной было бы удобнее — получилось бы под шумок. Мне нужно побыть там день, от силы полтора дня. Все должно произойти быстро, неожиданно и, конечно, все надо тщательно организовать.

— Я пойду с тобой, — по-молодецки азартно выпалил Аргентинец и приосанился, готовый сейчас на любые подвиги.

Тут серьезно говоривший Тоглар не выдержал и от души расхохотался:

— Ах, Аркадий, ты бы посмотрел на себя в зеркало. Все, поезд ушел, отходили мы свое. Я иду от безысходности, мне никто ничего на блюдечке не принесет. Нет, ты уж дома оставайся, но помочь ты мне можешь.

— Как? — теперь растерянно спросил Аргентинец.

— Я все продумал, рассчитал, но один я не справлюсь. Мне нужны еще два-три человека, но гораздо моложе меня, бывшие десантники, спортсмены, хорошо знающие оружие

и ведающие, на что идут. А главное, чтобы можно было им доверять или как-нибудь контролировать их, от таких сумм у кого хочешь голова может пойти кругом. Деньги — большое испытание для души.

— Впрочем, до поры до времени в то, что именно ты намерен выкрасть, их можно и не посвящать, — подсказал Городецкий, он уже вживался в роль помощника, которую определил ему Тоглар.

— Резонно, вполне резонно, — согласился хозяин. — Тем более что деньги хранятся в специально изготовленных упаковках, по два миллиона долларов в каждой, и внешне похожи на пачки разных бланков бухгалтерской отчетности. Хорошо обвязаны, под тонкой прозрачной пленкой. Даже взяв в руки, не сразу поймешь, что это контейнер-тайник, над ним тоже бились с год очень умные люди.

— Ну, Наталья-то твоя разобралась гораздо быстрее этих мозгокрутов, — съязвил повеселевший Городецкий.

— Да, но она прежде вычислила, что деньги где-то есть в доме. А помощь твоя нужна вот в чем, — продолжил Тоглар, не обращая внимания на колкость Аргентинца, — ты знаешь кто есть кто на сегодняшний день, ты и подбери мне команду. Не получится, пойдём к Хавтану, у него есть свои люди, попросим его помощи. Поскольку ты остаешься в Москве, ты должен быть гарантом моей безопасности в случае удачи, а для этого у тебя на руках должны быть все данные о тех, с кем я иду. — Тоглар замолчал на минуту, видимо, обдумывая еще какие-то детали, касающиеся участия Городецкого в операции.

— У меня есть сорок пять тысяч, я хочу отдать их тебе на подготовку твоего марш-броска, — вывел его из задумчивости Аргентинец.

— Спасибо, они мне очень кстати, — поблагодарил Тоглар, понимая, что приятель предлагает последнее. — Но я тоже не пустой: перед самым побегом... — он споткнулся на слове, — моей жены я дал Эйнштейну сто тысяч на какую-то важную игру, уж очень он просил, убеждал, что чувствует фарт. Потом он надолго куда то пропал и буквально после твоего прихода вдруг заявляется и приносит сто пятьдесят тысяч, говорит, это, мол, моя доля, признался, что крупно выиграл. Значит, Бог — есть, на эти деньги я и готовлюсь. Но придется отстегнуть хотя

бы по двадцать тысяч аванса тем, кто пойдет со мной, так что и твои бабки не будут лишними...

Просидели они, обсуждая детали предстоящей операции, еще часа два. Аргентинец оживал с каждой минутой, он поверил, что судьба и на этот раз смилостивится над ним, сохранит его дом, не даст разорить семейное гнездо. За это время Аргентинец неоднократно набивался в поход вместе с Тогларом, но тот каждый раз его отговаривал и отсылал к зеркалу. После очередного отказа Городецкий не выдержал и пошел в коридор к высокому, в человеческий рост, зеркалу в старинной венецианской раме. Оттуда вдруг раздался смех, а затем жалкое признание:

— Да, ты, Костя, наверное, прав, не гожусь я для вылазки в Чечню, — после чего Городецкий перестал настаивать на месте в команде.

Тоглару надо было по своим делам съездить в загородный дом в Переделкино, и ближе к обеду они расстались. Городецкий тоже поспешил домой, но теперь он возвращался к себе в другом настроении — гроза, кажется, миновала.

9

Утром в понедельник Аргентинец психологически был готов к встрече с Македонским. То, что он мог предложить и двойную, и тройную сумму за проигрыш, придавало ему уверенности, да и люди, готовые стать его гарантами, имели вес в обществе, и беглец из «Матросской тишины» не мог этого не знать. Поехал он к Македонскому на «саабе», потому что уже пережег свой страх и после встречи хотел вплотную заняться делами Тоглара. Время и обстоятельства поджимали, Новый год на носу, а в случае удачи, как планировал Тоглар, 31-го он мог быть уже в Ростове с добычей. Тогда для них с Тогларом с нового года начался бы новый отсчет жизни, и кошмар с проигрышем и Натальиной кражей был бы позади.

Сейчас Аргентинец выглядел уверенно и спокойно, но это была не уверенность трезвого ума, а скорее эйфория от поддержки, что оказал ему Тоглар, заручившись благосклонностью своих влиятельных друзей, потому старый катала не

контролировал четко ни своих слов и жестов, ни того, какие маневры пытался совершить Македонский. Не будь он в такой эйфории, Аргентинец заметил бы тех, кто повел его от автостоянки до входа, и вычислил того, кто вроде дожидался лифта на шестом этаже, а на самом деле страховал встречу. Но свобода, радость, что он избежал петли, пьянили его, туманили разум, и жизнь виделась ему уже без капканов и ловушек, в ярком свете тех астрономических сумм, что в скором времени раздобудет его друг Тоглар.

Македонский, как и в прошлый раз, находился в номере один. Но сегодня хозяин номера встретил гостя менее любезно и без накрытого стола, однако Городецкий не огорчился — рассиживаться тут он не собирался. Предложив жестом Аргентинцу занять кресло, Македонский сразу взял быка за рога:

— Принес документы?

— Нет, — твердо и даже как-то по-мальчишески залихватски ответил Городецкий, глядя прямо в глаза киллеру номер один, как иногда называла пресса Македонского после его таинственного побега из «Матросской тишины».

— Почему? — не сумел скрыть удивления Македонский. — Значит, ты принес деньги?

— Нет, и денег я не принес, но готов через две недели вернуть миллион.

Македонский, что-то обдумывая, прошелся по комнате.

— У тебя есть залог? — Македонский знал, что такой авторитетный катала, как Городецкий, еще имеет право на отсрочку долга, хотя он сам уже давно не признавал ни воровских, ни государственных законов и не чтит никаких авторитетов, он жил по библейской заповеди: не сотвори себе кумира.

— Есть у меня и залог, и гарантии, — небрежно бросил Аргентинец, закинув ногу на ногу и постукивая пальцами по ручке кресла.

— Меня больше устроил бы залог, — сказал Македонский, не переставая вышагивать по номеру.

— Залог — точно такая же квартира на Кутузовском, только гораздо интереснее, перепланированная и отремонтированная.

— Кто хозяин и почему он отдает под твой залог свою хату? — быстро, как на допросе, среагировал Македонский.

— Тебе, наверное, этого не понять... Это мой старый друг, кликуха Тоглар, может, слышал? — еще небрежнее сказал по-глупому заважничавший Аргентинец.

— Тоглар? — Македонский резко остановился, будто напоролся на преграду, видно было, что он и не пытается скрыть изумления. — Разве он не погиб четыре года назад в автомобильной катастрофе?

— Нет, слава богу, он жив, — счастливо выдохнул Городецкий. — Хотя похороны ему кое-кто тогда организовал, это точно. Могила и по сей день на Востряковском кладбище есть...

— Ну и дела! — Хозяин кабинета обрел прежний невозмутимый вид. — Я тоже рад, что такой человек остался жив. Значит, суждена ему долгая судьба, — и тут же, не давая гостю опомниться, попытался выудить, кто же стоит за Городецким: — Ну, а гарантии чьи будут?

— Хотя бы того же Тоглара, а если этого мало, — Дантеса, Васи Головачева, кликуха Сапер, Шамана, — сблефовал под конец потерявший голову от успеха Аргентинец.

— Серьезные люди, серьезные... — Македонский отошел к окну и опять задумался. — Ты ведь знаешь, я живу по своим законам и воровских не чту. Но тут особый случай, не хочу из-за тебя всех «синих» против себя восстанавливать. Но от тебя я гарантии не приму, ты свой ресурс доверия исчерпал. — Аргентинец возмущенно дернулся в кресле, но хозяин остановил его жестом руки. — Пусть в течение завтрашнего дня позвонит мне кто-нибудь из тех, кого ты назвал, сам и поручится за твои гарантии.

— Нет базара, будет завтра звонок, — сказал Аргентинец, вставая и считая, что важный для него разговор успешно закончен.

И тут Македонский, как бы сомневаясь, задал еще один, вполне невинный вопрос:

— Почему Тоглар так легко ручается своей квартирой? Ведь найти миллион за две недели непросто, ты вот не мог сыскать даже четыреста тысяч за целый месяц?

Тут Аргентинцу, будь он внимательнее и собраннее, следовало бы уклониться от ответа, ибо все было решено, но он вдруг, не подумав, радостно брякнул:

— Не бойсь, найдем... Через несколько дней он сгоняет в Чечню, тряхнет там кое-кого по старой памяти, и с деньгами не будет проблем...

Македонский, словно компьютер, молниеносно просчитавший ситуацию, понял, что легендарный Тоглар по мелочам в опасную Чечню не сунется, и есть смысл узнать, что это за деньги, если ему так щедро сулят из них миллион вместо четырехсот тысяч. Внезапно он перекрыл Городецкому путь к дверям и спокойно сказал:

— Не спеши, Аркадий Ильич. Ну-ка, садись и расскажи подробнее, какие деньги ждут Тоглара в Чечне?

Городецкий в запале уже хотел послать Македонского куда-нибудь подальше, но вдруг осекся под взглядом резко преобразившихся серо-стальных глаз, а тот, почему-то перейдя на шепот, от которого у Аргентинца вмиг заледенела спина, напомнил:

— Ты забыл одну существенную деталь: ты проиграл мне не только хату, но и жизнь, но если хочешь выйти отсюда живым, расскажи подробнее о планах Тоглара. Они, кажется, и для меня представляют интерес...

Городецкий, поняв, что попал в ловушку, оттолкнул Македонского и кинулся к незапертой двери, но ловкая подсечка хозяина номера сбила его с ног. Когда он поднял голову, над ним, рядом с Македонским, стоял еще один молодчик, и было ясно, что живым отсюда действительно не выберешься.

Продержался Аргентинец всего четыре часа, и к вечеру он сломался. Уходил он от Македонского как побитая собака, дав слово держать его в курсе всех событий, касающихся вылазки Тоглара в Чечню.

Тройной обгон

Карлен Татлян после возвращения из Парижа резко преобразился, главной причиной тому стали деньги, что удалось ему неожиданно заполучить у жены Тоглара. Конечно, он не собирался тратить их так безрассудно, как его друзья гангстеры с четвертого этажа, хотя деньги эти ему дали даже легче, чем Абреку с Крисом в Лондоне. В Карлене проснулся типичный

американец, который считает каждую копейку, даже если он и не беден. Он сам обратил внимание на то, что, когда пользовался деньгами из бездонного саквояжа братьев Цуцаевых, тратил их щедро, с размахом, даже порой с кавказским шиком. Но со своими деньгами, которых было гораздо больше, расставаться так легко не хотелось, он корил себя за это, но поделаться с собой ничего не мог. Даже Оля заметила в нем неожиданную перемену, но она по-женски объяснила себе появившуюся у жениха скупость тем, что он собирается жениться, знает, что семья требует денег.

Еще в салоне самолета «Эр-Франс», возвращаясь с победой из Парижа, Карлен подумал, а не сыграть ли свадьбу с Оленькой на Новый год, но в последний момент передумал, понимал, что дело Тоглара важнее и не терпит отлагательств, и позже похвалил себя за сдержанность, иначе, если сначала объявил бы, а затем отложил дату венчания, у невесты испортилось бы настроение. Откладывать назначенную свадьбу — все-таки дурная примета. Но в том, что у Карлена серьезные намерения, не сомневалась ни сама Ольга, ни ее родители: какие наряды он привез ей из Парижа, какие украшения, а свадебное платье — просто закачаешься! Оля часто запиралась по вечерам у себя в комнате, надевала его и часами сидела у зеркала, оно ей нравилось все больше и больше. Куда более весомый подарок, подтверждающий серьезность его намерений, он сделал через неделю после Парижа.

В этом районе, на улице Ямского Поля, рядом с родителями невесты, заканчивались отделочные работы в девятиэтажном кирпичном доме, тоже с пентхаусом, подземными гаражами, спортзалом и бассейном, с охраной не только дома, но и территории — в общем, дом был рассчитан на очень состоятельных граждан, и квадратный метр в нем стоил около пяти тысяч долларов. Квартиры свободно продавались, и Карлен смекнул, что ему опять выпала удача. Иметь квартиру рядом с родителями невесты — большое удобство: пойдут дети, будет к кому отводить, да и район ему нравился, он уже привык к нему. И он решил, не мешкая, купить четырехкомнатную квартиру на имя жены, поставив в известность об этом Ольгу и ее родителей. То-то было переполоху в доме Харитоновых — судьба дочери решалась так быстро и счастливо!

Карлен попросил лишь об одном, чтобы его не беспокоили по этому поводу недели три, уж слишком он занят до Нового года, чтобы сами все отбирали, осматривали, оформляли, а деньги он готов уплатить в любой день и час. Не возражал он и против персональной отделки квартиры по каталогам, как гласило заманчивое объявление.

А времени у Татляна действительно было в обрез — события в Москве развивались странным образом. Наталья не обманула: человек по фамилии Фешин, Константин Николаевич, в самом деле проживал по указанному адресу на Кутузовском, и это был тот самый жених, чью свадьбу Карлен некогда, в прекрасный августовский день, заснял у «Пекина».

Телефоном Тоглар пользовался крайне редко, и ему звонили не часто, да и то одни и те же люди: картежник Аргентинец и некий щеголь по имени Георгий. Вот его-то Карлен частенько встречал на всяких тусовках, и кто-то даже обронил, что Георгий большой специалист по балету. Однажды Карлен просидел в машине у подъезда Тоглара четыре с половиной часа — он поставил себе в тот день задачу непременно увидеть хозяина, усвоить распорядок его дня, а если удастся, и на гостей его глянуть. По всем статьям выходило, что Тоглар жил затворником, даже отшельником.

В тот день «гравер» вышел из дому в обеденное время, и Карлен подумал, что он поедет куда-нибудь обедать, но тот заглянул по соседству в гастроном «Украина» и купил две бутылки армянского коньяка в фигурных бутылках из хрусталя, подтверждающих подлинность напитка. Карлен зашел вслед за ним в магазин и увидел легендарного Тоглара вблизи. Чувствовалось, что «гравер» не первый день в запое, видимо, сильно переживал историю с побегом жены или не мог перенести ее подлой кражи, которая привела его к финансовому краху. Однако, судя по тому, что Карлен знал о чистоделе, тот вовсе не был похож на сентиментального слюнтяя, убивающегося из-за воровки-жены, значит, догадка насчет финансового краха более верная. Эта мимолетная встреча с «гравером» в гастрономе натолкнула Карлена на мысль, что станок для печатания фальшивых долларов, возможно, не принадлежит Фешину и, скорее всего, находится не в Москве, ведь напечатать пять или даже десять миллионов долларов

на отлаженной технике, чтобы развеять грусть и печаль, — работа двух дней.

Однажды Карлен дожидался «гравера» с утра... Судя по тому, как разительно отличался этот Тоглар от того, что покупал армянский коньяк в гостинице «Украина» несколько дней назад, запой у него прошел. От Тоглара в то утро даже на расстоянии исходила энергия: и держался он иначе, и выглядел гораздо моложе, и одет был изысканно — прикид из «Ягуар-стиля» спутать ни с чем невозможно. Карлен сам там впервые по настоящему прибарахлился на деньги своих приятелей. В таком виде, в такой форме Тоглар вполне походил на фальшивомонетчика высокого класса — были в нем статья, манеры человека из этого сословия. И даже эти мелкие, несущественные на первый взгляд, детали говорили, что Карлен наконец-то вышел на прямой след.

Когда Тоглар вывел из гаража свой «порше» и направился за город, сердце Карлена от радости екнуло, он решил, что «гравер» поехал на подпольный монетный двор, и рванул следом. Когда они въехали друг за другом в Переделкино, Карлен подумал, что если печатный станок находится здесь, то лучшего и безопаснейшего места придумать было просто нельзя, и вновь восхитился Тогларом.

Подкатив к двухэтажному особняку за высоким деревянным забором, Тоглар въехал во двор и надолго исчез в доме. У Карлена машина была напичкана всевозможными приборами шпионского свойства, и перво-наперво он попытался определить, есть ли в доме кто еще — разговор можно было легко прослушать. Но Тоглар в особняке был один: он ясно слышал его шаги, какой-то стук и даже уловил мелодию, которую «гравер» пытался насвистывать, — судя по всему, медведь с его ушами дела не имел. Карлен ожидал, что через час-полтора где-нибудь в подвальном отсеке загородного дома заработает печатный станок, — и это он мог с уверенностью зафиксировать, потому что такой агрегат потребляет огромное количество электроэнергии, и он эту разительную перемену в сети засек бы сразу. Но прошел час, два, а умный прибор не подавал никаких признаков жизни. Тогда Карлен отъехал подальше и, приметив безлюдную стройку — окна второго этажа особняка Тоглара выходили как раз на недостроенную виллу, — поднялся на

второй этаж и стал осматривать в мощный бинокль дом, в котором исчез «гравер». Карлен сразу наткнулся на Тоглара: тот стоял в большой прекрасно освещенной комнате у мольберта и самозабвенно рисовал. Татлян даже видел, как он что-то с увлечением напевал или насвистывал. Что ж, на этом наблюдение можно было пока закончить...

Но в тот же день поздно вечером Карлен снова вернулся в Переделкино: его не оставляла мысль, что подпольный монетный двор все же находится в подвале особняка. Прежде чем ехать, Карлен-Норман позвонил Тоглару на Кутузовский и, убедившись, что тот дома, быстро рванул в писательский городок. Погода, холодный осенний ливень и кромешная тьма самых коротких суток в году — все благоприятствовало тайному визиту в пустой загородный дом. В разведшколе их научили многому, и любой домушник, квартирный вор позавидовал бы способностям Карлена. В особняк он проник без труда, пробыл там почти два часа, время от времени названивая Тоглару на Кутузовский по сотовому телефону и убеждаясь, что хозяин дачи находится в тепле и уюте своего сталинского дома.

В то, что печатного станка здесь нет и не было, он поверил скоро, все оставшееся время он упорно искал тайники, где могли быть спрятаны деньги или какие-нибудь бесценные клише для печатания долларов, но и в этом ему не повезло. Зато с полчаса он с удовольствием пробыл в мастерской, осмотрел работы, обозначенные размашистой подписью «К. Фешин», — чувствовались твердая рука, зоркий глаз и обостренное чувство цвета, он бы сам с удовольствием приобрел работы знаменитого «гравера». В разведке, как и в науке, существует понятие «отрицательный результат», ему порою рады не меньше, чем положительному исходу, но Карлен был явно разочарован. Уходя, он на всякий случай навтыкал кругом «жучки» для прослушивания, словно чувствовал, что тут грядут важные события.

Более ясная картина вырисовывалась после прослушивания телефона Аргентинца, близкого друга и соратника Тоглара. Тот, оказывается, крупно проигрался и метался по Москве в поисках денег — Городецкому нужно было добыть аж четыреста тысяч. Если бы станок у Тоглара был бы под рукой, то какие проблемы: поработай два-три часа и выручи кореша.

Отчаянное положение Аргентинца косвенно подтверждало, что ни денег, ни станка у Тоглара под рукой нет.

Иногда Карлена так и подмывало посвятить в свои планы друзей-гангстеров с четвертого этажа, разработать с ними план и выкрасть Тоглара, чтобы выжать из него все тайны, связанные с фальшивыми долларами. Но благоразумие брало верх, внутренний голос шептал ему: «Не спеши, ты вышел на самого «гравера», жди терпеливо своего часа. Рано или поздно Тоглар пойдет к своему станку или к своим хозяевам, а может, компаньонам, если таковые есть, и будет просить или попытается отнять то, на что имеет право». «Граверы» никогда не меняют профессии и, как правило, они люди жесткие. Таким в последний раз и показался ему Фешин.

Конечно, в такой ситуации Карлену было не до свадьбы, тем более не до квартиры, которую уже облюбовали тещь с тещей и Оленька, и теперь занимались ее оформлением. Деньги, ровно шестьсот тысяч долларов, он занес в освободившемся дорожном саквояже братьев Цуцаевых. Сейчас, после внезапно приваливших шальных денег из Парижа, которых ему должно было хватить на первое время, Карлен иногда подумывал: а не сдать ли Тоглара властям? В этом случае резко подскочил бы его авторитет на службе, а это значит уважение, более высокое звание, да и в историю приятно было попасть: «граверов» в мире единицы, и удачливых ловцов столько же, так, в связке, они и остаются в документах и в памяти, а тут речь шла о «гравере», изготовившем супербанкнот! Одни мемуары, выпусти он их после замены стодолларовых купюр, могли бы принести славу и миллионы, тут было о чем подумать. Но всегда в таких случаях ему вспоминался ранее нелюбимый Париж — какая, оказывается, жизнь открывалась там человеку с деньгами! И эту жизнь он хотел показать своей суженой Оле, он мечтал положить к ее ногам сказочный Париж, а для этого нужны миллионы и миллионы, теперь-то он это знал.

Нетерпение Карлена было так велико, что он уже не удовлетворялся возможностью на дому прослушивать телефоны Тоглара и его друга Аргентинца, а перенес прослушивающее устройство к себе в машину и часто подолгу караулил у дома Тоглара, словно мог не поспеть за ним после какого-нибудь экстренного сообщения или вызова. И однажды его упорство

было вознаграждено. Поутру, когда он стоял недалеко от шикарного подъезда Тоглара, удалось перехватить телефонный звонок Аргентинца.

Видимо, разговор носил тайный характер, и Аргентинец по привычке что-то недоговаривал, но суть беседы, несмотря на недомолвки, была ясна не только Тоглару, но и Татляну. Карлену, слушавшему этот разговор, невольно хотелось дать совет таким бывалым людям, как Тоглар и Городецкий: да поставьте вы на свои телефоны скремблеры, это избавит вас от многих несчастий.

Аргентинец после приветствия сказал:

— Я нашел ребят, которые готовы пойти с тобой к «чехам». Оба соответствуют твоим требованиям: спецназ, прекрасная подготовка, молоды, с высшим образованием. Один работал несколько лет в особых подразделениях МВД, знает нынешние ментовские порядки.

— Почему двое?.. — перебил вдруг Тоглар.

— Пока двое, они вместе служили. Третьего подберут завтра, выбор есть. Я назвал условия, — продолжал Аргентинец, — по двадцать тысяч аванса, а по возвращении, в случае успеха, по «лимону» каждому. В чем состоит их задача, я не распространялся, да и они пока не особо интересовались. Здесь тебе карты в руки. Когда мне назначить стрелку от твоего имени и где?

Тоглар обдумывал недолго:

— Послезавтра. Думаю, у меня дома не стоит, лучше на даче в Переделкино. Ты привези их ближе к вечеру, часам к пяти, сейчас рано темнеет. — И разговор оборвался.

Карлен-Норман сидел как оглушенный, он вызнал то, что хотел. Тоглар собирал команду, чтобы отправиться к каким-то чехам. Но сколько бы Карлен ни выуживал из памяти хоть какое-то сообщение о фальшивомонетчиках в Чехии, ничего такого припомнить не мог. И вдруг его осенило: он тут же набрал номер телефона Абрека и, услышав его голос, спросил:

— Абрек, выручай... что может означать на жаргоне выражение: «нанесем визит чехам»? Это в Чехию или Словакию?

Абрек вначале рассмеялся, а потом с тревогой спросил:

— Ты влип в какую-нибудь историю с чеченцами?

— При чем тут чеченцы? Я о чехах спрашиваю, — уточнил Карлен. — И никуда я не влип.

— Ну, слава богу, — облегченно вздохнул Абрек, — они сейчас в Москве в силе. А «чехи» на жаргоне и означает — чеченцы.

— Ах, вот оно что! Спасибо! — удивился Карлен и оборвал разговор.

Выходит, его давнее предположение, что подпольный монетный двор России находится на территории Чечни, было верным, и туда-то Тоглар, кажется, намерен нагряться с бандой.

2

Герман Кольцов переживал не лучшие времена — казалось, все шло под откос. Гнома, бухгалтера банды Шкабары, он уже не искал, хотя знал, что Хавтан до сих пор не потерял надежду найти этого таинственного Звонарева-Гнома и даже объявил о крупной сумме вознаграждения тому, кто наведет на его след. Конечно, если бы Хавтану удалось заполучить Гнома, Самурай открылся бы хозяину «Золотого петушка», что главные бумаги, касающиеся тайных валютных счетов за границей, находятся у него — уж как-нибудь сговорились бы, ведь свои, люберецкие. Сегодня Самурай не стал бы категорично уточнять, какой процент причитается ему в случае удачи, теперь он согласен на все, что дадут. Жизнь быстро усмиряет амбиции задиристых, да и Хавтан стал более покладистым, у него и любимая присказка в последнее время появилась: лучше половину, чем ничего.

Из команды, что приехала с Самураем в Москву для работы в спецподразделениях МВД, погибло восемь человек, четверо бойцов отделались ранениями, не раз получал пулю и он сам. Один за другим поувольнялись все его ребята. Особенно резкий отток пошел после того, как пронесся слух, что скоро элитные спецподразделения бросят в Чечню, на штурм дворца Джохара Дудаева, а воевать непонятно за что никому не хотелось. Последним из владивостокских ушел он сам — не получалось у него с новой командой, не чувствовал он их ни рядом, ни за спиной, а это значит — жить только до первой серьезной засады или штурма. Отпускало его начальство нехотя: майор Кольцов был известен в милицейских кругах,

да к тому же отчаянных и бесшабашных в России поди поищи, все больше становится расчетливых, а они под пули за гроши не полезут.

Крах произошел и в личной жизни Самурая: его бросила ненаглядная жена Леночка, уехала к родителям во Владивосток. Открывшаяся в Москве тайна давней его подлости точила ее постоянно, не давала покоя, и, в конце концов, она решилась на развод. Может быть, не последнюю роль сыграло и то, что в Москве она не прижилась, не завела подруг, не заладилось у нее и с работой. Нестабильность, бесперспективность жизни, давний подлый обман мужа, нелюбимая Москва — все это толкнуло ее на решительный шаг. Леночка вообще была с характером, принципиальная, такие на поводу у судьбы не идут, собрала вещички и сказала: «Прощай!». И Герман понял, что это навсегда: изменить жизнь к лучшему — ни ее, ни свою — он не мог, судьба не зависела от его усилий, большая удача так и не улыбнулась ему.

Конечно, деньги кое-какие у него имелись, и, живя без особых претензий, он мог протянуть на них и год, и два. Поэтому устраиваться на службу Кольцов не спешил, надо было найти место с умом, работу без избыточного риска, — теперь-то он был кое-чему научен жизнью. Жаль, конечно, что пришлось уйти из милиции, он понимал, какую силу давало ему пребывание в системе власти. Тот же Хавтан, когда он сообщил, что ушел из органов, не замедлил отобрать у него волшебную пайцзу, дававшую право бесплатно есть и пить в «Золотом петушке». «Ныне, вопреки пословице, место красит человека», — укоризненно подчеркнул при последней встрече Хавтан, правда, тут же и приободрил, сказав, что без работы и без куса хлеба не оставит. Но какую работу мог предложить Хавтан, Герман догадывался.

Потому Самурай не удивился, когда однажды поутру раздался телефонный звонок и незнакомый человек, сославшись на Хавтана, предложил встретиться, пообедать вместе, а заодно и обговорить одно стоящее дело. Договорились встретиться в тот же день в «Пекине», и Самурай понял, что дело, как обычно, неотложное и непростое — нынче обед в китайском ресторане стоил серьезных денег, среднемесячной зарплатой двух россиян тут не отделаться.

Человек, назначивший встречу, сидел в дальнем углу зала, у эстрады, за тем самым столом, за которым Слава Япончик некогда в семидесятых годах принимал дань с фарцовщиков, отиравшихся у комиссионного магазина рядом с Академией ЦК КПСС. Еще не дойдя до указанного столика, Самурай узнал в поджидавшем его незнакомце того самого вальяжного мужчину, который приходил в «Золотой петушок» в тот день, когда Хавтан отобрал у него пайцзу на скатерть-самобранку. Это из-за него халдеи выдернули Хавтана из-за стола, и тот быстро свернул разговор. Хотя, на взгляд Хавтана, Кольцов в тот вечер был изрядно пьян, он все равно разгадал их мелкие ухищрения и жалкую конспирацию, но, видимо, встреча этого человека с хозяином «Золотого петушка» была тогда необычайно важной.

— Аркадий Ильич Городецкий. Друзья-приятели еще кличут меня Аргентинцем, — многозначительно представился мужчина лет пятидесяти, небрежно, но дорого одетый, и без вступлений стал разливать водку «Абсолют», видимо, он уже знал о вкусах Самурая.

Стол Аргентинец заказал богатый, интересно, с чего бы это? Самурай был в «Пекине» впервые, хотя Хавтан не раз пытался затащить его сюда. За обедом о деле не говорили, больше о жизни, ресторанах, женщинах, о все улучшающемся качестве водки. Иногда, совсем неожиданно, переходили на работу милиции и власти вообще. Городецкий, видимо, был мужик тертый, потому что легко перескакивал с одной темы на другую, и неясно было, чего же он хочет. Догадывался Самурай, что такой зондаж называется проверкой на интеллектуальную способность.

В ресторане задержались недолго, пробыли ровно столько, сколько времени потребовал изысканный обед с десертом, фруктами, зеленым чаем. Деловой разговор начали в машине — белый «Сааб-900» поджидал на стоянке у входа в ресторан.

— За вас поручился наш общий друг Хавтан, — полуобернувшись к Герману, Городецкий говорил кратко, жестко, как гвозди вколачивал. — Но теперь я и сам вижу — на вас можно положиться. А предложение такое: нужно с одним моим хорошим товарищем — Хавтан его тоже знает, человек он очень авторитетный — наведаться в Чечню. Ходка, не считая

дороги, займет на месте сутки, ну, от силы двое. Надо оттуда забрать кое-что и вернуться в Москву. Операция тщательно продумана, хотя кое-какие хлопоты по ее подготовке еще предстоят. Нужна команда — три человека, такого уровня, как вы: молодые, сильные, с определенным опытом жизни. Я сам намеревался отправиться, да вот годами староват оказался, — сбился с жесткого тона Аргентинец, и это прозвучало у него по-мальчишески обиженно, будто его не взяли в увлекательную игру.

— Что мы будем иметь за риск? В Чечне не сегодня-завтра начнется заваруха. Да и чеченцы ничего без боя не отдают, они Москву за горло держат, а уж дома... — посомневался для вида Кольцов.

— Знаем все это, — перебил его Городецкий. — Понимаем, что не в Сочи путешествие, поэтому каждому щедрый куш: по двадцать тысяч баксов аванса сразу, если сойдемся, и по миллиону в случае успеха. Годится?

— Вполне. И люди есть... — Кольцов внешне оставался спокойным, но внутри у него все клокотало от радости: миллион, вожаденный миллион был рядом! Названная сумма ошеломила, затмила мысли о возможной опасности, и Самурай, давно уже готовый на все, что предложат, поторопился заполучить этот заказ. — Считайте, два человека имеются, а третьего я подберу за сутки. Ведь нужна надежная команда, чувствую, дело серьезное, раз такие деньги готовы платить, — повеселев, сказал Самурай. — Как готовиться? Какая амуниция, какие документы потребуются?

— Не спеши, не лезь поперед батьки в пекло, — осадил его Аргентинец. — Договоренность пока предварительная. Я и сам не знаю всех деталей вылазки до поры до времени. Опасность, конечно, не исключается, но с вами идет хозяин груза, он рискует так же, как и вы. До встречи с ним я должен иметь на руках подробные досье на всех троих и ближайшую вашу родню. Это на всякий случай, чтобы удержать вас от соблазна посягнуть на то, что вам не принадлежит, — груз очень ценный, но еще дороже жизнь человека, с которым вы туда пойдете. Вы должны вернуться не только с грузом, но и с ним. Надеюсь, ты понимаешь, о чем идет речь?

— Куда уж яснее. Наша жизнь привязана к жизни хозяина, — согласился, принимая жесткие условия, Самурай.

— Я с Хавтаном должен обеспечить моему другу гарантии безопасности, — уточнил Аргентинец. — Только после этих формальностей я сведу вас с руководителем операции, а он объяснит вам все в деталях. Ну что, берешься?

Самурай согласно кивнул, и они, обменявшись телефонами, расстались — каждому из них предстояли свои неотложные дела.

Выйдя из машины Городецкого, Герман Кольцов прошелся пешком по Тверской, обдумывая детали предстоящей операции. Сказав Аргентинцу, что в команде уже есть двое, он схитрил, выдав желаемое за действительное. А имел он в виду своего армейского друга Славку Неделина по кличке Картье. В такой операции, где на кон ставится жизнь, более надежного и верного человека Самурай найти бы не смог, за Картье он ручался как за себя. Да и выбора особенного у Самурая не осталось: кто полег на поле брани, а кто отошел от дел.

Сколько раз в Москве, до того как открылась эта история с фотографиями пышнотелой Люси из ресторана «Иртыш», Герман хотел встретиться со Славкой, честно повиниться во всем и попросить прощения! Но каждый раз что-то мешало сделать этот порядочный шаг. Поэтому и не откликнулся на приглашения Неделина встретиться, вспомнить армейскую жизнь, чувствовал, что, когда они сойдутся втроем, его подлость обязательно выплывет наружу. Ничего не помогло, все равно все открылось. Но теперь, когда между ними не стояла женщина и у Картье с годами, наверное, прошла боль-обида, Герман еще больше ощущал вину перед своим другом.

Эта вина мешала ему жить, и он все время думал, как избавиться от нее, как получить прощение армейского друга. И вот, кажется, представляется случай повиниться перед Славкой, а заодно и отплатить ему чистоганом — дать возможность сорвать миллион. Подобный шанс, даже с риском для жизни, выпадает не часто, и не каждому так может подфартить. Кольцов верил в ту подготовку, что они получили в армии, там они были натасканы на неожиданные, молниеносные операции, а именно такая, вероятно, и предстоит им в Чечне. И Самурай, смекнув, что сегодня он может убить сразу двух зайцев — помириться с Картье и заполучить надежного напарника, — решительно направился к уличному телефону-автомату.

Неделин оказался дома, и Герман, не вдаваясь в подробности, сказал:

— Мне очень надо бы тебя увидеть...

Картье не очень обрадовался звонку, но все же ответил:

— Хорошо, подъезжай, — и назвал номер дома и квартиры на Кутузовском.

В эту ночь Самурай остался у Неделина ночевать. Разговор долго не клеился, но Герман искренне желал повиниться, а еще больше — заполучить Славку в напарники для предстоящего дела и потому прилагал к этому все усилия, что в конце концов растопило между ними лед недоверия. Русские вообще люди отходчивые и умеют прощать — под утро бывшие армейские дружки замирились окончательно. Они вспоминали тяжелую службу, сплотившую их, не забыли и о «бандеровцах», не дававших им, москалям, жизни, и, конечно, Леночку, как свою прошедшую молодость, как первую любовь. Неудивительно, что предложение Германа сходить в Чечню за миллион заинтересовало Картье.

Чечня представляла для Неделина давний интерес: ведь он предупреждал органы о готовящихся крупных аферах в банковской системе России, следы которых отчетливо тянулись в Грозный, а в Москве — к чеченской мафии. Позднее эта, по сути гениальная, афера получит название «чеченские авизо», и обойдется она российской казне в шесть триллионов рублей. Не готовится ли нечто подобное или более крутое надувательство против России вновь, если заказчики готовы рассчитаться за доставку какого-то секретного груза в Москву миллионами? Нет, от такого соблазна Неделин отказаться не мог, даже если бы его и не прельстили миллионом. Опять, выходит, наша контрразведка проворонила что-то важное, ведь он недавно встречался с руководством, и они много говорили о Чечне, о том, что почти вся банковская система России оказалась под «чехами», но о готовящемся визите в Ичкеррию столичной банды не было и намека.

3

Через день, к вечеру, Городецкий привез в загородный дом в Переделкино команду Самурая. Одного из них, назвавшегося Неделиным, Аргентинец иногда встречал в «Пекине»,

причем в обществе людей авторитетных, но не «синих». Он производил приятное впечатление и прикидом, и манерами, и речью, чем резко отличался от Самурая и третьего — чернявого крепыша, чем-то смахивающего на горца, назвавшегося просто Лехой.

Тоглар ждал гостей на втором этаже, в мастерской, где уже был накрыт стол на пятерых, но вначале расположились в глубоких кожаных креслах у потрескивающего дровами камина. Когда Аргентинец представил хозяину дома его будущую команду, тот тоже обратил внимание на Неделина и поинтересовался:

— А чем вы занимаетесь вообще?

— Я бизнесмен, у меня своя фирма, — и Картье привычным жестом протянул Тоглару визитку, в которую тот внимательно вчитался.

— У вас что, неважно идут дела, если согласились на рискованную операцию? — недоверчиво спросил Тоглар, глядя на Неделина в упор. Странное впечатление производил этот «бизнесмен»: он притягивал и отталкивал одновременно.

— Нет, наоборот. Дела идут прекрасно, грех жаловаться. — На лице Славы появилась добродушная улыбка. — А согласился потому, что меня пригласил старый армейский друг. Сказал, серьезное мужское дело, и гонорар солидный, думаю, стоит рискнуть. Но главное, себя проверить хочется на деле: ведь мы с Германом прошли особую даже для спецназа подготовку, нас готовили к таким делам! — Он грустно вздохнул. — Молодость проходит, мне уже тридцать, а навыки, по-серьезному, не пришлось применять в жизни. Лет через пять-десять они и вовсе могут оказаться ненужными...

— Да, для мужчины это серьезный аргумент, — сказал задумчиво Тоглар, — но вы ошибаетесь, Вячеслав, навыки могут стодиться в любом возрасте. За моей спиной тоже морской десант, и служил в тех же краях, что и вы. Я внимательно изучил ваши биографии. Я иду с вами, хотя мне, увы, уже даже не сорок. Но я не намерен просить скидок на возраст и прятаться за ваши молодые спины.

Он достал из бара бутылку коньяку и предложил всем пропустить по рюмочке. Когда вся команда расселась поудобнее, Тоглар попросил внимания.

— А теперь я введу вас в курс дела. Мы должны появиться в одном из сел вблизи Грозного и добыть из подвалов хорошо охраняемого дома некий груз в упаковках, весом по шесть килограммов. Всего упаковок будет сорок — пятьдесят, возможно, чуть больше, а может, меньше, сумма вознаграждения от этого не меняется. С грузом надо вернуться в Москву или хотя бы в Ростов, это рядом. Должен особо отметить, что в ходе подготовки операции каждый участник имеет равное право голоса, если мы что-то не учтем, не предусмотрим, не оговорим здесь, в Москве, за это придется расплачиваться или в дороге, или в Чечне. Прочет может стоить жизни всем, так что — думайте, предлагайте. Но дорога в Чечню и из Чечни, если мы вернемся оттуда живыми, не представляет для нас серьезной опасности, хотя сейчас шмонают чуть ли не на каждом километре, а чем ближе к Грозному, то там, кроме ГАИ, стоят блокпосты военных и казаков. Но мне, кажется, удалось найти способ передвижения, при котором нас или вовсе не будут тормозить, или крайне редко.

Видя, как напряглась от волнения его новая команда и даже Городецкий, Тоглар неспешно и обстоятельно продолжал:

— Идея моя заключается в особом транспорте. Не скрою, я выудил ее из памяти, из тех давних времен, когда сам служил на Тихоокеанском флоте. Так вот, тогда рядом с нами стояла небольшая часть химических войск. Была в части машина «рафик» с грозными эмблемами, означавшими смерть: череп с перекрещенными костями и надписью «радиация», а на ней водителем — один шустрый малый, у которого в нашей роте служил земляк. Что такое земляк в армии, вам, служившим, объяснять не надо, да еще двадцать пять лет назад, — брат, да и только. И вот когда кому-нибудь из наших позарез нужно было смотаться в самоволку во Владивосток, мы прибежали к его помощи. А стояли мы в пятидесяти километрах от города, да и Владивосток, по тем строгим годам, был сверхзасекреченный, закрытый, патруль на патруле. Забьемся иногда по двое-трое в салон, набросим громоздкие свинцовые накидки и еще такой же шлем на коленях — и катим себе. Как только наш Толик начинает тормозить, мы быстренько надеваем эти шлемы-скафандры и сидим истуканами-чудищами. Порою откроет дверь какой-нибудь ретивый служака, а увидит нас

и в ужасе дверями хлопает. Таким манером и назад нас Толик доставлял, подбирая в условленном месте.

— Отчаянные ребята! За такую прогулку в секретный город, да еще из спецчасти, могли припаять пяток к тем трем, что вы служили, — подал голос Леха. — Молодцы!

— Могли, — согласился Тоглар. — Суровое время выпало на нашу молодость. Но охота пуще неволи, любовь гнала на риск... Ну, как идея, не устарела? — спросил хозяин, оглядывая сидевших у камина.

Заговорили все разом. Выходило, что машина с радиационными знаками сегодня, после Чернобыля, куда эффективнее, чем раньше.

— Только где нам добыть такую машину? — опять раньше других поторопился неугомонный Леха.

— Машина не проблема. Тут, в Подмосковье, стоит подобная часть, сюда перегнали транспорт наших войск из Германии. Среди этих машин — а они сделаны по спецзаказу военных — есть несколько подходящих, и мы можем забрать любую хоть завтра. Если, конечно, решим, что нам подходит этот вариант...

— Надо брать, идея стоящая. Но машину для дальней дороги придется подготовить основательно, — вмешался бизнесмен Картье.

— Я тоже так считаю, — поддержал Тоглар, — но подготовить, как вы сказали, мало. Я думаю, от машины должна остаться одна оболочка — свидетельство ее причастности к опасному роду войск, включая противорадиационную экипировку. А все остальное заменить: достать новый сверхмощный форсированный двигатель, поставить на все четыре колеса бескамерные шины, чтобы не бояться пуль, случайных проколов и даже спецсредств для остановки машины. — Тоглар перечислял, загибая пальцы. — Поставить пуленепробиваемые стекла и бронировать боковины, приладить амортизаторы от комфортных джипов, чтобы машина не гремела, стала бесшумной. Решить вопрос надо и с калорифером, все-таки на дворе уже зима, снег, а нам, возможно, придется где-то выжидать ночью три-четыре часа на ветру.

— Ясно, командир, в общем, необходимо переделать колымагу химвойск в бронированный и скоростной джип, — весело подытожил Самурай.

— Только не надо забывать, что внешние параметры машины должны остаться прежними. Кто персонально возьмется подготовить транспорт к походу?

— Я могу, — охотно отозвался Картье. — Знаю такую автомастерскую, там особых вопросов задавать не станут, да и работа им привычная.

— Хорошо, — согласился Тоглар. — Но кто-то должен постоянно присутствовать при этом, а заодно и знакомиться с машиной.

— Я не могу находиться там целыми днями, эта работа, даже по ускоренному графику, в две-три смены, займет не менее четырех дней, — быстро среагировал Неделин.

— А вам и не надо там быть, спасибо, что мастерскую нашли. Мы это поручим... — Тоглар глянул на Самурая и крепыша и сказал, как решенное: — Лехе. — Этот парень больше всех внушал ему доверие. — Не возражаешь?

— Что касается подготовки, то это мне по силам, автомобили я люблю. Сделаем как надо, не беспокойтесь, — заверил крепыш.

— Вот и прекрасно, — впервые за вечер улыбнулся Тоглар. — Но прежде чем сесть за стол и отметить наше внезапно сложившееся содружество, еще пару слов. Официально мы направляемся в командировку в район поселка Бамут, там в горных шахтах после демонтажа ракет класса «земля — земля» и «земля — воздух» осталось кое-какое секретное оборудование. Так вот, наша цель по бумагам — вывезти его опасную начинку в специальном контейнере, он будет в нашей машине, в него как раз поместятся пачек двадцать основного груза. Соответственно, у нас будет приказ Министерства обороны, и у каждого — документы военнослужащего. Для этого вам придется пройти в соседнюю комнату, где висят несколько кителей с разными знаками воинского различия, и я сниму вас для водительских прав, удостоверения, военного билета, спецпропусков, допусков к объектам радиации — мы же будем представлять сверхсекретные воинские части, у которых особые полномочия и права, и на все нужны документы, чтоб комар носа не подточил. Позже, когда они будут готовы, познакомитесь с ними более подробно. А теперь — к столу, на сегодня хватит, — поднялся с кресла Тоглар. —

Все дела по подготовке теперь решать только через моего друга Аргентинца, со мной связи не искать.

Прежде чем сесть за стол, Картье осмотрел картины, висевшие на стене, и те, что были в работе на мольберте и на станках. Но спросить, чьи это картины, Неделин не решился: в том, что дача принадлежит Константину Николаевичу, как отрекомендовался при встрече седовласый мужчина, Картье не был уверен. У камина Неделин сидел рядом с ним и, считай, почти не видел говорившего, только слышал его по-военному четкий голос. Сейчас, за столом, Неделин занял место чуть наискосок от руководителя операции. Человека по кликухе Аргентинец, доставившего их сюда, в Переделкино, через кого они должны были держать связь с Константином Николаевичем, Неделин встречал часто: в «Пекине», в казино «Трефовый туз» и на всяких тусовках, тот принадлежал к уголовному миру, элите старшего поколения, а вот его друга, с которым придется идти в Чечню, Картье видел впервые.

Константин Николаевич производил впечатление: чувствовались громадный жизненный опыт и хватка, хладнокровие, аналитический ум и жесткость характера, да и то сказать: слабак в Чечню нынче ни за какие пряники не сунется. «Что же он хочет найти в чеченском селе, в неприметном, но охраняемом доме? — размышлял за столом Картье. — Может, дело связано с ураном, на него в мире громадный спрос, а какой-то «секретный груз» — просто отвлекающий маневр, чтобы не испугать идущих в связке? Ведь контейнер для хранения радиоактивных предметов из машины не выбрасывается...» Было тут о чем задуматься, в любом случае операция предстояла серьезная, готовятся к ней толково и обстоятельно, и хорошо, что Самурай вышел на него.

Стол был накрыт щедро, с размахом, блюда подвезли из ресторана, и потому сидели они долго. Застолье, видимо, тоже служило какой-то проверкой. Картье не раз чувствовал на себе внимательный, оценивающий взгляд Константина Николаевича. Если бы представительный хозяин, которого, однажды увидев, вряд ли с кем спутаешь, был бизнесменом или принадлежал к высоким криминальным кругам, Неделин обязательно знал бы его — за эти три года кого он только не повидал в Москве, — но этого человека, готового платить

за два дня рискованной работы по миллиону каждому, он не встречал никогда, в этом Картье был уверен. Да и всей статью, манерами, речью он не походил ни на «старых» завсегдаев тюрем, ни на «новых русских». А может, он из органов? Теперь у каждой ветви власти свои тайные службы безопасности, только при президенте их две, и никому они не подчиняются. Этот вариант исключать тоже не следовало, возможно, операция находится под контролем государства, не отсюда ли такая продуманность и четкость, гарантии серьезных документов, с которыми обеспечен бесконтрольный проезд по всей стране. Картье так и эдак мысленно просчитывал всевозможные варианты. Официально Москва с Чечней не имеют контактов, может, оттого сложился этот странный симбиоз? В общем, надо было думать и думать, чтобы не получилось прокола...

«А не поставить ли в известность шефа, Виктора Степановича? Попросить о страховке, о помощи в случае чего?» — мелькнула мысль, но однозначного ответа не нашлось, ведь он не знал пока главного: зачем, почему, кто? Возможно, это чистая уголовка, учитывая участие в деле Аргентинца. Впрочем, спешить не следовало, у него есть спутниковая связь, можно переговорить или сбросить на пейджер любую информацию: где ты или что нуждаешься в помощи. В Ростове жили два его однокашника по секретной школе, можно было рассчитывать и на их подмогу, он поддержал их как-то в Москве, ребята крутые, многое могут.

Конечно, следовало бы ненавязчиво выведать, как попал в эту команду Самурай, ведь он недавно работал в милиции и сам охотился за такими китами, как Аргентинец. В общем, в тот вечер на загородной даче в Переделкино Картье многое узнал, но еще больше предстояло выяснить, ходку затягивать, как он понял, не станут...

4

Карлен, прослушавший разговор Аргентинца с Тогларом и прознавший о предстоящей встрече в Переделкино, тоже с нетерпением ждал этого дня. Несмотря на то, что он навтыкал кругом «жучки» в мастерской художника и мог слушать

разговор, сидя у себя дома, на улице Ямского Поля, он на всякий случай, полагаясь на более мощную аппаратуру в машине, заранее подъехал к знакомому загородному дому и видел, как Аргентинец привез на встречу на своем «саабе» троих мужчин.

Разговор на даче подтвердил догадку Карлена: Тоглар готовится к походу в Чечню, для чего собирал серьезную команду, продумывал хитрый план операции. Не была названа только дата отъезда, но что это дело ближайших дней, Татлян не сомневался. Надо было спешно собирать свою рать, и, не дожидаясь окончания застолья у Тоглара, медленно перетекавшего в пьянку, Карлен поспешил домой.

«Кара-Дюшатель», разбитая уже в который раз, нынче из-за гололеда стояла на ремонте, друзья в этот вечер оказались дома и, затеяв на ужин жаркое по-армянски, как раз ждали Карлена. Скромный ужин, состряпанный Абреком и Крисом, затянулся до глубокой ночи. Как ни хотелось Карлену, но ему пришлось выложить все: и о государственной тайне США, и о тайне легендарного Тоглара, создавшего супербанкнот, и даже про свой визит в Париж, правда, о том, что Наталья поделилась с ним краденым, он умолчал. Признался он и в том, зачем прибыл в Россию, и в том, что репортерство — всего лишь крыша, и если удастся отнять у Тоглара добычу, он оставит и газету, и разведку. Рассказал в подробностях о намечающемся походе Тоглара в Чечню, о чем прознал несколько часов назад.

— Может, нам следует взять еще одного человека? — спросил Карлен, ни на минуту не усомнившись, что друзья отправятся с ним вместе на охоту за «гравером».

Крис с Абреком одновременно вернулись памятью в лондонский отель «Лейнсборо» и поняли, что Карлен, зная об их преступлении, скрыл этот террористический акт от своего руководства, не выдал их. И журналист, над которым они частенько подтрунивали, вырос в их глазах. А теперь еще он задумал дерзкий налет на банду самого Тоглара, знаменитого чистодела.

— Нет, не надо, четвертый — это еще одна доля, — первым заговорил Крис. — Лучшее дело нам вряд ли когда выпадет, мы идем с тобой, Каро!

— А что нас трое, — вмешался Абрек, — ты не переживай, тем более, и ты — не простой журналист. На нашей стороне

преимущество: мы знаем, кто они, сколько их... мы нападём или устроим засаду... Только нужно все хорошо продумать, подготовиться, судя по тому, что ты рассказал, Тоглар учел все до мелочей, вплоть до шин. А сколько он оставил тайн при себе? Ведь он даже не сказал подельщикам, в какое село едут, когда и за каким грузом...

Дальше часа три подряд они обсуждали детали предстоящего неожиданного похода в Чечню. Машина, амуниция, оружие — все это было без проблем. Долго не могли найти ход, равный тому, что придумал Тоглар, чтобы легализовать свой визит в Чечню. О том, что сейчас на трассе тормозят почти у каждого столба и что у въезда в Чечню уже стоят блокпосты военных, они тоже знали. И ход-таки нашелся, додумался до него Абрек. Решили, что Карлен, как корреспондент известной американской газеты «Лос-Анджелес таймс», едет в Грозный взять интервью у президента самопровозглашенной республики Ичкерия Джохара Дудаева. Крис с Абреком будут оформлены при нем водителем и телохранителем, что давало им право на ношение оружия, а наличие такого документа исключает тотальный досмотр машины. Распланировав ближайшие два дня, в которые друзья-гангстеры займутся транспортом — остановились на мощном многоместном джипе «гранд-череки», — а Карлен не будет спускать глаз с команды Тоглара, они растались, готовые ринуться за птицей удачи и... добычей.

Но, поднявшись к себе на шестой этаж, Карлен впервые по-настоящему осознал весь риск предстоящей операции. Он решил на случай неудачи или гибели сохранить свое доброе имя и оградить родителей и многочисленный род Татлянов от подозрений ФБР и ЦРУ. Везде, во всем мире, на предателей и их родственников смотрят с осуждением, это только в России зачитываются книгами изменников Суворова и Гордиевского и предоставляют им эфирное время в лучших телевизионных программах. В Америке подобные поступки называются своими именами. Поэтому он набрал на компьютере текст, который его хозяева рано или поздно снимут сами, если он не вернется. Этим он давал наводку, где может погибнуть, исполняя свой долг перед Америкой.

Текст был предельно краток:

«Не имея времени ни на обдумывание, ни на подготовку операции, вынужден немедленно отправиться в Чечню. Кажется, я вышел на подпольный монетный двор, где печатаются супербанкноты указанной вами серии, я держу пачку их в руках. Попытаюсь дать знать о себе с дороги или из Грозного. Пожелайте мне удачи.

Норман».

5

Аргентинец, после того как доставил в Москву команду Самурая, вновь заехал к Тоглару, теперь уже на Кутузовский, домой, где они проанализировали итоги встречи в Переделкино и решили, что команда вполне профессиональная, имеет опыт, особенно сам Кольцов и его дружок Леха. Тут же они с Тогларом определили и срок похода — 30 декабря, лучшего времени для проезда по трассе и для проникновения в Чечню не найти, но дату решили пока держать в секрете, чтобы не сбивать проснувшийся у команды азарт — до Нового года оставалось две недели. Лишь после этого Аргентинец отправился домой... Он так увлекся планами Тоглара, что совсем забыл про Македонского, и только войдя к себе в кабинет и увидев телефон, обреченно присел в кресло. Тупо глядя на аппарат, он просидел с полчаса, а затем все-таки набрал номер в гостинице «Украина». На другом конце провода, словно дожидаясь результата, уверенный мужской голос нетерпеливо сказал:

— Я вас слушаю...

6

Самурая, который активно подключился к подготовке операции, Тоглар через день вновь затребовал к себе. Хозяин подробно выпрашивал спецназовца, как обычно происходит захват банды в здании, штурм какого-нибудь притона или катрана, какие при этом применяют спецсредства, какое оружие наиболее удачно в коротких стычках, как упреждаются засады и даже как уничтожают собак, теперь они есть в каждом доме, особенно загородном. После двух дней таких дотошных бесед

Тоглар вычертил Самураю план усадьбы за высоким кирпичным забором, где в виде буквы «П» располагалось приземистое одноэтажное строение, утопающее летом в зелени прекрасного сада, затененное виноградником. В левом крыле жила чета престарелых хозяев дома, в середине и справа обитала постоянная охрана, а в подвале находился тот самый груз, за которым готовилась экспедиция.

Тоглар не сказал Самураю, что в подвале есть еще одна потайная дверь, которая ведет в тайную лабораторию и типографию, где он проработал ровно три года. Понимал, что времени заглянуть в комнату, где он пережил звездные часы успеха, у него не будет, впрочем, ни ностальгии, ни любопытства он давно уже не испытывал. Тоглар знал этот двор гораздо лучше хозяев и часто менявшихся охранников, кроме одного — Шамиля, внука владельцев дома, но тот больше занимался хозяйством, чем доглядывал за важным пленником. Помнил он каждое дерево в саду, грядку в огороде, не забыл, как зовут каждую из трех собак, отвязываемых на ночь, — все три появились за год до побега, и Тоглар усиленно их прикармливал, приучая к себе, и знал, где они любят прятаться в ненастную погоду. Помнил, в каких комнатах, у каких окон располагаются до утра охранники. Впрочем, после его побега, после того как перестала работать типография, возможно, и охрана уменьшилась. Но в том, что ее не сняли совсем, он не сомневался. Лабораторию перенести тоже не могли, слишком капитально она была сработана, кроме того, он успел перед тем, как бежать, спутать всю компьютерную программу печатания, бумага получалась путем кропотливого ручного труда, а пропорции и температурный режим знал только он. Готовую продукцию забирали регулярно, но тут же, в подвале, был замаскирован тайник, куда заложили пачки надолго. Как говорил Алихан, это неприкосновенный запас Чечни на случай войны. Вот на этот «госрезерв» Тоглар и рассчитывал, хотя сейчас его могли и ополовинить или опустошить совсем, но Тоглар верил в свой шанс, да и выбора у него другого не было. И об этих своих сомнениях он Самураю, конечно, ничего не сказал.

Поселок, куда им предстояло наведаться, был небольшой, тысяч на пять жителей, но дома, усадьбы поражали воображение своей архитектурой, размерами, этажами. После бедной

одноэтажной России с усеченными, в шесть соток, дворами Константин Николаевич диву давался: как же так, ведь в одной стране жили, по одним законам? А выходит, законы были у всех разные, и каждый народ жил по своим законам, невзирая на Конституцию и Уголовный кодекс. Дом, где три года держали Тоглара в плену, стоял на углу — фасадом выходил на улицу Ленина, а правым крылом, где находился подвал, на сквозной переулок. Это облегчало задачу команде Тоглара, уже напрашивались два варианта нападения. Вариантов добычи секретного груза майор Кольцов наработал шесть, но Тоглар все их забраковал, предложил обдумать вместе с ребятами.

С планом дома Самурай отправился в автомастерскую, где в отдельном закрытом боксе полным ходом переоборудовали машину для похода в Чечню. На месте оказался не только Леха, но и Картье, привезший широкие бескамерные шины известной английской фирмы «Томпсон», они придают автомобилю еще и устойчивость на крутых горных дорогах — Неделин учел и это обстоятельство. В четыре дня, как заверял в Переделкино Картье, мастера никак не укладывались, и он попросил Германа доложить об этом Тоглару.

— Кому же достанется эта супермашина, когда мы вернемся? — с завистью спросил Леха, уже влюбленный в нее.

— Зачем тебе спецмашина? — рассмеялся Самурай. — Людей пугать?

— Перекрашу под гражданский цвет, выкину этот контейнер, установлю мягкие сиденья, и летай на здоровье — хоть с пассажирами, хоть с грузом! — с жаром выложил свои проекты Леха, похожий на горца и такой же азартный по части того, к чему прикипала его душа.

Самурай вынул из кармана два плана усадьбы, вычерченные Тогларом на компьютере, и, протянув один из них Лехе, сказал:

— Вот план объекта... Если ты предложишь лучший вариант, как без шума и пыли вывезти отсюда груз, машина твоя! Я попрошу шефа об этом. — Отдав другой чертеж Неделину, Кольцов сказал: — Надо продумать, как нам взять эту усадьбу, ведь у «чехов» на стволах глушителей нет, и, если они жажнут, нам тут же могут перекрыть выход — самооборона у них отлажена не хуже, чем в Кремле. А что касается машины,

Леха, раз она тебе приглянулась, я поговорю с шефом, может, и получишь ее в подарок. Я был сегодня у него дома, мужик он не бедный и не жлоб. Но за лоха его держать не стоит — сегодня он шесть моих вариантов отклонил, ценит жизнь, и свою, и нашу.

Из автомастерской Самурай уехал вместе с Неделиным, они поужинали в ресторане Дома литераторов, в Дубовом зале, где у Картье была назначена деловая встреча, занявшая минут десять, а уж потом Славик отвез его домой, в Солнцево, где он снимал однокомнатную квартиру. Время они даром не теряли, даже в ресторане за столом обсуждали все тот же план, над которым в эти же минуты ломал голову и Леха.

Когда Самурай поднялся к себе пешком на пятый этаж — лифт почему-то не работал третий день, — дома его ждал сюрприз... Все в квартире было перевернуто сверху донизу, даже кое-где вскрыты полы, вентиляционная отдушина в ванной вырвана с мясом — рылись люди, знавшие толк в сыске. Герман сразу бросился к хозяйскому гардеробу — он снимал квартиру вместе с мебелью, — там висела кожаная куртка, а в кармане аванс, полученный от Тоглара. Куртка была на месте, деньги тоже. В первый миг он обрадовался, но, просчитав что к чему, насторожился. Было ясно, как день, что искали не деньги. Тогда что же? И тут его осенило...

Кто-то, выкрававший Гнома у Хавтана и расстрелявший при этом четверых, видимо, вычислил, что бумаги Шкабары могут быть у тех, кто его задерживал. И он оценил свою предусмотрительность: бумаги Шкабары он не держал при себе, а давно отвез в дом к родителям, в Люберцы, чтобы они случайно не попали на глаза Леночке. Да, это не только жестокий, но и неглупый человек, подумал Самурай о похитителе Гнома, ведь он догадался о том, до чего не могли додуматься ни Хавтан, ни следователь Самойлов. И Кольцов тут же решил, что если из Чечни он вернется с миллионом, то непременно разыщет этого человека, перевернувшего вверх дном его квартиру, и войдет с ним в долю. «Вроде пошла светлая полоса в жизни», — заключил Кольцов и отправился спать — на завтра у него была назначена встреча с Тогларом, уже были готовы документы, и он должен был глянуть на них милицейским глазом.

Аргентинец тоже участвовал в подготовке похода в Чечню — был связным между троицей бывших спецназовцев и Тогларом, не раз заезжал в мастерскую, видел, как на глазах преображался неказистый, но надежный УАЗ. И он отдал должное сметке своего друга — с такой машиной можно идти на любое дело, ход придуман что надо. Правда, можно использовать этот трюк только раз — засветишься основательно. Встречаясь с Тогларом почти каждый день, Городецкий думал: вот-вот представится случай, и он, прямо или косвенно, намекнет другу, что за ним будет хвост, и даже опишет «лендровер» Македонского. Но дни таяли, отбытие десанта в Чечню приближалось, а он так и не смог выбрать подходящий момент — то одно мешало, то другое, но больше всего — малодушие. Порою ему казалось, что все разрешится само собой... Он часто вспоминал погибшего Борюкиллера, вот когда снова нужен был минер. Аргентинец готов был совершить новое покушение на Македонского, но боялся что-нибудь предпринять, полагая, что за ним установлен жесткий догляд. Правда, для очистки совести, когда машина была уже совсем готова и ее собирались продемонстрировать Тоглару, Аргентинец, отведя Самурая в сторону, сказал ему, смущаясь:

— Гера, не бери меня на смех и не передавай то, что я сейчас тебе скажу, Константину Николаевичу. — Самурай приложил руку к груди — мол, какой разговор, я — могила. — Я человек очень суеверный, а Тоглар всегда подтрунивает надо мной по этому поводу... Сегодня видел плохой сон... Как будто за вами на трассе увязалась какая-то машина, черный иноземный джип... Они вроде пронюхали, что вы за золотом в Чечню едете, и ждут часа, чтобы отнять у вас добычу. Их в машине трое... Да, кажется, трое... Потом... не помню, что потом... наверное, я проснулся...

— Да, такой сон на дорогу рассказывать шефу не годится. Дурная примета, может настроение испортить, — согласился Самурай. — Спасибо, я учту это и буду осторожен. Чем черт не шутит, ведь кто-то видит тут, в мастерской, какая машина готовится, ежу понятно, что не девушек катать...

За три дня до намеченного отъезда Тоглара с ребятами у Аргентинца дома раздался телефонный звонок. Даже не поздоровавшись, Македонский коротко сказал:

— Абсолютно достоверные сведения, сегодня под утро наши самолеты начнут бомбить Грозный, а к обеду туда войдет танковая колонна. Лучшего времени для прорыва в Чечню и придумать нельзя. Действуй.. — и положил трубку.

Аргентинец тут же связался с Тогларом и передал сообщение открытым текстом.

Команда уже в течение двух дней находилась в готовности номер один, и Тоглар решил собрать всех на даче и обсудить ситуацию. Совещались недолго. Решили выезжать немедленно, а если к утру сообщение о военных действиях против Чечни не подтвердится, они передохнут в Ростове день-два и прикатят в Ичкерия в канун новогодней ночи, как и планировалось.

8

Оба телефонных звонка — и Македонского, и Аргентинца — Карлен прослушал дома на улице Ямского Поля и тут же спустился на четвертый этаж — там тоже жили на казарменном положении и ждали времени «Ч».

9

Македонский нисколько не сомневался, что Тоглар примет именно такое решение, оно было не только разумным, но и единственно верным — под грохот пуль легче нырнуть и вынырнуть из Чечни. Но он не стал караулить час их выезда — дорога длинная, «лендровер» с мощным мотором мог развивать сумасшедшую скорость. Кроме того, когда Аргентинец назвал мастерскую, где Тоглар готовил машину для похода, Македонский послал туда человека, и тот умудрился прилепить внутрь бронированной обшивки незаметный маячок. Так некогда поступил Аргентинец с его собственной машиной, только маяк знаменитого киллера оказался куда более совершенным и имел защиту от обнаружения.

Ровно через три часа, к вечеру, из Москвы на Северный Кавказ потянулись три машины. Быстро сгущались сумерки, валил мокрый снег, и скользкая дорога не позволяла скоростным машинам показать мощь своих моторов.

10

Из-за непогоды джип «гранд-чероки» Карлена старался держаться к машине Тоглара поближе — преследователи боялись его упустить, хотя понимали, что привязаться вплотную нужно лишь у въезда в Чечню, чтобы там не потерять их из виду. Хитрый «гравер» так и не открыл подельникам точный маршрут следования, хотя Татлян несколько раз переслушал все записи телефонных разговоров и бесед в Переделкино. И с Тоглара решили не спускать глаз, этот мог что угодно выкинуть, например, сменить машину на трассе, а то и что-нибудь мудренее.

Более беззаботным выглядел Македонский. Он знал: его час впереди, операция начнется для него всерьез только с того момента, когда груз окажется в машине, и «гравер» вырвется из чеченского села. Это был его стиль: он всегда нападал неожиданно и в последний момент, когда уже никого не бояться и никого не ждут. И сам уходил от погони, облавы тоже в последнюю минуту, когда казалось, что обложили его со всех сторон, лучше всего он выстраивал свои действия именно в этот решающий момент. Он наводил ужас и на власти, и на преступников, и те, и другие знали — у этого одиночки свой суд.

Но на этот раз он ехал не один, дорога дальняя и утомительная, да и в Чечню одному за грузом идти не с руки, нужны бойцы, или, как говорят, «пехота». Людей он взял проверенных, «быков», промышлявших рэкетом, выбиванием долгов. Своей команды они пока не имели и ходили под Анзором, контролировавшим подмосковный Воскресенск. Анзор за тридцать граммов героина и отдал парней Македонскому на неделю. И для Анзора, и для его «быков», Власа и Мити, он был залетным уркой Станиславом, Стасом. Еды, курева, даже спиртного — всего взяли в дорогу самого первогоклассного. Музыкальная аппаратура была заряжена дюжиной компакт-дисков — слушай, не хочу, и настроение у парней было прекрасное. Они уже подумывали, а не перекинуться ли от скуповатого Анзора к этому Стасу, который нравился им своей немногословностью и основательностью.

Из Москвы «лендровер» вел сам Македонский, позже, ночью, он собирался передать баранку кому-нибудь из

молодых. В машине звучала негромкая музыка, и настроение у Македонского было под стать — лирическое. Фонотеку он собирал тщательно, на свой вкус, находя на это время и в Париже, и в Лондоне.

Снег шел полосой, и в какие-то моменты, иногда на час-полтора, он пропадал вовсе. Несмотря на позднее время, машины на трассе шли густым потоком, и на юг России — на Кубань, на Ставрополь, — и на Москву, и те, и другие спешили, наверное, домой на Новый год.

Влас сидел рядом, на переднем сиденье, а Митя сзади: откинув столик между рядами кресел, они затеяли игру в карты на деньги, опорожня одну за другой бутылки пива «Карлсберг». Отвлекать «пехоту» от любимого занятия не хотелось, да и поразмышлять Македонскому было о чем. Он любил дорогу и ночную езду за эти минуты одиночества и полета в пространстве. Какой-то настырный красный «жигуленок» уже дважды обгонял его, обдавая «лендровер» потоками грязи с разбитой тяжелыми машинами дороги, и Македонский, на всякий случай, решил узнать, кто же это такой лихой и дерзкий. Пристроившись «шестерке» вслед, он выключил магнитофон и включил спецтехнику. И тут же в салон «лендровера» ворвались чужие голоса, смех. Эффект был поразительный, все было слышно так, как из соседней комнаты с распахнутыми настежь дверями. От неожиданности «быки» оставили карты и с восторгом смотрели на волшебника Стаса — оказывается, и такие штучки возможны. А в «жигулях» ехала компания навеселе, и присутствие девушек придавало лихости парням.

— А можно прослушать ту «Волгу», третью впереди? — спросил Влас.

Он был в полном отпаде — какие возможности открывались перед ними в городе. Катайся и слушай, катайся и слушай — есть деньги, прижимай к обочине, наезжай.

Македонский, показав, как пользоваться аппаратурой, передал пульт дистанционного управления Власу и сам с насмешливым любопытством наблюдал за парнями, дивясь их детскому восторгу, а ведь за ними кровавых дел уже не счесть.

Аппаратура брала разговоры метров на сто, но в большинстве машин водители ехали в одиночку, и Влас попросил

обогнать автомобилей двадцать — вдруг наткнется на любопытный разговор. Так поступили раза два, и когда охота за чужими секретами уже стала надоедать Македонскому, в салон ворвался чей-то разговор, и он услышал: «Тоглар... Чечня... баксы...» Сперва Македонский решил, что подошел вплотную к машине «гравера», но оказалось не так — разговор происходил в черном джипе «гранд-чероки», и он, забрав у Власа пульт дистанционного управления, стал слушать разговор внимательнее. В машине было трое молодых мужчин, судя по акценту — кавказцы.

Македонскому сразу стало ясно, что они знают тайну Тоглара и тоже охотятся за ним.

Выключив спецтехнику, Македонский преобразился — от былой безмятежности не осталось и следа. Случайное любопытство «пехоты» спасло задуманную операцию от провала, вот и не верь после этого в его величество случай. С конкурентами нужно было расправиться быстро, до утра, завтра сделать это будет сложнее, а он не хотел делиться добычей ни с кем. «Быки» почуяли перемену в настроении Стаса и тоже насторожились; ни о цели поездки, ни о каких планах шеф им, конечно, не поведал, сказал лишь — распоряжения будут по ходу дела. Они заметили, что Стаса обеспокоил непонятный им разговор в мощном джипе, идущем впереди через три машины, но расспрашивать о чем либо не решились.

Ехали молча, без музыки, с полчаса, и вдруг Стас-Македонский словно очнулся, резко спросил:

— Вы видели черную машину, джип, разговор в которой испортил мне настроение?

— Видели, — кивнул Влас. А Митя добавил:

— Но ничего не поняли...

— Это машина конкурентов, из-за них у нас могут быть большие неприятности. Ума не приложу, как они могли пронюхать про нашу поездку, но гадать об этом некогда, разбираться будем в Москве, — зло сказал Стас-Македонский, потом, мгновенно сменив тональность разговора, продолжил спокойнее: — Чуть дальше, когда войдем в лесополосы, и рядом не будет машин, — они идут хорошо, под сто двадцать километров, — достанем их, и при обгоне пальнете сразу в упор из двух гранатометов «муха». Этого, думаю, хватит.

— Вполне, Стас, — заверил Митя, — джип идет на скорости, от них ничего не останется.

— Ну и хорошо, с богом.. Подготовьте гранатометы, будем ловить момент, а он может выпасть не скоро, уж слишком много машин на трассе и туда, и обратно, а ночь не резиновая... — Сонливость у Македонского как рукой сняло, в нем проснулся азарт охотника..

Проехали часа полтора, но удобный момент все не подворачивался, наоборот, поток машин навстречу пошел еще гуще, а места, подходящие для нападения, попадались одно лучше другого. Чтобы снять напряжение «пехоты», Македонский предложил им выпить и чего-нибудь пожевать — в упор промазать все равно трудно. Пока ребята закусывали, Македонский решил, что и заправиться бензином не мешает, и через полчаса, у въезда в какой-то райцентр, заметил у дороги заправочную станцию. Завернул к ней и впереди идущий «гранд-чероки», а когда Македонский въехал на территорию заправочной, то увидел и УАЗ Тоглара — у него как раз подходила очередь. Все верно, как в задачке для первоклассника: три машины почти одновременно вышли из Москвы и намотали почти по четыреста километров, всем пришло время наполнять баки.

«Быки» с удовольствием ужинали, допивая бутылку шотландского виски «Джонни Уокер», и, кажется, напрочь забыли или, наоборот, не придавали особого значения тому, что им вскоре придется стрелять. Они тоже увидели впереди в очереди джип, но никакого любопытства он не вызвал: им было все равно, кто едет в машине, зачем их надо расстреливать. Они уже выросли такими — ни о чем не думать, а выполнять приказ. Очередь была минут на десять-пятнадцать, и Македонский решил размяться, а если удастся, и глянуть на тех, кто в джипе, да и заплатить за бензин нужно было. На заднем сиденье лежала пятнистая куртка-бушлат одного из «быков» и армейская шапка-ушанка, и он, накинув униформу, которая враз его преобразила, вышел из машины.

Опять валил снег, но к середине ночи похолодало, и теперь он ложился плотно и даже поскрипывал под ногами.

Заплатив в зарешеченное окошко за пятьдесят литров бензина, Македонский оглядел очередь. У занесенного снегом, залепленного грязью уазика стоял коренастый крепыш в армейском

бушлате с погонами прапорщика и ждал, когда последняя перед ним машина передаст ему шланг. Из джипа никто не выходил, да и, судя по всему, не выйдут, выбегут в последний момент, когда подъедут к колонке вплотную, он хорошо знал кавказцев — баре.

Прапорщик уже сунул железный наконечник шланга в чрево бензобака, как вдруг Македонского осенила дерзкая идея. Подойдя к служивому, он заговорил вполголоса, быстро, заговорщицки:

— Слушай, братан, я еду следом за вами из Москвы, в Ростов. А часа два назад остановился у придорожного кафе купить сигарет, там стоял джип «гранд-чероки», — и он назвал номер машины Карлена, — они тоже там тормознули, купить что-то, кажется минералки. И я услышал обрывок их разговора, вроде, речь шла о вашей спецмашине, мне кажется, они вас пасут. Будьте осторожны. Их трое, чеченцы, а может, дагестанцы, они для меня все на одно лицо. У меня брат в армии, тоже прапор, да я и сам служил в стройбате... — закончил Македонский, поправляя не по размеру свободный бушлат, и шмыгнул носом, получилось вполне естественно: мол, человек человеку друг, товарищ, брат.

Прапорщик внимательно глянул на худощавого мужчину и, ничего не заподозрив, с улыбкой ответил:

— Наверное, вы ошиблись. Мы военная лаборатория, занимаемся радиацией, взять у нас нечего, но все равно спасибо. — И, передав шланг очередному водителю, Леха ловко нырнул в машину.

В кабине переоборудованного уазика за рулем сейчас сидел Картье, он сменил Германа, а Тоглар расположился рядом с водителем. Леха обрадовался, что оставшуюся ночь будет ехать с Самураем; Картье, которого он не знал, а лишь общался с ним в автомастерской, оказался парнем неразговорчивым. Правда, его и тут, в машине, доставали звонки из Москвы по спутниковой связи, но он всем говорил, что отдыхает и вернется в столицу через два дня, к Новому году.

Леха тут же рассказал своему бывшему командиру про странное предупреждение на заправочной станции. Самурай сразу вспомнил «дурной сон» Аргентинца, все совпало точно: джип, три кавказца, и он понял, что, возможно,

какие-то жизненные обстоятельства не позволили Городецкому открытым текстом предупредить своего друга о том, что за ним в Чечню потянется хвост. Но Герман решил не впутывать Аргентинца, спасибо, что хоть так, по-восточному витиевато, предупредил, и немедленно постучал в перегородку, отделявшую салон от кабины. Тоглар открыл раздвижное окошко, и Самурай доложил о разговоре на заправке. Тоглар вспомнил, что видел этот джип еще засветло, когда они выезжали из Москвы, он думал, что тот уже давно их обогнал или остался на пути, такие мощные машины обычно в хвосте не плетутся, особенно если за рулем кавказцы.

До рассвета оставалось часа три-четыре, а в светлое время разбираться будет гораздо сложнее или вообще поздно. Тоглар, не раздумывая, решил проверить предупреждение, возможно, кто-то и прознал про операцию, ведь никого из команды он толком не знал, да и ручаться в наше время за кого бы то ни было становилось все труднее и труднее.

— Значит, так, ребята, действуем по обстановке, — стал излагать свой план Тоглар. — Ты, Слава, — обратился он к Картье, — гони по трассе и внимательно посматривай по сторонам. Как только увидишь пустынную проселочную дорогу, ведущую к казачьим станицам, хоть влево, хоть вправо, сворачивай, в удобном месте тормозни и выходи из машины. Я пересаживаюсь на твое место, а ты прячешься со своим телефоном где-нибудь под деревом или в кустах, и я гоню дальше. Если джип по нашу душу, он обязательно свернет, и ты позвонишь на мой мобильник. Тогда в дело вступят Гера с Лехой: я высаживаю их с гранатометами, а сам неторопливо еду дальше, чтобы кавказцы видели меня впереди. Как только появится этот джип с нашими преследователями, расстреливайте его в упор. После взрыва я разворачиваюсь и подбираю вас по очереди, а через полчаса, если бог даст, мы снова на трассе. Ну, как ловушка? Есть предложения?

Команда согласилась без возражений, и каждый принялся готовиться к своей части операции.

Ровно через час, в пять утра, на дороге в станицу Ярмолинская тишину заснеженных свекловичных полей разорвали одновременно два залпа из гранатометов, а чуть спустя — короткая очередь, похожая на одиночный выстрел из израильского

автомата «узи». Столб огня после взрыва машины полыхал еще некоторое время, но дорога на Ярмолинскую была пуста, а с трассы горевший джип не было видно. Лес у дороги стоял густой, не прореживавшийся с самого начала перестройки, уже одичавший и занесенный снегом, он и погасил взрывную волну.

Тоглар, чтобы не застрять в занесенных снегом обочинах, долго искал, где можно было бы развернуться на узкой проселочной дороге, и, доехав до перекрестка, ведущего на развалившуюся ферму, развернулся и поспешил к месту засады, что устроили джипу Леха с Самураем.

Еще издали в свете фар и огне пожарища Тоглар увидел, что, кажется, не все прошло так удачно, как он спланировал. Машина продолжала гореть, источая вокруг едкий дым, время от времени взрывались патроны, видимо, оружия преследователи запасли немало, а Самурай, склонившись над кем-то, то ли оказывал помощь, то ли пытался услышать чьи-то последние слова. Леху он нигде не видел. Подбежав к Самураю, Тоглар понял, что лежавший на снегу мужчина не Леха, а молодой кавказец, хорошо одетый, без шапки, на привычного бандита он никак не походил, что-то интеллигентное было в его лице, искаженном болью. Одного взгляда Тоглару было достаточно, чтобы понять, что тот уже не жилец, понимал это и Самурай и пытался перед смертью узнать хоть что-то у незнакомца. Но парень говорил с трудом и все пытался поднять перебитую левую руку, наверное, что-то хотел достать или куда-то показать, и, чувствуя, что это ему уже не удастся, он вдруг прошептал:

— Я американец.. В кармане паспорт, не забирайте документы, я не должен умереть безымянным. — По-русски он говорил хорошо, без акцента.

— Оставлю, если скажешь, зачем за нами охотился? — жестко ответил Тоглар, прислонив его удобнее к замерзшему стволу старого тополя.

— Скажу, скажу, — прохрипел тот, — теперь нет смысла хранить тайну, я чувствую, как из меня уходит жизнь. Я охотник за «граверами» из ЦРУ, а ты — Тоглар, создавший супербанкнот, который не читает ни один детектор.

— Как ты узнал об этом? — уже кричал, склонив лицо почти вплотную к нему, Тоглар — парень говорил все тише и тише.

— Я выследил Наталью, которая украла у тебя деньги... Она живет в Париже, вышла замуж за какого-то модельера. Она мне тебя и выдала, а дальше... сам понимаешь... Не забирай документы, мои родители умрут от горя, если не похоронят меня... У меня на руке часы «Чингисхан», они полмиллиона стоят — возьми их себе, я восхищался тобой. И еще, главное: живи спокойно, твою тайну знал я один. Я не сдал тебя ЦРУ, я искал «гравёра» для себя...

— Обещаю... — только и успел сказать Тоглар, и американец затих.

Тоглар на всякий случай достал документы — парень не обманывал, он действительно был корреспондентом газеты «Лос-Анджелес таймс». Командировочное удостоверение гласило, что он направляется в Грозный, чтобы взять интервью у Джохара Дудаева. Документы Тоглар положил на место и даже застегнул внутренний карман. Он хотел перенести парня поближе к дороге, но Самурая рядом не было. Пришлось окликнуть. Самурай отозвался с другой стороны дороги, и Тоглар понял, что беда случилась и с Лехой. Оттащив американца к обочине, Тоглар подбежал к Самураю.

— Вот, успел кто-то из них пальнуть, прямо в сердце, наверное, со стволами наготове свернули они сюда, — произнес тихо Самурай и добавил: — А он хотел попросить у вас после операции эту машину. — И голос Кольцова дрогнул.

— Что будем делать с ним? — спросил Тоглар, понимая, что нужно убираться отсюда побыстрее.

— Зима, похороним по-язычески, — обреченно вздохнул Самурай. — Надеюсь, он нас простит. Кто жив останется, пусть по всем поминки справит и молебен в церкви закажет, теперь это нетрудно.

— Хорошо, действуй, — ответил Тоглар и пошел к машине...

«Лендровер» Македонского уже больше часа стоял на обочине неподалеку от поворота на станицу Ярмолинская.

— Отдохнем чуток, давайте перекусим, и я с вами выпью, устал, — сказал он, как только увидел, что уазик и джип свернули с трассы.

Когда они, словно мусульмане в пост, трапезничали на рассвете, из-за поворота на большую дорогу вынырнул шустрый уазик Тоглара и рванул на Ростов. Черный джип не появился ни через пять минут, ни через десять, и Македонский сказал Власу:

— Садись за руль и поехали, а я немного вздремну, охота на «гранд-чероки» отменяется.

12

Утром Тоглар ехал уже по хорошо знакомой дороге — тот путь, который он проделал в прошлом году на «Волге» с Андрюхой из Ставрополя, он запомнил навсегда. Первый день на свободе! Как жадно он тогда вглядывался в каждое селение, в дома у автотрассы, и вот он снова добровольно возвращается в Чечню, хотя, кажется, тогда он зарекался, что на Кавказ он больше ни ногой. Чужой он, Кавказ, если не сказать опасный, для русской души, как бы его исторически ни привязывали к России, ни искали общих корней и стратегических интересов, — в этом Тоглара никто не переубедит. Это про них, про кавказцев, некогда в тюрьме сказал Тоглару первый учитель: сколько волка ни корми... И время доказало правоту мудрого уголовного, которого, кстати, много лет позже кавказцы и прирезали.

Место за рулем занимал Картье, разговор после происшедшего на дороге не клеился, ехали молча. Тоглар, сразу поверивший умершему у него на руках кавказцу, все думал, кто же навел на него иноземца, и вдруг неожиданно сказал:

— Знаешь, Слава, а один в джипе оказался американцем, корреспондентом газеты «Лос-Анджелес таймс»... — но о предсмертном признании погибшего распространяться не стал.

— Его звали Карлен Татлян? — спросил сразу, не раздумывая, Картье, чем удивил Тоглара.

— Да, так. А откуда ты знаешь?

— В прошлом году он почему-то проявлял ко мне интерес, не явно, конечно, но я это чувствовал, — стал рассказывать Неделин, не отрывая взгляда от дороги. — Куда ни приду, везде он. Он не пропускал в Москве ни одной серьезной тусовки,

тогда я и узнал, что он репортер светской хроники американской газеты. Но я заметил за ним одну странность, он старался бывать в местах, где собираются крутые, и гуляют шальные деньги: в казино, катранах, в «Пекине», в ночных барах и ресторанах, а в «Золотом петушке» у Хавтана он был завсегдатаем. Я предупреждал Леонида Андреевича, просил присмотреть за ним. Да и появлялся этот американец всегда в обществе армянских гангстеров. Я так и не понял, почему он интересовался мной, — закончил, пожав плечами, Картье, а затем добавил: — Может, это ереванские гангстеры навели на вас?

Но Тоглару все стало ясно, он понял, почему американец, охотник за «граверами», присматривался к Картье — наверное, подозревал Неделина в причастности к фальшивым долларам. А Картье вполне тянул на этот романтический образ — умен, элегантен, ведет светский образ жизни, не беден.

Однако вслух Тоглар сказал другое:

— Интересно... Молодец, что прояснил ситуацию, а то я мучаюсь: отчего, почему? — Случайное признание Картье отвело от него закравшееся было у Фешина подозрение. И Тоглар впервые почувствовал к нему искреннюю тягу и симпатию, надежный был парень Неделин.

Когда до Чечни осталось часа два езды, Тоглар решил: пора делать привал, пообедать, отдохнуть, и стал вглядываться в часто мелькавшие у дороги селения, чтобы сделать остановку. Такое село вскоре нашлось. Возможно, Тоглара привлек придорожный трактир, где у входа висели три освежеванные туши крупных курдючных баранов из калмыцких степей, тут же мясник в замызганном фартуке отрубал желающим приглянувшийся кусок. Из раскрытых настежь дверей доносились вкусные ароматы, а за углом, в затишье, на открытом мангале жарили шашлык. Трактир держали армяне — беженцы после бакинских погромов.

Машину отогнали во двор, чтобы лишний раз не мозолила глаза, и вошли в прокуренный зал.

— А чиж-пыж в этом заведении имеется? — спросил Тоглар у бросившегося к ним хозяина, он знал, что такое блюдо могут приготовить только в Баку.

Хозяин внимательно посмотрел на Тоглара и с улыбкой ответил:

— Если время есть, какой разговор, сделаем. Мне и самому вдруг захотелось, — признался добродушно толстяк, один к одному похожий на Элвиса Пресли, — а пока, и хаш есть, и суп кюфта, и жаркое из ребрышек с картошкой, шашлык любой: из мяса, из печени, а можем и из осетра — Дон еще не оскудел. А к водочке и икру малосольную можем подать, и балычок...

Чем-то эти ребята приглянулись хозяину трактира, да и небедные, сразу видно. Тоглар, не знавший, где скоротать часа три-четыре, сказал, повеселев:

— Времени у нас хватит. Накрой нам стол в дальнем углу, и если есть свежая осетрина, пожарь не только шашлыки, но и кусками, и все остальное подавай, больно вкусно рассказываешь. И про чиж-пыж не забудь, угощу ребят, теперь им в Баку не бывать, все, развелись окончательно. — И уже за столом он объяснил Самураю и Картье, что чиж-пыж — это блюдо из свежих бараньих потрохов, и если его готовят умельцы — объеенье.

В придорожном трактире все разговоры были о начавшейся войне в Чечне, это стало заметно с утра, когда поток машин навстречу усилился вдвое-втрое, они шли лавиной. Тоглар, до того как они молча помянули Леху, достал карту Грозного и стал внимательно ее рассматривать: им предстояло пересечь чеченскую столицу и двигаться вглубь республики, к горам. Ушли они из гостеприимного трактира затемно, засиживаться дольше было неудобно. Провожал их сам хозяин, просил остаться на ночь, но, видя непреклонность гостей, пожелал им удачи и сказал, что обязательно будет ждать их на обратном пути и зажарит им такого поросенка, которого они никогда не едали. На том они и распрощались. Уезжая, Тоглар попросил завернуть свежего мяса, килограммов десять, но разрезать на семь-восемь частей. Сперва подельщики не поняли зачем, но быстро просекли: в усадьбе, спущенные с цепи, гуляли ночью три огромных волкодава — гостинец предназначался им.

На блокпост российских войск у въезда в Грозный подъехали за полчаса до полуночи. Документы у них проверяли основательно, пришлось показывать секретное командировочное предписание, залезли даже в салон уазика. Майор на вахте предлагал Тоглару дождаться утра, в городе шел жестокий бой. Чеченцы, не оказав сопротивления, пропустили танковую колонну в город, а затем, подбив в каждом квартале

головные машины, заперли их, лишили маневра — ни вперед, ни назад, — и методично, в упор, расстреливали беспомощных танкистов противотанковыми гранатами, жгли «шмелями» — новейшим российским оружием, оставленным предателями и казнокрадами из Москвы. Да и саму танковую операцию в условиях города можно было считать подарком чеченцам, но страна вряд ли когда узнает имя генерала, отправившего на верную смерть сотни молодых танкистов. Однако Тоглар объяснил, что он на ночь только и рассчитывает, а к утру, до конца смены майора, уже должен возвратиться с секретным грузом, как ему и приказано. Тогда майор, взяв карту Тоглара, пометил красным карандашом, как им безопаснее проскочить Грозный, — маршрут проходил по окраинам, почти по тем же улицам, что наметил в трактире он сам.

В Грозном чеченцы пытались остановить их дважды, и всякий раз Тоглар, притормаживая издали, словно намеревался выполнить приказ, в последний момент, когда патруль сходил на обочину, готовый к проверке, резко давил на газ и уносился вперед — форсированный мотор позволял такие штучки. Запоздалые выстрелы по скатам и в заднюю бронированную дверь не могли причинить машине вреда. В Грозном они по-настоящему ощутили, что такое война, фронтовой город. Горел, освещая ярким пламенем северные окраины города, нефтеперерабатывающий комбинат, в центре слышались взрывы, автоматные очереди, тяжелые залпы танковых орудий, обреченные танкисты отбивались в горящих машинах. А в небо, словно в праздник, ежеминутно взлетали сотни осветительных ракет, падая, они театрально высвечивали снегопад, но ими в эту ночь вряд ли кто любовался.

После обильного застолья и отдыха в гостеприимном и радушном армянском трактире у дороги за руль сел Тоглар, и ровно в половине второго ночи, проезжая какое-то село в предгорьях, в темном и безлюдном переулке сказал вдруг, притормаживая:

— Вот мы и приехали, Картье.

Неделин, глянув вправо, увидел особняк за глухим кирпичным забором, где в правом крыле, несмотря на ночь, светились оба окна. Картье сразу представил узкий коридор, где на зиму висят связки лука, и дальше две комнаты, в одной из них и

находится вход в подвал, — чертеж этот они знали наизусть и могли пройти в тайник, кажется, в темноте.

Картье хотел открыть задвижку и предупредить Самурая, что приехали, но Тоглар удержал его:

— Не спеши, не время. Пусть покемарит после сытного обеда, ничего нового мы ему не скажем, московский план остается в силе. Судя по светящимся окнам, груз на месте. Но мы подождем еще часа полтора-два, лучшее время для серьезного дела наступает в три четыре часа утра, проверено. А пока отведем в следующий квартал, к мельнице, там, под навесом для лошадей, в тени, и станем. Оттуда нам будет видно, когда погаснет в доме свет.

Но не успел он произнести эти слова, вдруг, как по волшебству, погасли окна, и двор погрузился в темноту. Они услышали, как тоскливо, словно чуя беду, завыла за забором собака, и Тоглар, наострившись, определил: Казбек... У мельницы Тоглар и Картье перебрались в салон к Самураю — тот уже понял, что они прибыли на место. В плане, многократно обсуждавшемся в Москве, роль старшего на последнем этапе отводилась Самураю. Тоглар должен был войти во двор, лишь когда они доберутся до подвала. После гибели Лехи ситуация изменилась, теперь Тоглар должен был не ждать подельщиков за рулем машины, а страховать их с улицы, но в дом он все равно должен был войти, только когда они нейтрализуют охрану. Самурай помнил грозное условие Аргентинца — жизнь хозяина дороже успеха операции.

Вначале заготовили собакам корм: облили мясо ядовитым составом, инструкция требовала делать это не меньше чем за час до операции. Затем каждый примерил и подогнал для себя небольшой респиратор, спецназовцы называют их намордниками. Решили воспользоваться новейшим нервнопаралитическим газом, тем самым, которым пользуются израильские командос при ликвидации террористов, захвативших самолет или автобус с заложниками. Газ не имеет цвета и запаха, его присутствие нельзя ощутить, как и радиацию, но действует очень эффективно и быстро, в течение пяти-десяти минут, и гарантирует всем отключку на три-четыре часа.

Через час они подошли к усадьбе с подветренной стороны, чтобы их не учуяли сторожевые псы, и Тоглар стал потихоньку,

кусок за куском, забрасывать мясо во двор. Только с четвертого куска они услышали, как весело заскулили собаки, обнаружившие в снегу свежую баранину. Закинув оставшуюся отраву, Тоглар стал внимательно прислушиваться к хрусту костей, наконец, передвигаясь вдоль забора, убедился, что пируют все три волкодава. Вновь вернулись в машину, — собаки бывают чрезвычайно живучи, но больше часа, как показывает опыт, не выдерживает ни одна, тем более, что яда они не пожалели. Решили не рисковать, ждать — времени еще хватало.

С той минуты, когда Тоглар объявил, что они прибыли на место, Неделин пытался понять, отгадать, что ценного можно было добыть в этом глухом предгорном селе. Но никакого вразумительного ответа найти не мог. А тайна была, подтверждением тому служила и смерть американца, кадрового офицера ЦРУ. Может, золото? Картье прекрасно знал, что на золотых приисках России, еще с царских времен, приемщиками золота, кладовщиками из поколения в поколение работали ингуши и чеченцы. Золотой песок и самородки десятки лет стекались в два чеченских села, и золота там всегда было не меньше, чем в государственной казне, даже слитки отливались весом в килограмм. Может, Тоглар добрался до тайны чеченского золота? Но золото должно охраняться более основательно, а скорее всего, за время правления Джохара Дудаева оно, как и положено, было переправлено в самые надежные швейцарские банки. Как ни крути, тайна Тоглара не давалась в руки, ее предстояло отгадать.

В машине еще раз проверили оружие и фонарики. Внимательно осмотрели баллончики с газом, имеющие мощные присоски, с помощью которых можно было приладить баллончик к любой щели или замочной скважине. Еще до того, как погас свет в двух окнах в правом крыле, Тоглар показал Неделину на открытые форточки-фрамуги, из которых на холодную улицу тянулся пар. Такая же форточка была и в единственном окне затемненной комнаты посередине. Форточки в сельских домах маленькие, узкие, и приладить в двойных рамах баллончик — дело минутное. Газ поступает хоть и под давлением, но бесшумно, останется лишь захлопнуть наружную створку форточки и подождать пять-семь минут. В это время Самурай и Картье отмычками попытаются открыть наружные

двери в правом крыле и посередине. Если какая-нибудь дверь поддастся, открывать вторую нет смысла — комнаты внутри соединялись между собой коридором.

Когда на часах было половина четвертого ночи, они на машине подъехали прямо к дому. Самурай с крыши уазика перелез через высоченный забор, снял засовы с ворот и приоткрыл калитку, в которую прошмыгнул Картье. Он направился с баллончиками к окнам в правом крыле, а Самурай поспешил к единственному окну в середине дома. Тоглар с новеньким укороченным автоматом в руках, о котором мечтают бандиты, остался у машины, больше поглядывая во двор, чем на улицу. Самурай быстро приладил свой баллончик, захлопнул форточку и перебрался к двери. Оставалось самое сложное на сегодня, но вдруг он обнаружил, что дверь плотно прикрыта, но не заперта. То ли забыли, то ли кто ночью выходил по нужде, то ли ждали кого-то с вечера — гадать было некогда, и Герман, знаками подозвав Картье, дал понять, что путь свободен. У входа, прислоненные к стене, стояли большие самодельные санки — наверное, в них подвозили к дому из сараев дрова и уголь, — и Самурай предусмотрительно пристроил их рядом с крыльцом. Если пачки, как мыслил Тоглар, на месте, они побросают их в санки — и тут же к воротам; на этом выиграют три-четыре минуты, а чем раньше они рванут от этого таинственного дома, тем больше шансов остаться в живых.

Минуты тянулись медленно. Самурай то и дело поглядывал на часы. «Пора», — сказал он наконец, и друзья, поправив «намордники», стали осторожно открывать дверь, — слава богу, она не скрипела. По плану, вычерченному Тогларом, они знали, в каких комнатах должна находиться охрана, и, разделившись в коридоре, один направился направо, другой — налево. Уже в прихожей они услышали молодецкий храп, раздававшийся из комнат. В правом крыле в одной из комнат спали на железных кроватях двое молодых парней, одетых в спортивные костюмы. На полу возле них валялись старые автоматы, а у одного, лежавшего на боку, лицом к стене, из-под подушки выглядывала рукоятка пистолета «ТТ». Картье на всякий случай брызнул на охранников из баллончика, забрал оружие и перешел в следующую, безоконную комнату, где включил свет. Здесь, в середине комнаты, под

затоптанным ковром, находился лаз в подвал. В ту минуту, когда Картье откинул ковер, рядом появился Самурай и, поняв, что они у цели, побежал на крыльцо: теперь наступал черед Тоглара.

Тоглар, на удивление Самурая, кинулся не к открытому лазу в подвал, в который с фонариком в руках уже спустился Картье, а к старому ковру на стене и, отодвинув его нижний угол, нажал пыльный выключатель. В подвале сработал какой-то механизм, и одна из оштукатуренных стен, с навешанными на ней старым корытом, хомутами, седлами, уздечками, пучками засушенного красного перца и початками кукурузы в связках, с шумом отошла в сторону. Она открыла один из секретных тайников, где хранилась часть чеченских денег — на экстренный случай. Тоглар, тут же в комнате, нажал на другой выключатель и зажег в подвале свет, и только потом нырнул в тайник вслед за Самураем и Картье.

— Успели ополовинить... — в сердцах выругался Тоглар, увидев на грубых полках из половой доски аккуратные пачки каких-то бумаг. — Тридцать две, — быстро подсчитал он.

Велев не мешкая выносить, Тоглар сам схватил сразу четыре пачки и первым кинулся к лестнице. Самурай, поднявшийся следом, не дал хозяину спуститься вновь, а приказал срочно вернуться к машине и страховать их с улицы — дом уже не представлял для них опасности. Подхватив пачки, Тоглар бросился из дома, там уже могли справиться и без него. Побросав пачки вглубь открытого салона, Тоглар вышел на середину улицы, дошел до угла, глянул вдоль переуллка, — казалось, чеченский аул спал безмятежным сном.

Пачки были обтянуты прочной прозрачной пленкой, и Картье с Самураем видели лишь, что это какие-то бланки бухгалтерских отчетов — за такой груз не могли платить миллионы и рисковать жизнями, значит, опять какая-то тайна. Вскрыть пачки было невозможно, они оказались очень тщательно обвязаны нейлоновыми жгутами. Конечно, не сговариваясь, попытались потрясти их, полагая, что внутри может быть что-то спрятано. Но, судя по весу, по однородности массы, это были всего лишь бумаги, хотя, конечно, не бухгалтерские. И Картье, и Самурай подумали, что это, скорее всего, сверхсекретные архивы, документы, которые любой ценой следовало

вывезти из Чечни, чтобы сохранить позорные тайны Кремля и, возможно, новой, постсоветской власти.

Оставшиеся двадцать восемь пачек быстро побросали на санки, закрыли дверь и потащили груз к воротам. Картье залез в салон и стал аккуратно укладывать пачки в контейнер — сразу стало ясно, что они не только поместятся там все, но еще и останется немного места.

Когда Самурай подал Неделину последнюю пачку, в переулке внезапно появился человек — это был Шамиль, внук хозяев дома. Весь день он пропадал с товарищем в Грозном, час назад они вернулись в село, поужинали у друга, и сейчас он торопился домой, завтра с утра снова надо было ехать в столицу, — это для него оставили дверь открытой.

Увидев у ворот своей усадьбы автомобиль, о котором днем не было и речи, и человека возле него, он грозно спросил по-чеченски:

— Кто вы такие?

Тоглар, который должен был стрелять в любого, кто мог появиться, узнал парнишку по голосу и на секунду дрогнул, затем ответил тоже по-чеченски:

— Шамиль, это я, Тоглар... Решил вернуться, не пошла в масть жизнь в России... — Так он хотел отвлечь внимание парня, приблизиться и оглушить его. Стрелять у Тоглара не поднималась рука, уж очень человечно относился к нему этот чеченский парнишка.

Наверное, так бы оно и случилось... Шамиль успел крикнуть что-то радостное и шагнул навстречу Тоглару, но в этот момент из-за машины появился Самурай, и молодой чеченец, ощутив всем нутром грозившую ему опасность, выстрелил в Кольцова первым. Второй выстрел, в Тоглара, находившегося в нескольких шагах, Шамиль не успел сделать: раздался слабый хлопок из «люгера» — Картье тоже не промахнулся. Оба сразу бросились к Самураю... Но чеченец попал в голову — смерть наступила мгновенно. Не раздумывая, они подняли Самурая, закинули его в салон и бросились в кабину — УАЗ стоял уже с работающим мотором. Через несколько минут они выскочили к трассе на Грозный...

Вырваться из Грозного по новому маршруту было сложнее — даже на окраинах шли бои, а на некоторых улицах спешно возводили баррикады, и кругом — патрули, патрули, чеченские ополченцы: молодежь в спортивных куртках, старики в кудлатых папахах, при кинжалах и шашках, с давно забытыми маузерами в деревянной кобуре. На одном перекрестке, возле сгоревшего БТРа, лежали трое убитых российских солдат, и Картье неожиданно глухо сказал:

— Давай оставим Германа рядом с ними. После боя пойдет похоронная команда, она и заберет всех, похоронит по-человечески. — Неделин был уверен, что Грозный возьмут если не сегодня, то завтра.

Они остановились, быстро вытащили и положили на грязный снег рядом с молодыми солдатами Кольцова-Самурая, мысленно попрощались с ним и стали вновь петлять по улицам, чтобы выскочить из города на Ростов, — уже светало.

Через час, когда уже совсем рассвело, многократно обстрелянные, они выскочили на тот самый блокпост российских войск, через который недавно въехали в Чечню. Очередь на КПП была не меньше, чем на заправочных станциях в дни бензинового кризиса. Тоглар, чувствуя, что они могут застрять тут и на два, и на три часа, пошел на пропускной пункт, в надежде на то, что знакомый майор, показавший им ночью на карте, как лучше проскочить Грозный, еще не сменился.

Увидев Тоглара, майор радостно спросил:

— Успели? — и, получив утвердительный ответ, отдал команду пропустить военных из радиационной лаборатории срочно и без досмотра.

Когда отъехали от Чечни километров на пятьдесят, Тоглар, остановив машину и освобождая место водителя для Картье, сказал устало:

— Может, нам подыскать местечко и поспать часа три-четыре? Задание, хоть и с потерями, мы выполнили, а путь предстоит неблизкий, дорога скользкая, загруженная, снегопад, а впереди еще ночь...

Картье, подумав, предложил:

— А не лучше ли нам доехать до армянского трактира, это часа три езды, там можно хорошенько пообедать и поспать до ночи. Надеюсь, хозяин определит и нас, и машину в надежное место, он произвел на меня приятное впечатление.

Так и решили. Обменявшись местами, поехали дальше. Тоглар, откинув голову, постоянно дремал, видимо, напряжение, риск, бесконечная ночь давали о себе знать, да и возраст сказывался, он осунулся на глазах. А Картье не переставал гадать, что же такое тайное они везут в радиационном контейнере и будет ли у него до Москвы возможность узнать секрет этих бумаг? Теперь Картье интересовало и другое: откуда Тоглар возьмет миллионы для оплаты операции? Неделин был уверен, что они поехали в Чечню или за деньгами, или за чем-то ценным, и оплачено всем будет из тех средств, что они, рискуя жизнью, вывезут из чеченского села. В общем, Картье запутался окончательно, не зная, что и предпринять... Может, ночью после отдыха и хорошего ужина сам Тоглар и прояснит ситуацию.

К придорожному трактиру подъехали к обеду. Хозяин, увидев их вдвоем, спросил тревожно:

— А где третий парень, Герман? Ему в прошлый раз так понравились шашлыки из печени...

— Пришлось оставить, так сложились обстоятельства, — по-военному кратко объяснил Тоглар.

— А я поросенка, как обещал, подготовил. Сейчас я его в духовку — и через сорок минут подам на стол, — опять засуетился двойник Элвиса Пресли.

Тут Тоглар, отведя его в сторону, сказал, что они бы не прочь после поросенка где-нибудь поспать, а к ночи тронуться в путь.

После обеда, за которым они, опять же молча, помянули и Леху, и Самурая, хозяин трактира повез их к себе домой. На окраине казачьего села он уже успел выстроить себе двухэтажный особняк за высоким кирпичным забором, с гаражом, надворными постройками и баней.

— Отдыхайте здесь на здоровье. Мы с женой и детьми все равно до позднего вечера в трактире пропадем. — Радужный армянин, помнивший о щедрой оплате накануне, отдал ключ от дома и гаража. — Когда отоспитесь, подъезжайте к трактиру, подзаправитесь на дорогу — и в Москву...

Все складывалось как нельзя лучше. Загнали УАЗ в бетонный гараж с железными воротами, заперли и поднялись на второй этаж в спальню для гостей, как указал хозяин, — через полчаса они уже спали крепким сном.

Когда часа через три Тоглар, сонный, хотел перевернуться на другой бок, он неожиданно почувствовал в плече резкую боль. И, еще не проснувшись, понял, что попал в какую-то ловушку: левое запястье сжимало кольцо наручников. «Кто это? — мелькнула горькая мысль. — Преследователи, трактирщик, Картье?»

Открыв глаза, Тоглар увидел, что по комнате, устланной коврами, расхаживает человек среднего роста в тонкой лайковой куртке — такого в трактире он не видел, не был он похож и на чеченца. Чуть скосив взгляд, Тоглар заметил похрапывающего Картье, его свесившаяся рука тоже была прикована к батарее отопления, и он не знал еще о своей участи.

Тоглар попытался резко рвануть — на первый взгляд, тонкая цепочка была не очень прочной, — но наручники оказались надежными. Словно прочитав его мысли, незнакомец оглянулся на грохот:

— Проснулся? А вот испытывать наручники не советую, проверено... Изготавливает солидная немецкая фирма, «Крупп» называется, она все делает с гарантией. — И в вопросе, и в тональности объяснения сквозила театральная издевка, насмешливость.

У Тоглара промелькнула мысль, что он то ли знает этого человека, то ли слышал о нем. Чтобы сбить с него спесь, жестко спросил:

— Кто ты такой? И что тебе от меня надо?

От шума в комнате проснулся Картье и рванулся с кровати на помощь Тоглару, но тут же, от резкой боли в руке, вскрикнул. Тоглару стало ясно, что к этому эпизоду Картье не имеет никакого отношения.

— Кто я? — так же спокойно, наигранно спросил человек и не замедлил с ответом: — Я — Македонский...

И Тоглар сразу вспомнил рассказ Аргентинца про того известного киллера, где явь давно уже перемешалась с фантазиями. Надо было во что бы то ни стало скрыть свою обреченность — терять-то уже нечего, — поэтому Тоглар спокойно ответил:

— Слышал... Знаю про твои художества. Даже восхищался: никому до тебя из «Матросской тишины» бежать не удавалось. Но если ты имел две ходки, как про тебя говорят, то и ты про меня должен был слышать?

— Да, ты прав. Я знаю — ты легендарный Тоглар. Когда я бежал из лагеря в первый раз, у меня от Соболя малява к тебе имелась, чтобы ты помог мне с ксивой...

— Я не помню тебя... — перебил Тоглар.

— А я и не добрался до тебя, меня снова повязали в Тюмени, кто-то сдал...

— Чего ты хочешь от нас? — агрессивно спросил Тоглар.

— Экспроприировать ваши деньги. Уверяю вас, они мне больше нужны. — Македонский в упор смотрел на Тоглара и словно не видел его.

— Не подавишься? Там ведь миллионы, — вспыхнул Тоглар и уже совсем зло добавил: — Ты же знаешь, по нашим законам — это моя добыча, и то, что ты затеял, — запахло. Если это когда-нибудь всплывет, тебе долго не жить. Я слышал, что многие авторитетные люди имеют на тебя зуб, а моя кровь может переполнить чашу терпения братвы...

Картье, наблюдавший за этой словесной перепалкой, догадался, кто на них наехал, — о Македонском он, конечно же, знал. И тут до Картье дошло, что в пачках тех, оказывается, деньги, и скорее всего, даже в долларах. Но сейчас надо было думать о жизни, а не о добыче из Чечни. И только после того, как он понял, что мотались они за деньгами, до его сознания дошло, что Тоглар и есть тот самый чистодел, который, по данным КГБ, давно считался погибшим в аварии.

— Не кипятись, Тоглар, — между тем говорил Македонский, вышагивая по комнате. — Я понимаю тебя, наверное, такой и должна быть реакция, когда из-под носа уведут богатую добычу. Но если бы я не уважал тебя, не понимал, что ты сделал для братвы, ты был бы уже не жилец. Мне ничего не стоило пристрелить тебя и твоего подельщика, а контейнер я бы и без тебя открыл, даже без ключа, для этого сейчас существуют лазерные резакки. Деньги я решил забрать, а тебя отпущу в Ростове. Дружка твоего кончу, я не люблю свидетелей, к тому же он не ваших кровей...

— Нет! — дернувшись, жестко отрезал Тоглар. — Я втянул его в это дело, мне его рекомендовали тоже авторитетные люди. Кроме того, он ночью спас мне жизнь: не выстрели он вовремя и точно, чеченец изрешетил бы меня насквозь, я стоял в двух шагах от смерти... Если надумал стрелять, стреляй уж обоих.

— Ну что ж, если ты за него отвечаешь, пусть живет, — согласился внезапно Македонский, пряча пистолет под куртку. — А теперь кончаем базар — и быстро в машину! Наручники, на всякий случай, снимем в Ростове. Где ключи от гаража, машины и контейнера?

Тоглар взглядом показал на висевшую у входа камуфляжную куртку с полковничьими погонами.

— Власт! — крикнул, повернувшись к двери, Македонский, и в комнату тотчас вошел молодой человек с бычьей шеей, обязанности которого были понятны и без объяснений. Македонский кинул ему связку и приказал: — Отдай ключи Митяю, пусть он выводит УАЗ из гаража. А ты, по очереди, отведешь этих людей, в наручниках, в салон. УАЗ поведу сам, ты — в салоне вместе с ними, и гляди в оба. Митяй на «ленд-древере» поедет вслед за нами...

Через полчаса две скоростные машины, разрезая дорожную тьму мощными галогенными фарами, летели к Ростову. То ли ночь выпала морозная, то ли война в Чечне гаишникам пыл поубавила — теперь за настырность и пулю в лоб легко можно было получить, — их ни разу до самого Ростова не тормознули. Когда вдали появились пригородные огни Ростова, УАЗ остановился, и Македонский, открыв заслонку, спросил у Тоглара, где их высадить в городе, на что тот, подумав, ответил: у гостиницы «Редиссон-Ростов». Его путь из Чечни опять заклинился на этой гостинице.

— А я ведь тебя, Тоглар, отпускаю на волю не с пустыми руками. Слушай меня внимательно, — сказал Македонский, сложив руки на руле. — В Москве почти два года беспредельничала банда из Новокузнецка, страха нагнала и на «синих», и на банкиров, и на ментов. Последний главарь банды, Шкабара, успел перевести на Запад бешеные деньги, гораздо больше, чем я собираюсь у тебя отнять. Но в тот день, когда он наметал смотаться в Вену, его арестовали, а позже он повесился

в тюрьме. Бухгалтер банды, знавший о деньгах все досконально, сбежал, а бумаги на предъявителя пропали. Я, прознав про такую историю, нашел следы бухгалтера, кликуха у него Гном, — он содержался под стражей у одних авторитетных людей, — и выкрал его, теперь он находится у меня. Концы документов, кажется, пропали навсегда. Но у Гнома остались их ксерокопии, и я их хорошо изучил. Рано или поздно, я все равно пришел бы к тебе, чтобы ты «восстановил» документы, тогда у нас в руках был бы ключ к швейцарским банкам. Я тебе уступаю копии бумаг и Гнома, действуй, обещаю не претендовать на долю. Ну, может быть, если мне опять придется быть в бегах, пригреешь где-нибудь на своей вилле возле Женевского озера. Красивые и удобные для жизни там места, рекомендую. Там я лечился, восстанавливал силы после побега и ранения...

— Интересно, — обронил Тоглар, уже, кажется, смирившийся с поражением. Конечно, о Шкабаре и о его банде он слышал, даже знал, у кого Македонский выкрал Гнома, но распространяться об этом не стал. — Скажи мне, зачем тебе такая сумма? — полюбопытствовал неожиданно даже для себя Тоглар. — Это слишком большие деньги. Может, тебе хватит двадцать-тридцать миллионов?

— Нет, Тоглар, меня и сто миллионов не устраивают, — не согласился Македонский. — Не жадничай, я даю тебе гораздо больше. Завтра ты увидишь бумаги и убедишься в этом. — Македонский, сняв наручники с Картье и Тоглара, протянул ему записку с адресом и ключ от квартиры, где содержался Гном.

— Ты не ответил, — напомнил Тоглар. — Или это тайна?

— Зачем мне нужны деньги? — с усмешкой переспросил Македонский. — Ну, я могу тебе выдать такую теорию... Открытая военная интервенция Антанты в 1918 году — ничто по сравнению с тем, что предпринимают против России сегодня подлецы, дорвавшиеся до власти. Я кто? Да, бандит... Но у меня сердце болит за землю, где я родился. Я не один такой. У меня есть единомышленники, люди, которым я доверяю, им тоже не безразлична судьба страны. Между прочим, это они помогли мне бежать из «Матросской тишины». И я дал себе зарок бороться с предателями и подлецами всеми доступными мне средствами, а я могу многое, тебе об этом известно. Но на

это нужны деньги, много денег, причем немедленно, сейчас...

В этот момент УАЗ мягко встал на площадке перед гостиницей, и Влас вопросительно глянул на хозяина: что дальше?

— Ну что ж, прощайте, — сказал Македонский и открыл пленникам дверцу машины.

Когда Тоглар с Картье, не оглядываясь, отошли шагов на двадцать, их вдруг снова догнал голос Македонского:

— Тоглар, подожди! Я, кажется, поступаю не совсем справедливо по отношению к твоим седидам, вот, возьми... — и Македонский выкинул из машины четыре пачки «бухгалтерских бумаг», только после этого УАЗ, а следом и «лендровер» исчезли за углом в ночи...

Тоглар переглянулся с Картье и в его глазах прочел ту же самую скептическую насмешку. Значит, он тоже не поверил байкам Македонского... Какое Отечество, какая страна, какое, к черту, благородство, да еще у такого матерого, отпетого бандита? Деньги — вот истинный бог и для вора, и для подонка-политика. Это из-за них валяется под снегом, как брошенная собака, крепыш Леха, из-за них поплатился жизнью прошедший огонь и воду Самурай, из-за них очертя голову кинулся в омут погони, отдал богу душу то ли армянин, то ли американец Карлен Татлян и его дружки, ереванские гангстеры, и кто еще следующий?

Он стоял и смотрел, как Неделин не спеша направлялся к валявшимся в подтаявшем снегу пачкам — осколкам их большой удачи и утраченных надежд.

А за спиной Тоглара горел огнями, гремел музыкой фешенебельный отель «Редиссон-Ростов», где, несмотря ни на что, никогда не прерывался, не кончался пир жизни.

Переделкино, август 1996

Налево пойдешь – коня потеряешь

Повесть

Шла вторая половина ноября, но настоящих заморозков еще не было. Ночи стояли темные, малозвездные, светало поздно, и поселок просыпался засветло. Вспыхивали в утренней суете то тут, то там бледные огни за стеклами давно не мытых окон. А то вдруг в одном или другом дворе за высокими глинобитными дувалами взлетали высоко в темноту яркие языки пламени — это первые расторопные хозяйки разжигали тандыр, чтобы порадовать домочадцев горячими лепешками. Разжигали щедро, не скупясь, ибо по осени гузапаей — сухими стеблями хлопчатника — был завален каждый двор кишлака. Радостно было видеть буйные всплески огня в темноте, когда контуры двора еще едва-едва различимы, а яблони или какая-нибудь старая орешина в огороде словно спрятались за черной занавесью, да и зябко на улице после теплой постели.

Осенью население кишлака удваивалось, а то и утраивалось — приезжали на уборку хлопка горожане. Кого здесь только не было: школьники и студенты, рабочие, служащие и, конечно, инженеры — этих, кажется, больше всех. И хотя привлекали горожан на уборку хлопка лет сорок подряд и зачастую вывозили в одни и те же места, о каком-либо добротном жилье, домашнем обустройстве не было и речи. Расселяли бедолаг по пустовавшим до Нового года школам, баракам, складским помещениям, клубам, даже по фермам, откуда за последние годы неизвестно почему исчез скот. Ставили на постой и по

дворам, где была мало-мальски свободная площадь, даже единственную чайхану кишлака и то, бывало, отдавали под жильё горожанам.

На таких постоях тоже вставали рано, по будильнику, даже раньше, чем сноха на большом подворье, — правда, вставали не все, а лишь занятые на кухне. Тандыров у горожан не было, хотя жили они здесь месяцами и горячие лепешки им не помешали бы. Но если не тянулись у них по утрам к небу высокие языки пламени от пылавшей гузапай, то дружно загорались фонари на высоких столбах у временных кухонь. Завтракали при огнях, а ужинали при звездах, таковы неписанные правила — хлопку весь световой день, ни суббот, ни выходных, ни праздников. Одним словом — страда!

До приезда горожан кишлак просыпался тихо, не спеша, не суетно, как и в любой сельской местности. Тянулись легкие дымы дружно затопленных очагов, и в воздухе носились от двора ко двору запахи свежеспеченных лепешек. В каждом доме свой рецепт: одни пекли легкие, пышные, румяные «обинон», другие — «патыр», долго не черствеющие лепешки на молоке и бараньем сале, третьи — большие, из пресного теста, на манер грузинского лаваша. В кишлачном магазине отродясь не торговали хлебом — только мукой, которую продавали мешками. Из поколения в поколение, из рода в род передавалось умение печь лепешки — и праздничные, и в долгую дорогу, и на каждый день.

Высокие фонари сеяли скудный свет, и кашевары зажигали большой керосиновый фонарь — с ним как-то надежнее. С треском разгорались отсыревшие за ночь дрова под котлом, вспыхивали облитые бензином чурки в топке трехведерного титана-кипятильника, и все вокруг освещалось огненными бликами. Во дворе появлялись первые сборщики, говорили спросонья шепотом, объяснялись жестами. То в одном, то в другом дворе загорланит вдруг нетерпеливый петух, сонные курицы сорвутся с насестов в темноте чуланов и, натываясь на закрытую дверь, поднимают слышимый далеко за подворьем шум. На переполох в курятнике откликнулись домашние псы, и собачья переключка, катаясь от усадьбы к усадьбе, поднимала и последних засонь. Вдруг далеко, у школы, где жили студенты, раздавался многократно усиленный мощными динамиками

голос Аллы Пугачевой: «... А ты такой холодный, как айсберг в океане...» — и день в кишлаке начинался...

Завтрак горожанина-хлопкороба сродни солдатскому — неприхотлив и быстр: геркулесовая или пшенная каша да кружка обжигающего чая; правда, иногда бывает масло, но в последние годы с маслом перебои. За столом поначалу не шумно, но не от уныния, многие сонны, потому что допоздна пропадали у студентов на танцах, и приятные мысли о вчерашнем радостном вечере еще туманят головы. Уныние на хлопке охватывает тогда, когда зарядят проливные дожди, когда низкое осеннее небо с набухшими, словно вымя не доенной коровы, тучами сеет и сеет над кишлаком серую пелену, и кажется, нет конца этой мороси. Дороги, дворы, поля — все в одночасье становится непроезжим, непролазным, и со всех углов, окон, дверей слабых глиняных построек, плохо уберегающих от осенних холодов и слякоти, тянет зыбкой сыростью. Вот тогда-то уныние стирает улыбки с лиц даже самых бывалых ребят: ни умыться, ни обсушиться, ни обед толком приготовить, ни к соседям податься, которые тоже сидят в своих бараках, подставляя порожнюю посуду, какая только находится вокруг, под нудную осеннюю неутихающую капель, — крыши над головами долгожданных шефов текут нещадно...

Нынче погода выдалась на редкость подходящая, хотя в конце октября неделя прошла в непрерывных дождях, дважды переходивших в мокрый снег. Но вскоре распогодилось, и о слякотных тяжелых днях быстро забыли, — так уж устроен человек, помнит лучшее, солнечное.

Взбодренные крепким горячим чаем, сборщики стряхнули остатки сна, зазвучали за струганым столом, сбитым из двух длинных тяжелых половых досок, крытых газетой, первые шутки:

— Баходыр, дорогой, зажарь на обед соседского петуха, век не забуду, — уж больно рано кукарекает. Сон, как я двести килограммов собрал, досмотреть не дает...

— Что-то ты вчера у медичек весь вечер с поварихой танцевал... Опытом обменивались, что ли, или меню на неделю обсуждали?

И тут же другой голос добавляет вдогонку:

— Ты смотри, поварихе секрет своей шавли не рассказывай — точно разлюбят, половина в мисках осталась...

Но Баходыра не так-то просто загнать в угол; он, ловко раскладывая по мискам пшенку, весело отвечает:

— Душа душу чувствует, этого вам не понять. А шавлю вы у других не пробовали — и за ту половину, что съели, меня на руках носить надо...

День входил в обычную колею — без шутки, смеха на хлопке не выдержать. По утрам больше всех достается поварам, и хотя шутки, пожелания не без подковырок, злобы в них нет, да и повара в долгу не остаются: уж они-то знают, кто на что способен в поле, да и на кухню обычно попадают люди бывалые, балагуры, острословы, им палец в рот не клади.

Когда шум и оживление за столом набрали обычную силу, на другом конце села, у здания правления колхоза, где расположен местный штаб хлопкоуборочной кампании, начали бить молотом в тяжелый рельс. Глухой резонирующий звук покотился в утренней тишине от двора ко двору, от постоя к постую — и без всякой команды сборщики стали подниматься из-за стола, разбирать сваленные с вечера в кучу фартуки, мешки, все так же озоруя и шумя при этом, и гуськом потянулись на улицу.

Просторный двор чайханы быстро опустел. Повара — их трое, на них лежит и снабжение, отвечают они и за порядок, и за чистоту вокруг — выпроводили последних, самых нерасторопных, которым достались фартуки без завязок и дырявые мешки, и, довольные, что люди на поле ушли веселыми, без претензий, улыбнулись друг другу. Утро для них — время тяжелое: не знаешь, кто с какой ноги встанет, что скажет спроне, и за два месяца хорошее настроение порою пропадает даже у самых выдержанных.

Старший, Баходыр, заглянул в чайхану. Там у окна на нарах лежал больной — Рашид Давлатов. С Баходыром они друзья, одногодки, работают в отделе комплектации седьмой год, и столько же лет вместе на хлопке — бывалые сборщики.

— Доброе утро, Рашид, как себя чувствуешь? — участливо спросил Баходыр.

Рашид повернул на голос тяжелую от прерванного сна голову и попытался ответить как можно бодрее:

— Вроде лучше, но ночью опять трижды выходил на улицу... Живот крутит, спасу нет, только к утру отпустило. Спасибо за грелку, здорово помогла.

Лампочка в чайхане горела в треть накала, и потому Баходыру не видно было, как отекло и пожелтело лицо товарища, а вокруг глаз темнее и шире обозначились круги. Но он и без того знал, что друг болен — кем-кем, а симулянт Рашид никогда не был. Да в такие дни и грех валяться в пыльной и темной чайхане — в поле такая благодать.

— Ну, вставай, дружище, будем завтракать.

Рашид нехотя поднялся, натянул «вечный» спортивный шерстяной костюм, когда-то специально купленный для поездки на хлопок. Попытался зашнуровать старенькие кроссовки, но голова кружилась, и он сунул ноги в первые попавшиеся остроносые азиатские калоши, стоявшие рядом у нар, — удобная обувь в полевых условиях. Держась то за стену, то за стойки нар, вышел на улицу. Утро было ясное, солнце поднялось яркое, обещающая теплый погожий день. Баходыра во дворе не оказалось, не было видно его ни у дровяного сарая, ни у сарая с углем, ни и у кладовки с провиантом, обладал он таким даром — моментально исчезать и так же неожиданно появляться; фантастическая расторопность, ему бы другую службу — наверное, далеко бы пошел.

Водопровода в кишлаке не было, и жители пользовались водой из небольшой речушки — Кумышкан, что означает Серебрянка или Серебряная, хотя вода в ней желтая, илистая, и нелогично называть ее столь ласковым русским именем. Не прижилось название, хотя многие и пытались поначалу перекрестить реку, пока однажды озорная табельщица Соколова в досаде не выпалила: «Да какая же она Серебрянка — Хуанхэ настоящая!» И как в точку попала — стали речку называть на китайский лад.

К речке выходило двенадцать кишлачных улиц, и вдоль каждой из них тянулся из реки арык, из которого брали воду для питья, полива огородов — в общем, целая мини-ирригационная система с запорами, задвижками. На каждой улице свой мираб — человек, ответственный за состояние арыка: чтобы содержался в чистоте, не заливало огороды, не падал уровень. Протекал арык и мимо чайханы, неся свои мутные воды.

Рашид умылся арычной водой, отстоявшейся за ночь в оцинкованной бадье для кипячения белья, причесался, но бриться не стал — у него уже курчавилась заметная борода, на манер «кастровской», столь популярной у горожан-сборщиков. Утренняя процедура утомила его, и он присел на скамейку у арыка. Вдали, за кишлаком, длинной рваной цепочкой шли на дальние поля сборщики, и его молодое цепкое зрение, не ослабленное болезнью, видело далеко окрест, как такие же цепочки, из других улиц, тянулись на другие поля, в другие стороны.

Давлатов — сборщик со стажем, нынешний сезон у него двенадцатый, и из всей хлопковой страды он любил именно поздние погожие дни осени, когда поля уже убраны и остается малость, самые дальние карты. Он обычно замыкал цепочку товарищей и шел не спеша, всегда один, наедине со своими мыслями.

Думалось в утренние часы светло и приподнято, жизнь казалась удачной, и все впереди виделось ясно, как в прозрачном воздухе осени. И чем дальше приходилось идти на неубранные поля, тем радостнее становилось у него на душе. Цепочка растягивалась, распадалась на компании, группы, парочки; были и такие, что, как он, шагали в одиночку, но Рашид безошибочно интуитивно вымерял шаг и всегда шел последним, держа определенную дистанцию.

Нет, он не был молчуном, человеком скрытным, любящим уединение, наоборот, вокруг них с Баходыром на хлопке все и хороводились. На обед, с обеда, вечером с поля он никогда не возвращался один, но утренние часы, дальнюю утреннюю дорогу никогда не делил ни с кем, даже с Баходыром.

Сегодня воздух был особенно свеж, хрустально чист, так что вдали четко обозначились контуры Чаткальского хребта, а ведь еще неделю назад смотри не смотри в сторону гор — даже самую высокую горную гряду не разглядеть. Кудесница-осень, словно подставив подзорную трубу, приблизила самые дальние дали.

— Думать должен здоровый человек, а больному мысли противопоказаны, безрадостными могут оказаться, — сказал Баходыр, неожиданно появившийся за спиной. — Идем завтракать...

И, бережно взяв товарища под руку, повел его к длинному столу, где еще недавно сидели сборщики.

— Лепешки... Горячие! — радостно воскликнул Рашид, и лицо его оживилось, посветлело.

— Со свежими сливками в самый раз, — ответил, улыбаясь, Баходыр и пододвинул к нему небольшую пиалу, наполненную каймаком — густыми домашними сливками.

«Так вот где он пропадал», — благодарно подумал Давлатов, представив, как обегал Баходыр соседние дворы, выбирая для него любимые лепешки.

— Спасибо, Баходыр... — сказал он и добавил, шутя: — Рискуешь должностью, балуешь друзей в отсутствие бригады.

Но по глазам было видно, что он рад и лепешкам, и вниманию друга.

За завтраком они не засиделись — подкатила запыленная колхозная машина, и Баходыр с помощником уехали в райцентр за хлебом и продуктами для бригады.

Давлатов остался с Саматом, самым молодым из поваров, ему весной только в армию идти, он на кухне больше за истопника, водоноса, да и порядок во дворе за ним. Разница в десять с небольшим лет для Самата словно пропасть, разговор у них не клеился, да и дел у парня невпроворот, и Рашид остался за столом один.

Уходя, Самат услужливо, как старшему, заварил свежий чай в небольшом фарфоровом чайнике. Благо трехведерный титан, который они между собой называли самоваром — он и в самом деле работает по принципу самовара, — кипит едва ли не круглосуточно. Поставив чайник перед Рашидом, парень исчез в дровяном сарае, откуда сразу же раздались глухие удары колуна, тяжело идущего в вязкой, сыроватой лиственнице.

Хоть и хороши были горячие лепешки, да и чай из кипящего самовара с отстоявшейся водой из горной речки ароматен, аппетит не появился. Рашид нехотя вымазал из пиалы каймак кусочком лепешки, не ощущая привычного сладковатого вкуса.

Его взгляд упал в соседний двор, где на привязи стояла пегая корова. Глаза у нее были грустные, усталые, наверное, как у него, измученного болезнью. «Может, каймак от этой коровы, и она осуждает мое равнодушие?» — подумал Рашид и улыбнулся.

Корова лениво мотнула головой, повернулась к нему тощим задом в навозе и утробно тоскливо заревела.

И вдруг его пронзила неожиданная мысль, от которой он вздрогнул и опрокинул пиалу с чаем. Хорошо, что, пока Рашид разглядывал корову, чай успел остыть. Вздрогнул он не только от странной мысли, а скорее оттого, что мысль такая пришла в голову впервые, а ведь это у него не первая осень в узбекском кишлаке.

«Почему только сейчас я увидел это?» — спросил себя Давлатов.

«Взрослеешь», — сказал бы отец.

«Болен, оттого и маешься чепухой», — объяснил бы Баходыр.

Но ни первое, ни второе не было объяснением. Наверное, это похоже на эффект прозрачного воздуха осени, когда однажды ясно, как на ладони, предстает перед тобой Чаткальский хребет, который еще вчера, как ни напрягайся, не был виден. Так и сознание Рашида вдруг стало четко воспринимать картины, которые он и раньше наблюдал, но видел до поры лишь контуры, очертания, или смутно ощущал что-то, а тут как будто наплыл крупный план, или, как в голографии, разглядел объемно и насквозь.

Он увидел, что в тех кишлаках, где ему приходилось бывать, коровы всегда на привязи, как собаки на цепи, с утра до вечера, изо дня в день. Да и то, отвяжи хоть на часок — потопчут небольшой огород, которым живет семья, объедят и обломают фруктовые деревья. А ведь он помнил, как просыпалось село в Оренбуржье, где он вырос: звенели подоюники в каждом дворе, скрипели распахнутые настежь ворота, и из переулков, улочек выгоняли к окраине коров, где, пощелкивая длинным кнутом, уже поджидал их нанятый обществом пастух.

Не мог он забыть, и как возвращалось стадо, поднимая пыль в переулках, сыто мыча.

Коровы шли тяжело, враскорячку — мешало разбухшее от молока ведерное вымя, — на каждом перекрестке терлись о телеграфные столбы лоснящимися гладкими спинами — в поле, у реки одолевали их слепни. А здесь, в кишлаке, не было ни выгона, ни лугов, где можно накосить на зиму сена, оттого и привязана корова на цепи, да и такую не во всяком дворе встретишь. Кругом хлопок, поля да поля, ближние и дальние, каждый клочок отдан «белому золоту», в ином райкомовском палисаднике вместо цветов — хлопок. Но это уже, как

говорится, от чрезмерного усердия — хлопок все-таки сподручнее выращивать на полях, чем в палисадниках, пусть даже и райкомовских.

Конечно, корова не олень, но тоже животное пастбищное, любит свободу передвижения, ей природой дано щипать травку на воле, выбирая, какая больше ко времени и по нутру. Привязанной на подворье, ей скармливают остатки со стола да ту малость зелени, что надергают детишки вдоль местной Хуанхэ и у края хлопковых карт — небогато и непривычно. А если прибавить к тому, что застоялась она в тесном дворе, того и гляди — обезножееет, так удивительно, что вообще еще доится! И не странно, что хорошая коза в иных местах вполне может потягаться с такой коровой. Наверное, и у хозяев редких подворий, где имеется коровенка, душа болит за скотину, да что делать! Остается ждать лучших дней, когда обширные орошаемые поля вокруг кишлака станут поочередно, хоть один сезон, отдыхать от хлопчатника, вот тогда будет и выгон рядом, и поливные луга под люцерну, в три-четыре укуса за долгое азиатское лето, а сена хватит и для колхозного стада, если оно появится, и для личной буренушки. А пока из года в год десятки лет сеют хлопок по хлопку — и земля оказалась не в лучшем положении, чем корова на привязи.

«Не понравился каймак, а какой клубок мыслей размотался», — усмехнулся Давлатов и принялся неторопливо убирать со стола.

Внутри чайханы стоял полумрак, сырость и застойный воздух смешались за ночь. Самат еще не успел проветрить помещение, и Рашиду расхотелось в постель, хотя он ощущал слабость и полежать не мешало.

У котла валялась суковатая палка, и Рашид подумал, что она вполне заменит ему посох, совсем не лишней при его хворости. Он несколько укоротил ее, срезал ножом грубые сучки, и палка получилась — загляденье. Несмотря на возражения Самата, уже вынесшего для него чью-то раскладушку из красного уголка чайханы, где жили городские хлопкоробы, Давлатов побрел со двора к речке, с левого берега которой сразу начинались уже убранные хлопковые поля.

Ах, как хотелось Рашиду долго-долго шагать по укатанной хлопкоуборочными комбайнами и тяжелыми тракторными

прицепами дороге, вдоль убранных и частью уже запаханых полей! По-весеннему пахло свежей землей, шумно и по-человечьи суетливо, смешавшись в стаю, кружились над первой осенней пашней воробьи, галки и прожорливые грачи, зимующие в этих краях, выискивая лакомых червячков, личинок, сладкие корешки и разную завязь, появившуюся за долгую теплую осень. И над всем стояла удивительная тишина, только далеко-далеко слышалось, как ритмично работала хлопкоочистительная установка да стрекотал трактор с прицепом, доставлявший на хирман очередные тюки с хлопком. Но эти звуки растворялись в необъятном просторе, и их перекрывал журчащий сток желтой Серебрянки, — вот на слух она оказалась действительно серебряной.

Но как ни манили дорога и простор, Рашид понимал: силенок у него мало и даже с посохом сегодня далеко не уйти, и потому, оглядевшись, выбрал удобный взгорок, после осенних дождей покрывшийся мелкой изумрудно-зеленой травой — густой, растущей обычно в местах влажных, укрытых от зноя. Здесь он бросил посох, расстелил казенную телогрейку и присел, отставив в сторону азиатские калоши.

По-детски обхватив колени, Рашид заворуженно глядел на незатейливый пейзаж вокруг, и странно: лишенный щедрой российской окраски, а главное — разнообразия, он, тем не менее, манил, притягивал взор. Насколько хватало взгляда, по обоим низким берегам Кумышкана росла мощная приземистая шелковица, или, как ее здесь называют, тутовник. По весне она бывает усыпана ягодами, смахивающими на ежевику, но сладкими и вязкими на вкус. Издали шелковица походила на ошипанный одуванчик, верхушка щетинилась шаром, во все концы отросшими с весны новыми ветвями-побегами.

Пожалуй, уродливый на первый взгляд тутовник и есть истинный символ Средней Азии, а не чинара, воспетая поэтами и растиражированная художниками. Тутовник растет не только в каждом кишлаке, но и во всех городах, и по весне, когда распустил ветви и его листья нальются свежими соками, начинается сезон шелкопряда. Кормят прожорливых личинок листьями тутовника, обрубая с дерева целые ветки. Оттого редкому дереву удается пойти в рост. На приезжих туристов, впервые

видящих обезглавленные деревья, они производят тягостное впечатление, но в природе всему есть свое предназначение, и с годами в мужественной корявости тутовника проступает своя красота.

Растет тутовник вдоль арыков, далеко уходящих в поле, и среди деревьев нет ни одного пошедшего в рост, потому что тутовником по весне выкармливают шелкопряда почти в каждом доме, в самой светлой и теплой комнате.

От Кумышкана тянулись на поля широкие поливные арыки, от которых ответвлялись аккуратные ручейки, теперь, по осени, усохшие, разбитые комбайнами, — какая гигантская ручная работа пропала! На тысячах необъятных гектаров поливается каждая грядка, каждый куст хлопчатника, и все это вручную, с кетменем — своего рода азиатской мотыгой, да не один раз за сезон. А поля попадают ох, какие трудные: воду и на пригорки приходится поднимать, и в ложбинки опускать, — истинно ювелирным мастерством обладают местные дехкане.

Взгляд Рашида скользнул по убраным полям и уперся в Чаткальский хребет; он хорошо видел заснеженные отроги, пики гряды слюдисто поблескивали льдом. Когда на них смотришь, кажется, что и сюда долетает холод с далеких гор. Видел он и темные пятна леса на снежных склонах, и голые отвесные скалы, бурыми мазками рассекающие лес, и заснеженные поля на альпийских лугах.

Краски зимы, леса, гор и клубящихся над ними низких густых облаков смутно напоминали картины, которые Рашид когда-то видел в музеях и книгах. Но не пришла на память ни одна конкретная картина, ни одно имя художника, и ему вдруг стало стыдно: как же так — дипломированный инженер, человек с высшим образованием, двенадцать лет живет в столице, и такое слабое знание живописи?

Солнце пригревало все сильнее, и было видно, как над вспаханymi полями, теми, что вдали, стелется низкой поземкой пар, исходящий от влажной земли, приготовленной под новый урожай. Многие участки еще не были очищены от гузапаи, голые кусты, многократно обработанные дефолиантами для машинного сбора, потеряли цвет и стояли ссохшиеся, почерневшие, словно опаленные пожаром; над ними не летало даже воронье — птица точно чувствует траву, витающую

над полями, живущую в безжизненных стеблях, пригодных теперь лишь на растопку.

Вдали среди полей, убранных и неубранных, вспаханных и неспаханных, встречались, радуя глаз, зеленые островки — несколько буйно разросшихся орешин или дубов, но чаще раскидистые ветлы, на первый взгляд необычные в жарком краю и отличающиеся особой живучестью.

Рядом — крытые шифером навесы с айванами для отдыха, а иногда стоит там и неказистый глиняный домишко о двух-трех крошечных комнатенках. Это шипан — что-то наподобие полевого стана, где бригада хранит инструмент, необходимый скарб и переживает знойные часы, когда даже в тени температура поднимается далеко за сорок.

Но среди убранных полей, покинутых давно и комбайнами, и сборщиками-горожанами, которым вот-вот подойдет черед уборки гузапаи и пахоты, мелькнет вдруг диковинный куст, щедро усыпанный четко раскрытыми крупными коробочками хлопка, иногда и не один, а несколько — целый островок среди почерневших безбрежных кустов. Вот так, выстояв от напастей и невзгод, расцвели они в положенный природой срок. Красиво постороннему и безучастному взгляду видеть белоснежный островок или яркий куст, запоздало расцветший среди пустых полей, да совсем иное настроение у колхозных бригадиров при виде такой картины — им не до веселья.

Рашиду припомнилась осень прошлого года, когда со всех трибун призывали беречь каждый грамм хлопка, не оставлять в поле ни единой коробочки. Спустили сверху такую директиву, а на местах наиболее ретивые из власть имущих поняли ее буквально. Кампания велась столь широко, что в ней потонула сама идея конечного результата, — все силы были брошены на граммы, на коробочки, которые не дай Бог останутся на поле.

Работали они в этом же районе, только жили в другом кишлаке, занимали почти до середины декабря сельскую школу.

Новые кампании рождают новые идеи и обрастают деталями на местах — ведь всякому чиновнику хочется показать, что и он не лыком шит, — а главное, они плодят новые должности. Вот и появились при райкомах или при штабах уполномоченные по приемке убранных полей.

Определили их той осенью в самую передовую в колхозе бригаду, к Салиху-ака. В войну десятилетним мальчишкой он пришел на хлопковое поле и до сих пор топтал его. Салих-ака знал каждую ложбинку, каждый взгорок или низину на своих необъятных полях. Любая карта, арык, шипан, одинокое дерево, состарившийся тутовник и даже матерый орел, лет десять прилетавший из предгорий в самую середину саратана и облюбовавший арчу на дальнем полевом стане, не были для него безмянными. Он никогда и никуда не выезжал, не был даже в Ташкенте, до которого по нынешним автострадам на хорошей скорости всего четыре часа езды. «А как же поля?.. Работа?..» — отвечал он растерянно на недоуменные вопросы ребят.

Трудно было понять им, молодым, что вся его жизнь отдана полю, начинающемуся за Кумышканом и заканчивающемуся старым шипаном, построенным еще до войны, где росла арча Мавлюды, первой председательницы колхоза, та самая арча, которую всегда навещал в саратан могучий орел. Здесь, на поле, он впервые увидел и свою черноглазую Айгуль, увидел не с сияющей улыбкой на устах у расцветшего куста, как любят показать сборщиц в кинохронике или на картине, а согнувшейся под огромным тюком хлопка, что тащила она на хирман. И здесь, уже на шипане Палвана Искандера, когда стояла весна и хлопчатник пошел в рост, и душили его сорняки, — она впервые улыбнулась ему. Как много стоила девичья улыбка в годы его молодости — она значила больше письма, обещания и всяких других красивых слов!

Прошли годы, сменилось в полях не одно поколение людей с кетменем, и так же естественно, как называет народ арчу именем Мавлюды и никогда не путает ее с другой, похожей на нее как сестра, — так и самый широкий и глубокий арык, ведущий от Кумышкана на поля, стали называть в округе арыком Салиха-ака, а тутовник, что ровными рядами высажен по обеим сторонам арыка, — его тутовником.

Сюда же со второго класса приходили с фартуками и кетменями его дети, один за другим, все десять, мальчишки и девочки, тоже связавшие судьбу с отцовским полем, с хлопком. Теперь уже их дети, внуки Салиха-ака, каждую осень тоже пропадают здесь, правда, судьба их будет, наверное, связана не только

с дедовским полем и арыком, — так, по крайней мере, думал сам Салих-ака.

Так вот, у Салиха-ака, в чьей бригаде они работали, не заладились отношения с уполномоченным по приемке полей, неким Максудовым, человеком неопределенного возраста. Из-за малого роста тот старался держаться неестественно прямо, запрокидывал лысеющую голову назад, что придавало ему надменный вид и провинциальную важность. Нелепость его несколько заплывшей фигуре придавала и сшитая на заказ в одном из расплодившихся салонов щегольская обувь на невероятно высоком каблуке. И когда приходилось разговаривать с ним, вдруг начинало казаться, что стоит он на цыпочках. Уже сгущались тучи над головой бригадира, и расстался бы он наверняка с должностью, в которой пребывал тридцать лет, если бы не нашел неожиданную поддержку у горожан...

Рашид, сборщик со стажем, застал времена, когда хлопкоуборочные комбайны были новинкой, один-два на редкий колхоз. «Голубые корабли», как сразу нарекли их щедрые на восторженные эпитеты журналисты, облегчив труд сборщиков, или, вернее, сократив его, начисто лишили уборку привычной привлекательности. Да-да, именно привлекательности.

Разве не было прелести в косье — работе трудоемкой, требующей и сноровки, и силы? А сколько стихов, песен, частушек, прибауток посвятили ей и народ, и именитые поэты!

Так и на хлопковом поле. Раньше горожанин выходил на сбор и видел перед собой поле, от которого дух захватывало, — кругом белым-бело, как после хорошего снегопада, одна грядка казалась щедрее другой, каждый куст тянулся к утреннему солнцу раскрытыми коробочками, а над полем витал запах свежести, потому что куст стоял зеленый, с яркими сочными листьями. И земля почти до самого обеда хранила приятную влажность, так как густые кусты с обильной листвой не пропускали солнечные лучи. Над полем порхали бабочки, щебетали птицы. Легко дышалось и работалось поутру. Обилие хлопка, красота неоглядных просторов воодушевляли сборщиков, заставляли забыть о ноющей спине или порезах на руках.

С приходом машин труд сборщиков резко изменился. Поля стали готовить под уборку комбайнами, а для этого надо было лишить хлопковый куст обильной листвы. Неоглядные поля

теперь не раз и не два обрабатывают с самолетов ядовитыми дефолиантами, от которых листья темнеют, сворачиваются и опадают. Появились машины — появился и план машинной сборки, за который с колхозов строго спрашивается, и, чтобы не упала производительность, на поля вперед комбайна сборщиков не пускают, хотя хлопок ручного сбора отличается от собранного машинами, как небо от земли.

Так люди постарше могут легко сравнить грузинский чай ручного сбора, что они когда-то пили, с нынешним, собранным наиболее передовым, прогрессивным и интенсивным методом, то есть машинами. Подбор после комбайна и есть теперь основная работа горожан. Случается, собирают и вручную, но все меньше и меньше. Курс, как говорится, взят правильный — освободиться от малопродуктивного ручного труда. Курс-то верный, и по отчетам более шестидесяти процентов урожая убирается машинами, но отчего-то год от года все больше и больше горожан вывозится на хлопок, а сроки пребывания их на селе непомерно затягиваются. Школьники и студенты садятся за парты аж к Новому году и учатся потом по какой-то «интенсивной технологии».

А поле после хлопкового комбайна выглядит так, что табельщица Соколова, впервые его увидев, в сердцах воскликнула: «Словно Мамай прошел!» Машина, хотя уже появились и пятая, и шестая модификации, далека от совершенства: рвет волокно, забирает в бункер оставшиеся листья, тонкие стебли, тянет всякую пыль, грязь, паутину, столь обильную на осенних полях в погожие дни, мертвых жучков и других насекомых, погибших от дефолиации. Оттого-то стерильно белый, прямо-таки аптечный хлопок ручной сборки и трудно сравнить с тем, что вываливается из бункера машины.

Но все это было бы еще полбеды — на хлопковых заводах очистят его умные машины, — если бы не оставляли комбайны за собой огрехи, и вполне ощутимые. В общем, горожанам после комбайна надо все начинать сначала. Правда, как они же шутят — набегают лишь одни километры, а с килограммами не густо: за килограммы получает механизатор.

На таких ощипках много не заработаешь, а оплата труда прежняя, хотя условия работы изменились существенно. Теперь приходится собирать не с кустов, а больше с грядок;

сухая земля прогревается быстро, и над полем постоянно висит тонкая пыль, взбитая машинами; наиболее чуткие, особенно женщины, ощущают запах дефолиантов, который в низинах держится долго. Мертвая тишина над отравленным полем тоже не радует, о бабочках и стрекозах и речи нет — они погибли сразу в первые годы массированной дефолиации с воздуха, а уцелевшие птицы далеко облетают поля машинной уборки.

Говорить о деньгах, заработках с чьей-то «легкой руки» нынче стало дурным тоном. А ведь раньше с хлопка возвращались еще и с деньгами, даже при оплате в три, а позже пять копеек за килограмм. Теперь сборщик едва окупает свое скромное пропитание, не превышающее рубля в день. О каком интересе или производительности может идти речь?

Да бог с ними, с деньгами, — сохраняется заработок на основной работе. Но даже собери шефы в своем районе все до единой коробочки, подмети под метелочку поля — пока не закончится хлопковая кампания и не будет единой команды, никто не может вернуться в город. Можно целый месяц без дела прозябать в протекающих коровниках, а колхоз день ото дня будет урезать и без того скудный паек. Если бы колхозы возмещали хотя бы часть фонда заработной платы предприятия, не просили бы они столько горожан и не держали на голых полях людей до белых мух.

Познания свои о хлопке Рашид почерпнул из общения с Салихом-ака. Его поля в колхозе самые ровные, спланированные, и оттого хлопкоуборочные комбайны посылали к нему в первую очередь.

А тут как раз и вступило в силу новшество — сдавать убранные поля уполномоченному. Рядом, осыпаясь, белели нетронутые кусты с созревшим урожаем, стояли погожие дни — только работай, а ступить на соседние карты нельзя. До ночи копошились люди на поле, разъезженном комбайнами, собирали ощипки, рваное волокно, все, что белеет и может вызвать неудовольствие уполномоченного, — готовили поле к утренней сдаче. Всей бригадой в такие дни сдавали килограммов восемьдесят сорного хлопка, а пусти на соседнее поле одну Дильбар Садыкову, та с улыбкой выдаст к вечеру двести — на хороших полях она меньше не собирала. Но нельзя — Салих-ака законы и порядки уважает.

Однако вечером в штабе уборки с него спросят не только за чистоту полей, но и план в килограммах потребуют. Вот и получается заколдованный круг: пойдешь туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что.

А утром, к приезду приемщика, на вылизанных с вечера полях то в одном, то в другом месте как назло дружно распускались новые коробочки хлопка — хоть плачь! Уполномоченный и слушать Салиха-ака не желал, хлопал дверцей «Волги» — и только его и видели. Салих-ака в своих разношенных брезентовых сапогах и выгоревшем до белесости пиджаке рядом с щеголеватым райкомовцем, выбритым и при галстукке, казался таким беззащитным, что горожанам становилось его искренне жаль. Они чувствовали, как обидно Салиху-ака, как кипит у него на душе от казенщины и бюрократизма, но давний крестьянский страх перед всяким чиновником, начальником — есть тут и чисто восточное, неодолимое раболепие перед властью имущим, — парализует его волю, и старик не решается сказать, что думает о такой нелепости, и оттого еще больше стыдно ему перед ребятами.

В иные дни машина Максудова появлялась неожиданно и с другого конца поля. Салих-ака, завидя белую «Волгу», бежал напрямик, спотыкаясь, махая рукой и что-то крича. Уполномоченный, выйдя из машины, предусмотрительно выбирал самый высокий пригорок на краю поля и стоял, словно не замечая и не слыша бригадира. Взгляд его, задумчивый и отрешенный, наверное, видел лишь вершину Чаткальского хребта. На картинно запрокинутой голове слабый утренний ветерок шевелил оставшиеся лишь на затылке волосы, ссылая обильную перхоть на дорожку, но мешковатый светлый костюм, маленькие пухлые ручки были величественно сложены на жирной груди. Озирая окрестность, он, возможно, думал: «Вот они, мои поля!» — и от величия в собственных глазах и простора, открывавшегося перед ним, ему и в самом деле казалось, что это он сеет и убирает все вокруг. Недовольный, он оглядывал поле, на котором почти всегда что-то было не так в свете требований сегодняшнего дня, садился в теплую машину и уезжал, и это означало, что с бережным отношением к граммам и коробочкам на данном поле не все в порядке.

А Салих-ака, ломая кусты, продолжал свой бег: ему не верилось, что коротышка не видел его. «Ведь я не полевая мышь

или тварь какая, которую издали не разглядишь, — думал он, но тут же отбрасывал эту мысль. — Наверное, у него более важные дела или совещание какое в райкоме», — оправдывал он Максудова.

Машина вдруг останавливалась, и Салих-ака прибавлял шаг, хотя ему это было не просто — он заметно припадал на левую ногу, — но душа его ликовала: «Конечно, конечно, он меня увидел, действительно, не букашка ведь я, и меня должно быть видно издали, да и гузапая мне здесь лишь по пояс».

До машины было еще далеко, и силы его иссякали; ему казалось, что автомобиль сейчас даст задний ход или развернется и пойдет ему навстречу. Но машина стояла некоторое время и вдруг резко срывалась с места — ее заносило на поле — и, сминая крайние кусты, уходила вперед, набирая и набирая ход.

И бригадир, обескураженный, обиженный тем, что не подождали его — не мог он бежать быстрее: и годы не те, и поле не гаревая дорожка — медленно брел к тому месту, где дожидалась машина. А дойдя, обнаруживал, что машина-то, всего-навсего застряла в грязи, следы буксовки налицо. Салих-ака вытирал намокший лоб и бессильно опускался на грядку среди обожженных дефолиантами кустов.

Видя, как мучается Салих-ака, будучи не в силах что-либо здесь изменить, Рашид как-то предложил ребятам «партизанить» на соседних полях, чтобы и бригадир с дневным планом справлялся, да и самим, в конце концов, не хотелось остаться должниками колхозу. Идею дружно поддержали. Определили в «партизаны» самых сноровистых сборщиков под началом Дильбар, выделили им в помощь «связных» — ребят, что должны тайно перетаскивать собранный «нелегально» хлопок, и работа закипела. На второй же день Салих-ака понял хитрость и попытался пресечь их самодеятельность, но был обескуражен вопросом Рашида: мы что, наносим вред больше уполномоченного из райкома? Вконец измотанный бригадир махнул рукой и стал чаще отлучаться с поля — благо, дел у него всегда хватало.

Но лысеющий щеголь Максудов однажды так же неожиданно исчез, как и появился, потому что зарядили дожди и надо было спасать урожай, а не ощипки. Сиротливо мокли громадные транспаранты «Соберем до единой коробочки!»,

«Ни грамма потерь «белого золота»!», развешанные на каждом перекрестке кишлачных улиц, на зданиях школы, почты, магазина, керосинной лавки, не говоря уже о правлении колхоза, залепленного сплошь призывами; мокли они и на каждом полевом стане. А дождь щедро поливал эти призывы, словно издеваясь над людьми...

... Рашид очнулся от воспоминаний, поднял голову. Яркое солнце стояло высоко, но лучи были уже по-осеннему мягкими, не испепеляли жаром все вокруг. Это не лето, когда от пятидесятиградусного пекла изо дня в день кажется, что вспыхнут вдруг неоглядные поля, как горят леса в горах или зеленая тайга. Но хлопок с его горючей гузапаей любит солнцепек, именно в саратан он особенно идет в рост и начинается завязь коробочек.

Рашид повернул к ласковому солнцу осунувшееся лицо и растегнул «молнию» спортивной фуфайки — благодать! Взгляд его оторвался от земли — над полем в высоком голубом безоблачном небе два крошечных реактивных истребителя расписывали небесный свод длинными шлейфами отработанных газов.

Шлейфы держатся долго и, распадаясь, напоминают легкие перистые облака. Самолеты летают так высоко, что картина беззвучна, как в немом кино, видно лишь движение, да и то скрашенное многими километрами, необычайно замедленное, а ведь летают сверхзвуковые машины.

«Ну и просторы, расстояния, скорости! — невольно восхитился Рашид, по-мальчишески завидуя летчикам, наверняка своим ровесникам. — И почему я не пошел в летное училище в Оренбурге, которое окончили Гагарин и Чкалов? Ведь сколько одноклассников летают на сверхзвуковых! Небось летчиков на хлопок не гоняют...»

Давняя мысль больно ранила сердце. Чтобы не беречь душу, он перевел взгляд с неба на поле, и, будто отвлекая его, с чинары на берегу Кумышкана сорвался орел, словно раззадоренный пируэтами реактивных самолетов. Высоко взлетев, орел стал парить над полем, высматривая бездомных полевых мышей, чьи норы и ходы запаханы мощным «кировцем».

Давлатов, щурясь от солнца, вглядывался в парящую птицу. Ему хотелось увидеть старого орла, прилетавшего в саратан из предгорий на арчу Мавлюды. Но этот явно чужак — и размах

крыльев невелик, и телом не крепок, скорее всего — степняк, залетевший из Джизакских долин. Да разве стал бы могучий горный орел охотиться на полевую мышшь? И Рашид потерял интерес к птице, кружившей над свежевспаханном полем.

Сборщики ушли далеко, до шипана Палвана Искандера, к границам полей, где они собирали хлопок в прошлом году.

«Наверное, встретятся ребята с Салихом-ака, — подумал с завистью Давлатов и пожалел, что болен и не увидит старика. — Вот выздоровею и обязательно схожу с Баходыром в гости к Салиху-ака», — решил он.

Ему не хотелось обратно в кишлак: до обеда еще далеко, Баходыр не вернулся из райцентра; в окна чайханы заглядывает лишь послеобеденное солнце, и сейчас там темно и сыро, а с Саматом ему попросту не о чем говорить. Телогрейку приятно разогрело солнышком, и Рашид лег ничком на землю, недолго ощущая приятное тепло, как от вчерашней грелки, отчего рези в животе на время стихли. Кругозор в таком положении резко сузился: подняв голову, он увидел перед собой лишь часть арыка, густо поросшего камышом, как на реке, а на другой стороне его — корявый тутовник, настолько ссохшийся, что он казался мертвым. Но Рашид знал, что это вовсе не так: затаилась до поры до времени жизнь в дереве и попусту сил не тратит.

«Вот так бы и нам, людям, не растрчивать силы по пустякам, не выставляться по поводу и без повода, а цвести в нужный час, отдавая энергию главному, — подумал он, поражаясь силе и разуму природы. — Редкая минута наедине с самим собой, удивительное состояние покоя души, какая слитная гармония с природой... И предоставила этот душевный комфорт нелепая болезнь», — иронизировал над собой Рашид, но мысль никак не выстраивалась в стройный философский ряд: болезнь — благо, покой — от немощи, гармония — от несуетного созерцания.

И как Чаткальский хребет в ясную погоду, открылась ему скудость собственного образования, — даже порассуждать наедине с самим собой не удастся толком, пусть и ошибаясь в чем-то. Ведь сколько создано умных трактатов о бытии, сколько философских учений, то теряясь, то возрождаясь то в одном, то в другом столетии, будоражили мысль человечества, с поразительной точностью на века предугадывая природу человека. А что он? Прикоснулся ли к этому источнику, заглядывал

ли в кладезь мудрости великих мыслителей, почерпнул ли хоть ковшик из бездонной сокровищницы? Конечно, как всякий человек с высшим образованием, он мог назвать десяток имен философов, вспомнить две-три философские школы, имена которых стали нарицательными, но все это всуе, а вот что стоит за этими именами? Темнота, мрак, урывочное знание. Стыдно признаться, но...

«А ведь мне уже за тридцать! — с горечью подумал Давлатов. — А я темный человек. Попади вдруг волей фантастики в век восемнадцатый или даже девятнадцатый, какой прок от того, что я человек конца века двадцатого? Сигарета у меня в зубах от века да кроссовки на литой подошве, вот и все».

От этого неприятного открытия ему стало обидно, хоть плачь. Он положил давно не мытую заросшую голову на пропахшую дымом и потом телогрейку, и гармония, единство с природой вмиг пропали.

Хотелось думать о чем-то хорошем, давнем, когда вся жизнь, казалось, еще впереди: о доме, счастливом отрочестве. Но не думалось, и картины давней беспечальной жизни не возвращались, сколько ни напрягайся, наплывали мысли вялые, разрозненные, болезненные, суетные. От остывавшего за ночь Кумышкана и обмелевшего за лето арыка на пригорке тянуло свежестью, пахло зелены, вновь пробившейся из-за обманчиво долгой и жаркой осени, тепло и уютно было на разогретой телогрейке. Отяжелевшие веки сами закрылись, и Рашид не заметил, как задремал...

То ли снилась, то ли вспоминалась ему в полудреме давняя осень в тот год, когда он получил диплом и попал в отдел комплектации, где работает по сей день. Тогда он и с Баходыром познакомился, и сколотилась у них компания. Давлатов до сих пор помнил и Генку Кочкова, и Фатхулла Мусаева, и Марика Розенбаума, и Ромку Рахимбекова, уже давно ушедших от них на другие предприятия. Редко видит их теперь Рашид, хотя и живут в одном городе. Остались от той молодой бесшабашной компании они вдвоем с Баходыром, нет-нет да вспомнят иногда, какие вольные времена были у них на хлопке.

Давний сезон запомнился Давлатову не только потому, что он был тогда молод и осень выдалась чудесная, очень похожая на нынешнюю, не потому, что слева от них стояли на постое

студентки пединститута, а справа — из медицинского, и скучать им не приходилось, а потому, что никогда больше он не ощущал такого душевного подъема, радости труда на сборе хлопка.

Выделили им в ту осень тоже чайхану, одну из двух в большом кишлаке, но места в ней всем не хватало, и их компанию определили на частное подворье через дорогу.

Хозяйство оказалось крепким, с большим хорошо спланированным и ухоженным огородом, на задворках которого начинался сад, спускавшийся к запущенному оврагу. Во дворе собственная водонасосная колонка на электричестве, летняя душевая, и всем этим великодушные владельцы разрешили пользоваться приезжим без мелочной опеки. Для них же с утра до вечера кипел во дворе большой самовар.

А какой поднялся в том году хлопок! Или ему теперь так кажется? Ведь в последние годы он и хлопка-то толком не видит — одни расхристанные после комбайнов поля; приезжают горожане на уборку, когда дефолиация закончена и хлопчатник стоит уже опаленный, роняющий пожухлую листву на обнажившиеся ссохшиеся грядки. Такой куст Рашид как-то сравнил с остриженным бараном, всегда вызывающим жалость и недоумение. А той давней осенью поля стояли во всей красе — ярко-зеленые, кусты были густо усыпаны белыми раскрывшимися коробочками, словно окутаны снежной пеленой.

Тогда Дильбар Садыкова еще училась у себя в Намангане, в политехническом, и, наверное, тоже слыла сборщицей-рекордсменкой — Рашид краем уха слышал, что получала она персональную стипендию, а зная Дильбар, трудно было представить, что удостоилась бы она ее за выдающуюся учебу.

Рекордсменом, лидером того сезона оказался их приятель Фатхулла Мусаев, медлительный в обыденной жизни молодой парень, получивший на хлопке кличку «Метеор», которая никак не приживалась в городе. Рекорды Фатхуллы вызывали у начальства, иногда навещавшего своих хлопкоробов, полное недоумение. «Ты бы у меня в тресте так работал — давно бы начальником отдела стал», — добродушно подшучивал управляющий, удивляясь, что Мусаев меньше двухсот килограммов в день не собирает.

Дух соревнования рождается вместе с человеком, и там, где есть условия работы, он возникает непременно. Смешно теперь

представить, что они, возвращаясь с поля или за ужином, говорили: «Вот завтра обязательно соберем полтонны хлопка», или еще какую нелепицу, которая встречается в газетах, например, «о добровольном почине горожан и студентов, отправившихся на битву за высокий урожай». Сколько же можно биться? Добровольная и бескорыстная помощь? Да, это в нас заложено, это редчайший кладезь души советского человека, но черпать из этого кладезя нужно осторожно и только при необходимости, а не запланированно, ежегодно и сколько захочется.

Нет, ни о чем таком они никогда не говорили, однако в первой десятке лучших сборщиков, традиционно называвшихся вечером при подведении итогов, отмечались всегда все пятеро, а уж первые три строки списка твердо занимали ребята из их компании. Только Рашиду и Марику не удавалось застолбить себе какое-нибудь высокое место, но в десятку и они входили.

Никто их не подгонял, никто не устанавливал нормы, хотя с первых дней сам собой определяется средний уровень, ниже которого уважающему себя человеку собирать не к лицу. А они были молоды, азартны и, честно говоря, имели некий интерес.

Дело в том, что в день отъезда на хлопок прямо перед посадкой в автобусы получили они шальную премию — за давний ввод какого-то крупного объекта. Премия оказалась так велика, что выдали ее даже тем, кто в тресте работал недавно и не имел к ней никакого отношения — поощрили как бы авансом за предстоящий «ратный» подвиг на колхозных полях.

В первый же день выхода в поле Баходыр в конце дня неожиданно исчез. Возвращаясь в сумерках, друзья недоумевали, куда он мог подеваться и какие такие у него секреты от компании. Никто ничего вразумительного сказать не мог, только весовщик ответил, что в пять часов Баходыр сдал на хирман последний фартук с хлопком и свои сто пятьдесят четыре килограмма — третий результат.

Конечно же, зная Баходыра, они могли ожидать, что он выкинет что-нибудь такое, но, сколько ни гадали, к общему мнению не пришли. В конце концов решили, что метнулся их дружок на соседние поля к медичкам, помочь какой-нибудь ясноглазой, для которой и тридцать килограммов собрать — непосильная задача. Каково же было удивление усталых

и грязных ребят, когда во дворе они наткнулись на благоухавшего «Шипром» свежесбритого Баходыра.

— Ну, ты и наглец! — выпалил с притворным возмущением Фатхулла. — Что ты себе позволяешь? Собрал несчастные сто пятьдесят четыре кэгэ — и деру? Вот Генка собрал сто восемьдесят два, и ничего, скромно держится, со всеми до звезд на поле!

Он хотел было растрепать аккуратную прическу Баходыра, но тот увернулся и, воздев руки, в тон ему ответил:

— Неблагодарные! «Гарун бежал быстрее лани..» Помните школьную хрестоматию? Так и я мчался быстрее и лани, и Гаруна, хотел порадовать вас, передовых тружеников полей, пловом, чтобы не опоздали на танцы. А вы — обзывать и унижать мои кровные сто пятьдесят четыре килограмма? О времена, о нравы!

И тут только ребята почувствовали, как чудесно пахнет во дворе пловом, а на айване, что вчера они сколотили с хозяином возле новой пристройки, накрыт дастархан, уже приготовлены салат ачик-чучук, зелень, свежие лепешки, стоят чайники, а рядом кипит самовар.

— Ну, это несколько меняет дело и, возможно, облегчит твою печальную участь. И все-таки твоя судьба зависит от качества плова, — великодушно заключил Фатхулла. — Мужики, всем срочно мыться и за стол!

Ребята кинулись кто в душевую, кто к колонке, а Фатхулла, взяв Баходыра под руку, направился к казану, расспрашивая, не забыл ли он барбарис, положил ли чеснок, красный ли рис «девзира» купил на базаре, на курдючном ли сале плов и где добыл мясо. Все знали, что на трестовских застольях и пикниках, столь частых в те годы, плов всегда готовил Фатхулла, и поговорить о кулинарных секретах было его слабостью.

Плов нахваливали все, даже привередливый Фатхулла, и Баходыр, усаженный на почетное место за дастарханом, сиял. Он смаковал зеленый чай, который ему услужливо подавал Рашид, оказавшийся в компании моложе всех, да и сидел с краю, и на нем лежала обязанность бегать к самовару с быстро пустевшими чайниками. Конечно, в их молодой компании, где самая большая разница в возрасте составляла полтора года, о старшинстве можно было говорить лишь с улыбкой,

но таковы уж традиции края, и Фатхулла, притворно сочувствуя Рашиду, каждый раз, отдавая пустой чайник, разводил руками:

— Судьба, брат Давлатов, судьба, все мы выросли на побегушках...

На что Давлатов незлобно отвечал, вроде смиряясь со своей участью:

— Лучше быть собакой у казахов, чем младшим у узбеков.

Так сидели они, перебрасываясь шутками, и за столом царил дружеская атмосфера мальчишников.

— Как же тебе такая гениальная идея на ум пришла? — спросил Кочков Баходыра.

— Покаюсь, братцы: деньги, деньги не давали покоя.

У всех удивленно вытянулись лица.

— Да-да, деньги. Попрятали свои премии подальше и теперь удивляетесь, — продолжил после умело выдержанной паузы Баходыр. — А я вот думал, что бы такое сообразить, ну, зуд у меня, когда деньги заведутся, — и вдруг осенило!

Тут же отнес последний фартук на хирман — и огородами, огородами с поля. А не то плакал бы твой рекорд сегодня, Фатхулла, так что вдвойне радуйся моей идее. Честно говоря, не в плове дело... Настроение сегодня хорошее, хотелось приятное сделать если не всему человечеству, так хотя бы вам. Разузнал быстренько у хозяев, что к чему, и на велике смотался в чайхану, что на другом конце кишлака, — только там у них продается мясо. Приезжаю — висит на крюке огромная туша, а курдюк отдельно на столе лежит, килограммов на двадцать! Ну, картина, скажу вам, чистый натюрморт: баранья туша, весы, курдюк, острый, как бритва, мясницкий нож, черный брусок. И где только глаза у наших художников? Жаль, не умею рисовать, а то бы я не меньше Хальса с его знаменитыми натюрмортами прославился...

Баходыр, снова выдержав паузу, оглядел заинтересованно слушавших друзей.

— ... И знаете, какая новая идея меня осенила, пока плов готовил? А что, если нам подналечь на хлопок в первой половине дня, по-стахановски, никаких перекуров, получасовых философских бесед и раздумий, задержек на хирмане с целью пообщаться с прекрасной половиной человечества...

Ребята слушали внимательно, не понимая, куда он клонит. — ... К чему я это говорю? Помните русскую поговорку: «Сделал дело — гуляй смело»? Мне она очень нравится. Если мы собираем больше нормы, больше всех, зачем нам быть на поле до звезд, можно и пораньше уйти. Часам к пяти, например, вернуться с поля, умыться не спеша, прибраться по дому, написать письма, да мало ли дел у молодого человека? Про ужин, как сегодня, я уже молчу...

Тут вмешался в разговор Фатхулла — наступили на любимую мозоль:

— Из такой баранины не только плов, но и шашлык, и шурпу, и машхурду приготовить можно!

— Ну, ребята, это же не жизнь, а курорт, да и только! — расхохотался довольный Марик.

Сказано — сделано, молодость или решительно принимает, или отвергает, и уж если приняла идею, то отдается ей до конца.

На другой день Фатхулла, которому не терпелось лишний раз доказать, что плов он все-таки готовит лучше, к четырем часам сдал свои двести килограммов и, издали помахав ребятам рукой, напрямик, не таясь, пошел с поля. После пяти — правда, не так демонстративно, — ушли с поля и остальные, предварительно заглянув в тетрадку весовщика на хирмане.

Пока Фатхулла, никого не подпуская к котлу, готовил плов, ребята помогали хозяевам в огороде, набрав и для себя свежей зелени, овощей и фруктов, а Марик успел починить барахливший насос колонки, чем очень обрадовал хозяйку. Вечером, довольные собой, уселись ужинать, отмечая в себе неожиданное желание украшать свой скромный хлопковый быт. Кочков, смущаясь, принес в комнату букет полевых цветов, приспособив под вазу трехлитровую банку из-под томатного сока, а на столе забелели салфетки — наверное, чья-то заботливая мать уложила с вещами, появившись они до сегодняшнего дня — показались бы нелепостью, еще и осмеяли бы.

И побежали чередой хлопковые дни. Работа не казалась в тягость, потому что были у них вечера, когда они, помывшись, побрившись, не по-хлопковому аккуратные, выходили пройтись по поселку, а в кишлаке их уже знали: добрая молва не сбоку от человека идет. Дней через пять кто-то пожаловался начальству,

что мусаевская компания самовольно уходит с поля раньше времени. Руководил хлопкоробами главный механик треста Фролов; ему едва за тридцать перевалило, но он уже второй год избирался парторгом. Он и спросил у жалобщиков: ребята что, воруют хлопок с хирмана, мухлюют, путая весовщика, сдают один фартук трижды, как некоторые, или собирают меньше всех? И на ответное молчание во всеулышание объявил: чей сбор на двадцать килограммов будет превышать средний, тот может уйти с поля в любое время.

Конечно, время от времени появлялись желающие получить лишний свободный часик-другой, но нечасто, — так сам собой узаконился их режим. И потекла у друзей невиданная на хлопке жизнь: раз в неделю ездили в райцентр в баню, каждый вечер Рашид или Марик, которых к котлу не допускали, отправлялись туда же за газетами. Колдовали вокруг котла по очереди, соперничая, Фатхулла с Баходыром, а Кочков приспособился помощником к ним обоим, хотя «помощник» сказано слишком громко, скорее истопником, — большее не доверялось, кулинарный успех не хотели делить ни с кем. Рашиду и Марику иногда поручалось съездить на велосипеде за мясом, но это была формальная покупка, а не выбор, где необходимо проявить знание и вкус, потому что мясник сразу спрашивал, кто сегодня главный у котла, Фатхулла или Баходыр, и что собирается готовить, и сам отрезал нужное — запросы поваров он уже хорошо знал.

Узаконили бы такой порядок до конца уборки, и, может быть, в следующем году молодежь охотнее ехала бы на хлопок — слухи о вольготной жизни мусаевской компании разнеслись по окрестным колхозам. А ведь Фролов разрешал еще и съездить домой на день-два, если сборщики заранее, в счет каждого дня отдыха, сдавали сверх положенной средней нормы по шестьдесят килограммов. Поездку зарабатывали честно, все зависело только от тебя самого, и поэтому никто не канючил, не выпрашивал разрешения, не сочинял сказки одну слезливее другой про больную мать или умирающего дедушку, не организовывал фальшивые телеграммы, чтобы побывать в Ташкенте, а необходимость всегда возникает, когда находишься на уборке месяцами.

Но недели за три до конца уборки Фролова неожиданно отозвали в трест, и на его место прибыл главный энергетик треста

Пименов — инженер, председатель трестовского месткома. Он был крупный, крикливый, мужиковатого вида. Пименов слышал о стахановской пятерке Мусаева, которую иначе и не называли, — да и Фролов, передавая дела, упомянул о ребятах, — но сразу ввел свои порядки. К его приезду поля, конечно, сильно поредели, работали на самых дальних картах, да и на них собирали уже по второму-третьему разу, и привычных сентябрьских рекордов не было.

В день приезда главного энергетика, когда вся компания ужинала, явился к ним гонец из чайханы и сообщил, что их немедленно требует к себе Пименов, всех до единого. Ребята переглянулись, предчувствуя недоброе, потому что раньше было достаточно, если к Фролову ходил кто-нибудь один. Так оно и вышло...

Пименов, заросший рыжей щетиной и успевший неизвестно где вымазаться — он хлопок не собирал, а ходил между грядками, постукивая сухим стеблем по голенищам грязных сапог, или часами маячил на хирмане рядом с весовщиком, — встретил ребят, не скрывая враждебности. Главный энергетик и в тресте не отличался внешней аккуратностью, его вечно шпыняли острые на язык женщины, и Пименова, вероятно, привел в раздражение вид благоухавших «Шипром» выбритых ребят в свежих рубашках: как обычно, парни собирались после ужина на танцы к медичкам, где уже вовсю гремела музыка, долетавшая аж до чайханы.

— Опять на танцы-шманцы? — спросил Пименов, недовольно оглядывая компанию.

— А что, нужно обязательно согласовать с вами? — язвительно ответил вопросом на вопрос Марик.

— Прежде всего вы должны согласовать со мной время пребывания на поле. И я скажу со всей свойственной мне прямоотой и откровенностью, что не вижу причин для особого режима вашей веселой компании. Для меня все равны, и будьте добры с поля — со всеми вместе. Что будет, если каждый вздумает работать, как ему удобно, сообразуясь с личной выгодой и собственной логикой? Вы мне тут хитрости бросьте, не развращайте людей. Ваш уход с поля раннее положенного времени я расцениваю как вызов коллективу. Да-да, только так, и не иначе!

— Так мы же собираем... — попытался вставить слово Фатхулла.

Но Пименов, даже не повернув головы в сторону Мусаева, перебил:

— Все собирают, никто не уклоняется. Да и не позволим дурака валять. А кто больше, кто меньше — не столь важно. Для шести миллионов тонн, что сдает республика, ваши, так сказать, стахановские килограммы — пылинки и песчинки, и не воображайте себя героями страды. Что это такое? В рабочее время вас видят в райцентре... В баньку, видите ли, захотелось... Другие же как-то терпят, обходятся, а вы чем лучше, почему я должен потворствовать вашей вольнице?

Ребята стояли, переглядывались между собой, обескураженные и обозленные.

— И не сверкайте глазами, Мусаев, на вас, как на старшем, главная вина и ответственность, — продолжал, распаяясь, Пименов. — Что, хотите сказать — Фролов разрешил? Он молод и пошел у вас на поводу, стихия и энтузиазм его увлекли. Но ваша ни с кем не согласованная анархия, думаю, ему даром не пройдет. Многим ваше самовольное и бесконтрольное поведение не нравится, и я, с обычной для меня принципиальностью, доложу в райком по возвращении о вашем безответственном и недальновидном покровителе. В общем, я думаю, что сказал ясно: с завтрашнего дня никакой самодеятельности и на ужин со всеми. А то, что я за вами прослежу особо, — уж будьте уверены. Все, можете идти! — закончил он, почти переходя на крик.

— Так что, нам и собирать как всем? — спросил побелевший, как хлопок, Фатхулла, на лице которого так и ходили желваки.

— Это ваше дело, тут я вам приказать не могу.

И работа разладилась... Через два дня, возвращаясь в потемках с поля, Марик, который и до среднего сбора не дотягивал, если бы Фатхулла с Баходыром не сдавали на его счет по тяжеленному фартуку, говорил друзьям, словно оправдываясь:

— Знаете, ребята, во мне что-то оборвалось, я вроде и стараюсь как прежде, а результата нет. И я сегодня твердо решил уехать. Честно говоря, мне хотелось бы побыть с вами до конца, или, как ты любишь говорить, Фатхулла, до победы.

Но думаю, мои победные дни позади, а позориться и выслушивать глупости Пименова я не хочу. Да и управляющий на прошлой неделе говорил, что мне давно пора вернуться.

Ребята знали, что Марик, несмотря на молодость, в конструкторском отделе ведущий технолог по нестандартному оборудованию и его отсутствие отрицательно сказывалось на работе.

— Марик, только не завтра, а послезавтра. Сделаем прощальный ужин, пригласим девушек, — мы давно обещали угостить их пловом. Начали по-людски, так давайте по-людски и закончим, — предложил Фатхулла и обнял Марика, который волновался, правильно ли поймут его ребята...

Подробнее всего из той осени Рашиду запомнился этот прощальный ужин. После горячей перепалки с Пименовым вслед за Мариком уехал и Фатхулла, а через день отбыл и немногословный Кочков. Вспоминались и те милые девушки из медицинского, которых он больше никогда не встречал; он даже помнил, как грустный Марик открывал единственную бутылку шампанского, приобретенную по случаю прихода гостей, хотя весь сезон они строго придерживались «сухого закона». Рашид, словно желая вернуть ушедшее время, пристально вглядывался в молодые лица друзей: неужели эти горячие юнцы, любившие в ту осень и хлопковое поле, и гостеприимный двор Икрамовых, и друг друга, и все вокруг, были они?..

Неслышно подошел Баходыр, опустился рядом, и Рашид, очнувшись и не понимая, где он находится, попытался встать.

— Да лежи ты, лежи, — остановил его товарищ. — Давно приехал из райцентра, а тебя все нет и нет, думаю: не случилось ли чего, уж слишком слабым ты выглядел утром. Самат подсказал, что ушел к речке. Еле отыскал. Красивое ты место приглядел. Подошел, а ты как будто спишь, улыбаешься чему-то приятному; конечно, такая благодать вокруг, свежесть и тепло, да и сон — лучшее лекарство, как говорят наши старики.

— Знаешь, Баходыр, мне то ли снилась, то ли вспомнилась, не пойму, первая осень на хлопке. Помнишь нашу компанию?

— Разве такое забывается? Я и сам частенько вспоминаю: единственный раз по уму да без нервотрепки работали благодаря Фролову. Эх, будь сейчас Фролов здесь, разве я торчал бы на кухне целый день, когда такие поля вокруг? Собрать сто

килограммов для меня не труд, но самостоятельности, самостоятельности хочется, а тут, возле казана, она вроде у меня и есть, тем и тешу себя, хотя понимаю — не самостоятельность, а самообман это. Не лень мне, и не поля я избегаю, как думают некоторые. Настоящей работы хочется, а не так, для галочки.

— Понимаю, — кивнул Рашид. — Еще как понимаю...

Все минувшие с той давней осени годы он носил в себе обиду на Пименова за то, что тот развалил их компанию, нарушил налаженный быт, лишил жизненных радостей: веселых ужинов, шумных поездок в районную баню, долгих неспешных вечеров, когда можно было несуетно оглядеться окрест и увидеть не закованную в асфальт землю, а ту, первородную, называемую емко отчей землей, наконец, тех часов, когда они могли проговорить весь вечер обо всем на свете. А вот сейчас Баходыр вспомнил совсем о другом, о том, как легко и радостно им работалось, именно работалось.

Может быть, и пригрезилось ему все это оттого, что помнил он сердцем, как ему работалось, как рвался в поле, ибо только настоящая работа, сознание выполненного долга придавали прелесть той свободе, что отстояли они для себя. Все остальное сейчас казалось лишь приятным приложением. И вот только сейчас, на разогретом солнцем взгорке, обида на Пименова обрела конкретную причину — он помешал им работать, реализовывать лучшее в себе.

Вечером, торопливо поужинав, все заспешили в кишлачный клуб на «Блондинку за углом». Видя, с какой завистью поглядывает Самат на уходящих в кино, Давлатов кивнул Баходыру: отпусти его, я помогу прибраться и сделать заготовки на завтра.

Баходыр сегодня был почему-то особенно добрым и великодушно отпустил не только Самата, но и другого помощника.

Шумный по вечерам двор чайханы быстро опустел, и друзья остались одни. Сами они еще не ели, и пока Баходыр выбирал из котла остатки ужина, Рашид добавил в остывающий титан заготовленные Саматом мелко наколотые дрова. Из распахнутого поддувала титана-кипятильника и высокой закопченной трубы сыпались в темноту искры и вырывались языки пламени, во дворе остро пахло дымом, древесным углем, и эти запахи напоминали Давлатову, зябко кутавшемуся в телогрейку, далекий отчий дом.

Мысли Рашида унеслись далеко в прошлое, но вдруг, прорезая тьму двора ярким лучом и наполняя его стрекотом двигателя, по мощеной дорожке въехал мотоцикл с коляской. Приехавший в коляске шагнул от мотоцикла к парню, слегка припадая на левую ногу, и радостно воскликнул:

— Рашид!

Мотоцикл тем временем лихо развернулся, поднимая невидимую в темноте пыль, запах которой ощущается в ночной прохладе еще резче, чем днем, и, вызвав недовольный лай соседских собак, исчез в переулке, откуда, все удаляясь и удаляясь, раздавался его треск.

Давлатов сразу узнал голос и походку Салиха-ака.

Они поспешили навстречу друг другу и обнялись. На бригадире, несмотря на прохладу, были знакомый вытертый пиджак, та же тюбетейка, те же сапоги, но главное — он сам несколько не изменился: тот же приветливый взгляд усталых и грустных глаз, добрая улыбка в приспущенных по-восточному усах, в крепком жилистом теле еще чувствовалась сила.

На шум вышел из огороженной кухни Баходыр, и церемония приветствия повторилась. Правда, Баходыр, более искушенный в обычаях и традициях своего края, бойко расспросил о доме, семье, внуках, об урожае — ритуал, без которого не начинается разговор уважающих себя восточных людей.

— Какими судьбами, каким ветром занесло к нам? — вставил вопрос и Давлатов.

— Удачный день, Рашид-джан... Утром встретил ваших ребят, они работали на соседних с нами полях, рядом с шипаном, где растет арча Мавлюды, помнишь? Вот и рассказали, что и ты, и Баходыр, главные «партизаны» прошлого года, здесь, сказали, что ты болен. А у нас не принято забывать друзей, вы ведь меня здорово выручили тогда. Признаюсь, — теперь уже можно, — сильно попортил мне кровь Максудов, даже сниться стал по ночам в своих бабских туфлях. Но обиднее всего было думать, что вы не видите разницы и вам все равно — что дурак Максудов, что я, бригадир, у которого душа болит за выращенный в трудах хлопок. А вышло-то совсем не так, боль у нас оказалась общая. Вот тогда уполномоченный не только из снов моих ушел, а даже из мыслей исчез.

— Дай бог, чтоб навсегда, — заметил Рашид.

— Правильно говоришь... Узнав о твоей болезни, я, конечно, обещал ребятам тебя проведать, но не думал, что смогу прямо сегодня. Прихожу с поля, вижу — внук во дворе мотоцикл ладит. Спрашиваю: «Куда так поздно собрался?» Отвечает: в кишлаке какая-то интересная комедия и он обязательно должен ее посмотреть. Ну, тут я прямо от калитки и говорю старухе: «Собери-ка мне узелок, я заодно с внуком в кишлак к ребятам, старым друзьям, в гости съезжу...» Туда и обратно с ветерком, — мой внук Санжар иначе ездить не умеет.

Да велел Айгуль своей налить в бутылку или банку, какая побольше, отвар, что готовит для мающихся животом Куддус-бобо. Это наш сосед. И дед его, и прадед в кишлаке испокон веку табибами были... А сам быстренько в курятник нырнул, тепленьких яиц собрать из-под несушек. Куддус-бобо говорит, что отвар надо запивать сырыми яйцами, и непременно свежими. Вот так, друзья: внук в кино, дед в гости... Да где же он? — спохватился Салих-ака. — Не увез ли Санжар в кино узелок, о котором я вам тут разболтался? — он растерянно оглянулся.

— Цел! — радостно сообщил Баходыр, заметив в слабом свете фонарей узелок обочь мощеной дорожки.

— Ну, и хорошо! — обрадовался Салих-ака.

Подобрав вместительный узелок, они направились к айвану под освещенными окнами чайханы, где по вечерам ребята играли в шахматы.

— Выходит, и вы, и мы с Рашидом еще не ужинали, — отметил Баходыр и снова исчез за оградой кухни-временки.

Салих-ака неторопливо развязал узелок, расправил концы, разглаживая ткань ладонью, и чистая тряпица стала дастарханом. Перво-наперво он передал Рашиду литровую бутылку из-под венгерского вермута с завинчивающейся пробкой, наполненную по горлышко.

Рашида так тронуло внимание старика, что вместо слов в горле у него застрял какой-то комок, и он, отвернувшись, стал разглядывать жидкость на цвет, поднимая бутылку к освещенному окну; руки его не то от волнения, не то от слабости заметно дрожали. Темно-бордовый отвар напоминал гранатовый сок. Тем временем Салих-ака осторожно переложил в железную миску, оказавшуюся под рукой, крупные яйца, все до одного цвета хорошо обожженной глины. На расстеленном узелке

осталась горка теплых лепешек, что испекли снохи к возвращению мужчин с поля, и две тяжелые, килограмма по полтора каждая, темно-синие кисти крупного винограда.

— Это мой сорт, — сказал старик, не скрывая гордости. — Что-то среднее между «Чорасом» и «Тайфи». — Он поправил кисти винограда и стопку лепешек, виновато развел руками и смущенно сказал Рашиду: — Думал и курочку для тебя отварить, и самсы горячей прихватить, младшая сноха печет ее замечательно, из слоеного теста, да все неожиданно получилось, и внук торопил. Так что не обессудь, в другой раз...

— Спасибо, спасибо, Салих-ака. Мы с Баходыром очень рады вас видеть, да и все у нас есть, — ответил не менее смущенный Давлатов, тронутый заботой старика.

И верно, Баходыр, словно волшебник, принес и расставил на дастархане сыр, масло, колбасу, разогретую тушенку и даже банку шпрот — наверное, основательно потряс личные запасы у многих, благо вчера было воскресенье, кое-кого приезжали проведать родственники, а кому-то передали посылки.

Прежде чем приступить к еде, Салих-ака отвинтил пробку и налил в пиалу отвар, чуть больше половины, а когда Рашид его выпил, в ту же пиалу ловко разбил острым ножом, что всегда висит у него в ножнах на поясе, два яйца, янтарно блеснувших тугими желтками.

Рашид выпил и то, и другое без особого удовольствия, и Салих-ака, заметив это, сказал, что отвар трав Куддус-бобо делает на коже гранатов, издавна известных как средство от болезни желудка. Баходыр, протягивая бригадиру пиалу с чаем, наполненную на треть, что означает высшее уважение к гостю, предложил отведать городских гостинцев.

Салих-ака попробовал и сыр, и колбасу, выудил из банки шпроты, которые тут же окрестил золотыми рыбками, и, не сдержавшись, сказал восхищенно, без зависти и укора, как всегда бесхитростно:

— Богато живете, друзья. — Опустошив пиалу, он неожиданно спросил Рашида: — Ты, наверное, пил воду у кривой излучины, где арык делает поворот? Там еще края размытые... Красивое место, не только люди, но и птицы любят его.

— А вы откуда знаете? — удивленно встрепенулся Давлатов, — бригадир попал в самую точку.

— Столько лет проживешь да с мое походишь, и не то будешь знать о земле. Странное место, и размыло-то берега не от большого напора — туда, к ложине, подпочвенные воды после полива стекаются, вот и распирает арык. А ведь полив у нас — не простой. Минеральные удобрения и соли, гербициды-пестициды всякие в воду сыплем, где в меру, где без меры — не все земля и принимает. Вот и выносит эти яды в низины, к той красивой излучине. А когда с самолетов опыляют, в арыки попадает даже больше, чем на поля. Вода-то при нашей жаре постоянно парит и сама притягивает ядовитую пыль, от которой за день чернеют полные жизни кусты. А в излучине к тому же вода течет медленно, застаивается, там химии раза в три больше, чем в любом другом месте. Теперь-то понял, какой ты компот выпил?.. Не привередничай, пей настой да запивай яйцами, хоть и не нравится. Здоровья на жизнь ох, как много надо, а она у тебя, парень, считай, вся впереди...

Ребята подавленно молчали, хмуро переглядывались.

— А ведь сколько народу в кишлаках пользуется арыками! — удрученно покачал головой Баходыр.

— Конечно, — согласился Салих-ака. — Но люди в кишлаках приспособляются: за день до опыления с воздуха или крупного полива запасаются водой, непременно ее отстаивают и, конечно, обязательно кипятят. С малых лет мы приучаем детей пить чай — и горячий, что мы сейчас пьем, и яхна-чай — остуженный. Конечно, есть и водопроводы, думаю, появятся скоро и у нас. Но разве от всего уберешься: то скот без надзора вдруг обопьется и подохнет, то птица какая-то вялая, куры плохо несутся, вот индюки не приживаются совсем — не по душе им наша вода. Но народ — на то он и народ, из всякого положения выход находит. Вот Куддус-бобо отвар придумал и секретов не таит, других учит, и тебе, Рашид, обязательно поможет, не ты первый маешься, — проверено, через неделю забудешь о своем недуге.

— Я вот сколько лет езжу на хлопок, а ни разу опыление с воздуха не видел, — признался Рашид.

— Ну и хорошо, что не видел, — улыбнулся Салих-ака. — И опыляют, и опрыскивают, но и то, и другое — не духи и не сахарная пудра, не жалеи. Потому и делается все, пока горожан не навезли, чтобы меньше народу надыхалось гадостью. Спасибо медицине, хоть тут сумела слово сказать.

Вот ты, Баходыр, о кишлаке заговорил, и я о кишлаке продолжу, потому что здесь наша жизнь, наши дети, наша земля, и нам не только заботиться о ней надо, но и защищать ее. Лучше нас ее никто не знает. Сколько себя помню, в наших краях сеют хлопок, хотя делу этому лет сто, не больше. У виноградника, дынь, гранатов, орехов история куда древнее. Но у каждого времени свой овощ, свой злак в цене. Хлопок сегодня затмил, если не сказать — забил, и бахчевые, и овощи, и фрукты, о скотине я и вовсе молчу. За что спрашивают, за что поощряют, — тому и внимание, остальное побоку.

Вы же видите, хлопок у нас начинается не за кишлаком, а, считай, улицы прямо переходят в поля или поля входят в улицы, — так тесно переплелась жизнь поля и кишлака. Это было даже удобно, ведь на самые дальние поля ходили пешком, работали вручную, и чем ближе поле, тем лучше. Вам, молодым, это понять сегодня трудно. Но пришла на поля химия, и благо обернулось бедой, а мы к ней оказались не готовы: при нашей нерасторопности и сделать толком ничего не можем.

Пока будут делать такие горе-комбайны, без дефолиации с воздуха не обойтись. А самолеты ведь не щепоткой химикаты сбрасывают, чуть промахнулся, заходя на цель, — полкишлака и окатило, ведь поле и кишлак рядом, занавеской не отгородишься, шатром не прикроешься. Один летчик опытнее, другой новичок, один — с пониманием, другой — безответственный, лишь бы баки опорожнить, он за это деньги получает. А чуть ветерок в сторону кишлака подул — его ведь не учтешь, не запрограммируешь, он кишлачному совету не подчиняется, — и накрыло людей и кишлак химикатом, хоть никто и не желал плохого, и летчики были толковые.

— Какой-то заколдованный круг: и так плохо, и так нехорошо. Есть ли все-таки выход? — загорячился Баходыр.

— Уж больно ты торопливый, вынь да положь, — улыбнулся Салих-ака и протянул ему пустой чайник.

Баходыр покраснел, ибо невнимание равно оскорблению гостя — так учили его с детства. Сорвавшись с айвана, он мигом возвратился со свежим чаем.

— Какой выход, спрашиваете? — переспросил Салих-ака, выпив подряд две пиалы, налитые с большим уважением. Он надолго замолк, словно обдумывая вопрос Баходыра,

и вдруг сказал с похвалой: — А чай у вас замечательный! — И уже без всякой паузы продолжил: — Мы ведь в первые годы дефолиации с воздуха пострадали: кто скота лишился, кто здоровья, у кого сад раньше осени облетел, и трава вдоль арыков, которой скот кормится, стала сплошь ядовитой: если не убивали наповал, то мясо — не мясо и молоко — не молоко. Я с тех пор корову и не держу. А сколько пасек пропало!

Только на вторую или даже третью осень стало ясно, откуда беда. Я тогда на правлении предложил: хлопковые поля от кишлака надо отделять, и не просто отделять, а широкой лесополосой оградить, чинарами, пусть их воспетая в песнях высота человеку послужит. Воду в арыках спускать на нет, когда опыляют, а землю вокруг кишлака предлагал отдать под огороды, сады, бахчи, под луга и пастбища. И ушла бы беда, так я думаю...

Конечно, выслушали меня и даже аплодировали, хвалили, а делу хода не дали. Да и как на такое пойти, если колхозу из года в год увеличивают план посевных площадей под хлопчатник, будто земля у нас в семь слоев или резиновая?

Но хоть ничего я для своего кишлака и для окрестных мест не добился, упорство мое не пропало даром. Приходит однажды конверт из Ташкента, из треста совхозов, — тогда как раз новые земли осваивались и в Джизакской, и Каршинской, и Сурхан-Шерабадской степях... С благодарностью бумага. Писали, что при закладке новых совхозов стали поля отделять от жилья и для каждого кишлака выбирали место, учитывая, куда и откуда ветер дует, для самолетов строгие трассы определили, а главное — лесополосы начали высаживать, чинаре новую жизнь дали... Вот такие наши дехканские дела, ребята. Не очень веселые...

Разговор постепенно угас, и в вечерней тишине стало слышно, как раздаются приглушенные расстоянием взрывы смеха — значит, «Блондинка за углом» еще не закончилась.

Высокие фонари, освещавшие кухню и склады, сеяли скудный свет и в соседний двор, где беспокойно топталась пега корова. Ее не было видно, но слышалось, как дергает она привязь, опрокидывает ведро с водой или пойлом и натывается рогами то на шаткий забор, то на деревья, то на стены сарая. Наверное, хозяева ушли в кино, и корову некому успокоить.

— Да, вы о хлопке знаете все, — обронил Давлатов, пытаясь вывести старика из задумчивости.

Салих-ака ответил странно, словно себе:

— Да, я хлопкороб с детства и знаю о хлопке все. Но от знаний мне чаще труднее бывает, чем легче. Вот я видел у внука в руках русскую книжку, «Горе от ума» называется. Казалось бы, что за глупость — горе от ума? Вернее было бы — горе без ума. Но подумал-подумал и понял: тяжело, наверное, тому человеку было с умом его. Так и мне от знаний моих горе одно: разве не давал бы я земле отдыхать от хлопка, чтобы не скудела она год от года? И не полагались люди только на всесилье химии... Хлопкороб... Да...

Салих-ака говорил, глядя куда-то поверх голов своих собеседников, и в его голосе звучала тоска, которая была отчего-то так понятна этим парням-горожанам.

— ... А я ведь дехканином был: и телочку от коровы принять мог, и лошадь подковать, — была у меня она, и овец стриг, и тулупы из остриженных шкур шил. А какая у меня, да и у соседей, бахча на богаре, на бросовых землях, была! Запах дынь вокруг до самой зимы стоял! Да и шипан Палвана Искандера — не хлопковый шипан, это только лет пятнадцать он стал хлопковым, а раньше вокруг него сады цвели — яблоневые, персиковые. И улей на каждом гектаре, а то и два... Вы пробовали когда-нибудь персиковый мед? Не слышали даже? Многие не слышали. Я и сено косил, и траву всякую знал, не как Куддус-бобо, конечно, но как дехканин мог отличить, что для овцы лучше, что для коровы. А теперь в нашем дворе серпа не отыскать, не то что косы...

Хотите верьте, хотите нет, а был у нас в кишлаке даже рыбак — Закир-балыкчи, и рыба водилась и в арыках, и в канале, и в реке. Русские мужики, что попадали к нам в кишлак, и раков ловили. Рак первым, еще во времена обработки полей дустом, пропал, привередлив он к чистоте воды оказался, к запахам разным.

О винограде я уже не говорю: самый ленивый и нерадивый и то о лозе имел понятие. Лоза из рода в род передавалась, и знали, в каком дворе, каком кишлаке крепкая и благородная лоза растет, роднились не только детьми, но и лозой. Кто теперь чужую лозу, корень ее, знает? Когда ушла лоза с полей?

Временем и невзгодами повыбивало ее и во дворах. К кому пойти, у кого совета-помощи попросить? Так и сошел виноград на нет не только в колхозе, но и у людей.

А о хлопке я все знаю, Рашид, ты прав. И вряд ли я теперь возьмусь принять телочку вот у той коровы — отвык. Дальше-то как? Кому землю передавать, жизнь крестьянскую на ней? Хлопкоробу-механизатору? Землю-то с высоты кабины да на скорости не особенно разглядишь, у каждого поля свой характер, свой нрав, машину такую не создали, чтоб лучше человека понимала и любила землю. Привязан я к хлопковому полю, крепко привязан, может, даже никогда не вырваться, да душу-то не привяжешь, она дехканского труда, дехканской жизни требует, заботы о живом вокруг, а не только о хлопке, хочет...

Баходыр хотел что-то спросить, но вблизи затарахтел мотоцикл, и луч фары зашарил по темному двору. Салих-ака встрепенулся от дум, посветлел лицом.

— Санжар приехал, — сказал он обрадованно и поднялся.

Рашид на минуту замешкался, соображая, чем бы отблагодарить старика, но ничего подходящего ни под рукой, ни в чайхане у него не было, и вдруг он нащупал на дне сумки пачку туалетного мыла, — жена его питала страсть к дорогой импортной парфюмерии в красивой упаковке. Он догнал Салиха-ака и опустил ему в карман благоухающее мыло, где с лаковой обертки улыбалась эстрадная звезда Далида.

— Это Айгуль-апе, — смущенно сказал Рашид. — Спасибо и ей за гостинцы. Приезжайте еще, пока мы здесь...

Когда они проходили под фонарями, Салих-ака рядом с молодым стройным Баходыром напомнил Давлатову сухой корявый тутовник, что по весне вопреки всем прогнозам щедро пускает новые побеги.

Утром, когда Баходыр с помощником вновь уехали в райцентр за продуктами, Рашид остался во дворе чайханы с Саматом. Слоняться без дела не хотелось, и он принялся чистить картошку, чувствуя, что эта работа не по душе парню. «В армии еще начищусь...» — недовольно ворчал тот каждый раз, когда видел ведро картошки, заготовленное Баходыром для шурпы. Сегодня как раз ее и решили варить.

Поначалу они перебрасывались короткими фразами, но потом Самат надолго исчез в чайхане, и Давлатов остался

один. Он вспомнил вчерашний разговор, безрадостную исповедь Салиха-ака. Ведь до сих пор он считал Салиха-ака счастливым человеком: орденоносец, уважаемый в кишлаке, да и во всей округе человек, хозяин крепкий, — Рашид знал, что кроме мотоцикла Санжара, есть у них во дворе и «Волга», — и дети его вроде не огорчают, живут в мире и согласии...

Неожиданно во дворе появилась Дильбар Садыкова, — вбежала в калитку, размахивая над головой пустым фартуком, словно знаменем.

— Ура! В Ташкент вызывают! — выпалила она радостно Рашиду. — Слет или конференция там какая-то хлопкоробов, и я должна поднять дух горожан...

Увидев темные круги под глазами, особенно заметные поутру, и желтое, осунувшееся лицо Рашида, Дильбар осеклась и, подойдя к нему, по-женски участливо погладила по давно не стриженной голове.

— Слушай, за мной сейчас приедет машина, председательская «Волга». Хочешь, я тебя домой отвезу?

Рашид, вздохнув, отказался, тут, мол, оклемается, не хочет пугать своим видом жену. Дильбар не отступилась, стала расспрашивать, какие лекарства захватить из Ташкента, но Рашид, поблагодарив, сказал, что вчера приходил Салих-ака и принес отвар, так что скоро он поправится.

— Ну ладно, как хочешь... — Дильбар быстро потеряла к нему интерес и проворно исчезла в красном уголке чайханы — на женской половине.

Минут через двадцать у чайханы засигналила белая «Волга» председателя. За рулем сидел он сам, при шляпе, — наверное, будет просить горожан мобилизовать все имеющиеся ресурсы, а может, просто какие-то дела в столице. На сигнал машины тотчас выбежала Дильбар. Темно-синие вельветовые джинсы в обтяжку, приталенный кожаный пиджак распахнут, темно-бордовый батник из плотной ткани оттеняет яркий шейный платок — все в тон, все выбрано со вкусом, — Дильбар у них в тресте еще и первая модница. Цокая каблучками, стройная, ловкая, она подлетела к машине, размахивая сумочкой, перехватив на ходу восторженные взгляды Рашида и Самата.

— Ну и баба, класс! — пробасил, подлаживаясь под бывалого сердцеда, Самат.

— Дильбар... — как-то неопределенно произнес Рашид, но улыбка все же пробежала по его изможденному лицу. — Да-а, хороша, что ни говори!

— А что же не женились? Вы ведь, кажется, были холостым, когда она пришла в трест? — спросил Самат серьезно.

— Я.. на Дильбар?

Впервые за дни болезни Рашид от души засмеялся. Самат покраснел, не понимая причины веселья, и упрямо заключил:

— Я бы женился, глазом не моргнув... Такая красивая...

Рашид погасил смех, чтобы не обидеть Самата, парня, в общем, толкового, покладистого.

— Мы-то с тобой, Самат-джан, может, и хотели бы, да она на нас не глянула бы. Дильбар — птица высокого полета, как Баходыр говорит. Ты не смотри, что она еще не замужем, хотя, по местным понятиям, давно пора. Она себе еще такого жениха отхватит — мы все ахнем.

— Уж конечно, отхватит, — согласился Самат и вновь надолго исчез, теперь уже в кладовой.

А мысли Рашида закружились вокруг Дильбар Садыковой. Он помнил, когда она появилась в тресте. За ней пытались ухаживать его друзья — и Баходыр, и Фатхулла, тогда еще работавший у них. Наделала она переполоха среди молодых да неженатых: даже из Госплана, что напротив, ребята к ним в буфет зачастили, прослышав, что в тресте появилась необычайно красивая девушка из Намангана.

Фурор она и правда произвела — что было, то было. Но только через неделю выяснилось и другое: как инженеру ей нельзя было доверить никакой работы, даже простейшей — перечертить, составить смету, рассчитать несложный узел. А с чертежами вообще курьез вышел: она совершенно не имела понятия, что такое проекция, сечение, разрез, вид сверху или сбоку, воспринимала только общий вид — картинку.

— Что мне с ней делать? — спрашивал у Давлатова Фатхулла, в то время уже начальник отдела — под его начало попала Дильбар. — Я боюсь давать ей какое-либо задание. Станешь выговаривать — смотрит такими печальными глазами, полными слез, что сам себе извергом кажешься, думаешь: за что я напал на такое милое создание? А иногда спрашиваю: «Чему же вас в институте учили?» А она отвечает: «Вам хорошо,

вы в столице учились, а я в области: весной на прополке хлопка, осенью на его уборке, а летом на овощах и в стройотрядах... Когда же учиться было?» И ведь права, никуда не денешься...

Но Фатхулле ничего с ней делать не пришлось. Дильбар сама, словно ручеек, пробила себе ход, нашла дорогу. Ее полюбили, предупредительная оказалась: с утра придет, прежде всего чай вскипятит и всех обнесет, для мужчин за бутербродами в Госплан сбегает, а чашки, чайники, пиалы с ее приходом просто засверкали от чистоты. Через неделю она знала, кто какую газету читает, кто какие сигареты курит, и никогда не ошибалась. А уж бумагу какую куда отнести — она всегда с радостью: цок-цок — и понеслась на своих каблучках.

«Пусть Дильбар скорее город узнает», — говорили старушки из отдела, души в ней не чаявшие, — кто же заботу и внимание к себе не оценит? А тут месяца через полтора на овощи народ отрядили, в основном молодежь, — вот где талант Дильбар по-настоящему проявился: не было ей равных на помидорных полях. Руководство овощного совхоза ей, единственной, похвальную грамоту и персональную денежную премию выдало, а корреспондент «Гулистана», приехавший к овощеводам, прослышав о Дильбар, заснял ее на обложку популярного журнала. Шикарная цветная фотография вышла — прямо кинозвезда! Тогда этот портрет можно было увидеть на лобовых стеклах междугородных автобусов, такси и прочей техники. А уж сколько их было наклеено на солдатских чемоданах — не счесть, потому что завалили Дильбар письмами на трест, предлагая дружескую переписку, а кое-кто, не раздумывая, — руку и сердце.

С овощей Дильбар вернулась героиней, и началась у нее новая жизнь. Осенью выбрали ее в местком, поручили культ-массовый сектор. И жизнь в тресте забурлила: что ни неделя — внизу в холле появлялось написанное Дильбар объявление: «Желающие посмотреть фильм... обращаться в отдел проектно-сметной документации к инженеру Садыковой Д.». «К инженеру» Дильбар писала всегда, ей нравилось представляться новым знакомым: «Инженер Садыкова Дильбар».

На каких только концертах, спектаклях они тогда не побывали, даже на представлениях гастролировавших в Ташкенте МХАТа, «Современника», Ленинградского БДТ. На любую

зарубежную эстрадную звезду Дильбар всегда умудрялась вырвать для треста билеты. Как только ей это удавалось? И ведь не только для избранных — билетов хватало на всех желающих. В ответ на расспросы разгоряченная Дильбар, мило улыбаясь, неизменно отвечала: «Секрет фирмы».

Теперь своим временем она распоряжалась сама. Напоив отдел чаем, сделав десяток личных телефонных звонков, включая и междугородные в Наманган, она небрежно бросала Фатхулле: «Я по общественным делам». Фатхулла не успевал и рта раскрыть, как старушки из отдела отвечали: «Иди, милочка, иди, успехов тебе...» Дильбар демонстративно, не спеша складывала в элегантную папку из лаковой кожи на «молнии» всякие прошения на фирменных бланках, напечатанные машинистками в первую очередь, и, сказав что-нибудь приятное сотрудникам отдела, исчезала на полдня, а иногда и на весь день, но утром являлась минута в минуту: в тресте строго контролировался приход на работу.

Но что такое овощи, общественная работа, культмассовый сектор? Слава к Дильбар пришла с другой стороны. Истинное призвание она нашла на хлопковых полях. Вот уж она собирала так собирала — это надо было видеть. Быстро, красиво, чисто, и делала это легко, с улыбкой, напевая что-то озорное. Даже работать с ней рядом было одно удовольствие. Не зря говорили, что получала она все годы в институте какую-то персональную стипендию, не то Бируни, не то Муками, — общественница, комсомолка, первая сборщица хлопка.

Что там список десяти лучших сборщиков за день, в котором Дильбар неизменно занимала первую строку? Имя девушки упоминали в штабах уборки, на полосах главных республиканских газет, ее не раз показывали с телеэкрана. Пресса, радио и телевидение нашли в ней достойный объект: красивая, обаятельная, за словом в карман не лезет. Хочешь — на узбекском даст интервью, хочешь — по-русски скажет, и на том, и на другом — с толком, пониманием дела. Хочешь подать ее с экрана в тубетейке, атласном платице ниже колен и шальварах, с кокетливой коробочкой хлопка в волосах, — пожалуйста. Хочешь показать современную горожанку, которой по плечу сельский труд, уверенную, в ладно сидящих джинсах, фирменной курточке, со строгой прической, — пожалуйста. Не было

в республике журнала, где не печатались бы крупным планом ее портреты — и черно-белые, и цветные.

Но новый взлет популярности начался у Дильбар с праздника курултай, который широко отмечает республика после завершения сдачи хлопка государству. Большой, красивый, любимый народом праздник. Со всех областей приглашают в Ташкент лучших хлопкоробов, знатных людей. Он начинается торжественно во Дворце дружбы народов, затем выплескивается на стадионы, ипподромы, площади и улицы. Карнавалы, спортивные состязания, ярмарки, народная борьба кураш, конноспортивные игры, концерты народной музыки, и повсюду карнаи — восточные фанфары, спутники большого праздника — вот что такое курултай. Начинаясь в пятницу вечером, заканчивается он поздно вечером в воскресенье. Что-то похожее на латиноамериканские карнавалы есть в узбекском курултае, как признал один из известных зарубежных гостей, попавших на праздник.

Случилось так, что в день открытия курултая во Дворце дружбы народов, в присутствии правительства, Дильбар поручили выступить от имени горожан, участвовавших в уборке. А ведь еще за день до этого у нее и приглашения во Дворец не было — значит, судьба.

Прочитала она свою речь — тщательно отредактированную не в одной инстанции — страстно, ярко, убедительно и сорвала такой шквал аплодисментов, которых и иной популярный артист не слышал. А уж когда шла по длинной ярко-красной ковровой дорожке обратно к своему месту, по залу и в президиуме прошел волной шепоток восторга — в тот день Дильбар была действительно неотразима. И всякие чиновники, большие и малые, от райкомовских до министерских, торопливо вписывали на всякий случай фамилию Дильбар в свои блокноты: хорошо поставленный голос, четкая дикция, абсолютное владение русским языком, великолепные манеры и очевидный вкус, инженер по образованию — чем не наглядный образ раскрепощенной женщины Востока?

С этого дня начался у Дильбар настоящий взлет и пошли жизненные удачи. В хлопковой республике хлопкороб, конечно, в большом почете: по окончании трудного сезона и в заморские страны поездки для них организуют, и путевки

на курорты всякие выделяют. Через две недели после счастливого для Дильбар курултая она спешно оформила документы и с группой колхозников из какой-то области отправилась в Италию, тем более что поездки такие оплачивались за счет колхоза: наверное, сработала чья-то чиновничья запись, сделанная наспех во Дворце дружбы народов. Как бы там ни было, поездка для самой Дильбар оказалась приятным сюрпризом. Так же поспешно приняли ее в партию. Для инженерно-технических работников существовал какой-то негласный лимит, но для Дильбар райком выделил место сверх лимита. Круг ее общественных дел заметно расширился, и Фатхулла только по утрам ее и видел.

Надо отдать должное Дильбар, она не заважничала, по-прежнему была со всеми мила и обходительна, как и раньше заваривала по утрам чай и обносила им отдел. Эту обязанность она с себя не снимала, но за газетами и сигаретами уже не бегала, хотя, когда уходила по делам и ее просили что-либо купить, никогда не отказывала. Старушки из отдела, поначалу пытавшиеся чему-то обучить Дильбар на службе, окончательно махнули рукой, не видя у нее интереса к инженерной работе, хотя в это время она уже числилась в отделе старшим инженером — по-другому начальство никак не могло повысить ей оклад.

У Дильбар открылось и еще одно призвание — ораторское. Ее приглашали на всякие торжества, юбилеи, слеты, симпозиумы, фестивали, форумы, встречи — на районном, городском, республиканском, региональном, союзном и даже международном уровне, — и везде она зачитывала то приветствие от имени молодой интеллигенции республики, то доверялось ей отчеканить с трибуны резолюцию или какой-нибудь проект решения как молодому инженеру, то просто выступить от имени раскрепощенных женщин Востока в защиту других, угнетенных еще, женщин. А поводов подобных было не счесть — хоть за здоровье, хоть за упокой. И все у нее получалось горячо, искренне, по-молодому напористо.

В отделе с самого начала свыклись с тем, что как инженера Садыковой нет. Да и влюбленный поначалу в Дильбар Фатхулла, не сумевший потребовать от нее исполнения обязанностей с первого дня, позже уже и вовсе не мог этого сделать —

расценили бы как личную месть или мелочные придирки. А чем дальше, тем больше она становилась ему не по зубам: вхожа в такие кабинеты, общается с такими людьми, выступает с таких трибун... Но, понимая, что зарплату она все-таки получает в отделе проектно-сметной документации, а не за выступления с высоких трибун, Дильбар вела себя на работе по-прежнему скромно, не выпускала из рук культмассовый сектор — ей хотелось казаться нужной и в тресте.

На высоких совещаниях, где она постоянно бывала, как правило, работали выездные книжные, аптечные, кондитерские киоски, а то и целые магазины, и она щедро снабжала книголюбов — книгами, женщин — французскими духами и парфюмерией, мужчин — редкими сигаретами и галстуками, пенсионеров — лекарствами и шикарной оптикой. За ней прочно укрепилась репутация доброй и сердечной девушки. Но в жизни, даже самой удачливой, порою случаются осложнения.

Однажды, когда Дильбар, как всегда отличившаяся в хлопковую страду, только вернулась из круиза вокруг Европы, куда она уже по традиции ездила с хлопкоробами, их тресту неожиданно выделили три квартиры в доме с улучшенной планировкой, расположенном в центре города. Одна из квартир оказалась однокомнатной.

На однокомнатную претендовал, и уже довольно давно, только Марик Розенбаум, ведущий технолог по нестандартному оборудованию в конструкторском бюро, — летом он как раз женился, и весь трест гулял у него на свадьбе. Ко дню заседания жилищной комиссии профкома, проходившего под председательством Пименова, появилось заявление на однокомнатную и Дильбар Садыковой, которая жила в общежитии молодых специалистов и имела там отдельную комнату со всеми удобствами. Общежитие считалось образцовым и скорее напоминало хорошую гостиницу, попасть туда было не так-то просто.

Две трехкомнатные поделили быстро и единогласно, как и положено, между очередниками, но из-за однокомнатной разгорелся сыр-бор. Пригласили на комиссию обоих претендентов, но Дильбар, сославшись на то, что ее срочно вызывают в ЦК АКСМ, ушла, еще раз подчеркнув, что общественное для нее выше личного. А Марик, конечно, остался.

Чувствуя по тону выступления председателя профкома Пименова, что квартира от него явно уплывает, Марик не выдержал.

— Позвольте, позвольте, — загорячился он. — Я все-таки ведущий технолог, и моя работа тоже известна, получила дипломы ВДНХ, у меня и патенты на изобретения есть... В конце концов, у меня большой стаж, у меня семья...

Но Пименов, для которого вопрос был решен еще до заседания, потому что Дильбар успела обегать и обзвонить нужных людей, прервал его:

— Да, вы хороший инженер, не спорю. И мы вас без квартиры не оставим: не в этот, так в следующий раз получите. Но поймите, во всяком деле существует политический, идеологический и воспитательный аспекты. Садыкова — известная на всю республику сборщица, и мы должны поддерживать таких энергичных людей, да еще с общественной жилкой, чего, к сожалению, о вас не скажешь. И я, со всей присущей мне принципиальностью и бескомпромиссностью, настаиваю на том, чтобы выделить квартиру старшему инженеру Садыковой.

— Мы же все-таки инженерная организация, а не колхоз, чтобы за работу на поле премировать квартирой! — продолжал кипятиться Марик. — Если она такая знаменитая сборщица, пусть едет в кишлак и занимается своим делом. Ей, может, там сразу двухэтажный коттедж построят.

После этой злой реплики Пименов попросил Марика удалиться с заседания. Большинством в один голос квартиру решили отдать Садыковой, а Розенбаум на другой день подал заявление об уходе и на дружные уговоры подумавший заявил:

— С таким подходом к делу у вас скоро ни один уважающий себя специалист не останется, только ударники полей...

С уходом Марика у Дильбар несколько разладились отношения кое с кем, особенно с молодыми, — у Марика было много друзей, да и как специалиста его действительно ценили высоко, и его отсутствие сказывалось еще долго. Дильбар же делала вид, что ключи ей вручили чуть ли не насильно, и ни с кем отношений не обостряла, хотя поводов для этого было достаточно.

А теперь ходили упорные слухи, что она скоро уйдет работать не то в профсоюзы, не то в какую-то республиканскую

женскую организацию, а может, даже инструктором в горком или райком партии, курировать промышленность и строительство — все-таки инженер с дипломом...

Дочистив картошку, Рашид тщательно вымыл ее, пересыпал в полиэтиленовый мешок, завязал и опустил в бадью с водой, чтобы не чернела на воздухе и не затвердевала от воды до обеда. Не дождавшись Самата, отыскал посох и двинулся со двора. Дни стояли один краше другого, бабье лето, как сказали бы в России, но на дворе был конец ноября, и здесь такого или похожего понятия не существовало.

Он перешел по шаткому мосту на другой берег Кумышкана, откуда сразу начинались убранные поля. Сборщики работали так далеко, что, как ни вглядывайся, и шевелящихся точек не видно, даже не слышно, как работает очистительная установка.

Рашид направился вдоль кромки поля к арыку. Слабый ручеек тек уже по самому дну, края арыка кое-где осели, обвалились, зато то тут, то там пробилась болотная ряска, густая, изумрудная, и оттого арык выглядел нарядно. Кое-где среди осоки росли бархатные камыши — у девушек в комнате они стояли в высоких индийских вазах из меди, принадлежавших красному уголку. Приземистые деревья тутовника с топорщившимися во все стороны сухими обрубками ветвей были облеплены паутиной и белели издали, напоминая знаменитые оренбургские шали-паутинки. Эту паутину несло невесть откуда через убранные поля, она густо оседала на деревьях, кустарниках, траве, и Рашид, шагая по кромке арыка, то и дело снимал с лица и волос тончайшие нити, пытаясь припомнить, какие изменения в погоде пророчит обильная паутина в осенний день, но так и не вспомнил, а ведь в юности знал, точно знал.

Наконец он дошел до кривой излучины, где так некстати напился две недели назад, и решил здесь дожидаться возвращавшихся на обед товарищей. Тут тоже все живое, обманутое природой, словно по весне дружно пошло в рост. От обилия химии трава здесь росла гуще, сочнее, особенно яркой казалась свежая, пробившаяся сквозь уже увядшую, пожухлую, и вместе все это, живое по живому, представляло собой интересный и редкий по цвету природный ковер.

Арык обмелел почти до дна, и кое-где его можно было просто перешагнуть. Когда Рашид подходил к излучине, с его

водной глади сорвались ненасытные серогрудые грачи — на мелководье они выискивали червяков.

«А Дильбар уже в Ташкенте», — мелькнула неожиданная мысль.

— Ташкент, — произнес он вслух, но обычной радости в голосе не было.

Максимум через десять дней он вернется в город, к привычному комфорту, телевизору, налаженной и размеренной жизни. Он мысленно рисовал радужные картины города, роскошный Алайский базар, куда любил наведываться по воскресеньям рано поутру, где изобилие было через край в любое время года, не говоря уже об осени.

Мясные прилавки с нежной телятиной, говядиной, свиной и особо ценимой здесь курдючной бараниной, ряды тушек птицы: кур и индюшек, гусей и уток, и даже потрошенных перепелов и диких кекликов, а в последние годы здесь продают и крольчатину, и уж совсем неожиданное — нутрий, покупают которых больше греки. Неподалеку молочные ряды, молочницы в основном из приграничных немецких сел Казахстана, для которых Ташкент — ближайший город; сливки, сметану и творог у них берут, не пробуя — всегда все свежее, неразбавленное, впрочем, у каждой из молочниц уже сложился свой круг покупателей. Брынзой и овечьим сыром торгуют курды, турки, азербайджанцы, они тоже живут селениями под Ташкентом. Жирная, соленая, малосольная, яично-желтая, сахарно-белая, плотная, вязкая, с дырочками и без — на любой вкус.

Вспомнилась и сауна на стадионе «Динамо», куда его изредка приглашали соседи по гаражу, и чешский Луна-парк, куда он часто ходит с Анютой кататься на крутых американских горках.

Рашид представил себя мягко припарковывающим белые «жигули» на небольшой стоянке у треста, на самой людной и красивой улице Ташкента, где прямо на асфальте, расчерченном краской, указан номер и его машины. По утрам ему иногда доставляло удовольствие небрежно выходить из машины, брать с заднего сиденья пустой дипломат и не спеша направляться к солидной двери с тонированными финскими стеклами. Что и говорить, фасад, или, как выражается модница Дильбар, «фейс» у них действительно солидный, отделанный мрамором и тяжелым дубом, многократно покрытым лаком. По бокам

могучей двери — две отполированные до зеркального блеска гранитные плиты темно-зеленого цвета с красными прожилками, взятые в массивную медную раму; каждая буква вывески искусно вырезана из красной бронзы на двух языках, узбекском и русском, и все это венчает сверкающий герб.

Вахтерам вменялось в обязанность содержать эти плиты в целостности и сохранности, и потому сдача смены начиналась именно с них, не дай Бог потускнеет хоть одна буква, а на гранит сядет пыль, и потому даже в самый пасмурный и ненастный день вывески, начищенные и отдраенные, блестели красной медью.

Не всякое министерство или какое другое высокое учреждение могло похвастаться подобной вывеской и фасадом — это новый управляющий, придя в трест, перво-наперво перестроил первый этаж, чтобы посетитель попадал сразу в просторный и яркий холл, утопающий в зелени и цветах, где напротив входа висела карта республики, выполненная профессиональными художниками из фирмы «Рассом» вместе со специалистами-электронщиками треста. Вся она лучилась звездами, вспыхивала огнями, — кинжальные светящиеся стрелы, сотни больших и малых точек, разноцветные пунктирчики, рваные волнистые линии должны были показать несведущему, как далеко и широко простирается мощь треста.

Кроме карты, занимавшей самую большую и выигрышную стену холла, имелись там схемы, диаграммы поменьше — тоже выполненные ярко, с фантазией, на электронике, автоматике, микропроцессорах, с элементами светомузыки, и, конечно, все они отражали неуклонный и стремительный рост отрасли по всем показателям. Проходящим по тротуару мимо треста даже за тонированными стеклами или за распахиваемой дверью виделся высокий и просторный холл, его оранжерейная зелень и загадочно мерцавшие на стенах диаграммы, и они наверняка думали: вот солидная контора, люди заняты интересным и важным делом. Тоску по интересной, значительной работе Рашид читал во взглядах многих прохожих, когда, не спеша и слегка пижоня, направлялся к дубовой двери.

Но ни автомашина, ни людная и любимая улица Навои, ни трест с его респектабельным фасадом и роскошным холлом, где всегда можно выпить газированной воды, хочешь — чистой,

хочешь — с сиропом, притом бесплатно, за счет профсоюза, сегодня не волновали, не манили, не привлекали. Это ощущение для него было новым, и, не находя причин безразличия, он подумал, что эта апатия — от болезни, ведь он помнит, как каждый год с нетерпением ждал конца уборки на хлопке, дни считал, планы строил, ждал приказа о возвращении, словно солдат. Но болезнь тоже не причина, потому что ему уже полегчало от настоя Куддуса-бобо, нужно теперь только переждать, выгнать из себя хворь.

— Не в болезни дело, не в болезни, — подумал он вслух, не то успокаивая, не то раззадоривая себя, и на ум опять пришла Дильбар.

«А чем я лучше Дильбар? — впервые признался он себе и удивился такому неожиданному сравнению. — Да-да, чем лучше?»

Ну, конечно, не такой беспросветный профан в своем деле, как она, чертежи, по крайней мере, читаю худо-бедно, расчет кое-какой инженерный могу сделать, со справочником кое в чем разберусь. Но в том-то и дело, что «кое-как», «худо-бедно», «со справочником». Оттого я, наверное, никогда и не хлопну дверью, как Марик, когда того обошли с квартирой. Куда я пойду, где меня ждут, с моим заушным образованием, как метко выразился один известный сатирик? Дильбар жалеть не стоит, она не пропадет. А я ведь и не инженер толком, и на хлопке славы не снискал, хотя с ней на одних полях работаю. И вообще, что я знаю, что могу, что мне можно доверить? Вот попрут завтра с работы за непригодность, что и оспорить-то будет стыдно, — куда подамся, как на хлеб насущный заработаю?»

От этой мысли Рашида прошиб холодный пот, и он поежился, как от озноба. Неприятный, ох, какой неприятный самоанализ мог бы надолго испортить ему настроение, не явись крепко сидящая в нас спасительная мысль, которая возникла из глубин сознания, словно охранная грамота: «Не выгонят, не бойся. Не попрут. Не в какой-нибудь Америке проклятой живем, с дипломом никого без должности не оставят, разве что добровольно решишь отказаться от кресла, как Фатхулла».

— Фатхулла... Метеор... — произнес вслух Рашид и улыбнулся.

Пришла на память давняя осень, когда Фатхулла соперничал с Баходыром и в поле, и у казана в гостеприимном дворе Икрамовых. Как давно это было...

Фатхулла не работает у них уже третий год, и за все это время Рашид видел его раза три или четыре, не больше. Раскидала жизнь в разные концы двухмиллионного города, у каждого свои тревоги, заботы. «Вот вернусь с хлопка — обязательно поеду к нему на плов», — решил Давлатов.

Нет, Мусаев ушел из треста не из-за того, что не добился благосклонности Дильбар, хотя поначалу имел вполне серьезные намерения — нравилась она ему, что было, то было. Но он раньше других разгадал Дильбар, понял ее честолюбивые замыслы и однажды в чайхане сказал Рашиду с Мариком, как давно решенное: «Мне другая жена нужна». И с этого дня Дильбар для него не существовала — ни как красавица, ни как инженер, ни как подчиненная, хотя каждое утро он принимал из ее рук пиалу с чаем. Вскоре он неожиданно женился на девушке из трикотажного объединения «Малика», тоже, как Дильбар, жившей в общежитии, правда, в рабочем.

Медлительный Метеор все делал неожиданно.

Через год у него родились две девочки-близняшки, и когда им исполнился только месяц, его отправили на хлопок. Как ни отказывался Фатхулла, как ни упрашивал начальство, объясняя, что жене одной трудно с грудными детьми, навстречу ему пойти не смогли. Да и как пойти, кого же посылать: в тресте больше половины — женщины, почти все с детьми, их трогать нельзя, часть — пенсионеры, как везде, да и отдел, что он вел, не был ведущим в тресте. Извелся он в ту осень, исхудал, при каждой возможности в ночь-полночь срывался к семье, а путь был неблизкий.

— Был бы Фролов, — часто с горечью говорил Фатхулла, — я дневал и ночевал бы в поле и заработал бы недельку, чтоб побыть с семьей.

А так он, не спавший всю ночь, издерганный, приезжал прямо на поле и, собрав, как все, фартук-другой хлопка, дремал где-нибудь в грядке большую часть дня. В ту осень его прозвище Метеор как-то забыли.

Фатхулла возглавлял странный отдел — вроде и не самый важный в тресте, а по штатному расписанию людей у него

числилось больше всего. Оттого и попадали к нему «инженеры» почище Дильбар: то чья-нибудь дочь, то племянница, а теперь уже пошли и внучки, которым перед институтом для стажа нужно было пересидеть где-нибудь годик-другой. И все вчерашние десятиклассницы на инженерных должностях. Был и другой разряд «инженеров», из-за которых отдел Фатхуллы в курилке называли «предродовым отделением», потому что в пожарном порядке устраивали к нему невесток в положении, чтобы и стаж шел, и пособия детские. Никто с Фатхуллой подобные трудоустройства не согласовывал — его каждый раз ставили перед фактом. Этим «инженерам» и представляться не нужно было, фамилии родителей говорили сами за себя.

Выходило, что половине отдела он и замечания строгого не мог сделать, а уж о том, чтобы потребовать работу, и речи не могло быть, разве что принести-отнести, но с этим хорошо справлялась и одна Дильбар. И на хлопок бездельниц не пошлешь, у каждой на руках еще с лета по две-три справки заготовлены, хотя при поступлении в институт, конечно, представят другие — об идеальном состоянии здоровья.

Так постепенно, мало-помалу Мусаев терял интерес к работе. А тут жена опять родила, и снова двойню, теперь уже мальчиков. Счастлив был Фатхулла — словами не высказать. Правда, он заметно похудел, стал расторопнее, а вальяжность куда и подевалась: четверо детей и неработающая жена — крутиться надо о-хо-хо как. И однажды, когда они в обеденный перерыв сидели компанией в кафе на Анхоре, Фатхулла объявил, как всегда неожиданно:

— Сейчас вернусь в трест и подам заявление об уходе.

На вопрос, куда решил уйти, Мусаев ответил неопределенно. Отговаривать Фатхуллу, зная его работу и перспективы, никто и не подумал: хлопковая кампания на носу, и опять ему не избежать поля. Да и с начальством он уже не раз сцеплялся по поводу заполонивших отдел Жанн и Жаннет, Фируз и Гуль. Конечно же, облегченно вздохнув, начальство отпустило его с радостью.

Ушел Фатхулла и словно в воду канул — ни звонков, ни приветов, правда, в тресте к тому времени из его друзей остались только Рашид и Баходыр. А через год по тресту пронесся слух, что Мусаев на Чиланзаре в чайхане готовит плов.

Кто поверил, кто нет, кто возмутился, кто пропустил мимо ушей, а Рашид с Баходыром, выкроив время, поехали в чайхану.

Обеденный перерыв в близлежащих конторах и магазинах еще не наступил, и поэтому в чайхане было малоллюдно, хотя у мангалов с шашлыком и у тандыров с самсой толпился народ. Наибольшую площадь занимала лагманная с просторной открытой летней верандой, но столики были пусты. Повара у всех на виду заканчивали вручную крутить лагман. Это удивительное, почти цирковое зрелище никого не оставляет равнодушным, когда из огромного плотного куска теста в руках мастера после каждого взмаха растут, удваиваясь, длинные нити толстой вермишели — лагмана. Он сродни итальянским спагетти, потому, наверное, туристы из Италии и любят многочисленные столовые Ташкента, где готовят это блюдо.

Обойдя лагманную, у чайханы с двумя трехведерными тульскими самоварами Рашид с Баходыром увидели огромный казан на треноге. Возле казана — пластиковый столик с высокой горкой тарелок и большая миска с мелко нарезанным молодым лучком и зеленью, которыми посыпают каждую порцию, — все готово к обеденному перерыву.

— Какие у меня гости! — раздался вдруг сзади голос Фатхуллы.

Он церемонно, как и подобает семейным мужчинам, обнялся с друзьями.

— У меня еще минут двадцать до аврала, давайте присядем... — он кивнул на столик, стоявший у стены, потом крикнул чайханщику: — Фархад, ко мне пришли старые друзья!

На стол им тотчас подали чайники с чаем и горячие, только из тандыра, лепешки, а через несколько минут принесли и тарелку с обжигающей самсой.

— Ну, как в тресте, что нового? Рассказывайте, — поторопил товарищей Фатхулла, разливая по пиалам чай.

— Да у нас что, все по-старому: молодые радикалы ждут крутых реформ, старики посмеиваются, говорят: «Ждите-ждите, теперь ваш черед», — и ожидают не реформ, а премий. В общем, то же, что и при тебе. Отдел твой все время обновляется, пополняет народонаселение страны. Дильбар замуж до сих пор не вышла, все ораторствует, но... хороша по-прежнему... Как ты-то живешь-можешь? Как дети? И расскажи, почему решил положить диплом на полку?

Фатхулла, не забывая о своих обязанностях за столом, наливал друзьям чаю, пододвигал самсу.

— Дети, хвала Аллаху, здоровы. Жена дома — решили, что лучше ей быть с ними. Да и сто рублей, что она зарабатывала на «Малике», проблем не решают. А я вот здесь... Думаете, так сразу, с бухты-барахты? Нет, меня давно в общепит зывали. Многие мои дружки кулинарные курсы окончили и мне все время говорили: «Ты внук Нигмата-бобо, зачем тебе инженерная должность, чем она тебя манит?»

А дед мой, Нигмат-бобо, да будет вам известно, действительно был знаменит в свое время на весь Ташкент. Он мог приготовить плов на пятьсот человек! А это мало кому удастся, я, например, больше чем на двести пятьдесят не рискую, да и то готовлю в двух казанах. Помню, как с утра дед собирал свой нехитрый инструмент, и все не спеша, не суетливо — наверное, от него передалась мне медлительность, — и так же не спеша, с достоинством направлялся в дом, где намечалось торжество и куда был зван готовить свадебный плов. Часто и меня с собой брал. Он меня всегда при себе держал, просил помочь, говорил, что стар уже и трудно ему, хотя, как я теперь понимаю, это он меня так учил, приваживал к делу.

Так что дед обучил меня своему ремеслу не хуже кулинарного техникума, эта работа все-таки не одним дипломом оценивается, а умением, результатом, тут халтуру за словами не спрячешь, людей за свои деньги горелый или сырой плов есть не заставишь. И я знал, что у меня есть надежная и нужная людям профессия, не сложится, не получится где — место у плиты для меня всегда найдется.

Не знаю, что сыграло решающую роль — дети, неустроенность или работа, к которой я терял интерес день ото дня. Да и мог ли я называть то, чем занимался, инженерной работой? Все на каких-то побегушках, в каждой бочке затычка: улицы мести, деревья сажать, на строительство срочного объекта — везде в первых рядах; совещание, мероприятие какое — опять бегом, бросай все дела. На сенокос, на виноград, на овощную базу — опять давай-давай! А уж о хлопке каждую осень я молчу, не мне вам рассказывать, что это такое...

Знаете, я даже рад, что на меня вдруг все так сразу навалилось: семья, дети, непутевый отдел, «инженеры» наподобие

Дильбар, внучки, дочки влиятельных папаш. На одно лицо размалеванные Анжелы, Элеоноры, Гульчехры, Санобары, Сусанны, Фиры, Эсфири, которым и слова не скажи... Иначе бы я никогда не решился порвать все сразу, отирался бы, наверное, до седых волос в отделах, жил бы по принципу: «День прошел — и слава Богу. Зарплата идет — и ладно, а может, и премию подкинут». Да и семью на сто семьдесят одному тянуть невозможно. Про квартиру я уж и не говорю — пример Марика у всех в памяти, а детям моим сегодня не просто крыша над головой нужна, простор необходим, их ведь вон сколько.

Вы и сами знаете, у котла я всегда чувствовал себя хозяином положения, так что это мое место. Премии я в тресте получал, и не раз, да ведь там их всем дают, никого не обделяют. Но ни разу никто меня за работу не поблагодарил, не порадовался, что толково и в срок что-то сделано. А тут на днях подходит ко мне одна девочка, лет шести, и протягивает конфетку, говорит: «Дядя, вы такой вкусный плов готовите всегда, спасибо...» Очень тронуло меня это, больше премий и похвальных грамот, что раздают всем подряд по большим праздникам...

Друзья внимательно слушали, не сводя глаз с Фатхуллы. Он обернулся, обвел рукой свои владения:

— Смотрите, еще нет обеденного перерыва, а народ уже подходит. Видите, у многих в руках кастрюли, чашки — кто домой берет, кто на работу. Девять из десяти — мои постоянные клиенты, и мне жаль, когда плова не хватает на всех. Знаете, какая это радость — видеть довольные лица и длинную очередь к твоему казану? Бывает, иной раз не приду на работу, так спрашивают: где наш повар, почему сегодня плов не тот? Здесь я и получаю больше, чем в тресте, и заработанные деньги мне больше в радость, чем те высиженные. За час-два от огромного котла не остается ни рисинки, и я свободен. Я занимаюсь только пловом, а если и подметаю, то лишь свою территорию. «Свободен» не означает, что бездельничаю, меня, как и деда, стали приглашать на свадьбы, торжества, и месяц мой расписан на много дней вперед, вот, посмотрите... — Фатхулла вынул записную книжку, заполненную аккуратным убористым почерком: телефоны, адреса. — ... Оказывается, в Ташкенте не так уж много мастеров, которые берутся готовить свадебный плов.

Конечно, на первых порах и слава деда моего помогла, помнят его в узбекских кварталах старого города, а теперь у меня и своя репутация крепкая, от желающих отбоя нет. Город большой, народ живет хорошо, весной и осенью в сезон свадеб с ног валюшь, устаю, тут и там — тяжеловато. Но эта работа и усталость мне в радость, да и труд оплачивается щедро. Я уже первый взнос в кооператив внес — на пятикомнатную квартиру! Райисполкомовцы заходят обедать, они и помогли, чтобы в другой район меня не сманили. Дом тут, рядом, в третьем квартале сдается. Так что через полгода прошу на новоселье...

Мусаев замолчал, налил себе в пиалу чаю, сделал пару глотков, словно в горле пересохло.

— Однажды вы поняли Марика, — продолжил он, — помните, когда он уехал с хлопка? Теперь поймите и меня. Причины разные, но суть одна: абы как работать не хочется, хочется быть на своем месте, заниматься делом. Ну, мне пора, а вы сидите. Если не попробуете мой общепитовский плов — обижусь. Уверяю, он не хуже того, что я готовил на хлопке.

Он легко поднялся с места, уверенный в себе, и пошел к котлу, у которого его уже дожидалась изрядная очередь... Они тоже съели тогда по порции действительно отменного плова и хвалили товарища...

— Фатхулла... — повторил сейчас Рашид, вспомнив приятеля.

Почему он так редко бывал у Фатхуллы на Чиланзаре? Ведь и машину имеет, и по делам часто бывает на Чиланзаре — едва ли не каждую неделю его, как и Дильбар, посылают за всякими бланками, отчетами для треста, используя как курьера с собственной машиной. Да потому, видно, что он стыдился встречи с Фатхуллой. Конечно, стыдился, хотя никогда об этом всерьез не задумывался. Подспудно, неосознанно стыдился, не избегая встреч специально, но чувствуя, что они доставят мало радости, ведь не миновать вопроса: как дела, чем занимаешься?

А дела-то у него все какие-то мелкие, незначительные, и уже не по возрасту: Фатхулле-то не обманешь, он сам инженер. Все эти мигающие, светящиеся табло, диаграммы, карта-мишура, — что это как не цирк, примитивные игры для взрослых, тех, кто сам хочет обмануться, радуясь, что нажатием кнопки может вызвать красивый сполох огней или бегущую строку цифр, которые устарели уже до того, как их заложили в программу?

Фатхулла спрашивал бы о деле, а дела-то нет, одно мельтешение, мелкое, суетное оправдание бытия.

Сейчас, когда мысли, неожиданно закружившись вокруг Дильбар, переметнулись от нее к Марику и от Марика к Фатхулле, Давлатов почувствовал, что завидует Мусаеву. Нет, не тому, что тот хорошо устроился, а тому, что есть у человека дело, которое он знает и которое дает ему не только хлеб насущный, но и душевное равновесие.

От этих дум стало как-то не по себе. Пытаясь отвлечься, Рашид взгляделся в даль, но глазу не за что было зацепиться — кругом лежала пустынно однообразная желтоватая неборошенная земля. Взгляд вновь, как вчера, уперся в Чаткальский хребет. Странно, сегодня он казался несколько иным, чем вчера, вроде открылись новые альпийские луга на склонах, резче и четче обозначилась седловина. «Отчего бы это?» — подумал Рашид и вдруг обнаружил, что над горами нет клубящихся облаков, — над ними ясное, как и над полем, голубое небо, оттого-то и картина совершенно иная.

На ум пришел Рерих, чьи картины напомнили ему неожиданно открывшийся по осени хребет. Но сколько ни рылся в памяти, ничего больше с этим именем связать не смог. «Немец», — решил наконец и понял, откуда он знает эту фамилию: совсем недавно была телевизионная передача. «А, телевизионная...» — подумал он и успокоился. Ни к чему рыться в памяти: телевизионные знания — обманчивые, как недолгая любовь: с глаз долой — из сердца вон.

Но ясно видимый хребет будоражил мысли, заставлял думать, и неожиданно Рашид ощутил желание заглянуть в себя, разобраться в своей жизни — опасная затея, и что-то в нем неистово сопротивлялось этому желанию; две силы словно раздвоили его, лишая воли, и он уже бездумно вглядывался в пустые поля, не смея поднять глаза на высокие горы, сеющие смуту в его сознании.

В памяти всплыл случай пятилетней давности. Тогда в моду только вошли широкие галстуки яркой расцветки с обязательным платочком в тон в нагрудном кармане пиджака. Прямо «галстучная революция» произошла, к которой, как всегда, оказалась не готова отечественная легкая промышленность. Но жена, добывавшая себе немислимыми путями косметику,

достала ему такой комплект: широчайший галстук на шелковой огненно-красной подкладке, на лицевой стороне — кубизм и авангардизм, все вместе, и такой же платочек. «Италия», — гордо объявила жена, вручая подарок.

Галстук и впрямь был супермодный. Не раз потом спрашивали мужики то на автобусной остановке, то прямо на улице: «Где достал?» На что он отвечал кратко: «Италия» — и все становилось на свои места. На огненно-красной подкладке галстука имелась шитая золотистыми нитками броская эмблема с названием фирмы, а чуть ниже, помельче, был указан состав ткани — стопроцентный полиэстер.

Однажды в отсутствие жены, перевязывая галстук, Рашид решил, что не мешало бы слегка подгладить его. Доставая утюг, он посмеивался над собой — кто же гладит стопроцентную синтетику? — но утюг все же включил. Укладывая на стол одеяло для глаженья, внушал себе мысль остановиться, но руки делали свое дело, и когда разложил галстук, подумал: «Ну, ладно, хоть через марлю», но руки к лежавшей рядом марле не потянулись. Он занес тяжелый утюг над галстуком и, как показалось ему, долго стоял в сомнении. Один голос шептал: «Остановись, не рискуй, это твой самый модный галстук, вызывающий зависть у половины города», другой, словно бес, подталкивал: «Да что ты, и прижмешь-то всего разок...» Он приложил утюг — и галстук растаял на глазах...

Подобное испытывал Давлатов и сейчас: хотелось разобраться в себе, ведь когда еще выпадет такое время — некуда спешить, нет поводов суетиться, а главное — душа готова к откровению. Но что-то удерживало, и крепко, от откровенности с самим собой. «Ну, чего ты боишься, — подначил он себя. — Ведь не натворил еще непоправимого, отчего, бывает, и оглянуться назад страшно. Скорее наоборот, и следов, и вех-то нет никаких, сколько ни оглядывайся, приложи утюгом горячим память — и растает все, как синтетика, пустым легким дымом изойдет: из дыма соткано, в дым уйдет, вроде и не было, привиделось как бы». Но непросто, оказывается, заглянуть себе в душу, боязно. Что, кроме беспокойства и горечи, там обнаружишь?

От беспокойных мыслей снова стало зябко. Рашид взял посох и тяжело поднялся. «До обеда еще далеко, пойду-ка в

чайхану, помогу ребятам приготовить ачик-чучук к шурпе, на это у них времени никогда не хватает», — решил он, пытаясь занять себя чем-нибудь, и повернул назад к Кумышкану.

Возвращаясь другим берегом арыка, он сразу заметил, что кончился легкий лет паутины, и та, что еще час назад ажурной шалью опутывала корявые тутовники, как-то сникла, опала, изменилась в цвете и, слившись со стволом и сучьями, затерялась, пропала.

Берега рукотворного арыка были одинаковыми, на одном уровне, сейчас Рашиду чаще встречалась осока, и среди нее издали чернели изящные бархатные головки камышей. Они росли в заманчивой близости от берега, и Давлатов сломал сухой стебель одного из них, наиболее крупного, который вот-вот начнет сыпаться: жизнь его — до первого сильного порыва ветра. Ему не удалось пройти и трех шагов, как от неосторожного взмаха руки головка камыша рассыпалась, словно выстрелили новогодней хлопушкой с конфетти, и в воздухе повисли сотни раскрывшихся парашютиков, которые тут же подхватил слабый ветерок Кумышкана и плавно понес в пустые поля.

Давлатов смотрел вслед улетающим семенам и видел не хлопковое поле, а пустынную осеннюю дорогу с озер, среди облетающих вязов, и уже белесое от ночных холодов высокое небо над ними. По накатанной до синевы телегами, мотоциклами, машинами колее бежал навстречу ветру мальчик, высоко поднимая над головой такую же головку камыша. «Я — реактивный самолет!» — кричал мальчик в гулкую осеннюю тишь, и ветер нес его звонкий голос над рябью озер и застревал в густых камышах, а за ним, как хвост кометы, долго тянулся след рассыпающихся парашютиков. След детства. Мальчик, бегущий навстречу ветру и захлебывающийся от восторга, — он сам...

Медленно шаря бесцельно длинным посохом по пожухлым кустам репейника, вспугивая лягушек, объявившихся вновь с затяжным теплом, Рашид побрел берегом арыка, выискивая местечко, где можно присесть и предаться воспоминаниям о детстве, таком безоблачном и счастливом, — когда рядом отец и мать, оба сильные, умелые, упреждавшие каждое его желание. Он шагал во власти дум и не заметил, как вышел ко вчерашнему взгорку, где случайно задремал и где его отыскал Баходыр.

Вот у Баходыра детство было тяжелое, он сам рассказывал. С малых лет на хлопковом поле, да и дома всякая живность, огород, а потом пошли сестренки и братишки, которых ему пришлось нянчить. «Я свое детство и не помню — работа, обязанности старшего, только со двора ступишь, уже кличут: Ба-хо-дыр!» — как-то с грустью признался ему друг. Но думать о чужом детстве не было желания, хотелось вспоминать свое...

Детство — это высокое-высокое голубое небо и взлетевший от удара биты под небеса тугий мяч — лапта, любимая игра их мест, очень похожая на американский бейсбол.

Детство — это целые дни на реке, рыбалка в тихих затонах, где чернее от глубины вода и где, если посчастливится, можно выудить сома, а уж прожорливую щуку и окуня — всегда; это купание на прогретых отмелях, ежевика в заречных кустах, ночевки на озерах, где по ночам тяжело ухает филин и сонно плещется крупная рыба.

Детство — это снежная крепость и крутые ледяные горки, с которых грохочут сани, это мягко падающий снег, пурга за окном и мама, читающая вслух тукаевского «Шурале». Детство — это пахнущий лаком, сияющий хромом велосипед и дорога к реке, сразу ставшая такой близкой.

Детство — это глухая темень улиц, громады стогов завезенного с полей сена, башни сложенных на просушку кизяков, тайные углы ночного подворья, пыльно-влажный запах политых огородов; это игра в прятки, из-за которой торопишь день, закатное солнце; это мамин голос в темноте, за забором, под высоким звездным небом: «Рашид! Мальчик мой, до-мо-ой!»

Рашиду вспомнился ясный зимний день, воскресенье... Мама дома, отец с раннего утра на станции — пришел долгожданный уголь. Отгружали в первую очередь на хлебопекарню и по школам, о выходном и речи не могло быть. Рашид, наскоро позавтракав горячими блинами с медом и сметаной, схватил в прихожей тулупчик, пошитый соседом-скорняком Хайруллоабзы, и выскочил во двор, прихватив в сенцах санки с высокой спинкой и крепкими железными полозьями, — отец смастерил их еще летом. Ему хотелось первым прибежать на горку, которую сделали ребята постарше в соседнем квартале, но одному боязно — на чужой горе иногда задираются, говорят: ишь, ушлые, сами постройте и катайтесь всласть. Но ребят постарше

на их улице мало, а вдвоем с Минькой Паниным, с которым он уговорился еще вчера кататься с утра на санках, такую горку не сладить: сотни ведер воды надо из колодца натаскать, да и саму горку красиво насыпать и утрамбовать тоже умение нужно.

Зима выдалась снежная, телеграфные столбы в самом селе были наполовину занесены, иногда сани с сеном еле могли проехать в какой-нибудь переулок, и крутились, заезжали с другой улицы. Подворья потонули в высоких сугробах; чтобы пробиться к улице, приходилось рыть траншеи и ходы в снегу.

Большой двор Давлатовых был очищен от снега — утром отец первым делом брался за огромную деревянную лопату. Очищал он двор своеобразно: вырезал ровные квадраты уплотнившегося снега и сносил их к забору. Издали их двор походил на крепость, потому что от снегопада к снегопаду кладка снежных стен росла, и метель, буйствовавшая чаще всего по ночам, уже реже гуляла у них во дворе. Глубокие траншеи, в которых Рашида не было видно совсем, вели к сеновалу, сараям, коровнику и стоящему в самом дальнем углу туалету. Была во дворе у него и своя горка — насыпал отец, но она ему не нравилась, и катались с нее больше соседские девчонки, а идти к ним в компанию ему не хотелось — задразнят. Да и что это за горка без трамплина, разве сравнить ее с той, что на соседней улице?

Рашид быстро одолел двор и вышел за крепостную стену.

Кое-кто на их улице, да и на соседних тоже, последовал примеру Давлатова, и то тут, то там виднелись снежные стены, ограждавшие усадьбы от заносов. Напротив, через дорогу, между двумя такими высокими крепостными стенами, словно выпавший зуб, находилась занесенная снегом усадьба Паниных. Старенький дом был завален снегом под самую крышу; из развалившейся от осенних дождей трубы, которую венчало прогоревшее и проржавевшее ведро, вилась хилая струйка дыма, — издали казалось, что дымит сугроб.

Оставив санки у высоких кованых железом ворот, которые только на треть торчали из снега, хотя отец не раз за зиму их откапывал, Рашид направился к Миньке. Дело это не совсем простое: улицу он одолел быстро, хотя дважды утонул в сугробах и набрал полные валенки снега, а к дому Паниных пробрался, проваливаясь через шаг в снег по пояс.

Минька копошился у самой двери сарая. Он успел как мог откидать снег от входной двери, и туда удавалось спускаться, как в блиндаж. Теперь он освобождал вход в коровник. Увидев дружка, Минька широко улыбнулся и сдвинул на затылок старый заячий треух, доставшийся ему от старшего брата. От усердия он разгорячился, раскраснелся, от него валил пар.

— Не могу, — ответил Минька товарищу, напомнившему про вчерашний уговор. — В хлеву надо почистить, корову напоить, сена надергать, воды в дом натаскать, ход на улицу пробить. Не могу... — И, застегивая распахнутую телогрейку, с завистью добавил: — Тебе хорошо, ты птичка божья — ни забот, ни хлопот. Дядя Ильяс, как бульдозер, за час все сдвинул, со всеми делами справился, а у нас это на мне, так что не жди, к обеду только управлюсь. Ты уж санки не заноси, на твоих хорошо кататься, не рассыплется с ледяной горы, как магазинные, — попросил Минька и начал энергично шуровать большой лопатой.

Рашид молча повернул назад. Только гордость не позволяла ему заплакать — ну, обидно же. «Божья птичка, божья птичка», — повторял он, распаяя свою обиду. Конечно, это не Минька придумал, мать его, тетя Шура, однажды так сказала. Рашид был еще мал, чтобы понимать глубокий смысл, скрытый в безобидных словах, но догадывался, что с божьей птичкой не все благополучно, и, возвращаясь домой, опять проваливаясь по пояс, теряя валенки в снегу, он вспомнил вдруг, что и раньше слышал в свой адрес эти слова, да не придавал им никакого значения, не чувствовал обиды.

Так случалось не раз, когда он заезжал на велосипеде или забегал к дружкам, приглашая их на речку, или поиграть в футбол, или за тюльпанами — по весне вся заречная степь до самого горизонта полыхала ими, и аромат стоял такой, что век не забыть.

Друзья его, когда ни приди, то пололи огород, то переворачивали кизяки на просушке, то рубили траву для гусей, то помогали мазать хаты, то нянчились с младшими сестренками и братишками, которых никак нельзя было оставить одних. Обойдя с десятков дворов, ему удавалось найти дружка для своих затей, да и то не всегда, — вот тогда он и слышал чье-то материнское, незлобное: «Ему-то что, он птичка божья...»

От обиды кататься на санках расхотелось. Назло Миньке он отдал санки девчонкам, что наладились спускаться с его горки, и направился домой. Мама все еще копошилась в сарае, ведь дел у нее там невпроворот: и за теленком присмотреть, и за баранами, и за драчливыми козами, славящимися знаменитым оренбургским пухом, и за курами, гусями...

Рашид быстренько снял мокрые от снега брючки, поставил в запечье валенки — у него была еще пара подшитых, в которых удобно играть в хоккей, — и встряхнул хорошенько тулупчик, раздумывая, надеть его снова или облачиться в коротенькое зимнее пальтецо, что привезла мать из города. Быстро оделся в сухое, спрятал тулупчик с мокрым подолом под отцовский полушубок и выбежал во двор с твердым намерением помочь маме, — он понял упрек Миньки.

По вырытой отцом снежной траншее, по краям которой щетинились его пулеметы, зенитки, скрытые доты — в «войну» всегда играют только у них во дворе, где столько укреплений, рвов, засад, — Рашид направился к сараям, заглядывая по пути в один, другой...

Мать он нашел в коровнике — она накладывала вилами с частыми зубцами навоз и подстилку из-под Звездочки в старую оцинкованную ванну, в которой некогда купали его. Корыто было уже полное, и Рашид, довольный, что подоспел вовремя, схватился за веревку, чтобы волочь его по снегу на зады огородов, где они складывали его в кучу, а летом будут делать из него кизяки. Но мать, которая вроде и стояла от него вдалеке, неожиданно ловко перехватила бечеву:

— Я сама, сынок, не пачкайся.

Рашид попытался отнять у нее поводок:

— Мама, я хочу тебе помочь, у меня ведь каникулы.

Мать бросила бечеву на землю и пошла на свет к двери, где на сухом месте стоял Рашид. Она сбросила на снег варезжки, обняла его, и он ощутил тепло ее телогрейки, пахнущей сеном, соломой, теленком, печной золой, молоком — тем, что когда-то, уже став взрослым, он назовет запахом дома.

— Ах ты, мой золотой! Каникулы, говоришь? Вот и гуляй на здоровье, детство — пора быстрая, быстрее солнышка, не успеешь оглянуться, оно на закат покатилося. Успеешь еще наработаться, век долгий... — говорила мать, волнуясь от

прилива нежности, а Рашид пытался вырваться из ее объятий и бубнил:

— Ведь все мальчики помогают, вот Минька...

— Что Минька? — грустно вздохнула мать. — Его отцу хоть трава не расти, глаза зальет — вот и все его счастье. Оттого-то Миньке не до игр, играл бы, коли возможность была. Ведь у них, кроме Миньки, еще Сашка, Светка, а у меня ты один, понимаешь, один, кровиночка моя. Да разве я позволю тебе в навозе ковыряться, рисковать собой? Ведь возле животных болезни всякие бывают. Я, наверное, одна в Степном трижды в год корову ветеринару показываю, знаю, что ты молоко любишь. Да еще кругом здесь бактерии какие-то, ты ведь сам мне из книжки читал. Так что выбрось из головы работу, помощь, иди гуляй, а не гуляется — книжку почитай, потом мне расскажешь. Догуляй, мой золотой, и за меня, я своего детства и не помню, нас ведь семеро по лавкам было, а кормилец один, потом и его война забрала...

Рашид слушал и чувствовал: останься он еще на минуту — расплачется, и зацелует его мать, — случаются у нее иногда такие порывы вдруг ни с того ни с сего, вспоминается ей, наверное, что-то. Круто повернувшись, он побежал по траншее, не замечая своих пушек и пулеметов...

Года в четыре, а может в пять, когда Рашид мог уже что-то понимать, он обнаружил, какой у них большой красивый дом и сколько всего занятного находится во дворе. Позже, лет в тринадцать, он узнал и какую роль сыграл в рождении этого прекрасного дома, да и в судьбе своих родителей тоже.

Дом стоял необычно для села — в глубине большой, в восемнадцать соток, усадьбы, но родился Рашид не в нем, дом заложили через месяц после его рождения, весной, как только обсохла земля. Рассказывают, отец был так нетерпелив, что еще с марта начал отводить с участка талую весеннюю воду, сколол весь лед, снес его на зады, в огороды.

А родился Рашид в хибарке, что стояла здесь же, у дороги. У отца не было никакого желания строиться, в семье все шло к распаду, потому что жили пятый год, а детей не было. И вдруг спасший семью долгожданный ребенок, да еще сын! Не всякий наследный принц приносил, наверное, столько радости и счастья.

В детстве Рашид часто жалел, что не видел, как возводился дом, постройки с сеновалом, бетонным подвалом, баней, гаражом, просторным хлевом, где, кроме коровы, у них содержались пяток овец и три пуховые козы — мать на досуге вязала пуховые шали. Сколько он себя помнил, подворье у них всегда было ухожено, сверкало издали оцинкованными крышами дома и пристроек — отец все делал основательно. И даже забор не подправляли до сих пор, только подкрашивали раз в два-три года.

На сабантуях — праздниках урожая, проводившихся в их краях ежегодно, отец не имел равных в народной борьбе кураш. Ох, и любил же он борьбу! Он вряд ли знал какие-то особые приемы или отличался большой ловкостью и изворотливостью, просто стоило ему ухватить противника как следует — и просто сминал его. А когда в их село при железной дороге, ставшее к тому времени крупным районным центром, приезжали молодые люди, знавшие приемы и вольной, и классической борьбы, имевшие спортивные разряды, отец боролся и с ними. Ему не всегда удавалось прижать противника лопатками к земле, но уползающий, как уж выкручивающийся противник не вызывал симпатий сельского люда, и все дружно требовали отдать главный приз — барана — Ильясу. Отец нажил себе много врагов среди молодых спортсменов, которым не удавалось уложить сельского грузчика на лопатки, оттого, однажды послушав мать, и перестал участвовать в курашах, хотя был еще силен.

Мать, Кашфия-апа, была под стать отцу: рослая, статная, сильная, но отличалась робостью, кротостью нрава, немногословием, — сказывалось, наверное, что росла шестой дочерью сельского коновала Гарая-абзы. Обоих их отличала еще одна общая черта — неистовость в труде, будь то дома или на работе. С ними работать в паре, даже на частых в те годы хашарах, что созывал по воскресеньям каждый строящийся, не всяк соглашался: загонят, говорили шутя. Хозяева, зная безотказность Давлатовых, ставили их на самое трудное и горячее место. А зазывали их на «помощь» охотно, ибо и шутками отец сыпал часто, а мать, при всей своей тихости и незаметности, первой певуньей считалась на селе. Правда, Рашид никогда не слышал от нее песен веселых, озорных, а все больше грустные, задушевные.

Мать работала на элеваторе — старом, построенном в двадцать седьмом году, о чем свидетельствовала чья-то криво сделанная запись черной краской на потемневшей от времени цинковой обшивке башни. Перелопачивала она там с товарками изо дня в день огромными деревянными лопатами целые эвересты зерна, чтобы не задохнулось, не запрело, не завелся в тепле жук. О механизированных элеваторах, где в огромных бетонных баках денно и ночью трудятся транспортеры, перегоняя зерно из ствола в ствол, тогда лишь мечтали. Они же отправляли зерно на мельницы и мелькомбинаты — грузили и в вагоны, и в машины, россыпью, валом и в мешках, так что горбилась мать на элеваторе беспрестанно. И другого выхода не было — с грамотой у нее, как и у отца, было не густо, а работой их село Степное в те годы не особенно изобиловало.

Прикипела Кашфия сердцем к кормильцу-элеватору, ведь в войну пришла туда подростком, присоединившись к трем своим сестрам, тоже не достигшим совершеннолетия, а Гарайабзы, единственный мужчина в доме, всю войну прошагал в артиллерийских обозах. Может, оттого, что рано пришлось ей гнуться под пудовыми мешками, и не могла она долго исполнить свой женский и материнский долг и едва не лишилась семьи. И понятно, что Кашфия, как и всякая мать, не чаяла души в единственном сыне, потому что больше детей судьба не послала, хотя они с мужем на радостях и о дочери заговорили, и на других сыновей в мечтах замахнулись.

Кашфия никогда и никому не признавалась, даже мужу и старшим сестрам, оставшимся вековухами в выкошенном войной степном поселке, что считала Рашида посланным ей свыше кем-то, кого она не знала, как и назвать, ибо не являлась ни верующей, ни атеисткой, но была твердо убеждена: кто-то услышал ее мольбы и увидел слезы в бессонные ночи, понял ее страх перед одиночеством; больше того, тот неведомый и невидимый, подаривший им на радость Рашида, спас ей жизнь. Вот именно — спас жизнь! Робкая Кашфия твердо решила: если Ильяс оставит ее, она не станет жить...

В ее отношении к сыну, кроме безоглядной любви, порою сквозило и что-то мистическое — он был для нее больше чем сын. А сын, сохранив матери жизнь, круто изменил и уклад семьи, хотя Кашфии грех было жаловаться на мужа: трудяга,

каких поискать, мастер на все руки — хоть печь сложить, хоть полы настелить, хоть крышу железом покрыть. И, наверное, у него одного во всем районе был настоящий алмазный стеклорез, доставшийся ему в наследство от дальней родни из Оренбурга. Этот стеклорез, сделанный в прошлом веке какой-то немецкой фирмой и хранившийся в замшевой коробочке с застежкой, наподобие футляров для драгоценностей, берегли пуще глаза. Одним стеклорезом в сезон мог бы прокормить Ильяс семью, ибо налаживалась жизнь в их бедных краях, начинал народ строиться.

И до рождения сына Ильяс не знал удержу в работе. Огородов у них в Степном было два — один от элеватора, другой от железной дороги, где он трудился на грузовом дворе. Картошка у них по тем годам росла особенная — крупная, красная, тонкокожая. Отсыпал Ильясу мешок как-то проводник вагона-рефрижератора, что стоял у них на станции три дня из-за поломки, а Ильяс добровольно помогал бедолаге перетаскивать мешки из отсека в отсек, чтобы устранить неисправность. Мешок этот, тщательно перебранный, запрятал Ильяс до весны, до посадки, сразу оценив крупную и вкусную белорусскую бульбу. Одного огорода на прокорм им хватало вполне, а урожай со второго он укладывал во дворе в специальной яме, выложенной дерном, засыпал сверху сухим речным песком с Илека и закрывал тоже дерном, оставляя отдушины для воздуха. А по весне всю картошку сразу, оптом, покупал районный ресторан.

В те годы в редком дворе не было коровы — главной кормилицы семьи, и в июне стар и млад, все способные держать в руках вилы, подряжались в соседние аулы и казачьи станицы косить и убирать на паях сено. Расчет установился давно: девять волокуш или ЗИСов — колхозу, десятая — себе.

На сено Ильяс ездил со своим дружкой, таким же ломовым работягой, грузчиком из райпотребсоюза Гришкой Авдеевым, крепким и рослым мужиком, как и он сам. Если обычный мужик, работая на сеноуборке от зари до зари, ночуя прямо в поле, зарабатывал машину сена за неделю, то Ильяс с Гришкой за это время зарабатывали по две, и не помнится случая, чтобы кто-то раньше них привез его в Степное, да и машина, доставленная ими, иногда равнялась двум — чтобы загрузить

ЗИС, который давали на три-четыре часа, тоже надо было иметь навык и сноровку, не говоря уже о силе.

Охотников купить сено у Гришки с Ильясом в селе было хоть отбавляй, всякий пытался задобрить их, потому как сено они привозили пахучее, хорошо проветренное, и машина нагружалась выше некуда. Уже тогда появились в селе начальники и всякие сноровистые люди, которым проще заплатить деньги, чем гнуться в поле. А деньги обоим, и Гришке, и Ильяс, были нужны позарез — мечтали они о своих домах, хотели быстрее вылезти из тех хибар с земляными полами, что достались им в наследство от погибших на фронте отцов. Подзадоривало и то, что мало-помалу народ строился, особенно работавшие на железной дороге, — те выписывали старые шпалы, что меняли на перегонах, а из них мастера-плотники ставили такие дома — просто загляденье. Одно время шпалы даже стали эквивалентом денег в Степном. Ильяс, например, обменял у дорожного мастера машину сена на сто двадцать шпал, причем уговор был: отборное на отборное, и мастер не подвел. Позже Ильяс попросил у него еще сто, в счет будущего сенокоса, и мастер выручил, привез с соседней станции, куда такая строительная мода еще не докатилась.

Деньги за картошку, за сено, за телушку — все откладывалось на дом. И во дворе на задах вдоль забора высились в штабелях, обветриваясь от запаха креозота, шпалы. Мешки с цементом в сарае, доски, крепежные бруски, планки, стойки — все, что перепало с грузового двора станции, росло, увеличивалось, только день ото дня Ильяс заметно терял интерес к своей затее. Не говорила Кашфия долгожданного: «Я жду ребенка», и оттого сильно боялась, что запьет ее Ильяс, потому как пили в Степном, и пили крепко, по-черному. За месяц можно было лишиться строительного добра, что собирал Ильяс по крохам, но муж устоял.

А тут и подоспело долгожданное: «Жду!» Надо было видеть Ильяса, когда он услышал это. Он подхватил свою Кашфию на руки, словно балерину, и закружил в тесной землянке с низкими потолками, выкрикивая что-то нечленораздельное, но радостное. Кашфии казалось: зацепи он случайно могучим плечом стойки, подпиравшие дряхлую хибару, — она рухнет им на голову. А на дворе уже стояла зима. За ужином в тот день

он и сказал — весной начинаем строиться. За месяц оформил и получил кредит на строительство сроком на двадцать пять лет, сумму не ахти какую — шесть тысяч старыми, но в то время занять такие деньги было непросто.

Дом строился стремительно, легко, хотя «легко» вряд ли подходящее определение — так дома не строятся, за них приходится платить потом и мозолями, натруженной спиной, ломотой в руках.

Три года на грузовом дворе станции лежало машин десять камня для целинного совхоза, от которого отказывались часто менявшиеся хозяева, но время от времени исправно платили штрафы железной дороге за невыбранный груз. Едва подсохли грунтовые сельские дороги и потянулись из совхозов машины на грузовой двор, Ильяс и предложил экспедитору: давай, мол, я вывезу камень себе на фундамент, сниму груз у вас с души. Подходил очередной срок штрафа, и обрадованный экспедитор, не знавший, что и делать с камнем, не только разрешил, но даже два самосвала выделил, и Ильяс со своим дружкой Авдеевым за ночь управился.

До того ни один дом, ни одно казенное здание в Степном не возводились на каменном фундаменте. Ильяс однажды после войны побывал в Оренбурге, тогда еще сплошь застроенном уютными каменными и деревянными купеческими особняками, поставленными в самом начале века, и удивился их красоте и добротности. И тогда же, гуляя по Аренде, где жила его престарелая родня из интеллигенции, некогда выпускавшая татарский литературный журнал и организовавшая первый в городе профессиональный театр, дал себе слово, что когда-нибудь отстроит себе дом не хуже, чем у буржуев, живших в красивых и удобных домах на каменном фундаменте.

Его дружок Авдеев тогда еще не был женат и почти два года, пока строился дом, пропадал после работы во дворе Давлатовых, ибо знал: когда он начнет строиться, Ильяс подставит свое крепкое плечо и под его дело. За деньги наняли лишь братьев Кузьминых, известных в округе плотников. Хотя Ильяс сам знал и столярное, и плотницкое дело, стал с Гришкой подручным у братьев. Кузьмины были родом из Оренбурга и хорошо понимали, что затеял и чего хочет Давлатов, пожалуй, они и свою мечту вложили в этот необычный для Степного дом.

Влез Ильяс в долги на годы, и рассчитываться предстояло не только деньгами. Когда дом уже поднялся и стоял, зияя непокрытой решеткой стропил, вышла заминка — Ильяс никак не мог купить оцинкованной жести на крышу. Выручил его плутоватый кладовщик райпотребсоюза хромой Аллаяр, доводившийся дальней родней Кашфии. Как-то вечером он заявился к Давлатовым и долго осматривал в потемках строящийся дом, хвалил, не скрывая зависти, упрекал за нескромность, имея в виду габариты и планировку, и вдруг, показав на крышу, сказал, что в этом году железа не дождаться, все фонды выбраны, и на следующий еще не известно — дадут или нет, а он, мол, по-родственному решил помочь.

Пока Аллаяр с Ильясом осматривали дом, Кашфия быстро собрала на стол, разожгла самовар, — не жаловал их вниманием кладовщик Аллаяр, чье имя по-русски означает «любимый Богом», хотя и приходился родней. За ужином Аллаяр, отчего-то смущаясь, что на него было совсем не похоже, достал из кармана полувоенного френча защитного цвета, что носил из приверженности к форме, бумажку и не очень смело, словно раздумывая, протянул ее через стол Ильясу:

— Вот оплаченная квитанция, храни на всякий случай, железо редко бывает, и по-всякому его достают... Пятьсот листов, думаю, хватит тебе с запасом. Заезжай завтра в обед, когда народу не будет — не один ты кровельное железо ищешь, — и вывезешь потихоньку.

Обрадованный Ильяс вскочил, не зная, как отблагодарить щедрого родственника, к которому и обращаться не решался, зная наперед, что получит отказ: зачем тому нужен грузчик Ильяс? Оказывается, сам узнал, сам оплатил, сам принес, по-родственному...

Хозяин мельком глянул на сумму, написанную аккуратным почерком Аллаяра и цифрой, и прописью, и велел Кашфии достать деньги: собранные на железо держали отдельно. Аллаяр деньги взял нехотя, пересчитывать не стал, словно раздумывал: брать или не брать.

— Наверное, по-родственному было бы денег с вас сейчас не брать, рассчитались бы в лучшие времена, так ведь сумма немалая, да и ревизия на носу, — и сунул пачку в глубокий карман засаленных галифе.

— Спасибо, спасибо, Аллаяр-абы, — частила Кашфия, гордая тем, что и у нее сыскалась нужная родня.

— «Спасибо», конечно, хорошо, дорогая, но в наши дни одним «спасибо» сыт не будешь. Пятьсот листов в одни руки — это риск. Будет по-родственному, если я начну строиться, а Ильяс поможет мне, чтобы языки злые не трепали, что при моем окладе чужих людей нанимаю.

— Ну конечно, поможем, обязательно поможем, — в один голос ответили Ильяс и Кашфия.

— Ну вот, пятьдесят дней, думаю, справедливо, — и, не давая опомниться, Аллаяр протянул Ильясу пухлую руку, словно скрепляя сделку, встал из-за стола, оставив сиявших от радости родственников, но еще более радуясь сам и тая эту радость от Давлатовых.

Конечно, помощь Аллаяра оказалась кстати: оцинкованного кровельного железа действительно не было до следующего года. Но рано радовался Ильяс — любимец богов крепко его закабалил. Через три года, когда начал Аллаяр строиться, Степное охватил настоящий строительный бум — строились все, и о хашарах, как раньше, и думать не приходилось, на приглашение могли прийти только друзья и близкие родственники, да и то если сами не строились, лето ведь не резиновое. И вышло так, что за работу у Аллаяра Ильяс мог бы купить жести на три дома.

В три цены встала помощь «благородного» родственника. Но не о том, что прогадал, сокрушался Ильяс — слово мужчины для него было свято и обсуждению не подлежало. Обижало другое: Аллаяр расчертил крышку посылочного ящика на пятьдесят квадратов и в каждом аккуратно ставил дату, когда приходил Ильяс, причем делал запись всегда на его глазах и дни выбирал особенно тщательно, приглашая на самую трудную работу — такую, от которой и дух перевести некогда. Иногда случалось, что Ильяс сам напрашивался, желая поскорее отработать долг, но Аллаяр был тверд — отказывал. Отработав кладовщику «долг», Ильяс унес с собой эту тщательно разграфленную фанерку, исписанную каллиграфическим почерком Аллаяра, где в трети квадратов, разбитых наискосок пополам, стояло по две даты, — труд после работы в долгий летний день Аллаяр засчитывал только за половину рабочего дня.

Однажды, когда Рашид учился в пятом или шестом классе, он, увидев разграфленную фанерку, спросил, что это означает, и отец хмуро ответил: «Память, как я отбывал срок в долговой яме у своих родственников».

И еще долго, не год и не два после того, как въехали в новый дом, Ильяс вечера, воскресенья, а потом и субботы, когда пришла пятитдневка, редко бывал дома — отработывал то у Аллаяра, то у единственного в то время в районе преуспевающего фотографа Раскина, у которого пришлось брать займы деньги, чтобы заплатить городским штукатурам, потому что не знал Ильяс нового для села штукатурного дела. Пропадал он и у своего друга Авдеева, чья стройка неожиданно затянулась на годы, и у железнодорожников, без чьих шпал дома бы не возвести. И никто никогда не слышал от Ильяса ни упрека, ни отказа, никто не видел его раздраженным — он честно платил свои долги...

Годы учебы Рашида в старших классах были временем бурного расцвета самодеятельных вокально-инструментальных ансамблей, расплотившихся повсюду без числа. Появился такой, под броским названием «Радар», и в Степном.

Осенью Давлатов-младший начал ходить в районный парк на танцы, куда другие ребята, его ровесники, заявлялись давно, а девчонки, наиболее прыткие одноклассницы, и того раньше. Парк в их небогатом развлечении райцентре как магнитом притягивал молодежь — на танцах было не протолкнуться. Нельзя сказать, что Рашид был большой охотник и мастак по части танцев, но новые танцы и не требовали особого умения. Впрочем, в такой теснотище, как у них на площадке, и умелому танцору показать себя вряд ли удалось бы: перебирал бы ногами да дергался как все — и ладно, маневру какому-то там изящному, пируэту танцевальному места не находилось, всяк торчал на своем месте, «балдел», как выражался Минька, приохотивший друга к «вечерам молодежи» — так для благополучной отчетности значились танцы на рекламной афише парка. А когда тебе шестнадцать, манит мир за калиткой дома, волнующе звучит музыка нещадно фальшивящего «Радара», долетающая в сумерках до самых глухих заборов отходящего ко сну Степного, и кажется, что там, в районном саду, проходит

без тебя какая-то особая, другая жизнь, — там огни, смех, улыбки, там волнующие глаза девушек, которых тоже манит и пьянит музыка, и не только она...

Все бы хорошо, если бы тем летом не нагнали на строительство нового элеватора в Степном условно освобожденных из заключения, определенных на так называемое вольное поселение. Вольнопоселенцы поначалу вели себя в селе мирно, избегали общественных и значных мест, как им предписывается, но, видя, что надзора за ними нет никакого, вскоре распоясались. И в пивных, и в ресторане сквозь них не протолкнуться стало ни днем, в рабочее время, ни вечером. Но больше всего приглянулся им парк... Гастроном напротив работал с полной нагрузкой до двадцати двух часов, и они, нагрузившись спиртным, шли туда. Время от времени на танцплощадке случались у поселенцев стычки между собою и с поселковыми, но в стычках с местными они держались вместе, понимая, что иначе им несдобровать. Общая отсидка и общая работа способствовали тому, что запугать юнцов и сельских мужиков им ничего не стоило.

Сложилась парадоксальная ситуация: жителям села, людям вольным, свободным, житья не стало от осужденных. Администрация парка не раз жаловалась и в райком, и в поселковый Совет, и в милицию на бесчинства вольнопоселенцев, но инертность и равнодушие властей, обещавших, как всегда, принять меры, но ничего не делавших, служила лишь на руку распоясавшимся хулиганам и уголовникам.

Однажды в субботу Рашид с Минькой отправились в парк на танцы. Вечер выдался особенно шумным: на стройке в тот день как раз выдали зарплату, и двери гастронома ни на минуту не закрывались. «Великий крестный ход поклонников Бахуса», — как мудрено выразился Минька, тяготевший к книжной и образной речи.

На танцплощадке Минька оставил Рашида одного, — он отирался возле «Радара», надеясь когда-нибудь забраться на возжеленное место ударника, возвышающегося над всеми оркестрантами в окружении блестящих хромом и крытых перламутром барабанов. Дальше и выше этого Минька себя не мыслил. «Тра-та-та, тра-та-та», — постоянно везде и на всем отбивал он дробь, и, надо признать, слух он имел и ритм держал четко.

И надо же, на беду Рашида высмотрела его Настенька Вежина — одноклассница, первая красавица школы. Изящная, модная, не по-сельски кокетливая, она готовилась поступать в театральный. «Возле нее постоянно опасные завихрения», — сказал однажды Минька. Они с Настенькой слыли на танцах завсегдатаями. Но сейчас, даже помня об этом, Рашид не остерегся, а, наоборот, обрадовался, — Настенька, которая ему, как, впрочем, и многим, нравилась, окликнула его сама.

Наверное, Настенька злых намерений не имела, поскольку постоянно списывала сочинения у Давлатова и числила его в списке своих верных поклонников, — просто он нужен был ей сегодня для каких-то тайных личных целей: то ли досадить какой-нибудь подружке, которой приглянулся Рашид, то ли, наоборот, оказывая деланное внимание Рашиду, привлечь к себе внимание другого. Мелкая интрижка, не более, и для этих целей Давлатов подходил как нельзя лучше.

Рашид был еще в той поре, когда в интересе к себе, пусть мимолетном, вряд ли мог почувствовать подвох, о девичьем коварстве он пока лишь догадывался; к тому же, бывай он на танцплощадке почаще, уже знал бы, что к чему, и, может, остерегся бы. Но, окрыленный вниманием Настеньки, он ничего не видел вокруг, да и Миньки рядом не было, — уж он-то вмиг разглядел бы надвигающуюся на друга опасность.

Дело в том, что один поселенец, поклонник Настеньки, с которым у нее то прерывались, то налаживались бурные отношения (потому что метался тот между двумя местными красавицами — Настенькой и Ольгой Павлычко, извечными в Степном соперницами), клюнул на игру Вежиной. А Настенька, почувствовав это, была с Рашидом предельно внимательна: то воротничок рубашки поправит, то после танца возьмет за руку и ведет к ограде в слабо освещенный угол площадки, где долго о чем-то говорит; то, танцуя, ни на кого, кроме Рашида, не смотрит, словно для нее больше никого не существует.

Для девушки, готовившейся в театральный и уже считавшей себя актрисой, сыграть влюбленную не составляло труда. Увлеченный Рашид не видел, что возле них все время отирается мрачного вида блондин, крепкий парень с волнистыми волосами. Блондин и подмигивал Рашиду, и делал какие-то знаки, мотал головой: мол, отвали отсюда, и скрежетал зубами,

потому как был еще и изрядно на взводе, и в спину толкал в танце, но счастливый Рашид ничего не замечал. И Настенька, торжествовавшая, что все идет по задуманному ею плану, даже виду не подавала, что ее интересует блондин.

А блондин, отбывавший срок за злостное хулиганство, обладал еще и буйным, вздорным нравом, вел себя в Степном по-хамски, страшал всех, своих и чужих, и на танцах считал себя королем. Во время очередного танца он умышленно толкнул Рашида, наступив ему на ногу, и когда тот мягко отодвинул его в сторону, с криком: «Ах ты, сопляк, еще и толкаешься?» — развернулся и ударил Давлатова кулаком в лицо.

Завизжали вокруг девчонки, Настенька вмиг испарилась, а Рашид, рухнув на бетонный пол площадки как подкошенный, еще и головой ударился. Блондин пытался еще пнуть его ногой, но, откуда ни возьмись, вынырнул Минька и повис на нем, оттирая к ограде. К Рашиду подбежали знакомые ребята и, подхватив под руки, повели к выходу, — за ним потянулся кровавый след..

Товарищи завели Рашида в ближайший от парка двор и у колодца попытались привести в порядок. Верхняя губа оказалась рассеченной и распухла, на пол-лица багрово расплывался синяк, из-за которого левого глаза почти не было видно, и при каждом движении он невольно хватался за затылок. О внешнем виде и говорить нечего — все, вплоть до туфель, было залито кровью.

Конечно, здоровому вольнопоселенцу ничего не стоило одним ударом свалить тщедушного десятиклассника. Но как бы ни было Рашиду больно, обидно, его пронизал ужас тогда, когда он подумал, как заявится домой, что будет с матерью, увидевшей его. Ну ладно, сегодня он как-нибудь, не включая света, нырнет к себе, лишь шумом дав знать, что вернулся. «А что будет завтра, при свете дня?» — сокрушался он, и голова раскалывалась, болела еще сильнее. Вернулся он домой незаметно — чувствовал, что мать еще не спит; проскользнул к себе в комнату, на секунду включив в прихожей свет и не ответив на привычный вопрос матери из спальни: «Будешь ужинать?»

Ночью Рашиду стало плохо, от сотрясения его рвало, рассеченная губа распухла еще больше, а синяк разнесло на все

лицо. Из парка его сразу нужно было вести не домой, а в больницу, да никто из ребят не догадался. Лишь под утро, обессиленный, он немного забылся.

Рано утром, несмотря на воскресенье, отец с Авдеевым уехали в степь, к речной косе Жана-Илек. Мать, подоив корову и выгнав ее в стадо, заглянула в спальню к Рашиду, как делала это не раз, — поправить сбившееся одеяло, подушку, а то и попросту поглядеть на спящего сына, который вырослел день ото дня. Увидев на окровавленной подушке заплывшее в один синяк лицо, она дико взвыла, от нечеловеческого крика не только проснулся Рашид, но и прибежала соседка. Вдвоем они начали хлопотать: достали лед из подвала, стали делать холодные компрессы, примочки, потом мать отправила соседку за врачом — недалеко, у стариков Авдеевых, жили на квартире двое ребят-медиков. Видя ужас на лице матери, Рашид попытался улыбнуться разбитым ртом, уже и не думая о собственной боли, и на вопрос, что случилось, ответил: упал неудачно с лестницы возле почты, когда возвращались домой с танцев.

Отец вернулся из степи несколько позднее обычного. Мать встретила его со слезами и сразу провела к Рашиду. За день, благодаря ее стараниям, одутловатость чуть опала, а на губу наложили шов.

Отец не стал ни о чем спрашивать Рашида, а, успокаивая мать, сказал: ничего, мол, до свадьбы заживет. Вспомнил, как сам однажды упал с вагона-лесовоза, доверху груженного бревнами. Потом отец пошел в поселковую баню — летом она работала до полуночи, — там же постригся и побрился, и, вернувшись, поужинал один — Кашфия делала сыну ледяные примочки, как советовал врач. Потом он заглянул в комнату сына, пошутил с ним, чтобы не унывал, а жене сказал, что должен сходить к Авдееву, и чтобы она его не ждала, ложилась, вернется, мол, поздно. Та ничего не ответила, знала мужа: если ему надо — значит, надо.

Ильяс вышел во двор, закатал рукава рубашки, как десять лет назад, когда боролся на сабантуях, и долго стоял, прислушиваясь к «Радару», гремевшему в парке.

В том, что его сына избили поселенцы, он не сомневался, — местные между собой дрались редко, а те несколько задиристых ребят, без которых не обходится ни один поселок, жили

неподалеку и приходились Рашиду хоть и дальней, но родней. Ильяс имел в виду трех сыновей хромого Аллаяра. Что удивительно, отмечал он не раз, у нового поколения родство ощущалось куда крепче, чем у их родителей. И где же они были вчера: Раdif, Ракиф, Рашат? Почему не вступились за Рашида? Но горевать было поздно, надо было действовать.

В переполненной воскресной бане мужики как раз роптали, что житья не стало от этих «досрочно освобожденных», говорили о драках в парке, — такое, как с Рашидом, случалось частенько и уже не воспринималось бедой; доставалось и девчонкам, ходившим с синяками.

— Хоть бы сгорела в огне вся эта нечисть! — горячился один. — Шагу в Степном ступить нельзя: мат-перемат, пьяные рожи кругом, и слова не скажи — сразу в глаз, суд у них, сволочей, скорый, сворой наваливаются. Шуряка моего в пивной так избили, не приведи Господь, и получку всю отобрали. Управы на них нет...

— А у меня курей всех перетаскали, — встрял в разговор какой-то старик.

А тот, что сокрушался про шуряка, сказал после недолгой паузы:

— Всю кровь в поселке испаскудят, сволочи. Добрались и до баб, и до девчат, кобели... Пойдут теперь цветики: алкоголики да эпилептики, ворье разное, дайте только срок. Это я вам точно говорю — наука такая есть, раньше не верили ей, говорили, вредная, а теперь спохватились. Генетика! Вспомнил, точно, генетика, мужики, не вру...

Упоминали и про письма, что писали миром в сельсовет.

— В Москву, в Москву надо писать, — советовал кто-то с намыленной головой, и все дружно соглашались.

Ильяс, вспоминая баню, сказал вдруг вслух:

— Мне в Москву писать не с руки, я человек малограмотный, и каракули мои вряд ли разберут. Я уж сам как-нибудь постараюсь разобраться, если властям недосуг, — и решительно двинулся к парку.

По дороге и на темных аллеях парка никто к нему не придирался, хотя ему этого так хотелось; он ударил бы каждого приставшего — только раз и только туда, куда ударили его сына. Он не мог, да и не хотел представлять негодяя, изуродовавшего

Рашида. Ильяс был уверен, что это мог сделать любой из этих куражившихся пьяных парней, и для него сейчас все они были на одно лицо. Они были враги, собственные, доморощенные фашисты, — никто не смог бы переубедить Ильяса в обратном.

В войну Ильяс, будучи мальчишкой, не раз убегал на фронт, но все время неудачно, хотя однажды добрался до Сызрани; тогда он до слез жалел, что без него бьют врага. Этот парк был парком его молодости, хотя не заглядывал он сюда уже лет двадцать, и вспомнить ему было что. В трудные послевоенные годы парк, ухоженный, в огнях, с цветниками, с посыпанными на городской манер красноватым песком аллеями, был украшением Степного. Ильяс и фамилию людей, следивших за парком, помнил — Пожарские; их маленький домик стоял в дальнем углу. Сейчас запущенный темный парк очень походил на свалку — кругом битое стекло, запах отхожего места, какие уж тут цветы...

На Степное опустилась вязкая осенняя ночь, ни один фонарь не горел ни в парке, ни на центральной улице Ленина, только ярким шатром света обозначилась в ночи эстрада танцплощадки да светились напротив окна бойко торговавшего гастронома. Когда «Радар» наярывал что-то особенно бодрое, танцплощадка дружно взвизгивала, свистела, улюлюкала. Выделялся тонкий девичий голосок, он перекрикивал всех и словно служил камертоном всей вакханалии. Такое Ильяс слышал впервые.

На темных аллеях металась тень, кругом что-то булькало, билось стекло, тут же справляли нужду, выясняли отношения — жизнь кипела. Вначале Ильяс прохаживался по дальним безлюдным аллеям, потом стал кружить вокруг танцплощадки; в двух шагах от нее уже стояла тьма, на него никто и внимания не обращал, каждый был занят своим делом. Вглядываясь в танцующих, он теперь легко мог представить случившееся вчера с Рашидом. И сегодня потасовки вспыхивали то тут, то там, — здесь действовало право сильного, право кулака.

Чем ближе время подходило к полуночи, тем яростнее неистовствовал «Радар», приводя в экстаз и юнцов, и пьяных поселенцев. Ильяс даже разглядел тонко визжащую пигалицу. Едва задавался какой-то сумасшедший ритм, она надувалась, как лягушка, и все оседала и оседала, визжа, разводя тощие коленки в сторону, и вдруг на самой высокой ноте резко

выпрыгивала обезьянкой вверх. Ильясу порой казалось, что она лопнет или ее хватит удар — багровое от напряжения лицо было страшным даже из-за ограды. Наяривал оркестр, дергались танцоры, спешили орать и визжать, торопились выяснить отношения — удары и оплеухи сыпались тут и там.

А Ильяс все кружил и кружил вокруг танцплощадки, время от времени углубляясь в темные аллеи, — в душе еще теплилась надежда, что пристанет к нему на темной тропе кто-нибудь, а может быть, волей судьбы налетит тот самый, вчерашний. Он шел, ища такой встречи, готовый к ней, ощущая в себе силы, словно вобрал в себя боль и ненависть поселкового люда к незванным пришельцам. Но никто не заступил ему дорогу на ночной тропе, никто не попросил с издевательской ленцой: «Дядя, дай, пожалуйста, закурить», — от вежливости такой порой стынет кровь у одинокого прохожего, будь то в Степном, или в Иркутске, или в дачном Подмоскovie. За них, за всех пуганных и униженных в ночи, готов он был сейчас постоять, но судьба была милостива к мерзавцам, потому что скор и справедлив был бы его суд, и, наверное, не губу пришлось бы зашивать, а собирать по частям, или того хуже, — Ильяс на скотобойне ударом кулака валил с ног быка.

По расчетам Ильяса, вся эта вакханалия должна была длиться еще с полчаса, и он уже держался ближе к танцплощадке, — там, как ему показалось, назревал какой-то скандал. Вдруг мимо него прошмыгнул в темноту Минька Панин. Ильяс, еще минуту назад видевший Миньку на возвышении эстрады рядом с сиявшими перламутром ударными инструментами, кинулся за ним по аллее и ухватил за худенький локоток.

— Кто? — спросил он в упор.

Панин не удивился ни появлению Ильяса-абы в парке, ни его вопросу, принял это как должное. Они вернулись ближе к танцплощадке, и Минька, оставаясь в тени, показал на кривлявшегося в танце парня, возле которого невольно образовалось свободное пространство — наверное, многие помнили вчерашнюю историю.

— Вон тот здоровый бугай в клетчатой рубашке, — зло сказал Минька и скрылся в темной аллее.

На миг представив тоненького Рашида рядом с таким верзилой, Ильяс застонал от возмущения и почувствовал,

как его начинает мелко-мелко колотить озноб — так случилось с ним всегда в молодые годы, когда он вступал в потасовку. Не отрывая глаз, он наблюдал за парнем в грязной ковбойке — боялся потерять его из виду. Через несколько минут Ильяс даже знал, как того звали, потому что патлатого блондина то и дело подбадривали дружки: «Давай, Ахмет, давай!» И Ахмет кривлялся как мог, да и девица рядом танцевала точно так же, хотя эти прыжки, вихляния, вульгарные телодвижения Ильяс вряд ли мог назвать танцем.

Танцуя, Ахмет еще и курил, и успевал переговариваться со своими дружками, бранью он сыпал через слово. Как только смолкла музыка, Ахмет с дружками, не взглянув на своих партнеров, не то чтобы поблагодарить и отвести на место, подошли к ограде покурить как раз напротив Ильяса, и он хорошо видел блондина, даже слышал его тяжелое сивушное дыхание.

«Радар», игравший беспрерывно, сделал неожиданную паузу, последнюю, наверное, на сегодня, и Ильяс разглядывал разгоряченную молодежь, не выпуская из поля зрения патлатого блондина. Рядом с компанией вольнопоселенцев он увидел практикантов из мединститута, стоявших на постое у стариков Авдеевых, — это они сегодня наложили шов на губу Рашида. Ребята были не одни, с девушками, но их Давлатов сразу не признал, хотя был уверен, что они местные.

«Хоть бы эти архаровцы не задрались к врачам», — едва успел подумать Ильяс, как «Радар» вновь загрохотал, и на площадке снова стали визжать, свистеть, улюлюкать, — исполнялся самый модный шлягер сезона из репертуара «Лед Зеппелин».

Ахмет, бросив недокуренную сигарету за ограду почти к ногам Давлатова, огляделся. Кругом уже лихо отплясывали, и выходило, что он остался без партнерши. Недолго думая, он потянул за руку девушку, стоявшую к нему спиной и разговаривавшую с практикантами. Он хотел увести ее танцевать силой, но девушка оказалась с характером: вырвав руку, она еще что-то сказала в ответ обидное. Ахмет тут же замахнулся на нее, но один из ребят перехватил его руку. Этот поступок так удивил поселенца, что он на миг растерялся и, заикаясь, заорал:

— Да я тебе сейчас...

«Ну, этих ребят я тебе в обиду не дам», — решил Ильяс и, отвлекая внимание Ахмета от студентов, крикнул из темноты:

— Ахмет, у нас девушек так не приглашают, сейчас я тебе покажу, как это делается...

Голос из-за ограды на миг сбил с толку блондина, который подумал: «Свои, что ли, мужики разыгрывают?» А Ильяс, не теряя времени, в два шага одолел световой пятачок вокруг танцплощадки, одним движением легко подтянулся и перепрыгнул через ограду. Как только патлатый увидел перед собой Давлатова, он понял, что о розыгрыше не может быть и речи — мужик незнакомый, и глаза его горят странным огнем.

Ахмет невольно попятился в страхе, и его правая рука потянулась к голенищу сапога, за которым он носил нож. Жест не остался незамеченным, и Ильяс ударил блондина в тот самый момент, когда тот уже вытащил нож. Ударил так, чтобы тяжесть удара пришлась на верхнюю губу.

Удар получился такой страшной силы, что было слышно, как что-то хрустнуло и сломалось. Блондин проглотил свой крик, пролетел метра три и, раскинув руки, грохнулся навзничь. По цементу со скрежетом заскользил вылетевший из руки нож.

— Братва, на помощь, наших бьют! — закричал истерично кто-то из дружков Ахмета, увидев, какой оборот приняло дело.

Они попытались навалиться на Ильяса сзади, но не получилось — в драку ввязались студенты. И, как по команде, местные ребята сцепились с поселенцами по всей площадке. Появление Давлатова-старшего на танцплощадке местные парни восприняли как укор, и даже самые тихие превратились в отчаянных драчунов, вмиг вспомнив все принятые от поселенцев унижения и оскорбления. Кто-то вскочил на эстраду и крикнул в микрофон: «Закройте вход, чтобы ни один гад не ушел!»

Несколько поселенцев хотели вырваться с танцплощадки, попытались перелезть через ограду, но их сдергивали обратно. В самых горячих точках мелькала могучая фигура Ильяса; он знал: ослабь чуть напор — и сегодняшний вечер кончится еще большей трагедией для молодых, понимал, что нужно поставить шпану на колени, дать почувствовать землякам силу единства, иначе жить селу под игом этой нечисти.

Минут через двадцать всех поселенцев согнали в один угол, и Ильяс приказал им отдать ножи. Предосторожность оказалась не лишней — холодного оружия набралось немало.

Странная получилась картина в ночи: ограда, облепленная набежавшими невесть откуда местными людьми, площадка, разделенная на два лагеря, а между ними на заплыванном цементе — ножи, финки, кастеты, куски велосипедной цепи.

Ильяс в разорванной рубахе подошел к отобранному оружию и сказал:

— Я не знаю, в каких вы отношениях с властями и чем вы их задабриваете, что вам так вольготно живется у нас, но отныне вы так жить не будете. Сегодня вы сняли с моей души тяжелый грех. Клянусь, я хотел ночью облить бензином ваш вонючий барак и спалить вас всех живьем, как тараканов, как мразь, но получилось иначе, и вы получили еще один шанс жить по-людски. Попытайтесь его использовать, иначе я непременно сделаю то, что сегодня задумал. Оставьте село в покое...

В ту же ночь Ильясу приснился сон...

Часы у райкома отбили два часа пополуночи, когда, закончив дела, он возвращался от Авдеева. Улицы Степного были сонны и безлюдны, — люди отдыхали перед новым трудовым днем, — в редком окошке горел свет. Светилось окно и в спальне Рашида.

Хотя Ильяс был на ногах уже почти сутки, усталости он не чувствовал, его энергия требовала выхода сейчас, немедленно, отмщения жаждала его душа, и он уже собрался вызвать из дома напротив Миньку, чтобы вызнать о вчерашнем подробнее, как вдруг у него на веранде ярко вспыхнул свет, и из дома вышли двое в белых халатах и Кашфия. Ильяс торопливо спрятался за дерево.

Проводив врачей до калитки, Кашфия, всхлипывая, направилась в дом, бормоча сквозь слезы: «Сын умирает, а его где-то носит...» От этих слов Ильяс до крови закусил руку. А тут один из врачей, выйдя за калитку, добавил: «Нужно срочно вызвать санитарный самолет из области, иначе может оказаться поздно, возможно...» — и произнес непонятное для Ильяса слово, испугавшее его каким-то мрачным смыслом.

Кровь ударила Ильясу в голову, он почувствовал, что теряет разум. Умирает Рашид, его единственный, долгожданный сын, а он не в силах помочь, защитить его... Все в мире вмиг перестало иметь для него цену, даже собственная жизнь. Если до этой минуты он еще сомневался, вправе ли чинить самосуд, то сейчас

свои сомнения воспринимал как трусость и нерешительность. «Пусть я буду преступником перед законом, чем трусом перед своей совестью. И люди, думаю, не осудят меня», — твердил он в отчаянии и вдруг кинулся к сараю. Не включая света, нашарил в темноте две сорокалитровые канистры с бензином, что всегда держал про запас, и, не оглянувшись на дом, на огонек в окне сына, решительно двинулся к станции.

Барак вольнопоселенцев стоял в низине за железной дорогой, рядом с огородами железнодорожников, там когда-то жили строители первого элеватора. Так сложилось, что Степное расстраивалось, росло по другую сторону от путей.

Ильяс шел не таясь, но и не желал встречи ни с кем из земляков, и потому станцию, которую знал не хуже собственного двора, обошел далеко стороной. Жизнь на станции не замирала и ночью — уже вывозили зерно нового урожая, и работа кипела круглосуточно. Крюк получился изрядный, и время от времени он терял из виду огни барака, иногда ему даже казалось, что весь барак погрузился в сон. От убогого жилья издали несло застоявшимся запахом дешевого вина, густым табачным дымом, воняло помойкой. Над входной дверью сонного барака горела голая пятисотваттная лампочка, отбрасывая наземь яркое светлое пятно, за которым чернела густая сентябрьская темнота. Входная дверь была распахнута настежь, да она, наверное, никогда и не закрывалась.

Ильяс, не таясь, обошел строение. Старый деревянный барак был еще крепок, хотя заметно осел — фундамент подвел, так ведь и строили его когда-то для временного пользования, а сгодился и через десятки лет. На почти вросших в землю окнах стояли рамами тяжелые ржавые металлические решетки; решетка оказалась даже в торцевом коридорном окне. «Хорошо...» — зло и спокойно подумал Ильяс.

Тяжелой входной двери из лиственницы полвека ничуть не повредили, как ни старайся — не вышибить. В световом пятнышке Ильяс увидел грубый стол, сколоченный из досок; наверное, в ожидании танцев после работы здесь резались в карты. Стол был сколочен неумело, на скорую руку, ударь покрепче — рассыплется.

«Сгодится подпереть дверь», — решил Ильяс и одним ударом ноги развалил стол.

— Вот и все, отгадились, — сказал он, закончив осмотр, и начал с торца обливать стены бензином.

Делать это из канистры с узким горлом было неудобно, и он пожалел, что не догадался найти какое-нибудь ведро или банку побольше. Первая канистра кончилась на удивление быстро, он не облил и трети барака, и со второй он обходился куда экономнее. Дойдя до входа, Ильяс закрыл дверь, подперев ее досками стола, и оглядел строение еще раз, потом, подумав, оставшейся доской обрубил электрические провода, ведущие к дому, и барак сразу погрузился в кромешную тьму.

«Полный порядок», — решил Ильяс и торопливо закурил. Сделав затяжку, боясь, что передумает, бросил папиросу на стену барака.

Пламя лизнуло нижние венцы и змейкой побежало по бензину вверх, а дальше с быстротой молнии устремилось за угол, в торец здания, и там стена занялась огнем вся сразу — на нее Ильяс вылил треть канистры. Запыхала и вся задняя часть дома, но горела она слабее, огонь еще не тронул окна. Багровые отсветы вдруг высветили на миг голые стены темных комнат, но никто не проснулся. И только когда с треском расколосось в огне какое-то окно на задах, которого Ильяс не видел, раздался раздирающий душу крик: «Горим!» И сразу за стенами, как по команде, затопали, загрохотали, истерично завизжали, как на танцплощадке, стали бить изнутри стекла и выламывать решетки; он слышал, как остервенело навалились на дверь.

Мат, сплошной мат, ни одного человеческого слова не долетало до стоявшего на границе света и тьмы Давлатова, — и последние-то в жизни слова у вольнопоселенцев были погаными. В какую-то минуту Ильясу показалось, что крикни кто-нибудь из них: «Мама!» — и он убрал бы доски, подпиравшие дверь.

Уже занялась крыша, и сполохи огня, наверное, были видны далеко на станции и в поселке. Старая шиферная крыша, раскаляясь добела, трещала и взрывалась, и осколки от нее разлетались во все стороны, даже к ногам Ильяса. Во всех окнах метались обезумевшие от страха люди, выламывавшие чем попало решетки, но раньше все делали на совесть, даже временное, и старое железо не поддавалось, да к нему, пожалуй, уже и притронуться было нельзя. И вдруг, как по команде, все лица в фасадных окнах пропали, огонь рвался через окна

в комнаты, и ему помогал легкий утренний ветерок, всегда гулявший в низине...

Поселок спал крепким предрассветным сном, но огонь со станции увидели грузчики, возившиеся у последнего вагона с зерном.

— Смотри, пожар, кажется, у поселенцев, — сказал кто-то, первым заметивший огненное зарево.

— Допились, — равнодушно ответил другой, словно иного исхода и не предполагал.

А третий, прикрывая зевок, зло добавил:

— Грех, но я бы спасибо сказал тому, кто подпалил эту нечисть.

А пламя все полыхало, крыша трещала, что-то ухало на чердаке, лопался и стрелял раскаленный шифер, стены сыпали в небо тысячи искр. Оттого, что здание изнутри основательно сотрясали, иногда казалось, что деревянный барак взрывается снопами искр только от крика и воя в коридоре. Огонь набирал силу, и теперь не только отсветы, но и жар доставал Ильяса, и он невольно отодвигался в темень, как бы отступая.

Неожиданно рядом с ним появилась парочка — совсем молодые, как Рашид, наверное, бродили здесь у пруда. Они возникли незаметно, словно материализовались из тьмы, и, взявшись за руки, молча стояли рядом с Ильясом, все видели, все слышали. Издали они казались сообщниками.

Заметил огонь и дежурный по станции. Пожарной команды в Степном не было отродясь, хотя пожарный офицер и числился в штате районной милиции, занимающей двухэтажный особняк, но телефон главного пожарника молчал. Поскольку дежурный находился «при исполнении», он побежал на грузовой двор, где мужики отряхивали с себя пыль и собирались где-нибудь залечь покемарить до прихода следующей смены.

Сообщение дежурного грузчики встретили без энтузиазма, сказав, что поселенцы, наверное, палят костер, а может, у них праздник свой, или еще указ какой хороший для них вышел, или вновь послабление, льготы для них объявили какие. Один даже что-то насчет огнепоклонников выдал. Но дежурный оказался человеком настырным, заставил их разобрать инструмент на пожарном щите пакгауза, и все трое грузчиков — один с топором, болтающимся на топорище, другой с красным ведерком,

а третий с багром, — побежали мелкой трусцой, пока видел начальник, в темноту, в сторону огородов, к пожару. А сам дежурный, не имевший права оставлять пост, побежал быстро, насколько позволяли ему живот и одышка, на станцию, к телефону, в надежде дозвониться до кого-нибудь из районного начальства.

И вдруг среди истошных криков ужаса неожиданно раздался счастливый, радостный, отчего вроде стихли на миг крики в бараке, а затем еще один, ошалелый от восторга, голос. Потом все стихло, только слышалось, как трещали стены, ревел огонь, лопались стекла, скрипели, корежась, балки крыши, готовой вот-вот обвалиться. И тут на свет, к фасаду, медленно начали собираться погорельцы — обожженные, ободранные, в копоти, саже, грязи. Кто босиком, кто в майке, кто в рубашке, а кто и одетый — наверное, свалился пьяным, не раздеваясь, как пришел. А один здоровенный детина прижимал к голой волосатой груди не закрытый на застежки чемодан. Первые объявившиеся во дворе барака, самые здоровые и нахрапистые, оказались в порезах и ссадинах: в двух окнах, где удалось выломать решетки, они топтали и давили слабых и воевали между собой, и без крови не обошлось. Те, что похлипче, отделались легче — они выбрались из барака последними.

Они молча стояли в свете полыхающего огня друг против друга, как две армии, два мира, две стихии. Рядом с Ильясом и молодыми появились грузчики с пожарным инвентарем, который они и не собирались пускать в ход; тот, что с багром, вдруг сказал товарищу шепотом, слышным за версту:

— Подпалили, брат, точно подпалили...

Но это было ясно и без него: барак еще не осел, и две тяжелые полуобгоревшие доски от стола продолжали подпирать дверь. Так они и стояли молча, как люди с разных планет, и нечего им было сказать друг другу. И в этот самый момент с грохотом обвалилась крыша, рассыпались стены, взметнув в темноту мириады искр, ослепив на время ярко вспыхнувшим пламенем собравшихся во дворе.

Одна балка, отлетев далеко, рассыпая искры вокруг, вдруг упала прямо на Ильяса, — и он проснулся...

Ильяс невольно принюхался к рукам — они вроде пахли бензином. Тяжело соображая, не отделяя сна от яви, он быстро

вышел во двор и по крутой лестнице поднялся на высокий сеновал. Далеко, рядом с огородами за станцией, он увидел редкие огни мирно спящего барака вольнопоселенцев. Он невольно присел, не находя в себе сил спуститься на землю, и долго-долго смотрел на бледные огни в низине... Однажды в минуты откровенности, что случалось очень редко, отец рассказал сыну об этом сне — о том, как чуть не стал душегубом — из-за него, своего единственного...

... Воспоминания о доме увели Рашида от настойчивой потребности копаться в себе. Возвращаться в чайхану не хотелось, о салате ачик-чучук, которым собирался порадовать товарищей, он забыл. Мысли кружили вокруг отца, и возникали такие неожиданные сравнения и параллели, что он сам себе удивлялся.

Рашид лихорадочно перебирал в памяти тех, с кем ему приходилось работать, — начальников, больших и маленьких, и рядовых, и с какой бы меркой ни подходил к людям, с которыми сталкивался в работе и жизни, сравнивая и стараясь быть объективным, понял сейчас, насколько большей по сравнению с ними жизненной силой и стойкостью обладает его отец. Рашид, конечно, отдавал должное многим из тех, с кем сравнивал отца, но при всех способностях и талантах этих людей положение их часто зависело от каких-то обстоятельств, чьего-то звонка — покровительственного или, наоборот, уничтожающего, от вакансий и реформ, от случая и удачи. А отец, малограмотный мужик, казалось, жил вне времени и обстоятельств, надеясь только на свой разум, трудолюбие и колоссальную, прямо-таки нечеловеческую работоспособность.

Когда-то он мог прокормить семью только алмазным стеклорезом, но никогда не делал на него ставку. Во всем огромном Степном только он и Авдеев забивали теперь крупный рогатый скот, свиней, баранов, а в казахских аулах — лошадей и верблюдов. Это сказать легко: забить скот, стачать сапоги, свалять валенки, — перевелись уже настоящие мастера. Как только упадет снег и ударят первые морозы, на месяц вперед записывались люди в очередь к отцу с Авдеевым, чтобы забил кабана. Опалить щетину так, чтобы кожица стала мягкой, розовой, чистой, да красиво разделать, чтобы мясо было без крови, — ох, какое умение и знание нужно. Только занимаясь этим, они с Авдеевым могли быть всегда со свежатиной,

не утруждая себя разведением скота. Но нет, на чужое они не рассчитывали, хотя и брали за свою работу и натурой, и деньгами, как испокон веку заведено на селе, а скота у них водилось не меньше, чем в лучших подворьях Степного.

Клали они с Авдеевым и печи: и русские, и «голландки», и немецкие «утермарки». Одевали их в жестяные короба, обкладывали изразцами и кафелем — по-всякому, как хотел заказчик, и даже камин в последние годы наладились делать для интеллигенции села — и эта мода дошла до некогда захудалого и бедного Степного. И тут не знали они конкуренции.

Молодыми отец с Авдеевым копали колодцы по всей округе — трудная, опасная, рискованная работа, ведь воду еще и почувствовать надо, и найти, но платили за это хорошо. Была у них и постоянная работа на грузовом дворе станции, упраздни которую, они легко, без душевного разлада перешли бы к другой.

В силу своего положения они не могли влиять на общественную жизнь села, хотя будь такие люди у власти, вряд ли в Степном оставались бы непролазные улицы, запущенный парк или обшарпанные присутственные места и школа-развалюха. Но все, что находилось в пределах их влияния, отличалось особой метой хозяйственности, рачительности, надежности. Взять хотя бы дом — вряд ли какое казенное здание райцентра могло потягаться по архитектуре и планировке с домом Давлатовых. А цветов таких, как у них во дворе, не было ни в районном саду, ни в райкомовском палисаднике.

За телушками от коровы, которую привез отец из Прибалтики, приезжали даже из окрестных колхозов, а Авдеев прихватил тогда же породистую брюхатую беконную свиноматку — невиданное для оренбургских мест диво. Авдеев первым в Степном и наладился коптить окорока. Да что там дом, сад, скот, — у них только кошки с собаками не были породистыми.

Думая об отце, Рашид никогда не разделял его с Авдеевым — они словно срослись в своих стремлениях и целях, дополняя один другого. Подкашивали их, и подкашивали не раз, и под корень, как иногда казалось. Когда, например, запретили отдавать сено наемным сборщикам, работавшим на паях. Чья-то идея, рожденная в кабинетах, на бумаге казалась благом: больше, мол, у колхоза сена будет. Да на деле вышло обратное —

хозяйства и вовсе без сена остались. Прежде чем шкуру медведя делить, ее сначала добыть следует. Сенокос — время горячее, скорое, недели две-три от силы, не скосил в срок — пропала трава от солнца да ветра степного. А где столько рук взять, да чтобы работали от зари до зари? И получилось, что добра от благих директив — ни себе, ни людям, бумажная прибыль бедой обернулась.

Но выстояли отец и Авдеев и тогда. Выстояли и в конце пятидесятых, когда подчистую вокруг вывели личные хозяйства, когда бабы в Степном, стоя у мясных ларьков, судачили: «Опять мясо из города не завезли — чем мужиков-то кормить сегодня?..»

Рашиду казалось: нет дела, которого не могли бы осилить отец с Авдеевым, — только разреши, не стой у них над душой, не учи, не погоняй. Такой жизненной силы, крепости, уверенности в собственных силах не хватает многим нынешним мужчинам, из-под которых только выдерни служебный стул — и нет человека, пропал, испарился, вроде как и не существовал вовсе...

Мысли об отце, казалось, придали Рашиду сил; он даже не заметил, как быстро пролетело в раздумьях время. Солнце, поднявшееся в зенит, струило ровное и покойное тепло, и все живое на земле, в кустах, в траве, выползло в этот час под его живительные лучи. И сам Давлатов, словно подсолнух, тянул к нему осунувшееся желтое бородатое лицо, как бы ища в нем исцеления. О болезни он уже не думал — не то чтобы стал равнодушен к своему здоровью, а просто после посещения Салиха-ака пришла уверенность, что все наладится, нужно только исправно принимать отвар Куддуса-бобо и запивать его свежими яйцами. Лечатся верой, как сказал кто-то из древних, а вера у него появилась.

Вспомнив, что собирался помочь поварам, Рашид направился к чайхане. Дружба с Фатхуллой и Баходыром пошла на пользу, и если он не способен приготовить плов для свадьбы или на большую компанию, то уж на десять человек — вполне. И ачик-чучук у него получается отменный.

Баходыр приятно удивился предложению Рашида помочь и тут же подал ему свой нож, который на хлопке, как и Салих-ака, носил с утра до вечера на поясе.

— Значит, дело пошло на поправку, если остренького захотелось, — сказал он, улыбаясь, и исчез в кладовке — вот-вот появятся во дворе хлопкоробы, а обед еще не готов.

Рашид вынул нож из ножен, попробовал лезвие — острое, хоть брейся, особая сталь, сделанная чувскими умельцами, — и решил, что когда будет в командировке в тех краях, в Намангане, обязательно заедет в Чуст и купит отцу с Авдеевым в подарок по узбекскому ножу.

Работа спорилась: лук отлетал тонкими кольцами, и пышная горка в большом эмалированном тазу росла на глазах. Рашид не заметил, как, увлеченный делом, начал что-то потихоньку напевать.

— Смотри-ка, запел, — Баходыр кивнул головой в его сторону и подмигнул Самату.

А Рашид все вспоминал дом, друзей, родных...

Два года не видел он отца. Как он там? Чем занят? Наверное, в Степном уже выпал снег и вовсю хозяйничает зима, а отец с матерью вяжут дома веники...

— Ве-ни-ки, — произнес он нараспев, и перед глазами встала неоглядная заречная степь, та, что по весне полыхает тюльпанами. Овраги, уходящие в казахские степи на десятки километров, заросли густой колючей чилигой, да и сама степь то тут, то там зеленеет огромными островами цепкого неприхотливого кустарника.

«Вернусь домой в Ташкент, приглашу отца на недельку погостить», — подумал Рашид, почувствовав, как соскучился по нему, как не хватает его в нелегкие минуты. Он представил, как встретит отца на вокзале, нагруженного, по обыкновению, коробками, чемоданами, свертками, и вдруг почувствовал, как густо запахло паленым. Обернувшись, увидел, что Самат, прибрав во дворе перед обедом, жжет мусор, — наверное, в огонь попал кусок бараньей кожи с шерстью.

Запах паленого напомнил ему случай на базаре, показавшийся тогда нелепым...

Когда отец приехал к нему в Ташкент в первый раз, Рашид был холост, жил на частной квартире и учился на вечернем отделении института. Перво-наперво он повез отца в старый город — показать знаменитый базар Эски-джува и парк Пушкина, находящийся рядом, где уже много лет подряд устраивались татарские сабантуи.

Отправляясь на базар, Рашид подгадал так, чтобы к обеду попасть в переулки и тупики, где дымятся шашлычные мангалы, кипят медные самовары, торгуют горячей, только что из тандыра, самсой, продают парную баранину, дымящуюся печенку, говяжьи языки, вычищенную требуху, бараньи кишки для хасыпа, палевые говяжьи ноги для холодца и многое другое.

Когда он отыскал подходящий мангал, где жарили шашлык из бараньих ребрышек, и они уже расположились тут же за низеньким столиком, отец вдруг поднялся и, ничего не сказав, метнулся сквозь толчею к противоположной стороне переулка, где у стен в тени расположились продавцы со своим товаром. Рашид не успел опомниться, как отец вернулся с сеткой, где лежали четыре бараньи головы — две черные, две белые. Баранов, видно, забили недавно, и Рашиду казалось, что головы живые. Отец улыбался и выглядел таким довольным, каким он давно его не видел.

«Зачем ему бараньи головы, да еще сразу четыре? Может, отец знает о бараньих головах что-то такое...» — недоуменно подумал Рашид.

Ильяс-абы действительно знал такое, что вряд ли укладывалось в разумное понимание, а тем не менее процветало уже лет двадцать.

— Зачем нам бараньи головы? — все же спросил Рашид, когда они возвращались с базара.

Лицо отца посветлело, и, улыбаясь, он объяснил:

— Это не нам, а в подарок одному хорошему человеку. Ты не представляешь, как он будет рад.

— Он что, ест только бараньи головы, и по четыре сразу? — уточнил Рашид, почему-то раздражаясь.

— Да нет, он совершенно равнодушен к бараньим головам, предпочитает ребрышки.

— Тогда зачем ему все это? — растерялся уже ничего не понимающий сын.

Отец, пребывая по-прежнему в прекрасном настроении, принялся объяснять:

— У меня есть друг, он директор лесхоза, как наш Иващенко, только не в Оренбурге, а в Казахстане. Наша степь — продолжение казахской степи, и мы часто рубили чилигу на его территории — ведь в оврагах нет пограничной межи. На порубке

мы с ним познакомились и подружились. Грозить карами он нам не стал, чилиги-то пропасть вокруг. Приглашал нас с Гришкой на бешбармак, и не раз...

Вот однажды Ермек и говорит: «Не обессудьте, гости дорогие, что на этот раз не подаю вам главного угощения — головы барана. Завтра должен приехать уполномоченный из района, а его встречать без бараньей головы никак нельзя — слишком заносчивый да обидчивый человек». Ну, без головы так без головы, мы и раньше на эту голову особого внимания не обращали, нам хватало мяса в бешбармаке. Мы так и сказали хозяину. Вот уж обрадовался Ермек, говорит: «Если бы все гости были такие непривередливые, как вы, сколько бы овец сохранилось в степи!»

Оказывается, у казахов спокон века есть традиция — в честь высокого гостя резать барана и в знак уважения подавать отдельно приготовленную голову. В традиции этой ничего плохого нет: встречай гостя, режь своего барана или хоть двух — это твое личное дело. Только в последние годы народная традиция в сущее бедствие превратилась. Каждый командированный чиновник мнит себя высоким гостем, и попробуй встретить его без этой самой головы. Хоть пуд мяса поставь перед ним, а не будет головы забитого в честь него барана — оскорбится. Пробудет такой гость в лесхозе три дня — режь минимум двух баранов: одного при встрече, другого при расставании, хотя и одного за глаза хватило бы, а еще проще — пяти килограммов мяса. И от традиции, от нашествия всяких уполномоченных да представителей, имеющих власть над селом, ощутило поубавилось в степи баранье поголовье...

— Да неужели ты серьезно говоришь? — не поверил Рашид.

— А ты как думаешь? Отец Ермека, Омербай-ага, крепкий девяностолетний старик, в молодости пас овец у баев. Так он как-то с горечью сказал: «Раньше бай, у которого земли было побольше, чем в двух-трех нынешних районах, раз в год объезжал свои отары, да еще два-три его управляющий, — так десятком баранов и отделявались, а остальных гуртами гнали на базар и на мясокомбинаты русских городов Оренбурга и Орска, и скота в степи водилось видимо-невидимо. Да и объезжали-то они отары осенью, когда подрастут, зажиреют бараны. А сейчас круглый год — комиссия за комиссией, проверяющий

за проверяющим, начальник за начальником. И сколько их, больших и малых! И каждому режь барана, уважь каждую ничтожную чиновничью голову бараньей головой. Оттого нынче баранов и хватает только на «уважаемых» ...»

Теперь уразумел, зачем я сразу четыре головы купил? Хорошо, что до ваших краев такая разорительная традиция не докатилась... Уж порадую Ермека-ага...

Как тут было не понять, и дураку ясно. И позже, когда Рашид ездил домой, он тоже покупал на базаре бараньи головы для директора казахского лесничества, спасая тем самым от ножа нескольких кучкаров.

— У-у... салат... молодцы! — шумно выражая восторг, появились во дворе чайханы хлопкоробы, и Рашид очнулся от воспоминаний.

Помогая накрыть на стол, он машинально раскладывал салат по железным мискам, но мысли об отце, о себе не покидали его.

«Если б отец знал, чем я буду заниматься как инженер, разве настаивал бы так горячо, чтобы я получил образование, да еще вдали от дома, от семьи? Если б догадывался, что образование не приблизит нас друг к другу, а, наоборот, разъединит, разве захотел бы он, чтобы я стал инженером?» Он никогда раньше не задавал себе подобных вопросов, хотя, помнится, рассказывал отцу и о хлопке, и об овощных базах, и о сенокосе, но отец не понял. Для него, человека, мыслящего реальными категориями, казалось дикостью, что дипломированные люди, на образование которых ухлопаны тысячи и тысячи рублей, перебирают копеечную картошку на базах и каждую осень до снега пропадают на хлопковых полях.

Однажды, приехав с Анютой домой на праздники, Рашид рассказал отцу, что был в командировке в Намангане, Хиве, Самарканде и даже Москве. Отец сказал тогда уважительно:

— Вот видишь, тебе доверяют, а ты жаловался, что неинтересная работа...

Рашиду не хотелось расстраивать отца, но он не сдержался и резко ответил:

— Ездить-то я ездил, а ты спроси — зачем, что я там решил, чем помог как инженер? Вот вы с мамой смотрите телевизор и, конечно, спектакли... В пьесах есть роли, где артист за весь спектакль раза два или три появляется на сцене и говорит:

«Кушать подано!» или что-нибудь подобное. И так из года в год, из спектакля в спектакль. А где-то в кругу малознакомых людей он рассказывает, что работает в знаменитом театре, занят в интересной пьесе. И все это правда, но он никогда не признается, что его роль состоит из двух слов. Так и я: отвожу, привожу какие-то срочные справки или визирую от имени треста какую-нибудь бумагу, проект, или присутствую на каком-нибудь совещании, которое ничего не решает. А уж поездка в Москву скорее похожа на сцену из плохой комедии. С командировочным удостоверением, имея четыре билета на руках — на целое купе, я вез на юбилей союзного министра десятки дынь, арбузов, коробки с гранатами, яблоками, грушами, зеленью, юсуповскими помидорами. Все купе заставлено ящиками, завалено свертками, я и дверь-то решался открывать, лишь когда в коридоре стихали шаги, чтобы не подумали, что спекулянт едет на московский базар.

Отец тогда был потрясен его откровением, но попытался как-то утешить, ободрить взрослого сына.

«Отец...» — вздохнул Рашид и понял, почему его преследует неотвязная мысль об отце, хотя размышлять-то надо бы о своей жизни. И впервые пришла мысль: «А прав ли был отец, оберегая, опекая меня так, что шел я по жизни, как по ковровой дорожке? Почему он так поступал, имея за плечами другой опыт? А может, он, как и многие другие, желая своему сыну лучшей жизни, по сути дела, не знал — какой именно. Что в его представлении это значило — хорошая жизнь?»

За этой мыслью пришла другая: «Почему отец непременно хотел дать мне образование? Разве он сомневался в ценности и значимости своей жизни, разве был несчастен и не гордился тем, что создал своими руками, или пользовался в селе меньшим уважением, чем люди на должностях, то есть с дипломами? Почему он, всегда занимаясь тяжелым физическим трудом и преуспев в нем, ограждал меня всячески от дел, от забот, пытался вытолкнуть, и вытолкнул в иной круг жизни? Разве было бы несправедливо передать мне то лучшее, чем он обладал сам?»

Под таким углом зрения Рашид смотрел на отца впервые — неужели Ильяс-абы, которого нельзя было ни в чем упрекнуть, ибо он всегда жил по совести и только трудом своих рук,

ошибся в главном — не привил своему сыну жизнестойкости, вырастил его как в стеклянной теплице, оберегая от каждого дуновения ветерка? Почему он растил тепличное дерево? Был слеп в отцовской любви к единственному и долгожданному сыну или что-то иное зрело в его душе? Такой взгляд на себя для Рашида тоже оказался внове. И вспомнилось, как он сам впервые не проявил характера, воли, искренне желая помочь матери убрать за Звездочкой, хотя и понял Минькино — «птичка божья... ни забот, ни хлопот»?

А может, началось все тогда, когда, провозившись за верстаком часа полтора, легко согласился с матерью, что скворечник на праздник птиц сделает все-таки отец? Или когда, разбив любимый велосипед в овраге, в мальчишеском горе вдруг осознал, что никакого наказания не последует, более того — чтобы не видеть его огорчения, завтра же купят другой, последней модели, с хромированными ободами? И не тогда ли впервые у него появилась уверенность, что пока живы родители, у него не будет ни забот, ни хлопот?

«А проявил ли ты хоть в одном жизненно важном вопросе характер, принципиальность?» — задал он вопрос самому себе. Ведь и Ташкент, и политехнический институт — это все идеи отца, а он даже не задумался, не спросил: почему именно Ташкент, почему непременно инженером? А хотел ли он сам чего-нибудь, рвалась ли его душа куда-нибудь? В Оренбург, в летное училище? Вроде бы да, но ведь отцу об Оренбурге он даже не заикнулся, не то чтобы отстоять для себя высокое небо. И на Ташкент согласился не потому, что прельстила столица, или манил Восток, или послушным сыном оказался, — нет, чего не было, того не было, сегодня он врать себе не будет. «Пльви, мой челн, по воле волн» — вот, наверное, подходящий эпиграф к моей жизни», — с горечью подумал Рашид.

И, продолжая ревизию своей жизни, чем-то смахивающую на самосуд, затронул такое, к чему и мысленно никогда не решался подступиться. Он подумал об Анюте, жене, своей семье. Что же соединило их? Большая любовь? Низкий расчет? Ни то, ни другое. Скорее, душевная лень, духовное соглашательство — сегодня следовало называть вещи своими именами.

Анюта, дочь Авдеева, училась в школе четверьмя классами младше Рашида, и, хотя отцы и семьи их дружили, Рашид

ее не замечал — слишком большой казалась разница в годах в те давние школьные дни. Через два года после его отъезда в Ташкент выпорхнула из дома и Анюта, уж очень ей не терпелось попасть в большой мир.

После восьмилетки, которую Анюта одолела с грехом пополам, она поступила в Оренбурге на какие-то статистические курсы, но, как ни рвалась в город, на асфальт, в Оренбурге прижиться не смогла, и через три года снова оказалась в родительском доме.

Вот тогда-то Рашид и увидел ее словно в первый раз. Он приехал в отпуск в начале июля, а Анюта месяцем раньше вернулась с чемоданами под отчий кров. Увидел он ее на танцах, куда по старой памяти его затянул Панин; дорвался-таки Минька до ударных инструментов, и не только до барабанов — стал руководителем оркестра, и от того, первого, оставил лишь старое название «Радар», которое было дорого ему как память.

Давлатов разглядел Анюту еще до начала танцев. Что и говорить, она выделялась среди поселковых девчат — город наложил на нее заметный отпечаток.

— Кто эта девушка в белом? — спросил он заинтересованно у Панина.

Минька в ответ только рассмеялся:

— Ну, ты, брат, даешь! Дочку Авдеева не узнал?

Анюта слышала дома от родителей, что утренним поездом приезжает в отпуск сын Давлатовых, без пяти минут инженер, и конечно, рассчитывала увидеть его здесь. Помнила она и то, что в школьные годы Рашид в упор ее не замечал, и это очень злило самолюбивую Анюту. Впрочем, в последний раз она видела Рашида лет пять назад, когда перед отъездом в Ташкент он зашел попрощаться с ее родителями.

Словно чувствуя, что Панин с Давлатовым говорят о ней, девушка подошла к ребятам.

— Что, Рашид, не узнал или зазнался? — спросила она, кокетливо улыбаясь.

— Анюта, если честно, не узнал, ты стала такая взрослая и красивая...

Рашид смущенно замолчал: она действительно была хороша и одета с большим вкусом, словно сошла с обложки журнала мод.

— Спасибо, Рашид, приятно слышать такое от столичного человека, — и, не замечая Панина, она взяла Рашида под руку и увела подальше от эстрады.

Весь вечер Анюта не отпустила от себя Рашида ни на шаг. К концу танцев у него мелькнула вялая мысль: хорошо, что далеко провожать не придется, — Анюта жила на соседней улице. В прошлый отпуск он несколько раз провожал приглянувшуюся девушку с другого края села и, возвращаясь домой, каждый раз поражался, как разрослось Степное. Рашид уже видел ту девушку и чувствовал, как она хотела, чтобы он подошел, но сделал вид, что ему от Анюты сегодня не отойти ни на шаг. Он мысленно успел оценить девушек, и та, прошлогодняя, не шла ни в какое сравнение с Анютой, к тому же Анюта жила рядом.

Летом оркестр Панина играл в парке регулярно, и каждый вечер Рашид виделся с Анютой на танцах. Не упустила Анюта и возможности лишний раз зайти к Давлатовым, а такая необходимость случалась ежедневно, ведь семьи их дружили давно. Иногда Анюта приходила с билетами в кино, и они вдвоем через весь поселок шли в летний кинотеатр на другую сторону железной дороги. Пыталась и Кашфия-апа раз-другой послать сына к Авдеевым по хозяйским делам, только Рашид под всякими предложениями отказывался. Но у Авдеевых он все-таки побывал — была у него еще со школы тяга ко всякой звукозаписывающей аппаратуре, и дядя Гриша попросил его починить телевизор, а в другой раз сама Анюта попросила посмотреть ее магнитофон — барахлил автостоп.

Отпуск подходил к концу, и его можно было считать удачным. Целые дни Рашид пропадал на рыбалке, иногда и Анюта напрашивалась с ним то на речку, то в лес за ягодами. Рашиду нравились завистливые взгляды ребят, когда он появлялся с ней на танцах, в кино, на реке. Пожалуй, из них двоих больше на горожанку походила она: одевалась Анюта куда моднее и элегантнее Рашида, да и когда на танцплощадке собиралась компания, разговор чаще всего поддерживала она. И все-то она знала: и о музыке, и о течениях моды, и о всяких знаменитостях — артистах, спортсменах, о многих из которых Рашид слышал впервые. Своими знаниями она не пыталась подавить Рашида: рассказывая о чем-нибудь, тактично, как бы справляясь и уточняя, обращалась к нему, а он либо кивком головы соглашался,

либо говорил: «Да, конечно». Со стороны казалось, что Рашид больше в курсе дела, чем Анюта, хотя он зачастую и понятия не имел, о чем шла речь.

Поначалу такая манера разговора дуэтом, где одна говорила, а другой глубокомысленно поддакивал, Рашиду казалась шуточной, но через неделю-другую она незаметно узаконилась, и Рашид не мог вставить слово даже там, где и знал, о чем идет речь: властная Анюта любила быть в центре внимания и не хотела делить свой маленький успех даже с парнем из столицы, будущим инженером, который, в общем-то, ей очень нравился. Рашид понимал безобидное провинциальное тщеславие Анюты, не доучившейся на статистических курсах, и поэтому быстро смирился с отведенной ему ролью, — вполне хватало того отсвета успеха, что падал на него от великолепной подруги. Впрочем, он не был уверен, что смог бы так ловко из вечера в вечер удерживать внимание толпы, собиравшейся возле них. А чаще всего расслабленно думал: «У них своя жизнь, свои интересы, свой расклад, а мне уже пора собираться в дорогу».

За три дня до отъезда Рашида Авдеев топил баню, — летом это делается не часто, дел невпроворот, река под боком, да и поселковая баня до полуночи работает. То ли дядя Гриша соскучился по настоящей бане, то ли в гости Ильяса с сыном зазвать решил, а повода вроде не было, то ли еще какая причина неведомая имелась... А баня у Авдеева славная, просторная, стены парной дубовым шпоном выложены, долго держат пар, а вода шелковая — из Круглого озера. Сосед, работающий на поливомоечной машине, ездил на рыбалку, карасей на зорьке половить, а утром на всякий случай из озера цистерну наполнил. Может, вода и стала причиной, что Авдеев неожиданно затеял баньку. Ну, а после баньки, как водится у хороших хозяев, и пироги с пылу с жару, и самовар, и закуски разные.

После баньки долго сидели на летней веранде. Рашид несколько раз порывался встать из-за обильного стола, но вскоре понял, что сегодняшнее мужское застолье должен высидеть до конца. Поняла это и Анюта, и, попрощавшись, ушла спать. Они бы, наверное, гуляли до утра, да Кашфия-апа пришла за своими мужчинами, хотя и ей не сразу удалось уговорить Авдеева отпустить гостей.

Стояла уже глубокая ночь, когда Авдеев вызвался проводить Давлатовых. Мать с отцом под руку шли впереди, Кашфия-апа зябко кутала плечи в пуховый платок и потихоньку что-то напевала. Наверное, ей было радостно осознавать, что и муж, и сын рядом и жизнь все-таки повернулась к ним лицом. Авдеев с Рашидом шагали несколько в отдалении, продолжая начатый разговор. Ночь катилась на убыль, но на улице еще стояла вязкая летняя темнота, сразу поглотившая шедших впереди Давлатовых, только грустная песня матери слышалась в тишине сельской ночи; скоро, за углом, песня оборвалась.

Возле дома Давлатовых Рашид с дядей Гришей присели на скамейку у палисадника выкурить на прощанье еще по одной сигарете. Авдеев был чем-то возбужден, нервничал и не спешил уходить, да и Рашиду не очень хотелось идти в дом: застолье удалось, что-то тронуло в его душе, и в какой-то момент он почувствовал, что такого искреннего общения ему будет не хватать в городе.

Вдруг дядя Гриша прервал начатый еще за столом разговор и неожиданно сказал:

— Рашид, дорогой, женись на моей Анюте... — И, боясь, что его прервут, или Рашид вдруг встанет и уйдет, не выслушав, заторопился, волнение мешало ему говорить: — Когда-нибудь, став отцом, ты поймешь и не осудишь меня... Вбила девка в голову, что рождена для жизни в городе, без этого свет ей не мил. Только вернулась из Оренбурга — уже планы строит, куда снова уехать. А мы с матерью извелись, ночи не спим. На что ей город? Ни специальности, ни образования, да и в городе она жизни особой какой-то хочет, чтобы и муж был не работяга. Ведь пропадет, пропадет в городе, выйдет замуж за какого-нибудь проходимца и промотает все, что с матерью нажили... А ради нее и горбимся, нам много не надо, счастья хотим ей. Как ты приехал да с Анютой вроде встречаться стал, жена и говорит: «Вот, может, и судьба наша...» Но кто вас, молодых, нынче поймет, вот ты послезавтра уезжаешь, и рушится наша надежда... Стеша покоя не дает: иди, мол, упади перед Рашидом на колени, попроси, пусть женится на Анюте, ведь не хуже других она у нас... А мы уж век на тебя молиться будем...

— Что вы, дядя Гриша, какой я жених? Студент еще, ни кола ни двора, да и зарплата сто двадцать, — опешивший Рашид попытался охладить пыл Авдеева.

А вышло наоборот — дядя Гриша точно воспрянул духом:

— Да мы знаем, и пусть твоя головушка об этом не болит... Учись хоть еще десять лет на профессора там или на академика, или ученого какого, — поддержим, не бойсь, это мы на себя берем. А насчет хаты? Анюта сказывала, в городе кооперативную квартиру купить можно, так купим какую захотите. А раз у Анюты нашей с образованием не вышло, как у тебя, так мы с матерью решили и этот недочет покрыть: пока живы, бедствовать не дадим, слово мое ты знаешь. Наверное, дочь с тобой счастлива будет, мы же видим, как она на тебя смотрит, да и люди кругом говорят, что вы пара замечательная, спроси кого хочешь... Да и Ильяс с Кашфией, думаю, не против, а уж у меня со Стешей какой бы камень с души снял... — И могучий Авдеев вдруг всхлипнул, видимо, случился с ним какой-то нервный срыв.

Рашид пытался его успокоить, еще надеясь, что на шум выйдет отец и все уладит, но куда там... Плакал Авдеев шумно, навзрыд, но отец не шел, словно предоставил ему возможность самостоятельно решать свою судьбу. Теперь уже Рашид был в отчаянии, хоть плачь, как дядя Гриша, а всего четверть часа назад жизнь казалась ему такой прекрасной.

Вот так в одночасье в его руках скрестились судьбы нескольких людей, да и своя тоже, и надо было на что-то решиться сейчас, немедленно. А ведь таких далеко идущих жизненных планов он не строил, да и об Анюте как возможной жене ни разу не подумал, хотя она ему и нравилась.

Он поглаживал дядю Гришу по вздрагивавшей спине, вглядываясь в темноту за забор, — не раздадутся ли спасительные шаги отца? — и вдруг у него устало вырвалось:

— Успокойтесь, дядя Гриша, люблю я вашу Анюту.

Конечно, ни о каком приданом, ни о каких выгодах он в ту минуту не думал, просто не хотел чувствовать себя в чем-то виноватым перед родителями Анюты, обманувшим их надежды, что ли. По-человечески ему было их жаль, а о себе он как-то в эту минуту не думал.

Уехал Рашид из отпуска женатым, и с того дня оказался привязан к Степному крепче, чем та пегая корова за забором.

Оборви цепь — и разладятся покой и благополучие семьи, ведь трехкомнатную кооперативную квартиру купил тесть, он же дал деньги на кооперативный гараж. Его родители разорились на недешевый ремонт и мебель — от кухонного гарнитура до кабинетного, чтобы Рашид мог по вечерам заниматься.

Да что там ежемесячная помощь! Через год родители, скинувшись, подарили «жигули», хотя сами влезли в большие долги. Анюта даже наладила постоянный мост между Степным и Ташкентом... Если в городе перебои со стиральным порошком или мукой, яйцами или маслом, она звонит домой матери или свекрови, которая души не чает в невестке, и те тут же выносят к поезду нужное, на другой день только встречай — никаких проблем.

По осени, когда ударяли заморозки, родители частенько передавали со знакомыми проводниками кур и индюков, свежую говядину и барашка, копченую свинину и домашнюю колбасу, замороженные домашние пельмени. Конечно, и проводников за услуги щедро одаривали свежим мясом, яйцами, картошкой, что растет без химикатов... Да, крепко повязали его благополучием и достатком... Может, потому и уезжал по осени на хлопок без особого недовольства и сопротивления, как другие коллеги.

— Рашид, идем обедать, — окликнул Баходыр приятеля.

Рашид, очнувшись от нерадостных дум, заметил, что двор уже опустел.

— Что с тобой, опять нездоровится? — участливо спросил Баходыр, подходя к скамейке у арыка. — Час назад вроде уже напевал, а теперь опять чернее тучи.

Рашид улыбнулся, благодарно кивнул головой: ничего, мол, — и они вдвоем направились к столу, где их уже поджидал Самат. Не успели усесться и взяться за ложки, как вдруг что-то загрохотало в соседнем дворе, затрещал ветхий забор, и через двор чайханы галопом пронеслась знакомая корова — сорвалась с привязи. Самат, сидевший с краю, вскочил, пытаясь догнать корову и ухватить гремящую цепь, но Рашид с несвойственной для большого энергией закричал:

— Не смей! Пусть бегают, пусть хоть час на свободе побудет!

— Что с тобой, Рашид? — спросил удивленно Баходыр. — Какое тебе дело до чужой коровы? На тебе лица нет. Успокойся!

— Извини, Самат, — устало сказал Рашид, выискивая глазами корову, трусившую к Кумышкану.

«Вот и корова нашла в себе силы порвать цепь и хоть на миг вырваться на свободу, а ты ведь человек, мужчина...» — мелькнула вялая мысль. Есть расхотелось, в животе опять замутило...

После обеда Баходыр предложил съездить вместе в райцентр по делам, а заодно и в баню сходить. В другое время Рашид с радостью согласился бы, но сегодня не было желания. После ухода Баходыра он еще долго бесцельно бродил по двору, поправляя забор, выломанный взбунтовавшейся коровой. Потом снова взял посох и направился к речке.

Осенний день короток и после обеда уже ничем не напоминает летний, хотя по-прежнему тепло и солнце светит, но на всем явственно проступают приметы ноября. Если с утра небо отдавало голубизной, то сейчас померкли, посеребрили небеса, стали тяжелее, ниже. Вблизи воздух был все еще по-осеннему прозрачен, но то, что утром виделось далеко, теперь уже погрузилось в сизую мглу с размытыми краями, и оттого терялось реальное ощущение пространства, расстояния. Обманчивый, зыбкий свет, и даже Кумышкан за спиной зажурчал иначе — исчезли серебряные флейты. Тихо, пустынно, грустно; как ни обманывай себя — на дворе осень...

«Через неделю буду дома», — вяло подумал Рашид, и представил район, в котором живет. Красивый ухоженный район кооперативных домов на реке Бозсу, что означает «ледяная вода». Шесть кирпичных пятиэтажных домов особой архитектуры. Живут тут молодые семьи, большинство — ровесники Рашида. Оттого и название кооператива «Ешлик» — «Молодость». Попали они в этот кооператив случайно, но, прожив месяц-другой, Рашид сделал вывод, что многие жильцы так или иначе знакомы друг с другом. Некоторые жили раньше в одном районе, учились в одних и тех же спецшколах, коих немало в Ташкенте, занимались в модных полулегальных клубах каратэ и кун-фу, другие были завсегдатаями одних и тех же кафе, дискотек, ресторанов, учились в одних и тех же престижных институтах, еще детьми отдыхали вместе, и не однажды — в Артеке, третьи держали машины в одних и тех же гаражах. Конечно, была там и иная

прослойка, весьма незначительная, но и она не выпадала из общей массы.

Когда Рашид получал «жигули», поначалу огорчился: в огромном дворе стояли машины невзрачных расцветок — зеленые, желтые, коричневые. Да в очереди предстояло выстоять чуть ли не весь день, а может, даже пришлось бы прийти завтра — точно гарантировать время никто не мог, каждый подолгу и тщательно выбирал машину. Вдруг его окликнул парень в форменной спецовке ВАЗа. Хотя они и не были знакомы, узнали друг друга — оба жили в «Ешлике». Через час Рашид выехал с территории базы на белой машине, такой, о которой мечтал, и даже проверять ничего не стал, ибо сосед уверил: обнаружится неисправность, хоть через неделю, хоть через месяц, — заменит дефектную деталь тут же.

Жили в соседних домах несколько барменов из ресторанов, знаменитый солист популярного вокально-инструментального ансамбля, не менее известный футболист, бывший хоккейный кумир из Москвы, доигрывавший в ташкентском «Бинокоре», и даже иглоукалыватель — молодой кореец, к которому уже с утра выстраивались в очередь пациенты, приехавшие со всех концов республики, а может и страны, кто их знает.

Живя в Ташкенте холостяком, Рашид не знал и не любил города. Да и откуда ему было его знать и за что любить? Днем работа, вечером учеба, и так целых пять лет до диплома. Пять лет учебы он всегда с нетерпением ждал воскресенья, чтобы выспаться. По ночам ему нередко снились дорожные кошмары, всевозможные гибриды городского транспорта и даже транспорта будущего — движущиеся тротуары, пневмотранспорт, потому что работа находилась в одном конце города, институт — в другом, а комната, которую он снимал, — в третьем. Чего-чего, а пускать корни в столице он не хотел и отцу объявить об этом собирался, как только получит диплом. Вышло же так, что собственными руками привязал себя к Ташкенту.

А что касается Анюты, то она нашла здесь свою жизненную кочку и была счастлива. Работала она рядом с домом, в каком-то республиканском ведомстве по хлопку, занималась статистической отчетностью. В начале месяца два-три дня «висела» на телефоне, обзванивая области, требуя данных.

Через годик-другой, обретя опыт, она и без телефона, обходясь цифрами за предыдущие годы, могла составить отчет шефу, и никогда грубо не ошибалась, потому что знала, какая цифра нужна. И в областях, наверное, об этом тоже догадывались и не сердили начальство. Какую картину хотели иметь, такую и имели, и в управлении всем было хорошо от такого благополучия.

Получала Аня сто два рубля и относилась к работе соответственно зарплатке: бывала на службе два-три часа, не более, да и то не каждый день. В одну из многочисленных кампаний по наведению порядка и укреплению трудовой дисциплины ее пытались приструнить, но бойкая на язык Аня ответила, что не по зарплате требования, и уволилась. Полгода место пустовало — какой же нормальный человек пойдет работать за сто рублей, да еще в солидную организацию, где все в мраморе и дубе, и нужно уметь соответственно держаться и одеваться? — а потом бывший начальник сам позвонил домой и пригласил Аню вновь, но теперь она уже работала по личному графику, когда ей удобно.

Аня легко нашла общий язык с жильцами «Ешлика», более того — в женском активе она играла не последнюю роль. Впрочем, это и неудивительно: была она веселой, общительной, острой на язык, но вместе с тем доброй, мягкой, — люди к ней тянулись. К тому же Аня была сильна не только в речах, чем отличаются большинство нынешних людей, но и жизненной крепостью, передавшейся ей от родителей, — она не терялась в ситуациях, от которых раскисали ее новые подружки и знакомые, потому что умела твердой рукой вести дом, хозяйство... И Анянины способности, чисто женские, хозяйские, не столь частые, к сожалению, нынче у женщин, не пропали даром: у нее консультировались и как лучше испечь пироги, и как солить и мариновать огурцы и помидоры, сварить варенье. Но чаще всего забегали перехватить займы то одно, то другое и удивлялись — у нее всегда все было, и она никогда не отказывала. А еще соседки любили забежать к Ане на чашечку кофе, по-женски обсудить новости, новинки моды, и всегда поражались уюту, чистоте, ухоженности в квартире.

Конечно, жизнь Рашида в Ташкенте до Ани и жизнь с нею разительно различались, точнее — были несравнимы. Собственная квартира, собственная машина, избавившая

от кошмарных сновидений, и вечера его стали иными, институт остался позади. Без Анюты не обходилось ни одно мероприятие в «Ешлике», ко всем они оказывались званы в гости, и сама Анюта принимала друзей днем и ночью — благо квартира позволяла, да и временем хозяйка располагала, — и Рашид невольно общался с людьми, о знакомстве с которыми вчера еще и помышлять не мог.

Как-то у них в доме после возвращения со спектакля в экспериментальном театре Дома молодежи стихийно собралась компания. Постановка удалась, и расходиться не хотелось. Один из постановщиков, видимо, желая сделать приятное хозяину дома, сказал:

— Вашей бы Анюте, Рашид, при ее вкусе, энергии, обаянии, немного бойцовских качеств, целенаправленности действий — далеко бы пошла.

— Мне кажется, что мы как раз в воспитании борцов, бойцовских качеств несколько переусердствовали, — мягко ответил Рашид. — Куда ни пойдешь: в театр, кино, какую книгу, какую телевизионную программу ни возьми — везде борются или культивируют бойцов, и в результате одни бойцы и борцы — и те, кто чего-то добиваются, и те, кто им противостоит. В трамвай не войти — электрическое поле в тысячу ватт, никто никому ни в чем не уступит — все борцы, искры повсюду сыплются, как только двое по любому поводу сойдутся. В любую организацию за каждым пустяком идем как на смертный бой, а там с такой же готовностью нас поджидают.

По мне, не бойцовским качествам, а нормальной работе, нормальным человеческим отношениям людей учить надо, и отпадет нужда в борьбе по пустякам. А пока одна моя знакомая, весьма тонко и своеобразно чувствующая время, придумала милый повод для развода, и, поверьте, чрезвычайно эффективный, — трижды за последние четыре года проверено. Желая развестись с очередным мужем, она просит его сделать за неделю три-четыре покупки и получить две-три справки. Разумеется, и покупки, и справки тщательнейшим образом продуманы.

И, думаете, какой результат? За одним приезжала «неотложка», и по состоянию здоровья молодой муж съехал к маме, другой после обширного инфаркта мыкается по больницам,

инвалидность оформляет, а третий, кажется, умер. Все бы выглядело так же смешно, как девушки-каратистки или девушки-хоккеистки, если бы не было по-настоящему грустно. А вы о бойцовских качествах... Нет уж, увольте, это без Анюты.

Ответ Рашида поразил не только соседей, но и режиссера, который даже вынул записную книжку и стал торопливо делать пометки, приговаривая:

— Черт возьми, а ведь в этом что-то есть. Рашид верно нащупал болевую точку времени...

Хотя дорогостоящую аппаратуру — японские кассетные магнитофоны, музыкальные центры, стереосистемы, телевизоры, диктофоны, телефоны с блоками памяти — обитателей всего жилмассива ремонтировал Рашид, он понимал, что в «Ешлике» его привечают из-за Анюты, не обходят вниманием на всяких мальчишниках, приглашают в сауну, подсказывают, к кому подъехать, когда ломается машина, — словом, что и говорить, выручают постоянно.

Да, здесь жили ребята с крепкой хваткой. Помнится, они только заселились, а через месяц неподалеку вырос целый городок самодельных гаражей. Хотя стояли они строго в ряд и не было среди них ни одного ржавого, самострой портил пейзаж вдоль Бозсу, и жители близлежащих домов запротестовали, посыпались жалобы. Жалобы сыпались, а гаражей день ото дня прибавлялось. Куда только ни писали: в Комитет советских женщин — женщины, в Комитет ветеранов войны — пенсионеры, в ЦК комсомола — пионеры и их матери... Жалобы приурочивались и к великим датам, 2000-летию Ташкента, например, или к Международному кинофестивалю стран Азии, Африки и Латинской Америки, или просто к приезду важного иностранного гостя, и, кажется, допеки — тучи над гаражами начали постепенно сгущаться.

Но в один прекрасный день появились какие-то ловкие молодые люди из вновь созданного добровольного общества автолюбителей, врыли у въезда в гаражный городок столб и прибили на нем вывеску с неряшливо сделанной надписью: «Кооперативный гараж «Восход» Всесоюзного общества автолюбителей. Председатель — Новохаткин Ф. П.».

Шустрые молодые люди в джинсах и кожаных пиджаках быстренько оформили всех членами общества, содрав с каждого по десятке, вручили председателю размноженный на

ксероксе устав, сплошь состоявший из ошибок, отчего иные пункты можно было толковать и так, и эдак, и укатили, оставив ликующих автовладельцев в неопишемом восторге. От такого цинизма онемели даже самые рьяные жалобщики и борцы за справедливость — мозговой трест кооператива наносил только нокаутирующие удары.

Мозговой — он на то и мозговой, и поэтому не довольствовался победой в первом раунде, понимая, что когда-нибудь времена могут измениться и не помогут парни из липового общества. Оттого решили основательно заняться строительством вблизи массива типового гаража. Новый этап оказался потруднее, но все равно через два года они получили ключи от новенького подземного сооружения на законных основаниях, как пайщики кооператива. Самострой на берегу Бозсу, сменив владельцев — прежние вернули свои деньги, — просуществовал ровно год, потом его в один день снесли, — он действительно портил вид респектабельного района, так решил мозговой трест.

Вспомнилось Рашиду и строительство АТС. Возведение автоматической телефонной станции началось одновременно с массивом, и по плану жильцы должны были въехать в телефонизированные квартиры — дело, в общем-то, нормальное и узаконенное строительными нормами, но в жизни подобные радости редки. Когда новоселы въехали в дома, АТС едва поднялась из фундамента, и, глядя на двух-трех копошившихся там рабочих, даже несведущий в строительных делах человек мог безошибочно определить — очередной долгострой. Но не те люди жили в кооперативе «Ешлик», чтобы ждать телефонных годов. Собрали, по традиции, только мужчин, и председатель, уже взвесивший все «за» и «против», объявил:

— Если мы не намерены ждать пять лет ввода АТС, то должны действовать, то есть взять на содержание начальника управления, ведущего стройку, и прораба, ответственного за объект, — двести рублей ежемесячно каждому, пока не сдадут.

Кто-то робко поинтересовался:

— Мы будем платить почти год, как вы запланировали, а если они не сдадут, плакали денежки?

Ответить на вопрос поднялся из президиума Новохаткин, тренер по каратэ, бывший чемпион, а теперь еще и председатель гаражного кооператива.

— Не волнуйтесь, — если мы взялись за дело, АТС будет введена в строй в оговоренные сроки, и ни днем позже. Что же касается денег... Если бы возникла ситуация, о которой вы говорите, то деньги вышибли бы обратно, это я вам гарантирую... — И после паузы добавил с улыбкой: — С потрохами.

Зал оживился, в детали никто вникать не стал — такое не поощрялось...

Теперь, когда Рашид адресовал вопросы только самому себе, ему хотелось быть таким же жестким и искренним в оценке своих поступков и своей судьбы, каким жестким он был в анализе жизни Дильбар, Фатхуллы, отца, Салиха-ака. Как при монтаже фильма, он вновь и вновь мысленно прокручивал «кадры», где был занят сам, и с горечью обнаруживал, что в главных ролях его почти нигде нет — все статистом, на общем плане, в массовке, разве только в редких эпизодах, когда был у себя, в домашней мастерской, наедине со сложной аппаратурой, вот тут-то он действительно главный, чувствует власть своего разума над тонкой техникой. «Бог, царь, волшебник», — говорят о нем в «Ешлике» владельцы дорогой и редкой аппаратуры. Пожалуй, мастерская — единственное место, где он чувствует себя уверенно, тут ему, как Фатхулле у котла, подсказывать не стоит.

Будь Рашид человеком иного склада, он, наверное, радовался бы широкому и интересному кругу общения жены, людям, что бывали у них. Но почему-то так получалось, что человек действительно интересный, ради которого и собирали гостей, отодвигался обычно на второй план — всякий раз находился третьеразрядный художник, режиссер-неудачник, поэт-скандалист, который умело пользовался подвернувшейся трибуной. Выдавая себя за друга дома, рта не давал открыть другим, но многим гостям такой демагог казался незаурядной личностью, главным в компании, и ему внимали с интересом и почтением.

Если шальной гость не портил вечер, делал это кто-нибудь из незваных соседей. К примеру, Левка Катанян, у него прямо-таки нюх особый или сквозь стены видит: только соберутся гости — тут же стук в дверь.

— А вот и мы! — радостно возвещал он, проталкивая вперед свою толстуху Гаянэ.

Левка работает в «Интуристе», в валютном баре, поэтому является всегда с какой-нибудь диковинной бутылкой спиртного для женщин и непременно прихватывает один и тот же сорт виски, наверное — самый любимый. И носится с этой бутылкой как курица с яйцом, перебивая только-только налаживающийся интересный разговор.

— «Белая лошадь», настоящая, в Шотландии по особому рецепту и из особой воды изготовленная, — нахваливает он, намереваясь в который раз прочесть гостям получасовую лекцию о виски.

Познания свои Левка почерпнул на курсах барменов в Москве. Других разговоров он не ведет и слушать не любит.

И всякий раз находится человек, который непременно спросит:

— А что, бывает «Белая лошадь» не настоящая?

Левка, до этого успевший объявить гостям, что он вылитый поздний Элвис Пресли, долго и громко хохочет, и его жирные плечи и щеки трясутся, как холодец.

— Бывает, всякая лошадь бывает, но настоящая «Белая лошадь» только здесь или у меня дома. Англичане, шотландцы и прочие интеры пьют в моем баре тещин самогон, смешанный с коньяком. Тесть у меня экспедитором на винзаводе работает... И, знаете, нахваливают клиенты, говорят, что лучше, чем в самой Шотландии виски. А я им отвечаю солидно: «А как же, экспорт есть экспорт, Катаняну самое качественное и отправляют». Но, знаете, приятно слышать, что виски у меня лучше, чем в Шотландии, гордость берет за рецепт, я ведь сам химичу, никому не доверяю, — и опять весело хохочет, не обращая внимания на гостей.

А тем не до смеха: желание попробовать настоящее виски как-то пропадает, или, отравленные самомнением, пьют, не испытывая никакого удовольствия...

Или зайвится бывшая хоккейная звезда, доигрывающая в «Бинокоре», — тот ко всем приходил без приглашения, твердо убежденный, что ему везде и всегда рады. Приходит он один, но через час-другой появляется его жена Элеонора, вечно заспанная и всем недовольная томная красивая женщина; она тоже считала, что своим присутствием украшает провинцию, иначе Ташкент она и не называла. Когда-то давно, всего один

сезон, играла она эпизодическую роль в спектакле театра «Современник», еще в старом здании, располагавшемся на площади Маяковского, но почему-то любила другой ориентир и говорила: «Напротив ресторана «Пекин». После двух-трех рюмок Элеонора пытается рассказать всем, какая у нее была замечательная роль и как она ее блестяще играла. Но как называлась пьеса, она запомнила навсегда.

— Ну, это неважно, — небрежно роняла она, и все с ней соглашались.

Хоккеиста звали Эдик, но между собой его величали Поздравим: играл ли он в карты, нарды или шахматы, все пытался словчить, обмануть, и каждый раз ловили его за руку, однажды даже крепко били, потому что играли всегда «на интерес».

Как только появлялся Эдик, Катанян тут же убирал со стола свою роскошную зажигалку «Ронсон».

— Сопрет, — убежденно говорил Левка, пряча ее в карман, — непременно сопрет, уж я его знаю...

Хоккейную звезду отчислили из московского клуба за чрезмерную страсть к спиртному. Здесь, во второй лиге, с его слабостью мирились, и он потихоньку спивался. Хмелел он быстро, а опьянев, занимался постоянно одним и тем же — приставал к гостям с предложением обменяться часами.

— Махнемся? — говорил он кому-нибудь, зажав в кулаке свой задрипанный «Полет».

Махнуться он предлагал только тем, у кого были часы солидных фирм: «Радо», «Картье», — дорогие и редкие часы здесь входили в обязательный джентльменский набор. Гостям, впервые столкнувшись с бывшей спортивной звездой, и отказать было неловко, и с часами расставаться не хотелось. Но Анюта цепко держала хоккеиста в поле зрения и, зная его повадки, вовремя приходила гостю на помощь.

— Эдик, обирать моих гостей — это уж слишком даже для такой знаменитости, как ты! — сердилась властная хозяйка дома.

Обиженный Эдик уходил сразу — тихо, без скандала, но непременно прихватив со стола бутылку.

— У меня тяжелое похмелье, — объяснял он свой жест.

Через час-полтора, не попрощавшись, уходила и Элеонора.

Попад несколько раз впросак, Рашид терялся, искренне жалея, что пропустил возможность пообщаться с интересной личностью, как хозяин дома чувствовал вину перед заслуженным человеком, и оттого подобные встречи не радовали душу. При удобном случае, сославшись на занятость, он запирался в мастерской.

Конечно, по праздникам, по случаю всяких личных дат собиравались у них в доме и соседи по «Ешлику»; за два-три года они все перебивали друг у друга, шла бурная частная жизнь, и досугу уделялось особое внимание. Бывая в гостях у соседей или принимая их, Рашид всякий раз поражался уверенности, апломбу, с которым держались его одногодки.

Особенно раздражал его Шухрат Валиходжаев, парень, помешанный на автомобилях: у него ежегодно появлялись то новая модель, то машина другой расцветки. Шухрата знал каждый постовой ГАИ — второго такого злостного нарушителя в Ташкенте, наверное, не было. Многие инспекторы, наученные горьким опытом, не останавливали Шухрата, номер машины которого имел впереди два гордых нуля. Не проходило недели, чтобы он не затевал крупный скандал с работниками автоинспекции.

— Я спрашиваю, — возбужденно рассказывал он об очередной стычке, — «старлей, тебе нужны мои права? Пожалуйста, только помни: привезешь мне домой их сам и извиняться будешь, а прощу я тебя или нет, не знаю, — на какое настроение нарвешься». Тут старлей побагровел и говорит: «Как ты, сопляк, с должностным лицом разговариваешь? Я при исполнении служебных обязанностей, а не у тебя в гостях». Ну, такого хамства я, конечно, не вытерпел, сорвал с него погоны и пообещал, что он, безродный кишлачный выродок, в ногах у меня будет валяться, вымаливая прощение за то, что оскорбил род Валиходжаевых...» — и Шухрат при этом победно оглядывал окружающих — мол, знай наших...

Или взять Генриха Хабибуллина — этот терроризировал лучшие рестораны и бары города, за исключением заведения Катаняна. Левке он покровительствовал потому, что тот ни разу не предъявил счет, один ли Генрих заваливался в полночь или с компанией — бар Катаняна, единственное ночное заведение столицы, работал до утра.

Генрих, соперничая с Шухратом, часто похвалялся:

— Заходим с Эдиком в «Зеравшан» пообедать, заказываем бутылку коньяка. Официант говорит: «Спиртное с двух, по сто граммов на человека». Ну, вы знаете, что для нас с хоккеистом эти сто граммов, а тут еще лакей про какое-то время толкует. Я ему поясняю тактично: «Ты, халдейская рожа во фраке, если сию минуту не принесешь бутылку коньяка, я ваш ресторан замучаю комиссиями, а на тебя дело организую, коль до сих пор не уразумел, кому можно пить с утра, а кому — с двух». Шум, конечно, гам, прибегают Гарик, метрдотель, наш сосед... Он, конечно, все улаживает, извиняется за нового официанта...

Ресторанный люд трепетал перед Генрихом потому, что отец его — шишка в народном контроле, а родной дядя — большой человек в городском ОБХСС.

Поражался Рашид и тому, как они держались друг друга, не давали чужим в обиду, понимая, что в стае — их сила. Если между собой Эдика называли пьянью, Ноздревым и даже презирали, то для посторонних, для гостей он — ярчайшая спортивная звезда, их друг, сосед, а его жена красавица Элен — актриса московского театра «Современник», вынужденная из-за мужа оставить театр. Зная, что Генрих редко платит за свой обед в ресторане и беззастенчиво доит Катаняна, называли его подонком, но посторонним говорили о нем как о плейбое, сорящем деньгами направо и налево. Потому что если Шухрат Валиходжаев улаживал неприятности всех автовладельцев в ГАИ, то Генрих Хабибуллин по-своему оказывался нужным человеком для состоятельных людей «Ешлика»: чтобы достать икру, чешское пиво, красную рыбу, итальянские спагетти, оливковое масло, французское шампанское, заказать столик или снять зал для свадьбы или иного торжества, обращались только к нему.

За пределами «Ешлика» все желали выглядеть бескорыстными, утонченными и всячески поддерживали придуманную самими же легенду о красивой жизни и благородных нравах.

«Откуда у них такое нескрываемое чувство превосходства над другими, чувство единственных хозяев жизни, своей особой значимости, чванливости за принадлежность к созданной ими же касте, новой элите?» — часто с раздражением думал Рашид. Он даже предложил Анюте съехать из кооператива — интересных обменов на «Ешлик» предлагали много. Разговор

вышел крутой. Рашид уверял жену, что они не туда попали, но Анята, терпеливо выслушав горячие доводы мужа, ответила не менее убежденно:

— Ты что, сумасшедший? Люди спят и видят сны, что живут в «Ешлике». Жизнь нужно потратить для обзаведения такими знакомствами, а у тебя они все соседи. Это какой-то гениальный человек додумался поселить нужных людей в одном месте, чтобы они решали проблемы, не выходя из дома, а ты говоришь: съехать. И поменьше бы ты, дорогой муж, комплексовал, — выживают уверенные, сильные, удачливые, живущие без оглядки. Что касается меня, то я нашла свое место в жизни и вполне уютно себя чувствую, я всегда мечтала попасть в круг избранных. И если бы наши родители раскошелились еще щедрее, я бы открыла салон — это главная цель моей жизни. Разве тебе не понравится: давлатовские пятницы?..

В общем, поговорили по душам. Упоминание о салоне dokonало Рашида, он ушел, хлопнув дверью, и ночь провел в гараже. Тогда же, с интервалом в полгода, он еще дважды хлопал дверью, в итоге опять — ночь в машине.

В первый год их совместной жизни в Ташкенте, на квартире, что снимал он на Чиланзаре, они подолгу строили планы, в которых были учеба Аняты и, конечно же, ребенок. Куда девались планы, казавшиеся верными и реальными, как только они переехали в «Ешлик» и обжились?

На учебе Рашид, правда, особенно не настаивал. Анята же с обескураживающей простотой говорила:

— А зачем учиться? Учись не учись, зарплата для женщины везде почти одинакова, без образования даже легче — не повязан специальностью... К примеру, поступаю я в мединститут. Семь лет тягостной учебы, включая «добровольные» стройотряды и каждую осень хлопковую кампанию до Нового года. Ночи напролет зубри латынь и фармакологию, обязательные дежурства в больницах из-за недостатка младшего медицинского персонала. А результат? Те же сто рублей. Ну, пусть не сто, больше, но существенной разницы в оплате труда нет, так и работу мою не сравнишь: я хожу на службу, когда захочу, у нас спецбуфет, столовая, пайки, заказы, нет проблем с путевками, курортами, своя авиа- и железнодорожная касса, все солидно. Хлопковая отрасль — ведущая в республике,

нам внимание, почет, блага, врачам только завидовать мне остается, как, впрочем, и многим другим дипломированным женщинам. Сколько получают и какими благами пользуются они, закончившие библиотечный, пищевой, текстильный институты?

Список она приводила убедительный, и Рашид смирился с тем, что учиться Аня не намерена. А вот с ребенком..

Выйдя замуж, Аня проявила характер, и переубедить ее оказалось делом непростым. В отношении ребенка она стояла твердо: не раньше, чем в двадцать восемь, мол, не намерена молодость и красоту губить из-за пеленок, тем более что наконец-то окунулась в интересную жизнь, — она имела в виду суету в «Ешлике». Почему в двадцать восемь — не объяснила. Может быть, двадцать восемь лет ей казались таким пожилым возрастом, что после них и жить не стоит?

Сейчас, на пустом хлопковом поле, перетряхивая свою семейную жизнь, Рашид убеждался, что и тут он не проявил ни мужского характера, ни настойчивости. А ведь видел, как пагубно влияет на Аню обитание в «Ешлике». Пытался ли он с высоты своего возраста, опыта жизни в столице раскрыть ей глаза на многое?

Внешне их жизнь мало отличалась от жизни соседей — Аня внимательно следила за ее фасадом. Еще не въезжая, они сразу переоборудовали новую квартиру, поставили, как и все, железную дверь, открывающуюся посложнее иного сейфа, вышибить ее можно было лишь танком. Рашид до сих пор не понимал, зачем им такая сверхнадежная дверь. Мебель у них стояла, правда, как у всех здесь, импортная, стилизованная под старину, ну, может, аппаратура была поинтереснее, потому что Рашид понимал в ней толк; привез ее сосед, раз пять в году бывавший за рубежом.

Пожалуй, вот и все сходство с квартирами соседей. Рашид знал: большинство молодых семей, как и его собственная, живет «на подсосе» у родителей — словцо, широко бытовавшее в их среде, — но догадывался, что существует у многих и какая-то другая жизнь, которую старались не афишировать.

Наверное, поначалу и Рашида в «Ешлике» приняли за оборотистого парня — попал в престижный кооператив, жена одета с иголочки, дом хлебосольный, машина, гараж, — и поэтому он однажды чуть не получил доступ к аферам деляг.

Как-то окликнул его с балкона Новохаткин, тот самый, что придумал и осуществил гениальный трюк с гаражами:

— Рашид, заскочи на минутку, дело есть.

Честно говоря, Рашид побаивался и сторонился председателя гаражного кооператива. Фред Новохаткин, несдержанный, злой парень, держал многих в страхе; бывало, иногда по пьянке пускал в ход кулаки, но наутро долго и слезно просил прощения, потому что знал — тут обиды не забываются. Крикливый, шумный, хвастливый, он не нравился Давлатову, который сам по натуре был сдержан, немногословен, замкнут. Поражало Рашида, что Новохаткин входил в мозговой трест кооператива, где преобладали все-таки ребята с головой, и манера держаться у них была иная.

— Чем занимается Фред? — спросил он однажды у Левки Катаняна.

— Федя? Бывшая спортивная звезда дает теперь частные уроки каратэ отпрыскам из благородных семей, а основное занятие — рэкет. Опасный человек... Ты держись от него подальше...

Давлатов не знал, что означает «рэкет», но переспрашивать не стал.

Рашид подумал, что Фред приглашает его оценить новый стереокомплекс «Кенвуд», о котором он уже всем уши прожужжал, и пошел к соседу, хоть и без особого желания. Фред встретил его необычайно радушно, обнял, даже на восточный манер задал несколько вопросов о житье-бытье, не особенно вслушиваясь в ответы. «Наверное, по пьянке грохнул деку на пол или мотор спалил», — успел подумать Рашид, видя, как необычайно любезен сегодня хамоватый председатель. Но Фред даже не подвел его к сиявшей хромом и никелем установке. Усадив Давлатова в глубокое кресло спиной к «Кенвуду», чтобы не отвлекался, он по-хозяйски предложил:

— Виски, коньяк, джин?

— Иду в гараж за машиной, потом на Алайский базар, — ответил Рашид, — так что, сам понимаешь...

— Если хочешь — врежь. Отмажем, в ГАИ тоже наши люди есть, — уговаривал Новохаткин, но Рашид от выпивки отказался.

Фред, в ярком атласном спортивном халате, наверное, оставшемся от тех недавних времен, когда он был чемпионом, налил себе виски и сел напротив.

— Второй год присматриваются к тебе некоторые люди, — начал он издалека, — и все не поймут, что ты за человек, как попал в «Ешлик». Темная лошадка — так о тебе до сих пор судачат. — Видя, что Рашиду не понравилось такое сравнение, он заторопился: — Да ты не обижайся, плохо не говорят. Скорее, речь о твоей загадочности: молчишь, никуда не спрашиваешься, ведешь себя достойно, не жаден, но при деньгах, это чувствуется. А уж в твою Анюту наши жены влюблены поголовно, и в доме у тебя любят бывать. Попытались навести справки — никто толком ничего не знает, чисто работаешь. Но за два года поняли: ты свой парень, деловой. Умные люди затеяли одно беспроигрышное дело и решили, что ты им вполне подходишь в компанию, они и поручили мне переговорить и предложить тебе пай, — не всякому выпадает такая честь, цени...

Рашид слушал, не перебивая, потому что не понимал, куда клонит председатель гаражного кооператива.

— ... А дело, Рашид, такое. Решили открыть в Ташкенте, а если удастся, и по всей республике, залы игровых автоматов. Дело давно проверенное, на азарте умные люди миллионы делают. Но для начала требуются деньги, большие деньги: надо заполучить надежные автоматы, аттракционы, нужны штаты, помещения, разрешения райисполкомов, утверждение максимальных цен; необходимо открыть счета и финансирование в нужных банках. Все уже продумано, закручено, вот-вот завертится колесо и посыплется золотой дождь на хозяев, но в самом конце у пайщиков стали иссякать наличные — ты не можешь представить, какие деньги вложили в игорный бизнес! — поэтому они предлагают тебе вложить тридцать тысяч, которые вернут сразу с первых прибылей, не позже чем через полгода.

Глядя на непроницаемое лицо Рашида, Фред встал, подошел к письменному столу и молча подал ему большую красивую коробочку. Рашид нажал на кнопку, и крышка легко открылась: с черного бархата обивки полыхнули ослепительным блеском бриллианты.

— Что это? — спросил он, непонимающе глядя на хозяина.

Такая реакция не осталась не замеченной Фредом, но он не придавал ей значения, подумав, что Давлатова ошеломили красота колье и герб некогда старейшего ювелирного дома России.

— Залог под твой взнос, — объяснил он. — Только помни: старинное колье гораздо дороже твоего пая. Обычно залог никому не обеспечивают, достаточно слова, но ты человек новый и осторожный, судя по всему, поэтому пошли навстречу. Цени доверие и внимание.

Рашид, немного отойдя от первого шока, спросил с любопытством:

— А что я буду иметь, если войду в дело?

Фред вытер взмокший от волнения лоб.

— С момента вступления будешь ежемесячно получать по триста рублей в течение пяти лет. Нигде не числешься, не расписываясь, то есть абсолютно без риска. А пай вернут тебе первому, я уже говорил. Впрочем, если автоматы окажутся надежными и прослужат более пятилетнего гарантийного срока, деньги будут выплачиваться и дальше.

Рашид почему-то до сих пор воспринимал разговор как розыгрыш — у них в «Ешлике» часто и остроумно разыгрывали друг друга, причем иную шутку готовили неделями, — но сейчас почувствовал, что шуткой тут и не пахнет: слишком уж волновался Фред от возложенной на него миссии. Рука машинально нажала кнопку, и Рашида снова ослепил холодный блеск бриллиантов. Он нечаянно выронил коробку и почему-то вдруг смертельно испугался...

Реакцию Фред сохранил отменную, — он перехватил выпавшую коробку и по бледному лицу Давлатова понял, что обратился не по адресу.

Рашиду стало неловко за свой непонятный страх и хотелось как-нибудь достойнее выйти из неприятного положения, но ничего путного в голову не приходило — страх словно парализовал его.

Фред понял его состояние и рассмеялся:

— Ну, не тянешь так не тянешь, ошиблись, значит, в тебе проницательные люди. Но запомни: язык надо держать за зубами, в таком деле и соседей не милуют...

Больше Рашид деловых предложений не получал и ни в какие аферы его не втягивали — мозговой трест ошибался редко. Аняте он не сказал ни слова, а жаль, может, с самого начала было бы меньше восторгов по поводу людей, живущих вокруг.

«Как же так? — недоумевал Рашид. — Банк, финансирование, официальные штаты, залы в людных местах, и какие-то подпольные владельцы?» Наконец, после долгих раздумий, решил, что его хотели обмануть. Впрочем, пожелай даже он войти в долю, стать тайным совладельцем игорных заведений, откуда у него такие деньги?

Но когда во всех оживленных местах Ташкента и тесных предбанниках кинотеатров стали дружно появляться залы игровых автоматов, Рашид понял: с ним говорили серьезно, и размах показывал, что нужные деньги нашлись и хорошо подмазанному делу не чинили бюрократических помех. Судьба игровых залов его не волновала, у него своих забот хватало, хотя время от времени он слышал обрывочные фразы о новом бизнесе.

Наверное, Рашид никогда бы не вспомнил о давнем предложении, да и сегодня тоже, если бы неделю назад не прочитал в главной республиканской газете статью. Поразило его не только количество залов игровых автоматов и размах дела — залы работали в три смены, без перерыва, — но и то, что в некоторых имелись «однорукие бандиты», те самые, что стоят в Лас-Вегасе и Монте-Карло и опутали весь мир, — настоящие, с клеймом «Made in USA». И даже корреспонденту уважаемой газеты не удалось добраться до сути: как попали в далекий Узбекистан эти «однорукие бандиты»? По газетной версии, автоматы предназначались для теплохода, работающего по фрахту на иностранных линиях, но как они объявились в сухопутном Ташкенте, читатели так и не узнали...

«Удивительная осень, — пришла неожиданная мысль. — Проясняется все вокруг, по всей стране. Еще полгода назад вряд ли вышла бы подобная статья, поостереглись бы о таком во всеуслышание говорить, да и те, кому это невыгодно, не дали бы ей ходу, сила у них была, деньги текли рекой до самого верха. Да и сейчас рано сбрасывать их со счетов — затаились, выжидают, надеются, что временно это, очередная кампания...»

И сам собой возник неутешительный вывод: если его соседи жили двойной жизнью, то он жил с двойной моралью.

Ведь на работе он не раз говорил о расплывшейся новой элите, и не просто говорил, а осуждал, ибо вокруг, куда ни глянь, попиралась справедливость. Выходит, неискренним он был со своими друзьями: Фатхуллой, Баходыром, Мариком, если, приходя домой, принимал или шел в гости к этой самой что ни на есть махровой самодовольной элите, тем более зная, что она к тому же и не чиста на руку. А услуги соседей, которыми пользовался? Значит, всецело разделял в душе их корпоративную мораль.

А блага от такой морали доставались немалые, от телефона и гаража до билета на любой спектакль, да и вообще вряд ли существовала в Ташкенте сфера, которая, по выражению Анюты, не была «прихвачена» влиятельными людьми из «Ешлика». Отказался ли когда от чего-нибудь, да что отказался — задумался ли крепко, что пользуется тем, что предназначено другим?

«Нет, как ни оправдывайся, я стопроцентный представитель блатного «Ешлика», даже если не вхожу в мозговой трест и не ворочаю темными делами, — казнил себя Рашид. — А может, оттого и не входил в мозговой трест и не ворочал темными делами, что кишка оказалась тонка, а не потому, что честнее и лучше окружения?» — задал он себе новый вопрос.

И тут же, как ни странно, без труда нашелся ответ. Мало, оказывается, стоять в стороне, в позе стороннего наблюдателя, даже с чистыми руками. Пока не научишься называть вещи своими именами и не будешь относиться к себе строже, чем к другим, не перестанешь тешиться мыслями, что в главном ты себя не запятнал, а мелочи вроде не в счет, — иллюзией будет называть себя порядочным человеком.

Неожиданно он подумал, что жить так дальше нельзя, и пришла шальная мысль: а не пойти ли работать в мастерскую, где ремонтируют радиоаппаратуру и вычислительную технику, ведь есть у него к этому тяга, способности. Мысль вроде абсурдная, но, если вдуматься, есть резон: лучше, не теряя годы, стать классным специалистом, чем быть псевдоинженером.

— Начать все сначала? — сказал как-то неуверенно вслух Рашид, и вновь его мысли вернулись к отцу.

«Вот кого не пугают перемены, а только радуют», — подумал Рашид и улыбнулся. Он знал, что Бугаев, председатель колхоза в Степном, предложил отцу с Авдеевым взять сельский подряд: выращивать скот, свиней и птицу, и под это дело выделил пашни, луга, выгон, технику. «С весны станем фермерами», — весело сказал отец по телефону.

«И нам с Анютой нашлось бы дело на семейной ферме», — подумал Рашид, но представить Анюту на ферме среди телят и поросят не смог и вздохнул...

Осенние сумерки густели прямо на глазах, и из поля видимости исчезало то одно, то другое, словно невидимая рука опускала театральный занавес, сужая сцену, и невидимый режиссер убирал на ночь и Чаткальский хребет, и шипан Палвана Искандера, и уходящий в поля арык Салиха-ака, и тутовники, затаившие жизнь до весны, и вспаханные поля, неоглядные поутру; нет и неба — одна дымная наволочь, которой, кажется, можно коснуться рукой.

И вдруг Рашид ясно ощутил, что, если сейчас, сию минуту не примет какого-то решения, все останется по-прежнему, хотя жить так ему уже не хочется. Почему-то мелькнула в сознании корова, порвавшая цепь, и он улыбнулся.

«Да-да, сейчас, немедленно, несмотря на ночь, в Ташкент, домой!» — осенило его. Четкой и осознанной программы не было, был лишь душевный порыв — это он чувствовал.

Прежде всего необходим разговор с Анютой об их жизни, их семье, ведь должен он и ей дать шанс начать сначала. Разговор предстоит не из легких и может закончиться старым как мир вопросом: быть или не быть?

И он наконец-то должен ответить на него по-мужски, как велит разбуженная совесть. А если нет, если она не захочет понять его и что-то поменять в своей судьбе и на этот раз, не пожелает расстаться с придуманной жизнью? Как тогда? Найдет ли он в себе силы не держаться за то, что стало его оковами, выйдет ли из круга, где имеет незаработанные привилегии, где как бы узаконена и его причастность к избранным?

— Да, да! — ответил он себе и впервые почувствовал себя так уверенно, что подумал: «Я и без диплома не пропаду».

А что, если махнуть на все рукой, и вернуться домой, в Степное? Ведь там до сих пор нет ателье по ремонту телевизоров,

магнитофонов, приемников, и вынуждены его земляки громоздкую аппаратуру возить на починку в Оренбург. Вот где бы, наверное, по-настоящему пригодились его способности — приносил бы пользу землякам, ведь аппаратуры теперь в каждом доме хоть отбавляй. «Ну, это уж на крайний случай, если жизнь совсем припрет», — решил Рашид и улыбнулся: оказывается, в жизни столько шансов жить достойно, с толком, надо только захотеть.

Возвращался он, торопясь в чайхану, не вдоль арыка, как все последние дни — арык уже потонул в темноте стремительно надвигавшейся ночи, — а проселочной дорогой, наезженной за дни хлопковой страды машинами и комбайнами и исхоженной горожанами-сборщиками. Заросший, худой, с посохом в руке, человеку с воображением он, наверное, издали напоминал дerviша, не хватало только котомки за плечами и островерхого войлочного колпака.

С каждым шагом темнота сгущалась, и сквозь дымную наволочь появилась на небе бледная звездочка — пока одна-единственная, первая.

Рашид услышал, как журчит Кумышкан, — до кишлака рукой подать. Задумавшись, он налетел на камень на дороге, от падения его уберег только посох. Он отвлекся от дум и оглядел знакомый валун, на который однажды уже натыкался.

Огромный камень лежал как раз на пересечении дорог, и Рашиду вспомнилась давняя присказка: «Налево пойдешь — коня потеряешь, направо — счастье найдешь, вперед пойдешь...» Милое, славное время детских сказок, как быстро ты истаяло, и во взрослой жизни надо самому принимать решение, в какую сторону поворачивать, куда идти и зачем...

В это время за Кумышканом в вечернюю тишь кишлака и окрестных полей ворвался многократно усиленный динамиками голос: «А ты такой холодный, как айсберг в океане...», неожиданно ярко вспыхнул фонарь на столбе у чайханы, и Рашид, обежав камень вокруг, как в детстве на удачу, прибавил шагу.

*Малеевка,
1987*

Велосипедист

Повесть

Щелкнул замок входной двери, и Руслан подумал: «Вот и все, ушла». Подумал без грусти, тревоги, жалости, подумал, как о ком-то постороннем, чужом, словно это его не касалось, и уходила не Татьяна, с которой прожито без малого двенадцать лет. Он понимал: происходит в его жизни что-то важное, серьезное, может, даже непоправимое, — ведь и впрямь не каждый день оставляет тебя жена, и должна была встрепенуться душа каким-то чувством — печалью, радостью, обидой или злостью, наконец. Но он ничего не ощущал, кроме пустоты и равнодушия.

Глядя в выпотрошенное нутро распаханного платяного шкафа, где среди его рубашек, зацепившись за вешалку, одиноко висел чулок со спущенной петлей, Руслан пытался вызвать из памяти какое-нибудь доброе воспоминание, чтобы почувствовать, что уходит дорогой, близкий человек, но память словно выключили, стерли.

Из нафталиновых глубин старого шкафа, свидетеля их долгой совместной жизни, счастливые видения давних дней не являлись, но вдруг в высоком зеркале на внутренней стороне дверцы он увидел свое отображение.

Он так пристально вглядывался в мужчину, удобно расположившегося в мягком овальном кресле, что в какой-то момент ему показалось: напротив сидит не он, Руслан Маринюк,

а некто чужой, незнакомый. Он даже привстал от неожиданности и подошел к двери.

Из зеркала, которое он года два собирался закрепить как следует, да так и не собрался, глянул на него средних лет мужчина с усталым безразличным лицом. Ни одна черточка, ни взгляд, ни случайно мелькнувшая улыбка не выражали растерянности или смятения, — на него смотрел олимпийски спокойный человек.

Но ведь это было не так! Хотя и не бушевали в нем страсти, и не вострепнулась душа, мысль кружила только вокруг Татьяны. Какое уж тут спокойствие! И, глянув вновь в зеркало, Руслан подумал: «Опять это: быть или казаться».

За свои сорок лет Маринюк встречал в жизни всяких людей: хороших и плохих, добрых и злых, умных и глупых, и таких, чья душа похожа на чемодан с двойным дном, снаружи один, а разберешься — два разных, диаметрально противоположных человека. Днем один, вечером другой, на работе сама любезность, дома — хам и скандалист. Сталкивался с журналистами, посмеивающимися над собственной писаниной, с врачами, которые терпеть не могут больных, да мало ли с кем сводила судьба... Но все эти черты характера, человеческие пороки и слабости были или на виду и быстро становились очевидными для близких и внимательных людей, или открывались со временем для всех окружающих.

У Маринюка складывалось иначе, сложнее. Он не обладал ни явными, ни тайными пороками, был в меру открыт, общителен, со всеми в дружбе, душа компании, словом, не принадлежал к тому числу людей, на которых смотрят в упор и не замечают.

Но была у него беда, которую он осознал гораздо позже, чем следовало, и которая, как оказалось, подтачивала его изнутри и, помимо его воли, стала определять поведение, взгляды, а затем составила и его сущность.

Слишком часто его принимали за другого... Справедливости ради надо сказать, что он никогда не давал для этого повода, не делал двусмысленных намеков, не пользовался загадочным молчанием, не подыгрывал в создавшихся ситуациях. В жизни он не знал, да и не слышал, чтобы кто-то внешне так походил на разных людей, разве что видел подобное в комедиях ошибок

прошлого столетия, да и там роковое или комическое сходство обыгрывалось с одним двойником. Однажды на досуге, когда он попытался с улыбкой перечислить, за кого его только ни принимали, то вдруг с удивлением обнаружил, как далеко-далеко, в самую юность, уводит его память.

В ту давнюю осень, когда он был еще студентом, произошла с ним странная история, если быть точнее — так, приключение, не более, но последствия его наложили отпечаток на всю дальнейшую жизнь.

Учился он в ту пору в строительном техникуме и в родной Мартук, что в двух часах езды от Актюбинска, навещался каждую субботу: запастись на неделю картошкой, яйцами, прихватить каравай домашнего хлеба, а зимой еще и сала. Тянуло его к друзьям-приятелям, девушкам мартукским, — видно, крепко сидели корни его в отчей земле.

Мартук в пору его юности отличался нравами суровыми, окраины враждовали между собой по поводу и без повода, но особенно зло не любили чужих: практикантов, молодых людей, приезжавших в гости, солдат, прибывших на уборку: вероятно, парни инстинктивно видели в новичках потенциальных соперников. Против чужих, забыв свои распри, всегда выступали сообща, особенно дурной славой по этой части пользовалась Татарка, где жил Маринюк.

Верховодили на Татарке соседи Руслана Рашид Тунбаев и Славик Рудченко. Славик даже приходился Руслану каким-то дальним родственником. Роль Маринюка в воинстве Татарки была самая незначительная, если сравнить с театром, то статист, не более. Но, приезжая теперь домой на воскресенье, он появлялся в кино, на танцах всегда в компании Рашида и Славика. Город уже успел наложить свой отпечаток на Руслана: держался он более непринужденно, чем его приятели, и шутку мог ввернуть ладно и к месту, и с девушками знакомился легко. За год жизни в городе он неожиданно вытянулся, стал по-юношески строен, легок в движениях. И тому, кто видел троицу со стороны, — а появление лидеров Татарки никогда не оставалось незамеченным — могло показаться, что этот молодой человек с повадками горожанина, к которому двое других то и дело обращались с вопросами, главный в компании. Но это не соответствовало действительности, друзья просто выделяли

Руслана: студент, горожанин, и, конечно, отдавали должное его обаянию, остроумию, той свободе действий и суждений, которые всегда отличают городского от провинциала.

В ту осень в Мартук на строительство элеватора приехали несколько демобилизованных моряков. В первый же вечер они явились на танцы при полном параде. Морская форма не оставляет девушек равнодушными, да и ребята были как на подбор — рослые, статные. Они сразу завоевали расположение у прекрасной половины Мартука. Это и стало причиной постоянных стычек моряков с местными. Хотя держались моряки дружно и друг друга в обиду не давали, доставалось им крепко, — драться в поселке умели, да и численный перевес всегда был за местными. В те же осенние дни призвали на службу в армию друзей Руслана. Проводив приятелей на областной сборный пункт, в воскресенье, еще засветло, он дождался в парке девушку, с которой познакомился на проводах в доме Рашида. Настроение было неважное, болела голова от выпитого и бессонной ночи, было грустно, что расстался с друзьями на долгих три года.

Девушка не появлялась, то ли забыла о свидании, то ли что иное помешало, и Руслан уже собирался уходить, как вдруг из магазина напротив парка вышли моряки. Увидев Руслана, одиноко прогуливающегося по аллее, они остановились и о чем-то заговорили. Вдруг двое, отделившись от группы, быстро пересекли пыльную улицу и направились к парку. Глядя на решительно приближающихся парней, Руслан подумал: «Ну вот, влип. Будут бить».

Было еще время развернуться, прибавить шагу и исчезнуть в парке или откровенно задать стрекача. За углом неподалеку находилась пивная, где он всегда мог кликнуть на подмогу. Но не страх, а какое-то равнодушие охватило Руслана, и мелькнула вялая мысль; «Плывать, чему быть, того не миновать». И он продолжал вышагивать по аллее, краешком глаза замечая, что в парк не спеша двинулись и остальные моряки. Заметил и то, что у одного из них голова была перебинтована, а у другого под глазом красовался такой здоровенный синяк, что Маринюк поежился.

Моряки приближались, и Руслан приготовился к самому худшему.

— Привет, Руслан! Нам бы хотелось поговорить с вами, — сказал один из парней, как только они поравнялись на аллее.

— Не возражаю, у меня есть как раз несколько свободных минут, — ответил Маринюк. — Но, если вы ничего не имеете против, я бы хотел, чтобы мы отошли подальше, в глубь парка, где у нас обычно принято выяснять отношения.

Неожиданно для себя Руслан не испугался и говорил уверенно, с достоинством, в изящно-блатном стиле, типичном для Мартука. Предложил им отойти он просто так, на всякий случай, хотя и мелькнула мысль: уж если будут бить, так хоть в сторонке, подальше от любопытных глаз. К тому же могла подойти на свидание запаздывающая Наташа, а кому хочется быть битым на глазах у девушки? Не дожидаясь ответа, словно иначе и быть не могло, Руслан неторопливо направился в парк. В центре, за запущенным розарием, стояли скамейки. Ноги его предательски подрагивали, и Руслан с удовольствием присел на ближнюю, поправив яркие носочки, модные в те далекие годы, закинул ногу за ногу и широким жестом пригласил на скамейку напротив следовавших за ним парней.

«Пропадать, так с музыкой», — подумал Маринюк, втайне гордясь, как лихо, почти как Рашид, он себя ведет.

Моряки, однако, усаживаться не спешили. Один из них, видимо, старший, с татуировкой «Север» на тыльной стороне правой руки, вдруг спросил: может, не мешает для лучшего взаимопонимания пропустить, и изобразил рукой поллитровку.

— Думаю, не помешает, — согласился Руслан, не совсем понимая, куда клонится такое начало.

И тотчас из-за кустов появились еще двое и подали пакет, с которым они только что вышли из магазина. Стаканы нашлись здесь же, под скамейкой. Бутылку разлили всю сразу, без остатка, на троих, каждому вышло почти по полному стакану, да иная мера по тем временам в Мартуке была оскорбительной. Выпили молча...

— Ну, так слушаю вас, — сразу хмелея, но не притрагиваясь к закуске, сказал Маринюк.

И оба моряка, перебивая друг друга, заговорили. Они говорили, что прибыли сюда не на один день, что им здесь по душе. Не нравится лишь одно, что их кругом задирают: на танцах, в кино, на любом краю села, куда они ни пойдут провожать

девчат. Так и до беды недалеко... И они хотели бы, чтобы это прекратилось.

Руслан слушал внимательно, не перебивая, и вдруг у него неожиданно вырвалось:

— А почему вы решили обратиться ко мне?

— Во дает, — расхохотались морячки. — Не такие мы уж темные, видим, как Славка и Рашид, эти атаманы, вьются вокруг вас. Да и спрашивали кое-кого: все в ваших руках, Руслан, не хитрите.

От такого поворота событий Маринюк протрезвел и заерзал на скамейке, а моряки поняли это как сигнал ко второй бутылке. На вторую Маринюк велел кликнуть и остальных моряков.

Так до самых танцев и просидели они в парке, распив еще не одну бутылку. Весь вечер Руслан убеждал ребят, что не имеет влияния на ребят ни в поселке, ни у себя на Татарке. И ему в ответ не возражали, только вежливо усмехались. В конце концов захмелевший Руслан клятвенно обещал сделать все возможное, чтобы ребят оставили в покое.

На танцы он заявился в окружении приезжих, и весь вечер, забыв про коварную Наташу, мирил моряков с теми, с кем считал нужным, а ориентировался он безошибочно. И, как ни странно, все уладилось быстро и легко, к большой радости моряков, а еще больше — симпатизировавших им девчат. И еще долго, пока они не вышли из азартного возраста танцплощадки, в глазах бывших морячков Маринюк ловил неподдельное восхищение его умением влиять на окружающих.

А ведь никакого влияния не было, просто стечение обстоятельств, случай!

Правда, эта история для самого Маринюка не прошла бесследно. Еще года два дома, в Мартуке, или в общежитии, иногда вдруг находило на него ощущение всевластия над окружающими, и он начинал вести себя вызывающе, высокомерно: задираал беспричинно тех, кого следовало бы обходить за версту. Но опять судьба была милостива к Маринюку, ни разу не пришлось ему расплатиться за свое поведение, а то раз и навсегда избавился бы от неожиданно находившего комплекса всевластия. Дома то ли помнили его дружбу со Славиком и Рашидом, то ли снисходительно относились как к горожанину, или просто не принимали его всерьез. Всякий раз, когда любому просто

надавали бы по шее, распалившегося Маринюка уговаривали и уводили от греха подальше.

Тогда же, в студенческие годы, неожиданно для себя он сделал открытие, которым позже не раз втайне гордился. Открытие для нашего времени не бог весть какое, но нужно учесть, что он сделал это сам, и то, что оно за давностью лет не только не теряло смысла, а наоборот, что-то значило, по крайней мере, лично для него, Маринюка. Связана была эта история с его первой школьной любовью.

Однажды летом вернулся он из пионерлагеря. Учился он тогда не то в пятом, не то в шестом классе, и в первое же воскресенье отправился с приятелями в кино, — фильмы для детей тогда показывали только по субботам и воскресеньям. Пока дружки, все те же Славик с Рашидом, дружно штурмовали кассу, Руслан увидел растерянную девочку. Большеглазая, с голубым, под цвет глаз, бантом на длинной тугой косе, она с ужасом наблюдала за тем, что вытворяли мальчишки у кассы. Зал был мал, желающих много, и она, видимо, потеряла всякую надежду попасть в кино. Руслан почувствовал её настроение и вдруг неожиданно для себя подошел к ней и спросил:

— Вам сколько билетов?

— Один, — выпалила девочка, словно только и ждала этого рыцарского поступка, и протянула к нему горячую ладошку, где влажно блестела серебряная монета.

С этого дня можно вести отсчет влюбленности Маринюка.

Жили они в разных концах села, учились в разных школах. Поэтому видел Руслан ее редко, чаще всего по воскресеньям, когда она приходила в кино на дневной сеанс.

Его расторопные приятели, с которыми Руслан поделился сердечной тайной, быстро разузнали о ней все. Валя оказалась единственной дочкой шофера дяди Васи Комарова, которого они знали. Веселый был мужик Комаров; добрый, никогда по дороге к речке не проезжал мимо «голосующей» детворы.

Дочь он, видимо, любил, потому что баловал без меры. Ходила Валя в редких для провинциального Мартука нарядных платьях, и даже велосипед — специальный дамский, неслыханная роскошь тогда на селе — появился у нее раньше, чем у других. И в то лето, хотя рядом были речка и лес с ежевикой и грибами, ездила она к бабушке — не то в Саратов, не то

в Куйбышев. Дошли до Руслана слухи, что мечтает она стать балериной. Мечтать о балете в Мартуке, где электрический свет был только при станционных домах, где смело можно было биться об заклад, что ни один житель никогда в глаза не видел никакого балета, могла только девочка особого душевного склада. Вот в такую девочку, необычную, мечтавшую о сцене и славе, влюбился Маринюк.

В седьмом классе Валентина так повзрослела, похорошела, что на нее стали засматриваться старшекласники, но это мало тревожило Руслана, его отпетые дружки взяли соперников на себя. С наиболее строптивыми иногда случались стычки, а в общем обходилось мирно, связываться со шпаной с Татарки желающих не находилось. Нельзя сказать, что Валя не замечала Руслана, но ей, видимо, хотелось нравиться не только ему одному.

После седьмого класса Руслан поступил в городе в техникум, а Валя перешла из семилетки в школу, где учился Маринюк. В те времена для старшекласников часто устраивались в школе вечера с непременно танцами под аккордеон или радиолу. Приходил к своим бывшим одноклассникам на такие вечера и Руслан. На танцах, под аккомпанемент трофейного, сиявшего перламутром аккордеона «Вальтмейстер», на котором самозабвенно играл Толик Пономаренко, почти весь вечер Руслан танцевал с ней. Целую неделю в Актюбинске он жил ожиданием этого вечера и прямо с поезда, торопливо переодевшись, бежал в школу, и суббота не казалась субботой, если вечера в школе не было. То, что он стал студентом и учился в городе, где есть настоящий театр, правда, без балетной труппы, на время возвысило его в глазах Вали. Она без устали жадно расспрашивала его о городе, словно этот ушедший окраинами в голую степь, одноэтажный, засыпаемый в начале лета тополиным пухом дремотный городишко, где повсюду слышна бойкая татарская речь, был чуть ли не центром вселенской культуры. А много ли мог тогда рассказать он, каждую субботу торопившийся в Мартук, знавший дорогу лишь из общежития в техникум и обратно, к тому же живший на пятнадцатирублевую стипендию целый месяц.

Однажды весной, накануне Восьмого марта, когда в их краях еще всю хозяйничала зима, провожал он Валу с

вечера домой. За год жизни в городе он несколько осмелел, да и танцевала Валя танго в этот вечер с ним как-то трогательно — нежно, внимательно, положив обе руки ему на плечи, — на что отваживались только выпускницы, да и то не все, а кто посмелее, — и потому собирался он сегодня непременно ее поцеловать. К событию этому он готовился третью субботу подряд, особенно тщательно, дважды за вечер, чистил зубы, чем удивил и насторожил мать, даже надушился каким-то одеколоном, от которого за версту разило спиртом, но каждый раз что-то мешало ему совершить столь решительный поступок. В этот вечер все складывалось как нельзя лучше, и первый в жизни подарок — крошечный флакон духов, купленный им в городе, кажется, обрадовал избалованную Валентину, и настроение у нее было праздничное.

В общежитии по вечерам Руслан с друзьями иногда ходил в гости к своим сокурсницам, ровесницам Валентины, и видел, что почти каждая из них вела альбом, где чуть ли не на первой странице, рядом с алой розой или сердечком, пронзенным стрелой, было изящно выведено изречение: «Умри, но не дай поцелуя без любви!»

Эта многократно встречавшаяся фраза и настораживала Руслана...

...В тот день потеплело. Улеглась бушевавшая весь день метель, и близкое зимнее небо, усыпанное звездами, освещало занесенную сугробами улицу. Оба в предчувствии чего-то необычного волновались и несли всякий восторженный вздор. А дорога, поначалу такая неблизкая, все сокращалась и сокращалась, и уже вдали завиднелся огонек в окне ее дома. Руслан, помогая ей одолевать сугробы, переходил то слева направо, то справа налево, все примериваясь, как бы неожиданнее и половчее поцеловать ее. Но все казалось не так, не то, и он даже взмок от волнения. Она, конечно же, догадавшись о его намерении, волновалась не меньше и считала, что, будь она мальчишкой, уже десять раз сумела бы исполнить свое желание. Преодолевая очередной невысокий сугроб, она, как бы падая, повернулась к нему лицом и ухватилась за него, словно обняла, и Руслану ничего не оставалось, как ткнуться губами в близкое, жаркое, чуть запрокинутое лицо. На мгновение он ощутил мокрую прядь ее волос и краем губ уткнулся в

высвободившийся пуховый платок, вот и весь скоротечный, в секунду, поцелуй. Едва у него мелькнула мысль, что нужно бы повторить этот полусостоявшийся поцелуй, как вдруг она залепила ему такую затрещину, что у него посыпались искры из глаз, и, вырвавшись из его рук, побежала. Побежала, широко, как крылья, раскинув руки. В ту же секунду Маринюка словно пронзило: все происшедшее и происходящее он уже где-то видел, и неоднократно, и знал, что будет дальше. Да, все это он видел в кино. Сейчас «героиня» будет осторожно, незаметно оглядываться, а он, «герой», значит, согласно киноверсии, должен побежать вслед. И действительно, отбежав на несколько шагов, не сбавляя темпа, она потихоньку оглянулась. Сделать это ловко, изящно, как в кино, она не могла — мешали тяжелое зимнее пальто и теплый пуховый платок. Она все бежала и все чаще оглядывалась, а он стоял, как вкопанный, не включаясь в киноигру, и вдруг разразился смехом, перешедшим в истерику. У дома руки-крылья Валентины обвисли, она постояла минутку, так ничего и не поняв, и исчезла в залитом лунным светом дворе.

Когда истерический смех неожиданно оборвался, Руслан заплакал. Плакал горько, навзрыд. Утирая мокрой шапкой лицо, только пуще размазывал по щекам злые слезы.. До каких высот поднял он ее в своем воображении, какими чертами наделил, какой возвышенной видел ее, что сам с ней рядом казался ничтожным и недостойным... и надо же... Даже беспросветные дуры — сестрички Деменюк или незаметная Динка Могилева, безуспешно добивавшаяся его благосклонности, не догадались бы так глупо копировать кинозвезд.

Много позже, когда подводил в жизни какие-то итоги или вспоминал прошедшее, никогда первой своей любовью он не называл Валю Комарову, хотя история их взаимоотношений была долгой, тянулась целых три года. Она почти не вспоминалась ему, а ведь когда-то казалось, что девочка с голубым бантом, в жаркой ладошке которой поблескивает серебряная монетка, никогда не изгладится из его памяти.

На пустынной заснеженной улице горькими отроческими слезами была оплакана первая любовь, и такой ценой было сделано открытие, должное служить предупреждением всю жизнь: как смешно и небезопасно лицедействовать в жизни..

* * *

Последние семь лет работал Маринюк в крупной организации республиканского значения в группе АСУ (автоматизированная система управления), с тех пор, как была принята благая директива, на американский манер, повсюду перейти на компьютерное решение проблем. Беда в том, что проблемы были, имелась группа, не было только компьютера, и в обозримом будущем его тоже не предвиделось. В группе, кроме начальника, имевшего специальное образование по вычислительным установкам, никто компьютера и в глаза не видел. Руководство понимало фиктивность группы, но упразднить отдел не могло, требовалось внедрять АСУ, нужно было шагать в ногу с прогрессом, и штаты были спущены сверху — не пропадать же деньгам зря! Отдел вычислительной техники оказывался кстати, когда требовалось устроить на время чью-нибудь племянницу, жену, дочку, которой понадобилась справка с места работы для поступления в вуз. В таком вот отделе и работал последние годы Руслан. Нельзя сказать, что они совсем уж ничего не делали. Приходил вдруг какой-нибудь запрос, и работники АСУ бежали то в плановый, то в производственный отдел и, получив данные, высчитанные на арифмометрах и обыкновенных счетах с костяшками, писали отчеты по своему ведомству. Года два подряд занимались они, по японскому образцу, тем, что высчитывали неблагоприятные дни в месяце, когда не следовало выходить на работу или требовалось быть особо осторожным, нужное в общем-то дело. Для этого они собирали многочисленные данные о работниках и закладывали в компьютер, арендуемый в другом конце города. Этих листов с крестиками и ноликами, что вывешивались в холле рядом с приказами, ожидали с большим нетерпением. Особенно радовались те, кому выпадали подряд три нуля: они означали, что в этот день на работу ходить не рекомендуется. Неизвестно, как долго бы действовала японская система в тресте, если бы один из работников, получивших таким образом выходной, не учинил в ресторане скандал и схлопотал пятнадцать суток.

Если заглянуть в трудовую биографию Маринюка повнимательнее, обнаружилось бы, что занимался он серьезным и стоящим делом. Учился Руслан в техникуме хорошо и диплом имел с отличием, что давало ему право на зачисление в институт

на льготных условиях. Но, как ни хотелось Маринюку учиться, жизнью на стипендию он был сыт по горло. В девятнадцать лет получил направление в пристанционный совхоз неподалеку от Ченгельды, а через два года, когда он уезжал оттуда, в селе появились школа, больница, пекарня, клуб да с десятков сборных домов. Все эти стройки он начал с нуля, а сдал под ключ, хотя не было тогда ни «Межколхозстроя», ни передвижных механизированных колонн «Сельстроя», все было построено собственными силами, или, как называют теперь, хозяйственным способом. Одно этого поселка на берегу Сырдарьи было бы достаточно, чтобы зачелся ему след на земле, но там, в жарких, продуваемых насквозь ветрами казахских степях, он оставил и еще одну память о себе.

Кому доводилось проезжать поездом Ташкент — Москва, тот непременно видел между станциями Арысь и Актюбинск мусульманские захоронения — мазары. Они появляются неожиданно среди голой, ровной, как стол, степи, словно сказочные восточные города. К высокому, выцветшему от жары небу тянутся дивной архитектуры голубые купола и изящные башенки — минареты мазаров, фамильных склепов степных казахов. Обычай этот — возводить в степи мазары знатым или «святым» людям, воинам или девушкам, молва о красоте которых достигла Балхаша или песенного Баян-аула, — идет у казахов из глубины веков. За редким исключением, возводились усыпальницы из обыкновенного сырцового кирпича, и время свело их на нет. Каменные, дошедшие из глубины веков до наших дней, сохранились лишь на станции Туркестан. Но описание дивных мазаров живет в легендах и преданиях, что рассказывают акыны под аккомпанемент домбры на больших торжествах. В последние двадцать с небольшим лет, с тех пор как в эти края пришел достаток, связанный прежде всего с освоением целины, появились новые мазары, радующие глаз среди бескрайней степи. Если бы кто-нибудь занялся изучением архитектуры мазаров, возникших в самом начале шестидесятых годов, то непременно обнаружил бы, что разновидностей их всего шесть.

Конечно, время вносит новые детали, орнаменты, но до сих пор даже среди вновь построенных чаще всего встречаются шесть вариантов, некогда спроектированных Маринюком.

Да, так получилось, что автором этих легких, изящных сооружений был Руслан.

Через полгода, когда он энергично взялся за совхозное строительство и имя его уже с уважением стали произносить в округе, а потому был он зван гостеприимными казаками на свадьбы и иные торжества, услышал Руслан в доме чабана Османбека-ага, что до сих пор не выполнил тот просьбы отца — не возвел на его могиле мазар, как обещал когда-то. И деньги, мол, есть, и с материалами нет проблем, сокрушался чабан, да как его строить, если отец только на словах описывал, каким хотел видеть свой «последний дом». Чабана Маринюк уважал и видел, как переживает этот немолодой, с седой головой человек, потому и вызвался помочь. Как в каждом журналисте живет тайная надежда стать писателем, так почти каждый строитель в душе архитектор.

В долгие зимние ночи удивительно быстро сделал он проект мазара для Османбека-ага. Общий вид набросал на отдельном листе ватмана, в красках, как должно быть в натуре. Не поленился, подсчитал даже расход материалов и стоимость работ. Чабан был обрадован и тронут таким подарком и при всех объявил, что жалует Руслану Октая — каурого жеребца, победителя последней, осенней байги. Поскольку Октая Руслану держать было негде, да и конь ему был ни к чему, чабан скакуна продал и, как ни отказывался Маринюк, вручил ему деньги, — хороший скакун в казахских степях иногда дороже машины стоит.

Второй проект он вычертил для человека, прибывшего издалека. Мазар он заказал для дочки, ловкой и смелой наездницы, нелепо погибшей в скачках, где она одна соревновалась с джигитами. Стройным, изящным, высоким, выше всех остальных, спроектировал он склеп для юной Айсулу.

Сделал он мазар и для панфиловца, парня из этих мест, погибшего в грозном 41-м под Москвой на Волоколамском шоссе. Эта работа настолько увлекла Руслана, что он неожиданно решил поступить в архитектурный институт, «гонораров» вполне хватало для безбедной студенческой жизни лет на пять. Может быть, спроектировал бы Маринюк еще не один мазар, но больше к нему не обращались, отпала необходимость, каждый теперь выбирал себе по вкусу из тех шести, что уже выросли

на осыпавшихся могилах. Как в песнях, ставших народными, авторы не упоминаются, так и в зодчестве, если оно стоит на народной основе, творенья становятся безымянными, и в этом, наверное, признание таланта.

Много позже, возвращаясь в Мартук или уезжая из Мартука, он, как и все пассажиры, льнул к окну, когда неожиданно возникали на горизонте мазары, но никогда не признавался, что он архитектор этих сооружений, хотя обычно пассажиры горячо спорили о его давней работе.

Отроческая любовь к Вале Комаровой прошла у него в первую студенческую весну, и рана эта, как и свойственно молодости, затянулась скоро, не оставив сколь-нибудь заметных следов. Следующей осенью, вернувшись в город с каникул, Руслан влюбился вновь.

Училась Она в музыкальной школе, жила в большом красивом доме неподалеку от общежития, и виделась ему такой возвышенно-неземной, что рядом с ней Валентина показалась бы бедной Золушкой.

Вокруг него и в общежитии, и в техникуме было много девочек, добиться расположения которых не составило бы труда, но его тянуло к другим, недостижимым, словно из другого мира, девушкам. Она и впрямь оказалась для него недостижимой, мечтой, хотя все оставшиеся три года учебы он упорно добивался ее внимания. Единственное, чего он достиг: она знала, что он есть и что он в нее влюблен. Уезжая, он рискнул прийти к ней домой попрощаться. На вопрос, можно ли ей написать, она спокойно спросила: «Зачем?» Но, спохватившись, видя, как больно слышать ему это, сказала: «Я поздравлю вас с первым же праздником». Но так никогда ни с чем и не поздравила.

Маринюку часто вспоминался силуэт девушки, склоненной над фортепиано. Единственная радость тех лет, что в ее доме были большие окна с легкими тюлевыми занавесками и огней не жалели, — люстра под высоким потолком искрилась тысячами хрустальных солнц. В этот дом на улице 1905 года в далеком Актюбинске и шли его письма с берегов Сырдарьи. Ни на одно из них она не ответила. Может быть, заносчивые подруги даже посмеивались над ней, что ее воздыхатель забрался так далеко — в какой-то совхоз... Но безответная любовь дала ему,

наверное, гораздо больше, чем могла бы дать сама возлюбленная. «И слаще явного знакомства мне были вымыслы о них» ... Эти светлые строки, вызывавшие грустную улыбку, встретились Маринюку гораздо позже, и он смог оценить их глубину...

Еще там, в Актюбинске, он чувствовал — ему многого не хватает, чтобы быть на равных со своей избранницей, и старался изо всех сил восполнить этот пробел... Здесь, в совхозе, за два года он прочитал столько книг, сколько иной и за жизнь не одолеет. Здесь же он приобщился к «толстым» журналам, стал разборчивым, как истинные книголюбы. В те годы книжный бум еще не захлестнул города, и библиотеки двух близлежащих городов — Кзыл-Орды и Джусалы, куда он наезжал по воскресеньям, располагали таким книжными кладями, что у нынешнего читателя вызвали бы искреннюю зависть. А радиоспектакли?! С каким трепетом там, в совхозе, он ждал этих слов — «Театр у микрофона»!

Театр у микрофона... Дощатые стены и своенравная Сырдарья, шумевшая днем и ночью у порога, переставали существовать, и в тесную, заваленную книгами и чертежами комнату вселялась другая жизнь. То ли по молодости лет, то ли из-за усердной работы воображения он не мог воспринимать спектакли как бы со стороны, а видел себя то Оводом, то страдающим Отелло, и каждый был ему искренне дорог.

Часами он слушал симфонические концерты и открывал для себя неведомый доселе мир музыки. Порою музыка напоминала что-то давно слышанное, и он как воочию видел распахнутое по весне ее окно в Актюбинске, когда играла Она. Но, наверное, это все-таки казалось... Ему очень хотелось соединить ее со всем тем прекрасным, что он открывал для себя впервые.

Он продолжал писать на улице 1905 года, втайне надеясь, что когда-нибудь получит от нее весточку и в его жизни сразу все образуется. Невольно, исподволь он словно готовился к этому дню и ощущал огромное желание говорить с ней обо всем на свете: о литературе, музыке, искусстве, о том, чем, казалось, жила его возлюбленная.

Провинциалов всегда привлекает даже мнимая порой интеллигентность горожан. А может быть, еще проще: все мы тянемся к тому, чем не обладаем сами или обладаем в малой степени.

* * *

Знакомству с Татьяной Руслан обязан железной дороге. В переполненном вагоне он ехал в Ташкент по вызову архитектурного института на экзамены. Из совхоза он уволился, хотя его уговаривали повременить годик-другой или поступить на заочное отделение. Сулили золотые горы: и участок под строительство личного дома предлагали, и за счет совхоза по собственному проекту разрешили поставить этот дом. Даже одну из трех «Волг», что должен был получить совхоз, обещали оформить ему по льготной цене как молодому специалисту. Не согласился. Уж очень влекла его тогда архитектура. В молодости кажется, что, стоит только захотеть, и любые желания свершатся сами собой.

На прощанье в правлении кто-то из начальства сказал: если не сложатся дела с институтом, возвращайся не задумываясь. Совет старших, умудренных жизнью людей Руслан не принял, даже в душе оскорбился: молодости порой свойственна неумная гордыня.

Сел он в поезд в прекрасном настроении: впереди — столица, студенческая жизнь, новые друзья, новый город, все начиналось заново... Девушку у окна с журналом «Иностранная литература» он заметил сразу. Не рискуя быть застигнутым врасплох (читала она с упоением), Руслан смело разглядывал ее.

Вечером они случайно оказались в тамбуре и разговорились. Беседа, начатая с книг, с журнальных новинок, затянулась, проговорили они до рассвета, до самого Ташкента. Татьяна оканчивала институт легкой промышленности в Москве и возвращалась домой после практики. Руслан поделился с ней своими планами, и она долго и увлеченно рассказывала ему о Ташкенте, где родилась и выросла. Расставаясь, пригласила его в гости и оставила адрес и номер домашнего телефона.

Несмотря на стаж и «красный диплом», в институт он не поступил. Это оказалось столь неожиданным, что Руслан растерялся: рушились все его планы. О возвращении назад, в совхоз, не могло быть и речи, гордость не позволяла.

* * *

Ташкент начала шестидесятых годов оказался одноэтажным, зеленым, уютным. На время экзаменов Руслан снял в самом центре города, на берегу Анхора, комнату. Скорее даже не

комнату, а квартиру: кроме большого зала, здесь имелась еще и крошечная, с одной кроватью, спальня в безоконном закутке. А самое главное — жилье имело отдельный вход. Хозяева, татары, выходцы из Оренбуржья, Руслану пришлось по душе, плата оказалась умеренной, а двор, утопавший в цветах и увитый виноградником, напоминал Маринюку какие-то неведомые страны, где вечная весна и где очень хотелось побывать.

Провалившись на экзаменах, Руслан решил задержаться на время в Ташкенте, а там уже решить: или возвращаться домой в Мартук, или податься на Север. Север в ту пору притягивал молодежь как магнитом.

Ташкент понравился ему сразу. В сентябре начался театральный сезон, и он зачастил в театры, концертные залы. Гастролеры любили Ташкент за мягкую, теплую осень, обилие фруктов, и Маринюк почти каждую неделю видел тех, о ком раньше только читал в газетах или слышал по радио. Он открыл для себя рестораны с восточными названиями «Бахор», «Шарк» и особенно «Зеравшан», мало что утративший от своего прежнего великолепия. Завсегдатаи по старинке называли его «Региной», а кинорежиссеры любили за то, что здесь можно было показать, как прожигали жизнь «осколки старого мира». Те далекие годы были расцветом джаза, и в «Регину» Маринюк ходил не из-за роскоши просторных зеркальных залов и пышных пальм в неохватных кадрах, не из-за голубого хрусталя и тяжелого серебра на столах, — там играл лучший в Ташкенте джаз-секстет, а еще точнее — он ходил слушать саксофониста Халила, высокого, смуглого до черноты парня-узбека с нервным, подвижным лицом.

Что-то жуткое и одновременно прекрасное было в его игре, завораживавшей зал. Когда приходил его черед соло-импровизации, все стихало. Играл он стоя, с закрытыми глазами, раскочиваясь, словно в трансе, играл до изнеможения, бронзовое аскетическое лицо его преображалось, ворот красной рубашки был распахнут, вспухали вены на шее. Каждый раз Халил солировал, будто в последний раз, он, наверное, предчувствовал, как мало ему отпущено жизни... Через год, в расцвете ресторанной славы, после шумного вечера, где он играл до полуночи, он повесился, оставив после себя разбитый вдребезги саксофон и лаконичную записку: «Ухожу, никому не желаю зла».

Конечно, каждый раз, направляясь в театр или на концерт, на выставку или в кино, Руслан мечтал встретить Татьяну, но в ту осень пути их разминулись. Позвонить или заехать к ней по адресу после провала на экзаменах у него не хватало духу.

Праздное время летело быстро, и в какой-то день он ощутил, как будет ему не хватать того, что так щедро предоставила столица. Это натолкнуло его на мысль попытаться устроиться на работу в Ташкенте. Интересной работы было немало, но у него возникли проблемы с пропиской. Когда он уже отчаялся, на помощь явился случай.

Ему нравилось, гуляя по старому городу, обходить бесчисленные торговые ряды базара. Уходя, он каждый раз покупал тяжелую кисть винограда, персики или сочные груши и направлялся в какую-нибудь чайхану, которых немало вокруг шумного базара среди кривых, узких улиц. У него уже была и любимая чайхана на Сагбане. Находилась она чуть поодаль от рынка и отличалась чистотой, малолюдьем и постоянными посетителями. У чайханщика глаз зоркий, он быстро замечает частых посетителей, и, наверное, потому, подавая кок-чай, однажды вдруг спросил у Маринюка, отчего тот невесел. Руслан ответил, что, наверное, последний раз он в этой чайхане, уезжает, не сумев ни прописаться, ни устроиться на работу, и, слово за слово, рассказал о себе. Чайханщик выслушал, не перебивая и сказал, что вверх по Сагбану, квартала за два отсюда, находится монтажное управление, где всегда нужны люди, немногие задерживаются там надолго: с командировками, мол, работа. С легкой руки чайханщика Руслан в тот же день устроился инженером производственного отдела.

Жил он по-прежнему на Анхоре, хозяева и квартира его вполне устраивали, и он, окрыленный успехами, отважился письменно сделать предложение своей музыкантше. Ответ пришел на удивление скоро, но радости Маринюку он не доставил. Сказать по правде, отправив письмо, он порядком перетрусил. Нет, не потому, что вдруг разлюбил или испугался трудностей семейной жизни. Существовали другие причины. Даже сейчас, имея за плечами солидный стаж семейной жизни и несколько приземлив, что ли, свои чувства, тот давний момент, возникший в связи с предложением, и сейчас не вызывал у него иронии,

как могут вызывать подчас улыбку воспоминания о тех или иных проблемах, так мучивших нас в молодости.

Он не мог, например, вообразить, как представлял бы ее своим близким и многочисленным родственникам в Мартуке, людям несдержанным, плохо воспитанным, крикливым, острым на язык. А его друзья! Мог ли он оставить ее наедине с ними хоть на минуту, не рискуя, чтобы она не услышала глупость, пошлость или мат, нет, этого гарантировать он не мог.

Да что там родня и друзья, вся поездка в Мартук, без которой никак не обойтись, оказалась бы сплошным унижением для нее: и грязный вокзал, и пыльные улицы с разъезженными дорогами, на которые за долгую зиму ссыпают тонны золы, и дом, в котором он вырос, маленький и неказистый, без всяких удобств и, по ее меркам, наверное, не очень чистый. Все это приводило его в отчаяние. О чем бы она разговаривала с его родными и близкими? Зато он уже заранее слышал, как, похихикивая, судачили бы родственники, что она слишком тонка, а руки у нее чересчур изящны, чтобы вести хозяйство, а тетка уж непременно бы отметила, что с такой фигурой на детей особенно рассчитывать не приходится, а может, сказала бы шепотом, слышным на весь квартал, еще какую-нибудь пакость.

А свадьба? Это уже совсем вгоняло Руслана в отчаяние. Он помнил ее родителей — старомодных, чопорных интеллигентов. А его отец, у которого вряд ли были приличный пиджак и брюки (если бы это была единственная проблема, Руслан решил бы ее просто), с отеком лица алкоголика, уже после первой рюмки мог разразиться матом на весь дом, а к середине свадьбы непременно сцепился бы с кем-нибудь, потому что гулянье всегда заканчивал дракой и битьем посуды, отчего его уже лет десять никто не приглашал на свадьбы. И еще множество всяких проблем, которые он ясно представлял себе и о которых и упоминать-то стыдно, не давали Маринюку душевного покоя.

Однажды, когда он только отправил письмо и еще не получил ответа на свое предложение, ему приснилась собственная свадьба. К этому времени из-за саксофона Халила он уже стал завсегдатаем «Регины» и видел там немало торжеств. Гостями на его свадьбе оказались постоянные клиенты «Регины», люди разные, но публика солидная, хорошо одетая, умевшая

держаться с достоинством, даже с некоторой манерностью, что тогда особенно нравилось Руслану. Но самое удивительное: за столом, там, где должны были сидеть его родители, он увидел Софи, певицу из оркестра, высокую изящную женщину с длинными, разбросанными по плечам густыми каштановыми волосами, и Марика Яцкаера, ее любовника, крупного импозантного мужчину, который каждый вечер появлялся за небольшим столиком у оркестра.

Софи и Марик, одетые по такому случаю с особой изысканностью и являвшие собой голливудскую пару родителей, говорили прекрасные тосты и так трогательно-нежно опекали молодых, что никто бы не усомнился в счастье прелестной пары.

Конечно, Руслан был не настолько глуп и бездушен, чтобы не устыдиться сна, он понимал, что даже «свадебный генерал» — уже пошло и безнравственно, а тут — подменить собственных родителей на более изысканных и вальяжных! Ему сразу припомнилось, — где-то он читал, — что человек, устыдившийся своих близких, порочен, с червоточинкой в душе. Но, как ни мучительно было это осознавать, он все же решил, что лучше опереточный Марик, картежный шулер, чем пьяный отец, при одном виде которого все гости тотчас начнут шушукаться о наследственности. Соглашаясь в душе на подмену, а проще сказать — подлог, он признавал за собой некую порочность, раздвоенность души...

Все эти годы он так долго пестовал свою любовь к ней, создал такой утонченный и изнеженный ее образ, что не мог представить, как Она, его возлюбленная, сможет стирать его грязные рубашки, как будет умываться по утрам у колонки, как делали это все его соседи, как будет ложиться рядом с ним на скрипучий хозяйский диван. Ему казалось, что Она может и, конечно же, должна жить в каких-то немислимо-прекрасных условиях, о которых он мог только догадываться.

При всем своем воображении он не мог представить ее занятой будничными делами на кухне или просто в переполненном трамвае. Ясно ощущал одно: всю жизнь будет чувствовать себя виноватым, что не сумел воздать должное ее красоте. И молодым умом в те дни отметил для себя, что большая любовь — не только счастье, но и страдание. И потому, когда получил от нее отказ, даже вздохнул облегченно. С этого дня

Она, ничуть не потускнев в его глазах, стала для него близкой как-то иначе, уже не мешая ему жить. «И слаще явного знакомства мне были вымыслы о них...» Она прошла через всю его жизнь, часто являлась в снах, и если бы у него спросили, кто у него первая любовь, Маринюк не задумываясь назвал бы пианистку с далекой улицы 1905 года.

Работа в Ташкенте пришлась ему по душе. Управление вело работы по антикоррозийной защите в республиках Средней Азии и Казахстане, и почти не было в тех краях города, где бы Руслан не побывал в командировке. Аэропорты, вокзалы, гостиницы... Ему нравилась такая суматошная жизнь, свои служебные командировки в душе он называл путешествиями, и это скрашивало трудности. Ему нравились ночные рейсы и дорога в ночных поездах. Каждый раз, вглядываясь в тамбуре в законную тьму, он представлял, что впереди, в городе, куда он едет, с ним произойдет что-то невероятное, интересное и наполнит его жизнь новым смыслом и содержанием. Ожидание иной жизни или игра в другую, придуманную жизнь родились именно здесь, у вагонных окон.

Работа предоставляла ему возможность повторять поездки в полюбившиеся и заинтересовавшие его города.

В Ташкенте его ничего не держало, и он мог, например, имея командировку в Джезказган с понедельника, вылететь в пятницу, ночным рейсом в Алма-Ату и, проведя там субботу-воскресенье, прибыть в Джезказган к предписанному сроку. Для Руслана, человека легкого на подъем и не знавшего других городов, кроме Оренбурга, работа щедро предоставляла возможность увидеть мир.

Работа у Маринюка была не из легких. Через полгода, когда за плечами у него остались четыре «горящих» объекта, стали называть его «специалистом по авариям», «специалистом по кризисным ситуациям». Работал Руслан только на пусковых объектах. Частенько подменял начальников участков или прорабов, даже по пятьдесят-шестьдесят тысяч рублей зарплаты не раз доставлял монтажникам вместо кассира на дальние участки. И как бы наградой за столь тяжкий и ответственный труд были для него поездки иного рода.

В начале тех шестидесятых годов, как никогда ни до, ни после, проводилось бесчисленное количество всевозможных

симпозиумов, совещаний, и все это организовывалось и проводилось масштабно, щедро, с помпой. Не миновала эта игра в совещания и управление, в котором работал Маринюк.

В те годы отправиться даже в такую представительскую командировку желающих не находилось, ведь любая дорога — суета, маята, и руководство, зная безотказность молодого инженера, посылало Маринюка.

Поездки действительно напоминали хорошо организованные путешествия: номер в гостинице забронирован, стол в ресторане зарезервирован, культурная программа по высшему разряду. Руслан быстро научился определять, какие совещания действительно важны, а какие — так себе, и потому не всегда выслушивал долгие и скучные доклады, а гулял по шумным улицам Алма-Аты, любовался парками Львова или пропадал на пляжах Ялты.

Однажды он был командирован на Кавказ, сначала в Баку, а затем в Тбилиси. Там, в поезде Баку — Тбилиси, с ним произошла любопытная история.

Командировка эта тоже походила на приятное путешествие, в Баку он попал на концерт оркестра Рауфа Гаджиева, где в те годы работал знаменитый джазовый аранжировщик Кальварский, а в Тбилиси надеялся послушать джаз-оркестр Гобискери. К поезду он пришел заблаговременно — не любил предотъездной суеты. Неторопливо нашел свое место в пустом купе мягкого вагона и вышел к окну в коридоре.

Вагон заполнялся понемногу, и Руслан стоял у окна, никому не мешая. К поезду он явился прямо с концерта и мало походил на инженера, едущего по командировочному делу.

Состав тронулся, оставляя позади перрон, город...

Начали сгущаться сумерки, в коридоре зажгли свет. Пассажиры потянулись в ресторан или стали накрывать столики в купе, а Руслан все стоял у окна, внимательно вглядываясь в селения, где люди жили какой-то неповторимой и, вместе с тем, одинаковой со всеми жизнью, замечал запоздавшую машину с зажженными фарами, торопящуюся к селению, где, наверное, шофера ждала семья, дети, а может, свидание с девушкой, чей неведомый дом мелькнет мимо него через минуту-другую яркими огнями окон и растворится в ночи. Его попутчики сразу же принялись за ужин. По вагону пополз

запах кофе, жареных кур, свежего хачапури и лаваша; откуда-то уже доносилась песня.

Два соседних с ним купе занимала разношерстная компания: юнец и убеленный сединами моложавый старик, молодые мужчины и даже одна девица. Она, как и Руслан, все время стояла у окна, но, в отличие от него, как показалось Маринюку, делала это не по собственному желанию. Старик, по всей вероятности, русский, юнец с девушкой — армяне, остальные — грузины или осетины. Разнились они и одеждой: двое, да и старик, пожалуй, не уступали тбилиским пижонам, что флагируют по проспекту Руставели, а остальных вряд ли можно было принять за пассажиров мягкого вагона.

Компания, которая садилась в поезд не обремененная багажом, даже без сумок и портфелей, тоже начала суетиться насчет ужина. Юноша с девушкой высказали желание посидеть в ресторане и получили чье-то одобрение из глубины купе. Проходя мимо Маринюка, они окинули Руслана восторженным взглядом, а девица даже попыталась изобразить что-то наподобие улыбки.

За окнами совсем стемнело, и продолжать стоять у окна стало неинтересно. Его попутчики давно поужинали, а Руслан раздумывал: то ли вернуться к себе, то ли последовать в ресторан, как вдруг один из компании, тот, кого он принял за осетина, вежливо, можно сказать — галантно, как это могут только на Кавказе, пригласил разделить с ними скромное угощение. Руслан так же вежливо поблагодарил, но, сославшись на отсутствие аппетита, головную боль и желание побыть одному, отказался.

Не прошло и минуты, как появился другой и пригласил не менее вежливо, но более настойчиво. Навязчивость, с которой его зазывали, начала раздражать Руслана, и он поспешил ретироваться в купе. Едва он расположился у себя на полке, запахнулась дверь и показалась седовласая голова моложавого старика, который попросил Маринюка в коридор на минутку.

Старик оказался краснобаем и мог бы дать фору любому грузинскому тамаде. Он говорил о законах гостеприимства и вине, которые приятно разделить в пути с новым человеком. В общем, Руслан понял, что из немощных, но цепких рук старика ему не вырваться — а тот и впрямь то крутил пуговицы

на его пиджаке, то хватал за рукав, — и он сдался. Когда Маринюк в сопровождении Георгия Павловича — так старик отрекомендовался — появился перед компанией, раздался такой вопль искреннего восторга, что, наверное, было слышно в соседнем вагоне.

Руслана усадили поближе к окну, напротив Георгия Павловича. На столике высилась ловко разделанная крупная индейка, а рядом — зелень, острый перец, помидоры, армянский сыр, грузинская брынза и свежий бакинский чурек.

— Что будем пить? — спросил старик, и Руслан показал на белое абхазское вино «Бахтриони».

Кто-то предложил тост за удачную дорогу, и трапеза началась. Стаканам не давали пустовать, а со стола так ловко и незаметно убиралось ненужное и добавлялись то ветчина, то жареное мясо, то быстро убывавшая зелень, что Маринюку, заметившему корзину на откинутой полке второго яруса, откуда все это доставали, казалось, что она волшебная.

Разговор поначалу никак не завязывался. Следовали сплошные тосты и сопутствующие фразы насчет «налить», «подать», «закусить», «что-то передать», а затем слова благодарности на русском и грузинском языках. Но даже в этой немногословной беседе участвовали из хозяев только трое: те, что приглашали Маринюка, и Георгий Павлович, имевший над компанией очевидную патриаршую власть. Остальные двое, немо выказывая восторг на плохо выбритых лицах, следили за столом, за тем, чтобы не пустовали стаканы, и ловко распоряжались содержимым волшебной корзины.

— Куда едете, чем занимаетесь, молодой человек? — спросил вдруг старик среди неожиданной возникшей или ловко созданной паузы.

— Инженер, еду в Тбилиси в командировку, — вяло ответил Маринюк, предчувствуя, что интерес к нему тотчас иссякнет, был убежден, что такая ординарность вряд ли у кого вызовет любопытство.

— Инженер?.. В командировку?.. Я же говорил вам, — обратился Георгий Павлович к своим спутникам. — Учитесь: школа, высший пилотаж, я в его годы не знал такой славы. А как он держался в коридоре! Любо посмотреть: турист, артист, да и только... Пейзаж, закат, пленэр... А как разговаривал с Дато

и Казбеком, словно никогда их в глаза не видел! Это же блеск! Станиславский! А если хотите — Мейерхольд!..

— Я действительно никогда не видел ни вас, ни ваших спутников, — перебил старика удивленный Руслан.

— В глаза не видел! — воскликнул с улыбкой Георгий Павлович, и купе минут пять сотрясалось от смеха.

Маринюк, ничего не понимая, смотрел на своих собутыльников и видел, с каким восторгом, боясь упустить хоть один его жест, глядят на него странные попутчики. Такого внимания к собственной персоне он никогда не испытывал.

— Да, Марсель есть Марсель, не зря о нем и на зоне, и на свободе легенды ходят, — откликнулся тот, кого старик назвал Дато.

— Вы что-то путаете, я — Маринюк, инженер из Ташкента, — не понимая, разыгрывают его или же в самом деле принимают за какого-то Марсея, ответил, трезвея, Руслан.

Купе снова зашлось смехом. Георгий Павлович, вытирая тонким батистовым платочком слезящиеся глаза, спросил:

— Может, и ксиву покажешь? Маринюк...

По Мартуку Руслан хорошо знал жаргон блатных. Достав из внутреннего кармана пиджака паспорт, он протянул его через стол.

В купе притихли и внимательно смотрели, как ловко пальцы старика вертели паспорт так и эдак. Георгий Павлович даже поднял его к носу и тщательно принюхался, казалось — попробуй он даже на зуб, никто бы не улыбнулся. Но Руслану было не до смеха.

— Хорошая ксива, и пахнет по-настоящему, — сказал, наконец, Георгий Павлович, возвращая паспорт. — Значит, с бумагами все в порядке, быстро обзавелся... Дато считал, что ты без ксивы. Он ведь с тобой на одной зоне мантулил в последний раз. Вспомни, Лорд у него кликуха, а фамилия — Гвасалия. Правда, он сейчас таким франтом выглядит, как раз тебе в помощники, «интеллигент». Не хочешь помощника, Марсель?

— Извините, я устал, у меня завтра важные дела, и я не понимаю ваших шуток, — сказал Маринюк, поднимаясь.

Старик мягко, но настойчиво потянул его обратно.

— Сиди, Марсель. Дело твое, знаться тебе с нами или нет. Да, пожалуй, ты и прав, слишком много незнакомых лиц для такой важной птицы, как ты. Ты уж извини меня, старика, это

я на радостях — много слышал о тебе, да и Дато рассказывал, как ты исчез. Значит, едешь по большому делу, удачи тебе. Но если нужна будет подмога — деньги там, кров... Вот адреса и телефоны в Тбилиси и Орджоникидзе, — и он ловко, одним движением, сунул в верхний кармашек пиджака Руслана заранее заготовленный листок. На том они и расстались, одни довольные встречей, а другой — удивленный донельзя: за кого же его приняли?

Утром, когда поезд прибыл в Тбилиси, странных попутчиков уже не было — то ли разошлись по разным вагонам, то ли сошли в предместьях столицы. Но они еще раз напомнили ему о себе...

Гостям Тбилиси советуют побывать на горе Мтацминде, откуда открывается живописная панорама раскинувшегося внизу города; там же — прекрасный парк, летние кинозалы, ресторан. Устав от прогулки и продрогнув на ветру, гулявшем на горе, Руслан решил заодно и поужинать на Мтацминде.

В зале и на открытой веранде веселье плескалось через край. Играл оркестр, вдвое больший по составу, чем некогда в его любимой «Регине», и два солиста, сменяя друг друга, не успевали выполнять заказы, сыпавшиеся со всех сторон. Витал аромат дорогих духов, сигарет и вин, щедро украшавших многолюдные столы, пахло азартом и праздником. Руслан с трудом отыскивал свободное местечко за столиком, где коротала вечер такая же командировочная братия, как и он сам.

Официант во всей доступной мере выказал свое недовольство одиноким, без дамы, клиентом: будь его воля, Маринюка и подобных ему он и на порог не пустил бы. Лениво подергивая сытыми щеками, он вполуха слушал заказ, почему-то тяжело вздыхая, и сквозь зубы ронял:

— Нет... нет... кончилось... не бывает... никогда не будет...

Руслан понимал: любое его возражение еще более усугубит незавидное положение незваного гостя, и потому милостиво сдался, и сказал обреченно:

— Ну что ж, принесите что осталось и бутылку белого вина.

Вернулся официант не скоро. С увядшей зеленью, подветренным сыром, холодным хачапури и бутылкой вина. Буркнув, что шашлык подаст позже, заторопился к другому столу, где кутили лихо.

Едва Руслан пригубил вино, оказавшееся без меры кислым, откуда-то, словно ветром, принесло метрдотеля и того же официанта — с таким сладким выражением лица, что в первый момент Маринюк даже и не признал его, хотя между ними только что состоялся долгий и «содержательный» разговор.

— Извините, вышла промашка, — частил метрдотель и зло косился на официанта, а тот, сама невинность, втянув живот, изображал такое раскаяние, что впору было расплакаться.

Он чуть ли не силой вырвал из рук Руслана фужер и брезгливо выплеснул содержимое в вазу из-под цветов, словно это было не вино, а отрава.

— Может, отдельный столик накрыть? — зашептал Руслану на ухо завзалом, поглядывая на его соседей, но Маринюк отказался.

В мгновение ока подкатили тележку с фруктами, сочной зеленью, лобио с орехами, сыром сулугуни и другими грузинскими закусками, не знакомыми Руслану, а метрдотель собственноручно налил в невесть откуда взявшийся тяжелый хрустальный бокал золотистое «Твиши». Видя это волшебное превращение, достойное цирка, соседи на другом конце стола с любопытством поглядывали на Руслана.

Маринюк прикинул, что ужин обойдется ему раз в пять дороже, чем предполагал, но вино оказалось дивное, закуски великолепные, оркестр на высоте, и настроение у него поднялось. То ли от выпитого вина, то ли от нахлынувшего озорства, то ли оттого, что увидел в зале за дальним столиком Казбека и Дато, он, пригласив какую-то девушку на танец, назвался... Марселем.

Может, он сам приглянулся девушке, а может, понравилось его имя, весь вечер она щебетала: «Марсель... Марсель...» Чужое имя не раздражало его, а порою даже ласкало слух, и этот вечер, в общем-то закончившийся без особых приключений, он прожил не только под чужим именем, но и ощущая себя тем таинственным Марселем, перед которым так щедро расстилаются столы и вмиг принимают любезное выражение лица официантов... Возможно, вкус к игре в чужую жизнь, желание прожить ее в тысячах лиц, быть одновременно сыщиком и вором, родились у него на Мтацминде.

Татьяна появилась в его жизни вновь через два года. Появилась так же неожиданно, как и в первый раз. Он стоял в фойе концертного зала, обмениваясь с приятелем впечатлениями о только что услышанной игре трубача из японского джаз-оркестра «Мерубени», когда его окликнули. Руслан повернулся на знакомый голос и увидел Татьяну в длинном вечернем платье, отчего она казалась еще выше и стройнее.

— Я рада вас видеть... — Она протянула узкую ладошку, и Руслан, ошеломленный встречей, ощутил тепло ее руки.

Сейчас, спустя много лет, он с грустью и нежностью вспоминал начало романа с Татьяной.

Жила она неподалеку от него, тоже в центре, в большом собственном доме с ухоженным садом, куда по вечерам доносила музыка из парка. Ташкент, еще не познавший властной руки архитектора, был уютен и притягателен. Тенистые, утопавшие в зелени улицы с неумолчно журчавшей водой полноводных арыков, парки, притягивавшие по вечерам тысячи отдыхающих, гостеприимные открытые кафе, многочисленные шашлычные. Единый центр, одна общепризнанная, манящая улица для вечерних прогулок, называемая местными, теперь уже состарившимися, пижонами Бродвеем.

Работала Татьяна в Доме моделей, часто выступала перед молодежью и потому имела много знакомых. Куда бы они ни пришли, где бы ни появились, везде у нее находились друзья-приятели. Руслан по-прежнему часто пропадал в командировках, но теперь из каждого города он непременно звонил ей домой, в Ташкент. Эти звонки — то из Москвы, то из Алма-Аты, Фрунзе или Еревана — создавали впечатление у родителей Татьяны, да и у нее самой, что Руслан занят важными делами, хотя, бывая у них, Маринюк всегда уверял, что дело его самое обыкновенное, просто такова география работы. Но они решили, что молодой человек скромничает, а это еще выше поднимало его в глазах родителей. Танина мать такие разговоры заканчивала по-своему: «Всякого в Москву не командируют...».

Руслана тянуло к ним в дом, где его ждали, где ему были рады. В зале у них стоял старинный рояль, и каково было удивление Руслана, когда Татьяна однажды села за клавиши и сказала просто:

— Мне хочется сегодня поиграть для тебя...

В соседних дворах жгли пожухлую листву, и дым, хранивший запахи уходящего лета, долетал сквозь распахнутые настежь окна зала. Он надолго запомнил этот осенний вечер, дымные сумерки и чарующую музыку, что звучала только для него.

Отказ возлюбленной из Актюбинска раскрепостил его отношения с девушками, и Руслан был уверен, что теперь у него чувство никогда не перехлестнет разум, он научился как бы видеть себя со стороны. Он понимал противоестественность такого состояния, на что-то навсегда умерло в нем с той «любовью».

Например, он мог спокойно сказать Татьяне, какой пьяница у него отец, а раньше содрогался даже от мысли, что признается кому-то в этом. Подолгу, не приукрашивая и не сгущая красок, рассказывал он ей о своей жизни в Мартуке. Иногда ему казалось, что она вдруг встанет и скажет: «Ты, выросший в грязи и нищете, больше слышавший брани, чем музыки, недостойн меня». Но она гладила его по волосам и тихо говорила: «Милый мой, бедный Руслан, как все это ужасно» ...

В его отношениях с Татьяной все было так, как некогда он мечтал. Он приходил всегда с цветами, из каждой командировки привозил подарки: книги, дорогие безделушки. В «Регине» теперь он бывал только с нею, и где бы они ни появлялись, непременно слышали: «Какая дивная пара!».

Он не собирался делать ей предложение. Ему нравилось быть с ней «дивной парой», нравились свидания, нравилось положение жениха, но в ее доме все чаще и чаще, будто случайно, заводили разговоры о свадьбах, о семье, о детях. На приятельских вечеринках ее подружки, выбрав момент, во всеуслышание спрашивали, когда же они будут гулять у них на свадьбе.

Татьяна сама никогда не намекала на то, что пора бы и определить их отношения, но увидит в «Регине» очередное свадебное празднество — и как-то нахмурится, замкнется... В общем, Руслан вдруг стал ощущать со всех сторон мягкое, но настойчивое подталкивание: женись, женись, женись.

В тот день, когда Руслан попросил руки Татьяны и получил согласие, он, возвращаясь домой, успел к закрытию «Регины» и крепко выпил с оркестрантами. Он был счастлив, весел, щедр,

как и подобает человеку в таких случаях. Принимая поздравления, ни единым словом, ни жестом не выдал того, что весь день пребывал и глубокой тоске. Он остро чувствовал, что вместе с предложением уходит навсегда часть жизни, так похожая на ту, о которой он грезил у вагонных окон в ночных поездах. Обретая Татьяну, он терял нечто большое, необходимое его беспокойной душе...

* * *

По вечерам в пустой квартире Маринюк мысленно возвращался к далеким дням.

Был ли он счастлив в семейной жизни? Вопрос этот он задавал себе все чаще. По мнению друзей-приятелей, родителей, брак их был более чем удачным: их даже ставили многим в пример. Татьяна оказалась не только хозяйственной, но и деловой, и Руслан не переставал удивляться, откуда в ней, хрупкой, нежной женщине, столько энергии, азарта жизни, а ведь он был убежден, что хорошо знал свою невесту.

Руслан через год-два должен был получить квартиру, но о таких дальних сроках она и слышать не хотела. Зная, что у Руслана есть на книжке деньги, на которые он когда-то собирался учиться в архитектурном, Татьяна отыскала в новом районе достраивавшийся кооперативный дом, и уже через три месяца после свадьбы они въехали в собственную трехкомнатную квартиру.

Сейчас вся прошлая семейная жизнь представлялась ему как хорошо спланированное расписание поездов. Наверное, будь Маринюк человеком другого душевного склада, на такую жену надо было каждодневно молиться.

Возвращаясь из командировки, он всякий раз находил в доме новую вещь: то какие-то необычные тюлевые занавески, то торшер, то бра, то кофейный сервиз, то немецкую люстру, то крытый пластиком набор кухонной мебели. Улыбаясь, она рассказывала, что ее зарплату, на год вперед, всю без остатка, бухгалтерия расписала магазинам за кредит, а стереорадиолу, новинку, которой ни у кого нет, она оформила под его полочку. Расписав в кредит обе зарплаты, она не успокоилась, заняла у тетушек, дядюшек и родителей необходимую сумму и купила сразу два импортных гарнитура.

Мебель эту Руслан передвигал по квартире целый год, пока Татьяна не нашла самый выигрышный, на ее взгляд, вариант и не успокоилась.

Иногда он пытался образумить ее, говорил, к чему, мол, такая спешка, нервотрепка. Но у нее тут же влажнели глаза, и она отвечала, что не для себя же старается, для семьи. Лозунг «для семьи», по ее убеждению, сомнению подвергаться не мог.

Ему и впрямь было трудно упрекнуть ее в чем-то: «для семьи» — было для нее прежде всего. С первого дня в их доме появилась швейная машинка «Зингер», подарок Таниной бабушки, и когда бы он ни возвращался из командировки, застаивал жену за шитьем. Это необычайно трогало Маринюка, вызывало к ней жалость: он запрещал ей брать заказы, но у Татьяны на этот счет было свое мнение.

Конечно, они старались не пропускать концерты, ходили в кино, но все равно жизнь их теперь резко отличалась от той, что они вели прежде. Зато о них теперь все чаще говорили: «Какая хозяйственная пара!»

В то лето, когда они окончательно обустроились в своей кооперативной квартире, Руслану выпала командировка в Актюбинск, и он, конечно, выкроил несколько дней, чтобы посетить родной Мартук.

* * *

В Мартуке Маринюк не был давно и возвращался туда совершенно другим человеком. Поселок заметно изменился, чувствовалось, что достаток пришел и в эти края. С тех пор, как в каждом дворе появилась собственная колонка, Мартук зазеленел, и цветы, столь редкие здесь в прошлом, теперь украшали все дворы. У Маринюков мало что изменилось, только неожиданно крепко вымахали деревья, посаженные некогда Русланом, да буйно цвели одичавшие кусты роз. Отец дорабатывал до пенсии в сторожах и пил по-прежнему. Не стало и коровенки, столь привычной во дворе, земли вокруг поселка распахали, негде стало выгуливать коров, негде сена на зиму запасти. Живут на городской манер, все из магазина. Многих друзей Руслана уже не было в поселке: Славик завербовался на флот и ловил где-то у далеких берегов Исландии селедку, Рашид сидел в тюрьме за драку. А многие не вернулись после армии, уехали на

комсомольские стройки или женились и остались в благодатных краях. Но его, первого дружка Тунбаева, узнавали, помнили. Днем он чинил прохудившуюся крышу, менял электропроводку в доме, в грозу случались замыкания и мог возникнуть пожар. Ездил с матерью на огороды, поливал и окучивал картошку. Иногда среди дня брал у соседского мальчишки велосипед и отправлялся на речку. Как-то вечером, после кино, даже заглянул на танцевальную площадку. А наутро, когда он обрезал сухостой на деревьях, к калитке подъехала на велосипеде девушка лет пятнадцати и, почему-то озираясь по сторонам, окликнула Руслана. Когда он подошел к ограде, она протянула ему записку и тут же, не дожидаясь ответа, укатила. Маринюк развернул аккуратно сложенный листок в клетку. Знакомым летящим почерком было написано всего несколько слов: «Руслан! Только сейчас узнала, что ты в Мартуке. Была бы рада увидеть тебя. Валя».

Забытым милым детством дохнуло от записки, и Руслан тут же вспомнил синеглазую девочку с голубым бантом, в жаркой ладошке которой поблескивала серебряная монетка. Когда-то он клялся друзьям, что никогда не забудет ее, и только случай помешал ему тогда выколоть на тыльной стороне руки крупными буквами вечное — «Валя».

Весь день на него наплывали какие-то теплые воспоминания: первый поцелуй и первые горькие слезы, полутемный кинозал и дорогой силуэт тоненькой девушки, танцы под трофейный аккордеон и бесконечная, в сугробах, улица его детства...

Вечером он пошел к дому Комаровых. В юности Руслану казалось, что Мартук огромен, конца-края ему нет, а Валя, по меркам того времени, жила далеко-далеко, на Оторвановке. Сейчас же этот путь он одолел минут за десять.

Еще издали он узнал угловой дом, крытый оцинкованным железом. Некогда огромный, теперь в соседстве с вновь отстроенными особняками он казался игрушечным, и клены, которые он помнил маленькими прутиками, теперь шумели высоко над крышей.

Он подошел к калитке, отыскал глазами звонок, как вдруг из палисадника его окликнули:

— Руслан...

Зашелестели давно отцветшие кусты сирени, звякнула щеколда калитки, и перед ним явилась Валя, стройная, в белом платье.

— Пройдемся, погуляем? — сказал она и, не дожидаясь ответа, взяла его под руку.

Она знала, неизвестно откуда, о его жизни все, даже сказала, что его жену зовут Татьяной. О себе рассказала коротко: «сходила замуж» в Оренбурге, неудачно, вернулась, работает, как и его жена, закройщицей, только в ателье.

— А как же балет? — вырвался у Маринюка нелепый вопрос.

Она рассмеялась, как смеются взрослые, самостоятельные люди, вспоминая милые детские шалости.

— Балет... А ты, оказывается, помнишь, — ответила с грустью в голосе Валя. — В четырнадцать всем девочкам хочется быть необыкновенными, вот я и придумала балет...

Потом она с таким остроумием, которого он в ней и не предполагал, рассказывала о нелепых случаях, связанных с игрой в балерину, и они от души смеялись. Неожиданно с отчаянием в голосе Валя тихо сказала:

— Пойдем ко мне. У меня ведь и стол накрыт, и я даже выпила для храбрости... очень волновалась, боялась, что не придешь...

Дома, когда они выпили, она взяла гитару и запела какой-то грустный романс. Вдруг остановившись на полуслове, спросила:

— Руслан, весь вечер не могу понять, что в тебе изменилось?

— Постарел, поумнел, — попытался отшутиться Маринюк.

— Я не о том, — перебила его Валентина и снова запела. Потом, когда они сидели в палисаднике и он пытался в лунном свете разглядеть ее лицо, она вдруг встрепенулась.

— Вспомнила! Раньше ты так хорошо, заразительно смеялся, а теперь... Я всегда узнавала твой смех... и, кажется, слышала его и с Татарки, и со двора Вуккертов. Мне так нравилось, как ты смеешься...

Она резко повернула к нему возбужденное лицо.

— Руслан, милый, ты потерял свой смех...

Неожиданно, ткнувшись ему в плечо, она заплакала.

— Милый, ты потерял свой смех... как это ужасно, — повторила она, захлебываясь от слез, и погрузневший Руслан никак не мог ее успокоить.

* * *

Из монтажного управления в старом городе, где Руслан проработал почти десять лет, он ушел неожиданно. И работа ему нравилась, и зарабатывал прилично, но вдруг он потерял интерес к делу. Маринюка словно подменили. У него была, конечно, причина... Многим причина показалась бы смехотворной, потому он никому, даже Татьяне, не говорил об этом.

Сдавали в Ташкенте в эксплуатацию ледовый Дворец спорта. Сооружение, интересное по архитектуре и сложное по строительству. Как на любой пусковой стройке, суматоха невероятная. Организация Маринюка выполняла главное — готовила ледяную арену.

Когда уложили основание из морозоустойчивого пластика, вдруг выяснилось, что нет дефектоскопа для проверки сварных швов. До пуска считанные дни, полетели срочные запросы в Москву, Ленинград, и вдруг неожиданная телеграмма из Госснаба СССР, есть, мол, у вас в республике аппарат, выделили года три назад. Переворошили гору документов и обнаружили, что, действительно, установка получена и зааряжена в Нукус.

Маринюку, как специалисту по кризисным ситуациям, поручили найти и доставить дефектоскоп. Когда он на базе в Нукусе предъявил документы, там только руками развели: нужно, дескать, отыскать бумаги: есть ли у них такая штука. Весь день и почти всю ночь Руслан перебирал небрежно подшитые бумаги базы, отыскивая среди тысяч накладных наряд на необходимую установку. Только к исходу второго дня он обнаружил его. В бумагах-то отыскал, а как найти установку на захлавленной территории в несколько гектаров, где все свалено валом? К тому же он смутно представлял, как она выглядит. Руководство базы в помощи ему отказало — таких ходок у них каждый день десятки. Два дня с восхода до заката, разбив территорию на квадраты, Маринюк тщательно искал дефектоскоп. Раздвигая ломом завалы, в кровь исцарапал себе руки, насадил синяков и шишек. В ржавчине, солидоле вымазал костюм, порвал брюки, но все же в субботу отыскал. Установка весила килограммов сто двадцать, даже вытащить ее из завала и доставить до проходной оказалось проблемой. Надо было ждать до понедельника. А ждать он не мог, дата открытия

Дворца была известна в Ташкенте каждому. С собой у Руслана были деньги: Татьяна просила посмотреть в тех краях сапоги. Эти деньги и выручили Маринюка. Он нанял машину, нашел грузчиков и вместе с ними доставил дефектоскоп на станцию. До самого вечера торчал возле него на вокзале, а потом были осложнения с проводником: тот никак не разрешал везти груз в тамбуре, советовал хорошенько упаковать в ящик и сдать в багажный вагон. Загрузился он перед самым отходом поезда, вручив проводнику оставшиеся деньги. Так всю дорогу, охраняя дефектоскоп, и проехал в тамбуре.

Оборванный, грязный, голодный, без заказанных сапог и без денег, но счастливый, что уложился в срок, заявился он тогда домой.

Вскоре после открытия Дворца приехал на гастроли в Ташкент ленинградский балет на льду. Балет на льду в Ташкенте — зрелище новое, с билетами творилось что-то невообразимое. Татьяна, с ее связями, билеты достать могла, но Руслан уверил ее, что двери Дворца спорта для него всегда открыты. Так, по крайней мере, заявила ему администрация, когда он доставил к сроку дефектоскоп.

Но билетов он не достал, хотя был и у директора Дворца спорта, и у главного инженера, и у инженеров-наладчиков, в общем, у людей, знавших его. Дай он десятку сверху, слесари или другая мелкая обслуга Дворца тут же принесли бы ему билеты на любой ярус, но Маринюк не хотел в «свой» Дворец ходить с черного хода. Эта равнодушная «забывчивость» так подействовала на Маринюка, что он потерял интерес к своей работе. Татьяна тогда зло обругала Руслана и неделю не разговаривала с ним из-за того, что они не попали на спектакль, и это только усугубило его охлаждение к работе. С тех пор, какая бы интересная программа ни шла, как бы ни уговаривала Татьяна, во Дворец спорта он никогда не ходил. И, переживая обиду, он не жалел о ста сорока рублях, которых никто ему и не подумал вернуть, не вспомнил об угробленном костюме, даже об ушибленной ноге забыл, а всю жизнь помнил, как величайшее унижение, хождение из кабинета в кабинет, где ему отказали в двух билетах.

Новое место работы он выбрал, учитывая все: и транспорт, и столовую, и близость реки Анхор, где можно было купаться

в обеденный перерыв все долгое ташкентское лето. Он даже не слишком прогадал в зарплате, а ведь прежняя работа была во много крат труднее, ответственнее и связана с постоянными разъездами. К тому времени Маринюк уже наглядился на чиновничью работу, где главное — никогда не опаздывать и не выказывать особого рвения, короче, не высовываться, не умничать. Не стал он заводить и новых друзей на работе, общался настолько, насколько требовала служба. Избегал и курилки, где треть дня терлись любители почесать языки, что бросалось в глаза руководству, и его даже стали отмечать за служебное рвение. А все рвение заключалось в том, что он не выходил из кабинета. В просторном кабинете с кондиционером он выбрал себе дальний и неприметный угол, где без риска мог читать книги, писать письма, не торопясь думать и размышлять.

Но многим за подчеркнутым безразличием Маринюка мнилась какая-то тайна. При всем старании ему не удалось сыграть роль человека, случайно затесавшегося в строительство, хотя таких людей вокруг пруд пруди. Какая-то скрытая инженерная интуиция чувствовалась в его редких и едких репликах, в умении одним взглядом ухватить в чертеже или проекте главное. «Профессионал», — сказал о нем кто-то из молодых.

К нему стали обращаться за советом из других отделов. Он не отказывал никому, и помощь его была дельной, но почему-то второй, третий раз к нему уже не подходили, и разговоры о том, что такой толковый парень, как Руслан, случайно попал к бездельникам в АСУ и что он далеко пойдет, скоро поутихли.

Раньше, возвращаясь из командировок, он подолгу рассказывал Татьяне о своих делах, о друзьях, о монтажниках, работающих на пятидесятиметровой высоте, теперь подобные разговоры иссякли. Через год-полтора встревожившаяся Татьяна несколько раз забегала к нему на службу, посмотреть, чем же занимается ее Руслан. Безделье мужа пугало ее, она просила Руслана вернуться к прежней работе или подыскать другое, мужское занятие. Но Руслан говорил, что наконец-то нашел работу по душе и не намерен больше ничего менять.

В это время и появился у Маринюка велосипед. Тогда еще не наступил повсеместный велосипедный бум, кстати, и позже не затронувший ташкентцев, если не считать подростков, прельстившихся яркими моделями малогабаритных машин.

Покупку велосипеда он, пожалуй, не мог объяснить и себе. Сказать, что такой велосипед он хотел иметь в детстве, было бы неверно: велосипеды его детства, в пятидесятых годах, были несравненно красивее и изящнее: с хромированными ободами и крыльями, с хромированной фарой, стоп-сигналом, звонком и багажником, седлом из настоящей кожи — по внешнему виду они могли тягаться с нынешними дорогими гоночными.

Татьяна, поначалу принявшая велосипед за очередную блажь, терпела, не выговаривала, хотя велосипед, висевший в тесной прихожей, не радовал ее. Она с улыбкой смотрела иногда по утрам в окно, когда он уезжал на работу. На ее взгляд, ничего не могло быть нелепее человека, разъезжающего на велосипеде в костюме и при галстукe. Осенью, когда наступала пора ранних сумерек, она беспокоилась, как он там пробирается сквозь нетерпеливые ряды машин, как пересекает плохо освещенные улицы и переулки. К этому сроку одинокий велосипедист уже примелькался на улицах Ташкента, у одних он вызывал улыбку, у других иронию, у третьих злость.

И первый по-настоящему серьезный конфликт в семье возник из-за велосипеда. Татьяна требовала убрать его из дома, говорила, что устала отвечать знакомым, не ее ли это муж разъезжает по городу, сокрушалась, что над ней потешаются все подружки. Нормальные мужчины, мол, могут помешаться на «жигулях», это понятно каждому, но велосипед... И тут же предложила занять деньги и приобрести машину. Но Руслан, как никогда прежде, был тверд и стоял на своем — велосипед и только... Татьяна даже ушла тогда к родителям и не приходила домой почти месяц, но потом накатила зима, и она вернулась. А по весне все началось сначала. Тогда она и стала называть его «велосипедистом», хотя ее мать и подружки уже давно Руслана иначе и не называли.

Пожалуй, в то время, когда Татьяна убедилась, что велосипед застрял в прихожей надолго, когда она уже не содрогалась от вопроса, как поживает ее «велосипедист», появился у нее поклонник, архитектор Карен Акопович Адалян.

Сейчас, после ухода жены, Маринюк вдруг понял, что обходительный Адалян, который иногда подвозил ее домой, был поначалу как «SOS» Татьяны: «Одумайся, семья в опасности! Посмотри, кроме велосипеда у тебя есть жена, молодая,

интересная женщина». Но он в непонятном эгоизме словно не замечал ничего вокруг. Наверное, если бы хоть однажды, даже в шутливой манере, выскажи он свой протест, может, и исчез бы навсегда неожиданно объявившийся архитектор.

В то лето, когда появился Адалян, Татьяну назначили директором Дома моделей, и ей предстояло организовать выставку узбекской моды в Варшаве. И назначение, и поездка в Польшу — все пришлось вдруг, Руслан вынужден был в одиночку ехать отдыхать в Ялту, в санаторий «Морская волна».

Отпуск они всегда проводили вместе, отдыхали неподалеку в местных санаториях с романтическими названиями «Су-кок», «Кумышкан». «Рохат», дважды побывали в Москве и Ленинграде, и эта поездка в Ялту должна была стать их первым совместным путешествием к морю. За много лет семейной жизни впервые в отпуске он был предоставлен самому себе. То ли море и обстоятельства явились тому причиной, то ли женщина настырной оказалась, то ли Руслану вдруг другой жизни вкусить захотелось — случился у него в санатории роман с молодой москвичкой. Санаторный роман — событие не редкое в наше время, чтобы упоминать о нем, но для Маринюка и он не прошел бесследно.

Настенька, двадцатипятилетняя жена полярного летчика, сама выглядела Руслана среди отдыхающих и, как потом призналась, дала слово санаторным подружкам, что непременно закurutит любовь с чернявым ташкентцем.

Как бы там ни было, она понравилась Маринюку, и он ухаживал за ней, как много лет назад за Татьяной. Каждый день после обеда ходил на набережную в цветочный магазин, простаивал за билетами в летний театр на эстрадную программу, дарил трогательные безделушки, водил в ночной бар в «Ореанде», и проводить до аэропорта, до самого Симферополя, не поленился. И потом отвечал на ее письма, как обещал. Даже после какой-то неожиданной премии отправил к Новому году флакон французских духов. Удивительно, но этот скромный флакон духов сыграл в их отношениях странную роль. Получив подарок, Настенька ответила письмом на пяти страницах. Ее восторгу, умилению, благодарности не было предела. Руслану даже неудобно было все это читать. Она писала, что муж, хотя и очень ее любит и, не в пример Маринюку,

много зарабатывает, никогда не дарил ей французских духов. Потом еще месяца три в каждом письме упоминались эти духи, так что Маринюк уже со скукой на лице вскрывал ее письма.

Когда, устав от ее назойливых писем, в каком-то ответе мягко высказав мысль, что у него не всякую неделю бывает настроение отвечать на ее частые послания, он получил скорый ответ. Тон этих страниц резко отличался от предыдущих. Она писала, зачем, мол, он ей голову морочил на море целый месяц, цветы и подарки дарил, тратился на рестораны, даже целый пляжный день потерял, провожая в Симферополь. Про французские духи упоминалось раз десять, и выходило, что такой подарок — больше, чем признание, и что нормальные люди не дарят так духов, а если дарят, то только тем, на ком собираются жениться. Писала, что он испортил ей жизнь, она уже чуть не всей Москве объявила, что расходится с мужем, и всем рассказывала и показывала, какие подарки он шлет из Ташкента. А у него, видите ли, нет настроения писать. В общем, кончалось послание тем, что он подлец и негодяй, каких свет не знал.

* * *

В общем, семейная жизнь Руслана текла во взаимных обидах, упреках, и Татьяна, больше всех нуждавшаяся в поддержке, в родных стенах покоя и утешения найти не могла. Единственным человеком, кто понимал ее и пытался помочь, оказался архитектор Адалян.

В какой-то день Татьяна почувствовала, что ее шаткая семья с чрезмерно впечатлительным и странным мужем может распасться. Двое сорокалетних людей в роскошной трехкомнатной квартире вдруг поняли, что в погоне за чем-то необычным, призрачным не нашли времени завести детей, в заботе о которых, может быть, текла бы дальнейшая жизнь, лишенная мелочного самокопания и самолюбования.

Был момент, когда Татьяна вновь потянулась к Руслану, попыталась наладить прежние отношения. Ей казалось, стоит Руслану сменить работу, попасть в иную среду, и их отношения наладятся сами собой.

Дом моделей, который она возглавляла, не выполнял частные заказы, но в исключительных случаях кое-кто пользовался

услугами известных модельеров, были среди них и люди, куривавшие строительство. Они-то обещали помочь Татьяне. Учитывая многолетний стаж Руслана, гарантировали приличное место. Руслан к радостному сообщению жены отнесся равнодушно, хотя знал, что новая должность предоставила бы ему персональную машину и более солидный оклад.

Ожидаемое женой примирение закончилось еще большим разладом.

* * *

Странно, но после ухода Татьяны Маринюк остыл к велосипеду и без сожаления подарил его мальчишке из соседнего подъезда.

На службе в долгие часы безделья он не раз пытался понять, что же мешало ему сделать это раньше, когда так просила, умоляла жена, и выходило, как ни крути, как ни изощрайся в оправданиях — иначе, чем капризом, это не назовешь.

В эти дни впервые приснилась ему Валя Комарова. Снилось молодой, красивой, только вот наряды у нее были почему-то Татьянины, и знала она о нем гораздо больше, чем он предполагал. Но не была она мила и нежна, как в тот раз, не говорила о его утраченном смехе, и даже улыбкой, ласковым взглядом не одарила.

Припомнила она тот давний-давний вечер и их первый в жизни несостоявшийся поцелуй. Она призналась, что действительно хотела, чтобы все было как в кино, но стоило ли судить ее так строго, ведь ей, провинциальной девчонке, было всего пятнадцать...

— А не играл ли и ты в жизни чужие роли, мой строгий судья? — серьезно спрашивала Валентина. — Разве оскорбился ты, разве пытался отмежеваться, когда тебя принимали за некоего Марсея? Нет! Тебе хотелось быть сыщиком и вором одновременно, хотелось прожить жизнь в тысячах лицах. Людей, давших тебе жизнь, ты стыдился, стеснялся их, таких, какие они есть...

— Уйди прочь! Не трави душу! — хотел крикнуть Руслан, но безжалостная Валентина в платье Татьяны и рта не давала раскрыть.

— Хотел прожить, как в оперетте — грустно и красиво. Но жизнь без борьбы не бывает, тем более у мужчин. За два

билета на балет обиделся на весь свет и оставил работу, нужную себе и людям.

Он покорно склонил голову. Она была права, что и говорить.

— А за жену ты боролся? Смотрел со стороны, как уводят ее. Тебе не было дела до нее, ты занимался самокопанием и игрой в подставные лица...

— Оставь меня! Не желаю слушать, — хотелось кричать Руслану, но он почему-то не мог издать ни звука. Так бывает, когда падаешь в пропасть, хочешь кричать, проснуться — и не можешь.

— Ты всегда желал, чтобы понимали тебя, чтобы угадывали даже малейшие капризы твоей утонченной, как ты считал, души. А попытался ли ты хоть раз понять близких тебе людей?

Руслан вдруг сник и, не смея возражать, сидел, вжавшись в кресло, ожидая, когда же она замолчит, уйдет, растает, оставит его одного.

— А как назвать вас, сорокалетних Игорьков, Славиков, Русланчиков, на чьих плечах не лежат ни семейные, ни родительские, ни государственные заботы? Умные, образованные, утонченные — как вы считаете, — вы сознательно уходите от трудностей, свысока поглядываете на всех вокруг, иногда снисходите до советов, а потом вдруг удивляетесь, что и без вас идет жизнь и земля по-прежнему крутится.

Что молчишь? Может, я не права? Говори, теперь я слушаю тебя, хотя знаю, что ты припас аргументы на все случаи жизни, — сказала Валентина и отошла к окну.

— Да нет у меня никаких аргументов, — устало ответил Маринюк и проснулся.

До рассвета было еще далеко, но глаза больше сомкнуть не удалось, мысли кружились вокруг странного и неприятного сна. «Надо написать родителям, что приеду на Первое мая, — вдруг подумал Маринюк. А может быть... может быть... позвонить Татьяне?».

*Ташкент, Ялта,
май 1981*

Интервью для столичной газеты

Повесть

Еще не было девяти, а колония давно обезлюдела — летом людей вывозили на объект почти с рассветом. Только у лазарета, дожидаясь врача, нерешительно мялись два парня, не знакомых Гимаеву, наверное, из последнего пополнения. В зоне, вообще-то, все знакомы: и конвойные, и заключенные знают друг друга в лицо.

Увидев Гимаева, парни на миг приободрились и приветливо помахали руками, но Максуд никак не прореагировал на этот дружеский жест, с ними попрощаться не хотелось. Опытным глазом он определил сразу: с этими двумя мучиться в бригаде и врачам — хронические «лазаретчики», готовые на любые анализы, обследования и даже операцию, готовые угробить свое здоровье — такие и на воле не очень-то перерабатывают.

— Максуд, счастливо! — окликнул Гимаева с ближней сторожевой вышки сержант. Они были в колонии старожилами, Максуд даже с большим стажем: Вазгену оставалось служить до демобилизации и возвращения в свою Армению еще полтора месяца. Инженер ответил караульному улыбкой и помахал рукой.

В колонии редко кто остается без клочки, была она и у Гимаева — Инженер, но он и в самом деле был инженером. Инженер был в колонии человек известный, и у конвойных, ребят моложе его, пользовался симпатией.

К комендатуре он подошел, как и рассчитал в бессонную ночь, без пяти девять. Законный час освобождения, высчитанный до последних минут, откладывать он не позволит никому: не зря же существует традиция — освобождать с утра. До заветной двери оставалось несколько метров, но он сбавил шаг. «Мне не нужно ни щедрости, ни милости», — подумал он беззлобно и шагнул к двери только тогда, когда репродуктор во дворе объявил: московское время семь утра, что по-местному равнялось девяти, а для Гимаева это еще и означало, что отбыл он свои три года от звонка до звонка.

— Здравствуйте, — сказал он торопливо женщине за конторкой.

— Доброе утро, Гимаев. Ваши документы готовы, пожалуйста, — она протянула ему амбарную книгу, где он трижды проставил жирную закорючку: за документы, за деньги, за вещи, три года пылившиеся в подвале каптерки.

Как ни настаивала женщина, деньги пересчитывать он не стал, хотя сумма и была значительной, мало кто, выходя на волю, расписывался за четырехзначную цифру.

Гимаев небрежно сунул деньги в боковой карман потертой спортивной сумки. Жест этот не прошел мимо взгляда дежурной, и хотя она сделала строгое лицо, но это было скорее внешнее, — по душе ей были именно такие люди: ведь так обращаются с деньгами те, кто действительно не придает им чрезмерного значения.

— В подобных случаях я обязана сказать напутственное слово, но сегодня я в затруднении, — она развела руками. — Я знакома с вашим делом, и мне нечего сказать вам, разве что от всей души пожелать счастья и удачи. Надеюсь, уж здесь-то вы узнали цену этим словам. Вчера, подписывая бумаги, начальник посетовал, что Инженера нам будет не хватать...

— Нет уж, с меня довольно, — усмехнулся Максуд и подхватил с пола свою тощую сумку. — Прощайте, не поминайте лихом...

— Не таите и на нас зла, — услышал он уже в коридоре брошенные ему вслед неофициальные слова.

Он торопливо, почти бегом, одолел длинные беззаконные коридоры комендатуры и оказался у проходной — часы показывали пять минут десятого.

Молоденький часовой из новеньких, как показалось Гимаеву, слишком долго и пристально осматривал только что выданные документы, а затем с лентой, молча отпустил щеколду вертушки.

«Сопляк!» — зло ругнулся про себя Гимаев и тут же забыл его прыщавое лицо.

Он сделал шаг за ворота и вдруг остановился, словно задохнулся: казалось, там, в нескольких шагах за спиной, то же солнце, тот же воздух, та же выжженная, скудная казахстанская земля, но здесь была земля свободных людей, здесь был воздух воли! Ох, каким сладким, неземным показался этот первый глоток! Гимаеву на миг даже сделалось нехорошо. Он не считал себя сентиментальным и, хотя слышал, что подобное случается со многими, никогда не предполагал за собой такой слабости. Наверное, по-настоящему свободу может оценить только человек, терявший ее. Но миг слабости был столь короток, что караульный, с любопытством наблюдавший за Инженером, кажется, даже не заметил, как у него сбился шаг. Солдат ожидал, что освобожденный оглянется хотя бы раз, но Гимаев, так и не обернувшись, вскоре исчез за углом.

Первый день, по крайней мере, первые часы у него были рассчитаны по минутам, и он знал, как проведет время до самолета, которым собирался улететь. Удивительно, порою непостижимо, как досконально в колонии знают жизнь города, на улицы которого заключенные никогда не ступали, потому что и на работу, и обратно их возили в крытых машинах.

Городок был невелик, но рос, как говорится, не по дням, а по часам, в этом чувствовался не известный Гимаеву резон. Строился он умно, без бараков, без времянок, без суеты, по индивидуальному проекту. Кварталы аккуратных, в два этажа коттеджей из светло-желтого привозного кирпича для научной элиты, еще разбросанной по разным городам страны и, возможно, не подозревающей о своем скором переезде на работу сюда, чередовались с массивами уже редких ныне четырехэтажных домов. Городу еще строиться и строиться, но все парки, скверы, сады и рожи были уже разбиты, и за ними в городке существовал особый надзор. В колонии нашелся человек редкой профессии — специалист по парковой архитектуре, так он трижды на неделе с самим председателем горисполкома

объезжал молодые посадки. Горисполком желал заполучить редкого и толкового специалиста во что бы то ни стало: архитектор только ночевал в колонии; поговаривали даже, будто горисполком и семью архитектора выписал, предоставив ей квартиру в центре города, но за достоверность этих слухов Гимаев поручиться не мог.

Максуд шел по утренним тщательно убранным улицам, ни у кого не спрашивая дороги, не озираясь по сторонам, даже не обращая внимания на аккуратные таблички на домах, он безошибочно двигался к намеченной цели. Как и многие, он знал о городе и горожанах достаточно: каждый в зоне считает своим долгом одарить советом, подсказать что-нибудь важное всякому выходящему на свободу.

Проходя мимо строительного треста, Гимаев, например, знал, что стоит ему позвонить некой Наташе, и он мог бы провести сегодня приятный вечер.

— Отрываю от сердца, — сказал, передавая ему номер телефона и записку, парень из соседнего барака по кличке Ален Делон. Наташа не волновала Гимаева, но телефон он взял: не стоило обижать человека — такие «подарки» делают не каждому, Инженер это знал.

Проходя мимо одного из трех строительных управлений, Гимаев вспомнил, что здесь работает заместителем начальника по быту некто Корятов, картежник-неудачник, который даже за часть тех денег, что лежали у него сейчас в старой сумке, «сделал» бы ему квартиру непременно.

Инженер знал, каков у Корятова карточный долг, и безошибочно предвидел его судьбу. Жизни Корятова в колонии он не позавидовал бы: там не любят тех, кому судьба на воле представляет шанс жить достойно и безбедно, а они желают хапнуть лишку — большим чиновникам, склонным к казнокрадству, не мешало бы об этом знать.

Квартира в этом городе Гимаеву была не нужна, порочного начальника не жаль, и он равнодушно прошел мимо управления — обладатель тайны незнакомого ему человека. Он направлялся в небольшой промтоварный магазин на окраине, которым заведовал некий дядя Костя из Ташкента. Он знал, что в магазине тоже задержится недолго, не более получаса, потому что специалист по парковой архитектуре давно закинул дяде Косте

список необходимых для Инженера вещей и даже успел получить подтверждение, что все будет исполнено в лучшем виде.

Дядя Костя встретил Максуда как родного — сразу запер магазин, повесив на двери солидную табличку «Санитарный час». Потом он внимательно оглядел Инженера с ног до головы, будто удостовераясь, что это действительно тот самый человек, достал из-под прилавка большую вишневого цвета кожаную дорожную сумку. Расстегнув ее ловким движением, вынул несколько рубашек разных расцветок и бросил на прилавок.

— Я думаю, что на размер меньше вам будет в аккурат, — прокомментировал он свой жест и тут же положил перед Инженером стопку других. — Прошу! — дядя Костя щедрым жестом распахнул ширму примерочной и ногой подтолкнул в нее туго набитую сумку.

Максуд доставал носки, тонкое летнее белье, обувь, из пачки китайских носовых платков «Хризантема» отобрал платочек под цвет рубашки. Вышел он из примерочной в светлых вельветовых джинсах, голубом батнике с короткими рукавами, в матово блестящих коричневых мягких туфлях, а сумка казалась нетронутой — у нее так же раздувались бока. Пока он выбирал себе часы, дядя Костя размещал в ней какие-то свертки.

В простенке между входной дверью и окном Гимаев вдруг увидел свое отражение. Удивленный, он подошел к зеркалу. В маленьком карманном зеркальце, которым он пользовался все эти годы для бритья, лицо можно было разглядеть лишь по частям, да он и не испытывал в этом надобности. И вдруг увидеть себя через три года в полный рост, как в кино, — это было неожиданностью. Из зеркала смотрел на него элегантно одетый молодой человек высокого роста. Инженер даже успел подумать, что в лучшие свои годы он не был никогда так модно одет. Нет, он не похудел, не поправился, но не был и таким, как прежде: заматерел, затвердел, окреп, что ли, от каждодневной тяжелой физической работы, сила чувствовалась в каждом движении, каждом шаге. Что-то изменилось в лице. Прежде он никогда не был таким загорелым, хотя назвать просто загоревшими обожженное немилосердным солнцем лицо, шею, руки нельзя было даже с большой натяжкой. За долгое лето кожа так шоколадно дубела, что и за зиму ей не удавалось

посветлеть, а там — снова солнце, от которого спасу нет до поздней осени. Обнаружил он и две тяжелые складки у губ — в общем, это было знакомое и незнакомое лицо волевого, упрямого человека.

Пожалел он только о волосах. Иссиня-черные, как у многих восточных людей, густые, волнистые, они всегда были предметом его особой заботы. Своих волос, считай, он не видел три года. За полгода до окончания срока он получил разрешение отпустить волосы, но ему не повезло: два месяца назад неожиданно нагрянула какая-то инспекционная проверка, и пришлось постричься, а прическа была уже что надо. Сейчас волосы отросли настолько, что обозначался четкий пробор. Ален Делон даже сказал, что нынче такая короткая стрижка в моде, но это не обрадовало Инженера: у него были свои привычки.

Вглядевшись внимательно в зеркало, он удивленно провел рукой по волосам: голова была наполовину седой.

— Ничего страшного, не красна девица, — сказал вдруг нарочито грубо дядя Костя, будто прочитал его мысли.

Сумка, уже застегнутая, стояла на полу, а на прилавке, на свежей салфетке, лежали ловко разделанная курица, свежие огурцы и помидоры, вкус которых Гимаев уже забыл, зелень, брынза. Дядя Костя отвинтил пробку «Столичной» и разлил по стаканам.

— За счастье и удачу, вот такой банальный тост, Инженер, — сказал завмаг. Он, похоже, знал о своих клиентах достаточно. — Куда держим путь? — спросил дядя Костя, не притронувшийся к обильной еде, он только следил, чтобы Максуд брал побольше.

— Сегодня ближайший рейс только на Ташкент, а там уже решу, куда двигаться, оттуда улететь просто... да и здесь ни минуты не хочется задерживаться...

— Понимаю, понимаю, — завмаг покачал головой. — Я ведь ташкентский — наверное, слышал? Ташкент — удивительный город, советую приглядеться. Есть где тормознуть на несколько дней?

— Нет, я там никогда не бывал. Как-нибудь... мир не без добрых людей.

— Зачем же как-нибудь, да и добрых людей нынче долго искать приходится. — Завмаг встал и взял с полки потрепанную

записную книжку. — Это моя старая клиентка, администратор хорошей гостиницы, передашь привет от дяди Кости — десять лет одевалась у меня. Конечно, мог бы и у меня дома остановиться, хоть и у сыновей — у каждого кооператив в центре города, да не хочу, чтобы ты общался с ними, успеешь, навидеешься еще таких...

На том они и распрощались с дядей Костей. Шагая к центру, чтобы добраться до аэропорта, Гимаев думал о завмаге. Его беду он знал.

В молодости дядя Костя, парень, по его собственным словам, незаметный, невидный, влюбился в красавицу Манечку Шилову. На танец пригласить, не то чтобы проводить домой, казалось для Кости неразрешимой проблемой: сквозь строй ухажеров Манечки не пробиться, да парни какие — один лучше другого, а уж отчаянные! Косте тягаться с ними было даже не тяжело, просто смешно. Но однажды зашла Манечка к нему в магазин и спросила какую-то вещь, которая в то время была дефицитом, только слова такого в ходу не было — за это дядя Костя головой ручался. Он с радостью отдал эту вещь Манечке и заверил, что из-под земли достанет все, чего она только ни пожелает.

С того дня она и стала замечать неприметного Костика, которого раньше в упор не видела. Правда, не очень баловала его Манечка вниманием, но если увидит, непременно улыбнется, спросит о чем-нибудь. И в круг своих ухажеров чуть ли не за руку ввела. Но там, среди ребят известных, он не пыжился, всегда готов был угостить дорогим по тем бедным временам «Казбеком», а то и бутылку выставить. По натуре Костя не был жадным, а тут, на глазах возлюбленной и ребят авторитетных, ему и вовсе хотелось выглядеть щедрым, и это ему удавалось — в то лето он приобрел известность на Кашгарке.

Тогда же он понял, что нет для Манечки ничего милее на свете, чем наряды. Пусть мелочь: сумка, косынка, перчатки, простенькие босоножки, флакон духов — как радовалась она любому подарку! И от подарка к подарку теплее относилась к Костику, еще полгода назад он об этом и мечтать не смел.

Как-то зимой она пришла перед самым закрытием, и они, открыв бутылку вина, засиделись в магазине допоздна. Манечка, веселая, возбужденная от вина, примеряла обнову за обновой

и демонстрировала туалеты Костику. Тогда они оба, пожалуй, не предполагали, что существует такая профессия — манекщица, но этим талантом, безусловно, обладала шальная Манечка, да и хороша она была чертовски! Когда она примеряла темно-синее в талию зимнее пальто из дорогого драпа с воротником из пышной чернобурки, вдруг побледнела, сникла сразу — куда девалась и веселость — и чуть не плача сказала:

— Костя, милый, если бы ты знал, как мне хочется это пальто. Лучше повеситься, чем снова ходить в старом мамином.

Не снимая пальто, она подошла к молчавшему Костику и вдруг, обняв его шею руками, поцеловала в губы. Поцеловала жадно, страстно, как никогда никого в жизни еще не целовала. Ушла она из магазина за полночь, с аккуратно перевязанным свертком.

Всю зиму они сбегали, не дожидаясь конца, с танцев в Доме офицеров и миловались то у него в магазине, то у Манечки дома, когда ее мать работала в пекарне в ночную. Благодарный за ласки, Костя без сожаления отдавал Манечке из магазина все, что ей нравилось. Он так заворовался, что уже и не боялся, брал, что хотел, решив: семь бед — один ответ, и к ответу он в душе был готов. Ревизии? Случались и ревизии. Приходил ревизор, долго, тщательно, не день и не два проверял, стучал костяшками, непременно находил недостачу. Нудно стращал Костика, составлял грозный акт, а затем вдруг, когда Костя уже считал, что отгулял свои свободные денечки, ревизор называл сумму отступного, акт рвали, составляли другой — и все начиналось сначала.

Другие ревизоры ему пока не попадались, хотя он чувствовал, что другой ревизор есть, только его черед еще не наступил; так и жил он, как на вулкане.

Весной Манечка испуганно призналась, что, кажется, забеременела. Ревизия только прошла, и Костя, ходивший на радостях петухом, тут же предложил ей выйти за него замуж. Ситуация по тем временам была непростая, и Манечка дала согласие, а уж радость Костика была беспредельной: он любил свою Манечку. Сыграли свадьбу, опять же крупно запустив руку в кассу магазина. Следующая ревизия должна была стать последней, потому что уже не сходились никакие концы. Но случилось чудо: в день рождения сына, когда Костя

«дежурил» у роддома, магазин из-за короткого замыкания в какой-то час сгорел дотла.

На пепелище он плакал так иступленно и искренне, что всем собравшимся было жаль завмага. Но плакал Костя не из-за страха, — чего же ему бояться? — эти иступленные слезы были слезами признательности чему-то неведомому, что он называл Судьбой и что спасло его от верной гибели.

С того дня он не то чтобы стал верующим, но и в церковь иногда тайком забегал, а сына крестил по всем правилам. Получил он новый магазин — директор торгового при случае всем рассказывал, как убивался молодой завмаг, ставил другим его в пример за преданность делу. Вообще-то в застенчивом Костике тогда трудно было заподозрить хапугу, даже такому тертому человеку, как директор торгового.

Манечка, как вышла замуж, считай, толком не работала всю жизнь. Правда, одно лето устроилась билетершей в летний кинотеатр, что открыли неподалеку от дома, да и то частенько вместо нее впустить зрителей в зал приходили то мать, то Костик, а уж убирала зал и закрывала на замок не Манечка, а соседская ребятня, которую она пускала без билетов.

Через два года она родила еще одного мальчика. Может, материнство тому было причиной, но Манечка расцвела такой дивной красотой, что все знавшие ее только поражались. Росли сыновья, шли годы... Костя по-прежнему потихоньку приворовывал, но теперь более осторожно, изощренно, а Манечка все цвела, казалось, ее красота не подвластна времени. Не теряла она интереса и к нарядам, даже наконец-то развила в себе вкус.

Все было бы ничего, к Манечке и ее капризам Костя привык, но вот сыновья, которых он любил, о которых мечтал, что вырастут они достойными людьми, стали огорчать его еще в школе. Они унаследовали, как думал Костя, от матери не только внешность, но и все ее пороки. Сколько и чего только ни пришлось давать и репетиторам, и в школе, чтобы его оболтусы получили аттестаты, но этим занималась сама Манечка, и у нее неплохо получалось.

Такого тройного пресса дяде Косте бы не выдержать, но наступили «золотые» годы дефицита: народ стал жить получше, и чтобы заполучить хорошую вещь, покупатель не скупился. Не какой-нибудь там четвертной — полсотни сверху давали, а

иная дефицитная вещь стоила две цены; с другим же товаром дядя Костя даже и не связывался.

Одно время в узком кругу к нему даже приклеилась кличка Мистер Бельгийское Пальто. Сколько он продал этих пальто — не счесть! А Манечка тем временем устраивала, переводила из института в институт, с курса на курс сыночков. Каждый переход, каждая сессия обходились Мистеру Бельгийское Пальто в кругленькую сумму. В некоторых институтах, как и у него в магазине, существовала твердая такса на все, и это возмущало дядю Костю: такса казалась ему чрезмерно завышенной. Но для сыновей ему ничего не было жаль, верилось — выучатся, образуются.

Образумились... Уехали вдвоем на новых «жигулях» отдыхать на море, в Сочи, — вернулись через два месяца самолетом, прогуляв машину. А однажды, когда они с Манечкой отдыхали в Крыму, получили от любимых сыночков телеграмму: «Предлагают выгодный обмен квартир: Чиланзар пятый этаж совмещенный санузел доплата три тысячи заодно можно продать и мебель как быть». Дядю Костю чуть инфаркт не хватил: квартира в центре, в пять комнат, перестроенная «от и до», мебель под старину — все находилось под угрозой, своих деток они хорошо знали. Пришлось срочно переводить деньги. Откуда только дядя Костя ни выкупал сынков: из милиции, ГАИ, вытрезвителя, даже из цыганского табора, когда они уговорили цыган всю ночь играть и петь для своих друзей, наобещав золотые горы.

Свадьбы, квартиры, разводы, снова свадьбы — от этой круговерти дядя Костя так устал, так ему все надоело и осточертело, что в один прекрасный день он тайком уложил чемодан и ... сбежал. Это был, как он сам признавался, кажется, единственно достойный поступок в его жизни.

Говорят, однажды дядя Костя, рассказывая про своих удальцов, заявил в сердцах, что сыновья стали ему в такую копеечку, что гораздо дешевле было бы отлить две их статуи в натуральную величину из чистого золота, чем содержать их. От судьбы не уйдешь, философски замечал он: догонит — не так, так этак...

Жил здесь дядя Костя спокойно, ревизоров не боялся: он «завязал», ему самому уже ничего не было нужно.

От прежнего у него осталось лишь некоторое профессиональное самолюбие: он считал себя в силах помочь кому-то и помогал, но теперь это был не «нужный» или денежный человек, как раньше, а уважаемый лично им, дядей Костей, человек, как, например, архитектор-садовод.

В Ташкент Максуд прилетел, как и предполагал, к обеду. Рекомендация дяди Кости сработала безотказно, и он поселился в прекрасной гостинице, в просторном номере с кондиционером. Возвращая документы, администратор, красивая, еще молодая женщина, игриво сказала:

— Поздравляю вас с днем рождения, Максуд Ибрагимович.

Гимаев опешил... Да, у него действительно был день рождения, и не просто день рождения, ему сегодня стукнуло тридцать лет... Он ходил из угла в угол в своей прохладной комнате и усмехался. День рождения... Этот день он теперь никогда не забудет: считай, с самого утра сплошные подарки — освобождение, встреча с дядей Костей, неожиданно принявшим доброе участие в его судьбе, роскошная гостиница, в которую ему самому никогда не попасть бы... В общем, было чему радоваться, и он решил отметить это событие.

К вечеру, когда жара немного спала, Гимаев решил прогуляться. Окна его номера на десятом этаже выходили на большой тщательно спланированный парк, и сверху ему хорошо были видны гуляющие люди, столики на открытом воздухе, аттракционы — картина счастливой праздной жизни так взволновала, что у него защемило сердце. В этот парк через дорогу он и направился.

«Наверное, нашему архитектору этот парк понравился бы», — думал Гимаев, гуляя по дорожкам, посыпанным влажным красноватым песком.

Когда он проходил мимо аттракционов, его окликнули с качелей две девушки — попросили раскачать их немножко. Девушки были юны, милы, азарт уже раздурманил их щеки, просьба звучала как требование, но Гимаеву это было приятно.

Тяжелые, давно не смазывавшиеся качели были словно рассчитаны на силу Максуда, и через минуту девушки уже визжали от радости и страха, взлетая намного выше соседней люльки. На лету он вновь подхватывал туго натянутую цепь, смеющиеся девушки улетали дальше и выше всех, азарт захватил самого

Максуда, он уже смеялся, охваченный весельем, кричал что-то озорное, и если не слышал ответа, то догадывался: говорили ему девушки что-то приятное, даже ласковое — это он читал на их славных лицах. Они бы катались еще, но образовалась очередь жаждущих, привлеченных азартом и весельем. Максуд остановил качели. Доверчиво, как старому знакомому, девушки позволили ему снять их с высоких лодок.

— Вам не мешает остыть, — сказал Максуд, лишь только они вышли за ограду аттракциона, и показал рукой на кафе-мороженое, что расположилось у пруда, напротив.

— Пожалуй, не помешает, — согласились девушки, переглянувшись, и рассмеялись: у них было отменное настроение.

— Может, вы представитесь, наш неожиданный и великодушный спутник, — сказала та, что была бойчее.

— Максуд. Меня зовут Максуд.

— А меня Каринэ, — ответила девушка, — а подружку Наташа, — и они протянули ему по очереди руки.

За столиком все в том же шутовском тоне Каринэ сказала:

— А теперь подивитесь нашей проницательности: вы только что с моря, у вас такой загар, просто зависть берет. Вы ловкий, хорошо тренированный — значит, спортсмен. Наверное, на корте бываете каждый день?..

Максуд улыбался, не перебивал.

— А нам в этом году отдохнуть не удалось, только вчера вернулись из стройотряда, кашеварили все лето с Наташей.

— Да, за нами такой талант замечен, — вставила молчавшая доселе Наташа. — Да сегодня вот решили в светскую жизнь удариться, и сразу такая удача — приятное знакомство... — Наташа улыбнулась.

— В светскую — так в светскую, — подхватил Максуд, уже освоившийся с их шутовской манерой разговора.

Гимаев был благодарен им за то, что они, сами того не ведая, праздновали его вхождение в новую жизнь. Что и говорить, в последние годы стиль, манера, лексика его разговора были иными, хотя он усиленно избегал жаргона, этой трудно смываемой накипи. Гимаев был признателен Алену Делону. Это он с первого дня знакомства внушал Инженеру, что сначала усваивают жаргон, затем стиль, а это уже дорога в другую жизнь.

— Я приглашаю вас в ресторан, тут рядом, при гостинице.

— Так сразу? В «Юлдуз»? Это чересчур дорогое заведение, молодой человек, мы туда каждый день не ходим, — призналась Каринэ.

— Ах, как хочется танцевать! — Наташа кокетливо повела плечиками. — Жаль, никогда не была в «Юлдузе», там, говорят, такой оркестр! — и девушка вновь озорно, как на качелях, рассмеялась.

— Я думаю, сегодня можно пойти. У меня событие — день рождения, даже в некотором роде юбилей — тридцать лет.

— Ах, вон вы, оказывается, какой? А мы уж подумали: наш рыцарь не только силен и ловок, но и серьезен, а вы — день рождения! Как банально, примитивно, учтите, мы таких не любим, правда, Наташа? — и Каринэ шутя взялась за сумочку.

— Но он действительно производит серьезное и положительное впечатление, так подсказывает мое сердце, — застучилась за Гимаева Наташа.

Так или приблизительно так, шутливо препираясь, они двинулись к гостинице. Прежде чем войти в ресторан, девушки решили позвонить домой, предупредить родителей, но все автоматы поблизости оказались неисправными. Гимаев, видя их огорчение и растерянность, предложил подняться к нему в номер и позвонить.

— Так вы живете в этом мраморном дворце, мистер Икс? — поразилась девушки.

— Да, я проездом, на несколько дней, — ответил Максуд.

— Какая скромность — проездом! Море, курорт, корты. Ташкент, немного Востока! Небось, и номер у вас «люкс», — продолжали весело наседать на него девушки, но подняться к нему согласились, уж очень разбирало их любопытство, да и позвонить нужно было обязательно.

— Наташа, непременно следует выяснить, не шейх ли арабский наш знакомый? — сказала Каринэ, оглядывая его просторный и прохладный номер.

— А это мы сейчас, — ответила Наташа, увидев на столе документы. Открыла страничку и радостно вскрикнула: — Каринэ, а я все-таки права, мое сердце не проведешь: у него действительно день рождения!

— А я думала, он гораздо моложе, — оставила за собой последнее слово Каринэ, набравшая номер телефона.

Жили девушки неподалеку, на набережной Анхора, и Гимаев провожал их после ресторана по вечернему Ташкенту пешком. Наташа жила ближе, чем Каринэ, и распрощалась первой. Прощалась с заметным сожалением: вечер удался на славу, и расставаться было жаль.

Едва Наташа скрылась в подъезде, Каринэ взяла Гимаева под руку и, несмотря на поздний час, предложила пройтись еще немного вдоль реки.

— Знаете, я весь вечер внимательно наблюдала за вами... вас радовали какие-то мелочи, которым другие обычно не придают значения. И танцевали вы с радостью — я чувствовала это ваше состояние. Что за всем этим кроется?

— Каринэ, мне бы не хотелось вас огорчать, омрачить такой приятный вечер. Я очень благодарен вам с Наташей. Но если уж вы настаиваете... То, что я скажу, вас удивит, пожалуй ...

— Он усмехнулся. — Только сегодня утром я освободился из заключения, сегодня же прилетел в ваш прекрасный город, встретился с вами, отметил день рождения. Я думаю, это слишком много для одного дня, поэтому, пожалуйста, больше не расспрашивайте меня ни о чем...

— Конечно, конечно, извините меня за назойливость, я об этом и подумать не могла...

— Я инженер. И у меня была авария на работе.

— Бога ради, не объясняйте, я ни на секунду не усомнилась в вашей порядочности, я чувствую: вы не могли сделать подлость.

Они повернули от реки и долго шли молча, Прощаясь у ее дома, Каринэ предложила встретиться завтра пораньше, с утра, чтобы по прохладе показать Максуду Ташкент, и пригласила составить компанию на пляж; они с Наташей давно решили, что в воскресенье поедут на озеро Рохат, где ташкентцы любят проводить жаркие летние дни.

В эту ночь ему впервые за три года приснился сон. Он уже считал, что сны ушли от него навсегда, и жалел об этом. Такой сдвиг он обнаружил только у себя, другие, считай, только снами и жили, а какие цветные сны снились Алену Делону! Заслушаешься, от зависти умереть можно! И вдруг сон, пусть не самый желанный, красивый, но все же сон.

Приснился ему следственный изолятор, где его содержали до суда, и неожиданный визит к нему аккуратного тихого

старичка. Он оглядел камеру печальными глазами и, не решаясь присесть на единственный табурет, сказал совсем не по-казенному:

— Молодой человек, назначен день суда по-вашему делу, по закону вам положен адвокат...

Гимаев перебил его:

— Я уже говорил, что виновным себя не считаю, а на адвокатов у меня денег нет, не успел еще заработать...

— Не горячитесь, молодой человек, вы и так, на мой взгляд, уже наломали дров, — и, видя, что заключенный не собирается предлагать сесть, прошел к табурету.

Максуд не ожидал от старика такой настойчивости.

— То, что вы отказались от защиты, зафиксировано в деле, это ваше право, вы вольны защищать себя сами. Но вы, видимо, не знаете, что суд предоставляет, при желании, обвиняемому защиту бесплатно, и я, ваш адвокат, буду представлять ваши интересы в суде. Теперь, когда вы немного остыли, пойдём дальше. Расскажите, как проходили встречи со следователями? По-вашему делу не обязательно брать под стражу до суда, вы не уголовник, не потенциальный преступник, и у вас, как мне кажется, не было мысли пуститься в бег.

Гимаев, опершись о плохо оштукатуренную стену, долго молчал. Он вспоминал следователя, своего ровесника, холеного сытого парня, юриста в третьем поколении; дед его до сих пор был бессменным судьей, отец — прокурором, так сказать, трудовая династия. Сестра и брат следователя тоже были юристами. Держался он как Бог, только к тому же был зол и властен. Вызовы он назначал в рабочие часы, и дважды, как назло, в это время на объект Гимаева подавали вагоны. Считая, что вагоны важнее, — козе понятно, Максуд опаздывал на допрос. Хотя следователь и маялся от безделья в конце дня, в первый раз Гимаева не принял, а во второй раз, когда тот опоздал на час, спросил строго, намерен ли Гимаев еще мешать следствию. Максуд, не предполагая, чем это для него обернется, честно признался, что, если случится что-то важное на объекте, может, и опоздает, такая, мол, работа начальника участка, а вагоны — не шутка, один час простоя оценивается в тысячи рублей.

Это признание вывело следователя из себя: ах, незаменимый человек, занят он, а тут бездельники, значит... и понесло.

Закончил злым шепотом: вот, мол, сейчас, сию минуту покажу тебе, какая ты незаменимая личность, — и выписал ордер на арест, как уклоняющемуся от допросов.

Ничего этого Гимаев старику рассказывать не стал, только с нескрываемой иронией признался:

— Я думаю, он был строг, но справедлив, я ведь срывал ему плановые сроки.

Старик был дока в своем деле; лично зная следователя, ясно представил его встречи с этим ершистым парнем, потому вопрос не повторил.

Сон был рваный, странный: то смещалось время, то в драматические минуты персонажи начинали вдруг нести ахиною, никакого отношения к делу не имеющую; так случалось, когда появлялся прокурор. Он говорил о каких-то полевых цветах, но Гимаев-то точно помнил его речь. Прокурор доказывал, что такому безответственному специалисту, высказывающему вредные и обидные слова в адрес погибшего, представляющего Его Величество рабочий класс (так и сказал), — не место на свободе, и требовал не только предельного срока по статье обвинения, но считал, что не мешало бы еще какую-нибудь статью подыскать. Прокурор был тучен, вальяжен, имел хорошо поставленный голос и удивительно напоминал следователя. Потом, гораздо позже, Гимаев узнал, что это был один из членов династии.

«Попал под семейные жернова», — прокомментировал Ален Делон уже в колонии.

Гимаев видел пустой зал суда — процесс никого не заинтересовал. Не интересовал даже семью погибшего — пенсию ей назначат при любом исходе. Говорят, жена погибшего, маляр из соседнего управления, в сердцах даже обронила: слава Богу, что Господь приборал. Бедная женщина, тащившая семью, не только никогда не видела зарплаты мужа, но и не чаяла, как от него, пьяницы, избавиться. А тут такой исход, и ежемесячная пенсия детям — как не обрадоваться, хотя и кощунственно, вроде.

Но все становилось на место, когда давали слово адвокату, это уже напоминало хронике — никаких вольностей, сплошные документы.

Адвокат был немолод, если бы позволялось, ему было бы сподручнее говорить сидя, но ритуал оставался ритуалом,

и старик, опираясь на спинку стула, говорил долго и поначалу, казалось, нудно.

— Я многие годы проработал в суде, и это мое последнее дело, я ухожу на пенсию, вы знаете об этом, — адвокат почтительно поклонился в сторону судьи. — В нашем городе никогда не было ни большого строительства, ни такого крупного предприятия, как этот строящийся комбинат, где произошел несчастный случай со смертельным исходом, поэтому у нас прежде не встречалось в суде подобных дел. Мы с вами — специалисты по кражам, хищениям, разводам и прочим, более привычным делам, даже стали экспертами по автомобильным авариям, с тех пор как автомобили забили тесные улицы нашего некогда дремотного городка. Поэтому к такому уникальному в нашей практике делу нужно подойти очень внимательно, осторожно, ведь наше решение станет прецедентом, на нас будут оглядываться.

В деле нет корысти, преднамеренности, нет запутанной интриги, невыясненных обстоятельств, все, вроде бы, предельно ясно, только эта ясность столкнула диаметрально противоположные взгляды, один взгляд, к сожалению, со скамьи подсудимых. К этому я еще вернусь, а пока перейду к личности обвиняемого. Однако прежде я должен сказать, что за свою долгую практику я никогда публично не признавался в симпатии к своему подзащитному. Это запрещенный адвокатский прием, но мой последний подсудимый мне глубоко симпатичен, и я не боюсь, что такое признание помешает моей репутации адвоката.

Мой подзащитный не сделал ничего, чтобы помочь себе в суде. К сожалению, так же он, видимо, вел себя и на следствии. Я убежден — это должно быть истолковано не только как максимализм молодости, но и как сознание абсолютной правоты своей позиции. Ни единым словом он не обмолвился о своей биографии, а она у него, несмотря на молодость, интересная, это уже сознательный и, смею считать, достойный гражданин. Все, что я знаю о нем и доложу вам, — он сделал вновь легкий поклон в сторону судьи, — я собрал по крупицам сам.

Трудовая биография его началась еще до армии, работал на стройке, потом служил в стройбате. Служил и работал в армии достойно, я прилагаю к делу справку, присланную из части. После армии закончил в Москве один из старейших

и уважаемых технических вузов — Бауманское училище. Закончил с отличием. В характеристике из института говорится, что последние три курса Гимаев был председателем научного студенческого общества. Оказывается, это по его предложению на всех домостроительных комбинатах страны используются технология декоративного покрытия наружных панелей. Вот старый номер журнала «Рационализатор-изобретатель», кто хочет, может посмотреть, — адвокат показал в сторону пустого зала журнал. — В наш город мой подзащитный прибыл по направлению, за два года прошел путь от мастера до начальника хозрасчетного участка. Скажу вам, что это единственный хозрасчетный участок на такой огромной стройке, так сказать, первая ласточка.

В обвинении есть пункт... — Адвокат поднес густо исписанные страницы близко к глазам, прочитал: — «Отсутствие должного контроля за трудовой дисциплиной на объекте». Серьезное обвинение. Но посмотрим — как же строил работу, как укреплял трудовую дисциплину на своем большом участке молодой руководитель.

По объему выполняемых работ его хозрасчетный участок равен целому строительному управлению. В управлении, в построечном комитете профсоюза на него есть несколько, а точнее сказать, четыре жалобы. Жалобы любопытные. Можно было бы зачитать для суда все четыре документа, но они, по сути, идентичны.

Четверо рабочих жалуются на нового начальника участка, что закрыл он им месячные наряды в среднем: одному по рублю шестьдесят две копейки в день, другому по два сорок семь, третьему по два восемьдесят четыре, четвертому по четыре девяносто. У всех не выходило даже по тарифу, а они — рабочие высших разрядов, и у них, мол, семьи, дети, которых кормить надо, они требовали принять меры к зарвавшемуся начальнику. Случай, как мне сказали в управлении и в тресте, был беспрецедентный и потому рассматривался на расширенном заседании с участием трестовского юриста. Пять часов длилось заседание, даже на объект выезжали. Подавшие жалобу были известные в бригаде выпивохи, и Гимаев, устав увещевать, воспитывать их, дал каждому отдельную работу и рассчитал, как предупредил, по выполненному объему.

Мнения на заседании разделились. Одна, наиболее влиятельная, группа требовала, чтобы Гимаев прекратил эксперименты, а то, мол, всех рабочих растеряют; они-то и настаивали, чтобы Гимаев выписал отдельно дополнительный наряд, чтобы вышло, как обычно, по десятке в день. Но начальник участка отказался наотрез. Его поддержали. Тогда-то и на объект выезжали, хотя и без того всем было ясно, что по десятке в день горе-работники никак заработать не могли. Обиженные рабочие, конечно, ушли с участка в более «спокойные» места. Так мой подзащитный начал борьбу с пьянством, разгильдяйством, если хотите — борьбу за производительность труда, которую, к сожалению, не успел закончить, — на скамью подсудимых привел его опять же пьяница. Так можем ли мы поддержать обвинение прокурора, что молодой инженер не придавал должного значения трудовой дисциплине?

Я знаю — я говорил с рабочими, — кто торжествует сегодня, кто желает зла подсудимому? Опять же — пьяницы, разгильдяи, на чей покой он замахнулся.

И еще о трудовой дисциплине. Разве это дело только Гимаева? А где огромный административный аппарат, партийная, профсоюзная и другие общественные организации?..

Максуд даже во сне внимательно слушал старика, перед которым испытывал чувство неловкости после их единственной встречи в камере предварительного заключения. «Надо же, постарался человек», — думал Гимаев. Он был признателен старику не за то, что тот пытался спасти его от незаслуженного наказания, а за то, что верил в него и хотел сохранить его доброе имя.

— Теперь перейдем к случаю, или, как мы говорим, к факту, где все ясно как день, — адвокат словно обрел второе дыхание, начал энергично. — Я зачитаю вам краткую выдержку из «Специального акта расследования несчастного случая с рабочим Ивановым В.П., 46 лет», — такой заголовок имеет документ, составленный технической инспекцией профсоюза. Зачитаю вам лишь раздел, имеющий подзаголовок: «Причины и обстоятельства несчастного случая».

«4 июня рабочие Сахатов Р. и Иванов В.П. получили задание разобрать кладку стенной перегородки на отметке +6, то есть на третьем этаже главного корпуса. Перегородка ранее была

выложена группой рабочих во главе с погибшим Ивановым В.П., имевшим высший, шестой, разряд каменщика, была выложена с отклонением от проектной отметки на 64 сантиметра и крайне некачественно (акт о качестве прилагается). Задание выдал начальник участка Гимаев.

Третий этаж главного корпуса готовили к сдаче, и других дел у бригады здесь не было. Часть бригады работала на этой же территории, на складе хранения готовой продукции. Получив задание, Сахатов Р. и Иванов В.П. к работе не приступили, а пошли на второй этаж к отделочникам, где при невыясненных обстоятельствах (с кем, на какие деньги) выпивали до самого обеда и в обеденный перерыв. После обеда Сахатов Р. пошел в магазин обменять банку краски на бутылку вина, а Иванов В.П. принялся за работу. Начал ломать стену снизу, с пола. Стена обвалилась и придавила Иванова В.П. насмерть. Судебно-медицинская экспертиза установила высшую степень опьянения».

Вот как просто все было, — адвокат обвел грустным взглядом судей, пустой зал. — Вот здесь и столкнулись две разные точки зрения: одна следствия и обвинения, другая — моего подзащитного. Обвинение держится на трех пунктах, об одном я уже упоминал, о двух других скажу кратко, не прибегая к тексту обвинительного заключения: техническое руководство не обеспечило безаварийных условий для рабочего, и на три дня просрочен квартальный инструктаж по технике безопасности.

Оба обвинения, как и первое, касающееся трудовой дисциплины, на мой взгляд, беспочвенны. Просроченный инструктаж, как видно из дела, не мог явиться причиной гибели Иванова В.П., хотя за это, безусловно, Гимаеву положено взыскание — но только административное, не более. Насчет технического руководства: Гимаев, по данным производственно-технического отдела, ведет шестнадцать объектов. Кстати, это означает, что он не может лично присматривать за каждым пьющим. Насчет безаварийной работы: разве рабочий высокой квалификации не должен знать, что перегородку разбирают, все-таки, сверху — это даже я знаю.

В нашей единственной беседе подсудимый задал мне вопросы, на которые я тогда не мог ответить, и потому я адресую их вам, — он снова сделал легкий поклон в сторону судьи

и заседателей. — В любом уголовном преступлении опьянение является отягчающим вину обстоятельством, почему же так не считается и при расследовании несчастных случаев на производстве?

Мой подзащитный — человек технически грамотный, он знает свое дело и говорит: пункт шестой «Правил расследования несчастных случаев на производстве», утвержденный высшим профсоюзным органом — Президиумом ВЦСПС, гласит, что случай, происшедший в состоянии опьянения, считается не связанным с производством, Это автоматически должно снимать вину с руководящего персонала, ни о какой уголовной ответственности, согласно этому документу, и речи не может быть. Почему же наша судебная практика, опирающаяся на закон, не учитывает многие должностные инструкции, правила, по которым работают, в которые верят люди и которые в особых обстоятельствах, как наши, превращаются в фикцию?

Я не мог, товарищи судьи, ответить молодому человеку, которому еще работать и работать. Он спрашивал меня, юриста, который олицетворял для него закон, почему он должен отвечать за Иванова, разве несчастный случай произошел из-за его инженерной несостоятельности, безграмотности, беспечности, халатности? Почему, в конце концов, он должен отвечать за человека вдвое старше себя, за человека, чей трудовой стаж и, следовательно, опыт в десять раз больше, чем у него? За человека, имеющего высший разряд по профессии, подразумевающий знание законов производства? Ни на один из этих вопросов я тоже не мог ответить, товарищи судьи и товарищ прокурор, и теперь уже я спрашиваю: почему он должен отвечать за взрослого человека потому только, что подсудимый — руководитель?

К концу речи адвокат словно сбросил десяток лет: говорил страстно и убедительно, наверное, как в свои лучшие годы; жаль, что зал был пуст.

— В пору моей молодости и представить нельзя было пьяного за станком, за рулем, на службе. К сожалению, сейчас это не единичные случаи. Думаю, настоящий рабочий — я обхожусь без так любимого и подчеркиваемого прокурором «Его Величества» — знает, что безнаказанность провоцирует и порождает цинизм, разгильдяйство, пьянство, целые шлейфы

других пороков, которые и перечислять не хочется. В заключение скажу следующее: как бы ни закончился процесс, я верю, что последний мой подзащитный будет еще приносить пользу и народу своему, и отечеству, — адвокат склонил седую голову, подчеркивая свое уважение к Гимаеву.

Не приснился Максуду только конец суда, когда он отказался от последнего слова. Да и о чем он должен был говорить — просить о снисхождении? Он не понимал, за что нужно просить снисхождения, да и по молодости лет был непомерно горд. Несмотря на старания адвоката, а может, благодаря его стараниям, он получил вдвое меньший срок, чем требовал прокурор.

Утром в номере раздался телефонный звонок; вначале Максуд не обратил внимания на зуммер, — телефонный звонок в незнакомом городе? — но его осенило, и он кинулся к аппарату.

— Доброе утро, Максуд, я разбудила вас? — спросила Каринэ.

— Нет, я просто не сообразил, что мне могут звонить, как видите, я еще не освоился в новой жизни.

— Спускайтесь вниз через полчаса, я подъеду за вами.

... Напротив гостиницы, чуть в стороне от парадного входа, у огромного платана стояли светлые «жигули», из окна ему приветливо помахали рукой. Максуд быстро пересек безлюдную в этот утренний час площадь перед гостиницей.

— Прощу! — Каринэ легким движением распахнула переднюю дверцу, приглашая сесть рядом.

— А где же Наталья? — удивился Гимаев.

— А вы, оказывается, еще и донжуан! — Каринэ погрозила ему пальцем и рванула с места машину так, что Гимаев откинулся на сиденье. — Насчёт Наташи, — сказала Каринэ, повернув к нему разгоряченное азартом езды лицо, когда они остановились перед красным светофором, — сегодня вы приглашены к ней на обед, если не забыли, она упоминала о своем кулинарном таланте.

— О вашем совместном, — вспомнил Максуд.

— Спасибо. Приятно, что не забыли, а то я из скромности не посмела бы напомнить о себе. Так что, Наталья хлопочет на кухне, не хочет ударить в грязь лицом, а я, как обещала, буду развлекать, знакомить вас с нашим городом. Не возражаете

против такой прогулки? Вот и хорошо. Начнем со старого города, уверена — нигде, кроме Ташкента, нельзя рано утром так вкусно позавтракать. Я не хвастаю, Максуд, вот увидите. — И вдруг после паузы грустно добавила: — Я бы так хотела, чтобы вы полюбили мой Ташкент!

Они оставили машину в глухом тупичке и спустились к знаменитому базару Эски-джува пешком.

Восточные базары, многолюдные поутру, по прохладе, отличаются от европейских рынков тем, что здесь не только можно купить все, что душе угодно, но и хорошо поесть, посидеть, перевести дух, оценить купленное — в многочисленных чайханах, прилегающих к базарам, за пиалой кок-чая.

Каринэ хорошо ориентировалась в огромном и, казалось, хаотичном мире базара. Тут было легко потеряться, и Каринэ, взяв ошалевшего от толчеи и многолюдья Максуда за руку, повела его за собой. Начали с лепешечного ряда. От запаха свежее испеченного хлеба у Гимаева слегка закружилась голова, а от обилия — какими лепешками здесь только ни торговали! — разбежались глаза. Но Каринэ быстро выбрала две горячие, прямо-таки обжигающие руки лепешки, и они двинулись дальше, к зеленщикам. Тут Каринэ тоже не стала задерживаться, взяла из влажно блестящей и благоухающей горки пучок молодого лука, чеснока и два пучка какой-то не известной Максуду травы.

— Это кутэн, наша армянская травка, — пояснила Каринэ.

Потом они одолели прохладные коридоры крытых рядов, где размещались лавки кустарей: здесь паяли, лудили, постукивали молоточки чеканщиков, работали ювелиры по серебру. Гимаев хотел задержаться здесь, но Каринэ была настойчива: только после завтрака.

Густой запах специй, жареного мяса, шинкованного лука, дымящихся мангалов и кипящих самоваров долетал в мастерские к медникам и чеканщикам. Каринэ, взяв Максуда за руку, повела его дальше.

Так же неожиданно для Гимаева, как и все на этом базаре, шашлычные возникли сразу, как только они свернули в первый же тупик за мастерскими. Угощали тут не только шашлыками, но и многими другими, не известными Максуду, блюдами. Каринэ, заметив его любопытство, коротко называла

их, не объясняя подробнее — наверное, чтобы не дразнить его аппетит: самса, нарын, манты, хасып, казы, — и вела дальше.

— Мой отец говорит, что он — лучший шашлычник Ташкента, и когда ему надоест строительство — кстати, он ваш коллега, — то он непременно подастся в общепит, в шашлычники. Поэтому доверьтесь мне: я тоже кое-что смыслю в этом деле. А вот это нам, кажется, подойдет, — она склонилась не над мангалом с готовыми шашлыками, а над заготовленными шампурами, — прекрасная, свежая говяжья печень, думаю, папа одобрил бы мой выбор. Пожалуйста, Максуд, располагайтесь, — и она показала на низкий столик, тут же, рядом с дымным мангалом.

Каринэ перекинулась с шашлычником парой непонятных для Гимаева слов и на минуту исчезла за резной дверью в высоком глухом дувале; вернулась она с блюдом, где лежала перебранная свежевывмытая зелень. Шашлычник протянул им прямо с огня шипящие шампуры. Каринэ почти не ела, она ломала лепешки, пододвигала ближе к Гимаеву зелень, специи; потом по ее просьбе шашлычник принес несколько шампуров с рублеными бараными ребрышками. Гимаев ел бы еще и еще, но Каринэ сказала — хватит, и они, обменявшись с гостеприимным шашлычником любезностями, распрощались.

— Шашлык и плов любят чай, это не только традиция, но и необходимость, так что традицию мы нарушать не будем, да, Максуд? Там, где мы оставили машину, есть одна чайхана, мы с отцом бываем в ней всегда, когда делаем на этом базаре покупки, туда я вас и приглашаю. Но прежде нужно взять что-нибудь к чаю.

Во фруктовых рядах они купили тяжелую темно-синюю кисть винограда, несколько персиков и по-девичьи нежно-румяных яблок. В чайхане, как и в ремесленных рядах, Максуду хотелось задержаться подольше, уж больно вкусным показался ему чай из медного трехведерного самовара, но Каринэ, глянув на часы, заторопилась.

Они долго кружили по огромному городу, и Каринэ, хорошо знавшая его, рассказывала интересно и пристрастно — чувствовалось, что она влюблена в Ташкент. У некоторых особо любопытных зданий она задерживалась и говорила о них с таким знанием дела, что Гимаев шутя спросил — уж не она ли проектировала эти прекрасные сооружения.

— Нет, — ответила Каринэ серьезно. — Эти здания построил мой отец.

По тону ее Гимаев понял, что она любит отца и гордится им.

Неделя пролетела как один счастливый день. Каждое утро он встречался, с девушками, ездил с ними купаться, ходил по городу, по музеям, даже слушал впервые в жизни орган в концертном зале «Бахор». Девушки ни о чем его не расспрашивали, но их бережное, неназойливое внимание он ощущал ежечасно и был в душе признателен им. Как бы началась его новая жизнь, если бы он не встретил Наталью и Каринэ, неизвестно.

Однако, как бы он ни был доволен и счастлив, он не мог не думать о деле. Гимаев был человек, которому только работа давала полноту ощущения жизни. Он и в колонии не сломался и не ожесточился потому только, что и там занимался любимым делом. В заключении он, наверное, даже больше, чем на воле, оказался опорой для многих: люди, не верившие уже ни во что или разуверившиеся во многом, Инженеру почему-то верили. Он внушал доверие. Честностью...

Возвращались они с поздних гуляний всегда пешком; так уж сложилось, что провожали вначале Наташу, а потом Максуд еще гулял с Каринэ вдоль Анхора. Медленно остывающая к ночи вода дарила желанную в летнюю пору прохладу.

— Каринэ, мне нужно уезжать, — сказал он однажды.

— Куда? — растерянно спросила она.

— Не знаю, но уже пора.

— Максуд, хочешь, я попрошу отца. Он поможет тебе, он управляющий самого крупного треста в Ташкенте.

— Спасибо... Я и так не знаю, как тебя благодарить. Каждый день боюсь: вдруг проснусь — и не будет ни тебя, ни Натальи, ни этих светлых дней. Спасибо тебе за все. А насчет моих дел — я должен начать сам, понимаешь — сам...

Спать ему не хотелось, и он решил спуститься вниз — погулять по ночным улицам Ташкента, как вдруг раздался телефонный звонок. Звонила Каринэ.

— Максуд, ты не спишь? Хорошо. Мне сейчас пришла в голову мысль... Я насчет твоего отъезда... Если ты решил — наверное, так надо. Но выполни мою одну-единственную просьбу — не уезжай далеко. В нашем доме, как ты знаешь, все разговоры только о строительстве, два моих брата пошли

по стопам отца, поэтому я в курсе многих дел и важных строек у нас в Узбекистане. Сейчас они много говорят о Джизаке. Несколько лет назад неподалеку от Джизака построили рудный комбинат. К тому же геологи обнаружили там еще одно месторождение. Короче, для строителя там — непочатый край работы. Это недалеко. На автобусе три часа езды, а я на машине, наверное, добралась бы туда часа за два. Тебя это устроит, Максуд?

— Устроит, Каринэ, только при одном условии...

— Какое? — растерялась Каринэ.

— Если ты будешь тратить на дорогу не менее трех часов...

— Как ты меня напугал, Максуд!.. Спасибо. Я постараюсь.

Они проговорили до рассвета, а утром первым рейсовым автобусом Гимаев выехал в Джизак.

То ли шофер оказался лихачом, то ли по-утреннему незагруженная трасса позволяла, но комфортабельный вишнево-красный «икарус», совершавший рейс Ташкент — Самарканд с единственной остановкой в Джизаке, доставил Гимаева к месту назначения за два с половиной часа. Машина неслась так, что, казалось, вот-вот оторвется от земли и взлетит, обочь дороги все сливалось в некую размытую линию. Смотреть было не на что, и потому Гимаев задремал, порою проваливаясь в тревожный сон, а к концу дороги и вовсе крепко заснул. Разбудил его сосед, ехавший до Самарканда, с которым они не перекинулись и словом, — недаром первый рейс шоферы-междугородники называют «сонным».

Наверное, ни одна республика не имеет столь обширной и разветвленной междугородной автобусной сети, как Узбекистан. Практически каждый город напрямую связан со столицей. Нет райцентра, да что там райцентра — колхоза, который не имел бы асфальтированной дороги, выходящей на большую автомобильную трассу, ведущую к Ташкенту. Поистине, все дороги ведут к прекрасному Ташкенту! Поэтому автостанции в Узбекистане — это нечто необычное, целый комплекс, который, пусть с натяжкой, но можно назвать даже культурным центром. Сюда заходят не только для того, чтобы отправиться в путь. Непременная принадлежность автостанции — чайхана и одна-две столовые, где в меню обязательно присутствуют традиционные национальные блюда.

Раз многолюдье — значит, тут же и базар, где меньший, где больший, но кисть винограда, яблоко, горячую лепешку к чаю вы купите в любое время дня. Новые времена, новые веяния... Студия звукозаписи и стрелковый тир ныне такая же обязательная принадлежность автостанции, как и чайхана. Газетные киоски раньше всего открываются на автостанции. Единственный переговорный пункт и камера хранения в крошечном райцентре, наверняка, отыщутся на автостанции. Гимаев уже прослышал об этом и поэтому не удивился автостанции Джизака, построенной в восточном стиле из светло-серого газганского мрамора.

Он пообедал в лагманной, купил областную газету и целый час просидел в чайхане под тенистыми тополями. В чайхане местных людей, кроме чайханщика, пожалуй, не было. В основном здесь были строители, которых, наверное, привлек размах строительства, хороший коэффициент к зарплате и возможность быстрее, чем где-либо, разрешить квартирный вопрос. Гимаев не вмешивался в беседы, не задавал вопросов, ему было достаточно обрывков разговоров, реплик — язык строителей он понимал с полуслова и за час узнал то, чего не рассказал бы ему ни один кадровик.

Уходя с автостанции, он увидел огромный рекламный щит с объявлениями, пестревший одним словом, набранным разным шрифтом: требуются... требуются... требуются... У щита он задержался надолго и, в конце концов, выписал в записную книжку два заинтересовавших его адреса. Здесь же, на автостанции, он отыскал городской автобус, указанный в объявлении.

Строительно-монтажное управление, куда он явился по объявлению, располагалось в старой части Джизака, среди кварталов частных домов, утопающих в зелени. Само здание СМУ мало чем отличалось от окружавших его строений, и только машины, то подъезжавшие, то отъезжавшие от широко распахнутых ворот, выдавали в нем казенное учреждение.

Гимаев по опыту знал: утренний бум в управлении прошел, начальник, наверняка, уехал на какое-нибудь совещание или планерку, главный инженер на объектах, но он не переживал — высокого начальства ему было не надо, лишь бы кадровик оставался на месте.

Дверь отдела кадров оказалась распахнутой настежь, посетителей не было.

«Прекрасно», — подумал Гимаев и протянул женщине за конторкой документы: диплом, трудовую книжку, паспорт.

— Я по объявлению, — сказал он.

Женщина долго изучала его документы, потом спросила:

— На какую должность вы рассчитываете?

— Прораба, обыкновенного прораба... для начала... — улыбнулся Максуд.

— Видите ли... — замялась женщина. — Прораб — должность материально ответственная, а у вас, судя по документам, судимость...

— Ну и что? Я отбывал срок не за хищение, не за растрату, не за воровство, не за приписки и очковтирательство, я отбыл наказание за несчастный случай.

— Так-то оно так, но судимость, молодой человек, есть судимость, и я должна согласовать вашу кандидатуру не только со своим начальством, но и с трестовским юристом. У меня впервые такой случай трудоустройства, поэтому — приходите завтра к концу дня, у нас планерка, начальство будет на месте, да и я успею проконсультироваться.

Гимаев вежливо поблагодарил женщину и покинул кабинет.

«Первая пощечина», — подумал он невесело и, выйдя на улицу, присел на скамью и долго сидел на самом солнцепеке, ничего не чувствуя. Потом вдруг поднялся и подошел к пустой урне, разорвал трудовую книжку, выбросил. Подержал в руках диплом, словно раздумывая, как поступить с ним, но, в конце концов, вернулся к скамейке и спрятал диплом в сумку.

Потом он словно очнулся и сразу почувствовал, на каком солнцепеке сидит. Подхватив сумку, торопливо двинулся к автобусной остановке. Он ехал назад, на автостанцию; теперь он знал, что ему надо читать и другие объявления.

На автостанции он вновь подошел к рекламному щиту и выписал опять два адреса, хотя выбор на этот раз был куда шире — рабочие требовались повсюду.

И снова он завернул в чайхану под тополями, но теперь уже по другой причине — ему очень хотелось пить: был полдень, и солнце палило нещадно. Приближался обеденный перерыв, и он решил скоротать время в чайхане, — еще одна привлекательная сторона восточного заведения.

Раздумывая о своем положении за пиалой кок-чая, Гимаев достал из сумки удостоверение крановщика. В армии он окончил курсы машинистов башенных кранов и, считай, целый год работал на самом высотном кране, какие только у нас в стране существуют, даже еще с дополнительной секцией. Много раз в институте, да и потом, он думал, что удостоверение никогда больше не понадобится, и хотел выбросить его, но что-то всегда удерживало. И надо же, наконец-то оно пригодилось!

«Джигиту и ста профессий мало», — вспомнил он старую поговорку.

Новое управление, куда он двинулся, пересидев в чайхане все возможные варианты обеденных перерывов, находилось неподалеку от автостанции, всего две остановки — если бы знать, можно было бы не ждать и не толкаться в переполненном, душном автобусе.

На этот раз он не стал предъявлять документы, а спросил: — Крановщики нужны?

Начальник отдела кадров даже привстала с места:

— Нужны, очень нужны, молодой человек! Вон во дворе лежит новый кран, только вчера доставили из Ташкента, на днях монтировать начнут, так главный механик говорит мне: Алла Андреевна, — это меня так зовут — найди срочно крановщицу, и шампанское за это пообещал. Заметьте, крановщицу — о крановщике уже не мечтает, не идет нынче мужик на кран-то. Милости просим, — закончила, улыбаясь, словоохотливая Алла Андреевна.

— А трудовая? — спросила Алла Андреевна.

— Знаете, пришлось срочно срывать с последнего места. Так сказать, обстоятельства частной жизни холостяка, — говорил он, старательно копируя Алена Делона, большого умельца сбивать с толку женщин.

— Понимаю, понимаю, — заулыбалась, словно одобряя его поступок, Алла Андреевна. — Не беда, вам до пенсии далеко, наработаете еще стаж. Я заведу вам новую, не переживайте.

В паспорт она глянула мельком и, выписав необходимые данные в учетную карточку, вернула его Гимаеву,

— Судя по вашей сумке, здесь вас никто не знает, — рассмеялась собственной проицательности Алла Андреевна. — И я должна определить вас в общежитие.

Она порылась в каких-то бумагах.

— Ну, теперь мой черед порадовать вас: у меня есть лимит на одно место в итээровском общежитии треста, и я оформлю вас туда как мастера, выглядите вы прилично, даже могли бы вполне сойти за инженера, — женщина кокетливо оглядела его с ног до головы.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил Максуд; это было лучшее, на что он мог рассчитывать в нынешнем положении.

Наутро, когда он получал спецовку в крошечной кладовой, которую с трудом нашел на огромной территории базы, отыскал его главный механик.

— Акрам Ходжаев, — протянул ему руку парень, гораздо моложе него. — Не поверил, думал — разыгрывает Алла Андреевна с утра. Крановщика отыскала — чудеса, да и только! Придется взять шампанское, как обещал. — Они вместе вышли из кладовки. — У нас в Джизаке и крановщиц днем с огнем не сыскать, стройка на стройке. А какая из женщины крановщица: вира-майна, хотя и за это спасибо. Кран — он ведь ухода ежедневного требует, а ключ для подтягивания болтов поворотной платформы весит восемь с половиной килограммов, иная его и обхватить не сможет, не говоря уже о том, чтобы с ним работать. Копеечная поломка, с которой самый захудалый мужик справится, — вызывает техпомощь, а техник две-три, вот и ждет, порою, по полдня... Мужик — он любой сбой в двигателе, в ходе чувствует и упреждает поломку, а тут не успеваю менять и редукторы, и моторы. Все летит, все горит, не напасешься, и опять же — стоят краны, — изливал свои горести молодой механик. — А главное, я знаю точно: все они, как одна, боятся крана, а много ли так наработаешь, будет ли лежать душа к тому, чего боишься! Отсюда и уход плевый, а машина смазку любит — это давно известно. А кран — машина ох, какая дорогая и дефицитная: в год два-три с большим трудом получаем.

Вот и ты... Посмотришь, как зарабатывают в бригадах, и сбежишь. Прямо-таки замкнутый круг: почасовая оплата, хотя и пишет заказчик вам не меньше, чем по десять часов в день — все равно низкая. Ни в какое сравнение не идет со строителями: переведи на реальные объемы — и того получать не будете: краны постоянно в простое — то материалов нет,

то проектно-техническая документация запаздывает, то рабочих с объекта на объект перебрасывают, то поломки... А вот и твой красавец! — Акрам показал на лежавшие на земле вразброс остов, башню, поворотную платформу, ходовую часть.

— Никопольский, С-981, — сказал довольный Гимаев, эти краны он хорошо знал.

— Последний год они идут несколько иной модификации и обозначаются теперь КБ-306, — поправил его механик, видимо, знавший свое дело. — Пока смонтируют кран, можешь выйти подменным — работы хватает.

— Лучше бы, если б я проследил за монтажом и сам принял его по акту: как-никак, мне на нем работать.

Механик улыбнулся.

— Слава Аллаху, за один кран теперь у меня голова болеть не будет — иного я от тебя не ожидал.

— Тогда у меня к тебе, Акрам, последний вопрос: если на днях монтаж, значит, уже готовят подкрановые пути. Как туда проехать?

— А ты, брат, — хват, далеко пойдешь, — пошутил Ходжаев.

— Должен, обязательно должен, — ответил серьезно Гимаев, но механик, погруженный в заботы дня, не придавал значения этим словам.

Прошло полмесяца, но Гимаев так и не видел своего соседа по комнате в общежитии, пока однажды вечером тот не забежал на минутку забрать какой-то справочник.

— И давно вы здесь? — удивился он Гимаеву.

— Да уж две недели. Хотел обмыть новоселье, джизакскую прописку, да не с кем, — пошутил Максуд.

— Тарас, инженер по связи, — представился полноватый розовощекий юноша. — Из Киева...

Гимаев достал из холодильника бутылку сухого вина.

— И за знакомство, и за новоселье, за все сразу, связист, — сказал он, разлив по стаканам. — Так где же тебя носит, Тарас? Судя по внешнему виду, не в командировке...

— Командировке?! — расхохотался связист. — А ты веселый мужик, почти угадал... Влюбился я, дорогой, влюбился. У невесты квартира, там и обитаю. Вот только никак не решим, подходим ли мы друг другу для семейной жизни, потому и сохраняю пока место в общежитии. Если повезет, может,

и погуляешь на нашей свадьбе. Я-то согласен хоть сейчас, это она говорит: повременим, вопрос серьезный, я тебя должна узнать, вот и узнает уже целый месяц! — Тарас комично вздохнул.

Тут уж расхохотался Максуд:

— Да, парень, плохи твои дела! А ты не таись, открывайся усерднее, чтобы быстрее узнала, — посоветовал Гимаев, и оба опять не удержались от смеха.

И вдруг Максуда осенило:

— Тарас, ты ведь связист... не мог бы выручить, поставить здесь телефон? Глядишь, по вечерам и справлялся бы о моем здоровье, а я бы консультировал тебя в критических ситуациях, — и они оба снова расхохотались.

— Странно, как мне до сих пор не пришла в голову мысль поставить себе, то есть и тебе, телефон. Это в моих силах, обещаю. Завтра к твоему возвращению с работы он будет стоять вот на этой тумбочке. Тебе какой больше нравится: белый, желтый, красный?.. — вошел в азарт Тарас.

— Да мне все равно — какой, лишь бы работал.

— Обижает, старик, фирма веников не вяжет! — и Тарас поглядел на часы: видимо, невеста была строгая.

Стройплощадка информационно-вычислительного центра, где смонтировали ему кран, находилась недалеко от общежития, и на работу Гимаев ходил пешком. Он уже успел заметить, что, как и во многих молодых городах, автобусы в Джизаке ходят неважно. Сравнить работу городского автобуса, у которого, казалось бы, тоже есть график, с междугородным — это все равно что пытаться сравнить полярные понятия: день и ночь, белое и черное. А ведь, казалось бы, наладить междугородное сообщение гораздо труднее, чем городское. Это был один из многих парадоксов жизни, на которые он стал обращать внимание, выйдя на свободу.

Центр — ИВЦ — возводился в строящемся жилом массиве, и неподалеку от Гимаева работали еще три крана — два на домах, один на детском садике. Бетонировали фундамент, и Гимаев пока был не особенно загружен: подвозили в день машин десять раствора, сливали в огромные бадьи, и Гимаев подавал эти бадьи на указанную бригадиром точку — вот и вся работа.

Кран был новый, смонтирован что надо и пока в особом обслуживании не нуждался.

Уже на третий день прибежала к нему за помощью соседка, работавшая на ярко-оранжевом трубчатом кране, который между собой крановщики называли «труба».

— Опять сход передних тележек. Я уже устала от этого, что ни неделя — та же история. Вроде и не перегружаю, и двигаюсь осторожно, не делаю резких движений, остановок, а постоянный сход. Какие-то кривоногие эти краны. Восемь их в управлении, и со всеми мученье одно, а не работа. Я уж боюсь этого крана, как черта, — и издерганная женщина по-мужски зло выругалась.

Гимаев отправил крановщицу вызывать техпомощь — без мощных домкратов поставить кран на рельсы — дело немислимое, а сам пошел посмотреть — что и как: бетона для него не предвиделось еще часа два.

В колонии у них стояли такие же две «трубы», и с ними повозились тоже немало. Но там крану стоять не дадут: нет объема — нет заработка, нет заработка — нет дополнительного питания, а с этим никто мириться не хочет, и тамошние умельцы день и ночь мозговали у кранов и довели их до ума. Гимаев сейчас жалел, что не до конца вникал тогда в ремонт кранов, — как бы теперь пригодилось!

Вернулась крановщица и недобро погрозила кулаком в сторону города, где выпускались эти краны.

— Посмотрите, сплошные непровары швов! Как неделя — так трещина и отыщется, вызывай сварщика, а право на ремонт кранов с применением сварки имеет не каждое управление, так что ждем сварщика из Ташкента, а кран стоит, — говорила женщина, шагая следом за Гимаевым. — Новая «труба», а вся в латках, косынки-усилители кругом. А электрическая часть? После каждого дождя не дотронуться, кругом бьет током. Почему позволяют выпускать такие горе-механизмы, куда «Госгортехнадзор» смотрит?!

Гимаев знал — почему, но молчал. Плохой хозяин даже не поймет всерьез конструктивных неполадок крана, потому что монтирует кувалдой и эксплуатирует варварски. Отнесет дефекты заводские на свой счет, а жаловаться ему невыгодно: у него хозяйство, как после пожара, а ремонтная база — один

токарный станок, да и то устаревший. Кому бесхозяйственность напоказ выставлять захочется? Право на жалобу иногда заслужить требуется.

А хороший хозяин тоже не станет жаловаться, потому что кран — машина дефицитная. И если у хорошего хозяина есть на год фонд на заводе, он его непременно, хоть мытьем, хоть катаньем, реализует в первой половине года, а самые шустрые еще в первом квартале, — потому что без кранов план горит, объекты сиротливо стоят, а за это по головке не гладят.

Так есть ли резон обращать внимание, жаловаться на качество, на некомплектность? При сложившемся голоде на краны хозяйства готовы забрать любую машину, лишь бы пораньше, да побольше. Вот и сходят с рук заводу-изготовителю авралы в конце кварталов...

На этот раз техничка пришла быстро. Приехал с ней и Акрам. Пока устанавливали стотонные домкраты, Гимаев продолжал осматривать ходовую часть и вдруг вспомнил, как ликвидировали они сход у себя. Усмехнулся: про колонию он еще думал — «у себя».

— Акрам! — позвал он механика. — Поезжай в мастерскую и выточи три большие шайбы-прокладки, размеры я тебе сейчас дам, и потом разрежешь их еще пополам. Чтобы, не разбирая кран, подложить эти две половинки шайбы под шкворень переднего флюгера. Одна из трех шайб подойдет непременно, а оставшиеся сгодятся на другие краны. Проверено, аварии прекратятся.

— Слушай, дорогой, где ты до сих пор пропадал, я уже четыре года мучаюсь с этими сходами! Плов с меня при удаче! — закричал Акрам и бегом бросился к летучке.

«Когда-то и я так начинал», — подумал Гимаев, тепло глядя вслед механику.

Тарас все-таки слово сдержал: правда, не на другой день, а через неделю, но появился в комнате у Максуда телефон. Не телефон, а целый агрегат с блоком памяти, кнопочным набором цифр — прямо-таки министерский.

В тот же день он позвонил Каринэ.

— Максуд, дорогой, наконец-то! Я уже извелась, не знаю, что и подумать. Собралась в субботу в Джизак разыскивать тебя. Откуда ты звонишь?

— Представь, из собственной комнаты, по персональному телефону!

— Не может быть, ты так хорошо устроился? Не томи, дай запишу номер.

— Только при условии, что ты будешь укладываться в собственную стипендию, платя за телефонные разговоры.

— Интересная у тебя работа?

— Скорее нужная. А вообще-то я доволен. Спасибо тебе за Джизак.

— Так я приеду в субботу? Я очень соскучилась.

— Я тоже, — сказал Гимаев.

С высоты своего крана Гимаев и стройку теперь видел как-то по-другому — изнутри, что ли. Там, на земле, когда он был прорабом, начальником участка, взгляд на стройку у него был несколько иным. А угол зрения, оказывается, ох как важен: видишь картину каждый раз по-новому. И сейчас он не особенно жалел, что так вышло с работой, потому что был уверен: опыт, возможность повариться в рабочем котле ему непременно пригодятся. А в том, что должность крановщика — временный этап в его биографии, он не сомневался, хотя пока и не знал, что будет делать дальше.

С соседками своими, крановщицами, Гимаев сдружился быстро, да и как было не сдружиться, если бегали они к нему на дню не один раз и не всегда за помощью в ремонте. Строительство, на взгляд непосвященного человека, кажется единым целым, хотя это не совсем так. Строительство — это десятки осколков, собранных вместе, для которых, однако, до сих пор не найден суперцемент. Так, кран принадлежал управлению механизации, а строила совсем другая организация. Крановщики, так получается — чужаки в больших коллективах, и строители обычно оказывают давление на них, заставляя поднимать сверхнормативный груз, иногда плохо зачalenный, а то и вовсе такие грузы, которые вообще поднимать запрещено: например, заставляют производить работы на высоте в подвесных люльках с людьми. Куда крановщику деваться? Ведь оплата почасовая, и проставляют эти часы те же люди, которые толкают на нарушение.

Но женский ум изворотлив: уже через месяц после того, как появился на ИВЦ Гимаев, они стали величать его своим

бригадиром, старшим, и чуть что — бежали к нему. Надо отдать должное, по пустякам не тревожили. Гимаев от самозванного бригадирства не отказывался, понимал: только так он мог помочь задерганным крановщицам. Он выслушивал прораба или бригадира, задавал ему несколько вопросов по характеристике крана, на которые, как правило, те не могли ответить, хоть и обязаны были, а затем просил сделать запись в вахтенном журнале и лично руководить подъемом запрещенного груза, или просил вызвать инспектора «Госгортехнадзора», если уж так настаивают на своей правоте. На этом конфликт исчерпывался до следующего раза.

На рабочем месте появился у него и целый набор инструментов, мелкие неполадки на соседних кранах он устранял сам.

Как-то в день получки механик сказал ему:

— Максуд, такое впечатление, что ты все умеешь... Пожалуйста, подскажи, как мне отблагодарить тебя, я чувствую себя большим должником.

— Брось... — попытался отмахнуться Максуд.

— Да я всерьез, не перебивай. Вот ты решил проблему схода кранов — цены нет твоему предложению, и все об этом в управлении знают. Хотел оформить как рационализацию, но кто же пропустит: новый кран и без рацпредложений не должен сходить с рельсов... Пойдем дальше. Вот уже три месяца технику почти не вызывают в ваш микрорайон, где стоят четыре крана, а раньше она там бывала чуть не ежедневно. Фактически ты высвободил единицу слесаря-ремонтника высокого разряда с гораздо большим окладом, чем у тебя. У меня есть фонд заработной платы, но как я заплачу тебе? Не положено. Просил прорабов закрывать тебе больше часов, так они тебя терпеть не могут, говорят: таких умных им на объекте не надо, хотя претензий к твоей работе и крану у них нет. А иные девчонки, которые ладят с прорабами, каждый месяц получают гораздо больше тебя... Если перевести тебя в ремонтники, где ты будешь получать больше, значит, явный ущерб моей работе, моей идее. А я хочу убедить начальство, что у крана должен быть настоящий хозяин, и тогда он будет служить долго и безаварийно... Так скажи мне, как заплатить человеку за хорошую работу, отдать то, что он явно заработал?

— Чего не знаю, дорогой Акрам, того не знаю. А насчет поощрения... Ты ведь плов организовал, как обещал, вот и спасибо.

— Так то — частная инициатива, личный жест. Меня сейчас другие формы вознаграждения интересуют: чтобы человек получал за труд действительно достойно.

... На Седьмое ноября обновляли Доску почета в управлении, и фотография Гимаева заняла место в самом центре. Кроме Акрама, с которым у Гимаева сложились приятельские отношения, благоволила к нему Алла Андреевна, всюду упоминавшая о том, какого парня она отыскала для управления. Она-то и посоветовала Гимаеву подать заявление на квартиру. Ладил он и с ремонтниками Акрама, и с монтажниками: он показал им такой удобный метод запасовки грузового троса, — а в нем сто шестьдесят метров, — что те аж ахнули: как, мол, до сих пор сами не додумались?

Вообще-то ремонтники и, особенно, монтажники зазывали Гимаева к себе в бригаду и не понимали, отчего тот держится за кран. Несколько иначе обстояли у него дела с рабочими на объекте. Нет, с бетонщиками своими он ладил, они на него не кричали, не оказывали давления, как на соседних крановщиц. Как потом они скажут, почувствовали, что пришел мужик самостоятельный. Но держались сами по себе, на перекуры не зазывали, обедали отдельно. Гимаев обедал со своими крановщицами. Но однажды бригадир бетонщиков предложил пообедать вместе, с утра уже возле подсобки кто-то из рабочих готовил в большом казане плов, и аромат его долетал высоко, до самой кабины крана.

Когда его позвали, бригада уже сидела за столом: две бутылки водки, бутылка вина, зелень, салаты, лепешки. Гимаеву предложили пройти на самое почетное место.

— Я сейчас, — сказал он и, забрав со стола бутылки, вышел во двор.

На глазах изумленного кашевара закинул специально выстуженные бутылки подальше, на свалку металлоконструкций; звон разбитого стекла был хорошо слышен в бытовке. За столом все сидели молча, опустив головы, а бригадир сказал:

— Ты что — псих?

— А что, жалко? — улыбнулся Максуд.

— Да нет, но к такому обеду, вроде, в самый раз. Да и в твою честь, в общем-то, взяли. На днях начинаем монтаж, а от крановщика наш заработок ох как зависит! Мы уж пригляделись к тебе: повезло нам с крановщиком, дело свое знаешь. Вот и решили, так сказать, личный контакт установить.

— Спасибо. Но как бы ваша доброта и уважение для меня медвежьей услугой не обернулись. Не застропи кто из вас груз как следует, или не уברי руку вовремя, — спяну все бывает, — и беды не миновать. вы пили, радовались, веселились, а печалиться-то другим придется, и мне тоже. Крановщик, как и шофер, за аварию уголовную ответственность несет. Так что, если хотите со мной работать, уж поберегите меня. А я вас, ребята, не подведу, можете доверять и без бутылки.

Когда одолели плов и пили из щербатых пиал кок-чай, бригадир мирно сказал:

— Чудаковат ты, крановой. То сварщику чуть по шее не надавал за то, что он закладные детали не проваривает как следует, хотя, за это морду набить, конечно, не грех, но это — дело начальства. Сегодня вот нам выпивку сорвал. За баб своих хлопчешь, ремонтников подменяешь. Сидел бы, как все крановые, с книжкой да почитывал — книги, видать, ты любишь, — или бы похрапывал в тенечке, мы бы тебя будили, когда надо. И с начальством не лебезишь — карьериста видно за версту. Непонятно, какая тебе выгода в этом, врагов только и наживешь, а они тебе не по должности — ты человек маленький, крановой, хотя и высоко сидишь...

Гимаев ничего не ответил, только улыбнулся и, поблагодарив, вышел из-за стола. Шагая к крану, он думал: «Как же глубоко проникла в душу некоторых людей мысль, что непременно нужно халтурить, отлынивать, не вмешиваться, помалкивать, выгадывать, если обыкновенная, честная работа вызывает не только удивление, а кажется им чуть ли не аномалией».

Тарас пока не объявился, на свадьбу не приглашал, звонил редко. Возвращаясь, Гимаев с грустью посматривал на молчавший роскошный телефон. Так хотелось легким нажатием кнопок набрать нужные цифры и услышать Каринэ, но в Ташкенте ее не было. Осень выдалась ненастной, и всех студентов с первых дней занятий вывезли на уборку хлопка. И работала

она от него очень далеко, в другую сторону от Ташкента, в каком-то совхозе.

Она успела приехать к нему только раз и сейчас, в письмах, жалела, что не успела показать ему Самарканд: теперь эта поездка откладывалась надолго. Каринэ уверяла, что Самарканд нужно смотреть поздней осенью или ранней весной. Самарканд был рядом, в полутора часах езды, и в свободные дни Максуд мог съездить туда сам, но ему хотелось увидеть этот древний город глазами Каринэ.

Осень была дождливой. После свинцовых ливней подкрановые пути проседали, путейцы не успевали их подштоповывать, начали лететь ходовые двигатели. Акрам, мокрый, худой, злой, клял заказчиков, экономивших на щебеночном основании; теперь простои кранов обходились в сотни раз дороже, чем копеечная экономия на щебне. В такие дни, глядя на низкое, тяжелое небо, Максуд думал, что где-то далеко отсюда его хрупкая Каринэ. Не мерзнет ли, не болеет? Какие условия на хлопке у студентов — он видел, когда по воскресеньям выезжал на помощь в подшефный колхоз.

Однажды он вернулся с работы поздно, усталый, насквозь промокший. В конце смены, когда дождь хлестал как из ведра, неожиданно появились два трейлера с долгожданными плитами перекрытия. Строители только ушли, а он задержался, чтобы поставить кран на захват: по ночам налетали неожиданные ветры. Пришлось самому стропить и самому поднимать каждую плиту. Вверх-вниз по узкой вертикальной лестнице крана — тридцать метров туда и обратно: не держать же машины до следующего дня, хотя принимать груз для строителей никак не входило в его обязанности.

В безлюдном холле общежития на столе, где всегда лежала ежедневная почта, одиноко белел конверт. Максуд ждал весточки от Каринэ и прямо-таки метнулся к столу. Письмо было для него, но аккуратный женский почерк был ему не знаком. Он подумал: наверное, что-то случилось с Каринэ. И, не решаясь вскрыть письмо тут же, поднялся к себе в комнату. Еще раз глянул на почерк — может, Наталья? Тонкий конверт почему-то вызывал смутное беспокойство.

«Мой милый, дорогой Максуд, — начиналось неожиданное письмо, — тебя, наверное, удивит мое послание: после

стольких лет и вдруг я ... Но, зная тебя, твой характер, я все-таки смею надеяться, что ты не забыл, помнишь, а, может, еще и любишь меня...

Ведь ты любил меня, это я знала, чувствовала. Даже через годы, через память меня волнуют, обжигают твои давние слова. Иногда я просыпаюсь среди ночи и не могу уже уснуть до утра, потому что снились счастливые дни, когда ты обнимал меня сильными руками, и я до сих пор помню запах твоих волнистых волос, которым завидовали даже девушки и которые мне никогда не удавалось растрепать. Боже, какое счастливое время! Даже порою не верится, что все это было со мною, и у меня был ты — сильный, надежный...»

Сквозь аккуратные, не волновавшие его строки он увидел вдруг пустой зал суда. По молодости, по уверенности в своей правоте он и о дне суда думал, как о дне обязательного свидания с ней. Думал: как только введут его в зал, он увидит свою Оленьку и ни на минуту не отведет глаз от ее милого, любимого лица. Он долго глядел на распахнутую дверь судебного зала, все еще надеясь, что она задержалась и вот-вот влетит в зал — юная, красивая Оленька, его невеста. В тот день, считай, ему объявили два приговора. И если первый он еще не успел как следует осознать, то приговор предательства он ощутил сразу.

Максуд перевернул тонкий листок и услышал слабый запах духов; наверное, это были ее любимые духи, и, наверное, они должны были ему что-то напомнить, но нежный аромат никаких воспоминаний не вызывал.

«... Ты удивишься, откуда я узнала твой адрес. О, это целая история. Твой прежний адрес как-то затерялся в родительском доме, хотя я помню: писем от тебя было много; наверное, они еще приходили, когда я вышла замуж и уехала. Если бы ты знал, как мне не повезло в жизни, за какого негодяя я вышла замуж! Но, слава Богу, все позади, я — свободная женщина! Через год, когда я развелась и вернулась, я перерыла весь дом, так хотела отыскать хоть одно твое письмо, найти адрес... но, увы.

Отец, видя, как я огорчена, обещал что-нибудь придумать. Уже близился срок твоего освобождения — я ведь запомнила те ужасные дни в конце лета, — отец подключил знакомых, и вот — радость, мне дали твой новый адрес! Но Боже,

как ты далеко от меня, почему не вернулся в наш город? Я дома по вечерам часто грущу в старом саду, который так нравился тебе своей запущенностью. Иногда кажется: хлопнет тяжелая калитка, ты вдруг появишься на темной аллее вечеряющего сада. И я, как прежде, в нетерпении хочу броситься тебе навстречу...»

Максуд не стал читать дальше, разорвал письмо и бросил в урну для мусора, потом долго и тщательно, с мылом, мыл руки, словно притронулся к чему-то нездоровому, гадкому.

Хотелось выйти на улицу, проветриться, но дождь продолжал хлестать по-прежнему. Позвонил Тарасу, думал пригласить поужинать в ресторан, но его не оказалось дома. Наконец Максуд все-таки оделся и решил пойти в ресторан один. Остаться в комнате было не вмоготу: он так явственно ощущал присутствие невидимого неприятного человека, что, уходя, распахнул настежь окно, чтобы и дух выветрился. Пока дошел до нового ресторана, — в этом городе все было новым, — опять промок и продрог, да и письмо выбило его из привычного равновесия, уже поселившегося в душе. Он заказал графинчик водки. И тут вспомнил Алена Делона, как тот, давая ему последние наставления перед освобождением, с сожалением сказал:

— Посидеть бы когда-нибудь с тобой, Инженер, в хорошем ресторане, за столом с белоснежной скатертью, с запотевшим графином настоящей пшеничной...

Но Максуд вспомнил его еще и потому, что именно Ален Делон, успокаивая его, — было это на первом году заключения, — частенько напевал: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно — кому повезло». Это — шутя, а всерьез он сказал другое — то, что и хотелось тогда услышать: «Мужчину, который тебя предал, нужно помнить всегда, а женщину — забыть, словно ее и не было в твоей жизни».

Прошло десять дней, и таким же ненастным вечером Гимаев вернулся в общежитие. Вернулся в хорошем настроении, потому что слышал: начали, наконец-то, вывозить студентов с хлопка, и собирался позвонить в Ташкент: а вдруг вернулась Каринэ?

Вахтерша, радостно улыбаясь, сообщила:

— А к вам, Гимаев, гостя. Такая красивая, милая, модно одетая. Вызвала настоящий переполох у нас в общежитии.

Я отдала ей ключ, так что поспешите: мне кажется, она очень вас ждет.

«Каринэ!» — мелькнула мысль, и он, уже не слыша вахтерши, бегом одолел лестницу, не сбавляя темпа, пробежал длинным коридором и, счастливый, рванул дверь на себя.

— Максуд! — навстречу ему кинулась от окна такая же радостная Оленька.

Комната была большая, и пока Оленька одолела эти шесть-семь метров от окна до входной двери, перед Гимаевым вновь, как в замедленной хронике, проплыл зал суда... Видел он и свои письма, много писем, на которые не получил ответа. Вспомнил, как убивался, не понимая: почему ни весточки, никакого объяснения...

И настолько было сильно отчуждение, что даже Оленька, не обладающая большим тактом и чутьем, успела остановиться в полушаге от него.

— Ты не рад мне? — пытаюсь сохранить на лице улыбку, которая некогда так нравилась Максуду, спросила она.

— Нет. Я тебя не ждал.

— Я ведь написала, что буду у тебя сегодня... У меня отпуск, и я хотела провести его с тобой.

— Я не дочитал письма до конца. Нам не о чем с тобой говорить.

— Ты... ты не прочитал моего письма?!

— Ты забываешь кое о чем. Ты сама не ответила ни на одно мое письмо, ты бросила меня в трудную минуту, а ведь была моей невестой, даже и день свадьбы назначили.

— Максуд, милый, — она даже попыталась положить ему руки на плечи, — пожалуйста, не вспоминая об этом. Это родители прятали от меня твои письма, говорили: порядочной девушке неприлично получать письма из тюрьмы, а писать в тюрьму — тем более. Сказали, что никогда не позволят мне выйти за тебя. Говорили, что из тюрьмы еще никто не выходил лучшим, чем входил, уверяли, что ты уже человек пропащий...

— А что же сейчас, отчего такая крутая перемена?

— Я ведь была замужем, столько намучилась, натерпелась — родители знают. Теперь они поняли, что с тобой, наверное, мне было бы лучше. Ты не пьешь. Ты был бы хорошим семьянином.

И папа с мамой сказали, чтобы я попыталась наладить отношения с тобой, годы ведь идут, женщина должна иметь семью, детей...

— Спасибо. Это просто трогательно, что твой отец нашел меня. Чего не сделаешь для счастья любимого дитяти. А ты никогда не думала, что ты меня предала?

— У тебя кто-то есть, я чувствую. И когда ты только успел? Родители правильно мне говорили: поспеши — на воле он влюбится в первую попавшуюся.

— Твои родители мудры и дальновидны. Я действительно полюбил, я ее никогда не предаю.

— Как мне быть? Я ведь так рассчитывала на тебя, — сказала Оленька растерянно. — Я была уверена, стоит тебе меня увидеть, и ты простишь...

Зима подкралась как-то незаметно, Гимаев никогда не предполагал, что в Узбекистане она может быть такой снежной и холодной. Стройка сбавила темпы, за неделю теперь не делалось и того, что можно было успеть за летний день. Опять Гимаев пропадал у своих соседок: помогал стеклить и утеплять кабины, ремонтировал обогреватели. Теперь, с позиции настоящего крановщика, он сделал неутешительный вывод, что на всех кранах кабины непригодны для нормальной работы: летом духота нестерпимая, зимой лютый холод, и к тому же кабины столь хрупки и ненадежны, что при аварии на какую-то защиту рассчитывать не приходится.

Темнело рано, к концу рабочего дня уже напоздали вязкие холодные сумерки, оттого и работали кое-как. В один из вечеров, когда за окном, совсем как на Севере, валил снег, заявился к Гимаеву в гости Акрам. Холода и снегопады прибавили Акраму работы, и они не виделись уже недели две.

— Не помешал? — спросил Акрам, оглядывая комнату Максуда, — в общежитии он был впервые.

— Проходи, проходи! — Гимаев обрадовался неожиданно-му гостю. — Я как раз накрываю на стол, поужинаем вместе. Гость к столу — добрая примета.

— К столу — это хорошо. Я только с планерки, наругался до хрипоты. Устал, замерз, голоден, зол... Проезжал мимо, дай, думаю, загляну, поговорю, посоветуюсь, короче — отведу душу. Вот на всякий случай бутылку прихватил, не возражаешь? —

хитро улыбнулся Акрам, помнивший историю с бетонщиками, когда Гимаева хотели угостить.

— Не возражаю. — Они переглянулись и разом засмеялись.

— А на планерке сегодня, Максуд, интересный вопрос решался, — сказал механик, когда они, поев, принялись за традиционный кок-чай. — И тебя, и меня он касается в первую очередь, потому я с ходу к тебе. С пылу с жару выложить свои соображения. На планерке меня выслушать — выслушали внимательно, а поддержать никто не решился: инициатива-то сверху исходит, хотя, я заметил, не всем по душе новая затея. Идея-то давно витает в воздухе, да и ты, скорее всего, слышал об этом, и не раз. Но никто же этому всерьез значения не придавал. А теперь решено приказным порядком в течение года перейти на новую форму работы.

— Ввести крановщика в состав бригады строителей? — перебил Гимаев механика.

— Угадал! Для меня, механика, так сказать, владельца крана, это нож к горлу — я уже сейчас его чувствую. А может, я зря паникую? — он отпил глоток чая. — Разубеди меня, Максуд, тебе я верю. Хватка у тебя деловая, да и голова варит, иному начальнику повыше не мешало бы такую иметь...

— Смотри, зазнаюсь... — улыбнулся Максуд. — А разубедить, боюсь, не удастся: для меня в этой идее ничего неясного нет. Просто очередное шараханье из крайности в крайность. За два-три года доведут до полного износа все краны, да приплюсуй сюда аварии, а потом вмешается «Госгортехнадзор», и все вернется на круги своя, только краны придется восстанавливать не год и не два.

— И я о том же говорю! — обрадовался механик, — если строители и сейчас на крановщика давят... А будет он в бригаде, так слова ему сказать в защиту крана не дадут: деньги-то из общего котла получать станет. Кстати, этими деньгами они хотят привлечь побольше мужиков на краны.

— Толковый мужик, если и пойдет к ним поначалу, так почувствует абсолютное бесправие и все равно уйдет. Работает ли он в бригаде или в управлении механизации, при любой аварии ответственность с него все равно не снимается. Мне лично заработок такой ценой не нужен. Проще увеличить почасовую оплату, увязав ее с качеством работ, простоями, тогда сама

собой отпала бы вынужденная приписка невыработанных часов. А еще лучше, не пороть горячку: не вводить всех одновременно, сразу, а попробовать, поэкспериментировать, как следует, в нескольких бригадах. Конечно, и у крановщика должна быть материальная заинтересованность в делах строителей, но ни в коем случае не в ущерб ответственности за состояние крана, от которого зависит и производительность труда, и безопасность строителей. Подход к делу должен быть государственным, чтобы и строители были заинтересованы, и владельцы механизмов тоже. Нельзя улучшать одно за счет другого.

— Ты вроде и верно говоришь, Максуд, но ты не инженер и всего знать не можешь. Сумма, которую платят строители за аренду механизмов, никогда не позволит резко увеличить зарплату механизаторам, какое там! Фонд заработной платы и так трещит по швам!

Вот строители и решили забрать фонд заработной платы крановщиков у механизаторов и добавить какую-то сумму из общего котла бригады строителей. Вот и получится заработок у крановщика вроде вровень со строителями, отсюда расчеты на успех, дорогой Максуд. А так, им кажется — сдерживает стройку крановщик.

— Да, примитивный подход. Почему же только крановщик сдерживает, а не вся организация, к которой этот кран приписан? И не ты, механик, например? Простоев из-за поломок, конечно, достаточно, да ведь они не всегда зависят от крановщика, а скорее — от ремонтной службы, от обеспеченности запчастями. А если уж какой крановщик действительно срывает работу, не хочет шевелиться, к такому другие меры нужно применять, и отнюдь не поощрительные...

Распрощались уже около полуночи. После ухода Акрама Максуд достал толстую, в коленкоре, тетрадь и сделал кое-какие записи. Тетрадь он завел еще в колонии, и в ней были отражены многие противоречия его профессии, идеи, которые следовало воплотить, когда он получит на то возможность. А в том, что такой день наступит, он не сомневался. Разговор с Акрамом встряхнул его. Все, что касалось строительства, никогда не оставляло Максуда равнодушным, а в нынешнем положении, когда он ни на что не мог повлиять даже на небольшом участке работы, волновало вдвойне. Успокаивало,

конечно, что не только он один переживал, беспокоился о деле. Максуд помогал, как мог, молодому механику.

Опять припомнилась колония: как ни странно, но и там люди спорили, думали о том, что мешает жить и работать, как следует. А может, и не странно вовсе... Запомнилось ему, как горячились шоферы, большинство из которых отбывало срок за дорожные аварии. Чаще всего у них споры возникали вокруг пресловутой оплаты за тонно-километры. Гимаев тогда даже удивился, до чего живуча эта порочная система оплаты труда. Один пожилой шофер, в молодости, четверть века назад, поднимавший казахстанскую целину, рассказывал, что им тогда платили только по фактическому расходу горючего — так некоторые это горючее, иногда полные баки, сливали в степи.

Другой шофер, на тридцать лет моложе целинника, москвич, усмехаясь, рассказывал, как всего полгода назад на реконструкции одного из столичных заводов, где рыли в сложных условиях глубокий котлован, он на десятитонной машине по очень крутой стене вывозил грунт на территорию метрах в ста от места погрузки. Труднейшая работа, большого мастерства и напряжения от водителя требующая. Работа спорилась, и заказчик был доволен, да вот тонно-километры не набегали, и выходил у шофера заработок в день три-четыре рубля. Кто же будет, рискуя свернуть себе шею, работать за три рубля? Ну, завод, конечно, «писал» ему несуществующие километры, чтобы классный и добросовестный водитель получил свою десятку в день. А к концу дня приходилось перекручивать счетчик до отмеченного в наряде километража. Но это было бы полбеды, а вот куда девать солярку? Пытался шофер у себя на автобазе просить, чтоб не заправляли машину, так учетчица на дыбы: куда буду девать твою солярку, километраж-то налицо, списать требуется. За излишек, как и за недостачу, по головке ее не погладят. Так и сливал каждый день в котлован шестьдесят литров — шесть ведер солярки, да час на заправке в очереди ежедневно терял! Это при нынешнем-то режиме экономии, при нынешних сложностях со снабжением горюче-смазочными материалами, при нынешних ценах на бензин на мировом рынке!

Земляки москвича, слушавшие невеселую исповедь, еще добавили, что за последние годы в столице еще несколько

комплексов, считай, построены на солярке. Там та же самая история была.

Февраль стоял тоже дождливый, с частыми мокрыми снегопадами, на стройках развезло дороги — ни пройти, ни проехать. О толковой работе пока не могло быть и речи; наверное, поэтому — до лучших времен — разговоры о переводе крановщиков в бригады прекратились. Строители и сами не выработывали получаемую зарплату, а процентовали объемы вперед, надеясь весной и летом отработать взятый аванс.

На Восьмое марта, когда распогодилось и кое-где даже проклюнулись степные тюльпаны, Максуда пригласили на свадьбу. Наконец-то ненаглядная его соседка Тараса дала согласие. На свадьбу Тараса приехали Каринэ с Натальей, они-то и привезли в Джизак первые тюльпаны.

Сразу после праздника Гимаева вызвали в партком управления. В просторной комнате кроме парторга находились начальник управления, главный инженер и начальник отдела труда и заработной платы. Предложив сесть и коротко расспросив о работе, об общежитейском житье-бытье — восточная традиция, в соответствии с которой не начинают беседы с вопросов в лоб, — парторг сказал:

— Вы, Гимаев, известный рабочий, передовик, представлены не только у нас, но и на городской Доске почета. Пользуетесь и у своих коллег, и у нас, администрации, авторитетом. А вызвали мы вас вот по какому поводу... Хотя, главный инженер все в лучшем виде доложит.

— Идея для вас, думаю, не новая, — начал главный, глядя на Максуда. — Знаю, что слух в коллективе прошел еще два-три месяца назад. Речь идет о переводе крановщиков в бригады строителей... Что ж, в этом есть много разумного. К тому же предложение спущено сверху, понимаете? — главный инженер высоко поднял палец, обнажив худую волосатую руку. — А мы — передовое управление в тресте, должны подать пример, так сказать, стать инициаторами. Нам совсем не хотелось бы, чтобы перестройка выглядела как проявление волевого начала, проведена была по приказу. Поэтому мы решили созвать рабочее собрание, и надо, чтобы кто-то из крановщиков выступил

в поддержку идеи. Мы долго думали, и выбор пал на вас — ваше слово будет иметь вес.

— Почему же на меня? — спросил Гимаев.

Главный инженер нахмурился.

— Разве парторг неясно объяснил, почему?

— Что ж, если я пользуюсь авторитетом и уважением, по-вашему, я не могу иметь собственного мнения? — спросил Максуд.

— А вы что же, против? — не скрывая удивления, вмешался в разговор начальник управления.

— Пожалуй, да. Мне кажется, столь важное нововведение следует опробовать сначала в нескольких бригадах. Идея, чтобы крановщик был материально заинтересован в делах строителей — замечательная, важная. Но нельзя же забывать и о кранах, как можно всерьез говорить о хозяйском отношении к ним, если крановщик никак не подчиняется вам, и какова будет его квалификация, если он выпадает из среды механизаторов? Нет, это дело сторяча делать не следует.

И Гимаев кратко изложил суть.

— Выходит, кругом ничего не понимают, а вам все так предельно ясно? — не скрывая недовольства, сказал главный инженер.

— Беда в том и состоит, что подобные ошибки чаще всего распространяются широко; лучше, если бы они выявлялись в одном месте, в одном регионе. Вот тогда даже ошибка оказалась бы и морально, и материально выгодна — на ней, на наглядном примере, научились бы остальные. Что касается меня, я убежден, что идея в таком виде продумана не до конца, нуждается в практической проверке. А главное, я не хочу быть застрельщиком в деле, которое считаю скоропалительным, даже если оно с помпой внедряется по всей республике...

Распрощались холодно.

— Ну, ты, брат, даешь жару! Начальству такую свинью подложить, а! Не знают, как с тобой и быть... не укладываешься в привычный стандарт. Думали обласкать тебя, оказать доверие, а у тебя своя позиция... В общем, шум в управлении, — рассказывал Гимаеву Акрам, приехавший на объект. — Одного жаль, Максуд: ни я на планерке, ни ты в парткоме не убедили руководство отказаться от передачи крановщиков строителям.

Уже одобрена другая кандидатура застрельщика, на этот раз пройдет без осечки. Теперь поставили не на опыт и авторитет, а на молодость и энтузиазм. Ей, молодой этой, по-моему, все равно, какой почин поддержать, я-то ее знаю.

— Не отчаивайся, Акрам, время покажет — кто прав, и скоро покажет. Ты пытался отстоять свою позицию, а это уже само по себе заслуживает уважения, — успокоил Гимаев товарища.

Стремительна весна в джизакской степи: в один день запылали огнем полевые маки, зацвел миндаль, словно осыпанные снегом стояли в садах яблони.

Ожили и стройки.

В лучших управлениях, наверстывая упущенное за зиму, работали в полторы, в две смены. Зашевелились и на ИВЦ, объекте Гимаева: когда не срывали подачу панелей, монтировали до темноты.

Однажды, во второй половине дня, когда кончились стеновые плиты и строители разошлись по домам, потому что с домостроительного комбината позвонили и сказали, чтобы сегодня уже не ждали бетонных изделий, к Гимаеву на объект заявились два корреспондента. Один из них был молод, если не сказать — юн, модно одет и так обвешан фотоаппаратурой, что, казалось, она пригибала его к земле. Другой был явной противоположностью своему спутнику. Он был похож на давнего адвоката Гимаева — может, старость сглаживает в людях какие-то индивидуальные черты?

Максуд сидел, свесив ноги, на переднем балласте крана и, подставив лицо ласковому весеннему солнышку, думал о том, что завтра, в субботу, приедет Каринэ и они, наконец-то, отправятся в Самарканд. Еще издали, пока Гимаев не приметил направляющихся к крану мужчин, молодой торопливо сделал несколько снимков.

Увидев людей, Гимаев ловко спрыгнул на шпалы и пошел навстречу: на объекте, кроме него, никого не было.

— Лучше сюжета не придумать, да и лицо выразительное, мыслящее. Считай, я уже свое отстрелял, — сказал молодой старшему.

— Здравствуйте, молодой человек... — гость постарше протянул Гимаеву руку. — Были сегодня на многих объектах,

говорили с шоферами, рабочими, мастерами, прорабами, начальством повыше, и нам несколько раз рекомендовали заехать на ИВЦ побеседовать с вами. Женщины-крановщицы прямо-таки настаивали, да еще механик ваш, молодой такой парнишка.

— Акрам... — улыбнулся Гимаев, а фотокорреспондент успел в это время еще раз щелкнуть затвором. Спросил иронически: — Передовик не покидает объект, даже если и нет работы?

— Не совсем так. — Гимаев пропустил мимо ушей иронию юнца. — Просто строительство несколько сложнее, чем видится с наскоку. Уйди я вместе с монтажниками или раньше, не исключено, что завтра на планерке, селекторном совещании, в штабе стройки, горкоме или где-нибудь в другом месте строители, не моргнув глазом, скажут, что строительство важного объекта ИВЦ срывается по причине отсутствия крановщика. А о том, что у них нет стройматериалов, они умолчат, если есть возможность свалить вину на другого. Я не хочу подводить ни своего механика, с которым вы, оказывается, знакомы, ни свое управление, у которого и без этого объекта забот невпроворот.

— Ну, это не для печати, — перебил фотокорреспондент.

Пожилой журналист, видимо, порядком уставший от своего юного коллеги, укоризненно посмотрел на него:

— Сережа, дорогой, пожалуйста, возвращайтесь в гостиницу. Сходите на базар, вы ведь собирались? Да и дело свое вы, кажется, сделали.

Фотограф, спросив о дороге на базар, довольный, попрощался.

— Вы уж извините нас, молодой человек, — сказал корреспондент, как только фотограф скрылся за углом. — Впрочем, снимает Сережа прекрасно, да вы и сами в этом убедитесь. Просто ему хочется казаться бывалым журналистом, потому и встречается в беседу не всегда к месту.

— Жизнь большая, научит, — ответил миролюбиво Гимаев.

— Как вы, наверное, поняли, мы с Сережей представляем центральную газету и хотели бы взять у вас интервью. Где бы нам лучше расположиться, чтобы на солнышке погреться и дело сделать? У нас в Москве до солнечных дней еще ох как далеко! А в старости кости тепло любят, — грустно улыбнулся корреспондент, до боли напомнив Гимаеву старого адвоката, которого он и поблагодарить-то не успел.

— Это мы сейчас... — и Максуд направился к бытовке.

Он вынес столик, за которым бригада резалась в домино, из прорабской — металлическое вращающееся кресло, обитое ярко-красной искусственной кожей, а для себя прихватил табуретку.

— Комфорт, полный комфорт, — сказал довольный журналист, выкладывая на стол бумаги и портативный магнитофон. — Пожалуй, и начнем, а то на вашем солнышке как бы я не замурлыкал от удовольствия. Но прежде я хотел бы вообще поговорить с вами о строительстве. Ваше мнение, которое Сережа посчитал непригодным для печати, мне понравилось, и если оно подтверждается фактами, примерами, оно вполне годится для публикации. Меня как раз интересует то, чего не увидеть, как вы метко выразились, с наскоку. Все то, что лежит на поверхности, я, наверное, представляю. О том, что вы, строители, часто строите неважно, долго, дорого, однотипно, читатель хорошо знает. Его интересует — почему, а также — когда наступят долгожданные перемены? Для начала, товарищ Гимаев, такой вопрос: каким бы вы хотели видеть строительство?

— Более гибким и — сезонным...

— Пожалуйста, точнее...

— Могу и поточнее. — Гимаев положил руки на стол, сцепил пальцы. — Прежде о сезонности — мне кажется это главным. Для ясности, назовем благоприятные для стройки месяцы летними, а неудобные — зимними. В разных климатических зонах, разумеется, разные сроки. Производительность труда в летние и зимние месяцы не сравнимая, о качестве работ и себестоимости и говорить не приходится.

Вроде яснее ясного: летом должен использоваться весь световой день, а по мне — так и все двадцать четыре часа, — дело ведь не в часах, а в отпущенном природой благоприятном времени. Отсюда на законном основании должно возникнуть понятие — сезонность. В этом слове для меня нет крамолы, лето для строителя должно быть, как посевная или уборочная для хлебороба, когда работают, не покладая рук, не считаясь со временем. А как же получается у нас? Вы скажете: летом есть вторая смена. Да, она кое-где есть. Но, если провести честный учет рабочего времени вторых смен в целом по стране, они не дадут и тридцати процентов желаемого. Большинство

смен числится только на бумаге, да еще в воображении руководителей — я ведь работал в разных концах страны и за свои слова отвечаю. Пойдем дальше... — Гимаев вытер вспотевший от волнения лоб. — У строителя в сезон, как и у любого, скажем, канцелярского работника, — пятидневка. А в зимние, по-нашему условному определению, месяцы он сидит на простое, получая полновесную, почти летнюю зарплату. Не проще ли, в общем не ущемляя его прав, предоставить ему зимой три выходных дня, летом — один. Но тут уж мы переходим к гибкости, о которой я говорил вначале... — Максуд перевел дух. — На мой взгляд, зимние месяцы должны готовить летний плацдарм, а уж в сезон надо работать в три смены, и работать не на бумаге. Это насчет сроков строительства — здесь я вижу ощутимый резерв. Наверное, у вас возникает возражение: неудобно, непривычно. Отвечу: работа не должна принимать во внимание такие понятия, работа должна исходить из необходимости. Когда мы с вами спим, смотрим телевизор, а в это время варят сталь, ведут поезда и корабли, ремонтируют метро — то есть, работают многие люди, чей труд связан с непрерывным циклом, никто же не возмущается и не считает это неудобным. Наверное, и им хочется Новый год отмечать в кругу семьи, ходить в театр, когда вздумается, а не когда получается, но они понимают: работа есть работа. Так почему же строители не могут работать летом, как следует, а зимой, соответственно, отдыхать? Впрочем, сказанное относится не только к строителям. То, что у нас в воскресенье не работает часть магазинов, на мой взгляд, чистейший абсурд. Если я в свой выходной не могу пойти в магазин, значит, должен делать это в рабочее время, потому что магазины закрываются в будни, именно когда мы идем с работы, а то и раньше. Парадокс? Еще какой! Да, не может быть общества, где одновременно все будут работать или отдыхать. Именно для того, чтобы одни могли хорошо отдыхать, другие должны в это время работать — и наоборот. Азбучные истины, не вам рассказывать. Разве это нормально, когда вы утром выходите на работу и видите, что ремонтируют вашу улицу. Перекрыто движение, создана масса неудобств! Разве такую работу нельзя проводить ночью? Удобно и для самих дорожников — никто им не мешает, — и для пешеходов, и для транспорта — для всех. Но нет,

находятся доброты, которые, наверное, жалеют дорожных рабочих, но не жалеют ни всех остальных, ни государственных денег...

Журналист слушал, подставив усталое лицо заходящему солнцу, не перебивая, не делая никаких записей. Гимаев, глянув на смеженные веки старого человека, подумал — не задремал ли тот, и спросил:

— Я, может, говорю не о том, что вас интересует?

Журналист встрепенулся:

— Напротив, для меня это очень любопытно. Хотя, признаться, я думал: ничего новенького вы мне не скажете, я ведь давно пишу на эту тему. Вы не волнуйтесь, что я не делаю записей, магнитофон-то включен. Я боялся отвлечь вас вопросами, уж больно горячо вы говорили. Давно такого заинтересованного и искреннего слова не слышал. А теперь я спрошу вас: в какой бригаде, с кем вам хотелось бы работать сегодня?

— С шабашниками...

— С кем, с кем? — переспросил москвич и даже ладонь приложил к уху.

— С шабашниками, сезонниками, или как еще их там называют. Но вы-то, надеюсь, понимаете, о ком идет речь. Слово, согласен, — неудачное, не толькостораживает, но и вызывает предубеждение, хотя я, говоря о шабашниках, имею в виду людей из тех краев, где исторически, испокон веков умели строить, и так получилось нынче, что в этих краях, особенно в горных и сельских местностях, имеются излишние трудовые ресурсы. Не желая покидать родные и обжитые места, они в сезон охотно выезжают на заработки. А поскольку эта огромная масса строителей не получила должного внимания со стороны государственных организаций, к ней примазались всякие ловкачи, из-за стараний которых народ и окрестил сезонников шабашниками.

— Да, конечно. Я встречался с ними и в Белоруссии, и в Казахстане, — корреспондент оживился: — Так почему же — с сезонниками?

Гимаев мог бы рассказать, что он отбывал наказание вместе с несколькими сезонниками из Армении, коноводами строительной артели. Судили их за финансовые нарушения бригадира. Их заработок казался местным жителям огромным, и это

вызывало постоянные пересуды. Сработала жалоба, отправленная прокурору, — мол, приезжие зарабатывают в совхозе по семьсот-восемьсот рублей в месяц. А то, что они работали от зари до зари, по шестнадцать-восемнадцать часов в сутки, без выходных, не говоря уже о субботах, да и на работе дурака не валяли, водку не пили, перекуров не устраивали, а умели делать то, чего местные не умели, сдавали объекты «под ключ» новоселам — главное условие подряда с сезонниками, — это никого, вроде бы, не касалось. Сезонники были строителями отменными, каждый из них возглавлял потом в колонии большую бригаду, и Гимаев всегда знал, что не подведут. С ними Гимаеву не раз приходилось держать совет, и каждый раз он поражался их сметке, находчивости, инициативе, — этому научила их самостоятельность, та ответственность, которую накладывает подряд — и по срокам, и по качеству. Сезонникам не на кого жаловаться, ссылаться, валить, некуда футболить: построил — получил, сорвал сроки — не обессудь. Авансы выдаются только на харчи, а не на год вперед, как бывает иногда на стройке, несделанное не процентируешь. Гимаев, и прежде приглядывавшийся к тому, как работали сезонники, теперь, столкнувшись с ними в колонии, знал их беды как свои. Но говорить о колонии корреспонденту не стал, не верил, что поймет правильно.

— Так почему же с сезонниками?

— Да потому, что у них и разговора не заходит о трудовой дисциплине. Она подразумевается, а какое удовольствие работать с тем, кто знает свое дело! Это понимает только тот, кто сам умеет работать. У сезонников неумеха и лентяй долго не задержится. Честно говоря, увлекшись комплексными бригадами, мы в ряде случаев снизили к рабочим профессиональные требования, отсюда и вопрос качества возник. Когда каменщик стелет полы, восторга это ни у кого не должно вызывать, даже при всем его личном старании. И швец, и жнец, и на дуде игрец — это только в пословице. Встречаются, конечно, и такие самородки, но мы ведь имеем дело с массовым строительством, где самородки на каждом шагу не попадают. Нет, я считаю, каждый человек должен заниматься своим делом, но уж в нем-то быть асом.

— А как вы, Гимаев, относитесь к бригадному подряду?

— В общем, положительно... А вы не считаете, что бригадный подряд учитывает, скажем, лучшее из того же опыта сезонников: оплата по конечному результату, оплата за досрочный пуск, за качество? А коэффициент трудового участия — КТУ, определяемый советом бригады, который так умиляет вашего брата-журналиста, — это ведь существует давно, с первой бригады сезонников, там уравниловки нет.

Наверное, и вы писали о Серикове. Человек известный, отец бригадного подряда у нас в стране, а теперь внедряет этот опыт в Болгарии. Так вот, разве он неоднократно и всенародно не говорил с экрана, что нам следует внимательно изучить опыт сезонников? Уж он-то, Сериков, его изучил, я в этом не сомневаюсь.

— Что же вы предлагаете? — журналист торопливо что-то помечал в блокноте.

— Прежде всего, не делать вид, что сезонников не существует, не считать их случайным явлением. Организации «Межколхозстроя» появились только десять лет назад, мощностями они похвалиться не могут и сегодня, а село строится быстро. Но ведь и до этого строено и строено: и школы, и больницы, и коровники, и кинотеатры, и жилье — многое построено сезонниками. Отряд сезонников не уменьшается, уже появилось новое их поколение: сыновья с отцами приезжают на заработки, — хотя, наверное, некоторым это слово режет ухо. Даже появилась новая, совсем неожиданная категория сезонников. Высокообразованные люди из столиц в свой отпуск приезжают организованной бригадой на заработки. Это наиболее «подкованная» часть сезонников, они знают законы — нарушать их не будут и себя в обиду не дадут.

Так не стоит ли внимательнее приглядеться к этой огромной массе людей, желающих работать, организовать ее, придать ей законный статус, а главное, сделать ее планируемой и управляемой? Для села, да и для крупных строек это стало бы ощутимой поддержкой. На мой взгляд, — это реальный резерв, только надо голову и руки приложить.

— И все-таки, давайте вернемся к бригадному подряду, хотя, признаться, я не ожидал таких параллелей: бригадный подряд и сезонники.

— Конечно, за бригадным подрядом будущее, он вобрал лучшее и смело отбросил худшее. Грустно, однако, что за бригадный подряд агитирует инженеров рабочий. Доказывает, доказывает результаты... Сериков и его последователи не скрывают, что есть факторы, мешающие внедрению подряда. Сегодня настал день, говорят они, когда нужно, чтобы подряд касался и инженерно-технических работников, чтобы они были материально заинтересованы в новом деле. Без инженерной помощи подряду далеко не двинуться, а отдельные высокопоставленные товарищи упорствуют, говорят — инженеру и его оклада достаточно, вы уж извините, опять не могу не вернуться к опыту сезонников. Раньше, когда они строили примитивные коровники, зернохранилища, склады, инженер действительно им был не нужен. Но как только колхозы встали на ноги и начали строить Дворцы культуры, кинотеатры по индивидуальным проектам, тут сезонникам понадобился и теодолит, и нивелир, и, наконец, инженер. И не просто дипломированный инженер, а толковый, разбирающийся в чертежах и сметах, банковских кредитах. И он нашелся! И как ему платить — двух мнений не было: как и бригаде, ведь делают-то общее дело, интерес один — сдать быстро и хорошо и получить заработанное. Тут некого уговаривать, что, мол, инженеру нужно заплатить, ясно как день: без инженера далеко не уедешь. Вот на этом и настаивает Сериков — рабочий человек с государственным мышлением: чтобы и инженеру платили за участие в бригадном подряде. Пока этот вопрос не решился, меня бригадный подряд полностью не привлекает.

— А что беспокоит вас сегодня как крановщика?

— Скорый переход в бригаду строителей... — и Гимаев стал рассказывать, почему считает не до конца продуманным решение о немедленном включении крановщиков в бригаду.

Незаметно легли легкие весенние сумерки, посвежело, а корреспондент, сменив уже вторую кассету, все задавал и задавал вопросы. Когда последовал каверзный вопрос, требующий подробного объяснения, Гимаев сказал, что у него дома лежит тетрадь, где есть записи на этот счет, и даже с расчетами. Добавил, что в тетради найдется кое-что, способное заинтересовать журналиста, пишущего о строительстве. Они пешком, не торопясь, продолжая беседу, двинулись к общежитию.

По дороге корреспондент неожиданно взволнованно сказал: — Молодой человек, вам непременно нужно учиться, у вас инженерное мышление, вы многое видите объемно и насквозь — редкий дар для хозяйственника, скажем прямо. Признаться, за свою журналистскую жизнь я встречался с десятками, если не с сотнями управляющих, главных инженеров, не говоря уже о бригадирах, мастерах, и далеко не каждый из них производил на меня такое впечатление. Обычно больше говорят о текущих заботах, мелочах, жалуются на все и вся. Сегодня я, позвольте похвалиться, — битый журналист, узнал от вас немало интересного, неожиданного, а ведь казалось — знаю стройку вдоль и поперек. Боюсь, рамки газетного интервью могут оказаться тесными для нашей темы, но, в любом случае, я не положу материал под сукно, это я вам обещаю.

Было уже поздно, и как Гимаев ни приглашал москвича в гости, тот не пошел. Максуд, поднявшись к себе, вынес тетрадь.

— Да тут мне неделю, если не больше, разбираться, а мы завтра улетаем, — с сожалением взвесив на ладони тетрадь, сказал корреспондент. — Не позволите ли мне ее забрать с собой, на досуге посмотрю внимательно. Я уже вижу по разделам: «Генподрядчик», «Механизаторы», «Неквалифицированные работы», «Проект и факт», «Бригадиры» — здесь мне материал найдется.

Гимаев согласно кивнул, и журналист тут же на тетради написал его адрес. На том они расстались...

Пролетел месяц, другой, пошел третий, а обещанное интервью в столичной газете не появлялось. Каждый день по дороге на работу Гимаев покупал газеты и, волнуясь, искал фамилию знакомого журналиста. Статьи его печатались, но не о том. Теперь Максуд радовался, что не сказал никому: ни Каринэ, ни Акраму, ни Тарасу — о предстоящем интервью в газете.

Подошло лето. В пятницу последним рейсом он часто уезжал на выходные дни в Ташкент. Иногда приезжала к нему Каринэ, и они ездили купаться на Сырдарью.

Близился его первый отпуск. Каринэ заканчивала институт, и они договорились вдвоем, «дикарями», уехать отдыхать к морю. Правда, Каринэ настаивала, чтобы они на недельку заехали в Ереван к ее родственникам, и теперь они решали — когда это лучше сделать: до моря или после.

В одну из суббот, утром, когда Максуд ждал из Ташкента Каринэ, он получил служебное письмо с грифом: «Министерство строительства СССР».

«Здравствуйте, уважаемый Максуд Ибрагимович! — началось совсем неофициально служебное письмо. — Беспокоит Вас Горышев Глеб Константинович, заместитель министра. Если отбросить отчество — Константинович, то мои имя и фамилия должны быть Вам знакомы, так что напрягите память...»

— Горышев Глеб?.. Глеб Горышев?..

Но Максуд никак не мог припомнить и потому стал читать дальше.

«Два месяца назад ко мне на прием пришел корреспондент центральной газеты с необычным делом, и теперь мы встречаемся с ним каждую неделю, готовим материалы к Коллегии Министерства. Задали Вы нам задачу! Но мы не в претензии — спасибо, огромное спасибо, что сумели так точно определить болевые точки нашего общего дела. По Вашей тетради и интервью газета подготовила в Министерство запрос на двадцати страницах, этот документ попал ко мне, и я встретился с корреспондентом, который очень высоко отозвался о Вас. При встрече я попросил принести тетрадь и запись разговора. Тетрадь, под расписку, осталась у меня на неделю. Мы ее перепечатали и раздали по отделам. Когда я разобрал записи, столкнувшись с расчетами, сразу почувствовал стиль нашей «alma mater» и понял, что автор — инженер. Это помогло установить Вашу личность. Я тут же позвонил в наш институт, и мне сказали: да, закончил в таком-то году, и добавили, что это Вы сменили меня на посту председателя научного студенческого общества института. И тут я припомнил, что это Вы — автор предложения по декоративной отделке наружных панелей для массового строительства. Помню, идея «на ура» прошла на всех домостроительных комбинатах страны.

Однако же, не тетрадь у Вас, а клад! В отделах говорят: тут материала на целую докторскую. Хотя и мы в министерстве работали в том же направлении, Ваша тетрадь практика во многом подтвердила жизненность и правильность наших исканий, а внимание центральной газеты, думаю, ускорит решение многих злободневных проблем, раз дело дошло до Коллегии.

Так что времени Вы зря не теряли, хотя не понятно: почему, вдруг, крановщик?

Я думаю — это недоразумение, и все скоро уладится. Вопросы Вы поднимаете серьезные, и газета впервые участвует в Коллегии, желая получить ответ на свой запрос на самом высоком уровне.

Приглашение на Коллегию вы получите заблаговременно. Не знаю, какие у Вас дальнейшие планы, но, при желании, здесь, на Коллегии, мы все можем обговорить. А пока, чтобы не терять времени, я послал в Ташкент официальное письмо Саркисянцу, управляющему самого крупного треста, с просьбой, чтобы он немедленно забрал Вас пока к себе. А после Коллегии, думаю, определитесь окончательно. Работы, уважаемый Максуд, — непечатый край. И кому, как не нам, ее делать?..

До скорой встречи на Коллегии.

Ваш однокашник Глеб Горышев».

Максуд стоял у окна, не решаясь еще раз перечитать неожиданное письмо, и вдруг вспомнил слова архитектора по парковой культуре: «Живи достойно, не суетись. Если ты заслуживаешь — день твой рано или поздно все равно наступит».

«Вот, кажется, и наступил мой день», — подумал Гимаев.

*Малеевка,
1982*

Путь в три версты

Повесть

В эту осень Камалову снились одни и те же сны... Ночная зимняя улица... Редкие фонари у школы, сельсовета, раймага и последние огоньки почти на окраине — фонари автобазы. Для подъезжающих к Мартуку со стороны Оренбурга эти робкие светлячки среди бескрайней темноты обозначались вдруг ясно и призывно, и, наверное, не было в поселке жителя, не обрадовавшегося хоть однажды столь желанным огням.

«Вот я и дома», — невольно мелькала мысль или слетала с уст фраза.

Хотя фонари сеяли скудный свет вокруг замерзших столбов, и в этом освещении можно было разглядеть только падающие снежинки, да и то в четко очерченном, в три-четыре шага, световом круге, Камалову казалось, что главная улица родного поселка, Украинская, сияла огнями. Он словно воочию видел усадьбы Губаревых, Панченко, Загидулиных, Мифтахутдиновых, Шакировых, Вуккертов, Бектемировых, Ермоланских... Видел и покосившийся соседский забор, и рассыпанную солому, еще хранившую золотой отсвет осенних полей, и припорошенные снегом осевшие скирды сена, и верблюда в казахском квартале, у Жангалиевых.

А то вдруг в свете прихваченного изморозью фонаря Камалов замечал одинокую девичью фигуру. Каждый раз, когда он пытался подойти к ней, девушка делала несколько

неторопливых шагов и исчезала в темноте. Так и не узнавшая, но до боли знакомая, переходила она из сна в сон, словно укоряя, что он никак не может вспомнить и узнать ее, и это наполняло душу тревогой и горечью...

Но чаще всего снилось раннее летнее утро. Пыльная дорога, огибая на краю села мусульманское кладбище, убегала в степь. Весь путь от кладбищенского оврага до самой речки Камалов вновь, как в детстве, проделывал пешком.

Выбитая узкими колесами арб дорога среди непаханой степи убегала, извиваясь, к темнеющим купам деревьев. Какой бесконечно долгой казалась в детстве эта дорога в три версты!

Путь этот он проделывал не спеша, с остановками, с отдыхом, с бессчетными погонями за какими-нибудь ярkokрылыми бабочками или кузнечиками, с долгими разговорами с соседом-подпаском, пока Бахыт вдруг не обнаруживал, что стадо потянулось к железной дороге. Виной тому всегда был бородатый козел Камаловых — Монгол, злой, надменный вожак, почему-то особенно любивший басовитые гудки паровозов.

Дорога к речке едва заметно поднималась, и перед самым Илеком, на последней версте, неожиданно ныряла вниз с высокого холма в луга. Для степного края, где летом даже полынь выгорала, этот огромный ярко-зеленый луг был щедрым подарком реки. Широко разливался Илек по весне, а когда уходил в берега, вся пойма покрывалась густой зеленой травой. Как ни спешила ребятня на речку или с Илека домой, не могла удержаться, чтобы не затеять возню на зеленых лужайках.

Высоко на холмах, по обе стороны от дороги, словно крепости, стояли длинные немазаные саманные сараи, и летом неподалеку от них всегда белели юрты. Ранним утром, заполняя низину бляением, спускались с фермы на луга сотни разношерстных овец. Сюда же, поближе к речке и сочным травам, напоенным влагой, выгоняли и общественное стадо из Мартука.

В этих неожиданных снах здесь, на лугах, Камалов увидел много забытых лиц, о которых он и думать не думал и никогда бы в своей жизни, наверное, и не вспомнил. Однажды приснились ему русские мужики, аккуратно нарезающие дерн. Он ясно видел их лица, слышал разговоры, шутки, смех и вспомнил, что жили они на другом краю села, у церкви. Вспомнил,

что у одного из них в огороде росли огромные, со сковороду, подсолнухи.

Вспомнил, как однажды компанией, проголодавшись на речке, зашли на ближайшую ферму попросить хлеба. А просить и не пришлось. Маленькая старушка в красном бархатном жилетике, несмотря на жаркий день, увидев неожиданно появившихся у юрты ребят, сказала бритоголовому Сапару по-казахски:

— Рады гостям, приглашай-ка друзей в дом, — и откинула полог белой юрты.

В прохладе и сумраке летнего жилья, расположившись на кошмах, ребята корчили друг другу рожи и смеялись по-детски беспечно и беззаботно.

Потом Камалов, забыв о голоде, не мог оторвать глаз от тонких, с пергаментной кожей рук в тугих обхватах серебряных браслетов, разливавших в деревянные тустаганы прохладный айран, щедро заправленный сметаной, и ломавших только что испеченные горячие лепешки таба-нан, слышал ласковое приглашение старушки: «Ешьте, ешьте, орлята...»

И еще он помнит, что не мог отвести взгляд от гербов на крупных монетах, пришитых к груди ее красного жилетика.

А когда они, уходя, благодарили за угощение, в тени саманной фермы Камалов увидел старика с редкой седой бороденкой. Старик чинил сбрую, а рядом с ним сидел мальчик и помогал деду сучить суровую нитку. Камалов вспомнил всех троих до мельчайших подробностей, до морщин, и даже во сне ужаснулся тому, что давным-давно нет на свете доброй бабушки и невозмутимого, согнутого годами старика, чинившего сбрую, и что живет где-то своей жизнью его ровесник, кареглазый, белозубый мальчик, которому, наверное, тогда так хотелось в компанию сверстников.

Конечно, каждый раз снилась ему и река. Здесь, на реке, под кручей, на долгих мелких перекатах с отчетливо просматривавшимся дном или у затонов, заросших у берега сочной осокой, с корягами, притаившимися в глубине, перед Камаловым возникали лица друзей и одноклассников: Хамзы Кадырова, Саши Варюты, Генки Лымаря, Ефима Беренштейна, Саши Бектемирова, Толика Чипигина, а то вдруг объявлялся кто-то, стоящий к нему спиной, вылавливающий из Илека одного

подуса за другим. Между делом рыбак успевал переброситься с ним парой фраз, но вот жалость-то: никак лица не разглядеть и никогда уже не узнать, кто же это в тот день был таким счастливым.

На реке его взгляд тянулся к тому берегу. Нет, не из-за песчаных отмелей, где можно было, не рискуя загубить драгоценную леску и крючок, легко удить рыбу. И не потому, что там, на белых дюнах, загорали нагишом, нет. За рекой, сразу за дюнами, круто в гору поднимался лес.

Потом, уже взрослым, Камалов видел удивительные леса Беларуси и Закарпатья, любовался соснами Прибалтики, и все же лес за рекой был особенным, неповторимым...

Здесь в лесных озерах каждое лето он ловил карасей, и это было серьезным подспорьем. В зарослях тальника, обжигаясь о крапиву, собирал ежевику и вместе с друзьями носил ее к ташкентскому скорому. Чего-чего, а вот вкуса ежевики не помнит, жаль... Наверное, чаще, чем Камалов, вспоминают крупную, иссиня-черную ежевику в жестяных самодельных ведерках те постаревшие пассажиры, которые покупали тогда ягоды не торгуясь.

Во снах о заречном лесе, удил ли он на озерах, копал ли червей на болоте, собирал ли хмель в оврагах, ему всегда являлся седой дед Белей. Как и в далеком детстве, он приходил в самый неожиданный момент. Появлялся бесшумно: ветка не хрустнет, трава не зашуршит... Старик сначала долго стоял, незаметно наблюдая за мальчиком, потом, покашливая, неторопливо выходил из укрытия, словно шел мимо, и, стараясь быть строгим, хмуря заросли бровей, говорил:

— А, Дамирка! Смотри у меня, не балуй в лесу!

И так же бесшумно исчезал в кустах, откуда вдруг доносилось:

— Дамир, хмель нынче у Чертова озера больно хорош...

Или:

— А на Круглом озере Петька-Тарзан вчера ведро карасей натягал.

Лесничий, живший в соседнем квартале и в праздники щеголявший в зеленой фуражке с золотыми дубовыми листьями, отражавшимися в лаковом козырьке, круглый год проводил в лесу, но каким-то чудом знал всех ребят Мартука по именам.

Это удивляло всех, но не Дамира: ему казалось, что дед Белей знает каждое дерево и каждый кустик в лесу...

Во снах о заснеженных улицах и ежевичных полянах Дамир вспоминал давно забытые запахи поздней отцветающей сирени и разворошенного стога в морозное утро, васильков за огородами и спелого шиповника в стылом лесу... О них, об этих запахах, он тоже редко вспоминал наяву, словно и не было в его жизни снежных зим и теплых летних дождей, а всегда только запах серы и аммиака с медно-обогачительного и других комбинатов, пропитавших город насквозь, и снег никогда не белел более получаса, как сейчас, потому что в нескольких километрах от города работал крупный цементный завод, которому некогда, увы, неточно рассчитали розу ветров. Изредка Камалов видел и еще один сон, не связанный с каким-то временем года и не такой праздный, как сны о зиме или о летней реке.

Ему снился ветреный, но не дождливый осенний день, а он в распахнутом ватнике и лихо заломленной кепчонке стоит среди выкопанной картошки. С делянок за пересошим, с обвалившимися краями арыком тянется низом тонкий сладковатый дымок. На огородах жгут ботву. Через делянку, по соседству, мальчишки ладят свой костер. Как не отведать тут же, в поле, печеной в золе картошки! Мешки, какие только нашлись в доме и у соседей, в частых заплатах и все до одного перевязанные старыми чулками, стоят в ряд — мал мала меньше. Дамир почему-то стыдится и этих залатанных мешков, и чулок, которыми они перевязаны, и держится чуть поодаль. И где только мать их столько откопала! Они с матерью в поле одни. Его отчим, тяжело раненный под Сталинградом, приезжает только сажать. Радостное и легкое это дело по весне! А уж убирают они вдвоем...

Дождаясь своей очереди на промкомбинатовскую полуторку, Дамир сгребает в кучи пожухлую ботву, перекладывает ее сухой травой, и вот уже от огорода Камаловых тянутся к реке прозрачные дымные шлейфы.

Наконец-то прямо по полю идет к ним костлявый, больной грудью Мирзагали. По глазам видно, что он уже навеселе.

— Марзия-апай, — обращается он еще издали к матери, — ближе подъехать не могу, не выехать потом, арба такая

же хилая, как и ее хозяин. Вот я и решил вам помочь. — И Мирзагали берется за самый большой и грязный мешок.

— Брось, дорогой, брось, — кидается к нему мать, — не дай господь, пойдет снова горлом кровь...

Весельчак Мирзагали хмурится, и с лица его сбегает улыбка.

В два шага Дамир оказывается у мешков. — Мирзагали-абы, вы с мамой только помогите мне на спину закинуть, а там я донесу...

Мать с шофером пытаются поддерживать тяжеленный мешок сзади, но куда там! Дамир, прибавляя шагу, почти бегом спешит к откинутому борту трофейной машины. Откуда только сила взялась! Во сне он почему-то не ощущает тяжести огромного мешка, ему легко и весело от сознания того, что он может справиться с такой работой.

А то снилась ему весенняя пора, когда до сенокоса еще не один день, а в Мартуке на каждом углу только и слышно: «На сено... на сено...»

В ту пору в редком сарае не было коровы, а в казахских и татарских дворах держали еще коз и овец, а то и верблюдов. Да и белые овцы, как называли в мусульманских домах свиней, были почти в каждой русской, немецкой усадьбе.

Зимы в степные оренбургские края приходят рано, а уходят ох как поздно! Сена на этот долгий срок нужно много — и на подстилку, и на корм.

На заливных лугах у реки не косили — там пасли овец с фермы и личных коров. Зарабатывать сено отправлялись в дальние казахские аулы и русские села. Расчет был простой и честный: девять машин или волокуш колхозу, десятая тебе. К этой поре взрослые приурочивали свои отпуска, а у ребятни начинались каникулы. Те, у кого в городах жили взрослые дети, ожидали их к сенокосу. Не заготовить старикам на зиму сена считалось последним делом.

В какую-то неделю съезжалась в Мартук молодежь, все больше из близлежащих городов, а то вдруг объявлялся какой-нибудь позабытый Асхат из Ташкента или Николай с шахт Караганды...

У одних были постоянные артели, работавшие из года в год в одном колхозе, но чаще всего компания сколачивалась заново. Из конца в конец села мотались подростки, чтобы попасть

в ту или другую артель, да дело это было не таким простым. Одна артель была заманчивее другой. Если в компании взрослых из Мартука было легче и больше было шансов, что на недельку раньше завезешь во двор сено, то в компании сверстников, где верховодили ребята на год-два постарше, было куда веселее. Конечно, взрослые у колхоза и того потребуют, и другого, но ведь и артель ребят никогда не возвращалась домой без сена. За каждым подростком стояла семья, опаленная войной, — об этом знали издерганные председатели, которые с отцами этих ребят уходили на фронт, вот только не все солдаты вернулись назад. Самые шумные и веселые артели, конечно, сколачивали городские. У них вся работа шла с шутками да весельем, и стычек, как у местных, кто больше наработал, никогда не бывает. Городские в воскресенье, хоть и с ног валились, а вечером в колхозный клуб норовили гуртом. В такой бригаде непременно был баян, а то и аккордеон.

А сын стариков Герасимовых — Сергей — из Оренбурга непременно с гитарой приезжал. Эх, заслушаешься Серегу! Попасть с городскими на сенокос — это память и радость на всю жизнь, а все же рискованно. Артели из местных всегда опережали городских, норовя загодя попасть в ближние и богатые колхозы, потому и сена зарабатывали побольше.

А без сена никак нельзя — пропадешь.

В первый сенокос Дамир гонял от одной компании к другой, не зная, к кому пристать, пока сосед Фатых, бесхитростный, не по годам основательный парнишка, щуря близорукие глаза, не сказал:

— Что, Дамирка, будешь Серегу с гитарой дожидаться? А то смотри, поедем с нами в Полтавку, — словно и не знал, что Дамира за малолетство и не бог весть какие силенки не очень-то зазывали в бригады. — В Полтавке Шубин безрукий — председатель. Он сам сказал матери: «Пусть приезжают орлы, без сена не останутся». А что без гитары, не горюй, у нас козырь главное... — И уже потише добавил: — Обещал Селиван-абы, что на харчи определит нас в колхозный пионерлагерь. Ешь от пуза, да еще компот.

Эти недели сенокоса в разные годы прошли в снах перед Дамиром. Ездил он обычно в компании Фатыха в русское село

Полтавка к Шубину. И на конной косилке ворон не считал, и копнил, и скирдовал не хуже других. Всплыла в памяти и давно забытая картина: полевая дорога... тишина... В степной ночи два тонких луча слабосильных фар машины. Машина загружена до предела, огромная копна придавлена толстым урлюком — длинным бревном — и перетянута со всех сторон арканами, оттого старый ЗИС и тащится так медленно.

До Мартука верст тридцать, вся короткая летняя ночь и уйдет на дорогу.

Наверху, на сене расселась вся компания, считай, звезды рядом. Никто не спит. Да и как уснешь, ведь до самого Мартука не знаешь, к кому во двор сегодня машина. Такое правило у Фатыха — жребий кидают только перед самым въездом в село. Первые памятные уроки демократии на практике.

Иногда среди ночи Камалов вдруг просыпался и, растревоженный, уже не мог уснуть до утра. Стараясь не беспокоить домашних, он осторожно выходил в тесноватую кухоньку и, не включая свет, кутаясь в просторный халат, подолгу курил. Эти ночные часы в чистенькой, с устоявшимися запахами печеного комнатке были как бы продолжением сновидений наяву или, вернее, воспоминаниями о былом. Но что-то мешало ему полностью насладиться картинами детства и юности, мысли и видения все чаще стали перебиваться событиями дня сегодняшнего.

В ванной, где по утрам, глядя в треснутое зеркало, он тщательно брился, у Камалова как-то вырвалось:

— Что же это происходит? Ностальгия? Мне ведь только тридцать пять...

Даже в рябом, порченом зеркале отражался молодой, с крепким волевым подбородком мужчина. Ни единого седого волоска, никаких залысин или намеков на плешь, ну а морщины — они волнуют только женщин. Спокойный взгляд глубоко посаженных глаз на крупном лице говорил о выдержанном, уравновешенном характере.

Но не было с осени покоя в душе Камалова.

В переполненном утреннем автобусе, по дороге на работу, которую в последнее время не без иронии он называл старым чиновничьим словом «служба», Камалов в мыслях невольно возвращался к Мартуку.

«Разве не я сам, по доброй воле, ушел от той жизни? От друзей, соседей, от многочисленной родни... из отчего дома... от свиста осеннего ветра в открытом поле, от утренних всплесков играющей на реке рыбы, от дымных костров на убранных огородах...» — думал он, стиснутый со всех сторон другими пассажирами.

В скрипевшем автобусе с астматическим мотором толкали в бока, наступали на ноги, ворчали, и Камалов невольно радовался, что нужно было что-то делать: продвигаться, уступить кому-то дорогу, передавать деньги за проезд...

Удивительно, что до той самой минуты, когда возникал этот тревожный вопрос, он не замечал автобусного хаоса.

Сойдя у медно-обогадательной фабрики, вблизи которой располагались городские строительные управления, Дамир пересекал большой двор домостроительного комбината и оказывался на территории своего дорожного управления.

Длинный одноэтажный барак, оставшийся с довоенных времен, не очень радовал глаз снаружи. Зато внутри... прямо с порога чувствовалась хозяйская рука и инженерная фантазия. Все было переделано: убраны лишние перегородки, совмещены или разделены комнаты, заново обшиты деревом потолки, пол покрывал ковровый линолеум. С высоких потолков и со стен, чередуясь, целый день мягко струился свет. Иначе в коридоре без окон стояла бы колодезная темнота.

У каждого отдела, даже у самого маленького, был полный света и воздуха отдельный просторный кабинет. В комнатах совсем по-домашнему стояли голландские печи, отапливавшиеся природным газом. В конце коридора была кухня с двумя четырехконфорочными плитами. Окна кабинетов, выходящие во двор, распахивались в сад и цветник, некогда заложенный жильцами. Сад был ухожен, и немудрено: все воскресники администрация строительного управления проводила в своем дворе, такая традиция сложилась до прихода Дамира.

Камалов приезжал на работу раньше других. Не торопясь, проходил из конца в конец коридора, по пути везде включая свет. В приемной главного инженера на секунду останавливался, оглядывал себя в трюмо, на его взгляд слишком уж по-домашнему занимавшее самый видный угол.

Он открывал ключом дверь сдвоенного кабинета планового отдела и, пересекая комнату, где сидела его заместитель, или, точнее, старший инженер отдела Кира Михайловна, попадал в свою, более просторную, с массивным столом и разноцветными телефонами: внутренним, городским и главковским. Придя сюда на работу, Камалов ничего менять не стал, разве только трюмо из кабинета отправил в импровизированную приемную, да еще попросил снять застекленную с занавесочками дверь, отделявшую его комнату. Может, служебные неприятности были причиной волнений Камалова? Нет, Дамир Мирсаидович с делом справлялся, был на хорошем счету: поговаривали даже, что трест имеет на него виды. Может, был загружен до предела и уставал не в меру? Или не устраивали условия работы?

Да полно... Были времена, когда он сутками пропадал на сдаточных объектах и не то что уставал, с ног валился, а об условиях работы и говорить не приходилось.

К дорожникам в строительное управление Камалов пришел с дипломом народнохозяйственного института, а в город этот приехал по комсомольской путевке.

Служил Дамир в стройбате, еще по старому сроку, три года, да еще полгода придержали, тоже пусковая стройка была, — был бригадиром. И оттуда, с Амура, почти всей бригадой заявили сюда, под Ташкент. Везде пришлось поработать: и промышленные объекты строили, и жилье, и к Дворцу металлургов его бригада руку приложила, и в прорыв на железобетонный комбинат бросали его гвардейцев — так за ударный труд их прозвали с первых же дней. Им же первым в тресте присвоили звание бригады коммунистического труда. А тогда, в начале шестидесятых, движение это только набирало силу, и строгость была большая, не всякий и не любая бригада удостоивались такой чести. Дать выработку и план, управиться к сроку, да так, чтобы и качество не хромало, было еще не главным для такой бригады, требовалось, чтобы каждый повышал свой уровень знаний.

Вызвали по весне бригаду в трест, прямо в парткабинет. Парторг, майор в отставке, принял радушно — как же, свои, армейские! Тогда они не только форму, но и сапоги еще износить не успели.

— Что ж получается, товарищи гвардейцы, показатели хоть на две бригады, а на звание коммунистической все-таки не тянете, — ошарашил с ходу парторг, бравировавший военной выправкой.

Ребята переглядывались в недоумении: в чем же они оплошали?

— С образовательным уровнем дела не на высоте, — не стал он мучить загадками, — оказывается, никто из вас не учится, расти не желает...

Короче говоря, всех определил бывший майор: троих в вечернюю школу, семеро поступили в техникумы, а с бригадира спрос иной — институт. Подвела братва, выдала, что были у Камалова такие планы еще в армии и что поступить пытался до призыва. Но надо отдать должное парторгу: не забывал гвардейцев, ревниво следил за ними, перевел студентов в общежитие для молодых специалистов, шефами над ними инженеров закрепил, да и позже при распределении квартир ни одного не забыли.

В ту пору, когда Дамир готовился к поступлению в институт, он уже встречался с Машенькой из отделочной бригады. Работа, подготовка к экзаменам требовали времени, и Дамир тогда всерьез опасался, что пока он корпит над конспектами, девушку у него кто-нибудь уведет. Город-то — общежитие на общежитии, да везде такие ребята, особенно монтажники, — орлы, только заикнутся, что хотят осесть здесь навсегда, в неделю квартиру им из-под земли отыщут, потому как верхолазы — асы, они незаменимые люди.

Но все его сомнения и тревоги оказались беспочвенными: как-то Машенька, застав его за учебниками, обрадовалась и в тот же вечер, немного смущаясь, сказала: — Дамир, поступишь в институт, выйду за тебя замуж...

Он поступил и женился на своей ненаглядной, а когда они ждали своего первенца — Зарика, получили двухкомнатную квартиру, в которой жили и сейчас.

В городе, где каждый объект — пусковая стройка, а сроки сдачи сжаты до предела, работать бригадиром непросто, а Дамир шесть лет руководил гвардейцами и по вечерам еще занимался в институте. Благо хоть факультет оказался рядом с домом, через дорогу...

По правде говоря, не будь Машеньки, не одолеть бы ему института. На третьем курсе, когда сдавали сернокислотные цеха, на занятия неделями не ходил: работали, считай, по две смены, да как работали! Вот тогда-то, вымотавшийся, третий год без отпуска (то на свадьбу деньги нужны были, потом квартиру надо было обставить, потом Машенька сидела с Зариком и год не работала), запустил он учебу и решил бросить институт. Учиться абы как он не умел, как не умел работать спустя рукава. Иной зачет, даже экзамен он мог сдать, только сказав: «Понимаете, днюю и ночью на сернокислотном, не успел...»

Его бы поняли, потому что на вечернем отделении преподавали инженеры из треста и заводоуправления, главные инженеры специализированных организаций. С ними он ежедневно встречался на стройке и на планерках, не раз сидел рядом в президиумах. Знал Дамир, что таким испытанным методом пользовались многие. «Многие — еще не все» — давнюю поговорку отчима мальчишка навсегда запомнил.

А что было дома, когда Камалов объявил о своем решении бросить учебу, лучше не вспоминать.

Потом, на работе, Дамир обдумывал все, что говорила жена, и выходило, что кругом Машенька права. Разве ей было легче? В комплексной бригаде отделочников ей и штукатурить, и малярить приходится, порою на такой высоте, что глянуть вниз страшно. Летом целый день на жаре, ниже тридцати не бывает, зимой на холоде, а о сквозняках круглогодичных и говорить не приходится.

А Зарик? Ведь его утром нужно в ясли отвести, а вечером вовремя забрать. А объекты у нее сегодня на одном краю города, а завтра на другом.

И разве уходил он на работу хоть раз без горячего завтрака и не ожидал ли его всегда ужин? Как бы ни уставала, разве легла она хоть раз до его прихода с занятий? И каждый понедельник разве не удивлял он своих гвардейцев выстиранной и выглаженной спецовкой — а ведь стиральную машину они купили совсем недавно? А какой роскошный подарок — книжный шкаф и письменный стол — сделала она ему к окончанию первого курса на свои премиальные! Кончилось тем, что Машенька, несмотря ни на какие возражения начальства — дошла

до парторга! — заставила мужа взять отпуск за два года, и Дамир к весенней сессии рассчитался со всеми «хвостами».

Когда он учился уже на четвертом курсе, главный инженер не раз говорил ему:

— Ты уж, Камалов, не обижайся, что не берем в аппарат, — место для тебя нашлось бы, хотя инженеров у нас хватает, да вот беда — толковых мастеров и бригадиров в обрез... — и не то шутя, не то всерьез сетовал: — Каждый раз трестовскому парторгу говорю, что медвежью услугу он мне оказывает: самых толковых бригадиров и лучших рабочих лишаем — кончают вузы, уходят в аппарат, а то и в другие организации.

В тридцать лет, как раз в день своего рождения, Дамир Мирсаидович получил диплом. В своем управлении оставаться не захотел: было странно, что придется на иной основе строить отношения с друзьями и товарищами. И главный инженер рекомендовал Камалова коллеге из дорожного управления. Так Дамир Мирсаидович оказался в кабинете со свежевыкрашенной и блестящей лаком голландской печью под началом Киры Михайловны.

Когда главный инженер треста представлял Камалова начальнику управления, тот, не дослушав до конца, глядя с улыбкой на неловко переминавшегося с ноги на ногу Дамира Мирсаидовича, сказал:

— Хорошо, брат, действительно гвардеец. Берем! — и добавил: — Не обижайся, я бы и не гвардейца принял, дело в том, что мужиков в управлении всего двое: я да он, — начальник показал на своего главного инженера. — Ты будешь третьим. Инженер нынче пошел женского пола. Во всех отделах из конца в конец коридора сплошь женщины. Не хватает, видно, у нашего брата в молодости терпения подзубрить, подучить, чтобы добрать тот единственный балл, из-за которого он уступает дорогу прекрасному полу. Как шутит один мой приятель, он из-за Анны Карениной инженером не стал. По литературе выше тройки не мог получить, а пигалицы, на балл лучше знающие про Каренину, — на стройфак, пожалуйста. У них в молодости, наоборот, терпения, старания больше, да и дальновиднее они. Так что, Дамир Мирсаидович, это мы вас должны спросить, не убоитесь ли? Вам, почитай, одному придется работать здесь

с женщинами, ведь нас целый день нет: я на планерках да на совещаниях, а он по объектам мотается...

Новый инженер поначалу вызвал у женщин интерес: одна за другой приходили они в первые дни в плановый отдел к Кире Михайловне, то спросить, то выяснить, то согласовать, но видя, с каким усердием взялся он за изучение бумаг, головы не поднимает, быстро перестали проявлять любопытство.

Кира Михайловна, видимо, женским чутьем уловила, что пришел человек основательный, и пришел не на один день, поэтому секретов не таила, опытом делиться не отказывалась. День ото дня не только терпеливо вводила Камалова в курс дел, но и переключивала на него часть работы, которая выполнялась толково и быстро. В те дни, когда Кира Михайловна возвращалась с бюллетеня (то сама болела, то дети), она, к своему удовольствию, отмечала, что все отчеты сданы в срок, нужные письма разосланы, короче, в отделе полный порядок, словно сама она и не отсутствовала.

Понемногу Камалов обживался. На столе, как у других, появились чайник и две пиалы. Приятно было среди жаркого дня заварить кок-чай и, сев напротив распахнутого в сад окошка, неторопливо выпить чайничек-другой.

За полгода его раза три приглашали на дни рождения. В такие дни до обеда без перерыва полыхали все восемь конфорок, а топот в коридоре стоял такой, как в дни выдачи зарплаты, когда разом приезжали все рабочие. К условленному часу приезжало начальство, и потом мужчин приглашали в техотдел. Кабинет был просторный (может, при реконструкции он уже имелся в виду как банкетный зал?), мест с избытком. Столы в форме буквы «Т» красиво застилались белоснежным дефицитным ватманом. Там, где обычно восседала именинница, цветным фломастером было написано: «С днем рождения, Генриетта!» (Камалову почему-то запомнилось именно это — Генриетта...) Глядя на изящные завитки букв, можно было узнать почерк лучшей чертежницы отдела — как минимум полдня не пожалела.

По традиции, как понял Камалов, главное блюдо готовила именинница, и если потом еще месяц переписывали рецепты, обсуждали их в каждом отделе, ходили к автору за дополнительной консультацией часа на два, значит, празднество удалось на славу.

Камалову нравилось, как преображались, хорошали в этот день женщины, как они были милы и добры друг к другу. Какие тосты, даже в стихах, провозглашали, какие цветы в любое время года преподносили имениннице. И лишь к одному он так и не смог привыкнуть, что этого напрочь пропавшего рабочего дня, с вином и водкой, а потом с чаепитиями по отделам до самого конца, никому не было жаль.

Шли дни, летели месяцы. Сдали с Кирой Михайловной первый годовой отчет, а там — не успел осмотреться — и полугодовой на носу. Теперь Дамир Мирсаидович уже не путал диспетчера Генриетту, крупную усатую женщину с мужским басом, занимавшую кабинет рядом с кухней, с очаровательной Валею Розенталь из отдела труда и заработной платы. Знал, что не столь уж дружен и спаян, как показалось на первый взгляд, их женский коллектив. Например, бухгалтерия, отдел кадров и снабжение часто бывали в конфронтации с техническим, плановым и производственным отделами. Были в этих отношениях и приливы, и отливы, и долгий штиль. Говорят, стрижи и муравьи предсказывают дождь, а черепахи и змеи даже землетрясение, но ни один человек не решился бы предсказать ситуацию в управлении на день вперед. Как и в большой дипломатии, здесь существовал неписанный кодекс чести: к примеру, не нарушать перемирия в праздники, объединяться на дни рождения и юбилеи. И совсем нескучно становилось, когда конфликт достигал штормового состояния.

Генриетта, в любой момент сославшись на неисправность рации (оппозиция подозревала, что электронные лампы у нее в запасе всегда имеются), могла уйти на близлежащий базар и вернуться с полной сумкой свиных ножек. Зато уж холодец она делала отменный! От избытка времени она начинала смолить свиные ножки на плите. Несмотря на распахнутые на улицу двери, запах паленой щетины минут через десять проникал во все отделы.

Дружно распахивались двери кабинетов — и начиналось... Но разве можно было перекричать Генриетту! Она невозмутимо отвечала, занятая своим серьезным делом:

— Подумаешь, баре с высшим образованием, а вы окошко откройте пошире, продует...

В такие дни противная сторона собиралась у Киры Михайловны: женщины пили кофе, разговаривали о спектаклях, шедших по телевизору, и крепились — демонстративно не ходили на базар в рабочее время.

С обеих сторон к начальству направлялись делегации. Начальник управления, умудренный опытом и долгой семейной жизнью, внимательно выслушивал жалобы и обещал непременно принять меры, просил только дать ему время, заведомо зная, что все образуется, само собой.

А то вдруг заявлялись «коробейницы» — женщины с полными сумками дефицитных товаров: обуви, белья, парфюмерии, трикотажа, а в последние годы и «коробейницы», промышленявшие бакалейными товарами: растворимым кофе, консервами с паштетом или печенью трески, цейлонским чаем...

С вещами шли прямо в отдел к Валечке Розенталь, первой моднице управления, а с продуктами к Генриетте.

С этой минуты в управлении воцарялся мир, потому что нужно было примерять, консультироваться, обменивать, занимать деньги...

Через два года Дамир Мирсаидович получил повышение. В канун Первомая Кира Михайловна пригласила Камалова в кабинет с розовыми занавесками и, усадив его напротив трюмо, вдруг объявила:

— Дамир Мирсаидович, я решила поменяться с вами должностью и думаю, начальство возражать не будет. А как бы вы на это посмотрели?

— Надеюсь, я не давал вам повода для такого решения...

— Дело не в вас, Дамир, просто у меня свои причины появились, и, чтобы вы не маялись сомнениями, я откроюсь. Осенью старшая дочь идет в школу, ведь ее и отвести нужно, и встретить, а в нашем городе — бабушки такой же дефицит, как и везде... Дети для женщины, пожалуй, важнее работы. Есть и другая причина, — Кира Михайловна на секунду смутилась, — у нас в плане еще один ребенок, может, наконец-то мальчик... А это, считай, года два-три нет человека. За отдел я не беспокоюсь, уверена, что вы справитесь. Ну как?

В должности начальника отдела Дамир Мирсаидович часто оставался на планерки, проводившиеся с прорабами и мастерами дважды в неделю. Присутствие Камалова было необязательным,

но у него появились собственные соображения относительно низового планирования. В такие дни он нередко возвращался домой в машине начальника управления. Однажды, когда особенно много было высказано прорабами претензий к производственному и техническому отделам, главный инженер, обращаясь к Камалову, неожиданно сказал:

— Вот вы, Дамир Мирсаидович, наверное, удивлены, что мы с начальником всегда на стороне отделов. Мы-то знаем, да и вы за два года насмотрелись, как они работают, но разве сорвали они когда-нибудь отчет или важное мероприятие? Разве мы не выполняем план? Знамя-то переходящее не только из квартала в квартал, но и из года в год — у нас. Согласен, нет в их работе системы, перспективы дальше ближайшего квартала, но то, что нужно к ближайшему сроку, будь спокоен, сделают. Да к тому же на всех уровнях — в тресте, в главке, наверное, и повыше — почти одни женщины, и зачастую туговато приходится, даже трехдневную отсрочку для иного дела не получишь, а пошлешь ту же Киру Михайловну, поговорят они о детях, непутевых мужьях, обменяются губной помадой, глядишь — и дело улажено. Женщины, брат, — огромная сила!

Возражать начальству Камалов не стал, но к этому разговору в мыслях возвращался часто.

«Вот сейчас спохватились, говорим о феминизации школы, о ее последствиях. Не придется ли когда-нибудь говорить о феминизации строительства, ведь технический прогресс не рассчитан на женский уровень работы, даже с поправкой на самые благие и необходимые их обязанности, время не простит. Может, по той же объективной причине задерживается годами техническая документация на строящиеся объекты? А грубейшие ошибки в проектах, оборачивающиеся огромными убытками, может, тоже звенья той же цепи? Ведь проектные институты на девяносто процентов стали женскими организациями». Словом, то, что женщина оказалась у руля технического прогресса, было не в радость Камалову.

Проводив Киру Михайловну в декретный отпуск, несколько месяцев подряд Дамир Мирсаидович постоянно ездил на объекты вместе с табельщицей Юлией. Он хотел подсчитать наиболее реальный фонд заработной платы управления на месяц и даже на год вперед. Главный инженер поддержал идею Камалова,

наделил его особыми полномочиями, и к концу третьего квартала работа была закончена.

Документ повезли в трест торжественно, все понимали, насколько важна проделанная работа.

В тресте похвалили, одобрили инициативу, но когда окрыленный Камалов ушел, трестовский плановик сказал руководству дорожников:

— Силен мужик, голова, но жаль, как поется в песне, одна снежинка — еще не снег. Не могут остальные наши двадцать управлений проделать такую работу, и не потому, что не хотят, заставили бы. В строительстве трудно знать наперед, какие реальные объемы предстоят в следующем году. Работа проделана толковая, большая, и я обещаю заглядывать в эти раскладки. Но большего, увы, обещать не могу...

Пришла зима, холодная, снежная. Занесло дороги. Где-то спешно и безрезультатно чинили отопление, мерзли в квартирах, а в кабинетах дорожников во всю мощь пылали раскаленные голландки.

В окне, прихваченном изморозью, белел заснеженный сад, и Камалов удивлялся чистоте снега, пока вдруг не вспомнил, что цементный комбинат с осени на реконструкции. Захотелось, как в детстве, на мороз, слепить снежок и запустить повыше, ощутить на губах прохладу и непередаваемый вкус чистого снега, но неожиданное желание быстро пропало.

Бесшумными шагами он мерил сдвоенный кабинет отдела, ненадолго задерживаясь у теплых печей.

Кира Михайловна, родившая долгожданного мальчика — Сережу, — была в отпуске, должна была вернуться через год.

Дамир Мирсаидович привык к тому, что работа, которой он занимался, всегда прямо зависела от него: и качество ее, и количество.

Теперь, до конца одолев премудрости планирования на уровне управления, Камалов понял, как мало зависит от него, а ведь он втайне гордился тем, что больше десяти лет проработал на стройке рабочим, тем, какая у него мощная база, какой фундамент для новой работы.

Считай, ничего не пригодилось, разве что он по-своему воспринимал слова «выполнение плана», «повышение

производительности труда», потому что сам ранее и план давал, и выработку увеличивал.

— Чиновник, настоящий чиновник, — однажды вроде в шутку вырвалось у него.

Но эта мысль приходила все чаще и уже не казалась смешной.

Камалов был уверен, что с его обязанностями — собирать ли сводки недельно-суточного выполнения работ, развешивать ли спущенный сверху план по участкам, отчитываться ли по различным формам — вполне могла бы справиться Юлия, одолей она какие-нибудь годовые курсы. А вопрос о том, чтобы сделать что-то большее, решал уже не он. План на год спускался сверху, когда уже заканчивался первый квартал, и не было случая, чтобы он не менялся несколько раз в году. Среди года вдруг выяснялось, что плановые объекты не имеют технической документации, а имевшие документацию неожиданно лишались финансирования. За четыре года службы Камалова сами критерии оценки менялись трижды, причем главными показателями становились самые полярные требования. И от собственного бессилия Дамир Мирсаидович терял интерес к работе.

Иной бывший его гвардеец, Расскажи ему Камалов о своих тревогах, ответил бы: «Не блажи, Дамир Мирсаидович, сидишь в тепле и уюте, не перетрудишься, с премиальными получаешь больше, чем когда вкалывал то на морозе, то на жаре по десять часов в сутки. Многие, брат, позавидовали бы твоему положению».

«Многие — еще не все», — всплыли в памяти слова отчима.

И сны о Мартуке с самой осени, они тоже были неспроста. Дамира Мирсаидовича мучило и другое. За последние годы он не только пришел к убеждению, что занимается не своим делом, но и понял, что он не горожанин, — странное открытие в тридцать пять лет.

В армии выбирать не приходилось, город или деревня, — куда попадешь. Позже не мог отказаться от комсомольской путевки — бригада решила, а ведь была мечта вернуться домой, похожие сны снились и на последнем году службы.

Потом пошли времена, когда в сутки спал по пять часов: работа — учеба, как заведенный, ничего вокруг себя не видел.

А теперь, словно после быстрого бега на большую дистанцию, вдруг остановился, оглянулся и понял, что не туда прибежал. Нет, он не жалел об ушедших годах, напрасными они не были. Работал на совесть. Учился — тоже нелегкое дело. А Машенька — ведь встретил он ее здесь.

Дамир Мирсаидович словно впервые осознал, что живет высоко от земли, увидел крошечный пяточок двора, стиснутый ржавыми, некрашеными гаражами, и впервые со дня рождения Зарика понял, сколь многим обделен его сын.

Живя в городе, он не был ни театралом, ни болельщиком, и не потому, что был глух ко всему, просто так сложилась жизнь, не жалел он и об этом. Так чем же был дорог или враждебен ему город? Ничем — просто они были равнодушны друг к другу. Даже дома, которые он построил, жили собственной, независимой от него жизнью. Разве не было бы странным, если бы он вдруг, вспомнив, как в какой-то квартире с особым старанием клеил обои или любовно ставил оконные рамы, надумал посмотреть, как там эти обои или рамы служат, разве не приняли бы его за чудака, — и хорошо, если только за чудака? Вообще, открыли ли бы ему дверь?

А в Мартуке того, кто ставил дом, как крестного отца, никогда не забывали. И не удивятся, а обрадуются, если печник вдруг заглянет среди зимы посмотреть, какая тяга у печки, сложенной им еще весной.

Когда учился в институте, в редкие праздничные дни или занимался, или хотелось побыть с семьей, с Зариком, ведь в будни сына своего он видел только спящим. Так потихоньку отдалялся от своих гвардейцев, близких товарищей по армейской службе, по работе... Некогда ему было коротать с ними вечера за телевизором или отмечать праздники за шумным, многолюдным столом. Переход на новую работу лишил Камалова и без того немногих друзей.

Человеку общительному нетрудно и в тридцать завести новых знакомых. Но не мог Дамир Мирсаидович участвовать в часовых дискуссиях о вчерашнем спектакле или пустом концерте, и не потому, что не имел на этот счет мнения (мнение теперь все имеют), просто жаль было времени — и своего, и чужого. И еще не понимал Дамир Мирсаидович, как

разыскавший зеленый горошек для салата оливье и угробивший на это полдня мог ходить в героях и считаться радетелем об общественных интересах.

Как часто к нему, единственному мужчине, обращались сослуживицы с просьбой помочь достать с полок повыше ту или иную папку, потому что боялись выпачкать платье или, не дай бог, запылить прическу. Тут бы Камалову и отметить, что платье ничем не уступает наряду популярной певицы (с той лишь разницей, что певица выходит в нем на эстраду). Но этого он не говорил, как не говорил и многого другого, что более понятливые читали в его глазах — «на работу нужно ходить как на работу, в оперетту как в оперетту». Так могли ли появиться у него друзья на новой работе, если уже через год его за глаза называли Бирюком?

Теперь, в середине жизни, Камалов вдруг понял: что бы ни произошло с ним — у него есть малая родина, Мартук, где всегда поймут и примут его.

Не к кому в гости пойти, некого пригласить в целом свете? Да в одном Мартуке у него десяток двоюродных и троюродных братьев и сестер, а племянников и племянниц не перечесть, до конца жизни хватило бы ходить на одни свадьбы. А как бы он на этих свадьбах плясал забытое «Бишли биу» и пел под лихую тальянку с колокольчиками озорные частушки! А где-то рядом, среди сверстников, с кульком чак-чака в руках бегал бы его Зарик.

На соседней улице, на другом краю села, в доме, где шла свадьба, везде у сына были бы братья и сестры, безусые дядя, которые научили бы его плавать, ходить на лыжах, разжигать костры в ненастную погоду, варить уху из ершей с жирным налимом. С ними он ходил бы с ночевкой на Илек и на озеро, с ними загорал бы гольшом на дюнах, отгоняя мошкарку крупным листом лопуха, словно опахалом...

К весне Дамир Мирсаидович твердо знал, что не лежит у него душа ни к городу, ни к нынешней работе. Потому и мучился еще сильнее.

Желание побывать в родном поселке росло день ото дня, и Камалов, уговорив жену провести отпуск в Мартуке, каждый день рассказывал ей и Зарику, как прекрасно они будут проводить там время.

Правда, сам он домой ездил давно, последний раз лет восемь назад, когда его вызвали срочной телеграммой — отчим был при смерти. От той давней поездки остался такой жгучий стыд, который не проходил и с годами.

Когда они с матерью, чистенькой, тихой старушкой, повязанной белым, из дешевой материи, платком (в которой никак нельзя было узнать и даже представить некогда бойкую Марзию-апай, — она и огород сама садила, и саманы по договору, надрываясь, делала, и поденно вместе с русскими бабами мазала хаты более зажиточным селянам), вернулись из больницы, чтобы найти машину и подготовить дом для последнего пристанища отчима на этой земле, Дамир вынул из кармана деньги и сказал:

— Мама, ты найди, кто сможет выкопать могилу, а я сбегаю за машиной.

Мать, протянувшая было руку, вдруг словно обожглась, отдернула ее и стала медленно оседать на саке. Дамир кинулся к ней и растерянно спросил:

— Мама, что с тобой?

Марзия-апай неожиданно заплакала, тихо, по-старушечьи, и Дамир каким-то чутьем понял, что это не плач об умершем, это плач о нем.

— Не к добру, сынок, что жил ты столько лет вдали от родного гнезда, ведь ты был такой добрый, такой участливый, разве забыл, как у нас хоронят...

И Дамир тут же вспомнил, что не было в их селе могильщиков, и нет. Только пройдет слух, что умер кто-то, на другое утро с рассветом (чтобы оставалось время и на земные, насущные дела), тянутся к заовражному кладбищу и парни, и подростки, и отцы семейств, и немощные аксакалы. Кто-то из седобородых укажет подобающее возрасту и полу место, а если была воля умершего положить его с кем-нибудь рядом, непременно уважат.

Каждый приходил со своим инструментом: ломом, кувалдой или лопатой. Иной раз только пару лопат и успеешь выкинуть, так много народу приходит, особенно зимой, в лютые морозы. Потому что такая работа никому не в тягость, легко и быстро должна копаться могила — последнее прибежище человека. Как же он мог позабыть такое? Ведь он с соседом Бахытом

не однажды ходил на кладбище. И зимой не раз спрашивали: «А где Дамир? Где его лом?» Лом у Камаловых действительно был знатный, царского времени, единственное наследство от деда, поденщика-землекопа.

Чем ближе становился долгожданный день отъезда, тем чаще Дамир Мирсаидович вспоминал этот случай и призывал на помощь свою память, мысленно прокручивал давнюю жизнь, чтобы еще раз ненароком не обидеть близких и дорогих ему людей.

Уже перед самым отъездом сестра Машеньки, Катерина Алексеевна, жившая в Воркуте и одна растившая сына, погодка Зарика, телеграфировала, что выезжает к ним в гости на солнышке погреться. Так всегда бывает: то годами писем нет, то как снег на голову.

«Когда мы еще встретимся, она на одном конце карты, я на другом», — сказала Машенька мужу и решила остаться с Зариком дома.

Уже в поезде Дамир Мирсаидович подумал, что не так уж и далеко до Мартука. Час автобусом-экспрессом до Ташкента, дальше московским скорым ровно сутки, еще час-другой на районной попутке — и к вечеру дома. И всего ничего, а вот не находилось у него считанных дней на поездку в родные края годами.

Прибыл он в Мартук, как и предполагал, к вечеру. Камаловы были старожилками — здесь, на стыке Азии и Европы, жили с незапамятных времен и сейчас в разросшемся поселке оказались, считай, в самом центре, неподалеку от автостанции. Отчим в поселке был плотником известным, и дом Камаловых, хоть и потерял хозяина, оставался украшением Украинской улицы. В последние годы жизни отчим не плотничал, а принимал на дому шкуры для заготконторы, и Дамир Мирсаидович еще издали с радостью увидел два крупных закрученных бараньих рога, прибитых на коньке шиферной крыши.

Дом стоял в глубине просторного двора, и Камалов, толкнув незапертую калитку, сразу удивился, как выросли кусты сирени, посаженные отчимом в последний год жизни. Но мысль об отцветшей сирени тут же пропала. В затишке летней веранды, на воздухе, две старушки в одинаковых одеяниях пили чай. На конфорке старого медного самовара высылся знакомый

китайский чайник. Камалову почудилось даже, что он слышит, как потихоньку поет медь. Дамир Мирсаидович осторожно поставил вещи и от волнения присел на чемодан, стараясь не потревожить старушек.

Вдруг мать подняла глаза от стола и увидела его.

— Дамир, сынок!..

Теряя на ходу востроносые азиатские калоши и подбирая полы длинного платья, Марзия-апай кинулась к сыну.

— Дамир, сынок... приехал...

Потом, пока Дамир умывался и переодевался с дороги, мать с приехавшей погостить приятельницей заново поставили самовар, быстро напекли горячих оладьев, пожарили татарскую яичницу — таба, сбиваемую на свежем молоке или сливках.

Полили из кумгана двор, чтобы посвежело, и включили на веранде и во дворе свет. Потом до звезд сидели за столом. Дамир Мирсаидович объяснял, почему не смогла приехать Машенька с Зариком, рассказывал, как вырос сын, а они сокрушались, что не увидят его жену и сына.

Всю долгую ночь в поезде Дамир Мирсаидович простоял в тамбуре — не спалось... Чем дальше уходил поезд, тем сильнее чувствовал он какую-то неясную вину перед домом, матерью, отчимом, друзьями, соседями, Мартуком... Он не мог объяснить, в чем состоит эта вина, но, видимо, она была, если это его тревожило. И почему-то Камалов представил себя солдатом, возвращающимся из плена. При каких бы героических обстоятельствах ты не попал в плен, все равно придется объяснять всем и каждому, почему случилось такое...

В грохоте безлюдного тамбура он невольно выискивал какие-то слова оправдания, хотя точно не знал, в чем должен оправдываться... Как-то примет его мать — ведь столько лет не был? А вот приехал — и ни слова упрека, никакого недовольства... Она была рада ему, рада тому, что он жив, здоров, рада, что он рядом, — это Камалов чувствовал остро, до боли, до слез.

Потом старушки разом засуетились, всполошились, что заговорили гостя с дороги, и хотя Дамир Мирсаидович несколько не устал и не хотел, чтобы эта тихая беседа прерывалась, принялись убирать со стола и стелить ему постель.

Когда Марзия-апай, на ходу надевая свежую наволочку на огромную, гусяного пера подушку, вышла узнать, в какой

комнате лучше постелить, Дамир спросил, нельзя ему переночевать на сеновале.

Мать с подругой переглянулись, и Марзия-апай ответила:

— Сынок, на нашем сеновале лет десять как сена нет, даже запах его начисто выветрился, — и увидев, как он огорчился, добавила поспешно: — Не горюй, в базарный день я договорюсь с казахами из аула, чтобы завезли возок, думаю, не откажут. Отчим твой в последние годы много в аулах работал, слава Аллаху, и туда хорошая жизнь пришла, такие дома построили, не хуже, чем в Мартуке.

Поднялся он, по местным понятиям, поздно: то ли действительно устал, то ли крепко спалось в родном доме, то ли разница во времени сказалась. Во дворе уже давно потихоньку без трубы шумел от тлеющих углей самовар.

Мать с приятельницей, сидя на корточках, ощипывали в глубоком тазу крупную черную курицу, судя по очищенному желтому тугому боку, жирную и мясистую. Завидев Дамира, они отставили таз и прикрыли его фанеркой — успеется, это к обеду. Хотя в сторонке стоял домоулик, знакомый еще с последнего приезда, старушки вызвались полить ему на руки, и он не решился отказать им. Тут же появилась чистая эмалированная чаша и вчерашний медный кумган. Мылся он долго и с удовольствием. Утираясь ветхим, истончившимся, давно лежавшим в сундуке полотенцем, Камалов вдруг увидел черные клубы дыма, пыли и редкие вспышки огня со стороны станции и с болью подумал: «Ну вот... и здесь...» Марзия-апай, видя, что сын засмотрелся на дымы, радостно пояснила:

— Слава Аллаху, уже лет пять у нас свой асфальтовый завод. Дороги стали — красота, а раньше без сапог ни шагу. В Мартуке все улицы покрыли, теперь за сельские дороги принялись. Уж как люди рады — и сказать нельзя, а то ведь осенью как с урожаем мучились! Задождит — машины днями буксуют в степи. Асфальтировали нашу Украинскую, я на радостях обед им приготовила, двух кур не пожалела. А они мне, как ни отказывалась, вот дорожку до самой калитки сделали.

И Дамир Мирсаидович только сейчас увидел мокрую полосу асфальта.

Днем он отыскал в кладовке банку с краской и кисточку, мокнувшую в керосине, поправил черенок лопаты и объявил

старушкам, что сходит на кладбище. Провожаемый долгими взглядами, Дамир Мирсаидович вышел со двора.

Могилу отчима Камалов отыскал легко. Особо ухоженных или запущенных могил не было, у всех одинаковые оградки из тонкой арматуры, у всех в изголовье бетонная глыба с указанием дат и фамилии. Только у некоторых в углах ограды был обращенный к востоку полумесяц, у других — пятиконечная звезда. У отчима, к удивлению Дамира, были и звезда, и полумесяц, и сколько он ни осматривался вокруг, ничего подобного не видел. Поправив могилу, Дамир Мирсаидович стал красить оградку, и красил долго, с перекурами. Потом, выйдя за кирпичную ограду кладбища, долго смотрел за овраг, где змеилась широкая, накатанная машинами дорога. И хотя не терпелось прямо с рассвета отправиться на Илек, он понимал, что так нельзя, он взрослый человек, отец семейства, и негоже сломя голову бежать на реку, еще куча дел по дому, да и многочисленную родню нужно обойти.

Днем он лазил на крышу, менял лопнувшие листы шифера, устанавливал новую телевизионную антенну. Бетонировал в подполе. Из-за сырости и времени стены рушились, оползали, и уже рискованно было хранить там картошку или держать что-нибудь из мелочи: кружок масла, кусок мяса, бутыль молока... По утрам Дамир Мирсаидович с удовольствием копался в огороде. Прежних соседей, которых знал Дамир и которые помнили, что у Марзия-апай есть сын, не было — все уехали в близлежащие города — Оренбург и Уральск. Новые соседи лет пять — десять как переселились сюда из аулов и маленьких сел, и Камалов чувствовал, как они настороженно поглядывали на него со своих дворов, пока не заговаривая с ним.

А вечером с матерью они пошли по гостям, и Камалов беспокоился, что подарков, которые он захватил, как ему казалось, с запасом, не хватит и на треть родни. Но мать успокоила, заверила, что никого не обделит. С улыбкой и нежностью Дамир Мирсаидович наблюдал, как мать со своей подругой, распахнув сундуки, стоявшие в зале вдоль стен, доставали оттуда какие-то платки, платочки, косынки, полотенца, разноцветные отрезы ситчика, штапеля, гремящие бусы, гребешки, даже детские резиновые игрушки, и все это вперемежку с его подарками раскладывалось в определенном, понятном только им порядке.

Возвращаясь от родственников, Марзия-апай вдруг сказала: — А я ведь уже отчаялась тебя дожидаться. Спасибо, что приехал. Жаль, невестку и внука не видела, и отчим о том жалел, и, думаю, обижался на тебя за это. Ведь он тебя любил, перед смертью сам сходил в сельсовет, отписал дом тебе. И деньги, что ты присылал, мне не разрешал тратить. Много ли нам надо, да и сам он до смерти при деле был, не мог сидеть сложа руки, не умел. Целы деньги, на книжке лежат, возьми, коли надо...

В эту ночь Дамир Мирсаидович не сомкнул глаз.

За столом, за непременно самоваром, они засиживались подолгу. Дамир Мирсаидович расспрашивал о соседях, о родственниках, к которым предстояло идти вечером, спрашивал о своих давних друзьях и приятелях...

— Мало кого вижу, сынок, — отвечала Марзия-апай, — одни, как и ты, разлетелись по свету, заскочат когда на день-другой по пути в Сочи, разве увидишь... Другие рядом, в Актюбинске или Оренбурге, этих вижу чаще, некоторые в больших начальниках ходят, на блестящих машинах приезжают. Раньше часто спрашивали, интересовались — как там Дамир? А теперь то ли я их не узнаю, то ли во мне твою мать трудно признать, сильно сдала я в последние годы... Да и редко из дому выхожу теперь, надо сказать. Один Бахыт всегда приветы передает, вот он-то тебе точно обрадуется.

— Бахыт! Ну и мучил его наш Монгол! Помнишь, мама, Монгола?

— Помню, сынок, помню... В тот год, как ты уехал в город, угодил он под поезд, мы не писали тебе, не стали огорчать...

— Бедный Монгол... А где работает Бахыт?

— На элеваторе, механиком...

— Разве он учился?

— Нет, не учился, не пришлось, он ведь с четырнадцати лет на элеваторе, вырос там, а новой элеватор, считай, вырос с ним. К железкам у него, видимо, талант в крови. Как со службы пришел, на другой день прямо в солдатском заявился на элеватор, на старое место, слесарем-ремонтником. Я ведь там тоже пять лет проработала, для пенсии стажа оказалось маловато. А вскоре Бахыт уже бригадир. Редко какое собрание без доброго слова о нем проходило. И верно, безотказный джигит. Ночь-полночь, воскресенье не воскресенье — никогда

не откажет. А как умер старик Глухов, механик, кто только на этой должности не перебивал. Приезжает кто-нибудь с дипломом, полгода, от силы год прокрутится, запустит дело — дальше некуда. Тут не то, чтобы его заставляли отрабатывать, рады на все четыре стороны отпустить, и отпускают. Ожидают следующего, более путевого, а может, и не ожидают, шлют, наверное, из города, коли должность пустует. Видимо, закон такой — каждому диплому непременно должность.

До следующего инженера хозяйство приводит в порядок Бахыт, это ни для кого не секрет. Немало, наверное, сынок, и наших молодых из Мартука на механиков выучилось, да ни один в родные края не вернулся.

Считай, пятеро залетных в механиках перебивало, а потом уж какая-то светлая голова в райкоме нашлась, сказали, хватит, нам не диплом нужен, а чтоб человек на своем месте был. С тех пор Бахыт в механиках. А в прошлом году наш район, считай, за пол-области хлеб сдал, так Бахыт теперь с орденом и со звездой...

Ночью Камалов часто просыпался и долго лежал в темноте, думая; потом, засветив фонарик, осторожно, стараясь не греметь, спускался с сеновала по шаткой стремянке.

На всякий случай — а вдруг выйдет обеспокоенная мать — он присаживался у колодца, выкуривал сигаретку, а затем потихоньку покидал двор.

Не спеша, в раздумье, он проходил Украинскую из конца в конец, от фонаря к фонарю, от кирпичного завода до автобазы, как в тех осенних снах. Пожалуй, эти ночные прогулки напоминали бессонные часы на кухне с той лишь разницей, что там он больше думал о Мартуке, а здесь о своем доме, где гостила сейчас сестра Машеньки. Мысли его перескакивали с одного на другое. Вспоминал он и день на кладбище, звезду и полумесяц на ограде могилы отчима. Эта жестяная звезда, крашенная суриком, болью напомнила о его собственном отце, о котором, честно говоря, он мало вспоминал. Дамир родился в сорок первом, поздней осенью, а через месяц в боях под Москвой пропал без вести его отец. Он так и не успел узнать, что у него родился сын.

Позже, когда Дамир уже учился в школе и они с Марзией-апай еще жили вдвоем, он как-то услышал, что мать в сердцах

ругнула его отца, сказала, что и погибнуть не сумел, как все, а теперь вот и крошечную пенсию то дают, то отнимают.

Дамиру эти отчаянные, сказанные сквозь слезы слова запали в душу, они испугали его. И когда в классе случалось заполнять какие-то анкеты, он краснел и не смел написать «погиб».

В словах «пропал без вести» для него таился какой-то неприятный смысл, намек на то, что отец вроде как убежал или спрятался... Он долго мучился этим и однажды в лесу за рекой все-таки решился спросить обо всем у деда Белея: мать упоминала как-то, что в одном эшелоне с его отцом уходил и лесник.

— Ах, какой дурачок, — отругал его старик Белей, он сразу понял, о чем думал мальчишка. — Под Москвой, Дамирка, что творилось, не приведи господь, сынок. А мы, туркестанцы, в самое пекло, в самый ответственный момент подоспели к Москве, мало кто в том аду уцелел. Пропал без вести? Да мало ли что могло случиться: не опознали, документы потерял, некому было опознавать, все знавшие полегли. А прямое попадание? В клочья, в дым, в порошок человека... а огонь, от которого железо вокруг горело... Выкинь, Дамирка, дурь из головы, не тот человек был твой отец, чтобы прятаться за чужие спины.

И Камалов в эти ночные часы с болью думал: где же могила его отца? Безымянная? Братская? Под фанерной звездой?

Сколько лет прошло — и не то чтобы могилу попытаться отыскать, письма в архивы не написал, может, давно уже установлено, где, когда и при каких обстоятельствах погиб рядовой Мирсаид Камалов.

От этих мыслей даже в темноте среди безлюдной ночной улицы Дамир чувствовал, как полыхает огнем стыда его лицо.

Неделя пролетела незаметно...

— Дамир, сынок, — обратилась как-то за завтраком Марзия-апай, — целую неделю то с крыши не спускаешься, то из подпола не вылазишь, сходил бы лучше на речку. Городские, как приезжают, днями там пропадают. Говорят, песочек наш ни крымскому, ни балтийскому не уступает. Я сама-то на Илеке лет двадцать не была, но, помню, красивая, ласковая у нас речка, берега из золотого песка. Сходи-сходи, позагорай оставшиеся дни, а может, кого из знакомых, приятелей там повстречаешь. Тянутся туда приезжие, на реке-кормилице, считай, все мальчишки Мартука выросли...

Пока Марзия-апай варила яйца вкрутую, собирала для него с огорода зелень, наливала прямо из самовара в двухлитровый термос чай, Дамир Мирсаидович торопливо ладил удочки, купленные с Зариком еще весной.

Вручая сыну сумку со снедью, Марзия-апай наставляла его:

— Дамир, речка хоть и рядом, а пешком и малолетняя ребятня не ходит, даже на велосипедах ленятся. Мопед, мотоцикл — куда ни шло, а больше на машинах, сейчас транспорта в Мартуке тьма. Дойдешь до кладбищенского оврага, пока выкуришь сигаретку-другую, оказия и случится..

Но Дамир Мирсаидович слушал ее вполуха, он уже видел себя на речке.

Каждый день теперь с восходом солнца Дамир Мирсаидович быстро вскакивал с постели, торопливо делал зарядку, основательно, по пояс, умывался из полной до краев кадки, а затем потихоньку, стараясь не потревожить утренний сон матери, завтракал на кухне.

Выходя за калитку, Камалов всегда жалел, что нет у них коровы, вот сейчас погнал бы ее в стадо. Не было коров и у соседей. Не было и малого стада из овец и коз, которым некогда верховодил их Монгол, а пас дружок Дамира Бахыт. Да и откуда же быть стаду, если негде пасти, нечем кормить.

Дамир уже видел, что вся заовражная степь, где раньше гулял скот, до самой речки, вплотную к разъезженной дороге, запахана, запаханы даже заливные луга — место игрищ ребятни. И хотя жидкие метелки хилого овса вряд ли окупали осенью весенние затраты, пахали ежегодно, выполняя план по увеличению посевных площадей.

А с сеном? Если работаешь в колхозе, еще есть какая-то надежда его получить, а Мартук — районный центр, рабочих и служащих, тоже живущих своими дворами, в десять раз больше колхозников. На сено, как прежде, всем миром не ездят — уже лет десять, как колхозам строжайше запрещено выдавать сено на сторону.

Случается, что машину сена можно купить в дальних селах, у колхозников, вот только его нынешняя цена многим не по карману, тем более пенсионерам. Так и редет скот в степных краях.

На реке Дамир Мирсаидович облюбовал себе тихую заводь вдали от дороги и шума машин. Место это, считай, целый день искал: сильно обмелела, усохла река, осели крутые берега, и много шире стали песчаные полосы, переходящие в дюны. Уже здесь, на реке, Камалов слышал, что из нее пьют без меры стоящие в верховьях металлургические и химические комбинаты Актюбинска и Алги, а городской коллектор день и ночь сбрасывает в нее нечистоты. Разрывается река, пытаюсь всем угодить, да силенок маловато, без людской помощи ей теперь не встать на ноги.

Вот хоть бы несколько снежных зим, как прежде, но и зима ушла из этих мест...

По утрам Дамир Мирсаидович рыбачил, ловил мелких пескарей и красноперок и с грустью отмечал, что даже в ранние безлюдные часы не играла на реке рыба. А какие сазаны, щуки ревелись раньше на зорьке — от одного могучего всплеска радостно холодело на душе, авось попадетя такая!

Ближе к обеду, выкупавшись, он уходил далеко вверх по реке или шел в лес, где подолгу лежал в тени старых ясеней.

Однажды Камалов набрел на компанию отдыхающих. Издавна купались и загорали у круч, где самые отчаянные мальчишки ныряли с высокого отвесного берега. У круч Илек был глубок, дна не достать, а противоположный берег, пологий и песчаный, тянулся вдаль и вширь — на одном дыхании по дюнам до леса не добежать.

Компания приняла Камалова радушно — не хватало пары для игры в футбол. После матча долго баловались мячом в воде, и Дамир понял, что они уже не первый день на реке. На противоположном берегу на отвесной круче стояли два молочно-белых «жигуленка» и рядом несколько мотоциклов, — видимо, приезжали и уезжали они вместе, решил Дамир Мирсаидович. Все отдыхающие были моложе Камалова, только один, который задавал тон в компании, был постарше, и величали его по отчеству — Станислав Михайлович. Из обрывков разговоров Дамир Мирсаидович понял: родом они все из Мартука, приехали в отпуск из разных концов страны.

Никого из них Камалов не знал, не признали и они его. Отдыхать они умели, это Дамир отметил сразу. На мелководье у берега мок бредешок. Лакированные, отполированные

до зеркального блеска спиннинги, вызывая зависть местной ребятни, лежали на песке. Две треноги с котелками, примус, термосы и даже шашлычница были у компании.

Станислав Михайлович в первый же день от имени своих молодых друзей пригласил Дамира на традиционную уху. Иногда у Камалова появлялось желание посидеть в компании, и он из своей тихой заводи выходил к купальне.

Ведерко ершей и окуньков, выловленных специально для ухи, вызывало восторг у ребят — у них не хватало терпения сидеть за удочкой. За ухой или шашлыком после рюмки хорошего коньяка говорили обо всем — о спорте, театре, космосе, — но каждый раз все заканчивалось разговором о Мартуке.

Полноватый мужчина в очках, отрекомендовавшийся кандидатом сельскохозяйственных наук, убеждал, что если дело пойдет такими темпами, а меры не будут приняты, то и полынь скоро станет реликтовым растением. И в запальчивости кандидат наук спрашивал: «А вы видели в этом году васильки? А татарник?»

Другой, назвавшийся специалистом по теплотехнике, уверял, что асфальтовый завод через три-четыре года начисто выведет персидскую сирень — гордость поселка, — потому что выстроили его рядом с жильем, без основательных инженерных расчетов, без пылеулавливающих установок.

И когда Станислав Михайлович, оказавшийся известным театральным режиссером, отметил, что совершенно безграмотно отделали сцену в новом Дворце культуры, Дамир, в общем-то с симпатией относившийся к седовласому, с приятными манерами человеку, в обществе которого услышал немало интересного и полезного для себя, вдруг с неприязнью подумал: «Когда вы, Станислав Михайлович, уходили в город, непростое было время. Мать, наверное, не раз порог председателя сельсовета обивала, выпрашивая вам справку на получение паспорта. И главным аргументом был не ваш талант, который, без сомнения, был, а то, что она убедила правление, что, выучившись, вы вернетесь в поселок, будете нести культуру и искусство людям. А может, это говорила не только мать, но и вы сами клятвенно уверяли?» «Да что ж это я на человека ополчился, милого, интеллигентного? — обозлился Дамир Мирсаидович. — А сам-то я чем лучше? И сидящие рядом — славные, умные

люди, разве они когда-то не обещали — друзьям, родителям, соседям, школе, сельсовету, любимой: «Выучимся — вернемся»? Вернулись...

Сидим за армянским коньячком и клянем нынешнего председателя колхоза, который родом не то из-под Рязани, не то из Казани, что запахал луга — радость и гордость поселка, выгадав два гектара посевных. А если бы этот бесспорно умный мужик, кандидат наук, вернулся в родные пенаты и возглавил колхоз, наверное, уберег бы дорогие для всех луга, нашел бы взамен другой клочок земли — в два гектара! Глядишь, и для общественного стада отыскался бы выгон, ведь не забыл очкарик, что значит корова в доме.

Теплотехник сохранил бы персидскую сирень, Станислав Михайлович прославил бы Мартук народным театром, к немногословному хирургу приезжали бы из области на консультацию, а я, Камалов... Впрочем, каждому нашлось бы дело, только душой потянись, сердцем...»

Дамир Мирсаидович больше не покидал тихую заводь. Свой путь на речку, каждодневные три версты утром и три вечером или уже в сумерках проделывал только пешком, как в детстве.

Утром, когда разъезженная дорога еще не пылила, а влажный предрассветный туман еще лежал на земле, он уже шагал по обочине, вглядываясь в овсы, словно надеялся увидеть там босоногого соседа-подпaska и гордого Монгола. Иногда он сворачивал в них и, шагая плохо пропаханным и плохо бороненным полем, встречая повсюду васильки и татарник, шел к ферме. Подолгу, забыв о реке, бродил среди развалин, и только запах, не выветрившийся за эти годы, напоминал, что здесь были овечьи кошары, и вдруг в тишине ему чудились сотнеголосое бляенье и топот.

Камалов силился вспомнить, где стояла та белая юрта и где добрая старушка-волшебница с тонкими руками в тугих обхватах серебряных браслетов кормила их свежим айраном.

Но, сколько бы он сюда ни приходил, точного места он так и не установил.

На этих верстах, оказавшихся нисколько не короче, чем в детстве, Дамир Мирсаидович, не щадя себя, снова и снова ворошил прожитую жизнь.

Мать вдруг занеможет, кто рядом? Конечно, мир не без добрых людей, найдется кому подать стакан воды, но ведь у нее есть сын, внук, невестка...

Возвращавшиеся с речки машины иногда тормозили, и шофер, распахивая дверцу кабины, весело предлагал:

— Садись, мужик, подброшу, а то запыхаешься до дома...

Камалов благодарил и отказывался, а чаще, занятый своими мыслями, не слыша голоса и не замечая машин, продолжал шагать по обочине...

Часто ему вдруг по-мальчишески, до слез хотелось, чтобы появилась арба деда Белея и лесник окликнул его издали:

— Дамирка, прыгай, подвезу...

Может быть, наверху, на свежей кошенине, пахнущей лугами и рекой, глядя на сгущающиеся сумерки и редкие звезды, слабо вспыхивавшие в высоком летнем небе, он бы скорее понял, как ему быть.

Машенька... Она так гордится, радуется, что помогла мужу выучиться, не дала ему отступить, как же он объяснит ей, что с удовольствием сменил бы белую рубашку на спецовку...

Дом... Самый красивый на Украинской улице... Дом Камаловых... Всегда, в любом городе может быть его квартира, но после матери исчезнет с лица земли дом Камаловых, потому что дом носит имя хозяина. Так заведено испокон веков, так будет всегда.

Каждый день Дамир Мирсаидович одолевал путь в три версты, с каждым днем каждый шаг все настойчивее отдавался вопросом: «Как жил? Как живу?.. Как жил?.. Как...».

*Ялта,
октябрь 1976*

Станция моего детства

*Опозданий к Богу не бывает...
В.Высоцкий*

Автобиографический рассказ

Моя малая родина — Мартук, районный центр, расположенный при железной дороге Москва — Ташкент. Находится он в семидесяти километрах от Актюбинска на восток и в двухстах километрах на запад от Оренбурга, некогда первой столицы Казахстана, поистине города восточного в ту пору. Еще до середины шестидесятых годов Оренбург наполовину состоял из татар, много там проживало и проживает до сих пор казахов. Не могу не упомянуть для молодого поколения, что в царской России после Казани Оренбург был вторым культурным центром мусульман. Здесь издавалась ежедневная газета «Время» на татарском языке, которая распространялась по всей России. Действовало несколько крупных театров, широко известных в мусульманском мире духовных центров, медресе, мечетей, самая красивая из них построена на деньги казахских купцов. Издавались десятки журналов, печатались книги. В Оренбурге проживало около дюжины именитых в России казахских и татарских миллионеров, были здесь крупные торговые дома, банки.

Все это сошло на нет после революции, а в семидесятые годы прошлого столетия, когда нашли оренбургский газ, сюда хлынули сотни тысяч переселенцев из России, и город навсегда потерял свой восточный, мусульманский колорит. Родом из

Оренбурга и мои родители. В годы революций, раскулачивания многие татары бежали в соседний Казахстан. Позже, в двадцатые годы, от голода сюда бежали тысячами, целыми деревнями поволжские татары. Сюда, в степь, их толкало только одно — здесь жил единый по вере народ. В лихие годы это чрезвычайно важный фактор.

В пору моего детства, вплоть до 1957 года, ходили паровозы, которые останавливались каждые двадцать пять километров, красавцы-локомотивы должны были чистить топки и заправляться водой. Обязательно надо сказать несколько слов и о самих станциях. Дорога, построенная в начале двадцатого века, замечательна своими архитектурными и инженерными решениями. Особенно замечательны станции — Актюбинск, Кандагач, Казалинск, Джусалы, Кызыл-Орда, Туркестан, Арысь. Кроме удивительных по красоте и изяществу пассажирских вокзалов, строились депо, десятки грузовых пакгаузов, пожарных центров, водонапорных сооружений, пристанционных зданий для жизни и быта железнодорожников. Были построены добротнейшие здания из кирпича и камня: поликлиники, больницы, гимназии, здания для дворянских собраний, ставшие позже повсеместно Дворцами железнодорожников. Особняки для технической интеллигенции и служащих и удобные, в два-три этажа, дома для рабочих. Почти все эти здания сохранились и служат людям до сих пор.

Все эти полторы тысячи километров дороги с инфраструктурой, достойной восхищения, были построены двумя строительными батальонами. Жаль, красивейшее здание актюбинского вокзала было снесено в семидесятые годы, и на его месте построили уродливый трехэтажный сарай, в котором и зимой, и летом стоит ледяной холод, пробирающий до костей.

Железнодорожники и в царское время, и долгое время в СССР были элитой рабочего класса, сама же железная дорога — государством в государстве. Она имела собственные школы, клиники, высшие учебные заведения, связь, торговую сеть, свое снабжение, свои заводы и фабрики, культурные и спортивные сооружения и многое, многое другое. До 1960-х годов в СССР существовало только два профессиональных праздника — День железнодорожника и День шахтера. Всем этим железная дорога обязана одному человеку — Лазарю Моисеевичу

Кагановичу, выдающемуся организатору технической мощи СССР. Кстати, опять же на заметку молодым, знаменитое московское метро тоже его детище, и оно долго носило имя своего создателя, а в суровое сталинское время просто так имена не давались.

Железная дорога изменила край. Появились сотни, тысячи поселков вдоль дороги, включая и мой родной Мартук. Паровозы требовали воды каждые двадцать пять километров, и в голых, зачастую безводных местах русские геологи провели огромную работу, нашли источники снабжения водой, рассчитанные на столетия. Были построены сотни, тысячи водокачек, протянуты к станциям тысячи километров водопровода, работающего до сих пор. Наша мартукская станция снабжалась водой из красивейшего озера рядом с аулом Кумсай, что находится в семи-восьми километрах от поселка. Водокачка, как мы ее называли, строение в густом лесу у озера, оказалась сложнейшим инженерным сооружением и служила почти век, даже когда отпала нужда поить паровозы. Объект, как говорят сейчас, имел стратегическое значение и был обнесен вокруг в три ряда, с большим интервалом, высокой колючей проволокой. Вход в зону был строго воспрещен.

Водокачку с царских времен обслуживала одна и та же семья Качановых, дети которых учились с нами в одной школе в Мартуке. Как мы им завидовали! И было отчего. Как рассказывал мне мой одноклассник Петя Качанов — какие лини, сазаны, карпы, лещи, красноперки, голавли попадались им в верши или сети! Каких — пудовых! — сомов ловили они на закидушки, каких пяти-семикилограммовых щук вытаскивали удочкой — не пересказать! Мне приходилось видеть эти уловы. Рыбой многодетная семья Качановых рассчитывалась за постой своих детей-школьников у наших соседей Козловых. Помню, мама тоже покупала у них рыбу, казалось, что вкуснее рыбы линия ничего на свете нет. А какую землянику, малину, ежевику, костянику собирали они в своем заповедном раю! Какой удивительной красоты лилии приносили они учителям в день последнего звонка и первого сентября — роскошь королевская, всю жизнь стоит перед глазами.

Все сломали, разграбили, растащили, сожгли в горбачевское безвременье. Навсегда затерялся в необъятной России

след надежных тружеников Качановых, отдавших водокачке, Отечеству восемьдесят лет служения. Они напоминают мне таможенника Луспекаева из кинофильма «Белое солнце пустыни».

Когда лет в пять-шесть я попал на станцию, она показалась мне волшебным замком, утопавшим в роскошном саду. Вокруг здания были разбиты клумбы. Тогда же, впервые в жизни, я увидел цветочные часы и живой календарь из цветов — это потрясло мое воображение. После пыльного, вросшего окнами мазанок в землю убогого поселка станция показалась земным раем. У каждого торца здания имелись водонапорные колонки, которыми разрешалось пользоваться всем жителям Мартука. В дни стирок хозяйки с ведрами на коромыслах тянулись к станции — говорили, что мягкая, шелковая вода с озер экономила дорогое и редкое в ту пору мыло. А на перроне сиял медью отполированный за десятки лет руками дежурных станционный колокол — как приятен был его звон, отправлявший поезд в не знакомые мне города с волнующими названиями: Ташкент, Наманган, Джалал-Абад, Ургенч, Алма-Ата — тысяча и одна ночь, Шахерезада и только!

В мои детские годы главным кормильцем маленьких местечек были базар и станция.

Помнится, год-полтора, не больше, Мартук переживал какой-то ренессанс, забытый нэп — на станции милиция не гоняла жителей, приходивших к поездам торговать молоком, сметаной, творогом, варенцом, казахским катыком, шубатом, сливочным маслом, сбитым вручную дома. Выносили к поездам яйца, соленья, грибы. Осенью — арбузы, дыни, летом — малину и ежевику, собранную за Илеком.

Более основательные хозяева торговали жареными и отварными курами и утками, а зимой — тушками гусей, рыбой, приобретенной у тех же Качановых с водокачки. С огурцами, помидорами, капустой, зеленью выходил на вокзал известный огородник Карташов из Кумся, он там работал главным агрономом. Бедные шли к поездам с жареными семечками подсолнухов и тыкв. Они же торговали аппетитной толченой картошкой, политой сверху подсолнечным маслом ручной выжимки с золотисто поджаренным луком. Предлагали и домашний квас. Иногда они же торговали пирожками с картошкой, капустой, щавелем.

В торговле пирожками с мясом, беляшами доминировали мои родственники Валиевы и Мамлеевы. Местные мастерицы выносили к поездам горячую выпечку — поезда в ту пору ходили минута в минуту, по ним сверяли часы. А какие у них были ватрушки с белым и красным творогом, пироги с повидлом и джемом! Повидло и джемы тогда всегда имелись в сельпо в больших, почти ведерных, банках из нержавеющей стали. Банки из-под них потом служили в хозяйстве ведрами. Не меньшим успехом у пассажиров пользовались свежее выпеченные домашние караваи, с которыми приходили к поездам хохлушки в расшитых крестиком нарядных блузках, хлеб у них всегда был покрыт чистыми рушниками.

Один бывалый казах в гимнастерке с орденскими колодками даже наладился жарить шашлык к приходу поездов, и к нему всегда выстраивалась очередь. Иногда рядом пристраивался солидный аксакал в чистом камзоле, вельветовом или бархатном, он приносил большой бурдюк, или даже два, кумыса и пять-шесть деревянных чаш-тустаганов, из которых, как он уверял, кумыс всегда вкуснее. Вот эта пара всегда реализовывала свой товар до последней палочки, до последней пиалы, но на станцию ходила редко, видимо, и с мясом, и с кумысом были проблемы.

Немки в белых фартучках приходили к поездам с копченым салом и окороком, домашней колбасой, ливерной и мясной. Немцы умудрялись коптить свинину дома и быстро научили этому русских и украинцев, тоже державших свиней. До немцев, как говорили старики, в Мартуке никогда не коптили свинину, не делали колбас. Немцы вообще оказали огромное влияние на быт и культуру Мартука. Это с их почина появились водонапорные колонки в каждом дворе, стеклянные террасы и веранды, паровое отопление, цветы возле дома и палисадники. Жаль, они поголовно уехали в Германию, о них всегда вспоминают тепло, жалеют, что их нет, когда надо починить машину, сделать паровое отопление, покрыть крышу, построить баню.

Чеченцы, сосланные в Мартук, тоже изредка, в августе, появлялись на перроне. Приходили женщины в длинных платьях, непременно в платках, они торговали только молодой вареной кукурузой. До чеченцев в наших краях кукурузу не выращивали. У них она была особая, элитная, двухметровая.

Высушенные стебли кукурузы использовали на строительстве или топили ими зимой печи. Молодую кукурузу чеченцы варили, а из сухих початков делали муку для кукурузного хлеба и мамалыги, но, кроме молочной кукурузы, иное у местных не пользовалось успехом.

Ходили на вокзал не только со съестным, каждый нес все, что мог продать. Не всегда продавали за деньги, шел товарообмен, нынче называемый бартером. В ту пору на поездах в Среднюю Азию и на юг Казахстана на постоянное жительство тянулась беднота со всей России. Хотя в спальнях вагонов из красного дерева, оставшихся со времен царской империи, ехали люди с достатком. В Мартуке любили скорый поезд из Москвы. Мы, мальцы, с удивлением разглядывали пассажиров в шелковых полосатых пижамах, дам в роскошных халатах или с накинутыми на плечах пальто с чернобурками. Запомнилось, что эти пассажиры никогда не торговались, или мартукские цены им казались дешевыми, или они быстро понимали, как бедствует народ на этих забытых богом полустанках. Скорее всего, и то, и другое, богатые того времени еще не считали свой народ быдлом, не презирали его, воспитание и совесть не позволяли.

Моя мама круглый год ходила к поездам с оренбургскими платками, вязанными из шерсти и пуха перчатками, носками, шарфами. Военные, которых было много среди пассажиров, охотно покупали именно белые пуховые перчатки и длинные шарфы, наверное, это были молодые офицеры, что любили пофорсить.

В Мартуке у небольшой кожевенной артели жил человек по фамилии Трушкин, владевший редкой для села профессией — он был гончар-виртуоз. Лепил из глины кувшины, миски, жбаны, тарелки, большие бадьи. Делал забавные детские игрушки, свистульки. Мы, ребяшня, часто ходили к его дому, замороженно смотрели на гончарный круг и ловкие руки мастера. Он тоже иногда появлялся у поездов со своим товаром. Мы больше всего радовались, если ему удавалось что-то продать. Покупали те, кто выскакивал из вагона без посуды, купленную миску тут же до краев заполняли толченой картошкой или простоквашей.

В ту пору вагонов-ресторанов в составах не было, и в дорогу брали с собой пяти-шестилитровые медные чайники. Тогда их выпускали тысячами, и они были обязательным атрибутом

каждой семьи, а на станциях везде были кубовые, где бесплатно разливали в несколько кранов кипяченую воду. В кубовой на нашей станции, сколько помню, работал мужик по фамилии Корнеев, он никогда не давал местным кипятку, даже своим, станционным. Видимо, такая жесткая инструкция была, ведь топили в кубовой углем, а его на всех не напасешься.

Поезда стояли не меньше получаса, и на перроне вовсю шел торг: кто покупал, кто обменивался. Но пассажиры не раз обманывали местных, людей доверчивых, запуганных. Помню, мама купила два куска мыла. Оно оказалось брусками кирпича, только на сантиметр облепленными настоящим мылом. Однажды соседи Сафаргалиевы готовились к свадьбе и купили для приготовления домашней бражки десять-двенадцать килограммов сахара в мешочке. В поселке сахар давали только по паевым книжкам, да и то в ограниченном количестве. Как радовались наши соседи, что так выгодно выменяли своих потрошенных гусей на сахар у солидного пассажира! Но продавец оказался ловким аферистом. В мешочке с сахаром находился еще один мешочек с речным песком, сахара набралось чуть больше килограмма. Как они горевали — не высказать!

Увы, как бы ни осторожничали мои бедные земляки, их все равно часто обманывали. Помню, только однажды, прямо на вокзале, какая-то афера была раскрыта, и тут уж били негодяя долго и больно, и даже вокзальный милиционер Великданов, издали наблюдавший за самосудом, вмешиваться не стал.

Было в Мартуке и еще одно место, помогавшее выживать моим землякам — базар. Таким оно было и для моей семьи, ждавшей воскресенья как праздника, ибо только на базаре можно было заработать копейку, продать мамины вязаные вещи или выменять их на продукты, в конце концов, занять денег у кого-то более удачливого в базарный день. Базар располагался рядом с церковью, построенной первыми столыпинскими переселенцами в 1907 году. Там уже почти пятьдесят лет находится стадион, отстроенный запомнившимся добрыми делами секретарем райкома Салином-ага Шинтасовым, он прожил почти девяносто лет и умер уже в новом веке — пусть земля будет ему пухом. Мартучане будут помнить его долго.

В ту пору в Мартуке имелось два постоянных двора, куда съезжались люди из русских поселков: Казанки, Нагорного,

Веренки, Белой Хатки, Полтавки, Красного Яра и из казахских аулов: Кумсая, Жанатана, Аксы, Жамансу, Танабергена. Мусульмане облюбовали дом хромого Максума на Советской, а православные — ближе к церкви, на постоялом дворе у Шалаевых. С субботнего дня до понедельника жизнь там была ключом — ставились ведерные самовары, топились печи во дворе и дома, где варилась и жарилась всякая еда. Пока готовили обед, мужчины и бабы спешили в сельскую баню, а уж потом ходили по гостям к родным и знакомым или направлялись к детям-школьникам, стоявшим на постое по всему Мартуку, а к вечеру накрывали общие столы у себя на подворьях. Мы, ребятня, тоже с интересом ждали базарных дней. Кололи на подворьях горы щепы, растапливали ею огромные медные самовары и смотрели за ними, бегали в магазин за водкой, вообще, были там на подхвате. Особо шустрым всегда доставались копейка на кино, бесплатный обед. Кусок хлеба нашего детства имел высокую цену. Мне, знавшему постоялый двор хромого Максума-абы, приходившегося нам дальней родней, не хуже своего двора, запомнились эти веселые суетливые вечера с песнями, плясками, а порою и драками. До сих пор стоит перед глазами коновязь, этакая, по-современному говоря, стоянка для скакунов. Каких только я не повидал там красавцев аргамаков!

Иногда после базара, особенно если это совпадало с советскими праздниками, или с Курбан-байрамом, устраивались байги — скачки. Мы, мальчишки, конечно, знали всех известных наездников из всех аулов, особенно нам нравился злой, уже далеко не молодой всадник Кенес-агай из Кумсая, он часто выигрывал байгу. Призом всегда служил баран или бычок, которого общество покупало в складчину. Торговали лошадьми и на базаре. Конь в жизни казаха, в жизни всех тюркских народов всегда имел какой-то сакральный смысл, играл важную роль.

Но вернемся к нашему базару. Если на станции продавали съестное с пылу с жару, тут такого не было, обедали после торгов приезжие или в чайной, или у себя на постоянных дворах. Торговали тут картошкой, тыквой и живностью: курами, гусями, поросятами, баранами, телками. Живность имела на базаре свой угол. Много торговали зерном, мукой, просом, особо почитаемым казахами злаком. Я думаю, казахи обязаны своим здоровьем именно мясу и жареному просу, а также

измельченному из него лакомству — талкану. В пору своей юности я как-то заметил, что среди казахов вообще нет лысых, людей в очках, а зубы у них всегда блестели, как ныне на рекламе зубной пасты «Колгейт». Сейчас, из-за плохой экологии, и казахи не выдержали — полысели, носят очки, и с зубов исчезла белизна.

Как бы заманчиво я ни описал торговлю на станции, базаре — ясно, что там продавали последнее. Те же пирожки и пышки шли на свой стол, только если оказались не проданными, потеряли свежесть и вид, и уже неудобно было выносить их к следующему поезду. В доме нужна была каждая копейка, купить уголь, дрова, кизяк у аульных казахов, сено для коровенки, керосин для лампы и керогаза, примуса. Нужны были деньги одеть, обуть детвору, купить чай, сахар, заплатить налоги. Кстати, те, кто учился после седьмого класса, платили и за обучение в школе, а деньги можно было добыть только на базаре. Безработица, отсутствие любой, даже грязной, тяжелой работы было уделом сельского населения, да и в городе сельских жителей в ту пору никто не ждал.

На базар к нам съезжались и сходились не только жители Мартука и окрестных сел, но и приезжали из Актюбинска, Яйсана, Акбулака, добирались сюда даже из Оренбурга. Людей издалека манили продукты, вокруг Мартука были крепкие русские села. Горожане вряд ли приезжали сюда с деньгами, за деньги и в городе продукты водились. Сюда приезжали поменять старую одежду, обувь, посуду, отрез на платье или костюм на муку, сало, гуся, курицу. Наверное, не продав у себя на базаре свой товар, они пытались сбить его в глубинке, в Мартуке, и это всегда им удавалось, к обоюдному удовольствию и продавцов, и покупателей. И тем, и другим некуда было отступать, одних ждала голодная семья, других голые, босые дети.

Наезжали, особенно по теплу, и продавцы совсем экзотичных товаров. Художники в шляпах и беретах предлагали написанные на загрунтованной клеенке картины: томных красавиц у балконного окна, сказочные замки у живописного озера с непременно грустящей принцессой в ажурной беседке, лебедей в пруду парами и в одиночку, резвящихся на фоне тех же дворцов. И, что странно, в голодном, холодном Мартуке

у развалов художников всегда толпился народ, и больше всего — женщины. В ту пору девять из десяти из них были вдовами. Подолгу зачарованно вглядывались они в лица томных красавиц, в другую, непонятную, но притягательную и никак не достигаемую ими жизнь. И ведь покупали эти картины на последние гроши! Но чаще меняли на шмат сала, ведро картошки, несколько килограммов муки или банку подсолнечного масла. У меня нет слов, чтобы описать степень бедности военного и послевоенного села. Но я попытаюсь показать ее на примере базара и жизни, быта своих земляков-мартучан. Позже, уже став писателем, я как-то отметил в своем дневнике — бедность не имеет дна, предела. На базаре некто, заезжий продавец, предлагал рис... в рюмках, да-да, в водочных рюмках, граммов на тридцать-сорок. Приобрести целый стакан стоило больших денег, на такое никто и не замахивался.

Помню, рассказывая о свадьбе в русской части села, с гордостью поминали пьяного Петра Шульгу, словно он величайший кутила и мот. То ли свадьба оказалась по душе Петру, то ли молодые любы, то ли самогон крепок — вошел он в кураж и среди гуляния, когда подарки молодоженам уже были вручены, объявил: еще полпуда муки дарствую молодым! Щедрый подарок был принят под гром аплодисментов, и кто-то, от волнения и восхищения, назвал Петра за широкий жест Шахом, с тех пор его в Мартуке иначе не называли. Кстати, сам Шах, шепутной по натуре, часто бывал не в ладах с супругой. И когда он шел по поселку, понуро склонив голову, к дому матери с мешком муки на плечах, в котором было не больше пуда, сельчане говорили — опять Петя в развод подался. Но, к счастью, все как-то быстро налаживалось, и Шах уже веселее, вприпрыжку, возвращался к жене с тем же мешком на сутулой спине. Как видите — бриллианты не делили. Разве такое можно придумать, забыть? Мы так жили. Кстати, для нового поколения — пуд всего лишь шестнадцать килограммов.

Хочу добавить из личного. Однажды моих родителей пригласили на свадьбу, а в доме не было не только ни гроша, но даже щепотки чая или кусочка сахара. Не нашлось в доме и ни одной новой вещи, что могла послужить подарком молодоженам, таким же беднякам. Тогда родители отобрали из

праздничных тарелок, которые ставили только гостям, две без единой щербинки и царапины, с тем и пошли на свадьбу.

Зимы в ту пору случались снежными, вьюжными, а морозы стояли всегда за двадцать, хотя и тридцать не было редкостью, неожиданностью. Пурга иногда мела неделями, и тогда беда стучалась в каждый дом не только в Мартуке, но и в поселках, аулах. Дороги заметало до макушек телеграфных столбов, а это — два-три метра, сегодня подобное и представить трудно, и о базаре не могло быть и речи. Ничего ни продать, ни поменять, ни взять в долг у удачливых. В эти дни самые отчаянные, как моя мама, несмотря на появившиеся жесточайшие запреты торговли на станции и на данные ею подписки не появляться там, бежала к поездам, пыталась продать хоть пару варешек и щегольской шарфик военным, а платками она рисковала редко. Слишком неподъемной была бы потеря. Ведь в платке была доля и хозяев пуха из аула, который отдали ей в кредит, доверяли матери, знали, что Гульсум всегда рассчитывается честно.

Но милиционеры на станции были начеку, отбирали товар и пинками тяжелых сапог гнали несчастных женщин с вокзала, наиболее строптивых даже запирали в какую-нибудь холодную комнату при станции и составляли протокол, который еще и штрафом заканчивался. Грозили в следующий раз отдать под суд или выселить из поселка, хотя сложно представить себе более горестное место, чем послевоенный Мартук. Как лютовали власть и милиция на станции, когда торговлю там объявили спекуляцией! Люди в форме сапогами пинали ведра с яйцами, переворачивали тазы с продуктами, выливали на землю молоко, сметану, бросали в грязь все съестное — чему радовалась лишь шпана, отиравшаяся рядом. Кто пытался защитить свое добро — были биты жестоко, умело, не задумываясь. Запомнилось одно — обижали всех, но никогда не трогали, не били, не задирали чеченцев. В их печальных глазах, даже у женщин, у детей, не говоря уже о мужчинах, они видели моментальный отпор, непредсказуемый, вплоть до смертельного. Чеченцы — единственный знакомый мне народ, при всем уважении ко всем остальным, который выше жизни ценит честь, достоинство и не терпит унижения, оскорбления.

Если в детстве мы не слышали слово «инфляция», то зато хорошо знали, что такое конфискация, экспроприация,

спекуляция (непонятно, чем могли «спекулировать» мои земляки?), понятые, следственный эксперимент, превентивное задержание, очная ставка. Понимали, что НКВД важнее и страшнее милиции. Сделали для себя неприятное открытие, что ордена, которые мы считали мерилom высшей доблести и особой заслугой перед Отечеством, ничего не значили даже для милиционера Великданова со станции. Сам видел однажды, как, грязно выругавшись, он сапогом опрокинул в пыль жаровню с готовыми шашлыками у орденоносца-казаха, а когда тот попытался защитить остатки баранины в тазике, прикрытом марлей, ударил сапогом прямо в грудь, густо увешанную орденскими колонками.

В те годы на станции день и ночь кипела жизнь, происходили важные для села события. Если в Мартуке останавливались все проходившие мимо поезда, и пассажирские, и грузовые, и все паровозы чистили здесь свои топки, то, наверное, нетрудно представить себе, какие эвересты, монбланы шлака выросли по обе стороны станции. Ведь поезда начали ходить регулярно с 1905 года, а мы с вами ведем разговор о 1950-х годах. Если нечетные поезда, шедшие из Ташкента в Москву, чистили топки на пустыре за станцией, где далеко в степи одиноко стояло только здание МТС довоенной постройки, то поезда, приходившие из Москвы, освобождались от шлака на территории поселка, рядом с краснокирпичным двухэтажным домом, где жили железнодорожники. Дом этот нам, мальчишкам, казался огромным, и понятие «небоскреб», которое мы знали по Маяковскому, ассоциировалось нами именно с этим строением. А горы шлака за сорок пять лет работы дороги высились над этим домом так высоко, что нам казалось, что вершины его прячутся в облаках.

Круглые сутки после поездов женщины сгребали шлак из междупутья на носилки и сносили его на эти горы. Когда кочегары чистили топки, то возле паровозов уже крутились мальчишки, старики, женщины с ведрами и кочергами, они высматривали не прогоревшие куски угля, выпавшие из чрева паровоза. Как только последний вагон проходил над кучей, все бросались в колею выхватить эти желанные горячие куски угля. Конечно, такие куски выпадали не часто, и это считалось большой удачей. В основном собирали шлак, не прогоревший

до конца уголь, он тоже годился в печь, но его нужно было гораздо больше. Кто опоздал к поезду, те ковырялись в отвалах, куда сносили уже перебранное после поездов. Горы шлака напоминали вулкан, внутри них всегда тлел огонь, и жар от него был сильно ощутим, особенно в холодное время.

В ту пору из России в теплые края, в Среднюю Азию, постоянно перемещался всякий люд. Крыши всех поездов были усыпаны шпаной, от крепких мужчин до десятилетних мальцов в рванье, в их разговорах города Ташкент, Чимкент, Тюлькубас, Наманган, Самарканд, Туркестан — звучали как рай. Время было суровое, строгое, и на таких пассажиров устраивались серьезные облавы, их отлавливали, сгоняли с поездов, и они иногда неделями прятались в этих отвалах шлака. Там наверху были свои тайные тропы, ниши, пещеры, чем выше, тем страшнее и таинственнее. Туда и милиция-то не решалась подниматься, боялись провалиться в кратер вулкана, случалось и такое.

Лет с десяти начал ходить на станцию за шлаком и я, хотя мама долго противилась этому, понимая, что станция — опасное место, не только из-за шпаны, тянувшейся на юг, но и из-за станционных ребят, считавших вокзал своей вотчиной и при каждом случае обижавших малолетних ребят из поселка. Но жизнь заставляла идти на риск. Сегодня трудно себе представить, что внутри землянок от холода в углах комнат от потолка до пола висели ледяные сталактиты, так промерзло за зиму наше жильё. Оттого мы на всю жизнь запомнили слова: голод-холод.

Однажды, когда я перебирал шлак на отвалах, рядом со мной появились четверо парней разного возраста, самому младшему — лет пятнадцать-шестнадцать, а старшему уже за двадцать. Не местные, видимо, их согнали с крыш московского поезда, который прошел нашу станцию с утра. Я, конечно, испугался, хотя кроме латанного-перелатанного цыганами ведра и самодельных санок у меня ничего не было. Одежда моя не подходила им ни по росту, ни по качеству — одеты они были гораздо лучше мартукских ребят, прямо щеголи какие-то. «Далеко магазин?» — спросили они, и я показал им кочергой вдаль, где рядом с сельсоветом под зеленой крышей находился наш «Сельмаг». «А где милиция?» — переспросили они. «Там же, рядом», — объяснил я.

Мой ответ почему-то сильно огорчил их. Тогда один из них, в шапке-кубанке из серого каракуля, вдруг вполне дружелюбно попросил меня: «Выручай, малец, сбегай в магазин. Купи нам пожрать: хлеба, колбасы, консервов, пару бутылок водки, следующий поезд будет только к ночи, да и курева не забудь». Видя, что я сник, они спросили: «Не хочешь нас выручить?» Я ответил: «Хочу, но у меня нет ни копейки». Тогда они весело засмеялись, и опять же тот, в кубанке, достал из голенища щегольских хромовых сапог желтое кожаное портмоне и сказал, продолжая улыбаться: «Мы сразу поняли, что ты не богат, держи белохвостую, думаю, хватит», — и протянул мне хрустящую сторублевку, где на просвет с одной стороны виделся Кремль, а с другой — Ленин. Это были новые, пореформенные деньги, после 1947 года, и у мамы однажды была такая красивая денежка. Правда, слово «белохвостая» я услышал тогда впервые. Только через четыре года, когда буду учиться в Актюбинске, услышу снова от местных блатных ребят, как и они назовут сторублевку белохвостой. И я сразу вспомню ту давнюю встречу.

Я осторожно взял белохвостую, но кто-то из ребят вдруг сказал: «Серег, добавь еще денег, не хватит». И тот щеголь, видимо, старший в компании, сунул мне в руки еще тридцать рублей. Я было рванул с горы, но меня учтиво придержали: «Возьми санки, малец, в руках не унесешь, да и в глаза бросаться будет». С санками я и понесся в магазин. Продавец сельмага, Нюра Кожемякина, слыла в Мартуке модницей, не раз заказывала у матери вязаные вещи, и она, узнав меня, строго спросила: «Откуда деньги?» Я честно обо всем рассказал. «Как же ты донесешь такое добро?» — спросила она участливо, выставив весь заказ на прилавок, и, не дождавшись ответа, упаковала все мои покупки в коробку из-под вермишели, сама вынесла на крыльцо и уложила в санки. Встретили меня радостно, похвалили, отломали кусок колбасы с хлебом, предложили выпить, но от водки я отказался. Когда я попытался вернуть сдачу, они великодушно разрешили оставить ее себе, на кино, чему я радовался несколько недель.

В 1960 году, когда жизнь в наших краях в связи с освоением целины наладилась, дежурный по станции Кужелев первым в Мартуке отлил из шлака пристанционных эверстов

шлакоблочный дом — это была революция в строительстве поселка. За два года от паровозного шлака не осталось ни грамма, все смел строительный бум, и теперь только старожилы, вроде меня, помнят о былых огромных огнедышащих горах на станции. Но, чтобы навсегда уйти со станции в Мартуке, мне придется рассказать еще один случай, который и спустя пятьдесят семь лет время от времени мне снится.

Случилось это год спустя после встречи с проезжими ураганами на станционных отвалах шлака. За год я стал на станции бывалым человеком, обрел опыт, сноровку, и мама уже привыкла, что после уроков я всегда крутился у паровозов и без добычи редко возвращался домой. Только-только отпраздновали новый 1952 год, и у нас начались школьные каникулы. Стоял погожий зимний день, градусов восемнадцать-двадцать, ни ветерка, светило солнце, и я решил часа на два сбегать на станцию за углем, потому что в дни каникул давали дневной сеанс, и в тот день шел цветной фильм «Большой вальс».

По дороге мне повстречался одноклассник Диас Искандеров, чей отец погиб под Москвой, как и мой. Диас редко бывал на станции, видимо, дома не разрешали, или он побаивался станционных ребят. Но в последние месяцы он часто видел, с какой добычей я возвращался домой, так что уговаривать его долго не пришлось. Главным аргументом послужило предложение продать пару ведер добытого михайловского угля хромому Максуму с постоянного двора, тот всегда покупал особый, тлеющий без дыма уголь для своих трехведерных самоваров.

Когда мы пришли на станцию, на первом пути в сторону Актюбинска стоял грузовой состав. Видимо, он прибыл уже давно, потому что машинист паровоза и его помощник стояли у тендера без привычных инструментов в руках — большой масленки и молотка на длинной ручке. Значит, они закончили осмотр, обстучали все важные элементы локомотива и смазали ходовые части, буксы. Машинист как раз обратился к кочегару: «Сергей, стоять нам еще долго, мы пойдем на вокзал пообедаем, а ты тут за главного». Видимо, по радиации они получили сообщение, что навстречу идет литерный поезд с особо важным грузом, и ему освобождали перегон, давали зеленую улицу на нашей станции. Мы, мальцы, не хуже железнодорожников

ориентировались в правилах движения, в специальной терминологии. Кочегар, в поте лица очищавший топливные люки, забитые шлаком, что-то буркнул в ответ им в спину.

Мы быстро оценили ситуацию, такой случай, когда у паровоза остается один кочегар, бывает раз в год и считается удачей. Дело в том, что и машинист, и его помощник — белая кость на паровозе, они всегда гоняли ребят от локомотива подальше, могли и подзатыльник дать, и пинка под зад особо настырным. А кочегар, которому за короткую остановку нужно было вычистить топки с обеих сторон, заправить тендер водой, да еще накидать угля из открытого всем ветрам огромного тендера поближе к кабине, чтобы на ходу забрасывать его в топку, едва не валился с ног от усталости. Адская работа — то на ветру, на морозе на открытом тендере, то у жаркой печи метать пудовой лопатой уголь в ненасытную печь, то шуровать забитые шлаком топки. В ту пору слово «кочегар», фраза «работать, как кочегар» имели смысл особо тяжелой, рабской работы, губительной для здоровья. В кочегары шли молодые люди из деревни, из-за безработицы, безысходности, из-за возможности обрести постоянный заработок, угол в общежитии или комнату в коммуналке — власть знала, чем приманивать бедноту. Эти деревенские ребята понимали пацанов, крутившихся возле паровоза. Не раз бывало, особенно зимой, кочегар, перед самым отправлением, видя занятость своих коллег, сбрасывал ребятам с тендера два-три куска угля в сугроб.

Как только машинист с помощником отошли подальше, я тут же нырнул под состав и поднялся на паровоз с другой стороны, чтобы не видел работавший кочегар. Я хотел узнать, успел ли он заправить паровоз водой, и есть ли в тендере кусковой уголь, желательно михайловский — для самоваров. К моей радости, водой еще не заправили, и весь тендер был полон нужного нам угля. Обрадованный, я спустился к Диасу, и мы вдвоем подошли к кочегару, поздоровавшись, я спросил: «Можно, мы заправим паровоз водой?». Кочегар вытер пот со лба, внимательно осмотрел нас — а вы сможете? «Обижаешь, Серега, — ответил я лихо, — нам все доверяют, ни разу не перелили, мы ведь вдвоем. Я наверху, а товарищ внизу. Буду глядеть в оба», — добавил я для основательности. И впрямь, зазевайся, не перекрой воду вовремя, зальет весь паровоз водой,

и через пять минут на морозе он будет весь ледяной, и отбивать лед придется только кочегару.

— Ну, если вдвоем, то добро,правляйте, — ответил повеселевший кочегар.

Конечно, наверх полез я, Диас еще никогда не бывал на паровозе, побавался. Прежде чем забраться наверх, мы навели длинный хобот высокой колонки над люком тендера, а наверху я его еще поправил по центру, и только потом дал отмашку Диасу, чтобы отвинтил колесо крана, и вода, обдав меня запахом озера, тины, рыбы, полилась в чрево паровоза. Вода виднелась на самом доньшке, и я знал, что нужно пятнадцать-двадцать минут, чтобы заполнить тендер доверху. Визуально было хорошо видно, как вода поднимается.

Вода водой, а задача была — добыть уголь, а он, желанный, сажево-черный, бархатистый, лежал рядом, только протяни руку. Сверху я видел, что кочегар все еще скребет топку справа по ходу состава, поэтому стал сбрасывать большие куски угля в снег между путями на другую сторону. Время от времени я поглядывал вниз и на Диаса, и на кочегара Серегу, и продолжал сбрасывать и сбрасывать. Такая удача мне не выпадала никогда, мы могли теперь продать и десять ведер угля, и домой отнести. Радость прибавляла мне силы, я даже что-то насвистывал и безголосо напевал. Вода, тем временем, наполняла тендер.

Когда кочегар перешел чистить топку слева, я стал сбрасывать уголь прямо под ноги Диасу, жестами объясняя, чтобы он присыпал его снегом. Вот-вот должны были вернуться машинист с помощником. В общем, минут за двадцать я набросал по обе стороны колеи довольно-таки много угля. А тут и вода подошла под горлышко, и мы успели перекрыть кран вовремя, о чем тут же доложили Сереге. Кочегар поблагодарил нас и сам забрался на паровоз, проверил и сбросил огромный валун угля ведер на десять, я бы его и с места не сдвинул. От такого куска на паровозе одна морока, замучаешься его кувалдой в тендере дробить, а для нас — несказанное богатство.

Мы с Диасом, счастливые донельзя, улыбающиеся от несслыханной удачи, перешли под составом на междупутье и стали присыпать снегом тот уголь, что я сбросил в самом начале. Машинист, заняв место слева, сразу мог его увидеть, а, значит, не поздоровилось бы нашему доброму Сереге. Пока мы

присыпали уголь на междупутье снегом, вернулся машинист, я увидел его в привычном окошке. Локомотив начал разводить пары, и нас, стоявших возле первого вагона, обдавало словно облаком, но мы его не замечали. Наши фантазии унесли нас со станции, мысленно мы покупали цветные карандаши, рыболовные крючки и настоящую капроновую леску. Диас замахнулся даже на перочинный ножик — денег от хромого Максума должно было хватить на все. Богатая добыча лежала у наших ног слева и справа и даже за спиной.

Но тут, непонятно откуда, появилась ватага станционных ребят, не меньше десятка. Они были на год-два постарше нас с Диасом, а главному, двоечнику из 6 «Б» по кличке Фаддей, исполнилось уже четырнадцать. Конечно, они знали нас, а мы их, кроме двух дошколят, одетых в рванье не по росту. Наверное, кто-то из них увидел из окна на втором этаже, как я долго сбрасывал с паровоза уголь. Ощущая пятикратное преимущество, они шумно накинулись на нас, особенно усердствовал Фаддей, подражая блатным, он сыпал жаргонными словечками, смачно ругался, в общем, запугивал страшно.

Суть претензий была предельно проста, особенно в устах косноязычного Фаддея: станция наша, а, значит, и уголь наш, убирайтесь, пока санки не отняли и не надавали как следует. Настроены они были агрессивно, даже поделиться не предложили, как часто бывало в подобных ситуациях. Наш случай был не первый на станции, только сегодня Фаддей впервые вывел новую юную поросль из краснокирпичного дома на охоту за чужаками, и явно желал утвердиться в лидерах. Хотя их было больше, у нас имелось преимущество, у каждого в руках была железная кочерга, которую мы держали наготове.

Когда Фаддей уж очень стал насесть на меня, я толкнул его кочергой в грудь, и он, не ожидавший отпора, упал на путь, что резко поубавило ему пыла. «Наш уголь, наш уголь», — орали дружно станционные, и меня вдруг осенило. Я сказал, как можно тверже и туманнее: «Фаддей, наш уголь или ваш, ты не нам доказывай, понял?». «Кому же?» — опешили разом станционные. «Вот сейчас вернутся Султан с Хамидом, они за братьями старшими пошли и за большими санками, им, чеченам, и скажете, что вы хозяева угля и станции, а теперь валите отсюда, пока целы».

В этот момент кто-то из колеи наклонился над большим куском угля, и тут произошло неожиданное. Тишайший Диас, побаивавшийся станционных, поддал тому такого пинка, что тот упал к ногам Фаддея. Тут нападавшие заметно дрогнули, не имея чеченской поддержки, мы, татарчата, вряд ли могли вести себя столь нагло на их территории. Но уйти просто так Фаддею гордость не позволяла, боялся уронить авторитет среди мелюзги, он демонстративно рвался в блатной мир. Фаддей лихорадочно думал, как он объяснит станционным корешам из красного дома, что не сумел отнять богатую добычу у двух малолеток из поселка.

Так мы и стояли друг против друга — я с Диасом на междупутье, станционные в колее главного пути. Наш паровоз все больше и больше выпускал пар, и мы все время от времени тонули в этом густом облаке, но никто не обращал на это внимания. Весь интерес с обеих сторон сошелся на угле. Конечно, добудь мы малость угля, ведерка два, мы бы не сопротивлялись, и они, наверное, так бы не злобствовались. Но такую добычу никто не хотел уступать, ни мы, ни они.

А в это время литерный поезд, на высокой скорости шедший на проход через Мартук, миновал входной семафор и, видя скопление на путях, отчаянно гудел во всю мощь. Но никто из тринадцати ребят ничего вокруг не видел и не слышал, у всех в глазах — только уголь. Мне кажется, насыпь сегодня высоченную гору шоколадок, сникерсов, жевательной резинки и прочего добра, которое волнует детвору, все равно нашелся бы один равнодушный, озирающийся по сторонам. А тогда от угля дети не могли оторваться ни на секунду, такова была ему цена.

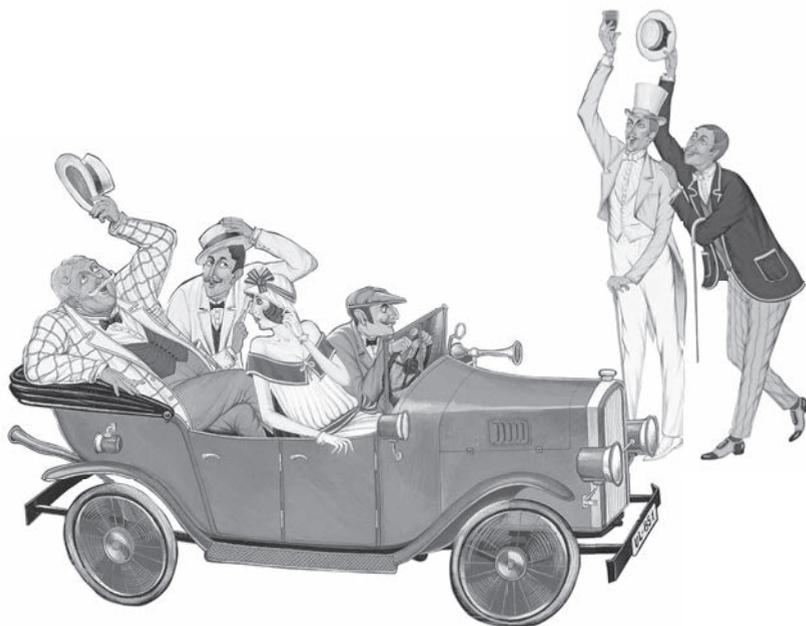
Скорый налетел с размаху — четверых насмерть сразу, нескольких выбросило из колеи без единой царапины, Фаддею отрезало обе ноги, а один мальчик по фамилии Касперов остался цел, ухватившись за решетку паровоза, которая сбрасывает с путей небольшие предметы. Диаса поезд не задел, меня зацепило какой-то выступающей частью паровоза, и, хотя я был в шапке, чуть выше виска у меня вырвало кусок кожи с волосами размером с маленькую монетку, и я долго хромал на левую ногу. Наверное, сильно ударился о стоящий состав, когда меня отбросило от летящего паровоза.

Когда я очнулся, Диаса рядом не было, со станции и из краснокирпичного дома с плачем бежали женщины. Я потихоньку переполз под составом, нашел свои санки и ведро и, обливаясь слезами, хромая поплелся домой. Кому досталась большая добыча, остается только гадать. Эта история имела тягостное продолжение только для меня. Меня хотели исключить из пионеров как расхитителя социалистического добра, и даже из школы. Но нашлись во власти здравые люди, и ретивых учителей быстро одернули. На станцию я, конечно, дорогу забыл.

В год моего 65-летия я случайно узнал, что тот мальчик Касперов, чудом оставшийся живым, стал профессором, академиком, ректором авиационного института в Новосибирске. Поистине, судьбы людские и пути Господни неисповедимы.

*о. Корфу, Греция,
2007*

Одноклассник

Рассказ

Старый, обшарпанный самолет с яркими надписями на боку, еще не остыв с дороги, нервно подрагивал, а к нему уже торопливо катили трап. Неделин сошел первым.

«Ничего не изменилось», — грустно и удивленно подумал он, оглядывая заросшее бурьяном и спорышем летное поле. Город еще не успел добраться окраинами до аэропорта, и его приземистое двухэтажное здание, увенчанное, словно Адмиралтейство, шпилем, уходившим в выцветшее от жары безоблачное небо, одиноко желтело вдали. Оставляя следы на плохо уложенном плавящемся асфальте, Неделин заспешил в тень. В людном и задымленном зале аэропорта, напоминавшем железнодорожные вокзалы, он приткнулся в ожидании багажа у лестницы, ведущей на второй этаж. Прикуривая от сигареты пожилого казаха в стеганом халате, с удивлением подумал, что никогда здесь раньше не бывал.

Аэропорт в те давние годы, когда Неделин был помоложе, казался ему чем-то нереальным, фантастически далеким. В числе его знакомых не было тех, кто пользовался услугами авиации, и расположен был аэровокзал, по меркам того времени, за тридевять земель в тридевятом царстве, и вела туда единственная приличная в городе асфальтированная дорога. По этой-то дороге, оказавшейся не столь дальней, Неделин возвращался теперь домой. Густая и довольно широкая лесополоса тянулась вдоль дороги до самого города, и от деревьев веяло прохладой. Он даже попросил шофера ехать помедленнее.

Город изменился мало, но Неделина это не обрадовало, скорее огорчило. В тех краях, откуда он вернулся, новые города росли быстро, да и старые преображались на глазах.

«Черед нашего, наверное, еще не наступил», — решил Неделин.

Проехав изменившуюся все же центральную часть города, миновав стеклянный куб нового универмага, машина свернула на Татарку, где вырос Неделин.

К побелевшим от жаркого солнца шиферным крышам тянулись поджарые карагачи. Родная Почтовая пылила по-прежнему, а обочины хранили следы весенней распутицы.

Дом тетки Алевтины Неделин не узнал: высокий свежескрашенный забор, новая застекленная веранда и выросшие под застреху посаженные им когда-то тополя преобразили дом, в котором он воспитывался с трех лет.

— Слава!.. Вернулся!.. — только и успела сказать тетка Алевтина и залилась слезами.

Потом, суетясь, поставила во дворе знакомый самовар с чуть помятым боком, и пока он, извергая из трубы острые языки пламени, закипал, показывала то колонку и новый сарай, то холодильник и зеркальный шкаф, то брейтовской породы кабанчика в летнем закутке, то пуховые подушки и стеганые одеяла, по-казахски горкой сложенные у стены.

Чтобы остановить ее, Неделин распаковал чемодан и с волнением стал доставать свои подарки, купленные по совету продавщиц в магазинах, торгующих в Приморье японскими товарами: чайный сервиз, на восточный манер с пиалами, яркие халаты, отрезки на платье и сияющий никелем транзистор с расписной шкалой.

— Это вам, чтоб скучно не было, — сказал он и по глазам понял, что угодил.

За столом счастливая тетка Алевтина, накинувшая на плечи подаренную черную шаль в алых розах, не сводила глаз с высокого улыбчивого светловолосого парня, узнавая и не узнавая племянника. Девять лет назад она проводила в армию долгоязого парнишку с запавшими голубыми глазами, остриженного наголо, отчего его шишковатая голова на тонкой шее казалась нелепой и смешной. А теперь вон какой красавец..

— Если бы отец мог видеть тебя...

Тетка Алевтина взглянула на стену. С потрескавшейся фотографии улыбался молодой парень в лихо примятой кепочке.

— А я уже старше своего отца, — грустно сказал Неделин.

Тетке не терпелось узнать, насовсем вернулся племянник или в отпуск, а может, дела какие попутной дорогой привели? Но спрашивать не стала — успеется.

Неделин служил в инженерных войсках: строил железные дороги, мосты, подъездные пути, административные и служебно-технические здания. А как вышел срок службы, его ударную комсомольскую бригаду начальник строительства упросил остаться. И вот уже седьмой год Неделин жил на колесах строительно-монтажного поезда, строил дороги в Приморье, даже на Сахалине побывал. Здесь же, на колесах, и курсы дорожных мастеров закончил.

За все девять лет ему так и не удалось побывать в отпуске — всегда находились неотложные дела, пусковые объекты. Не мог Неделин отказывать: раз надо — значит, надо! А надо было всегда.

Нынешний год для Вячеслава Дмитриевича, а в СМП его, несмотря на молодость, иначе не называли, был особенным, и по этой причине ему и в отпуске не отказали.

Десять лет назад он получил школьный аттестат. Особой сентиментальностью Неделин не отличался, но школу свою помнил и любил, и память о дружном 10 «В» была ему дорога. На выпускном вечере, волнующем и трогательном событии в жизни семнадцатилетних, Сашенька Садчикова вдруг предложила: «Ребята, давайте встретимся в этом зале через пять лет...» Предложение было принято с поправкой: собраться через десять. Кто-то принес лист ватмана, и каждый написал то ли шутовское, то ли серьезное обязательство явиться в школу к 17 часам московского времени ровно через десять лет. Хранить обязательство доверили своему комсору — Славе Неделину.

Свернутый в трубочку листок этот комсорг берег: сначала в армии, позже — кочуя по стройкам. Неделин часто разворачивал лист и поэтому знал, где чье обязательство.

Первое, занимавшее чуть больше места, чем остальные, принадлежало Юре Лаптеву: твердый росчерк пера оставил заверение, что будущий майор авиации явится непременно. Петя Мандрица обещал вернуться учителем и гарантировал через

десять лет хлеб-соль у порога школы. Дольше всего Вячеслав Дмитриевич задерживал взгляд в нижнем левом углу ватмана. Изыщные, слегка заваливающиеся влево строки на французском языке принадлежали перу Верочки Осадчей. Чтобы перевести их, Слава воспользовался словарем, — французский язык Осадчей был гордостью 10 «В». Она написала: «Если не помешают зарубежные гастроли или международный конкурс, буду счастлива приветствовать 10 «В». Верочка Осадчая готовила себя к большой сцене, и в ее успехе мало кто сомневался.

Неделин еще до призыва в армию знал, что она поступила в Консерваторию. Позже сведений о ней Слава не имел, хотя всегда ожидал услышать о Верочке по радио или прочитать в газете. На втором году службы в армии сосед по койке заметил, что В. Осадчая уже вполне могла стать В. Петровой или В. Сидоровой, и добавил: «Пропащее дело по девичьей фамилии разыскивать хорошенькую девушку».

«Пропащее», — согласился тогда Неделин. И вот ему предоставлялась возможность увидеть своих одноклассников: Колю Климанова, Валерика Полянского, Людочку Журавлеву и, если посчастливится, ее, — остававшуюся для него всегда Верочкой Осадчей...

Настал день, назначенный восторженной Садчиковой. Вячеслав Дмитриевич с утра несколько раз разворачивал уже тронутый желтизной лист и за каждой подписью старался представить однокашника. За шутливыми обязательствами скрывались мечты, желания, планы... Вечером, стараясь быть точным, Неделин поспешил на встречу.

Пошел он старым маршрутом, переулками. Трехэтажная красного кирпича школа раньше казалась огромным зданием и возникала далеко впереди, пока он, петляя задворками, выбирался к ней. Сейчас ее скрывали невзрачные крупнопанельные дома с осыпавшейся штукатуркой. Да и сама она, зажатая с боков одноликовыми четырехэтажками, словно потеснилась, ужалась и как бы присела на высокий каменный цоколь.

Подойдя к парадному, Неделин удивился: на стене висела вывеска с другим номером, и школа носила чье-то имя, неизвестное ему. Раньше их сорок пятая была ведомственной, железнодорожной, и может, потому всегда выглядела нарядной, ухоженной.

У подъезда с хлебом-солью не встречал Мандрица, и в школьном дворе было безлюдно. Вячеслав Дмитриевич еще раз посмотрел на табличку и распахнул треснувшую парадную дверь.

В вестибюле все было по-старому: справа, за узорной решеткой, находилась раздевалка, широкая деревянная лестница вела на второй этаж. Перекладывая из руки в руку трубочку ватмана, перевязанную для торжественности ленточкой, Неделин поднялся на второй этаж.

Зала как такового в школе не было, и все школьные торжества проводились на площадке второго этажа, от которой расходились широкие коридоры с классными аудиториями.

Ближе к окнам площадка имела подмости; сдвинутые в центр эстрады пюпитры белели забытыми нотными листами. И весь зал, как называли во времена Неделина это место, хранил следы большого бала. Не были убраны разноцветные бумажные гирлянды, кругом было рассыпано конфетти, а на стекле большого окна за колонной осталась размашистая надпись: «Прощай, школа!»

«Все как и десять лет назад», — думал Неделин, обходя классные комнаты, в некоторых задерживаясь чуть дольше. В одной из аудиторий он наткнулся на уборщицу, протиравшую полы.

— Вам кого? — равнодушно спросила она.

Неделин объяснил, что когда-то учился здесь и вот решил заглянуть, много лет прошло с тех пор, и неизвестно, когда еще представится случай. Женщина понимающе улыбнулась, как бы разрешая этим осмотр школы.

Дверь учительской была приоткрыта, и Неделин, уже без страха и волнения, как в былые годы, заглянул в кабинет. За столом, спиной к нему, сидела седая женщина. Учительский слух тонок, и она оглянулась. Неделин сразу же узнал в ней преподавательницу литературы и, обрадовавшись, сказал:

— Здравствуйте, Лидия Георгиевна!

Она привстала со стула и, поправляя сползшие на нос очки, ответила:

— Здравствуйте, молодой человек, проходите...

Вячеслав Дмитриевич сел в предложенное кресло, тревожно скрипнувшее под ним.

— Ну-с, я слушаю вас...

Неделин смутился и забормотал что-то невразумительное.

Теперь она оглядела его внимательнее и засмеялась, слегка откинув крупную голову назад и поправляя тяжелые волосы с густой проседью.

— Я-то мастера из ремстройконторы поджидаю, подумала: ну и фронт заявился, — и продолжала, — так вы, значит, учились у нас, простите старую, не признала, будьте добры, напомните о себе, о своем классе...

Вячеслав Дмитриевич принялся вспоминать события, факты, связывавшие в прошлом 10 «В» и учительницу литературы. Но в ее жизни было очень много десятых «В», к тому же Неделин не мог припомнить ничего особенно выдающегося. Да и сам Слава Неделин не был учеником многообещающим, любимцем, надеждой школы, тем, кто надолго остается в памяти педагогов. Так они продолжали разговор, не находя желанных точек соприкосновения.

Долгий летний день клонился к закату, в распахнутом окне школьный сад растворялся в сгущающихся сумерках. Потеряв всякую надежду дождаться мастера, Лидия Георгиевна начала складывать бумаги в потертый портфель.

Огорченный Вячеслав Дмитриевич уже собирался распрощаться, как вдруг она спросила:

— Не с вами ли училась девочка, пианистка, что всегда играла на вечерах? Такая милая, славная, мы все от нее многого ожидали. Вот только фамилию ее я тоже запомнила...

— Осадчая?

— Да, да... Что-то не сложилась судьба у нее. Года два назад слышала, что она в нашем ювелирном магазине работает.

— Не может быть!.. — невольно вырвалось у Неделина.

— В жизни всякое бывает, — сказала, вздохнув, старая учительница.

Огорченный несостоявшейся встречей и неожиданным сообщением, Неделин распрощался с Лидией Георгиевной.

Пройдя высокую арку в ограде, Вячеслав Дмитриевич оглянулся: в сумерках в обманчивом свете единственного фонаря, горевшего у входа на спортивную площадку, школа выглядела совсем такой, как прежде.

«Забыли, ну, конечно, забыли, — думал с обидой Вячеслав Дмитриевич. — Как же так, из тридцати двух человек никто не явился. Ведь живет же кто-то в городе! А Верочка? Не пришла

сознательно? Потому что не оправдала чьих-то надежд? Какая чепуха! Ведь и я приехал встретиться, а не хвалиться: смотрите, какой я молодой орденосец, к тому же депутатский мандат имею. Для меня дороги все: состоявшиеся и несостоявшиеся! Может, наша встреча, наш совет, поддержка кому-то необходимы как воздух».

С такими мыслями расстроенный Неделин возвращался домой.

На веранде и во дворе ярко горел свет.

Раздвижной стол, накрытый цветной скатертью, был сервирован. Тетка Алевтина с соседкой пили чай.

— А где же друзья-приятели? — встретила тетка вопросом. — Мы вот с Филипповной решили, что вернешься не один, и стол накрыли, садись, рассказывай, — и, развязав алую ленту, показала пожелтевший лист Филипповне, — смотри, кума, чего они надумали, и, молодцы, уговор соблюли..

Неделину не хотелось огорчать старушек, и он сказал, что в воскресенье решили отметить встречу в ресторане.

«Она здесь... здесь... — преследовала его неотвязная мысль. — Вот и хорошо, у нее и узнаю об остальных», — решил Вячеслав Дмитриевич.

Решить-то решил, но что касается исполнения... Все-таки это была Верочка Осадчая. И что означает фраза «не сложилась судьба»? В роли сочувствующего, советчика Неделин себя не представлял, даже прожитые годы, какой-то житейский опыт в данном случае не годились. За долгие минувшие годы Вячеслав Дмитриевич убедился, что время ничего не изменило в его отношении к ней. Неделин был бы гораздо спокойнее, если бы встретил Верочку признанной на сцене и счастливой в жизни, к этому он был готов. Неясная, обтекаемая формулировка «не сложилась» таила неопределенность и перевернула устоявшееся с годами представление о ее жизни. Может, ей было трудно, немоту? Болезнь, несчастье, профессиональная травма?

Ювелирный магазин располагался в невзрачном тупике. Низкое одноэтажное здание с изъеденной ржавчиной давно не крашенной крышей никак не соответствовало солидной, писанной золотом вывеске. Битый час вышагивал Вячеслав Дмитриевич по пыльному переулку, даже поймал на себе настороженный взгляд какой-то старушки, прежде чем решился войти.

Зарешеченные окна сеяли скудный свет, и бледные неоновые лампы, горевшие вдоль стен, были призваны разгонять тьму среди бела дня.

В тесноте магазинчика узкий застекленный прилавок в форме буквы «Г» оставлял посетителям совсем немного места.

Неделин прошел к прилавку и склонился над стеклом.

— Я слушаю вас, — обратились к нему, как только за одинокой покупательницей захлопнулась дверь.

— Здравствуй, Вера... — пытаюсь унять волнение, сказал Вячеслав Дмитриевич.

— Неделя?.. Славик? — от неожиданности она даже отступила назад, смутилась, но лишь на мгновение. — Каким ветром в родные края? Насовсем, проездом? — спрашивала она равнодушно, словно видела его только вчера.

Неделин понимал ее показное равнодушие и даже уловил в глазах неожиданный агрессивный блеск, как бы предупреждавший: «Никаких вопросов, я этого не люблю...»

— В отпуск, решил тетку провести...

Молодая пара, впорхнувшая в магазин, попросила показать обручальные кольца и прервала их разговор. Пока Вера подбирала кольца, Неделин украдкой разглядывал ее. Странно, но, спроси кто-нибудь, какая она, он бы не смог сказать... Отчетливо помнил только ее лицо. Сейчас за прилавком стояла молодая статная женщина, от того девичьего лица прежними остались лишь глаза. Всем своим видом она словно старалась показать окружающим: у меня все благополучно, я счастливая... красивая... Но Неделина трудно было ввести в заблуждение, он-то хорошо знал Веру, помнил, какое место в ее жизни занимала музыка. Знал он и ее независимый, гордый характер, и на иную реакцию не рассчитывал.

Перебиваемый покупателями разговор продолжался, но Вячеслав Дмитриевич чувствовал, что она тяготеет неожиданным визитом. Неделин, словно не замечая ее настроения, терпеливо дожидался маленьких перерывов в работе. Уйти просто так, не узнав ничего о ней, он не мог.

Наступило время обеденного перерыва, и Вячеслав Дмитриевич вызвался проводить Веру домой. По дороге она спросила, один ли Неделин приехал или с семьей.

— Не успел обзавестись, — рассмеявшись, сказал Вячеслав Дмитриевич.

Ответ его, как показалось Неделину, почему-то смутил Веру, она, кажется, даже покраснела. Может, оттого, что Неделин не задавал никаких вопросов, а может, потому, что помнила его простым и бесхитростным, надежным товарищем, Верочка повеселела.

— До завтра, — сказала она у калитки, — приходи вечером... если захочешь...

Дом Осадчих был известен в городе, скорее не столько дом, сколько сад. Разбил его в тридцатые годы отец Верочки, тогда еще молодой врач, украинец. С годами он и дом выстроил. В скудном на зелень краю мало кто верил в чудачества бородастого доктора, но сад, потребовавший стольких трудов и затрат, расцвел, и до войны Василия Яковлевича казахи иначе как садоводом не называли.

В доме под цинковой крышей, что прятался среди сада и имел крытую оранжерею, Неделин никогда не бывал. Хотя, пожалуй, вспоминал его чаще родного.

Теперь же он стал приходить сюда ежедневно. Долгие летние вечера они проводили в саду или в большой гостиной. Не раз, пока Верочка готовила чай, Вячеслав Дмитриевич, минуя зачехленный концертный рояль, подходил к окнам, выходящим в оранжерею. В простенке в застекленной рамке висела фотография их 10 «В». Иногда неожиданно рядом оказывалась Верочка, и они подолгу вглядывались в лица одноклассников, — а может, только в самих себя?

Так получалось, что говорил один Неделин: о службе в армии и работе в СМП, о дорогах и мостах, полустанках и разъездах, что успел возвести в Приморье и на Сахалине, о товарищах и необычном житье на колесах. Вскоре Верочка знала почти все о его наставниках и учениках, друзьях и соседях. За эти дни перед ней прошла его жизнь последних десяти лет; она узнала о нем все, если не считать, что Неделин не сказал ей об ордене, полученном в год золотого юбилея страны, да еще о депутатском мандате, что носил с прошлой весны.

Неделина радовало, что Верочка проявляет искренний интерес к его жизни, казавшейся ему самому будничной и ничем особо не примечательной. Радовало и то, что его ожидали, и если случалось, что она задерживалась в магазине, то Наталья Осиповна, мать Верочки, говорила шутя, что ей велено развлекать

гостя и ни в коем случае не отпускать. Но иногда, казалось, беспричинно, Верочка уходила в себя, замыкалась, и тогда, не включая света, они молча сумерничали в просторной гостиной...

В один из таких вечеров Верочка сказала:

— Почему ты не спрашиваешь, что случилось со мной, почему я не состоялась?

Вячеслав Дмитриевич пересел к ней на диван.

— Для меня важно, что ты жива, здорова, я рад тебя видеть...

— Спасибо, Неделин. Никогда бы не подумала, что именно ты будешь меня утешать, и мне это будет приятно. Если б ты знал, как я устала. Конечно, какое будущее прочили, а финал — прилавок. Я чувствую себя улиткой, ежом, только выпускать колючки еще не научилась. Когда домой вернулась, дала зарок, что никогда больше не сяду за рояль. Хотела убрать его с глаз долой, отдать кому-нибудь, да разве мама позволит, рояль старинный, память об отце. Так и стоит пятый год...

Даже знай Неделин поближе жизнь людей искусства, где таких примеров тьма, исповедь Верочки все равно бы тронула его, ведь он любил ее... Тронула бы еще потому, что Верочка никого в случившемся не винила, не пыталась оправдываться. «Людей, не сумевших распорядиться собственным талантом, множество, я одна из них», — просто говорила она.

Успех пришел к ней еще в Консерватории — стала лауреатом международного конкурса в Будапеште. Замужество, которое, казалось, открывало такие перспективы, выбило ее из колеи. Труд, непрерывный, каждодневный, так необходимый для пианистки высокого класса, был предан забвению. К тому же, старевший дирижер вскоре оставил ее. Вместо того, чтобы окончить Консерваторию, Верочка начала гастролировать со всевозможными ансамблями и оркестрами, но быстро поняла, как это далеко от настоящего искусства, и впервые она растерялась, ведь иной работы не знала, к иной жизни не готовилась. Путь в настоящее искусство, казалось ей, был закрыт для нее навсегда. Неожиданно умер отец, мать осталась одна, и это послужило поводом вернуться в отчий дом. Тогда-то она и дала обет, что никогда больше не сядет за рояль.

Несколько раз Вячеслав Дмитриевич пытался прервать Веру, — он видел, что ей трудно и больно вспоминать, но все же дал ей выговориться до конца.

— Вот теперь ты все обо мне знаешь, — заключила она.

Долгий, за два года, отпуск его подходил к концу. С Сахалина, где находился стройпоезд, пришла телеграмма. Просили бригадира приехать.

Исповедь Верочки словно сняла запрет с темы, и теперь разговор все чаще касался ее судьбы. Вячеслав Дмитриевич настойчиво убеждал Веру, что ее нынешнее отношение к музыке — неблагоприятное. Ну, ладно, не стала она исполнительницей, но есть же другие возможности быть рядом с музыкой — учить детей в школе, вести самодеятельность.

— Вот у нас в СМП новый вагон-клуб, построенный по специальному заказу в ГДР, и пианино есть, да человека толкового нет, приезжай к нам, — сказал как-то раз Неделин.

— Тебя что, командировали найти заведующую клубом? — отшутилась Верочка.

— А как же, — в тон ей ответил Неделин, — где нам еще найти человека, которого десять лет учили в музыкальной школе, три года в Консерватории, а он не поделился с другими и толикой полученных знаний, решил рядом с бриллиантами век коротать...

Каждый раз после встречи с Верой Вячеслав Дмитриевич радовался даже незначительным, трудно уловимым на первый взгляд переменам в ее настроении. Улитка все чаще покидала убежище.

В давней школьной жизни не то из робости, не то из врожденной скромности Неделин никогда не говорил Вере о своих чувствах, не догадывались об этом и другие. Уже одно сочетание: Осадчая — Неделин — 10 «В» показалось бы абсурдным. Не лучше чувствовал себя Неделин и спустя десять лет.

«У человека душевный кризис, он потихоньку возвращается в жизнь из плена ложных представлений, а тут я со своими чувствами. А если когда-нибудь упрекнет, что воспользовался моментом?» И второй месяц Неделин был при ней в роли врача, и боялся неожиданным взглядом, словом выдать свое чувство.

Часто вечерами Неделин с Верочкой приводили в порядок запущенный после смерти Василия Яковлевича сад. Вспоминали старые добрые времена, школьные шутки, и смех ее звучал чаще и звонче.

Теплая ночь опустилась на сад незаметно, кое-где сквозь густую крону деревьев проглядывали высокие летние звезды. Верочка и Неделин сидели на спиленной орешине. Он держал ее руки и говорил, порой замолкая надолго.

События прошлых лет, о которых он вспоминал без всякой последовательности, вставали перед ней как в тумане, где общее видно, а детали растворились. Иногда ей казалось, что этот рассказ вовсе не о ней, но в его память врезались так четко и ясно вещи, которым в той давней жизни она не придавала никакого значения... Иногда он порывисто вскакивал и говорил: «Ты... ты ничего не знаешь!» Долгие годы он берег слова для нее, память его хранила события, слова — все, что относилось к ней, и он спешил рассказать, словно это снимало боль и грусть за те безвозвратно утерянные дни далекие.

— Помнишь, в десятом классе был новогодний вечер с почтой? В тот день у тебя был номер тринадцать, как всегда, ты получала много записок, а я никак не решался передать свою записку, написанную дома. В ней было одно слово, которое никогда, ни до, ни после, я не смел тебе сказать. Ты стояла с девочками у окна. На тебе было темно-вишневое платье с большим черным кружевным воротничком. И волосы ты уложила совсем по-другому, не как всегда. Ты была такая загадочная и неприступная. Почтальонша протянула записку, ты прочла ее, пожала плечами, потом засмеялась и показала девочкам, и вы все захохотали. Я не слышал разговора, но смех ваш... Я все время помнил, как ты смеялась...

И перед Верой, как из тумана, всплывал тот далекий зимний вечер в их сорок пятой железнодорожной школе. Первое вечернее платье... Перед глазами закружились в медленном вальсе лица давно забытых одноклассников. Зарешеченное окно за колонной — ее любимое место на вечерах, рядом с нею подружки Светланка Резникова и Ниночка Новова, листок из тетрадки в клетку, где печатными буквами было написано лишь одно слово: «ЛЮБЛЮ».

— В ту же зиму ты придумала разъезжаться после танцев домой в складчину на черном «мерседесе». Так ты называла старые ЗИМы... Забава могла продлиться и дольше, но нашлись последователи, и ты потеряла интерес к собственной затее. А жаль, ведь маршрут сложился так, что в конце пути в машине

оставались только ты и я. В разгар танцев вас наперебой приглашали мальчишки из второй и одиннадцатой школ, и я боялся, что поездка не состоится, но вы с девчонками были молодцы, уговор соблюдали честно. Уверенные юноши уже составляли маршрут вечерней прогулки, когда вы с очаровательной улыбкой объявляли: «Спасибо, но нас ждет машина. Какая машина? Обыкновенная, черная. Семиместный «мерседес».

Маленькие кокетки, видимо, расстраивать чьи-то планы вам доставляло большое удовольствие. С последним аккордом прощального вальса наша компания вмиг оказывалась на первом этаже у раздевалки. А улыбающийся Лёничка держал наготове наши пальто, по этой части он был фантастически расторопен. Застегиваясь на ходу, мы бежали вниз по улице, к базару, на стоянку такси. Одним из чудес той далекой зимы было то, что старенький ЗИМ непременно дожидался на стоянке. Салон шумно забивался до предела, и машина, слегка притормаживая, катилась вниз, до перекрестка главной улицы. В тесноте наши лица почти касались, я слышал твое дыхание... А в машине стояло невообразимое веселье.

Автомобиль останавливался у депо, и вслед за Ниной выходил Алик. Прежде чем закрыть дверцу, кто-нибудь невинным голосом обязательно спрашивал:

— Попов, и давно вы съехали на эту улицу, кажется, еще на прошлой неделе вы проживали на Орджоникидзе?

Алик потихоньку грозил кулаком.

За хлебозаводом мы оставались одни, ты перебиралась на заднее сидение, расстегивала верхние пуговицы шубки, а лохматую шапку, сбившуюся на затылок, и не думала поправлять. Я смотрел на твое разгоряченное лицо и видел в глазах отблески продолжавшегося бала, ты все еще была там.

Старый ЗИМ подъезжал к переезду, скрипучий шлагбаум был начеку: исполняя мое желание, преграждал дорогу. Шофер выходил из машины, открывал капот, что-то подтягивал или уходил в сторожку у путей, переезд перекрывался в это время надолго.

Ты сидела, раскинув руки по спинке сиденья, головы наши лежали на мягких подушках, пахло кожей и теплом. Мы были так близки и так далеки... Откинутаая рука, выронившая перчатку, почти касалась моего лица. Устало тащился промерзший в степи состав, старая машина, подрагивая работавшим мотором,

стояла у полосатого шлагбаума. Я был рядом, но для тебя это ничего не значило. Мысли уносили тебя в мир твоих бесконечных фантазий. Никогда я не решался потревожить тебя в такие минуты. Как бы случайно я касался лицом, губами твоей руки, но ты не замечала. Скрипя, поднимался шлагбаум, и мы трогались. Подъезжая, я придумывал причину, чтобы выйти вместе с тобой. Но ты всегда торопливо прощалась. Иногда говорила что-нибудь приятное, но я знал, что слова эти из тех грез, которые я прервал.

... Запах пряных листьев и духота ночи вдруг исчезли, и Верочка ясно ощутила дух мягкой, чуть влажной кожи внутри огромного «мерседеса». Она пыталась увидеть забившегося в угол машины мальчишку, но там было темно. Мелькали лица, жесты, улыбки одноклассников, но его не было. Как она хотела вырвать из темноты хоть одно его слово, один его жест, ощутить на руке прикосновение пылающего лица, но, увы, лишь те давние грезы, о которых он говорил, вставали перед глазами, и слезы невольно покатались по щекам...

Он обошел орешину, встал у нее за спиной. Продолжая говорить, тихо гладил ее волосы. Она откинулась, ощущая тепло и надежность его тела, но слезы почему-то катились и катились из глаз. Она не вытирала их, только боялась — вдруг он коснется ее лица. Почему она плакала? Она и сама не знала: может, оттого, что не сложилась у нее семейная жизнь, может, потому, что те девичьи грезы были как раз о такой любви, а оказалось, все было рядом, только поверни голову, протяни руку...

Третья телеграмма уже требовала возвращения Неделина. «Как я скажу ей, что завтра улетаю?» — думал Вячеслав Дмитриевич.

На звонок у калитки, как ни странно, никто не вышел. Неделин позвонил еще... Калитка оказалась не запертой, и Вячеслав Дмитриевич пошел по дорожке сада к дому. Из раскрытых дверей зала лилась музыка.

Окна гостиной, выходящие в оранжерею, были широко распахнуты, и низкое закатное солнце роняло последние лучи на откинутую крышку концертного «Бехштейна».

*Ташкент,
январь 1974*

Друзья моей юности

Автобиографический рассказ

Мартук в давние годы был интересен не только мартучанам, он привлекал и горожан. В семидесятые годы, когда в парке играл оркестр Чиркиных, слух о нем дошел до Актюбинска, и стало модным наезжать к нам на танцы из города. Но я хочу рассказать о другом времени, о том, как мои друзья-горожане встречали Новый, 1958 год в Мартуке в доме у Генки Лымаря, что находился у самого кирпичного завода. Произошло это ровно пятьдесят лет назад, в ту пору я был студентом железнодорожного техникума. Конечно, я рассказывал мартукским о своих новых друзьях, а городским — о приятелях, которые ждали меня каждую субботу. И они, с моих слов, заочно уже знали друг друга.

На Новый год мы ждали в гости с Урала Рафика Муртазина, двоюродного брата Роберта Тлеумухамедова, лидера нашей городской компании. Роберт с родителями переехал в 1956 году из Магнитогорска в Актюбинск, на историческую родину отца. Бертай-ага Тлеумухамедов окончил Ленинградский университет, стал юристом, работал председателем коллегии адвокатов, прокурором, занимал заметные посты в Актюбинске. Мать Роберта, татарка, преподавала в школе литературу. Роберт

был их единственным сыном, и они сильно его баловали. В 1956 году мы оба поступили в техникум и оказались в одной группе.

Сказать о Роберте, что он особенный, другой — это ничего не сказать. Он был белой вороной не только в техникуме, но и в городе. Могу смело утверждать, что он стал первым стилиягой в нашем городе, а точнее, приехал сложившимся стилиягой из Магнитогорска. На зависть другим объявившимся в городе стилиягам он прекрасно одевался, имел продуманный гардероб вплоть до кашне, перчаток, носков, имевших большое значение в новой моде. Не то, что мы — новые его последователи, у которых были только модная ковбойка и набриолиненный кок, или только одни спешно зауженные брюки. Он приехал в Казахстан перворазрядником и по боксу, и по баскетболу. Роберт любил Магнитогорск, рассказывал о нем часами, и город предстал перед нами как Чикаго или Нью-Орлеан, где везде играет джаз.

Я не знаю — чем, но я привлек его внимание, мы стали общаться. И я, конечно, сразу подпал под его влияние. Это он втянул меня в бокс, увлек музыкой, обозначил горизонты какой-то другой интересной жизни. Это у него я впервые увидел магнитофон, кучу пластинок, которые он называл «моя фонотека» и очень бережно относился к каждой из них, имевшей собственную историю. От него я услышал впервые имена Армстронга, Фрэнка Синатры, Элвиса Пресли, Джонни Холидея, Эллы Фицджеральд, Гленна Миллера, Дюка Эллингтона, Джоржа Гершвина, Бенни Гудмана, Каунта Бэйси, Диззи Гиллеспи. Его дом на Почтовой, 72 стал для нас клубом. Летом 1957 года он был в гостях у родственников в Москве, и фестиваль молодежи прошел у него на глазах. В дни фестиваля он сошелся в столице с московскими стилиягами, удачно прибарахлился и пополнил свою коллекцию пластинок. Представляете, уже в 1957 году я слушал у него дома в Актюбинске музыку, которая и в Москве не всякому была доступна.

Недавно параллельно с фильмом Валерия Тодоровского «Стилиаги» была выпущена книга «Стилиаги». Издатели отыскали на постсоветском пространстве оставшихся в живых стилиаг. Стилиажничество с 1956 по 1960 год было предметом острых идеологических споров в обществе. В число героев «Стилиаг»

попал и ваш покорный слуга, и я упомянул в книге других актюбинских стилиг и, конечно, Роберта.

Новый год — особенный праздник, и лавировать между компаниями означало рвать себя на части. И тогда меня осенила мысль — отметить Новый год в Мартуке вместе с горожанами. С идеей я ознакомил Саню Вуккерта, заводилу нашей компании, тому предложение понравилось. В мартукскую компанию, кроме меня и Вуккерта, входили Володя Колосов, Рашат Гайфулин, Витя Будко, Боря Палий. Должен был гулять с нами и Фима Беренштейн, но его пригласили в город. Гена Лымарь попал в компанию потому, что уговорил родителей уйти в гости к родственникам на два дня, у него была чудесная мать, она многое сделала для того вечера. Попал в компанию и Слава Афанасьев, он младше нас, но его всегда тянуло к нам. Позже он часто, выпив, говорил: вы пригласили меня на кабальных условиях. «Кабальные условия» состояли в том, что он должен был следить за радиолой, менять пластинки и обязывался быть на подхвате: подать, сбегать, убрать. В отношении Славика имелась еще одна «корыстная» цель. Его мама работала поваром в вокзальном ресторане, куда мы позже водили приезжих девушек на ананасы с шампанским. Она тоже приготовила много интересных блюд для новогоднего стола. Одно дело — готовить дома, другое — на профессиональной плите в ресторане.

А компания, включая городских, получилась не маленькая. Со мной из города приехали трое: Роберт, Рафик и Юрочка Лаптев, сразу покоровивший мартукских красавиц. Наверное, самым запоминающимся из застолья оказалось... шампанское, я нашел его в городе. Красное «Цимлянское» в.. пол-литровых красочных бутылках. Оно на всю жизнь стало символом того Нового года.

Лет пятнадцать спустя Валя Комарова, вспоминая тот вечер, волнуясь, спросила меня: «А помнишь, мы тогда пили красное шампанское? Мне никто не верит, что бывает такое, да еще в пол-литровых бутылках. Хитрован Вуккерт тут же назвал его шампанским на двоих».

Как такое забыть! Такое не забывается никогда, потому что случается только раз в жизни, хотя мы в то время думали иначе.

Из города мы приехали поездом и с вокзала сразу двинулись в школу на новогодний бал, нас там уже поджидали. Пластинки Роберта оказались новогодним подарком и для мартукских старшеклассников, они вызвали фурор. Впервые в актовом зале школы звучали знаменитые биг-бэнды, впервые — Элвис Пресли, Элла Фицджеральд, Джонни Холидей. Пока мы танцевали, развлекали гостей, знакомили их с местными девушками и своими друзьями, в доме Лымаря его мама вместе с мамой Славика и некоторыми девушками накрывали столы. Минут за сорок до Нового года шумной компанией мы явились на окраину Мартука, где нас уже нетерпеливо поджидали. Вечер сразу набрал темп, в молодости быстро сходятся. Городские парни, оказавшись в центре внимания, были в ударе — шутили, пели, танцевали, Рафик играл на гитаре. В ту пору никто не жаловался на аппетит, но на столе всего хватало с избытком: жареный гусь и курица, свиные ребрышки — Вуккеры накануне забили огромного хряка, любимый всеми нами холодец, зельц из того же кабана, домашние колбасы, жареная рыба, доставленная Петей Качановым с водокачки у Кумсая. Так что новогодний вечер начался, как и задумали — весело, с шутивными тостами, розыгрышами, с танцами. Всем хотелось танцевать, ведь была такая музыка! Танец в ту пору означал уединение, а не массовку, и уже определились пары, тянувшиеся друг к другу. Странно, на этом вечере присутствовала только одна сложившаяся пара. А остальным представлялся шанс, да еще какой — Вуккерту удалось пригласить самых известных мартукских красавиц.

Зеленоглазая смуглянка Тома Солохо захватила на вечер цыганскую шаль и колоду карт. Гадание ее тоже запомнилось на всю жизнь, и не мне одному. К ней даже выстроилась очередь, всем хотелось узнать свою судьбу, мы стояли на пороге взрослой жизни и вот-вот должны были разлететься из родных мест. Но странно, почти всем выпадала похожая судьба: дальние дороги, казенные дома, неразделенная любовь и ранняя печаль. Вуккерт, заметив, как погрустнели девушки и его друзья, шутя, отобрал карты у Тамары и сказал, переводя все в розыгрыш: «Вы, мадам, не умеете гадать, лучше спойте нам», — и протянул ей гитару, мы все знали, что она замечательно поет. Но прекрасная цыганка не поддержала игры

и грустно, со слезами на глазах сказала: «Я не виновата, что вам выпадают такие карты, я не вольна над вашими судьбами, карты редко врут».

Прошли годы, и всем стало ясно, что красавица Солохо, которую я больше никогда не видел, умела гадать. Все так и вышло: дальние дороги, чужие города, казенные дома, несбывшиеся мечты, разбитая любовь и печаль, разлитая по всей жизни — и ранняя, и поздняя. Но это ясно теперь, когда жизнь на излете, а многих уже давно нет...

Случились на вечере и неожиданные курьезы. Слава Афанасьев серьезно нарушил «контракт» и был отлучен от радиолы, к его неопишуемой радости. Славик быстро захмелел и стал через раз ставить «Караван» Эллингтона, уж очень понравилась ему мелодия, которую он слышал впервые. В общем, покайфовал от души. Славик Афанасьев, ставший известным зубным техником, всю жизнь прожил на широкую ногу, никогда не имел проблем с деньгами, но они не принесли ему счастья.

Неожиданно в разгар застолья у девушек возник жгучий интерес к персоне Бориса Паляя. Поистине, женщина — вечная тайна, непредсказуемая, не знаешь — как, чем вызвать ее интерес. Боре в тот вечер это удалось с лихвой. На столах, по нашим меркам, имелось все, чего только душа пожелает. Мама Славика, конечно, расстаралась, но и наши девушки вместе с хозяйкой дома тоже много чего напекли, нажарили, натушили. Отсутствием аппетита не страдал никто, кроме обиженного Славика. Несмотря на горящие глаза и накалявшиеся страсти, все вокруг уплетали за обе щеки, но девушкам, даже на этом активном фоне, бросился в глаза аппетит нашего друга Бори. Девушки затеяли азартную игру, соперничество — они любезно, с улыбкой стали наперебой обращаться к нему: «Боря, Боренька, пожалуйста, съешь это, попробуй то, это я пекла», — и протягивали то аппетитное ребрышко, то куриную ножку, то грудку гуся или утки. Кто-то подкладывал ему, глядя ласково в глаза, блинчики, фаршированные мясом, кто-то подсовывал домашние соленья для аппетита, иная спешила подлить рюмочку, не дожидаясь очередного тоста. Короче, сияющий Боря затмил всех, оказался в центре внимания.

Вуккерт, знавший аппетиты Палия, даже ехидно заметил: «Не думал, что порок так легко возводится в добродетель», — но его никто не слышал.

Спас ситуацию Рашат Гайфулин. Он вынес на большом блюде из вокзального ресторана, откуда была и большая часть посуды, плов, посыпанный рубиновыми зернышками граната. Рашат чуть ли не силой вернул девушек на свои места, приговаривая при этом: «Плов ждать не любит, плов едят горячим, баранина быстро остывает». Чего-чего, а плова, да такого аппетитного, никто не ожидал, для каждого Рашат припас по замечательной косточке. В комнате запахло восточными приправами, в рисе мелькали какие-то черные зернышки, и Рашат небрежно давал пояснения — это барбарис, это зра, это дашнабадские гранаты, и мы вмиг перенеслись на Восток. Я тут же включил на всю мощность соответствующее моменту популярное в ту пору «Арабское танго» знаменитого Батыра Закирова. Забегая вперед, скажу: я не предполагал в ту минуту, что лет через семь-восемь мне доведется общаться с Батыром Закировым накоротке, а позже наши сыновья будут учиться в одном классе.

Так закончилась получасовая слава Палия, и виной тому — плов. Это был звездный час Бориса, его окружал такой гарем! Всю жизнь, попадая на богатые застолья, я мысленно говорил себе: вот сюда бы Борю! Особенно часто я стал повторять эту фразу, когда открылись границы, и на морских курортах Испании, Италии, Греции, в Китае и на Лазурном берегу, где я отдыхал с супругой, нам предлагались щедрые, порою фантастические шведские столы. Шутливая фраза стала семейной, и моя Ирина, никогда не видевшая Палия, иногда в восторге от роскоши столов, опережала меня: вот сюда бы Борю! Бори нет уже почти десять лет, и эта фраза оборвалась с его смертью.

Но вернемся к Боре Палию. Он — мой одноклассник, как и многие в этом повествовании. Боря отличался упорством, а если точнее, какой-то неистовой упертостью. Жили мы на одном краю села, усадьба их семьи выходила огородами в степь, прямо на мусульманское кладбище. У них был большой дом, огромный двор, переходивший в необъятные огороды, и даже сад. Двор был полон птицы: кур, индюков, гусей. Держали они

и свиней, в загоне всегда хрюкали три-четыре кабана, а рядом с сеновалом вместе с баранами стояли две коровы. Наверное, для того, чтобы содержать столько скота и птицы, его отец всю жизнь и работал грузчиком на элеваторе. Сколько помню, у них всегда во дворе на цепи бегали огромные волкодавы, даже в калитку не войдешь, оттого никто из нас никогда не бывал у Бори дома, а что видели — только через забор. Прямолинейный Вуккерт не раз по-большевистски говорил о Палиях: последние в СССР куркули, пора раскулачивать! Такие шутки бывали у нашего лидера, понимай, как хочешь.

Боря останется в памяти мартучан как выдающийся спортсмен, страстный поклонник и пропагандист спорта. Лет до сорока пяти он играл в футбол на соревнованиях и страшно обижался, если его пытались заменить. В лыжных гонках он участвовал вместе с молодыми до пятидесяти лет. Всерьез, профессионально, бегал, прыгал, стрелял, играл в волейбол, баскетбол, гонял на велосипеде. Он и в пятьдесят был силен, как в юности, а телом крепок, как боксер. Кого он только не втянул в спорт, говорят, у него и теща делала зарядку! Боря вел здоровый образ жизни, пил редко, хотя аппетит не утратил, помню его по своему юбилею, который я отмечал и с земляками. Любимой темой у него стал разговор о долголетию, о здоровье. Боря вполне мог читать лекции на эту тему и в качестве примера демонстрировать самого себя. Он мог бы на глазах большой аудитории по сотне раз отжаться или подтянуться на турнике или кольцах, сделать сотни приседаний и даже продемонстрировать шпагат. Он не сомневался, что проживет до ста лет.

У меня есть знакомые олигархи, не говоря уже о простых мультимиллионерах, но поверьте, даже среди этих баловней судьбы я не встречал ни одного, столь озабоченного здоровьем, долголетием, как Палий. Боря с его упрямством одолел заочно единственный в стране Институт профсоюзов в Ленинграде. Получил редчайшую профессию, редчайший диплом. Я убежден, что девяносто девять процентов руководства профсоюзов республики, области не имели столь вожделенного диплома. Профсоюзам принадлежало все: квартиры, путевки, лечение, заграничные поездки — Боря правильно выбрал институт. Но, имея такой диплом, исхитрился всю жизнь проработать

завскладом на элеваторе, а пост этот он занял задолго до поступления в институт. Вот где тайна — почему?

Перед отъездом Вуккерта в Германию я срочно приехал в Мартук попрощаться со своим другом детства. Мы обходили с ним памятные нам места и возле парка наткнулись на Борю. Боря тут же принялся показывать бицепсы, торс, спрашивать меня — перестал ли я пользоваться лифтом по прошлому его совету? Стал настоятельно советовать мне качать пресс, что было абсолютно верно. Вуккерт, понимая, что Боря забирает драгоценное время прощания, утром он уже уезжал, с грустной улыбкой мудреца перебил: «Боря, дорогой, отстань от гостя, я знаю точно, он не пресс качает, а мозги. Пойми, Боря, человек с головы кормится». Утром, когда мы прощались у калитки, словно продолжая вчерашний разговор, он одарил меня еще одной сентенцией: «Береги, дорогой друг, голову, с головы кормишься».

Замечательная мысль, я ее часто повторяю другим. И все-таки мы Борю любили, он был верный товарищ, не интриган, на него можно было положиться в любой потасовке — не дрогнет, не побежит. А главное, он всегда хотел перемен, другой жизни и, как мог, стремился к этому. Он тоже уезжал из Мартука, работал до армии с Витей Будко в Рудном, не прижился там, как и Витя, вернулся домой, обзавелся семьей, как говорили у нас — бросил якорь. Женился на Лиде Епифановой, она работала в парикмахерской.

Вспоминая Роберта, мы говорили о стилягах. Если в городе еще можно было спорить, кто был первым стилягой, а кто вторым, то в Мартуке эта тема закрыта. Первыми были мы с Витей Будко, а третьим приобщился к нам Боря. Сколько нападок, насмешек, издевательств, официальной неприязни от властей пришлось нам выдержать — не высказать! Казалось, вся работа местного комсомола была сконцентрирована на нас. Боря был невысок, коренаст, плечист и имел ноги кавалериста. Другой вряд ли бы отважился надеть узкие брюки или длинные остроносые туфли, снова вернувшиеся в моду через пятьдесят лет, ноги у него действительно были колесом. Но Борю это не смущало, он был стоек, ему нравилась новая мода. У него была роскошная зеленая велюровая шляпа, и очень ему шел светлый китайский плащ с погонами, который он носил с ярким

красным шарфом. А еще Боря заразительно смеялся, его смех слышался за два квартала.

У Бори был старший брат Леня, он заслуживает особого внимания. Не зная об их родстве, вы вряд ли подумали бы, что они братья. Леня был высок, строен, широкоплеч, с тонкими чертами киногероя, красавец, брутален, как говорят нынче, настоящий мачо. Сегодня Леня не сходил бы с обложек самых знаменитых глянцевого журналов и стал лицом какой-нибудь парфюмерной фирмы, например, «Живанши», «Ив Сен Лоран» или любимой мною фирмы «Герлен».

Судя по фамилии, Палий принадлежали к казакам, которых советская власть уничтожила как сословие, и они, конечно, не упоминали нигде о своих казачьих корнях. Появились они в наших краях в столыпинскую реформу. Ясно помню деда Пантелеймона Палия, которому было далеко за восемьдесят, вот он и был родоначальником рода Палий на казахской земле. Отец Бори, 1911 года рождения, участник войны, родился уже в Мартуке.

К чему я затеял экскурс в историю, в казачье прошлое семьи Палий? Объясню — это, на мой взгляд, самая неожиданная страница в моем повествовании. Дед Палий, познавший в молодости казачью жизнь, передал в генах только одному внуку, Лене, что-то неистребимо казачье. Судите сами.

Представьте себе 1958 год, уже прошло четыре года освоения целины, трижды был невиданный урожай. Появились работа, достаток, кругом строились, даже стилисты собственные в Мартуке появились. Удивительное, переломное время. Я вижу, как на экране, нашу танцплощадку в парке. Ни в одном фильме, ни одному режиссеру не удалось передать тот невообразимый колорит времени, смешение всего и вся. В ту пору еще никуда не делись блатные со своей униформой — с невероятной ширины брюками клеш, распахнутыми на груди рубашками апаш, непременно тельняшками под ними. Встречались юноши, молодые мужчины в жарких двубортных костюмах из бостона, удлиненных, по-ганстерски приталенных. Щеголяла молодежь и в скрипучих хромочах, за голенищами которых порою таилась финка, по-местному — пика. Много было ребят в вельветовых куртках на молнии, парней в широченных сатиновых шароварах на казачий манер. И все до одного — непременно

в головных уборах: кепках, фуражках, шляпах, кубанках, тубетейках, картузах, особым шиком почитались форменные фуражки военных, особенно морские и летные. Это я только о мужских гардеробах, а каким разнообразием фасонов, стилей отличалась девичья, женская половина танцплощадки — не перечить. Женские фантазии во все времена безмерны, особенно при бедности. Не зря говорят в народе: голь на выдумку хитра. Очень колоритно выглядела женская обувь: и шпильки, и танкетки, и босоножки, и лаковые довоенные лодочки, доставшиеся от бабушек, и кожаные чуваки с небольшим каблучком — теперь их называют балетками, тогда их шили местные сапожники. Преобладали ситцевые юбки невероятных расцветок: юбки-клев, юбки-солнце, цыганского кроя, венгерского — ситец в те годы стоил копейки, а портних, белошвейк в Мартуке всегда хватало.

Леня приходил к концу танцев и всегда крепко подшофе, исключений не помню. Ни буфет на вокзале, ни чайную у мельницы, ни ресторан напротив Парамоновых, ни «Тихую гавань» у почты Леня не любил и не посещал — как все Палии, он был скуповат. Дома ему вряд ли позволяли так напиться, выходило одно — он уже успел проведать какую-то вдову, гнавшую самогон.

Наверное, вы чувствуете, как я откладываю и откладываю встречу с Леной на танцах. Потерпите, она того стоит. Появлялся Леня на танцплощадке всегда неожиданно, когда легендарная билетерша Сания-апа Музафарова, помнившая безошибочно, кто пришел на танцы по билету, а кто попал сюда, одолев высокий забор, и никогда не церемонившаяся даже с самыми крутыми блатными, покидала свой пост. Не думаю, что Леня специально поджидал ее ухода на темных аллеях парка, но получалось так всегда. Он появлялся в сиявших лаком скрипучих хромовых сапогах, сшитых непревзойденным мартукским сапожником Петерсом, в которые были заправлены синего цвета галифе из тонкого довоенного сукна, скроенные самим знаменитым Порублевым. Галифе тоже не простые, а самые щегольские, с максимальной шириной в ляжках, да еще обшитые на задку тончайшей кожей, которую Лене раздобыл Гимай-абы, работавший на кожзаводе. На галифе, опережая нынешнюю моду лет на пятьдесят, Леня

надевал навыпуск алую шелковую косоворотку с перламутровыми пуговицами, подпоясанную узким кавказским ремешком с накладками из серебряных пластин по всей длине. Ремешок, бросавшийся в глаза красотой и изяществом, Леня получил в подарок от чеченцев, строившихся рядом, он всю неделю после работы подвозил им глину для самана. Поверх косоворотки, несмотря на жару, он надевал приталенный шерстяной пиджак в полоску вполне модного кроя. В довершение всего на голове была лихо заломлена настоящая казачья фуражка с красным околышем, а из-под лакового козырька выбивался чуб. Ну, ни дать ни взять — вылитый Григорий Мелехов, хотя «Тихий Дон» тогда был только в романном варианте.

Пошатываясь, Леня продирался сквозь танцующих к дальней ограде, где скромно подпирали забор девушки-перестарки, хотя вряд ли какой из них было за двадцать пять. Нам, молодым волчатам, они казались старухами, молодость вообще жестока ко всему. На бледном лице лихого казака горели огнем, страстью очень выразительные глаза. Но мы-то хорошо знали, что этот взгляд выражал только одно — презрение к мужскому полу. Его взгляд говорил: ничтожества, сброд, хамло, рвань, босяки — смотрите, учитесь, как надо одеваться, какую одежду должен носить настоящий мужчина. Иногда он натыкался на нашу компанию, останавливался на миг, оглядывая нас всех поочередно, включая Борю, что-то беззвучно бормотал — Марсель Марсо, которому еще только предстояло стать знаменитым мимом. Но мы понимали Леню без слов — чучела огородные, обезьяны, шуты гороховые, пороть вас надо, правильно делают, что стригут ваши набриоленные коки и режут ваши дурацкие штаны. В эти минуты мы ясно представляли, какие жаркие бои происходят в доме у кладбища, и гордились Борей, отстаивавшим и свои, и наши права на моду.

Леня остро чувствовал, что остается один или два танца, и быстро оглядывал ястребиным взором из-под лакового козырька казачьей фуражки затихших девчонок у забора, делавших вид, что не замечают казака-охотника. Каким бы он пьяным ни был, Леня всегда выбирал лучшую на тот вечер. Мы, конечно, с любопытством наблюдали за ним, всегда готовые прийти ему на помощь. Но Леня ни к кому не задирался,

да и в Мартуке считалось дурным тоном обижать пьяных. На любой танец, какой бы ни звучал в конце: танго, вальс, линда, Леня шел приглашать. Вот тут режиссеру надо включать камеру. Леня молча подходил к выбранной жертве, делал, покачиваясь, какой-то немислимый реверанс, очень похожий на те, что делали мушкетеры, размахивая шляпами в глубоком поклоне у ног возлюбленных, а затем протягивал руку, не сближаясь. Наверное, Леня в эти минуты был убежден, что он дает нам, мартукским варварам, еще и уроки хорошего тона. Странно, что никогда ни одна девушка не отказывала ему. Леня далеко и высоко откидывал левую руку, как в аргентинском танго, и с зажатой в своей руке ладонью партнерши начинал танец-марш.

Сейчас есть знаменитый клип с десятью танцами из известных фильмов, есть там и знакомый всем танец Траволты с Умой Турман из «Криминального чтива», думаю, попади танец Паля с любой из партнерш в этот цикл, они смотрелись бы не хуже, чем кинозвезды, уверяю вас. Медленно-медленно, несмотря на любой ритм, он вкрадчиво семенил с партнершей наискосок через всю танцплощадку, и все пары невольно расступались перед ним. Если они кого-то задевали, Леня неожиданно вежливо говорил: «Пардон», — на моей памяти ни от кого на танцах я не слышал извинений, — и продолжал дрейфовать, пока не наткнулся на забор. Затем разворачивался и отправлялся в обратную дорогу тем же путем, тем же макаром. Завораживающее зрелище! Порою Леня сильно кренился, как подбитый дредноут, казалось, вот-вот рухнет, но такого никогда не случалось. Если оставались два танца, он и второй танцевал с той же девушкой, ничего не говорил, не шутил, не шептал на ушко, не соблазнял. Но всегда уходил с танцев со своей партнершей под ручку. Волшебник — сказал однажды замороженно наблюдавший за ними Вуккерт. Боря в эти минуты никогда не танцевал, стоял бледный, сжав кулаки, только тихо шептал: «Позор... Какой позор... Убью!» Чем не казачьи страсти, гены есть гены.

Заканчивая страницы о братьях Палях, обязан вернуться к Боре. Я намеренно ввел вас в заблуждение, сказав, что Боря оставил после себя тайну — почему он, имея высшее образование, всю жизнь проработал на элеваторе в скромной

должности. Нет никакой тайны, я знаю — почему. Эту тайну я сберег для высокой, достойной концовки рассказа о своем друге, легендарном Боре Палие.

По степени прямоты суждений, критическому отношению к власти, системе Боря вряд ли сильно отличался от Вуккерта, которого я здесь много раз упоминал. Боря не родился в шелковой сорочке с золотой соской во рту, ничего ему не досталось в жизни на блюдечке с голубой каемочкой. За все, что он достиг, Боря заплатил трудом, упорством, всего он добился сам. Не было у него ни толкачей, ни покровителей, да и подличать, подхалимничать, угождать он не умел.

Конечно, еще студентом Боря приглядывался к профсоюзам, к тем, с кем ему предстояло работать. Он никогда не обобщал, не делал политических выводов, скорее из-за врожденной осторожности, чем от трусости. Но еще тогда я понял с его слов, что профсоюзы прогнили гораздо раньше и глубже, чем партия. Это сегодня стало понятно всем, что власть обслуживает только саму себя, блюдет только свои интересы. Но Боря понял это сам, и раньше других. Кумовство, блат, казнокрадство, корысть, личная выгода, протекция своему — только этим была занята верхушка профсоюзов на любом уровне. Там и намек на защиту интересов рабочего класса, трудового люда, интеллигенции не просматривалось, Боря изучил их вблизи, как под микроскопом. Особенно он огорчился, увидев жизнь коллег изнутри. На заочном отделении учились, в основном, функционеры, уже стоявшие во главе профсоюзов на разных уровнях, диплом им нужен был, чтобы не потерять сытную кормушку. Как они шиковали во время сессии в Ленинграде, рассказывал Боря, в каких роскошных гостиницах жили, какие траты себе позволяли, какие гулянки закатывали!

Я часто вспоминаю Василия Шандыбина, депутата российской Думы, простого слесаря, яркого трибуна. Шандыбин говорил, что думал, предлагал то, что нужно государству, народу. Власти такой депутат оказался не нужен, и они быстро лишили его мандата. Российская Дума, как говорят в народе, факт вообще уникальный, половина депутатов — миллионеры и миллиардеры, и рвутся они туда по одной причине: спрятаться от закона, чтобы сохранить и приумножить свой

ворованный капитал или продвигать нужные им законы. Вот таким Шандыбиным мне и видится Боря в профсоюзах, если бы ему там нашлось место. Но место ему не светило ни при каких обстоятельствах, он трезво оценивал ситуацию. Помню, он сказал мне однажды — не хочу лезть в грязь, мараться. Может быть, не по-бойцовски, зато открыто и честно.

Несколько личных рассуждений о профсоюзах. Уже скоро двадцать лет как на постсоветском пространстве появились новые государства, и ни в одном из них нет настоящих профсоюзов. Если бы тот институт, что окончил Боря, действительно был Институтом Профсоюзов и готовил кадры, занятые главным — отношениями труда и капитала, для чего и существуют профсоюзы, то его выпускники сегодня были бы на вес золота. Архиважная профессия для каждого государства. Теперь запоздало становится ясно, что и профсоюзы, и их институты оказались фальшью, фикцией. Все надо строить сначала.

*Москва,
2008*

Далеких лет далекие обиды

Автобиографический рассказ

Я обратил внимание на одну закономерность: у писателей-мужчин, если они пишут о романтических связях в юности, чаще всего получается, что за ними — одни успехи, победы. Так не бывает в жизни, у любого мужчины сердечных ран гораздо больше, чем побед. Справедливости ради надо показать и свои поражения, когда и мы, юноши, уходили не солоно хлебавши. Хотя сегодня, с высоты прожитых лет, даже поражения, неудачи в отношениях с девушками в юности воспринимаются тепло, с грустью — как прекрасно, что это случилось в твоей жизни! Любые воспоминания, сны о молодости греют душу. Расскажу и я об одном своем «поражении» в юности, которое я с нежностью вспоминаю много-много лет.

Зимой 1958 года на студенческих каникулах мой друг, Роберт Тлеумухамедов, познакомился с выпускницей мединститута красавицей-брюнеткой Юлией, имя это тогда встречалось редко и было популярно. Особенно значимо оно оказалось для Роберта. Почему? Потому что в то время звучала модная джазовая композиция Александра Цфасмана «Юлия», где Роберт исполнял соло на ударных инструментах.

В молодости все проходит ярко, стремительно, в новое увлечение кидаешься без оглядки, без тормозов. Так — бурно, страстно стал развиваться роман и у Роберта с Юлией. В один

из февральских вечеров, когда у нас неделями бушевала пурга, Юлия пригласила Роберта на свой день рождения. Сказала, что гостями будут ее подружки — выпускницы, без пяти минут врачи, и их поклонники, ребята гораздо старше Роберта. На вопрос Роберта — кто они? — Юлия туманно ответила, что ребята не актюбинские и приедут из другого города. Роберту не нравилась затея гулять с незнакомыми парнями, но и отказаться отметить день рождения своей девушки он тоже не мог. Тогда он предложил Юлии прийти на день рождения с другом, то есть со мной, Юлия не возражала, видимо, ей очень хотелось встретить праздник с Робертом. Тут надо обязательно указать существенные для этого сюжета детали: мы с Робертом в ту зиму — студенты всего лишь третьего курса техникума, мне неполных семнадцать лет, Роберту только исполнилось девятнадцать, хотя он выглядел гораздо старше. Оба мы среднего роста, я к тому же худенький, боксировал в наилегчайшем весе, одни крупные глаза на бледном лице.

В назначенный день, минута в минуту, мы пришли на улицу Байганина в большой особняк рядом с базаром, которому недавно исполнилось сто лет. Кстати, дом этот цел до сих пор, хотя сильно осел и обветшал. Нас встретили радушно, провели в зал, где были уже накрыты столы, и тихо играла музыка. Девушка за роялем поздоровалась с нами улыбкой и кивком головы и продолжила играть что-то минорное. Юлия, заметив наш взгляд, потянувшийся к богато накрытым и красиво сервированным столам, предупредила — сядем за стол все вместе, ребята должны подъехать с минуты на минуту.

Девушек оказалось семь, не считая Юлии, значит, компания собиралась большая, человек двадцать. За окном мела, выла метель, а в доме у базара было тепло, уютно, красиво, празднично, от девушек исходил дивный аромат незнакомых нам роскошных духов. У нас с Робертом от всей атмосферы, от предчувствия праздника голова шла кругом, рядом восемь красавиц, одна краше, изысканнее другой! И нам они уделяли такое внимание, такое расположение, такую добросердечность, какие мы до сих пор никогда не ощущали по отношению к нашим заурядным персонам. Какой цветник, какой гарем, — только и успел шепнуть мне на ухо взволнованный Роберт. Прошли полчаса, час — долгожданных гостей все еще не было. Девушка оставила

рояль и, включив радиолу, пригласила меня танцевать, Юлия с Робертом поддержали нас. Прошло еще полчаса, и девушки время от времени по очереди, накинув пальто, стали выбегать на улицу с фонарем — может, гости не могли отыскать в пурге дом, хотя он и сиял огнями всех комнат. Но все было напрасно. Светские разговоры, музыка, танцы уже не могли скрыть тревоги за ночных гостей. И тут впервые за долгий вечер мы услышали, что гости могли застрять в дороге из-за пурги, метели, густой снежной пелены, стоящей в степи. Прозвучало и название местечка — Кенкияк, вот откуда, оказывается, ждали девушки своих женихов. Нам название ничего не говорило, мы думали, что парни будут из Оренбурга, Илецка или Ак-Булака — это недалеко от Актюбинска. Сегодня Кенкияк, или, точнее, — нефтяной район Кенкияк, известен всему миру. Прошел еще час, девушки уже не скрывали тревоги на лицах и уже не выбегали с фонарем на улицу, но ни в какие детали нас с Робертом не посвящали. Хотя мы понимали, что ребята пробиваются в город по степи, по бездорожью, в лютый холод, буран. Мы мысленно желали им удачи, уж очень жалко было глядеть на лица девушек, на именинницу. Наверное, от передавшегося от девушек волнения мы с Робертом стали невольно поглядывать на накрытые столы, они вызывали большой аппетит, особенно запеченный в духовке целый поросенок, такое мы с Робертом видели впервые. И тут Юлия, на правах хозяйки дома и именинницы, с отчаянным весельем скомандовала: «Все за стол, и начнем отмечать мой день рождения! Если приедут, они нас поймут, мы стойко ждали четыре часа». В это время высокие напольные часы в корпусе из красного дерева глухо и беспристрастно отбили одиннадцать вечера. Мы сели за крайний стол, открыли шампанское, Роберт сказал тост в честь Юлии, который он репетировал целых два дня, и вечер начался. Затем тепло, с юмором Юлию поздравили подруги, кто-то даже в стихах, что вызвало шквал аплодисментов, и вечер стал приобретать веселые очертания, посыпались шутки, остроты, экспромты. Потом вдруг все внимание перекинулось на нас с Робертом, стали и в шутку, и всерьез строить варианты, как нас справедливо распределить на все танцы с девушками, чтобы ни одна не осталась без внимания. Предлагали и жребий тянуть, или нам самим установить справедливую очередь, или крутить

бутылочку и советовали при этом еще и поцеловать свою избранницу — в общем, смутили нас с Робертом до основания. И все это тактично, с блеском, с остроумием — таких девушек мы с Робертом еще никогда не встречали. Наверное, они отчаянным весельем пытались спасти день рождения своей подруги.

Со мною рядом сидела та самая пианистка, что играла в начале вечера «Лунную сонату» Гленна Миллера, у нее оказалось редкое имя, никогда, ни в жизни, ни в литературе, я не встречал такого — Ая. Это имя я уже использовал однажды в своем первом рассказе «Полустанок Самсона», написанном на спор в 1971 году. Ая, как мне казалось, откровеннее других любезничала со мной, проявляла ко мне явное внимание, рьяно отсекала попытки других сблизиться со мною. Я с ней стал чаще танцевать, что, как ни странно, не вызвало протестов, даже шуточных, за меня отдувался Роберт, причем делал он это с большим удовольствием. Когда Ая уходила на кухню, чтобы что-то принести, или спешила в темную прохладную прихожую покурить, я тут же увязывался за нею. Красная пачка роскошных по тому времени дамских сигарет «Фемина», что она держала в руках вместе с зажигалкой, так и осталась нераспечатанной — мы страстно целовались и обнимались. И она шептала мне какие-то ласковые слова, которых я никогда прежде не слышал, хотя наивно считал себя бывалым парнем. После каждого нашего уединения в прихожей, которые становились все чаще и чаще, Роберт мне загадочно подмигивал. Взгляд его говорил одно — молодец, какую деваху отхватил!

В разгар наших с Аей страстей Юлия попросила всех снова за стол, который незаметно обновили и положили свежие приборы. И в этот момент, когда мы уже рассаживались, а часы отбили час пополуночи, сразу в три окна с улицы весело затарабанили. Всех девушек в мгновение ока вынесло из-за стола, и они с радостным визгом, счастливым смехом кинулись не в прихожую, а прямо на улицу, в буран, в вечерних платьях. Такого единого искреннего порыва за свои долгие годы я не встречал не только в жизни, но и в кинематографе. Столь яркая, эффектная, берущая за душу сцена до сих пор стоит у меня перед глазами, когда я бываю на Байганина или на актюбинском базаре. За столом мы с Робертом остались одни, не понимая — грустить нам или радоваться. Прошло минут пять, а, может, пятнадцать, мы вышли

из-за стола и встали возле радиолы. Сесть в глубокие кожаные кресла под бронзовым торшером мы не решились, уж слишком выстраданной оказалась встреча долгожданных гостей. Мы слышали радостный смех, счастливые голоса наших прекрасных девушек, застуженные басы крепких мужчин в прихожей и в соседней просторной комнате, где гостей раздевали, обхаживали, прихорашивали. Мы с Робертом поняли, что нам там сейчас не место, и терпеливо ждали появления мужской половины в большом зале рядом с накрытыми столами. Мы оба искренне радовались и тому, что гости не пропали в буране, и тому, что девушки дождались своих парней, и тому, что поросенок лежал на главном столе целехонький. А ведь Юлия предлагала его разделать, но Роберт сказал, что у него рука не поднимается губить такой кулинарный шедевр.

Появились они в зале как-то разом, словно не было двери, задрапированной тяжелыми бархатными шторами вишневого цвета с золотыми кистями по моде тех лет — впереди семь рослых молодых мужчин, а сзади и по бокам все наши восемь красавиц, включая Юлию. Удивительно, зал не уменьшился, не стал тесным из-за возникшего многолюдья, а наоборот, вроде и потолки стали выше, и стены раздвинулись, и ярче запыльхали люстры. Наверное, этот пространственный и световой эффект возник от радостных, счастливых лиц девушек, от белозубых искренних улыбок мужчин, понявших, прочувствовавших сердцем, с какой любовью и тревогой ждали их в этом доме. Девушки весьма церемонно представили нас друг другу. Гости тепло поздоровались, назвали, но я сразу понял, что они приняли меня с Робертом за младших братьев или племянников очаровательных девушек, короче, за подростков.

Наверное, следует чуть шире представить гостей, кого же все-таки ждали с таким волнением и любовью наши новые очаровательные знакомые. Я для этой цели, для контраста в начале сцены объявил наши с Робертом личные данные. Все семеро оказались выпускниками Бакинского нефтяного института, работали в Кенкияке уже полтора года. Все, как на подбор, рослые, а в то время высокие парни были наперечет, акселерация началась в СССР только лет через пятнадцать. Все — бывшие спортсмены, хорошо сложенные, плечистые, лет по двадцать пять-двадцать семь, в общем, женихи на загляденье. Удивительная деталь, все

семеро — с усами, усатых в Актюбинске в те годы не помню. Гости оказались коренными бакинцами, невероятно влюбленными в свой удивительный город. Азербайджанцем среди них был один, по имени Октай, я запомнил его имя только потому, что спустя пять-шесть лет буду дружить с Октаем Агаевым, знаменитым певцом из Государственного эстрадного оркестра Азербайджана под управлением композитора Рауфа Гаджиева, в те годы там же работал самый известный джазовый аранжировщик Анатолий Кальварский. Двое — армяне, в ту пору треть Баку составляли армяне, двое — таты, горские евреи, двое — русские, в общем, полный интернационал, как они представились сами. Марк, увидев раскрытый рояль, тут же сыграл и спел популярное танго «Бакинские огни» композитора Тофика Кулиева, под эту музыку и стали рассаживаться за столами. Не могу не удержаться, чтобы не сказать банальнейшую истину — в мире все связано теснейшим образом. В 1962 году я буду работать в Экибастузе, а в праздники по воскресеньям стану регулярно наезжать в Павлодар, где в гостинице «Иртыш» познакомлюсь с сыном композитора Тофика Кулиева — Адалятом, и нас будет долгие годы связывать дружба. Имя Адалята я тоже использовал в том же рассказе «Полустанок Самсона», где я обозначил и Аю.

Речь идет о 1958 годе, мы с Робертом в городе считались заметными стилистами, поэтому особенно придирчиво осмотрели, как были одеты нефтяники. Это позже, в 1964 году, я впервые побываю в Баку по приглашению джазменов из оркестра Рауфа Гаджиева и своего друга Адалята Кулиева и надолго запомню, что такое бакинский стиль, бакинская мода. Баку настолько поразил мое воображение в молодости, что я на всю жизнь запомнил фамилию его мэра — Лимберанский. Дети Лимберанского живут в Москве уже лет двадцать, и когда им передали мои слова восторга о Баку Лимберанского, которым он руководил почти тридцать лет, они были тронуты до слез. А я ведь человек городской, столичный, прожил в Ташкенте тридцать лет, но не могу назвать ни одного тамошнего яркого мэра. Могу только обнародовать вопиющий факт, когда десять лет назад мэрия Ташкента, решив построить для себя новое роскошное здание, местом для стройки выбрало... самый старинный парк столицы, разбитый еще в конце девятнадцатого

века губернатором Кауфманом в центре города. Все советское время он назывался «Детский парк имени Горького». Через этот парк прошли десятки поколений ташкентцев, в нем были открыты в 20-х годах прошлого века первые в городе кинотеатры «Арс» и «Солей», там лет десять подряд в 60-х годах проходил фестиваль кино стран Азии и Африки. И этот огромный парк тихо упразднили, территорию огородили высочайшим забором и построили себе в тенистом саду помпезное здание. Теперь в ухоженных аллеях парка гуляют только городские чиновники. Какая вопиющая «забота» о горожанах, о детях!

Лимберанский натолкнул меня на мысль узнать побольше о мэрах любимых мною городов: Венеции, Ниццы, Лондона, Вены — оказывается, все они возглавляли мэрии больше двадцать лет. Я рад, что этот короткий, но горячо любимый мною список я могу пополнить фамилиями еще двух мэров близких моему сердцу городов. Я имею в виду Е.Н. Сагиндикова, при котором Актюбинск обрел яркие черты современного города, и Ю.М. Лужкова, при нем Москва похорошела до неузнаваемости.

Я не случайно отвлекся на бакинский стиль, бакинскую моду. На Кавказе во все времена умели одеваться, одежде, моде там всегда придавали значение. Кавказцы, особенно тбилисцы, бакинцы, ереванцы, считались заметными модниками и модницами в стране. Это с развалом СССР Кавказ оказался в нищете, и сегодня их невозможно представить законодателями мод. Сейчас, как я часто утверждаю, место Кавказа в моде заслуженно заняли казахи. В Казахстане бум моды, все крупные магазины в Европе заполнили казахи. Я рад, что в мире утверждается казахский стиль, стиль моих земляков.

Баку, Тбилиси отличались замечательными портными, сапожниками. Знаменитый бакинец Мстислав Ростропович тоже упоминал в своих воспоминаниях о чародеях-портных Баку, могу засвидетельствовать и сам, я тоже заказывал там пару костюмов. Бакинский стиль означает классический, близкий к английскому — широкие мужские плечи, безупречный крой — слегка приталенный, и прекрасный пошив. Известные бакинские портные чаще всего были евреями, и весьма пожилыми, особенно закройщиками. Немало работало там и известных армян, особенно модными считались репатрианты из Франции, Италии. Попасть к ним можно было только по рекомендации, хотя, уверяю вас,

цены были умеренные. Убил высокую моду на костюмы ручной работы импорт, он захлестнул страну в середине 60-х годов, а в 70-х французские, итальянские, английские костюмы оставили без работы даже самых знаменитых портных. Глядя на экипировку гостей, мы с Робертом поняли сразу, что они готовились к вечеру не менее тщательно, чем мы. На всех были вечерние костюмы: черные, темно-синие, серого цвета с неяркой полосой или выработкой — все, безусловно, сшитые на заказ и сидевшие на них как влитые, как в журналах мод. А на Марке, самом артистичном из гостей, еще не раз терзавшем рояль, был удлиненный двубортный темно-серый костюм с густо-черной, сажевой полосой, сильно приталенный, с узкими рукавами, из которых виднелись белоснежные манжеты с крупными серебряными запонками. Роберт, мгновенно вспомнивший своего любимого актера Хэмфри Богарта, сказал восхищенно — настоящий гангстерский костюм! Богарт часто играл крутых парней. Но, как бы нам ни нравились костюмы гостей, их белоснежные рубашки с высокими воротниками и шелковые галстуки, повязанные с небрежным изяществом, поразила нас их обувь. Напомню, что это был февраль 1958 года, импорта, даже из соцстран, мы еще не ждали, а нашу «скороходовскую» продукцию, не говоря уже о местной, без слез не опишешь. А на ногах гостей, которые приехали в тяжелых унтах, сейчас красовалась шикарная, сшитая на заказ обувь из черной мягкой козлилки, некоторые с медными пряжками на боку, некоторые с высокой шелковой шнуровкой, на удобном каблучке. Кожаная подошва так приятно шуршала по деревянному полу в танце, не высказать. Глядя на такой парад обуви, мы с Робертом не знали, куда спрятать свои ноги. Я уже упоминал, что только на Кавказе жили великие сапожники, сейчас впервые воочию мы видели, какая шикарная обувь есть на свете.

Несмотря на долгую и тяжелую дорогу, от наших нефтяников исходила такая энергетика, что все вдруг понеслось со скоростью экспресса. Лидером у них в компании оказался тот же Марк в гангстерском костюме. Минут через пять все уже сидели за столом, у всех было налито в бокалы, фужеры, рюмки, печальный поросенок был ловко разделан и разнесен по тарелкам без остатка. Этим решительным человеком, не в пример Роберту, оказался Сергей, приехавший с гитарой. Первый

тост в честь именинницы гости спели дружно хором, секстетом, как пояснил мне Роберт. И текст, и музыка понравились всем, на глаза Юлии даже набежали слезы волнения. Тамадой избрали Октая, который почему-то время от времени очень нежно поглядывал на Аю, рядом с которой я поспешил занять место. С тамадой наш экспресс уже понесся с ракетной скоростью. Всем было радостно, весело, хорошо, а как светились лица, глаза девушек — не передать! Гости один за другим говорили тосты, которые мы никогда не слышали, мы с Робертом только переглядывались, думали — вот бы записать, нам бы в любом застолье не оказалось равных. Все говорилось с юмором, с подтекстом, иносказательно, с тайной, красиво, достойно, без грамма пошлости — через годы я понимаю, что мы с Робертом получали мастер-класс поведения за столом.

Неугомонный Марк часто срывался из-за стола за рояль и так замечательно играл и пел, что Роберт шепнул мне с завистью: «Зря он в нефтяники, в степь подался, он же настоящий артист. Смотри, как он лабает на незнакомом инструменте с ходу, а голос какой — заслушаешься, его бы любой оркестр с удовольствием взял». И мне Марк нравился, он и лидером оказался, и одет был со вкусом, лучше всех, и танцевал не хуже балерона, а уж говорил — хоть записывай за ним следом, все девушки, казалось, были в восторге от него. Как только Марк садился за рояль, несколько пар срывалось из-за стола танцевать, и все в зале быстро смешалось — одни танцевали, другие поднимали тосты и дружно закусывали, третьи откровенно любезничали. Всем было уютно, весело, радостно. Наверное, неуютно чувствовали себя только мы с Робертом. Я — потому что Октай-тамада не только продолжал нежно поглядывать на Аю, но и постоянно стал приглашать ее танцевать, и она не только охотно шла с ним, но и открыто любезничала, словно меня не было рядом, словно не видела, что я гляжу на нее во все глаза, а губы мои выразительно шепчут беззвучно — изменница, предательница, коварная...

Роберт приуныл, потому что привык быть в центре внимания, привык, чтобы прислушивались к каждому его слову, жесту, капризу, а тут выходило, что нас как бы и не было за столом, мы не могли даже вставить какую-нибудь удачную реплику, здесь говорили совсем иначе, не на нашем жаргонном

сленге, нас окружали совершенно другие, взрослые люди с иным мировоззрением, с иными интересами, с высоким интеллектом. Понять это, оценить ситуацию нам хватило ума, хотя вслух между собой мы не затрагивали эту тему. Роберт приуныл еще и потому, что Юлию, как именинницу, приглашали танцевать чаще всех, и, конечно, не таясь говорили ей изысканные комплименты, выражали восторг ее красотой, новой прической, новым платьем, которое действительно было ей к лицу. Особое восхищение гостей вызывал и стол, уж тут Юлия с мамой очень расстарались. Такое внимание, подчеркнутое любезное отношение гостей, мужчин к Юлии не могло не вызвать у Роберта ревности, я-то хорошо знал его, он ревновал ее ко всем, кроме меня. Но я видел, что у каждого из гостей своя избранница, и никто из нефтяников не переступал границу в отношении Юлии, как поступала моя Ая, откровенно флиртовавшая с Октаем-тамадой. Разве только Марк, уж слишком любезно и внимательнее других он относился к имениннице. Хотя я не могу утверждать, что Марк увлекся Юлией, скорее всего, как человек рафинированной культуры, он отдавал ей должное как хозяйке дома, столь гостеприимно встретившей их, как имениннице, и, в конце концов, Юлия была в этот день очаровательна как никогда, так мне сказал сам Роберт. Короче, у Роберта обозначились свои проблемы, у меня свои. Мои дела становились с каждой минутой хуже и хуже, Ая уже пересела к Октаю за другой стол и, танцуя танго, откровенно клала руки ему на плечи, словно обнимала, так танго у нас в Актюбинске еще не танцевали. На первых же танцах во Дворце железнодорожников я повторил опыт Аи с Октаем, и у меня быстро, в тот же день, появились последователи. Хотя, глядя на Аю в тот вечер у Юлии, я думал, как пошло все это выглядит со стороны. Конечно, я так думал от душившей меня ревности. На самом деле так могли танцевать только влюбленные.

Высокие тяжелые часы, на циферблате которых латынью значилась марка «Мозер», к которым я от усталости и отчаяния притулился, отбили четыре часа ночи, значит, гости гуляли уже ровно три часа. А мне казалось, что прошел от силы час, так быстро бежало время в веселой компании, где умели развлекаться с блеском. Я осмотрелся и почему-то пересчитал всех девушек, все восемь были в зале, у всех от волнения и

радости горели глаза, румянились щеки, и в их голосах, смехе не чувствовалось усталости, они были счастливы. Счастливы были, пожалуй, все, кроме меня с Робертом, но никто нас не замечал, никто не пытался нас утешить, мы были лишними на чужом пиру. Я лихорадочно думал, как бы мне вернуть расположение Аи, но ничего путного в голову не приходило, лезли одни печальные мысли, выходило, что за три последних часа я только однажды станцевал с Аей. С этим фактом смириться было трудно, да и не хотелось, упрямец я был еще тот, чистый татарин.

Пришла ненадолго и вполне разумная мысль — уйти потихоньку, по-английски, даже не распрощавшись ни с Робертом, ни с Юлией, все равно никто бы не заметил моего отсутствия. Но такой уход казался унижительным, оскорбительным для моего мужского достоинства. Возвращаться за стол мне не хотелось, пригласить кого-то на танец, на выбор, как было в начале вечера, у меня не имелось возможности, все пары, казалось, не желали расставаться ни на минуту. И я продолжал подпирать трофейные немецкие часы с изумительным бархатным боем, каким-то чудом попавшие в далекий Актюбинск. Можно было сказать, что я слился с этими роскошными часами, ни на них, ни на время, ни на их бой счастливые люди не обращали внимание. Хотя я, казалось, безучастно подпирал часы, я лихорадочно искал варианты выхода из унижительной для меня ситуации, а глазами невольно выискивал Аю. И вдруг наступил и для меня момент удачи. Октай о чем-то оживленно стал говорить с Сергеем-гитаристом, а Ая, схватив со стола уже распечатанную пачку «Фемины» вместе с зажигалкой, решительно направилась в прихожую перекурить. Я мгновенно окинул пространство взглядом: все, включая Юлию и Роберта, находились в зале, и я, словно пантера, метнулся вслед за ней. Не успела Ая поднести огонек зажигалки к сигарете, как я в темноте обхватил ее за плечи и развернул к себе. Мой приход, как ни странно, оказался для нее неожиданным, она удивленно и разочаровано сказала: «Ах, это ты?» Словно не было между нами три часа назад страстных объятий, жарких поцелуев, пьянящих голову сладких слов, я вмиг сник от такого равнодушия, растерял все жгучие слова, что заготовил для нее, подпирая «Мозер». Я почувствовал, что она сейчас

развернется и уйдет в зал, и попытался поцеловать ее, но она ловко отстранила меня и устало сказала: «Успокойся, мальчик, поел, попил, пора и домой, а то матушка заволнуется...» — и, неожиданно обняв, поцеловала меня долгим и жарким поцелуем. Так мы сегодня еще не целовались. У меня от радости екнуло сердце, и я попытался ее снова обнять, но она опять легко отстранила меня. Мое пальтишко висело рядом, у нее за спиной, Ая безошибочно сняла именно его с вешалки, вынула из рукава мятую шапку и бережно надела ее мне на голову. Застегивая пуговицы, она спросила с тревогой — не заблудишься в бурне? Я ничего не ответил, слезы обиды душили меня, и я, не прощаясь, шагнул в распахнутую дверь.

Я пересек пустынный базар, вышел на Орджоникидзе и пошел сквозь жуткую метель на «Москву», на улицу Деповская, где находилось наше общежитие. Я шел, глотая слезы, считая себя несчастным, но странная радость теплилась где-то в глубине души. В голове крутилась какая-то поэтическая строка, подходящая случаю, но я так и не вспомнил ее.

Спустя много, много лет она нашлась-таки, ташкентский поэт Александр Файнберг сказал:

Далеких лет далекие обиды...

Никого их тех людей, с кем я отмечал день рождения Юлии, кроме Роберта, я больше никогда не встречал. Не знаю, как сложилась жизнь у тех нефтяников и у девушек, так переживавших за них в пургу. Но я был бы рад, если у них счастливо сложились судьбы, они так подходили друг другу.

*Москва,
2007*

Ананасы в шампанском

Автобиографический рассказ

Вспоминая о Мартуке, нельзя не упомянуть о его женщинах, девушках — ведь все в мире держится на любви, без любви все рассыпается. Поэтому я и напому о девушках, женщинах, мартукских красавицах 50-х, 60-х, 70-х годов, тех, кого я хорошо знал, тех, кто врезался мне в память на всю жизнь. Хотя лично ко мне, как вы поймете, они не имели никакого отношения.

Лет пятнадцать назад эталоном женской красоты называли фотомодель немку Клаудию Шиффер. О ней я тут же сказал: «У нас в Мартуке таких блондинок, похожих на Шиффер, бегало трое или четверо». Старожилы Мартука помнят, что в 50-х в парикмахерской работали сестры Тиссен, как две капли похожие на Шиффер. Они уехали в ФРГ давно, в начале 60-х, у них в Германии отыскался влиятельный родственник, не то политик, не то банкир. На одной из этих сестер перед самым отъездом женился Вольдемар Вуккерт, старший брат моего дружка Сани Вуккерта, которого в Мартуке знали по кличке Шпак. Помню, мы подначивали Вольдемара — женись, жаль, если такая красавица достанется какому-то буржую. Остальных «Шиффер» по фамилии не помню, но они возникают у меня перед глазами всякий раз, когда вижу знаменитую модель. Все эти девочки учились с нами в школе, жили неподалеку.

Когда я, заядлый киноман, смотрю старые фильмы с участием Греты Гарбо, Глории Свенсон, Ингрид Бергман, Лорен Бэколл, я сразу вспоминаю Ирочку Варкентин, что жила на Ленинской, неподалеку от почты. Удивительно благородной красотой, стройной фигурой, культурой поведения, врожденной элегантностью отличалась эта девочка из простой немецкой семьи. Отец у нее работал механиком в колхозе, она училась двумя классами старше меня. Я не был в нее влюблен, как и во многих других, о ком пойдет речь ниже, просто мне нравились красивые девушки, женщины. Мне доставляло удовольствие следить за жизнью людей, которые мне нравились, словно я чувствовал, что когда-нибудь чужие судьбы станут материалом для моих книг. Я не делал это специально, просто у меня такая память — запоминать сердцем, а если точнее, мое неравнодушие к людям. Ирина чуть ли не с седьмого класса стала встречаться с мальчиком с нашей улицы Сашей Петривним, своим одноклассником. Они поступили вместе в институт, кажется, в Саратове, окончили его, поженились. Казалось, в их жизни все было ясно и четко до гробовой доски. Но... лет через пятнадцать я случайно узнал, что они развелись. Грустно, печально до слез. Родители Ирины уехали в Германию, Петривние тоже покинули Мартук, и след прекрасной Ирочки Варкентин затерялся для меня навсегда.

Рассказывая о любовных историях мартучан, мне хочется напомнить о состоявшихся и не состоявшихся парах, о том, кто в кого был влюблен в мое время. Меня те давние истории, случившиеся более пятидесяти лет назад, волнуют до сих пор, потому что это моя жизнь и жизнь дорогих моему сердцу людей.

На том месте, где сейчас стоит дом моего брата Равиля, некогда высился особняк наших соседей Панченко. Жили там одни женщины, мать и три дочери, отец их погиб на фронте. Младшая из сестер, Валентина, старше меня на два-три года, тоже выросла писаной красавицей. Из-за Валентины у нашего дома столько видных парней перебивало — не счесть. Приезжали на велосипедах ее одноклассники: Толя Пономаренко, Толик Крапивко, тот, что позже станет директором РТС, Алик Ефремов. Эта компания часто приходила с гитарой, а Толик Пономаренко прихватывал иногда

аккордеон. И мы, соседи, радовались бесплатному концерту, играл Толик замечательно и пел от души. Добивались ее благосклонности и крутые парни: Юра Курдулян, живший на другом краю села, и Альберт Штайгер, которого чаще называли Алик, но у него была и кличка — Штель, легендарная личность в Мартуке. Красавец, отчаянной храбрости парень, талантливый футболист. Только он, Алик Штайгер, со своим братом Андреасом и Андреем Вуккертом, был ровней дерзким чеченцам. Мы, мальцы, очень гордились, что самые крутые чеченцы, Аламат, Султан, Ибрагим и наши, Алик Штайгер со своими друзьями, жили в нашем мусульманском квартале. Я не раз и не два носил Валентине записки от ребят и гордился тем, что оказался доверенным лицом у крутых парней. Но никому из мартучан сердце моей красавицы-соседки не досталось — она вышла за военного и живет ныне в Белоруссии.

Вспоминается связанный с Валею Панченко еще один случай. Редко какая девушка и в позапрошлом-то веке могла похвалиться, что из-за нее дрались на дуэли, но, Валя, наверное, запомнила с десятков серьезных драк, а дрались из-за нее парни один круче другого, слабакам оставалось любить мою соседку издали. Если дуэли и встречались в судьбах красавиц, то настоящие побоища, наверное, происходили у одной на миллион, а у Вали и такой прецедент имеется. Она уже училась в девятом классе, когда на нашу станцию в конце ноября прибыли на практику ребята из железнодорожного училища, одновременно целый курс женихов. Не знаю, где мог увидеть мою соседку вожак прибывших парней, но он влюбился в нее сразу. И я его понимаю — Валю надо было видеть. А за Валею в ту зиму приударял наш Алик Штайгер, знаменитый сорвиголова Штель, чьи записки я носил Вале с удовольствием. Убежден, курсанта предупреждали, грозили, может, и стычка какая уже была, но парень оказался под стать самому Штайгеру. Наверное, курсант не отступился из-за того, что чувствовал расположение Вали. Я видел пару раз, как среди дня он провожал ее из школы, помню, я прошипел ей вслед громко — у, предательница! И в такой форме выражался местный патриотизм.

В один из субботних вечеров произошло настоящее побоище, Куликовской битвой потом назвали ее пацаны. Произошла

битва там, где сейчас находится стадион, а по воскресеньям там всегда много лет был базар. Практиканты были чуть взрослее, битые, сплоченные, но наших оказалось больше, хотя многие из них в самом начале позорно бежали. И Штайгеру с дружками пришлось биться с городскими в меньшинстве, и биться всерьез. Говорили, что Штель мог тогда вызвать на подмогу чеченцев, но ему гордыня не позволила, да и повод был частный, из-за девушки, чеченцы могли и не понять.

Досталось крепко и тем и другим. О побоище мы узнали утром в школе и в первую же перемену побежали в больницу. Все кабинеты, коридоры, холлы больницы оказались заполнены ранеными. Их тут дружно зашивали, бинтовали, штопали, накладывали шины, делали уколы. Бойцовский пыл пропал с обеих сторон, травмы, переломы выглядели серьезными, к тому же здесь, в клинике, уже крутились два следователя из города. В одном углу я увидел соседа Толю Крицкого с перебинтованной головой и огромным фингалом под глазом, он кому-то громко говорил: «И на черта мне сдалась эта красавица Панчуха!»

Кончилось все скорым судом. Я помню тот суд, помню переполненный зал, помню судью Акимова, высокого, вальяжного, седовласого, внешне он походил на английского судью из фильмов. Больше всех запомнился мне вожак курсантов, на фоне своих и чужих он держался достойнее всех. Вины своей он не отрицал, ни на кого не валил, снисхождения у суда не просил. С его лица не сходила голливудская улыбка, и он часто поправлял свой безукоризненный пробор, казалось, прическа волновала его больше всего. Я видел его ищущий взгляд, пронзавший зал насквозь — он искал глазами Валентину. Он не знал, что ее в эти дни не выпускали из дома, даже в школу запретили ходить. Я впервые видел вожака курсантов без громоздкого бушлата и шапки, он был высок, плечист, и на его лице не читалось ни страха, ни тревоги, такими в наши дни были герои кино. И только тут, на суде, я признал, что он — достойная пара моей прекрасной соседке. Уж прости меня, дорогой Штель. Парню дали десять лет. Уверен, что Валу он больше никогда не видел, и она вряд ли ему писала.

Теперь-то я понимаю, отчего появилось выражение — трагическая любовь. Трагичнее не придумаешь.

Я никогда после школы Валентину не видел, но часто вспоминаю ее, в романе «Ранняя печаль» есть посвященные ей страницы. Уверен — она и не догадывается, что ее помнит соседский мальчишка, что есть книги, где о ней вспоминают с теплом и грустью.

Интересными личностями были и ее старшие сестры, Нина и Катя, первые модницы Мартука послевоенного времени. Они старше меня на десять-двенадцать лет, и детали их жизни, их поклонники мне четко не запомнились. Хотя я хорошо помню, как отравилась Нина в 1950 году, помню ее похороны, помню батюшку, отпевавшего ее на дому. Отравилась она из-за какой-то любовной истории, в ту пору все отношения воспринимались на большом серьезе. Лет в восемнадцать, когда я стану заглядывать в журналы мод, сразу вспомню, что так одевались старшие сестры Вали. Шляпки с вуалетками я видел не только в кино, но и на своих соседках. Носили они узкие юбки и туфли на шпильках. Когда они вечером проходили мимо нашей калитки в кино или на танцы, за ними оставался тонкий шлейф волнующих меня духов. Мы, ребятня, всегда с восторгом смотрели им вслед. Это от тети Кати я впервые услышал слово «ридикюль». Она всю жизнь проработала бухгалтером в местной артели, недавно отметила восьмидесятилетие, жива и здорова, живет у внука в Актюбинске. В повести «Знакомство по брачному объявлению» есть забавные сцены, связанные с ней, там не придумана ни одна строка.

Наверное, следует сказать о первой любви моих друзей детства. Толик Чипигин любил Веру Пайзюк, Володя Колосов — Валю Плис, Саня Вуккерт — Валю Губареву, Вася Тутов — Гаю Пономаренко, Саня Бектимиров — Розу Сулейменову, Лермонт Берденев, чей отец — Убын-агай, танкист-орденоносец, участвовавший в знаменитом танковом сражении в Прохоровке и вернувшийся живым, любил Иру Заваритько. Мелис Валиев — Лизу Емельянову, Толик Твердохлеб — Лизу Лащенко, Савик Парамонов — Свету Клейменову. Пожалуй, о последней паре следует рассказать подробнее. Славик — из семьи старожилос поселка, он — младший брат легендарного футболиста красавца Валеры Парамонова. В лето 1961 года Валерий Парамонов, Рашат Гайфулин, Витя Будко, Борис Палий и я встречались каждый день. Роман

Славика со Светой Клейменовой начался в школе. Оба они уехали в Москву, поступили, она — во ВГИК учиться на актрису, а он — на инженерный факультет. Были они красивой, голливудской парой, в их счастье верили многие. Но Москва развела их жизненные пути. Жаль. Позже Светлана с мужем приезжала в Мартук, но ее избранник не приглянулся моим землякам, и мне тоже. Все говорили дружно — нашла на кого Славика променять. Актерская судьба у Светы не сложилась. Снялась она лишь в одном фильме, в эпизодической роли. Этот фильм в Мартуке показывали три дня подряд, чего не случалось ни с одной картиной, и все три дня зал был полон. Я тоже этот фильм смотрел дважды — все-таки своя, мартукская, первая киноактриса в истории села! К сожалению, она до сих пор остается нашей единственной актрисой. Для Славика разрыв со Светой оказался большой трагедией, он забросил институт, но в Мартук от гордыни не вернулся. Мать Славика, Мария Ивановна, работала в книжном магазине и всегда сберегала к моему приезду редкие книги, они целы по сей день. Жаль, Парамоновых тоже не осталось в Мартуке. Была в знаменитой семье и Люда Парамонова, она училась в одном классе с моим младшим братом Рафаэлем. Она окончила институт в Алма-Ата, там же вышла замуж за прекрасного парня Алика Козинского. В семидесятые они вернулись в Мартук, и Алик на танцах пел запавшую мне в сердце бесхитростную песенку «Платье в синенький горошек». Исполнял Алик всегда только одну эту песенку, видимо, в его жизни она что-то значила. Странно, но обаятельный Алик Козинский, с которым я был мало знаком, снится мне много лет подряд, и во сне он исполняет ту свою единственную песню. Только недавно я понял, что Алик своей грустной мелодией символизирует для меня давнюю благополучную, счастливую жизнь, он, как маяк из прошлого, шлет сигналы из золотого времени моего Мартука.

Раз уж коснулся старожил, хочется отметить фамилии Ермоланских, Козыревских, Глуховых, Бектимировых, Жангалиевых, Тимировых, Ахметовых, Дарбаевых, Низамутдиновых, Баязитовых, Акимовых, Антиповых, Турбаевых. Турбаевых тоже не осталось в Мартуке, только прекрасный некрополь на Танабергене, построенный в память

о родителях сыном Нурланом Зарлыковичем, моим другом, напоминает об этой семье.

Ловлю себя всегда на том, что мартукские фамилии, любые — казахские, украинские, русские, татарские, еврейские, молдавские, чеченские — звучат для меня как музыка. Когда я слышу или читаю знакомые с детства имена, я невольно мысленно говорю себе: о, такая фамилия была у нас в Мартуке, может, кто-то из родственников? Но земляки встречаются и объявляются редко, мир велик, а наш Мартук — крошечный и ужимается, словно шагреновая кожа, год от года. Вот вспомнил, что за нашей соседкой Лидой Губаревой ухаживал некий Женья Ковун, злой парень, но какая дивная фамилия! Разве забудешь! Встречались в Мартуке и фамилии редкие — Дуля, например. Рябоконь — очень мне нравилась, он был директором маслозавода, запомнилась и Булох, большая бедная семья скромного чиновника из собеса. К этой фамилии так и просится — фон Булох. Были у Мартука и свои Пушкин, Скрипка, Небаба, Скворода и даже Паульс с Герингом. Если говорить об исторических личностях, то надо сказать, что Джохар Дудаев, первый президент Ичкерии, окончил в нашем Яйсане училище механизации. Теперь я понимаю, фамилии Хорунжий, Хижняк, Закаморный, Цихмистро, Калюжный, как и Палий, — исконно казачьи. Даже одни фамилии — это история Мартука. Упомянув про первую любовь своих школьных друзей, упустил своего друга, одноклассника, ныне директора школы Р. Халикова, в детстве он был влюблен в Розу Хамидулину. Надо отметить, что его жена, с которой он давно отметил серебряную свадьбу, была не только красавица, но и мастерица на все руки, многие татарские семьи хотели заполучить ее в невестки, и я рад, что полюбила она моего друга и что они счастливы в этом браке. Мне нравится бывать у них дома.

Наверное, у многих созрел вопрос: а в кого же был влюблен сам автор? Об этом подробно сказано в романе «Ранняя печаль».

Заканчивая главу о прекрасной половине Мартука, я подумал, как было бы хорошо проиллюстрировать эти страницы фотографиями Ирины Варкентин, Нали Ермоланской, Вали Антиповой, Гали Пономаренко, Томы Солохо, Аллы

Шалаевой, Верочки Пайзюк, Вали Глуховой, Вали Комаровой, Светы Пинчук и многих других. Как хорошо было бы иметь их фотографии в моих альбомах, которые я делаю для мартукского музея. Остается только надеяться, что их портреты все-таки когда-нибудь дойдут до меня и останутся в музейных альбомах для истории. Они заслуживают этого.

Никак не могу закончить главу из-за нахлынувших воспоминаний и образов моих героинь, что стоят у меня перед глазами. Я вижу их юными, молодыми, прекрасными, и у них все еще впереди, даже у тех, кого с нами давно уже нет. Я никогда не боялся старости, меня не смущают ни собственные седины, ни морщины, ни отяжелевшая фигура, ни потерянные навсегда легкость походки и ловкость движений. Меня пугает и волнует старость моих друзей, особенно женщин, которых я знал, кого природа щедро одарила красотой. Хочется крикнуть кому-то наверх, властному над нашими судьбами — пожалуйста, пожалейте их, не уродуйте их старостью и немощью! Но безжалостное время не щадит никого, красавиц в особенности. Я очень люблю поэзию и однажды наткнулся на самую печальную строку, печальней не сыскать:

*И девушки, которых мы любили,
Уже старухи.*

Жалко до боли, до слез. Храни вас Всевышний!

Летом 1961 года к нам на практику приехали студентки мединститута, и, разумеется, вечером они появились на танцах. В ту пору на практику после института к нам направлялось много молодежи, и, конечно, новые парни, новые девушки вызывали жгучий интерес у местных. Студентки пришли на танцы втроем, и одна из них приглянулась нашему другу Рашату Гайфулину. Несмотря на молодость, Рашат уже работал директором заготконторы. Я до сих пор помню имя этой девушки — Валя Аникаева. У Рашата завязался бурный роман, и даже после окончания ее практики он часто ездил к ней в Актюбинск.

Много-много лет спустя, незадолго до его смерти, когда алкоголь загнал Рашата на дно жизни, он успел все-таки

прочитать в рукописи мой роман «Ранняя печаль». Возвращая роман, признался с горечью: «Жаль, я не женился на Вале, наверное, у меня сложилась бы иная судьба, Лиза сломала мне жизнь».

Лиза, настырная, хваткая татарская девушка из города, штурмом брала нашего друга. Каждую неделю приезжала в Мартук, задаривала его подарками и в конце концов женила его на себе. Лиза оказалась махровой карьеристкой, вступила в партию, прорвалась в партшколу, стала яркой общественницей, где уж тут найти время для дома. Так семья и распалась. Наверное, справедливо будет сказать и о пьянстве. Все трое братьев Гайфулиных: Тимур, Рашат, Мушан — очень рано ушли из жизни из-за водки.

Но вернемся в тот счастливый вечер.

Рашат, очень шустрый парень, попросил меня и Витю Будко все танцы посвятить новеньким, чтобы никто другой не сумел вклиниться. Парней в жениховском возрасте в ту пору было немало, а Валя выглядела очень милой. В жизни, в судьбе случай играет огромную роль, не выгляди ее Рашат в тот вечер, Валя вполне могла стать невестой какого-нибудь мартукского парня. Какими бы мы ни казались себе опытными, уверенными, но городские девочки, без пяти минут врачи, тоже знали себе цену, и особенного контакта у нас не получалось. Под настойчивые взгляды Рашата мы стали брать девушек измором, не отходили от них ни на шаг. Танцы подходили к концу, ничего не клеилось, хотя нам с Витей было все равно, подружки Вали нас не волновали, мы старались для друга, поняли, что Рашата зацепило крепко. Мы видели, что и проводы домой из парка окажутся неудачными, вряд ли Валя осталась бы наедине с Рашатом. Одно становилось нам ясным, что нужно как-то продлить вечер, может, потом Валентина заметит влюбленность нашего друга. Мы уже израсходовали все наши дежурные шутки, выдали все комплименты, на которые были способны, но веселья, улыбок на лицах девушек не видели. И тут с последним аккордом прощального вальса меня осенило, я поправил свой модный галстук и интригуяще предложил: «А как вы посмотрите на то, что мы вас пригласим на ананасы с шампанским? Время-то детское, да и ваш приезд на практику не мешало бы отметить». И впервые за вечер мы

увидели улыбки на лицах студенток, они посмотрели на нас с интересом и любопытством. Такого поворота событий по инициативе провинциальных ухажеров девушки не ожидали. Одна даже, волнуясь, переспросила: на ананасы с шампанским? И процитировала с удовольствием:

*Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!
В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грезифарс...*

Она словно предугадывала трагическую судьбу Рашата.

В ту пору молодежь увлекалась поэзией, и король поэтов Игорь Северянин им, конечно, был знаком. Мои друзья, сразу понявшие мой маневр, подтвердили уверенно:

— Да, да, на «Абрау-Дюрсо» и дивные заморские ананасы.

— Интересно-интересно, где вы тут найдете ананасы, их и в городе-то нет, — защебетали девушки разом.

И мы поняли — наша взяла! Воспрянувший духом Рашат, готовый расцеловать меня, сияя, обратился ко мне:

— Пожалуйста, распорядись насчет шампанского, а мы с компанией подойдем, не спеша, к накрытому столу.

Шампанское с ананасами в то лето было нашим коронным трюком, мы его на многих приезжих девушках опробовали, и я понесся прямо по путям, что проходили рядом с парком, на станцию. Вот тут — самое главное, забытое. На нашей станции много лет, до семидесятых годов, был прекрасный двухзальный ресторанчик, небольшой, но очень уютный. Он был построен вместе с железной дорогой в начале века. Тогда поезда из-за заправки паровозов водой и чистки топок стояли на станции подолгу, и пассажиры могли пообедать в нашем ресторане. Вот какая забота о пассажирах была в Мартуке еще сто лет назад. Наверное, старожилы помнят роскошный буфет красного дерева во всю стену в первом зале, дубовый прилавок, очень напоминающий барную стойку, и несколько дубовых столов с тяжелыми стульями. Второй, чуть меньший зал, с раздаточным окошком в кухню, был еще уютней, на стенах висели два больших натюрморта маслом в тяжелых палисандровых рамах. Меня до сих пор мучает вопрос: куда

делись эти картины? Я бежал на станцию и молил Аллаха, чтобы в этот день не продавали бочковое пиво. В такие дни в ресторане творилось столпотворение, пиво завозили не часто. Пиво лишило бы эффекта нашу затею, не исключено, что, увидев мартукских забулдыг, девушки могли развернуться и уйти.

К счастью, зал был пуст, Ася, толстенная буфетчица в крахмальном кокошнике, зная нас, оживилась: «А где друзья твои, девушки?» — спросила весело, она была родственницей Вити Будко и обожала курчавого племянника, первого стилигу Мартука. Я быстро объяснил Асе ситуацию, выдал тайну Рашата и предложил себя ей в помощь, время торопило. Дело в том, что вьетнамские ананасы были в больших жестяных банках, и, чтобы открыть их, требовались сила и сноровка. Ася быстро заразилась нашей авантюрой, выставила мне две банки ананасов и дала ключ для вскрытия, а сама направилась в подвал, где на льду хранилось шампанское «Абрау-Дюрсо», не пользовавшееся спросом у моих земляков. Пока она протерла бутылки, достала из буфета хрустальные бокалы для шампанского, узкие и высокие, я успел открыть ананасы. Ловкая Ася быстро перелила сок в хрустальный кувшин, а крупные сочные золотые ломти ананаса выложила на большое фарфоровое блюдо. Все это мы вдвоем отнесли во второй зал, куда случайные посетители никогда не заглядывали, и прикрыли застекленную цветным витражом высокую дверь. К приходу компании наш стол выглядел роскошно, Ася даже пожертвовала нам букет цветов, что стоял у нее на буфете. Главное, на столе были шампанское и ананасы. Конечно, заключительная сцена в гоголевском «Ревизоре» замечательна, но надо было видеть лица наших очаровательных спутниц, когда Витя вальяжным жестом распахнул витражную дверь и объявил с пафосом мажордома: «Прошу, шампанское и ананасы ждут вас!» Мы мгновенно выросли в глазах девушек, а ведь еще полчаса назад были готовы смириться с поражением. С тех пор я понял, женщины — всегда тайна.

Тут напрашивается для рассказа еще один случай, который произошел тоже на танцах в Актюбинске, во Дворце железнодорожников. Пришли мы в тот день вдвоем с Аликом

Поповым, легендарным молодым человеком, который недавно, спустя пятьдесят лет, попал в книгу «Стиляги СССР», а в моих произведениях он — частый герой, и особенно ярко представлен в повести «Седовласый с розой в петлице». Алик бывал в Мартуке, играл в футбол с моими друзьями. Сейчас Алик, Олег Федорович — подполковник КГБ в отставке, пенсионер. В тот вечер нам приглянулись две новенькие подружки, но, видимо, не только у нас оказался такой зоркий глаз, приглашали их нарасхват. К концу вечера мы чувствуем, что девушки могут уйти с другими, и тут Алик, к моему изумлению, тихо заявляет: «Зачем вам, хорошим девочкам, эти дылды, братаны-бандюганы Шашурины? Пойдемте с нами», — и таинственным шепотом добавляет: «Вас ждут тихо-покой, синий свет, иконы, подарки...»

Я чуть не упал от неожиданности — куда пойдём, и что означает «тихо-покой», синий свет, да ещё иконы, подарки? Но сказано это было завораживающе, заманчиво и тайно, и девушки заметно дрогнули. Наверное, их более всего заинтриговало слово «подарки». Короче, мы пошли их провожать. На улице метель, холод, и одна из девушек говорит: «Алик, хочется покоя и синего света, подарков обещанных...». Очаровательный Алик не смутился, засмеялся и, разведя руками, сказал: самому хочется! Разошлись в тот вечер без обиды, мы проводили их до общежития культпросветучилища.

Встретились мы с теми подружками снова на танцах через две недели, но с нами были уже другие девушки. Такого обмана, коварства прежние спутницы нам простить не могли и рассказали братьям Шашуриным, что мы наплели им в тот вечер, наверное, в фантазиях себе не отказывали. Через полчаса нам с Аликом уже донесли, что Шашурята, такая у них была кликуха, ребята гораздо старше нас, рвут и мечут, и советовали не попадаться им на глаза. Танцплощадка во Дворце железнодорожников занимала просторный холл, и мы старались танцевать в разных с ними концах зала. Наверное, нам пришлось бы бегать долго, если бы в бегах не наткнулись на моего родственника Исмаил-бека, самого авторитетного парня с Татарки. Тот вмиг поставил Шашуриных на место. Вот чем закончились фантазии Алика — «тихо-покой, синий свет, иконы, подарки».

P.S. Впервые этот рассказ был опубликован в актюбинской газете «Эврика». На другой день в кабинете главного редактора Виктора Гербера раздается телефонный звонок. Волнующимся голосом человек на другом конце провода говорит: «Спасибо за рассказ, тем парнем, который получил десять лет за драку из-за Вали Панченко, был я...»

Гербер тут же включил магнитофон и спросил: хотите что-нибудь добавить? Такие звонки героев публикации через пятьдесят пять лет — редкая журналистская удача. Но собеседник тяжело вздохнул и, вдруг заплакав навзрыд, положил трубку. Поистине, судьбы людские и пути Господни неисповедимы.

*Москва,
2008*

Венеция и цветы из Ниццы

*И все, что было мило и немило,
Вода навеки унесла.*

Евгений Рейн

Совсем недавно, в апреле 2016 года, когда меня пригласили на открытие памятной доски в мою честь на здании технического колледжа в Актюбинске, который закончил в далеком 1960 году, я провел интересный, душевный вечер в компании земляков, пристально следящих не только за моими книгами и публикациями, но и за моими путешествиями по миру. Об этих путешествиях много сказано в недавно законченных тысячестраничных мемуарах «Вот и все... я пишу вам с вокзала». В этих путешествиях по разным странам сделано множество фотографий, которые широко представлены на моем сайте. Там много снимков из Лондона, Рима, Вены, Мюнхена, Амстердама, Стокгольма, Брюсселя, Монте-Карло. Но этим вечером мой рассказ о замечательных, полных истории, великой архитектуры и культуры городах, никак не складывался, почему-то не вызывал огня и интереса моих собеседников. Но эту вялотекущую беседу нарушил молодой бизнесмен, с чьим отцом я часто общался в молодости. Он рассказал, что уже не раз прочитал мемуары, выложенные на моем сайте, и ему особенно запомнились главы, где упоминается Ницца, Канны, маленькие приморские городки Прованса, юга Италии, Венеция. Он задал вопрос, прозвучавший для меня мистически, который возвращал меня в юность, давал вновь остро почувствовать

мое время, время первой оттепели в стране сурового обитания, где все мечты и фантазии упирались в железный занавес.

Только благодаря интересу юноши и состоялось это эссе, воспоминания для которого я нашел в глубине и закоулках своей памяти. Это пример того, как неожиданно рождается литературное произведение, будь то рассказ, поэма или пьеса.

Вопрос этот дословно прозвучал так: «А какие у Вас сложились отношения в юности с Ниццей, Венецией. Мечтали ли Вы когда-нибудь посетить эти города?» Я ответил искренне — нет, не мечтал, и вряд ли моё поколение примеряло на себя такие путешествия в далекие страны. Мы даже не помышляли, что когда-нибудь, пусть случайно, побываем там. Другая жизнь, другие мечты, другие планы, ориентиры.

Но... Однажды... в Актюбинске я испытал эмоциональный взрыв только от одного названия не знакомого мне города. Я пришёл на концерт гастролеров из Москвы во Дворец железнодорожников с девушкой, о ней я написал в рассказе «Монолог Арбенина», о ней упомянул в мемуарах, когда впервые в 17 лет пригласил её в лучший ресторан города.

Концерт был так себе, но запомнилась одна томная, манерная певица с неожиданно мощным голосом, как у Далиды. Запомнилась надолго романсом «Цветы из Ниццы». Песня что-то затронула в моей душе, да так, что это почувствовала моя спутница. Особенно, до дрожи, меня взволновали слова припева, где рефреном повторялось — Ницца... Ницца... После концерта я несколько раз напел припев, словно предчувствовал, что когда-то что-то свяжет меня с далекой и романтической Ниццей, откуда возлюбленным посылают цветы. Но девушка не поддержала моего романтического порыва, сказала — оставь, цветы из Ниццы не про нас. Даже в 17 лет, на пороге взрослой жизни, когда все впереди видится только в мечтах, фантазиях, мы не могли и помыслить ни о Венеции, ни о Ницце, ни о Монте-Карло, ни о Фиджи и Сан-Тропе, ни о Париже...

Но много лет спустя я все-таки побывал почти во всех романтических местах, щедро разбросанных по миру, упомянутых в прочитанных мною книгах, вызвавших у меня восторг и очарование, и добрался-таки до своей Ниццы. И почему-то в Ницце мне будут нравиться рестораны только на цветочном базаре в старом городе. Я люблю покупать цветы на Лазурном берегу для Ирины только там. Цветы из Ниццы... которые так разволновали меня в 17 лет.

Ницца для меня, это, прежде всего, паломничество в Грасс к великому А. Бунину, к его вилле «Бельведер» на горе, у подножья парка принцессы Анны, где он прожил тридцать лет, где написал знаменитые «Темные аллеи», где получил известие о присвоении ему Нобелевской премии. Я сам нашел места, любимые Иваном Алексеевичем в Грассе — посидел у могучего дуба, чей возраст уже перевалил за два с половиной века, нашел на старой площади города кафе на открытом воздухе под ажурным, отлитым из чугуна шатром, построенном в 1912 году архитектором Эйфелем, да-да, тем самым Эйфелем, создавшим знаменитую парижскую Эйфелеву башню.

Каждый раз, бывая в Грассе, мы с Ириной обедаем в этом кафе, представляя, как любимый писатель просиживал здесь долгие летние вечера за бутылкой «Бордо».

Жизнь в Ницце для меня предполагает частые поездки в горы, в городок Сен-Поль-де-Ванс, его еще называют городом ста галерей, где представлены современная и антикварная живопись, а также скульптуры малой формы известных мастеров со всего света. Такого разнообразия форм, стилей, сюжетов, жанровых сцен в скульптуре я не видел даже в лучших музеях современного искусства. Сен-Поль-де-Ванс притягивает нас с Ириной как магнит. Разве можно представить более интересное место для коллекционера живописи и скульптуры с пятидесятилетним стажем!

Но если быть откровенным до конца, почему меня притягивает Ницца, нужно объяснить, что только здесь повсюду я встречаю следы жизни другого моего горячо любимого писателя, кумира — Ф.С. Фицджеральда и его литературных героев. Их следы я нахожу по всей цепи приморских городков, которые я очень люблю и часто там бываю. Начинаются они от Вильфранш-сюр-Мер до Жуан-ле-Пен, где Фицджеральд купил на свои сумасшедшие гонорары от издания «Великого Гэтсби» роскошную виллу, которую нынешние владельцы переделали под ресторан. С веранды этого ресторана, скроенного по фицджеральдовским лекалам, хорошо просматриваются лежащие внизу море, сады, рощи. Этот сохранившийся ракурс так любил Фицджеральд и называл его — раем на земле. Подробнее о Ницце, о Провансе, о Фицджеральде можно прочитать в мемуарах и во многих моих романах.

В Венеции я бывал с Ириной трижды и хочется поделиться не столько впечатлениями об этом городе, они, наверное, будут

у каждого свои, я же хочу дать советы тем, кто ещё только собирается в те края. В Венецию надо приезжать на неделю минимум, там есть что посмотреть. Селиться желательно в центре, живя в Местре, вы будете очень уставать, переезды отнимут ваше драгоценное время, а из центра вапоретто стартуют сразу во все стороны. В Венецию надо приезжать ранней весной или осенью, когда спадает не только поток туристов, но и жара. В хорошую гостиницу не попасть, если не заказать и оплатить её месяца за два. Иначе придётся жить в тесных беззаконных комнатах, или ваши окна будут выходить на канал, который не везде приятно пахнет.

В Венеции есть филиал знаменитого музея Гуггенхайма, открыла его Пегги Гуггенхайм, вдова владельца американского музея. Билет, по нашим меркам, дорог — 16 евро. Но мне больше нравится местный музей «Ка' Пезаро», история которого насчитывает больше двух веков — роскошный, неожиданный, занимает четыре этажа, на него и двух дней не хватит.

Один день целиком надо побыть на острове Мурано, откуда пошло знаменитое венецианское стекло. Посетите в Мурано музей истории стекла, там большинство экспонатов выполнены в единственном экземпляре, и многими из них владели великие венецианцы. Можно увидеть и как сегодня выдуваются уникальные произведения — вся работа делается вручную, как и века назад. Магазинов, лавчонок, торгующих цветным стеклом — сотни, на любой кошелек. Меня там поражают скульптуры из стекла — но это уже высший пилотаж известных мастеров. Дорого, но глаз не оторвать, столь хороши изделия. Много предметов быта — какие бокалы, фужеры, вазы, подносы, тарелки предлагают в каждом магазине — дух захватывает. В Мурано приобретают не только сувениры из стекла, но и серьезные подарки для близких, для молодоженов, для домашнего интерьера.

Если вам дорого имя нашего знаменитого поэта И. Бродского, посетите остров Сан-Микеле, поклонитесь его могиле. Мы были там трижды, возлагали цветы в разные годы и в разное время, фотографии есть на моем сайте. Не рассчитывайте, что легко найдёте его могилу, посмотрите на моем сайте, где я разместил фото его захоронения, этот снимок будет вам ориентиром в поиске. Очень скромное место, вместо привычного для нас гранита, мрамора — невысокое бетонное надгробие с выбитым на нем именем поэта. В последний наш приезд искрошившееся бетонное надгробие

заменяли на новое, точно на такое же бедненькое, кладбищенско-стандартное. Грустно... Печально... Жаль...

Я уже писал, что у Бродского много почитателей среди российских миллионеров, по телевизору они часто распинаются в любви к его творчеству, но почему же тогда они не поставят своему кумиру достойный памятник? Бродский уж точно заслуживает быть отлитым в бронзе. На мой взгляд, он прославил не только себя, Петербург, но и Россию. Открыл список Нобелевских лауреатов великий Бунин, а закрыл, как мне кажется — надолго, если не навечно — он, Бродский.

В Венецию с Ириной мы всегда прилетали самолетом, но уезжали дважды поездами. Ночные поезда в Европе сохраняют время. Однажды мы отправились из Венеции в Женеву, откуда переехали в Монтрё, чтобы поклониться другому кумиру — В. Набокову. Вот у кого достойный памятник! Памятник стоит в сквере на фоне отеля «Монтрё Палас», где писатель прожил в апартаментах 18 лет. Мы остановились в «Монтрё Палас» на том же этаже, где он жил, обедали и ужинали за тем же столом, где чаще всего сидел Набоков. Фотографии отеля и памятника есть на моем сайте, но это адресуется тем, кому дорог В. Набоков. Есть на сайте и фотография памятника Бунину в Грассе у его виллы «Бельведер», где он прожил 30 лет, туда мы наезжаем чаще всего.

Второй раз поездом мы уехали из Венеции в Мюнхен, где живет старый друг моей ташкентской молодости Александр Фитц, серьезный писатель, жизнелюб, бывший главный редактор двух известных в Ташкенте и Москве газет. У него много книг, изданных в России и Германии, он лауреат нескольких престижных премий. Присутствует на известных интернет-сайтах. Поехать в Мюнхен мы планировали давно, нас интересовал там крупнейший в Европе музей современного искусства. А Фитц, в молодости поклонник мюнхенской «Баварии», как и я, обещал отвести нас с Ириной в загородный ресторан, где несколько столиков навечно зарезервированы за «Баварией». Контактный Фитц, не потерявший журналистской хватки, знает многих действующих игроков, но больше любит общаться с поколением Оверата, Мюллера, Беккенбауэра, Шнелингера, Фокса... В музей мы ходили три дня, очарованные величайшим собранием, приобрели новые знания о современном искусстве. Попали мы и в ресторан. Фитц с супругой Ириной угостили нас удивительной по красоте и вкусу

рыбой, нам представили её живой, трепыхающейся на серебряном подносе. Конечно, разговор шёл о Ташкенте, то и дело звучало — а помнишь? Ирина, жена Фитца, тоже из Ташкента, врач. Все было замечательно, только футболисты «Баварии», ни старые, ни молодые, в тот вечер в ресторане не появились.

Но вернёмся к Венеции — когда и как она вошла в мою жизнь. Моё первое, ярчайшее знакомство с Венецией произошло в далекой невозвратной юности. В 1964 году, в конце февраля я летел из Ташкента в Джекказган, прямых рейсов туда не было, и я должен был сделать пересадку в Алматы. Казахская столица встретила бураном, и наш самолёт с трудом приземлился. Не успели мы пройти в аэровокзал, как услышали сообщение — аэропорт закрывается по метеоусловиям на двое суток. Меня эта неприятность, признаюсь, не огорчила, скорее наоборот. В молодости я знал и любил Алматы. Я отправился в гостиницу «Казахстан», где уже не раз останавливался. Замечательный отель в центре города, рядом кинотеатр, концертные залы, универмаг. В городе метель вела себя менее агрессивно, и столица жила обычной жизнью. Я быстро снял номер и через полчаса уже купил билет на английский фильм «Свидетель обвинения». До сеанса успел обежать универмаг, заглянуть в книжный магазин и даже купить книгу тогда не известного мне польского писателя Станислава Дыгата «Путешествие», потому что она вышла в «Художественной литературе» в популярной серии «Зарубежный роман XX века», которую я собирал. 60-е — ярчайшие годы советской эпохи, страна рвалась к звёздам в прямом и переносном смысле. Дух созидания царил во всем — страна строилась, обустроивалась повсюду. Везде, не только в Москве, бурлила жизнь, что ни день открывались театры, концертные залы, гостиницы, тот же отель «Казахстан», где я остановился. 60-е годы отмечены ещё тем, что по всей стране открывались впервые молодежные кафе. Пошел в Алматы и я в такое кафе рядом с отелем. Но долго там не задержался, я ни на минуту не мог забыть о книге и не знакомом мне писателе. Вернувшись в гостиницу и устроившись в уютном кресле под торшером, открыл книгу... На меня с первых же глав повеяло запахами моря, на волнах которого уже веками процветал великий торговый город... Надеюсь, вы поняли, что роман оказался о Венеции. Я лёг спать только под утро, но книгу не закончил. Но я и не спешил, я так радовался сложившимся метеоусловиям. Роман был написан мастерски, автор

прекрасно знал Венецию, понимал, что в великих городах кипят великие страсти. Истории людей, живущих на воде, совсем не похожи на истории влюблённых, живущих на бренной земле, на суше совсем иные шторма и наводнения. Главное, что я отметил тогда, что автор умеет передать настроение не только героев, но и времени. Через семь лет я открою для себя Фицджеральда и тут же вспомню Дыгата, чьё «Путешествие» напомнит мне и «Великого Гэтсби», и «Ночь нежна». Достойная ассоциация!

Изложу вкратце сюжет, который навсегда оставил Венецию в моей памяти. У молодого варшавянина, студента из простой семьи, старший брат давно живёт в Италии, там он стал одним из самых известных кинорежиссёров, женат на знаменитой кинодиве, живет в роскоши, но не общается с отчим домом. Но однажды, на студенческие каникулы он неожиданно приглашает младшего брата в гости, в Венецию, где снимает очередной фильм. Устраивает брата в хорошем отеле, где юноше открывает неограниченный счёт, одевает его с ног до головы, даёт на расходы большую сумму, но встречается с ним редко, общается только по телефону — занят, съёмочный день в Венеции и тогда стоил сотни тысяч долларов. В волшебной Венеции юноша, предоставленный сам себе, встречает неземной красоты девушку, влюбляется, и у них начинаются невероятно романтические отношения, быстро перешедшие в страстную любовь — кино, да и только. Такая стремительная история может возникнуть только на Лазурном берегу или... в Венеции.

Но... история любви кончается для юноши таким разочарованием, крахом, что я даже не могу пересказать, нужно цитировать автора, но я не стану. Возвращаясь в Варшаву, в вагоне-ресторане, повзрослевший на годы юноша рассказывает свою печальную историю случайному попутчику.

Я люблю в романах заключительные строки, лучшие из них говорят о большом мастерстве писателя, но они мало кому даются, не даются и мне. Лучшим примером считаю последние строки Ф. Фицджеральда в «Великом Гэтсби», я использовал их эпиграфом в «Ранней печали» и в мемуарах.

Степень разочарования юноши в Венеции, где он был счастлив, столь велика, трагична — он даже хотел покончить с собой, — что ему сочувствуешь, хотя он сказал о Венеции такие кощунственные слова, такие безжалостные, как никто и никогда не говорил о ней. Но мы невольно прощаем ему даже

жуткое пророчество, цитирую героя по памяти: «... говорят Венеция ежегодно погружается на несколько сантиметров в пучину — пусть проглотит её море!» Но Венеция стоит, к нашей радости, несмотря на всякие природные катаклизмы и проклятия.

Я просто обязан сказать несколько слов о Станиславе Дыгате, познакомившего меня не только с Венецией, но ещё и открывшего мне Польшу, поляков. Прочитав «Путешествие», я стал тоньше понимать поляков, их романтические порывы души, их гусарство, их галантность, тягу к искусству, к другой, более достойной и независимой жизни. Дыгат открыл мне дверь в великую польскую литературу, благодаря ему я познакомился с Болеславом Прусом и его легендарным романом «Кукла», достойным Нобелевской премии. Я рад, что роман не затерялся в XXI веке, недавно по нему снят многосерийный фильм. А дальше мой список польских писателей пополнили: Ежи Путрамент с его трагической «Чащей», Ежи Стефан Ставинский, Генрик Сенкевич, Владислав Реймонт, Бруно Ясенский, Юлиан Тувим, Мария Домбровская, Станислав Лем, Славомир Мрожек. Двое из этого списка — лауреаты Нобелевской премии.

Благодаря знакомству с литературой, я открыл для себя и польское кино, и великих польских кинорежиссеров: Анджея Вайду, Романа Полански, Анджея Жулавского, Ежи Кавалеровича, Ежи Гофмана, Кшиштофа Занусси — человека рафинированной культуры, энциклопедически образованного. Он не только снимает кино мирового уровня, но и ставит театральные постановки в известнейших театрах по всему миру и в России тоже. Преподаёт в престижных университетах мира, часто выступает по телевидению в разных странах. Как многие поляки, он — полиглот, говорит на многих языках и на русском тоже. Я записал несколько его выступлений в больших аудиториях и время от времени прослушиваю их снова и снова. Культурная глыба, величайшего ума человек, просветитель, профессионал, гуманист. Кстати, через 40 лет после прочтения «Путешествия», хорошо зная творчество Кшиштофа Занусси, я неожиданно подумал: а не стал ли он прототипом героя романа Станислава Дыгата? Не удивляйтесь, у Кшиштофа старший брат жил в описываемое время в Италии, он мультимиллионер, владелец старейшего в Европе бренда стиральных машин «Занусси». Вот куда могут завести думы от хорошей книги.

Если мне когда-нибудь удастся встретиться с Кшиштофом Занусси, обязательно спрошу его об этом.

С Польшей, с польской музыкой у меня есть еще одна неразорванная с юных лет связь. Нет, я не о полонезе Михаила Клеофаса Огиньского, что по радио регулярно звучал для советских слушателей лет пятьдесят и оборвался вдруг, к сожалению, навсегда. Жаль, прекрасная музыка!

Но я сейчас о другом. В 1953 году я приобрел пластинку еще до «виниловой» эры, тогда не существовал даже термин «миньон», а купленная пластинка была именно этого размера. На ней оказались песни польских композиторов. Одна из них стала чрезвычайно популярной, я помню, как ее крутили на всех танцплощадках Мартука, Актюбинска, Оренбурга лет пять. Волнующая душу мелодия танго до сих пор сохранилась в моей памяти. Называлась она «Апассионата». Прошло шестьдесят лет, а я до сих пор помню имя исполнителя — легендарный король эстрады Януш Гнятковский.

Пластинку я никому не доверял, долго сам приносил на танцы в парк и в зимние танцевальные залы, но не уберег — она все-таки пропала. С тех пор я ищу эту пластинку. Мне обещали помочь и поляки, с которыми я общался в разных странах, обещали и знакомые меломаны. Но помог Интернет — пластинку я не нашел, но смог спустя многие годы насладиться этой щемяще-грустной и печальной польской мелодией, которая не уступает по силе настроения и королю танго Астору Пьяццолле, мелодии которого еще с середины 30-х годов Апрелевский завод грампластинок тиражировал миллионами экземпляров.

Я нашел запавшую в душу «Апассионату», которую многие годы помнил и искал. Оттого у меня крепнет надежда, что и новые поколения россиян тоже найдут и откроют для себя польскую ретро-музыку.

Тем, что я люблю Польшу, её народ, её культуру, литературу, искусство во всех его формах, польский шарм в мужчинах и женщинах, я обязан только — Станиславу Дыгату. Ищите в любой стране своего писателя и вам всегда откроется во всей красе его родина и народ.

Но вернёмся в последний раз в Венецию. Есть там два места, чаще всего упоминающиеся в туристических проспектах и в разговорах тех, кто там побывал — площадь Сан Марко и кафе «Флориан». О кафе, которому сегодня без малого триста лет,

хочется добавить несколько слов. Мы всегда жили в пяти-семи минутах хода от Сан Марко, в гостинице у театра «Ла Фениче» и по вечерам заглядывали во «Флориан» не только из-за музыкального квартета, где, действительно, играют замечательные музыканты. Нынешний вид «Флориан» приобрёл в середине 19 века, когда семья Флориан продала известное кафе. Заведение было настолько популярным, что новые владельцы, перестроив его до неузнаваемости, вынуждены были оставить герб первого владельца, на котором обозначено — Флориан. Забыл сказать, что со дня основания его могли посещать мужчины и женщины, до «Флориана» женщины в подобные заведения не допускались. Кафе кроме столиков на открытом воздухе имеет внутри ещё три зала. Мне особенно нравится зал Великих людей, его оформлял художник Джулио Карлини, он написал портреты десяти прославленных венецианцев: Карло Гольдони, Марко Поло, Тициана, архитектора Палладио, композитора Марчелло, ученого Паоло Сарпи и адмирала Пизани.

Нравится мне и Китайский зал, очень популярный сегодня у китайцев, заполонивших все туристические маршруты мира. Пишу эти строки в Испании, только что вернулись с Ириной из маленького очаровательного городка Михас, где есть на что посмотреть, мы стараемся посетить его каждый раз, бывая в Андалузии. Сегодня настроение испортили гости из Поднебесной, нигде не протолкнуться, все кафе, рестораны заполнены ими под завязку. Учтите «китайский фактор», отправляясь в Венецию. Наверное, надо отметить, что во «Флориане» бывали Гёте, Байрон, Пруст, Модильяни, Дягилев, Стравинский, Герберт фон Караян, Леонард Бернстайн. Есть у «Флориана» и третий зал — зал Времени года.

Конечно, большинству туристов знакома лишь надводная часть «Флориана», цены здесь, действительно, кусаются, но и сервис хорош, кофе в серебряных кофейниках и чашках из лиможского фарфора с гербами 18 века уже редко где подают. На улице чашка кофе, когда мы там бывали, стоила 10 евро, сейчас, наверное, стоит дороже. Но... только цена сохранила для нас «Флориан» в нынешнем состоянии, иначе бы он давно стал забегаловкой — за то и платим.

*апрель 2016 г.
Испания, Марбелья*

И как только её татары пьют...?

*Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.*

Н. Некрасов.

Рассказ

Родина... — это там, где тебе перерезали пуповину, где раздался твой первый крик, объявивший миру, что ты пришёл, где могилы близких тебе людей.

Восточные люди, тюркские народы крайне щепетильны к отчим могилам, особенно силён этот культ у казахов. Я уже не раз писал — спроси любого казаха, даже самого непутевого, пьющего: кто были его предки, кто он сам — без запинки перечислит свой род минимум до седьмого колена. А большинство из нас дальше дедушки и бабушки и не шагнёт, да и то, если они росли у них на коленях.

Я родился и вырос в Казахстане, я все это видел, помню, радуюсь тому, как чтят в моих родных краях ушедших в мир иной. Не могу увязать эту традицию только с религией, с неожиданной свободой вероисповедания, это — внутренняя духовная культура казахов, присущая им ментальность, она живет веками, она вне времени и обстоятельств.

Каждый раз, приезжая в Мартук, даже не садясь за стол, я посещаю кладбище, где покоится моя старшая сестра Сания, ушедшая от нас в 24 года, затем ушел отчим, потом мать и недавно — любимый средний брат. Рядом лежат двоюродные

сестры, родная тетя Зейнаб-апай, есть и зарезервированные места.

Рядышком с сестрой лежит Фатима. О ней будет это запоздалое воспоминание. Фатима даже после смерти оказалась среди нашей семьи. Могилы благоустроены, ухожены, раньше за ними следили братья, а теперь мои племянники. Сельские могилы вызывают особую грусть, печаль, здесь как нигде много захоронений без присмотра — дети после школы всегда разъезжались по всему свету и редко кто возвращался, даже на побывку, в родные края. А старшее поколение уходит. В Мартуке уже нет Валиевых, Сиражетдиновых, Шариповых, Музафаровых, Искандеровых, Губайдулиных, Хайрулиных, Кадыровых, Арслановых, Ахметовых, Гайфулиных, Хамидулиных... Я говорю о тех, с кем учился в школе, кто жил в нашем квартале. Мы, старожилы, все друг о друге знали — знали кто с кем состоит в родстве, знали бабушек и дедушек своих друзей, этих крепко выкосила война. Лет десять назад умер Сеиткали-агай с соседней улицы, это был последний из мартучан, кто знал моего отца Мирсаида. Он нашёл меня, когда у меня стали выходить книги. Сегодня в Мартуке даже помнящих мою маму мало осталось, а она, слава Аллаху, прожила долго, до 86 лет. Обрываются связи с новыми поколениями...

Фатиму я впервые увидел в 1951 году, когда мы только переехали в новый дом, казавшийся нам огромным, несмотря на большую семью. Наверное, это и не удивительно после землянки с вросшими в палисадник окнами. Спасибо сталинскому беспроцентному кредиту на 25 лет! Наверное, наш дом на Татарке оказался первым новостроем после войны. Затем за нами, подавшими пример осторожным селянам, стал отстраиваться весь Мартук на те же, шадящие людей, сталинские кредиты. Жаль, мало кто об этом помнит: как, когда и на какие средства отстроился, похоронел Мартук.

После войны, до самой целины, в Мартуке не было никакой работы, люди выживали только благодаря базару или добывали копейку у поездов. Тогда все пассажирские поезда останавливались у нас и стояли почти полчаса, пока паровозы не почищают топки и не заправятся водой, а пассажиры не наберут в медные чайники крутого кипятка для чая в кубовой на перроне. Об этом уже вряд ли кто помнит, тем более — напишет.

Ещё дольше стояли поезда из-за однопутной колеи (царь просто не успел проложить вторую нитку), когда навстречу спешил литерный поезд со срочным грузом, он проходил нашу станцию напролёт. В таких случаях пассажирский мог просто-таки и целый час. Вот радости-то было мартучанам, выходявшим к поездам с картошкой толчённой, пирожками с капустой, молоком, яйцами, кумысом, домашней выпечкой.

Однажды, после школы, когда мы с сестрой вычищали волос из козьего пуха, из которого мама вязала пуховые платки с узорной каймой на продажу, она вернулась со станции с юной девушкой, державшей в руках небольшой, сшитый вручную, баульчик. Обращаясь к нам, мама объявила — её зовут Фатима, она приехала в Мартук из-под Казани, у них в деревне дела похуже, чем у нас, у неё здесь никого нет, и она временно поживет у нас.

Квартирантка оказалась миловидной шатенкой с голубыми глазами, хорошо говорила по-русски. Ловкая, шустрая, аккуратная — она понравилась всем и даже нашему соседу деду Козлову. Ему посвящён мой рассказ «Такая долгая зима». Дед настойчиво зазывал Фатиму к себе на постой. Дом у Козловых был просторный, у неё там могла появиться даже отдельная комната, сосед имел большое хозяйство, а бабка Августина была уже стара и не поспевала за всем. Думаю, он имел свою корысть, видя какая девушка работающая и мастерица на все руки. Но Фатима никуда не хотела уходить — она чувствовала себя родной в нашем доме.

Мама хорошо знала директора местной чайной однорукого фронтовика Бесчастного, она и уговорила его взять на работу Фатиму официанткой и уборщицей в одном лице. Но не прошло и трёх недель, как Фатима неожиданно стала буфетчицей, стоило ей на два дня подменить заболевшую коллегу. В тот счастливый для Фатимы день завезли из города две бочки пива, и она до закрытия сумела продать все, даже сама починила старый, одышливый насос. А прежняя буфетчица, фасонистая Елизавета, в таких случаях всегда звала на помощь живущего неподалёку немца Мартина Тиссена и постоянно жаловалась Бесчастному, как ей трудно совладать с мартукскими мужиками, ошалевшими от возможности попить свежего, бочкового пива. Пиво в ту пору в Мартук попадало редко.

А как работала Фатима — споро, с шутками-прибаутками — Бесчастный видел сам, специально остался после работы, чтобы помочь новенькой в случае чего. Ловкая, веселая Фатима не только разливала пиво, но и успевала наливать водочки по сто пятьдесят, не забывая нахваливать беляши, которые подавали прямо со сковороды на прилавок. В этот день она собрала рекордную выручку за всю историю чайной. А за план, даже с чайной, тогда спрашивали гораздо строже, чем нынче правительство с Центробанка за падение рубля. Елизавета имела и до прихода Фатимы выговоры: за мелкий обсчёт, однажды за недолив и два раза за опоздание, и Бесчастный, не раздумывая, перевёл её на место Фатимы. Но та, от гордыни уволилась и уехала в город, вроде у неё там был жених. Так Фатима надолго осталась в чайной.

Прожила Фатима у нас не долго, чуть больше трёх месяцев, мы к ней быстро привыкли, а потом она неожиданно вышла замуж за фронтовика, русского парня Беляева. Я уже писал, что некоторым фронтовикам, вернувшимся с войны, было 23-24 года. В 1947 году у нас в землянке отчим отмечал День Победы с друзьями-фронтовиками. В застолье выяснилось, что Алексею Тумбаеву, ярчайшей фигуре Мартука в 50-х годах — щеголю, спортсмену, донжуану — исполнилось всего... 25, а ведь он прошёл войну «от и до», у него вся грудь была в орденах! Тумбаев был близким приятелем отчима с довоенных лет.

Да не забудутся ваши могилы и пусть вечно живёт память о вас!

А нынче прокуратура города Краснотурьинска на Урале называет 26-летних оболтусов, осквернивших памятник воинам-афганцам плясками на нем под американский «гарлем-шейк», пошалившими подростками. Кто из них более виноват — власть или негодяи, к сожалению, не выяснилось. Все, как всегда, тихо спустили на тормозах. А на мой взгляд, одних надо было гнать с ответственной работы, а других — отдать под суд.

Мальцом я часто подрабатывал в чайной у Бесчастного: колол после уроков для самовара горы щепы из пустых ящиков, в базарный день ведрами чистил картошку, следил за самоваром. Каждый раз Фатима угощала меня беляшами и

чаем в подстаканнике, который я видел только в зарубежных фильмах. Повзрослев, я никогда не заходил в чайную, хотя мне нравилось там — чисто, уютно, да и готовили там замечательно. Я никогда не объяснял друзьям, почему не хожу в чайную — я не мог на глазах Фатимы выпить спиртного, это бы её огорчило. Наверное, уехав из дома в 15 лет, я и забыл бы Фатиму навсегда, если бы однажды не увидел поставленный свежий скромный памятник с её фотографией под стеклом рядом с захоронением моей сестры. Вот тогда я рассказал своим повзрослевшим братьям, что Фатима некогда несколько месяцев жила у нас и даже держала их, малолеток, на руках. Эта новость их очень удивила.

Как-то давно, в одной мужской компании в Мартуке, когда вспомнили о чайной, которую, оказывается, многие помнили и любили, зашла речь и о буфетчице Фатиме, без мензурки, капля в каплю, наливавшей хоть сто, хоть сто пятьдесят граммов и никогда не «химичившей» ни с водкой, ни с коньяком, как часто случалось в «Тихой гавани» у почты, а особенно в буфете вокзального ресторана. И тут один из мужиков, весело глядя на меня, говорит — однажды Фатима отмочила хохму, которая лет 15-20 легендой ходила не только по Мартуку и Актюбинску, но даже кто-то из мартукских слышал её и в Оренбурге, там ведь много татар живёт.

В середине 60-х, я уже в это время несколько лет жил в Ташкенте, в чайную, заметно потерявшую популярность, зашли два мужика из Вознесенки, сельские чиновники, приехавшие в райком на совещание. Пришли они в чайную уже «поддатые» и решили закрепить выпитое, заказали два по сто пятьдесят — стандарт тех лет. Чайная пустовала, только постаревший Бесчастный просматривал у себя в кабинете какие-то счета. Налив без мензурки по сто пятьдесят, Фатима подвинула стаканы клиентам.

Но просто выпить им, видимо, не хотелось, решили покуражиться, повыпендриваться — чиновники и тогда не отличались скромностью. Один из них спросил Фатиму — а здесь точно по сто пятьдесят? Фатима молча поставила перед ними мензурку и опорожнила в неё один стакан, и подала в руки — мерный стакан показывал ровно сто пятьдесят, тут же включился второй — а у меня? Буфетчица молча повторила — результат тот

же. Но они не отошли от стойки, завелись пуще прежнего, не хотели признавать своё поражение.

И вдруг один из них, знавший, что она татарка, ехидно сказал расхожую в те времена фразу: «И как только её татары пьют?». Фатима, острая на язык, из последних сил сдерживала себя, но когда второй с издевкой переспросил её ещё раз — и как её только татары пьют? — она ответила: а вот так! И весело, одним махом, опрокинула в себя один стакан за другим. Ошалевшие мужики и слова вымолвить не успели, как Фатима и закусилась их беляшом.

Опомнившись, гуляки потребовали снова налить им водки — Фатима ни в какую. Начался шум, потом они рванули с жалобой к Бесчастному, тот, слышавший разговор, встал на сторону буфетчицы. Протрезвевшие вмиг клиенты с партбилетами не дрогнули даже перед орденоносцем Бесчастным, грозились написать жалобу куда следует. Тогда Бесчастный пошёл на хитрость, изображая служаку, ответил: «Завтра я посоветуюсь в райкоме, кто из нас прав — если вы правы, Фатима нальёт вам по сто пятьдесят. А сейчас идите, мы закрываемся».

Буяны от слова «райком» притихли и не солоно хлебавши, но увидев, как пьют водку татары, удалились.

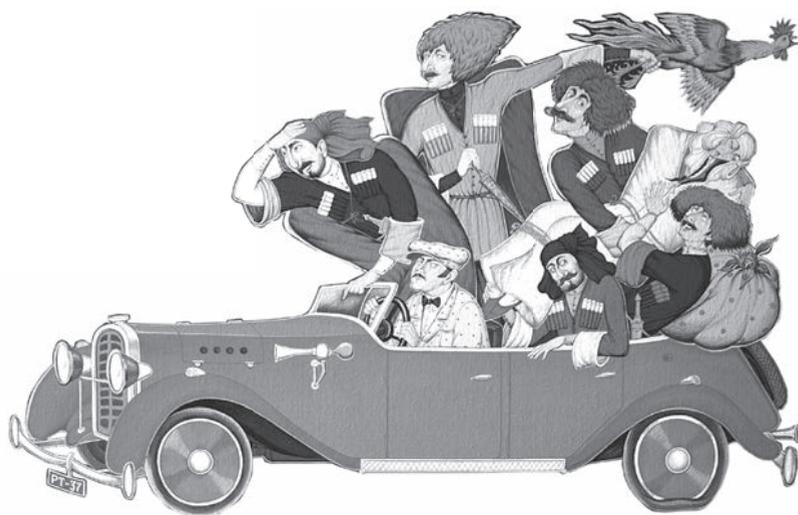
Нет давно Бесчастного, Фатимы, да и прежней чайной с самоваром, а легенда жива, даже шагнула в XXI век. Верно сказал поэт — есть женщины, которые и коня на скаку остановят, и в горящую избу войдут...

*апрель 2016 г.
Испания, Марбелья*

Содержание

Творческая биография.....	7
Библиографическая справка.....	10
За всё — наличными.....	14
Налево пойдешь — коня потеряешь.....	538
Велосипедист.....	662
Интервью для столичной газеты.....	704
Путь в три версты.....	764
Станция моего детства.....	800
Одноклассник.....	822
Друзья моей юности.....	838
Далеких лет далекие обиды.....	853
Ананасы в шампанском.....	866
Венеция и цветы из Ниццы.....	879
И как только её татары пьют...?.....	889

Выражаю огромную благодарность и признательность
всем спонсорам и руководству Татарстана за издание
этого собрания сочинений, где подведены итоги моей
пятидесятилетней творческой жизни в литературе

Рауль Мир-Хайдаров
писатель
заслуженный деятель искусств
лауреат многих литературных премий
Почетный гражданин Казахстана

Литературно-художественное издание
Собрание сочинений в десяти томах
Том четвертый
За всё — наличными
Серия «Черная знать»

Мир-Хайдаров Рауль Мирсаидович

Редактор
В.В. Молчанова

Художественное оформление
Р.М. Шарафутдинов

Техническое редактирование и компьютерная верстка
Р.М. Шарафутдинов

Корректоры
Р.М. Мир-Хайдаров, И.В. Варламова, В.В. Молчанова

Мемуары оформлены картинками из личной коллекции
Рауля Мир-Хайдарова

В оформлении книги использованы картины
Сергея Широкова, Бабура Мухамедова, Азата, Шерали,
Бахтияра, Бабанияза

Подписано в печать . Формат 70x100^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура Мусл. Печать офсетная.
П. л. . Усл. печ. л. . Тираж . экз. Заказ .

Отпечатано в типографии
420066, Казань, ул. Декабристов, 2
Филиал АО «Татмедиа» Полиграфическо-издательский комплекс
«Идел-Пресс»